

Елена Петровна БЛАВАТСКАЯ

РАЗОБЛАЧЕННАЯ ИЗНАНА

КАРЬЕРА ТАИНЦА АРХИВОВ
И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ТЕОСОФИЯ

КНИГА I

НАУКА

«Разоблаченная Изида» – занимает центральное место в творчестве Елены Петровны Блаватской. Эту книгу по праву можно назвать энциклопедией оккультных наук. Среди затронутых в ней тем Восточная Каббала и утерянные магические искусства, влияние звезд и планет на человеческие судьбы и загадки пустыни Гоби, материализация Духов и жизнь после смерти.

Елена БЛАВАТСКАЯ

РАЗОБЛАЧЁННАЯ ИЗИДА
Том I
НАУКА

Теософическому обществу,
которое было основано в Нью-Йорке в 1875 г. для изучения того, о
чём эти тома трактуют.

Vol. I. SCIENCE

Isis Unveiled

*A MASTER-KEY TO THE MYSTERIES OF ANCIENT AND MODERN SCIENCE AND
THEOLOGY*

BY H. P. BLAVATSKY,

CORRESPONDING SECRETARY OF THE THEOSOPHICAL SOCIETY

Разоблаченная Изида

Е. П. БЛАВАТСКОЙ

КЛЮЧ К ТАЙНАМ ДРЕВНЕЙ И

СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ТЕОСОФИИ

«Cecy est un livre de bonne Foy»

Montaigne^[1]

Книга, которая теперь выносится на суд публики, является плодом довольно близкого знакомства с восточными адептами и изучения их науки. Она предлагается тем, кто готов воспринять истину, где бы он ни встретил ее, и защищать ее, даже прямо глядя в лицо общераспространенным предрассудкам. Это попытка помочь исследователям разглядеть жизненные принципы, лежащие в основе философских систем старины.

Книга написана со всей искренностью. Она хочет воздать должное и говорить правду, без злобы и без предвзятости. Но она не оказывает ни снисхождения сидящему на троне заблуждению, ни уважения самозваному авторитету. Она требует уважения оклеветанному прошлому за его достижения – уважения, которое так долго ему не воздавалось. Она требует возврата чужих одеяний владельцам и восстановления оклеветанных, но славных репутаций. Ни к какой форме поклонения, ни к какому религиозному верованию, ни к какой научной гипотезе ее критика в другом духе направлена не будет. Люди и партии, секты и школы только мотыльки-однодневки мирового дня. ИСТИНА, высоко восседающая на своей алмазной скале, одна только властвует вечно.

Мы не верим ни в какую магию, которая превзошла бы кругозор и способности человеческого ума, ни в «чудо», божественное или дьявольское, если оно подразумевает нарушение законов природы, вечно существующих. Тем не менее, мы принимаем, как правильное, высказывание талантливого автора «Festus», что человеческое сердце еще не выразило себя полностью и что мы никогда еще не постигли и даже не понимали степени его сил. Разве это слишком много – верить, что человеку следовало бы развивать новые чувствования и более тесную связь с природой? Логика эволюции должна научить этому, если доводить ее до ее законных заключений. Если где-то во время восхождения от растения или до благороднейшего человека зародилась душа, одаренная разумностью, то не будет неразумным сделать вывод и поверить, что в человеке растет способность, дающая ему возможность разбираться в фактах и в истинах превосходящих наш нынешний кругозор. Все же мы без колебаний принимаем утверждение Бифе, что «сущность всегда одна и та же». Отбиваем ли мы мрамор снаружи, двигаясь во внутрь глыбы, скрывающей будущую статую, или же накладываем камень на камень, двигаясь изнутри наружу, пока храм не завершен, – наш **новый** результат есть только *старая идея*. Самая последняя из всех вечностей найдет свою суженную другую половину души в самой ранней.

Когда, много лет тому назад, мы первый раз путешествовали по Востоку, исследуя тайники его покинутых святилищ, два приводящих в трепет и постоянно возвращающихся вопроса угнетали наш ум: **кто и что есть Бог?** Кто видел когда-нибудь **бессмертный дух человека** и убедился таким образом в собственном бессмертии?

И когда мы были наиболее озабочены разрешением этих смущающих вопросов, – мы пришли в соприкосновение с некими людьми, обладающими таинственными силами и такими глубокими познаниями, что мы можем, поистине, назвать их мудрецами Востока. Мы чутко прислушивались к их наставлениям. Они доказали нам, что путем комбинирования науки с религией существование Бога и бессмертие человеческого духа могут быть доказаны так же, как теоремы Евклида. В первый раз мы убедились, что в философии Востока нет места ни для какой

другой веры, кроме абсолютной и непоколебимой веры во всемогущество бессмертного собственного «Я» человека. Нас учили, что это всемогущество происходит от родства человеческого духа со Вселенскою Душою – Богом! Последний никогда не может быть продемонстрирован иначе, как только посредством первого. Человеческий дух доказывает существование божественного духа так же, как одна капля воды доказывает существование источника, откуда она пришла. Скажите кому-нибудь, кто никогда не видел воды, что существует океан воды, и ему придется принять это на веру, или же совсем отрицать. Но пусть одна капля упадет ему на руку, и тогда он будет в состоянии сделать из этого факта все остальные выводы. И после этого он может постепенно прийти до понимания, что существует беспредельный неизмеримый океан. Ему более не будет нужна слепая вера; он заменит ее знанием. Когда видишь смертного человека, проявляющего огромные способности, управляющего силами природы и открывающего взорам вид на мир духов, то рассудительный ум потрясен убеждением, что если духовное Эго одного человека может совершить так много, то способности **Духа-Отца** соответственно должны быть настолько мощней и обширней, насколько океан мощнее и обширнее одной капли. *Ex nihilo nihil fit*,^[2] докажете существование души у человека посредством ее чудодейственных сил – и вы докажете существование Бога!

В нашей учебе нам показали, что тайны не есть тайны. Имена и места, которые для западного ума имели значение только восточных сказок, были нам показаны, как реальности. С благословением мы вступили в духе в храм Изида, чтобы отодвинуть завесу «того, кто есть, был и будет» в Саисе; чтобы заглянуть через разодранную завесу в святая святых Иерусалима и даже задавать вопросы в подземной часовне, которая когда-то существовала под священным зданием – таинственная Бат-Кол. *Филиа Воцис* – дочь божественного гласа – отвечала с седалища милосердия за завесой,^[3] и наука, теология и все человеческие гипотезы, родившиеся от несовершенного знания, навсегда потеряли в наших глазах свой авторитетный характер. Единственный живой Бог говорил через своего оракула – человека, и мы были удовлетворены. Такое знание бесценно; и отказано в нем было только тем, кто проглядел его, высмеивали его и отрицали его существование.

От таких ожидаем критики, осуждения и, возможно, враждебности, хотя эти препятствия на нашем пути возникнут ни от обоснованности наших доказательств, ни подлинных фактов истории, ни от недостатка здравого рассуждения у публики, к которой мы обращаемся. Течение современной мысли явно направлено в сторону либерализма как в религии, так и в науке. Каждый день приближает реакционеров к той точке, где им придется сдать свой деспотический авторитет над общественным сознанием, которым они так долго пользовались. Когда папа римский может прийти до таких крайностей, как бросать осуждающие анафемы на головы тех, кто поддерживает свободу прессы и слова, или настаивают, что в конфликтах между гражданским и церковным законом предпочтение должно отдаваться первому, или что любой метод обучения, чисто светского характера, должен санкционироваться;^[4] и когда мистер Тиндаль, как рупор науки девятнадцатого века, говорит:

«Непоколебимая позиция науки может быть выражена в нескольких словах: мы требуем и мы вырвем у теологии всю область космологической теории»,^[5] —

то не трудно предугадать, чем это кончится.

Века подчинения еще не совсем свернули жизненную кровь людей в кристаллы вокруг ядра слепой веры; и девятнадцатый век является свидетелем борьбы гиганта, когда он стряхивает с себя карликовые путы и встает на ноги. Даже протестантская община Англии и Америки сейчас занята пересмотром текста своих *оракулов* и будет вынуждена обнажить источники и

достоинства самого текста. День властвования догм над людьми докатился до своих сумерек.

Наше произведение поэтому является доводом в пользу признания герметической философии, древней вселенской религии мудрости, являющейся единственным ключом к Абсолютному в науке и в теологии. Чтобы показать, что мы совсем не скрываем от себя серьезность нашего предприятия, мы можем заранее сказать, что не будет ничего удивительного, если нижеперечисленные классы ополчатся на нас:

Христиане, которые увидят, что мы ставим под сомнение свидетельства подлинности их веры.

Ученые, которые увидят, что их претензии на непогрешимость помещены в ту же связку, что и претензии римско-католической церкви, и по некоторым отдельным подробностям мудрецы и философы древнего мира классифицированы выше, чем они.

Псевдоученые, разумеется, будут нападать на нас яростно.

Широкомыслящие церковники и свободомыслящие обнаружат, что мы не принимаем того, что они принимают, но требуем признания всей истины.

Приверженцы догмы и различные *авторитеты*, которые прячут свои истинные верования из-за уважения к общепринятым предрассудкам.

Наемники и паразиты прессы, которые prostituteуют ее более чем королевскую власть и обещивают благородную профессию, найдут, что им легко насмехаться над вещами, которые слишком чудесны, чтобы они их могли понять, ибо им плата за абзац дороже, чем цена искренности. От многих может поступить честная критика, а от многих – нет. Но мы смотрим в будущее.

Происходящая теперь борьба между партией общественного сознания и партией реакции уже придала более здоровый тон мышлению. Навряд ли она может окончиться иначе, как окончательной победой Истины над заблуждением. Мы опять повторяем – мы трудимся для более светлого завтра.

И все же, когда мы учитываем то ожесточеннейшее сопротивление, на которое мы идем, кто же тогда имеет больше права, нежели мы, выходя на арену, начертать на нашем щите приветствие римских гладиаторов Цезарю:

MORITURUS TE SALUTBT!^[6]

Нью-Йорк, сентябрь 1877 г.

Джон – На стены вынести развернутые стяги!

Король Генрих VI, акт IV.

«Моя жизнь была посвящена изучению человека, его судеб и его счастья»

Дж. Р. Бьюканан, «Конспекты лекций по антропологии».

Нам говорят, что уже прошло девятнадцать веков с тех пор, как ночь язычества была впервые рассеяна божественным светом христианства; и два с половиною века прошло с тех пор, как светлая лампа современной науки начала сиять во мраке невежества веков. От нас требуют, чтобы мы поверили, что в течение указанных эпох началось истинное продвижение нравственного и интеллектуального развития нашей расы. Древние философы, мол, были достаточно хороши для своих, соответствующих им поколений, но они безграмотны по сравнению с нашими современными мужами науки. Этика язычества, может быть, и отвечала требованиям некультурного народа древности, но только до тех пор, пока появление сияющей «Вифлеемской звезды» не указало ясного пути к нравственному совершенствованию и спасению. В старину животность была правилом, добродетель и духовность – исключением. Теперь даже самый тупой может прочесть волю Бога в слове Его откровения; у людей теперь достаточно побуждений стать добрыми, и они все время становятся лучше.

Так полагают: но каковы факты? С одной стороны лишенное духовности, догматическое, очень часто – развращенное духовенство; уйма сект и три воюющие между собою великие религии; разногласия вместо единения, догматы без доказательств, любящие сенсацию проповедники, ищущие богатства и удовольствий прихожане, лицемерие и ханжество, порожденные тираническими крайностями в требованиях приличия, респектабельности, господствующих взглядов – искренность и действительность благочестия становятся исключениями. С другой стороны, научные гипотезы, построенные на песке; нет ни одного вопроса, по которому достигнуто согласие; ярые ссоры и зависть; общее течение в материализм. Схватка насмерть между наукой и теологией за непогрешимость – «вековой конфликт».

В Риме, в самозваном оплоте христианства, мнимый наследник кресла Петра подрывает общественный порядок посредством своей невидимой, но вездесущей сети преданных ханжеских агентов, науськивая их революционировать Европу ради его временного, а также духовного верховодства. Мы видим его, называющего себя «Викарием Христа», как он братается с антихристианским мусульманством против другой христианской нации, публично призывая Божье благословение на оружие тех, кто огнем и мечом препятствовали претензиям его Христа на божественность. В Берлине, в одном из великих оплотов учености, профессора современных *точных* наук, повернувшись спинами к восхваленным результатам просвещения после Галилеевской эры, потушили свечу великого флорентийца, пытаясь доказать, что вся гелиоцентрическая система и даже само вращение земли ничто другое, как обманчивые мечтания заблудившихся ученых; Ньютон же – духовидец, и все астрономы прошлого и настоящего только ловкие манипуляторы числами, старавшиеся доказать неподдающиеся проверке проблемы.^[7]

Между этими двумя столкнувшимися титанами – наукой и теологией – находится обалдевшая публика, быстро теряющая веру в бессмертие человека и в какое-либо божество,

быстро спускающаяся до уровня чисто животного существования. Такова картина часа, освещенного сияющим полуденным солнцем христианской и научной эры!

Будет ли строго справедливо осудить на побитие камнями критики самого смиренного и скромного из авторов за то, что он *целиком отвергнет авторитет и того и другого из этих сражающихся*? Не обязаны ли мы принять за истину афоризм нашего века, провозглашенный Горацием Грили:

«Я не признаю безоговорочно взглядов ни одного человека, ни живого ни мертвого».[2]^[8]

Таков, во всяком случае, будет наш девиз, и мы хотим руководствоваться этим принципом на протяжении всего этого труда.

Среди многих необычных ростков нашего века странное вероучение так называемых спиритуалистов возникло среди разваливающихся остатков религий самозванного откровения и материалистических философий; и пока что оно одно предоставляет последнее прибежище компромиссу между двумя. Что этот неожиданный дух дохристианских времен был встречен нашим трезвым и позитивным веком не очень гостеприимно, — этому нечего удивляться. Времена странно изменились. И совсем недавно хорошо известный бруклинский проповедник очень кстати указал в своей проповеди, что если бы Иисус мог снова появиться на земле и вел бы себя на улицах Нью-Йорка так, как вел себя на улицах Иерусалима, он бы очутился в заключении в тюрьме.^[9] Какого же рода встречу мог тогда ожидать спиритуализм? Правда, этот вещий чужеземец на первый взгляд не выглядит ни привлекательным, ни многообещающим. Уродливый и неприглядный, подобно ребенку от семи нянек, он выходит из своего раннего детства хромой и искалеченный. Его врагам имя легион; друзей и защитников у него горсточка. Но что из этого? Когда же истину принимали сразу *a priori*?^[10] То, что приверженцы спиритуализма в своем фанатизме преувеличивали его качества и остались слепыми к его несовершенствам, — это не дает основания, чтобы сомневаться в его реальности. Подделка невозможна, когда нечего подделывать. Сам фанатизм спиритуалистов является доказательством подлинности и возможности их феноменов. Они дают нам факты, которые мы можем исследовать, а не утверждения, которым мы должны верить без доказательств. Миллионы разумных мужчин и женщин не могут легко поддаться коллективным галлюцинациям. Итак, пока духовенство, придерживаясь своих собственных толкований Библии, и наука, считающаяся только со своим самодельным *Кодексом* возможного в природе, — отказываются даже выслушивать спиритуалистов, — *истинная наука и истинная религия* молчат и с серьезным вниманием ожидают дальнейшего.

Весь вопрос о феноменах покоится на правильном понимании старых философий. Куда же мы должны обратиться в своем недоумении, как не к древним мудрецам, если под предлогом суеверия современная наука отказывает нам в объяснении? Давайте спросим их, что они знают об истинной науке и религии; не будем касаться подробностей, но во всей широте понимания этих истин-близнецов, таких сильных в единении и таких слабых, когда разрознены. Кроме того, нам может быть выгодно сравнение этой хваленой современной науки с древним невежеством, усовершенствованной современной теологии с «Тайной доктриной» древней универсальной религии. Может быть, таким образом мы откроем нейтральную почву, откуда мы сможем извлекать пользу из обоих.

Только философия Платона, будучи тонко разработанным компендиумом^[11] трудно понимаемых систем старой Индии, может предоставить нам эту нейтральную почву. Хотя прошло двадцать два века с четвертью со смерти Платона,^[12] — великие умы мира все еще заняты

изучением его писаний. Он был в самом полном смысле этого слова мировым истолкователем. И этот величайший философ дохристианской эры верно отражал в своих сочинениях духовность ведийских философов, живших тысячи лет до его самого, – верно отражал их метафизические выражения. Можно обнаружить, как Вьяса, Джаймини, Капила, Врихаспати, Сумати и многие другие, несмотря на разделяющие века, оставили свою неизгладимую печать на трудах Платона и его школы. Таким образом, обеспечен вывод, что Платону и древним мудрецам Индии одинаково была открыта одна и та же мудрость. И если эта мудрость могла пережить такой удар времени, – то какою же эта мудрость может быть, как не божественной и вечной?

Платон учил, что справедливость существует в душе ее обладателя и составляет его величайшее благо.

«Люди, пропорционально своему разуму, признали ее (справедливости) трансцендентальные требования»

Все же комментаторы почти единодушно уклоняются от каждого абзаца, свидетельствующего, что его метафизика обоснована на прочном фундаменте, а не на идеальных концепциях.

Но Платон не мог принять философию, лишенную духовных устремлений; у него эти два всегда составляли одно. Ибо для старого греческого мудреца существовала только одна единая цель – **реальное знание**. Он считал, что только тот является настоящим философом или изучающим истину, кто обладает знанием о *реально-существующем*, в противоположность тому, что прибывает и убывает, что развивается и уничтожается попеременно.

«За всеми конечными существованиями и второстепенными причинами, всеми законами, идеями и принципами существует РАЗУМ или УМ [νοῦς, nous. дух], первый принцип из всех принципов, Верховная Идея, на которой основаны все другие идеи; Монарх и Законодатель вселенной; единая субстанция, от которой все вещи получили свое начало и сущность, первопричина всего порядка и гармонии, красоты, превосходства и добродетели, проникающих всю вселенную – кого называют ради возвышения Верховным Добром, Богом (τ Ὀετ) „Богом над всем“, (τ ἐπὶ πασι Ὀετ)» [3, xi, с. 377].

Он не есть ни разум, ни истина, но «отец их». Хотя эта вечная сущность вещей не воспринимается нашими физическими чувствами, она постижима для умов тех, кто не является упрямым глупцом.

«Вам», – говорил Иисус своим избранным ученикам, – «дано познать тайны Царствия Небесного, но им [πολλοί] не дано, ... поэтому Я говорю им притчами [аллегориями]; ибо они глядя не видят, слушая не слышат и не понимают». [Матфей, XIII, 11, 13.]

Порфирий неоплатонической школы свидетельствует, что философия Платона преподавалась и иллюстрировалась в **мистериях**. Многие в этом сомневались и отвергали это; и Лобек в своем «Аглаофомус» дошел даже до такой крайности, что изобразил священные оргии, как нечто немногим большее, чем пустое представление, чтобы увлечь воображение. И это, несмотря на то, что Афины и Греция в течение более чем двадцати веков посещали через каждые пять лет элевзинские мистерии, чтобы смотреть торжественное религиозное действо. Августин, папа-епископ Хиппона, дал разъяснение этим утверждениям. Он заявляет, что

доктрины александрийских платонистов были оригинальные эзотерические доктрины. Он заявляет, что доктрины александрийских платонистов были подлинными эзотерическими доктринами первых последователей Платона и описывает Плотина, как воскресшего Платона. Он также приводит мотивы великого философа, заставившие его завуалировать внутренний смысл того, чему он учил.^[13]

Что касается *мифов*, Платон заявляет в «Горгии» и «Федоне», что мифы суть сосуды-носители великих истин, весьма достойных, чтобы их искали. Но комментаторы так мало были *en rapport*^[14] с великим философом, что были вынуждены сознаться, что они не знают, «где кончается доктрина и начинается миф». Платон обратил в бегство популярные суеверия по отношению к магии и демонам и преувеличенные теории того времени развил в разумные теории и метафизические концепции. Может быть, они не вполне соответствовали бы индуктивному методу рассуждения, установленному Аристотелем; тем не менее они в высшей степени удовлетворяют тех, кто постигает существование высшей способностью внутреннего зрения, интуицией, дающей критерий при утверждении истины.

Базируя все свои доктрины на присутствии Верховного Разума, Платон учил, что *ноус*, дух; или разумная душа человека, будучи «порожденной божественным Отцом», обладает естеством родственным или даже однородным с божеством и способна лицезреть вечные реальности. Эта способность созерцать действительность прямо и непосредственно принадлежит только Богу; устремление к этому знанию составляет то, что действительно подразумевается под словом *философия* – любовь к мудрости. Любовь к истине есть прирожденная любовь к добру; и доминируя над всеми другими желаниями души, очищая ее и приобщая ее к божественному и направляя каждое действие индивидуума, она поднимает человека до участия и общения с божественным и восстанавливает в нем подобие Божие.

«Этот полет, – говорит Платон в „Теэтете“, – состоит из становления подобным Богу, и усвоение этого выражается в том что человек становится справедливым и святым мудростью».

Основой этого усвоения всегда утверждается предсуществование духа или *ноус*. В аллегории колесницы и крылатых коней, данной в «Федре», он изображает психическую природу, как сложную и двойственную; *тумос* или *эпитумическая* часть, образованная из субстанций феноменального мира, и *Θυμοειδής*, *тумоидес*, сущность которого связана с миром вечным. Нынешняя земная жизнь есть падение и наказание. Душа обитает «в гробу, который мы называем *телом*», и в ее воплощенном состоянии до прохождения дисциплины образования поэтический или духовный элемент находится в «спящем состоянии». Жизнь таким образом скорее является сном, чем действительностью. Подобно пленникам в подземной пещере, описанным в «Республике», наши спины повернуты к свету, и мы воспринимаем только тени предметов и думаем, что это реальности. Не есть ли это идея *Майи* или иллюзии чувств в физической жизни, которая является характерной чертой в буддийской философии? Но эти тени, если мы не абсолютно отделились во власть чувственной натуры, пробуждают в нас смутные воспоминания о том высшем мире, в котором мы когда-то обитали.

«Заклученный дух имеет некоторые неясные и затемненные воспоминания о своем состоянии блаженства до начала цикла рождения, а также некоторое томление по возврату туда».

Задачей дисциплины философии является освобождение духа от пут чувств и поднятие ее в царство чистой мысли, к видению вечной истины, добра и красоты.

«Душа, – говорит Платон в „Теэтете“, – не может воплотиться в форму человека, если она никогда не видела истины. Это воспоминания о том, что наша душа видела прежде, когда витала

вместе с божеством, презирая те вещи, о которых мы теперь говорим, что они *существуют*, и взирала на то, что действительно **реально существует**. Вот причина, почему *ноус* или дух философа (или изучающего высшую истину) окрыляется, ибо он всеми силами старается держать эти вещи в уме, созерцание которых возвышает даже само божество. Правильно используя воспоминания о прежней жизни, постоянным самоусовершенствованием в совершенных мистериях человек становится истинно совершенным – посвященным в божественную мудрость».

Отсюда нам становится понятно, почему самые возвышенные сцены в мистериях всегда совершались ночью. Жизнь внутреннего духа есть смерть наружного естества, и ночь физического мира обозначает день духовного мира. Дионисий – ночное солнце, поэтому почитается больше, чем Гелиос, дневное светило. В мистериях символизировались условия предсуществования духа и души, падение последней в земную жизнь и Гадес, тяготы этой жизни, очищение души и ее возвращение к божественному блаженству и воссоединение с духом. Теон из Смирны удачно приравнивает философическую дисциплину к мистическим обрядам:

«Философия, – говорит он, – может быть названа посвящением в истинные сокровенные тайны и в настоящие мистерии. Имеются пять частей посвящения: I – предварительное очищение, II – допущение к участию в сокровенных обрядах, III – эоптическое откровение, IV – облачение или возведение на трон, V – последняя, возникающая из всех предыдущих – дружба и внутреннее общение с Богом и радостное пользование теми благами, которые возникают от близкого общения с божественными существами. Платон обозначает названием *эоптейя* или персональным лицезрением совершенное созерцание вещей, которые смутно, интуитивно предощущались, а также абсолютных истин и идей. Он также считает повязывание головы и коронование аналогами той власти, которую посвящаемый принимает от своих наставников – власти повести других к тому же созерцанию. Пятая степень – это наивысшее счастье отсюда возникающее, согласно Платону, состоит в присоединении к божественности, ассимиляции ее настолько, насколько позволяет человеческая природа» [4, с. 47].

Таков платонизм.

«От Платона исходит все, – говорит Ральф Уолдо Эмерсон, – о чем пишут и спорят мыслители».

Он вобрал в себя всю ученость своего времени – греческую от Философа до Сократа, затем пифагорийскую в Италии, а затем всю, какую мог добыть из Египта и Востока. Он был настолько широкомыслящ, что вся философия Европы и Азии вошла в его доктрины. И вдобавок к культуре и мыслительным способностям он еще обладал душою и талантом поэта.

Последователи Платона, в общем, строго придерживались его психологических теорий. Однако, некоторые, подобно Ксенократу, отважились на более смелые спекуляции Спевсипп, племянник и наследник великого философа был автором «Анализа чисел», трактата о пифагорийских числах. Некоторые из его спекуляций не вошли в написанные «Диалоги»; но он был слушателем ненаписанных лекций Платона, и Энфилд прав, утверждая, что он не отклонился от своего учителя. Хотя его не называют по имени, по-видимому, он был тем противником, которого критиковал Аристотель, когда выступал по поводу цитаты в аргументе Платона против доктрины Пифагора, что все вещи сами по себе являются числами или, вернее, не отделимы от идеи чисел. Он особенно старался доказать, что платоническая доктрина об идеях существенно отличалась от пифагорийской доктрины, что в ней предполагается, что числа

и величины существуют отдельно от вещей. Он также утверждал, что Платон учит, что не может быть *реального* познания, если предмет этого познания не вынесен за пределы трезвого мышления.

Но Аристотель не был заслуживающим доверия свидетелем. Он искажал Платона и почти шаржировал доктрины Пифагора. Существует канон толкования, которым мы должны руководствоваться в наших исследованиях всех философских мнений:

«Человеческий ум, под действием его собственных законов, всегда был вынужден питать те же самые основные идеи, и человеческое сердце – лелеять те же самые чувства во всех веках».

Несомненно, Пифагор вызвал к себе глубочайшие интеллектуальные симпатии своего века, и его доктрины оказали мощное воздействие на ум Платона. Его кардинальной идеей было, что существует постоянный принцип единства, скрытый под формами, изменениями и другими феноменами вселенной. Аристотель уверял, что он учил, что «числа являются первыми принципами всех сущностей». Риттер выразил мнение, что эта формула Пифагора должна пониматься символически, что, бесспорно, правильно. Аристотель продолжает ассоциировать эти *числа* с «формами» и «идеями» Платона. Он даже заявляет, что Платон сказал: «формы суть числа» и что «идеи существуют, как нечто вещественное, они реальные существа». Все же Платон учил не так. Он заявил, что конечная цель – Высшее Благо – то *ἀγαθόν*.

«Идеи суть объекты понимания для человеческого рассудка и они атрибуты божественного разума» [5, i, ix].

Также он никогда не говорил «формы суть числа». Что он действительно сказал, находим в «Тимее»:

«Бог создавал по мере возникновения сущего, по формам и числам».

Современной наукой признано, что все высшие законы природы принимают форму количественного выражения. Это, пожалуй, более полная разработка и более исчерпывающее подтверждение пифагоровой доктрины. Числа рассматривались, как лучшие представители законов гармонии, которые существуют в космосе. Мы также знаем, что в химии учение об атомах и их комбинациях базируется на числах. Как выразился в связи с этим Арчер Батлер:

«Мир по всем своим отделам представляет живую арифметику в своем поступательном развитии и реализованную геометрию в своем покое».

Ключом к пифагорейским догмам служит общая формула единства во множественности, единое, переходящее во множество и напитывающее множество. Это древняя доктрина об эманировании, выраженная в нескольких словах. Даже апостол Павел принял ее, как истину. «*Ἐξ αὐτοῦ, καὶ δι' αὐτοῦ, καὶ εἰς αὐτὸν τὰ πάντα*» – Все из него и через него и в нем содержится. Это, как вы сейчас увидите, чисто индийское и брахманическое:

«Когда растворение – пралайя – достигло своего конца, Великая Сущность – Пара-Атма или Пара-Пуруша – Господь, существующий от себя, от которого и через которого все стало быть и будет решил эманировать из своей собственной субстанции различных тварей» [6, i, шл. 6, 7].

Мистическая декада $1+2+3+4=10$ является выражением этой идеи. Один – это Бог, Два – материя, Три – комбинация Монады и Дуады (единицы и двойки), несущие в себе природу обоих, есть феноменальный мир; Тетрада или форма совершенствования, выражает пустоту всего, а Декада или сумма всех включает в себя весь космос. Вселенная есть комбинация тысяч элементов, и все же она – выражение единого духа – хаос для чувств и космос для разума.

Вся эта комбинация чисел, выражающих идею творения, – индийская. Бытие, существующее само по себе Свайямбху или Свайямбхава, как его некоторые называют, едино. Оно эмануирует из себя *творящую мощь* Брахму или Пурушу (божественное мужское начало) и единое становится *Двумя*; из этой Дуады, союза чисто интеллектуального принципа с принципом материи, происходит третий – вирадж, феноменальный мир. Из этой невидимой и непостижимой троицы, брахманической Тримурти, происходит вторая триада, которая представляет три силы: творящую, сохраняющую и преобразующую. Они олицетворяются Брахмой, Вишну и Шивой, но они опять-таки слиты в единое. *Объединенный*, Брахма, или как его называют в Ведах, Триденди, есть трояко проявленный Бог, от которого произошло символическое Аум или сокращенное Тримурти. И только под этой троицей, всегда действенной и осязаемой для всех наших чувств, невидимый и незнаемый Монас может проявляться в мире смертных. Когда он становится *Шарира*, или тем, кто принимает видимую форму, он олицетворяет все принципы материи, все зародыши жизни, он Пуруша, бог трехликий или тройственная сила, сущность ведической триады.

«Пусть брахманы знают священный Слог (Аум), три слова из Савитри, и пусть каждый день читает Веды» [7, iv, шл. 125].

«После создания вселенной Тот, чья власть непостижима, исчез опять, будучи поглощен Высочайшей Душой... Удалившись в первоначальный мрак, Великая Душа остается внутри непознаваемого и лишена всякой формы...»

«Когда, опять соединившись с тончайшими элементарными принципами, он войдет в растительное или животное семя, он в каждом примет новую форму».

«И таким образом, попеременно пробуждаясь и покаясь, Неизменное Бытие вечно заставляет оживать и умирать все существующие твари, как активные, так и инертные» [7, i, шл. 50 и далее].

Кто изучал Пифагора и его размышления о Монаде, которая после того как эманировала Дуаду, погружается в молчание и мрак и таким образом создает Триаду, – тому понятно, откуда пришла философия великого мудреца из Самоссы, и вслед за ним – Сократа и Платона.

Кажется, Спевсипп учил, что психическая или туметическая душа так же бессмертна, как духовная или разумная душа; далее мы познакомим с его доводами. Он также, подобно Филолаю и Аристотелю, в своих изысканиях по поводу души – делает из эфира элемент; таким образом получилось пять начальных элементов, которые соответствовали пяти регулярным фигурам геометрии. Это также стало доктриной александрийской школы.^[15] В самом деле, в этой доктрине было много от филолетиянства, что не появилось в трудах более поздних платонистов, но, несомненно, преподавалось по сути самим философом, но по обычной его осторожности не было изложено письменно, так как было слишком сокровенно для опубликования. Спевсипп и Ксенократ после него, подобно их великому учителю, верили, что *AnimaMundi*, или мировая душа, не была божеством, но проявлением. Эти философы никогда не думали об Едином как о

живой природе [38, 141]. Изначальный Единый не существовал в таком смысле, как мы понимаем этот термин. До тех пор, пока он не соединился со многими – эманированными существованиями (монадой и дуадой) – ни одно существо создано не было. *Тіціов*, почитаемое – нечто проявленное, обитает в центре как и в окружности, но это только отражение божества – мировая душа [9, i, 862]. В этой доктрине мы находим дух эзотерического буддизма.

Человеческая идея о Боге есть то изображение ослепляющего света, которое он видит в кривом зеркале своей души, и все это, по правде не есть Бог, а только его отражение. Его блеск и слава там, но то, что человек видит, есть только свет его собственного духа, и это все, на что он способен глядеть. *Чем яснее зеркало, тем светлее будет божественное изображение.* Но внешний мир в одно и то же время не может наблюдаться в нем. В экстатическом йоге, в озаренном провидце дух будет сиять, как полуденное солнце; в испорченной жертве земных влечений это сияние исчезает, потому что зеркало затемнено пятнами материи. Такие люди отрицают своего Бога и готовы одним ударом лишиться человечество души.

Нет **Бога**? Нет **души**? Страшная разрушительная мысль! Сводящий с ума кошмар безумного атеиста, представляющий его горячечному взору вроде уродливой непрерывной процессии искр космической материи, *никем не созданной*, самопоявляющейся, самосущей и саморазвивающейся, и это *Я не Я*, ибо оно *никто* и *ничто*, и оно плывет *ниоткуда*, и нет Причины, двигающей его, ибо нет никакой Первопричины, и все стремительно несется *никуда*. И все это происходит в круге Вечности, слепой, инертной и **беспричинной**. Что же тогда, по сравнению с этим, представляет буддийская нирвана даже в том неправильном представлении, как ее некоторые понимают? Нирване предшествуют бесчисленные трансформации духа и метемпсихозы, в течение которых существо ни на секунду не теряет чувства своей собственной индивидуальности, и что может длиться миллионы веков, пока не будет постигнуто конечное **ничто**.

Хотя некоторые ставят Спевсиппа ниже Аристотеля, тем не менее мир в долгу перед ним за определение и изложение многого, что Платон оставил затемненным в своей доктрине о Чувственном и Идеальном. Его максим был:

«Нематериальное познается посредством научной мысли, материал познается научным восприятием» [10, vii, 145].

Ксенократ изложил многие из незаписанных теорий и учений своего учителя. Он также высоко оценивал пифагорейскую доктрину и его систему чисел и математику. Признавая только три степени познания – *Мысль*, *Восприятие* и *Озаренность* (или *Интуитивное познание*) – он заставлял первое заниматься всем тем, что находится за небесами; Восприятию он отводил то, что в небесах; Интуиции – сами небеса.

Мы опять находим эти теории и почти в тех же словах в «Манавадхармашастре», где говорится о создании человека:

«Он (Высочайший) извлек из своей собственной сущности бессмертное дыхание, *которое не погибает в существе*, и этой душе существа он дал Аханкара (самосознание), верховного водителя. Затем он дал душе этого существа (человека) разум, образованный *из трех качеств* и пять органов внешних восприятий».

Этими тремя качествами являются Разум, Сознание и Воля. Они соответствуют Мысли, Восприятию и Озаренности Ксенократа. Связь чисел с Идеями была разработана им дальше, чем у Спевсиппа, и он превзошел Платона в своем определении доктрины о Невидимых Величинах.

Сокращая их до их идеальных первичных элементов, он продемонстрировал, что каждая фигура и форма произошли из тончайшей неделимой линии. Что Ксенократ верил в те же теории, что и Платон, касающиеся человеческой души (считающейся ими числом), это очевидно, хотя Аристотель противоречит этому, как и всем другим учениям этого философа [11, 407, 3]. Это служит окончательным доказательством, что многие из учений Платона передавались устно, даже если бы стали доказывать, что не Платон, а Ксенократ был первым, кто создал теорию неделимых (бесконечно малых) величин. Он производит душу из первой Дуады и называет ее самопроизвольно движущимся числом.^[16] Теофраст замечает, что он занимался и разработал теорию души более, чем какой-либо другой платонист. Он построил на ней космологическую доктрину и доказал необходимость существования во всех частях вселенского пространства последовательных постепенно возрастающих серий живых и думающих, хотя и духовных, существ [9, 1, 62]. Он изображает человеческую душу, как сложное составное из наиболее духовных свойств монады и дуады, обладающей высшими принципами обоих. Если, подобно Платону и Продику, он упоминает об Элементах как о божественных силах, и называет их богами, то ни он сам, ни другие не связывали с этим названием никаких антропоморфических идей. Криски указывает, что он называл их богами лишь для того, чтобы эти элементарные силы не смешивались в человеческих представлениях с демонами невидимого мира [12, 322 и далее] (элементарными духами). Так как «мировая душа» насыщает весь космос, то даже животные должны иметь в себе нечто божественное [13, v, 590]. Это также является доктриной буддистов и герметистов, а Ману наделяет живой душой даже растения и малейшую травинку.

Демоны, по этой теории, являются промежуточными существами между божественным совершенством и человеческой греховностью [14, гл. 25, с. 360], и он делит их на классы, причем каждый класс делится еще на многие подклассы. Но он точно и ясно говорит, что индивидуальная или личная душа есть ведущий ангел-хранитель каждого человека, и что никакой демон не имеет над нами больше власти, чем наш собственный. Таким образом *Демонион* Сократа есть бог или божественное существо, которое вдохновляло его всю его жизнь. Зависит от человека, раскроет он или закроет свои восприятия навстречу божественному голосу. Подобно Спевсиппу он приписывал бессмертие ψυχή, психическому телу, или неразумной душе. Но некоторые герметические философы учили, что душа обладает отдельным продолжающимся существованием только до тех пор при ее переходах через сферы, пока в ней существуют какие-либо материальные или земные частицы; и когда она полностью очищена, то она уничтожается, и только квинтэссенция этой души сливается со своим божественным духом (*Разумной душой*) после чего двое трансформируются в одно.

Зеллер повествует, что Ксенократ запрещал есть животную пищу не потому, что приписывал животным какое-то сродство с человеком, как он приписывал им сознание о Боге, но по прямо противоположной причине —

«чтобы, неразумность животной души не приобрела какого-либо влияния на нас» [16].

Но мы полагаем, что, скорее всего, он говорил так потому, что подобно Пифагору, имел своими учителями и образцами поведения индийских мудрецов. Цицерон описывает Ксенократа, что последний презирал все, за исключением высших добродетелей [17, v, 18, 51; С, 559].

«Освободиться от подчиненности чувственному существованию, победить *титанические* элементы в нашей земной природе с помощью божественной природы —

вот наша задача».

Зеллер приписывает ему слова [16]:

«Чистота, даже в тайных мечтаниях сердца, – наша величайшая обязанность и только философия и посвящения в мистерии помогают достижению этой цели».

Крантор, другой философ, связанный с первыми днями Академии Платона, мыслил человеческую душу как созданную из первичной субстанции всех вещей, Монады или *Единого* и Дуады или *Двуединого* Плутарх подробно говорит об этом философе, который подобно своему учителю верил, что души, распределенные по земным телам, несут наказание и находятся в изгнании.

Гераклит, хотя некоторые критики не верят, что он строго придерживался первоначальной философии Платона [15], учил той же самой этике. Зеллер представляет его нам, как учителя, который, подобно Гицетасу и Экфанту, преподавал пифагорейскую доктрину суточного вращения земли и неподвижности некоторых звезд, но он добавляет, что Гераклит не знал о годовом вращении земли вокруг солнца и о гелиоцентрической системе [16]. Но у нас имеются достоверные доказательства, что гелиоцентрическая система преподавалась в мистериях, и что Сократ умер по обвинению в *атеизме*, т. е. разглашении священных тайн. Гераклит полностью принял пифагорейские и платонические взгляды о человеческой душе и ее способностях. Он описывает ее, как светящуюся весьма эфирную сущность. Он подтверждает, что души обитают на «млечном пути», прежде чем спуститься в «зарождение» или подлунное существование. Его демоны или духи обладают воздушными или парообразными телами.

В «Эпиномисе» полностью изложена доктрина пифагорейских чисел и их соотношение с сотворенным. Как истинный платонист, его автор утверждает, что мудрость может быть достигнута только тщательным изучением оккультной природы творения, одно это только дает нам уверенность о блаженном существовании после смерти. В этом трактате много размышлений по поводу бессмертия, но автор этих размышлений добавляет, что мы можем достичь этого знания только через полное постижение значения чисел, ибо человек, неспособный отличить прямую линию от кривой, никогда не будет иметь достаточно мудрости, чтобы дойти до математической демонстрации *незримого*, т. е. мы должны убедиться в объективном существовании нашей души (астрального тела), прежде чем мы узнаем, что мы обладаем божественным и бессмертным духом. Ямвлих говорит то же самое, добавляя, кроме того, что это является тайной высшего посвящения. Божественная сила, говорит он, всегда негодует на тех, «кто делает очевидным состав *icostagonus*», а именно, кто передает способ вписания в сферу додекаэдра.^[17]

Идея, что «числа», обладающие величайшей добродетелью, всегда производят добро и никогда не производят зла, имеет в виду справедливость, уравновешенный темперамент и все, что гармонично. Когда автор о каждой звезде говорит, как об индивидуальной душе, он только подразумевает то, что индийские посвященные и герметисты учили до него и после него, а именно что каждая звезда является самостоятельной планетой, которая, подобно нашей земле, имеет свою собственную душу, причем каждый атом материи насыщен божественным приливом мировой души. Она дышит и живет, она чувствует, и страдает и радуется жизни по-своему. Какой естествоиспытатель в состоянии оспаривать это с достаточно убедительными доказательствами? Поэтому мы должны рассматривать небесные тела, как образы богов, разделяющих силы своих субстанций, и хотя они не бессмертны в своем душевном существе, их роль во вселенской экономии заслуживает божественного почитания, такого, какое мы воздаем

меньшим богам. Идея сказанного ясна, и, действительно, нужно быть злонамеренным, чтобы ее неправильно истолковывать. Если автор «Эпиномиса» помещает этих огненных богов выше, чем животных, растения и даже человечество, которым всем, как порождениям земли, он отводит более низкое место, – кто может доказать, что он вовсе неправ? Тому, кто захотел бы понять различные воплощения концепций древних философов, которые, в конечном счете, обоснованы на идентичных понятиях о естестве Первопричины, ее атрибутах и методах, – тому следует погрузиться в самые глубины абстрактной метафизики старых философов.

Опять-таки, когда автор «Эпиномиса» помещает между высочайшим и низшими богами (воплощенными душами) три класса демонов и населяет вселенную невидимыми существами, – он более рационален, чем наши современные ученые, которые между этими двумя крайностями оставляют зияющий пробел, арену слепых сил. Из этих трех классов первые два невидимые; их тела – чистый эфир и огонь (*планетные духи*); демоны третьего класса обладают парообразными телами; они, обычно, невидимы, но иногда уплотняются и становятся видимыми на несколько секунд. Это земные духи или астральные души.

Вот это те доктрины, которые, при изучении их посредством аналогий по принципу соответствий, вели древних и могут теперь повести современных филалетийцев шаг за шагом к раскрытию величайших тайн. На краю мрачной бездны, отделяющей духовный мир от физического мира, стоит современная наука с закрытыми глазами и отвернувшейся в сторону головой, провозглашая при этом бездну непроходимой и бездонной, хотя она держит в своей руке факел, и стоит ей только опустить этот факел ниже, как она увидит свою ошибку. Но терпеливый исследователь герметической философии через эту бездну построил мост.

В своих «Фрагментах науки» Тиндаль делает следующее грустное признание:

«Если вы меня спросите, разрешила ли наука или разрешит в нынешнее время проблему вселенной, – я должен с сомнением покачать головой».

Если впоследствии он вносит поправку и уверяет свою аудиторию, что экспериментальные данные помогли ему открыть в этом позором покрытом деле «обещание и потенциальную мощь по всем граням жизни», то он только шутит. Профессору Тиндалю было бы так же трудно достать доказательства для своих утверждений, как Иову подцепить на крючок левиафана.

Чтобы избежать путаницы, которая легко может возникнуть при частом употреблении некоторых терминов в другом смысле, чем их употребляет читатель, будет своевременным дать несколько объяснений. Мы не хотим дать повода ни для недоразумения, ни для лжетолкования. Магия для одного класса читателей может иметь одно значение, для другого класса – другое. Мы придадим ей значение, какое она имеет в умах изучающих ее на Востоке и лиц ею занимающихся. То же самое со словами *герметическая наука*, *окультизм*, *иерофант*, *адент*, *колдун* и т. д.; в последнее время мало было согласия о их значении. Хотя различия между терминами часто были весьма незначительными – только этнические – все же массовому читателю будет полезно узнать в точности, что это такое. Мы дадим некоторые из них в алфавитном порядке.

АЛХИМИКИ – От *Ал* и *Кеми*, огня, или бога и патриарха *Кхам*, это также название Египта. Розенкрейцеры средних веков, а именно Робертус ди Флактибус (Роберт Флад), Парацельс, Томас Воган (Евгений Филалет), Ван Гельмонт и другие – все были алхимиками, которые искали *скрытый дух* во всей неорганической материи. Некоторые люди, вернее, большинство людей обвиняли алхимиков в шарлатанстве и обмане. Конечно, таких людей, как Роджер Бэкон. Агриппа, Генри Кунрат и араб Джебер (первый, кто ознакомил Европу с некоторыми законами химии) – едва ли можно называть обманщиками, а менее всего – глупцами. Ученые, которые

строят физику на базисе атомической теории Демокрита, как об этом снова заявляет Джон Далтон, забывают, что Демокрит и Абдера были алхимики, и если их умы были способны так глубоко проникнуть в тайны природы в одном направлении, то тут, должно быть, имелись веские причины, чтобы они стали философами герметизма. Олаус Борричия говорит, что колыбель алхимии нужно искать в очень отдаленных временах.

АСТРАЛЬНЫЙ СВЕТ – то же самое, что и *звездный свет* Парацельса и других герметических философов. Физически – это эфир современной науки. Метафизически и в своем духовном или оккультном значении эфир есть нечто гораздо большее, чем думают. В оккультной физике и в алхимии хорошо продемонстрировано, что он включает в своих безбрежных волнах не только «*перспективу* и *мощь* всех качеств жизни» Тиндаля, но также *реализацию* всех качеств *мощи* духа. Алхимики и герметисты верят, что их астральный и звездный эфир, кроме вышеупомянутых свойств серы, белой и красной магнезии или *магнес*, есть *AnimaMundi*, цех природы и всего космоса, как духовного, так и физического. «Великий магистериум» проявляется в феномене месмеризма, в «левитации» человека или инертных предметов; по его духовному аспекту его можно назвать эфиром.

Обозначение *астрал* древнее и употреблялось некоторыми неоплатониками. Порфирий описывает это тонкое тело, которое всегда соединено с душой, как «бессмертное, светящееся и звездоподобное». Корень этого слова, может быть, находится в скифском *айст-аэр*, что означает звезду, или в ассирийской *Иштар*, что, согласимся с Бэнауфом, вызывает те же самые ассоциации. Так как розенкрейцеры рассматривали действительное как прямое противоположение кажущемуся, и учили, что то, что *материи* кажется светом, есть тьма для духа, то они искали последнего в астральном океане невидимого огня, который окружает мир; и они претендуют на то, что они проследили невидимый божественный дух, который осеняет каждого человека и ошибочно называется *душой*, до самого трона невидимого и непознаваемого Бога. Так как великая первопричина всегда должна оставаться невидимой и непостижимой, они могут подтвердить свои утверждения только демонстрацией её следствий в этом мире материи, вызывая их из непознаваемого в познаваемую вселенную следствий. Что астральный свет напитывает весь космос, скрываясь в своем латентном состоянии в мельчайших частицах скалы, они демонстрировали посредством искры из кремня и из других камней, чей дух, будучи насильно разбужен, внезапно возникает перед нашим взором искрой, чтобы моментально исчезнуть в область непознаваемого.

Парацельс называл его *звездным светом*, взяв этот термин из латыни. Он рассматривал звездные сонмы (включая и нашу землю), как сгустки астрального света, «которые впали в зарождение и в материю, но чьи магнетические или духовные эманации поддерживают постоянное и никогда не прекращающееся взаимодействие между собою и источником – породителем всего – астральным светом». «Звезды притягивают от нас к себе, а мы от них к себе», – говорит он. Тело – дерево, а жизнь – огонь, который снисходит подобно свету со звезд и с неба. «Магия – это философия алхимии», – говорит он опять.^[18] Все, относящееся к духовному миру, должно прийти к нам через звезды, и если мы с ними в дружбе, мы можем совершать величайшие *магические* деяния.

«Как огонь проходит через железную печь, так звездный свет проходит через человека со всеми своими свойствами; он проникает в него, как дождь проникает в землю, которая вследствие этого дождя приносит плоды. Заметьте, что звезды *окружают* всю землю целиком, как *скорлупа окружает яйцо*; через скорлупу проникает воздух и доходит до центра мира».

Человеческое тело так же, как Земля, планеты и звезды, – подчинено закону двойственности; оно притягивает и отталкивает, ибо оно целиком насыщено двойным магнетизмом, приливом астрального света. В природе все двойственно; магнетизм бывает положительным и отрицательным, активным и пассивным, мужским и женским. Ночь приносит отдых человечеству от дневной деятельности и восстанавливает равновесие как человеческой, так и космической природы. Когда месмеризатор узнает великую тайну поляризации действия и придания своему флюиду двуполой силы, – он станет величайшим магом. Таким образом астральный свет андрогинен, ибо равновесие является результатом двух противоположных сил, постоянно действующих одна на другую. Результатом этого является **жизнь**. Когда эти две силы расширяются и остаются бездейственными так долго, что одна становится равносильной другой и приходят в состояние полного покоя, то это состояние есть **смерть**. Человеческое существо может дунуть горячим или холодным дыханием и может втягивать в себя или холодный или горячий воздух. Каждый ребенок знает, как регулировать температуру своего дыхания; но как защититься от горячего или холодного воздуха, – ни один физиолог определенно еще не узнал. Только астральный свет, главная действующая сила в магии, может раскрыть нам все секреты природы. Астральный свет идентичен с *акашей* индусов. Это слово мы сейчас объясним.

АКАША – Буквально это слово по-санскритски означает *небо*, но в своем мистическом смысле оно означает *невидимое небо* или, как брахманы называют его во время жертвоприношений Сомы (*Гютиштома Агништома*), бог Акаша или бог Небо. Содержание Вед показывает, что индусы пять тысяч лет тому назад приписывали Акаше те же свойства, какие тибетские ламы приписывают ей в настоящее время; что они рассматривали ее, как источник жизни, как резервуар всех энергий, как движущую силу всех изменений в материи. В своем латентном состоянии она в точности совпадает с нашим понятием всемирного эфира; в своем активном состоянии она становится Акашей, всенаправляющим и всемогущим богом. В жертвоприносительных священнослужениях брахманизма она играет роль Садасья или главенствующего над магическими последствиями совершения религиозных обрядов и имела своего собственного назначенного Хотара (или священнослужителя), который назывался ее именем. В Индии так же, как и в других странах в древности, священнослужители являются представителями на земле различных богов, причем каждый называется именем того божества, во имя которого он действует.

Акаша является необходимым агентом каждой Критья (магической церемонии) будь то религиозная или мирская. Брахманическое выражение «расшевелить Брахму» – *Brahma jinuati* – означает расшевелить силу, которая в латентном состоянии лежит в основании каждого такого магического действия, ибо ведические жертвоприношения есть ничто иное, как церемониальная магия. И эта сила есть Акаша или *окультное* электричество, она же алкахест алхимиков в одном значении или универсальный растворитель, то же самое *AnimaMundi*, как астральный свет. В момент жертвоприношения последняя насыщается духом Брахмы и на время становится Брахмою. Отсюда, очевидно, произошел христианский догмат о пресуществлении. В качестве наиболее известных проявлений Акаши один из новейших трудов по оккультной философии, «Искусство магии», впервые дает миру наиболее понятное и интересное объяснение Акаши в ее связи с феноменами, приписываемыми ее влиянию факирами и ламами.

АНТРОПОЛОГИЯ – учение о человеке, охватывающее между прочим:

Физиологию, или ту отрасль естественных наук, которая раскрывает тайны органов и их функции в человеке, в животных, растениях, а в особенности —

Психологию, или ту великую, находящуюся в наши дни в пренебрежении науку о душе, как о сущности, отличающейся от духа, и ее соотношениях с духом и телом В современной науке

психология связана только или принципиально с состоянием нервной системы и почти совершенно игнорирует психическую сущность и натуру. Науку о помешательстве и психических ненормальностях врачи называли *психологией* и дали такое же наименование в медицинских учебных заведениях помещению психически ненормальных.

ГЕРМЕТИСТЫ – От Гермеса, бога мудрости, известного в Египте, Сирии и Финикии под именами: Тот, Тат, Адад, Сет, Са-тан (последний не должен пониматься в том значении, какое ему придается мусульманами и христианами), а в Греции под именем Кадмус. Каббалисты отождествляют его с Адамом *Кадмоном*, первым проявлением божественной силы, и с нохом. Существовали два Гермеса, старший – Трисмегист, а второй – эманация или «перевоплощение» его же; друг и наставник Изиды и Озириса Гермес бог мудрости священнодействующих, подобно Мазеусу.

ДАКТИЛИ (*daktulos*, палец) – Название, даваемое жрецам Кибелы. Некоторые археологи приписывают происхождение этого термина названию δάκτυλος, палец, потому что жрецов Кибелы было столько же, сколько пальцев на руках, но мы не думаем, что такое толкование правильно.

ДЕМОНЫ – Название, присвоенное древними, а в особенности александрийской школой философов, ко всякого рода духам будь они добрыми или злыми, человеческими или другими. Это название часто являлось синонимом богов и ангелов. Но некоторые философы обоснованно пытались провести точные разграничения между этими многочисленными классами.

ДЕМИУРГ – Творец, верховная власть, построившая вселенную. Франкмасоны отсюда вывели свою фразу «верховный архитектор». Правители некоторых греческих городов носили этот титул.

ДЕРВИШИ, или «вертящиеся чародеи», как их называют. Кроме аскетического образа жизни, молитв и созерцания, эти последователи Магомета только немного сходны с индийскими факирами. Последние могут стать санньяси, или странствующими святыми монахами, тогда, как первые не поднимаются выше своих второклассных оккультных феноменов. Дервиши также могут быть сильными гипнотизерами, но они никогда добровольно не подвергнут себя отвратительным и почти невероятным самоистязаниям, которые факир изобретает для себя с какою-то все увеличивающейся жадностью до тех пор, пока его естество не поддастся, и он не умрет в медленной мучительной агонии. Наиболее страшные деяния, а именно: сдирание кожи заживо с конечностей; отсекание пальцев ног, ступней и ног заживо; вырывание глаз, зарывание себя заживо в землю до подбородка и проведение в таком состоянии месяцами, кажется им детской игрой. Одним из самых обычных такого рода мучений является чадди-парвади (*Tshiddy-Parvady* или, точнее, *chārkh rūjā*). Факира подвешивают на один из подвижных рычагов чего-то похожего на виселицы, какие можно увидеть поблизости многих храмов. На конце каждого из этих рычагов прикреплен блок с просунутой через него веревкой, которая оканчивается железным крюком. Железный крюк всаживают в голую спину факира, которого, пока он заливает землю своей кровью, подтягивают на воздух и затем крутят вокруг виселицы. С самого начала этой жестокой операции и до тех пор, пока его не снимут с крюка или пока он сам под тяжестью собственного тела не сорвется с крюка и не полетит на головы окружающей толпы, – на лице факира не дрогнет ни один мускул. Он остается спокойным, серьезным и таким невозмутимым, точно он принимает освежающую ванну. Факир будет смеяться и презирать всякое мучение, какое только можно представить, ибо он убежден, что чем больше будет умерщвлять его внешнее тело, тем сиятельней и священной становится его *внутреннее*, духовное тело. Но дервиши ни в Индии, ни в других магометанских странах никогда не подвергают себя таким воздействиям.

ДРУИДЫ – Каста священнослужителей, процветавшая в Британии и Галлии.

ДУХ – Отсутствие какого-либо соглашения между писателями, как применять это слово, привело к страшной путанице. Обычно его превращают в синоним *души*, и составители словарей узаконивают такое применение. Это естественный результат нашего незнания другого слова и отвержения классификации, принятой древними. В другом месте мы попытаемся разъяснить различие между терминами «дух» и «душа». Это будут самые важные места в настоящем труде. Пока что мы только добавим, что «дух» это *воûс* Платона, бессмертный, нематериальный и чисто божественный принцип в человеке, венец человеческой Триады; тогда как

ДУША есть *ψυχη*, или *нефеш* Библии; жизненный принцип или жизненное дыхание, которое каждое животное, вплоть до инфузории, разделяет с человеком. В переведенной Библии оно фигурирует без различия как *жизнь*, и как *кровь и душа*.

«Не будем убивать его нефеш», – сказано в оригинальном тексте: – «не убьем его», – перевели христиане [*Бытие*, XXXVII, 21], и тому подобное.

ЕССЕИ – от *Аса*, целитель. По словам Плиния – секта иудеев, жившая вблизи Мертвого моря «*per millia saeculorum*» – тысячи лет. Некоторые думают, что это были фарисеи-экстремисты; другие полагают, что может быть и есть правильная теория, что они потомки библейских *Беним набим* и считают их «кенитами» и «назарейянами». У них было много буддийских идей и обычаев. Следует отметить, что священнослужители *Великой Матери* в Эфесе, Диана-Бхавани со многими грудями, тоже назывались этим именем. Евсевий и за ним Де Квинси заявляли, что они то же самое, что и ранние христиане, что более, чем вероятно. Обращение «брат», применявшееся в начальной христианской церкви, было ессенианское; они представляли собою братство или *койнобион*, общину, как первые христиане. Примечательно, что только саддукеи или задокиты, каста священнослужителей и их последователи, преследовали христиан; фарисеи, в общем, были схоластичны и мягки и часто становились на сторону христиан. Яков Справедливый оставался фарисеем до своей смерти; но Павел или *Ахер* считался схизматиком.

ИЕРОФАНТ – Посвятитель в сокровенное учение. Старейший, глава адептов при посвящениях, объясняющий неопиту тайное знание, носил этот титул. В еврейском и халдейском языках понятие иерофант выражалось термином *Петер*, или раскрыватель; следовательно, Папа, как наследник иерофантов древних мистерий, занимает языческий трон «Св. Петра». Враждебность католической церкви по отношению к алхимикам, тайнознанию и астрономическим наукам объясняется тем фактом, что такие знания в древности составляли древнюю прерогативу иерофанта, или представителя Петра, который владел тайной жизни и смерти. Люди, подобные Бруно, Галилею и Кеплеру, поэтому и даже Калиостро, нарушали права церкви и, в соответствии с этим, умерщвлялись.

Все нации имели свои мистерии и иерофантов. Даже иудеи имели своих Петер-Танаим или Раввинов подобно Гилелю, Акиба ^[19] и других знаменитых каббалистов, которые одни только могли приобщить к страшным познаниям, заключавшимся в *Меркаба*. В Индии в древние времена был один иерофант; теперь там несколько иерофантов, разбросанных по всей стране прикрепленных к главным пагодам, их знают, как брахма-атм. В Тибете главным иерофантом является далай– или талей-лама в Лхассе. ^[20] Среди христианских наций только католики сохранили этот «языческий» обычай в лице своего папы, хотя они, к сожалению, очень исказили величие и достоинство этого священного сана.

КАББАЛИСТ, от קַבָּלָה, Каббала; написанная или устная традиция. Каббалист – это изучающий «тайную науку», кто истолковывает сокровенное знание священных писаний с помощью символической *Каббалы* и объясняет действительность этими средствами. Танаимы были первыми каббалистами среди евреев; они появились в Иерусалиме в начале третьего века дохристианской эры. *Книги Иезекииля, Даниила, Еноха и Откровение Св. Иоанна* – чисто

каббалистические книги. Сокровенное учение каббалы идентично с сокровенным учением халдеев и включает в себе в то же самое время много из персидской мудрости или «магии».

ЛАМЫ – Буддийские монахи, принадлежащие к Ламаистской школе буддизма в Тибете, как, например, монахи, принадлежащие к папистской или римско-католической религии. Каждый лама подчинен великому далай-ламе, буддийскому папе в Тибете, который проживает в Лхассе и считается реинкарнацией Будды.

МАГИ или **ВОЛХВЫ** – от *маг* или *маха*. Это слово одного корня со словом магициан. Махатма (Великая Душа или Дух) в Индии имел своих священнослужителей в до-ведические времена. Маги были священнослужителями бога огня; мы находим их среди ассирийских и вавилонских, а также персидских огнепоклонников. Три волхва, также называемых тремя царями, про которых сказано, что они приносили в дар золото, курения и мирру новорожденному Иисусу, так же как и остальные, были огнепоклонниками и астрологами; ибо они усмотрели звезду. Верховный жрец парсов в Сурате называется *мобед*, другие производят это слово от *магх*, *мех-аб*, означающее что-то великое и благородное. Ученики Зороастра, согласно Ключеру, назывались *мегистомы*.

МАГИЦИАН – Этот термин, когда-то служивший титулом прославления и отличия, теперь приобрел совсем искаженное значение, не соответствующее его истинному смыслу. Когда-то это был синоним всего, что уважалось и почиталось, как владелец учености и мудрости; теперь этот синоним снизведен до эпитета фокусника, шарлатана или человека, «который продал свою душу чёрту», который злоупотребляет своим знанием, применяя его для злых и опасных целей, согласно учению духовенства, а суеверные глупцы считают мага колдуном и напускателем чар. Но христиане, видимо, забывают, что Моисей также был магом, а Даниил был «главою тайноведцев [магов], обаятелей, халдеев и гадателей» [*Даниил*, V, 11].

Поэтому слово магициан, говоря научно, является производным от *магх*, *мах*, что на хинди и санскрите означает – великий, т. е. человек, хорошо сведущий в тайном эзотерическом знании, строго говоря, священнодействующий.

МАЗДЕАНЕ – От [Ахура-] Мазда (См. [18, XL]). Это была древнеперсидская знать, которая поклонялась Ормазду, не признавая изображений; от них у иудеев тот же самый ужас иметь конкретное изображение божества.

«Кажется, во времена Геродота они были вытеснены приверженцами религии магов. Парсы и джеберы גִּבְרִים, *геберим*, могучие люди «Книги Бытия» [VI и X, 8] оказываются последователями религии магов. Вследствие забавной путаницы идей Зоро-Астер (Зеро – круг, сын или священнослужитель, *Астер*, Иштар или Аггарта в арийском диалекте – звезда), титул главы магов и огнепоклонников, или Суриа-Иштара, солнцепоклонников, часто смешивается в настоящее время с Заратустрой, знаменитым апостолом маздеанцев» (Зороастр).

МАНТИЦИЗМ, или мантическое исступление. В этом состоянии появлялся дар пророчества. Эти два слова почти синонимы. Одно почиталось так же, как другое. Пифагор и Платон их высоко ценили, и Сократ советовал своим ученикам изучать мантицизм. Отцы церкви, которые так сурово осудили *мантическое исступление* у языческих жрецов и пифий, были не прочь применить его для своих собственных надобностей. Монтанисты, получили свое имя от Монтануса, епископа Фригии, который считался божественно вдохновленным и соперничал с *μάντις* (мантеями) или пророками.

«Тертуллиан, Августин и мученики Картаги были из их числа, – говорит автор книги „Пророчества древние и современные“. – Оргии монтанистов своим диким энтузиазмом походили на *вакханалии*», – добавляет он.

Что касается происхождения слова *мантицизм*, то тут мнения расходятся. Существовал знаменитый Мантис Прозорливец в дни Мелампуса и Проэтуса, короля Аргоса; и существовала

Манто, дочь пророка Феба, сама пророчица. Цицерон описывает пророчествование и мантическое исступление, говоря, что

«во внутренних закоулках ума скрыта способность божественного пророчествования, божественные импульсы, которые, когда они разгораются сильнее, называются исступлением».

Но существует еще одна этимология, которую можно применить к слову *мантис*, и к которой едва ли когда либо привлекалось внимание филолога. Мантисическое исступление может иметь более ранние корни. Две жертвенных чаши мистерии Сомы, которыми пользуются в религиозных обрядах под общим названием *грахас*, по отдельности соответственно называется *сукра* и *Манти* [19, 3, i].

Вот про последнюю манти или мантиху чашу говорят, что в ней следует «расшевелить Брахму». В то время, когда посвященный пьет (хотя и очень экономно) из нее священный сок Сомы, Брахма, или, вернее, его дух, олицетворенный богом Сомы, входит в пьющего человека и *овладевает* им. Отсюда возникновение экстатических видений, ясновидения и дара пророчеств. Оба вида прозрения, – естественное и искусственное, – пробуждаются Сомой. Чаша Сукра пробуждает в человеке то, что природа дает каждому человеку. Она объединяет и дух, и душу, а они сами по своей собственной сущности, которая божественна, обладают предвидением будущих событий, как это доказывают они, неожиданные видения и предчувствия. Содержание другой чаши, *манти*, которое «расшевеливает Брахму», приводит тем душу в общение не только с меньшими богами, – хорошо осведомленными, но не всезнающими духами, – но действительно с самой высочайшей божественной сущностью. Душа получает непосредственное озарение от присутствия своего «бога»; но так как некоторые тайны, хорошо известные в небесах, людям не разрешаются помнить, то посвященная личность обычно подвергается чему-то вроде священного исступления, помешательства, придя в себя от которого, человек помнит лишь то, что ему позволено. Что же касается другого рода провидцев и предсказателей, а именно тех, которые превращают это в профессию и зарабатывают этим на жизнь, то обычно считают, что они одержимы гандхарвой, божеством, которое нигде так мало не уважается, как в Индии.

МАНТРА – Санскритское слово, передающее ту же самую идею, что и «непроизносимое имя». Некоторые мантры, когда их произносят по магической формуле, изложенной в «Атхарваведе», производят моментальный и чудесный эффект. В общепринятом значении мантра есть или просто молитва богам и небесным силам, как учат брахманические книги и в особенности «*Ману*», или же магические чары, заклинание. В своем эзотерическом значении «слово» мантры или мистическая речь называется брахманами *Вах*. Оно пребывает в мантре, что буквально означает те части священных книг, которые считаются как Срути или непосредственное божественное откровение.

МАРАБУТ – Магометанский пилигрим, побывавший в Мекке; святой, после смерти которого его тело помещается в открытую гробницу, построенную на поверхности земли подобно другим зданиям, но посреди улиц и публичных мест населенных городов. Их помещают в единственную маленькую комнату внутри гробницы (и много таких публичных саркофагов из кирпича и извести до нынешнего времени можно увидеть на улицах и площадях Каира), и поклонение прохожих поддерживает всегда горящую лампу у его изголовья. Гробницы некоторых марабутов весьма прославлены вследствие чудес, которые, как утверждают, там совершаются.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ – Слово, применяемое спиритуалистами для обозначения феномена, когда «дух облекается в материальную форму». Недавно в Лондоне мистер Стейнтон-Мозес

предлагал термин, значительно менее вызывающий возражения – «проявление форм» Когда истинная природа этих привидений будет лучше понята, несомненно, будет найдено еще более подходящее название Называть их материализованными духами недопустимо, потому что они не духи, а оживленные портретные статуи.

МЕТЕМПСИХОЗ – Продвижение души из одной стадии существования в другую. Символически и вульгарно воспринят, как новое рождение в телах животных. Это термин, который, вообще, неправильно понят всеми классами европейского и американского общества, включая многих ученых. Аксиома каббалистов:

«Камень становится растением, растение – животным, животное – человеком, человек – духом, а дух – богом», —

получает объяснение в толковании «Ману», «Манавадхармашастра» и в других брахманических книгах.

МИСТЕРИИ – Греческое *телетай*, или заканчивание, что аналогично *телеутейя* или смерть. Это были ритуалы, обычно державшиеся в секрете от профанов и непосвященных. В этих ритуалах посредством драматических представлений и других методов преподавалось происхождение всего, природа человеческого духа, его отношение к телу и методы его очищения и восстановления к более возвышенной жизни. Физика, медицина, законы музыки, гадание преподавались таким же образом. Гиппократова клятва была ничто другое, как обязательство мистика. Гиппократ был священнослужителем из Асклепии; некоторые из его сочинений стали публичным достоянием. Но асклепиды были посвященными эскулапийских змеепоклонников, как ваханки были посвященными Дионисия. Ритуалы обоих происходили в Элевзии. Более полно мы будем трактовать о мистериях в дальнейших главах.

МИСТИКИ – Это посвященные. Но в средние века и в позднейшие периоды этот термин применялся к людям, подобным теософу Бёме, квиетисту Молино, Николаю из Базеля и к другим, которые верили в непосредственное общение внутри себя с Богом, аналогично вдохновению пророков.

НАБИЯ – Ясновидение, прозорливость, предсказательство. Это старейший и наиболее уважаемый из мистических феноменов, именем которого Библия называет пророчество; этот феномен правильно зачислен в духовные силы. Но в то время как чародеи, гадатели и даже астрологи строго осуждаются в *Книгах Моисея*, – пророчествование, прозорливость и набия фигурируют, как особые дары неба. В древности все это называлось *эпоптеей*, что есть греческое слово, означающее ясновидцев, позднее их обозначали как *Небим* – «множественное число от Небо, вавилонского бога мудрости». Каббалисты делают различие между *ясновидящим* и *магом*; один пассивен, другой активен. *Неби-рах* – тот, кто заглядывает в будущее, ясновидящий; *Неби-поэл* – тот, кто обладает *магическими силами*. Мы отмечаем, что Илья и Аполлоний прибегали к одному и тому же средству, чтобы изолироваться от беспокойных влияний внешнего мира, а именно, укутывались с головой шерстяным плащом, как мы полагаем – потому что последний не является проводником электричества.

ОККУЛЬТИСТ – тот, кто изучает различные отрасли оккультной науки. Этот термин применяется французскими каббалистами (см. труды Элифаса Лэви). Оккультизм охватывает весь диапазон психологических, физиологических, космических, физических и духовных феноменов. Производное от слова *оккультный*, т. е. тайный, сокровенный, поэтому, как определение, приложим к исследованиям Каббалы, астрологии, алхимии и ко всем тайнам науки.

ПИТРИ – Обычно думают, что индусский термин *питри* означает духов наших прямых

предков, которые пребывают в развоплощенном состоянии. Отсюда некоторые спиритуалисты сделали аргумент, что факиры и другие восточные чудотворцы являются *медиумами*, что они сами признаются, что они не в состоянии что-либо сделать без помощи *питри*, чьими послушными орудиями они являются. Это более чем в одном значении ошибочно. *Питри* не являются предками людей, живущих в настоящее время, но предками человеческого рода, или адамической расы. Они духи *человеческих рас*, которые на великой лестнице нисходящей эволюции предшествовали нашим расам людей и были физически, а также духовно гораздо выше наших современных пигмеев. В «Манавадхармашастре» они называются *лунными* предками.

ПИФИИ или **ПИФОНЕСЫ** – Словарь Уэбстера отделяется от этого слова очень кратко, сообщая, что так называли тех, кто изрекали предсказания, служили оракулами в Дельфийском храме, а также «любую женщину, в которой предполагается дар предсказательницы – *ведьму*», что ни лестно, ни точно, ни справедливо. Пифия, по авторитетным словам Плутарха, Ямвлиха, Ламприаса и других, была нервным сенситивом; ее выбирали среди беднейших классов, молодую и чистую. Прикрепленная к храму, в пределах которого она имела комнату, удаленную от всех других и в которую кроме священнослужителя или прозорливца никто не допускался, она вела более строгую и аскетическую жизнь, чем католическая монахиня. Она сидела на треножнике из желтой меди над щелью в почве, через которую поднимались опьяняющие испарения; эти подземные испарения, проникая в ее организм, производили пророческую манию. В этом ненормальном состоянии она произносила оракульские изречения. Иногда ее называли *ventriloqua vates*,^[21] чрево вещательная пророчица.

Древние считали, что астральная душа человека, ψυχή, или его самосознание помещается в пупе. Брахманы разделяли это верование вместе с Платоном и другими философами. Также мы находим в четвертом стихе второго гимна Набханедишта следующие слова:

«Внимайте, о, сыновья богов (духи), человеку, который говорит через свой пуп (набха) ибо он приветствует вас в ваших обиталищах!»

Многие из санскритских ученых согласны в том, что это верование является одним из наиболее древних в Индии. Современные факиры так же как и древние гимнософы соединяются со своим Атманом и божеством, становясь недвижимыми в созерцании и в сосредоточении всей своей мысли на своем пупе. Как и в современных сомнамбулистических феноменах, пуп рассматривается как «круг солнца», местопребывание внутреннего божественного света.^[22] Должен ли тот факт, что многие современные сомнамбулы обладают способностью читать письма, слышать, обонять и видеть через эту часть тела, – должен ли этот факт опять рассматриваться, как простое «совпадение», или же мы должны допустить, что древние мудрецы знали чего-то больше о физиологических и психологических тайнах, чем наши современные академики? В современной Персии, когда в случаях покраж и в других трудных случаях обращаются к магу (часто просто месмеризатору) за советом, последний совершает свои манипуляции над пупом своего живота, чем приводит себя в состояние ясновидения. Среди современных парсов, говорит переводчик «Ригведы», до нынешнего времени держится верование, что их адепты имеют пламя в своих пупах, которое освещает им всю темноту и раскрывает духовный мир так же, как все невидимое или на далеких расстояниях. Они называют это лампой *Дештура*, или верховного жреца; также называют это лампой Дикшита (посвященного) и многими другими именами.

ПОСВЯЩЕННЫЕ – В древности это были те, кто были посвящены в тайнознание, преподаваемое иерофантами в мистерии. В наши дни это те, кто посвящены адептами

сокровенного учения в тайнознание, которое, несмотря на то, что прошли века, все еще имеет несколько истинных приверженцев на земле.

САМОФРАКИЙЦЫ – Обозначение храмов богов, которым поклонялись в самофракийских мистериях. Их считают идентичными с кабирами, Диоскурами и Корибантами. У них были мистические имена, означающие Плутона, Церес или Прозерпину, Вакха, Эскулапа и Гермеса.

СОМА – Этот индийский священный напиток соответствует греческой амброзии или нектару, испиваемому богами Олимпа. Мисты при элевзинских посвящениях также залпом осушали чашу кикеона. Пьющий его легко достигает Брахмы или места сияния и блеска (Небес). Известный европейцам напиток сома не *настоящий* сома, а только его заменитель, ибо только посвященный священнослужитель может отведать настоящего сома; и даже короли и раджи при жертвоприношениях получали только заменитель. Хог подтверждает это своим признанием в своей «*Айтарея-брахмана*», что то, что он пробовал и нашел противным, не было сома, а сок из корней Ниаградха, некоего растения или кустарника, растущего на холмах Пуна. Мы имеем достоверную информацию, что большинство жрецов-жертвоприносителей Деккана утратили секрет настоящей сомы. Его нельзя найти ни в ритуальных книгах, ни в устных преданиях. Истинных последователей примитивной ведической религии осталось мало; им приписывается происхождение от *риши*, истинных гнихотрис, посвященных в Великих мистериях. Напиток Сомы фигурирует в индийском пантеоне, так как называется Король-Сомы. Тот, кто пьет его, разделяет власть небесного правителя, ибо наполняется им подобно тому, как христианские апостолы и их обращенные наполнялись Святым Духом и очищались от своих грехов. Сомы делает нового человека из посвященного, он перерождается и преображается, и его духовная природа преодолевает физическую природу; он дает божественную силу вдохновения и чрезвычайно развивает способность ясновидения. По экзотерическим объяснениям сома есть растение и в то же время ангел. Он с большой силой соединяет *внутренний* высший «дух» человека, каковой дух ангелоподобен, как и мистическая сома – с его «неразумной душой» или астральным телом; и так объединенные властью магического напитка они вместе возносятся над физической природой и принимают в течение жизни участие в блаженстве и в невыразимой славе небес.

Таким образом, индийская сома мистически и во всех других отношениях есть то же самое, что для христиан Евхаристия, причастие. Идея подобна. Посредством жертвенных молитв-мантр напиток считается мгновенно претворенным в настоящую сому или в ангела и даже в самого Брахму. Некоторые миссионеры с большим возмущением высказывались по этому поводу, тем более, что брахманы употребляют в качестве заменителя настоящей Сомы какой-то спиртной напиток. Но разве христиане менее горячо будут верить во время причастия в претворение вина в кровь Христову, если в вине спирта будет больше или меньше? Разве идея символа не та же самая? Но миссионеры говорят, что час испития Сомы есть золотой час Сатаны, притаившегося на дне священной чаши индусов.^[23]

СТИХИЙНЫЕ ДУХИ (элементалы) – Сущности, развившиеся в четырех царствах, земли, воздуха, огня и воды, которых каббалисты называют гномами, сильфами, саламандрами и ундинами. Их можно называть силами природы, которые действуют, как рабски преданные слуги общих законов, или же могут быть использованы развоплощенными душами людей – чистыми или нечистыми – а также живыми адептами магии и колдовства, чтобы производить желаемые феномены. Такие существа никогда не становятся людьми.^[24]

Под общим названием эльфы и феи, элементальные духи фигурируют в мифах, сказаниях, преданиях всех народов, древних и современных. Имя им легион – пэры, дэвы, джины, сильваны, сатиры, фавны, эльфы, гномы, тролли, норны, ниссы, кобольды, брауны, ники, стромкарлы,

ундины, русалки, саламандры, гоблины, понки, баньши, келпи, пиксы, моховики, феи, домовые, дикие женщины, говоруны, белые владычицы – и это далеко не все. Их видели, боялись, благословляли, изгоняли и вызывали повсеместно на нашей планете во все века. Неужели мы должны думать, что все, кто с ними встречались, – галлюцинировали?

Эти элементаралы являются главными агентами развоплощенных, но *никогда не видимых* душ, на спиритических сеансах; и они являются производителями всех феноменов, кроме субъективных.

ТЕОСОФЫ – В средних веках это было имя, под которым были известны ученики Парацельса в шестнадцатом веке, так называемые философы огня или *Philosophi per ignem*. Так же как платонисты, они рассматривали душу (ψυχή) и божественный дух, ноус (νοῦς), как частицу великого архос – огня, взятого из вечного океана света.

Теософическое общество, которому автор посвящает этот том в знак сердечной признательности, было основано в Нью-Йорке в 1875 году. Целью его основателей были практические опыты в области оккультных сил природы и сбор, и распространение среди христиан сведений о восточных религиозных философиях. Впоследствии это общество решило распространять среди «бедных, погруженных во мрак» язычников такие доказательства, которые касаются практических результатов христианства, дать, по крайней мере, освещение обеих его сторон среди тех слоев общества, где работают миссионеры. С этой целью оно установило связи с обществами и отдельными лицами, которым оно доставляет подлинные материалы о преступлениях духовенства, проступках, схизмах, ересь, спорах и тяжбах, расхождениях по учению, критике Библии и пересмотрах, которыми полна пресса христианской Европы и Америки. Христианство продолжительное время и с мельчайшими подробностями информировало общество об упадке и скотстве, в которые буддизм, брахманизм и конфуцианство ввергли своих обманутых последователей, и много миллионов денег щедро посыпалось на иностранные миссии вследствие такого ложного осведомления. Теософическое общество, каждый день получающее примеры такого положения вещей, создавшегося вследствие христианского учения и примера, считает, что простая справедливость требует, чтобы такие факты стали известны в Палестине, Индии, Цейлоне, Кашмире, Татарии, Тибете, Китае и Японии – во всех странах, где оно имеет влиятельных корреспондентов. Со временем Теософическое общество сможет многое рассказать о поведении миссионеров тем, кто на них жертвуют.

ТЕУРГ – От Θεός, бог, и от εργον, работа. Первая школа практической теургии в христианском периоде была основана Ямвлихом среди александрийских платоников; но священнослужители, прикрепленные к храмам Египта, Ассирии и Вавилона, и те, кто принимали активное участие в вызывании богов во время священных мистерий, были известны под этим именем с древнейших времен. Целью таких вызываний было сделать духов видимыми для смертного глаза. Теург являлся знатоком эзотерического учения в святилищах всех великих стран. Неоплатоников школы Ямвлиха звали теургами, ибо они совершали «церемониальную магию» и вызывали «духов» умерших героев, «богов» и демонов (δαίμονια, божественных, духовных существ). В тех редких случаях, когда требовалось появление *осязаемых и видимых* духов, – теургу приходилось снабжать вещих призраков частью своего собственного тела и крови – ему приходилось совершать *теопеия* или «сотворение богов» посредством таинственного процесса, хорошо известного современным факирам и посвященным брахманам Индии. Это то, о чем говорится в «Книге вызываний» в пагодах. В них проявляется совершенная идентичность обрядов и ритуалов между старейшей брахманистской теургией и теургией александрийских платоников:

«Брахман Грихаста (вызыватель) должен пребывать в состоянии совершенной чистоты прежде чем отважится вызывать питри».

После того как он приготовил лампу, некоторое количество сандалового дерева, курения и т. д., начертив магические круги, как ему было преподано его высшим гуру, чтобы не допустить *плохих* духов, он «перестает дышать и призывает *огонь* помочь ему рассеять свое тело». Он произносит установленное количество раз священное слово, и «его душа уходит из его тела, а тело его исчезает, и вызванный дух спускается в *двойное* тело и оживляет его». Затем «Его (Грихасты) душа снова входит в его тело, чьи тонкие частицы опять снова собираются вместе после того, как было образовано из их эманаций воздушное тело для того духа, которого он вызвал».

А теперь, когда он образовал для питри тело из самых чистых и существенных частиц своего собственного тела, Грихасту разрешается, после того как церемониальное жертвоприношение закончилось, – «беседовать с душами предков и питри, предлагать им вопросы по тайнам *Бытия* и трансформациям *нерушимого*».

«Затем после того, как он задул свою лампу, он должен зажечь ее снова и отпустить на свободу *плохих* духов, задержанных его магическими кругами и уходить из святилища питри» [22, III].

Школа Ямвлиха отличалась от школы Плотина и Порфирия, так как последние были весьма против церемониальной магии и практической теургии, признавая их опасными, хотя эти два выдающиеся человека непоколебимо верили в обе.

«*Теургия* или *благотворная* магия и гоэтическая или черная и злая некромантия пользовались одинаковым доверием в *первом* веке христианской эры» [23, с. 147].

Но никогда ни один из этих высоко нравственных и благочестивых философов, чья слава дошла до нас незапятнанной ни одним злодеянием, не прибегал ни к какой другой магии, кроме теургической или *благожелательной*, как ее называет Бульвер-Литтон.

«Кто бы ни познакомился с природой *божественных сияющих явлений* (ψαβρατα), тот также знает, почему необходимо воздержаться от всякой животной пищи, а в особенности должен воздержаться тот, кто спешит освободиться от земных забот и пребывать с богами небес», – говорит Порфирий» [27, с. 159].

– Хотя он сам отказывался применять на практике теургию, Порфирий в своей «Жизни Плотина» упоминает египетского жреца, который

«по просьбе некоего друга Плотина (каковым другом, возможно, был сам Порфирий, – *замечание Т. Тэйлора*), продемонстрировал Плотину в храме Изиды в Риме семейного демона или, выражаясь современным языком, *ангела хранителя* этого философа» [27, с. 92].

Преобладающей популярной идеей было, что теург так же, как и маг, совершал чудеса, вызывал души или тени героев и богов, а также совершал другие тавматургические деяния посредством сверхъестественных сил.

ФАКИРЫ – Религиозные фанатики Индии. Обычно они прикреплены к брахманическим

пагодам и следуют законам Ману. Строго религиозный факир будет ходить совершенно голый, за исключением небольшого лоскута полотна вокруг бедер, называемого *дхоти*. Они носят длинные волосы, которые служат им в качестве карманов, так как они суют туда различные вещи, а именно трубку, маленькую флейту, называемую *вагудах*, звуки которой приводят змей в каталептическое оцепенение, иногда – бамбуковую палочку (около фунта длины) с семью мистическими узлами на ней. Эту магическую палочку или, вернее, *жезл*, факир получает от своего гуру в день своего посвящения вместе с тремя *центрами*, которые передаются ему «устаи к уху». Ни одного факира вы не увидите без этого мощного помощника в его призвании. Это, именно, и есть волшебный жезл, как они заявляют, с помощью которого они производят все оккультные феномены.^[25] Брахманический факир совсем отличен от мусульманского мендиканта Индии, которого тоже называют факиром в некоторых местах Британской Индии.

ХАЛДЕЙЦЫ, или **Каздим** – В начале племя, затем каста ученых каббалистов. Они были учеными и магами в Вавилоне, астрологами и предсказателями. Знаменитый Гиллел, предтеча Иисуса в философии и в этике, был халдеем. Франк в своей «Каббале» указывает на близкое сходство «тайной доктрины», находимой в «Авесте», с религиозной метафизикой халдеев.

ШАМАНЫ – Буддийский орден среди татар, особенно в Сибири. Возможно, что они сродни древним *брахманес*, иногда ошибочно путаемых с брахманами. Все они *маги* или, скорее, сенситивы или искусственно развитые медиумы. В настоящее время те, кто фигурируют среди татар, как жрецы, – очень невежественны, куда ниже факиров по знаниям. И мужчины и женщины могут быть шаманами.

ЭВОЛЮЦИЯ – развитие высшего порядка животных из более низкого. Современная или так называемая *точная* наука признает только одностороннюю физическую эволюцию, предусмотрительно избегая и игнорируя высшую или духовную эволюцию, признание которой вынудило бы наших современников признать превосходство древних философов и психологов над ними самими. Мудрецы древности, поднявшись до **непознаваемого**, выбрали в качестве отправной точки первое проявление невидимого, неизбежного, и путем строго логических рассуждений пришли к абсолютно необходимому творящему Существо, к Демиургу вселенной. У них эволюция начинается от чистого духа, который спускаясь все ниже и ниже, принимает, наконец, видимые и постижимые формы и становится материей. Дойдя до этой точки, они размышляют методом Дарвина, но на гораздо более обширной и всесторонней базе.

В «Ригведа Санхите», старейшей книге в мире^[26] (которой даже самые осторожные наши индиологи и санскритологи приписывают древность от двух до трех тысяч лет до рождения Христова), в первой книге «Гимнов марутам» сказано:

«Небытие и Бытие существуют в высочайших небесах на месте рождения Дакша в лоне Адиты» [Манда́ла I, шукта 166].

«В первом веке богов Бытие (постижимое божество) родилось из Небытия (которого никакой разум не может постичь); после этого были рождены Регионы (невидимые), а из них – Уттанапада.

«Из Уттанапад Земля была рождена и Регионы, (те, которые видимы) были рождены из Земли. Дакша был рожден от Адити, и Адити от Дакша» (там же).

Адити есть Бесконечное, и Дакша есть *дакша-питарах*, буквально означающее *отец богов*, что Макс Мюллер и Ротх истолковали как *отцы силы*, «сохраняющие, обладающие, награждающие способностями» Поэтому легко понять, что «Дакша рожден от Адити и Адити от Дакша» означает то, что современники понимают под «корреляцией сил», тем более, что мы

находим в этом параграфе (в переводе проф. Мюллера):

«Я помещаю Агни, источника всех существ, отца силы (III, 27, 2),

ясная и идентичная идея, которая преобладает в учениях зороастрийцев, магов и средневековых огнепоклонников. Агни есть бог огня, духовного эфира, сама субстанция божественной сущности невидимого Бога, присутствующем в каждом атоме Его творения, называемого розенкрейцерами «небесным огнем». Если мы только тщательно сравним стихии из этой мандалы, одна из которых гласит:

«Небо ваш отец, Земля ваша Мать, Сомы ваш брат, Адити ваша сестра» [I, 191, 6],^[27]

с надписью на «Изумрудной скрижали» Гермеса, и мы найдем тот же самый субстрат метафизической философии, идентичные учения.

«Как все создано посредничеством одного существа, так все было произведено из этого единого путем приспособления: „Его отец – солнце, его мать – луна“ и т. д. Отделите землю от огня, *тонкое от грубого*... То что я должен был сказать о действии солнца – завершено» (Изумрудная скрижаль)».^[28]

Профессор Макс Мюллер видит в этой мандале «наконец нечто похожее на теогонию, хотя полную противоречий».^[29] Алхимики, каббалисты и изучающие философию мистиков найдут в ней ясно обрисованную систему эволюции в космогонии народа, жившего два десятка тысяч лет до нашей эры. Кроме того, они найдут там полное сходство мыслей и даже самой доктрины с герметической философией и также с философией Платона и Пифагора.

В эволюции, как ее начинают понимать теперь, предполагается присутствие во всей материи импульса, заставляющего стремиться к высшим формам – это предположение ясно выражено Ману и другими индийскими философами глубочайшей древности. Философское дерево иллюстрирует растворение цинка. Спор между последователями этой школы и эманистами вкратце может быть изложен так: эволюционисты прекращают свои исследования у границ «Непознаваемого»; эманисты же полагают, что ничто не может быть развиваемо (или, по значению этого слова, выявлено из чрева или рождено), за исключением того, что изначально было заложено, указывая таким образом, что жизнь имеет своим началом духовную мощь, которая выше всего.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ДУХИ – Строго говоря, это развоплощенные души развращенных; это души в какое-то время уже до наступления физической смерти отделившиеся от своего божественного духа и тем утеревшие свои шансы на бессмертие. Элифас Леви и некоторые другие каббалисты делают мало различия между элементарными духами, бывшими людьми, и теми существами, которые населяют элементы и являются слепыми силами природы. Расставшись со своими телами, эти души (также называемые «астральными телами») совершенно материалистических лиц неотразимо притягиваются к земле, где они ведут временное заключительное существование среди элементов, сродственных их грубым натурам. Вследствие того, что они никогда во время своей земной жизни не культивировали духовности, но подчинили ее материальному и грубому, – они стали негодными для возвышенной деятельности чистых развоплощенных существ, для которых земная атмосфера удушлива и зловонна, и влечения которых уводят их от земли. После более или менее продолжительного

периода времени эти материалистические души начинают разлагаться и, наконец, словно столб тумана, растворяются атом за атомом в окружающие элементы.

ЭТРОБАЦИЯ – греческое слово, означающее поднятие на воздух или хождение по воздуху; среди современных спиритуалистов это называется *левитацией*. Она может быть сознательной и бессознательной. В одном случае это магия; в другом случае это заболевание или сила, которая требует пояснения.

Символическое объяснение этробации дано в одной старой сирийской рукописи, которая была переведена в пятнадцатом столетии неким Малкусом, алхимиком. В связи с описанием деяний Симона Волхва в одном абзаце мы читаем:

«Симон, прижавшись лицом к земле, прошептал ей в ухо «О, мать Земля, молю тебя – дай мне немного твоего дыхания, а я дам тебе мое, *отпусти меня*, о мать, чтобы я мог понести твои слова к звездам, и я преданно вернусь к тебе немного спустя». И Земля, в укрепление своего положения и без малейшего ущерба себе, послала своего гения, чтобы он *дышал* на Симона, тогда как Симон *дышал на нее*; и звезды возликовали, когда Могущественный их посетил».

Отправной точкой здесь служит признанный электрохимический принцип, что тела, наэлектризованные подобно, отталкиваются, тогда как наэлектризованные разноименно – взаимно притягиваются.

«Самые элементарные знания по химии, – говорит профессор Кук, – показывают, что в то время как радикалы противоположных веществ охотно соединяются одни с другим, – два металла или два близко родственных металлоида проявляют мало сродства друг к другу».

Земля – магнетическое тело, фактически, как это установили некоторые ученые – она представляет собою огромный магнит, как Парацельс еще 300 лет тому назад утверждал. Она насыщена одною формою электричества – назовем ее положительной, которую она вырабатывает непрерывно спонтанным действием внутри себя или в центре движения. Человеческие тела, так же как и другие формы материи, заряжены противоположной формой электричества – негативной. Так сказать, органические и неорганические тела, если они предоставлены сами себе, постоянно развивают в себе и заряжаются электричеством, противоположным земному. А теперь – что такое вес? Просто – земное притяжение.

«Без земного притяжения вы не имели бы веса, – говорит профессор Стюарт [28], – и если бы ваша земля была бы вдвое тяжелее, чем она есть, то у вас и притяжение удвоилось бы».

Как же мы тогда можем избавиться от этого притяжения? Согласно вышеизложенному закону электричества существует притяжение между нашей планетой и организмами на ней, которое удерживает их на поверхности земли. Но закон тяготения во многих случаях нарушался левитацией людей и неодушевленных предметов; чем это объяснить? Состояние наших физических систем, – говорят философы-теурги, – в значительной степени зависит от воздействия нашей воли. Хорошо управляемая воля может делать «чудеса», между прочим, она может совершить перемену электрической полярности от отрицательной на положительную; и тогда человек по отношению к земле перейдет в отталкивающее положение, и «притяжение» для него перестанет существовать. И вполне естественно, что тогда его понесет вверх до тех пор,

пока отталкивающая сила не исчерпается. Высота его левитации будет измеряться его большею или меньшею способностью заряжать свое тело положительным электричеством. Раз человек овладел такою властью над физическими силами, переход от тяготения к левитации должен быть не труднее дыхания.

Изучением нервных заболеваний установлено, что даже при обычном сомнамбулизме так же, как при месмерическом сомнамбулизме, вес тела значительно уменьшался. Профессор Перти упоминает об одном сомнамбуле Кохлере, который не тонул в воде, а держался на поверхности. Ясновидящая из Преворста всплывала в ванне и не могла там удержаться в сидячем положении. Он упоминает об Анне Флейшер, которая была подвержена эпилептическим припадкам, и директор часто видел ее поднимающейся на воздух; однажды в присутствии двух достоверных свидетелей (двух деканов) и других она поднялась в горизонтальном положении над кроватью на два с половиной ярда. Подобный же случай рассказывается о Маргарите Рул Апхэмом в его «Салемском ведьмовстве».

«У экстатических субъектов, – добавляет профессор Перти, – поднимание в воздух происходит гораздо более часто, чем у сомнамбул. Мы настолько привыкли считать тяготение, как нечто абсолютное и неизменное, что идея о полном или частичном поднятии кажется нам совершенно недопустимой; тем не менее, налицо феномены, в которых посредством материальных сил тяготение преодолевается. При некоторых заболеваниях, например, при нервной горячке вес человеческого тела кажется увеличившимся, но при всех экстатических состояниях кажется уменьшившимся. Подобным же образом, могут быть и другие силы, не только материальные, которые могут противодействовать тяготению».

Мадридский журнал «*El Criteria Espiritista*» недавно сообщил о молодой крестьянской девушке близ Сантьяго, представляющей интерес в этой связи.

«Двух прутьев намагниченного железа, если их держать горизонтально над ней на расстоянии полуметра, достаточно, чтобы ее тело повисло в воздухе».

Если бы наши врачи производили опыты над такими, поднявшимися на воздух лицами, то они нашли бы, что лица эти сильно заряжены тою же формою электричества, какою заряжено то место, что, по закону тяготения, должно бы притягивать их или, вернее, мешать их левитации. И если некоторые нервныя заболевания так же, как и духовные экстазы, производят без участия сознания субъекта те же самые следствия, то это говорит за то, что если эту силу в природе надлежало изучить, ею можно управлять по желанию.

ЯДЖНА – «Яджна», по словам брахманов, существо извечное, ибо оно исходит из Самого Высшего, *Брахма Праджанати*, в котором она покоится спящая «**безначально**». Она ключ к **Тривидью**; к трижды священной науке, содержащейся в стихах Риг, которые обучают Ягас или жертвенным тайнам. «Яджна», как нечто невидимое, существует во все времена; она подобна спящей силе электричества в генераторе, требующей только приведения в действие соответствующей установки, чтобы ее выявить. Полагают, что она протягивается из Ахаваня или жертвенного огня до небес, образуя мост или лестницу, посредством которой жертвователю может сообщаться с миром богов и духов и даже при жизни подниматься в их обиталище [19, Введение].

Эта Яджна, опять, является одною из форм Акаши, и таинственное слово, пробуждающее ее к существованию, мысленно произносимое посвященным священнослужителем, есть *Потерянное Слово*, получающее импульс от **Силы-Воли**.

ЯЗЫЧЕСКИЕ БОГИ – Этот термин боги большинством читающей публики неправильно понимается, как означающий идолов. Заключенная в них идея не представляет чего-либо

объективного или антропоморфического. За исключением тех случаев, когда слово «боги» означает божественных планетных существей (ангелов) или развоплощенных душ чистых людей – этот термин передает уму мистика, будь он индийский хотар, маздейский маг, египетский иерофант или ученик греческих философов – идею видимого или познаваемого проявления невидимой силы природы. И также оккультные силы вызываются под именами различных богов, которые на это время олицетворяют эти силы. Таким образом, каждое из бесчисленных божеств индийского, греческого и египетского пантеонов есть попросту сила «невидимой вселенной». Когда, совершая священнослужение, брахман вызывает Адитью, которая по своему космическому характеру является богиней-солнцем, – он просто *приказывает* той мощи (олицетворенной каким-то богом), которая, как он утверждает, «пребывает в Мантре, как священный *Вак*». Эти бого-силы аллегорически рассматриваются, как божественные хотары Верховного Единого, тогда как священнослужитель (брахман) является человеческим Хотаром, который священнодействует на земле и, представляя собой ту или другую отдельную Силу, становится как бы послом, наделенным тою же самою мощью, которую он олицетворяет.

Заканчивая этот список, мы добавим, что когда мы на протяжении последующих глав применим термин *архаический*, то это означает время до Пифагора; когда будем применять термин *древний*, это означает время до Магомета; а когда *средневековый*, это означает время между Магометом и Мартином Лютером. Придется только время от времени нарушать это правило, когда мы будем говорить о национальностях до пифагорейской древности и применим к ним по установившемуся обычаю название «древний».

Перед тем, как закончить эту главу введения, мы отважимся сказать несколько слов в пояснение плана этого труда. Его целью не является навязывание публике личных взглядов и теорий автора; также он не имеет претензий ученого труда, ставящего себе цель произвести революцию в каком-либо отделе человеческих мыслей. Скорее это краткая сводка религий, философий, универсальных преданий человеческого рода и их толкование в духе тайных доктрин, из которых ни одна – благодаря предрассудкам и слепой набожности – не дошли до христианской части человечества настолько неискаженной, чтобы обеспечить справедливое суждение о ней. Со дней несчастных средневековых философов, которые были последними, кто их хранил и о них писал, – мало было людей, презревших преследование и предрассудки настолько, чтобы осмелиться писать о них. И эти немногие, кто писали, как правило, не писали для публики, но только для таких же как они сами, кто обладали ключами к их жаргону. Массы же человечества, непонимающие ни их, ни их учения, смотрели на них как на шарлатанов или как на мечтателей. Отсюда возникло то незаслуженное презрение, в какое была повергнута благороднейшая из наук – наука о духовном человеке.

Взявшись за исследование напущенной на себя непогрешимости современной науки и теологии, автор был вынужден, даже ценой риска, что его сочтут перескакивающим с одной темы на другую, делать постоянные сопоставления идей, достижений и претензий современных представителей науки и религии с идеями и достижениями древних философов и учителей религий. Наиболее отдаленные по времени явления можно таким образом поставить рядом для сравнения и решить, кому принадлежит первенство и отцовство по открытиям и догмам. При обсуждении заслуг наших ученых современников их собственные признания о безуспешности в экспериментальных исследованиях, о смущающих тайнах, о нехватках звеньях их теоретических цепей, о неспособности раскрыть натуральные феномены, о незнании законов мира причинности послужили основой для данного исследования. В особенности (так как психология настолько находится в пренебрежении, а Восток так далеко, что лишь немногие из наших исследователей когда-либо туда доберутся, чтобы изучать эту науку там, где единственно ее понимают), мы будем обзирать рассуждения, спекуляции и линию поведения известных

авторитетов в связи с современными психологическими феноменами, – линию поведения, которая началась в Рочестере и теперь распространилась по всему миру. *Мы хотим показать, как неизбежны были их бесчисленные ошибки, и как они должны продолжаться до тех пор, пока эти притворные авторитеты Запада не пойдут к брахманам и ламаистам Востока и почтительно не попросят их дать им алфавит истинной науки.* Мы не выдвинули ни одного обвинения против ученых, которое не было бы подкреплено их собственными публичными признаниями; и если наши цитаты с древних записей отнимут у них то, что они считали своими заслуженными лаврами, то в этом виноваты не мы, а Истина. И никто, если он достоин звания философа, не захочет получать почести, которые по праву принадлежат другим.

Глубоко сознавая титаническую борьбу, которая теперь происходит между материализмом и духовными устремлениями человечества, мы направляем постоянные усилия к тому, чтобы собрать в наших нескольких главах, словно оружие в арсенал, каждый факт и доказательство, которые могут пригодиться последним для поражения первого. Болезненный и изуродованный ребенок, каким он является теперь, материализм Сегодняшнего Дня родился от грубого Вчера. Если его рост не задержать, он станет нашим господином. Он внебрачный потомок Французской революции и ее реакции против слепой религиозной набожности и притеснения. Чтобы предотвратить разрушение этих духовных устремлений, гибель надежд и умертвление той интуиции, которая учит нас о Боге и посмертной жизни, – мы должны обличать наше лживое богословие, его обнаженную нелепость и указать на различие между божественной религией и человеческими догмами. Мы возвышаем свой голос за духовную свободу, мы – за освобождение от всякой тирании, будь то тирания **науки** или **богословия**.

Глава I

Старые вещи с новыми именами

«Ego sum qui sum»^[30]

– Аксиома герметической философии.

«Мы начали исследования там, где современные догадки складывают свои ненадежные крылья. И у нас обычными элементами науки являются те, от которых современные мудрецы отворачиваются с пренебрежением или впадают в отчаяние перед их неизмеримой тайной».

– Бульвер-Литтон, «Занони»

Где-то в этом обширном мире существует одна старая книга – до того старая, что наши современные антиквариаты могли бы ломать голову над ее страницами бесконечное время и все-таки не пришли бы к согласию по поводу материала, на котором она написана. Это единственный ныне существующий экземпляр оригинала. Наиболее древний европейский документ по оккультизму – *Siphra Dzenio-uta* – был составлен с нее, и это происходило тогда, когда первая уже рассматривалась, как редкостная письменная реликвия. Одна из ее иллюстраций изображает божественную сущность эманулирующей из *Adam*^[31] подобно светящейся дуге, начинающей образовывать круг; а затем, достигнув высочайшей точки окружности, этот невыразимый свет склоняется обратно и возвращается на Землю, принося в ее круговорот человечество более высокого типа. По мере того как она приближается к нашей планете, эманация становится все более и более темной, и после того как она коснулась земли, она черна как ночь.

Герметические философы всех времен, в результате *семидесяти* тысячелетнего опыта, как они утверждают, придерживались убеждения, что материя вследствие греховности со временем становится более грубой и плотной, нежели она была при начальном появлении человека; что в начале человеческое тело было наполовину эфирным, что перед падением человечество свободно сообщалось с невидимой вселенной. Но с того времени материя стала грозной стеною между нами и миром духов. Старейшие эзотерические предания учат нас, что до мистического Адама жило уже много рас человеческих существ, которые жили и угасали, одна сменяя другую по очереди. Были ли эти предшествующие типы людей более совершенны?

Принадлежала ли какая-нибудь из этих рас к *крылатой* расе людей, упоминаемых в «Федре» Платона? Это особая задача, которую предстоит разрешить науке. Пещеры Франции и останки каменного века предоставляют отправные точки.

По мере прохождения цикла человеческие глаза все более и более раскрывались, пока он не стал различать «добро и зло» так же, как сами элохимы. Достигнув своей вершины, цикл начал двигаться по нисходящей линии. Когда дуга достигла определенного пункта в параллель с зафиксированной линией нашего земного плана, – природа снабдила человека «покровами из кожи», и Господь Бог «одел его».

То же самое верование в предсуществование гораздо более духовной расы, чем та, к которой мы принадлежим, может быть прослежено назад до самых ранних преданий почти каждого народа. В древней рукописи *Quichy manuscript*, опубликованной Брассе де Бурбуром – в *Пополь-Вух* – о первых людях на земле говорится, как о расе, которая могла рассуждать и говорить, чье зрение было неограничено и которые сразу узнавали все. Согласно Филону Иудею, воздух наполнен невидимыми сонмами духов, из которых некоторые свободны от всякого зла и

бессмертны, а другие – пагубны и смертны.

«От сыновей *El* мы произошли и сыновьями *El* мы опять должны стать».

И недвусмысленное высказывание анонимного гностика, который написал «Евангелие от Иоанна», что «тем, кто приняли Его», – т. е. кто на практике применит эзотерическое учение Иисуса, – «дал власть быть чадами Божиими», – указывает на то же самое верование [Иоанн, I, 12].

«Разве вы не знаете, что вы – боги?» – воскликнул Учитель.

В «Федре» Платон восхитительно описывает состояние, в каком человек когда-то находился и каким он опять станет: до и после того, «как он потерял крылья»; когда «он жил среди богов и сам был бог в воздушном мире». С самых давних времен религиозные философы учили, что вся вселенная была наполнена божественными и духовными существами различных рас. Из одной из них с течением времени развился *Adam* – первобытный человек.

В легендах калмыков и некоторых сибирских племен описываются более ранние творения, чем наша нынешняя раса. В них говорится, что эти существа обладали почти беспредельными знаниями, и их отвага даже угрожала восстанием против Великого Главного Духа. Чтобы наказать их самонадеянность и смирить их, он заключил их в *тела* и ограничил телесными чувствами. Убежать из их плена они могут лишь путем долгого раскаяния, самоочищения и развития. Про своих шаманов они (сибирские племена) думают, что время от времени им удается пользоваться теми божественными силами, которыми в начале существования человеческой расы пользовались все.

Библиотека Астора в Нью-Йорке недавно обогатилась египетской рукописью-трактатом по медицине, написанным в шестнадцатом веке до Р. Христова (или, более точно, в 1552 г. до н. э.), что по общепринятой хронологии соответствует тому году, в котором Моисею только что исполнился 21 год. Подлинник написан на внутренней коре *Superus papyrus* и был провозглашен лейпцигским профессором Шенком не только подлинным, но и наиболее совершенным, какой ему когда-либо приходилось видеть. Он состоит из одного единого листа желто-коричневого папируса наилучшего качества три десятых метра в ширину и более чем 20 метров в длину; он образует свиток, разделенный на 110 страниц, тщательно пронумерованных. Он был приобретен в Египте в 1872-3 г. археологом Эберсом у «зажиточного араба из Луксора». Нью-йоркская «Трибуна», комментируя обстоятельства этого приобретения, говорит:

«Этот папирус носит на себе доказательства, что он является одною из шести книг Гермеса по медицине, перечисленных Климентом Александрийским».

Далее издатель говорит:

«Во времена Ямвлиха, 363 г. нашей эры, египетские жрецы показывали 42 книги, которые они приписывали авторству Гермеса (*Thuti*). Из них, по словам этого автора, в тридцати шести содержалась история всех человеческих познаний; последние шесть трактовали об анатомии, патологии, повреждениях глаз, хирургических инструментах и лекарствах».^[32]

Папирус Эберса бесспорно является одним из древних герметических сочинений.

Если такой ясный луч света был брошен на древнеегипетскую науку случайной (?) встречей германского археолога с неким «зажиточным арабом» из Луксора, – то как можем мы знать, какой солнечный свет может быть пролит на темные загадки истории еще одною такою же

одинаково случайную встречу какого-нибудь другого богатого египтянина с другим предприимчивым исследователем древности?

Открытия современной науки не противоречат древнейшим преданиям, которые приписывают невероятную древность нашей расе. В течение недавних последних лет геология, которая до этого говорила, что существование человека можно проследить только до третичного периода, – нашла неопровержимые доказательства, что существование человека опередило последний период европейского оледенения на целых 250000 лет. Вот это твердый орешек, который теперь должно раскусить правоверное богословие! Но он был признанным фактом у философов древности.

Кроме того, вместе с человеческими останками были откопаны кремневые орудия, которые свидетельствуют, что уже в то отдаленное время человек охотился и умел разводить костер. Но дальнейший шаг в исследованиях по происхождению человеческой расы еще не сделан; наука зашла в тупик и ожидает дальнейших доказательств. К сожалению, у антропологии и психологии нет собственного Кювье; ни геологи, ни археологи не в состоянии по этим отдельным осколкам, какие до сих пор открыты, – восстановить полный скелет тройного человека – физического, интеллектуального и духовного. Вследствие того, что кремневые орудия человека становятся все более грубыми по мере того, как геологи все глубже проникают в недра земли, – наука принимает это как доказательство, что чем ближе мы подвигаемся к происхождению человечества, тем более диким и звероподобным был человек. Странная логика! Разве открытие пещерных останков Девона доказывает, что в то же самое время не могло быть высокоцивилизованных человеческих рас? Когда ныне существующее человеческое население земли исчезнет и какие-нибудь археологи «грядущей расы» в далеком будущем откопают домашние орудия одного из индийских племен или племен Андаменского острова, – будут ли они правы, если, судя по этим откопанным орудиям, сделают вывод, что человечество в девятнадцатом веке «только что стало выходить из каменного века?»

В последнее время стало модно говорить «о несостоятельных концепциях некультурного прошлого». Как будто возможно упрятать за одной эпиграммой интеллектуальные кладовые, из которых взят материал для такого множества репутаций современных философов! Точно так же, как Тиндаль всегда готов с пренебрежением говорить о древних философах, хотя многие выдающиеся ученые заслужили почет и уважение, воспользовавшись их идеями, так и некоторые геологи, кажется, все более и более склоняются к идее, что все архаические расы одновременно проходили стадию мрачного варварства. Но не все наши лучшие авторитеты соглашаются с этим мнением. Наиболее выдающиеся придерживаются как раз обратного взгляда. Макс Мюллер, например, говорит.

«Многое для нас еще неясно, и язык иероглифов древних записей отражает лишь половину неосознанных устремлений ума. Но все же, независимо от того, в каком климате мы встречаем человека, он встает перед нами благородным и чистым с самого начала, мы даже научились понимать его ошибки и начинаем даже постигать его мечты. Поскольку мы в состоянии проследить его шаги в прошлом, даже в отдаленнейших периодах истории мы находим в нем дар здравого и трезвого разума, которым он владел с самого начала, и идея о том, что человечество медленно появилось из глубин животной звериности, никогда больше не может быть снова выдвигается».^[33]

Так как теперь считается нефилософским искать первопричины, то ученые теперь занимаются разбором их физических следствий. Поэтому область научных исследований

ограничена физической природой. И когда границы ее достигнуты, исследование должно остановиться, и их работа должна начаться сначала. Несмотря на заслуженное ими уважение, они напоминают белку, крутящую свое колесо, ибо они обречены крутить свою «материю» снова и снова. Наука – великая мощь, и не нам, пигмеям, ставить ее под сомнение. Но сами «ученые» не более являются воплощением науки, чем люди нашей планеты являются самой планетой. У нас нет ни права требовать, ни власти заставлять «нашего современного философа» принять без возражений географическое описание темной стороны Луны. Но если во время какого-либо лунного катаклизма одного из ее обитателей швырнуло бы так, что он попал бы в поле земного притяжения и целым и невредимым спустился бы у дверей доктора Карпентера, – то последнего можно бы привлечь к суду, как изменника своему профессиональному долгу, если бы он не занялся исследованием этого случая.

Для человека науки отказ воспользоваться возможностью исследования нового явления, будь то человек, свалившийся с луны, или дух из усадьбы Эди, – в равной мере предосудителен.

Будем ли мы придерживаться метода Аристотеля или метода Платона – мы не должны прекращать исследований; но этот факт, что древние астрологи претендовали на полное понимание внешней и внутренней природы человека. Несмотря на поверхностные гипотезы геологов, мы начинаем почти ежедневно получать доказательства, подтверждающие утверждения этих древних философов.

Они делили бесконечные периоды человеческого существования на циклы, в течение которых человечество постепенно доходило до кульминационного пункта высочайшей цивилизации и затем постепенно опускалось в отвратительное варварство. До каких высот человеческая раса в своем продвижении несколько раз доходила, об этом можно смутно догадываться по тем удивительным памятникам старины, которые еще видны, и по описаниям Геродота о других чудесах, от которых теперь уже и следа не осталось. Даже в его время гигантские создания многих пирамид и на весь мир прославленных храмов представляли только массы руин. Разрушенные безжалостною рукою времени, они описаны Отцом Истории, как «почитаемые свидетели прошедшей славы давно умерших предков». Он «уклоняется от повествований о божественном», и передает потомству только несовершенное описание из услышанного о некоторых волшебных залах Лабиринта, где покоились – и теперь покоятся – сокрытые священные останки царей-посвященных.

Кроме того, мы можем судить о высокой цивилизации, достигнутой в некоторых периодах древности, по историческим описаниям веков Птолемеев; но в ту эпоху искусства и науки уже считались приходящими в упадок, и секреты некоторых из них уже были утеряны. В недавних раскопках Мариэт-Бей у подножья пирамиды, были открыты деревянные статуи и другие останки, свидетельствующие, что гораздо раньше первых династий Египта египтяне уже достигли такой утонченности и совершенства, которые в состоянии вызвать восхищение даже у наиболее ярых поклонников греческого искусства. Байард Тэйлор описывает эти статуи в одной из своих лекций и говорит, что красота их голов, украшенных глазами из драгоценных камней и медными веками, непревзойденна. Глубоко внизу под слоем песка, в котором были найдены останки, собранные теперь в коллекциях Лепсиуса, Эббота и Британского музея, – были обнаружены погребенными осязаемые доказательства циклов герметического учения, которое мы только что объясняли.

Доктор Шлиман, энтузиаст эллинист, недавно обнаружил в своих раскопках Трои обильные доказательства тех же самых постепенных переходов от варварства к цивилизации и снова от цивилизации к варварству. Почему же тогда мы так не расположены допустить возможность, что допотопные народы дальше нас продвинулись по некоторым наукам, были в совершенстве знакомы с важными отраслями искусств, которые мы теперь считаем *утраченными*, и что они

также могли превзойти нас в науке психологии? Такая гипотеза должна считаться достаточно обоснованной, как и всякая другая, до тех пор, пока какое-либо противоположное доказательство не разрушит ее.

Каждый *истинный* ученый соглашается, что во многих отношениях человеческие познания все еще находятся в своем детском возрасте. Может быть, наш цикл начался сравнительно недавно? По халдейской философии, *эти циклы не охватывают все человечество в одно и то же время*. Профессор Дрейпер частично подтверждает этот взгляд, говоря, что периоды, на которые геологи для удобства поделили продвижение человечества в цивилизацию, не являются круто обрывающимися эпохами, одновременно влияющими на все человечество; в качестве примера он приводит бродячих индейцев Америки, которые «сейчас только что заканчивают каменный век». Таким образом не раз ученым неохотно приходится подтверждать свидетельства древних.

Любой каббалист, хорошо ознакомившийся с пифагорейской системой чисел и геометрией, может продемонстрировать, что метафизические учения Платона были обоснованы на строжайших математических принципах. «Истинная математика», – говорит «Магикон», – «есть нечто, с чем все высшие науки связаны; обычная математика – это только обманчивая фантазмагория, чья восхваленная непогрешимость возникает только от того, что его основой являются материалы, условия и ссылки». Ученые, думающие, что они применяют метод Аристотеля, когда они ползут, а не бегут от продемонстрированных частных ко всеобщему, прославляют этот метод индуктивной философии, и отказываются от метода Платона, который они считают несостоятельным. Профессор Дрейпер выражает сожаление, что такие спекулятивные мистики, как Аммоний Саккас и Плотин, не заняли мест среди «строгих геометров старого музеума» [48, i]. Он забывает, что геометрия – единственная из всех наук, которая следует от общего к частному и является в точности тем методом, которого придерживался Платон в своей философии. До тех пор, пока точная наука ограничивает свои наблюдения физическими условиями и поступает подобно Аристотелю, она определенно будет иметь успех. Но несмотря на то, что материальный мир для нас беспределен, он все же конечен; и таким образом материализм будет вечно вращаться в порочном кругу, не будучи в состоянии подняться выше, чем окружность ему позволит. Космологическая теория чисел, которую Пифагор узнал от египетских иерофантов, одна только в состоянии примирить эти две единицы, материю и дух, и может продемонстрировать одна другую математически.

Священные числа вселенной в своих эзотерических комбинациях разрешают эту великую проблему и объясняют теорию излучений и циклы эманаций. Низшие категории до того как развиваться в высшие должны быть эманированы из высших духовных категорий, а когда они достигнут поворотного пункта, должны снова слиться с бесконечным.

Физиология, подобно всему остальному в этом мире постоянной эволюции, подвергается циклическому вращению. Так же, как эволюция теперь кажется только что начинающей выходить из сумерек нижней дуги, также в некий день будет доказано, что она находилась на высочайшей точке окружности гораздо раньше дней Пифагора.

Мох Сидониец, физиолог и учитель анатомии, жил задолго до Самосского мудреца; и последний получал священные наставления от его учеников и потомков. Пифагор, чистый философ, глубоко проникший в тайны Природы, благородный наследователь древнего учения, чья великая цель заключалась в том, чтобы освободить душу от пут, налагаемых чувствами, и заставить ее осознать собственные силы, – должен вечно жить в памяти человечества.

Непроницаемый покров тайны был сброшен на науки, преподаваемые в святилищах. Вот это и есть причина, почему наши современники осуждают древние философии. Даже Платон и Филон Иудей были обвинены многими комментаторами в абсурдных несообразностях, тогда как

в самом деле схема, скрывающаяся под путаницей метафизических противоречий, так сбивающая с толку читателя «Тимея» – весьма очевидна. Но разве когда-нибудь толкователи классиков читали Платона с пониманием? Задавать такой вопрос нам дает право резкая критика, которой подвергают Платона такие писатели, как Стелбаум, Шлейермахер, Фициний (перевод с латыни), Хейндорф, Сайденхэм, Бутман, Тэйлор и Бургес, не говоря уже о меньших авторитетах. Завуалированные намеки греческих философов на эзотерические истины явно сбили с толку этих комментаторов до последней степени. С бесстыдным хладнокровием они не только высказываются по поводу некоторых труднопонимаемых мест, что тут, очевидно, имелась в виду другая фразеология, но и отважно сами вносят изменения! Орфическая строка:

«Из песни о начале завершения *шестой расы*», –

которую можно истолковать только как имеющую отношение к шестой расе, развивающейся в последовательной эволюции сфер.^[34] Бургес говорит: «... очевидно эта строка взята из космогонии, где человек сотворен последним» [50, с. 207, прим.]. Не должен ли тот, кто собирается издавать сочинение другого человека, по меньшей мере, понимать, что его автор хотел сказать? Кажется, в самом деле, что даже наименее беспристрастные из наших современных критиков, считают, что у древних философов не хватало той глубины и досконального знания, которыми нынешний век так хвастается. Даже сомневаются, знали ли они основной принцип науки, что *ex nihilo nihil fit*.^[35] Если они, вообще, и подозревали о неуничтожимости материи – говорят эти комментаторы – то вовсе не вследствие твердо установленной ими истины, а только путем интуитивного размышления и по аналогии.

Мы придерживаемся противоположного мнения. Рассуждения этих философов о материи были общедоступны и подвергались критике; но их учение о духовном было глубоко эзотерично. Давши клятву держать в тайне глубокое и труднопонимаемое учение, касающееся взаимоотношений духа и материи, они один перед другим состязались в умении скрывать свои истинные взгляды.

Учение о *перевоплощении* (метемпсихозе) было широко осмеяно людьми науки и богословия, но если бы оно было как следует понято в его применении к неуничтожаемости материи и к бессмертию духа, – оно было бы принято, как возвышенная концепция. Не следует ли нам рассматривать этот предмет с точки зрения древних, прежде чем отважиться пренебрежительно третировать его провозглашателей? Разрешение великой проблемы *вечности* относится ни к религиозным суевериям, ни к грубому материализму. Гармония и математическая уравновешенность двойной эволюции – духовной и физической – могут быть объяснены только универсальными числами Пифагора, который построил свою систему целиком по так называемой «метрической речи» индийских Вед. Только совсем недавно один из наиболее рьяных исследователей санскрита Мартин Хауг взялся за перевод «Айтарейя-брахмана» из «Ригведы». До этого времени она была совершенно неизвестна; и полученная отсюда информация бесспорно указывает на идентичность пифагорейской и брахманической систем. В обеих эзотерическое значение получается из чисел: в первой системе (пифагорейской) – из мистической связи каждого числа со всем, что может постичь человеческий ум; во второй системе (брахманической) – из числа слогов, из которых состоит каждая *мантра*. Платон, пламенный последователь Пифагора, понял это настолько полно, что утверждает, что додекаэдрон является геометрическим числом, по которому Демиург строит вселенную. Некоторые из этих чисел имели особое возвышенное значение. Например, *четыре*, которое три раза повторяется в додекаэдроне, оно было священным для пифагорейцев. Оно

представляет совершенный квадрат, и ни одна из ее сторон, ни на йоту не превышает другой. Это эмблема нравственной справедливости и божественного равновесия, выраженного геометрически. Все силы и великие симфонии физической и духовной природы вписаны в совершенный квадрат. И несказуемое имя Того, имя которого иначе осталось бы непроизносимым, – было заменено этим священным числом 4, наиболее связывающим в клятве у древних мистиков – *Тетрактисом*.

Если бы пифагорейский метемпсихоз был бы досконально объяснен и сравнен с современной эволюционной теорией, то нашли бы, что он снабжает всеми «недостающими звеньями» цепь последней. Но кто из наших ученых согласился бы тратить свое драгоценное время на причуды древних. Несмотря на доказательства противного, они не только отрицают, что народы архаического периода имели какое-либо положительное знание о гелиоцентрической системе, но даже отрицают это знание у древних философов. «Уважаемые столпы» Августин и Лактанций, кажется, из-за своего догматического невежества задушили всякую веру в более древних дохристианских теологов. Но в настоящее время филология и более близкое знакомство с санскритской литературой дают частичную возможность снять с них это незаслуженное обвинение. В Ведах, например, мы находим положительные доказательства, что уже 2000 лет до нашей эры индийские мудрецы и ученые, должно быть, были знакомы с шарообразностью нашей планеты и гелиоцентрической системой. Поэтому Пифагор и Платон хорошо знали эту астрономическую истину, ибо Пифагор получил свое знание из Индии или от людей туда ездивших, а Платон преданно воспроизвел его учение. Мы процитируем два абзаца из «Айтарейя-брахмана».

В «Мантре змия»^[36] брахман провозглашает следующее:

Эта мантра есть та мантра, которую видела Царица змей Сарпа-раджны, так как земля (*iyam*) есть Царица змей, так же как она является матерью всего, что движется (*sarpat*). В начале Земля была только как голова (круглая) без волос (лысая), т. е. без растительности. Затем она узнала эту мантру, которая дает тому, кто знает, власть изменять свою форму, как только желаешь. Она «произнесла эту мантру», т. е. принесла жертву богам; вследствие этого она немедленно получила пеструю внешность; она стала разнообразной и способной производить любые формы, какие захочет, *преобразовывая одну форму в другую*. Эта мантра начинается словами: «*Ayam gaūh pris'nir akramīt*» [X, 189].

Описание земли в виде *круглой* и *лысой* головы, которая сперва была *мягкой* и стала твердеть лишь тогда, когда бог Ваю, царь воздуха, подул на нее, – такое описание неотразимо подсказывает, что авторы священных ведических книг знали, что земля круглая или сферична; кроме того она сперва была желеобразной массой, которая постепенно затвердевала под влиянием воздуха и времени. Это то, что касается их знания, что земля круглая; а теперь мы представим свидетельство, на котором мы обосновываем наше утверждение, что индусы были прекрасно осведомлены о гелиоцентрической системе, по меньшей мере, две тысячи лет до рождения Христа.

В том же самом трактате «Хотару» (священнослужителю) преподается, как нужно повторять *шастры* и как следует объяснять феномен солнечного восхода и захода. Там говорится:

«Агништома – это тот (бог), который жжет. Солнце *никогда не заходит и не восходит*. Когда люди думают, что солнце заходит, *то это не так* – они ошибаются.

Ибо солнце, после того как день кончился, производит двойное следствие, создавая день для тех, кто находится под ним, и ночь для тех, кто находится по другую сторону. Фактически солнце никогда не заходит; также оно не заходит для того, кто обладает таким знанием...»^[37]

Эта фраза настолько значительна, что переводчик «Ригведы» доктор Хауг был вынужден обратить на нее внимание. Он говорит, что этот абзац содержит отрицание существования солнечного восхода и захода, и что автор полагает, что солнце всегда занимает свое высокое положение. [19, т. ii, стр. 242]

В одной из самых ранних «Нивиц» риши Кутса, индийский мудрец отдаленнейшей древности, объясняет аллгорию первых законов, данных небесным телам. За поступки, «которые она не должна была совершать», Анахит (Анаитис или Нана, персидская Венера), олицетворяющая в этой легенде Землю, приговорена вращаться вокруг солнца. *Саттрас* или жертвенные сессии^[38] несомненно доказывают, что уже в восемнадцатом или двадцатом веке до Рождества Христова далеко продвинулись в астрономии. *Саттрас* длились один год и являлись «ничем иным как подражанием годовому движению солнца». «Они разделялись», – говорит Хауг, – «на две различные части; каждая часть состояла из шести месяцев, по тридцать дней в каждом; между обеими частями был *Вишуван* (экватор или срединный день), разделяющий целые *Саттрас* на две половины, и т. д.». ^[39] Этот ученый, хотя и приписывает время созидания «Брахманов» периоду 1400—1200 лет до Р. Х., придерживается мнения, что старейшие гимны могут быть отнесены к самому началу ведической литературы между 2400 и 2000 годами до рождества Христова. Он не находит оснований, чтобы считать Веды менее древними, чем священные писания китайцев. Так как было доказано, что «Шу-цзинь», или «Книга летописи», и священные песни «Ши-цзинь», или «Книги од», были созданы 2200 лет до Р. Христова, то, может быть, и наши филологи будут вынуждены вскоре признать, что по астрономическим познаниям допотопные индусы были их учителями.

Во всяком случае, имеются факты, которые доказывают, что некоторые астрономические вычисления Халдеев в дни Юлия Цезаря были так же верны, как верны они теперь. Когда Завоеватель (Цезарь) производил реформу календаря, гражданский год настолько не совпадал с временами года, что лето значительно заходило в осенние месяцы, а осенние месяцы приходились на зиму. Сосиген был тем халдейским астрономом, который восстановил порядок в календарной путанице, отодвинув 25-е марта назад на 90 дней с тем, чтобы оно совпадало с весенним равноденствием. И опять-таки Сосиген был тем, кто установил число дней в месяцах такими, какими они остались по сей день.

В Америке через армию Монтесумы было обнаружено, что календарь ацтеков дает равные количества дней и недель каждому месяцу. Чрезвычайная точность их астрономических вычислений была настолько велика, что *последующими* проверками в них не было обнаружено ни одной ошибки, тогда как европейцы, высадившиеся в Мексике в 1519 году, пользовались Юлианским календарем, который ошибался на 11 дней.

Перед бесценными и точными переводами ведических книг и личными исследованиями доктора Хауга мы в долгу за подтверждение положений философов герметизма. Что период Заратустры Спитана (Зороастра) относится к несказуемой древности, – доказать легко. «Брахманы», которым Хауг приписывает давность создания четыре тысячи лет, описывают религиозные распри между древними индийцами, которые жили в до-ведическом периоде, и иранцами. Битвы между *дэвами* и *асурами* (первые представляют индийцев, а последние иранцев) подробно описаны в священных книгах. Так как иранский пророк был первым, кто восстал против того, что он называл «идолопоклонство» брахманов, назвал последних «дэвас»

(дьяволы), – то возникает вопрос – как давно тому назад произошел этот религиозный кризис?

«Эта распря», – отвечает доктор Хауг, – «должна была показаться авторам „Брахманов“ такой же давней и далекой, какими кажутся подвиги короля Артура английским писателям девятнадцатого века».

Не было сколько-нибудь прославленного философа, который не придерживался бы учения о метемпсихозе (перевоплощении) в таком виде, как учили брахманы, буддисты и впоследствии пифагорейцы в его эзотерическом значении, выраженном более или менее понятным языком. Ориген и Климент Александрийский, Синезий и Калцидий – все в него верили; и гностики, которых история признала наиболее ученой, изысканной и просвещенной корпорацией людей, [51] – все верили в метемпсихоз. Сократ придерживался убеждений, идентичных убеждениям Пифагора. И оба, как в наказание за божественную философию, были преданы насильственной смерти. Толпа оставалась тою же самой во все века. Материализм был и всегда будет слепым по отношению к духовным истинам. Эти философы вместе с индийцами верили, что Бог вдохнул в материю часть своего божественного духа, который оживляет каждую частицу материи и движет ее. Они учили, что у людей две души, отдельные и различные по своей натуре: одна тленная – астральная душа, внутреннее флюидическое тело; другая – чистая, неразвращенная и бессмертная – *аугоэйдес* или часть божественного духа; что смертная или астральная душа гибнет при каждой очередной перемене на пороге каждой новой сферы, становясь с каждым переселением все более очищенной, астральный человек, каким бы он ни был неосязаемым и невидимым для наших смертных земных чувств, – все же состоит из материи, хотя и сублимированной. Аристотель, несмотря на то, что по своим политическим соображениям хранил мудрое молчание в отношении некоторых эзотерических вопросов, очень ясно высказал свое мнение по этому предмету. Именно, он верил, что человеческие души являются эманациями Бога, которые, в конечном счете, снова сольются с божеством. Зенон, основоположник философии стоиков, учил, что «существуют по всей природе два вечных качества: одно активное или мужское; другое пассивное или женское; что первое представляет собою чистый тонкий эфир или божественный дух; другое же само по себе совсем инертное до тех пор, пока не соединится с активным принципом; что божественный дух, воздействуя на материю, создал огонь, воду, землю и воздух, и что он является единственным действующим принципом, которым вся природа движима». Стоики, подобно мудрецам Индии, верили в конечное слияние. Св. Юстиниан верил в эманацию душ из божества, и Тациан Ассирийский, его ученик, заявил, что «человек был таким же бессмертным, как и сам Бог». [40]

Глубокого значения стих из «Книги Бытия»: «А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая...» – должен привлечь внимание каждого еврейского ученого, способного читать Священное писание в подлиннике, вместо ошибочного английского перевода, в котором эта фраза переведена – «в чем есть жизнь» [Бытие, I, 30].

С первой главы и до последней английские переводчики еврейских священных книг неправильно передавали это значение. Как доказывает сэр У. Друммонд, они изменили даже написание имени Бога. Например, *El*, если оно написано правильно, читается *Al*, ибо оно в оригинале אל – Ал, и по Хигинсу это слово означает бога Митру, Солнце, хранителя и спасителя. Сэр У. Друммонд доказывает, что *Beth-El* означает в своем буквальном переводе дом Солнца, а не Бога. «*El*» в составе имен канаанитов не означает бог, но Солнце. [53] Таким образом теология исказила древнюю теософию, а наука исказила древнюю философию. [41]

Вследствие отсутствия понимания этого великого философского принципа, методы современной науки, как точны они бы ни были, должны закончиться ничем. Ни одна из отраслей науки не может продемонстрировать начала и конца вещей. Вместо того, чтобы

проследить возникновение следствия из его изначального источника, она (наука) поступает наоборот. Высшие типы – она учит – развиваются от предшествующих низших типов. Она начинает со дна цикла, будучи ведомой со ступеньки на ступеньку в великий лабиринт природы только нитью материи. И как только она обрывается и ключ теряется, – она в испуге отскакивает назад от Непостижимого и объявляет себя бессильной. Не так поступал Платон и его ученики. У него *низшие типы были только конкретными подобиями высших абстрактных типов*. Дух, который бессмертен, имеет арифметическое начало так же, как тело имеет геометрическое начало. Это начало, являясь отражением великого вселенского *Archjus*, самодвижущееся – оно из центра распространяется по всему телу микрокосма.

Ощущение этой грустной истины заставило Тиндаля признаться, насколько бессильна наука, даже в мире материи.

«Первое появление атомов, от которого зависит вся дальнейшая деятельность, ставит в тупик более проникающие силы, нежели микроскоп». «В результате кропотливых и длительных исследований можно дать любой залог, что самый тренированный интеллект, самое тончайшее и дисциплинированное воображение о *смущение отступают от этой проблемы*. Мы ошеломлены удивлением, которому никакой микроскоп не в состоянии помочь; мы сомневаемся не только в силе инструмента, но даже в том, обладаем ли мы теми интеллектуальными элементами, которые когда-либо будут в состоянии дать нам возможность постичь изначальные строительные энергии природы».

Основная геометрическая фигура *Каббалы* – та фигура, про которую традиции и эзотерические учения говорят, как о данной самим божеством Моисею на горе Синай [*Исход*, XXV, 40] – содержит в своей величественной и поэтому простой комбинации ключ к вселенской проблеме. Эта фигура содержит в себе все другие. Для тех, кто способен овладеть ею, нет надобности прибегать к помощи воображения. Никакой земной микроскоп не может сравниться с остротой духовного восприятия.

И даже для тех, кто не знакомы с ВЕЛИКОЮ НАУКОЮ, описание происхождения зерна или обломка кристалла, данное хорошо натренированным ребенком – психометром – стоит дороже всех телескопов или микроскопов «точной науки».

В смелом пангенезисе Дарвина, которого Тиндаль называет «воспарившим теоретиком», может быть, скрывается больше истины, чем в осторожно очерченных гипотезах последнего, кто вместе с другими мыслителями своего класса окружает свое воображение «прочными границами разума». Теория о микроскопическом зародыше, который содержит в себе «целый мир меньших зародышей», поднимается по крайней мере в одном значении в бесконечность. Она переступает границы материального мира, бессознательно действуя в мире духа.

Если мы примем теорию Дарвина о развитии видов, мы обнаружим, что его отправная точка помещена перед открытой дверью. И вместе с ним мы свободны остаться внутри, или же перешагнуть порог, за которым находится беспредельное и непостижимое или, скорее, *Непроизносимое*. Если наш смертный язык не в состоянии выразить то, что наш дух смутно предвидит в великом «*По ту сторону*», пока мы находимся на земле, – он *должен* постигнуть это в какой-то точке безвременной вечности.

Не так обстоит дело с теорией профессора Гёксли о «Физической основе жизни». Не взирая на угрожающее большинство «нет» со стороны его германских собратьев-ученых, он создает универсальную *протоплазму* и дает назначение ее клеткам отныне стать священными источниками принципа *всей жизни*. Провозглашением последней идентичной в живом

человеке, в «мертвой баранине», в жалящей осе и в омаре; заключением жизненного принципа в молекулярную клетку протоплазмы и лишением ее божественного вдохновения, приходящего в течение последующей эволюции, он как бы запирает все выходы, не оставляя лазейки. Как умелый тактик, он превращает свои «*законы и факты*» в часовых, которые должны нести стражу во всех спорах. На знамени, под которым он их собирает написано «необходимость»; но как только он успел его развернуть, – он высмеивает эту надпись и называет ее «пустая тень моего собственного воображения» [54].

«Основы учения спиритуализма», – говорит он, – «находятся вне области, куда может проникнуть философия». Мы осмеливаемся возразить на это утверждение, что они гораздо больше находятся внутри этой области, чем протоплазма господина Гёксли; и даже настолько, что они доставляют нам очевидные и осязаемые факты о существовании духа, тогда как протоплазмические клетки, *однажды умерев*, не дают никаких признаков того, что они породители или основы жизни, как этого хотят, чтобы им поверили «лучшие мыслители современности» [54].

Каббалисты древности до тех пор не строили своих учений на гипотезах, пока не имели под собой твердой скалы запечатленного опыта.

Но слишком большая зависимость от физического факта привела к росту материализма и к упадку духовности и веры. Во времена Аристотеля это было преобладающей тенденцией мышления. И хотя дельфийская заповедь еще не совсем стерлась с греческой мысли, и некоторые философы все еще придерживались взгляда, что «для того, чтобы знать, что человек *есть*, мы должны знать кем человек *был*,» – все же материализм уже начал подтачивать корни веры. Сами мистерии уже выродились в значительной степени в жреческие спекуляции и религиозный обман. Мало осталось истинных адептов и посвященных, наследников и потомков тех, кто были рассеяны мечами различных завоевателей старого Египта.

Времена, предсказанные великим Гермесом в его диалоге с Эскулапом, в действительности, настали; настали времена, когда нечестивые чужеземцы начали обвинять Египет, что он поклоняется чудовищам, и никакие надписи, выбитые на каменных памятниках не могли уцелеть – стали загадками для потомства. Писцы священных писаний и иерофанты стали скитальцами по лицу земли. Страх профанации священных тайн вынуждал их искать убежище в герметических братствах, позднее ставших известными под названием *есеев* – их эзотерические познания стали захороненными более, чем когда-либо. Восторжествовавшие последователи Аристотеля на своем победном пути смели последние остатки когда-то чистой и возвышенной религии, и сам Аристотель, дитя и типичный представитель своей эпохи, хотя и наставленный в тайнознании Египта, знал мало из накопленного в течение десятков тысячелетий эзотерического познания.

Так же как те, что жили в библейские времена, наши современные философы «поднимают завесу Изида», – ибо Изида есть только символ природы. Но они видят только ее физические формы. Скрытая внутри ее душа им невидима, и у божественной Матери для них нет ответа. Существуют знатоки анатомии, которые, не узрев обитающего духа под слоями мышц, под сетью нервов или другой материи, которую они приподнимают на кончике скальпеля, – утверждают, что у человека нет никакой души. Такие люди настолько же слепы и тупы в софистике, как те исследователи, которые, ограничиваясь исследованием только мертвой буквы *Каббалы*, – осмеливаются сказать, что там нет никакого оживляющего духа. Для того, чтобы увидеть истинного человека, который однажды обитал в распростертом перед хирургом на операционном столе трупе, – хирург должен обладать другими глазами – не телесными. Точно

также блестящая истина, скрытая в иератических письменах древнего папируса, может открываться лишь тому, кто обладает способностью интуиции, которая, если мы называем рассудок глазами ума, может быть названа глазами души.

Наша современная наука признает Верховную Силу, некий невидимый Принцип, но отрицает Верховное Существо или личного Бога [48]. Логически разница между этими двумя спорная, ибо в данном случае *Сила и Бытие тождественны*. Едва ли человеческий разум может представить себе разумную верховную силу, не связав ее с идеей разумного существа. Нельзя ожидать от широких масс ясной концепции о всемогуществе и вездесущности верховного Бога без того, чтобы эти массы не наделили его гигантски увеличенными свойствами собственной личности. Но каббалисты никогда не взирали на невидимого Эн-Соф иначе, как на *Силу*.

Наших современных позитивистов в их осторожной философии опередили уже тысячи веков тому назад. На чем адепт герметизма настаивает так это то, что простой здравый рассудок исключает возможность того, что вселенная есть результат только случайности. Такая идея ему кажется еще более абсурдной, чем та, что задачи Евклида были сформулированы обезьянами, игравшими геометрическими фигурами.

Очень мало христиан, понимающих, если они, вообще, что-нибудь об этом знают, еврейскую теологию. «Талмуд» является наиболее затемненной загадкой даже для большинства евреев, тогда как те еврейские ученые, которые понимают его – не хвастают об этом. И еще меньше ими понимаются каббалистические книги, ибо в наши дни над раскрытием их великих истин больше работают христианские исследователи, нежели еврейские. И как мало знают о Восточной или универсальной *Каббале*! Мало ее адептов, но они являются избранными наследниками мудрецов, которые первые открыли «сияющие истины, проливающие свет на великую Шемайю халдейской мудрости» [26], которые проникли в тайну «абсолюта» и теперь отдыхают от своих великих трудов. Они не могут дать больше знания, чем позволено знать смертному на этой земле. И ни один, даже из тех избранных, не может переступить черты, проведенной перстом самого божества. Путешественники встречались с этими адептами на берегах священного Ганга, наталкивались на них в молчаливых руинах Феб, в таинственных покинутых помещениях Луксора. Среди залов, на чьих голубых и золотых сводах таинственные надписи привлекают внимание, но во чье секретное значение праздные посетители этих мест никогда не проникают – там их тоже видели, но редко узнавали. В исторических мемуарах записано об их присутствии в блестяще освещенных *салонах* европейской аристократии. И опять на них наталкивались в сухих пустынных равнинах великой Сахары или в пещерах Элефанты. Их можно обнаружить везде, но они позволяют себя узнавать только тем, кто посвятили свои жизни самоотверженному изучению и не склонны отступить.

Маймонид, великий еврейский богослов и историк, которого в одно время евреи чуть ли не обожествляли, а впоследствии рассматривали как еретика, говорит, что наиболее абсурдные и лишённые смысла места в «Талмуде» кажутся ему наиболее возвышенными по своему сокровенному значению. Этот ученый успешно продемонстрировал, что халдейская магия, наука Моисея и других тауматургов целиком была обоснована на обширном знании различных теперь забытых отраслей естествознания. Что удивительного в том, что будучи знатоками всех возможностей растительного, животного и минерального царств, овладевшими оккультной химией и физикой, являясь в то же время как психологами, так и физиологами, получившими посвящения мистерий в храмах, адепты могли творить чудеса, которые даже в наше просвещенное время могут казаться сверхъестественными? Клеймить магию и оккультную науку, как обман, является оскорблением человечества. Поверить, что в течение многих тысяч лет одна половина человечества занималась тем, что обманывала другую половину, – равносильно утверждению, что человеческая раса состоит только из обманщиков и неизлечимых

идиотов. Где та страна, в которой не занимались магией? И в каком веке она была полностью забыта?

В старейших документах, какими мы теперь обладаем – в Ведах и в древнейших «Законах Ману» мы находим, что совершались многие магические ритуалы, разрешенные брахманами. [42] В Тибете, Японии и Китае в нынешнем веке учат тому же, чему учили в древней Халдее. Духовенство перечисленных стран, кроме того доказывает на деле то, чему оно учит, а именно, что осуществление на практике нравственной и физической чистоты вместе с некоторым аскетизмом, развивает в человеке жизненную силу духа, дающую самоозарение. Давая этим человеку возможность управлять своим собственным бессмертным духом, оно дает ему истинно магическую власть над элементарными духами, которые ниже его. Древность магии на западе не меньше, чем на Востоке. Друиды Британии занимались ею в молчаливых тайниках своих глубоких пещер. Много глав Плиний посвящает «мудрости» [43] вождей кельтов. Семноны, друиды галлов, излагали как физические, так и духовные науки. Они учили тайнам вселенной, гармоническому движению небесных светил, образованию Земли и более всего – бессмертию души. [44] В их священных рощах – в академиях природы, воздвигнутых руками Незримого Архитектора – в полночный час собирались посвященные, чтобы узнавать, чем когда-то был человек и кем он станет [57]. Они не нуждались ни в искусственном освещении, ни в вредящем живому газе, чтоб осветить свои храмы, так как королева ночи сама проливала свет на их увенчанные дубовыми листьями головы. И их одетые в белое священнослужащие барды знали, как разговаривать с одинокой королевой среди звездного свода [56].

На мертвой почве давно прошедших времен стоят теперь их священные дубы, высохшие, – их духовное значение содрано ядовитым дыханием материализма. Но для исследователя, изучающего оккультное учение, они пребывают такими же зелеными и роскошными и полными глубокими и священными истинами, как в тот час, когда друид-старейшина совершал свои магические исцеления и размахивал веткой омелы, отрезанной его золотым серпом от материнского ствола дуба. *Магии столько же лет, сколько и человечеству.* Назвать время, когда появилась магия, так же невозможно, как невозможно назвать день, когда родился первый человек. Каждый раз, когда какой-либо писатель пытался связать идею возникновения магии с какой-либо исторической страной – дальнейшие исследования доказывали беспочвенность такого утверждения. Многие думали, что магия порождена Одним, скандинавским жрецом и монархом, приблизительно 70 лет до Р. Х. Но затем легко было доказано, что таинственные обряды жриц, называемых Voilers, Valas – существовали значительно раньше века Одина. [45] Некоторые современные авторы были склонны доказывать, что основоположником магии был Зороастр, основатель магической религии. Но Аммиан Марселин, Арнобий, Плиний и другие историки древности убедительно доказывали, что он был только реформатор магии того вида, каким пользовались халдейцы и египтяне [59, xxvi, 6].

Величайшие учителя богословия соглашались, что почти все древние книги написаны символическим языком, понятным только посвященным. Примером этому может послужить биографический очерк об Аполлонии Тианском [122]. Как каждый каббалист знает, он охватывает всю философию герметизма, будучи противопоставлением во многих отношениях традициям о царе Соломоне. Он читается, как сказка, но так же как в последней, иногда факты и исторические события преподносятся миру под личиной выдумки. Путешествие Аполлония Тианского в Индию аллегорически изображает испытания неопита. Его долгие беседы с брахманами, их мудрые советы и диалог с коринфским Менипусом, будучи истолкованными, дали бы эзотерический катехизис. Его посещение царства мудрецов и его беседы с их царем Хайаркасом, Амфиэрейский оракул – дают символическое истолкование многих сокровенных догм герметизма. Будучи понятыми, они раскрыли бы некоторые из наиболее важных тайн

природы. Элифас Леви указывает на большое сходство, которое существует между царем Хайаркасом и баснословным Хирамом, от которого Соломон доставал ливанские кедры и золото Офира. Нам хотелось бы знать, понимают ли современные масоны, в том числе «Великие Наставники» и наиболее умные подмастерья, принадлежащие к значительным ложам – понимают ли они, кто такой *Хирам*, чью смерть они хотят отомстить?

Оставляя в стороне чисто метафизическое учение *Каббалы*, посвятивший себя изучению только физического оккультизма, так называемой терапевтической отрасли, мог бы принести благие результаты некоторым современным наукам, а именно – химии и медицине. Профессор Дрейпер говорит:

«Иногда, не без удивления, мы сталкиваемся с идеями, которые, как мы наивно считали, произошли в наше время».

Это замечание было высказано в связи с научными трудами сарацинов, и его лучше можно бы применить к более сокровенным *трактатам* древних. Несмотря на то, что современная медицина намного продвинулась по анатомии, физиологии и патологии и даже в терапевтике, она неизмеримо много потеряла своею узостью духа, жестким материализмом и сектантским догматизмом. Каждая школа в своей упорной тупости игнорирует все то, что разработано другими школами; и все они объединяются в игнорирование великих концепций, разработанных благодаря месмеризму или американским опытам по мозговой деятельности, – объединяются в игнорировании всего, что не согласуется с их грубым материализмом. Нужно бы созвать конференцию врачей различных, враждующих между собою школ, чтобы слить воедино то, что накоплено из медицинских познаний, ведь слишком часто бывает, что лучшие безуспешно тратят свои познания и опыт на пациента, а месмеризатор или какой-нибудь «медиум целитель» исцеляет его. Исследователи старой медицинской литературы со времен Гиппократ и Парацельса и Ван Гельмонта найдут длинный ряд достоверных физиологических и психологических фактов и медицинских средств для лечения больных, которые современные врачи высокомерно отказываются применять.^[46] Даже по отношению к хирургии, нынешние хирурги скромно и публично признались в полной своей неспособности хоть сколько-нибудь приблизиться к изумительному искусству перевязок и пеленаний древнего Египта. Многие сотни ярдов лигатуры, окутывающие мумию от ушей до каждого пальца на ногах по отдельности, были исследованы ведущими хирургами Парижа и несмотря на то, что модель была перед ними, они не были в состоянии совершить что-либо подобное этому.

В египетской коллекции Эббота в Нью-Йорке можно увидеть многочисленные доказательства искусности древних в различных ремеслах; между прочим – в художественном вязании, в выделке кружев; и хотя трудно было этого ожидать, знаки женского тщеславия шли бок-о-бок со знаками мужской силы – были найдены образцы искусственных волос и золотые украшения различного рода. Нью-йоркская «Трибуна», давая обзор «Папируса Эбера», говорит:

«Истинно, нет ничего нового под солнцем... Из глав 65, 66, 79 и 89 видно, что восстановители цвета волос, окрашивание волос, болеутоляющие средства и порошки от блох были в ходу 3400 лет тому назад».

Как мало из наших недавних открытий являются на самом деле новыми, и как много таких, которые принадлежат древним, об этом снова весьма справедливо и красноречиво, хотя и только частично, – говорит наш выдающийся философ-писатель профессор Джон У. Дрейпер. Его книга «История конфликта между религией и наукой» [48] (великая книга с очень плохим

заглавием) так и кишит подобными фактами. На 13-й странице он приводит примеры некоторых достижений древних философов, которые вызвали восхищение по всей Греции. В Вавилоне сохранился ряд астрономических наблюдений, уходящих в прошлое на тысячу девятьсот три года, которые Калистен послал Аристотелю. У Птолемея, египетского царя-астронома, хранились записи вавилонян о солнечных затмениях за период 747 лет до нашей эры. Как справедливо отмечает профессор Дрейпер:

«Понадобились длительные, непрерывные и тщательные наблюдения, чтобы удостовериться, насколько они правильны. Оказалось, что вавилоняне зафиксировали длительность тропического года с ошибкой всего на 25 секунд, их подсчет звездного года был неверен только на две лишние минуты; они проследили закономерность равноденствий. Они знали причины затмений и с помощью своего цикла, названного *сарос*, могли их предсказывать. Их подсчет этого цикла, в котором более, чем 6585 дней, не совпадал только на 19 с половиною минуты».

«Такие факты служат неопровержимыми доказательствами терпения и искусства, с каким астрономия культивировалась в Месопотамии и что, несмотря на несовершенство инструментов они достигли значительных результатов. Эти древние наблюдатели небесного свода составили каталог звезд и разделили зодиак на 12 знаков; они разделили день на 12 часов и ночь на 12 часов. Они, как говорил Аристотель, посвятили себя долгим наблюдениям за звездным небом и Луной. Они внесли исправления в воззрения на структуру солнечной системы и знали порядок размещения планет. Они создали солнечные часы, клепсидры (водяные часы), астролябии, гномоны».

Говоря о мире вечной истины, который лежит «внутри мира преходящих обманов и нереальностей», профессор Дрейпер говорит:

«Тот мир не следует пытаться открывать через пустые традиции, донесшие до нас мнения людей, живших на заре цивилизации; также и не через сны *мистиков*, думавших, что они вдохновенны. Его следует открывать путем исследования *геометрии и практическими поисками ответов на вопросы в природе*».

Точно. Лучше не скажешь. Этот красноречивый писатель высказал нам глубокую истину. Однако, он не сказал нам *всей* истины, так как он ее знает. Он не описал, какого рода знание и в какой степени давалось в мистериях. Ни одно из более поздних поколений не обладало такими познаниями по геометрии, как строители пирамид и других титанических памятников, допотопных и после-потопных. С другой стороны, никто еще не превзошел их в умении находить практические ответы на вопросы в природе.

Неотрицаемым доказательством этого является значение их бесчисленных символов. *Каждый из этих символов представляет воплощенную идею, объединяющую в себе концепцию божественного невидимого с земным и видимым.* Первое выведено из последнего строго по аналогии формулы герметизма – «как внизу, так и наверху». Их символы показывают великое знание естественных наук и практическое изучение космических сил.

Что же касается практических результатов, какие можно получить «посредством исследования геометрии», то, очень удачно для интересующихся, мы больше не принуждены довольствоваться одними догадками. В наше время американец Джордж Х. Фелт из Нью-Йорка, который, если продолжит так, как начал, когда-то будет признан величайшим геометром века,

оказался в состоянии с помощью единственно только предпосылок, установленных древними египтянами, достичь результатов, которые мы изложим его собственными словами. —

«Во-первых». — говорит Фелт. — «эти предпосылки дают основную схему, к которой вся наука элементарной геометрии, как планиметрия, так и стереометрия, могут быть отнесены; они дают возможность создавать арифметические системы пропорций геометрическим образом и опознавать эту систему во всем, что осталось от египетской архитектуры и скульптуры и во всем, где она была применена с величайшей точностью; прийти к решению, что египтяне пользовались ею, как основой всех астрономических вычислений, на которой был обоснован почти весь их религиозный символизм; находить ее следы среди всего того, что осталось от греческой архитектуры; открыть настолько заметно ее следы среди еврейских священных писаний, чтобы прийти к заключительному выводу о ее присутствии и там; обнаружить, что вся эта система была открыта египтянами после десятков тысяч лет изысканий в области законов природы, и что ее истинно можно назвать вселенской наукой».

В дальнейшем эта система дала ему возможность «определять с точностью проблемы физиологии, о которых до тех пор только догадывались, и первым разработать такую масонскую философию, которая, как кажется настолько же является первой наукой и религией, насколько она будет последней»; и к этому мы можем добавить, что она дает возможность доказать наглядной демонстрацией, что египетские скульпторы и архитекторы брали модели для причудливых фигур, которыми они украшали фасады и вестибюли своих храмов, — не из своей собственной беспорядочной фантазии, но из «незримых рас, населяющих воздух» и другие царства природы, которые они умели делать видимыми посредством химических и каббалистических процессов.

Швейгер доказывает, что символы всех мифологий имеют научную основу и сущность [60]. Только благодаря недавним открытиям по физическим электромагнитным силам природы такие знатоки месмеризма как Эннемозер, Швейгер и Барт в Германии, барон Дю Потэ и Регазони во Франции и Италии получили возможность проследить с почти безупречной точностью истинную связь, какую каждый *божественный миф* имеет с одной из этих сил. Идаический палец, который играл такую значительную роль в магическом искусстве исцеления, означает, просто, железный палец, который то притягивается, то отталкивается естественными магнетическими силами. В Самофракии им творились чудеса исцеления приведением поврежденных органов в нормальное состояние.

Барт глубже, чем Швейгер проникает в значение старинных мифов и изучает этот предмет как с его духовной, так и физической стороны. Он всесторонне трактует о фригийских дактилах, «магах и целителях» и каберианских теургах. Он говорит:

«Когда мы трактуем о дактилах и пользовании ими магнетическими силами, мы отнюдь не имеем в виду только магнит металлический, а имеем в виду магнетизм природы в целом. И тогда становится ясно как посвященные, называвшиеся *дактилами*, приводили людей в удивление своим магическим искусством, совершая чудеса исцеления. К этому следует присоединить еще много другого, чем занималось жречество древности: они учили обрабатывать землю, учили нравственности, продвигали науку и искусства, участвовали в мистериях и тайных посвящениях. Все это делалось жрецами кабирами, и почему не допускать, что ими руководили и их

Швейгер придерживается того же мнения и доказывает, что феномены древней теургии производились магнетическими силами «под руководством духов».

Несмотря на кажущееся многобожие, древние, во всяком случае, образованный класс, – были целиком монотеистичны, и это было еще века до Моисея. В «Папирусе Эберса» этот факт изложен неоспоримо в следующих словах, которые переведены с первых четырех строк первого листа.

«Я пришел из Гелиополиса с великими из Хет-аата, с богами-защитниками, владыками вечности и спасения. Я пришел из Саиса с матерями-богинями, которые простерли надо мной защиту. И Господь вселенной рассказал мне, как можно избавить богов от всех смертоносных болезней».

Выдающихся людей древние называли богами. Обожествление смертных людей и поддельных богов древними не более служит доказательством против их единобожия, чем воздвижение памятников современными христианами, которые воздвигают статуи своим героям, – служит доказательством их политеизма. Американцы нынешнего века сочли бы это абсурдом, если их потомки 3000 лет спустя обвинили бы их в идолопоклонстве за то, что они воздвигли статуи своему богу Вашингтону. Герметическая философия была настолько завуалирована, что Вольней утверждал, что народы древности поклонялись их грубым материальным символам, считая их самих божественными, тогда как на самом деле они изображали эзотерические принципы. Дюпуа также после того как посвятил много лет исследованиям проблемы, ошибся по поводу их символической окружности и приписал их религию исключительно астрономии. Эберхардт («Берлинский ежемесячник») и многие другие германские писатели прошлого и нынешнего веков разделились с магией наиболее бесцеремонным образом и приписывают ее возникновение мифу Платона «Тимей». Но как, не обладая знанием мистерий, эти писатели или какие-либо другие люди, у которых не было тонкой интуиции Шампольона, могли открыть эзотерическую половину того, что скрыто за завесой Изиды для всех, кроме адептов?

Заслуги Шампольона, как египтолога, никто не будет оспаривать. И он заявляет, что все говорит за то, что египтяне были глубокими монотеистами. Точность писаний таинственного Гермеса Трисмегиста, чья древность уходит в тьму времен, подтверждается им в малейших подробностях. Эннемозер также говорит: «В Египет и на Восток приходили Геродот, Фалес, Парменид, Эмпедокл, Орфей и Пифагор, чтобы научиться натурфилософии и теологии. Там же Моисей приобрел свою мудрость, и Иисус провел молодые годы своей жизни».

Туда же устремились ученики со всех стран до того, как была основана Александрия.

«Почему так получается», – спрашивает Эннемозер, – «что мы так мало знаем об этих мистериях? Ведь они существовали много веков в разные времена и у разных народов? – Ответ таков, что это произошло вследствие строгого соблюдения тайны посвящения. Другую причину можно отыскать в уничтожении и полной утере рукописных материалов по тайнознанию седой древности».

Книги Нумы, описанные Ливием, состоящие из трактатов по натурфилософии, были найдены в его могиле. Но с ними не разрешили ознакомиться, чтобы не открылись наиболее сокровенные тайны государственной религии. Сенат и народные трибуны решили, что сами книги нужно сжечь, что и было публично сделано [62, i, 9].

Магию считали божественной наукой, которая приводит к участию в свойствах самой божественности. «Она раскрывает сущность деятельности природы», – говорит Филон Иудей, – «и приводит к созерцанию небесных сил» [63]. В позднейшие периоды злоупотребление ею и вырождение в колдовство сделало ее предметом всеобщей ненависти. Поэтому мы должны касаться лишь такой магии, какой она была в далеком прошлом, когда каждая истинная религия базировалась на знании оккультных сил природы. Не класс священнослужителей древней Персии учредил магию, как обычно думают, но маги, получившие от нее свое название. Мобеды, священнослужители парсов – древние гхеберы – даже в наше время на диалекте пехлеви называются *магои* [Зенд-Авеста, II, с. 506]. *Магия появилась в мире вместе с первыми расами людей.* Кассиан упоминает трактат по магии, хорошо известный в четвертом и пятом веке, приписываемый Хаму, сыну Ноя, который в свою очередь, как говорят, получил его от Джареда четвертого поколения Сета, сына Адамова [64, i, 21].

Своим знанием Моисей был обязан матери египетской принцессы Тхермутис, которая спасла его из вод Нила. Жена фараона [65, с. 199], Батрия, которая сама была посвященной и которой евреи обязаны получением своего пророка, «И научен был Моисей всей мудрости египетской, и был силен в словах и делах» [Деяния, VII, 22]. Юстиниан Мученик, ссылаясь на Помпея Отшельника, описывает Иосифа, как приобретшего великие знания в искусстве магии у верховных жрецов Египта [66, xxxvi, 2].

В отношении некоторых наук древние знали больше, чем до сих пор открыли наши современные ученые. Хотя и с неохотой в этом сознаться, это было признано более, чем одним ученым. «Степень научных познаний, существовавшая в раннем периоде человеческого общества, была значительно выше, чем это желают допустить современники», – говорит доктор А. Тод Томсон, редактор «Оккультных знаний» Салверта [123]; – «но», – добавляет он, – «это знание было заключено в храмах, тщательно завуалировано от взоров народа и доступно только классу священнослужителей». Говоря о *Каббале*, ученый Франц фон Баадер произносит: «Не только наше спасение и мудрость, но и сама наша наука пришла к нам от евреев». Но почему не дополнить этой фразы и не рассказать читателю, от кого евреи получили свою мудрость?

Ориген, который принадлежал к александрийской школе последователей Платона, заявляет, что Моисей, кроме учения, изложенного в Ветхом Завете, сообщил несколько очень важных тайн «из сокровенных глубин закона» семидесяти старшим. Им он дал право сообщать это знание только тем, кого они найдут достойными.

Св. Иероним называет тиберийских и лидийских евреев единственными учителями сокровенного толкования. Наконец, Эннемозер высказывает твердое убеждение, что писания Дионисия Ареопагита явно обоснованы на еврейской *Каббале*. Если мы примем в соображение, что гностики, или ранние христиане, были только последователями старых ессеев под новым именем, то этому факту нечего удивляться. Профессор Молитор воздает *Каббале* должное. Он говорит:

«Век непоследовательности и поверхности в теологии так же, как в науке, миновал, и так как революционный рационализм ничего не оставил за собою, кроме собственной пустоты, разрушив все положительное, то кажется, теперь настало время обратить наше внимание снова к таинственному откровению, представляющему живой родник, откуда должно прийти наше спасение... Можно рассчитывать, что в мистериях древнего Израиля, которые содержат в себе все тайны современного Израиля, можно найти... тот остов теологии, который покоится на глубочайших теософических принципах и может послужить *прочной основой* всем идеальным наукам. Это откроет новые пути... в темном лабиринте мифов, тайн и

основоположений первичных народов. В этих преданиях содержится система школ пророков, которые Самуил не основал, *но только восстановил*; эти школы не имели другой цели, как только вести ученых к мудрости и высшим знаниям, и если кого либо находили достойным, то *раскрывали перед ним более глубокие тайны*. Наряду с этим ставилась *магия*, двойственная по своей природе – божественная магия и магия зла или черное искусство. Каждая из них еще может быть разделена на два вида: активный и созерцающий; в первом человек прилагает усилия, чтобы познать сокровенное через *взаимодействие* с миром, во втором он прилагает усилия для приобретения власти над духами. В первом случае человек совершает *добрые и благодетельные дела*, в последнем же совершает всякого рода дьявольские и противоестественные деяния» [67, с. 185].

Духовенство трех наиболее выдающихся христианских церквей – греческой, римско-католической и протестантской – неодобрительно относится к каждому духовному феномену, проявляющемуся через так называемых «медиумов». Действительно, только очень короткий период времени истек с тех пор, как две первые из трех названных христианских организаций жгли, вешали или иначе умерщвляли каждую беспомощную жертву, через организм которой духи, а иногда слепые и еще неопознанные силы природы проявляли себя. Во главе этих трех церквей особо стоит Римская церковь. Ее руки алы от безвинной крови бесчисленных жертв, которую она проливала во имя Молохо-подобного божества, возглавляющего ее веру. Она готова с жаром снова взяться за это. Но она связана по рукам и ногам духом прогресса и религиозной свободы девятнадцатого века, которого она ругает и поносит каждый день. Греко-русская церковь наиболее добродушная и хриstopодобная в своей примитивной и простой, хотя и в слепой вере. Несмотря на тот факт, что никакого практического объединения между греческой и латинской церквями не было, и они разделились много веков тому назад – римские папы, кажется, совершенно игнорируют этот факт. Они самым наглым образом высокомерно претендуют на юрисдикцию не только над верующими общинами греко-православных стран, но и над всеми протестантами.

«[Католическая] церковь настаивает», – говорит профессор Дрейпер, – «что государство не имеет никаких прав над чем-либо, что церковь объявила находящимся в ее власти, и что у протестантизма который представляет собою только мятеж, – нет никаких прав; и что даже в протестантских приходах *единственный законным пастором является католический епископ*» [48, с. 329].

Декреты (папские), оставленные без внимания, энциклические письма без прочтения, приглашения на экуменические (вселенские) соборы, оставленные незамеченными и высмеянные отлучения от церкви – все это для католической церкви ничто. Их упорство можно сравнить только с их наглостью. И кульминация абсурдности была достигнута в 1864 году, когда папа римский Пий IX отлучил от церкви и предал публичной анафеме российского императора, как «*схизматика*, выброшенного из лона святой матери – церкви». [47] Ни он, ни его предки, ни Россия с тех пор, как они стали христианскими тысячу лет тому назад, не соглашались присоединиться к католической церкви. Почему же тогда не претендовать на церковную юрисдикцию над буддистами Тибета или над тенями древних гиксосов?

Медиумические феномены проявлялись во все времена как в России, так и в других странах. Эта сила не считается с религиозными различиями; она смеется над национальностями, она вторгается непрошенной в любую индивидуальность, будь она хоть венценосной, хоть нищей.

Даже нынешний вице-бог Пий IX сам не мог уберечься от этого незваного гостя. Известно, что в течение последних пятидесяти лет его святейшество подвержено очень странным припадкам. Внутри Ватикана их называют *божественными видениями*. Вне же Ватикана врачи называют их эпилептическими припадками, а народная молва приписывает их одержанию духами Переджия Кастелфидардо и Ментана!

«Огни синеют. Мертв полночный час.
В поту холодном трепетное тело.
Казалось мне, все души мной убитых
Сошлись».^[48]

Герцог-горбун, так прославившийся в течение первой четверти нашего века своей целительной мощью, сам был великий медиум. В самом деле эти феномены и силы не принадлежат тому или другому веку или стране. Они образуют часть психологических атрибутов человека – микрокосмоса.

Веками кликуши, юродивые и другие несчастные страдали странным расстройством, которое русское духовенство и население приписывает одержимости дьяволом. Они толпятся у входов в храмы, не смея пробраться внутрь, чтобы их капризные, владеющие ими демоны не могли их швырнуть наземь. Воронеж, Киев, Казань и все города, где имеются чудотворные мощи канонизированных святых, кишат такими несознательными медиумами. Их всегда можно обнаружить собравшимися во внушающие отвращение группы, слоняющиеся около ворот или портиков. На определенной стадии служения священниками молебна, а именно – при выносе святых даров или при начале молитвы, когда хор исполняет «Иже херувимы», эти полуманьяки, полумедиумы начинают петь петухами, лаять, мычать и кричать по-ослиному и наконец падают на землю в страшных конвульсиях. «Нечистый Дух не выносит святой молитвы», – таково обычно бывает набожное объяснение. Движимые жалостью, какие-нибудь благодетельные души дают «несчастненьким» укрепляющие лекарства и раздают среди них милостыню. Иногда для изгнания бесов приглашают священника, в каковом случае он совершает эту церемонию или во имя любви и милосердия, или же в соблазнительной надежде получить за это 20-копеечную монету – каково будет христианское побуждение. Но этих несчастных созданий, которые являются медиумами, ибо они пророчествуют и иногда видят видения (если их припадки не поддельные^[49]), – никто не обижает, никто им не досаждаёт вследствие их несчастья. Почему духовенство должно их преследовать? Почему люди должны ненавидеть и презирать их, как каких-то проклинаемых ведьм и колдунов? Здравый ум и чувство справедливости должны каждому подсказать, что если тут кого-то надо наказывать, то ни в коем случае беспомощную жертву, а того демона, который, как утверждают, управляет его действиями. Самое худшее, что может произойти с таким пациентом, будет, что священник оболет его или ее освященной водой, и бедное создание схватит насморк. Когда это не помогает, кликушу оставляют на волю Божию, предоставив ее заботам милосердных людей. Суеверная и слепая вера, осуществляемая на таких принципах, несомненно, заслуживает некоторого уважения и не может быть оскорбительной ни для человека, ни для *истинного* Бога. Но не так с этим обстояло дело у римских католиков, и поэтому именно их и, во-вторых, протестантское духовенство (за исключением некоторых передовых мыслителей среди них) мы намереваемся допрашивать в этом труде. Мы хотим знать, на чем они обосновывают свое право обращаться с индусами, китайцами, спиритуалистами и каббалистами так, как они это делают, осуждают, поносят их, называют их неверными (такие неверные – их собственное изобретение), рассматривают как

преступников, приговоренных к мукам в неугасимом адском огне.

Мы далеки от мысли неуважения, не говоря уже о кощунстве, по отношению к божественной мощи, давшей существование всему, видимому и невидимому. О ее величии и беспредельном совершенстве мы даже не осмеливаемся мыслить. Для нас достаточно знать, что Она существует и Она всезнающа. Достаточно, что вместе со всеми созданиями, нашими братьями, мы обладаем искрою Ее сущности. Та верховная Мощь, которую мы почитаем, есть беспредельное и бесконечное великое «ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ СОЛНЦЕ», чьими атрибутами и видимыми проявлениями неслышимой воли мы окружены – это Бог древних и Бог современных прозорливцев. Его естество можно изучать только в мирах, вызванных к существованию его могучим ПОВЕЛЕНИЕМ. Его откровение начертано Его собственным перстом в нетленных знаках вселенской гармонии на лице космоса. Это единственное НЕПОГРЕШИМОЕ евангелие которое мы признаем.

Говоря о древних географах, Плутарх замечает в «Тезее», что они нагромождают по краям своих карт части света, о которых сами не знают, добавляя приписками на полях, что за всем этим дальше ничего нет кроме песчаных пустынь, *полных дикими зверями и непроходимыми болотами*. Разве наши богословы и ученые не делают то же самое? В то время как первые (богословы) населяют невидимый мир ангелами или чертями, наши философы стараются убедить своих учеников, что там где нет *материи*, там *ничего нет*.

Сколько наших закоренелых скептиков несмотря на свой материализм состоят в масонских ложах? Розенкрейцеры, использующие в практике мистерий сильных медиумов существуют до сих пор – но только в названии. Они могут «проливать слезы у могилы их уважаемого мастера Хирама Абифа; но напрасно они будут искать истинное местонахождение „где была положена веточка мирта“. Осталась только мертвая буква дух улетел. Они подобны английским или германским хорам на итальянской опере, которые в четвертом акте „Эрнани“ спускаются в склеп Шарлеманя и поют свой заговор на языке, который им совершенно незнаком. Так и наши со временные рыцари Священного Свода могут опускаться каждую ночь, если захотят, „сквозь девять сводов во внутренности земли“, и „никогда не найдут священной дельты Еноха“. „Рыцари Южной и рыцари Северной долины“ могут пытаться убедиться, что „свет проникает в их умы“ и по мере того, как они продвигаются по ступеням масонства „завеса суеверия, деспотизма и тираний“ и т. д. более не омрачает прозрения их ума. Но все это пустые слова до тех пор, пока они пренебрегают своей матерью магией и поворачиваются спиной к ее сестре близнецу спиритуализму. Во истину, „господа рыцари Востока“ вы можете „оставить ваши стоянки и сидеть на полу в позе горя, подперев голову руками“, ибо у вас есть причина стонать и оплакивать свою судьбу. С тех пор как Филипп Красивый уничтожил рыцарей Храмовников, никто не появился, чтобы рассеять ваши сомнения, несмотря на все противоположные утверждения. Правда, вы – „скитальцы из Иерусалима, разыскивающие утерянное сокровище священного места“. Нашли ли вы его? Увы, нет! Ибо священное место осквернено, колонны мудрости, силы и красоты разрушены. Отныне „вы должны скитаться во мраке“ и „путешествовать во смирении“ среди лесов и гор в поисках „утраченного слова“. „Далее!“ – вы никогда не найдете его, пока вы ограничиваете ваше путешествие семью или даже семью семь потому что вы „путешествуете во мраке“, а мрак может быть рассеян только светом пламенеющего факела истины, который находится в руках истинных потомков Ормузда. Только они могут научить вас правильному произношению имени, раскрытому Еноху, Якову и Моисею. „Далее!“ Пока ваш R. S. W. научится составлять 333, и *раскладывать* взамен 666 – число апокалипсического Зверя, вы можете так же соблюдать благоразумие как и законы братства „Розы“».

Чтобы продемонстрировать что те понятия которых древние придерживались в отношении

деления истории человечества на циклы, не совсем были лишены философского основания, мы закончим эту главу ознакомлением читателя с одним из старейших преданий древности, касающейся эволюции нашей планеты.

В конце каждого «великого года» называемого Аристотелем – согласно Цензорину – *величайшим*, который состоит из шести *сар*,^[50] на нашей планете происходит большая физическая революция. Полярный и экваториальный климаты постепенно обмениваются местами, первый медленно передвигается по направлению к экватору, а тропическая зона со своей роскошной растительностью и кишачей животной жизнью заменяется суровыми пустынями ледяных полюсов. Эта смена климатов обязательно сопровождается катаклизмами, землетрясениями и другими космическими конвульсиями.^[51] По мере того как океанские вместилища будут смещаться в конце каждого десятилетия и одного нероса произойдет полувселенский потоп наподобие легендарного Ноева потопы. И этот год по-гречески называется *гелиакал*; но никто вне стен святилищ ничего определенного не знал о его длительности и о других подробностях. Зима этого года называлась *катаклизмом* или потопом, а лето – *экпиросис*. Популярная традиция учит, что в течение этих чередующихся времен года мир поочередно будет сжигаться и затопляться. Это то что мы по меньшей мере узнаем из «Астрономических фрагментов» Цензорина и Сенеки. Относительно длительности этого года все комментаторы выражаются очень неуверенно – настолько неуверенно, что никто из них, за исключением Геродота и Лина, которые приписывали этому году длительность – первый 10800 лет, последний – 13984 года, – не приблизилась к истине (см. [69] и [70, iii, 29]). По заявлениям вавилонских жрецов, подтвержденным Евполием [71], «город Вавилон обязан своим возникновением людям, спасшимся от катастрофы потопы; они были великанами и они построили отмеченную в истории башню».^[52] Эти великаны, которые были великими астрологами и, кроме того, получили от своих отцов «сыновей Бога», всякие учения, касающиеся сокровенного знания, – учили в свою очередь жрецов и оставили в храмах все записи о периодических катаклизмах, которым они сами были свидетелями. Вот каким образом верховные жрецы получили свое знание о *великих* годах. Кроме того когда мы припоминаем, что Платон в «Тимее» цитирует старого египетского жреца, упрекающего Солона за его незнание того факта, что уже было несколько таких потопов, как великий потоп Огигеса, – то нам легко убедиться, что это верование в *гелиакос* было доктриной известной посвященным священнослужителям по всему миру.

Неросы, врихаспати, или периоды, называемые югами или кальпами – их разрешение представляет пожизненную задачу. Сатья-юга и буддийские хронологические циклы заставили бы математика ужаснуться перед рядами цифр. Махакальпа охватывает бесчисленное количество периодов, уходящие далеко назад в допотопное время. Их система составляет кальпу или великий период в 4.320.000.000 лет которые делятся на четыре меньшие юги, располагающихся в следующем порядке:

Первая – сатья-юга 1728000 лет

Вторая – третаюга 1296000

Третья – двапараюга 864000

Четвертая – калиюга 432000

Итого 4320000

что составляет один божественный век или махаюгу; семьдесят одна махаюга составляет 306.720.000 лет, к которым добавляется сандхия (или время, когда день и ночь граничат друг с другом, утренние и вечерние сумерки), равная одной сатья-юге, 1.728.000 лет, что составляет одну манвантару, состоящую из 308.448.000 лет,^[53] четырнадцать манвантар составляют 4.318.272.000 лет, к которым нужно прибавить сандхию, чтобы началась кальпа, 1.728.000 лет,

образуя кальпу или великий период, состоящий из 4.320.000.000 лет. Так как мы теперь находимся в калиюге двадцать восьмого века седьмой манвантары из 308.448.000 лет, то у нас еще достаточно времени впереди, чтобы дожидаться даже хотя бы половины того времени, которое отпущено миру.

Эти цифры не являются продуктом фантазии, они обоснованы на действительных астрономических вычислениях, как это доказал С. Дэвис.^[54] Многие ученые, в том числе Хиггинс, несмотря на свои исследования, приходят в полное недоумение по поводу того, который из этих циклов является сокровенным циклом. Бунзен доказывал, что египетские жрецы – составители циклических записей – держали их в глубочайшей тайне [74, том i]. Может быть трудность возникла из того факта, что вычисления древних в одинаковой мере касались как духовного продвижения человечества, так и физического. Не трудно понять тесное взаимоотношение, находимое древними между циклами природы и человечеством, если мы не забудем их веру в постоянное и мощное воздействие планет на судьбы человечества. Хиггинс правильно полагал, что цикл индийской системы в 432000 является истинным ключом к сокровенному циклу. Но его неудача в попытке расшифровать его – явная, ибо так как этот цикл относится к тайнам творения, – то он изо всех самый неприступный. Он был повторен в символических числах только в халдейской «Книге Чисел», если она сохранилась, и то ее не следует искать в библиотеках, так как она является одной из самых древних *Книг Гермеса*,^[55] количество которых в настоящее время неопределенно. Вычисляя посредством сокровенного периода Великий Нерос или индийские кальпы, некоторые каббалисты, математики и археологи, ничего не знающие о сокровенных вычислениях, превратит вышеприведенное количество в 21000 лет в 24000 лет, считая это длительностью Великого Года, так как они думали, что последний период в 6000 лет относится только к обновлению нашей планеты. Хиггинс дает этому объяснение, что в древности думали, что равноденствия следовали со скоростью 2000, а не 2160 лет в одном знаке; и таким образом длина Великого Года получилась бы четыре раза по 6000 или 24000 лет. «Отсюда», – говорит он, – «могли возникнуть их чрезвычайно удлинённые циклы, так как с Великим годом произошло бы то же самое, что и с обычным годом, пока он описал бы чрезвычайно удлинённую окружность и опять вернулся на исходную точку». Поэтому он объясняет эти 24000 следующим образом: «Если угол, который плоскость эклиптики образует с плоскостью экватора, уменьшался бы постепенно и регулярно, как до самого последнего времени это предполагалось, то эти две плоскости совпали бы через, приблизительно, десять веков, 6000 лет; еще через десять веков, 6000 лет, Солнце находилось бы расположенным на Южном полушарии сравнительно так же, как оно ныне расположено на Северном; еще через десять веков, 6000 лет, эти две плоскости снова совпали бы; а еще через десять веков, 6000 лет, оно оказалось бы расположенным снова там, где оно находится теперь, по истечении около двадцати четырех или двадцати пяти тысяч лет всего. Когда солнце прибудет на экватор, десять веков или 6000 лет кончатся, и мир будет уничтожен огнем; когда оно прибудет на южную точку, он будет разрушен водою. И таким образом он будет разрушаться в конце каждых 6000 лет или десяти нерос» [52].

Этот метод вычисления посредством *неросов*, совершенно не принимая во внимание тайну, в каковую древние философы, принадлежащие к жреческому классу, облекали свои знания, – привел к величайшим ошибкам. Это привело евреев, так же как и некоторых христианских платоников, к утверждению, что мир будет разрушен в конце периода шести тысяч лет. Гейл показывает, насколько крепко это верование укоренилось в евреях. Это также заставило современных ученых потерять всякую веру в гипотезы древних. Это способствовало возникновению разнообразных религиозных сект, которые подобно адвентистам нашего времени, все время живут в ожидании приближающегося светопреставления.

Так же, как наша планета совершает в течение года оборот вокруг солнца и в то же время в течение каждых двадцати четырех часов совершает оборот вокруг своей оси, пробегая, таким образом, меньшие циклы внутри большего, так и работа меньших циклических периодов завершается и снова начинается внутри Великого Сароса. Оборот физического мира, согласно древней доктрине, сопровождается таким же оборотом в мире мыслительном – духовная эволюция мира совершается циклами так же, как физическая. Поэтому в истории мы наблюдаем регулярное чередование приливов и отливов развития человечества. Великие царства и империи мира сего после достижения кульминационного взлета своего величия снова опускаются вниз в соответствии с тем же законом, по которому они когда-то поднимались; и человечество опустившись до самой низкой точки, снова собирается с силами и опять восходит, причем высота его восхождения, по закону прогрессии циклов, на этот раз будет немного выше той точки с которой оно последний раз начало свой спуск. Деление истории человечества на Золотой, Серебряный, Медный и Железный века не есть выдумка. То же самое мы видим в литературе народов. После века великой вдохновенности и неосознанного творчества непременно наступает век критиканства и сознательности. Первый доставляет материал для анализирующего и критикующего рассудка второго.

Таким образом, все те великие личности, которые подобно гигантам возвышаются в истории человечества, как Будда Сидхарта и Иисус в области духовной и Александр Македонский и Наполеон в области физических завоеваний – только отражение изображения человеческих типов, существовавших десятки тысяч лет до этого в предыдущих эпохах, снова воссозданные таинственными силами, управляющими судьбами нашего мира. Нет ни одной выдающейся личности во всех анналах как священной, так и светской истории, чьих прототипов мы не смогли бы обнаружить в полувыдуманных и в полудействительных преданиях давно исчезнувших религий и мифологий. Как звезда, мерцающая на неизмеримом расстоянии над нашими головами в беспредельности неба, отражается в спокойных водах озера, так и образы людей допотопных веков отражаются в периодах времени, охватываемого взорами истории.

«Как вверху, так и внизу. То, что было, вернется опять. Как на небесах, так и на земле».

Мир всегда неблагодарен по отношению к своим великим людям. Флоренция воздвигла памятник Галилею, но едва упоминает Пифагора. Галилей имел верное руководство в трактатах Коперника, которому пришлось бороться против всемирно установившейся системы Птолемея. Но ни Галилей, ни современная астрономия не являлись открывателями местоположения планетных тел. Тысячи лет до этого расположение планетных тел преподавалось мудрецами Средней Азии, и было принесено оттуда Пифагором не как домысел, а как установленная наука.

«Числа Пифагора», – говорит Порфирий, – «были иероглифическими символами, посредством которых он объяснял все идеи, касающиеся природы всего» [75].

Истинно, только в древности мы должны искать истоки всего. Как хорошо выразился Харгрейв Дженнингс, когда говорил о пирамидах, и как правдивы его слова, когда он спрашивает:

«Разумно ли прийти к заключению, что в период времени, когда наука стояла так высоко, когда человеческие силы, по сравнению с нашими в нынешнее время, были изумительны, – что в такое время эти несокрушимые творения, в которые трудно поверить, – такие достижения, как у египтян – были посвящены заблуждению? что

мириады нильских жителей были глупцы, пребывающие во мраке и что вся магия их великих людей была обманом, и что мы, в своем презрении к тому, что мы называем суеверием и напрасной тратой сил – только мы одни умны? Нет! В этих старых религиях скрыто гораздо больше, чем мы, вероятно, в своей отваге отрицания и в самоуверенности нашего поверхностно научного времени и в высмеивании наших дней без веры – чем мы даже не в состоянии предполагать. Мы не понимаем древних времен. Таким образом мы видим, что классическая практика и языческое учение могут быть примиримы, как даже нееврейское и еврейское, мифологическое и христианское гармонирует в их общей вере, обоснованной на магии. Что магия, в самом деле, возможна – в этом заключается мораль этой книги» [76].

Она возможна. Тридцать лет тому назад, когда первые стуки Рочестера разбудили дремлющее внимание к реальности невидимого мира; когда слабый шорох легких постукиваний превратился постепенно в поток, который наводнил всю планету, – спиритуалистам пришлось вступить в борьбу с двумя мощными силами – с богословием и с наукой. Но теософам приходится выступать против всего мира и первым делом против спиритуалистов.

«Есть *личный* Бог и есть *личный* Дьявол», – как гром гремит христианский проповедник. «Анафема тому, кто осмелится сказать, что их нет». – «Нет личного Бога, за исключением серого вещества нашего мозга», – презрительно отвечает материалист. «И нет никакого Дьявола. И трижды идиот тот, кто говорит, что он есть». А тем временем оккультисты и *истинные* философы не прислушиваются ни к одному из этих двух спорщиков и упорно продолжают работу. Ни один из них не верит в абсурдного вспыльчивого и непостоянного Бога суеверия, но все они верят в добро и зло. Наш человеческий рассудок, эманация конечного ума, без сомнения, неспособен постичь божественный ум, бесконечное и беспредельное существо; и, строго логично, то, что превосходит наше понимание и что останется совершенно непостижимым для наших чувств, то не может существовать, следовательно, и не существует. До сего места конечный рассудок согласен с наукой и говорит: «Нет Бога». Но с другой стороны, наше *Эго* (я) – то, которое живет и думает, и чувствует себя независимым от нас в нашей смертной оболочке – более чем верит, оно *знает*, что есть Бог в природе, ибо этот единственный непобедимый Строитель всего живет в нас так же, как мы живем в Нем. Никакая догматическая вера или точная наука не в состоянии искоренить это интуитивное ощущение, прирожденное человеку, когда он однажды полностью это осознал.

Человеческая натура подобна вселенской природе в том, что она не терпит пустоты. Она чувствует интуитивное томление по Верховной Власти. Без Бога космос выглядел бы как бездушный труп. Так как человеку было запрещено искать Бога в единственном месте, где можно обнаружить Его следы, то он заполнил эту болезненную пустоту личным Богом, которого его духовные учителя построили для него из рассыпающихся развалин языческих мифов и седых философий старины. Как же иначе объяснить обильное появление новых сект, которые растут как грибы, причем некоторые из них до невозможности абсурдны? У человечества имеется одно прирожденное неудержимое желание, которое должно быть удовлетворено любой религией, которая вытеснит догматическую ничем не доказанную и не доказуемую теологию наших христианских веков. Это – желание получить доказательства бессмертия. Сэр Томас Браун выразил это так:

«... нет более тяжелого камня, каким уныние может запустить в человека, как сказать ему, что пришел конец его существованию, или же, что нет никакой будущей жизни, по отношению к которой эта (земная) жизнь кажется приближающей

ступеню, и что она прожита напрасно»

Пусть появляется любая религия, которая в состоянии дать эти доказательства (бессмертия души) в виде научных фактов, и тогда ныне существующая система религиозных верований будет поставлена перед альтернативой или подтвердить свои догмы такими фактами, или же окончательно потерять уважение и любовь христианского мира. Многие христианские священнослужители были вынуждены признаться, что у них *нет никакого достоверного источника*, откуда человек мог бы получить уверенность о какой-либо загробной жизни. Как же тогда могло такое верование (о загробной жизни) устоять у всех народов в течение бесчисленных веков, если людям, как цивилизованным, так и диким, не давались наглядные доказательства? Не является ли само существование такого верования свидетельством, что и размышляющий философ и нерассуждающий дикарь оба были вынуждены признавать то, о чем им свидетельствовали чувства? И если в отдельных случаях призрачные иллюзии могли возникнуть от физических причин, то, с другой стороны, в тысячах случаев привидения людей вели беседы с несколькими собеседниками сразу, которые и видели, и слышали привидение коллективно, и совсем не могли быть помешавшимися в уме.

Величайшие мыслители Греции и Рима смотрели на такие вещи, как на доказанные факты. Они различали привидения по категориям: *манас*, *анима* и *умбра*; *манас* после смерти человека спускался в подземный мир; *анима* или чистый дух поднимался на небеса, а ненаходящий себе покоя *умбра* (земными влечениями привязанный к земле) скитался около своей могилы, так как в нем преобладали материальные влечения, мешающие ему подниматься в высшие сферы.

– «*Terra legit carnem tumulum circumvolet umbra.*
Orcus habet manes, spiritus astra petit»,

говорит Овидий, высказываясь о троичной конституции душ.

Но все такие определения должны быть подвергнуты тщательному анализу философии. Слишком многие из наших мыслителей не считают с тем, что многочисленные изменения в языках, аллегорическая фразеология и очевидная тенденция к секретности мистиков-писателей старины, принявших обязательство никогда не разглашать торжественных таинств святилища, – могли ввести в большие заблуждения переводчиков и комментаторов. Фразы средневековых алхимиков они понимали только буквально, и даже завуалированный символизм Платона, вообще, неправильно понят современными учеными. Когда-нибудь они научатся лучше понимать, и тогда они узнают, что метод крайнего несессарианизма применялся древними так же, как он применяется в современной философии, что с первых веков существования человека основные истины обо всем, что нам позволено узнать на земле, находились в надежном хранении адептов святилища; что различия в верованиях и в религиозных проявлениях только внешние, и что те стражи первичных божественных откровений, которые разрешили все проблемы, поддающиеся человеческому уму, – были связаны вместе в одно вселенское братство, которое образовало непрерывную цепь вокруг планеты. Пусть филология и психология находят конец этой нити. Когда этот конец будет найден, тогда можно будет удостовериться, что путем ослабления одной только петли старых религиозных систем можно распутать всю цепь тайны.

Пренебрежение и отказ от этих доказательств загнали такие выдающиеся умы, как Хэер и Уоллес и других сильных людей в загон спиритуализма. В то же время это пренебрежение и отказ вынудили других, отроду лишенных духовной интуиции, впасть в грубый материализм, который фигурирует под различными именами.

Но мы не видим надобности сейчас продолжать обсуждение этого предмета. Ибо, хотя по мнению большинства наших современников, всего-то был только один день учености, в утренних сумерках которого стояли философы древности, а весь блеск яркого света полудня – целиком наш; и хотя свидетельства множеств древних и средневековых мыслителей как бы оказались ничего не стоящими для современных экспериментаторов, точно бы мир начал существовать с первого века нашей эры, и точно бы все знание только самого недавнего происхождения – мы не теряем ни надежды, ни отваги. Данный момент как нельзя более благоприятен для пересмотра древних философий. Археологи, филологи, астрономы, химики и физики все ближе и ближе приближаются к той точке, где они будут вынуждены считаться с ними. Физическая наука уже достигла границ своих исследований; догматическое богословие видит, что высохли родники ее вдохновения. И если эти признаки не будут замечены, то, все равно, приближается день, когда население нашей планеты получит доказательства, что только древние религии были в гармонии с природой, и что древняя наука охватывала все, что могло быть познано. Долго хранившиеся секреты могут быть раскрыты, давно забытые книги и давно утерянные искусства могут быть опять вынесены на свет, папирусы и пергаменты неопенимого значения могут подвергнуться и оказаться в руках людей, притворяющихся, что обнаружили их, разбинтовывая мумии, или наткнулись на них в тайниках. Каменные плиты и колонны, чьи скульптурно изображенные откровения ошеломят богословов и смутят ученых – все еще могут быть открыты и переведены. Кто знает возможности будущего? Эра освобождения от иллюзий и перестройки скоро начнется – нет! она уже началась! Цикл почти что завершил свой круг; новый цикл вскоре начнется, и будущие страницы истории могут содержать в себе полное свидетельство и дать полное доказательство, что

«Если верить в древние предания.
Духи снисходили к человеку,
Поверяя тайны мироздания».

Глава II

Феномен силы

*«Когда пасует разум, нас гордость защищает.
И пустоту бездонную сознания заполняет...»*

Александр Поп.

«Но зачем меняться процессам природы? Может существовать более глубокая философия, какая нам и не снилась – философия, которая раскрывает тайны природы, но не меняет ее хода проникновением в нее».

Бульвер-Литтон.

Достаточно ли человеку знать, что он существует? Достаточно ли иметь форму человеческого существа, чтобы заслужить обращение – ЧЕЛОВЕК? У нас решительно такое впечатление и убеждение, что для того, чтобы стать настоящим духовным существом, что под этим обращением подразумевается, – человек сперва *должен* заново пересоздать самого себя, т. е. тщательно очистить свои ум и дух не только от преобладающего влияния эгоизма, себялюбия и других нечистот, но также и от заразы суеверия и предрассудков. Последние весьма отличаются от того, что мы обычно называем *антипатиями* и *симпатиями*. Сперва мы бываем неотразимо и нечаянно затянуты в их темный круг тем особым воздействием, тем мощным током магнетизма, который излучается из идей так же, как и из физических тел. Мы им окружены, и моральная трусость – боязнь общественного мнения – мешает нам выйти из этого круга. Редко бывает, что люди рассматривают какое-либо явление в правильном или ложном освещении, пользуясь своим собственным свободным суждением. Как раз наоборот. Обычно выводы делаются слепым подчинением ходячему в этот час мнению среди тех, с кем человек в то время водится. Член церковного прихода не станет платить за свое кресло в церкви абсурдно высокой платы ничуть больше, чем материалист захочет дважды пойти на лекцию Гёксли об эволюции не потому, что они считают правильным так поступать, а только потому, что господин такой-то и госпожа такая-то так поступили, и они сами тоже являются этими ТАКИМИ-ТО.

То же самое в отношении всего остального. Если бы психология имела своего Дарвина, то происхождение человека, поскольку это касается его нравственных качеств, могло бы оказаться неотделимо связанным с происхождением его физической формы. Общество в своем раболепии наводит разумного наблюдателя на мысль, что в подражательстве сходство между людьми и обезьянами даже более поразительно, чем это описал по внешним признакам великий антрополог. Эти многие разновидности обезьян – «издевательские карикатуры на нас самих» – кажется, эволюционировали лишь с целью снабдить определенный класс роскошно разодетых людей материалом для генеалогических деревьев.

Наука с каждым днем все быстрее приближается к великим открытиям в химии, физике, органологии и антропологии. Ученые люди должны бы быть свободными от предвзятых мнений и предрассудков всякого рода; все же, хотя мышление и высказывание мнений свободны, ученые остались такими же, как люди в старину. Утопистом-мечтателем является тот, кто думает, что человек когда-либо меняется в своей сущности вместе с появлением и разработкой новых идей.

Верхний слой земли может быть хорошо удобрен и может с каждым годом приносить все больше плодов, но копни немного глубже верхнего плодоносящего слоя, и там обнаружится та самая почва, какою она была до проведения первой борозды.

Не так уж много лет тому назад человека, который подвергал сомнению какую-либо богословскую догму, сразу клеймили как иконоборца и неверного. *Voe victis!*^[56] ... Теперь наука победила. Но победитель в свою очередь претендует на ту же самую непогрешимость, хотя точно в такой же мере не может доказать свое право на нее. – *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*»,^[57] – поговорка доброго старого Лотаря приложима в этом случае. Тем не менее, мы чувствуем, что у нас как будто есть какое-то право сомневаться в верховных жрецах науки.

В течение многих лет мы наблюдали за развитием и ростом этого яблока-раздора – СОВРЕМЕННОГО СПИРИТУАЛИЗМА. Будучи знакомыми с его литературой и в Европе, и в Америке, мы близко и с большим интересом следили за его бесконечными полемиками и противоречивыми гипотезами. Многие образованные мужчины и женщины – еретики-спиритуалисты, разумеется, – пытались исследовать этот протее-подобный изменчивый феномен. Единственным результатом было, что они пришли к следующему выводу: каковы бы ни были причины постоянных неудач, будь в этом виноваты или сами исследователи или та таинственная Сила, которая производит феномены, доказано по крайней мере, что по мере того, как психологические проявления увеличиваются в частоте и по разнообразию, – мрак, окружающий их происхождение, становится все более непроницаемым.

Что засвидетельствованы, в самом деле, явления, таинственные по своей натуре, вообще и, может быть, неправильно называемые духовными – это теперь бесполезно отрицать. Делая большую скидку на долю ловкого обмана, мы считаем, что того, что осталось, вполне достаточно, чтобы потребовать от науки тщательного исследования. «*E pur se muove*»,^[58] – фраза, произнесенная века тому назад, перешла в категорию домашнего обихода. Теперь уже не требуется отвага Галилея, чтобы швырнуть ее в лицо Академии. Психологические феномены теперь уже сами пошли в наступление.

Позиция, занятая по этому вопросу современными учеными такова, что будь даже происхождение некоторых таинственных явлений в присутствии медиумов фактом, то нет доказательств, что они не обязаны своим возникновением ненормальному нервному состоянию этих индивидуумов. Возможность что феномены могут быть произведены возвратившимися на землю человеческими духами не может быть принята к рассмотрению, пока тот, первый вопрос не решен. Мало исключений из занявших такую позицию. Несомненно, обязательство доказывать лежит на тех, кто утверждает, что феномены совершаются силами духов. Если бы ученые взялись по настоящему, с душой, за этот предмет, проявляя серьезное желание разрешить эту запутанную тайну, – их ни в чем нельзя было бы упрекнуть. Правда великое большинство «духовных» сообщений рассчитано на то, чтобы вызвать возмущение даже посредственных исследователей. Даже когда эти феномены неподдельны, они тривиальны банальны и часто вульгарны. В течение последних двадцати лет мы получили через разных медиумов послания якобы от Шекспира, Байрона, Франклина, Петра Великого, Наполеона и Жозефины, и даже от Вольтера. Общее впечатление у нас создалось такое, что французский завоеватель и его супруга, кажется, забыли, как правильно писать или произносить слова. Шекспир и Байрон стали хроническими пьяницами, а Вольтер впал в слабоумие. Кто может упрекнуть людей, выработавших в себе привычку к точности, или даже просто хорошо образованных людей за то, что они поспешили с выводом что если на поверхности лежит столько осязаемого обмана и лжи, то едва ли там можно обнаружить какую-либо истину при исследовании до конца? Барышничанье около знаменитых имен, от имени которых даются идиотские сообщения, настолько привели научные желудки в состояние несварения, что они даже не могут усвоить

великой истины, которая лежит на телеграфическом плоскогорье этого океана физических явлений. Люди судят о спиритуализме по его поверхности покрытой пеной и накипью. Но они могли бы с таким же правом утверждать, что в море совсем нет чистой воды, если на поверхности моря плавают масляные пятна. Поэтому если мы, с одной стороны, не очень можем упрекнуть ученых за то что они от ступили назад от того что на первый взгляд выглядело таким отвратительным, – мы все же упрекаем и имеем право упрекнуть их за нежелание исследовать глубже. Ни жемчужин, ни отшлифованных бриллиантов не находят так – прямо лежащими на земле; и эти люди действуют так же не мудро, как действовал бы водолаз-искатель жемчуга, который отказался взять устричную раковину лишь потому что у нее неприятная слизкая внешность, хотя в ней могла быть скрыта жемчужина.

Даже справедливые и суровые упреки от некоторых их лидеров не помогают, и боязнь со стороны людей науки исследовать такой непопулярный предмет, кажется перешла уже во всеобщую панику. *«Феномены преследуют ученых, а ученые убегают от феноменов»*, – очень к месту указывает А. Н. Аксаков в содержательной статье о медиумизме в Петербургском ученом комитете. Позиция занятая корпорацией профессоров по отношению к этому предмету, который они обещали исследовать, была целиком просто позорна. Их скороспелый и *заранее подготовленный* доклад настолько неполный пристрастный и неубедительный, что вызвал насмешливые протесты даже у неверящих.

На логическую непоследовательность наших ученых джентльменов, выступающих против спиритуализма, как такового в принципе – прекрасно указал Джон Фиск – сам член их корпорации. В недавно вышедшем философском труде «Невидимый мир» доказывая, что уже по самому смыслу слов *материя* и *дух*, понятно, что дух не может быть продемонстрирован чувствами и поэтому никакая теория о нем неподсудна научным испытаниям – он наносит жестокий удар своим коллегам следующими строками:

«Научное освидетельствование в таком случае», – говорит он, – «должно при условиях нынешней жизни навсегда оставаться недоступным. Оно целиком находится вне пределов эксперимента. И каким бы великим обилие фактов не было, – мы не в состоянии удовлетворить предъявляемые нам требования. И, соответственно, наша неспособность к этому ничуть не противоречит нашей теории. Мысля таким образом, выходит, что вера в загробную жизнь не получает поддержки от науки, но в то же самое время эта вера перестает нуждаться в поддержке науки, оставаясь вне области, на которую может распространиться научная критика. Это есть вера, которую никакие будущие открытия науки не в состоянии опровергнуть. Это вера, которую ни в коем случае нельзя назвать неразумной и которую можно логически поддерживать, ничуть не нарушая нашего научного образа мышления и не оказывая влияния на наши научные заключения». «Если теперь», – добавляет он, – «люди науки примут точку зрения, что дух не есть материя, управляемая законами материи, и воздержатся от спекуляций (необоснованных домыслов) по поводу духа, ограничиваясь своим знанием материи, то они тем самым уберут то, что для религиозных людей в данное время является главной причиной раздражения».

Но ученые этого не сделают. Они пришли в ярость при виде храброй, верной и в высшей степени заслуживающей похвалу капитуляции таких превосходных людей, как Уоллес; они даже отказываются принять благоразумную и сдержанную линию поведения мистера Крукса.

Никакого другого утверждения не выдвигается по поводу мнений, содержащихся в настоящем труде, как только то, что они обоснованы на многолетнем изучении древней магии

и ее современной формы – спиритуализма. Первую, даже теперь, когда феномены подобного же рода стали такими же знакомыми всем, обычно приписывают ловкому трюкачеству. Последнюю же, когда неопровержимые свидетельства исключают возможность объявить ее шарлатанством, называют всеобщими галлюцинациями.

Многие годы скитаний среди «языческих» и «христианских» магов, оккультистов, месмеристов и *tutti quanti*^[59] к белой и черной магии должны бы быть достаточными – мы думаем, – чтобы иметь право чувствовать себя компетентным для установления правильного взгляда по этому весьма сложному вопросу. Мы общались с факирами, святыми людьми Индии и видели, как они сообщаются с *пумри*. Мы наблюдали собрания и *modus operandi*^[60] воющих и пляшущих дервишей; были в дружеских отношениях с марабутами европейской и азиатской Турции, и мало осталось секретов у заклинателей змей Дамаска и Бенареса, которых нам не удалось бы изучить. Поэтому когда ученые, у которых не было возможности и случая жить среди этих восточных фокусников, и которые в лучшем случае, могут судить только поверхностно, – говорят нам, что в их представлениях нет ничего, кроме трюков фокусничества, – мы не можем не чувствовать глубокого сожаления за такие поспешные заключения. Что такие претенциозные заявления делаются без тщательного анализа сил природы, и в то же самое время проявляется такое непростительное пренебрежение к вопросам чисто физиологического и психологического характера, и что поразительные феномены отрицаются без исследования и безапелляционно – это есть проявление несостоятельности, сильно отдающее робостью, если не моральным уклонением.

Поэтому, если мы когда-нибудь получим от какого-либо современного Фарадея то же самое едкое замечание, которое было сделано годы тому назад одним джентльменом, когда, больше по причине искренности, нежели вследствие хорошего воспитания, он сказал, что «многие собаки обладают большей способностью к логическим выводам, нежели некоторые спиритуалисты» [77], то мы боимся, что нам придется на этом настаивать. Оскорбление не есть аргумент и, менее всего, доказательство. Тем, что Гёксли и Тиндаль обозвали спиритуализм «унизительным верованием» и восточную магию «фокусничеством» – тем они не могут отнять от истины ее достоверность. Скептицизм, исходит ли он из ученых или из невежественных мозгов – не в состоянии опрокинуть бессмертие наших душ – если бессмертие есть факт – и не может свергнуть их в *посмертное* уничтожение. «Рассудок подвержен заблуждениям», – говорит Аристотель; то же самое и с людскими мнениями; и личные взгляды наиболее ученого философа часто бывают более склонны оказаться неправильными, чем здравый рассудок его собственного неграмотного повара. В «Сказках о нечестивом калифе» Барачиаса Хасан Оглу арабийский мудрец ведет поучительную беседу.

«Берегись, о, мой сын, самообольщения», – говорит он. – «Оно чрезвычайно опасно вследствие своего приятного опьянения. Пользуйся собственной мудростью, но научись уважать мудрость своих отцов тоже. И помни, мой возлюбленный, что свет истины Аллаха часто гораздо легче проникает в пустую голову, нежели в голову, набитую ученостью настолько, что много серебристых лучей не могут туда попасть за недостатком места, как это произошло с нашим чересчур мудрым кадием».

Эти представители современной науки на обоих полушариях, кажется никогда не проявляли больше презрения и горьких чувств к неразрешимой тайне, нежели с тех пор, как мистер Крукс приступил к исследованиям феноменов в Лондоне. Этот храбрый джентльмен был первым, кто представил публике одного из тех якобы «материализованных» часовых, которые охраняют запретные врата. Следом за ним несколько других членов ученой корпорации проявили редко

встречаемую честность, соединенную со значительной храбростью, которую, ввиду непопулярности исследуемого предмета, можно считать героической, и приступили к исследованиям феноменов.

Но, увы [78, с. 25] хотя дух, действительно, хотел, но смертная плоть оказалась слаба. Они не могли вынести высмеивания, и таким образом тяжелейшее бремя легло на плечи мистера Крукса. Отчет о плодах, какие этот джентльмен пожал со своих беспристрастных исследований, и о благодарности, какую он за это получил от своих братьев ученых, можно найти в его трех статьях под заголовком «Исследование явлений спиритуализма».

По истечении некоторого времени члены Комитета Диалектического общества и мистер Крукс, который применил к своим медиумам наиболее жесткие контрольные средства, исключаящие обман, были вынуждены под давлением нетерпения общественности сообщить в немногих словах, что они видели. Но что могли они сказать, кроме правды? Таким образом, они были вынуждены признать:

1. Что феномены, по крайней мере, те, которым они являлись свидетелями, были неподдельные, и что подделывать их было невозможно; таким образом было наглядно доказано, что проявления какой-то неизвестной силы могут быть произведены и были произведены.

2. Что были ли эти феномены произведены развоплощенными духами или аналогичными им существами, – они не могут этого сказать, но что эти манифестации, совершенно разрушающие многие предвзятые теории, касающиеся естественных законов, – происходили, это было неотрицаемо. Некоторые из этих феноменов произошли в их собственных семьях.

3. Что несмотря на их объединенные усилия, направленные к противоположному, кроме установления неоспоримого факта реальности феноменов и «проблесков от процессов природы, не уложившихся еще в закон» [78], они, пользуясь выражением графа де Габалиса, «не могут отличить головы от хвоста в этом деле».

Но это как раз было то, чего скептическая публика никак не ожидала и не хотела. Еще до того, как заключение Крукса, Барли и Диалектического общества было объявлено, с нетерпением ждали поражения верящих в спиритуализм. И теперь такое признание со стороны их братьев-ученых было слишком унижительно для гордости даже тех, кто робко сами уклонились от исследований. Рассматривалось превысившим границы дозволенного, что такие вульгарные и отвратительные проявления феноменов, которые всегда, с общего согласия образованных людей, считались бабушкиными сказками, годными только на то, чтобы забавлять горничных и приносить доход профессиональным сомнамбулам – что эти манифестации, осужденные Парижской академией наук на забвение – могли так нагло избежать разоблачения в руках знатоков физических наук.

Буря возмущения последовала за признанием. Мистер Крукс описывает это в своей статье о «Психической энергии». Очень к месту он приводит цитату из Гальвани:

«Я атакован двумя противоположными сектами – учеными и дилетантами – и все же я знаю, что открыл одну из величайших сил природы...» – Затем он продолжает: – «Считалось само собою разумеющимся, что результаты моих опытов будут согласны с их предвзятыми мнениями. То, чего они в самом деле желали получить от этих опытов, была не истина, а только добавочное свидетельство в пользу их прошлых заключений. Когда они обнаружили что факты, установленные в моем исследовании никак не могут пригодиться для поддержки их целей, они решили, что... тогда тем хуже для самих фактов. Они пытались найти лазейку из ими самими рекомендованного исследования, заявляя, что „мистер Хоум такой ловкий фокусник что провел нас всех“. „Мистер Крукс мог бы с таким же успехом исследовать

представление индийского фокусника“. „Мистер Крукс должен достать свидетелей получше, прежде чем ему поверят“. „Это невозможно и поэтому не может быть“... (Я не говорил, что это невозможно, я только сказал, что это истинно было). „Наблюдатели, должно быть, все были загипнотизированы и воображали, что видят то, чего в самом деле не было“ и т. д. и т. д.» [79]

После затраты своей энергии на такие вздорные теории, как «бессознательная мозговая деятельность», «невольные мускульные сокращения» и на одну исключительно смешную теорию «хрустящих суставов» (*le muscle craqueur*); после всяких отчаянных усилий добиться ее постыдных провалов из-за упрямого существования Новой Силы и, наконец, после сведения на нет, эти *filii diffidentiae*^[61] – как Св. Павел назвал их класс – пришли к решению с возмущением отойти от всего этого дела. Пожертвовав своей храбро упорствующей братией, как жертвой всесожжения на алтаре общественного мнения, они молчаливо с достоинством удалились. Предоставив арену исследований более бесстрашным борцам, эти неудачные экспериментаторы навряд ли когда-нибудь снова вернутся на нее [81]. Гораздо безопаснее отрицать реальность таких проявлений, находясь от них на некотором безопасном расстоянии, чем отыскивать для них надлежащее место среди категорий естественных явлений, принятых точной наукой. И как они могут, так как все такие феномены относятся к психологии, а последняя со своими оккультными и таинственными силами представляет *terra incognita*^[62] для современной науки. Таким образом, будучи бессильными объяснить то, что непосредственно исходит из природы самой человеческой души – существование которой большинство из них отрицает – и не желая в то же самое время признаваться в своем невежестве, ученые мстят тем, кто верят свидетельству своих чувств, безо всяких претензий к науке.

«Пинок от тебя, о Юпитер, услада», – восклицает поэт Тредиаковский в одной старой русской трагедии. Хотя и грубыми бывают эти Юпитеры от науки иногда к нам, доверчивым смертным, их обширные познания в менее запутанных вопросах, мы хотим сказать, если не в манерах, – дает им право на уважение со стороны общественности. Но, к несчастью, это не боги, кто громче всех кричат.

Красноречивый Тертуллиан, говоря о Сатане и его бесах, которых он обвиняет, что они всегда подражают работе Творца, дает им название «божьи обезьяны». Удачно для некоторых нынешних ученых, что у нас нет современного Тертуллиана, который заклеил бы их на нескончаемое презрение определением «обезьяны от науки».

Но вернемся к настоящим ученым.

«Объективные явления, – говорит А. Н. Аксаков, – напирают на представителей точных наук, требуя исследования и объяснения, но верховные жрецы науки перед такой простой задачей... пришли в полное смущение. Этот предмет исследования, кажется, обладает властью не только принудить их совершить предательство по отношению высочайшего морального принципа – истины, но и по отношению высочайшего закона науки – *экспериментирования!* ... Они чувствуют, что под этим таится что-то весьма серьезное. Дело Хэера, Крукса, де Моргана, Варли, Уоллеса, Бутлерова создало панику! Они боятся, что как только они сделают уступку на один шаг – им придется уступить все. Освященные временем принципы, мыслительные спекуляции целой жизни и длинного ряда поколений – все будет поставлено на одну единственную карту!» [81]

Перед лицом того, что произошло с Круксом и Диалектическим обществом, с Уоллесом и покойным профессором Хэером – что можем мы ожидать от наших научных светил? Их отношение к неотрицаемым феноменам само по себе является другим феноменом. Оно, просто, непостижимо, если мы не допустим возможности другого психологического заболевания, такого

же таинственного и заразительного, как водобоязнь. Хотя мы и не претендуем на честь этого нового открытия, мы тем не менее предлагаем признать это заболевание под именем *научной психофобии*.

Им следовало бы научиться к этому времени в школе горького опыта, что они могут положиться на самостоятельность позитивных наук только до одной определенной точки; и что до тех пор, пока в природе будет существовать хоть одна необъясненная тайна, – им опасно произносить слово «невозможный».

В «Исследованиях явлений спиритуализма» [77] мистер Крукс выносит на выбор читателя восемь теорий «чтобы объяснить наблюдаемые феномены».

Эти теории суть следующее:

Первая теория – Все феномены суть ловкие трюки, хитро устроенные механические приспособления или ловкость рук, медиумы – самозванцы, обманщики, а вся остальная компания – глупцы.

Вторая теория – Люди, участвующие на сеансах спиритуалистов, являются заболевшими своего рода манией или самообманом и воображают, что происходят феномены, которые реально, объективно не существуют.

Третья теория – Все это результат сознательной или бессознательной мозговой деятельности.

Четвертая теория – Это результат духа медиума, возможно, в сообществе с духами некоторых или всех присутствующих.

Пятая теория – Это деяния злых духов или дьяволов, олицетворяющих кого или что им угодно, чтобы подорвать христианство и совратить человеческие души. (Это теория наших богословов).

Шестая теория – Это деяния существ особого порядка, живущих на нашей земле, но невидимых и нематериальных для нас. Однако, они все же способны время от времени проявлять свое присутствие, известное почти во всех странах и во все века под видом демонов (не обязательно плохих), гномов, фей, кобольдов, эльфов, гоблинов, паков и т. д. (Одно из утверждений каббалистов).

Седьмая теория – Это деяния умерших человеческих существ. (*Преобладающая* теория спиритуалистов).

Восьмая теория – (Это – психическая энергия)... дополнение к четвертой, пятой шестой и седьмой теориям».

Первая из этих теорий, оказавшейся состоятельной только в исключительных, хотя, к несчастью, все же в слишком частых случаях, – должна быть исключена, как не имеющая существенного отношения к самим феноменам, как таковым. Теории *вторая* и *третья* являются разрушающимся последним оплотом окопавшихся скептиков и материалистов, и остаются, как говорят юристы, – *Adhuc sub judice lis est*».^[63] Таким образом, в настоящем труде нам предстоит разобраться только с остальными четырьмя, восьмая и последняя, по мнению мистера Крукса, «является лишь необходимым дополнением» к другим.

Насколько даже научное мышление подвержено заблуждениям, мы увидим, если только сравним несколько статей по спиритуалистическим феноменам, которые были талантливо написаны джентльменом, опубликованных с 1870 по 1875 годы. В одной из его первых статей мы читаем:

«...расширенное применение научных методов будет способствовать точности наблюдений и большей любви к истине среди исследователей, что приведет к образованию группы наблюдателей, которая прогонит дешевый осадок спиритуализма

в безвестность магии и некромантии».

А в 1875 г. мы читаем за его же подписью подробнейшие и весьма интересные описания материализованного духа Кети Кинг!^[64]

Едва ли возможно полагать, что мистер Крукс мог находиться под электро-биологическим влиянием или во власти галлюцинаций в течение двух или трех лет подряд. «Дух» появлялся в его собственном доме, в его библиотеке, при самых жестких контрольных условиях: его видели, щупали и слышали сотни людей.

Но мистер Крукс отрицает, что он когда-либо принимал Кети Кинг за развоплощенного духа. Кто же тогда это был? Если это не была мисс Флоренс Кук, и его слово служит для нас достаточной гарантией этому, тогда это был или дух кого-либо из живших на земле, или же одна из сущностей, прямо подпадающих под шестую теорию из восьми, предлагаемых публике на выбор выдающимся ученым. Это, должно быть, одна из сущностей тех категорий, которых называют феями, кобольдами, гномами, эльфами, гоблинами или паками.^[65]

Да; Кети Кинг должна бы быть феей-Титанией. Потому что только к фее, по-настоящему, может быть приложимо следующее поэтическое излияние, которое приводит мистер Крукс, описывая этого чудесного духа:

«Сияньем неземным она окружена,
Сам воздух светится от глаз ее лучистых;
Прекрасны и нежны, в них было все сполна,
Что вы могли увидеть в грезах чистых;
И за желание *пред ней колена преклонить*,
Никто не сможет в святотатстве обвинить!»^[66]

Итак, после того как написал в 1870 году суровый приговор против спиритуализма и магии, после того, как сказал, что в то время он даже думал, что «в целом спиритуализм или суеверие, или, по крайней мере, необъяснимый трюк, обман чувств»,^[67] – мистер Крукс в 1875 году заканчивает свое письмо следующими памятными словами:

«Вообразить, скажу я, что Кети Кинг истекших трех лет есть результат жульнического обмана, означает нанести еще большее оскорбление человеческому рассудку и здравому смыслу, чем думать, что она действительно та, за которую она себя выдает» [77, с. 45].

Это последнее замечание, кроме того, убедительно доказывает, что: 1. Несмотря на полную убежденность Крукса, что эта особа, называющаяся Кети Кинг, была ни медиумом, ни сообщником в каком-либо обмане, но, как раз наоборот – неизвестной силой природы, которая подобно любви – «смеется над замочных дел мастером»; 2. Что эта не опознанная форма силы, хотя и стала для него «не делом мнения, но абсолютного знания», – выдающийся исследователь все еще не оставил своего скептического отношения к этому вопросу. Короче говоря, он твердо верит в подлинность феномена, но не может примириться с мыслью, что Кети Кинг – душа *какого-то* умершего человека.

Нам кажется, что постольку, поскольку дело касается предрассудков, мистер Крукс разрешает одну загадку путем создания другой: *obscurum per obscurius*.^[68] Другими словами, отвергая «дешевый осадок спиритуализма», отважный ученый теперь сам по собственной воле

бросается в «бездну магии и некромантии»!

Признанные законы физической науки объясняют только некоторые из более объективных из так называемых спиритуалистических феноменов. В то время как эти законы помогли установить реальность некоторых видимых проявлений некой неизвестной силы, они пока что не дали возможности ученым контролировать по желанию даже эту часть феноменов. Дело в том, что профессора еще не открыли необходимых условий, обуславливающих феномены. Они должны настолько же углубиться в изучение тройной природы человека – физиологической, психологической и *божественной* – насколько углубились их предшественники: колдуны, маги и чародеи древности. Вплоть до настоящего времени, даже те, кто вели исследования феноменов так же тщательно и беспристрастно, как мистер Крукс, оставляли в стороне причину феноменов, как нечто, что теперь невозможно раскрыть, если, вообще, ее когда-либо можно будет раскрыть. Они беспокоились об этом не более, чем о первопричине космических феноменов корреляции энергий, чьи бесконечные следствия они с таким усердием наблюдают и классифицируют. Направление их исследований настолько же неразумно, как неразумна попытка человека, пытающегося открыть источник реки, двигаясь по направлению к ее устью. Это настолько сузило их взгляды на возможности закона природы, что самые простые формы оккультных феноменов вызвали их отрицание, что они не могут быть, если чудеса невозможны; а так как это научный абсурд, то физические науки в последнее время стали терять престиж. Если бы ученые вместо того, чтобы отрицать чудеса, стали бы их изучать, то многие сокровенные законы, известные древним, снова были бы открыты.

«Убеждение», – говорит Бэкон, – «приходит не путем доказательств, а путем опыта».

Древние всегда очень отличались, особенно халдейские астрономы и маги, своею большою любовью и устремлением к знанию по всем отраслям науки. Они пытались проникнуть в тайны природы тем же путем, что и наши современные естествоиспытатели, тем единственным методом, которым эта цель может быть достигнута, а именно, экспериментальными исследованиями и рассуждением. Если наши современные философы не в состоянии понять того факта, что древние проникли глубже, чем они сами в тайны вселенной, то это еще не есть обоснованная причина, чтобы не признать за древними части этих знаний и обвинять их в суеверии. Никто не дает права на такое обвинение; и каждое новое археологическое открытие выступает против такого утверждения. Как химикам, им не было равных, и в своем знаменитом письме *«О потерянных знаниях»* Уэнделл Филлипс говорит:

«Химия наиболее древнего периода достигла таких высот, что мы даже еще не приблизились к ним».

Секрет тягучего стекла, которое «будучи подвешено за один конец в течение 20 часов под собственной тяжестью, вытягивалось в тонкую нить, которую можно было обернуть вокруг вашей руки», в наших цивилизованных странах будет так же трудно открыть, как совершить полет на Луну.

Изготовление стеклянной чаши, принесенной одним изгнанником в Рим во время царствования Тиберия, чаши, которую он швырнул на мраморный пол и которая не рассыпалась, не разбилась при падении, а «получила только небольшую вмятину», которую тут же легко молотком выправили, – исторический факт. Если в нем сомневаются, то лишь потому, что наши современники не в состоянии сами это сделать. И все же в Самарканде в некоторых тибетских монастырях такие чаши и стеклянную посуду можно обнаружить по сей день; более того, существуют люди, которые заявляют, что они могут сделать то же самое в силу своего знания, высмеянного и всегда ставившегося под сомнение *алкахеста* – универсального растворителя.

Это действующее вещество, которое Парацельс и Ван Гельмонт описывают, как некую жидкость в природе, «способную довести все подлунные тела как однородные, так и составные, до их *ens primum*, или изначальной материи, из которой они возникли; или же довести до состояния однородной равномерной и годной для питья жидкости, которая соединяется с водою и соками всех тел, удерживая при этом свои основные свойства, но если ее опять смешать с самой собою, то этим же она будет превращена в простую воду». Какая невозможность препятствует нам поверить в это? Почему алкахест не должен существовать и почему эту идею мы должны рассматривать, как утопию? Или это опять потому, что наши современные химики не могут создать его? Ведь, несомненно, совсем не требуется большого усилия мышления, чтобы прийти к заключению, что все тела должны были первоначально возникать из какой-то первичной материи, и что эта материя, согласно данным астрономии, геологии и физики, была жидкой. Почему бы золоту, о происхождении которого ученые так мало знают, не быть вначале первичной *основной материей*, тяжелой жидкостью, как говорит Ван Гельмонт, «по своей природе или по прочному сцеплению между частицами, которая впоследствии и обрела плотные формы»? Кажется, что очень мало абсурдного в вере в «универсальный *ens*, который растворяет все тела в их *ens genitale*». Ван Гельмонт называет его

«наивысшей и самой эффективной из всех солей, которая, обладая высшей степенью простоты, чистоты, тонкости, одна лишь имеет свойство оставаться неизменной и неповрежденной теми веществами, на которые она оказывает свое воздействие, растворяя наиболее нерастворимые и неподатливые тела, как то камни, драгоценности, стекло, землю, серу, металлы и т. д. в красную соль в количествах, равных по весу растворенной материи; и это она совершает так же легко, как горячая вода растворяет снег».

Вот в эту, именно, жидкость создатели тягучего стекла, как они заявляют, погружают на несколько часов обычное стекло, чтобы оно приобрело тягучесть.

У нас имеется наготове осязаемое доказательство таких возможностей. Один иностранный корреспондент Теософического общества, известный практикующий врач, который изучал оккультные науки свыше тридцати лет, сумел добыть то, что он называет «истинным маслом золота», т. е. первичный элемент. Химики и физики видели и рассматривали его и были вынуждены признать, что они не знают, как он получается, и сами не в состоянии создать таковой. Что этот открыватель не желает, чтобы его имя стало известно *теперь*, в этом нет ничего удивительного. Высмеивание и предрассудки публики иногда опаснее инквизиции прошлого. Эта «Адамова земля» – ближайший сосед алкахеста и представляет величайший секрет алхимиков. Ни один каббалист не откроет его миру, ибо, как они выражаются на хорошо известном жаргоне: «Раскрытие этого дало бы объяснение всех „козырей“ алхимиков, а также и знание того, как эти козыри бьются», это тот секрет, на овладение которым Томасу Вогану (Евгений Филалет) потребовалось 20 лет.

По мере того как заря физических наук переходила в яркий день, духовные науки все глубже и глубже погружались в ночь и, в свою очередь, их стали отрицать. Так что в настоящее время на этих величайших знатоков психологии смотрят, как на «невежественных и суеверных предков», так же как на шарлатанов и фокусников, потому что, несомненно, солнце современной учености сияет сегодня так ярко, что стало аксиомой, что философы и люди науки в древности не знали ничего и жили во мраке суеверия. Но их клеветники и поносители забывают, что их солнце сегодняшнего дня будет казаться темным по сравнению со светилом завтрашнего дня, справедливо или нет; и так же, как люди нынешнего века считают своих предков невеждами,

также и их самих потомки будут считать *ничегонезнающими*. Мир движется циклами. Будущие расы людей будут репродукциями рас давно ушедших; как и мы, вероятно, являемся подобиями тех, кто жили сотни веков тому назад. Настанет время, когда те, кто теперь публично клеветают на герметистов, а тайно изучают их пылью покрытые тома, кто плагиатирует их идеи, усваивают и выдают за свои собственные, – получают по заслугам.

«Кто? – честно восклицает Пфаф, – какой человек когда-либо имел более разумные взгляды на природу, чем Парацельс? Он был смелым творцом химических лечебных средств, основателем смелых партий, побеждающим в спорах и принадлежал к тем духам, которые создали в нашей среде новое мышление о бытии. То, что он рассыпал по своим писаниям по поводу философского камня, пигмеев и духов шахт, по поводу знаков, гомункулов и эликсира жизни, и чем многие пользуются, чтобы умалить его, – не может погасить ни нашей благодарной памяти о его главных работах, ни нашего восхищения перед его свободными, смелыми усилиями и перед его благородной разумной жизнью» [82].

Не один патолог, химик, гомеопат и магнетизер утолили свою жажду знаний в его книгах. Фредерик Хуфеланд получил свои теоретические доктрины о заражении от этого средневекового «знахаря», как Шпренгер любит называть того, кто неизмеримо выше его самого. Химман, который делает усилия, чтобы реабилитировать этого великого философа и благородно стремится снять клевету с его памяти, говорит о нем, как о «*величайшем* химике своего времени» [83]. То же самое делают профессор Молитор [67] и доктор Эннемозер, выдающийся германский психолог [84]. Согласно их критике трудов этого герметиста, Парацельс был «удивительнейшим умом своего века», «благородным гением». Но наши современные светила полагают, что они знают лучше, и идеи розенкрейцеров об элементах, гоблинах и эльфах потонули в «пропасти магии» и сказок раннего детства.^[69]

Мы вполне готовы согласиться со скептиками, что половина или даже больше того, что кажется феноменами, представляет собою более или менее ловкий обман. Недавние разоблачения, особенно «материализующих» медиумов, слишком хорошо доказали этот факт. Несомненно, что и впереди таких обманов предстоит немало, и так будет продолжаться до тех пор, пока контроль не станет таким совершенным и сами спиритуалисты настолько благоразумными, что уже не предоставят возможностей медиумам к обману.

Что думать разумному спиритуалисту о поведении ангелов-водителей, которые после того, как годами монополизировали время, здоровье и средства бедного медиума, вдруг покидают его, когда он более всего нуждается в их помощи? Что только *бездушные и бессовестные* твари могут быть способны на такую несправедливость. Обстоятельства? – Пустая софистика. Что за духи они, если они, когда нужно, не созовут армию дружественных духов (если таковые имеются), чтобы подхватить, уберечь невинного медиума от ямы, вырытой у его ног? Такое происходило в старину – может произойти и теперь. *Привидения являлись до появления современного спиритуализма, и феномены, подобные нашим, происходили во все предшествующие века.* Если современные манифестации спиритуализма представляют собою осязаемые факты и являются реальностью, то такую же реальностью и осязаемыми фактами, должно быть, были так называемые «чудеса» в тауматургических свершениях старины, или же если последние являются только выдумками и суеверием, то и первые должны быть такими, так как свидетельства их подлинности не лучше.

Но в этом ежедневно увеличивающемся потоке оккультных феноменов, который несется с одного конца земного шара на другой, хотя две трети оказались подложными – как быть в этом потоке с теми, которые оказались настоящими вне всякого сомнения и придинок? Среди них могут быть найдены сообщения, переданные как через непрофессиональных, так и через профессиональных медиумов – сообщения из высоких источников, обладающие пророческим

значением. Часто через малых детей и простодушных невежественных лиц мы получаем философские учения, наставления, поэзию и вдохновенные речи, музыку и живопись, вполне достойные репутации тех авторов, от имени которых они даются. Их пророчества часто подтверждаются и нравственные беседы благотворны, хотя последние редко происходят. Кто эти духи, что это за силы или разумы, которые, очевидно, находятся *вне* медиума и являются существами *per se*?^[70] Эти *разумы* заслуживают такого названия, и между ними и общемою массою призраков и домовых, которые носятся вокруг кабинетов, где происходит материализация, – разница такая же, как между днем и ночью.

Мы должны признаться, что положение сейчас нам кажется очень серьезным. Власть над медиумами со стороны таких беспринципных и лживых «духов» постоянно становится все больше и больше распространенной; и пагубные следствия *кажущейся* дьявольщины постоянно умножаются. Некоторые из лучших медиумов покидают публичную кафедру и отходят от этого влияния, все это движение начинает сносить в сторону церкви. Мы берем на себя смелость делать предсказание, что если спиритуалисты не приступят к изучению древней философии, чтобы научиться различать духов и предохранять себя от их низшего сорта, то не пройдет более 25 лет, как им придется бежать причащаться в Римскую церковь, чтобы спастись от всех этих «водителей» и «властителей», с которыми они так долго играли. Знаки грядущей катастрофы уже приближаются. Недавно на съезде в Филадельфии совершенно серьезно было предложено организовать секту *христианских* спиритуалистов. Это потому, что отойдя от церкви и ничего не узнав про эти феномены из философии, они теперь плавают по морю Неопределенности, как корабль без компаса и руля. Им не уйти от дилеммы, они должны сделать выбор между Порфирием и *Pio Nono*.

В то время, как мужи от истинной науки, такие как Уоллес, Крукс, Вагнер, Бутлеров, Варли, Бьюкенан, Хэер, Рейхенбах, Тьюэри, Пирти, де Морган, Хофман, Голдсмит, У. Грегори, Фламарион, сержант Кокс и многие другие непоколебимо верят в происходящие ныне феномены, многие из вышеперечисленных лиц отбрасывают теорию участия в феноменах духов умерших людей. Поэтому будет только логично думать, что если лондонская «Кети Кинг», единственное материальное *что-то*, в которую публика более или менее обязана верить из-за уважения к науке – не есть дух бывшего смертного, тогда она должна быть астрально уплотненной тенью или одного из розенкрейцеровских призраков «фантазий и суеверий», или же какой-то неизвестной силой природы. Однако, не имеет значения, она «дух благополучия или проклятый домовый», ибо, если однажды было доказано, что ее суть не есть плотная материя, то она должна быть «духом», видением, *дуновением*. Это разум, действующий вне наших органов и поэтому должен принадлежать к какой-то существующей, хотя и невидимой расе существ. Но что это такое? Что это такое, что думает и даже говорит, но не есть человек? Неосязаемый, но все же не развоплощенный дух? Имитирует ли он привязанность, страсть, угрызания совести, страх, радость, но на самом деле не испытывает ни одного из этих чувств? Кто эта лицемерная субстанция, которая находит удовольствие, обманывая доверчивого исследователя и издеваясь над священными человеческими чувствами? Ибо, если не Кети Кинг вводила в заблуждение мистера Крукса, то другие подобные ей сущности делали все это. Кто может постичь эту тайну? Только истинный психолог. И куда же он должен пойти за учебниками, как не в пренебрегаемые альковы библиотек, где труды презираемых герметистов и теургов собирали на себя пыль эти долгие годы.

Уважаемый английский платоник Генри Мор в своем ответе на нападки со стороны некоего скептика, по имени Уэбстер,^[71] на верящего в спиритуалистические феномены и магию, говорит:

«Что касается другого мнения, которого придерживается большая часть священнослужителей Реформированной церкви, а именно, что это был Дьявол, который (в Священном Писании) явился под видом Самуила, – то это мнение ниже всякой критики, ибо хотя я не сомневаюсь, что во многих случаях, где фигурируют такие некромантические привидения, они суть *смехотворные духи, а не души умерших, какими они кажутся*; все же для меня ясно, что это было появление души Самуила; и мне также ясно, что в других случаях, связанных с некромантией, это могли быть такого рода духи, как Порфирием вышеупомянутые, которые принимают любые формы, любой вид, какое-то время играют роль демонов, потом роли ангелов и богов, а иногда – *роли душ умерших людей*. И я признаю, что такой дух мог бы сыграть Самуила, что бы там ни утверждал Уэбстер – его аргументы чрезвычайно слабы и неубедительны».

Когда такой метафизик и философ, как Генри Мор дает такое свидетельство, как вышеприведенное, – мы можем считать, что мы выразили правильный взгляд. Все ученые исследователи очень скептически настроены по отношению к духам вообще, а по отношению к «душам умерших людей» в особенности; в течение последних 20 лет они ломали свои головы над изобретением новых имен для старого предмета. Так, например, это неизвестное для Крукса и сержанта Кокса будет – «психическая сила». Профессор Тьюэри из Женевы называет его «психодом» или *эктенической* силой; профессор Балфур Стюарт – «электро-биологической энергией»; Фарадей, «великий мастер экспериментальной философии в физике», но, по-видимому, новичок в психологии, высокомерно наименовал его «бессознательное мускульное действие» и «бессознательная мозговая деятельность» и так далее; сэр Уильям Гамильтон – «латентная мысль»; доктор Карпентер – «идеомоторный принцип» и т. д., и т. д. Сколько ученых, столько и названий.

Годы тому назад старый германский философ Шопенгауэр разделался с этой силой и материей в одно и то же время; и со времени перемены своих взглядов и мистер Уоллес, великий антрополог, очевидно, усвоил его идеи. Учение Шопенгауэра заключается в том, что вселенная есть проявление воли. Каждая сила в природе также есть следствие воли, представляющей большую или меньшую степень своей объективности. Это – учение Платона, который ясно высказал, что видимое все было создано или эволюционировано из невидимой и вечной ВОЛИ и по ее образу. Наши небеса – говорит он – были сотворены по извечному образу «Идеального Мира», содержащемуся как и все, в додекаэдре, в геометрической модели, используемой божеством [32, 97]. У Платона Первичное Существо есть эманация Разума Демиурга (*мировой разум*), который содержит в себе извечно «идею» мира, «который должен быть построен», и идею эту он создает из себя самого.^[72] Законами природы являются установившиеся соотношения этой *идеи* к формам ее проявления;

«этими формами, – говорит Шопенгауэр, – являются время, пространство и причинность. Через время и пространство идея изменяется в бесчисленном разнообразии проявлений».

Эти идеи далеко не новы, они произошли даже не от Платона. Вот, что мы читаем в «Халдейских оракулах» [90, с. 243]:

«Работы природы сосуществуют с умственным [νοῦρω], духовным Светом Отца. Ибо это был дух [ψυχή], кто украсил великое небо и кто украшает его после Отца».

«Бестелесный мир тогда был уже завершен, имея свое местопребывание в божественном Разуме», —

говорит Филон [91, х], которого ошибочно обвиняют в том, что он взял свои идеи у Платона.

В «Теогонии» Мокуса мы сперва находим эфир, а затем воздух; два принципа, из которых родился Улом, *постигаемый* [νοῦτος] Бог (видимая вселенная из материи) низшего порядка [89, с. 268].

В орфических гимнах Эрос-Фанес эволюционирует из Духовного Яйца, которое оплодотворяется эфирными ветрами, причем Ветер [92, с. 236] есть «дух Божий», про которого сказано, что он движется в эфире, «оплодотворяя Хаос» – божественная «мысль». В индийской «Катакопанишаде» пуруша, божественный дух, уже стоит перед изначальной материей, из союза которых возникает великая Мировая Душа, «Маха-Атма, Брахма, Дух Жизни» [93, 213, 214 и далее]; последние обозначения идентичны с Мировой Душой или *Anima Mundi* и астральным светом теургов и каббалистов.

Пифагор принес свои учения из святилищ Востока, а Платон придал им более понятную для непосвященного человека форму, чем таинственные числа Пифагора, чьи учения он полностью усвоил. Поэтому у Платона Космос есть «Сын», имеющий в качестве отца и матери божественную Мысль и Материю [89, с. 268].

«Египтяне, – говорит Данлеп [94, с. 88], – различали старшего и младшего Гора; первый был брат Озириса, а второй сын Озириса и Изиды».

Первый есть *Идея* мира, пребывающая в разуме Демиурга, «порожденная во мраке перед сотворением мира». Второй Гор есть «Идея», исходящая из *Логоса*, одетая в материю и начавшая действительное существование» [89, с. 268].

«Земной Бог вечен, беспределен, молод и стар, волнообразной формы» [90, с. 240], – говорится в «Халдейских оракулах».

Эта «волнообразная форма» – образ, чтобы выразить вибрационное движение астрального света, с которым священнослужители древности были очень хорошо знакомы, хотя их взгляды могут не совпадать со взглядами на эфир современных ученых, ибо они вкладывали в эфир Вечную Идею, наполняющую вселенную, или *Волю*, которая становится *Силой* и творит и организует *материю*.

«Воля, – говорит Ван Гельмонт, – первая из всех сил. Ибо через волю Творца все было сотворено и приведено в движение... Воля есть свойство всех духовных существ и проявляется в них тем сильнее, чем больше они освободились от материи».

И Парацельс, которого называли божественным, добавляет в том же самом духе:

«Вера должна подкреплять воображение, ибо вера создает волю... Решительная воля есть начало всех магических операций... Из-за того, что люди не умеют в совершенстве воображать и верить в совершенстве, получается, что результаты их магии сомнительны, не надежны, тогда как они могли быть вполне надежными».

Одной только противодействующей силы неверия и скептицизма достаточно, если ток ее направлен с равною силою, чтобы воспрепятствовать силе веры других и даже полностью ее нейтрализовать. Почему спиритуалисты удивляются, что присутствие некоторых сильных скептиков на сеансах, или таких, которые, будучи настроены чрезвычайно враждебно к спиритуализму, – бессознательно приводит в действие их противоборствующую силу воли

настолько, что мешают проявлениям и часто совсем их прекращают? Если нет на земле *сознательной* силы, но иногда обнаруживается что-то мешающее и даже прекращающее явления, то почему удивляться, что *бессознательная*, пассивная сила медиума вдруг парализуется в своих результатах другою, противодействующей силой, хотя она тоже приведена в действие бессознательно? Профессора Фарадей и Тиндаль хвастались, что их присутствие в кружке спиритуалистов во время сеансов сразу прекращает все проявления. Один этот факт уже должен был доказать этим выдающимся ученым, что в феноменах участвовала какая-то сила, достойная того, чтобы привлечь их внимание. В качестве ученого, профессор Тиндаль, возможно, был самым выдающимся из присутствующих на сеансе; в качестве проницательного наблюдателя, которого выкидывающему трюки медиуму нелегко обмануть, он был не лучше, чем другие, присутствующие на сеансе, если и был настолько же умен; и если бы проявления были бы обманым мошенничеством, настолько искусными, что обманули бы всех других, они бы не прекратились даже от его присутствия. Какой медиум может когда либо похвастать такими феноменами, какие совершал Иисус и апостол Павел вслед за ним? Все же, даже у Иисуса были случаи, когда сила бессознательного сопротивления преодолевала даже так умело направленный волевой ток.

«И он не совершал там много чудес из-за их неверия».

Каждый из этих изложенных взглядов имеет свое отражение в философии Шопенгауэра. Наши «исследующие» ученые могли бы с пользой заглянуть в его труды. Они найдут там много странных гипотез, обоснованных на старых идеях, размышления по поводу «новых» феноменов, которые могут оказаться такими же разумными, как и всякие другие, ученые таким образом избавились бы от бесполезного труда по изобретению новых теорий. Психические и эктенические силы, и даже теория «бессознательной мозговой деятельности» – могут быть сконденсированы в два слова: каббалистический АСТРАЛЬНЫЙ СВЕТ.

Смелые теории и мнения, высказанные в трудах Шопенгауэра, широко расходятся с мнениями большинства наших ортодоксальных ученых.

«В действительности, – говорит этот смелый мыслитель, – нет ни *материи*, ни *духа*. Тенденция гравитации в камне насколько же необъяснима, насколько необъяснима мысль в человеческом мозгу. Если материя может (никто не знает – почему) падать на землю, то она также может (никто не знает – почему) – думать... Как только, даже в механике, мы преступаем границы чисто математического, как только мы доходим до загадочного, сцепления, тяготения и так далее, мы стоим перед лицом явления, которое является для нашего рассудка столь же таинственным, как ВОЛЯ и МЫСЛЬ в человеке – мы находимся перед непостижимым, ибо такова каждая сила природы. Где же тогда та *материя*, на хорошее знание которой вы постоянно претендуете и из которой (будучи так близко знакомы с ней) вы выводите все ваши заключения и объяснения и приписываете их всему?.. То, что можно полностью понять охватить рассудком и чувствами – только поверхностное; они не в состоянии постичь внутреннюю сущность вещей. Такого было мнение Канта. Если вы считаете, что в человеческой голове присутствует какой то дух, вы обязаны думать то же самое о камне. Если ваша мертвая и совершенно пассивная материя может проявлять тенденцию к тяготению, или, подобно электричеству, может притягивать и отталкивать, искриться, тогда точно так же как мозг – она может также и думать. Короче говоря, каждую частицу так называемого духа мы можем заменить эквивалентом материи, и каждую частицу материи можем заменить духом. Таким образом декартовское разделение всего сущего на материю и дух нельзя назвать философски точным; но только если мы разделим их на *волю* и *проявление*, каковая форма разделения не имеет никакого отношения

к прежнему делению, ибо она одухотворяет все то, что в первую очередь реально и объективно (тело и материя), она преобразует каждое проявление – в волю» [95, II, с. 111—112].

Эти взгляды подтверждают то, что мы говорили о разных названиях одного и того же. Спорщики спорят только о названиях. Назовите феномен силой, энергией, электричеством или магнетизмом, волей или духовной силой, – он всегда будет частичным проявлением *души*, будь она развоплощенной или на время заключенной в свое тело, частицы той разумной, всемогущей и индивидуальной ВОЛИ, наполняющей всю природу и известной, вследствие неспособности человеческого языка к правильной передаче психологических представлений, под названием – БОГ.

Идеи о материи некоторых наших ученых являются, с точки зрения каббалистов, ошибочными во многих отношениях. Гартман называет их взгляды «инстинктивным предрассудком». Далее он наглядно показывает, что никакой экспериментатор не может иметь дела с именно материей, а только с силами, на которые он делит ее. Видимые воздействия материи есть только воздействия сил. Поэтому он заключает, что то, что называют материей, есть ничто другое, как совокупность атомических сил, для обозначения которых употребляется слово «материя»; вне такого применения для науки слово материя лишено смысла. Несмотря на многие честные признания со стороны наших специалистов – физиков, физиологов и химиков – что они ничего не знают о материи [54], они обожествляют ее. Каждый новый феномен, который они не в состоянии объяснить, растирается ими в порошок, превращается в благовонное курение и сжигается на алтаре богини, которая покровительствует современным ученым.

Никто не может лучше трактовать этот предмет, чем трактует Шопенгауэр в своих «Виньетках». В этом труде он со всеми подробностями обсуждает животный магнетизм, ясновидение, симпатическое целение, прозрения, магию, предчувствия, духовидение и другие спиритуалистические явления.

«Все эти проявления, – говорит он, – являются ветвями одного и того же дерева и доставляют нам неопровержимые доказательства о существовании цепи существ, которая базируется на совсем другом порядке вещей, отличающемся от того порядка, который имеет в своем основании законы пространства, времени и приспособляемости. Этот другой порядок вещей значительно глубже, ибо он начальный и прямой; в его присутствии обычные законы природы, которые просто формальны, – теряют силу; поэтому при его непосредственном действии ни время, ни пространство не могут больше разделять индивидуумов, и это разделение зависящее от этих форм, более не представляет неодолимых барьеров для общения мыслями и непосредственных волевых актов. Таким образом, могут быть совершены изменения совсем другим путем, чем путем физической причинности, т. е. путем проявления воли, выявляемой своеобразно и во вне самого индивидуума. Поэтому своеобразный характер всех вышеперечисленных проявлений заключается в *visio in distante et actio in distante* (видении и действии на расстоянии) в своем отношении ко времени так же, как к пространству. Такое действие на расстоянии есть как раз то, что составляет характерную основу *магии*, ибо таково непосредственное действие нашей воли, освобожденное от причинных условий физического действия, а именно – от контакта».

«Кроме того, – продолжает Шопенгауэр, – эти проявления снабжают нас существенными и совершенно логическими возражениями против материализма и даже против натурализма, так как в свете таких манифестаций тот порядок вещей в природе, который обе эти философии стремятся изобразить абсолютным и единственным истинным, – предстает перед нашими глазами, наоборот, чисто феноменальным и поверхностным, на дне которого лежит *сущность* вещей, и совершенно независимая от своих собственных законов. Вот почему эти проявления (по крайней мере, с чисто философской точки зрения) среди всех фактов, с какими мы встречаемся

в области эксперимента, являются самыми важными вне всякого сравнения. Поэтому ознакомиться с ними – долг всякого ученого». ^[73]

Переходить от философских размышлений такого человека, как Шопенгауэр, к поверхностным обобщениям некоторых из французских академиков было бы бесполезно, если бы не тот факт, что такой переход даст нам возможность оценить интеллектуальный кругозор двух школ ученых. Как разрешил германский ученый глубокий психологический вопрос – мы уже видели. Сравните это с тем, что, стараясь изо всех сил, астроном Бабинэ и химик Буссенгольт могли предложить в качестве объяснения по поводу значительного спиритуалистического феномена. В 1854-5 гг. эти крупнейшие специалисты преподнесли Академии *научную статью*, цель которой, как видно заключалась в том, чтобы подкрепить и в то же время разъяснить слишком сложную теорию доктора Шеврола, касающуюся столоверчения, от имени комиссии исследования, членом которой он состоял.

Вот она дословно:

«Что касается движений и качаний, которые, как *утверждают*, происходят с некоторыми столами, то они не могут иметь никакой другой причины, как только *невидимые* и невольные вибрации мускульной системы экспериментатора; продолжительное сокращение мускулов проявляются в такие моменты серий вибраций, становясь таким образом *видимым дрожанием*, которое сообщает предмету круговращательное движение. Это вращение, таким образом, приобретает способность проявляться со значительной силой путем постепенного ускорения или путем сильного сопротивления, когда требуется остановить его. Следовательно, физическое объяснение феномена становится ясным и не представляет ни малейшего затруднения». ^[74]

Ничего подобного. Эта научная гипотеза (или назовем это демонстрацией?) настолько же ясна, как одна из звездных туманностей М. Бабинэ, которую он наблюдал в туманную ночь.

И еще, как бы она ни была ясна, в ней не хватает одной важной детали – здравого смысла. Мы теряемся в догадках, признает или нет Бабинэ *en desespoir de cause*, ^[75] заставившую Гартмана заявить, что «*видимое воздействие материи есть лишь воздействие сил*», и что для того, чтобы составить ясное представление о материи, нужно сперва составить ясную концепцию о силе. Философия школы, к которой принадлежит Гартман, и которая отчасти принята некоторыми из величайших германских ученых, проповедует, что проблема материи может быть решена только посредством той невидимой силы, знакомство с которой Шопенгауэр называет «магическим знанием» и «магическим эффектом или действием Воли». Таким образом, мы сперва должны удостовериться, находятся ли «невольные вибрации мускульной системы экспериментатора», которые суть «действия материи», – под влиянием воли *внутри* экспериментатора или *извне* его. В первом случае Бабинэ делает из себя бессознательного эпилептика; в последнем же случае, как мы в дальнейшем увидим, он отвергает все и приписывает разумные ответы выстукивающих столов «бессознательному чревовещанию».

Мы знаем, что каждое напряжение воли имеет своим результатом Силу и что согласно учению вышеупомянутой германской школы, манифестации атомных сил являются индивидуальными деяниями воли, имеющей результатом бессознательное устремление атомов в конкретное изображение, уже субъективно созданное волей. Демокрит учил, в соответствии с наставлениями своего учителя Левкиппа, что первые принципы всех вещей, содержащиеся во вселенной, были атомы и вакуум. В своем каббалистическом значении вакуум означает в этом случае *латентное* божество или латентную силу, которая в своем первом проявлении

становится **волей** и таким образом сообщает первый импульс тем атомам, чья агломерация есть материя. Этот вакуум есть ничто иное, как другое название хаоса, и притом название не удовлетворяющее, ибо, согласно перипатетикам, «природа не терпит пустоты».

Что еще до Демокрита древние были знакомы с идеей о неразрушимости материи, доказываются их аллегориями и многочисленными другими фактами. Мовер дает определение идеи финикиян об идеальном солнечном свете как о духовном влиянии, исходящем от высочайшего Бога, ИАО, «свет, постижимый только умом – физический и духовный принцип всего, из которого эмануруется душа» Это была мужская Сущность или Мудрость, тогда как первоначальная материя или Хаос была женской. Таким образом, два первых принципа – совечные и бесконечные, уже признавались примитивными финикиянами, – дух и материя. Поэтому теория эта так же стара как мир; ибо Демокрит не был первым философом который преподавал ее, и интуиция существовала в человеке до полного развития в нем рассудка. Но вот в этом отрицании беспредельного и бесконечного Существа, обладателя незримой Воли, которую мы за недостатком лучшего названия называем БОГ, – в этом ошибочном убеждении и скрывается беспомощность всех материалистических наук объяснить оккультные феномены. В отвержении *a priori*^[76] всего, что могло бы принудить их перейти границы точной науки и вступить в царство психологической или, предпочтительнее метафизической физиологии, – вот где мы находим тайную причину их замешательства перед этими проявлениями – причину их абсурдных теорий в поисках объяснений. Древняя философия утверждала, что все видимое и невидимое стало существовать вследствие проявления этой Воли, которую Платон назвал *божественной мыслью*. Так же, как та Разумная Идея, которая путем направления своей единой силы воли на центр сосредоточения сил вызвала объективные формы к существованию, – точно также может и человек, микрокосм великого Макрокосма, делать то же самое в соответствии с развитием его силы воли. Воображаемые атомы – художественный образ, использованный Демокритом и с благодарностью подхваченный материалистами – подобны работникам-автоматам, движимые изнутри приливом той великой вселенской воли, которая была направлена на них и которая проявляет себя, как сила, заставляет их действовать. План постройки, которая должна быть возведена, находится в мозгу Архитектора и отражает его волю. Абстрактная, с момента зарождения, эта воля становится конкретной благодаря этим атомам, которые верно воспроизводят каждую линию точку и фигуру, намеченную в воображении божественного Геометра.

Как Бог творит, так и человек может творить. Если придавать некоторую напряженность воли, то сотворенные умом формы становятся субъективными. Их называют галлюцинациями, хотя для их творца они настолько же реальны, как любой видимый предмет для других людей; если придавать еще более напряженную и разумную концентрацию этой воли, то формы становятся конкретными, видимыми объективными и теперь человек узнал тайну тайн, он – МАГ.

Материалист не должен бы возражать против этой логики, так как он рассматривает мысль, как материю. Допустим, что это так, и тогда – хитроумный механизм, выдуманный изобретателем; сказочные сцены, родившиеся в мозгу поэта; ярко фантазией живописца расцвеченная картина; несравненная статуя, созданная в эфире скульптором; воздушные дворцы и замки, построенные архитектором – все они, хотя и невидимы и субъективны, должны существовать, ибо они – материя, которой придана форма. Кто же тогда скажет, что нет людей с такой могучей волей, могущие притянуть в поле зрения эти нарисованные в воздухе фантазии и облечь их в более грубую материю, чтобы они стали осязаемы?

Если французские ученые не пожали лавров в этой новой области исследований, то что было сделано более того в Англии до того дня, когда мистер Крукс предложил себя в качестве

жертвы искупления за грехи ученой корпорации? Ну как же! Мистер Фарадей каких-нибудь 20 лет тому назад действительно снизошел до того, что соизволил один или два раза высказаться по этому предмету. Фарадей, имя которого произносится противниками спиритуализма при каждом обсуждении феноменов как бы вроде заклинания против злых чар спиритуализма; Фарадей, который «покраснел» за то, что когда-то опубликовал свои исследования по такому унижительному верованию, как теперь достоверно доказано – никогда сам не сидел за выстукивающим столиком! Нам нужно только раскрыть несколько случайно подвернувшихся номеров «*Journal des Debats*», вышедших в то время, когда знаменитый шотландский медиум находился в Англии, чтобы напомнить о событиях прошлого во всей их первозданной свежести. В одном из этих номеров доктор Фокалт из Парижа выступает в качестве сторонника выдающегося английского экспериментатора.

«Пожалуйста, не вообразите, – говорит он, – что великий физик сам когда-либо унижался до того, чтобы прозаически сидеть за прыгающим столиком».

Откуда же тогда это «покраснение», которое выступило на щеках «Отца экспериментальной философии»? Припоминая этот факт, мы снова рассмотрим суть Фарадеевского прекрасного «Указателя» и необычайного «Разоблачителя медиумов», изобретенного им для разоблачения медиумистического обмана. Эта сложная машина, память о которой подобно кошмару преследует сны бесчестных медиумов, тщательно описана в работе графа де Мирвиля «К вопросу о духах».

Чтобы тем лучше доказать экспериментаторам реальность их собственных импульсов, профессор Фарадей поместил несколько картонных дисков, соединенных друг с другом, на стол, приклеив их к столу полумягким клеем, который, заставляя все это держаться вместе, но все же поддавался длительному давлению. Теперь – когда стол повернулся, т. е., вернее, *когда стол осмелился повернуться перед лицом мистера Фарадея*, что тоже факт немалого значения – диски были подвергнуты осмотру; так как при этом было обнаружено, что они постепенно сместились, соскользнув в том же самом направлении, что и стол, то это стало неоспоримым доказательством, что экспериментаторы *сами толкнули стол*.

Другой из так называемых научных проверочных приборов, очень полезный, как утверждали, во всех спиритуалистических и психических феноменах, состоял из маленького инструмента, который немедленно давал знать наблюдающим о малейшем персональном толчке с их стороны или, по выражению Фарадея, «предупреждал их, как только они переходили из пассивного в активное состояние». Стрелка прибора, которая отмечала каждое активное движение, доказывала только одно, а именно действие силы, которая исходила или из сидящих за столом, или же управляла ими. А разве когда-либо кто-нибудь сказал, что там нет такой силы? Каждый это допускает, будь это сила, проходящая через оператора, как это, в общем, выявлено, или же действующая независимо от него, как это часто бывает.

«Вся тайна состояла в несоразмерности примененной действующими силами силы, которые толкали, потому что были вынуждены толкать с некоторым вращением или, скорее, с действительно удивительной быстротой. В присутствии таких изумительных результатов как мог кто-либо вообразить, что лилипутские опыты такого рода могут иметь какую-либо ценность в этой вновь открытой Стране Великанов?» [96]

Профессор Агасиз, который занимал в Америке почти такое же самое выдающееся положение в науке, какое Фарадей занимал в Англии, действовал с еще большей несправедливостью. Профессор Бьюкенен, известный антрополог, который трактовал

спиритуализм в некоторых отношениях более научно, чем кто-либо другой в Америке, говорит об Агасизе в недавней статье с очень справедливым возмущением. Ибо, из всех других людей профессор Агасиз должен был бы верить в феномен, случившийся с ним самим. Но теперь когда оба, и Фарадей и Агасиз уже освободились от телесной оболочки, мы лучше зададим вопрос живым, чем мертвым.

Итак, сила, чья тайная мощь во всех подробностях была известна древним теургам, отрицается современными скептиками. Допотопные дети, которые, может быть, играли с нею, употребляя ее так, как мальчики в повести Бульвер-Литтона «Будущая раса» употребляют страшный по силе «вриль», – звали ее «Водою Пта»; их потомки называли ее *Anima Mundi*, мировая душа; а еще позднее средневековые герметисты звали ее «звездным светом» или «молоком небесной девы», «магнес» и многими другими именами. Но наши современные ученые люди не хотят ни принять, ни признать ее, ибо она относится к *магии*, а магия, по их мнению – позорное суеверие.

Аполлоний и Ямвлих считали, что «не в познании *внешних* вещей, а в усовершенствовании души *изнутри* находится царство человека, стремящегося быть больше, чем человек» [26]. Таким образом, они дошли до полного познания их богоподобных душ, силами которых они пользовались со всею мудростью, выросшей на эзотерическом учении герметизма, унаследованного от своих предков. Но наши философы, тесно замкнувшись в своих плотских скорлупах, не могут или не осмеливаются перенести свой робкий взгляд за пределы *постижимого*. Для них не существует будущей жизни; нет и божественных видений – они презирают их, как ненаучные; для них люди древности только «невежественные предки», как они это высказывают; и когда бы они ни встретили в течение своих физиологических исследований автора, который верит, что это таинственное влечение к духовным познаниям присуще каждому человеческому существу, и не напрасно же это ему дано, – то они смотрят на него с презрительным сожалением.

Персидская пословица говорит:

«Чем небо темнее, тем ярче будут сиять звезды».

Так на темном небосводе средних веков начали появляться таинственные братья Розы и Креста. Они не основывали обществ, не строили школ, ибо будучи преследуемы со всех сторон подобно диким зверям, если попадались в руки христианской церкви, они подвергались сожжению без всяких разговоров.

«Так как религия запрещает проливать кровь, – говорит Бейли, – поэтому обойдя положение *Ecclesia non novit sanguinem*, они сжигали человеческие существа, так как при сжигании человека не *проливается его кровь!*»

Многие из этих мистиков, следуя тому, чему их научили некоторые трактаты, сохраняли в тайне из одного поколения в другое свои открытия, которыми не пренебрегли бы и в наше время точных наук. Роджер Бэкон, монах, над которым смеялись как над знахарем-шарлатаном, в настоящее время считается одним из «претендующих» на знание магии; но тем не менее его открытия были приняты и ими пользуются по сей день те, кто над ним смеялись. Роджер Бэкон по праву, если не фактически, принадлежал братству, куда входят все, кто изучают оккультные науки. Живя в тринадцатом веке, он был почти современником Альберта Магнуса и Фомы Аквинского; его открытия, такие как порох и оптические стекла, а также его достижения по механике всеми считались чудесами. Он был обвинен в сношении с Сатаной.

В легендарном повествовании о монахе Бэконе так же, как «в одной старой пьесе, написанной Робертом Грином, драматургом дней королевы Елизаветы, рассказывается, что

Бэкона вызвали к королю и велели показать» королеве кое-что из своего искусства. Тогда Бэкон взмахнул рукой (в тексте написано «махнул своим жезлом») и «вдруг все услышали такую прекрасную музыку, что все сказали, что ничего подобного ей раньше не слыхали». Затем услышали еще более громкую музыку, после чего появились четыре привидения, которые танцевали до тех пор, пока не растаяли в воздухе. Затем он опять взмахнул жезлом, и воздух вдруг наполнился таким чудным ароматом, что казалось «тут собраны все лучшие ароматы мира – все, что искусство может дать». Затем Роджер Бэкон, обещавший перед тем одному джентльмену показать его возлюбленную, отдернул в сторону одну из портьер королевской комнаты, и все, кто были в комнате, увидели «кухарку с половником в руках». Гордый джентльмен, хотя и узнал девушку, которая исчезла так же быстро как и появилась, был взбешен за унижительное для него зрелище и стал угрожать монаху своей мезтью. Как же поступил маг? Он просто ответил: «Не угрожайте, а то я посрамлю вас еще больше; и остерегитесь другой раз пытаться уличать во лжи *ученого!*»

В качестве комментария к этому, современный историк [97] добавляет:

«Это может послужить иллюстрацией к той категории манифестаций, которые вероятно, являются результатом *превосходного знания естественных наук*».

Никто и никогда не сомневался, что это были результаты именно такого знания; и герметисты, маги, астрологи и алхимики никогда и не претендовали на что-либо другое. И конечно, это не их вина, что невежественные массы под влиянием неразборчивого в средствах и фанатичного духовенства приписала всем таким трудам сообщничество дьявола. Ввиду ужасающих пыток, применяемых инквизицией ко всем подозреваемым в черной или белой магии, неудивительно, что эти философы ни хвастались, ни признавали факта такого сообщничества. Наоборот, их собственные писания доказывают, что они считали, что магия есть

«не более, чем применение естественных активных сил к пассивным вещам или субъектам; этим совершены великие удивительные деяния, которые тем не менее естественны».

«Феномен таинственных запахов и музыки, показанный Роджером Бэконом, часто наблюдался и в наше время. Не говоря уже о нашем собственном личном опыте, нам сообщил наш английский корреспондент Теософического общества, что они слышали звуки восхитительной музыки, доносящейся из невидимого инструмента, и вдыхали букет прекраснейших ароматов, происхождение которых они приписывают деятельности духов. Один корреспондент сообщил нам, что один из этих запахов, а именно, запах сандалового дерева был настолько сильным, что весь дом на целую неделю оказался напитанным им. Медиумом в этом случае был один из членов семьи и весь опыт был проведен в домашнем кружке. Еще другой корреспондент описывает то, что мы называем «*музыкальный стук*». Силы, которые в настоящее время в состоянии производить этот феномен, должны были существовать и быть эффективными также в дни Роджера Бэкона. Что же касается привидений, то достаточно сказать, что их вызывают теперь в спиритических сеансах, что засвидетельствовано учеными, и поэтому вызов привидений Роджером Бэконом приобретает большую достоверность, чем когда-либо.

Баптиста Порты в своем трактате «Естественная магия» перечисляет целый каталог секретных формул для того, чтобы производить чрезвычайные последствия применением сокровенных сил природы. Хотя «маги» верили в существование целого мира невидимых духов

так же непоколебимо, как спиритуалисты, ни один из них не заявил, что он производит свои чудеса, подчиняясь их власти или единственно через их помощь. Они слишком хорошо знали, как трудно держать в отдалении элементарных сущностей, когда они один раз нашли дверь широко открытой. Даже магия древних халдеев была только глубоким знанием лекарственных трав и минералов. Только тогда, когда теург нуждался в *божественной* помощи в духовных или земных делах, – он искал непосредственного общения путем религиозных обрядов с чистыми духовными существами. И они, и даже те духи, которые остаются невидимыми и сообщаются со смертными только через их пробужденные внутренние чувства, как-то: ясновидение, яснослышание и транс, – могут быть вызваны только *субъективно* в результате чистоты жизни и молитвы. Но все физические феномены производились просто применением знания сил природы, хотя конечно, не методами ловкости рук, применяемыми в наши дни фокусниками.

Люди, обладающие таким знанием и пользующиеся такими силами, терпеливо трудились за что-то лучшее, нежели пустой блеск проходящей славы. Не стремясь к ней, они стали бессмертными, как становятся бессмертными все, кто трудятся ради блага человечества, забывая свое маленькое «я». Озаренные светом вечной истины, эти богачи-нищие алхимики сосредоточивали свое внимание на том, что выходило за пределы кругозора обычного человека, ничего не признавая непостижимым, кроме Первопричины, и не находя ни одного вопроса неразрешимым. Сметь, знать, мочь и **ОСТАВАТЬСЯ МОЛЧАЛИВЫМ** было их постоянным правилом. Пренебрегая мелкими житейскими радостями, презрев богатство, роскошь, пышную показуху и мирскую власть, они стремились к знанию, как наиболее удовлетворяющему из всех приобретений. Они не считали нищету, голод, тяжкий труд и злословие людей в свой адрес слишком дорогою ценою, чтобы заплатить за свои достижения. Они, кто могли лежать на пуховых, бархатом покрытых постелях, предпочитали скорее умереть в госпиталях или у придорожной канавы, нежели унижать свои души, осквернив их жадностью тех, кто искушал их, позволив восторжествовать ей над их священными обетами. Жизни Парацельса, Корнелия Агриппы и Филалета слишком хорошо известны, чтобы не повторять старого печального повествования.

Если спиритуалисты действительно хотят оставаться строго догматичными в своих понятиях о «мире духов», – им не следует сажать за *исследования* их феноменов в чисто экспериментальном духе. Такая попытка определенно будет иметь результатом частичное, второй раз совершаемое открытие старой магии, магии Моисея и Парацельса. Под обманчивой красотой некоторых из их привидений они смогут в один прекрасный день обнаружить розенкрейцеровских сильфов и прекрасных ундин, резвящихся в токах *психических* и *одических* сил.

Уже мистер Крукс, который полностью верит в *бытие*, чувствует, что под нежной кожей Кети, покрывающей подобие сердца, частично занятого у медиума и у присутствующих, – *нет души!* И ученые авторы «Невидимой вселенной», отбросив свою «электро-биологическую» теорию, начинают ощущать во всемирном эфире *возможность*, что он есть фотоальбом EN-SOPH – Беспредельности.

Мы далеки от веры, что все те духи, которые появляются на спиритических сеансах могут быть отнесены к классам «элементалов» и «элементариев». Многие, в особенности среди тех, кто субъективно управляют медиумами, заставляя их говорить, писать или действовать как-то по-иному – являются развоплощенными человеческими духами. Будет ли большинство таких духов добрыми или *злыми*, это, в основном, зависит от персональной нравственности медиума; много зависит от присутствующих на сеансе и еще в значительной степени, от цели сеанса и интенсивности желания. Если этой целью является только желание удовлетворить свое любопытство и провести время, то бесполезно ожидать чего-либо серьезного. Но, во всяком

случае, человеческие духи *никогда* не могут материализоваться *propria persona*.^[77] Они не могут появляться перед исследователями с теплыми плотными мускулами, с потными руками и лицами, в грубо материальных телах. Самое большое, что они могут сделать, это – отбрасывать свое эфирное отображение на атмосферные волны и, если иногда, в редких случаях, прикосновение их рук или одежды становится ощутимым для живого смертного, то оно будет ощущаться, как проносящийся ветерок, нежно коснувшийся места соприкосновения, а не как прикосновение человеческой руки или материального тела. Бесполезно утверждать, что «материализованные духи», которые демонстрировали себя с бьющимся сердцем и громким голосом (или даже трубным), являются *человеческими* духами. Голоса (если такой звук, вообще, можно назвать голосом) духов-привидений, если вы их слышали, навряд ли можно забыть. Голос чистого духа подобен эху трепетного шепота Эоловой арфы, доносящемуся издали; голос страждущего, и, следовательно, нечистого, если и не совсем плохого духа, может быть уподобен человеческому голосу, исходящему из пустой бочки.

Это не наша философия, но философия бесчисленных поколений теургов и магов, обоснованная на их практическом опыте. Свидетельство древности по этому предмету положительно: «Δαίμονων φωναὶ ἀναρθροὶ εἰσί...»^[78] Голоса духов нечленораздельны. Голос духа состоит из серии звуков, от которых создается впечатление, как от столба сжатого воздуха, поднимающегося снизу вверх и распространяющегося вокруг живого собеседника. Многие очевидцы, которые давали показания по делу Елизаветы Эслингер, а именно [105, с. 388, 391, 399]: помощник начальника тюрьмы Вейнсберга Майер, Экхарт, Тьюрер и Кнорр (свидетели давали присягу), Диттехофер и Капф, математик, свидетельствовали, что они видели привидение, *подобное облачному столбу*. В течение одиннадцати недель доктор Кернер и его сыновья, несколько лютеранских священников, адвокат Фраас, гравер Диттенхофер, два врача – Сифер и Сихерер, судья Хейд и барон Хугель вместе со многими другими ежедневно наблюдали это явление. Пока это явление длилось, заключенная Елизавета молилась непрерывно громким голосом. Поэтому, так как этот «дух» в то же время говорил, тут не могло быть никакого чревовещания. И в этом голосе, говорят они, – «не было ничего *человеческого*; никто не мог подделать таких звуков».

В дальнейшем мы дадим обильные доказательства от авторов древности по этому пренебреженному трюизму. Мы теперь только еще раз хотим подтвердить, что ни один дух, которого спиритуалисты считали человеческим, никогда не оказывался таковым при достаточной проверке. Воздействие *бесплотных* духов некоторые могут ощущать и передавать *субъективно* через органы чувств. Они могут производить *объективные* манифестации, но они не могут проявлять себя иначе, как только вышеописанным способом. Они могут управлять телом медиума и выражать свои желания и идеи различными способами, хорошо известными спиритуалистам, но не могут *материализовать* того, что не материально и чисто духовно – своей *божественной сущности*. Таким образом, каждая так называемая «материализация» – если она настоящая – производится (возможно) волею того духа, которому приписывается явленная внешность, но которая, в лучшем случае, есть только отличная имитация, или же волею элементарных домовых, которые, обычно, слишком глупы, чтобы заслужить честь называться дьяволами. В редких случаях духи в состоянии подчинять себе и управлять этими не имеющими души существами, которые всегда готовы присвоить пышные имена, если они предоставлены сами себе, – и заставить озорного «духа воздуха» облачиться в форму, в действительное изображение *человеческого* духа, и двигать им, как марионеткой, заставляя его действовать или произносить слова, вложенные в его уста «бессмертной душой». Но это требует многих условий, обычно неизвестных кружкам спиритуалистов, и даже таким спиритуалистам, у которых регулярные спиритические сеансы вошли в привычку. Не всякий, кто захочет, может привлечь

человеческих духов. Одним из наиболее мощных влечений, испытываемых нашими усопшими, является их сильная привязанность к тем, кого они оставили на земле. Эта привязанность с неодолимой силой затягивает их постепенно в ток астрального света, вибрирующий между симпатическим лицом и Вселенской Душой. Другим, очень важным условием является гармония и магнетическая чистота присутствующих лиц.

Если эта философия не права, если все «материализованные» фигуры, появляющиеся в *затемненных* комнатах из *еще более темных* помещений, являются духами людей, когда-то живших на земле, то почему же тогда такая разница между ними и теми духами, которые появляются неожиданно – *ex abrupto* – безо всяких кабинетов и медиумов? Кто не слышал о привидениях, не имеющих покоя «душах», появляющихся около тех мест, где они были убиты, или возвращающихся по каким-либо другим таинственным причинам с «теплыми руками» на ощупь, *как живая плоть*, и если бы не было известно, что они умерли и похоронены, – их не отличить от живых смертных? Мы имеем хорошо засвидетельствованные факты о таких привидениях, которые вдруг становятся видимыми, но никогда до начала эры «материализации» не видели ничего подобного им.

В «Медиум энд дэйбрейк» от 8 сентября 1876 г. мы читаем письмо от «одной леди, путешествующей по континенту», в котором рассказывается, что происходило в доме с привидениями. Она говорит:

«...Странный звук донесся из темного угла библиотеки взглянув, она увидела *облако или столб светящегося пара*; ... тяготеющий к земле дух носился над тем местом которое стало проклятым из-за его злых деяний...»

Так как этот дух несомненно был *настоящим* элементарием-привидением, который сделался видимым по своей собственной свободной воле, короче говоря – *умбра*, то он, как и каждая респектабельная тень, был видим, но не осязаем, а если и осязаем, то только в степени ощущения как бы массы воды, неожиданно захваченной рукой, или сгущенного, но холодного пара. Он был *светящимся* и *газообразным*; насколько мы в состоянии сказать, это мог быть, действительно, персональный *умбра* «духа», преследуемый и тяготеющий к земле, преследуемый или собственными угрызениями совести и преступлениями, или преступлениями другого человека или духа. Много посмертных тайн, и современные «материализации» только роняют их достоинство и делает их смешными в глазах равнодушных.

К вышеизложенным нами утверждениям в качестве опровержения могут выдвинуть один факт, хорошо известный спиритуалистам, а именно, что *автор настоящего труда публично засвидетельствовал, что он видел такие материализованные формы*. Безо всякого сомнения, мы подтверждаем это и согласны повторить наше свидетельство. Мы признавали такие фигуры в качестве видимых воспроизведений наших знакомых, друзей и даже родственников. Мы в компании со многими другими зрителями слышали, как ими произносились слова на языках, неизвестных не только медиуму, но и всем другим в комнате за исключением нас самих, а в некоторых случаях это были слова, неизвестные почти ни одному медиуму ни в Европе, ни в Америке, так как были на языках восточных племен и народов. В то время эти явления справедливо рассматривались как решительные доказательства настоящих медиумистических способностей необразованного вермонтского крестьянина, который сидел в «кабинке». Но тем не менее, эти фигуры *не* являлись подлинными формами тех лиц, чью наружность они представляли. Они просто были их портретными статуями, построенными, оживляемыми и движимыми элементариями. Если мы до сих пор не объясняли этого явления, то это было потому, что спиритуалистическая общественность тогда не была готова даже слышать о том, что

существуют элементарные и элементарные духи. С тех пор разговор об этом предмете поднимался и более или менее широко обсуждался. Теперь меньше риска при спуске седой философии древних мудрецов на беспокойное море современной критики, так как общественное мнение в какой-то степени подготовлено к тому, что оно отнесется к ней беспристрастно и обдуманно. Два года агитации принесли заметные изменения к лучшему.

Павсаний пишет, что в течение четырехсот лет после Марафонской битвы все еще в том месте, где произошло сражение, было слышно *лошадиное ржание* и возгласы солдат-теней. Предположим, что привидения умерщвленных солдат были настоящими духами, – они выглядели тенями, а не материализованными людьми. Кто же или что же тогда производило ржание коней? *Конские «духи»*? А если скажут, что это неправда, что, мол, у лошадей нет духа, чего, конечно, никто из зоологов, физиологов или психологов или даже спиритуалистов не может ни доказать, ни опровергать, тогда мы должны считать доказанным, что ржание лошадей на Марафонском поле воспроизводится «бессмертными духами» людей, чтобы сделать сцену боя более яркой и драматичной? Привидения собак, кошек и других животных видели неоднократно и свидетельства об этом распространены по всему миру так же как о человеческих привидениях. Кто или что персонифицирует, если так можно выразиться, духов умерших животных? Опять, что ли, человеческие духи? Как вопрос поставлен теперь – ответов может быть только два, нам приходится или допустить, что животные имеют такие же переживающие смерть души, как и мы сами, или же согласиться с Порфирием, что в мире *незримом* существует некое племя хитрых, злобных демонов, они – промежуточные существа между живыми людьми и «богами», это духи, которым нравится появляться под разнообразными, какие только можно представить, формами, начиная с человеческой формы и кончая разнообразнейшими животными [106].

Прежде чем браться решать вопрос, являются ли формы животных привидений, явления которых так часто бывают засвидетельствованы духами мертвых животных, – мы должны тщательно рассмотреть их поведение на основе имеющихся сведений. Действуют ли эти привидения в соответствии с инстинктами и повадками этих животных при жизни? Подстерегают ли призрачные хищные звери своих жертв? Убегают ли от человека робкие животные? И проявляют ли последние враждебность и склонность досаждать, совершенно чуждую их натуре? Многие жертвы такого рода одержаний, в особенности страдальцы Салема и других исторических случаев колдовства, свидетельствуют, что они видели, как собаки, кошки, свиньи и другие животные заходят в их комнаты, кусают их, скачут по спящим телам и *разговаривают* с ними; часто побуждают их совершать самоубийство и другие преступления. В хорошо засвидетельствованном деле Елизаветы Эслингер, упоминаемом доктором Кернером, привидение жреца древности из Вимментала [105, с. 398] появлялось в сопровождении большой черной собаки, которую оно называло *своим отцом* и которая в присутствии многочисленных свидетелей прыгала по всем кроватям заключенных. В другой раз этот жрец появился в сопровождении ягненка, а иногда – в сопровождении двух ягнят. Большинство обвиняемых в Салеме были обвинены как ясновидицы, которые замышляют зло и совещаются с желтыми птицами, которые сидят у них на плечах или на перекладинах над ними [107]. И пока мы не отвергнем свидетельства тысяч людей во всех частях света и во всех веках и не оставим монополии на ясновидение только современным провидцам, то животные-призраки существуют и проявляют наихудшие характерные черты порочной человеческой натуры, сами не будучи людьми. Кем же они тогда могут быть, как не элементарными?

Декарт был одним из тех немногих, кто верил и осмелился сказать, что мы в долгу перед оккультной медициной за открытия, которым «суждено расширить область философии»; и Бриер де Буазмон не только разделял с ним эти надежды, но открыто выражал свое сочувствие

«супернатурализму», который он считал универсальным «великим верованием».

«...Вместе с Гвизо мы думаем, – говорит он, – что существование общества зиждется на нем. *Напрасно*, что современный разум, который, несмотря на свой *позитивизм*, не может объяснить ближайших причин любого феномена, – опровергает *сверхфизическое*; оно универсально и скрыто в глубине всех сердец. Наиболее возвышенные умы часто являются его наиболее устремленными последователями» [108, с. 60].

Христофор Колумб открыл Америку, а Америго Веспуччи пожал всю славу этого открытия и присвоил его заслуги. Теофраст Парацельс снова открыл оккультные свойства магнита – «кости Хоруса», который за тысячу двести лет до него играл такую значительную роль в теургических мистериях, и вполне естественно стал основателем школы магнетизма и средневековой маготеургии. Но Месмер, который жил почти три столетия спустя после Парацельса, и как ученик его школы, преподнес магнетические чудеса публике и пожал славу, которая приходилась огненному философу, тогда как великий учитель умер в госпитале!

Таков мир: новые открытия вытекают из старых наук; новые люди – и та же старая натура!

«Зеркало души не может одновременно отражать и земное, и небесное; и одно исчезает с его поверхности, когда другое вырисовывается над его глубиной».

«Занони»

– «Qui, done, t'a donn  la mission d'annoncer au peuple quo la Divnit  n'existe pas – quel avantage trouves tu a persuader a l'homme qu'une force aveugle pr sident a ses destin es et frappe au hazard le crime et la vertu?»

Robespierre (Discours), May 7, 1794.

Мы верим, что из тех физических феноменов, которые неподдельны, лишь незначительное количество произведено развоплощенными человеческими душами. Все же, даже те феномены, которые производятся оккультными силами природы, например такие, которые происходят с участием некоторых настоящих медиумов, и с силами, сознательно применяющимися так называемыми «фокусниками» Индии и Египта, – все эти феномены заслуживают тщательного и серьезного изучения со стороны науки; особенно теперь, когда значительное число достоверных свидетельств говорит о том, что во многих случаях гипотеза о каком-то обмане отпадает. Нет сомнения, что существуют профессионалы-фокусники, которые в состоянии совершать более ловкие трюки, чем все английские и американские «Джоны Кинги» вместе взятые. Роберт Гудини, несомненно, смог бы, но это отнюдь не удержало его от того, что он рассмеялся прямо в лицо академикам, когда те хотели, чтобы он заявил через газеты, что он может заставить стол двигаться или выстукивать ответы на вопросы *без прикосновения рук* при условии, что стол не будет заранее подготовлен. ^[79] Один этот факт, что знаменитый теперь в Лондоне фокусник отказался принять вызов на 1000 фунтов стерлингов, предложенный ему мистером Алджернон Джой, ^[80] чтобы он проделал такие манифестации, какие обычно получают при помощи медиумов, при условии, что в этом будет убеждаться комитет, *свободный и независимый*, настроенный отрицательно к его стремлениям *разоблачать* оккультные феномены. Как бы он ни был ловок, мы бросаем ему вызов *на тех же условиях* воспроизвести «трюки», показываемые даже обычными индийскими *фокусниками*. Условия, например, такие: место показа избирается исследователями во время представления, и фокусник до этого ничего не должен знать о выборе; эксперимент должен быть произведен *среди бела дня* без малейшей подготовки к нему и безо всяких помощников, кроме одного мальчика, совершенно голого, и сам фокусник тоже должен быть *полуголый*. После этого мы из разнообразия трюков выберем три *трюка*, наиболее обычных среди таких выступающих перед публикой фокусников – те, которые недавно были показаны несколькими джентльменам, принадлежащим к свите принца Уэльского: 1. Превратить рупию – крепко зажатую в руке скептика – в живую кобру, укус которой был бы смертелен, что можно было бы установить осмотром ее зубов. 2. Заставить семя, выбранное наудачу зрителями и посаженное в первое попавшееся подобие цветочного горшка, доставленного теми самыми скептиками, – расти, созревать и принести плод в менее, чем в четверть часа. 3. Лечь, вытянувшись, на остриях трех сабель, воткнутых перпендикулярно рукоятками в землю и остриями *кверху*; после этого удалить одну из сабель, затем вторую и, после интервала в

несколько секунд удалить и последнюю саблю – фокусник остается, наконец, лежащим *ни на чем* — в воздухе, чудеснейшим способом повиснув приблизительно на одном ярде от земли. Когда какой-либо пресиджитатор, начиная с Гудини и кончая самым последним трюкачом, приобретшим выгодную известность своими нападками на спиритуализм, проделает *то же самое*, тогда – но только тогда мы начнем приучать себя к вере, что человечество возникло и развивалось из заднего копыта эоценового *орогинпуса* Гёксли.

Мы еще раз утверждаем с полной уверенностью, что не существует такого профессионального мудреца ни на севере, ни на юге, ни на западе, который мог бы состязаться хотя бы с подобием на успех с этими неучеными нагими сынами Востока. Они не требуют египетского дворца для своих представлений – ни подготовки, ни репетиций; они всегда готовы в один момент вызвать к себе на помощь скрытые силы природы, которые для европейских пресиджитаторов так же, как и для ученых, остаются запечатанной книгой. Истинно, как сказал Илья:

«Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правды». [Иов, XXXII, 9]

Повторяя замечание английского священника Генри Мора, мы также могли бы сказать:

«...действительно, если бы у людей осталось хоть сколько-нибудь благопристойности, то повествования Библии могли бы с избытком уверить людей в существовании ангелов и духов».

Этот же выдающийся человек добавляет:

«Я смотрю, как на особую милость Провидения, что свежие примеры появления привидений могут разбудить наши притупленные и спящие в летаргии умы к пониманию, что существуют и другие разумные существа, кроме тех, которые одеты в тяжелые одеяния из земной плоти... ибо эти очевидные доказательства, доказывающие, что существуют злые, нехорошие духи, обязательно откроют дверь вере, что существуют и хорошие, и, в конце концов, что существует Бог».

Вышеприведенная цитата включает в себе мораль в адрес не только ученых, но и богословов. Люди, отличившиеся своими выступлениями с церковной кафедры, а также занимающие профессорские кресла, постоянно демонстрируют перед мирянами, что они, действительно, так мало знают психологию, что вступая в контакт с любым правдоподобным предсказателем, попавшимся на их пути, делают себя смешными в глазах вдумчивого исследователя. Общественное мнение по этому предмету было выработано фокусниками и самозваными учеными, недостойными, чтобы с ними считались.

Развитие психологической науки гораздо больше задерживается насмешками этого класса притворщиков, чем трудностями, присущими изучению этого предмета. Пустой хохот выкормышей науки или глупцов, следующих за модой, сделали больше для того, чтобы держать человека в неведении о его высших психических силах, чем неясности, препятствия и опасности, громоздящиеся вокруг этого предмета. Сказанное в особенности относится к спиритуалистическим феноменам. То, что их исследование производилось людьми неспособными, является следствием того факта, что люди науки, которые могли бы и хотели бы их изучать, – были отпугнуты хвастливыми разоблачениями, плоскими шутками и грубыми выкриками тех, кто недостойны даже зашнуровать их ботинки. Налицо моральные трусы, даже в университетских креслах. Прирожденная жизнеспособность спиритуализма доказана тем, что он

пережил небрежительное отношение к нему со стороны научной корпорации и шумное хвастовство его притворных разоблачителей. Если мы начнем с презрительных насмешек патриархов науки, таких как Фарадей и Брустер, и кончим с профессиональными (?) разоблачениями успешных поддельвателей феноменов... Лондона, мы не найдем у них ни одного хорошо обоснованного аргумента против случаев спиритуалистических манифестаций.

«Моя теория заключается в том», – говорит этот индивидуум в своем недавнем так называемом «разоблачении», – «что мистер Уильям вырядил и разыграл Джона Кинга и Петра. Никто не может доказать, что это не так».

Таким образом, выходит, что несмотря на смелый тон утверждения, это всего-навсего теория, и спиритуалисты могли бы с таким же правом дать отпор разоблачителю и требовать, чтобы он доказал, что это не так.

Но наиболее матерыми, непримиримыми врагами спиритуализма является класс, к счастью, состоящий из очень немногих членов, которые, тем не менее, кричат громче всех и утверждают свои взгляды с крикливостью, достойной лучшей цели. Это претенденты на науку молодой Америки – ублюдочный класс псевдофилософов, упоминаемых в начальной главе этой книги, и имеющих не больше прав на то, чтобы их рассматривали как ученых, чем дает на это право обладание электрической машиной или прочтение ребяческой лекции по слабоумию или медиомании. Такие люди – если вы им поверите – глубокие мыслители и физиологи; никаких метафизических бредней у них нет, они – позитивисты – ментальные выкормыши Огюста Конта, чье лоно раздувается при мысли о выдергивании заблудившегося человечества из мрачной пропасти суеверия и о перестройке космоса на более совершенных принципах. Они – непримиримые психофобы – им нельзя нанести большего оскорбления, как сказать, что они являются обладателями бессмертных душ. Послушать их – и начнешь думать, что у мужчин и женщин не может быть никаких других душ, как только «научные» или «ненаучные души», каковы бы ни были эти души.^[81]

Каких-то 30 или 40 лет тому назад во Франции Огюст Конт – ученик *Политехнического колледжа*, который годами оставался в этом заведении в качестве *репетитора* трансцендентного анализа и рационалистической механики, – проснулся в одно прекрасное утро с очень нерациональной идеей стать пророком. В Америке можно встретиться с пророком на каждом углу улицы, в Европе они так же редки, как черные лебеди. Но Франция страна всего нового. Огюст Конт стал пророком. А иногда мода настолько заразительна, что даже в трезвой Англии его некоторое время считали Ньютоном девятнадцатого века.

Эпидемия распространилась, и пока что она, подобно лесному пожару, перекинулась в Германию, Англию и Америку. У нее нашлись адепты во Франции, но там это возбуждение долго не продлилось. Пророк нуждался в деньгах: ученики не хотели их давать. Лихорадка преклонения перед религией без Бога остыла так же быстро, как налетела; из всех энтузиастических апостолов остался только один, заслуживающий какого-либо внимания. Это был знаменитый филолог Литрэ, член Французского Института и *предполагаемый* член Академии наук, но которому архиепископ Орлеанский зловердно помешал стать одним из «Бессмертных».^[82]

Философ-математик – верховный жрец «религии будущего» – преподавал свое учение, как это делают все его братья-пророки наших дней. Он обожествил «женщину» и снабдил ее алтарем; но богине приходилось платить за пользование им. Рационалисты смеялись над ментальной аберрацией Фурнье; они смеялись над сенсимонистами; и их презрение к спиритуалистам не знало границ. Эти самые рационалисты и материалисты были пойманы, как пустоголовые воробьи, на птичий клей красноречия нового пророка. Томление по какой-то божественности, тоска по «непознанному» – чувства прирожденные человеку; даже худший из

атеистов, кажется, не является исключением из этого. Обманутые внешним блеском его *ignis fatuus*,^[83] ученики следовали за ним до тех пор, пока не очутились блуждающими в бездонном болоте.

Прикрываясь маской ложной эрудиции, позитивисты этой страны организовались в клубы и комитеты, замыслив выкорчевать спиритуализм под предлогом беспристрастного его исследования.

Будучи слишком робкими, чтобы открыто бросить вызов церквям и христианскому учению, они стараются подкопать то, на чем базируются все религии – человеческую веру в Бога и в собственное бессмертие. Их политика заключается в том, чтобы высмеивать то, что подводит необычный фундамент под такую веру – феноменальный спиритуализм. Атакуя его в его наиболее слабое место, они стараются использовать его недостаток в индуктивном методе и те преувеличения, какие можно найти в трансцендентальных доктринах его пропагандистов. Пользуясь преимуществом его непопулярности, выказывая отвагу, настолько же яростную и неуместную, как у странствующего рыцаря Ла Манча, они требуют, чтобы их признали, как филантропов и благодетелей, которые выкорчевывают чудовищные суеверия.

Давайте посмотрим, в какой степени хваленная религия будущего Конта выше спиритуализма, и насколько меньше его последователи нуждаются в лечении в сумасшедших домах, которые они официально предлагают медиумам, о которых они якобы чрезвычайно заботятся. Перед тем как приступить, давайте обратим внимание на тот факт, что три четверти отрицательных черт в спиритуализме приходятся непосредственно на долю материалистических авантюристов, притворившихся спиритуалистами. Конт со смаком обрисовал «искусственно оплодотворенную» женщину будущего. Она ничто другое, как киприановский идеал свободной любви. Иммуитет против будущего, предлагаемого его лунатизмом пораженными учениками, настолько привился некоторым псевдоспиритуалистам, что они приступили к образованию коммунистических общин. Ни одна, однако, не оказалась долговечной. Так как их основной характерной чертой являлся материалистический анимализм, позолоченный сверху тонкой фольгой философии из сплава меди с цинком со вкрапленными комбинациями труднопроизносимых греческих имен, – то эти общины не могли оказаться ничем другим, как неудачными начинаниями.

Платон в пятой книге своей «Республики» подсказывает метод по улучшению человеческой расы путем устранения нездоровых или уродливых индивидуумов и соединения лучших образцов обоих полов. Не следует ожидать, что «гений нашего века» – будь он даже пророк – выдавит из своих мозгов что-нибудь совсем новое.

Конт был математиком. Ловко скомбинировав несколько старых утопий, он придал окраску целому, и, используя идеи Платона, материализировал их и преподнес миру величайшее уродство, какое когда-либо исходило из человеческого ума!

Мы просим читателя иметь в виду, что мы нападаем на Конта не как на философа, а как на реформатора. В непроглядном мраке его политических, философских и религиозных взглядов мы часто наталкиваемся на отдельные наблюдения и замечания, где глубокая логика и разумность мысли соперничают с блеском изложения. Но затем они ослепляют вас, как молнии в ночной тьме, оставляя вас в следующий миг еще больше погруженным в темноту, чем когда-либо. Если собрать удачные места и пересоставить по-новому, то из нескольких томов его сочинений получился бы том очень оригинальных афоризмов, дающих очень ясное и действительно умное определение большинства наших общественных зол. Но напрасно было бы искать путем утомительного просмотра шести его томов «Направление философии позитивизма», или в этой пародии на жречество в форме диалога – «Катехизис религии позитивизма» – какой-либо идеи, дающей хотя бы временное средство против этих зол. Его

ученики дают понять, что возвышенные доктрины их пророка не предназначены для простых людей. Сравнивая догмы, проповедуемые позитивизмом, с их преувеличением апостолами на практике, мы должны признать возможность, что в самой основе этого учения находится какая-то весьма ахроматическая (лишенная окраски) доктрина. В то время как «верховный жрец» проповедует, что «женщина должна перестать быть самкой мужчины» [113, том i, с. 203 и далее]; в то время как теория брака и семьи позитивистских законодателей главным образом состоит в том, чтобы женщина стала «только компаньоном мужчины посредством избавления ее от всяких материнских функций» [113]; и в то время как они готовят в будущем замену этой функции посредством применения к «девственной женщине» некоей «латентной силы» [113], – некоторые из жрецов-мирян открыто проповедуют полигамию, а другие утверждают, что их доктрины являются квинтэссенцией духовной философии.

По мнению римского духовенства, которое находится под хроническим влиянием боязни дьявола, Конт предлагает свою «женщину будущего» «инкубу» [100, гл. 6] на предмет одержания. По мнению более прозаических людей, божество позитивизма отныне должно рассматриваться как некая двуногая племенная кобыла. Даже Литрэ делает благоразумные оговорки в то время, когда принимает апостольство этой удивительной религии. Вот что он писал в 1859 г.:

«Конт не только думал, что он нашел принципы, наметил очертания и добил метод, но и что он вывел следствия и построил общественное и религиозное здание будущего. Вот тут, во втором подразделении мы делаем оговорки, заявляя в то же самое время, что мы принимаем, как наследие, все первое подразделение» [114].

Далее он говорит:

«Конт в великом произведении под заглавием „Система позитивной философии“ создал философский базис [?], который в конечном счете должен вытеснить все богословие и всю метафизику. Такой труд неизбежно включает в себя непосредственное применение в управлении обществами; так как в нем нет ничего произвольного [?] и так как мы находим в нем настоящую науку [?], то моя верность принципам включает также мою верность к существующим последствиям».

М. Литрэ показал себя в свете истинного сына своего пророка. Действительно, вся система Конта нам кажется построенной на игре слов. Когда они говорят «позитивизм», читайте нигилизм; когда слышите слово *девственность*, знайте, что это означает *бесстыдство*, и так далее. Так как эта религия, основанная на теории отрицания, то ее последователям трудно осуществить ее на практике без того, чтобы не сказать «белый» когда подразумеваешь «черный»!

«Позитивная философия, – продолжает Литрэ, – не принимает атеизма, ибо атеист не представляет собою действительно эмансипированного ума, он, по-своему, все еще богослов; он дает свои объяснения о сущности вещей; он знает, как они начались!.. Атеизм есть пантеизм, эта система все еще вполне богословская, и таким образом относится к партии древних» [114, vii, 57].

Будет напрасной тратой времени цитировать еще что-либо из этих парадоксальных рассуждений. Конт дошел до апофеоза абсурдности и непоследовательности, когда выдумав свою философию, он назвал ее «религией». И, как это обычно бывает, ученики превзошли своего реформатора в абсурдности. Поддельные философы, которые сияют в американских академиях

Конт подобно *lampyrisnoctiluca*^[84] рядом с планетой, не оставляют у нас никаких сомнений по поводу их верования и сравнения систем мышления и жизни, выработанной французским апостолом с «идиотизмом» спиритуализма, конечно в пользу первой.

«Разрушая, вы должны давать взамен», —

воскликает автор «Катехизиса религии позитивизма», цитируя Кассиди, кстати забывая при этом сказать, чья это мысль; и его ученики продолжают высказывать какой отвратительной системой они хотят заменить христианство, спиритуализм и даже науку.

«Позитивизм, — ораторствует один из них, — есть *всеобъемлющая* доктрина. Он совершенно отвергает все формы богословских и метафизических верований, все формы сверхъестественного, следовательно, отвергает и спиритуализм. Истинный позитивный дух заключается в замене изучения неизменных законов феноменов на их так называемые причины, ближайшие или первичные. На этом основании он одинаково отвергает и атеизм, ибо «*атеист в глубине своей богослов*» — добавляет он, плагиатируя Литрэ, — «атеист не отвергает проблем богословия, а только их разрешение, поэтому он нелогичен. Мы, *позитивисты*, отвергаем эту проблему в свою очередь на том основании, что она совершенно недоступна интеллекту, и мы только понапрасну потратили бы свою энергию на поиски первой и конечной причин. Как вы видите, позитивизм дает полное объяснение [?] мира, человечества, его обязанностей и судеб...»! [115]

Это весьма блестяще а теперь для сопоставления приведем то, что думает о системе Конт действительно великий ученый профессор Хэер.

«Позитивная философия Конта, — говорит он, — в конце концов сводится только к простому отрицанию. Конт признался, что он ничего не знает об *источниках* и *причинах* естественных законов, и что их возникновение совершенно непостижимо, так что нет надобности тратить время с целью проникновения в них... Конечно, его доктрина делает его открыто полным невеждой в отношении причин законов или средств, какими они были установлены, и не может иметь никакого основания, кроме вышеупомянутого аргумента *отрицания* в возражениях фактам, удостоверяющим отношение к духовному творчеству. Таким образом, в то время как атеисту предоставляется его материальное царство, спиритуализм построит внутри этого самого пространства и над ним царство настолько великое по значению, насколько вечность больше средней длительности человеческой жизни, и беспредельные пространства недвижных звезд, больше обитаемой площади нашей планеты» [116, с. 29].

Короче говоря, позитивизм ставит себе задачу разрушить теологию, метафизику, спиритуализм, атеизм, материализм, пантеизм и науку и должен кончить тем, что уничтожит самого себя. Де Мирвиль считает что согласно позитивизму

«порядок в человеческом уме воцарит только тогда, когда психология станет чем-то вроде церебральной физики, а история — своего рода социальной физикой».

Современный Магомет сперва освобождает мужчин и женщин от Бога и от собственных душ, а затем невольно выпотрошивает свою собственную доктрину слишком острым мечом метафизики, которого, как он думал, он все время избегал, и, таким образом, остается без малейшего следа философии.

В 1864 г. М. Пауль Жане, член института, произнес речь о позитивизме, в которой мы находим следующие замечательные слова:

«Существуют некоторые умы, воспитанные и вскормленные на точных и позитивных науках, но которые, тем не менее, ощущают какое-то инстинктивное влечение к философии. Свое влечение они могут удовлетворять только тем, что есть под рукой. Будучи невеждами в психологических науках, изучив только начальные элементы метафизики, они тем не менее решаются нападать на эту самую метафизику, так же как на психологию, о которой они знают так же мало, как и о первой. После того, как они это сделали, они воображают, что основали позитивную науку, тогда как истина заключается в том, что они только построили новую изуродованную и неполную метафизическую теорию. Они дерзко присваивают себе авторитет и непогрешимость, принадлежащие по праву только истинным наукам, обоснованным на опыте и вычислениях, но им не достает этого авторитета, так как их идеи, как бы извращены они ни были, тем не менее принадлежат к тому же разряду, который они атакуют. Отсюда вытекает слабость их позиции и окончательный провал их идей, которые вскоре оказываются рассеянными по всем четырем ветрам».^[85]

Позитивисты Америки объединились в неослабевающих усилиях опрокинуть спиритуализм. Чтобы показать свою беспристрастность, они даже выдвигают вопрос:

«... сколько разумного смысла заключается в догматах непорочного зачатия троицы и пресуществления, если их подвергнуть испытаниям физиологическим, математическим и химическим?» – также они – «считают своим долгом сказать, что причуды спиритуализма не превосходят по своей абсурдности этих в высшей степени почитаемых верований».

Очень хорошо. Нет ни такой богословской нелепости, ни такого спиритуалистического заблуждения, которое могло бы сравниться по своей порочности и глупости с позитивистским понятием «искусственного оплодотворения». Отказавшись от всякой мысли о первой и конечной причинах, они прикладывают свои сумасшедшие идеи к созданию невозможной женщины для поклонения будущим поколениям; живого бессмертного друга мужчины они хотят заменить индейским женским фетишем Обеах, деревянным идолом, набиваемым каждый день змеиными яйцами, чтобы они выводились от нагревания солнцем!

А теперь, если нам позволено, мы хотим задать вопрос во имя здравого смысла – почему христианские мистики должны обвиняться в легковерии или спиритуалисты обрекаться на дом сумасшедших, когда эта *религия*, олицетворяющая такие отвратительные нелепости, находит последователей даже среди академиков? Когда такие сумасшедшие славословия, как нижеприведенное, могут быть произнесены устами Конта и вызвать восхищение его последователей:

«Очи мои ослеплены блеском; с каждым днем они все больше и больше открываются на все более растущее совпадение между знаками прихода в человеческое общество *женской тайны* и ментальным упадком евхаристического таинства. Уже Дева низложила Бога в умах южных католиков! Позитивизм осуществил утопию средневековья путем представления всех членов великой семьи, как потомство *девственной матери без мужа...*»

И опять, после изложения *modus operandi*.^[86]

«Развитие нового процесса вскоре вызовет появление касты без наследственности, лучше приспособленной, чем потомство обычного производства, к рекрутированию духовных водителей или даже временных водителей, чей авторитет будет обоснован на истинном превосходстве, которое не будет уклоняться от исследований» [117, том iv, с. 278].

На это мы могли бы очень уместно осведомиться, было ли когда-нибудь обнаружено в «причудах спиритуализма» или в таинствах христианства что либо более абсурдное, чем этот идеал «грядущей расы». Если с тенденции материализма не распространилось неверных представлений благодаря поведению некоторых из его сторонников, которые публично проповедуют многоженство, то нам думается, что будет когда-либо и не будет священнодействующего племени, зачатого таким образом, но мы не увидим конца потомству – отпрысков «матерей без мужей».

Вполне естественно, что философия, которая могла породить такую касту дидактических инкубов, также могла и выразить через перо одного из своих наиболее болтливых очеркистов следующее излияние:

«Наш век печальный – очень печальный век, полный мертвых и умирающих вероисповеданий; полный напрасных молитв в напрасных поисках умирающих богов. Но ах! он и век славы, полный золотистого света, изливающегося из восходящего солнца науки! Что должны мы делать для тех, кто терпит кораблекрушение веры, *банкротство интеллекта*, но кто ищет утешения в мираже спиритуализма в заблуждениях трансцендентализма или в блуждающих огнях месмеризма?..»

Ignis fatuus,^[87] ставший теперь таким излюбленным образом у многих карликовых философов, должен был бороться за свое признание. Не так давно этот теперь знакомый феномен решительно отвергался корреспондентом лондонского «Таймс», утверждения которого имели вес до появления труда доктора Фипсона, поддержанного свидетельствами Беккария, Гумбольдта и других натуралистов – это покончило с вопросом.^[88] Позитивистам следовало бы выбирать какое-либо более подходящее выражение и в то же время следить за открытиями науки. Что касается месмеризма, то он был принят на практике во многих местах Германии и публично применен в более, чем в одном госпитале, его оккультные свойства были доказаны, и в него поверили врачи, чьи выдающиеся способности, ученость, заслуженная слава не чета самодовольным лекторам по медиумизму и сумасшествию.

Нам осталось добавить всего несколько слов, прежде чем бросить этот неприятный предмет. Мы находим, что позитивисты чувствуют себя счастливыми от самообмана, что контисты являются *величайшими учеными* в Европе. Насколько их претензии могут быть справедливыми в глазах других *известных ученых*, этого мы не знаем, но Гёксли, которого вся Европа считает одним из своих величайших ученых, решительно отклоняет эту честь и доктор Модсли в Лондоне следует его примеру. В лекции, прочитанной впервые в 1868 г. в Эдинбурге, он, кажется, был даже весьма шокирован тем, что архиепископ Йорский позволил себе отождествлять его с философией Конта.

«Поскольку дело касается меня», – говорит мистер Гёксли, – «уважаемый прелат мог диалектически разнести мистера Конта в куски, насколько мое изучение характернейших черт позитивной философии позволяет судить, я не нахожу в ней почти никакой научной ценности, а нахожу много такого что *совершенно противоречит самой сущности науки как все в ультрамонтанистическом католичестве*. В сущности, философию Конта можно сжато

охарактеризовать как *католицизм минус христианство*».

Далее Гёксли даже впадает в гнев и начинает обвинять шотландцев в неблагодарности за то, что они допустили архиепископа совершить ошибку – признать Конта основателем философии, которая по праву принадлежит Юму.

«Этого достаточно, – восклицает профессор, – чтобы заставить Давида Юма перевернуться в гробу, что здесь, почти на расстоянии человеческого голоса от его дома, заинтересованная аудитория слушала без тени возражения, как его наиболее характерные доктрины приписываются французскому писателю, родившемуся на 50 лет после него, и в чьих *отчаянно скучных и многословных страницах мы не находим ни живости мысли, ни ясности стиля...*»[54]

Бедный Конт! Кажется, что высочайшие представители его философии уменьшились, по крайней мере в этой стране, до «одного физика, одного врача, специализировавшегося на нервных заболеваниях, и одного юриста». Один очень остроумный критик прозвал это отчаянное трио «*аномалистской триадой*, которая среди своих напряженных трудов не находит времени, чтобы ознакомиться с основоположениями и законами своего языка». [89]

В заключение скажем, что позитивисты ничем не пренебрегают, чтобы свалить спиритуализм в пользу своей *религии*. Их верховных жрецов заставляют без устали трубить; и хотя стены современного Иерихона навряд ли когда-либо рассыплются в прах от их трубного звука, тем не менее они ничем не пренебрегают для достижения желаемой цели. Их парадоксы уникальны, и их обвинения против спиритуалистов неотразимы по логике. Недавно в одной лекции, например, было сказано так:

«Исключительное развитие *религиозного* инстинкта способствует развитию полового бессмертия. Священнослужители, монахи, монахини, святые, *медиумы*, экстатики и набожные люди прославились своими непристойностями» [111].

Мы счастливы отметить, что в то время, как позитивизм во всеуслышание объявлял себя религией, спиритуализм никогда не претендовал на больше, как на науку, развивающуюся философию или, вернее на исследование скрытых и пока что еще необъясненных сил природы. Объективность его различных феноменов была продемонстрирована не только одному представителю настоящей науки, и также неэффективно отрицалась ее «обезьянами».

Наконец, можно сказать про наших позитивистов, которые так бесцеремонны с каждым психологическим феноменом, что они подобны краснобаю Сэмюэля Батлера, который

«Не мог открыть свой рот никак,
Чтоб не сорвался тут же – *бряк!*»

Мы хотели бы, чтобы не было надобности направлять критикующий взгляд за пределы кружка педантов и никудышных людей, неправильно именующих себя людьми науки. Но также неотрицаемо то, что трактовка новых предметов со стороны тех, чей ранг в ученом мире высок, часто остается невызывающей возражений, когда, в самом деле, она нуждается в осуждении. Осторожность, выросшая из установившейся в исследованиях привычки; экспериментальное продвижение от мнения к мнению, вес, придаваемый признанным авторитетом – все это благоприятствует консерватизму мысли, который, естественно, уводит в догматизм. Ценою научного прогресса обычно является мученичество и остракизм, выпадающие на долю новатору. Реформатор лаборатории должен, так сказать, завоевать крепость привычки и предрассудка острием штыка. Редко даже бывает, что дружеская рука оставила какую-нибудь заднюю дверь

открытой. Шумные протесты и наглое критиканство мелких людишек из переднего края науки реформатор может оставить без внимания. Враждебность же другого класса представляет реальную опасность, которую новатор должен встречать лицом к лицу и преодолеть. Знание же растет с увеличивающейся скоростью, но не великой корпорации ученых следует воздавать за это честь. Каждый миг они старались делать все возможное, чтобы сокрушить новое открытие вместе с открывателем. Слава тому, кто победил все это своею отвагою, интуицией и упорством. Мало в природе сил, которые, после объявления о их открытии, не были бы осмеяны, а затем отброшены, как абсурдные и ненаучные. После принижения гордости тех, кто ничего не открыли, после удовлетворения справедливых требований, в которых отказывали до тех пор, пока было возможно – увы, к несчастью человечества! – новооткрыватель, как это часто бывает – сам, в свою очередь, становится угнетателем по отношению других открывателей в области естественных законов. Так, шаг за шагом, человечество движется по своему кругу знания; наука постоянно поправляет свои ошибки и переприспосабливает ко следующему дню ошибочные теории предыдущего дня. Так всегда бывает не только в вопросах, относящихся к психологии, например, к месмеризму в его двойном значении физического и духовного феномена, но даже и в таких открытиях, которые непосредственно связаны с точными науками и которые легко продемонстрировать.

Что можем мы делать? Будем ли припоминать прошлое? Будем ли указывать на средневековых ученых, потворствовавших церкви в отрицании гелиоцентрической системы из боязни, как бы не задеть церковных догм? Вспомним ли, как ученые конхологи однажды отрицали, что в окаменелых раковинах, встречающихся везде по лицу земли, когда-то жили живые животные? Как натуралисты восемнадцатого века объявляли эти раковины ничем иным, как *факсимиле* животных? И как эти натуралисты сражались и ссорились, и вели битвы и ругались почти целое столетие над уважаемыми мумиями древних веков, пока Бюффон не покончил с этим вопросом, доказав, что отрицатели ошибаются? Несомненно, устричная раковина может быть чем угодно, только не трансцендентальной, и должна бы быть вполне осязаемым предметом для любой точной науки, и если ученые даже по такому предмету не могли прийти к согласию, то как можно от них ожидать, что они поверят, что на сеансах спиритуалистов, если там честные медиумы, – появляются быстро исчезающие формы рук, лиц и иногда целых тел.

Существует некий труд, который с пользою для себя могли бы прочесть в свободное время скептические люди науки. Это книга, изданная Флоуренсом, постоянным секретарем Французской академии наук, и называется она «История изысканий Бюффона». Автор в ней рассказывает, как этот великий натуралист боролся и наконец одолел сторонников этой *факсимильной* теории; и как эти последние все равно продолжали отрицать все под солнцем, причем это иногда превращалось в какое-то бешенство отрицания, проявляемое ученой корпорацией. Они отрицали Франклина и его электричество; смеялись над Фультоном и его паровой машиной; проголосовали за смиренную рубашку для инженера Пердоннэ за то, что он предложил построить железную дорогу; смутили Харвея и объявили Бернарда де Палисси «таким же глупым, как его горшки»!

В своем часто цитируемом труде, «История конфликта между религией и наукой», профессор Дрейпер проявляет решительную склонность толкнуть чаши весов справедливости в сторону обвинения одной только церкви за препятствия, чинимые на пути человеческого прогресса. При всем уважении и испытываемом нами восхищении к красноречивому писателю и ученому, мы должны протестовать и воздавать каждому должное. Многие из вышеперечисленных открытий упоминаются автором «Конфликта». Во всех случаях он обрушивается на упорное сопротивление открытиям со стороны духовенства и молчит о таком

же противодействию, испытываемом каждым новооткрывателем от рук ученых. Его выступление в пользу науки, что «знание есть сила», несомненно справедливо. Но злоупотребление силой, происходит ли оно от избытка мудрости или невежества – одинаково противно по своим последствиям. Кроме того, духовенство уже приведено в молчание. Его протесты сегодня едва ли вызвали бы какое-либо внимание в мире науки. Но в то время, как богословие оттеснено назад, на задний план, ученые обеими руками ухватились за скипетр деспотизма и употребляют его, как херувим пламенный меч, чтобы не допустить людей к древу вечной жизни, удерживая их в мире тленной материи.

Редактор лондонского «*Спиритуалиста*» в ответ на критику доктора Гали в адрес теории огненного тумана Тиндаля говорит, что если всю корпорацию спиритуалистов еще не изжили живьем на кострах на площади Смитфилда в нынешнем столетии, то только науке мы обязаны этой милостью. Хорошо, давайте согласимся, что ученые косвенным образом в данном случае явились общественными благодетелями в том, что теперь уже не в моде сжигать эрудированных людей. Но разве несправедливо будет задать вопрос – могли бы спиритуалисты чувствовать себя так спокойно, как они чувствуют себя сейчас, если при таком отношении какое сейчас к ним проявляют Фарадей, Тиндаль, Гёксли, Агасиз и другие – у последних была бы в руках вся неограниченная власть, какою в свое время обладала инквизиция? Даже, предположим, что они не стали бы поджаривать живьем верящих в существование мира духов, так как нет такого закона, чтобы людей при жизни предавать кремации, – не послали бы они каждого спиритуалиста в сумасшедший дом? Разве они нас не называют «неизлечимыми маньяками», «галлюцинирующими глупцами», «идолопоклонниками» и тому подобными именами? В самом деле, нам непонятно, что могло побудить редактора «*Спиритуалиста*» на такую степень благодарности науке, чтобы так благосклонно ее опекать. Мы полагаем, что недавние Ланкастер-Донкин-Слэйд преследования в Лондоне должны бы открыть глаза полным надежд спиритуалистам и ясно показать, что упрямый материализм часто бывает более глупо фанатичным, чем религиозный фанатизм.

Одним из умнейших произведений, принадлежащих перу профессора Тиндаля, является очерк «Мартинэ и материализм». В то же самое время его автор по истечении нескольких лет, несомненно, будет очень не прочь исправить в нем некоторые непростительные грубости выражения. В данный момент мы, однако, не будем заниматься этим, а рассмотрим, что он говорит о феномене сознания. Нижеприведенный вопрос он цитирует из Мартинэ:

«Человек может сказать – „я чувствую, думаю, люблю“, – но как сознание вливается в эту проблему?»

И отвечает так:

«Переход от физики мозга к соответствующим фактам сознания невообразим. Допустим, что определенная мысль и молекулярное действие мозга происходят одновременно. Мы не обладаем интеллектуальным органом так же как и какими-либо рудиментами этого органа, который давал бы нам возможность перейти путем процесса рассуждений от одного к другому. Они появляются вместе, но *мы не знаем почему*. Если бы наши умы и чувства настолько расширились бы, укрепились и озарились, чтобы мы были бы в состоянии видеть и ощущать каждую молекулу мозга; если мы были бы способны проследить все их движения, все их группировки, все их электрические разряды, если таковые там имеются, и если бы мы были близко знакомы с соответствующими всему этому состояниями мысли и чувств, – то мы все равно были бы так же далеки как и прежде, от разрешения проблемы – «Каким образом эти физические процессы связаны с фактами сознания?» Бездна между этими

двумя классами феноменов так и осталась бы интеллектуально непроходимой» [1].

Эта бездна, настолько же непроходимая для профессора Тиндаля, насколько непостижим огненный туман, где ученый встречается с непознаваемой причиной, – является препятствием только для людей без интуиции. Труд профессора Бьюканана «Конспекты лекций по неврологической антропологии», написанный еще в 1854 г., подсказывает мысль, что если бы лжеученые всезнайки вняли бы им, то можно было бы показать им, как можно построить мост через эту страшную пропасть. Это один из тех закровов, в которых бережливое настоящее хранит мыслесемья урожаев будущего. Но здание материализма обосновано целиком на ее грубом фундаменте – рассудке. *Когда они расширяют, растянут или напрягут способности рассудка до его крайних пределов, то учителя материализма смогут, в лучшем случае, раскрыть перед нами вселенную молекул, оживляемых оккультным импульсом.* Какой еще лучший диагноз болезни наших ученых можно пожелать, чем тот, который можно вывести из анализа профессора Тиндаля о состоянии ума сторонников абсолютной власти римского папы путем маленькой замены в названиях. Вместо «Духовные вожди» поставим «ученые», вместо «до-научное прошлое» – «материалистическое настоящее», скажем «дух» вместо «наука» и тогда в нижеследующем абзаце мы будем иметь портрет в натуральную величину человека науки наших дней, изображенного мастерской рукой:

«...Их духовные вожди настолько исключительно живут в до-научном прошлом, что даже действительно сильные умы среди них сделались невосприимчивыми к научной истине. Глаза у них есть, а они не видят, уши у них есть, а они не слышат, ибо их глаза и уши заняты видами и звуками другого века По отношению к науке их ультрамонтанистические мозги, вследствие недостаточной тренировки, представляют собою, в сущности, неразвитые детские мозги. И таким образом получается, что являясь детьми по научным познаниям, но и в то же время носителями духовной власти среди невежественных, – они морально поддерживают и осуществляют поступки, заставляющие краснеть от стыда более разумных в их собственной среде» [1,Предисловие].

Вот это зеркало оккультисты держат перед лицом науки, чтобы она увидела себя самое.

С тех пор, как история отметила первые человеком выработанные законы, никогда не существовало народа, законоположения которого не потребовали бы свидетельских показаний двух или трех заслуживающих доверия свидетелей, когда решался вопрос о жизни или смерти граждан того народа. «По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть» [Второзаконие, XVII, 6], – говорит Моисей, первый законодатель, которого мы встречаем в древней истории. «Законы, предающие казни человека на основании показаний только одного свидетеля, опасны для свободы», – говорит Монтескье – «Разум требует, чтобы было два свидетеля» [119, xii, гл. 3]. Таким образом везде, во всех странах люди пришли молчаливо к согласию о ценности свидетельств. Но ученые не принимают свидетельствования миллионов людей против одного. Напрасно сотни тысяч людей свидетельствуют о фактах. *Oculos habent et non vident!*^[190] Они решили оставаться слепыми и глухими. Тридцать лет практических демонстраций и свидетельства нескольких миллионов верящих в Америке и в Европе, несомненно, имеют право на какое-то уважение и внимание. В особенности, когда вердикт двенадцати спиритуалистов в силу свидетельских показаний любых двух свидетелей вправе послать на виселицу даже ученого за преступление, совершенное, возможно, под влиянием побуждения, возникшего вследствие некоего смятения среди мозговых

молекул, не удерживаемых сознанием будущего **воздаяния**.

По отношению к науке, в целом, как к божественной цели, весь цивилизованный мир должен бы испытывать глубокое уважение, ибо одна только наука может дать человеку возможность понять божество путем правильной оценки его творений.

«Наука *есть* понимание истины или фактов, – говорит Уэбстер, – это исследование истины ради ее самой и погоня за чистым знанием».

Если это определение правильно, то большинство наших современных ученых окажутся изменившими своей богине. «Истина ради нее самой!» А где же следует искать ключи ко всем тайнам природы, если не в неисследованной до сих пор тайне психологии? Увы! Так много ученых, которые в своих исследованиях природы разборчиво сортируют факты, выбирая для исследования только такие, которые лучше всего согласуются с предрассудками

У психологии нет злее врагов, чем школа медицины, именуемая *аллопатией*. Напрасно напоминать им, что из всех так называемых точных наук медицина меньше всех заслуживает этого названия. Хотя из всех отраслей медицинской науки больше всего врачи должны были бы изучать психологию, так как без ее помощи их практика вырождается в простое угадывание и интуицию, – они же почти полностью пренебрегают ею. Малейшее отступление от провозглашенных ими доктрин рассматривается как ересь, и хотя непопулярный и непризнанный метод лечения мог бы спасти тысячи жизней, они, вся корпорация врачей, готовы цепляться за давно принятые гипотезы и предписания и осуждают и новатора, и нововведение до тех пор, пока на них не ляжет штамп *узаконивания*. За это время несчастные пациенты могут умирать, но до тех пор, пока профессиональная гордость не будет удовлетворена, это имеет второстепенное значение.

Теоретически медицина самая добрая наука, и в то же самое время никакая другая наука не проявляет столько примеров мелочных предрассудков, материализма, атеизма и злобного упрямства, как медицина. Пристрастие к какому либо одному методу и покровительство ведущих врачей едва ли когда-либо измерялись полезностью открытия. Кровопускания, пиявки, банки и ланцет – все проходили через свою эпидемию популярности, чтобы под конец впасть в заслуженную немилость. Воду, которую теперь свободно дают лихорадочным пациентам, когда-то им не давали; теплые ванны были вытеснены холодной водой, а одно время гидропатия стала манией. Хинная кора – которую один современный защитник библейского авторитета серьезно пытался отождествить с райским «Древом Жизни»,^[91] и которая была привезена в Испанию в 1632 г., – годами оставалась в небрежении. Церковь однажды проявила больше благоразумия, чем наука. По просьбе кардинала де Луиджи, Инокентий X дал ей покровительство своего могущественного имени.

В одной старинной книге под заголовком «Демонология» автор приводит много примеров, когда очень действенные лечебные средства, которыми сперва пренебрегали, впоследствии обратили на себя внимание благодаря чистой случайности. Он также доказывает, что большинство новых открытий в медицине оказались ничем иным, как «оживление и новое приспособление очень древней практики». В прошлом столетии мадам Ноуфлэ, знахарка, широко рекламировала и продавала секретное средство от ленточного червя – корень мужского папоротника. Секрет этот был куплен Людовиком XV за большую сумму денег; а после этого врачи открыли, что уже Гален рекомендовал это средство и им лечил. Знаменитый порошок герцога Портландского от подагры был *diacentaurion* Целия Аврелиана. Позднее было установлено, что этим порошком пользовались писатели раннего средневековья, открывшие его в писаниях древнегреческих философов. То же самое было с *eaumedicinale* доктора Хассона, чье имя оно носит. Это знаменитое средство от подагры было опознано под его новой маской как *Colchicum autumnale*, или луговой шафран, который тождественен с неким растением,

называемым *Hermodactylus*, чьи достоинства, как несомненного противоядия от подагры, были признаны и защищаемы Орибасом, великим врачом четвертого века, и также Этием Амиденом, другим выдающимся врачом в Александрии (пятого века). Впоследствии этим средством перестали пользоваться: оно впало в немилость лишь потому, что было *слишком старо*, чтобы заслужить благосклонность со стороны медицинских факультетов, процветавших в конце прошлого столетия!

Даже великий Магенди, мудрый физиолог, не избег того, чтобы открыть то, что уже было открыто и одобрено старейшими врачами. Предлагаемое им средство от туберкулеза, а именно, применение синильной кислоты можно найти в сочинении *Lumjuz* под названием *Amenitates Academicae*, том IV, в котором он указывает на дистиллированную лавровую воду, которую с большим успехом применяли против легочного туберкулеза. Плиний также уверяет нас, что экстракт из вишневых косточек и миндаля вылечивает наиболее упорные кашли. Как очень правильно замечает автор «Демонологии», можно смело утверждать, что «все различные секреты препаратов опиума, которые воспевались как открытия современности, могут быть опознаны в сочинениях древних авторов», которых так дискредитируют в наши дни.

Всеми признается, что с незапамятных времен Дальний Восток был страной знания. Даже в Египте ботанику и минералогию не изучали так пространно, как их изучали ученые архаической Средней Азии. Шпренгер, несправедливый, с предвзятыми мнениями, каким он оказался во всем остальном, признает это в своей «Истории медицины». И все же, несмотря на все это, каждый раз, когда речь идет о магии, индийская магия редко кому приходит в голову, так как о пользовании магией в Индии известно меньше, чем среди других древних народов. У индусов магия была и есть более эзотерична, возможно – даже более эзотерична, чем у египетских священнослужителей. Настолько она считалась священной, что ее существование едва допускалось и ею пользовались только при крайней общественной необходимости. *Дело магии считалось чем-то большим, чем дело религии, ибо ее считали божественной*. Египетские иерофанты, несмотря на их суровую чистую нравственность, ни на миг не могли быть сравнимы с аскетическими гимнософистами ни по святости жизни, ни по чудодейственным силам, развитым в них сверхъестественным удалением от всего земного. Со стороны тех, кто их знали, они пользовались большим уважением, чем халдейские маги. Отказывая себе в простейших удобствах жизни, они обитали в лесах и вели жизнь наиболее уединившихся отшельников [59, xxiii, 6], тогда как их египетские братья, по крайней мере, собирались вместе. Несмотря на пятно, бросаемое историей на занимающихся магией и предсказаниями, она провозгласила их обладателями величайших тайн в медицинских познаниях, непревзойденными в их применении на практике. Многочисленные тома, сохранившиеся в индийских монастырях, где приведены доказательства их учености. Попытка сказать о том, были ли гимнософы действительными основоположниками магии в Индии, или же они только пользовались тем, что было им передано, как наследство от самых ранних риши^[92] – первых семи мудрецов – будет рассматриваться как простая спекуляция представителей точных наук.

«Забота, какую они проявляли в образовании молодежи, знакомя ее с возвышенными добродетельными мыслями и чувствами, делает им особую честь, а их афоризмы и беседы, насколько они зафиксированы историками, доказывают, что они были знатоки философии, метафизики, астрономии, нравственности и религии», —

говорит современный писатель. Они сохраняли свое достоинство под властью самых могущественных принцев, которых они не удостоивали своими посещениями и не беспокоили ни малейшими просьбами. Если последние хотели получить совет или молитвы этих святых

людей, то они должны были или пойти к ним сами, или же послать послов. Для этих людей нет скрытой силы растения или минерала, который они бы не знали. Они измерили глубины природы, тогда как психология и физиология были для них открытыми книгами; результатом этого была наука или махагиотия, которую теперь презрительно называют *магией*.

В то время как чудеса, записанные в Библии, стали у христиан признанными фактами, не верить которым уже считалось неверностью, отступничеством, – повествования об удивительных происшествиях и чудесах, находимые в «Атхарваведе», ^[93] вызывают у них презрение и рассматриваются, как доказательства дьявольщины. И все же, в более чем в одном отношении, несмотря на нежелание некоторых санскритологов, мы можем показать тождественность между этими двумя. Кроме того, так как теперь учеными доказано, что Веды появились на много веков раньше еврейской Библии, то, если было заимствование одной от другой – легко сделать вывод что тогда – не индийские священные книги можно обвинять в плагиате.

Прежде всего, их космогония показывает, как ошибочно было мнение, преобладающее среди цивилизованных наций, что Брахму индусы когда-либо считали своим главным, верховным богом. Брахма – второстепенное божество и, подобно Иегове, является «*двигателем вод*». Он есть *творящий* бог и в своих аллегорических изображениях обладает четырьмя головами, что соответствует четырем странам света. Он – демиург, *архитектор* мира.

«В первоначальном состоянии творения, – говорит Полиер в „Индийской мифологии“, – зародышевая Вселенная, погруженная в воды, покоилась в лоне Вечности. Появившись из этого хаоса и мрака, Брахма, архитектор мира, плыл на листе лотоса, несомый по водам, не в состоянии различить что-либо, кроме воды и мрака».

Здесь налицо полная идентичность смысла египетской космогонии, которая в первых же фразах говорит об Астор^[94] или Матери Ночи (которая представляет беспредельный мрак) в качестве первичного элемента, что покрывает бесконечную бездну, оживляемую водою и вселенским духом Вечного, одиноко пребывающего в Хаосе. Как и в еврейском священном писании, история сотворения начинается от Духа Божьего и его творческой эманации – другого божества.^[95] Отдав себе отчет в таком печальном состоянии, Брахма в ужасе спрашивает самого себя:

«Кто я? Откуда я?»

Затем он слышит голос:

«Направь свою молитву к Бхагавату – Вечному, известному также под именем Парабрахма».

Из своего плавательного положения Брахма встает и принимает позу сидящего в созерцании на лотосе и обращает мысли к Вечному. Последнему по душе такая набожность, он рассеивает первичную тьму и открывает его понимание.

«После этого Брахма исходит из вселенского яйца (бесконечного хаоса) в виде света, ибо понимание его теперь открылось, и он приступает к работе; божественным духом, заключенным в нем самом, он *двигает* вечные воды; в своей способности *двигателя вод* он есть *Нарайяна*».

Лотос, священный цветок как египтян, так и индусов, служит символом Гора так же, как и

Брахмы. В Тибете или в Непале не найдется ни одного храма без него; значение этого символа весьма многозначительно. Ветка *лилии*, помещенная в руке архангела, который преподносит ее Деве Марии на картине «Благовещение» по своему эзотерическому символизму имеет в точности то же самое значение. Интересующихся этим отсылаем к сэру Уильяму Джонсу [120]. У индусов лотос является символом творящих сил природы, действующих посредством огня и воды (духа и материи).

«Вечный! – говорится в стихе «*Бхагавадгиты*», – Я вижу Брахму-творца на троне в тебе над лотосом!»

и сэр У. Джонс показывает, что семена лотоса содержат – еще до того, как они начинают прорасти – в совершенстве сформированные листочки, миниатюрные образцы того, что однажды станет полным растением или, как выражается автор «Языческой религии», таким образом —

«природа дает нам образчик *преформирования* своей продукции», – добавляя затем, что – «семена всех *явнобрачных* растений, расцветающих *определенными* цветами, содержат в *эмбрионе* уже *сформировавшееся растение*» [121, с. 195].

У буддистов оно имеет то же самое значение. Маха-майя, или Маха-дэва, мать Гаутамы Будды была заранее предупреждена о том, что у нее родится сын, бодхисаттвой (духом Будды), который появился около ее ложа с *лотосом* в руке. Также Озирис и Гор всегда изображались египтянами с цветком лотоса.

Все эти факты указывают на общность источника этой идеи в трех религиозных системах – индийской, египетской и иудео-христианской. Где бы ни фигурировала мистическая водяная лилия (лотос), – она символизирует эманацию объективного из сокровенного, или переход вечной мысли всегда незримого божества из абстрактности в конкретные или зримые формы. Ибо, как только тьма рассеялась и «был свет», понимание Брахмы раскрылось, и он увидел идеальный мир (который до тех пор лежал в вечности скрытый в божественной мысли), архетипные формы бесконечного множества будущих вещей, которые будут вызваны к существованию и, следовательно, станут видимы. В этой первой стадии действия Брахма еще не стал архитектором, строителем вселенной, ибо ему надо было, как архитектору, ознакомиться с планом и представить себе идеальные формы, которые покоились в лоне Вечного Единого так же, как будущие листья лотоса скрыты в семени этого растения. И вот это и есть та идея, в которой мы должны искать происхождения и объяснения стиха в еврейской космогонии, где сказано:

«И сказал Бог, пусть земля производит плодовые деревья, приносящие плоды своего рода, *чьи семена в них заключены*».

Во всех примитивных религиях «Сын Отца» есть творящий Бог, т. е. Его мысль, ставшая видимой; и в дохристианской эре, от индийской Тримурти до трех каббалистически объясняемых голов еврейских священных писаний триединое божество каждой нации полностью определяется и обосновывается в своих аллегориях. В христианском вероисповедании мы видим только искусственную прививку новой ветки на старый ствол; и принятие греческой и римской церквями символической лилии, которую держит архангел в момент благовещения, показывает мысль в точности того же самого метафизического значения.

Лотос – продукт огня (тепла) и воды, отсюда – двойной символизм духа и материи. Бог Брахма является вторым лицом Троицы, каковыми являются Иегова (Адам-Кадмон) и Озирис

или скорее Пэмандр, или сила божественной мысли Гермеса, ибо Пэмандр представляет собою корень всех египетских солнечных богов. Вечный есть Дух Огня, который возбуждает и оплодотворяет и развивает в конкретную форму все, что порождено из воды или изначальной земли, вышедшей из Брахмы. Но вселенная сама есть Брахма, и он есть вселенная. Это философия Спинозы, которую он выводит из учения Пифагора; и она та же самая философия, за которую Бруно принял мученическую смерть. Насколько христианское богословие заблудилось, ушло в сторону от своей отправной точки, показано в этом историческом факте. Бруно был казнен за толкование символа, принятого первоначальными христианами и разъясненного апостолами! Ветка водяной лилии бодхисаттвы, а позднее ангела Гавриила, представляющая символ огня и воды или идею творения и порождения, разработана в самом раннем догмате таинства крещения.

Доктрины Бруно и Спинозы почти тождественны, хотя слова последнего более завуалированы и более осторожно подобраны, чем те, которые мы находим в теориях автора «*Causa Principio et Uno*» или «*Infinito Universo e Mondi*». И Бруно, который признается, что источником ему служил Пифагор, и Спиноза, который без прямого признания источника самой своей философией выдает секрет ее происхождения, – оба они рассматривают Первопричину с одной и той же точки зрения. У них Бог есть Сущность целиком *per se*. Бесконечный Дух и единственное Существо, совершенно свободное и независимое и от следствий и от других причин; Он через ту самую Волю, которая произвела все и дала первый импульс каждому космическому закону, – беспрерывно поддерживает существование и порядок во всем во вселенной. Так же как индийские свабхавики, которых ошибочно называют атеистами и которые полагают, что все люди так же, как боги и духи, родились от Свабхава или их собственной природы,^[96] – также и Спиноза и Бруно пришли к заключению, что *Бога нужно искать внутри природы, а не вне ее*. Так как творение пропорционально мощи творца, то вселенная так же, как ее творец, должна быть бесконечной и вечной, причем одна форма эманурует из своей собственной сущности и творит в свою очередь другую. Современные комментаторы утверждают, что Бруно «не будучи поддерживаем надеждой на другой и лучший мир, все же предпочел лучше поступиться жизнью, нежели своими убеждениями»; тем самым давая понять, что Джордано Бруно не верил в продолжение жизни после смерти. Профессор Дрейпер решительно утверждает, что Бруно не верил в бессмертие души. Говоря о бесчисленных жертвах религиозной нетерпимости папистской церкви, он замечает:

«Переход от этой жизни к следующей, хотя и через тяжкие испытания, являлся переходом от преходящих страданий к вечному счастью... На своем пути через долину мрака мученик верил, что невидимая рука поведет его... Для Бруно такой поддержки не было. Философские убеждения, ради которых он пожертвовал своей жизнью, не могли дать ему такого утешения» [48, с. 180].

Но профессор Дрейпер, кажется, обладает очень поверхностными знаниями об истинных верованиях философов. Мы не будем касаться Спинозы и даже позволим ему оставаться в глазах его критиков крайним атеистом и материалистом, ибо осторожность его выражений такова, что человеку, не читающему между строк и незнакомому с сокровенным значением пифагорейской метафизики, чрезвычайно трудно убедиться, каковы, в самом деле, его убеждения. Но что касается Джордано Бруно, то он, если он придерживался доктрин Пифагора, должен был верить в загробную жизнь и, следовательно, не мог быть атеистом, чья философия не давала ему такого «утешения». Его обвинения и следующие затем признания, как они изложены профессором Доменцио Берти в его «Жизнь Бруно», которая собрана по подлинным документам, недавно

опубликованным, доказала, без сомнения, какова была, действительно, его *настоящая* философия, вера и доктрины. Вместе с александрийскими платонистами и более поздними каббалистами он верил, что Иисус был маг в том смысле, в каком это слово применялось Порфирием и Цицероном, который называл магию *divina sapientia* (божественное знание); в том смысле, как она употреблялась Филоном Иудеем, который описывал магов, как обладающих наибольшей способностью проникновения в сокровенные тайны природы, а не в унижительном значении, придаваемом этому слову в нашем веке. В его возвышенной концепции *маги* были святыми людьми, которые, отстранившись от всего на этой земле, размышляли о божественных добродетелях и более глубоко понимали божественную природу богов и духов; они посвящали других в те же тайны, которые состоят в том, что человек на протяжении всей своей жизни может поддерживать непрерывную связь с этими невидимыми существами. Но мы лучше можем продемонстрировать сокровенные философские убеждения Бруно, приводя отрывки из его обвинений и его собственных признаний.

Обвинение в изложении Мосениго, его обвинителя, звучит так:

«Я, Жуан Мосениго, сын высокочтимого сэра Маркантонио по велению моей совести и по приказанию моего духовника обличаю перед вами, высокочтимые отцы, Джордано Бруно в том, что во время бесед со мною в моем доме он несколько раз говорил, что католичество кощунствует, утверждая, что хлеб преосуществляется в плоть христову; что он против мессы; что никакая религия его не прельщает; что Христос был негодяй (*un tristo*), и если он занимался нехорошими делами, совращал народ, то можно было предвидеть, что его посадят на кол; что в Боге нет никаких различных лиц, и что таковые различия унижали бы Бога, что мир вечен и что существуют бесконечные миры; что Бог творит их непрерывно, ибо он хочет проявить свою мощь; что Христос совершал деяния, кажущиеся чудесами, и что он был маг, какими были и апостолы и что он собирается делать то же самое, что делали они и даже больше; что Христос проявил нежелание умереть и избегал смерти насколько мог; что нет наказания за грехи и что душа созданная природным процессом, переходит от одного животного в другое и что так же, как грубые животные рождаются от разврата, – также рождаются и люди, когда им после разложения тел приходится снова родиться».

Хотя и предательские эти вышеприведенные слова, все же они ясно указывают на веру Бруно в метемпсихоз Пифагора, который, даже будучи неправильно понят, доказывает, что он верил в перевоплощение. Далее обвинитель говорит:

«Он проявил признаки желания стать основателем новой секты под названием „Новая философия“. Он сказал, что Дева не могла родить и что католическое вероисповедание все полно кощунств против величия Бога; что у монахов нужно отнять право на диспуты и на доходы, ибо они развращают мир; что они все ослы, и их учения – это учения ослов; что у нас нет доказательств, что наша вера заслуживает одобрение у Бога, и что правила „не делай другому того чего не хочешь, чтоб делали тебе“ уже достаточно для праведной жизни, и что он смеется над всеми другими грехами и удивляется долготерпению Господа, что он терпит существование такого множества ересей у католиков. Он говорит, что займется искусством прорицания и тогда весь мир побежит за ним; что Св. Томас и все доктора ничего не знают по сравнению с ним и что он может задавать такие вопросы лучшим богословам мира,

что они будут не в состоянии ответить на них».

На это обвиняемый философ ответил нижеследующим признанием о своей вере, которая является верой всех учеников учителей древности:

«Я верю, говоря кратко, в существование бесконечной вселенной, как в результат беспредельной божественной мощи, ибо я счел бы недостойным божественной добродетели и силы, чтобы она, будучи в состоянии создать, кроме этого мира, другой и бесконечные другие миры, – стала бы создавать конечное мироздание. Таким образом я заявлял, что существуют бесчисленные отдельные миры, подобные нашей земле, которые, как учил Пифагор и как я понимаю, являются звездами подобными по своему естеству Луне, другим планетам и другим звездам, которые бесчисленны; все эти небесные тела являются мирами, и числа им нет, и все они образуют бесконечную вселенную в беспредельном пространстве; и это называется беспредельной вселенной с бесчисленными мирами; и в этом – двойное величие вселенной и заключенного в ней множества миров. Косвенно это могут истолковать как нечто противное правоверной истине.

Кроме того, в этой вселенной я нахожу вселенское Провидение, благодаря которому все живет, растет и движется в своем совершенствовании, и я понимаю это двояко: одно – в том виде, в котором целая душа присутствует в целом и в каждой частице целого, и это я называю природою, тенью и отпечатком божественной стопы; другое – в несказуемом виде, в котором Бог, как сущность присутствие и сила находится везде, во всем и над всем не как часть, не как душа, но как несказуемое.

Кроме того, в моем понимании все атрибуты божественности одно и то же. Так же, как богословы и великие философы, я различаю три атрибута: силу, мудрость и доброту или, вернее, ум, рассудок, любовь, у которых вещи (т. е. объективно сущее) сперва получают бытие в уме, затем они приобретают упорядоченное индивидуальное бытие через рассудок; и третье – приобщаются к согласию и симметрии через любовь. Вот так я понимаю бытие во всем и везде; и нет ничего что не участвовало бы в бытии, и нет бытия без сущности точно так же, как ничто не может быть красивым без присутствия красоты; таким образом ничто не может быть свободным от присутствия божественности, и таким образом путем рассуждений я прихожу к пониманию различий в божественности.

Допуская причинность возникновения мира я считаю, что во всем своем бытии он зависит от первопричины, так что я не отвергаю термина «творение», которое я понимаю так, как выразился Аристотель, говоря: «Бог есть то, от чего мир и вся природа зависит», – так что согласно объяснению Св. Томаса, будь он вечен или временен, он зависит от первопричины, так как нет ничего независимого в нем.

Затем, в отношении того, что касается истинной веры, не говоря философским языком, по поводу индивидуальности божественных лиц – мудрости и сына ума, называемого философами интеллектом, а богословами Словом, якобы облекшимся в человеческую плоть. Но придерживаясь философии, я этого не мог понять, сомневался в этом, не верил; но поскольку помню, я этого не выражал ни устно ни письменно... Что касается Святого Духа в третьем лице, я не мог его так понять, как надо бы по вере, но по-пифагоровски и наподобие Соломона и понял его как душу вселенной или как присущего ко вселенной, согласно сказанному в мудрости Соломона: «Дух Божий наполнил всю землю и то, в чем содержится все», – что вполне согласуется с

пифагорейской доктриной, поясненной Виргилием в тексте «Энеиды»:

Principio coelum ac terras camposque liquentes,
Lucentemque globum Lunae, Titamaque asfra
Spiritus intus alit, totamque infusa per artus
Mens agitat molem;

и последующие за тем строки:

«От этого духа, затем, которого называют жизнью вселенной, по моему пониманию и по моей философии, исходит жизнь и душа всего того, что имеет жизнь и душу, которая, кроме того, в моем понимании, бессмертна так же, как и все тела, которые в своей субстанции бессмертны, так как нет другой смерти, как только разделение и скопление, – доктрина, которая, кажется, выражена в „Экклезиасте“, где сказано, что „что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем“».

Далее Бруно сознается в своей неспособности понять учение о трех лицах божества и в своих сомнениях о воплощении Бога в Иисусе, но твердо объявляет о своей вере в чудеса Христа. Будучи пифагорейским философом, как мог он не поверить в них? Если под безжалостным нажимом инквизиции он, подобно Галилею, впоследствии отрекся и отдался на милость своих преследователей-церковников, мы не должны забывать, что он говорил как человек, поставленный между дыбой и костром, и что человеческая натура не может все время быть героической, когда телесная оболочка обессилена пытками и заключением.

Если бы не удачное появление авторитетного труда Берти, мы так бы и продолжали почитать Бруно как мученика, бюст которого стоял бы по заслугам высоко в пантеоне точной науки, увенчанный лавровым венком руками Дрейпера. Но теперь мы видим, что их герой на час не есть ни атеист, ни материалист, ни позитивист, но просто пифагореец, который преподавал философию Верхней Азии и стремился к обладанию магическими силами, так презираемыми школой самого Дрейпера! Ничего более забавного, чем это *непредвиденное осложнение* не произошло с тех пор, как предполагаемая статуя Св. Петра по обследовании нечестивыми археологами оказалась Юпитером Капитолия, и тождественность Будды с католическим Св. Иосифом оказалась очевидной.

Итак, обыскивая где только можно архивы истории, мы обнаруживаем, что нет такого фрагмента в современной философии – будь то ньютонова, декартова и гёкслеевская или какая-либо другая, – который не был бы добыт из недр Востока. Даже позитивизм и нигилизм находят свои прототипы в экзотерической части философии Капилы, как на это правильно указал Макс Мюллер. Вдохновенность индийских мудрецов – вот что проникло в тайны Праджна Парамита (совершенной мудрости) это были их руки, которые качали колыбель первого предка того слабого, но крикливого младенца, которого мы окрестили **СОВРЕМЕННОЙ НАУКОЙ**.

Глава IV

Теории по поводу психических феноменов

«Я выбираю более благородную часть из Эмерсона, когда, после различных разочарований он восклицает: „Я жажду истины“. – Радость истинного героизма посещает сердце того, кто действительно вправе это сказать»

– Тиндаль.

«Свидетельство считается достаточным, когда:

1-е – опирается на большое количество трезвых свидетелей, показывающих, что они ясно видели;

2-е – свидетели здоровыми телесно и умственно;

3-е – беспристрастны и незаинтересованы;

4-е – единогласны в показаниях;

5-е – и торжественно засвидетельствовали факт».

– Вольтер, «Философский словарь».

Граф Эдженор де Гаспарин преданный протестант. Его битва с Мюссе, де Мирвилем и другими фанатиками, которые приписали все спиритуалистические феномены Сатане, была длительна и свирепа. Два тома более, чем в 1500 страниц являются результатом, доказывающим *следствия*, отрицающим *причины* и прилагающим сверхчеловеческие усилия к изобретению всевозможных других объяснений спиритуалистических феноменов, но только не настоящих, истинных объяснений.

Суровая взбучка, полученная «Журналом Дебатов» от мосье де Гаспарина, была прочтена всей цивилизованной Европой [125, т. I, с. 213]. После того, как этот джентльмен подробнейшим образом описал многочисленные проявления, которым он сам был свидетелем, – этот журнал самым нахальным образом предлагал властям Франции отправить всех тех, кто после прочтения *прекрасного* анализа «спиритуалистических галлюцинаций», опубликованного Фарадеем, будут настаивать, чтобы верили в эти заблуждения, – в сумасшедший дом для неизлечимых.

«Обратите внимание, – писал де Гаспарин в ответ, – что представители точной науки находятся на пути к тому, чтобы стать... *инквизиторами* наших дней... Факты сильнее, чем Академия. Отвергнутые, отрицаемые, высмеянные – они тем не менее являются фактами и вопреки всему *существуют*» [125, т. i, с. 216].

Нижеизложенные подтверждения физических феноменов, которым были свидетелями сам Гаспарин и профессор Тьюри могут быть прочтены в его объемистом труде.

«Экспериментаторы часто видели, что ножки стола, так сказать, *прилипали* к полу и, несмотря на волнение присутствующих, отказывались двинуться с места. В других случаях они видели левитацию столов, т. е. столы летали и притом энергично летали. Своими собственными ушами они слышали стуки как громкие, так и тихие; первые угрожали разнести стол вдребезги, насколько они были сильны, последние же настолько тихи, что были едва уловимы».

Что касается ЛЕВИТАЦИИ БЕЗ ПРИКОСНОВЕНИЯ РУК, то мы нашли способ легко их производить и с успехом... Мы их воспроизводили более ТРИДЦАТИ раз [125, т. i, с. 48]...

Бывали дни, когда стол поворачивался и приподнимал свои ножки по очереди, причем его вес был увеличен тем, что на него сел человек весящий 87 килограммов; а в другой раз стал оставался без движения несмотря на то, что сидящий на нем человек весил только 60 [125, т. i, с. 24]. Однажды мы захотели, чтобы он перевернулся ногами вверх, и он это сделал, несмотря на то что наши пальцы ни разу не прикоснулись к нему» [125, т. i, с. 35].

«Несомненно», – замечает де Мирвиль, – «что человек по несколько раз наблюдавший такие феномены, не мог принять прекрасного анализа английского физика» [126, с. 26].

С 1850 г. Мюссе и Мирвиль, стойкие римские католики опубликовали много томов, заглавия которых хитро придуманы, чтобы привлечь внимание публики. Эти сочинения выдают большую тревогу, испытываемую их авторами, которую они кроме того и не скрывают. Если была бы возможность считать спиритуалистические феномены мошенническими подделками, – римская церковь никогда бы не стала им уделять столько внимания, прилагать столько усилий, чтобы подавить спиритуализм.

Если оставить в стороне скептиков, то людей, убедившихся в достоверности фактов спиритуалистических феноменов, можно разделить на две категории: на верящих, что эти феномены являются делом рук дьявола, и на верящих, что это действуют развоплощенные человеческие и другие духи. Самый факт уже, что богословие страшится значительно больше откровений, которые могут появиться через эту таинственную силу, нежели «конфликтов» с наукой и категорических отрицаний последней, – должен бы открыть глаза наибольшим скептикам. Римская церковь никогда не была ни легковой, ни трусливой, как об этом красноречиво свидетельствует макиавеллизм ее поведения. Кроме того, она никогда особенно не беспокоилась по поводу ловких фокусников, ибо знала что это просто ловкость рук, фокусничество. Роберт Гудини, Конт, Гамильтон и Боско в безопасности спали в своих кроватях, в то время как она преследовала таких людей, как Парацельс, Калиостро, Месмер, философов герметизма и мистиков, – и успешно пресекала каждое настоящее проявление оккультного характера тем, что убивала медиумов.

Те, кто не в состоянии поверить в личного дьявола и в церковные догмы, – должны, тем не менее, согласиться, что духовенство достаточно проницательно, – чтобы сохранить свою репутацию непогрешимости, оно поднимает много шума по поводу спиритуалистических манифестаций, которые, если они мошеннические, неизбежно когда-нибудь будут разоблачены.

Но лучшее свидетельство реальности таинственной силы, проявляющейся в спиритуалистических феноменах, дал сам Роберт Гудини, король фокусников, который будучи приглашен Академией в качестве эксперта, чтобы наблюдать удивительные явления ясновидения, а иногда и ошибок, проявляемых столом, сказал:

«Мы, фокусники, никогда не совершаем ошибок, и мое второе зрение мне никогда еще не изменяло».

Ученый астроном Бабинэ был не более успешен, когда он выбрал Конта, прославленного чрево вещателя, в качестве эксперта, чтобы он свидетельствовал против спиритуалистических феноменов, в которых слышны голоса и стуки. Если верить свидетелям, Конт расхохотался в лицо Бабинэ при одном только высказывании последним мысли, что стуки спиритуалистических сеансов производятся «бессознательно чрево вещанием!» Эта последняя теория достойная сестра-близнец «бессознательной мозговой деятельности», заставила многих из наиболее скептических академиков краснеть. Ее нелепость была слишком очевидна.

«Проблема сверхъестественного, – говорит Гаспарин, – такая, как ее представляли в средние века и каковою она предстала перед нами – не из тех, которыми можно пренебречь...

Ее обширность и величие не могут оставаться незамеченными никем. В этой проблеме все очень серьезно – и зло и средство от него, суеверный рецидив и физический факт, которому суждено победить последнее» [125, Предисловие, с. 12 и 16].

Далее он решительно высказывает следующее мнение к каковому он пришел, будучи к этому вынужден неопровержимостью манифестаций, как он сам говорит

«Количество фактов, которые требуют себе места под светом истины, настолько увеличилось в последнее время, что неизбежны два последствия: или область естественных наук должна расшириться, или же сверхъестественное настолько расширится, что не будет пределов» [125, т. i, с. 244].

Среди множества книг против спиритуализма, вышедших из католических и протестантских источников, ни одна не произвела более потрясающего эффекта, чем труды де Мирвиля и де Мюссе «*La Magie au XIXme Siucle*» [104], «*Moeurs et Pratiques des Dūmons*» [101], «*Hauts Phūnomunes de la Magie*» [100], «*Les Mediateurs de la Magie*», «*Des Esprits et de leurs Manifestations*» и т. д. Они содержат наиболее энциклопедическую биографию Дьявола и его бесов, какая когда-либо появлялась для услаждения добрых католиков после средних веков.

По мысли авторов *том*, кто был «лжецом и убийцей с самого начала», был также и главным свершителем спиритуалистических феноменов. Тысячами лет он возглавлял языческую теургию; и это опять был он, когда ободренный увеличением ересей, неверности и атеизма он снова появился в наши дни. Французская Академия на это возвысила свой голос в общем вопле возмущения, а мосье де Гаспарин даже почел это личным оскорблением.

«Это есть объявление войны, „поднятие щитов“, – писал он в своей объемистой книге опровержений. – «Труд Мирвиля – настоящий манифест... Я был бы рад видеть в нем выражение строго персональных взглядов, но поистине это невозможно. Успех этой книги, торжественные присоединения, точное воспроизведение как журналами, так и отдельными писателями этой партии и солидарность со всей католической корпорацией... все это доказывает, что этот труд, который в сущности является актом, и должен рассматриваться как коллективный труд. Раз так, я чувствую, что я должен выполнить свой долг... Я чувствую, что должен поднять перчатку... и высоко поднять протестантский флаг против знамени ультра-монтанистов» [125, т. ii, с. 524].

Медицинские авторитеты, как и следовало ожидать, в роли греческого хора, подпевали различными увещеваниями направленными против авторов демонологии. В «Медико-психологических анналах», издаваемых докторами Бриером де Буазмоном и Керисом, было напечатано следующее:

«Не касаясь противоречивых суждений антагонистических партий, скажем, что никогда в нашей стране ни один писатель не осмеливался с таким дерзко-вызывающим спокойствием... пойти навстречу всем насмешкам и презрению со стороны того, что мы называем здравым смыслом, и как бы стараясь вызвать в то же самое время громовые раскаты хохота и пожимание плечами, авторы принимают важную позу, нагло становясь перед членами Академии... преподнося последней то, что со скромностью можно назвать „Мемуарами Сатаны!“» [97]

Это было сильное оскорбление, нанесенное академикам, вне всякого сомнения, но с 1850 года, они, кажется, были обречены терпеть обиды своей гордости больше, чем большинство из

них могло выдержать. Подумать только – требовать от сорока «бессмертных», чтобы они обратили внимание на штучки Дьявола! Они поклялись отомстить и, объединившись, выдвинули теорию, которая по своей абсурдности превзошла даже демонологию Мирвиля! Доктор Ройер и Джобарт де Ламбаль (оба знаменитости в своем роде) образовали союз и представили Институту одного немца, ловкость которого, по его словам, давала ключ ко всем спиритуалистическим громким и слабым постукиваниям на обоих полушариях.

«Мы краснеем, – говорит маркиз де Мирвиль, – рассказывая о том что весь трюк немца состоял просто из повторных смещений мускульных сухожилий ног. Грандиозная демонстрация этой системы на пленарном заседании Института – и тут же на месте... выражения благодарности Академии за это *интересное* сообщение, а несколькими днями позже – полное заверение публики, сделанное одним из профессоров факультета, что ученые, наконец, полностью разрешили проблему спиритуалистических стуков!» [127]

Но такое *научное* объяснение не приостановило ни течения феноменов, спокойно продолжающих совершаться, ни писателей по демонологии, продолжающих излагать свои ортодоксальные теории.

Отрицая, что церковь имеет какое-либо отношение к его книгам, де Мюссе серьезно преподнес Академии, вдобавок к своим «Мемуарам», следующие интересные и глубоко философские мысли о Сатане:

«Дьявол! – вот главная опора Веры. Он один из великих персонажей, чья жизнь тесно связана с жизнью церкви; и без его речи, победоносно произнесенной Змием, его посредником, грехопадение человека не произошло бы. Таким образом, если бы не Сатана, то Спаситель, Распятый, Искупитель был бы наиболее смешным сверхштатным ненужным работником, и Крест был бы оскорблением добрых чувств!» [101, с. x]

Этот писатель, не забудьте, является только верным отголоском церкви, которая равно предает анафеме как того, кто отрицает Бога так и того, кто сомневается в объективности существования Сатаны.

Но маркиз де Мирвиль развивает эту идею о сотрудничестве Бога с Дьяволом еще дальше. По его мнению это как бы регулярное коммерческое дело, в котором старший «молчаливый партнер» допускает, чтобы деловую сторону фирмы вел по своему усмотрению младший компаньон, чьей предприимчивостью и энергией она процветает. Кто может быть другого мнения после прочтения нижеследующего?

«В момент этого спиритуалистического вторжения 1853 г., к которому так пренебрежительно отнеслись, мы осмеливаемся произнести слово „грозная катастрофа“. Мир тем не менее остается спокойным, но история приводит нам примеры таких же симптомов во всех бедственных эпохах; у нас были предчувствия о печальных последствиях закона, который сформулирован Гоэррисом так: [том V, стр. 356] „Эти таинственные привидения неизбежно указывают на карающую десницу Бога на земле“» [126, с. 4].

Эти партизанские схватки между сторонниками духовенства и материалистической Академией наук с лихвой доказывают, как мало последняя сделала, чтобы выкорчевать слепой фанатизм из умов даже весьма образованных людей. *Очевидно, что наука не смогла ни полностью победить, ни заставить молчать богословие.* Она возьмет над ним верх только в тот

день, когда она снизойдет до того, что усмотрит в спиритуалистических феноменах что-то вместо галлюцинаций и обмана. Но как она может это сделать без тщательных исследований феноменов? Предположим, что до того времени, как электромагнетизм был общепризнан, копенгагенский профессор Ойстид, его открыватель, страдал бы приступом того, что мы называем *психофобией* и *духофобией*. Она замечает, что электрический ток, проходящий по проволоке рядом с магнитной стрелкой, заставляет ее отклоняться и принимать перпендикулярное положение по отношению к току. Предположим, что, кроме того, профессор много слышал о неких суеверных людях, пользующихся магнитными стрелками для бесед с невидимыми духами, с которыми они разговаривают постукиваниями такой стрелки, и в результате этого профессора охватит научный ужас и отвращение к такому суеверному верованию, после чего он категорически откажется иметь какое-либо дело с магнитными стрелками. Какой был бы результат от этого? Электромагнетизм до сих пор не был бы открыт, и главными потерявшими в этом деле были бы сами наши экспериментаторы.

Бабинэ, Ройер и Джорбет де Ламбаль, все трое члены Института, особенно отличались в этой борьбе между скептицизмом и сверхъестественностью и, вне всякого сомнения, не пожали лавров. Знаменитый астроном неблагоразумно рисковал на поле битвы вокруг феноменов. Он уже научно «объяснил» манифестации. Но, ободренный необоснованной уверенностью среди ученых, что эта новая эпидемия не устоит перед тщательными исследованиями и не переживет и года, – совершил еще более неблагоразумие тем, что опубликовал две статьи по поводу феноменов. Как мосье де Мирвиль очень остроумно заметил, если обе статьи имели некий слабенький успех в научной печати, то, с другой стороны, а ежедневных изданиях никакого успеха.

Мосье Бабинэ начал с признания *a priori* вращений и движений мебели, каковой факт он объявил «неоспоримым».

«Это вращение, – сказал он, – в состоянии проявляться со значительной энергией или большою скоростью или сильным сопротивлением, когда его желают остановить» [128, с. 108].

Затем следует объяснение этого знаменитого ученого.

«Слегка подталкиваемый малыми согласующимися импульсами рук, лежавших на нем, стол начинает качаться справа налево... В тот момент, когда, после большей или меньшей задержки, в руках установился нервный трепет и малые индивидуальные импульсы всех экспериментаторов сгармонизировались, стол приводится в движение».^[98]

Он находит, что все это очень просто, ибо

«все мышечные движения определяются над телами рычагами третьего порядка, где точка опоры находится очень близко от точки приложения сил. Это, следовательно, сообщает большую скорость движущимся частям из-за очень малого расстояния, на которое действует движущая сила... Некоторые люди удивляются, когда видят, что стол под воздействием нескольких благосклонно расположенных индивидуумов по пути *преодолеывает значительные препятствия*, даже ломает свои ноги, если его вдруг останавливают; но это *очень просто*, если мы учтем силу *малых согласующихся воздействий*... Еще раз повторяем, что физическое объяснение не представляет никакой трудности».^[99]

В этой диссертации ясно показаны два результата: реальность феноменов доказана; научное

объяснение представляет посмешище. Но мосье Бабинэ вполне может позволить себе, чтоб над ним смеялись, ведь он астроном и знает, что даже на солнце есть пятна.

Существует, однако, одна вещь, которую Бабинэ всегда упорно отрицал, а именно, левитация мебели безо всякого прикосновения рук. Де Мирвиль поймал его на слове, когда он заявил, что такая левитация невозможна:

«просто *невозможна*, – говорил он, – так же невозможна как вечное движение». [\[100\]](#)

Кто теперь, после такого заявления, возьмется утверждать, что слово *невозможное*, произнесенное устами науки, непогрешимо?

Но столы, после того как вальсировали, раскачивались, поворачивались – начали выстукивать. Стуки иногда достигали большой силы звука – равной пистолетным выстрелам. Что об этом? Слушайте:

«Свидетели и исследователи были чревовещателями!»

Де Мирвиль отсылает нас к «*Revue des Deux Mondes*», в котором опубликован очень интересный диалог, выдуманный мосье Бабинэ, где он сам с собою разговаривает, как халдейский Эн-Соф у каббалистов:

«Что можем мы, наконец сказать о всех этих фактах наших наблюдений? Действительно ли производятся стуки? Да. Отвечают ли эти стуки на вопросы? Да. Кто производит эти звуки? Медиумы. Каким способом? *Обычным акустическим методом чревовещания*. Но ведь делались предположения, что эти звуки могли быть результатом *хруста пальцев на ногах и руках*? Нет; тогда бы они всегда раздавались в одном и том же месте, а этого фактически нет». [\[101\]](#)

«Как же теперь», – спрашивал де Мирвиль, – «нам верить американцам и их *тысячам медиумов*, которые производят эти стуки перед миллионами свидетелей?» «Чревовещание, конечно», – отвечает Бабинэ. «Но как вы объясните такую невозможную вещь?»

Оказывается, это легче легкого; послушайте только:

«Все что требовалось, чтобы произвести первую манифестацию в *первом доме Америки* был... уличный мальчишка, стучавший в дверь, чтобы ввести обитателей в заблуждение; возможно, что он это делал свинцовым шариком, привязанным на нитку, и если бы мистер Викман (первый уверовавший американец) (?), [\[102\]](#) когда он ожидал эти стуки в третий раз, не услышал при этом смеха на улице, то это потому что существует значительное различие в поведении между французскими уличными мальчишками и английскими или заокеанскими, так как последние в высокой степени обладают чувством *черного юмора*, «*gaite triste*». [\[103\]](#)

Правильно сказал де Мирвиль в своем знаменитом ответе на нападки де Гаспарина, Бабинэ и других ученых:

«Итак, согласно нашим великим физикам, *столы вертятся* очень быстро, очень энергично, они также сопротивляются и, как доказал мосье де Гаспарин, они *левитируют при отсутствии контакта*. Один министр сказал: «Тремя написанными

от руки словами я берусь повесить человека». Вышеприведенными тремя строками мы беремся привести в величайшее смятение физиков всего земного шара или, вернее, революционировать мир, если бы, по крайней мере, мосье де Бабинэ из предосторожности, выдвинул бы подобно мосье де Гаспарину какой-нибудь еще неизвестный закон или силу. Ибо это покрыло бы все» [126, с. 33].

Но кульминацию содержательности и логики Бабинэ в качестве исследователя-эксперта в области спиритуализма мы найдем в другом месте, а именно – в его «фактах и физических теориях».

Создается впечатление, что мосье де Мирвиль в своем повествовании о чудесах, происшедших в Сайдвилльском епископатстве [126, с. 33], сам был сильно поражен чудесностью некоторых фактов. Хотя они были засвидетельствованы следственными органами и магистратом, они были настолько волшебны по своей натуре, что заставили самого автора демонологии уклоняться от ответственности, связанной с их опубликованием.

Эти факты были следующие:

«В точно *предсказанный колдуном* момент» – дело мести – «сильный удар грома раздался над одной из труб епископатства, после чего огненный флюид со страшным шумом спустился по трубе расшвырял как верящих (в силу этого колдуна), так и неверящих, которые грелись у огня; наполнив всю комнату множеством *фантастических животных*, флюид вернулся в трубу и, снова поднявшись по ней, исчез производя тот же страшный шум». «Так как», – добавляет де Мирвиль, – «у нас и так уже было обилие фактов, мы отпрянули перед этим чудовищным явлением, прежде чем присовокупили его ко множеству других» [126, с. 38, *примечания*].

Но Бабинэ, который в согласии со своими учеными коллегами всячески высмеивал обоих авторов по демонологии, решил, кроме этого, еще и доказать абсурдность всех подобных рассказов и также дискредитировать вышеприведенный факт сайдвилльского феномена путем преподнесения еще более невероятного рассказа. Предоставляем слово самому мосье Бабинэ.

Следующее описание, которое он представил Академии наук 5 июля 1852 г., говорит само за себя *без всяких комментариев*, просто как описание *шаровой молнии*, опубликовано в «*Oeuvres de F. Arago*», том I, стр. 52. Мы приводим его *дословно*.

«После того как раздался сильный удар грома, – говорит Бабинэ, – но не сразу после него, один подмастерье портного, проживающий на ул Св. Жака, доедал свой обед, когда он увидел что бумажная заслонка, которой было закрыто отверстие камина, упала как бы вытолкнутая порывом ветра. Немедленно после этого он увидел, как огненный шар величиною с детскую голову *спокойно и мягко* вышел из за решетки и медленно двигался кругом по комнате, не касаясь кирпичей пола. Вид этого огненного шара напоминал *котенка* средних размеров... который передвигался, не пользуясь своими лапами. Этот огненный шар скорее был светящимся, чем горячим или пламенным – у портного не создалось впечатления тепла. Шар приблизился к его ногам наподобие котенка, пожелавшего поиграть и потереться об ноги, что привычно у этих животных, но подмастерье убрал свои ноги с большими предосторожностями избегая соприкосновения с *метеором*. Последний в течение нескольких секунд продолжал двигаться вокруг его ног, причем портной, нагнувшись над ним, рассматривал его с великим любопытством. Совершив несколько экскурсий в разных направлениях, но не покидая центральной части комнаты, огненный шар поднялся вертикально кверху до уровня головы человека, который, чтобы не соприкоснуться с ним откинулся назад в своем кресле. На высоте

приблизительно одного ярда от пола огненный шар чуть вытянулся и устремился по наклонной к отверстию в стене над камином, которое находилось выше камина на *один метр*». – Отверстие было сделано с целью пропустить туда трубу от печи зимой и было заклеено обоями, одинаковыми по всей стене. Поэтому, по выражению портного, – «*гром не мог его видеть*. Тем не менее огненный шар направился прямо к отверстию, *отклеил обои, не повредив их*, и снова поднялся по дымовой трубе... когда он поднялся до верха, что он проделывал очень медленно... по меньшей мере, шесть футов над землею... он произвел страшный взрыв, который частично разрушил печную трубу»... и т. д.

«Кажется», – замечает де Мирвиль в своем обозрении, – «что мы могли бы применить к мосье Бабинэ следующее замечание, сделанное очень остроумной женщиной Рейналу: „Если вы не христианин, то не из-за недостатка веры“ [129, с. 46].

Не только одни верующие удивлялись легковерию, проявленному мосье Бабинэ, продолжающему называть явление *метеором*, ибо доктор Бодин очень серьезно пишет о нем в труде *о молниях*, который он как раз в то время издавал.

«Если эти подробности точны, – говорит доктор, – какими они кажутся из описаний мосье Бабинэ и мосье Араго, то очень трудно применить к этому явлению название *шаровая молния*. Однако, мы предоставляем другим объяснить, если они смогут, *сущность огненного шара, не выпускающего ощутимого тепла; имеющего вид кошки, медленно прогуливающегося по комнате и нашедшего способ бегства путем возвращения в печную трубу через отверстие в стене, покрытое бумагой, которую он отклеил, не повредив ее!*»^[104]

«Мы придерживаемся такого же мнения», – добавляет маркиз, – «как и ученый доктор по поводу трудностей точного определения, и мы не понимаем, почему бы нам в будущем не иметь молний в виде собак, обезьян и т. п. Только страшно становится уже при одной только мысли о том, какой *зверинец* может упасть на наши квартиры и прогуливаться, сколько вздумается, благодаря *грозе*».

В своем чудовищном томе опровержений Гаспарин говорит:

«В вопросах о свидетельствовании уверенность должна абсолютно прекратиться в тот момент, когда мы пересекаем границы сверхъестественного» [125, т. I, с. 288].

Так как демаркационная линия недостаточно зафиксирована и определена, кто из оппонентов более подходит, чтобы взяться за эту трудную задачу? Кто из двух больше вправе стать публичным третейским судьей? Есть ли это партия суеверия, которую поддерживают своими свидетельскими показаниями многие тысяч и людей? Ибо почти два года люди толпились в той местности, где каждый день проявлялись беспрецедентные чудеса Сайдвилля, теперь почти забытые среди других бесчисленных спиритуалистических феноменов; должны ли мы верить им, или же мы должны склониться перед наукой, представляемой Бабинэ, который на основании свидетельства *одного* человека (портного) признает появление огненного шара или метеорного кота и вследствие этого требует для этого явления места среди установленных фактов *естественных феноменов*?

Мистер Крукс в своей первой статье в ежеквартальном «*Научном журнале*» за октябрь 1871 г. упоминает Гаспарина и его труд «*Наука против спиритуализма*». Он замечает, что

«в конечном счете автор приходит к заключению, что все эти феномены должны быть объяснены действием естественных причин и вовсе не требуют приписывания к чудесам или ко вмешательству духов или дьявольских воздействий! Гаспарин считает фактом, вполне установленным его опытами, что *воля при некоторых состояниях*

организма может на расстоянии действовать на инертную материю и большая часть его труда посвящена установлению законов и условий, при которых это действие проявляется».^[105]

Точно; но так как труд Гаспарина вызвал бесчисленные ответы, диссертации и научные статьи, то этим было продемонстрировано, что он является протестантом, и в смысле религиозного фанатизма на него можно положиться так же мало, как на де Мирвиля и Мюссе. Первый – глубоко набожный кальвинист, тогда как двое последних – фанатичные католики. Кроме того, сами выражения Гаспарина выдают дух пристрастности:

«Я чувствую, что я должен выполнить свои долг... Я высоко поднимаю протестантский флаг против ультрамонтанистского знамени!» – и т. д. [132, т. i, с. 313]

По таким делам, как сущность так называемых спиритуалистических феноменов, нельзя положиться ни на какие другие свидетельства, как только на показания хладнокровных *незаинтересованных и свободных от предвзятых мнений* свидетелей и науки. Истина – одна, и Легион есть имя религиозных сект, причем каждая из них претендует на обладание не фальсифицированной истины. Точно так же, как у Мюссе «Дьявол есть главная опора церкви», – у Гаспарина всякая сверхъестественность и чудеса прекращаются «с апостольством».

Но профессор Крукс упоминает другого выдающегося ученого – Тьюри из Женевы, профессора естественной истории, который как собрат-исследователь вместе с Гаспаринем участвовал в изучении Валлерийских феноменов. Этот профессор категорически противоречит утверждениям своего коллеги.

«Первое и самое необходимое условие, – говорит Гаспарин, – это *воля* экспериментатора; без воли никто ничего не получит; вы можете хоть 24 часа сидеть за столом в магнетической цепи и не получить ни одного движения» [132, т. i, с. 313].

Вышеприведенное только доказывает, что Гаспарин не отличает чисто магнетических феноменов, производимых настойчивостью воли присутствующих, среди которых может не быть ни одного медиума развившегося или неразвившегося, – от так называемых духовных феноменов. В то время как первые могут быть произведены *сознательно* почти каждым человеком, кто обладает твердой решительной волей, – последние одолевают сенситива очень часто без его согласия и против его воли, и всегда проявляются независимо от него. *Месмеризатор хочет что-то, и это что то совершается. Медиум же, даже если он преследует какую то добрую цель, совсем не может добиться каких-либо проявлений, чем меньше он применяет свою волю, тем лучше получаются феномены; чем больше у него горячего желания, тем меньше у него шансов получить какие-либо результаты.* Чтобы быть месмеризатором, нужна позитивная натура; чтобы быть медиумом нужна совершенная пассивность. Это азбука спиритуализма, и нет такого медиума, который этого не знал бы.

Мнение Тьюри, как мы уже говорили, совершенно расходится с теориями Гаспарина о силе воли. Он излагает его в немногих простых словах в письме в ответ на приглашение графа видоизменить последнюю статью в своих «Ученых записках». Так как у нас нет под рукой книги Тьюри, мы переводим письмо в таком виде, в каком оно помещено в резюме Мирвилевской диссертации. Статья Тьюри, которая так потрясла его религиозного друга, указывает на возможность существования и вмешательства в эти манифестации «*другой воли, нежели воля людей и животных*».

«Я чувствую сэр, справедливость ваших замечаний по поводу последних страниц этих „Записок“: они могут вызвать очень нехорошие чувства ко мне со стороны ученых вообще. Я тем более сожалею о своем решении, что оно, кажется, *очень вас задело*. Тем не менее, я упорствую в своем решении потому что считаю его своим долгом, изменить которому было бы предательством.

Если вопреки всем ожиданиям в спиритуализме была бы некая истина, то, воздерживаясь говорить от имени науки, а так, как я понимаю, *абсурдность верования в вмешательство духов до сих пор научно не доказана* (ибо такое резюме и тезис последних страниц моих «Ученых записок»), воздерживаясь от сообщения этого тем, кто после прочтения моего труда почувствует желание экспериментировать с феноменами, я бы рискнул увлечь таких людей на путь, результаты которого во многих отношениях весьма *двусмысленны*.

Не покидая царства науки, как я его понимаю, я выполню свой долг до конца без умалчивания ради моей собственной славы и, говоря вашими собственными словами, «в этом большом скандале» я не хочу принять стыд на себя. Кроме того, я настаиваю, что это *«так же научно, как все остальное»*. Если бы я теперь захотел поддержать теорию о вмешательстве развоплощенных духов, я не был бы в состоянии этого сделать, так как ставших известными фактов недостаточно для доказательства такой гипотезы. Так как теперь обстоит, и в том положении, в каком я нахожусь, я чувствую себя достаточно сильным, чтобы выступить против любого. Хотят или нет, но все ученые должны научиться на собственном опыте, на собственных ошибках воздержаться от суждения о вещах, которые они недостаточно исследовали. Урок, который вы им в этом направлении дали, не должен быть потерян».

Женева, 21 декабря, 1854 г.

Давайте проанализируем вышеприведенное письмо и попытаемся раскрыть, что писатель думает или, скорее, чего он не думает об этой новой силе. Одно ясно, по крайней мере, выдающийся физик и натуралист допускает и даже научно доказывает, что различные манифестации происходят. Подобно мистеру Круксу он не верит, что эти феномены производятся духами развоплощенных людей, которые жили и умерли на земле, ибо в своем письме он говорит, что эта теория ничем не доказана. Он, несомненно, больше не верит в католических дьяволов или демонов, так как де Мирвиль, который цитирует это письмо в качестве триумфального доказательства против натуралистической теории Гаспарина, добравшись до этой фразы, спешит подчеркнуть ее значение следующей сноской:

«В случае Валлери – возможно, но не в других местах!»^[106]

– выказывая этим свою озабоченность в передаче идеи, что профессор, отрицая участие дьявола в феноменах, имел в виду только проявления, происшедшие в Валлери.

Противоречия и, мы с сожалением констатируем, нелепости, в которые попадаете Гаспарин, – многочисленны. Резко критикуя претензии ученых последователей Фарадеевских идей, он приписывает вещи, которые тот называет *магическими*, по совершенно естественным причинам.

«Если бы, – говорит он, – нам пришлось бы иметь дело только с такими феноменами (которые наблюдал и объяснял (?) великий физик), мы могли бы держать

язык за зубами; но мы имеем опыт *сверх того*, и какая теперь польза, я хотел бы спросить, от этих аппаратов, которые показывали, что *несознательное давление* объясняет все? Оно объясняет все, и в то же время стол сопротивляется давлению и принудительному направлению! Оно объясняет все, а мебель к которой *никто не притрагивается*, следует за указующим пальцем, она *поднимает на воздух*, (когда к ней никто не притрагивается) и переворачивается *вверх ногами!*» [125, т. i, с. 217]

Но несмотря на все это, он берется *объяснить* этот феномен.

«Люди будут выступать в защиту чудес, вы говорите – это магия! Каждый новый закон воспринимается ими, как чудо. Успокойтесь, я беру на себя задачу успокоить встревоженных. Перед лицом таких феноменов мы не пересекаем границ естественных законов» [125, т. I, с. 217].

Несомненно, не пересекаем. Но могут ли ученые утверждать, что они обладают ключами к этому закону? Мосье Гаспарин думает, что он обладает. Давайте посмотрим.

«Я не рискну братья объяснить все, это *не мое дело* (?). Устанавливать простые факты и сохранить истину, которую наука желает замять, это все, что я собираюсь делать. Тем не менее, я не могу удержаться от соблазна указать тем, кто хотят увидеть в нас озаренных или волшебников, что манифестации, о которых идет речь, получают объяснение, согласующееся с *обычными научными законами*.

Предположим существование флюида, истекающего из экспериментаторов и, главным образом, *из некоторых из них*. Предположим, что воля определила направление, взятое флюидом, и вы четко поймете вращение и левитацию той ножки стола, по направлению которой с каждым действием воли выбрасывается излишек флюида. Предположим, что стакан заставляет этот флюид удаляться, и вы поймете, что бокал, помещенный на столе, может прервать его вращение, и что бокал, помещенный на край стола, создает скопление флюида на противоположной стороне, которая вследствие этого *приподнимается!*»

Если бы каждый из экспериментаторов был опытным месмеризатором, это объяснение, *минус* некоторые важные детали, могли бы быть приемлемыми. Это все, что касается силы *человеческой воли* по отношению к неодушевленной материи, согласно ученому мистеру Луи Филиппу. Но как насчет ума, проявляемого столом? Какое объяснение он дает по поводу ответов на вопросы, которые получают посредством стола? Ответов, которые не могли быть «рефлексами мозга» присутствующих (одна из излюбленных теорий Гаспарина), ибо их идеи были прямо-таки противоположны той весьма *свободомыслящей* философии, преподносимой чудесным столом? Об этом он молчит. Все что угодно, только *не духи*, человеческие ли, сатанические ли или элементарные.

Итак «одновременная концентрация мысли» и «скопление флюида» оказываются ничуть не лучше «несознательной мозговой деятельности» и «психической силы» других ученых. Мы должны еще попытаться. И мы можем заранее предсказать, что тысяча и одна теория науки окажутся бесполезными до тех пор, пока не будет признано, что эта сила, совсем не есть скопившаяся воля кружка экспериментаторов, а, наоборот, эта сила не обычная, чуждая им и *сверхразумная*.

Профессор Тьюри, который отрицает теорию развоплощенных человеческих духов, отвергает также христианскую теорию об участии в феноменах дьявола и проявляет признаки

нежелания поддерживать Круксовскую теорию (пункт шестой), теорию герметистов и древних теургов, принимает одну, которая, как он говорит в своем письме, *наиболее благоразумна* и позволяет ему чувствовать себя достаточно сильным, чтобы выступать против любого. Кроме того, так же мало он принимает гипотезу Гаспарина о «несознательной силе воли». Вот что он говорит в своем труде:

«Что касается опубликованных феноменов, а именно *левитации без контакта* и перемещения мебели невидимыми руками, то – не будучи в состоянии доказать их невозможность, *a priori* никто не имеет права рассматривать как абсурд, те серьезные свидетельства, которые подтверждает что они происходили» (стр. 9).

Что касается теории, выдвигаемой Гаспарином, то Тьюри судит ее очень сурово.

«Допуская, что в Валлерийских экспериментах, – говорит де Мирвиль, – источником *силы* мог быть *индивидуум* – и мы говорим, что он был внутренний и внешний в одно и то же время – и что воля, вообще, могла быть необходимой (стр. 20), он повторяет то, что он сказал в своем предисловии, а именно: «Мосье де Гаспарин преподносит нам голые факты и последующие объяснения за ту цену, которой они достойны. *Дуньте на них*, и многие ли после этого устоят. От его объяснений не останется почти ничего. Что же касается фактов, то *отныне они наглядно доказаны*» (стр. 10).

Как передает нам мистер Крукс, профессор Тьюри

«отбрасывает все эти объяснения и считает, что феноменальные эффекты обязаны своим происхождением некоей своеобразной субстанции, флюиду или агенту, насыщающему собой, наподобие светоносного эфира ученых, всю материю, нервную, органическую и неорганическую, которую он называет *психодом*. Он впускается в глубокие рассуждения по поводу свойств этого состояния или формы, или материи и предлагает термин – *эктеническая сила*... для той силы, которая напрягается, когда ум действует на расстоянии через влияние психода» [131, ч. i, с. 26—27].

Далее Крукс говорит, что

«*эктеническая сила* профессора Тьюри и его собственная «психическая сила», очевидно, являются эквивалентными терминами».

Мы, несомненно, могли бы очень легко доказать, что эти две силы идентичны и представляют астральный или *звездный свет*, как о нем говорят алхимики и Элифас Леви в своем «Догмы и ритуалы высшей магии»; и что под названием **акаша** или жизненный принцип эта все насыщающая сила была известна гимнософам, индийским магам и адептам всех стран тысячи лет тому назад, и что эта сила до сих пор известна тибетским ламам, факирам, тауматургам всех национальностей и даже многим индийским «фокусникам».

Во многих случаях транса, искусственно вызванного месмеризацией, вполне возможно, даже вполне вероятно, что это действует «дух» этого субъекта под руководством воли месмеризатора. Но если медиум остается в сознании, и происходит психофизический феномен, который указывает на участие направляющего разума, тогда, если нельзя считать его «магом», способным выделять астрального двойника, – физическое изнеможение не может обозначать ничего больше, как нервную протрацию. Доказательство, что он является пассивным инструментом невидимых существ, управляющих оккультными силами, кажется убедительным. Даже если *эктеническая сила* Тьюри и *психическая сила* Крукса по сути одного и того же

происхождения, то оба открывателя, кажется, весьма различаются по свойствам и мощи, приписываемым этой силе. В то время как профессор Тьюри откровенно признает, что феномены часто производятся «волею не человеческою», чем, разумеется, оказывает поддержку теория № 6 Крукса, последний, признавая подлинность феноменов, пока что еще не произнес определенного мнения по поводу их причин.

Таким образом, мы находим, что ни Тьюри, который исследовал эти манифестации вместе с Гаспарином в 1854 году, ни мистер Крукс, который признал их подлинность в 1874 г., ничего определенного не достигли. Оба они химики, физики и очень ученые люди. Оба все свое внимание отдали этому ставящему в тупик вопросу; и кроме этих двух ученых, было еще много других, которые, придя к тем же выводам, не в состоянии дать миру окончательного разрешения проблемы. Из этого следует, что в течение двадцати лет ни один ученый не сделал и шага вперед к разрешению тайны, которая стоит до сих пор такая же неприступная, как заколдованные замки в сказках.

Будет ли слишком дерзко предполагать, что, может быть, наши современные ученые попали в то, что французы называют *un sercle vicieux*?^[107] Что, отягощенные грузом своего материализма и недостаточностью того, что они называют «точной наукой», чтобы продемонстрировать перед ними осязаемо существование духовной вселенной, населенной и обитаемой гораздо больше, чем наша физическая вселенная, они обречены на вечное ползание кругом *внутри* окружности, будучи скорее нежелающими, чем неспособными проникнуть за заколдованный круг и исследовать его по всем направлениям? Только предвзятое мнение удерживает их пойти на компромисс с хорошо установленными фактами и искать союза с такими знатоками магнетизма и месмеризаторами, какими были Дю Потэ и Регазони.

«Что же тогда получается из смерти?» – спросил Сократ у Кебета, – «Жизнь», – был ответ [34, § 44]... Может ли душа, раз она бессмертна, быть какой-либо другой, как вечной? [34, § 128] «Семя не может прорасти, если оно частично не истребляется», – говорит профессор де Конт. «Оно не может расти, если оно не умрет», – говорит апостол Павел.

Цветок расцветает, затем он увядает и умирает. Он оставляет за собою аромат, благоухание, которое долго после того, как лепестки его стали прахом, все еще держится в воздухе. Наши материальные чувства могут не ощутить его, но тем не менее оно существует. Извлеките ноту из музыкального инструмента, и этот слабейший звук производит вечное эхо. Некое волнение сотворено на невидимых волнах безбрежного океана пространства, и эта вибрация никогда целиком не теряется. Раз его энергия перенесена из материального мира в нематериальный мир – она будет существовать всегда. И от нас требуют, чтобы мы поверили, что человек, живущий, размышляющий, думающий, обитающий в увенчивающем труд природы шедевре, может покинуть свою оболочку и больше не существовать! Неужели принцип непрерывности, который существует даже в так называемой *неорганической* материи для атома, будет отрицаться у духа, чьими атрибутами являются сознание, память, ум, ЛЮБОВЬ! Действительно, такая идея нелепа! Чем больше мы думаем, чем больше мы узнаем, тем труднее для нас становится понимание атеизма ученых. Нам легко понять, что человек, не знающий законов природы, не учивший ни химии, ни физики, может быть фатально завлечен в материализм своим же невежеством, своей неспособностью понимать философию точной науки, неспособностью провести аналогии от *видимого* к *невидимому*. Природный метафизик, невежественный мечтатель, может внезапно проснуться и сказать себе: «Это приснилось мне; у меня нет осязаемых доказательств о том, что я воображал, это все иллюзии» и т. д. Но для человека науки, знакомого со свойствами вселенской энергии, утверждать, что *жизнь* есть только феномен материи, вид энергии, – равносильно признанию в собственной неспособности анализировать и правильно понимать альфу и омегу ее – материю.

Искренний скептицизм по отношению бессмертия человеческой души есть расстройство, уродство физического мозга, и как таковой он существовал во все века. Так же, как рождаются дети с «сорочкой» на голове, так же существуют люди, которые до своего последнего часа неспособны избавиться от такой «сорочки», очевидно, закрывающей их органы духовности. Но то чувство, которое заставляет их отрицать возможность духовных и магических феноменов, – совсем другое. И истинное имя тому чувству – *тщеславие*. «Мы не можем ни производить этого феномена ни объяснить его, следовательно, его не существует и больше того, его *никогда* не существовало». Вот, таков неопровержимый аргумент, выдвигаемый философами наших дней. Каких-то 30 лет назад Е. Салверт поразил мир «легковерных» своим сочинением «Философия магии». Книга претендовала на раскрытие всех чудес Библии так же, как и чудес языческих святилищ. Резюме этой книги таково: долгие годы наблюдений; накопление больших познаний (больших – по сравнению с невежеством тех дней) по естествознанию и философии; обманы; ловкость рук; оптика; фантасмагория; преувеличения. Окончательный логический вывод: тауматурги, пророки, маги – негодяи и воры; остальные люди – дураки.

Среди других, решительно преподносимых читателю доказательств, у него имеется следующее:

«Восторженные ученики Ямвлиха утверждали, что когда он молился, то поднимался в воздух на высоту 10 кубит^[108] от земли, и *простофили*, хотя они были христианами, были настолько просты, что приписали то же самое чудо Св. Кларе и Св. Франциску Ассизскому» [123,англ. пер., с. 47].

Сотни путешественников заявляли, что они видели, как факиры производят тот же самый феномен, но все их считают лжецами или людьми, подверженными галлюцинациям. Но только что вчера очевидцем этого феномена был известный ученый. Феномен был осуществлен в условиях контроля, и мистер Крукс признал его неподдельным и *исключающим* возможность какого-либо обмана. Так что этот феномен видели и засвидетельствовали многочисленные свидетели, но теперь им не верят.

Мир твоему ученому праху, о, легковерный Евсебий Салверт! Кто знает, может быть, еще до конца нынешнего столетия народная мудрость изобретет новую поговорку:

«Легковерен как ученый»

Почему должно казаться таким невозможным, что, когда дух отделился от своего тела, он может обладать силой, чтобы оживлять некую быстро исчезающую форму, сотканную из этой магической «психической» или «эвктенической» или «эфирной» энергии с помощью элементарнее, которые снабжают ее сублимированной материей из своих собственных тел? Единственное затруднение-это понимать тот факт, что окружающее пространство не есть пустота, а резервуар, наполненный до пределов образцами всего, что когда-либо было, что есть и что будет, а также сущностями бесчисленных рас, непохожих на нашу. Кажущиеся сверхъестественными факты (сверхъестественными потому, что открыто противоречат естественным законам тяготения, как в вышеприведенных примерах левитации) признаны многими учеными. Каждый, кто осиливался исследовать их тщательно, был вынужден признать их существование. Только в своих безуспешных усилиях объяснить эти феномены теориями, обоснованными на законах таких сил, которые уже известны, некоторые из высших представителей науки запутались в неразрешимые трудности!

В своем «Резюме» де Мирвиль описывает аргументацию этих противников спиритуализма,

как состоящую из пяти парадоксов, которые он называет *безумиями*.

Первое безумие: это безумие Фарадея, который объясняет феномен столоверчения столом, который *толкает* вас «вследствие сопротивления, *толкающего его обратно*».

Второе безумие: это безумие Бабинэ, объясняющего все сообщения (которые стол делал посредством стуков), как он говорит, – «честно и добросовестно, с полной сознательностью и правильно во всех отношениях» – *чревоуещанием*, – применение которого подразумевает *вероломство*.

Третье безумие: это безумие доктора Шевроля, объясняющего передвижение мебели *без прикосновения* предварительным приобретением этой способности.

Четвертое безумие: это безумие Французского Института и его членов, которые выразили согласие признать чудеса при условии, что последние ни в каком виде не будут противоречить естественным законам, которые им известны.

Пятое безумие: это безумие де Гаспарина, старающегося представить публике в качестве *простых* и совершенно *элементарных* явлений то, что все отвергают, потому что никогда не видали подобных явлений [126, с. 159].

В то время как великие с мировыми именами ученые пускаются в такие фантастические теории, некоторые менее известные неврологи находят объяснение оккультных феноменов всякого рода в ненормальных испарениях в результате эпилепсии [133]. Другой хотел бы лечить медиумов (и поэтов тоже, как мы догадываемся) ассафетидой и аммиаком [111], и объявляет каждого, кто верит в спиритуалистические явления, сумасшедшим или галлюцинирующим мистиком.

Последнему, некоему лектору и патологу, рекомендуем очень разумный совет, который можно найти в Библии, в Новом Завете: «Врач, исцелись сам». Поистине, ни один человек в здравом уме не станет так размашисто бросать обвинения в сумасшествии четыремстам сорока шести миллионам людей в различных частях света, которые верят в сношения духов с ними!

Принимая во внимание все это, нам остается только удивляться нелепой самонадеянности этих людей, которые по праву своей учености претендуют, чтобы их рассматривали как каких-то верховных жрецов науки, призванных классифицировать феномены, о которых они ничего не знают. Несомненно, несколько миллионов их сограждан, если они введены в заблуждение, заслуживают, по крайней мере, столько же внимания, сколько уделяется жукам – картофельным вредителям и стрекозам! Но вместо этого, что мы находим? Конгресс Соединенных Штатов, по требованию Американского Общества поощрения науки, утверждает устав организации национальных комиссий по изучению насекомых; химики занимаются кипячением лягушек и жуков; геологи на досуге забавляются остеологическими обзорами бронированных ганоид и обсуждают одонтологию различных видов *dinichtys*; а энтузиазм энтомологов завел их так далеко, что они на ужин съедают вареных и жареных кузнечиков – и даже в супе. [109] А тем временем миллионы американцев или теряют голову в путанице «сумасшедших заблуждений», по мнению некоторых весьма ученых энциклопедистов, или же гибнут физически от «нервных расстройств», вызванных медиумистическим диатезом.

В одно время было основание надеяться, что русские ученые возьмут на себя задачу тщательно и беспристрастно исследовать феномены. Была назначена комиссия Петербургским университетом, возглавляемая великим физиком профессором Менделеевым. Была объявлена программа на серию сорока сеансов, чтобы испытать медиумов и приглашались все, принадлежащие к этому классу, если они пожелают приехать в российскую столицу и подвергнуться исследованию. Как правило, они отказались – несомненно потому, что предвидели ловушку, которая там была им уготовлена. После восьми заседаний, по ничтожному поводу и как раз тогда, когда заседания становились интересными, комиссия предрешила дело и

опубликовала решение, противоречащее утверждениям медиумизма. Вместо того, чтобы придерживаться достойных науки методов, они насадили шпионов, которые должны были подглядывать в замочные скважины. Профессор Менделеев заявил в публичной лекции, что спиритуализм или любое подобное ему верование в бессмертие души есть смесь *суеверия, заблуждения и обмана*. К этому он добавил, что каждую манифестацию такого рода – включая чтение мыслей, транс и другие психологические феномены – мы должны считать как явления, которые могут быть осуществлены и *были* осуществлены хитрой аппаратурой, скрываемой под одеждой медиумов!

После такого публичного выявления невежества и предвзятого мнения мистер Бутлеров, профессор химии Петербургского университета, и мистер Аксаков, государственный советник в том же городе, которые были приглашены в комиссию, чтобы помогать ей в исследовании медиумов, настолько этим разочаровались, что отказались от участия в комиссии. После опубликования их протеста в русских газетах, их поддерживало большинство прессы, которая не щадила высмеиванием ни Менделеева ни его официального комитета. Публика отнеслась к этому делу справедливо. Сто тридцать имен наиболее влиятельных лиц лучшего Петербургского общества, многие из них совсем не спиритуалисты, а просто исследователи, добавились к заслуженному протесту.

Последовал неизбежный результат этого процесса; всеобщее внимание было привлечено к спиритуализму; по всей империи организовались частные спиритические кружки; некоторые из более свободомыслящих журналов начали обсуждение этого предмета, и, пока мы пишем, организуется новая комиссия, чтобы довести до конца прерванное задание.

Но теперь, в самом деле, они будут выполнять свой долг менее, чем когда-либо. У них есть лучший повод, чем они когда-либо имели в *мнимом разоблачении* медиума Слэйда профессором Ланкастером из Лондона. Правда, по свидетельству одного ученого и его друга, господ Ланкастера и Донкина, обвиняемый противопоставил свидетельства Уоллеса, Крукса и уйму других, которые снимают обвинение, основанное только на косвенном доказательстве и предрассудках. По этому поводу очень уместно высказывается «*Лондонский обозреватель*»:

«Это чистейшее суеверие и ничто другое – вообразить, что мы настолько полностью ознакомлены с законами природы, что даже тщательно проверенные факты, засвидетельствованные опытными наблюдениями, должны отбрасываться, как незаслуживающие доверия, лишь потому, что они не укладываются в те законы, которые мы уже знаем. Считать, как, по-видимому, поступает профессор Ланкастер, что вследствие того, что в области спиритуалистических феноменов встречается много обмана и легковерия, а также нервных расстройств, – все спиритуалистические феномены можно объяснить этими обманами и легковерием, вопреки свидетельствам ученых же, – это равносильно отпиливанию того сука, на котором сидит индуктивная наука, и сваливанию всего построенного».^[110]

Но какое значение все это может иметь для ученых? Поток суеверий, который, по их словам, уносит миллионы светлых умов в своем стремительном течении, не может коснуться их. Современный поток, называемый спиритуализмом, не в состоянии воздействовать на их крепкие умы. И грязные волны этого наводнения должны истощить свою ярость, даже не замочив им подошв сапог. Верно, только традиционному упрямству со стороны Творца можно приписать, что Он до сих пор не сознал, как мало шансов у Него своими чудесами произвести впечатление на признанных ученых. К этому времени даже Он должен бы узнать и обратить внимание, что уже давно тому назад они решили написать на фронтонах своих университетов и колледжей:

Наука требует от Бога

Чудес не сотворить у данного чертога!^[111]

Но неверные спиритуалисты и правоверные римские католики, кажется, объединились в этом году против иконоборческих претензий материализма. Увеличение скептицизма в последнее время вызвало такое же увеличение доверия. Сторонники библейских «божественных чудес» состязаются с воспевателями медиумистических феноменов, и средние века оживают в нашем веке. Еще раз мы видим, как Дева Мария возобновляет свою письменную корреспонденцию с верными детьми ее церкви. И в то же время, как «друзья-ангелы» царапают послания спиритуалиста через медиумов, «Божья мать» бросает письма прямое неба на землю. Лурдская часовня Св. Девы превратилась в спиритуалистический кабинет «материализаций», тогда как кабинки популярных американских медиумов преобразовались в священные алтари, с которых Магомет, епископ Поулк, Жанна д'Арк и другие аристократические духи из-за «темной реки», спустившись, «материализуются» при полном свете. И если Деву Марию видят каждый день прогуливающейся в Лурдских лесах в полной человеческой форме, то почему не видеть Апостола ислама и покойного епископа Луизианы? Или оба «чуда» возможны, или же манифестации обоего рода, «божественного» так же, как и «спиритуалистического», являются отъявленными мошенничествами. Только время покажет, что такое они; но пока что наука отказывается одолжить свою магическую лампу, чтобы осветить эти тайны, предоставляя людям идти вперед и спотыкаться, попадут ли они в трясину или нет.

Так как недавние «чудеса» в Лурде были встречены в Лондоне неблагоприятными отзывами в газетах, монсиньор Кейпл сообщил газете «Таймс» взгляды римско-католической церкви в следующих выражениях:

«Что касается происшедших чудодейственных исцелений, то я хотел отослать читателей к беспристрастному и рассудительному труду „Лурдская пещера“, написанному доктором Дозоусом, выдающимся врачом-практиком, окружным эпидемическим инспектором и судебным врачом. Он начинает книгу подробным перечислением множества чудесных исцелений, которые, как он говорит, он изучил с великим усердием и тщательностью. Он говорит: „Я заявляю, что эти исцеления, происшедшие в Лурдском святилище посредством воды родника, приобрели в глазах добросовестных людей характер сверхъестественных. Я должен признаться, что без этих исцелений мой ум, мало склонный прислушиваться к каким-либо чудесным сообщениям, встретился бы с большими затруднениями в принятии даже этого факта (видения), хотя он замечателен со многих точек зрения. Но эти исцеления, которым я так часто был очевидцем, дали моему уму свет, который не позволяет мне игнорировать значение посещения Бернадеттой пещеры и реальности видения, которое ей было дано“. Свидетельство выдающегося врача, который с самого начала тщательно наблюдал за Бернадеттой и видел чудесные исцеления в пещере, заслуживает, по меньшей мере, почтительного рассмотрения. Я могу добавить, что великое множество тех, кто посещают пещеру, делают это с целью раскаяния в своих грехах, увеличения своей набожности, моления о возрождении их родины и публичного исповедания своей веры в Сына Божьего и Его Непорочной Матери. Многие приходят, чтобы исцелиться от телесных немощей и, по свидетельству многих очевидцев, уходят домой освобожденными от своих болезней. Укорять неверием, как

это делает ваша статья, тех, кто также пользуется водами Пиренеев, так же разумно, как обвинять магистраты, которые накладывают взыскания на своеобразных людей, которые пренебрегают медицинской помощью. Здоровье заставило меня провести зимы 1860-1867 гг. в По. Это дало мне возможность навести самые тщательные справки по поводу видения в Лурде. После частых и длительных расспросов о Бернадетте и некоторых совершившихся чудесах, я убежден, что *если факты могут быть установлены на основании человеческих свидетельских показаний, то Лурдское видение имеет все права, чтобы быть признанным, как неотрицаемый факт.* Католическая вера здесь не играет никакой роли, и каждый католик может или верить в это, или отвергнуть, – за это его не будут ни хвалить, ни порицать».

Пусть читатель обратит внимание на выделенное предложение. Из него видно, что католическая церковь, несмотря на свою непогрешимость и ее свободный почтовый союз с Царством Божиим, довольствуется тем, что даже достоверность *Божьих* чудес признает на основании человеческих свидетельских показаний. Теперь, когда мы обращаемся к докладу мистера Гёксли в недавних Нью-йоркских лекциях по эволюции, мы находим такое его выражение:

«Исторические показания людей – вот, чему мы обязаны большею частью наших познаний о прошлом».

В одной лекции по биологии он сказал:

«... каждый человек, сердцу которого дорога истина, должен серьезно желать, чтобы каждая обоснованная и справедливая критика, которую следует произнести, была бы произнесена. Но при этом весьма существенно... чтобы критик обладал знаниями о том, о чем он говорит».

Это афоризм, который ему следует вспомнить, когда он берется за высказывание по психологическим темам. И добавим к этому его вышеприведенные взгляды, и тогда – какую еще лучшую платформу можно потребовать, чтобы сходить с ним?

Здесь перед нами представительный материалист и представительный католический прелат, провозглашающие одинаковые взгляды на достаточность *человеческих свидетельских показаний*, чтобы доказать факты, которые согласуются с предрассудками каждого по его вере. После этого какая надобность изучающему оккультизм или спиритуалисту хлопотать об утверждении аргументов, которые они так долго и упорно выдвигали, что психологические феномены древних и современных тауматургов будучи с лихвою доказаны человеческими показаниями, должны быть приняты, как факты. Раз церковь и колледжи обращаются к трибуналу человеческих свидетельских показаний – они не могут отказать остальному человечеству в таком же праве. Одним из плодов недавнего оживления в Лондоне по поводу медиумистических феноменов является то, что светской прессой были высказаны некоторые замечательные свободные мысли.

«Во всяком случае, мы за то, чтобы спиритуализму было отведено место среди терпимых верований с оставлением его в покое», – говорит лондонская «Дэйли Ньюс» в 1876 г. – «Он имеет много сторонников-последователей, которые настолько же умны, как большинство из нас, и которым любой очевидный и ощутимый дефект, находимый нами в доказательстве, давно уже стал очевидным и ощутимым доказательством. *Самые мудрые люди в мире верили в духов* и продолжали бы верить, даже если бы полдюжины лиц были приговорены к наказанию за то, что

они пугают народ выдуманнными духами».

В истории мира не в первый раз невидимому миру приходится бороться против материалистического скептицизма слепых духом саддукеев. Платон оплакивал такое неверие и ссылается на эту гибельную тенденцию в своих трудах неоднократно.

От Капилы, индийского философа, который много веков до Христа уже подвергал сомнениям заявления мистиков-йогов, что в состоянии экстаза человек обладает силой видеть божество лицом к лицу и беседовать с «высочайшими» существами, до Вольтера в восемнадцатом веке, который смеялся над всем, что было свято для других, – каждый век имел своих Фом неверующих. Удавалось ли им когда-нибудь приостановить движение истины? Не более, чем невежественные фанатики, судившие Галилея, могли остановить вращение земли. Никакие преследования не в состоянии существенно нарушить устойчивость или неустойчивость какого-либо верования, которое человечество унаследовало от первых человеческих рас – тех, если мы в состоянии верить в эволюцию духовного человека так же, как мы верим в эволюцию физического человека – которые получили великую истину с уст своих предков, *богов и отцов*, которые были по ту сторону потопа». Идентичность Библии с легендами индийских священных писаний и с космогониями других наций когда-нибудь в будущем будет наглядно доказана. *Сказания мифических веков окажутся только аллегориями величайших геологических и антропологических истин.* И, именно, в этих смешно выраженных мифах наука должна искать свои «нехватяющие звенья».

Иначе, откуда такие странные «совпадения» в соответственных историях национальностей и народов, живущих на таких далеких расстояниях друг от друга? Откуда эта идентичность первичных концепций, которые, хотя и называются теперь легендами и мифами, тем не менее содержат в себе крупицу исторических фактов – истины? Сравните хотя бы главу VI «Книги Бытия»: *«Когда люди начали размножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали из них себе в жены... В то время были на земле исполины»,* и т. д., с тою частью индийской космогонии в Ведах о приходе на Землю брахманов. Первый брахман жалуется, что он *одинок* – у него нет жены. Несмотря на то, что Вечный советует ему посвятить свои дни исключительно приобретению Сокровенного Знания (Веды), *перворожденный* человечества настаивает. Рассерженный такою неблагодарностью, Вечный дал брахману жену из расы *даинтов*, или *великанов*, от которой все брахманы происходят по материнской линии. Таким образом, все индийское жречество произошло, с одной стороны, от *высших* духов (сыновей божиих) и от *Дайнтены*, дочери земных великанов, первичных людей [135].

«И они стали рожать им: это сильные, издревле славные люди». [«Бытие», VI, 4]

То же самое находим в отрывках скандинавской космогонии. Ганглеру в «Эдде» дается описание Харом, одним из трех информаторов (Хар, Яфухар и Треди) первого человека, по имени Бур, «отец Бора который взял в жены Беслу, дочь великана Болтара *из расы первичных гигантов*». Полное и интересное повествование об этом можно найти в сказании «Эдды», отдел 4-8 [136, с. 401—405].

Ту же самую основу можно обнаружить в греческих сказаниях о титанах и в мексиканских легендах «Пополь-Вух» о четырех последовательных расах. Это один из многочисленных концов, находимых в запутанном клубке человечества, рассматриваемый как психологический феномен. Вера в сверхъестественное иначе была бы необъяснима. Сказать, что она возникла и развивалась в течение бесчисленных веков, не указывая причины и не имея твердого основания для опоры, а просто по своей фантазии, значило бы нести такой же вздор, каким является

богословское учение, что вселенная была сотворена из ничего.

Слишком поздно теперь отбрыкиваться от очевидности, которая предстает при полном полуденном освещении. Либеральные, так же как и христианские газеты, и органы наиболее передовых научных авторитетов начинают единодушно протестовать против догматизма и узких предрассудков мнимой учености. Религиозная газета «Христианский мир» присоединяется к голосу неверующий лондонской прессы. Нижеследующее является хорошим образчиком ее здравого рассудка:

«Если медиум, – говорит она, ^[112] – может быть неопровержимо изобличен как обманщик, мы все же возражаем против настроенности, проявляемой некоторыми лицами, пользующимися некоторым научным авторитетом, за их фырканья и постукивания по голове по поводу тщательных исследований по тем предметам, о которых говорит мистер Баррет в своей статье, адресованной Британской Ассоциации. То, что спиритуалисты натворили много нелепостей, еще не дает права рассматривать спиритические феномены несостоящими исследования».

Они могут быть месмерическими, связанными с ясновидением или еще с чем-нибудь. Но пусть наши мудрецы скажут нам, что они такое, а не делают нам выговоров, как поступают невежественные люди, когда дети пристают к ним с вопросами, на что получают ответ:

«Маленькие дети не должны задавать вопросов».

Таким образом, настало время, когда ученые потеряли все права, чтобы к ним могли обратиться со стихотворением Мильтона:

«О ты, засвидетельствовавший истину и ради этого претерпевший гонение от всех!»

Печальное положение! Оно напоминает восклицание того «доктора физики», упомянутого сто восемьдесят лет тому назад доктором Генри Мором, и который, выслушав повествование о барабанщике Эдворте и о Энн Уолкер, «воскликнул некоторое время спустя – *если это правда, то я заблуждался все это время и должен все начать сначала*» [86].

Но в нашем веке, несмотря на утверждение Гёксли о ценности «человеческих свидетельских показаний», даже доктор Генри Мор превратился в «энтузиаста и склонного к галлюцинациям, причем оба эти качества, объединившись в одном человеке, превращают его в лицемерного сумасшедшего» [137, с. 219].

Это не факты в чем психология давно нуждается для того, чтобы лучше понять ее таинственные законы и применить их как в обычной жизни, так и в особых случаях. Фактов у нее изобилие. Ее нужда в том, что факты нужно регистрировать и классифицировать для чего нужны обученные наблюдатели и компетентные анализаторы. Снабдить таковыми должна бы корпорация ученых. Если в христианстве в течение многих веков преобладали заблуждения и свирепствовали суеверия, то это было несчастье для простого народа и в то же время упрек ученым. Поколение за поколением приходило и уходило, причем каждое вносило свою лепту мучениками за свободу совести и нравственное мужество, и все же психология в наши дни только немного лучше понята, чем тогда, когда тяжкая рука Ватикана посылала несчастных храбрецов на преждевременную смерть и клеймила их память колдовством и ересью.

*«Ich bin der geist der stets verneint».
(Я дух, который все еще в опале.)*

Мефистофель, «Фауст».

«Дух истины, которого мир не может принять, потому что не видит его и не знает его».

Евангелие от Иоанна, XIV, 17.

*«Мы спим иль бодрствуем...
Существ бесплотных сонмы
Невидимые бродят по земле»*

Мильтон.

*«Одно только рассудочное просвещение не дает познания
духовного. Как солнечный свет подавляет свет лампы, так дух
подавляет зрение одного только рассудка».*

У. Ховит.

Бесконечная путаница имен создана для того, чтобы выразить одно и то же.

Хаос древних; зороастрийский священный огонь *Антас-байрам* парсов; огонь Гермеса; огонь св. Эльма древних германцев; молния Кибелы; горящий факел Аполлона; пламя на алтаре Пана; неугасимое пламя в храме на Акрополе и такое же пламя в храме Весты; огненное пламя на шлеме Плутона; блистающие искры на головных уборах Диоскуров, на голове Горгоны, на шлеме Паллады и на жезле Меркурия; *πύρ ὁσβεστός*; на египетском Пта или Ра; на греческом *Зевс Катайбат* (нисходящий) [138, lib. i, cap. XIV.]; огненные языки дня Св. Троицы; неопалимая купина Моисея; огненный столб в «Исходе» и «горящий светильник» Авраама; Вечный Огонь «Бездонной бездны»; пары Дельфийского оракула; звездный свет розенкрейцеров; Акаша индусских адептов; астральный свет Элифаса Леви; аура нервов и флюид магнетизеров; од Рейхенбаха, огненный шар или метеорная «кошка» Бабинэ, *психод* и эктеническая сила Тюри; «психическая сила» сержанта Кокса и мистера Крукса; атмосферный магнетизм некоторых натуралистов; гальванизм и, наконец, электричество, – все это лишь различные наименования для многих различных проявлений или воздействий той же самой таинственной, все проникающей Причины – греческого *Археос*, или *Архᾱῖος*.

Сэр Бульвер-Литтон в своей «Грядущей расе» описывает ее как *вриль*,^[113] используемый подземным населением, и предоставляет своим читателям считать это выдумкой.

«Это слово можно было бы перевести как „электричество“, но *вриль* соединяет в себе разные понятия о различных видах энергии: магнетизма, гальванизма и т. д. Подземные жители полагают, что они с открытием *вриля* нашли „философский камень“ энергии, объединяющий собою все силы природы, тот „философский

камень“, который давно уже составляет предмет исканий наших ученых. Знаменитый ученый и исследователь Фарадей говорит, хотя и с оглядкой, по этому поводу: «Я, надеюсь, как и многие другие приверженцы естествознания, почти уверен, что все формы проявления сил природы имеют **одно общее начало**, т. е. они находятся между собой в таком соотношении и в такой взаимной связи, что могут превращаться одна в другую и общее действие их может выразиться одним эквивалентом». «При помощи вриля они могут изменять температуру, т. е. влиять на перемену погоды. Применяя его несколько иным способом, при помощи особых приборов, они влияют на мозг человека, на животную и растительную жизнь, и результаты не уступают грезам самой причудливой фантазии. Это-то соединение разнообразных проявлений энергии называется у них врилем».

Каким бы абсурдным и ненаучным ни показалось наше сравнение выдуманного великим романистом *вриля* и первичной энергии равновеликого эксперименталиста с каббалистическим астральным светом, оно, тем не менее, является правильным определением этой энергии. Все время делаются открытия, подтверждающие это заявление, так смело высказанное. С тех пор, как мы начали писать эту часть нашего труда, во многих газетах появились извещения о предполагаемом открытии новой энергии мистером Эдисоном, электриком из Ньюарка, Нью-Джерси, каковая энергия, кажется, мало имеет общего с электричеством или гальванизмом, за исключением свойства проводимости. Если она будет продемонстрирована, то долго будет носить какое-нибудь присвоенное ей имя, но тем не менее это будет только одним ребенком из многочисленной семьи детей, зачатых с начала времен нашей каббалистической матерью – *Астральной Девой*. В самом деле, открыватель говорит, что «она настолько же своеобразна и имеет такие же установленные законы, как тепло, магнетизм, или электричество». Журнал, поместивший первый отчет об этом открытии, добавляет, что «мистер Эдисон думает, что она существует в связи с теплом, и что она может быть генерирована самостоятельными и *пока еще неоткрытыми способами*».

Другим из наиболее поразительных недавних изобретений является возможность уничтожать расстояние между человеческими голосами посредством *телефона* – инструмента, изобретенного профессором А. Грэмом Беллом. Это изобретение, подсказанное маленьким «любительским телеграфом», состоящим из оловянных чашек, посредством которого можно было беседовать на расстоянии двухсот футов, было разработано в телефон, который станет предметом удивления этого века. Уже состоялся длительный разговор по телефону между Бостоном и Кембриджпортом, причем «каждое слово было ясно слышно и полностью понято – даже модуляции голоса были ясно различимы» – согласно официальному сообщению. *Голос при этом захватывается, так сказать, и удерживается магнитом, и звуковые волны переносятся электричеством, действующим в унисон и сотрудничающим с магнитом*. Успех в целом зависит от совершенства управления электрическими токами и от силы магнита, с которым первый должен сотрудничать.

«Изобретение», – рассказывает газета, – «может быть грубо описано, как нечто подобное трубе, мундштук которой затянут тонкой мембраной, которая, когда в нее ударяется голос, выпучивается пропорционально звуковой волне. К другой стороне мембраны прикреплен кусок металла, который, когда мембрана выпучивается, соприкасается с магнитом, а этот с помощью электрического тока управляется оператором. Благодаря какому-то принципу, который еще полностью не понят, электрический ток переносит звуковые волны, которые только что были переданы в трубку, и слушатель на другом конце линии с такой же трубкой-близнецом у уха ясно слышит каждое слово и легко различает модуляции голоса говорящего».

Итак, в присутствии таких удивительных открытий нашего века и дальнейших магических возможностей, латентных и еще неоткрытых в беспредельном царстве природы, и далее, в виду большой вероятности, что Эдисонова энергия и телефон профессора Грэма Белла могут не разрешить, если не окончательно расстроить все наши идеи о неосязаемых флюидах, – не будет разумно для таких лиц, которые поддадутся соблазну подробно обсудить излагаемое нами, – подождать и посмотреть, будет ли сказанное нами подтверждено или отвергнуто дальнейшими открытиями.

Только, в связи с этими *открытиями*, может быть, неплохо будет напомнить нашим читателям о многих намеках, находимых в древних исторических повествованиях, касающихся некоторых секретов во владении египетского жречества, которое могло мгновенно сообщаться между собой в течение празднования мистерий из одного храма в другой, несмотря на то, что один храм находился в Фивах, а другой – в другом конце страны. Легенды, разумеется, приписывают все это «невидимым племенам воздуха», которые носят послания смертных. Автор «До-адамового человека» приводит пример, который подкреплён только его собственным авторитетом и, так как неизвестно, берет ли он его у Макринуса или у другого писателя, то он требует осторожного к себе отношения. Он нашел верное доказательство во время пребывания в Египте, что «одна из Клеопатр (?) посылала извещения по проволоке во все города из Гелиополиса до Элефантины на Верхнем Ниле» [139, с. 48].

Не так давно профессор Тиндаль ввел нас в новый мир, населенный воздушными формами вызывающей восхищение красоты.

«Открытие заключается в том, – говорит он, – „что испарения летучих жидкостей подвергаются воздействию сконцентрированного солнечного света или сконцентрированного электрического света“.

Испарения некоторых нитритов, йодидов и кислот подвергаются воздействию света в *экспериментальной трубе*, лежащей горизонтально и так устроенной, что ось этой трубы и ось параллельных лучей, исходящих из лампы, совпадают. Испарения образуют облака роскошных оттенков и формируются в виде ваз, бутылок и конусов гнездами по шести и более; также в виде раковин, тюльпанов, роз, подсолнечников, листьев и свернутых свитков».

«В одном случае», – рассказывает он нам, – «часть облака быстро превратилась в змеиную голову; в ней образовался рот, откуда высунулось что-то похожее на язык». – Наконец, увенчивая чудеса, – «однажды образовалась рыба с глазами, жабрами и усиками. Парность животных форм была соблюдена всюду, и не было *диска, круга или пятна, существующего на одной стороне, которое бы не повторилось на другой стороне*».

Эти феномены, возможно, могут быть частью объяснены механическим воздействием луча света, что мистер Крукс недавно продемонстрировал. Например, можно предполагать, что лучи света образовали горизонтальные оси, вокруг которых встревоженные молекулы собираются в формах шаров и веретен. Но как объяснить появление рыб, змеиной головы, ваз и различных цветов, раковин? Это, кажется, выдвигает перед наукой такую же дилемму, как метеорный кот Бабинэ. Мы не слышали, что Тиндаль отважился объяснить свой феномен так же нелепо, как объяснил француз свой.

Те, кто раньше не уделяли внимания этому предмету, могут быть удивлены, узнав, как много в прежние дни было известно о том тонком, все насыщающем принципе, который недавно был окрещен, как ВСЕЛЕНСКИЙ ЭФИР.

Прежде чем продолжать, мы хотим еще раз сформулировать два категорических положения, на которые мы до этого намекали. Эти положения для теургов древности являлись наглядно доказанными законами.

I. Так называемые чудеса, начиная с Моисея и кончая Калиостро, были, как де Гаспарин

очень правильно заявил в своем труде о феноменах: «в полном согласии с естественными законами», следовательно – не чудеса. Электричество и магнетизм, несомненно, применялись в производстве некоторых из них, но теперь так же, как и тогда, они находятся в реквизите каждого сенситива, которого заставляет *бессознательно* пользоваться этими силами особое строение его или ее организма, который служит проводником для некоторых тонких флюидов, пока что очень мало известных науке. Эта сила является плодовитым родителем бесчисленных атрибутов и свойств, многие или, скорее, большинство из которых пока еще неизвестны современным физикам.

II. Феномены натуральной магии, наблюдаемые в Сиаме, Индии, Египте и в других Восточных странах, не имеют никакого отношения к ловкости рук, первые – абсолютно физический эффект в результате приведения в действие сокровенных сил природы; последняя же только обманчивый результат ловких манипуляций, дополненных сообщничеством. ^[114]

Тауматурги всех периодов, школ и стран творили свои чудеса, потому что они были в совершенстве знакомы с невесомыми (в своих проявлениях), но в других отношениях вполне ощутимыми волнами астрального света. Они управляли токами, направляя их своею силою воли. Чудеса были и физические, и психологические; первые охватывали воздействия на материальные предметы, последние же – ментальные феномены Месмера и его последователей. Этот класс феноменов в наше время блестяще представлен двумя выдающимися лицами – Дю Потэ и Регазони, чьи удивительные силы хорошо засвидетельствованы во Франции и в других странах. Месмеризм является наиболее важной отраслью магии, и его феномены суть результаты вселенской энергии, которая служит основой всякой магии и которая во все века производила так называемые чудеса.

Древние называли ее *Хаос*; Платон и пифагорейцы именовали ее *мировой душой*. Согласно индийским учениям, божество в виде эфира насыщает все сущее. Это невидимый, но как мы уже раньше говорили, весьма осязаемый флюид. Среди других имен этот универсальный Протей (или «туманностный Всемогущий», как в насмешку его называет де Мирвиль) назывался теургами «живым огнем», ^[115] «духом света» и *Магнес*. Последнее название указывает на его магнетические свойства и магическую натуру. Ибо, как правильно выразился один из его врагов – $\mu\acute{\alpha}\chi\omicron\varsigma$ и $\mu\acute{\alpha}\chi\upsilon\eta\varsigma$ две ветви, вырастающие из того же ствола и приносящие те же самые результаты.

Магнетизм есть слово, происхождение которого следует искать в невероятно далеком прошлом. Многие думают, что камень, названный магнитом, получил свое имя от Магнезии, города или района в Фессалии, где эти камни встречаются в изобилии. Мы, однако, думаем, что правильно мнение герметистов. Слово *магх*, *магус* произведено со санскритского *махаджи*, *великий* или *мудрый* (помазанник божественной мудрости).

«Эвмолп является *мифическим* основателем Эвмолпидэи (жречества); жрецы проследили происхождение своей мудрости до божественного разума» [140, с. iii].

Из различных космогоний видно, что археальная Вселенская Душа почиталась всеми народами, как «разум» Творца-Демииурга, как *София* гностиков или *Святой Дух в качестве женского начала*. Так как маги выводят свое наименование от нее, то и магнезианский камень и магнит был так назван в их честь, ибо они первые открыли его чудесные свойства. Их храмы усеяли страну по всем направлениям, и среди них было несколько храмов, посвященных Геркулесу, ^[116] – отсюда, впоследствии, когда стало известно, что жрецы пользуются камнем для исцелений и магического применения, он получил название магнезианского или геркулесового камня. Сократ, рассказывая о нем, замечает:

«Еврипид зовет его магнесийским камнем, но простые люди – гераклейским» [35, 533d].

Именно, стране и камню дали наименование магов, а не магам наименование страны и камня. Плиний нам сообщает, что у римлян венчальные кольца намагничивались жрецами перед церемонией. Старинные языческие историки тщательно хранили молчание по поводу некоторых тайн «мудрых» (магов), и Павсаний был предупрежден в сновидении, как он говорит, чтобы он не раскрывал священных обрядов храмов Деметры и Персефоны в Афинах [145, i, xiv].

Современная наука после бесплодных попыток отрицать *животный магнетизм* оказалась вынужденной признать его, как факт. Это теперь признанное свойство человеческой и животной организации; что же касается его психологического, оккультного влияния, то против него Академии в нашем веке борются свирепее, чем когда-либо. Это тем более заслуживает сожаления и даже удивления потому, что представители «точной науки» сами не в состоянии ни объяснить, ни предложить что-либо похожее на разумную гипотезу по неотрицаемо таинственным свойствам простого магнита. Мы начинаем ежедневно получать доказательства, что силы магнита лежат в основе теургических тайн и поэтому ими, возможно, можно объяснить оккультные способности, которыми обладали древние и теперь обладают современные тауматурги, а также наиболее выдающиеся их достижения. Таковы были дары, переданные Иисусом некоторым ученикам. В мгновения совершаемых им исцелений назареянин чувствовал, что какая-то *сила* исходит из него. Сократ в своем диалоге с Феагом, [117] рассказывая ему о своем, помогающем ему боге (демоне), и его силе либо способствовал ему (Сократу) в передаче мудрости своим ученикам, либо в предотвращении, чтобы ею не воспользовались другие, – приводит в подтверждение своих слов следующий пример:

«Я скажу вам, Сократ», – сказал Аристид, – «нечто невероятное, но, клянусь богами, истинное. Я становился более способным, когда имел связь с вами, даже если находился только в одном доме с вами, хотя и не в той же комнате. Но еще более это ощущалось, когда я *находился в той же комнате* ... а еще больше, когда я *смотрел на вас*... Намного же способнее я становился, когда сидел вблизи вас и *прикасался к вам*».

Это есть современный магнетизм и месмеризм Дю Потэ и других учителей, которые, после того как подвергли какого-либо человека своему *флюидическому* влиянию, – могут передавать ему все свои мысли даже на далеких расстояниях, притом они могут с неотразимой силой заставить этого человека выполнять их *мысленные* приказы. Но насколько лучше эту психическую энергию изучили древние философы! Мы можем почерпнуть некоторую информацию об этом из самых древних источников. Пифагор преподавал своим ученикам, что Бог есть вселенский ум, которым все проникнуто, и что этот ум в силу его вселенской тождественности может передаваться от одного объекта к другому и может быть заставлен творить предметы одною только силою воли человека. У древних греков *Куриос* считался богом-Разума (*Nous*).

«Корос (Куриос) означает чистый ни с чем не смешанный ум-мудрость», – говорит Платон [37].

Куриос есть Меркурий, божественная мудрость, и «Меркурий есть Сол» (Солнце) [147, vi, xii], от которого Тот-Гермес получил свою божественную мудрость, которую он, в свою очередь, принес миру в своих книгах. Геркулес также является Солнцем – небесной кладовой вселенского магнетизма [118] или, скорее, Геркулес есть магнетический свет, который, проделав свой путь через «открытое око неба», вступает в области нашей планеты и, таким образом, становится нашим «Творцом». Геркулес, отважный титан, проходит двенадцать тяжелых трудов. Его называют «Отцом Всего» и «самородившимся» («*autophues*»). [119] Геркулес-Солнце убит

Дьяволом, Тифоном ([88, 525], [141, 94]), также убит и Озирис, который является отцом и братом Гора, и в тоже время тождественен с ним, и мы не должны забывать, что магнит называли «костью Гора», а железо «костью Тифона». Его называют «Геркулес *Invictus*» только тогда, когда он спускается в Гадес (подземный сад) и, срывая «Золотые яблоки» с «дерева жизни», убивает дракона.^[120] Грубая титаническая сила, «молния» каждого солнечного бога, противопоставляет свою силу слепой материи божественному магнетическому духу, который старается гармонизировать все в природе.

Все солнечные боги, со своим символом, – видимым солнцем, – творцы только *физической* природы. *Духовное* есть творение Высочайшего Бога, Бога Сокрытого, Центрального, Духовного СОЛНЦА и его Демиурга – божественного разума Платона и божественной мудрости Гермеса Трисмегиста^[121] – мудрости, исходящей из Улома и Кроноса.

«После раздачи чистого Огня в самофракийских мистериях новая жизнь начиналась» [150].

Это было то «новое рождение», на которое намекал Иисус в своей ночной беседе с Никодимом. «Будучи посвященными в благословеннейшие из всех мистерий, сами будучи чистыми, мы становимся праведными и святыми мудростью».^[122] «Дунул, и говорит им: примите Духа Святаго» [Иоанн, XX, 22]. И этого простого акта силы воли было достаточно, чтобы наделить даром пророчества в его наиболее благородном и совершеннейшем виде, если оба, т. е. посвящающий и посвящаемый были достойны этого. Высмеивать этот дар, даже в его нынешнем виде, как

«гнилой побег и задержавшиеся остатки невежественного века суеверия и поспешно осудить его как настоящего трезвого исследования, было бы настолько не по-философски, насколько это неправильно», – замечает досточтимый Дж. Б. Гросс. – «Отодвинуть завесу, которая скрывает от нашего взора будущее – в мире пытались во все века. И поэтому склонность проникнуть в тайну времен считается, как одна из способностей человеческого ума, появившаяся у нас по велению Божьему... – Так Цвингли, швейцарский реформатор, свидетельствовал о широте своей веры в провидение Верховного Существа, выразившись, что Святой Дух не был полностью исключен для лучшей части языческого мира. Признавая правильность этого, мы не в силах придумать, почему язычники, таким образом облагодетельствованные, не могли обладать даром истинного пророчества» [121, 104].

Что такое эта мистическая первичная субстанция? В «Книге Бытия», в начале первой главы она названа «лицо вод», про которые сказано, что они были оплодотворены «Духом Божиим». Иов упоминает в главе XXVI, 5, что «из-под вод возникают мертвецы и обитатели вод». В оригинальном тексте вместо «мертвецы» написано «мертвые *рефаимы*» (великаны – первобытные люди), из которых когда-нибудь «Эволюция» проследит возникновение нашей нынешней человеческой расы. В египетской мифологии Кнеф, – вечный *непроявленный* Бог, – символизируется эмблемой змия вечности, свернувшегося вокруг урны с водой, над которой возвышается его голова, и вода оплодотворяется его дыханием. В этом случае змей есть агафодемон, дух добра; в своем противоположном аспекте он есть какодемон – дух зла. В скандинавских «Эддах» медвяная роса, пища богов и творчество трудолюбивых пчел Иггдрасиля, выпадает в ночные часы, когда атмосфера насыщена влагой; в северных мифологиях влага символизирует пассивное начало творения и олицетворяет сотворение вселенной *из воды*;

медвяная роса – это астральный свет в одной из его комбинаций, который обладает как творческими, так и разрушительными свойствами. В халдейской легенде Бероса Оаннес, или Дагон, человек-рыба, наставляя людей, учит, что младенческий мир был создан из воды, и что все существа происходят из этой *prima-materia*, первичной материи. Моисей учил, что только земля и вода могут породить живую душу, и мы читаем в священном писании, что травы не могли расти до тех пор, пока Вечный не послал дождя на землю. В мексиканском «Пополь-Вух» человек создан из *грязи* или глины (*terre glaise*), взятой из глубин воды. Брахма сотворил Лому, великого Муни (или первого человека), сидящего на лотосе, только после того, как вызвал к жизни духов, которые тем самым получили первенство в отношении времени существования перед смертными; и он создал его из воды, воздуха и земли. Алхимики утверждают, что изначальная, до-адамическая земля, когда ее доводят до своей первичной субстанции, на своей второй стадии преобразования подобна чистой воде, на первой же стадии она есть собственно алкахест.^[123] Про эту изначальную субстанцию говорят, что она содержит в себе сущность, эссенцию всего нужного для создания человека; в ней находятся не только элементы его физической сущности, но даже само «дыхание Жизни» в латентном состоянии, готовое к тому, чтобы его разбудили. Это дыхание жизни она получает от «оплодотворение духом бога лица вод» – хаоса; в сущности, эта субстанция есть сам хаос. Это то, из чего Парацельс брался изготавливать своего «гомункулуса»; и вот почему Фалес, великий натурфилософ, утверждал, что вода служила началом всего в природе. Иов говорит: «Рефаимы трепещут под водами, и живущие в них», [Иов, XXVI, 5] и рефаимы здесь – великаны или мощные *первобытные люди*, от которых когда-нибудь будет доказано происхождение нашей настоящей расы.

Что же тогда изначальный Хаос, как не эфир? Современный эфир; но не такой, каким его признают наши ученые, но такой, каким его знали древние философы задолго до дней Моисея; это эфир со всеми его таинственными и оккультными свойствами, содержащими в себе зачатки вселенского творчества, это Эфир – Небесная Дева, духовная мать всех существующих форм и существ, из чрева которой, как только она оплодотворена божественным духом, получают существование Материя и Жизнь, Сила и Действие. Электричество, магнетизм, тепло, свет и химические действия так мало поняты даже теперь, когда новые факты все время расширяют рамки наших познаний. Кто знает, где кончается сила этого гиганта-Протея – эфира? Или – откуда он? Каково его таинственное происхождение? Кто тот, мы хотим спросить, кто отрицает дух, который действует в нем и развивает из него все видимые формы?

Задача нетрудная продемонстрировать, что космогонические легенды по всему миру обоснованы на познаниях древних по тем наукам, которые в наши дни объединились в поддержку эволюционного учения, и что дальнейшие исследования могут принести доказательства, что они были намного лучше осведомлены о фактах самой эволюции, охватывающих как ее физические, так и духовные аспекты, чем мы теперь. У философов древности эволюция представляла универсальную теорему, всеохватывающую доктрину *целого* и установленный принцип; тогда как наши современные эволюционисты в состоянии преподнести нам только спекулятивные теории; с *частично*, если не полностью *отрицательными* теоремами. И напрасно представители нашей современной мудрости закрывают обсуждение и претендуют на разрешение вопроса только потому, что затемненная фразеология Моисеевых повествований не согласуется с определенными толкованиями «точной науки».

Один факт, по меньшей мере, доказан: нет такого космогонического фрагмента, какой бы нации он ни принадлежал, который посредством этой всемирной аллегии о воде и витающем над нею духе не доказал, что люди того времени ничуть не больше наших современных физиков верили, что вселенная возникла ни из чего; ибо легенды всех народов начинаются с того

периода, когда курящиеся испарения и киммерийская тьма висели над флюидической массой, готовой начать путь деятельности при первом трепете дуновения Того, Кто Сокровенен. Народы ощущали Его, Сокрытого, если и не видели. Их духовная интуиция не была так затемнена тонкой софистикой грядущих веков, как затемнена наша. И если они меньше говорили о силурийском периоде, медленно переходящем в период млекопитающих; и если кайнозойская эпоха была у них отмечена только различными аллегориями о первобытном человеке – Адаме *нашей* расы, то это только негативное доказательство того, что их «мудрецы» и вожди, в конце концов, не знали об этих один за другим следующих периодах так, как мы теперь знаем. В дни Демокрита и Аристотеля цикл времени уже начал склоняться к упадку. И если эти два философа так хорошо могли обсудить атомическую теорию и проследить атом до его материальной или физической *сути*, то их предки могли продвинуться гораздо дальше и проследить его зарождение намного дальше за той чертой, где мистер Тиндаль и другие останавливаются, не смея перейти линию «Непостижимого». *Утерянные искусства* служат достаточным доказательством, что если даже их достижения в физиографии теперь подвергаются сомнению вследствие неудовлетворительных записей их физиков и натуралистов, то, с другой стороны, их практические познания по фитохимии и минералогии превышали наши познания. Далее – они могли быть прекрасно осведомлены по физической истории нашей планеты, но могли не опубликовать своего знания перед невежественными массами в те дни, когда существовали религиозные мистерии.

Поэтому в дальнейшем мы намерены приводить вам дальнейшие аргументы только из книг Моисея. Древние евреи получили все свои познания (религиозные так же, как и светские) от тех народов, с которыми они смешивались с самых ранних периодов. Даже древнейшая из всех наук, их каббалистическая «тайная доктрина» может быть прослежена во всех подробностях до ее первичного источника, Верхней Индии или Туркестана еще задолго до того, как произошло четкое разделение между арийскими и семитскими нациями. Царь Соломон, так прославленный потомством за свое магическое искусство, по словам историка Иосифа [151, viii, 2, 5], приобрел свое тайнознание из Индии через Хирама, царя Офира и, может быть, Шеба (Савского). Его кольцо, общеизвестное под названием «печати Соломона», знаменитое своею властью над разного рода гениями и демонами во всех популярных легендах, тоже индийского происхождения. Описывая претенциозное и противное искусству «поклонников дьявола» в Траванкоре, досточтимый Сэмюэль Мэтиер из Лондонского общества миссионеров заявляет, что он является владельцем очень старой рукописи, в которой собраны множество заклинаний и чар на языке малайялим с указанием их применения для различных надобностей. Конечно, он добавляет, что «многие из них *страшны*, по своей злонамеренности и неприличию», и приводит в своем труде *точные копии* нескольких амулетов с магическими фигурами и знаками на них. Среди них мы находим один со следующей надписью:

«Чтобы избавиться от дрожи, возникающей от демонического одержания, напишите эту фигуру на растении, имеющем молочный сок, и забейте в него гвоздь, чтобы он прошел насквозь; и дрожь прекратится» [155, с. 210].

Эта фигура представляет соломонову *печать* или двойной треугольник каббалистов. Получили ли индусы ее от еврейских каббалистов, или же последние получили ее из Индии, наследовав ее от своего великого царя – каббалиста Соломона? [\[124\]](#) Но мы оставим этот пустяковый диспут и будем продолжать рассматривать более интересный вопрос об астральном свете и о его неизвестных свойствах.

Допуская затем, что этот мифический посредник есть эфир, мы продолжим рассматривать,

что и сколько в нем известного науке.

В отношении различных воздействии различных солнечных лучей Роберт Хант, член Королевского Общества, говорит в своем «Исследовании света и его химических соотношений», что:

«Те лучи, которые дают больше всего света – желтые и оранжевые лучи – не производят изменений цвета в хлориде серебра»; тогда как «те лучи, которые *меньше всего* дают света – синие и фиолетовые – производят наибольшие изменения в чрезвычайно короткое время... Желтые стекла мало препятствуют свету; синие стекла могут быть настолько темными, что пропустят только малое количество света».

И все же мы видим, что под *синим* лучом и растительная, и животная жизнь проявляет чрезмерное развитие, тогда как под желтым лучом она соответственно задерживается. Как можно это иначе объяснить, как не гипотезой, что и животная, и растительная жизнь есть только по-разному видоизмененные электромагнитические феномены с пока что еще неизвестными основными принципами?

Мистер Хант находит, что теория волнового движения не дает объяснения его опытам. Сэр Дэвид Брюстер в своем «Трактате по оптике», доказывая, что «цвета растительной жизни возникают... вследствие особого притяжения, которое частицы тела оказывают на различно окрашенные лучи света», и что «именно светом солнца вырабатывается различная окрашенность соков растений и изменения в цвете тел и т. д. ...» говорит, что нелегко допустить, «что такие последствия могут быть произведены одною только вибрацией эфирной среды». И он *вынужден*, говорит он, «при рассмотрении этой категории фактов рассуждать так, будто свет есть *материал*» (?). Профессор Джосиа П. Кук из Гарвардского университета говорит, что он «не может согласиться... с теми, которые рассматривают волновую теорию света как незыблемый научный принцип» [156, с. 22]. Доктрина Гершеля, что интенсивность света вследствие распространения волны в пространстве «обратно пропорциональна квадрату расстояния от светящегося тела», если она правильна, – если и не убивает, то наносит сильный удар по волновой теории. Правота Гершеля была дополнительно подтверждена опытами с помощью фотометра; и хотя теперь волновая теория под сомнением, она все еще жива.

Так как генерал Плезантон из Филадельфии взялся бороться против этой антипифагорейской доктрины и посвятил ей целый том, что мы ничего лучшего не можем делать, как отослать интересующегося читателя к его недавнему произведению о «*Синем Луче*» и т. д. Мы оставляем теорию Томаса Янга, который, по словам Тиндала, «поставил волновую теорию света на недвижный фундамент», пусть она сама защищается, если может, против филадельфийского экспериментатора.

Элифас Леви, современный маг, описывает астральный свет в следующем выражении:

«Мы сказали, что для того, чтобы приобрести магические силы, две вещи необходимы: освобождение воли от всякого рабства; применение ее на деле».

«В наших символах суверенная воля представлена женщиной, которая сокрушает голову змия, и сияющим ангелом, который попирает дракона и удерживает его под своей ступней и копьем; великий магический агент, двойственный ток света, живой и астральный *огонь* земли изображался в древних теогониях в виде змея с головой быка, барана или собаки. Он есть двойной змей *кадуцей*; он есть змей книги «Бытия», но он также есть *медный змей Моисея*, свернувшийся вокруг *тау*, так сказать, зарождающий

лингам; он также есть козел шабаша ведьм и Бафомет храмовников; он есть *Хилз* гностиков; он есть двухвостый змий, образующий ноги солнечного петуха Абракса; наконец, это Дьявол де Мирвиля. Но в самом деле, это слепая сила, которую души должны победить, чтобы освободиться от уз земли; ибо, если их воля не освободит «их от этого рокового притяжения, они будут затянуты в течение силою, которая их произвела, и возвращены центральному и вечному огню».

Последнее каббалистическое образное выражение, несмотря на свою странную фразеологию, является, в точности, одним из тех выражений, какими пользовался Иисус; и в его уме оно не могло иметь другого значения, как только то, которое придавалось ему гностиками и каббалистами. Позднее христианские богословы истолковали его по-другому – у них оно стало учением об Аде. Хотя буквально оно означает только то, что сказано – астральный свет, породитель и разрушитель всех форм.

«Все магические действия», – продолжает Леви, – «состоят в освобождении себя от спиралей обвившегося Древнего Змия и затем в накладывании своей ноги на его голову, после чего его можно вести по воле оператора. „Я дам тебе“, – говорит Змей в евангельской мифе, – „все царства земли, если преклонишься передо мною и будешь поклоняться“. Посвященному следует ответить ему: «Я не преклонюсь перед тобой, а ты должен ползать у моих ног; ты мне ничего не дашь, но я использую тебя и возьму все, что захочу. Ибо я *твой господин и хозяин!*» Вот каково настоящее значение неясного ответа Иисуса искусителю... Таким образом, Дьявол не есть существо. Это заблудшая сила, как показывает ее название. *Одический или магнетический ток*, образованный цепочкой (кругом) людей, чья воля направлена на зло, должна создать того злого духа, которого Евангелие называет *легионом*, и который загнал в море стадо свиней – еще одна евангельская аллегория, показывающая, как низкие натуры могут быть погнаны сломя голову слепыми силами, приведенными в действие заблуждением и грехом» [157].

В своем объемистом труде по мистическим проявлениям человеческой природы германский натуралист и философ Максимилиан Перти посвятил целую главу «Современным формам магии».

«Проявления магической жизни», – говорит он в своем предисловии, – «частично покоятся на совсем другом порядке существования, нежели та природа, в которой мы знаем время, пространство и причинность. С этими проявлениями мы можем экспериментировать очень мало; их нельзя вызвать по нашему велению; мы можем только наблюдать и тщательно следить за ними, когда они происходят в нашем присутствии; мы только можем группировать их по аналогии на определенные подразделения и выводить отсюда общие принципы и законы».

Таким образом, для профессора Перти, который, очевидно, принадлежал к школе Шопенгауэра, возможность и *естественность* феноменов, имевших место в присутствии факира Кавиндасами и описанных ориенталистом Луи Жаколио, была полностью на этом принципе продемонстрирована. Факир был человеком, который путем полного подчинения материи своей телесной системы достиг такой степени очищения, при которой дух становится почти свободным от своего заключения^[125] и может творить чудеса. Его *воля*, более того – его простое желание становится творящею силою, и он может приказывать элементам и силам природы. Его тело более не является препятствием ему, следовательно, он может беседовать как «дух с духом, дыхание с дыханием». Под его протянутыми ладонями неизвестное ему семя (ибо Жаколио выбрал его наудачу из мешка и сам посадил, предварительно *отметив* его, в цветочный горшок) немедленно начинает расти и проталкивается через слой земли. Вырастая в менее, чем двухчасовое время, в высоту и размеры, которые в нормальных условиях

потребовали бы несколько дней или недель, оно растет в глазах экспериментаторов и издевательски опрокидывает все признанные формулы ботаники. Чудо ли это? Ни в коем случае; но оно может быть чудом, если мы примем определение Уэбстера, что «чудом является каждое событие, противоречащее *установленному* порядку вещей – отклонение от *известных* законов природы». Но могут ли наши натуралисты поддерживать претензию, что то, что они установили путем наблюдений – непогрешимо? Или – что все законы природы им известны? В вышеприведенном примере «чудо» только немногим *выше* хорошо известных опытов генерала Плезантона в Филадельфии. В то время как рост и плодоношение его винограда были стимулированы до невероятной активности искусственным фиолетовым светом, магнитный флюид, эманурующий из рук факира, понудил к еще более интенсивным и быстрым изменениям в жизненных функциях индийского растения. Он привлек и сконцентрировал *акашу* или жизненный принцип на данном зародыше.^[126] Его магнетизм, повинаясь его воле, направлял *акашу* в виде сосредоточенного тока через растение к его рукам, и в то время, пока он поддерживал непрерывное течение тока в течение требующегося времени, жизненный принцип растения строил клеточку за клеточкой, слой за слоем со сверхъестественной скоростью, пока работа не была завершена. Жизненный принцип есть только слепая сила, подчиняющаяся правящему воздействию. В обычном, естественном состоянии протоплазма растения концентрирует и направляет ток жизненного принципа с определенной установившейся скоростью. Этой скоростью правят преобладающие атмосферические условия; его рост может быть быстрым или медленным в стебле или головке, пропорционально количеству света, тепла и влаги времени года. Но факир, придя на помощь природе со своей могучей волей и духом, очищенным от соприкосновения с материей,^[127] конденсирует, так сказать, эссенцию жизни растения в ее зародыше и принуждает совершать процесс созревания прежде времени. Слепая сила, будучи всецело подчинена *воле* факира, рабски повинует. Если факиру вздумается представить себе это растение в своем *воображении* в виде чудовища, – оно вырастет таким чудовищем так же, как оно выросло бы в свою естественную форму; ибо конкретный образ, раб субъективной модели, обрисованной в воображении факира, вынужден в мельчайших подробностях быть копией оригинала (в воображении факира) точно так же, как кисть художника копирует образ, созданный в воображении художника. Воля факира формирует невидимую, но все же для растения совершенно объективную матрицу, в которой растительная материя располагается в зафиксированной форме. Воля творит; ибо воля в движении есть сила, а *сила производит материю*.

Если некоторые лица будут возражать против нашего объяснения на том основании, что факир никак не мог создать модели в своем воображении, потому что Жаколио держал его в неведении по поводу того, какое семя он выбрал для эксперимента, то на это мы ответим, что дух человека подобен духу своего Творца – он всезнающ в своей сущности. Пока факир находился в своем естественном состоянии, он не знал и *не мог* знать, дынное ли это семя или какое-либо другое; но как только он погрузился в транс, т. е. стал мертвым ко всему окружающему, – дух, для которого не существует ни расстояний, ни материальных препятствий, ни границ времени – не испытал никакого затруднения, чтобы увидеть семя дыни, будь оно глубоко закопано в земле цветочного горшка или отражено в безошибочной картинной галерее мозга Жаколио. Наши видения, предзнаменования и другие психологические феномены, какие только существуют в природе, подтверждают этот вышеприведенный факт.

А теперь мы заодно ответим на другое возражение, которое можно ожидать. Скажут, что если можно верить повествованиям путешественников, то индийские *фокусники* делают то же самое. Несомненно это так; и кроме того, эти странствующие фокусники совсем не чисты по своему образу жизни, и никто их не считает святыми – ни иностранцы, ни их собственный

народ. В общем, местные уроженцы их **боятся** и презирают, ибо они – колдуны, люди, применяющие черную магию. В то время как святому человеку Кавиндасами требуется помощь только его собственной божественной души, тесно соединенной с его астральным духом, и помощь нескольких дружественных *питри* – чистых, эфирных существ, которые собираются вокруг своего избранного брата во плоти, – колдун может призвать на помощь только тот класс духов, которых мы знаем как элементаров. Подобное притягивает подобное; и жажда денег, нечистые цели и эгоистические взгляды не могут привлечь никаких других духов, кроме тех, которых еврейские каббалисты знают как *клиппотов* обитателей Азии, четвертого мира, а восточные маги – как *эфритов*, или элементарных заблудших духов, или *дэвов*.

Вот как английская газета описывает поразительный *трюк* роста растений, совершенный индийским фокусником:

«Фокусник поставил на поп пустой цветочный горшок и попросил, чтоб его товарищам разрешили принести немного взрыхленной садовой земли с небольшой площадки внизу. Получив разрешение, один человек пошел и через две минуты вернулся, неся небольшое количество свеженабранной земли, завязанной в уголок его шерстяной шали; землю он высыпал в цветочный горшок, слегка придавив сверху. Вынув из своей корзины сухую косточку мангового плода, он передал ее окружающим зрителям, чтобы они могли убедиться, что она действительно то, чем кажется. Затем фокусник выгреб немного земли из середины цветочного горшка и поместил косточку в образовавшееся углубление. Затем он вернул вынутую землю на место и полил сверху небольшим количеством воды; и затем он укрыл горшок от взоров, набросив на него простыню, поддерживаемую небольшим треножником. И теперь среди громкого хора голосов присутствующих и тра-та-та маленького барабана косточка проросла; вскоре часть простыни отдернули в сторону и стал виден нежный росток с характерными двумя длинными листьями черновато-коричневого цвета. Простыню опять задвинули, и заклинания возобновились. Однако, немного прошло времени, как простыню отдернули второй раз, и тогда стало видно, что первые два листа сменились несколькими зелеными листьями, и растение уже выросло в высоту дюймов на десять. При третьем отдергивании листва оказалась гораздо гуще, и росток достиг уже 13-14 дюймов высоты. В четвертый раз у миниатюрного деревца высотой около 18 дюймов было уже 10-12 манго плодов величиною с грецкий орех. Наконец, по истечении 3-4 минут простыню окончательно убрали, и фрукты, обладающие полным размером, хотя и не полной зрелостью были сорваны и вручены зрителям, которые, опробовав, нашли их почти зрелыми и кисло-сладкими на вкус».

Мы можем добавить к этому, что мы были свидетелями этому самому опыту в Индии и Тибете и неоднократно сами доставали нужный для этого цветной горшок, для чего раз пришлось опорожнять старую оловянную коробку из-под экстракта Либига. Мы собственными руками заполнили его землей и сами посадили в нем малый корешок, данный нам фокусником; и мы до самого конца не спускали глаз с этого горшка, который был поставлен в нашей же комнате. И результат неизменно был тот же самый, как выше описано. Неужели читатель воображает, что какой-либо пресиджитатор мог бы это проделать при тех же самых условиях?

Ученый Ориоли, член-корреспондент Института Франции, приводит ряд примеров, показывающих, какие волшебные результаты могут быть достигнуты силою воли, действующей на незримого Протея месмеристов.

«Я видел», – говорит он, – «некоторых лиц, которые простым произношением каких-то слов

останавливали несущихся во весь опор диких быков и лошадей и приостанавливали налету рассекающую воздух стрелу».

Томас Бартолини подтверждает то же самое.

Дю Потэ говорит:

«Когда я нарисую на полу мелом или углем эту фигуру... *пламя, свет* осядет на нее. Вскоре он притянет к себе человека, который станет к нему приближаться; он задержит и зачарует его... и бесполезно пытаться человеку перейти эту линию. Некая *магическая* сила заставит его стоять спокойно. По истечении нескольких мгновений он поддастся, испустив рыдание... *Причина этому не во мне, это всецело каббалистический знак*; напрасно стали бы вы применять силу» [159, с. 147].

В течение проведения серии замечательных опытов, проведенных знаменитым Регазони в присутствии некоего хорошо известного врача в Париже 18 мая 1856 г., они собрались вместе вечером, и Регазони пальцем провел воображаемую каббалистическую линию на полу, над которой он проделал несколько быстрых пассивов. Договорились, что подопытные лица, избранные комитетом исследователей и незнакомые Регазони, будут приводиться с завязанными глазами в эту комнату; их заставят шагать по направлению к этой линии, ничего им не сообщая, что их ожидает. Подопытные лица двигались вперед, ничего не подозревая, пока не дошли до невидимого барьера, как это описано,

«их ноги, словно их кто-то схватил и приковал к полу, не могли оторваться от пола, ударяясь об пол. Внезапно наступившее оцепенение их конечностей напоминало трупное окоченение, и их пятки, точно приросшие, неизменно оказывались на роковой линии!» [104, с. 268]

В течение другого опыта договорились, что по сигналу, взглядом одного из присутствующих врачей Регазони должен магнетической молнией силы воли заставить упасть на пол, точно громом пораженную подопытную девушку с завязанными глазами. Ее поставили на некотором расстоянии от магнетизера; сигнал был дан, и мгновенно девушка упала наземь, не выговорив ни слова, не сделав никакого жеста. Невольно один из зрителей протянул руки, как бы собираясь подхватить ее во время падения, но Регазони громовым голосом воскликнул:

«Не прикасайтесь к ней! Пусть она падает; магнетизированные люди никогда пострадают от падения».

Де Мюссе, рассказывающий об этом событии, добавляет, что

«мрамор не более тверд, чем было ее тело; ее голова не касалась пола; одна из ее рук осталась протянутой в воздух; одна из ее ног была приподнята, другая горизонтальна. В такой неестественной позе она пробыла неопределенное время. Бронзовая статуя менее тверда по сравнению с нею» [104, с. 268].

Все те публичные опыты, какие обычно проделываются перед публикой лекторами по месмеризму, были воспроизведены Регазони в совершенстве и без единого произнесенного слова, чтобы указать подопытному, что нужно делать. Приказания, которые комитет шептал в ухо Регазони, немедленно выполнялись замagnetизированным человеком, чьи уши были заткнуты ватой и глаза завязаны. Более того, в некоторых случаях членам комитета даже не было

надобности шептать магнетизеру, так как их мысленные требования выполнялись с большою точностью.

Подобные же опыты Регазони провел в Англии на подопытных субъектах, поставленных на расстоянии 300 шагов от него. *Джеттата* или дурной глаз, есть ничто другое, как посылка этого невидимого флюида, насыщенного злою волею и ненавистью, от одного лица к другому, и притом посланная с намерением причинить ему вред. Такая посылка равно может быть применена с доброю или злою целью. *В первом случае она есть магия; во втором – колдовство.*

Что такое ВОЛЯ? Может ли «точная наука» объяснить? Каково естество того разумного, неосязаемого и могучего нечто, которое царствует и обладает верховной властью над всею инертной материею? Великая Вселенская Мысль проявила волю, и космос начал существовать. Я хочу, и мои конечности мне повинуются. Я хочу, и моя мысль пересекает пространство, которое для нее не существует, окутывает тело другого индивидуума, который не является частью меня самого, проникает через его поры, преодолевает его способности, если они слабее, и принуждает его к намеченному мною действию. Она действует, как флюид гальванической батареи действует на конечности трупа. Тайнственные воздействия притяжения и отталкивания являются *неосознанными* агентами воли. Зачаровывание в таком виде, в каком им пользуются некоторые животные, например, змеи, зачаровывающие птиц, является *сознательным* действием воли и результатом мысли. Сургуч, стекло и янтарь, когда их натирают, т. е. когда пробуждают в них латентное тепло, которое существует в любом веществе, притягивает легкие тела; они бессознательно проявляют *волю*; ибо как неорганическая, так и органическая материя имеет в себе частицу *божественной* сущности, как бы ничтожно мала она ни была. И как могло бы быть иначе? Несмотря на то, что в ходе своей эволюции она могла пройти с начала до конца миллионы форм, она всегда должна была удерживать зародышевую точку *материи предсуществования*, которая есть первое проявление и эманация самого божества. Что же тогда представляет эта необъяснимая сила притяжения, как не атомическую частицу той сущности, которую ученые и каббалисты одинаково признают как «принцип жизни» – *акашу*? Допускаем, что притяжение, проявляемое такими телами, может быть слепым; но по мере того, как мы все выше поднимаемся по шкале органических существ в природе, мы обнаруживаем, что этот жизненный принцип развивает атрибуты и способности, которые становятся все более определенными и заметными с каждой ступенью бесконечной лестницы. Человеку, наиболее совершенному из органических существ на земле, в котором материя и дух (т. е. *воля*) наиболее развиты и мощны, – только ему позволено давать сознательные импульсы тому принципу, который из него эманрует; и только он может сообщать магнитному флюиду противоположные и различные импульсы без ограничений в направлениях.

«Он хочет», – говорит Дю Потэ, – «и *организованная* материя повинуетя. У нее *нет полюсов*».

Доктор Бриер де Буазмон в своей книге «Галлюцинации» дает обзор удивительного разнообразия видений, призраков и экстазов под общим названием галлюцинаций.

«Мы не можем отрицать», – говорит он – «что при некоторых болезнях мы наблюдаем большое усиление чувствительности, которая сообщает чувствам чудодейственную остроту и восприимчивость. Так, например, некоторые лица в состоянии чувствовать на значительных расстояниях; другие заранее предсказывают приход человека, находящегося в пути, хотя его не видно и не слышно».^[128]

Пациент с ясным сознанием, лежа в своей кровати, объявляет, что вскоре сюда придут такие-то лица; чтобы видеть их, он должен был обладать способностью *видеть через стены*, и такую способность Бриер де Буазмон называет – *галлюцинацией*. В своем невежестве мы до сих пор наивно считали, что для того, чтобы быть названным *галлюцинацией*, видение должно быть

субъективным. Оно должно существовать только в бредовом мозгу пациента. Но если последний объявляет о предстоящем приходе человека за несколько миль до этого места, и если предсказанный посетитель приходит во время, точно указанное *ясновидцем*, то это видение уже не субъективное, а, наоборот, совершенно *объективное*, ибо он видел человека, который действительно шел. И как же мог этот пациент видеть через плотные тела и пространство предмет, скрытый от наших смертных глаз, если он не пользовался в этом случае своими *духовными* глазами? Совпадение?

Кабанис говорит о некоторых нервных расстройствах, при которых пациенты легко различают невооруженным глазом инфузорий и других микроорганизмов, которых можно увидеть только в сильные линзы.

«Я встречал людей», – говорит Кабанис, – «которые видели в киммерийской темноте так же хорошо, как в освещенной комнате»... – и еще – видел я людей, которые выслеживали других наподобие собак и по запаху узнавали принадлежащие тем людям вещи, и даже узнавали вещи, к которым те люди только притрагивались; все это они делали с проницательностью, подобие которой наблюдалось у животных».^[129]

Точно; потому что рассудок, который, как говорит Кабанис, развивается только за счет и потери природных инстинктов, является китайской стеной, медленно вырастающей на почве софистики, и эта стена, наконец, заслоняет духовные восприятия, из которых инстинкт является одним из наиболее значительных примеров. Когда наступают некоторые стадии физической изнеможенности, протрации; когда ум и способность рассуждать кажутся парализованными слабостью и телесною изнеможенностью, инстинкт (представляющий духовное *единство* пяти чувств) видит, слышит, осязает, ощущает вкус и запах независимо от пространства и времени. Что знаем мы о пределах мысленной деятельности? Как может брать врач на себя задачу отличить воображаемое от действительных чувств в человеке, который, может быть, живет духовной жизнью в теле, настолько изнеможенном и лишенном его обычной жизнеспособности, что уже не может предотвратить просачивание своего духа, рвущегося из земных уз?

Божественный свет, посредством которого, без препятствий со стороны материи, душа воспринимает прошедшее, настоящее и будущее, точно их лучи как бы собраны в зеркале; смертоносная стрела, пущенная в мгновение гневного рассвирепения или в момент кульминации долго вынашиваемой ненависти; благословение, донесшееся от благожелательного сердца, и проклятие, брошенное в обидчика или в его жертву – все должно пройти через этого вселенского посредника, который при одном побуждении становится дыханием Божиим, а при другом – дьявольской отравой. Он был *открыт* (?) бароном Рейхенбахом и был назван, нарочно или не нарочно – этого мы не можем сказать – именем, которое упоминается в наиболее древних каббалистических книгах.

Наши читатели, несомненно, хотят узнать, что такое это невидимое все? Почему наши научные методы, уже такие совершенные, до сих пор не открыли каких-либо его магических свойств? На это мы можем ответить, что то обстоятельство, что современные ученые находятся в неведении о них, не может послужить причиной, чтобы *акаша* не обладала всеми теми свойствами, которые ей приписывали древние философы. Сегодня наука отвергает многое, что она вынуждена будет принять завтра. Менее, чем сто лет тому назад Академия отвергла Франклиново электричество, а в настоящее время едва ли можно найти дом без электрических проводов на крыше. Стреляя в дверь амбара Академия не попала в сам амбар. Современные ученые, со своим упрямым скептицизмом и ученым невежеством, делают это постоянно.

Эмефт, верховный, первый принцип, создал яйцо; размышляя над ним и насыщая его субстанцию своею животворною сущностью, он развил содержащийся в субстанции зародыш; из него вышел *Пта*, действенный творческий принцип, и начал свою работу. Из беспредельного

протяжения космической материи, которая образовалась от его дыхания или воли, эта космическая материя – астральный свет, эфир, огненный туман, жизненный принцип – не имеет значения, как мы назовем ее, этот творящий принцип или, как наша современная философия называет ее, закон эволюции, посредством приведения в движение сил, которые были в ней латентны, образовал солнца и звезды и сателлиты; управлял их размещением по нерушимому закону гармонии и населил их «всякими формами и качествами жизни». В древних восточных мифологиях космогонические мифы повествуют, что была вода (отец) и плодотворная слизь (мать, *Илус* или *Хилэ*), откуда выползла земная змея – *причина*. Это был бог *Фанес*, проявленный, Слово или *логос*. Насколько охотно этот миф был принят даже христианами, которые составляли Новый Завет, можно легко судить по следующему факту: *Фанес*, проявленный бог, представлен в этом символическом змее как *протогонос*, существо, снабженное головами *человека*, ястреба или орла, быка – *тельца* и льва с крыльями по бокам. Головы имеют отношение к зодиаку и представляют четыре времени года, ибо *земной* змеей есть *земной* год, тогда как змеей сам по себе есть символ Нефа, сокрытого, *сокровенного* божества – Бога Отца. Время крылато, поэтому змеей изображен с крыльями. Если мы вспомним, что каждый из четырех евангелистов изображается имеющим около себя одного из описанных животных – сгруппированных вместе в Соломоновом треугольнике пентакля Иезекииля, они же в четырех херувимах и сфинксах священной арки – мы, может быть, поймем сокровенное значение, так же, как и причину, почему первые христиане приняли этот символ, и почему нынешние римские католики и греки восточной церкви все еще изображают этих животных на картинах вместе с евангелистами. Мы также поймем, почему Иринеи, епископ Лионский, настаивал на необходимости иметь именно *четыре* евангелия; выдвигая причину, что менее четырех нельзя, так как в мире существуют *четыре* зоны, четыре главных ветра, дующих с четырех стран света и т. д. [162, книга iii, гл. xi, 8]

По одному из египетских мифов, призрачная форма острова Кеммис (*Кеми*, древний Египет), которая носилась по эфирным волнам эмпирейской сферы, была вызвана к существованию Гором-Аполлоном, солнечным богом, который побудил ее развиваться из земного яйца.

В космогонической поэме «Волюспа» (песня пророчицы), в которой содержатся скандинавские легенды зари отдаленнейших веков, призрачный зародыш вселенной представлен лежащим в *Гиннунгагане* – чаше иллюзии, в беспредельной и пустой бездне. В эту матрицу мира, которая до этого была областью ночи и опустошения, *Небелхейм* (место тумана) уронил луч холодного света (эфир), который переполнил чашу и заморозил ее. Затем Невидимый подул опаляющим ветром, от которого растаяли замерзшие воды и рассеялся туман. Эти воды, названные потоками *Эливагара*, капали животворными каплями, которые, упавши, создали землю и гиганта *Имира*, который был только «подобием человека» (мужской принцип). Им была создана корова *Аудумла*^[130] которые распространились и насытили все пространство (астральный свет в своих самых чистых эманациях). Корова *Аудумла* произвела на свет *верховное* существо по имени *Бэр*, красивого и могучего, каким он стал потому, что лизал камни, которые были покрыты *минеральной солью*.

Если мы примем во внимание, что этот минерал вообще рассматривался древними философами, как один из главных образующих принципов в органическом созидании; что алхимики считали его всеобщим растворителем, который, как они говорили, произошел из воды; что теперь любой человек и также наука считают его необходимым ингредиентом и для человека, и для животного, – то мы легко можем постичь скрытую мудрость этой аллегории о сотворении человеком. Парацельс называет соль «центром воды, где металлы должны умирать» и т. д., а Ван Гельмонт называет *Алкахест* «*Summum et felicissimum omnium salium*», наиболее

удачной из всех солей.

В «Евангелии от Матвея» Иисус говорит: «Вы соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» И вслед за притчей добавляет: «Вы свет мира». Это больше, чем аллегория; эти слова указывают на прямое и недвусмысленное значение в связи с духовным и физическим организмом человека с его двойной природой и показывает, кроме того знание «тайной доктрины», непосредственные следы которой мы обнаруживаем равно как в самых старых древних, так и в позднейших популярных преданиях как Ветхого, так и Нового Завета, а также в писаниях древних и средневековых мистиков и философов.

Но вернемся к легендам «Эдд». Гигант Имир засыпает и обильно потеет. Этот выступивший пот служит причиной того, что из впадины его левой руки рождается мужчина и женщина, тогда как его нога производит им сына. Таким образом, в то время, как мифическая «корова» дала потомство в виде расы людей возвышенной духовности, гигант Имир порождает расу злобных порочных людей «хримтэрсен» или «великанов-иней». Сравнивая эти записи с индийскими Ведами, мы находим с малыми лишь изменениями ту же самую космогоническую легенду и в ее сущности и в ее подробностях. Брахма, как только Бхагават, верховный Бог, наделяет его творческой силой, производит живых существ, сперва совершенно духовных. Деджоты, обитатели областей Сварги (небесных областей) не приспособлены для жизни на земле, поэтому Брахма создает дайтьев (великанов, которые становятся обитателями Паталы, низших областей пространства), которые тоже не годятся для жизни в Миртлоке (на земле). Чтобы справиться со злом, творческая сила выводит из своего рта первого брахмана, который и становится основоположником нашей расы; из своей правой руки Брахма создает Раэтриса, воина, а из левой – Шатэрани, жену Раэтриса. Затем их сын Бейс выпрыгивает из правой ноги творца, а его жена Басани – из левой^[131]. В то время, как в скандинавской легенде Бэр (сын коровы Аудумла), *высшее* существо, берет в жены Беслу, дочь порочной расы великанов, – в индийском предании первый брахман женится на Дэйнтэри, также дочери расы великанов; и в «Книге Бытия» мы видим, что сыновья Божии берут в жены дочерей людей и также производят могучих людей старины. Все эти приведенные примеры устанавливают бесспорное тождество происхождения между боговдохновенной христианской священной книгой и языческими «баснями» Скандинавии и Индии. Предания почти всех других народов, если их исследовать, приведут к таким же результатам.

Какой современный составитель космогонии мог бы сконцентрировать так сжато в таком простом символе, как свернувшийся змей египтян, такую уйму значения? Тут, в этой твари перед вами целая философия вселенной: материя, оживляемая духом; и эти два, объединившись, развивают из хаоса (сила) все, что должно быть. Чтобы обозначить что эти элементы крепко завязаны в космической материи, которую символизирует змей, египтяне завязали его хвост узлом.

И еще одна проблема, связанная со сбрасыванием змеем кожи, на которую, поскольку нам известно, наши символисты не обратили внимания. Как змея, сбросив свое одеяние, освобождается от грубо-материальной оболочки, которая сжимала тело, выросшее слишком великим для нее, и после этого возобновляет свое существование с новой силой, *так и человек, посредством сбрасывания грубо-материального тела вступает в следующую стадию своего существования с увеличившимися силами и обостренной жизнеспособностью*. И наоборот, халдейские каббалисты говорят нам, что первичный человек, вопреки теории Дарвина, был чище, умнее и значительно больше духовен, чем сказано в мифах о скандинавском Бэре, индийских Деджотах и Моисеевых «сынах Божиих», – короче говоря, по своей природе он был значительно выше, духовнее, чем человек нынешней адамической расы, и он *стал терять свою чистую духовность* по мере того, как запятнался материей и затем в первый раз облекся в

физическое тело, что отображено в «Книге Бытия» стихом глубокого значения: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их» [Бытие, III, 21]. И если комментатор не хочет сделать из Первопричины *небесного портного*, то что же другое могут означать эти абсурдные слова, как не то, что духовный человек на своем пути в инволюцию достиг той точки, где материя начинает преобладать над духом, подчиняет его, и таким образом духовный человек преобразуется в физического человека или во второго Адама второй главы «Бытия»?

Эта каббалистическая доктрина гораздо лучше разработана в «Книге Яшер».^[132] В главе VII эти одеяния из кожи Ной забирает в свой ковчег, так как он получил их в наследство от Мафусаила и Еноха, которому они достались от Адама и его жены. Хам крадет их у отца Ноя и передает их «тайно» Кушу, который прячет их от своих сыновей и братьев и передает их Нимроду.

В то время, как некоторые каббалисты и даже археологи говорят, что

«Адам, Енох и Ной могли по внешности быть различными людьми, в самом деле они были одним и тем же божественным лицом».^[133]

Другие объясняют, что между Адамом и Ноем легло расстояние в несколько циклов. Это значит, что каждый из допотопных патриархов должен рассматриваться как представитель расы, имевшей свое место в последовательности циклов, причем каждая из этих рас была менее духовна, чем ее предшественница. Таким образом Ной, хотя и был хороший человек, но не выдерживал сравнения со своим предком Енохом, который «ходил перед Господом и не умер». Отсюда аллегорическая интерпретация, которая заставляет Ноя иметь это одеяние по наследству от второго Адама и Еноха, но не заставляет носить его, ибо, если бы это было иначе, Хам его не украл бы. Но Ной и его дети перекинули мост через потоп, расе, поскольку он был избран из всего человечества за свою чистоту, дети же его были *после-* потопные. Одеяние из кожи, которое Куш носил «тайно», – т. е. когда духовные уже запачкались материей, – переходит на Нимрода, наиболее могущественного и сильнейшего из физических людей по сию сторону потопа – к последним остаткам допотопных великанов.^[134]

В скандинавской легенде Имир, гигант, убит сыновьями Бэра, и потоки крови, текущей из его ран, настолько обильны, что в этом потоке гибнет целая раса гигантов инея и льда, и спасается один только Бергельмир со своею женою, найдя убежище в барке, что дает ему возможность продолжать свой род и образовать новую ветвь гигантов из старого племени. Но сыновья Бэра все остались незатронутыми потоком.^[135]

Когда символизм легенды о потопе разгадан, сразу становится понятным значение аллегории. Гигант Имир олицетворяет примитивную грубую органическую *материю*, слепые космические силы в их хаотическом состоянии до того, как они восприняли разумный импульс божественного Духа, который привел их в регулярное движение, зависящее от нерушимых законов. Потомством Бэра являются «сыновья Божии» или младшие боги, упоминаемые Платоном в «Тимее», и которым, по его словам, было доверено создание людей; ибо мы видим, как они берут искалеченные остатки Имира и несут к Гинкунга-пасти, к хаотической пропасти, и пользуются ими для создания нашего мира. Его кровь образует океаны и реки; кости – горы; зубы – скалы и обрывы; волосы – деревья и т. д.; череп образует небесный свод, поддерживаемый четырьмя колоннами, представляющими страны света. Из бровей Имира была создана будущая обитель человека – Мидгард. Эта обитель, говорит «Эдда», для того, чтобы правильно ее описать со всеми мельчайшими подробностями, должна представляться такой *круглой как кольцо* или диск, плавающий среди Небесного Океана (эфир). Вокруг нее обвился Йормунганд, гигантский

Мидгардовский или Земной Змей, держащий в пасти кончик собственного хвоста. Это земной змей, материя и дух, комбинированный продукт и эманация Имира, грубой первобытной материи и духа «сынов Божиих», которые создали все формы. Эта эманация есть астральный свет каббалистов и этот все еще проблематический и с трудом познаваемый эфир или «гипотетический агент большой эластичности» наших физиков.

Насколько непоколебимо верили древние в эту доктрину человеческой тройной природы, можно заключить из этой же самой скандинавской легенды о сотворении человечества. Согласно «Волюспа», Один, Хонир и Лодур, которые являются прародителями нашей расы, однажды, гуляя по берегу океана, увидели две носящиеся по волнам палки «беспомощные и без назначения». Один вдул в них жизненное дыхание; Хонир наделил их душою и движением, а Лодур – красотою, речью, зрением и слухом. Мужчину они называли *Аскр* – яшень, ^[136] а женщину *Эмбла* – ольха. Эти первые люди помещены в Мидгард (срединный сад или сад Эдема) и таким образом наследуют от своих творцов материю или неорганическую жизнь; ум или душу; чистый дух; первая соответствовала той части их организма, которая возникла из остатков Имира, гигантской материи; вторая – от *Асир* или богов, потомков Бэра, и третья – от *Ванр* или представителя чистого духа.

По другой версии «Эдд» наша видимая вселенная возникла из-под развесистых ветвей земного дерева – Иггдрасиля, дерева с *тремя* корнями. Под первым корнем бьет источник жизни Урдар; под вторым корнем находится знаменитый колодец Мимера, в котором глубоко захоронены Разум и Мудрость. Один Алфадир просит глотка этой воды; он получает воду, но должен оставить в заклад один глаз за это. Глаз в данном случае символизирует божество, раскрывающееся в мудрости его собственного творения; ибо Один оставляет его на дне глубокого колодца. Забота о земном дереве поручается трем девам (норнам или паркам) Урдхр, Верданди и Скулд – или Настоящему, Прошлому и Будущему. Каждое утро, в то время когда они приноравливают сроки человеческой жизни, они черпают воду родника Урдар и обрызгивают корни земного дерева, чтобы он мог жить. Испарения этого ясеня Иггдрасиля сгущаются и, падая на землю, зовут к жизни и изменениям каждую частицу неодушевленной материи. Это дерево есть символ *вселенской* Жизни, как органической, так и неорганической; а из его трех корней один протягивается до небес; второй – до обители великанов-магов, обитателей *высоких гор*; а третий, под которым находится родник Хвергелмир, вгрызается в чудовище Нидхог, которое постоянно вводит человечество во зло. У тибетцев тоже есть свое земное дерево, и легенда эта невероятно древнего происхождения. У них оно называется *Зампун*. Первый из его трех корней также протянут до неба; второй уходит вниз в нижнее царство; третий остается посередине и протянут к востоку. Земное дерево индусов называется *Ашватха* [163]. Его ветви – составные элементы видимого мира; его листья – *мантры* Вед, символы вселенной в своем интеллектуальном и в нравственном понимании.

Кто может тщательно изучать древние религии и космогонические мифы и не ощущать, что это поразительное подобие концепций в своих экзотерических формах и в эзотерическом духе есть результат не совпадения, а проявления определенной схемы? Это показывает, что уже в те века, которые отделены от нас непроницаемым туманом преданий, человеческая религиозная мысль развивалась в полном согласии во всех частях нашей планеты. Христиане называют это обожание природы в его наиболее сокровенной истинности пантеизмом. Но если последний, который поклоняется и раскрывает нам Бога в пространстве – в единственной возможной объективной Его форме, в форме видимой природы – чем постоянно напоминает человечеству о Том, кто создал ее, а богословский догматизм служит лишь для того, чтобы все более скрывать Его из нашего поля зрения, тогда – которое из этих двух лучше приспособлено к нуждам человечества?

Современная наука настаивает на учении эволюции; то же делает человеческий разум и «тайная доктрина», и эта идея находит поддержку в древних легендах и мифах, и даже в самой Библии, если читать ее между строк. Мы видим, как цветок развивается из почки, и почка от семени. Но откуда развивается последнее со всей его заранее predetermined программой физической трансформации и его невидимыми, следовательно, *духовными* силами, которые постепенно развивают его форму, цвет и запах? Слово «эволюция» само говорит за себя. Зародыш нынешней человеческой расы должен был предсуществовать в породителе этой расы, как семя, в котором лежит сокрытый цветок будущего лета, должно было развиваться в оболочке цветка-породителя. Породитель может только *немножко* отличаться от порождаемого, но все же он отличается от будущего потомства. Допотопными предками нынешнего слона и ящерицы, возможно, были мамонт и плезиозавр; почему же тогда предками нынешней человеческой расы не могли быть *великаны* Вед, «Волюспы» и «Книги Бытия»? В то время как положительно абсурдно будет верить, что имело место «преображение видов», как думают некоторые более материалистические эволюционисты, естественно будет думать, что каждый род, начиная от моллюсков и кончая обезьяной-человеком, видоизменялся, развиваясь из своей собственной, отличающейся от других, первоначальной формы. Предположим, что мы допускаем, что «животные произошли, самое большое, только от четырех или пяти прародителей» [164, с. 484], и что даже, *a la rigueur*,^[137] «все органические существа, которые когда-либо жили на *этой* земле, произошли из какой-то одной первоначальной формы»,^[138] все же никто, кроме совершенно слепого материалиста, совершенно лишённого интуиции, может серьезно ожидать, что он увидит «в далеком будущем... психологию, базирующуюся на новой основе, при которой не будет надобности достигать мыслительных сил и способностей постепенно» [164, с. 488].

Физический человек, как продукт эволюции, может быть оставлен в руках ученого точной науки. Никто, кроме него, не может пролить света на *физическое* происхождение расы. Но мы должны решительно отказать материалисту в этой же привилегии по отношению к вопросу о человеческой психической и духовной эволюции, ибо он и его высшие способности *не могут* быть доказаны никаким решительным доказательством, что они «постольку же являются продуктами эволюции, поскольку такими являются скромнейшее растение или простейший червь».^[139]

Высказав это, мы продолжим показ эволюционных гипотез старого брахманизма, воплощенных ими в аллегории о Земном дереве. Индусы представляют свое мифическое дерево, которое они называют *Ашвата*, по другому, не так, как скандинавы. Оно описывается ими, как растущее наоборот – ветви простираются книзу, а корни кверху. Первые олицетворяют внешний мир чувств, т. е. видимую космическую вселенную, а последние – невидимый мир духа, потому что корни местом своего *происхождения* имеют в небесных сферах, где со времен сотворения мира человечество помещало своих незримых богов. Так как творящая энергия возникла в первоначальной точке, то религиозные символы всех народов представляют ясные иллюстрации этой метафизической гипотезы, проповедуемой Пифагором, Платоном и другими философами.

«Эти халдеи», – говорит Филон [165, § 32], – «были того мнения, что космос в сущем есть единая точка, являющаяся или самим Богом (Теос) или тем, что в ней является Богом, подразумевая душу всего сущего».

Египетские пирамиды также символически представляют эту идею земного дерева. Ее вершина является мистическим звеном между небесами и землей и выражает идею корня, тогда как основание представляет расходящиеся ветви, простирающиеся к четырем странам света материальной вселенной. Пирамида передает идею, что все сущее имело начало в духе – эволюция изначально началась сверху и распространилась книзу, а не наоборот, как учит теория Дарвина. Другими словами – имела место постепенная материализация форм, продолжавшаяся

до тех пор, пока не был достигнут предопределенный рубеж снижения. И этот рубеж является тою точкою, где учение современных эволюционистов вступает на арену спекулятивных гипотез. Дойдя до этого периода, нам легче понять «Антропогенез» Геккеля, который выводит происхождение человека «из его протоплазмического корня, вымокшего в иле морей, которые существовали задолго до того, как закладывались основания самых древнейших скал», – по выражению профессора Гёксли. Мы можем верить, что человек развивался «путем постепенных видоизменений из млекопитающего обезьяноподобного организма», особенно если вспомним, что (хотя и в более сжатой и менее изысканной, но все же в понятной фразеологии) ту же самую теорию, по словам Бероса, много тысяч лет до него преподавал человек-рыба Оаннес или Дагон, полудемон Вавилонии [90, с. 21 и далее]. Мы можем добавить в качестве интересного факта, что древняя теория эволюции не только забальзамирована в аллегории и легенде, но также изображена на стенах некоторых храмов в Индии и в виде фрагментов находима в изображениях Египта и на каменных глыбах Нимроуда и Ниневии, открытых и откопанных Лайардом.

Но что находится позади той точки, от которой начинается дарвинская линия происхождения? С точки зрения Дарвина, там нет ничего, кроме «неподдающихся проверке гипотез». Ибо, по его словам, он рассматривает все существа, «как прямых потомков от каких-то малочисленных существ, которые жили задолго до того, как отложилось первое залегание силурийских напластований» [164, с. 448, 489]. Он даже не пытается нам показать, кто эти «малочисленные существа» были. Но уже одно это, что он вообще допускает их существование, вполне отвечает нашим целям, ибо мы хотим обратиться к древним за подтверждением и помощью, и эта идея теперь как бы получает печать научного одобрения. Принимая во внимание все перемены, через которые прошла наша планета в отношении температуры, климата, почвы и – если это нам простят, имея в виду недавние открытия – электромагнитических условий, – смел будет, действительно, тот, кто осмелится сказать, что что-нибудь в нынешней науке противоречит древней гипотезе о до-силурийском человеке. Каменные топоры, впервые найденные Бучером де Пертес в долине Соммы, доказывает, что люди существовали так давно, что это не поддается вычислению. Если верить Бюхнеру, человек должен был существовать даже до и в течение ледникового периода, в разделе четвертого периода, именуемом делювиальным. Но кто может сказать, что скажут нам дальнейшие открытия?

Итак, если у нас имеются неоспоримые доказательства, что человечество существовало так давно, то должны были также произойти чудесные модификации в его физическом строении, соответствующие изменениям климата и атмосферы. Не кажется ли, что это показывает по аналогии, что, проследив эволюцию в обратном направлении, могут быть найдены другие модификации, которые соответствуют наиболее отдаленным предкам «ледового периода» и которые могли жить одновременно с девонскими рыбами или силурийскими моллюсками? Правда, они не оставили за собой ни кремниевых топоров, ни костей, ни пещерных отложений; но если древние сведения правильны, то человеческие расы в то время состояли не только из гигантов или «могущественных знаменитых людей», но также и из «сынов Божиих». Если тех, кто верят в эволюцию духа так же твердо, как материалисты верят в эволюцию материи, – обвиняют в том, что они якобы учат «неподдающимся проверке гипотезам», то как легко они могут отпарировать это обвинение, указав своим обвинителям, что по их собственному признанию их физическая эволюция все еще есть «непроверенная, если не в самом деле неподдающаяся проверке гипотеза» [166]. Первые, по крайней мере, имеют выводимые путем умозаключений доказательства легендарных мифов, седая древность которых доказана и философами и археологами, тогда как их противники не имеют ничего подобного, если они не воспользуются одною частью древних изобразительных писем и не предадут замалчиванию остальное.

Это более, чем удачно, что в то время как некоторые ученые, заслуженно прославившиеся, будут категорически возражать против наших гипотез, исследования и труды других ученых, не менее выдающихся, кажется, полностью поддерживают наши взгляды. В недавнем труде Альфреда Р. Уоллеса «Географическое распределение животных» мы находим, что автор серьезно придерживается идеи о «каком-то медленном процессе развития» нынешних видов из других, предшествовавших им – его идея простирается назад на неисчислимые серии циклов. И если животные могли предшествовать животным, то почему животный человек, которому еще дальше назад предшествовал совершенно «духовный» человек, «сын Божий», не мог предшествовать нашей человеческой расе?

А теперь мы можем еще раз вернуться к символоведению древних времен и их физико-религиозных мифов. Прежде чем мы закончим этот труд, мы надеемся наглядно продемонстрировать более или менее успешно, как тесно концепции последних совпадают с достижениями современной науки в физике и в натурфилософии. Под усложненной эмблематикой и своеобразной фразеологией священнослужительского класса древних времен лежат неиспользованные намеки на науки, пока что еще неоткрытые в нынешнем цикле. Как бы хорошо ни был ученый ознакомлен с иератическим письмом и иероглифической системой египтян, он прежде всего должен научиться просеивать их записи. Он должен убедиться, с линейкой и циркулем в руках, что изобразительное письмо, которое он исследует, соответствует в точности определенным зафиксированным геометрическим фигурам, которые являются сокровенными ключами к таким записям, и только после этого он может отважиться на их истолкование.

Но есть мифы, которые говорят сами за себя. К этому классу мы можем причислить двуполых первосозидателей всех космогоний. Греческий Зевс-Зен (эфир) и Катония (хаотическая земля) и Метис (вода) его жены; Озирис и Изида-Латона – первый бог также представляет эфир – первую эманацию верховного божества, Амона, первичного источника света; богиня опять-таки землю и воду; Митра (Mithras), ^[140] скалорожденный бог, символ мужского земного огня или олицетворение изначального света, и Митра (Mitra), богиня огня, одновременно его мать и жена; чистый элемент огня (действующий, или мужской, принцип) рассматривается как свет и тепло в соединении с землей и водой (женский, или пассивный, элемент космического зарождения). Митра есть сын Борджа, персидской земной горы, откуда он вылетает в виде луча света; Брахма, бог огня и его богатая потомством супруга; и индийская *Унху*, сияющее божество, из тела которой исходят тысячи потоков славы и семь языков пламени, и в чью честь Сагнику брахманы до нынешнего дня поддерживают *постоянный* огонь; Шива, олицетворяющий земную гору индусов – *Меру* (Гималаи). Этот ужасный бог огня, про которого легенда говорит, что он спустился с неба, подобно еврейскому Иегове, *в столбе огня*, и еще дюжина других архаических двуполых божеств, которые все громко провозглашают свое скрытое значение. И что же другое могут означать эти двойственные мифы, как не физико-химический принцип первоначального созидания? Первое раскрытие Верховной Причины в своем тройном проявлении как дух, сила и материя; божественная *корреляция* в своей точке отправления в эволюцию, аллегоризированная, как бракосочетание *огня* и *воды*, продуктов электризирующего духа, союз мужского действующего принципа с женским пассивным элементом, которые становятся родителями их теллурического дитяти, космической материи, *первоматерии*, чей дух есть эфир, **астральный свет**!

Таким образом, все эти земные горы и земные яйца, земные деревья и земные змии и колонны являются символами, олицетворяющими научную истину натурфилософии. Все эти горы содержат, с очень незначительными вариациями, аллегорически выраженные описания первоначальной космогонии; земные деревья – это последовавшая эволюция духа и материи;

земные змеи и колонны – символические памятники различных атрибутов этой двойной эволюции в ее бесконечных корреляциях космических сил. В таинственных убежищах этой горы – вселенской матрице – боги (силы) приготавливают атомические зародыши органической жизни и в то же самое время готовят жизненный напиток, который, если раз его попробовал, пробуждает в материальном человеке *духовного человека*. Сوما, жертвенный напиток индусов является этим священным питьем. Ибо при создании *первоматерии* в то время, как грубейшие части ее употреблялись на построение физического зародышевого мира, более божественная сущность ее наполнила вселенную, незримо насыщая и окутывая своими эфирными волнами новорожденное дитя, развивая и побуждая его к активности, пока он медленно выявлялся из вечного хаоса.

От поэзии абстрактных концепций эти земные мифы постепенно перешли в конкретные изображения космических символов, каковые теперь обнаруживает археология. Змей, который играет такую выдающуюся роль в образах древности, был низведен нелепым толкованием змея из «Книги Бытия» в Сатану, в Князя Тьмы, тогда как это есть самый простой из всех мифов в его разнообразном символизме. В одном значении это есть *добрый гений* – эмблема врачебного искусства и человеческого бессмертия. Он обвивает изображения большинства богов санитарии и гигиены. *Чаша здоровья* в египетских мистериях была обвита змеями. Так как зло может возникнуть из чрезмерного добра, то змей, с другой точки зрения, олицетворяет материю, которая, чем больше удаляется от своего первоисточника духа, тем больше подвержена злу. В старейших египетских изображениях, например, в космогонических аллегориях Нефа земной змей, когда он олицетворяет материю, обычно представляется заключенным в круг; он лежит поперек его экватора, указывая этим, что вселенная астрального света, из которой развился физический мир, в то же самое время, когда она охватывает материальный мир, в свою очередь охвачена Эмефтом или Верховной Первопричиной, *Пта*, производящий *Ра* и мириады форм, которым он дает жизнь, показан выползающим из земного яйца, так как это наиболее знакомая форма того, в чем заложен и развивается зародыш каждого живого существа. Когда змей представляет вечность и бессмертие, он обвивает планету, кусая собственный хвост. Тогда он становится астральным светом. Ученики школы Ферекида учили, что эфир (Зевс или Зен) есть высочайшее небо, которое заключает в себе высшее небо, и его свет (астрал) есть концентрированный изначальный элемент.

Таково происхождение змея, переделанного в христианских веках в Сатану. Он есть *Од*, *Об* и *Аур* Моисея и каббалистов. Когда он в своем пассивном состоянии, когда он действует на тех, кто невольно бывают втянуты в его ток, – астральный свет есть *Об* или *Пифон*. Моисей решил истребить всех тех, кто, будучи чувствительным к его влиянию, позволяют себе легко подпадать под власть порочных сущностей, которые носятся по астральным волнам точно рыба в воде; сущностей, которые окружают нас и которых Бульвер-Литтон называет в «Занони» «обитателями порога». Он становится *Од*, как только его оживотворяет *сознательный ток* бессмертной души; ибо тогда астральные токи действуют под руководством или адепта, духа чистого, или же способного месмеризатора, который сам чист или знает, как направлять слепые силы. В таких случаях даже высокий планетный дух, один из того класса существ, которые никогда не были (хотя среди этих иерархий имеются многие, кто раньше жили на нашей земле), спускается временно в нашу сферу и, очищая окружающую сферу, дает способности субъекту видеть, открывая в нем родники истинно-божественных пророчеств. Что же касается термина *Аур*, то это слово употребляется для обозначения неких оккультных свойств универсального посредника, которые касаются непосредственно алхимии и не представляют интереса широкой публике.

Создатель гомеомерийской^[141] философской системы – Анаксагор из Клазомены твердо

верил, что духовные прототипы всего, а также их элементы находимы в беспредельном эфире, где они порождаются, откуда они исходят и куда они возвращаются с земли. Так же, как индусы, которые олицетворили свою Акашу (небо или эфир) и сделали из нее божественную сущность, греки и латины обожествили эфир. Вергилий называет Зевса *отцом вездесущего эфира* [167, кн. ii]; *Магнус*, великий бог, Эфир.

Существа, о которых мы говорили выше, суть элементарные духи каббалистов, [142] которые христианским духовенством считаются «дьяволами», врагами человечества.

«Уже Тертуллиан», – серьезно говорит де Мюссе в своей главе о дьяволах, – «формально раскрыл секрет их коварства».

Открытие, которому нет цены. А теперь, когда мы так много узнали о мыслительных трудах святых отцов и их достижениях по астральной антропологии, должны ли мы, вообще, удивляться тому, что в своем усердии к духовным исследованиям они настолько пренебрегли своей собственной планетой, что временами отказывают ей в праве двигаться и даже быть круглой?

А вот что мы находим у Лангхорна, переводчика *Плутарха*:

«Дионисий из Геликарнасса [L, II] придерживается того мнения, что Нума построил храм Весты в *круглой* форме для того, чтобы представить форму Земли, ибо под Вестой он подразумевал Землю».

Кроме того, Филолай вместе с другими пифагорейцами верил, что элемент огня помещен в центре вселенной; и Плутарх, говоря об этом предмете, бросает замечание о пифагорейцах, что

«они полагают, что Земля не без движения и *также* не расположена в центре мира, но совершает свое вращение вокруг сферы огня, будучи ни самой ценной, ни главной частью великой машины».

Как сообщают, и Платон придерживался того же мнения. Поэтому, кажется, что пифагорейцы опередили *открытие* Галилея.

Стоит раз допустить существование невидимой вселенной, что, кажется, факт, если рассуждения авторов «Невидимой вселенной» когда-нибудь будут приняты их коллегами, – как многие из феноменов, до сих пор казавшихся таинственными и необъяснимыми, становятся простыми и понятными. Она действует на организм магнетизированных медиумов; она пронизывает и насыщает их насквозь, будь она направлена могучею волею месмеризатора или же невидимыми существами, которые достигают тех же результатов. Раз это молчаливое действие совершено, астральный или звездный призрак месмеризованного субъекта покидает свою парализованную земную оболочку и, побродивши по беспредельному пространству, возносится к порогу таинственной «сферы». Для него врата портала, возвышающегося над входом в «молчаливую страну», частично раскрыты; они широко распахнуты перед душой погружившегося в транс сомнамбула или сомнамбулы только в тот день, когда, соединившись со своей высшей бессмертной сущностью, она навсегда покидает свою смертную оболочку. А до тех пор ясновидец или ясновидица могут смотреть только через щель; от остроты духовного зрения ясновидца зависит, больше или меньше он увидит в эту щель.

Тройственность в единстве – это идея общая всех древних народов. Три Деджотас – индийская Тримурти; *Три Головы* еврейской каббалы. [143] «Три головы высечены одна в другой и одна над другой». Троица египтян и троица мифологической Греции одинаково были изображениями первой тройной эманации, содержащей два мужских и один женский принцип. Это союз мужского *Логоса* или мудрости, проявленного божества, с женской *Аура* или *Anima*

Mundi – «Святая Пневма», которая есть *Сефира* каббалистов и *София* утонченных гностиков, – которая произвела все, видимое и невидимое. В то время, как истинное метафизическое толкование этой вселенской догмы оставалось в святилищах, греки со своими поэтическими инстинктами олицетворяли ее во многих очаровательных мифах. В празднествах в честь бога Диониса Нонна, бог Вакх, между прочими аллегориями, представлен, как влюбившийся в нежное дуновение (Святая Пневма), по имени *Аура Плацида*.^[144] А теперь мы представляем слово Годффри Хиггинсу:

«Когда *невежественные* Отцы составляли свой календарь, они сделали из этого нежного дуновения зефира двух римско-католических святых!!»

Святые Аура и Плацида; – мало того, они дошли до того, что из веселого бога Вакха сделали святого Вакха и, в самом деле, *показывают его гроб и останки в Риме*. Празднование дня обоих «благословенных святых» приходится на 5-е октября, в конце праздника св. Вакха [52].

Насколько более поэтичен религиозный дух, находимый в «языческих» легендах Севера о творении, и насколько его там больше! В беспредельной пропасти мировой бездны, в Гиннунгагапе, где в слепой ярости свирепствуют и сталкиваются космическая материя и изначальные силы, внезапно подул несущий таяние теплый ветер. Это «непроявленный Бог» послал свое благодетельное дыхание из Маспелхейма, сферы небесного огня, в сияющих лучах которого пребывает это великое Существо, далеко за пределами материального мира; и *animus* этого Невидимого, Дух, витающий над темными бездонными водами, вызывает порядок из хаоса, а после того, как дала первый импульс всему творению, **первопричина** удаляется и остается навсегда в *statu abscondito*!^[145]

В этих скандинавских языческих песнях заключена и религия, и наука. В качестве примера последней возьмем концепцию о Торе, сыне Одина. Каждый раз, когда этот Геркулес Севера хочет схватить рукоять своего ужасного оружия, громовой стрелы или электрического молота, он обязан надевать свои *железные* перчатки. Он также носит магический пояс, известный как «пояс силы», который, будучи надет, очень увеличивает его небесную силу. Он разъезжает в телеге, которую тянут два барана в серебряных уздечках, и его ужасающий лоб окружен венком из звезд. Его колесница имеет заостренный железный шест, и рассыпающие искры колеса постоянно катятся по грохочущим грозovým тучам. Он бросает свой молоток с неотразимой силой в восставших великанов инея, которых он растапливает и уничтожает. Когда он отправляется к роднику Урдар, где боги собираются на совещание, чтобы решать судьбы человеческие, – он единственный идет пешком, остальные боги едут верхом. Он идет пешком, так как боится, что проезжая по мосту Бифрост (радуга), многоцветному Королевскому мосту, он подожжет его своей громовой колесницей и в то же самое время заставит воды Урдара закипеть.

Переводя это на простой язык, как иначе можно истолковать этот миф, как только, что составители северных легенд были хорошо знакомы с электричеством. Тор есть эвгемеризация электричества, который пользуется своим своеобразным элементом только тогда, когда он защищен перчатками из *железа*, который является естественным проводником. Его пояс силы – это замкнутая цепь: по которой изолированный ток вынужден течь, вместо того, чтобы свободно унести в пространство. Когда он стремительно несется на своей колеснице по облакам, то он есть электричество в *активном* состоянии, о чем свидетельствуют разлетающиеся от колес искры и перекатывающийся в облаках гром. Заостренный железный прут у колесницы наводит на мысль о громоотводе, два овна, которые служат ему в качестве коней, представляют собой знакомый древний символ мужской порождающей силы; их серебряные уздечки олицетворяют

женское начало, ибо серебро есть металл Луны, Астарты, Дианы. Поэтому в овне и в его уздечке мы видим соединение активного и пассивного начал природы в противопоставлении: один стремится вперед, другой же удерживает, тогда как оба находятся в подчинении у насыщающего вселенную электрического принципа, который дает им импульсы. Так как электричество снабжает импульсами, а мужское и женское начала соединяются и снова пересоединяются в бесконечной корреляции, то в результате получается эволюция видимой природы, венцом которой является планетная система, которая у мифического Тора аллегорически выражена блистающими сферами, усеивающими его лоб. Когда он находится в своем активном состоянии, его ужасающие громовые стрелы разрушают все, даже другие меньшие титанические силы. Но он идет пешком по мосту радуги, Бифросту, потому что для того, чтобы смешиваться с другими, менее могущественными богами, чем он сам, он обязан быть в *латентном* состоянии, чего он не может, когда находится в своей колеснице, ибо иначе он поджег бы и уничтожил бы все. Значение родника Урдар, который Тор опасается заставить кипеть, и причина его неохоты только тогда будет понята нашими физиками, когда взаимные электромагнитические отношения бесчисленных членов планетной системы, о которых теперь только начинают подозревать, будут тщательно определены. Проблески этой истины даны в недавних научных очерках профессорами Мейером и Стэрри Хант. Древние философы верили, что не только вулканы, но и горячие ключи вызываются к действию подземными электрическими токами, и что та самая причина производит минеральные отложения различного рода, из которых образуются целительные ключи. Если раздадутся возражения, что этот факт ясно не выражен древними авторами, которые, по мнению людей нашего века, едва ли были знакомы с электричеством, — мы можем просто ответить, что не все труды, заключающие в себе древнюю мудрость, известны нашим ученым. Прозрачные и прохладные воды Урдара требовались для ежедневной поливки мистического земного дерева; и если эти воды были бы потревожены Тором или активным электричеством, они бы превратились в минеральные источники, негодные для этой цели. Примеры, подобные вышеприведенным, оказывают поддержку древним утверждениям философов, что в каждом мифе есть логос, или рациональная основа в каждой выдумке.

Глава VI

Психофизические феномены

*«Гермес, – моих указов извечный глашатай...
Тогда взял свой жезл, веки смертных которым смежает
По воле своей, и спящего волей своей пробуждает».*

Одиссея, кн. V.

*«Самофракийские я видел диски;
Железные опилки плясали в медной миске.
Когда ко дну приставлен был магнит,
Казалось, в страхе от него бежит
Металл, безумной яростью объятый...»*

Лукреций, кн. VI.

*«Но то, чем особенно отличается Братство, есть чудесные
познания по медицине. Они действуют не чарами, а лекарственными
травмами».*

*(«Относительно происхождения и атрибутов истинных
розенкрейцеров», рукопись).*

Одною из великих истин, когда-либо произнесенных людьми науки, является замечание, сделанное профессором Куком в его «Новой химии»:

«История учит, что век должен быть заранее подготовлен к тому, чтобы научная истина могла пустить корни и расти. Непривившиеся, бесплодные научные открытия остались бесплодными потому, что семена истины упали на неплодородную почву; и как только время исполняется, семя пускает корни и плод созревает... каждый исследователь поражается, обнаружив, как мала была та доля новой истины, которую даже величайший гений прибавил к прежнему запасу».

Революция, через которую химия недавно прошла, должна была сосредоточить внимание химиков на этом факте; и не будет ничего удивительного, если до того, как это будет сделано, стремления и претензии алхимиков будут беспристрастно рассмотрены и изучены с разумной точки зрения. Мост через узкую пропасть, которая теперь отделяет новую химию от старой алхимии, маленькая, и ее преодолеть не труднее, чем то, что преодолели химики при переходе от дуализма к закону Авогадро.

Как Ампер послужил принятию Авогадро нашими современными химиками, так, может быть, когда-нибудь найдут, что Рейхенбах, открывший ОД, вымостил своим открытием путь к правильной оценке Парацельса. Прошло более пятидесяти лет, прежде чем молекулы были приняты в качестве единиц при химических вычислениях. Может быть, потребуется только половина этого времени, когда превосходные заслуги этого шведского мистика будут признаны. Предостерегающий абзац о медиумах-исцелителях,^[146] который можно найти в другом месте, мог быть написан человеком, читавшим его труды:

«Вы должны понять», – говорит он, – «что магнит есть тот дух жизни в человеке, которого ищет заражённый, когда оба соединяются с хаосом извне. И таким образом здоровый заражается нездоровым путем магнитного притяжения».

Первичные причины болезней, осаждающих человечество; скрытая связь между физиологией и психологией – напрасно над ними мучились ученые, отыскивая какую-нибудь путеводную нить, на которой можно строить свои гипотезы. Особые лекарства и средства для каждого заболевания описаны и объяснены во многотомных трудах. Электромагнетизм, так называемое *открытие* профессора Эрстеда, применялось три столетия тому назад. Это можно наглядно доказать, критически исследуя его образ лечения болезней. По поводу его достижений нет надобности распространяться, ибо непредубежденные и справедливые писатели давно признали его величайшим химиком своего времени [169]. Бриер де Буазмон называет его «гением» и соглашается с Делёзом, что он создал новую эпоху в истории медицины. Секрет его успешных и, как их называли, магических исцелений, заключался в полном его презрении к так называемым «авторитетам» его века.

«В поисках истины», – говорит Парацельс, – «я рассуждал сам с собою, что если нет настоящих преподавателей медицины, как я могу научиться этому искусству? Не иначе, как только по великой открытой книге природы, написанной пальцем Бога... Меня обвиняют и порицают за то, что я не вошел в это искусство чрез правильную дверь. Но где она, эта правильная дверь? Гален, Авиценна, Месуэ, Расис, или честная природа? Я думаю, что последняя. В эту дверь я вошел, и свет природы, а не лампа аптекаря, направляли мой путь».

Это полное презрение к установленным законам и ученым формулам, это стремление смертного праха слиться с духом природы и только там искать здоровья, помощи и света истины послужило причиной закоренелой ненависти, проявленной пигмеями того времени к философу огня и алхимику. Не удивительно, что его обвинили в шарлатанстве и даже в пьянстве. Последнее обвинение Хемманн смело и безбоязненно снимает с него и доказывает, что это гнусное обвинение исходило из «Опоринуса, который на какое-то время поселился у Парацельса с целью выведать его секреты, но ему не удалось; вот происхождение злобных доносов». Парацельс был основатель школы животного магнетизма и открыватель оккультных свойств магнита. Его век клеймил его колдуном, Потому что совершаемые им исцеления были чудесны. Три столетия спустя барон Дю Потэ также был обвинен в колдовстве и в демонологии римскою церковью, а академики Европы обвинили его в шарлатанстве. Как говорят философы огня, не химик будет тот, кто снизойдет до того, чтобы рассматривать «живой огонь» по-другому, нежели это делают его товарищи.

«Ты забыл, как отцы твои учили тебя об этом – или, скорее, ты никогда не знал... это *слишком громко* для тебя!» [170]

Труд по магическо-духовной философии и оккультной науке был бы неполным без уделения особого внимания истории животного магнетизма, какова она с тех пор, как Парацельс пошатнул ученых во второй половине шестнадцатого века.

Мы сделаем краткий обзор появления этого учения в Париже, когда оно было импортировано из Германии Антоном Месмером. Давайте тщательно и осторожно рассмотрим старые документы, ныне покрывающиеся плесенью в Академии наук этой столицы, ибо там мы обнаружим, что после того, как Академия по очереди отвергла все новые открытия, какие только были сделаны со времени Галилея, *Бессмертные* увенчали кульминацию отрицания тем, что повернулись спиною к магнетизму и месмеризму. Они добровольно сами перед собою закрыли дверь, которая вела к величайшим тайнам природы, лежащим сокрытыми в темных

областях как психического, так и физического миров. Великий универсальный растворитель, алкахест, был от них на расстоянии, где стоило лишь протянуть руку – а они прошли мимо его. А теперь, когда прошло почти сто лет, мы читаем следующее признание:

«Все же правильно, что за пределами непосредственного наблюдения наша наука (химия) не есть непогрешима, и наши теории и системы, хотя они все *могут* содержать зернышко истины, подвергаются частым изменениям и часто коренной ломке» [156].

Такое догматическое утверждение, что месмеризм и животный магнетизм являются только галлюцинациями, наводит на мысль, что нужны доказательства. Но где эти доказательства, которые имели бы авторитет в глазах науки? Тысячи раз академикам давалась возможность убедиться в истине, но они неизменно уклонялись. Напрасно месмеристы и целители вызывали на дачу свидетельских показаний глухих, хромых, занемогших и умирающих, которые были исцелены и возвращены к жизни простыми манипуляциями и апостольским «возложением рук». «Совпадение» – вот обычный ответ, когда факт слишком очевиден, чтобы его полностью отрицать; «заблуждение», «преувеличение», «знахарство» – вот излюбленные выражения наших слишком многочисленных Фом Неверующих. Ньютон, известный американский целитель, совершил больше моментальных исцелений, чем количество пациентов, которое имели многие знаменитые нью-йоркские врачи за всю свою жизнь. Яков Зуав пользовался таким же успехом во Франции. Должны ли мы тогда считать, что накопившиеся за эти 40 лет свидетельские показания по этим фактам все являются иллюзиями, заговорами ловких шарлатанов и сумасшествием? Даже заикаться о такой глупости было бы равносильно обвинению себя самого в сумасшествии.

Несмотря на недавний приговор Леймери, на насмешки скептиков, большинства врачей и ученых, на непопулярность этого предмета и, больше всего, на преследования со стороны римско-католического духовенства, которое в лице месмеризма борется против традиционного врага женщины, – настолько очевидна и непобедима истина феноменов месмеризма, что даже французский суд был вынужден молчаливо, хотя и очень неохотно признать ее. Знаменитая ясновидящая мадам Роджер была обвинена в получении денег под фальшивым предлогом вместе со своим месмеризатором доктором Фортином. 18 мая 1876 г. она предстала перед *исправительным трибуналом* Сейна. Ее свидетелем был барон Дю Потэ, великий мастер месмеризма во Франции за последние 50 лет; ее адвокатом был не менее знаменитый Жюль Фавр. На этот раз истина восторжествовала – дело было прекращено. Было ли тому причиной необычайное красноречие оратора, или голые неоспоримые факты, и незапятнанность, что дело было выиграно? Но Леймери, редактор «*Ревю Спирит*», также обладал фактами, говорящими в его пользу и, кроме того, свидетельскими показаниями более чем ста заслуживающих доверия свидетелей, среди которых имелись первые имена Европы. На это здесь ответ только один – судьи не осмеливались подвергать сомнению факты месмеризма. Фотографии духов, стуки духов, писание, передвигание, говор и даже материализация духов могут быть подделаны; едва ли в Европе или в Америке происходит спиритический феномен которого нельзя бы имитировать ловкому фокуснику с помощью аппаратов. Только одни чудеса месмеризма и субъективные феномены бросают вызов всем трюкачам, скептикам, строгой науке и нечестным медиумам; *каталептическое состояние невозможно имитировать*. Спиритуалисты, стремящиеся к тому, чтобы их истина была провозглашена и чтобы наука признала ее, культивируют месмерические феномены. Поместите на сцене Египетского Холла сомнамбулу, погруженную в глубокий месмерический сон. Пусть ее месмеризатор пошлет ее освобожденный дух в любые места, какие только публика подсказывает; испытывайте ее ясновидение и

яснослышание; втыкайте булавки в любую часть ее тела, над которыми месмеризатор совершил пассы руками; проткните иголками ее веки так, чтобы они проходили под кожей; жгите ее тело и терзайте его острым инструментом.

«Не бойтесь!» – восклицают Регазони и Дю Потэ, Тист и Пиррард, Пюисегюр и Долгорукий, – «месмеризованный или погруженный в транс субъект всегда остается неповрежденным!»

И когда все это завершено, приглашайте любого мудреца того времени, жаждущего рекламы, и хвастающегося, что он в состоянии воспроизводить любой спиритуалистический феномен, пригласите его, чтобы он подверг свое тело тем же испытаниям!^[147]

Передают, что речь Жюля Фавра длилась полтора часа, причем судьи и публика слушали ее, как зачарованные. Мы слышали речи Жюля Фавра и охотно этому верим; только заявление, сделанное им в последнем предложении речи, к сожалению, было преждевременным и ошибочным в одно и то же время.

«Мы находимся в присутствии феноменов, которые наукою признаются, не пытаясь их объяснить. Публика может улыбаться на это, но наши наиболее блестящие врачи смотрят на это серьезно. Суд больше не может игнорировать того, что признала наука!»

Если бы это огульное утверждение было бы обосновано на факте, и если бы месмеризм исследовался бы многими, вместо нескольких истинных людей науки, больше стремящихся к проникновению в тайны природы, нежели к выгоде, – публика не улыбалась бы. Публика – это послушный и благочестивый ребенок, с готовностью идущий туда, куда няня поведет. Она выбирает себе идолов и фетишей и поклоняется им пропорционально производимому ими шуму; затем она оглядывается назад с робко угодливым взглядом, чтобы посмотреть, довольна ли старая няня мисс Общественное Мнение.

Сказано, что Лактанций, один из отцов христианства, заметил, что в его время ни один скептик не осмелился бы в присутствии мага утверждать, что душа не переживает тела, а умирает вместе с ним; «ибо маг тотчас же опроверг бы его слова тем, что на месте сразу вызвал бы души умерших и сделал бы их видимыми перед человеческими глазами и заставил бы их предсказывать события будущего» [172].

То же было с судьями, когда разбиралось дело мадам Роджер. Барон Дю Потэ находился в зале суда, и судьи боялись, как бы он не начал месмеризовать сомнамбулу в качестве доказательства, чем он принудил бы суд не только поверить в феномен, но и признать его официально, – что было бы хуже.

А теперь вернемся к доктрине Парацельса. Его непонятные писания, хотя написанные в живом стиле, следует читать подобно библейским свиткам пророка Иезекииля – «внутри и снаружи». В те дни велика была опасность быть обвиненным в проповедовании ереси; церковь была могущественна, и колдуны сжигались дюжинами. По этой причине мы находим, что Парацельс, Агриппа и Евгений Филалет настолько же отличались благочестивыми заявлениями, насколько прославились своими достижениями по алхимии и магии. Взгляды Парацельса полностью по оккультным свойствам магнита изложены и частично объяснены в его знаменитой книге «Archidaxarum», в которой он описывает чудесную настойку, лекарство, извлеченное из магнита и называемое *Magisterium Magnetis*, и частично – в «De Ente Dei» и «De Ente Astrorum». Но все его объяснения даны в манере, недоступной пониманию профана.

«Каждый крестьянин понимает», – говорит он, – «что магнит притягивает железо, но

разумный человек должен задать себе вопрос... Я открыл, что магнит, кроме этой видимой силы, которою он притягивает железо, обладает и другою *скрытою* силою».

Далее он доказывает, что в человеке находится скрытая некая «звездная сила», которая есть та эманация из звезд и небесных тел, из которой духовная форма человека – астральный дух – составлен. Тожественность эссенции, которую мы можем назвать духом кометной материи, всегда находится в непосредственной связи с теми звездами, из которых она была извлечена, и таким образом, между ними обоими существует взаимопротяжение, так как они оба магниты. Тожественный состав земли и всех других планетных тел и человеческого земного тела был основной идеей его философии.

«Тело происходит из элементов, [астральный] дух происходит из звезд... Человек ест и пьет элементы для содержания своей крови и плоти; от звезд же его интеллект и мысли, пребывающие в его духе».

Спектроскоп доказал правдивость этой теории в отношении тождественного состава человека и звезд; физики теперь читают лекции в своих классах о магнетическом притяжении солнца и планет. [\[148\]](#)

Из субстанций, которые были известны, как входящие в состав человека, в звездах уже открыты водород, натрий, кальций, магний и железо. Во всех наблюдаемых звездах, численностью во много сотен, за исключением двух, был обнаружен водород. Если мы припомним, как упрекали и осуждали Парацельса в его время за теорию, что звезды и человек построены из тех же субстанций; как его высмеивали астрономы и физики за идеи о химическом родстве и притяжении между этими двумя; и если затем мы учтем, что спектроскоп уже подтвердил, по крайней мере, одно из его утверждений, – то будет ли абсурдно высказать пророчество, что со временем и остальные его утверждения подтвердятся?

А теперь возникает очень естественный вопрос. Как Парацельс мог узнать что-либо о составе звезд, когда еще недавно – до открытия спектроскопа – состав небесных тел был совершенно неизвестен нашим ученым академикам? И даже теперь, несмотря на телеспектроскопию и другие очень значительные современные усовершенствования, за исключением нескольких элементов и гипотетической хромосферы, все еще в звездах является тайной для них. Мог ли Парацельс быть таким уверенным по поводу природы небесных светил, если бы он не обладал средствами, о которых наука ничего не знала? И все же, ничего не зная об этом, она не хочет даже слышать, когда произносятся самые названия этих средств, каковыми являются герметическая философия и алхимия.

Кроме того, мы не должны забыть, что *Парацельс был открывателем водорода и хорошо знал все его свойства и состав* давно до того, как ортодоксальные академики даже и не думали о нем; что он изучал астрологию и астрономию, как все философы огня, и что если он утверждал, что человек находится в непосредственном сродстве со звездами, то он хорошо знал, что он утверждал.

Следующим пунктом для проверки физиологами является его утверждение, что питание тела происходит не только через желудок,

«но также незаметно через магнетическую силу, которая пребывает во всей природе и которой каждый отдельный член извлекает свое особое питание для себя».

Человек, говорит он далее, извлекает не только здоровье из элементов, когда они в равновесии, но также и болезни, когда равновесие нарушено. Живые тела подчинены законам

притяжения и химического сродства, как это признает наука; наиболее замечательным физическим свойством органических тканей, согласно физиологам, является свойство *впитывания*. Что же тогда может быть более натурально, чем эта теория Парацельса, что это наше всасывающее, притягивающее и химическое тело собирает в себе астральные или звездные влияния?

«Солнце и звезды притягивают от нас к себе, а мы опять от них к нам».

Какие возражения наука может выдвинуть против этого? Что это такое, что испускаем мы, показано в открытых бароном Рейхенбахом одических эманациях человека, которые тождественны с пламенами от магнитов, кристаллов и фактически из всех растительных организмов.

Парацельс утверждал единство вселенной, говоря, что «человеческое тело обладает первозданным веществом» (или космической материей); спектроскоп доказал правдивость этого утверждения, показав, что те же самые химические элементы, которые существуют на земле и на солнце, обнаружены также в звездах. Больше того, спектроскоп показывает, что все эти звезды суть *солнца*, по своему составу похожие на наше собственное [174]; и как нам говорит профессор Мейер, [149] что магнитное состояние Земли изменяется в соответствии с изменениями на солнечной поверхности и находится «в зависимости от *эманаций* солнца», так как звезды являются солнцами, то они также должны испускать эманации, которые должны влиять на нас в пропорциональной степени.

«В наших снах», – говорит Парацельс, – «мы подобны растениям, которые также имеют элементарное и жизненное тело, но не обладают духом. Когда мы спим, наше астральное тело свободно и может, благодаря эластичности своей природы, или витать поблизости своего спящего носителя, или вознестись выше, чтобы вести беседы со своими звездными родителями и даже сообщаться со своими братьями на огромных расстояниях. Сновидения пророческого характера, предвидение и предчувствия являются способностями астрального духа. Нашему элементарному и грубому телу этих даров не дано, ибо после смерти оно опускается в недра земли и снова соединяется с физическими элементами, тогда как несколько духов возвращаются к звездам. Животные», – он добавляет, – «также имеют астральное тело».

Ван Гельмонт, который был учеником Парацельса, говорит почти то же самое, хотя его теории по магнетизму более обширны и еще более тщательно разработаны. *Magnale Magnum* – средство, посредством которого сокровенное магнитное свойство «дает людям возможность воздействовать друг на друга», приписывается их универсальной симпатии, существующей между всем, что существует в природе. Причина производит следствие, следствие отражается обратно на причине, и оба обратно поступательны.

«Магнетизм», – говорит он, «есть неизвестное свойство небесной природы, очень напоминающее звезды, которому совсем не препятствуют ограничения пространства или времени... Каждая тварь обладает своею собственною небесною силою и тесно связана с небесами. Эта магическая сила человека, которая может действовать вне его, лежит, так сказать, скрытая во внутреннем человеке. Эта магическая мудрость и сила, таким образом, спит, но может быть приведена в действие простым внушением, и тогда она оживет, и тем *более* оживет, чем более в нем подавлен внешний человек плоти и тьмы... А это, я говорю, осуществляется каббалистическим искусством; оно возвращает человеческой душе магическую, хотя и природную силу, которая была ею утеряна, как сон» [177].

Как Ван Гельмонт, так и Парацельс единоклассны о великом могуществе воли в состоянии экстаза. Они говорят, что

«дух везде, все насыщено духом; и дух есть посредник магнетизма»;

что чистая первоначальная магия не состоит из суеверных приемов и пустых церемоний, а заключается во властной воле человека.

«Хозяевами физической природы являются не духи небес или ада, а душа и дух человека, каковой сокрыт в нем, как огонь скрыт в кремне».

Теория о звездном влиянии на человека провозглашалась всеми средневековыми философами.

«Звезды в равной мере состоят из элементов земных тел», – говорит Корнелий Агриппа, – «и поэтому идеи друг друга привлекают... Влияния распространяются только с помощью духа; но этим духом насыщена вся вселенная и он находится в полном созвучии с человеческим духом. Маг, который захотел бы овладеть сверхъестественными силами, должен обладать *верою, любовью и надеждой*... Во всем сокрыта тайная сила, и оттуда происходит чудодейственная магическая сила».

Современная теория генерала Плезантона^[150] весьма совпадает со взглядами философов огня. Его взгляды на положительное и отрицательное электричество мужчины и женщины и взаимном притяжении и отталкивании во всем в природе, кажется, скопированы со взглядов Роберта Фладда, главы розенкрейцеров Англии.

«Когда два человека приближаются один к другому», – говорит философ огня, – «их магнетизм бывает или пассивен или активен, т. е. положителен или отрицателен. Если исходящие из них эманации преломляются или отбрасываются назад, – возникает антипатия. Но когда эманации проникают друг в друга с обеих сторон, то налицо положительный магнетизм, ибо лучи проходят от центра до окружности. В этом случае они влияют не только на болезни, но и на нравственные чувства. Этот магнетизм или симпатия обнаруживаются не только между людьми, но и между растениями и животными» [62].

А теперь обратим внимание на то, как повели себя врачи, когда Месмер привез во Францию свой «котел» вместе со своей системой, целиком обоснованной на философии и доктринах последователей Парацельса – как они обошлись с великим психологическим и физиологическим открытием. Это покажет, насколько невежество, поверхностность и предрассудки могут быть проявлены ученой корпорацией, когда дело касается предмета, который противоречит их долго лелеянным теориям. Это тем более значительно потому, что пренебрежение, высказанное комитетом Французской Академии в 1784 г., вероятно, явилось следствием нынешнего сдвига общественного мнения в сторону материализма и, несомненно, пробелов в атомистической философии, каковые, по признанию наиболее преданных этой философии учителей, существовали. Комитет 1784 года был составлен из таких выдающихся людей, как Борье, Саллин, д'Арсен и знаменитый Гильонэ, к которым впоследствии были добавлены Франклин, Леруа, Бейли, Де Борг и Лавуазье. Борье вскоре умер, и место его занял Маголт. Не может быть никакого сомнения по поводу двух обстоятельств, а именно: что комитет приступил к своей работе сильно предубежденным, и то – по недопускающему возражений приказу короля; и что их манера наблюдений над деликатными фактами месмеризма была неблагоприятна и недоброжелательна. Их отчет, составленный Бейли, был рассчитан на нанесение смертельного

удара молодой науке. Он был нарочно разослан по всем школам и общественным ступеням и вызвал возмущение среди большей части аристократии и класса богатых коммерсантов, которые до этого покровительствовали Месмеру и являлись очевидцами его исцелений. Ант. Л. де Джуссэ – академик высочайшей степени, который до этого вместе с придворным врачом д'Эслон тщательно исследовал лечение Месмера, – опубликовал отчет-возражение, составленный с величайшей точностью и подробностями. В этом отчете, написанном в защиту лечения магнетизмом, он ссылаясь на тщательные исследования медицинского факультета по терапевтическому эффекту магнетического флюида и настаивал на немедленном опубликовании открытий и наблюдений факультета по этому вопросу. В ответ на его требование появилось великое множество мемуаров, полемических статей и догматических книг, раскрывающих новые факты. Вниманию публики был предложен обширный труд Тоурета под заглавием – «Recherches et Doutes sur le Magnetisme Animal», этот большой эрудиции труд стимулировал к исследованиям материалов прошлого, касающихся феноменов магнетизма у разных народов с древнейших времен.

Доктрина Месмера была просто новым изложением доктрин Парацельса, Ван Гельмонта, Сантанелли и шотландца Максвелла; и он даже был виноват в том, что копировал тексты из трудов Бертрана и провозглашал их, как свои собственные принципы [179]. В труде профессора Стюарта [180] автор рассматривает нашу вселенную, как состоящую из атомов с чем-то в роде посредника между ними в качестве машины, и законы энергии, как приводящие в действие эту машину. Профессор Юманс называет это «современной доктриной», но среди двадцати семи положений, изложенных Месмером в 1775 г., то есть на сотню лет раньше, в его «Письме иностранным врачам» мы находим следующее:

1. *Существует взаимовлияние между небесными телами, землею и живыми существами.*
2. *Некий флюид, повсюду распространенный и наполняющий все настолько, что не допускает нигде вакуума; настолько тонкий, что его не с чем сравнить – флюид, который по своей природе способен к восприятию, размножению и передаче впечатлений движения, – является проводником влияния.*

Из этого вытекает, что эта теория, в конце концов, совсем не современная теория. Профессор Бальфур Стюарт говорит:

«Мы можем рассматривать вселенную, как огромную физическую машину».

И Месмер:

3. *Это взаимодействие подчинено механическим законам, неизвестным до настоящего времени.*

Профессор Мейер, снова подтверждая доктрину Гильберта, что Земля – великий магнит, говорит, что таинственные изменения в интенсивности ее силы, кажется, находится в зависимости от эманаций солнца, так как «меняется в соответствии с суточным и годовым вращением этого светила и пульсирует в полном согласии с огромными огненными волнами, которые проносятся по его поверхности». Он говорит о «постоянных колебаниях, о приливах и отливах направляющего влияния Земли». И Месмер:

4. *«От этого воздействия происходят чередующиеся следствия, которые можно рассматривать, как прилив и отлив».*

5. *Благодаря именно этому действию (наиболее универсальному из тех, которые природа на нас распространяет) возникают связи взаимодействия между небесными телами, землею и составляющими ее частями.*

И еще два положения, которые интересно прочесть нашим современным ученым:

6. Свойства материи и органических тел зависят от этого действия.

7. Животное тело испытывает на себе чередующееся воздействие этого агента; путем проникновения в субстанцию нервов он непосредственно действует на них.

Среди значительных трудов, которые появились между 1798 и 1824 годами, когда Французская Академия наук назначила вторую комиссию по исследованию месмеризма, – «Annales du Magnetisme Animal», написанные бароном д'Енин де Кавильером, генерал-лейтенантом, шевалье Сент-Луис, членом Академии наук и корреспондентом многих ученых обществ Европы, может принести большую пользу читателю. В 1820 году правительство Пруссии поручило Берлинской Академии объявить премию в триста дукатов золотом за лучшую диссертацию по месмеризму. Королевское научное общество Парижа под председательством его королевского высочества герцога Анжуйского предложило золотую медаль за то же самое. Маркиз де ля Плейс, пэр Франции, один из Сорока Академии наук и почетный член ученых обществ всех главных европейских государств, написал труд под заглавием «Essai Philosophique sur les Probabilites», в котором этот выдающийся ученый говорит:

«Изо всех инструментов, какие мы можем применить, чтобы познать незаметные силы природы, наиболее чувствительными являются нервы, особенно, когда исключительные влияния увеличивают их чувствительность... Необычные феномены, происходящие в результате чрезвычайной нервной чувствительности лиц, породили различные суждения по поводу существования новой силы, которую называли животным магнетизмом... Мы настолько далеки от познания всех сил природы и их различных видов проявления, что едва ли будет по-философски отрицать эти феномены лишь потому, что они для нас необъяснимы при нашем нынешнем состоянии осведомленности. Наша обязанность – просто изучать их с тем большим вниманием, поскольку нам трудно их допустить».

В эксперименты Месмера были внесены большие улучшения маркизом Пюисегюром, который обходился без всяких аппаратов и совершал замечательные исцеления среди жильцов своего имения в Бьюсанси. После их опубликования много других образованных людей экспериментировали с таким же успехом, и в 1825 г. мистер Фойсак предложил Академии Медицины организовать новое исследование. Особый комитет в составе Аделона, Парисея, Марка, Бурдина старшего с Хассоном в качестве докладчика, объединились в рекомендации, чтобы предложение было принято. Они сделали мужественное признание, что «в науке никакое решение не является абсолютным и не подлежащим исправлению»; они дают нам возможность оценить выводы комиссии Франклина в 1784 г., говоря, что «эксперименты, на которых эти выводы были обоснованы, как оказалось, проводились без единовременного присутствия всех членов комиссии, а также с предвзятым мнением, что, в соответствии с принципами того факта, который они призваны были исследовать, должно было привести их к полной неудаче».

То, что они говорят о магнетизме как о тайном средстве лечения, высказывалось уже много раз наиболее уважаемыми писателями по поводу современного спиритизма, а именно:

«Обязанностью Академии является изучать эти явления, подвергнуть их испытаниям и, наконец, отобрать применение их от людей, никакого отношения к науке не имеющих, которые злоупотребляют этими средствами и делают из них предмет наживы и спекуляции».

Этот доклад вызвал продолжительные споры, но в мае 1826 г. Академия назначила комиссию, куда вошли следующие знаменитые люди: Леру, Бардо де ля Моттэ, Дабли, Магенди, Гверсант, Хассон, Тилай, Марк, Итард, Факир и Гвен де Мюссе. Они немедленно приступили к работе и продолжали ее в течение пяти лет, сообщая Академии о результатах своих наблюдений

через Хассона. Их доклад включает в себе отчеты о феноменах, классифицированных по тридцати четырем параграфам, но так как этот труд не посвящен специально только магнетизму, нам приходится довольствоваться несколькими краткими выдержками из него. Они утверждают, что для того, чтобы произвести магнетические феномены, необязательно нужен контакт рук, потирания или пассы, так как в некоторых случаях достаточно было сосредоточенного взгляда, который действовал даже тогда, когда магнетизируемый об этом не знал. «Достоверные и терапевтические феномены» зависели только от магнетизма и не могли быть воспроизведены без него. Состояние сомнамбулизма «существует и вызывает появление новых способностей, которые получили названия *ясновидения*, интуиции и внутреннего предвидения». Сон (магнетический) вызывался при обстоятельствах, при которых магнетизируемый не мог видеть и не знал, какими средствами вызывается этот сон. А магнетизер, уже раз подчинивший волю магнетизируемого, «может совершенно погрузить его в сомнамбулизм, а также выводить его из этого состояния без его ведома, вне его поля зрения, на расстоянии и через закрытые двери». Внешние чувства спящего кажутся совершенно парализованными, приведен в действие дубликатный комплект. «Большую часть времени они остаются невосприимчивыми к внешним и к неожиданным звукам, производимыми около их ушей, например, к сильному удару по медному сосуду, к падению тяжелых вещей и т. п. ... Можно заставить их вдыхать соляную кислоту или аммиак, отчего у них не возникает никаких неудобств, и даже не вызывает у них каких-либо подозрений». Комитет мог «щекотать их ноги, ноздри и уголки глаз птичьими перьями, щипать их кожу до образования ссадин, колоть гвоздями под ногтями, загоняя их на значительную глубину, не причинив им ни малейшей боли, и без всяких признаков, что они это почувствовали. Словом – мы видели одного человека, который оставался нечувствительным во время одной из самых болезненных хирургических операций, лицо которого, пульс и дыхание не проявляли при этом никаких ощущений».

Это все, что касается внешних чувств; теперь послушаем, что они скажут про внутренние чувства, которые по справедливости можно рассматривать, как доказательства разницы между человеком и бараньей протоплазмой. «Пока они находятся в состоянии сомнамбулизма», – говорит комитет, – «магнетизированные лица, над которыми мы вели наблюдение, сохраняли власть над своими способностями, присущими им в бодрствующем состоянии. Их память даже кажется более верной и распространившейся дальше... Мы видели двух сомнамбул, которые с закрытыми глазами различали поставленные перед ними предметы; не прикасаясь, они называли масть и содержание игральных карт; прочитывали слова, написанные голою рукою (без пера или другого инструмента), а также наудачу открытые строчки в книге. Это они проделывали даже тогда, когда их глазные веки были тщательно закрыты с помощью пальцев. Мы имели встречи с двумя сомнамбулами, которые обладали способностью предвидения более или менее сложных процессов в организме. Одна из них предсказывала за несколько дней, даже месяцев заранее день, час и минуту, когда должен наступить эпилептический припадок и когда он должен кончиться; другая предсказывала время исцеления. Эти предсказания исполнились с замечательной точностью».

Комиссия высказалась, что «она собрала и сообщила факты, значительные в достаточной мере, чтобы побудить ее думать, что Академия должна поощрять исследования по магнетизму, как весьма любопытную отрасль психологии и истории естествознания». В заключение Комитет высказался, что «факты настолько необычны и удивительны, что им трудно вообразить, что Академия признает их реальность, но они торжественно заявляют, что в течение всего исследования они руководствовались возвышенными мотивами, «любовью к науке и чувством необходимости оправдать надежды, которые Академия возложила на их устремление и преданность».

Их опасения полностью оправдались поведением, по меньшей мере, одного из своих членов, который не присутствовал при опытах и, как мистер Хассон нам говорит, «не считал нужным подписать отчет». Это был Магенди, физиолог, который, несмотря на факт, отмеченный в официальном отчете, что он «не присутствовал на опытах», не поколебался посвятить в своем знаменитом труде «Физиология человека» четыре страницы теме месмеризма, где, подводя итог приписываемым ему феноменам, он не подтверждает их так безоговорочно, как этого требовала бы эрудиция и научные достижения его сочленов по комитету, и говорит:

«Самоуважение и достоинство профессии требуют осторожности по этим пунктам. Он [хорошо осведомленный врач] вспомнит, как легко таинственное скатывается в шарлатанство, и как способна эта профессия к уничтожению даже чем-либо похожим на шарлатанство, когда сталкивается с внушающими уважение профессионалами».

Нет ни одного слова в этом тексте, которое разъяснило бы читателю, что Магенди был должным образом назначен Академией состоять в комиссии 1826 г.; что он не присутствовал на ее заседаниях и таким образом не узнал истины о месмерических феноменах и теперь приводит свое суждение отчасти. «Самоуважение и достоинство профессии» как бы принуждают к молчанию!

Тридцать восемь лет спустя один английский ученый, занимающийся исследованиями по физике, чья репутация даже выше, чем у Магенди, унизился до такого же нечестного поведения. Когда ему представилась возможность исследовать спиритуалистические феномены и оказать помощь в изъятии их из рук невежественных или нечестных исследователей, профессор Джон Тиндаль уклонился от этого предмета; но в своих «Фрагментах науки» он стал виновным в неджентльменских выражениях, которые мы приводили в другом месте.

Но мы неправы: он совершил попытку, и этого достаточно. В своих «Фрагментах» он рассказывает нам, как он однажды залез под стол посмотреть, каким образом производятся (спиритические) стуки, и вылез оттуда полный такого отчаяния за человечество, какого никогда раньше не испытывал! Израэль Путнэм, ползущий на руках и коленях, чтобы убить волчицу в ее логове, может частично послужить нам примером, сравнивая с которым мы можем оценить отвагу химика, который шарил в темноте в поисках некрасивой истины; но Путнэм убил свою волчицу, тогда как Тиндаль был пожран своей волчицей! Девизом на его щите должно бы быть — «*Sub mensa desperatio*».

Говоря о докладе комитета 1824 года, доктор Альфонс Тест, выдающийся ученый того времени, говорит, что он произвел большое впечатление на Академию, но мало убежденности:

«Никто не ставил под сомнение правдивость членов комиссии, честность, добросовестность и большие познания которых были неотрицаемы, но их стали подозревать в том, что они сделали жертвами обмана. Дело в том, что существуют некоторые несчастливые истины, которые компрометируют тех, кто в них верит и в особенности тех, кто настолько откровенны, что публично в этом признаются».

Насколько это правдиво, пусть исторические записи с древнейших времен до нынешнего дня послужат к этому свидетельством. Когда профессор Роберт Хэер объявил предварительные результаты своих исследований по спиритизму, на него, хотя он был наиболее выдающимся химиком и физиком в мире, тем не менее стали смотреть, как на жертву обмана. Когда он доказал, что он не был обманут, его обвинили, что он впал в слабоумие. Гарвардские профессора поносили его за «его безумную приверженность к гигантскому обману».

Когда этот профессор в 1853 г. начал свои исследования, он «чувствовал, что его долг по отношению к своим ближним требует, чтобы все то влияние, каким он обладал, было бы направлено на попытку остановить прилив нарастающего безумия, которое, вопреки разуму и науке, устремилось к тому *грубому заблуждению*, которое называлось спиритуализмом». Хотя, по его собственному заявлению он «целиком присоединялся к теории Фарадея о столоверчении», он обладал тем истинным величием, которое характерно для князей науки, – он сперва произвел тщательные исследования и только после этого высказал истину. Как он за это был вознагражден со стороны своих пожизненных коллег – пусть об этом говорят его собственные слова. В речи, произнесенной в Нью-Йорке в сентябре 1854 г., он говорит, что

«он был занят научными исследованиями свыше полсотни лет, и никогда его аккуратность и точность не ставились под сомнение до тех пор, пока он не стал спиритуалистом; до тех пор в течение всей жизни никто не производил нападок на его здравомыслие, пока Гарвардские профессора не выступили с осуждением против того, что *он знал* как истину, а они сами *не знали*, что они заблуждаются».

Сколько грустного пафоса выражено в этих немногих словах! Семидесяти шести летний старик – ученый с полувековым стажем – и покинут всеми за то, что сказал правду! А возьмем А. Р. Уоллеса, который раньше считался одним из наиболее блестящих британских ученых – после того, как он объявил, что верит в спиритизм и месмеризм, о нем стали говорить в тоне сожаления. Профессор Николай Вагнер в Петербурге, слава которого, как зоолога, весьма велика, теперь, в свою очередь, расплачивается за свое исключительное беспристрастие тем, что подвергается оскорбительному обращению со стороны русских ученых!

Есть ученые и ученые; и если оккультные науки в примере спиритуализма терпят преследование от недоброжелательства одного класса ученых, то, тем не менее, они имели своих защитников во все времена среди людей, чьи имена являются гордостью самой науки. В первом ряду их стоит Исаак Ньютон, «свет науки», который полностью верил в магнетизм в том виде, как учили Парацельс, Ван Гельмонт и, вообще, философы огня. Никто не осмелится отрицать, что его доктрина о вселенском пространстве и тяготении является чистой теорией о магнетизме. Если его собственные слова, вообще, что-нибудь да значат, то они значат, что все свои размышления он обосновал на «мировой душе», великой вселенской магнетической силе, которую он называл *divine sensorium* [181].

«Здесь», – говорит он, – «речь идет об очень тонком духе, который проникает всюду, даже в самые твердые тела, и который скрыт в их веществе. Посредством силы и активности этого духа тела притягивают одно другое и сцепляются, когда приходят в контакт. Благодаря ему электрические тела действуют на отдаленнейших расстояниях так же, как по близости, притягивая и отталкивая; благодаря этому духу свет льется, преломляется, отражается и нагревает тела. Все чувства возбуждаются этим духом, и благодаря ему животные двигают своими конечностями. Но это не может быть объяснено в нескольких словах, и у нас еще недостаточно опыта, чтобы полностью установить законы, по которым этот вселенский дух действует»

Существует два рода магнетизирования; первое – чисто *животное*; другое – трансцендентное, зависящее от воли и познаний месмеризатора, а также от степени духовности субъекта и его способности воспринимать впечатления астрального света. Но теперь уже почти с уверенностью можно сказать, что ясновидение в значительной степени больше зависит от первого, чем от второго. Силе адепта, такого как Дю Потэ, придется подчиниться наиболее *позитивному* субъекту. Если его взор умело направлен месмеризатором, магом или духом, то

свет раскроет перед нами, чтобы мы могли узреть наиболее сокровенные отпечатки; ибо он есть книга, которая всегда закрыта для тех, «кто смотрят, но не видят», и, с другой стороны, она всегда открыта для того, кто *хочет* видеть ее открытой. Она хранит ненарушенными все отпечатки того, что было, что есть или когда-нибудь будет. Самые малые деяния нашей жизни отпечатаны на астральном свете, и даже наши мысли сфотографированы на его вечных скрижалях. Это книга, которую ангел в «Откровении св. Иоанна» держит раскрытой – это «книга жизни», по которой «судимы были мертвые... сообразно с делами своими». Короче говоря, это есть **память Бога!**

«Оракулы утверждают, что отпечатки мыслей, начертаний, людей и другие божественные видения показываются в эфире... В нем события без чисел вычислены», – сказано в древнем фрагменте «Халдейского оракула» Зороастра [90].

Таким образом, древняя мудрость так же, как современная, пророчества и наука сходятся в подтверждении претензий каббалистов. На неразрушимых скрижалях астрального света отпечатаны отпечатки всех мыслей, которые мы думаем, и каждое деяние, которое мы совершаем; и грядущие события – следствия давно забытых причин – уже начертаны там в виде ярких картин для глаза провидца или пророка. Память, являющаяся неразрешимой тайной для материалиста, загадкой для психолога, сфинксом науки – для ученика оккультизма есть лишь слово, чтобы обозначить ту силу, которой человек, сам того не сознавая, пользуется и разделяет со многими низшими животными, – чтобы заглядывать внутренним зрением в астральный свет и увидеть там изображения прошлых переживаний и инцидентов. Вместо поисков в мозговых нервных узлах «микроснимков живых и мертвых, мест, какие мы посещали и событий, в которых принимали участие» [48], они пошли в это обширное хранилище, где записи человеческой жизни так же, как и каждая пульсация видимого космоса, сложены и хранятся на всю Вечность!

Та вспышка памяти, которая, как полагают, раскрывает перед тонущим человеком все давно забытые сцены его смертной жизни подобно тому, как ландшафт освещается перемежающимися молниями перед глазами путника, – есть просто внезапное прозрение борющейся души в молчаливые картинные галереи, где ее история написана неувядаемыми красками.

Хорошо известный факт – его могут подтвердить по личному опыту каждые девять человек из десяти – что мы часто признаем знакомыми для нас отдельные сцены, ландшафты и беседы, которые мы видим или слышим в первый раз, а иногда в странах, которых мы никогда раньше не посещали, – является результатом той же самой причины. Верящие в перевоплощение приводят это, как еще одно дополнительное доказательство нашего предшествующего существования в других телах. Это узнавание людей, стран и вещей, которых мы никогда не видели, приписывается ими вспышкам памяти души о прежних переживаниях. Но люди древние, а также средневековые философы крепко придерживались противоположного мнения.

Они подтверждали, что хотя этот психологический феномен был одним из величайших аргументов в пользу бессмертия и предсуществования души, все же последняя обладает своей индивидуальной памятью, кроме памяти нашего физического мозга, и не есть доказательство перевоплощения. По этому поводу красиво выразился Элифас Леви: «Природа закрывает дверь за всем, что прошло, и толкает жизнь вперед» в более совершенные формы. Куколка становится бабочкой; и последняя никогда не станет опять личинкой. В тиши ночных часов, когда наши телесные чувства находятся под крепким замком сна, и наше элементарное тело отдыхает, – астральное тело становится свободным. Тогда оно *просачивается* из своего телесного заключения и, как говорит Парацельс, – «беседует с внешним миром», путешествует как по видимым, так и по невидимым мирам.

«Во сне», – говорит он, – «астральное тело (душа) двигается свободнее; затем она возносится к своим родителям и беседует со звездами».

Сны, предчувствия, предвидения, предзнаменования, предсказания – суть отпечатки, оставляемые нашей астральной душой на нашем мозгу, который воспринимает их более или менее отчетливо в соответствии с пропорцией крови, которой он снабжен в течение ночного сна. Чем больше истощено физическое тело, тем свободнее духовный человек и тем более ярки отпечатки памяти души. После крепкого здорового сна без сновидений и перерывов люди, проснувшись, иногда не помнят ничего. Но впечатления от виденных сцен и ландшафтов, которые астральное тело видело во время своих странствий, все же остаются, хотя и в латентном состоянии под давлением материи. Они могут быть разбужены в любой момент, и тогда, в течение таких всплесков внутренней памяти человека происходит мгновенный взаимообмен энергий между видимой и невидимой вселенной. Между «микроснимками» мозговых нервных центров и фотосценографическими галереями астрального света устанавливается ток. И человек, который знает, что он никогда раньше в физическом теле не посещал и не видел тех ландшафтов и лиц, которые он узнал, может с полной уверенностью утверждать, что все же он видел и знает их, так как знакомство состоялось в то время, когда он путешествовал в «духе». Против этого у физиологов не может быть возражений. Они ответят, что в натуральном сне, здоровом и глубоком, «половина нашего естества, подчиняющегося воле, находится в состоянии инерции» и, следовательно, не в состоянии путешествовать; тем более, что существование какого-либо астрального тела или души считается ими не более, как поэтическим мифом. Блюменбах уверяет нас, что в состоянии сна всякие сношения между умом и телом временно приостанавливаются. Это утверждение отрицается доктором Рихардсоном, членом Королевского общества, который честно напоминает германскому ученому, что «точные границы и связи ума и тела неизвестны», и это больше, чем следовало сказать. Это признание, будучи добавлено к признаниям французского физиолога Фурнье и еще более недавнее признание доктора Алчина, выдающегося лондонского врача, который откровенно заявил в речи, адресованной к студентам, что «изо всех областей науки, имеющих практическое отношение к обществу, нет ни одной, которая покоилась бы на таких неопределенных и нестойких основаниях, как медицина», – дают нам несомненное право противопоставить гипотезы ученых древности гипотезам современности.

Никакой человек, как бы ни был он груб и материален, не может избежать ведения двойного существования; одного – в видимой вселенной; другого – в невидимой. Жизненный принцип, который оживляет физический остов, главным образом пребывает в астральном теле; и в то время, как более животные его части отдыхают, более духовные части не знают ни ограничений, ни препятствий. Мы вполне осведомлены о том, что многие ученые и неученые будут возражать против такой новой теории о распределении жизненного принципа. Они бы предпочли оставаться в блаженном неведении и продолжали бы признания, что никто не знает и не может претендовать на знание, откуда появляется и куда опять исчезает этот таинственный агент, нежели обратить на миг внимание на то, что они считают старыми и негодными теориями. Некоторые могли бы возразить на том основании, которого придерживается богословие, т. е. что бессловесные твари не обладают бессмертным духом и, следовательно, не имеют и астрального духа, *так как богословы так же, как и миряне, находятся в заблуждении, думая, что душа и дух одно и то же*. Но когда мы изучаем Платона и других философов древности, нам становится понятно, что в то время как «неразумная душа», под которой Платон подразумевает наше астральное тело или более эфирного воспроизведения нас самих, может лишь более или менее продлить свое существование в потустороннем мире, – божественный дух, которого церковь неправильно назвала *душой*, бессмертен по самой своей сущности. (Любой ученый еврей легко поймет различие, заключающееся в двух словах *руах* и *Ўַיִל нефеш*).

Если жизненный принцип представляет собою что-то другое, а не астральный дух, и

никоим образом с ним не сообщается, то почему так получается, что интенсивность силы ясновидения так много зависит от телесной прострации, истощенности субъекта? Чем глубже транс, чем меньше признаков жизни проявляет тело, тем яснее становятся духовные восприятия и тем мощнее духовное видение. Душа, освобожденная от бремени телесных чувств, проявляет мощь деятельности в значительно большей степени интенсивности, чем она могла бы проявить в сильном здоровом теле. Бриер де Буазмон приводит повторные примеры этого факта. Органы зрения, обоняния, вкуса, осязания и слуха значительно обостряются у месмеризованного субъекта, лишенного возможности пользоваться ими телесно, по сравнению с бодрствующим нормальным состоянием.

Уже одних таких фактов, когда раз они уже доказаны, должно было быть достаточно, чтобы они послужили в качестве убедительной демонстрации продолжения личной жизни, по крайней мере, на некоторый период после того, как мы оставили тело или по причине его изношенности или вследствие несчастного случая. Но, хотя в течение своего краткого пребывания на земле наша душа может быть уподоблена свету под глухим колпаком, она все же светит более или менее ярко и притягивает к себе влияние родственных, сходных духов; и когда какая-либо мысль доброго или злого значения зарождается в нашем мозгу, она привлекает к себе *импульсы* такого же рода настолько же неотразимо, как магнит притягивает железные опилки. Это притягивание также пропорционально той интенсивности, с какою мысль-импульс отражается в эфире. И таким образом, становится понятно, как один человек может запечатлеть себя на своей эпохе с такою силою, что его влияние будет переноситься, благодаря постоянно обменивающимся токам энергии, между двумя мирами, видимым и невидимым, с века на век, пока не воздействует на большую часть человечества.

Трудно сказать, насколько авторы знаменитого труда «Невидимая вселенная» раздумывали в этом направлении, но что они не сказали *всего*, можно заключить из следующих слов:

«Считайте, как угодно, но не может быть сомнения, что свойства эфира суть свойства гораздо более высокого порядка, чем *свойства осязаемой материи*. А так как даже верховные жрецы науки все еще находят, что последняя далеко за *пределами* их постижения, за исключением многих, но крошечных и часто отдельных, изолированных частиц, то нам не к лицу продолжать наши размышления дальше. Для наших целей вполне достаточно знать по его поведению, что он способен на *значительно большее, чем кто-либо отваживался сказать*».

Одним из наиболее интересных открытий современности является способность, которая дает возможность некоему классу чувствительных лиц получать от любого объекта, который держат в руке или прижимают ко лбу, – впечатления о характере или внешности человека или предмета, с которым он до этого соприкасался. Таким образом, рукопись, картина, какая-нибудь одежда или драгоценности, – не имеет значения, насколько они древни – передают сенситиву яркое изображение писателя живописца или носителя, даже если бы они жили во времена Птолемея или Еноха. Даже больше – осколок древнего здания может вызвать его историю и даже сцены, разыгрывавшиеся вокруг него. Кусок руды может увести духовное зрение назад к тем временам, когда он находился в процессе становления. Эта способность названа ее открывателем, профессором Дж. Р. Бьюкананом из Луисвилля, Кентукки – *психометрия*. Мир в долгу перед ним за это весьма важное добавление к психологическим наукам. И ему, вероятно, когда скептицизм будет повергнут в прах накоплением фактов, потомство воздвигнет памятник. При опубликовании своего великого открытия профессор Бьюканан, описывая способность психометрии к воспроизведению человеческих характеров, говорит:

«Ментальные и физиологические воздействия, сообщенные писаниям человеком, кажутся нетленными, так как старейшие, исследованные мною образчики, давали свои впечатления с четкостью и силой, мало поврежденной временем. Старинные рукописи, требующие археолога, чтобы расшифровать странные начертания, были легко истолкованы психометрической силою... Свойство удерживать воздействия ума не ограничивается только писаниями. Рисунки, картины, – все, что входило в соприкосновение с человеком, на что затрачивались человеческая мысль и воля, может стать связанным с тою мыслью и жизнью так, чтобы воскрешать их в уме другого человека при соприкосновении»

В то раннее время профессор, вероятно, сам не сознавал значения своих пророческих слов, когда сказал:

«Это открытие в применении его к искусствам и к истории откроет источник интереснейших познаний» [182].

Существование этой способности сперва опытным путем было продемонстрировано в 1841 г. С тех пор оно было проверено тысячами психометров в различных частях света. Она доказывает, что каждое происшествие в природе – каким бы малым и незначительным оно ни было – оставляет неизгладимый отпечаток на физической природе; и так как при этом не происходит ни малейшего молекулярного нарушения, то единственным возможным выводом из этого является вывод, что эти изображения произведены тою невидимою вселенскою силою, которую мы называем эфиром или астральным светом.

В своей прекрасной книге «Душа вещей» [183] профессор геологии Дентон пускается в подробные рассуждения по этому поводу. Он приводит множество примеров психометрической способности, которой в значительной степени обладает госпожа Дентон. Обломок от дома Цицерона в Тускулануме дал ей возможность описать, без малейшего намека со стороны, что это за предмет, помещенный на ее лбу, не только окружение великого оратора, но также и предыдущего владельца этого здания Корнелиуса Суллу Феликса, или, как его обычно называют, – диктатора Суллу. Обломок мрамора от древней христианской церкви в Смирне вызвал у нее видение собрания и церковного служения священников. Образчики из Ниневии, Китая, Иерусалима, Греции, Арабата и других мест по всему миру вызвали перед ее взором сцены из жизни различных лиц, прах которых рассеялся тысячи лет тому назад. Во многих случаях профессор Дентон проверял показания своей жены по историческим материалам. Более того, кусочек скелета или обломок зуба какого-либо животного заставлял провидицу не только воспринимать эту тварь такою, какою она была при жизни, но даже заставлял ее на короткое время жить жизнью этой твари и испытывать ее ощущения. Перед проникающим устремленным исследованием психометра сокровеннейшие уголки природы раскрывают свои секреты; и события отдаленнейших эпох соревнуются в яркости с промелькнувшими впечатлениями вчерашнего дня.

В том же самом труде автор говорит:

«Ни один лист не шелохнется, ни одно насекомое не проползет, ни одна рябь не появится без того, чтобы не быть запечатленными тысячами верных писцов на безошибочных и неизгладимых скрижалях. Точно так же все это относится ко всем прошлым временам. От зари первого рассвета над нашей только что родившейся планетой, когда вокруг нее висели занавеси пара, и до настоящего мгновения природа

занималась фотографированием всего. Какова ее картинная галерея!»

Нам кажется верхом невозможного, что сцены, разыгравшиеся в древних Фивах или в каком-нибудь доисторическом храме, могли быть сфотографированы всего только на субстанции некоторых атомов. Изображения событий вчужданены в тот всенасыщающий универсальный навсегда сохраняющий посредник, которого философы называют «Мировой душой», а Дентон – «Душой вещей». Путем прикладывания фрагмента какой-либо субстанции к своему лбу психометр приобщает, ставит в соприкосновение свое *внутреннее* «Я» со внутренним «Я» предмета, который он держит. Теперь признано, что универсальный эфир насыщает все в природе, даже самое плотное. Также начинают признавать, что это сохраняет изображения всего, что он пронизывает. Когда психометр исследует свой образчик, он приходит в соприкосновение с током астрального света, соприкасающимся с этим образчиком, который удерживает картины всех событий, связанных с его историей. Эти картины, по словам Дентона, с быстротою света проносятся перед взором психометра сцена за сценой, и только величайшим напряжением воли психометру удастся удержать одну из них так долго, чтобы успеть описать.

Психометр есть ясновидящий, т. е. он видит внутренним зрением. Если его сила воли недостаточно сильна, если он не тренировался тщательно по этому именно виду ясновидения, если у него нет глубокого знания своих способностей этого зрения, – то его восприятия о местностях, лицах и событиях неизбежно будут очень спутанные. Но в случаях месмеризации, при которых раскрывается способность ясновидения, месмеризатор, чья воля держит месмеризуемого под своей властью, – может заставить последнего сконцентрировать свое внимание достаточно долго на данной картине, чтобы рассмотреть ее в мельчайших деталях. Кроме того, под руководством опытного месмеризатора ясновидящий превзойдет натурального психометра в том, что он увидит события будущего более отчетливо и более ясно, чем последний. А тем, кто попытаются нам возразить на том основании, что как же можно увидеть то, «чего еще нет», – мы зададим вопрос: почему нужно считать более невозможным увидеть то, что будет, чем оглянуться назад и увидеть то, что прошло и чего больше нет? По учению каббалистов, будущее существует в астральном свете в виде зародыша так же, как настоящее существовало в зародыше в прошлом. В то время как человек свободен в выборе, образ его действия и *неизбежность* процесса известны заранее; они предопределены не основываясь на фатализме или судьбе, но, просто, по принципу вселенской неизменной гармонии; это то же самое, как заранее известно, что когда извлекается из инструмента музыкальная нота – ее вибрации не изменятся и не могут превратиться в другую ноту. Кроме того, у вечности не может быть ни прошлого, ни будущего, но только настоящее, так же, как беспредельное пространство, в его строго буквальном смысле, не может иметь ни далеких, ни близких мест. Наши концепции, ограниченные узкой ареной нашего опыта, пытаются приспособиться если и не к концу, то, по крайней мере, к какому-то началу времени и пространства, но ни того, ни другого в действительности не существует, ибо в таком случае время не было бы вечным, и пространство – беспредельным. Прошлое существует не более, чем будущее, как мы уже сказали; выживают только наши воспоминания; а наши воспоминания суть только быстро мелькнувшие картины, которые мы схватываем в отражениях этого прошлого, отразившихся в токах астрального света; мы их схватываем так же, как психометр схватывает их в астральных эманациях предмета, который он держит.

Профессор Е. Хичкок, говоря о влиянии света на тела и об образовании картин на них светом, сказал:

«Кажется, что это фотографическое влияние присуще всей природе; также мы не в

состоянии сказать, где оно прекращается. Мы не знаем, но оно может отпечатать на окружающем нас мире наши черты, меняющиеся под воздействием различных страстей, и таким образом может наполнить природу дагерротипами всех наших деяний; может быть, что существуют также реактивы, посредством которых природа, более искусная, чем какой-либо фотограф может проявить и зафиксировать эти портреты настолько, что более *обостренные* чувства, нежели наши, в состоянии увидеть их наподобие больших полотен, развернутых над материальной вселенной. *Возможно*, также, что они никогда не блекнут, не исчезают с этих полотен, а становятся экспонатами великой картинной галереи вечности» [184].

Это «возможно» профессора Хичкока, благодаря демонстрации результатов психометрии, превратилось в победную достоверность. Те, кто понимают эти психологические способности ясновидения, исключают идею профессора Хичкока, что более обостренные чувства, чем наши обычные, нужны, чтобы увидеть эти картины на его предполагаемых космических полотнах, и будут утверждать, что он должен был отнестись к своим ограничениям только к внешним телесным чувствам. *Человеческий дух, будучи частью Божественного, бессмертного Духа, не различает ни прошлого, ни будущего, но все видит, как настоящее время.* Эти дагерротипы, о которых говорилось в вышеприведенной цитате, запечатлены на астральном свете, где, как мы уже перед этим говорили и – по герметическому учению, первая часть которого уже усвоена и продемонстрирована наукой, – содержат в себе отпечатки-записи всего, что было, есть и когда-либо будет.

В последнее время некоторые из наших ученых обратили особое внимание на предмет, до сих пор клеймившийся клеймом «суеверие». Они начали размышлять о гипотетических и невидимых мирах. Авторы «Невидимой вселенной» первыми осмелились пойти по этому пути, и уже у них нашелся последователь профессор Фиске, чьи спекуляции изложены в «Незримом мире». По-видимому, эти ученые прощупывают непрочную и ненадежную почву материализма и, чувствуя, что она колеблется под их ногами, подготавливаются к более или менее непочетному сложению оружия в случае поражения. Джевонс подкрепляет Бэбиджа, и оба твердо верят, что каждая мысль, смещая частицы мозга и приводя их в движение, рассеивает их по вселенной, и думают, что «каждая частица существующей материи должна быть реестром всего, что произошло» [185, т. ii, с. 455]. С другой стороны, доктор Томас Янг в своих лекциях по натуральной философии весьма положительно приглашает нас «свободно размышлять о возможности существования самостоятельных миров; некоторые из них существуют в различных местах, *иные проникают один в другого, невидимые и неизвестные*, в том же самом пространстве, и еще другие, для которых пространство, может быть, не является необходимым условием существования».

Если ученые, придерживаясь строго научной точки зрения, например, возможности переноса энергии в незримую вселенную и принципа преемственности, – пускаются в такие рассуждения, почему же тогда оккультистов и спиритуалистов лишать той же привилегии? Отпечатки нервных центров на полированном металле зарегистрированы и, по научным данным, могут сохраняться неограниченное время. И профессор Дрейпер иллюстрирует этот факт весьма поэтически.

«Тень», – говорит он, – «никогда не падает на стену без того, чтобы не оставить на ней неизгладимого следа – следа, который может быть сделан видимым путем применения надлежащих процессов... Портреты наших друзей, пейзажи могут быть скрытыми от глаза на чувствительной поверхности, но они готовы проявиться, как только к ним будет применен соответствующий проявитель. Призрак сокрыт на поверхности серебра или стекла до тех пор,

пока мы своей некроманией не заставим появиться в видимом мире. На стенах наших наиболее уединенных комнат, где, по-нашему мнению, исключена возможность вторжения наблюдающего взора, и где наше уединение никогда не может быть профанировано, – там существует следы всех наших деяний, тени всего, что нами совершено» [48, стр. 132, 133].

Если таким образом могут быть получены неизгладимые отпечатки на неорганической материи, и если ничто совершенно не теряется из существования вселенной, то почему поднялось такое научное вооруженное ополчение против авторов «Невидимой вселенной»? И на каком основании они могут отвергать гипотезу, что *«мысль, задуманная, чтобы воздействовать на другую вселенную одновременно с этой, может объяснить будущее состояние?»* [187, с. 159]

По нашему мнению, если психометрия является величайшим доказательством неуничтожимости материи, удерживающей навечно отпечатки внешнего мира, то обладание этой способностью нашим внутренним зрением является еще большим доказательством бессмертия человеческого индивидуального духа. Будучи способным увидеть события, происходившие сотни тысяч лет тому назад, почему он не сможет применить ту же способность к затерявшемуся в вечности будущему – в вечности, в которой не может быть ни прошедшего, ни будущего, но только одно беспредельное настоящее?

Несмотря на свои признания в глубоком невежестве по некоторым вопросам – признания, сделанные самими учеными, – они все еще отрицают существование этой таинственной духовной силы, находящейся по ту сторону возможностей обычных физических законов. Они все еще надеются применить к живым существам те же самые законы, которые они нашли приложимыми к мертвой материи. И открыв то, что каббалисты называют «грубыми составными» эфира – свет, тепло, электричество и движение, – обрадовались удаче и занялись подсчетом вибраций в спектральных цветах; и возгордившись своими достижениями, отказались заглядывать дальше. Несколько ученых более или менее поломали свои головы над его многообразной натурой и, не будучи в состоянии измерить его своими фотометрами, назвали его *«гипотетическим посредником большой эластичности и тонкости, предполагаемым, что он наполняет собою все пространство, не исключая и внутреннего пространства твердых тел»*. «Также предполагается, что он служит посредником в передаче света и тепла» (Словарь). Другие, которых мы назовем «блуждающими огоньками» в науке – ее псевдосыновьями, тоже исследовали его и даже потрудились рассматривать его через «мощные увеличительные стекла», как они нам говорят. Но не усмотрев ни духов, ни призраков в нем и равным образом потерпев неудачу в обнаружении в его предательских волнах хоть чего-нибудь научного, – обернулись и назвали всех верящих в бессмертие вообще, а спиритуалистов в особенности, «помешанными дураками» и «галлюцинаторами» [111]. И все это в скорбных тонах, как и подобает в неудачах.

Авторы «Невидимой вселенной» говорят:

«Деятельность той тайны, которую называют *Жизнью*, они вытеснили из объективной вселенной. Совершенная ими ошибка заключается в том, что они вообразили, что посредством этого процесса они совсем избавились от предмета, вызывающего столько споров, и что он исчезнет из вселенной совершенно. Но он не исчезает. Он исчезает только из того *малого кружка* света, который мы можем назвать *вселенной научного восприятия*. Назовите его троичной тайной: тайна материн, тайна жизни и тайна Бога, и эти три – *Одно*» [187, с. 84].

Основываясь на том, что «видимая вселенная несомненно должна в части превращающихся энергий и, вероятно, в материи иметь конец существования» и, «так как принцип бесконечного, непрерывного существования вселенной все же требует, чтобы она продолжала

существовать...» то здесь авторы этого замечательного труда находят, что они вынуждены верить, «что существует *нечто* за тем, что видимо [187, с. 89]... и что видимая система вселенной не есть вся вселенная, но только, может быть, очень малая часть ее». Кроме того, оглядываясь назад так же, как и вперед, к происхождению этой видимой вселенной, авторы настаивают, что «если видимая вселенная есть *все*, что существует, тогда первое ее внезапное появление является нарушением ее непрерывного существования и окончательным его опровержением» (§ 85). Поэтому, так как такое нарушение противоречит общепринятому закону непрерывного существования вселенной, то авторы приходят к следующему заключению:

«Не будет ли вполне естественным вообразить, что такого рода вселенная, считать которую *существующей у нас нет причин* и которая энергетическими связями связана с видимой вселенной – также способна к приятию энергий от нее?.. Не можем ли мы рассматривать эфир, или посредник, как мост^[151] между одним порядком вещей и другим, образующим что-то вроде цемента, благодаря которому разнородные вселенные связываются в одно целое? Короче говоря, то, что вообще называем эфиром, может не быть просто посредником, но посредником *плюс* тот незримый порядок вещей, так что когда движения из видимой вселенной передаются в эфир, часть их как по *мосту* передается в незримую вселенную, где она используется и откладывается в хранилища. Есть ли вообще надобность удерживать понятия моста? Не можем ли мы сразу сказать, что когда энергия переносится из материи в эфир, она переносится из видимого в невидимое?» [187, § 198].

В точности. И если бы наука сделала еще несколько шагов в этом направлении и занялась бы более серьезно этим «гипотетическим посредником», кто знает – не была бы тогда Тиндалевская бездна, отделяющая физический процесс мозга от *сознания*, перейдена с поразительной легкостью.

Уже в 1856 году человек, считающийся в свое время ученым, доктор Джобард в Париже имел те же самые идеи по поводу эфира, как и авторы «Невидимой вселенной», когда поразил прессу и мир науки, выступив со следующим заявлением:

«Я обладаю открытием, которое устрасает меня. Существуют электричества двух родов: одно, неразумное и слепое, производится посредством контакта металлов и кислот»; (грубым составным)... «другое же разумное и **ясновидящее!**.. Электричество раздваивалось в руках Гальвани, Нобилия и Маттеуша. Неразумная сила тока сопровождала Джекоба, Бонелли и Монкаля, тогда как разумное электричество следовало за Бойз-Робертом, Тейлором и шевалье Дюпланти. Электрический шар или глобулярное электричество содержит в себе мысль, которая не повиновалась Ньютону и Мариотту, а последовала своим причудам... В анналах Академии мы имеем тысячи доказательств **разумности электрической молнии**... Но я замечаю, что становлюсь неосторожным в выражениях. Еще немного, и в ваших руках *оказался бы ключ*, посредством которого можно бы подойти к открытию вселенского духа».^[152]

Вышеприведенное, будучи добавлено к замечательным признаниям науки и к тому, что мы только что приводили из «Невидимой вселенной», – придает еще больше блеска мудрости давно прошедших веков. В одной из предыдущих глав мы упоминали цитату в переводе Кори, из которой явствует, что один из *халдейских оракулов* выражает ту же самую идею об эфире и при том в словах необычно похожих словам авторов «Невидимой вселенной». Он утверждает, что все

сущее вышло из эфира и в эфир же вернется; что изображения всех вещей неизгладимо на нем запечатлены. Что это есть склад всех зародышей или останков всех видимых форм и даже идей. Выходит, что как будто все это сильно подкрепляет наше утверждение, что какие бы открытия наука ни сделала в наше время, – наши «простодушные предки» опережали ее на многие тысячелетия.

На той точке, до которой мы теперь дошли, позиция, занятая материалистами по отношению к психическим феноменам, определилась полностью, и она такова, что мы можем с полной уверенностью утверждать, что если бы ключ к тайне эфира лежал бы свободно на пороге «пропасти», то ни один из наших тиндалей не нагнулся бы, чтобы его поднять.

Какими робкими показались бы некоторым каббалистам эти экспериментальные попытки разрешить **великую тайну** вселенского эфира! Хотя то, над чем спекулируют рассудительные исследователи «Невидимой вселенной», так далеко опережает что-либо сказанное современными философами, – для учителей герметической философии было обычной наукой. Для них эфир не был просто мостом, соединяющим зримую и незримую стороны вселенной, но по пролетам этого моста они смелыми шагами прошли путь, который ведет к тем таинственным вратам, которых современные мыслители или не хотят или *не могут* открыть.

Чем глубже становятся исследования современных исследователей, тем чаще они лицом к лицу сталкиваются с открытиями древних. Как только Эли де Боумонт, великий французский геолог, отваживается на какой-либо намек на земную циркуляцию в связи с некоторыми элементами в земной коре, он находит, что его опередили философы древности. Спрашиваем ли мы у выдающихся технологов, каковы недавние открытия по вопросу образования рудных залежений. Мы слышим одного из них, профессора Стери Ханта, как он доказывает нам, что вода есть *всеобщий растворитель*, проповедуя таким образом доктрину, преподаваемую старым Фалесом более, чем дюжину веков тому назад – что вода есть начало всего. Мы прислушиваемся к тому профессору, с Боумонтом в качестве авторитета, как он излагает земную циркуляцию и химические, и физические феномены материального мира. В то время, как мы с удовольствием читаем, что он «не собирается признавать, что в физических и химических процессах заключается *вся тайна органической жизни*», мы отмечаем с еще большим восхищением следующее честное признание с его стороны:

«Все же во многих отношениях мы приближаем феномены органического мира к феноменам минерального царства; и в то же время мы узнаем, что они настолько интересуются и зависят друг от друга, что *мы начинаем постигать некую истину*, находящуюся в основании понятий философов древности, которые распространяли на минеральное царство понятие жизненной силы, что заставляло их говорить о Земле, как о большом *живом* организме, и смотреть на различные изменения ее воздуха, воду и в ее скалистых глубинах, как на процессы, относящиеся к жизни нашей планеты».

Все, что существует в этом мире, должно иметь свое начало. Но по части предубеждений у ученых дело зашло так далеко, что приходится удивляться, что даже и такую истину приходится относить к древней философии. Бедные честные первичные Элементы давно находятся в изгнании, и наши честолюбивые мужи науки бегут наперегонки – кто скорее добавит еще один элемент к только что оперяющемуся выводу свыше шестидесяти элементарных субстанций. Между ними в современной химии разгорается война по поводу терминологии. Нам отказывают в праве называть эти субстанции «химическими элементами», ибо они не являются «изначальными принципами или самосущими эссенциями, из которых была построена вселенная» [156, с. 113]. Такие идеи, ассоциирующиеся со словом *элемент*, годились для

«старой греческой философии», но современная наука отвергает их; ибо, как говорит профессор Кук, «это неудачные термины», и экспериментальной науке «нечего делать с какими-либо сущностями, за исключением только тех, которые можно видеть, нюхать и ощущать на вкус». Науке нужно то, что можно подставить глазу, носу или рту! Остальное она предоставляет метафизикам.

Поэтому, когда Ван Гельмонт говорит нам, что «хотя однородная часть элементарной (неразложимой) земли может быть искусственно превращена в воду», однако же он отрицает, «что это же самое может быть совершено одною только природою, ибо никакой агент природы не в состоянии преобразовать один элемент в другой», выдвигая соображение, что элемент всегда должен оставаться тем же, – мы должны верить ему, если и не совсем невежде, то, по крайней мере, непродвинувшемуся ученику «заплесневелой греческой философии». Живя и умирая в блаженном неведении о будущих шестидесяти трех *субстанциях*, что мог он или его старый учитель Парацельс достигнуть? Разумеется, ничего, кроме *метафизических* и сумасбродных спекуляций, облаченных в бессмысленный жаргон, общий всем средневековым и древним алхимикам. Тем не менее, при обмене мнениями, в самом последнем из всех трудов по современной химии мы обнаруживаем следующее:

«Изучение химии привело к открытию замечательного класса субстанций, ни из одной из них никаким химическим процессом никогда не было произведено какой-либо второй субстанции, которая весила бы меньше, нежели исходная субстанция... никаким химическим процессом нельзя получить из железа субстанции, меньшей по весу; чем тот металл, который употреблялся для его производства. Одним словом, из железа мы не можем *извлечь* ничего другого, кроме железа» [156, с. 110—111].

Кроме того, согласно профессору Куку получается, что «*семьдесят пять лет тому назад* люди не знали, что существует какая-либо разница» между элементарными и сложными субстанциями, ибо в старину алхимикам *никогда не приходило в голову*, «что *вес есть мера материала*, и что по этой мере никакой материал никогда не теряется; но наоборот, они воображали, что в таких экспериментах [156, с. 106], как эти, субстанции подвергаются *таинственному преображению*... Века, короче говоря, «были зря потрачены в напрасных попытках превратить низшие металлы в золото».

Является ли профессор Кук, такой выдающийся фигурой в современной химии, обладающий достаточным знанием, чтобы определить, что алхимики знали или не знали? Вполне ли он уверен, что он понимает алхимический жаргон? Мы не уверены. Но давайте сравним его взгляды, как они выражены выше, с некоторыми сентенциями, написанными на простом и ясном, хотя и старом английском языке из переводов Ван Гельмонта и Парацельса. Мы узнаем из их собственных признаний, что алкахест вызывает следующие изменения:

1. Алкахест никогда не разрушает *семенных свойств* тел, которые он растворяет: например, золото его действием превращается в соль золота; сурьма – в *соль сурьмы*, и т. д. с теми же семенными свойствами или признаками как у твердого оригинала.

2. Объект, подвергнутый его действию, превращается в свои три принципа: соль, серу и ртуть, а потом только в одну соль, которая тогда становится летучей и наконец целиком превращается в чистую воду.

3. Что бы он ни растворял, это может быть сделано летучим песочным нагреванием; и если после растворитель будет оттуда удален перегонкой, то растворенный материал останется в виде чистой пресной воды, но всегда в *количестве, равном исходному материалу*».

Далее Ван Гельмонт старший говорит об этой соли, что она растворяет наиболее

неподдающиеся тела в субстанции с теми же самыми семенными свойствами, «равными по весу растворенной материи»; и он добавляет – «Эта соль, будучи несколько раз восстановлена (у Парацельса – *sal circulatum*) теряет всю свою стойкость и наконец становится пресной водой, равной по количеству той соли, из которой она была сделана».^[153]

Возражения, которые профессор Кук мог бы сделать от имени современной науки против герметических выражений, равно приложимы египетскому иератическому письму – оно скрывает то, что предназначено было к скрытию. Если профессор захотел бы воспользоваться трудами прошлого, ему следует пригласить криптографа, а не сатирика. Парацельс, как и остальные, изошрялся в перестановке букв и в сокращении слов и фраз. Например, когда он писал *sutratu*, он подразумевал татар, и *mutrin* у него означало нитрум, и т. д. Не было конца мнимым объяснениям значения алкахеста. Некоторые вообразили, что это была соль с татарских соляных копей; другие – что это означало *algeist*, немецкое слово, которое означает дух всего или духовный. Парацельс обычно называл соль «центром воды, в котором металлы должны умирать». Из этого возникали самые абсурдные предложения, и некоторые лица, например Глаубер, учили, что алкахест есть дух соли. Требуется немало наглости, чтобы заявлять, что Парацельс и его коллеги не знали о природе элементарных и сложных субстанций; может быть, их тогда называли не теми именами, какими их называют теперь, но что они были им известны, доказывают достигнутые ими результаты. Какое значение имеет, каким именем Парацельс назвал газ, выделяемый, когда железо растворяется в серной кислоте, если он признан даже нашими общепризнанными авторитетами, как открыватель водорода?^[154] Заслуга его та же; и хотя Ван Гельмонт, может быть, скрыл под названием «семенные свойства» свое знание того факта, что элементарные субстанции обладают своими оригинальными свойствами, которые при вхождении в сложные составы только временно видоизменяются – никогда не уничтожаются – он тем не менее величайший химик своего времени и ровня нынешним ученым. Он утверждал, что *aurum potabile* можно получить с помощью алкахеста путем превращения всего золота в соль, удерживающую свои семенные свойства и способность растворяться в воде.

Когда химики узнают, что он подразумевал под *aurum potabile*, алкахестом, солью и семенными свойствами, что он в самом деле подразумевал, а не то, что он только говорит, что подразумевал, и не то, что другие думают, что он подразумевал, – только тогда, и не раньше, могут наши химики напустить на себя высокомерие по отношению к философам огня и к тем древним учителям, чьи мистические учения они почтительно изучали. Одно во всяком случае ясно. Взятый только в экзотерическом виде, этот язык Ван Гельмонта показывает, что ему знакома растворимость в воде металлических субстанций, что Стери Хантом положено в основание его теории о металлоносных отложениях. Нам хотелось бы посмотреть, какие только термины не изобрели бы современные ученые, чтобы наполовину раскрыть и наполовину скрыть их отважное заявление, что «единственный Бог человека – это серое вещество мозга», если в подвальном помещении Судебной Палаты или собора на Пятом Авеню будет комната пыток, куда судья или кардинал может отправить любого, кого захочет.

Профессор Стери Хант говорит в одной из своих лекций [189]:

«Понапрасну алхимики искали всеобщий растворитель; но теперь мы знаем, что вода в некоторых случаях, когда ей помогает нагревание, давление и присутствие некоторых широко распространенных субстанций, например, угольная кислота и щелочные карбонаты и сульфиды, – растворяет наиболее нерастворимые тела; так что в конце концов ее можно рассматривать, как давно разыскиваемый алкахест или всеобщий растворитель».

Это звучит почти как пересказ Ван Гельмонта или самого Парацельса. Они знали свойства воды, как растворителя, так же, как и современные химики и, более того – не скрывали этого факта, что показывает, что это был их всеобщий растворитель. Многие комментарии и критические статьи по поводу их трудов сохранились до сих пор, и едва ли можно найти книгу по этому предмету без того, чтобы не найти, по крайней мере, одно из их размышлений, из которых они и не думали делать секрета. Вот что мы находим в одном старом труде об алхимиках – сатиру, кроме того, – от 1820 года, написанную в начале нашего века, когда новые теории о химическом могуществе воды едва находились в зачаточном состоянии.

«Немного света можно пролить, если сказать, что Ван Гельмонт так же, как и Парацельс, *приняли воду за универсальный инструмент (агент?) химии* и натуральной философии; и приняли землю за неизменную основу всего; что огонь они признали причиной всего; что семенные отпечатки они вложили в механизм земли; что вода, с помощью огня, растворяет и приводит в брожение землю, заставляя все произрастать, откуда и возникли первоначально животное, растительное и минеральное царства» [190, 85].

Алхимики хорошо понимали эту универсальную мощь воды. В трудах Парацельса, Ван Гельмонта, Филалета, Пантатема, Тахениуса и даже Бойля «великие свойства алкахеста растворять и изменять все подлунные тела – *за исключением только воды*», ясно изложены. И возможно ли поверить, что Ван Гельмонт, чья репутация была безупречна и чья великая ученость была общепризнана, стал бы со всею торжественностью объявлять, что он владеет этим секретом, если бы это было пустым бахвальством!^[155]

В одной из недавно произнесенных речей в Нейшвилле, Теннесси, профессор Гёксли изложил определенное правило в отношении к достоверности человеческого свидетельства, как базиса в истории и науке, каковое правило мы с готовностью применим в данном случае.

«Невозможно», – говорит он, – «чтобы на нашу практическую жизнь более или менее не влияли те взгляды, которых мы придерживаемся по отношению исторического прошлого. Одно из них – *человеческое свидетельство* в его разнообразных видах: все показания очевидцев, традиционные свидетельства из уст тех, кто были очевидцами, и свидетельства тех, кто изложили свои впечатления письменно или в печати... Если вы читаете «Комментарии» Цезаря, то, где бы он ни дал отчет о своих битвах с галлами, вы уделяете его сообщениям известную долю доверия. Вы принимаете его свидетельство по этому предмету. *Вы чувствуете, что Цезарь не стал бы излагать этих сообщений, если бы он сам не верил в их правдивость*».

Мы не можем логически допустить, чтобы философское правило Гёксли применялось к Цезарю односторонне. Этот персонаж мог быть по своей природе правдивым и мог быть лжецом. А так как профессор Гёксли решил этот вопрос к собственному удовлетворению в пользу Цезаря, поскольку это касалось военной истории, то мы настаиваем, что Цезарь также является достоверным свидетелем по всему, что касается авгуров, предсказателей и психологических фактов. То же самое отношение должно быть и к Геродоту и к другим авторитетам древности: если они по своей природе не были правдивы, то им не следует верить и тогда, когда они повествуют о гражданских и военных делах. *Falsus in uno, falsus in omnibus.*^[156] И одинаково, если они заслуживают доверия в предметах физических, то они должны пользоваться таким же доверием в делах духовных; ибо профессор Гёксли говорит нам, что человеческая натура – такая она была в старину, такая же и теперь. Разумные и сознательные люди не лгут ради удовольствия смущения или возмущения потомства.

Так как вероятность фальсификации со стороны таких людей была определена так ясно

человеком науки, мы считаем, что у нас больше нет надобности обсуждать этот вопрос в связи с именами Ван Гельмонта и его блестящего, но несчастлившего учителя, столь оклеветанного Парацельса. Делёз, хотя и находивший в трудах первого много «мифических, иллюзорных идей» (вероятно потому, что он не мог понять их), тем не менее приписывает ему обширные знания, «острое суждение» и признает, что принес миру «великие истины».

«Он был первым», – добавляет он, – «кто назвал воздушные флюиды *газами*. Возможно, что без него сталь не дала бы нового импульса науке» [191, т. i, с. 45, и т. ii, с. 198].

Каким применением доктрины случайности мы могли бы открыть нечто подобное тому, что экспериментаторы, умеющие растворять и потом по-новому скомбинировать химические субстанции, что они, по общему признанию делали, – не знали природы элементарных субстанций и составляющих их энергий, а также растворителя или растворителей, которые могут дезинтегрировать, когда понадобится? Если бы они обладали репутацией только теоретиков, было бы другое дело, и наш аргумент потерял бы свою силу, но те открытия по химии, которые скрепя сердце, признаны за ними даже их злейшими врагами, – дают нам основание выражаться по этому поводу гораздо сильнее, чем мы в данном случае себе позволяем из-за боязни, что нас будут считать чересчур пристрастными. И так как настоящий труд, кроме того, обоснован на идее, что в человеке скрыта более высокая натура, что его нравственные и интеллектуальные способности должны быть судимы *психологически*, мы не колеблясь, снова подтверждаем, что раз Ван Гельмонт «со всею торжественностью» утверждал, что он обладает секретом алкахеста, то никакой современный критик не имеет права считать его ни лжецом, ни галлюцином до тех пор, пока не станет известно что-либо более определенное о природе этого якобы *универсального растворителя*.

«Факты – упрямая вещь», – говорит А. Р. Уоллес в своем предисловии к «Чудесам современного спиритуализма».^[157] Поэтому, так как факты должны быть нашими сильнейшими союзниками, мы их приведем в таком количестве, в каком древность и современность будет ими нас снабжать. Авторы «Невидимой вселенной» *научно* доказали возможность некоторых якобы психологических феноменов посредством вселенского эфира. Уоллес научно доказал, что весь каталог предложений, доказывающих обратное, включая туда софизмы Юма, несостоятелен, если к нему подойти со строгой логикой. Крукс дал миру скептиков свои собственные опыты, которые длились более трех лет, прежде чем он был побежден самыми неотрицаемыми доказательствами – собственными пятью чувствами. Целый список можно бы составить из имен ученых, которые письменно засвидетельствовали то же; и Камилл Фламарион, известный французский астроном и автор многих трудов, которые, по мнению скептиков, ставят его в ряд «заблуждающихся» наравне с Уоллесом, Круксом и Хэером – подтверждает наши слова нижеследующими строчками:

«Без колебания я подтверждаю мое убеждение, основанное на моих личных исследованиях по этому предмету, что любой ученый, который заявляет, что феномены, именуемые „магнетическими“, „сомнамбулистическими“, „медиумистическими“ и другими, пока что еще необъясненными наукой – невозможны, – такой ученый является человеком, который говорит о том, чего он не знает; и также любой человек, по роду своей деятельности, или как любитель, привыкший к научным наблюдениям – лишь бы его ум не был настроен пристрастно предвзятыми мнениями, и его ментальное зрение не было ослеплено тою противоположною иллюзией, к несчастью, настолько распространенною в мире ученых, и которая состоит в *воображении, что законы природы уже известны нам*, и что все, что кажется не укладывающимся в наши нынешние формулы, невозможно, –

такой человек может нуждаться лишь в установлении достоверности фактов, о которых шла речь».

В «Заметках по поводу исследования феноменов, называемых спиритуалистическими» мистера Крукса [192, с. 101] этот джентльмен цитирует сержанта Кокса, который, назвав эту неизвестную силу *психической*, объясняет ее так:

«Так как организм сам по себе движется, направляемый внутри своего строения некоей силой, которая или управляется или не управляется душой, духом или умом... что составляет индивидуальное существо, называемое нами „человеком“, то также разумно будет сделать вывод, что сила, которая служит причиной движений за пределами тела, *есть та самая сила, которая производит движение внутри пределов тела*. И, так как внешняя сила часто направляется разумом, то одинаково разумен будет вывод, что направляющий разум внешней силы есть тот самый разум, который направляет силу внутри».

Чтобы лучше понять эту теорию, мы также можем разделить ее четыре препозиции и доказать, что сержант Кокс верит:

1. Что сила, которая производит физические феномены, исходит из медиума (следовательно, в нем и порождается).

2. Что разум, направляющий силу на производство феномена, (а) *может* иногда принадлежать другому, не только медиуму; но об этом «доказательство» «недостаточное»; поэтому, (б) направляющим разумом, вероятно, является разум самого медиума. Это мистер Кокс называет «разумным заключением».

3. Он полагает, что сила, которая двигает стол, тождественна с силой,двигающей тело самого медиума.

4. Он рьяно оспаривает спиритуалистическую теорию или, вернее, утверждение, что «духи умерших являются *единственными* агентами в производстве *всех* феноменов».

Прежде чем по настоящему приступить к нашему анализу таких взглядов, мы должны напомнить читателю, что мы очутились между двумя крайностями, представляемыми двумя партиями – верующими и неверующими в посредство человеческих духов. Ни одна из них не кажется способной разобраться в сущности поднятого мистером Коксом вопроса, ибо в то время как спиритуалисты настолько всепожирающи, в своем легковерии, что каждый звук и движение в своем *кружке* приписывают *развоплощенным* человеческим существам, их противники догматически отрицают, что духи могут что-либо производить, так как нет никаких духов. Следовательно, ни одна из этих двух партий не в состоянии рассматривать вопрос беспристрастно.

Если они считают, что сила, которая «производит движение внутри тела» и сила, которая «производит движение вне пределов тела», происходят из *одной и той же сущности*, они могут быть правы. Но тут тождественность этих двух сил прекращается. Жизненный принцип, который оживляет тело мистера Кокса того же естества, как и жизненный принцип его медиума; тем не менее он не есть мистер Кокс так же, как Кокс не есть медиум.

Эта сила, которую мы в угодку мистеру Коксу и мистеру Круксу можем также называть *психической* или еще как-нибудь, проходит *через*, но не происходит из индивидуального медиума. В последнем случае эта сила должна бы генерироваться в медиуме, а мы готовы доказать, что этого не может быть ни в случаях левитации человеческих тел, передвижения мебели и других предметов без соприкосновения, ни в тех случаях, когда эта сила проявляет

разум. И медиумам и спиритуалистам хорошо известен факт, что чем более пассивен медиум, тем лучше получаются манифестации; а каждый из вышеупомянутых феноменов требует *сознательной* предпрещающей воли. В случаях левитации нам пришлось бы поверить, что эта самопорожденная сила в состоянии поднять инертную массу с земли, направлять ее по воздуху и спустить опять наземь, избегая препятствий, чем проявила бы разум, и все же действовала бы автоматически, так как медиум все время оставался *пассивным*. Если бы это было так, то медиум был бы сознательным магом, и всякое притворство, что он является пассивным инструментом в руках незримых разумов было бы ненужным. Также можно доказать, что количество пара, достаточное для наполнения парового котла, не взорвав его, поднимет паровой котел; или же, что лейденская банка, полная электричеством, преодолеет инерцию сосуда, и подобные этому абсурдности механики. Все аналогии указывают на то, что сила, которая действует в присутствии медиума на внешние объекты, исходит из источника, находящегося за самим медиумом. Скорее мы можем сравнить ее с водородом, который преодолевает инерцию воздушного шара. Газ под управлением разума накапливается в достаточном количестве в приемнике и преодолевает притяжение его объединенной массы. По тому же принципу эта сила передвигает предметы мебелировки и производит другие проявления. И хотя она идентична в своей сущности с астральной душой медиума, она не может быть только его душой, ибо последняя все это время остается в каком-то каталептическом оцепенении, когда медиумизм настоящий. Поэтому первый пункт мистера Кокса кажется неудачным; он обоснован на гипотезе, механически несостоятельной. Разумеется, наш аргумент опирается на левитацию, как на признанный факт. Теория о психической силе для того, чтобы быть совершенной, должна быть способна объяснить все «зримые движения... в плотных телах», а среди них находится и левитация.

Что касается второго пункта, мы отрицаем, что «доказательство недостаточное», чтобы доказать, что та сила, которая производит феномен, иногда бывает направляема другими умами, а не умом «психика». Наоборот, налицо такое обилие свидетельств о том, что ум медиума в большинстве случаев не имеет никакого отношения к феноменам, что мы не можем оставить смелого утверждения мистера Кокса без возражения.

Одинаково нелогичным мы считаем его третье положение, ибо если тело медиума не является генератором, а просто проводником силы, производящей феномен (вопрос, на который исследования мистера Кокса не проливают никакого света), тогда из этого не вытекает, что «душа, дух или ум» поднимает стулья или стучит при произношении букв алфавита.

Что касается четвертого положения, а именно, что «души умерших являются единственными агентами при производстве всех феноменов», то нам сейчас нет надобности вступать в спор, так как природа духов, производящих медиумистические феномены, будет нами во всех подробностях обсуждаться в других главах.

Философы, и особенно те, кто были посвящены в мистерии, верили, что астральная душа является неосязаемым дубликатом грубой внешней формы, которую мы называем телом. Она есть то, что кардесисты называют *около-духовной*, а спиритуалисты – *духовной формой*. Над этим внутренним дубликатом, освещая его, как теплый луч солнца освещает землю, оплодотворяя зародыш и вызывая к духовному оживлению спящие в нем свойства, витает божественный дух. Астральное около-духовное содержится и заключается в физическом теле, как эфир в бутылке или магнетизм в намагнитизированном железе. Оно есть центр и силовая машина, питаемое из энергических запасов вселенной и движимое теми же самыми общими законами, которые царствуют во всей природе и производят все космические феномены. Присущая ему деятельность является причиной беспрестанной физической деятельности животного организма, что, в конечном счете, приводит к разрушению последнего через

изнашивание и к собственному уходу. Оно есть пленник тела, а не добровольный жилец-арендатор. Оно испытывает такое мощное притяжение ко внешней вселенской силе, что после изнашивания своей оболочки убегает к ней. Чем сильнее, грубее, материальнее обволакивающее его тело, тем дольше срок его заключения. Некоторые лица рождаются с настолько особенной организацией организма, что та дверь, которая закрывает другим людям доступ к сообщению с астральным миром, легко может быть отомкнута и открыта, и их души могут заглянуть в него, или даже переходить в тот мир и снова возвращаться. Тех, кто сознательно и по собственной воле это проделывает, называют магами, иерофантами, провидцами, адептами; тех, кого заставляют это проделывать или месмеризаторы своим флюидом, или «духи» своим флюидом, – те являются «медиумами». Астральная душа, когда однажды барьеры перед ней раскрылись, настолько мощно притягивается в воздух и ее оболочку и держит взвешенными в воздухе до тех пор, пока тяготение материи снова не восстановит свое верховенство, и тело спустится опять на землю.

Каждое объективное проявление, будь это движение живого тела или движение какого-либо неорганического тела, требует двух условий: воли и силы – плюс *материя* или то, что делает таким образом движимый объект видимым нашему глазу; и все эти три являются обратимыми, превращаемыми энергиями или энерго-корреляциями ученых. В свою очередь, они направляются или, вернее, осеняются божественным разумом, чего ученые так упорно не принимают в расчет, но без чего даже ползание малейшего земного червя никогда не могло бы совершиться. Простейшее из всех наиболее обычных естественных феноменов, – шелест листьев, которые трепещут при нежном соприкосновении с ветерком – требует постоянного применения этих даров. Ученые вполне могут называть их космическими законами, нерушимыми и неизменными. За этими законами мы должны искать разумную причину, которая, создав и приведя эти законы в действие, влила в них сущность своего собственного сознания. Назовем ли мы эту первопричину вселенской Волей или Богом – она всегда должна быть разумной.

А теперь мы можем задать вопрос, как может воля в одно и то же время проявляться разумно и бессознательно? Трудно, если не невозможно представить деятельность ума отдельно от сознания. Под сознанием необязательно подразумевать физическое или телесное сознание. *Сознание есть качество чувствующего принципа или, другими словами, души; и последняя часто проявляет деятельность даже тогда, когда тело спит или парализовано.* Когда мы механически поднимаем руку, мы можем вообразить, что мы делаем это бессознательно, потому что наши поверхностные чувства не в состоянии осознать промежуток между сформулированием намерения и его исполнением. Хотя нам казалось, что наша воля была латентна, она бодрствовала, развила силу и привела нашу материю в движение. В природе наиболее тривиального медиумистического феномена нет ничего, что могло бы теорию мистера Кокса сделать правдоподобной, приемлемой. Если разум, проявленный этой силой, не является доказательством, что он принадлежит развоплощенному духу, то еще менее он может служить доказательством, что он был проявлен медиумом бессознательно. Мистер Крукс сам рассказывает нам о случаях, где этот разум не мог эманировать из кого-либо в комнате, как, например, в приведенном им примере, где слово «однако», прикрытое его пальцем и неизвестное даже ему самому, все же было правильно написано планшеткой [77, с. 96]. Никакое объяснение не разъяснит этого случая. Единственная пригодная гипотеза – если мы исключим вмешательство духов – объяснить тем, что были приведены в действие способности ясновидения. Но ученые отрицают существование ясновидения; и если для того, чтобы избежать неприятной альтернативы приписывания феномена духовному источнику, они признают факт ясновидения, то последнее обязывает их или принять каббалистическое объяснение о том, что такое есть эта способность, или же создать новую теорию, что до сих пор им не удавалось,

которая была бы применима к этим фактам.

Опять-таки – если из-за аргументации пришлось бы признать, что слово «однако» мистера Крукса могло быть прочитано, пользуясь ясновидением, то что же сказать о медиумистических сообщениях, имеющих пророческий характер? Разве какая-либо теория о медиумистических импульсах объясняет способность предсказывать события, которые находятся за пределами знания и говорящего о них и слушающего о них? Мистеру Коксу придется делать новую попытку.

Как мы уже говорили раньше, современная психическая сила и флюид древних оракулов, земной или звездный – идентичны в своей сущности – просто слепая сила. Таков же воздух. И в то время как в разговоре звуковые волны, производимые говорящими, оказывают воздействие на один и тот же воздух, это не наводит на какие-либо сомнения о том факте, что два человека разговаривают друг с другом. Будет ли сколько-нибудь разумнее сказать, что, когда общий посредник служит и медиуму, и «духу» для сообщений между собой, то тут обязательно должен проявляться только один разум? Так же, как воздух необходим для взаимного обмена слышимыми звуками, так же необходимы некоторые токи астрального света или эфира, направляемые каким-либо разумом, для производства феноменов, которые называются спиритуалистическими. Поместите двух собеседников в камеру, из которой выкачали воздух, и если они смогут там остаться живыми, произносимые ими слова останутся невысказанными мыслями, так как там не было бы воздуха, который мог бы вибрировать и, следовательно, никакая звуковая волна не могла бы достичь ушей собеседников. Поместите сильнейшего медиума в такую изолированную атмосферу, каковую может создать вокруг его мощный месмеризатор, знакомый со свойствами магического агента, и никакого проявления феноменальных способностей медиума не будет до тех пор, пока какой-либо противодействующий разум, более могущественный, чем сила воли месмеризатора, преодолеет последнего и оборвет астральную инерцию.

Древние знали, как отличить действие слепой силы, действующей самопроизвольно, и действие той же силы, когда она направлена разумом.

Плутарх, жрец Аполлона, говоря об оракулярных испарениях, которые представляли подземный газ, насыщенный опьяняющими магнетическими свойствами, раскрывает, что его природа двойственна, когда обращается к нему со следующими словами:

«И кто же ты? без Бога, кто создает тебя и доводит до созревания; без демона [духа], который, волю Божию выполняя, направляет и управляет тобою; ты ничего не можешь, ты – *ничто*, как «пустое дуновение» [193, кн. v].

Таким образом, без обитающей в ней души или разума «психическая сила» будет только «пустым дуновением».

Аристотель утверждает, что этот газ или астральные эманации, исходящие из внутренности Земли, являются *достаточной причиной*, действующей изнутри наружу для оживления всех живых существ и растений на внешней коре. В ответ скептическим отрицателям своего века Цицерон под влиянием справедливого гнева восклицает:

«И что еще может быть более божественно, чем испарения Земли, которые настолько влияют на человеческую душу, что она становится способной предсказывать будущее? И могла бы рука времени испарять такую силу? Или вы полагаете, что говорите об особом сорте вина или солонины?» [196, i, 3]

Претендуют ли современные экспериментаторы на то, что они умнее Цицерона и скажут, что эта извечная сила испарилась и источники пророчеств высохли?

Сказано, что все пророки старины – вдохновенные сенситивы – произносили свои пророчества при одних и тех же условиях: или при непосредственном наружном истечении астральной эманации, или под влиянием некоего влажного испарения, поднимающегося с земли. Это та астральная материя, которая служит временным одеянием душ, которые формируются в этом свете. Корнелий Агриппа высказывает те же взгляды по поводу природы этих призраков, описывая их, как весьма влажных: «*In spiriio turbido HUMIDOQUE*»^[158] [199, 355].

Пророчества даются двумя путями – сознательно магами, которые в состоянии заглянуть в астральный свет; и бессознательно теми, кто действуют под так называемым вдохновением. К последнему классу принадлежали и принадлежат библейские пророки и современные вещатели в трансе. С этим фактом Платон был настолько знаком, что о таких пророках он говорит следующими словами:

«Никто, пока он в своем уме, не достигнет правдивого пророчества и вдохновения... но только когда сошел с ума вследствие какого-либо душевного расстройства или одержания...» (демоном или духом) [32, 71e]. «Некоторые называют их пророками; они не знают, что они только *повторяют*... и совсем не должны называться пророками, а только *передающими* видения и пророчества», – добавляет он.

Продолжая свои доводы, мистер Кокс говорит:

«Наиболее ярые спиритуалисты практически признают существование психической силы под весьма не соответствующим названием магнетизма (с которым она не имеет никакого сродства), ибо они утверждают, что духи умерших людей могут совершать приписываемые им действия, только применяя магнетизм (то есть психическую силу) медиумов» [77, с. 101].

Здесь опять возникает недоразумение вследствие применения различных имен к тому, что может оказаться одним и тем же невесомым составом. Вследствие того, что электричество до восемнадцатого века не стало предметом науки, никто не осмелится сказать, что эта энергия не существовала со сотворения мира; кроме того, мы готовы доказать, что даже древние евреи были с ним знакомы. Но тот факт, что точной науке не пришлось до 1819-года натолкнуться на открытие, которое показало, какие тесные связи существуют между магнетизмом и электричеством, – вовсе не исключает возможности, что эти два агента идентичны. Если пруту железа можно придать магнетические свойства, пропуская электричество через какой-либо проводник, определенным образом помещенный в тесной близости с упомянутым прутком, – почему тогда не принять, в качестве временной, теорию, что медиум также может быть на сеансах только *проводником* и ничем более? Будет ли ненаучно сказать, что разум «психической силы», стягивающий токи электричества из волн эфира и пользующийся медиумом в качестве проводника, развивает и приводит в действие латентный магнетизм, которым насыщена атмосфера помещения сеанса с тем, чтобы произвести желаемые последствия? Слово *магнетизм* настолько же соответствует, насколько соответствует любое другое слово до тех пор, пока наука нам не даст нечто большее, чем просто гипотетического агента, наделенного предположительными свойствами.

«Расхождение между приверженцами психической силы и спиритуалистами заключается в следующем», – говорит сержант Кокс, – «что мы утверждаем, что пока что недостаточно еще доказательств о существовании какого-либо другого направляющего агента, нежели разум

медиума, и нет никаких доказательств о посредничестве «духов» умерших людей» [77, с. 101].

Мы полностью согласны с мистером Коксом по поводу того, что касается недостаточности или отсутствия доказательств, что действующими агентами являются духи умерших; что же касается остального, то это очень необычный вывод из «обилия фактов» по выражению мистера Крукса, который далее говорит:

«Просматривая свои записи, я нахожу... такое сверхобилие доказательств, настолько подавляющую массу свидетельств... что я мог заполнить несколько номеров «Квотерли» ...» [77, с. 83]

Далее идет перечисление следующих фактов «подавляющих свидетельств»:

1. Передвижение тяжелых предметов при наличии соприкосновения, но без механического усилия. 2. Феномены ударных и других звуков. 3. Изменение веса тел. 4. Передвижение тяжелых предметов, *находящихся на расстоянии от медиума*. 5. Поднятие с земли столов и стульев *безо всякого соприкосновения с каким-либо человеком*. 6. **Левитация живых существ**.^[159] 7. Появление «Светящихся призраков». Мистер Крукс говорит: «При самых строгих контрольных условиях я видел плотное светящееся тело по размерам и форме почти как индюшачье яйцо; оно бесшумно плыло по воздуху кругом комнаты одно время так высоко, что даже поднявшись на цыпочки, нельзя было дотянуться до него, а потом тихо спустилось на пол. Оно было видимо больше десяти минут и прежде чем растаять в воздухе оно три раза ударилось об стол, причем раздавался звук, как будто ударилось твердое тело» [77, с. 91]. (Нам остается прийти к заключению, что это яйцо было того же рода, что и метеорный кот Бабинэ, который классифицирован вместе с другими натуральными феноменами в трудах Араго). 8. Появление рук, или самосветящихся, или видимых при обычном свете. 9. «Непосредственное писание» этими самыми светящимися руками, отделенными и, по-видимому, наделенными райумом. (Психическая сила?). 10. «Образы и лица призраков». В этом случае психическая сила вышла «из угла комнаты» в виде «призрачного образа» и взяла в руки аккордеон, а затем скользила по комнате, наигрывая на инструменте; медиум Хоум в это время был полностью на виду у всех [77, с. 86—97].

Целиком все эти происшествия мистер Крукс наблюдал и проверял в своем собственном доме и, убедившись научно в подлинности этих феноменов, доложил об этом Королевскому Обществу. Приветствовали ли его, как открывателя новых естественных явления важного значения? Пусть читатель сам находит ответ на это в этой книге.

В добавок к этим проказам, сыгранным на человеческой доверчивости «психической силой», мистер Крукс приводит феномены другого класса, которые он называет «особыми случаями» и которые, *кажется (?)*, указывают на действие *внешнего разума* [77, с. 94].

«Я был у мисс Фокс», – говорит Крукс, – «когда она автоматически писала сообщение одному тут же присутствующему лицу, тогда как сообщение другому лицу по другому делу давалось алфавитно посредством «стуков», и все это время она сама свободно беседовала с третьим лицом о предмете, совершенно отличном от двух упомянутых... В течение одного сеанса с мистером Хоумом, маленькая планшетка с легкостью двинулась по столу ко мне и передала сообщение постукиванием по моей руке; я повторял алфавит, и планшетка постукивала при произнесении нужной буквы... Это происходило на некотором расстоянии от рук мистера Хоума». Эта же самая планшетка по просьбе мистера Крукса дала ему «телеграфное сообщение с помощью азбуки Морзе, постукивая по моей руке» (азбуки Морзе никто из присутствующих не знал, кроме самого Крукса, который владел ею несовершенно), «и», – добавляет мистер Крукс, – «это убедило меня, что на другом конце линии сидел, хорошо владеющий этой азбукою,

морзист, ГДЕ БЫ ОН НИ НАХОДИЛСЯ» [77, с. 95].

Будет ли это недостойно, если в данном случае посоветовать мистеру Коксу поискать этого морзиста в его частном владении – в мире Психики. Но та же самая планшетка совершила нечто большее и лучшее. При полном свете в комнате мистера Крукса ее просили сделать сообщение, —

«...на середине стола лежал карандаш и несколько листков бумаги; вскоре *карандаш приподнялся на своем острие* и, совершив несколько неуверенных рывков по направлению к бумаге, упал. Затем он поднялся опять и упал... После трех безуспешных попыток маленькая деревянная планшетка» (морзист) «которая лежала поблизости на столе, *скользнула по направлению карандаша и приподнялась* на несколько дюймов над столом; карандаш снова приподнялся и, *опираясь на планшетку*, попытался вместе с нею коснуться бумаги. Он упал, и после этого еще раз были совершены совместные усилия. После третьей попытки планшетка прекратила попытки и *двинулась обратно на свое место*; карандаш как упал на бумагу, так и остался лежать там, и набранное алфавитным способом сообщение рассказало нам: «Мы пытались сделать то, что вы просили, но *наша сила* исчерпана» [77, с. 94]. Слово *наша*, указывающее на разумные объединенные усилия дружественных планшетки и карандаша, заставляет нас думать, что тут принимали участие две психические силы».

Имеется ли во всем этом какое-либо доказательство, что тут действовал «разум медиума»? Наоборот, разве там все не указывает на то, что движения планшетки и карандаша направлялись духами «умерших» или, по крайней мере, духами каких-то других невидимых разумных существ? Конечно, в данном случае слово магнетизм так же мало применимо, как и слово *психическая сила*; хотя налицо больше оснований для того, чтобы применить первое, а не последнее, хотя бы по тому простому факту, что *трансцендентный* магнетизм или месмеризм производит феномены, идентичные с феноменами спиритуализма. Феномен *зачарованного* круга барона Дю Потэ и Регазони настолько же противоречит общепринятым законам физиологии, насколько поднятие стола без соприкосновения противоречит законам натуральной философии. Так же, как сильные люди часто находили, что они не в состоянии поднять маленький столик, весящий всего несколько фунтов, и изломали его в своих усилиях, так и дюжины экспериментаторов (среди них иногда находились академики) не были в состоянии перешагнуть линию, мелом проведенную на полу бароном Дю Потэ. В одном из таких случаев русский генерал, известный своим скептицизмом, настолько упорствовал, что упал наземь в сильных конвульсиях. В данном случае магнетический флюид, который оказывал такое сопротивление, был психической силой мистера Кокса, которая наделяет столы чрезвычайным и сверхъестественным весом. Если они производят те же самые психологические и физиологические эффекты, то это достаточная причина думать, что они более или менее идентичны. Мы не думаем, что этому выводу найдутся хорошо обоснованные возражения. Кроме того, если этот факт начнут отрицать, это еще не есть доказательство, что это в самом деле не так. Когда-то было время, что все академии наук христианского мира пришли к соглашению, что на Луне нет никаких гор; и было время, что на каждого человека, осмелившегося сказать, что в верхних слоях атмосферы так же, как в океанских глубинах существует жизнь, смотрели как на глупца и невежду.

«Когда Дьявол утверждает – это должна быть ложь», – любил повторять набожный аббат Алмигуана, когда обсуждали «одухотворенный стол». Наверняка мы скоро услышим, что эти слова будут перефразированы так: «раз ученые отрицают, тогда это должно быть правда».

«Ты великая первопричина, наименее понятая».

Александр Поп.

*«Откуда это томление, эта безрассудная страсть,
Эта жажда последующего бессмертия?
И откуда этот затаенный ужас и внутреннее содрогание
Перед падением в Ничто? Почему сжимается душа,
Оглядываясь на себя, в страхе перед разрушением?
Это – божественность, что оживает внутри нас;
Это – сами небеса, что в момент перехода в мир иной
Предвещают нам жизнь вечную.
О, ВЕЧНОСТЬ! – пугающая и влекущая!»*

Эддисон.

«Есть иной и лучший мир!»

Коцебу, «Чужестранец».

После того, как мы отвели столько места сталкивающимся мнениям наших ученых по поводу некоторых оккультных феноменов нашей современности, справедливость требует, чтобы мы также уделили внимание рассуждениям средневековых алхимиков и некоторых прославленных людей. Почти без исключения, ученые средневековья и древности верили в сокровенные учения мудрости. Последние заключали в себе алхимию, халдейско-еврейскую каббалу, эзотерические системы Пифагора, старую магию и учения платонических философов и теургов. Мы также намерены на последующих страницах обсудить индийских гимнософистов и халдейских астрологов. Мы не должны пренебрегать показом великих истин, лежащих в основе неправильно понятых религий прошлого. Четыре элемента наших отцов: земля, воздух, вода и огонь содержали в себе для изучающего алхимию и древнюю психологию или – как теперь называют – *магию*; многое, что даже не снилось нашей философии. Мы не должны забывать, что то, что теперь церковь называет *некромантией*, а современные верующие – *спиритуализмом*, который включает вызывание духов умерших людей, – все это есть наука, которая со времен отдаленнейшей древности общераспространена почти по всему земному шару.

Хотя Генри Мор из Кембриджского университета не был ни алхимиком, ни магом, ни астрологом, но был просто великим философом, пользующимся всеобщим уважением, – его можно назвать проницательным логическим мыслителем, ученым и метафизиком. Его вера в колдовство была непоколебима всю жизнь. Его вера в бессмертие и толковые аргументы при доказательствах, что человеческая душа переживает физическую смерть, обоснованы на философии пифагорейцев, воспринятой Карданом, Ван Гельмонтом и другими мистиками. Бесконечный и несотворенный дух, который мы обычно называем БОГОМ, субстанция наивысшего качества и превосходства, произвела все *эманативной причинностью*. Таким образом, БОГ есть первичная субстанция, остальное – вторично; если первая сотворила материю силою самодвижения, то она, первичная субстанция, все еще является причиной этого движения

так же, как и материи, и все же мы правильно говорим, что то, что движется, есть материя. «Мы можем определить этот дух, о котором мы говорим, как неуловимую субстанцию, которая может проникать, сжиматься и расширяться и может проникать, двигать и изменять материю» [200, i, 4], которая является третьей эманацией. Он твердо верил в привидения и решительно защищал теорию индивидуальности каждой души, в которой «личность, память и сознание несомненно будут существовать в будущем состоянии». Он различал в астральной душе после ее выхода из тела две различных сущности: «воздушного» и «эфирного» носителей». В течение того времени, пока развоплощенный человек живет в своем воздушном одеянии, он подчинен року, т. е. злу и соблазнам, будучи привязан к земным интересам, и поэтому он не совсем чист. Только тогда, когда он сбрасывает это одеяние первых сфер и становится эфирным – только тогда он убеждается в своем бессмертии. «Ибо какую же тень может отбрасывать то, что есть чистый, прозрачный свет, такой, как у эфирного носителя? И поэтому это становится истиной, когда душа возвышается до того состояния, которое мы уже описали, и которое, единственное, недостижимо для рока и смертности». Он заканчивает свой труд заявлением, что это трансцендентное и божественно-чистое состояние было единственной целью пифагорейцев.

Что касается скептиков его века, то он говорит о них презрительно и сурово. Говоря о Скоте, Эйди и Уэбстере, он называет их: «наши новые инспирированные святые... присяжные поверенные ведьм, которые безумно и нагло вопреки всякому смыслу и рассудку, вопреки свидетельству всей древности и всем толкователям, вопреки самому Священному Писанию не хотят признавать даже Самуила и делают из него заговорщика и мошенника! Верить ли Священному Писанию или же этим надутым фиглярам, набитым ничем другим, как невежеством, спесью и глупым неверием – об этом пусть каждый судит сам», – добавляет он. ^[160]

Какие выражения стал бы применять этот выдающийся богослов против скептиков девятнадцатого века?

Декарт, хотя и поклонник материи, был одним из наиболее преданных приверженцев доктрины магнетизма и, в известном смысле, даже алхимии. Его система физики была очень похожа на системы других великих философов. Пространство, которое бесконечно состоит из или, вернее, заполнено флюидической элементарной материей, и является единственным источником всей жизни, включая все небесные тела и держа их в постоянном движении. Магнитные токи Месмера у него замаскированы под названием декартовских вихрей, и оба обоснованы на том же самом принципе. Эннемозер без колебаний заявляет, что оба они имеют больше общего, «чем предполагают люди, которые не занимаются тщательным исследованием» [62, т. ii, с. 272].

Высокоцитимый профессор Пьер Пуарэ Наудэ был наиболее ярким защитником оккультного магнетизма и его первых провозвестников в 1679 г. [201]. Магическо-теософская философия в его трудах полностью оправдана.

Известный доктор Хуфеланд написал труд по магии, ^[161] в котором он выдвигает теорию об универсальной магнетической симпатии между людьми, животными, растениями и даже минералами. Утверждение Кампанеллы, Ван Гельмонта и Сервиуса подтверждается им в отношении симпатии, существующей между различными частями тела так же, как между частями всех органических и даже между неорганическими телами.

Таково также учение Тензеля Вирдига. Оно изложено в его трудах с большей ясностью, логикой и силой, чем у других авторов-мистиков, которые трактовали тот же предмет. В его знаменитом трактате «Новая духовная медицина» он доказывает, основываясь на впоследствии признанном факте всеобщего притягивания и отталкивания, теперь называемого «тяготением», – что вся природа одушевлена. Вирдиг называет эту магнетическую симпатию «согласием духов». Все притягивается к подобному себе и сходится с натурами родственными.

Из этой симпатии и антипатии возникает постоянное движение во всем мире и во всех его частях, возникает непрерывное общение между небом и землей, что создает всеобщую гармонию. Все живет и гибнет через магнетизм; одно действует на другое, даже на больших расстояниях, и на его «прирожденное» можно влиять к здоровью или к заболеванию силою этой симпатии в любое время, несмотря на разделяющее пространство [202].

«Хуфеланд», – говорит Эннемозер, – «рассказывает о носе, который был вырезан из спины грузчика, но который, когда грузчик умер, тоже умер и отвалился от своего искусственного места. На куске кожи, взятой с головы живого человека, волосы поседали в то же самое время, когда поседали волосы на той голове, с которой он был взят» [62].

Кеплер, предтеча Ньютона по многим великим истинам, даже по всемирному «тяготению», которое он очень правильно приписывал магнетическому притяжению, и, несмотря на то, что он называет астрологию «безумной дочерью мудрейшей матери» – астрономии, разделяет веру каббалистов, что духи звезд суть их «разумы». *Он твердо верит, что каждая звезда является обиталищем разумного принципа и что все они населены духовными существами, которые оказывают влияние на другие существа, обитающие в более грубых и материальных сферах, и особенно на нашу землю.* [162] Так же, как кеплеровские звездные духовные влияния были вытеснены вихрями более материалистического Декарта, чьи атеистические склонности не помешали ему поверить, что он открыл питание, которое продлит его жизнь до пятисот и более лет, так же вихри последнего и его астрономические доктрины уступят место разумным магнетическим токам, которые направляются от *Anima Mundi*.

Баптиста Порта, ученый итальянский философ, несмотря на свои усилия доказать миру необоснованность их обвинений магии, что она суеверие и колдовство, – был подвергнут более поздними критиками такому же несправедливому осуждению, как и его коллеги. Этот знаменитый алхимик оставил труд по «Естественной магии» [203], в котором он обосновывает все оккультные феномены, какие только возможны для человека, на мировой душе, которая связывает всех и вся. Он доказывает, что астральный свет в гармонии и симпатии со всею природою; что он есть та сущность, из которой образован наш дух; что путем деятельности, согласной с его породившим источником, наши звездные тела делаются способными производить магические чудеса. Весь секрет заключается в нашем знании родственных элементов. Он верил в философский камень, «о котором мир такого высокого мнения и о котором хвастались так много веков и который *был счастливо открыт некоторыми*». Наконец, он дает много ценных намеков, касающихся его «духовного значения». В 1643 г. среди мистиков появился монах, отец Кирхер, который излагал полную философию об универсальном магнетизме. Его многочисленные труды [204] охватывают темы, на которые Парацельс только намекал. Его определение магнетизма очень оригинально, так как оно противоречит теории Гильберта, что земля – большой магнит. Он утверждал, что, хотя каждая частица материи и даже неосязаемые и невидимые «силы» – магнетичны, они все же не сами образуют магнит. *Существует только один магнит во вселенной, и из него исходит магнетизация всего сущего.* Этот магнит, разумеется, есть то, что каббалисты называют центральным Духовным Солнцем или Богом. Он утверждал, что солнце, луна, планеты и звезды весьма магнитны, но они стали такими посредством индукции, пребывая в универсальном магнетическом флюиде – в Духовном свете. Он доказывает существование таинственной симпатии, существующей между телами трех главных царств природы и подкрепляет свои аргументы огромным перечнем примеров. Многие из них уже удостоверены натуралистами, но еще больше осталось не установленных и, по традиционной политике и очень двусмысленной логике наших ученых, отрицаются. Например, он доказывает разницу между минеральным магнетизмом и зоомагнетизмом или животным магнетизмом. Он наглядно доказывает это в том факте, что за исключением природного

магнита все минералы магнетизируются высшею силою, животным магнетизмом, тогда как последний получает его в виде непосредственной эманации из первопричины – Творца. Иголлка может быть намагнетизирована просто тем, что человек с сильною волею будет держать ее в руках; и янтарь усиливается больше при трении об человеческую руку, нежели при трении его об какой-либо другой предмет; поэтому человек может наделить до некоторой степени своею жизнью неорганические предметы – как бы оживить их. «В глазах глупцов это будет колдовством».

«Солнце – самое магнетическое из всех тел», – говорит он, опережая таким образом теорию генерала Плезантона более, чем на два века. – «Древние философы никогда не отрицали того факта», – добавляет он, – «но во все времена понимали, что эманации солнца связывали с ним все, и что это наделяет связывающей силой все, что попадает непосредственно под его лучами».

В качестве доказательства он приводит примеры ряда растений, привлекаемых солнцем, и других, привлекаемых к луне – следуя за их небесным путем, они показывают непреодолимую симпатию к нему. Растение, известное под названием *gutumal* [204, lib. iii, с. 643] неуклонно следует за своим повелителем, даже когда из-за тумана его не видно. Акация раскрывает свои лепестки с его восходом и закрывает с заходом. То же делает египетский лотос и обычный подсолнух. Паслен проявляет то же самое пристрастие по отношению к луне.

В качестве примеров антипатий и симпатий среди растений он указывает на отвращение, которое виноградная лоза проявляет к капусте, и ее расположение к масличному дереву; на любовь лютика к водяной лилии и руты душистой к фиге. Антипатия, которая иногда существует даже среди родственных субстанций, ясно выявлена у мексиканского граната, чьи побеги, когда разрезаны на куски, отталкивают друг друга «с чрезвычайным ожесточением».

Кирхер объясняет каждое чувство в человеческой природе, как результат изменений в нашем магнетическом состоянии. Гнев, ревность, дружба, любовь и ненависть – все это видоизменения магнетической атмосферы, которая вырабатывается в нас и постоянно из нас эманурует. Любовь – одно из наиболее изменчивых чувств и поэтому грани ее бесчисленны. Духовная любовь, любовь матери к ребенку, любовь художника к своему искусству, любовь как чистая дружба суть чисто магнетического проявления симпатии у близких по духу натур. *Магнетизм чистой любви есть создатель всего сотворенного.* В обычном смысле любовь между двумя полами есть электричество, и он называет ее *amor febris species* – нервное возбуждение вида. Существует магнетическое притяжение двух родов: симпатия и зачарование; первая свята и естественна; второе – зло и противоестественно. Последнее, зачарование, мы должны приписать ядовитой жабе, которая после простого открытия рта принуждает проползающего червя или насекомого устремляться в этот рот на свою погибель. Олень так же, как и меньшие животные, привлекается дыханием удава и принуждается неотразимою силою приблизиться на нужное для охвата расстояние. Электрическая рыба торпедо отталкивает руку с такою силою, что рука на некоторое время немеет. Чтобы пользоваться такою силою для благих целей, человеку требуются три условия: 1) благородство души; 2) сильная воля и способность воображения; 3) более слабый объект, чем магнетизер; иначе он не поддастся. Человек, свободный от мирских побуждений и чувственности может таким образом вылечивать наиболее «неизлечимые» болезни, и зрение его может стать ясновидящем и пророческим.

Любопытный пример вышеупомянутого всеобщего притяжения между всеми телами планетной системы и всем органическим так же, как и неорганическим, принадлежащим им, можно найти в странном старом томе семнадцатого века. В нем содержатся путевые заметки и официальный доклад королю Франции от его посла Лоубэ о том, что он видел в королевстве Сиам.

«В Сиаме», – говорит он, – «имеются два вида пресноводных рыб, которые называются *пал-оут* и *пла-кади*. Будучи посланы и помещены в неразрезанном (цельном) виде в котел, они в точности следуют морскому приливу и отливу, поднимаясь выше и опускаясь ниже в котле в соответствии с приливом и отливом».^[163]

Лоубэ экспериментировал с этими рыбами долгое время вместе с правительственным инженером по имени Винсент, и поэтому ручается за справедливость этого утверждения, на которое сначала смотрели, как на праздные басни. Это таинственное притяжение настолько мощно, что оно действует на рыб даже тогда, когда их тела совсем сгнили и распадаются на куски.

В странах, не подвергшихся цивилизации – вот, где особенно следует искать объяснения и наблюдать проявления той тонкой энергии, которую философы древности называли «мировой душой». Только на Востоке и в бескрайних землях Африки исследователь психологии найдет обильную пищу для своей жаждущей истины души. И причина этому очевидна. Атмосфера в населенных местах очень испорчена дымом и испарениями фабрик, паровых машин, железных дорог и пароходов, в особенности миазматическими испарениями живых и мертвых. Природа в своих проявлениях настолько же зависима от условий, насколько человеческое существо от них зависит, и ее могучее дыхание, так сказать, легко может быть нарушено, задержано, и корреляция ее сил может быть разрушена на данном месте, как будто бы она – человек. Не только климат, но также оккультные ежедневно ощущаемые влияния не только видоизменяют психофизическую природу человека, но даже в какой-то степени вносят изменения в конституцию так называемой неорганической материи, причем эту степень европейская наука недостаточно себе представляет. Так в лондонском «*Медицинском и хирургическом журнале*» дается совет хирургам не возить с собою ланцетов в Калькутту, так как на личном опыте установлено, «что английская сталь не выносит индийской атмосферы»; по той же причине связка английских или американских ключей совершенно покрывается ржавчиной после двадцати четырех часового пребывания в Египте, тогда как предметы из местного железа не окисляются. Также было обнаружено, что сибирский шаман, давший неоспоримые доказательства своего оккультного могущества среди своих земляков чукчей, постепенно и часто совсем терял свою силу после прибытия в туманный Лондон. Разве внутренний организм человека менее чувствителен к климатическим влияниям, чем кусок стали? И если нет, то почему мы должны с сомнением относиться к свидетельствам путешественников, которые, может быть, день за днем наблюдали, как шаман творил наиболее удивительные феномены в своей родной стране, и отрицать возможность существования таких сил лишь потому, что он не может совершать того же в Лондоне или в Париже? В своей лекции об «*Утерянных искусствах*» Венделл Филлипс доказывает, что кроме того, что на человеческую психологию влияет климат, у восточных народов физические чувства гораздо больше обострены, чем у европейцев. Французские красильщики, которых никто не может превзойти в искусстве, по его словам, «имеют теорию, что существует некий очень нежный оттенок синего, которого европейцы *не видят*... А в Кашмире, где девушки делают шали стоимостью 30000 долларов, они показывали лионскому красильщику триста самостоятельных, отличающихся друг от друга цветов, которые он не только не может воспроизвести, но даже не может *различить*». Если существует такое большое различие в остроте внешних чувств у двух рас, почему не может быть того же самого и в отношении психических способностей? Кроме того, глаза кашмирской девушки в состоянии видеть *объективно* цвет, который в самом деле существует, но, оставаясь для европейца неуловимым, он для него не существует. Почему же тогда не признать, что некоторые своеобразные организмы, которых считают обладателями так называемого *второго зрения*, видят картины так же объективно, как девушки видят цвета, и поэтому эти картины, вместо

того, чтобы быть галлюцинациями, вызванными воображением, являются, наоборот, отражениями реально существующих предметов и лиц, запечатленных на астральном эфире, как это трактуется древней философией «Халдейских оракулов», и к чему пришли современные исследователи: Бэбедж, Джевонс и авторы «Невидимой вселенной»?

«Три духа живут и побуждают человека к действию», – учит Парацельс; – «три мира изливают свои лучи на него; но все три только как образ и отзвук одного и того же всестроющего и объединяющего принципа производства. Первый – это дух элементов (земное тело и жизненная сила в ее грубом состоянии); второй – это звездный дух (сидерическое или астральное тело – душа); третий – это божественный дух (*Augoeides*)».

Так как наше человеческое тело обладает «первобытной земной материей», как называет ее Парацельс, мы легко можем разделить тенденцию современных научных исследований «рассматривать процессы и животной, и растительной жизни как просто физические и химические». Эта теория еще больше подтверждает утверждение философов древности и библейского Моисея, что наши тела сотворены из праха и должны возвратиться в прах. Но мы должны помнить, что

«Из праха ты создан, в прах вновь обратишься», —
Не сказано это о вечной душе».

Человек – это маленький мир, – микрокосм внутри великой Вселенной. Подобно утробному плоду, он поддерживается подвешенным всеми своими *тремя* духами в утробе макрокосмоса; и в то время, как его земное тело находится в постоянной симпатической связи со своим породителем землей, его астральная душа живет в согласии со звездной *Anima Mundi*. Она в нем так же, как он в ней, ибо насыщающий всю вселенную элемент заполняет все пространство и сам есть пространство, только безбрежное и бесконечное. Что касается его третьего духа, духа божественного, то чем же он может быть, как не бесконечно малый луч, одного из бесчисленных излучений, исходящих непосредственно из Высочайшей Причины – Духовного Света Мира? Это троица органической и неорганической природы – духовной и физической, три в одном, о чем Прокл говорит, что

«Первая монада есть Вечный Бог; вторая есть вечность; третья – образец или модель вселенной»;

эти трое представляют Познаваемую Триаду. Все, существующее в этой видимой вселенной, есть изливание из этой Триады и само есть микрокосмическая триада. И так они движутся в величественной процессии в полях вечности вокруг духовного солнца подобно тому, как в гелиоцентрической системе небесные тела движутся вокруг видимых солнц. Пифагорейская монада, которая живет «в уединении и мраке», может навсегда остаться незримой на этой земле – незримой, неосязаемой и необнаруженной для экспериментальной науки. И все же целая вселенная тяготеет к ней вокруг нее, как она делала с «начала времени», и с каждой секундой человек и атом приближаются все ближе к тому торжественному моменту в вечности, когда Незримое Присутствие ясно откроется их духовному зрению. Когда каждая частица материи, даже наиболее возвышенной, будет сброшена с последней формы, которая образовала конечное звено цепи двойной эволюции, которая в течение миллионов веков последовательных превращений толкала сущность вперед; и когда эта частица очутится опять снова переодетой в свою изначальную личину, тождественную со своим Творцом, тогда этот когда-то неосязаемый

органический атом окажется завершившим свой бег, и сыны Божии еще раз «воскликнут от радости» своего возвращения из пилигримства.

«Человек», – говорит Ван Гельмонт, – «есть зеркало вселенной, и его тройная природа состоит в родстве со всем».

Воля Творца, посредством которой было создано все, и все получило свой первый импульс, является свойством всех живых существ. Человек, наделенный дополнительной духовностью, владеет самой большей ее долей на этой планете. И от пропорции материи в нем зависит, будет ли он с большим или с меньшим успехом пользоваться своим магическим свойством. Разделяя это божественное могущество наряду с каждым неорганическим атомом, он проявляет его в течение целой своей жизни или сознательно или по-другому. В первом случае, когда он полностью владеет своими силами, он будет господином, и *magnale magnum* (мировая душа) будет управляться и направляться им. В случаях же, когда дело идет о животных, растениях, минералах и даже о среднем человечестве, этот эфирный флюид, который насыщает все, не встречая сопротивления и будучи предоставленным самому себе, двигает ими, как его импульсы велят. Каждая сотворенная сущность в этой подлунной сфере образована из *magnale magnum*, и связана с ней. Человек обладает двойною небесною мощью и тесно связан с небесами. Эта мощь находится

«не только во внешнем человеке, но до некоторой степени также в животных и, возможно, во всем другом, так как все во вселенной находится в родстве одно с другим; или, по меньшей мере. Бог во всем, как это правильно заключили древние. Необходимо, чтобы эта магическая сила была разбужена как во внешнем так и внутреннем человеке... И если мы назовем эту силу магической, то это только приведет в ужас непосвященного. Но, если вы предпочитаете, вы можете назвать ее духовной силой – *spinituale robur vocitaveris*. Следовательно, такая магическая сила существует во внутреннем человеке. Но, так как существует определенное родство между внутренним и внешним человеком, то эта сила может быть рассеяна по всему человеку» [206, с. 720 и далее].

В обширном описании религиозных обрядов, монастырской жизни и «суеверий» сиамцев Лоубэ между прочим упоминает об удивительных духовных силах, которыми обладают *талапоины* (монахи или буддийские святые люди) по отношению к диким животным.

«Талапоины Сиама», – говорит он, – «проводят целые недели в густых лесах под маленьким навесом из ветвей и пальмовых листьев и никогда не разводят костра на ночь, чтобы отпугивать диких зверей, как делают все другие люди, путешествующие по этой стране».

То, что ни один талапоин никогда не был съеден дикими зверями, люди считают чудом. Тигры, слоны и носороги, которых там полно, уважают талапоинов. Засевшие в безопасных засадах путешественники часто видели, как эти звери лижут руки и ноги спящего талапоина.

«Они все пользуются магией», – прибавляет французский джентльмен, – «и считают всю природу одушевленной (имеющей душу); они верят в гениев-хранителей» [205, с. 115].

Но что наиболее потрясает автора – это доминирующая среди сиамцев идея, «что каким был человек в своей телесной жизни, таким он будет и после смерти».

«Когда татары, которые сейчас царствуют в Китае», – говорит Лоубэ, – «заставляли китайцев сбривать волосы на голове, как принято у татар, некоторые из китайцев предпочли лучше смерть, нежели появляться на том свете перед своими предками без волос, так как в их представлении, брея голову, они бреют и душу!» [205, с. 120] «И что уже совсем неуместно», – добавляет посол, – «в этом абсурдном мнении, то это то, что жители Востока приписывают

человеческую, а не какую-либо другую форму душе».

Не внося никаких пояснений читателю, какую же, именно, форму жители Востока должны были избрать для своих душ, Лоубэ продолжает изливать свой гнев на этих «дикарей». Наконец он нападает на старого короля Сиама, отца того короля, к которому он был послан, обвиняя его в глупой растрате двух миллионов ливров на поиски философского камня.

«Китайцы», – говорит он, – «которые слынут такими мудрыми, все же настолько глупы, что уже три или четыре сотни лет верят в существование универсального средства, посредством которого они надеются избавиться от необходимости умереть. Они ищут это средство и обосновывают свою веру на некоторых глупых преданиях о *редких* лицах, якобы делавших золото и живших несколько веков; среди китайцев, сиамцев и других восточных жителей существуют твердо установленные факты, касающиеся людей, которые знают, как стать бессмертными или абсолютно или же так, что они не могут умереть иначе, как только насильственной смертью [205, с. 63]. Они называют имена нескольких людей, которые по этой причине удалились от людей, чтобы вести свободную мирную жизнь. Они рассказывают чудеса, касающиеся знаний этих якобы бессмертных».

Если Декарт, француз и ученый, мог среди цивилизации твердо верить что такое универсальное средство найдено и что, если бы он им обладал, то мог бы жить, по меньшей мере, пятьсот лет, – то почему жители Востока не вправе верить в то же самое? Главные проблемы и жизни, и смерти не решены еще западными физиологами. Даже сон является феноменом, причина которого вызывает среди них большие расхождения. Как же они тогда могут претендовать на то, чтобы установить границы возможного и невозможного?

Со времен отдаленнейших веков философы утверждали особую власть музыки над некоторыми болезнями, в особенности над болезнями класса нервных. Кирхер рекомендует этот способ: благоприятное его воздействие он испытал на себе и дает подробное описание инструмента, которым он пользовался. Это была гармоника, состоящая из пяти бокалов (без ножки) из очень тонкого стекла, поставленных в ряд. В двух из них было налито две разновидности вина; в третьем – бренди; в четвертом – масло; в пятом – вода. Он извлекал из них пять мелодичных звуков обычным способом – простым трением пальцев по краям бокалов. Этот звук имеет притягивающее свойство; он извлекает болезнь, которая струится навстречу музыкальной волне, и они обе, слившись вместе, исчезают в пространстве. Асклепий пользовался музыкой для той же самой цели около двадцати веков тому назад. Чтобы вылечить от ишиаса, он трубил в трубу, и так как длительный звук заставлял нервные волокна трепетать, боль неизменно утихала. Демокрит подобным же образом утверждал, что многие болезни могут быть излечены мелодичными звуками флейты. Месмер в своем магнетическом лечении пользовался тою же гармоникой, которую описал Кирхер. Знаменитый шотландец Максвелл предлагал различным медицинским факультетам, что он докажет, что с помощью имеющихся в его распоряжении магнетических средств он вылечит от любой болезни, от которой врачи отказались, считая пациента неизлечимым, в том числе от эпилепсии, импотенции, умственного помешательства, парализованности, водянки и наиболее упорных лихорадок.

В этой связи каждому должно прийти на ум библейское повествование об изгнании злого духа, которым был одержим Саул. Это место в Библии звучит так:

«От Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа ... Давид, взяв гусли, играл, – и *отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него*». [1 Самуил, XVI, 14, 23].

Максвелл в своей «*Магнетической медицине*» излагает следующие положения, которые

представляют те же положения алхимиков и каббалистов.

«То, что люди называют мировой душой, есть жизнь, настолько огненная, духовная, быстрая, светлая и эфирная, как сам свет. Это есть дух жизни, везде и везде тот же самый. Всякая материя лишена способности действия, если она не одушевлена этим духом. Этот дух поддерживает все вещи в их своеобразном состоянии. Его находят в природе свободным от всех пут; и тот, кто знает, как соединить его с гармонизирующим телом, тот обладает сокровищем, превосходящим всякое богатство».

«Этот дух есть общая связь всех стран света, проникает и находится во всем – *adest in mundo quid commune omnibus mextis, in quo ipsa permanent*».

«Тот, кто знает этот универсальный дух жизни и его применение, может предотвратить всякий вред» [207, 22, «Афоризмы»].

«Если ты можешь пользоваться этим духом и можешь направить его на какое-либо одно тело, то ты совершишь магическое действие».

«Тот, кто знает, как посредством этого универсального духа можно воздействовать на людей, тот может исцелять, и притом на каком ему угодно расстоянии» [207, 69].

«Кто может укреплять индивидуальный дух с помощью универсального духа, *тот мог бы продолжать свою жизнь вечно*» [207, 70].

«Существует слияние духов или их эманаций вместе, даже когда они далеко отделены друг от друга. И что такое это слияние вместе? Это есть вечное и непрестанное изливание лучей одного тела в другое».

«Пока что», – говорит Максвелл, – «не безопасно об этом говорить. Многие отвратительные злоупотребления могут иметь место».

А теперь давайте разберемся, каковы эти злоупотребления месмерическими и магнетическими силами у некоторых медиумов-целителей.

Исцеление, чтобы в самом деле быть таковым, требует или веры от пациента или крепкого здоровья, объединенного с сильной волею, со стороны оператора. *При наличии надежды и упования, дополненного верой, можно вылечить самому почти от любой болезни.* Гробница святого; священная реликвия; талисман; лоскут бумаги или одеяния, переданный предполагаемым целителем; патентованное средство, рекламируемое от всех болезней; епитимья или обряд; накладывание рук или несколько внушительно произнесенных слов – любое из них поможет. Самоизлечение – это вопрос темперамента, воображения. В тысячах случаев доктору, священнику или реликвии приписывается честь того излечения, которое было совершено единственно и исключительно неосознанное волею пациента. Женщине с кровоизлияниями, протиснувшейся через толпу, чтобы прикоснуться к одеянию Иисуса, было сказано, что ее «вера» сделала ее здоровой.

Влияние сознания на тело настолько мощно, что оно творило чудеса во все века.

«Сколько неожиданных, внезапных, изумительных исцелений было произведено воображением», – говорит Салверт – «Наши медицинские книги заполнены фактами такого рода, что они легко прослынут чудесами» [123].

Но, а если пациент не верит, что тогда? Если он физически негативен и восприимчив, а

целитель сильный, здоровый, положительный и решительный, то болезнь может быть удалена властной волею оператора, который, сознательно или бессознательно, привлекает к себе и подкрепляет себя универсальным духом природы и восстанавливает нарушенное равновесие ауры пациента. Он может применять в качестве пособия распятие, как делал Гесснер; или возлагать руки и «хотеть», как француз Зуав Джекоб и наш прославленный американец Ньютон, исцеливший многие тысячи страдальцев, и многие другие; или же подобно Иисусу и некоторым апостолам, он может исцелять словами приказания. Во всех этих случаях процесс один и тот же.

Во всех этих случаях исцеление радикальное и действительное безо всяких вторичных явлений. Но если человек, который сам физически нездоровый, попытается исцелять других, то это не только не удастся ему, но часто наделит своею болезнью пациента и лишит его даже той силы, какою он обладает. Дряхлый царь Давид восстанавливал свою увядшую жизнеспособность здоровым магнетизмом юной Ависаги [1 Царей, I, 1-4, 15]; и медицинские труды повествуют нам об одной состарившейся леди из Бата, в Англии, которая таким же образом разрушала организм у двух служанок последовательно. Мудрецы древности, а также и Парацельс, удаляли болезнь прикладыванием здорового организма к заболевшей части тела, и в трудах упомянутого философа огня их теория изложена смело и категорично. Если нездоровая личность, будь то медиум или нет, займется целением, то его силы может оказаться достаточно, чтобы потревожить болезнь в ее нынешнем месте и заставить переместиться в другое место, где она снова проявится, а пациент тем временем будет думать, что он исцелен.

Ну, а что будет, если целитель морально нездоровый? Последствия могут быть безмерно хуже; ибо легче лечить телесную болезнь, чем очищать организм от моральной низости. Тайна Морзинэ, Севеннойза и тайна янсенистов все еще остается великой тайной как для физиологов, так и для психологов. Если дар пророчества так же, как и истерия и конвульсии, могут быть переданы «заражением», то почему не могут быть переданы пороки? Целитель, в таком случае, передает своему пациенту (который теперь стал его жертвой) нравственную отраву, которой заражены его собственный ум и сердце. Его магнетическое прикосновение становится осквернением; его взгляд – профанацией. Против этой предательской заразы у пассивно воспринимающего объекта нет никакой защиты. Целитель держит его в своей власти, зачарованного и бессильного, как змея держит под своим взглядом слабую птичку. Зло, которое такие целители могут причинить, неизмеримо велико; а таких целителей – сотни.

Но, как мы уже говорили раньше, имеются настоящие богоподобные целители, которые, несмотря на всю злобу и скептицизм своих фанатических противников, прославились в мировой истории. Такими были кюрэ д'Арс из Лиона, Джекоб и Ньютон. Также такими были Гесснер, священник из Клорстела и хорошо известный Валентин Грейтрейкс, невежественный и бедный ирландец, признанный знаменитым Робертом Бойлем, председателем Королевского Общества в Лондоне, в 1670 г. В 1870 году его отправили бы в дом сумасшедших в компании с другими целителями, если бы его судьбой мог распорядиться другой председатель того же общества, или же профессор Ланкастер привлек бы его к суду по «Акту о бродяжничестве» за то, что он занимается *хиромантией* среди подданных Его Величества или за что-либо другое.

Но, заканчивая перечисление доказательств, которое мы могли бы продолжить до бесконечности, достаточно будет сказать, что от первого до последнего, от Пифагора до Элифаса Леви, от высочайшего до самого скромного – все учат, что *магические силы никогда не становятся достоянием тех, кто погрязли в порочных наклонностях*. Только чистые сердцем «видят Бога» или пользуются божественными дарами – только такие могут исцелять телесные недуги и позволять себе с сравнительной безопасностью отдаваться руководству «незримых сил». Только такие могут излить мир на души своих встревоженных братьев и сестер, ибо целительные воды не изливаются из отравленных источников, виноград не растет на терне, и

чертополох не родит винных ягод. Но, несмотря на все это, «в магии нет ничего сверхъестественного»; она есть наука, и даже «власть изгнания злых духов», являлась ее отраслью, которую посвященные изучали отдельно.

«Искусство изгонять демонов из человеческих тел есть наука оздоравливающая и полезная для людей», – говорит Иосиф [151, viii, 2].

Вышеприведенных набросков достаточно, чтобы показать, почему мы крепко придерживаемся древней мудрости, предпочитая ее любым новым теориям, которые высиживаются на основании событий наших дней по поводу действия оккультных сил человека. В то время как феномены физической природы могут иметь свою ценность, как средство возбуждения интереса у материалистов и могут подтверждать, если и не всецело прямо, то, по крайней мере, путем выводов и заключений, нашу веру в бессмертие наших душ и духов, спорным остается вопрос, чего больше приносят наши современные феномены – вреда или пользы? Многие умы, жаждущие доказательств бессмертия души, быстро впадают в фанатизм; а Стоу говорит, что

«фанатики скорее находятся под властью воображения, чем под властью суждения».

Несомненно, уверовавшие в современные феномены могут претендовать на разнообразие духовной одаренности, способностей, но «распознавание духов», очевидно, отсутствует в каталоге их «духовных» даров. Говоря о «Диакке», которого в одно прекрасное утро открыл в темном углу «*Страны вечного лета*», А. Дж. Дэвис, великий американский ясновидящий, замечает:

«Диакка это один из тех, кому доставляет безумную радость *разыгрывание ролей*, выкидывание *трюков* по части *олицетворения персонажей* противоположного характера; для него молитва и богохульственные высказывания равноценны; у него страсть к лирическим повествованиям... так как он нравственный урод, у него отсутствует чувство справедливости, человеколюбия, нежной привязанности. Он не знает того, что люди называют чувством благодарности; результаты любви и ненависти для него одно и то же; его девиз часто страшен для других – вся жизнь только для СЕБЯ, и индивидуальная жизнь *кончается уничтожением*» [208].

Не далее, как только вчера некто, выдавший себя за *Сведенборга*, сказал женщине медиуму следующее:

«Я *есть* все, что было, будет или может быть, и индивидуальная жизнь есть только совокупность призрачных иллюзий трепетных мыслей, стремительно несущихся навстречу уничтожению навеки!»^[164]

Порфирий, чьи сочинения (по словам одного рассерженного поклонника феноменов) «плесневеют подобно другим отбросам древности в подвалах забвения», так высказывается по поводу этих Диакка (если это есть их имя) снова открытых в девятнадцатом веке:

«Именно с непосредственной помощью этих злых демонов осуществляется всякое колдовство... это результат их работы, и люди, которые наносят вред своим ближним

чарованиями, обычно воздают большие почести этим злым демонам и, в особенности, их главе. Эти духи проводят свое время, обманывая нас показом дешевых чудес и иллюзий; они стремятся, чтобы их приняли за богов, и их вождь требует, чтобы его признали высочайшим Богом» [210].

Дух, выдавший себя за Сведенборга (*Диакка* из сочинения Дэвиса) и намекавший, что он, именно, и есть тот «*Я есмь все ...*» – сильно напоминает порфириевского вождя злых духов.

Что более естественно, чем это поношение древних и опытных теургов со стороны некоторых медиумов, когда мы находим, что Ямвлих, раскрыватель спиритуалистической теургии, строго запрещал добиваться таких феноменальных манифестаций иначе, как только после долгих нравственных и физических очищений под руководством опытного теурга. Когда далее он заявляет, что, за очень немногими исключениями, для человека «*казаться удлинённым или утолщённым, или приподнятым в воздухе*», служит верным признаком одержания злым демоном [214, iii, 5].

В этом мире всему свое время, и истина, хотя и обоснованная на безупречных доказательствах, не пустит корней и не будет расти, если, подобно растению, она не будет брошена в землю в нужное время. «Век должен быть подготовлен», – говорит профессор Кук; и какие-нибудь тридцать лет тому назад настоящий труд был бы обречен на саморазрушение собственным содержанием. Но современные феномены, несмотря на ежедневные «разоблачения» и насмешки со стороны каждого материалиста, и несмотря на свои собственные многочисленные ошибки, растут и усиливаются фактами, если не мудростью и духовностью, то, что двадцать лет тому назад казалось бы просто нелепым, абсурдным, теперь будет выслушано, потому что теперь феномены подтверждаются великими учеными. К несчастью, хотя манифестации усиливаются с каждым днем, не наступает соответствующего улучшения в философии. Распознавания духов не хватает так же, как всегда.

Возможно, что среди корпорации писателей-спиритуалистов нашего времени никто не ценится так высоко за характер, образование, искренность и способности, как Эпес Сэрджент из Бостона в Массачусетсе. Его монография под заголовком «*Осязаемое доказательство бессмертия*» заслуженно занимает высокое положение среди других трудов по тому же предмету. Несмотря на полную благорасположенность к медиумам и их феноменам, мистер Сэрджент все же вынужден употреблять следующее выражение:

«Умение духов воспроизводить точные подобию людей, ушедших из земной жизни, наводит на вопрос – насколько мы можем быть уверены в подлинности любого духа, каковы бы ни были контрольные меры? Мы еще не достигли такого этапа нашей осведомленности по этому вопросу, который мог бы дать нам возможность с уверенностью ответить на этот вопрос... Много еще такого, что представляет загадку в речах и поступках материализованных духов этого рода».

Что касается широты ума большинства духов, скрывающихся за физическими феноменами, то, бесспорно, мистер Сэрджент будет признан наиболее компетентным судьей, и он говорит:

«Подавляющее большинство, которое в этом мире, есть неразумный класс».

Нам хочется задать справедливый вопрос – почему у них так не хватает ума, если они человеческие духи? Или разумные человеческие духи не могут материализоваться, или же те духи, которые материализуются, не обладают человеческим разумом и поэтому они должны быть, по высказываниям самого Сэрджента, элементариями, которые совершенно перестали

быть человеческими, или же теми демонами, которые, согласно учению персидских магов и Платона, представляют что-то среднее между богами и развоплощенными людьми.

Имеются достоверные свидетельства, например, мистера Крукса, доказывающие, что многие «материализованные» духи могут разговаривать слышимыми голосами. Но мы доказывали на основании свидетельств древних, что голос человеческих духов не произносит членораздельно и *не может* быть членораздельным, так как он, по высказыванию Эммануила Сведенборга, представляет «глубокий вздох». Которому из этих двух родов свидетельств можно больше доверять? То ли древним теургам, которые столько веков занимались теургической практикой и накопили опыт, то ли современным спиритуалистам, у которых нет никакого опыта и нет фактов, чтобы на них обосновывать свое мнение, за исключением фактов, сообщенных им «духами», подлинность которых они не в состоянии проверить и доказать? Существуют медиумы, чей организм иногда вызывал появление сотен этих предполагаемых «человеческих» форм. И все же мы не припомним, чтобы мы когда-нибудь видели или слышали бы о духе такого рода, что он выразил хоть что-нибудь, кроме обычных всем известных идей. Этот факт непременно должен бы привлечь внимание даже наиболее не критически настроенных спиритуалистов. Если дух, вообще, может говорить и путь к этому открыт как для разумных, так и для неразумных духовных существ, то почему бы им иногда не обратиться к нам с речами, хотя бы в какой-то степени приближающимися по качеству к сообщениям, которые мы получаем путем «автоматического письма»? Мистер Сэрджент выдвинул очень многозначительную идею в нижеследующем выражении:

«Насколько они ограничены в своей мыслительной деятельности и в воспоминаниях актом своей материализации или интеллектуальным кругозором медиума, – это все еще остается вопросом» [215, с. 45].

Если материализуются духи такого же рода, как те, которые производят автоматическое письмо, причем те и другие проявляются через медиумов, и в то время как одни несут чушь, другие часто дают возвышенные философские учения, то почему их мыслительная деятельность может в одном случае быть более ограниченной со стороны «интеллектуального» кругозора медиума, чем в другом? Материализующие медиумы (по крайней мере, в пределах наших наблюдений) не более образованы, чем многие крестьяне и рабочие, которые в различные времена под влиянием высших духовных сил принесли миру возвышенные идеи. История психологии кишит примерами подобного рода; среди них отметим Бёме, вдохновенного, но невежественного сапожника, и Дэвиса. Что касается неинтеллектуальности, мы полагаем, что нет надобности искать более поразительных примеров, чем примеры пророчествующих детей в Севеннах, поэтов и провидцев, которые упоминались в предыдущих главах. Если духи обзавелись, вообще, вокальными органами, чтобы говорить, то для них не должно представить трудности говорить так, как говорили в земной жизни те лица, за которых духи себя выдают, т. е. говорить разумно в соответствии с занимавшимся ими при жизни социальным положением, а не впадать в обычный для таких случаев однообразный тон, изрекая «общие места» и, часто, пошлости. Как об этом мистер Сэрджент обнадеживающе выразился:

«Наука спиритуализма все еще находится в состоянии детства, мы надеемся, что по этому вопросу будет пролито больше света».

Но мы боимся, что придется ответить, что *через «потайные комнаты» спиритуалистов этот свет никогда не прольется* [Матфей, XXIV, 26].

Просто смешно и абсурдно требовать от каждого исследователя, который выступает в качестве свидетеля чудес наших дней и психологических феноменов, чтобы он имел диплом ученого. Опыт прошедших сорока лет свидетельствует, что не всегда умы, прошедшие «научную тренировку», являются лучшими там, где нужен, просто, здравый ум и честная правдивость. Ничто так не ослепляет, как фанатизм и односторонний взгляд на вопрос. В качестве иллюстрации к этому возьмем восточную магию или древний спиритуализм так же, как и современные феномены. Сотни, даже тысячи заслуживающих полного доверия свидетелей, возвратившись после пребывания на Востоке или путешествия по Востоку засвидетельствовали факт, что необразованные факиры, шейхи, дервиши и ламы в их присутствии без всяких пособников и механических приспособлений творили чудеса. Они подтвердили, что продемонстрированные им феномены противоречили всем *известным* им законам, и таким образом, становились доказательствами существования многих, пока еще неизвестных оккультных сил в природе, по-видимому, направляемых сверхчеловеческими разумами. Какова была позиция, занятая нашими учеными по отношению к этим фактам? Насколько свидетельства наиболее «научно-тренированных» умов произвели впечатление на их собственные умы? Разве исследования профессоров Хэера и Моргана, Крукса и Уоллеса, Гаспарина и Тьюри, Вагнера и Бутлерова и др. поколебали хоть на миг скептицизм ученых? Как были восприняты учеными персональные опыты Жаколио с факирами Индии и каково было их отношение к психологическим разъяснениям профессора Перти из Женевы? Намного ли к ним доносится громкий крик человечества, жаждущего осязаемых знаков, способных доказать существование Бога, души и вечности, и как он на них действует, и как они на него реагируют? Они разрушают и уничтожают малейшие признаки духовного, но ничего не воздвигают.

«Мы не можем получить знаков ни через реторты, ни через тигли», – говорят они, – «следовательно, все это ничто другое, как обман!»

В этом веке холодного рассудка и предвзятых мнений даже церкви приходится искать помощи у науки. Построенные на песке верования, высоко поднявшиеся, но бескорные догмы рассыпаются под холодным дыханием исследований и в своем падении увлекают за собой *истинную* религию. Но томление по какому-либо признаку Бога и жизни после смерти остается в человеческом сердце так же сильно, как всегда. И напрасна софистика науки – она никогда не заглушит голоса природы. Представители науки только отравили чистые воды простой веры, и теперь человечество видит свое отражение в мутной воде, в которой поднята вся муть со дна когда-то чистого родника. Антропоморфический Бог наших отцов заменен антропоморфическими чудовищами, и что еще хуже, заменяется отражением самого человечества в этих водах, чья рябь посылает ему обратно искаженные образы истины и фактов в таком виде, в каком они рождаются в его заблудившемся воображении.

«Не в чудесах мы нуждаемся», – пишет почтенный Брук Херфорд, – «а в нахождении ощутимых доказательств духовного и божественного; не к пророкам взывают люди, требующие этих „доказательств“, а скорее к ученым. Люди чувствуют, словно эти поиски, это шарканье руками переднего края внутренних тайников творения должно, наконец привести к глубокому познанию фактов, лежащих в основе всего сущего, должно дать какие-то бесспорные знаки существования Бога».

Знаки налицо, ученые – тоже. Что больше можем мы ожидать от них после того, как они так хорошо выполнили свой долг? Разве они, эти титаны мысли, не стащили Бога с места его укрытия и дали нам, вместо Него, *протоплазму*?

На Эдинбургском съезде Британского Общества в 1871 г. сэр Уильям Томсон сказал:

«По извечному закону чести наука обязана бесстрашно встречать каждую

проблему, которая ей преподносится жизнью».

В свою очередь профессор Гёксли выразился:

«В отношении вопроса о чудесах я только могу сказать, что слово „невозможно“, по-моему мнению, не применимо к философии».

Великий Гумбольдт замечает, что

«самонадеянный скептицизм, который отрицает факты без достаточного их исследования, в некоторых отношениях более вреден, нежели безоговорочная доверчивость».

Эти люди оказались нарушителями своих собственных учений. Возможность в связи с открытием Востока самим исследовать феномены, засвидетельствованные всеми путешественниками по странам Востока, – была ими отвергнута. Разве наши физиологи и патологи когда-либо серьезно задумывались о том, чтобы воспользоваться этой представившейся возможностью для разрешения такого важного вопроса? О, нет! Они не осмеливались. Нечего ожидать, что главные академики Европы и Америки предпримут совместное путешествие в Тибет и Индию, чтобы на месте исследовать чудеса факиров! А если один из них совершит одиночно путешествие и станет свидетелем всех чудес на свете, то по возвращении его же собратья не поверят ему.

Было бы настолько же утомительно, как и излишне снова перечислять факты, убедительно изложенные другими. Уоллес [161] и У. Ховитт [118] повторно и очень умело изложили тысячу и одну нелепейшую ошибку, в какие впадали ученые общества Франции и Англии из-за своего слепого скептицизма. Если Кювье мог отшвырнуть в сторону окаменелость, вырытую из земли в 1823 году французским геологом Боуе лишь потому, что знаток анатомии считал себя умнее своего коллеги и не мог поверить в возможность нахождения человеческого скелета на глубине 80 футов рейнского ила; если Французская Академия дискредитировала утверждение Буше де Петерса в 1846 году лишь с тем, чтобы самой подвергнуться в свою очередь жестокой критике в 1860, когда истина открытий де Петерса и его наблюдений была полностью подтверждена целой корпорацией геологов нахождением кремниевых орудий в наносах гравия Северной Франции; если свидетельство Мак Энери в 1825 году о факте, что он открыл обработанные кремни вместе с останками исчезнувших животных в Кентской карстовой пещере ^[165] было высмеяно, и по той же причине еще больше был высмеян Годвин Остин, в 1840 году, то весь этот лишний научный скептицизм и веселье пришли к печальному концу в 1865 году и оказались ни на чем не обоснованными. При этом, по словам Уоллеса, – «все предыдущие сообщения подтвердились и оказались даже менее удивительными, чем сама действительность», – и кто же после этого может быть настолько легковерным, чтобы поверить в непогрешимость науки? И зачем тогда удивляться недостатку мужества для признания новых истин у отдельных членов великой и упрямой корпорации, известной под именем современной науки?

Итак, факт за фактом были дискредитированы. Со всех сторон мы слышим постоянные жалобы. «По психологии известно очень мало!» – вздыхает один член Королевского общества. «Мы должны признаться, что по физиологии мы также знаем очень мало или почти ничего не знаем», – говорит другой. «Нет ни одной другой науки, которая покоилась бы на таком шатком научном базисе, как медицина», – неохотно признается третий. «Что мы знаем о предполагаемых нервных флюидах?.. Пока что – ничего», – вставляет четвертый. И так далее по

каждой отрасли науки. А тем временем происходят феномены, по интересности превосходящие все другие явления в природе, которые могут быть раскрыты только физиологией и психологией, и также «пока что неизвестные» флюиды – и все это отрицается наукой, как заблуждения, обман, а когда истинность этих фактов неотрицаема, то говорят, что они «не представляют интереса» науке. Или, что еще хуже, когда *субъект*, организм которого проявляет наиболее значительные черты оккультных, хотя и естественных способностей, предлагает себя для исследований, то вместо честного экспериментирования он оказывается пойманным учеными (?) и за свои труды получает трехмесячное тюремное заключение. Это, действительно, многообещающе.

Легко понять, что в 1876 году не верят факту, о котором было сообщено в 1731, каковой факт являлся свидетельством другому факту, происшедшему, когда Павел III был папой. И когда ученым говорят, что римляне сохраняли горящие светильники в своих гробницах бесчисленное количество лет, пользуясь *маслянистостью золота*; что одна из таких вечно горящих ламп была обнаружена ярко горевшей в гробнице Туллии, дочери Цицерона, несмотря на то, что находилась взаперти тысячу пятьсот пятьдесят лет, ^[166] – у них имеется некоторое право сомневаться и даже не верить сообщению, пока они сами не убедятся посредством своих пяти чувств, что такая вещь возможна. В таком случае они могут отвергнуть свидетельства всех древних и средневековых философов. Погребение живых факиров и последующее за тем оживание после тридцатидневного пребывания в могиле может выглядеть в их глазах очень подозрительным. То же самое по отношению к самому себе наносимым смертельным ранениям с выставлением напоказ собственных внутренностей, что проделывают некоторые ламы, которые вылечивают такие ранения почти мгновенно.

Для некоторых людей, которые в отношении феноменов, произведенных в их собственной стране в присутствии многих свидетелей, не верят даже свидетельству своих чувств, для таких людей повествования, находимые в классических книгах, и записи путешественников, разумеется, покажутся абсурдными. Но чего мы никогда не будем в состоянии понять, так это коллективное упрямство академий перед лицом стольких горьких уроков в прошлом за то, что они «омрачали совет словами без знания». Подобно Господу, «из вихря» сказавшему Иову, магия может сказать современной науке: «Где ты была, когда Я закладывал основание Земли? Ответь, если знаешь!» И кто ты, осмеливавшийся сказать Природе: «Только досюда, а не дальше; здесь должны замереть на месте твои гордые волны».

Но какое это может иметь значение, если они отрицают? Будь их скептицизм тысячу раз сильнее, разве они могут предотвратить феномены, происходящие во всех краях света? Факиры по-прежнему будут похоронены и затем снова оживлены для удовлетворения любопытства европейских путешественников; ламы и индийские аскеты все также будут ранить и истязать себя и даже вынимать собственные кишки, после чего будут чувствовать себя лучше прежнего; и отрицаний всего мира будет недостаточно, чтобы задуть вечногорящие лампы в некоторых подземных святилищах Индии, Тибета и Японии. Одна из таких ламп упоминается священником С. Мэтиером из Лондонской Миссии. В храме Тревандрам, в королевстве Траванкор Южной Индии «есть внутри храма глубокий колодец, куда в течение года забрасываются громадные богатства, а в другом месте, в нише, прикрытой камнем, имеется большая золотая лампа, которая была зажжена более 120 лет тому назад, и все еще продолжает гореть», – говорит этот миссионер в своем описании этого места. Католические миссионеры, разумеется, приписывают эти лампы любезным услугам Сатаны. Более благоразумные протестантские священники упоминают об этом факте, но не добавляют никаких комментариев. Аббат Хак видел и тщательно рассматривал такие лампы, как и другие лица, на долю которых выпала удача завоевать доверие и дружбу восточных лам и священнослужителей. Нельзя больше отрицать

чудес, которые видел капитан Лейн в Египте, или то, чему в Бенаресе были свидетелями Жаколио и сэр Чарлз Нейпер; нельзя отрицать левитацию человеческих существ среди бела дня, что можно объяснить лишь тем, что было сказано по этому поводу в главе введения к этой книге.^[167] Такие левитации засвидетельствованы (кроме мистера Крукса) профессором Перти, который показывает, что они производились под открытым небом и длились иногда 20 минут; все эти феномены, и еще гораздо больше, происходили, происходят и будут происходить в каждой стране на нашем земном шаре вопреки всем скептикам и ученым, какие когда-либо развились из силурийского ила.

Среди осмеянных якобы достижений алхимии числятся *вечно горящие* лампы. Если мы скажем читателю, что мы видели такую лампу, нам могут задать вопрос (в том случае, если искренность нашей собственной веры не ставится под сомнения): как мы можем утверждать, что лампы, осмотренные нами, вечно горящие, когда мы их наблюдали только короткое, ограниченное время? Да просто потому, что мы знаем ингредиенты и принцип их конструкции, а также естественный закон в этом случае используемый; и мы уверены, что наше сообщение нашло бы подтверждение, если бы были предприняты исследования в надлежащем направлении. Какое это направление и от кого можно получить такие знания – это наши критики сами должны узнать, приложив такие же усилия, какие были приложены нами. Между тем, однако, мы назовем нескольких из 173 авторитетов, которые писали по этому предмету. Поскольку мы помним, ни один из них не утверждал, что эти лампы гробниц будут гореть вечно, но только неопределенно долгое время, многие годы, и отмечены случаи, когда они горели многие века. Никто не станет отрицать, что если существует закон природы, по которому можно заставить лампу гореть в течение 10 лет без пополнения горючим, то нет причины сомневаться, что можно заставить такую лампу гореть сотню и тысячу лет.

Среди многих хорошо известных лиц, которые твердо верили и горячо уверяли, что такие лампы гробниц горели в течение нескольких сотен лет и продолжали бы гореть, *может быть*, вечно, если бы их не погасили и если бы их сосуды не были разбиты по несчастной случайности, – мы можем рассчитывать на следующие имена: Климент Александрийский, Гермолай Барбаросский, Аппиан, Бураттин, Цитезий, Коэлий, Фоксий, Костэо, Касалий, Кедрин, Делрий, Эриций, Гесснер, Джакобоно, Леандер, Либавий, Лазий П. де ла Мирандолла, Филалет, Лицет, Майол, Матуранти, Баптиста Порто, Панциролло, Русцеллино, Скардоний, Лудовико Виве, Волатеран, Парацельс, несколько арабских алхимиков и, наконец, Плиний, Солин, Кирхер и Альберт Магнус.

Открытие этих ламп приписывается древним египтянам, сыновьям Страны Химии.^[168] По крайней мере, они те люди, которые пользовались этими лампами гораздо больше любой другой нации из-за своих религиозных учений. У них считалось, что астральная душа мумии пребывает около нее в течение целых трех тысяч лет круга необходимости. Она прикреплена к мумии магнетической нитью, которую она может порвать только собственными усилиями, и египтяне надеялись, что вечно горящая лампа, символ нетленного и бессмертного духа, заставит более материальную душу расстаться со своим земным обиталищем, и она навсегда соединится со своим божественным Я. Поэтому в гробницах богатых людей подвешивались такие лампы. Часто находят такие лампы в подземных пещерах захоронения мертвых, и Лицет написал большой фолиант, доказывая, что в его время каждый раз, когда открывали гробницу, в середине ее находили горящую лампу, но она сразу же гасла вследствие *осквернения*. Тит Ливий, Бурратин и Михаил Шатта в своих письмах к Кирхеру [219, с. 544] подтверждают, что они находили много ламп в подземных пещерах древнего Мемфиса. Павсаний говорит о золотой лампе в храме Минервы в Афинах, которая, по его словам, была сделана Каллимахом и горела целый год. Плутарх [220] подтверждает, что он видел лампу в храме Юпитера Аммона, и что жрецы

уверяли его, что она горит уже многие годы, несмотря на то, что стоит под открытым небом и что ни ветер, ни вода не могут ее погасить. Св. Августин, католический авторитет, также описывает лампу в храме Венеры, которая такого же рода, как и другие – непогасимы ни сильнейшим ветром, ни водой. В Эдессе была найдена лампа, говорит Кедрин, «которая будучи спрятанной в верхней части каких-то ворот, прогорела 500 лет». Но из всех таких ламп наиболее чудесной является упоминаемая Олибием Максимом из Падуи. Ее нашли близ Аттисты, и Скардониус [Lib. I, Class 3, Cap. ult.] дает блестящее ее описание:

«В большой глиняной урне помещалась меньшая урна, и в последней находилась горящая лампа, продолжающая гореть уже 1500 лет с помощью чрезвычайно чистой жидкости, содержащейся в двух бутылках: одна бутылка из золота, другая из серебра. Их хранит Франциск Матуранти и дорожит ими чрезвычайно».

Не обращая внимания на преувеличения и оставляя в стороне, как голословные бездоказательные отрицания, утверждения современной науки о невозможности существования таких ламп, мы спросим, как быть в том случае, если действительно подтвердится, что такие негасимые лампы существовали в век «чудес» – следует ли тогда по-разному рассматривать лампы христианских святынь (ибо последние тоже претендуют на обладание такими лампами) и лампы, посвященные Юпитеру, Минерве и другим языческим богам? По высказываниям некоторых богословов, получается, что первые (т. е. христианские лампы) горели благодаря *божественной*, *чудодейственной* силе, а свет последних, т. е. зажженных искусством «язычников», поддерживался сатанинскими уловками. Кирхер и Лицет показывают, что их устройство двойное. Горящая лампа в Антиохии, которая прогорела 1500 лет над церковной дверью в открытом людном месте, сохранялась *«силою того Бога»*, который «заставил бесчисленные сонмы звезд светить неугасимым светом». Что касается языческих ламп, то святой Августин уверяет, что они плод работы Дьявола, «который обманывает нас тысячью способами». Что стоит Сатане создать вспышку света или яркое пламя перед теми, кто впервые спускается в такую подземную пещеру? Этот вопрос был произносим всеми хорошими христианами во время папства Павла III, когда при открытии древней гробницы на Аппиевой дороге в Риме было обнаружено тело молодой девушки, плавающее в прозрачной жидкости, которая так хорошо сохранила девушку, что лицо ее было прекрасно и живо, как сама жизнь. У ног ее горела лампа, которая погасла после открытия гробницы. По вырезанным надписям было установлено, что девушка была похоронена 1500 лет тому назад, и что она – Туллиола или Туллия, дочь Цицерона.^[169]

Химики и физики отрицают возможность существования вечно горящих ламп, утверждая, что все, что бы то ни было, будучи превращенным в испарения или дым, должно быть поглощено. И так как масляное питание лампы превращается в испарение, то, следовательно, огонь лампы не может быть вечным из-за недостатка питания. С другой стороны, алхимики отрицают, что все питание зажженного огня обязательно должно превращаться в испарения. Они говорят, что в природе существуют вещества, которые не только способны противостоять силе огня, оставаясь несжигаемыми, но и также и неугасимы – ни ветер, ни вода не погашают их. В одном старом труде по химии, опубликованном в 1700 г. и названном?ΕΚΡΟΚΗΔΕΙΑ, ѳвтор выступает с рядом опровержений против утверждений алхимиков. Но, хотя он отрицает, что огонь можно заставить гореть *вечно*, он почти склонен верить в возможность, что лампа может гореть многие сотни лет. Кроме того, у нас много свидетельств от алхимиков, посвятивших годы такого рода опытам, что они пришли к заключению, что такие лампы возможны.

Существует несколько способов особой обработки золота, серебра и ртути; также нефти и керосина и других битумных масел. Алхимики также называют камфорное масло и янтарь, *Lapis asbestos seu Amianthus*, *Lapis Carystius*, *Cyprius* и *Linum vivum seu Creteum*, которые использовались в работе таких ламп. Они утверждают, что такой материал может быть изготовлен или из золота или из серебра, приведенных в состояние жидкости, и указывают, что золото является наиболее подходящим *питанием* для их чудесного пламени, так как из всех металлов золото при нагревании и плавке теряет меньше всех и, кроме того, его можно заставить втягивать обратно свою масляную влажность, как только она испарилась, и тем создавать непрерывное питание своего собственного пламени, раз оно возжено. Каббалисты утверждают, что этот секрет был известен Моисею, который узнал его от египтян, и что лампа, которая по велению «Господнему» должна была гореть в библейской скинии, была типа неугасимых.

«И ты должен приказать детям Израиля, чтоб принесли они чистое масло, сбитое из олив для света, *чтобы заставить лампу гореть всегда*». [Исход, XXVII, 20].

Лицет также отрицает, что эти лампы изготовлялись из металла, на 44-й странице своего труда он упоминает о приготовлении ртути, которая фильтровалась семь раз через белый песок с помощью огня, из которой, как он говорит, делались вечно горящие лампы. И Матуранти, и Цитесий твердо верили в создание таких ламп чисто химическими процессами. Эта жидкость из ртути была известна среди алхимиков как *Aqua Mercurialis*, *Materia Metallorum*, *Perpetua Dispositio* и *Materia prima Artis*, а также *Oleum Vitri*. Тритенхейм и Бартоломео Корндорф оба занимались изготовлением вечно горящих ламп и оставили свои рецепты изготовления.^[170]

Асбест, который был известен грекам под именем Ασβεστος, т. е. *неугасаемый*, представляет собою, как нам говорят Плиний и Солин, камень, который, если его разожгли, уже не может быть потушен. Альберт Магнус описывает, что это камень железного цвета, большею частью находимый в Аравии. Вообще, его находят покрытым едва ощутимой маслянистой влагой, которая, как только к ней подносят зажженную свечу, сразу воспламеняется. Много было проделано опытов химиками, чтобы извлечь это нерастворимое масло, но утверждают, что им не удавалось. Но могут ли наши химики сказать, что это совершенно невозможно? Если это масло когда-нибудь будет извлечено, то, несомненно, это и будет вечное горючее. Древние вполне могли хвастаться, что они обладатели этого секрета, ибо мы повторяем, и в наши дни есть экспериментаторы, которые успешно совершили то же самое. Химики, которые совершили напрасные попытки, утверждают, что извлеченная ими из камня жидкость была более похожа на воду, чем на масло, и такая нечистая и мутная, что и гореть неспособна; другие же, наоборот, утверждают, что это масло, как только приходит в соприкосновение с воздухом, становится таким густым и плотным, что едва течет, и будучи зажженным, не дает пламени, а испускает темный дым, тогда как лампы древних приписывают самое чистое и светлое пламя безо всякого дыма. Кирхер, который указывает на необходимость очищения, считает последнее настолько трудным, что оно доступно лишь высшим знатокам алхимии.

Святому Августину, который все подобные искусства приписывал христианскому козлу отпущения Дьяволу, категорически возражает Лудовико Виве [221], который доказывает, что все такие, кажущиеся магическими феномены, являются продуктами трудолюбия человека и его глубокого изучения сокровенных тайн природы, какими бы удивительными и чудесными они нам ни казались бы. У Подокаттара, кипрского рыцаря,^[171] были и волокна и полотно, сделанные из другого асбеста, который, как говорит Поркаччи [222], он видел в доме этого рыцаря. Плиний называет эти волокна *linum vinum* и индийским шелком, которое сделано из

asbeston sive asbestinum, что-то вроде льна, из которого делают ткань, которую очищают, бросая ткань в огонь. Он добавляет, что эта ткань чрезвычайно дорогая – как жемчуг и алмазы, и не только потому, что этот материал редко встречается, но и потому, что его чрезвычайно трудно соткать из-за малой длины нитей. Сперва этот материал бьют молотком, расплющивают, вымачивают в теплой воде; и когда он высушен, его легко разделить на нити, как лен, и потом ткнут. Плиний утверждает, что он видел сделанные из этого материала полотенца и сам участвовал в эксперименте их очищения огнем. Баптиста Порто также говорит, что нашел то же самое в Венеции во владении одной кипрской дамы. Это открытие алхимиков он называет *secretum optimum*.

Доктор Грейв в своем описании редкостей Грешемского колледжа (семнадцатое столетие) выражает уверенность, что искусство выделки и употребления такого полотна навсегда утеряны; но оказывается, что это не совсем так, потому что мы находим, что музей Септалия еще в 1726 году хвастался, что он является владельцем нитей, веревок, бумаги и сети, сделанных из такого материала. Кроме того, некоторые из этих предметов, как мы узнаем из «*Искусства бальзамирования*» Гринхилла на стр. 361, были сделаны руками самого Септалия.

«Грейв», – говорит автор, – «кажется, считает, что *Asbestinus Lapis* и *Amianthus* — одно и то же и называет их по-английски бахромчатым камнем»; он говорит, что этот камень растет короткими нитями или бахромами длиной от одной четверти до полного дюйма; эти нити с блеском; они тонки, как те, что прядет червь-шелкопряд и гибкие, как лен или пакля. Что этот секрет не совсем еще утерян, также доказывается тем фактом, что некоторые буддийские монастыри в Китае и Тибете им обладают. Был ли он сделан из волокон того или другого камня, мы не можем сказать, но мы видели в буддийском женском монастыре желтый халат, какой носят буддийские монахи; в нашем присутствии его бросили в большую яму, полную горящих угольев; через два часа его вынули из ямы, и он был такой чистый, точно его выстирали водою с мылом.

В наше время подобные суровые испытания асбеста производились в Европе и Америке, и теперь это вещество применяется в промышленности для изготовления кровельного материала, негорючей одежды и огнестойких сейфов. Очень ценные залежи этого минерала на острове Стэйтен в Нью-Йоркской гавани, поставляют его в связках наподобие сухого хвороста, причем волокно иногда бывает длиной в несколько футов. Тончайшая разновидность асбеста, называемая древними *ασβηστός* (неоскверненная), получила свое название вследствие своего белого сатино-подобного блеска.

Также древние делали фитили для своих вечных ламп из другого камня, который они называли *Lapis Carystius*. Обитатели города Каристо, кажется, не делали из него никакого секрета, так как Маттей Радер говорит в одном сочинении [223]:

«Они расчесывали, пряли и ткали из этого пушистого камня материю для плащей, столового белья и т. д., и когда эти вещи загрязнялись, то вместо воды очищали их огнем».

Павсаний в «Аттике» и Плутарх [220] также утверждают, что фитили ламп делались из этого камня, но Плутарх добавляет, что в его время этого камня больше не находят. Лицет склонен верить, что вечные лампы древних, находимые в гробницах, совсем не имели фитилей, так как фитилей находили очень мало, но Лудовико Виве, наоборот, утверждает, что он видел их множество.

Лицет, кроме того, твердо уверен, что

«питание для огня может быть дано с таким уравновешенным характером, что оно может сгореть только после долгого ряда веков, и, ни материя не испаряется, а крепко противостоит огню, ни огонь не пожирается материей, но сдерживается ею, точно цепью, от улетучивания кверху».

К этому Томас Браун [224, с. 124], говоря о лампах, которые прогорели многие сотни лет, добавляет:

«Это происходит от чистоты масла, которое не выделяет никаких испарений, способных дать копоть и удушить огонь; ибо, если бы воздух питал пламя, то последнее могло бы просуществовать какие-то минуты, после чего весь воздух был бы израсходован».

– Но он добавляет: «Искусство приготовления этого несгораемого масла утеряно».

Не совсем, и время это докажет, хотя бы всё, что мы теперь пишем, было бы обречено, подобно многим другим истинам.

От имени науки нам говорят, что она не признает других видов исследования, кроме наблюдения и опыта. Мы согласны. И не имеем ли мы записей наблюдений фактов, скажем, за три тысячи лет, фактов, доказывающих оккультные силы человека? Что касается опытов, то какие же лучше возможности можно для них требовать, чем те, которые представляются так называемыми современными феноменами? В 1869 году различные английские ученые приглашались Лондонским Диалектическим обществом оказать помощь в исследовании этих феноменов. Давайте посмотрим, что наши философы на это ответили. Профессор Гёксли написал:

«У меня нет времени для таких исследований, которые сопряжены со многими хлопотами (если они не такие, какие мне известны) и ведут к неприятностям... Я не интересуюсь этим предметом... даже если феномены подлинные – они меня не интересуют» [225, с. 229].

Джорж Х. Льюис мудро выразился в следующем изречении:

«Когда какой-нибудь человек говорит, что феномены производятся неизвестными физическими законами, он тем самым заявляет, что он знает эти законы» [225, с. 230].

Профессор Тиндаль выражает сомнение в возможности получить хорошие результаты на каком-либо сеансе, где он будет присутствовать. Его присутствие, по мнению мистера Варли, приводит все в замешательство [225, с. 265]. Профессор Карпентер пишет:

«Я удостоверился сам на моих личных исследованиях в том, что в то время, как большое количество того, что называют проявлениями духа, является результатом умышленного обмана, а многие другие – результатом самообмана, – имеются некоторые феномены, которые подлинны и должны быть рассматриваемы как неплохие предметы научного изучения... источник этих феноменов не находится в каком-либо сообщении *ab-extra*^[172] но зависит от субъективного состояния индивидуума, который действует по некоторым признанным физическим законам... процесс, которому я дал название «бессознательной работы мозга» ... совершает большую часть работы в производстве феноменов, известных под названием

И таким образом получилось, что мир был осведомлен через орган точной науки, что *бессознательная мозговая деятельность* приобрела способность заставить гитары перелетать по воздуху, а мебель – выкидывать различные клоунские трюки!

Это все, что касается мнений английских ученых. Американцы не поступили намного лучше. В 1857 году комитет Гарвардского университета предостерегал публику против исследований по этому предмету, который «разлагает нравственность и унижает разум». Далее они называли его «заразительным влиянием, которое определенно уменьшает правдивость в мужчине и чистоту в женщине». Позднее, когда профессор Роберт Хэер, великий академик, не боясь мнений своих современников, стал исследовать спиритизм и уверовал в него, его немедленно объявили *non compos mentis*,^[173] и в 1874 году, когда одна из нью-йоркских ежедневных газет обратилась с циркулярным письмом к ведущим ученым страны, прося их заняться исследованием спиритизма, и предлагало оплатить расходы, они, подобно гостям, приглашаемым на ужин, «единодушно начали извиняться и отказываться».

Все же, несмотря на равнодушие Гёксли, шутливость Тиндаля и «бессознательную мозговую деятельность» Карпентера, многие ученые, столь же знаменитые, как они, исследовали этот неприятный предмет и, будучи побеждены неопровержимостью доказательств, сами стали новообращенными верующими в спиритизм. А другой ученый и великий писатель, хотя и не спиритуалист, дает это свое, заслуживающее уважения свидетельство:

«Что духи умерших изредка снова посещают живых и появляются в своих прежних обиталищах, было во всех веках укоренившимся верованием во всех европейских странах не только у сельских жителей, но и у части интеллигенции... И если человеческие свидетельские показания по такому предмету имеют какую-либо ценность, то огромная масса их имеется налицо; они охватывают как отдаленнейшие века, так и нынешнее время и *настолько же безупречны и обширны*, как доказательства по всем другим предметам» [48, стр. 121].

К сожалению, человеческий скептицизм – это крепость, способная не поддаваться никакому количеству свидетельских показаний. И, начиная с Гёксли, наши мужи науки принимают только такие доказательства, которые их устраивают, – не больше.

«О, люди, позор вам! бес с бесом нечистым
Договор нерушимо блюдут, – человек же
Постоянно враждует с созданием разумным...»^[174]

Чем объяснить такое расхождение во взглядах среди людей, учившихся по одним и тем же учебникам, черпавшим свои знания из одного и того же источника? Ясно, что это еще одно подтверждение старой истины, что нет двух людей, которые в точности одинаково видели бы одну и ту же вещь. Эта идея прекрасно сформулирована доктором Дж. Дж. Гартом Уилкинсоном в письме Диалектическому Обществу:

«Я давно уже убедился», – говорит он, – «на моем жизненном опыте в качестве пионера исследователя нескольких ересей, которые быстро становятся правоверными верованиями, что почти все истины приемлемы для нас постольку, поскольку они свойственны нашему темпераменту, насколько они соответствуют нашим влечениям, нашей интуиции, и что

дискуссии и разузнавание дает немногим больше, нежели питание темперамента».

Этот глубокий наблюдатель мог бы еще добавить к своему опыту опыт Бэкона, который заметил, что:

«...малая философия склоняет человеческий ум к атеизму, а глубокая философия приближает его к религии».

Профессор Карпентер превозносит прогрессивную философию наших дней, которая «не игнорирует ни одного факта, каким бы странным он ни был, если он подтверждается достаточно вескими доказательствами», и все же он был бы первым, кто стал бы отрицать право древних на признание за ними философских и научных знаний, хотя они обоснованы на таких же достоверных показаниях как и те, которыми пользуются в своих научных и философских работах нынешние ученые. По отделу науки возьмем в качестве примера электричество и электромагнетизм, на которых имена Франклина и Морзе так возвысились на свитке славы. Сказано, что шесть столетий до христианской эры Фалес открыл электрические свойства янтаря; и все же последние исследования Швейгера в его обширных трудах по символизму вполне доказали, что все древние мифологии были обоснованы на науке натуральной философии и также, что наиболее сокровенные свойства электричества были известны теургам самых ранних мистерий Самофракии. Диодор Сицилийский, Геродот и Санхуниафон финикийский – древнейшие историки – говорят нам, что эти мистерии ведут свое происхождение с отдаленнейшей древности, сотни, вероятно тысячи лет до начала исторического периода. Одно из лучших доказательств этому мы находим на весьма замечательной картине Рауля Рошетта «Античные скульптуры», на этой картине, подобно «взлохмаченному Пану», у всех человеческих фигур волосы торчат во всех направлениях, за исключением центральной фигуры Кабирийской Деметры, из которой эта сила исходит и еще из одного коленопреклонного человека. ^[175] По Швейгеру, эта картина, по-видимому, и представляет часть церемонии посвящения. И все же не так уж много прошло времени с тех пор, как элементарные труды по натуральной философии стали украшаться гравюрами *наэлектризованных* голов с поднявшимися по всем направлениям волосами под влиянием электрического тока. Швейгер доказывает, что *утерянная натуральная философия древности* была связана с наиболее значительными религиозными церемониями. Он наглядно показывает, причем очень убедительно, что магия составляла часть доисторических мистерий и что величайшие феномены, так называемые чудеса, языческие, еврейские или христианские – фактически в своей основе имели сокровенное знание по физике, всем отраслям химии или, вернее, алхимии, каковыми знаниями обладали жрецы древности.

В одиннадцатой главе, которая целиком будет посвящена удивительным достижениям древних, мы хотим продемонстрировать правдивость наших утверждений с большей полнотой. Мы покажем на основании свидетельств наиболее заслуживающих доверия классиков, что в период времени, далеко предшествовавший осаде Трои, ученые жрецы святилищ были основательно знакомы с электричеством и даже с громоотводами. Мы сейчас добавим только несколько слов, прежде чем покончим с этой темой.

Теурги до того хорошо знали малейшие свойства магнетизма, что даже не владея утерянным ключом к их тайне, а основываясь только на том, что в их время было известно об электричестве. Швейгер и Эннемозер оказались в состоянии установить тождественность «братьев близнецов» Диоскуров с полярностью электричества и магнетизма. Символический миф, который до того считали неимеющим значения вымыслом, оказался, по Эннемозеру [62, т. ii], умно составленным выражением строго научной истины природы.

Наши физики гордятся достижениями нынешнего века и обмениваются гимнами

восхвалений. Их выразительное чтение лекций в аудиториях, их цветистая фразеология требуют только небольших изменений, чтобы эти лекции превратились в мелодичные сонеты. Наши современные Петрарки, Данте и Тассо состязаются с трубадурами старины в поэтических излияниях. В своем, не знаящем границ прославлении материи они влюбленно воспевают смешивание блуждающих атомов, любовные связи протоплазм и жалуются на кокетливое непостоянство «сил», которые так провокационно играют в прятки с нашими серьезными профессорами в великой драме жизни, называемой ими «корреляцией сил». Провозгласив материю единственной самодержавной царицей Беспредельной Вселенной, они насильно лишают ее супруга и помещают вдовствующую королеву на великий трон природы, покинутый изгнанным духом. А теперь они стараются заставить ее показаться такой привлекательной, как только можно среди воскурений и поклонений в святилище, которое они сами построили. Разве они забыли или совсем не знают того факта, что при отсутствии его законного владельца этот трон ничто иное, как гроб повапленный, внутри которого все гниль и разложение! Что материя без оживляющего ее духа есть только «грубое испражнение», выражаясь герметическим термином; что она ничто другое, как бездушный труп, чьи конечности для того, чтобы двигаться в нужном направлении, требуют присутствия разумного водителя в великой гальванической батарее, называемой ЖИЗНЬЮ!

В чем же, в особенности, познания нынешнего века так превосходят познания древних? Когда мы говорим «познания», мы не имеем в виду блестящих и ясных определений, которые современными учеными присвоены даже самым пустяковым деталям по каждой отрасли науки, как бы мала она ни была; мы не имеем в виду названий для каждого нерва и артерии в человеческом и животном организмах, обозначений для каждой клетки и волокна в растении; мы имеем в виду философское окончательное выражение каждой истины в природе.

Величайших философов древности обвиняют в неглубоком и поверхностном знании как раз этих деталей точной науки, которыми современники так много хвастают. Платон объявлен различными его комментаторами совершенным невежою по части знаний, касающихся анатомии и функций человеческого тела; он якобы не знал ничего о роли нервов в передаче ощущений и не был способен ни на что лучшее, как на высказывание необоснованных суждений по этому поводу. Он просто обобщал деления человеческого тела, говорят они, и не дал ничего похожего на анатомические факты. Что касается его взгляда на человека, как на микрокосмоса, являющегося, по его идее, изображением макрокосмоса в миниатюре, то это слишком трансцендентально, чтобы наши материалистические скептики стали уделять ему хотя бы малейшее внимание. Идея, что строение человека так же, как и вселенной, образовано из треугольников – кажется абсурдной и смешной нескольким его переводчикам. Один единственный из последних профессоров Джовитт в своем предисловии к «*Тимею*» честно замечает, что современный физик-философ «едва ли признает заслугу быть теми „костями“, из которых он сам поднялся к высшему знанию» [30, т. ii, с. 508]; забывая, как много помощи получили физические науки сегодняшнего дня от метафизиков древности. Если, вместо споров и указаний на недостаточность и иногда отсутствие терминологии у Платона и также строго научных определений в его трудах, мы начнем тщательно анализировать их, то в одном только «*Тимее*» мы обнаружим, несмотря на его ограниченные размеры, зародыши всех новых открытий. Кровообращение и закон всемирного тяготения в «*Тимее*» ясно упомянуты, хотя первый из этих фактов, может быть, не так ясно обрисован, чтобы противостоять повторным атакам современной науки; ибо, по словам профессора Джовитта, открытие, что кровь вытекает с одной стороны сердца по артериям, чтобы вернуться в него с другой стороны по венам, не было ему известно, хотя Платон прекрасно был осведомлен о том, «что кровь находится в постоянном движении».

Метод Платона, подобно геометрическому, был методом суждений, идущих от всеобщего к частному. Современная наука напрасно ищет первопричину в перемещениях молекул; Платон искал и находил ее среди величественно проносящихся миров. Ему было достаточно знать великий план творения и быть в состоянии проследить самые мощные движения вселенной через их изменения до их конечных состояний. Мелкие подробности вселенной, наблюдением и классификацией которых с такой старательностью занимается современная наука, не привлекали внимания философов старины. Отсюда получилось, что в то время как мальчишка-пятиклассник из английской школы может более учено болтать о мелочах физической науки, чем сам Платон, с другой стороны, самый тупой из учеников Платона мог сказать больше о великих космических законах и их взаимоотношениях и мог продемонстрировать гораздо лучшее знакомство с ними, а также управлять оккультными силами, скрытыми за этими законами, чем наиболее ученый профессор наиболее знаменитой академии наших дней. Этот так мало понятый факт, которого не заметили и не оценили переводчики трудов Платона, объясняет все это самовосхваление, в какое впадаем мы, современники, когда говорим об этом философе и о подобных ему. Приписываемые им ошибки по анатомии и физиологии преувеличены чрезмерно, чтобы удовлетворить наше самолюбие на идее о нашей превосходящей учености, и вследствие этого мы упускаем из виду блеск и красоту разума, которыми украшены века прошлого, словно кто-то в воображении стал увеличивать солнечные пятна до того, что это яркое светило оказалось полностью в затмении.

Невыгодность современных научных исследований проявляется в том факте, что в то время, как мы имеем названия для наиболее незначительных частиц минералов, растений, животных и человека, – наимудрейший из наших учителей не в состоянии сказать нам ничего определенного о той жизненной силе, которая производит изменения в этих царствах природы. Нет необходимости приводить другие подтверждения к сказанному, чем те, которые по этому поводу высказаны самими высшими авторитетами науки.

Немало требуется мужества человеку, занимающему видное положение в мире науки, чтобы справедливо воздать должное достижениям древних перед лицом широкой публики, которой не хочется ничего другого, как их унижения. Когда мы встречаемся с подобным случаем, мы с радостью кладем лавровый венок к ногам такого отважного и честного ученого. Такими являются профессор Джовитт, глава Болиолского колледжа, и профессор Региус из Оксфордского университета, знаток греческого языка, который в своем переводе трудов Платона, говоря о «физической философии древних в целом», отдает ей справедливость:

1. «Что идея существования звездных туманностей была получена от физиков древности». Поэтому ее нельзя обосновывать на телескопических открытиях Гершеля, как это делает Дрейпер [48, с. 240] 2. «Что животные развились из переселившихся на сушу лягушек, а человек развился из животного – этого мнения придерживался Анаксимен в шестом веке до Р. Х.». Профессор мог бы к этому добавить, что эта теория существовала за несколько тысяч лет до Анаксимена; что она пользовалась признанием среди халдейцев, и что дарвинская теория эволюции и обезьянья теория имеют допотопное происхождение. 3. «...что даже Филолай и ранние пифагорейцы верили, что земля – это небесное тело, вращающееся в космосе как и другие звезды».^[176] Таким образом Галилей, изучая некоторые фрагменты Пифагора, которые, как доказывает Рюхлин, должны были еще существовать в дни флорентийского математика; ^[177] и, кроме того, будучи знаком с доктринами старых философов, только снова подтвердил доктрину, которая преобладала в Индии в отдаленнейшей древности. 4. Древние «...думали, что у растений имеется пол так же, как у животных». Таким образом нашим современным естествоиспытателям пришлось только следовать по стопам своих предшественников. 5. «Что музыкальные ноты зависят от относительной длины и натяжения струны, которая их испускает,

и что они измеряются числом». 6. «Что математические законы царствуют во всем мире, и даже качественные различия имеют происхождение в числах»; и 7. «уничтожение материи ими отрицалось, и они признавали *только трансформацию*». ^[178] «Хотя одно из этих открытий можно бы и приписать удачной догадке», – добавляет Джовитт, – «все же их едва ли можно приписать просто совпадениям» [30, т. ii, с. 508].

Короче говоря, философия Платона представляла единую последовательную систему; она охватывает эволюцию миров и видов, корреляцию и сохранение энергий, трансмутацию материальной формы, неуничтожаемость материи и духа. Их положение по отношению к последнему далеко определило нашу современную науку; и свод этой философской системы был закреплен совершенным и нерушимым ключевым камнем. Если наука в последнее время сделала такие огромные шаги вперед, если наши знания законов природы гораздо выше знаний древних, то почему наши вопросы и поиски, касающиеся природы и источника жизни, остаются без ответа? Если современная лаборатория настолько богаче плодами своих исследований по сравнению с лабораторией древних, то почему так получается, что какой бы мы шаг ни делаем, он попадает на тропинку, давно протоптанную до христианской эры? Почему так происходит, что наиболее прогрессивная точка зрения, когда она нами достигнута, дает нам только возможность увидеть в затянутой дымкой дали на горной тропе к знанию, увековеченные доказательства, которые более ранние исследователи оставили как знаки, что они там были и занимали то место?

Если уж современные мастера настолько опередили древних, то почему они не могут восстановить для нас утерянные умения, которыми обладали наши после-потопные прадеды? Почему они не дают нам неблекнущих красок Луксора – пурпура тирианцев; яркого вермильона и ослепительной сини, которыми украшены стены того места и которые сегодня так же яркие и свежи, как в день их нанесения; неразрушающегося цемента пирамид и древних акведуков; дамасского лезвия, которое можно было скрутить в его ножнах наподобие штопора и при этом не сломать; великолепных, ни с чем несравнимых оттенков крашеного стекла, которое находят среди песков древних руин и в оконных перекладинах древних соборов; и секрета подлинного ковкого стекла? И если химия почти неспособна состязаться по некоторым искусствам даже с ранним средневековьем, зачем тогда хвастать достижениями, которые, по всей вероятности, были хорошо известны тысячи лет тому назад? Чем дальше развиваются археология и филология, тем сильнее уязвляют нашу гордость открытия, которые они ежедневно совершают, и тем больше славных свидетельств они приносят в пользу тех, кто в силу своей отдаленности во времени считались невежами, погрязшими в трясине суеверия.

Почему мы забываем, что за много веков до того, когда судна предприимчивого генуэзца разрезали западные воды, финикийские корабли уже совершали кругосветные плавания и распространяли цивилизацию в областях, ныне уже превратившихся в молчаливые пустыни? Какой археолог осмелится утверждать, что та же самая рука, которая возводила египетские пирамиды, Карнак и тысячи нынешних руин, в забвении рассыпающихся в пыль, *не* воздвигла монументальный Нагкон-Ват Камбоджи? или не начертала иероглифов на обелисках и дверях покинутой индейской деревни, недавно открытой в Британской Колумбии лордом Даферином? или знаки на руинах Паленке и Ушмаля и руинах в Центральной Америке? Разве реликвии, которые мы храним в наших музеях – последние памятники давно «утерянных искусств» – не свидетельствуют громогласно в пользу древней цивилизации? И разве они все не доказывают снова и снова, что исчезнувшие народы и континенты похоронили вместе с собою также свои науки и искусства, которых не смогли воскресить ни первый тигель, раскаленный в средневековом монастыре, ни последний, треснувший в лаборатории современного химика, – не воскресили и не воскресят, по крайней мере, в нынешнем веке.

«У них были некоторые познания по оптике», – великодушно допускает профессор Дрейпер по отношению к древним; другие даже и эту малость отрицают – «Выпуклые линзы, обнаруженные в Нимруде, являются доказательством, что они были знакомы с увеличительными инструментами» [48, с. 14].

В самом деле? Если бы это так не было – все классические писатели оказались бы лжецами. Ибо Цицерон нам говорит, что он видел всю «Илиаду» написанной на коже такого миниатюрного размера, что ее в скатанном виде можно было поместить в ореховую скорлупу; а Плиний утверждает, что у Нерона было кольцо со вделанным в него стеклом, через которое он издали наблюдал бои гладиаторов. Истинно, когда нам говорят, что Мауриций с помощью инструмента, называемого *наускопит*, мог с мыса Сицилии наблюдать через море берег Африки, – мы должны или думать, что все исторические свидетели солгали, или допустить, что древние были более, чем едва знакомы с оптикой и увеличительными стеклами. Уэндэлл Филлипс сообщает, что у него есть друг, который является обладателем чрезвычайно интересного кольца

«приблизительно три четверти дюйма в диаметре, и на нем обнаружена фигура бога Геркулеса. С помощью увеличительных стекол вы можете различить переплетающиеся мускулы и *сосчитать каждый отдельный волосок на бровях...* Раулинсон привез домой камень длиной около 20 дюймов и 10 в ширину, на котором изложен целый трактат по математике. Без увеличительных стекол он совершенно не поддается чтению... В музее доктора Эбботта имеется кольцо Хеопса, которое Бунзен относит к 500 году до Р. Х. Печатка на кольце размером в четверть доллара, а гравировка на ней *невидима* невооруженному глазу без помощи увеличительных стекол... В Парме вам покажут драгоценный камень, который когда-то носил на своем пальце Микеланджело; гравировка на нем двухтысячелетней давности и изображает фигуры *семи* женщин. Вам нужно иметь сильные увеличительные стекла, чтобы быть в состоянии их разглядеть... Таким образом», – добавляет ученый лектор, – «микроскоп, вместо того, чтобы считаться изобретением нашего времени, находит своих братьев в *Пятикнижии Моисея* – и это старшие братья».

Вышеприведенные факты, кажется, не свидетельствуют о том, что древние обладали лишь «некоторыми сведениями по оптике». Поэтому совершенно не соглашаясь с этим и в особенности с профессором Фиске по поводу его критики трудов профессора Дрейпера «История конфликта» [48] и его «Незримый мир», – мы находим в прекрасных трудах профессора Дрейпера, как критика истории, только один единственный недостаток – он иногда злоупотребляет своими собственными оптическими инструментами с целью преувеличения атеизма пифагорейца Бруно, он рассматривает его через выпуклые линзы; когда же он говорит о познаниях древних, он, очевидно, смотрит через *вогнутые* линзы.

Можно, просто, восторгаться, следя в различных современных трудах как набожных христиан, так и скептиков, хотя и очень ученых людей, как осторожно они проводят демаркационную линию между тем, в чем мы должны и в чем не должны мы верить древним авторам. Никакое доверие им не допускается без того, чтобы не сопровождалось определительным предостережением. Если Страбон говорит нам, что древняя Ниневия была 47 миль по периферии, и его свидетельство принимается как достоверное, то почему это должно быть по-другому, как только Страбон свидетельствует об исполнении пророчеств Сивилл? Где здравый смысл, когда Геродота называют «Отцом Истории», а затем тут же, не переводя дыхания, обвиняют его в глупой тарабарщине, как только он начинает повествовать об

изумительных явлениях, которым он был очевидцем? В конце концов, возможно, что такая осторожность сейчас нужна более, чем когда-либо, так как наша эпоха окрещена «Веком Открытий». Разочарование может оказаться слишком жестоким для Европы. Порох, который долгое время считали изобретением Бэкона и Шварца, объявлен теперь в школьных учебниках изобретением китайцев, которые применяли его для сравнения холмов и взрывания скал много веков до нашей эры.

«В музее Александрии», – говорит Дрейпер, – «была машина, которую изобрел Герон, математик, немного более, чем 100 лет до Р. Х. Она вращалась силою пара и была такой конструкции, какую в наши дни мы назвали бы реактивным двигателем... Случай не имел никакого отношения к изобретению современной паровой машины» [48, с. 311].

Европа гордится открытиями Коперника и Галилея, а нам теперь говорят, что астрономические наблюдения халдеев простираются назад на сотню лет до потопа; а Бунзен относит потоп не менее чем за 10000 лет до нашей эры [74, т. V, с. 88]. Мало того, один китайский император, живший более чем за 2000 лет до Р. Х. (т. е. до Моисея), предал смертной казни двух своих главных астрономов за то, что они не предсказали состоявшегося солнечного затмения.

Следует отметить в качестве примера неточности ходячих мнений в отношении претензии современной науки, что открытие неуничтожаемости материи и корреляции энергий, в особенности последней, должны считаться ее венценосным триумфом. Это «наиболее важное открытие нынешнего века», – выразился по поводу корреляции энергий Уильям Армстронг в своей знаменитой речи, как председатель Британского общества. Но это «важное открытие», в конечном счете, совсем не является открытием. Его источник, оставив неотрицаемые следы, находимые у философов древности, затерялся в густых сумерках доисторических дней. Первые его следы открываются в неясных размышлениях ведической теологии, в учении об эманировании и абсорбировании, короче говоря, о нирване. Джон Ориген обрисовал его в своей смелой философии в восьмом веке, и мы приглашаем каждого, кто хочет убедиться в истине сказанного, прочесть его «*De Divisione Naturae*». Наука говорит, что когда теория неуничтожаемости материи (тоже, кстати сказать, очень, очень старая идея Демокрита) была продемонстрирована, ее пришлось распространить и на энергию. Никакая частица материи никогда не может быть утеряна; никакая часть существующей в природе энергии не может исчезнуть; следовательно, энергия так же оказалась неуничтожаемой, а ее различные проявления или силы в различных видах, как было показано, взаимно обратимы и являются только различными видами движения материальных частиц. И таким образом наука второй раз открыла корреляцию энергий. Мистер Гроу еще в 1812 г. приписал обратимость всем таким силам, как тепло, электричество, магнетизм и свет; придав им, таким образом, способность быть в одно время причиной, а в другое – следствием [227]. Но откуда приходят эти силы, и куда они уходят, когда мы теряем их из поля зрения? По этому вопросу наука молчит.

Теория «корреляции энергий», хотя, может быть, по мнению наших современников, «является величайшим открытием века», – не может объяснить ни начала, ни конца одной из таких сил; также эта теория не в состоянии указать причину, из которой она возникает. Энергии могут быть обратимы, и одна может производить другую, и все же никакая точная наука не в состоянии объяснить альфу и омегу этого явления. И в чем же мы тогда опередили Платона, который, ведя дискуссию в «Тимее» о первичных и вторичных качествах материи [32, с. 22] и слабости человеческого интеллекта, вкладывает такие слова в уста Тимея:

«Бог знает первоначальные качества всего; человек может только надеяться на достижение вероятного».

Стоит нам только открыть одну из нескольких статей Гёксли и Тиндаля, чтобы найти в точности то же самое признание; но они улучшают свое положение против Платона тем, что даже не разрешают Богу знать больше, чем они сами; и, возможно, они основывают на этом свое превосходство над Платоном? Индусы древности обосновали свою доктрину об эманировании и абсорбции в точности на этом законе. Тó 'Ον изначальная точка в беспредельном круге, «окружность которого не находится нигде, а центр – везде», эманерирует из себя все, все вещи, и проявляет их во видимой вселенной в разнообразнейших формах; формы перемешиваются и смешиваются, и после постепенной трансформации из чистого духа (или буддийского «ничто»), в самую грубую материю, начинают отступать, постепенно возвращаться в свое первоначальное состояние, которое есть абсорбция, поглощение в нирване ^[179] – что же это есть как не корреляция энергий?

Наука говорит нам, что она может показать, как тепло превращается в электричество, и электричество в тепло; как магнетизм переходит в электричество и – наоборот. Движение, нам говорят, есть результат самого движения и т. д. до бесконечности. Это – азбука оккультизма и ранних алхимиков. Для науки, раз неуничтожаемость материи и энергии открыта и доказана, великая проблема вечности разрешена. Какая нам больше надобность в духе? его бесполезность отныне научно доказана!

Таким образом, про современных философов можно сказать, что они ни на один шаг не двинулись дальше того, что было хорошо известно священнослужителям Самофракии, индусам и даже христианским гностикам. Первые показали свое знание в этом удивительно остроумном мифе о Диоскурах, «сыновьях неба»; это братья-близнецы, о которых говорил Швейгер, «которые постоянно умирают и воскресают вместе, тогда как абсолютно необходимо, чтобы один умер для того, чтобы другой мог жить». Они знали так же, как наши физики, что когда энергия исчезла, она, просто, была превращена в другую энергию. Хотя археология еще не открыла аппаратуры, специально созданной для таких превращений, тем не менее можно утверждать с полным правом на основании аналогических дедукций, что почти все древние религии были обоснованы на такой неуничтожаемости материи и энергии плюс эманирование всего из эфирного духовного огня – центрального солнца, которое есть Бог или дух, на знании, на чем могуществе основана древняя теургическая магия.

В рукописном комментарии о магии, составленном Проклом он дает следующее объяснение:

«Подобно тому, как влюбленные постепенно продвигаются от той красоты, которая проявляется в чувственных формах, к той красоте, которая является божественной; жрецы древности, когда они размышляли о том, что существует некое родство и симпатия одного к другому между всем, что существует в природе, и о том, что проявляется в оккультных силах; они открыли, что все существует во всем, и создали священную науку, обосновываясь на этой взаимной симпатии и подобии. Таким образом они установили существование наивысшего в низшем и низшего в наивысшем; существование в небесных областях земных свойств, преобразившихся в небесные, и существование небесных свойств, преобразившихся в земное».

Затем Прокл указывает на некоторые таинственные особенности растений, минералов и животных, которые все известны нашим естествоиспытателям, но никто из них не может этих особенностей объяснить. Одной из таких является вращательное движение подсолнуха, гелиотропа, лотоса, который перед восходом солнца складывает свои листья, втягивает лепестки в себя, так сказать, а затем раскрывает их постепенно по мере того как солнце поднимается, и

опять втягивает их в себя, когда оно склоняется к западу; также особенности солнечного и лунного камней и гелиоселена, петуха, льва и других животных.

«Итак, древние», – говорит он, – «поразмыслив над этой взаимной симпатией (небесного и земного), применили их для оккультных целей, как небесную, так и земную природу, посредством чего, через некое подобие, они усмотрели божественные силы в этой низшей обители... Все полно божественною природою; земные организмы получают полноту того, что является небесным, но небесное получает от сверхнебесной сущности, в то время как все категории сущего движутся в прекрасном снисхождении от *самого высшего к низшему*.^[180] Ибо какие бы частности ни были собраны в какую-либо из вышеупомянутых категорий, они впоследствии расширяются в нисхождении, и различные духи направляются под управление их правящих божеств».^[181]

Очевидно, Прокл здесь не пропагандирует просто суеверие, а науку; ибо, несмотря на то, что она оккультна и неизвестна нашим ученым, которые отрицают ее возможности, магия все же наука. Она прочно базируется на таинственном родстве между органическими и неорганическими телами, видимой продукцией четырех царств, и незримыми силами вселенной. То, что наука называет тяготением, гравитацией, древние, а также средневековые герметисты называли магнетизмом, притяжением, родством. Это закон вселенной, понятый Платоном и объясненный в «*Тимее*» как закон притяжения меньших тел большими, и подобных тел подобными; в последних скорее сказывается сила магнетизма, нежели тяготения. Антиаристотелевская формула, что *тяготение заставляет все тела падать с одинаковой быстротой, независимо от их веса*, причем разница вызывается каким-то другим неизвестным фактором, кажется в значительной мере больше указывает на магнетизм, чем на тяготение, т. к. первый притягивает скорее в силу субстанции, нежели веса. Основательное знакомство с оккультными свойствами всего, что существует в природе как в видимой, так и в невидимой; их взаимоотношения, притягивания и отталкивания и их причины, прослеженные до духовного начала, которое насыщает и оживляет все; способность создавать наилучшие условия, чтобы это начало могло проявляться, другими словами, глубокое и исчерпывающее знание законов природы – вот, что было, есть и будет основанием магии.

В своих записках по поводу «Духов и домовых», обозревая некоторые факты, приводимые в качестве доказательств некоторыми известными защитниками подлинности духовных феноменов, а именно, профессора Моргана, мистера Роберта Дэйла Оуэна, мистера Уоллеса; между прочим мистер Рихард А. Проктор заявляет, что он

«не находит убедительности в следующих замечаниях профессора Уоллеса: „Как можно оправдаться за непризнание таких доказательств? (Речь идет об изложенном Оуэном феномене.) Десятки и сотни так же засвидетельствованных фактов зарегистрированы, и никаких попыток не предпринято, чтобы их объяснить. Их просто игнорируют и во многих случаях их признают необъяснимыми“».

На это мистер Проктор шутливо отвечает, что

«так как наши философы заявляют, что они давно уже решили, что все эти рассказы про явления духов – один обман, следовательно остается только проигнорировать их; и они чувствуют себя весьма «раздраженными», когда приводятся новые доказательства в пользу явлений и совершаются новые обращения людей, причем некоторые из новообращенных настолько безрассудны, что требуют новых проверок и испытаний на том основании, что прежние заключения по этим явлениям

противоречили очевидности».

«Все это», – продолжает он, – «служит нам прекрасным поводом для того, чтобы не смеяться над новообращенными за их веру. Но для этого срочно нужно что-то еще сделать прежде, чем наши «философы» решатся посвятить значительную часть своего времени предлагаемым исследованиям. Нужно наглядно доказать, что *благополучие человеческой расы в значительной степени зависит от этого*, тогда как незначительность зарегистрированного до сих пор поведения духов и так видна всем новообращенным».

Эмма Хардинг Бриттен собрала из светских и научных журналов большое количество хорошо удостоверенных фактов, из которых видно, какими серьезными вопросами наши ученые иногда заменяют этот досаждающий им вопрос о «Духах и домовых». Она приводит цитату из одной вашингтоновской газеты, где помещен репортаж об одном из этих торжественных конклавов, состоявшемся вечером 29 апреля 1854 г. Профессора Хэера из Филадельфии, всеми уважаемого химика, заслужившего всеобщее уважение как своим поведением, так и своими пожизненными трудами для науки, профессор Генри «заставил замолчать», как только первый коснулся вопроса о спиритизме.

«Нахальная акция одного из членов „Американского научного общества“, – по словам автора, – «была поддержана большинством этого ученого собрания и впоследствии занесена в протокол заседания» [230, с. 119].

На следующее утро в репортаже по этой сессии газета «*Спиричуэл телеграф*» по поводу этого инцидента выразилась так:

«Казалось бы, что подобная проблема (выдвинутая профессором Хэером) целиком относится к области „науки“. Но Американская ассоциация^[182] решила, что эта проблема или недостойна его внимания или опасна, чтобы вмешиваться в нее, и поэтому проголосовала за ее отклонение. В этой связи мы не можем не упомянуть, что Американская ассоциация на том же самом заседании провела очень ученую, продолжительную, серьезную и глубокую дискуссию о том, *почему петухи кричат ночью между 12 часами и 1 часом!*»

Проблема, достойная философов! Кроме того, вероятно, будут доказывать, что она в очень *значительной* степени имеет отношение к «благополучию человеческой расы».

Достаточно кому-либо сказать, что он верит в таинственную связь или симпатию между жизнью некоторых растений и жизнью человека, и, наверняка, сказавший это станет предметом насмешек. Тем не менее, установлены многие случаи, доказывающие реальность такого родства. Известны лица, заболевшие одновременно с выкорчевыванием дерева, посаженного в день их рождения и умершие, когда умерло дерево. И также наоборот, известны случаи, когда деревья, посаженные при таких обстоятельствах увядали и умирали одновременно с тем человеком, чьими братьями-близнецами они являлись. Первый случай мистер Проктор назвал бы «следствием самовнушения», а последний – «любопытным совпадением».

Макс Мюллер приводит большое количество таких случаев в своем очерке «*О манерах и обычаях*». Он указывает, что эта популярная традиция сажать дерево-брат в день рождения ребенка существует в Центральной Америке, Индии и Германии. Следы ее он находит почти во всей Европе; находит среди воинов Маори, в Британской Гвиане и в Азии. Делая обзор Тэйлоровского «Исследования ранней истории человечества», труда, в котором приведено много таких примеров, великий филолог очень справедливо говорит следующее:

«Если бы об этом говорилось только в индийских и германских сказаниях, то мы могли бы считать это только принадлежностью арийцев; но когда мы встречаемся с этим же в Центральной Америке, то нам остается только допустить существование сообщений между поселенцами Европы и американскими сказителями преданий... или же исследовать, нет ли, в самом деле, какого-то истинно человеческого элемента в этой предполагаемой симпатической связи между жизнью цветов и жизнью человека».

Нынешнее поколение людей, которые ни во что не верят за пределами поверхностной очевидности их чувств, – несомненно отвергнет саму идею о такой силе симпатии, существующей у растений, животных и даже камней. Некий покров, закрывающий их внутреннее зрение, позволяет им видеть лишь то, чего никак нельзя отрицать. Автор *«Диалога с Асклепием»* знакомит нас с причиной этого явления, которая, возможно, подходит и к нынешнему периоду времени и дает объяснение нынешней эпидемии неверия. В нынешнем веке так же, как тогда,

«имеет место прискорбный уход божественности из человека, когда он перестает прислушиваться и верить чему-либо относящемуся к небу или небесному, когда все небесные голоса для неге *неуклонно* затихают» [231, с. 553 и далее].

Или, как сказал император Юлиан:

«Маленькая душонка (скептика), действительно, сообразительна, но ничего своим крепким и здоровым зрением не видит».

Мы находимся на низшей точке цикла и, очевидно, в переходном состоянии. Платон делил умственный прогресс вселенной в течение каждого цикла на плодоносный и неплодоносный периоды. В подлунных областях сферы различных элементов вечно остаются в совершенной гармонии с божественной природой, говорит он; «но их части», вследствие слишком тесной близости к земле и их смешивания со всем *земным* (что есть материя и поэтому область зла), «иногда согласуются с (божественной) природой, а иногда – нет». Когда те циркуляции, которые Элифас Леви называет «астральными токами», во вселенском эфире, содержащем в себе все элементы, протекают в гармонии с божественным духом, тогда наша земля и все относящееся к ней наслаждаются плодоносным периодом. Сокровенные силы растений, животных и минералов магически симпатизируют с «высшими натурами», и божественный дух человека в совершенстве осведомлен об этих «низших». Но в течение неплодоносных периодов последние теряют свою магическую симпатию, а духовное зрение большинства людей настолько слепнет, что человек теряет всякое понятие о высших силах своей собственной божественной души. Мы находимся в бесплодном периоде; восемнадцатое столетие, в течение которого с неотразимой силой разразился всеобщий скептицизм, перенес его, как заразную болезнь, в девятнадцатый век. Божественный разум затуманен в человеке; только его животный мозг один *философствует*.

Прежде магия была всеобъемлющей наукой, целиком находящейся в руках священнодействующего ученого. Хотя основа ее ревниво охранялась в святилищах, ее лучи освещали все человечество. Иначе, как же объяснить эту чрезвычайную тождественность «суеверий», обычаев, традиций и даже сентенций, повторяющихся в народных пословицах и широко рассыпанных от одного полюса до другого, так что мы находим в точности те же самые идеи как у татар и лапландцев, так и у южных национальностей Европы, у обитателей российских степей и туземцев Северной и Южной Америки? Например, Тэйлор нам наглядно

доказывает, что одно из изречений Пифагора: «Не вороши в огне мечом», – распространено среди ряда национальностей, которые не имели ни малейшего соприкосновения друг с другом. Он цитирует Де Плано Карпини, который обнаружил, что это изречение было в ходу у татар уже в 1246 г. Татарин ни за какие деньги не согласится ткнуть ножом в огонь и коснуться его любым отточенным или заостренным инструментом из боязни порезать «голову огня». Камчадалы северо-восточной Азии также считали это великим грехом. Индейцы племени сиу Северной Америки не осмеливаются коснуться огня ни иголкой, ни ножом, ни каким-либо другим острым инструментом. Того же самого опасаются калмыки, а абиссинец скорее обожжет свои локти в огне, чем использует поблизости огня нож или топор. Все эти факты Тэйлор так же называет «просто любопытными совпадениями». Макс Мюллер, однако, думает, что они много теряют в своей силе от того факта, что «на дне их покоится пифагорово учение».

Каждое изречение Пифагора, подобно многим древним изречениям, имеет двойное значение; и в то время, как оно обладало оккультным физическим значением, выраженным буквально в его словах, оно заключало в себе нравственное наставление, которое объяснено Ямвлихом в его «*О пифагорейской жизни*». Это «Не вороши в огне мечом» является девятым символом в «*Поучениях*» неоплатоников.

«Этот символ», – говорит он, – «призывает к благоразумию». Он указывает на «неуместность употребления резких слов по отношению к человеку, полного огня и гнева, на вред спора с ним. Ибо часто невежливыми словами вы возбуждаете невежественного человека, от чего страдаете сами... Гераклит также свидетельствует об истине, скрытой в этом символе, ибо он говорит: „Трудно побороть гнев, но что бы то ни было, это следует делать для искупления души“. И правильно он говорит это. Ибо многие, дав волю своему гневу, изменили состояние своей души и предпочли смерть жизни. Но правильно управляя своим языком и сохраняя спокойствие, ты создашь дружбу из раздора, огонь гнева будет потушен, и вы докажете, что вы сами не лишены ума» [75].

Иногда у нас возникали опасения; мы ставили под сомнение беспристрастность нашего собственного суждения, нашу способность к вызывающей уважение критике трудов таких гигантов, как некоторые из современных философов – Тиндаля, Гёксли, Спенсера, Карпентера и некоторых других. В нашей неумеренной любви «к людям далекого прошлого», мудрецам старины мы всегда опасались преступить границы справедливости и не воздать должного тому, кто это заслуживает. Постепенно мы отделались от этих опасений перед лицом неожиданно полученного подкрепления. Мы узнали, что мы являемся лишь слабым эхом общественного мнения которое, хотя и подавлено, но иногда прорывается в хорошо написанных статьях, рассеянных по всей периодической прессе нашей страны. Одна из таких статей помещена в «*Национальном квартальном обозрении*» за декабрь 1875 г., под заглавием «*Наши сенсуальные современные философы*». Это очень талантливая статья, бесстрашно рассуждающая о претензиях некоторых наших ученых на новые открытия, касающиеся природы материи, человеческой души, ума, вселенной; каким образом возникла вселенная и т. д.

«Религиозный мир был сильно удивлен», – говорит автор, – «и немало возбужден высказываниями таких людей, как Спенсер, Тиндаль, Гёксли, Проктор и некоторых других той же школы».

Охотно признавая, как много наука обязана каждому из этих джентльменов, автор тем не менее «весьма настойчиво» отрицает, что они сделали какие-либо открытия. Ничего нового нет в их рассуждениях – даже у самых прогрессивных из них – ничего, что не было бы преподано в той или иной форме тысячи лет тому назад. Он вовсе не говорит, что эти ученые

«выдвигают эти теории как принадлежащие им открытия, но они оставляют

факты в таком виде, что эта принадлежность им этих открытий подразумевается, а остальное доделывают газеты... Публика, у которой нет ни времени, ни склонности проверять факты, воспринимает на веру сказанное в газетах... и ждет, что будет дальше!

...Предполагаемые авторы таких поразительных теорий подвергаются нападкам в газетах. Иногда подвергающиеся таким нападкам ученые начинают защищаться, но мы не можем припомнить ни единого случая, когда ученые откровенно заявили бы: «Господа, не сердитесь на нас, мы просто *перекроили* предания, почти такие же древние, как горы». Это была бы простая истина; «но», – продолжает автор статьи, – «даже ученые и философы не всегда могут устоять против соблазна поддержать какое-либо мнение, которое, по их рассуждению, должно им обеспечить ниши среди бессмертных имен».^[183]

Гёксли, Тиндаль и даже Спенсер в последнее время стали великими оракулами, «непогрешимыми папами», по догмам протоплазмы, молекулам, первоначальным формам и атомам. Они пожали больше пальмовых веток и лавровых венков за свои великие открытия, чем было волос на голове у Лукреция, Цицерона, Плутарха и Сенеки. Тем не менее, труды последних кишат идеями о протоплазме, первоначальных формах и так далее, не говоря уже о Демокрите, который был прозван *атомным* философом. В том же самом «Обзрении» мы находим нижеследующее поразительное обличение:

«Кто, включая профанов, не удивлялся еще в прошлом году удивительным результатам, добытым с помощью кислорода? Какое возбуждение произвели Тиндаль и Гёксли провозглашением в присущей им манере оракулов просто той самой доктрины, которую мы только что приводили из труда Либига; который как наиболее «выдающийся» из трудов барона Либига был переведен профессором Лионом Плэйфаером на английский язык в 1840 г.»^[184]

«Другим недавним высказыванием», – говорит он, – «которое поразило большое количество невинных и набожных людей, было то, что каждая мысль, которую мы выражаем или пытаемся выразить, производит какое-то удивительное изменение в веществе нашего мозга».

Но чтобы прочесть об этом и еще значительно большем, нашим философам следовало только полистать страницы барона Либига. Так, например, этот ученый провозглашает:

«Физиология обладает достаточным основанием, чтобы утверждать, что *каждая мысль и каждая эмоция сопровождается изменением в составе мозгового вещества*; что каждое движение, каждое проявление силы есть результат какой-то трансформации его структуры или его вещества» [232, с. 151].

Таким образом, через все лекции Тиндаля мы можем проследить почти постранично все суждения Либига с попадающимися время от времени вставками из еще более ранних взглядов Демокрита и других языческих философов. Это – попури старых гипотез, вознесенных великим современным авторитетом в ранг квазидоказанных формул и произнесенных с живописным сладкоречивым пафосом и фразеологией, так ему присущими.

Далее тот же самый обозреватель приводит многие тождественные идеи и весь нужный материал, чтобы доказать, что великие открытия Тиндаля и Гёксли фигурируют в трудах доктора Джозефа Пристли, автора «Исследований материи и духа», а также в «Философии

истории» Гердера.

«Пристли», – добавляет автор, – «правительство не досаждало просто потому, что у него не было честолюбивого устремления прославиться своими атеистическими взглядами, провозглашая их на всех перекрестках во всеуслышание. Этот философ... был автором 70-80 томов, и он также был открывателем кислорода». – В своих сочинениях он – «выдвинул тождественные идеи, которые впоследствии были восприняты, как „смелые“, „поразительные“ высказывания наших нынешних философов».

«Наши читатели», – продолжает автор, – «помнят, какое возбуждение было вызвано высказываниями некоторых из наших современных философов по поводу происхождения и природы идей, но те высказывания, подобно тем, которые предшествовали им и последовали за ними, не заключали в себе ничего нового». «Идея», – по словам Плутарха, – «есть бестелесная *суть*, не имеющая существования сама по себе, но она дает тело и форму бесформенной материи и *становится причиной ее проявления*» (*De Placitis Philosophorum*).

Действительно, ни один современный атеист, включая и мистера Гёксли, не может превзойти в материализме Эпикура; он может только подражать ему. И что такое его «протоплазма», как не *перенес* рассуждений индийских свабхавиков или пантеистов, которые утверждают, что все сущее, боги так же как и люди, и животные суть порождения свабхавы или собственной природы? [124, с. 118] Что же касается Эпикура, то вот какие слова приписывает ему Лукреций:

«Душа, возникшая таким образом, должна быть *материальной*, ибо мы проследили ее возникновение из материального источника; так как она существует, то она существует только в материальной системе; она питается материальной пищей; увядает вместе с увяданием тела; и отсюда вывод – будь это душа человека или зверя – она должна умереть вместе с его смертью».

Тем не менее, мы хотим напомнить читателю, что Эпикур здесь говорит об *астральной* душе, а не о божественном духе. Все же, если мы правильно поняли вышеприведенное, – «баранья протоплазма» мистера Гёксли очень древнего происхождения, ее место рождения – Афины, а колыбель – мозг старого Эпикура.

Далее, будучи озабоченным, чтобы его правильно поняли и не увидели в его словах резких осуждений труда какого-либо из наших ученых, автор заканчивает свою статью следующим замечанием:

«Мы только хотим показать, по крайней мере, той части публики, которая считает себя разумной и просвященной, что ей следует развивать свою память или помнить выдающихся мыслителей прошлого гораздо лучше, чем она это делает теперь. Особенно это следует делать тем, кто или из-за своего письменного стола, с трибуны или кафедры, как университетской, так и церковной, берутся наставлять всех, кто желает получить наставления от них. Тогда будет гораздо меньше необоснованных мнений, гораздо меньше шарлатанства, а самое главное, будет гораздо меньше плагиаторства, чем теперь».^[185]

Правильно говорит Кадворт, что величайшим невежеством, в каковом наши современные всезнайки обвиняют древних, является их вера в бессмертие души. Подобно древним скептикам Греции, наши ученые (мы употребим выражение того же самого Кадворта) боятся, что если они признают существование духов и привидений, то им придется признать Бога тоже; и нет ничего

такого абсурдного для них, он добавляет, во что бы они не поверили лишь бы не допустить существования Бога. Великая корпорация древних материалистов, какими бы скептиками они нам ни казались теперь, думала по другому, и Эпикур, который отрицал бессмертие души, все же верил в Бога, и Демокрит полностью признавал реальность привидений. В предсуществование человеческой души и в богоподобные силы этой души верили почти все мудрецы древности. Магия Вавилона и Персии обосновывала на этом свои доктрины *махаджистии*. Халдейские оракулы, на которые Плето и Пселл написали так много комментариев, постоянно толковали и изъясняли свое свидетельство об этом Зороастр, Пифагор, Эпихарм, Эмпедокл, Кеб, Еврипид, Платон, Евклид, Филон, Боэций, Виргилий, Марк Цицерон, Плотин, Ямвлих, Прокл, Пселл, Синезий, Ориген и, наконец, сам *Аристотель*, далеки от отрицания нашего бессмертия и поддерживают его весьма настойчиво. Подобно Кардону и Помпанацию, которые «не были друзьями бессмертию души», как говорит Генри Мор, Аристотель ясно приходит к заключению, что разумная душа есть отдельная от души мира сущность, хотя она из той же самой субстанции, и что «она предсуществует до того, как обретает тело» [233, i, 3].

Прошли годы с тех пор, как граф де Местр написал одно изречение, которое, вполне соответствуя вольтерьянской эпохе, в которой он жил, еще более приложимо к нашему периоду крайнего скептицизма.

«Я слышал», – пишет этот выдающийся человек, – «я слышал и читал миллионы хороших шуток по поводу невежества древних, которые всегда, всюду и везде видели духов. Мне думается, что мы в значительной мере гораздо более слабоумны, чем наши прадеды, потому что не видим теперь таких духов нигде» [238].

Глава VIII

Некоторые тайны природы

*«Нет, магия чудесная моя обязана
Не ангелам стигийским из Ада вызванным;
Позор тому, кто попытался
Угрюмых дэвов и эфритов подчинить.
Но ключ к разгадке тайны волшебства
Лежит на дне прохладного истока,
В цветущих зарослях укромных уголков,
В движеньи звезд над горными хребтами».*

Тассо, песнь XIV, XLIII.

*«Кто смеет думать не о том, что говорят уста,
Моя душа клянет того, как адские врата!»*

Александр Поп.

*«Если человек перестает существовать с момента, когда он
исчезает в могиле, вы вынуждены утверждать, что он является
единственным существом, кого природа, или провидение удостоили
обманом, наделив способностями, которые нет возможности
применить».*

Бульвер-Литтон, «Странная история».

В предисловии к последней работе по астрономии Ричарда А. Проктора, озаглавленном «Наше место в беспредельности», содержатся такие необычные слова:

*«Это их незнание места, которое земля занимает в беспредельности, привело
древних к тому, что они считали небесные тела оказывающими благоприятное или
неблагоприятное влияние на судьбы людей и народов, и к тому, что они посвятили
семь дней недели, семи планетам их астрологической системы».*

Проктор в этой фразе делает два отчетливых утверждения: 1. Что древние не знали места, занимаемого землею в беспредельности и 2. Что они считали небесные тела, оказывающими благоприятное или неблагоприятное влияние на судьбы людей и народов. ^[186] Мы совершенно уверены в том, что имеется хотя бы веская причина предполагать, что древние были знакомы с движением, расположением и соотношением небесных тел. Свидетельства Плутарха, профессора Дрейпера и Джовитта достаточно ясны. Но мы спросим мистера Проктора, как могло случиться, если древние астрономы были настолько невежественны в законах рождения и смерти миров, что в отрывках фрагментов, которые рука времени сберегла нам от древнего знания, в них, — хотя и изложено непонятным языком, — такое обилие информации, которая подтверждается самыми современными научными открытиями? Проктор рисует нам теорию образования нашей земли и последовательные изменения, через которые она проходит пока становится обитаемой человеком. В ярких тонах он рисует картины постепенного превращения

космической субстанции в газообразные сферы, окруженные «жидкой, непостоянной оболочкой»; конденсацию обоих; полного уплотнения земной коры; медленного охлаждения всей массы, картины химических реакций, сопровождающих воздействие большой температуры на первозданную земную материю; формаций почвы и ее распределения; изменений в составе атмосферы; появления растительной и животной жизни и, наконец, появления человека.

Вернемся теперь к старинным письменам, оставленными нам халдеями, к герметической «Книге Чисел»^[187] и посмотрим, что мы обнаружим на аллегорическом языке Гермеса, Кадмона или Тота, трижды великого Трисмегиста.

«На заре времен руки великого, невидимого, единого были полны небесной материи, которую он разбрасывал в беспредельность, и вдруг, о, чудо! она превратилась в огненные и земляные шары; и они распадалась, как подвижный металл [ртуть], на множество меньших шариков и начинали непрерывно вращаться и некоторые из них, которые были огненными шариками, становились шариками из земли, а шарики из земли становились огненными шариками; и огненные шарики выжидали время, чтобы стать шариками из земли, а те завидовали им и ждали благоприятного момента, чтобы стать шариком божественного огня».

Можно ли просить более простого объяснения космических превращений, которые мистер Проктор так элегантно излагает?

Здесь мы видим распределение материи в пространстве; затем ее концентрацию в сферическую форму; выделение маленьких сфер из больших; вращение вокруг оси; постепенное изменение сфер из неконденсированных до консистенции земли; и, наконец, полную утрату тепла, что означает вступление их в стадию планетной смерти. Превращение шаров земли в огненные шары будет понятно материалистам, как такой феномен, как внезапное воспламенение звезды в созвездии Кассиопея в 1572 г. после Р. Х., и звезды в Змеевидной туманности в 1604 г., отмеченные Кеплером. Но утверждают ли халдеи этими фразами глубину своей философии в сравнении с философией наших дней? Указывает ли это превращение шаров в шары «чистого божественного огня» на бесконечное планетное существование, соответствующее жизни человеческого духа за пределами смерти? Если миры, как утверждают астрономы, имеют свои периоды: эмбриональный, младенчества, юности, зрелости, старения и смерти, не могут ли они, как и человек, продолжать свое существование в сублимированной, эфирной или духовной форме? Маги утверждают это. Они говорят нам, что наша плодородная мать-земля подчинена тем же законам, что и каждый из ее детей? В свое назначенное время она создает все свои творения; в пространстве времен она собирается в гробницу миров. Ее большое физическое тело медленно расчлняется на атомы под действием непреложного закона, который требует их нового объединения в других комбинациях. Ее собственный, совершенный, животворящий дух повинуетя всемирному тяготению, которое притягивает его к центральному духовному солнцу, из которого он вначале возник, о котором мы имеем смутное представление и который известен нам под именем **Бога**.

«И небо было видимо в семи кругах и планеты появились со всеми своими знаками, в форме звезд, и звезды делились и множились по законам, которые были в них, и их *вращение* было связано с *воздухом* и порождалось круговращением через посредство божественного *духа*».^[188]

Мы бросаем вызов каждому, кто укажет хоть одну сторону в труде Гермеса, доказывающую

его виновность в итоговом абсурде Римской церкви, приписывающей себе геоцентрическую теорию и то, что небесные тела были созданы для наших потребностей и удовольствия и мы были достойны того, чтобы единственный сын Божий снизошел на эту песчинку космоса и умер, искупив наши грехи! Мистер Проктор говорит нам о жидкой непостоянной оболочке из незастывшего вещества, содержащей в себе «вязкий пластический океан», внутри которого «находится другой, внутренний, вращающийся *плотный глобус*». Со своей стороны мы обращаемся к «Академической магии» Евгения Филалета, изданной в 1650 г. и на стр. 12 мы найдем следующие строки, являющиеся цитатами из Трисмегиста:

«Гермес утверждал, что *вначале* Земля походила на булькающую, зыблущуюся, желеобразную массу; она была ничем иным, как водой, *затвердевшей* в процессе созревания и под воздействием божественного духа; *cum adhuc* (говорит он) *Terra tremuta esset, Lucente sole compacta esto*».

В том же самом труде Филалет повествует своим необычным, символическим стилем:

«Земля невидима... для моей души это так, более того *глаз человека* никогда не видел Землю и не может быть она *видима* без особого искусства. Сделать этот элемент невидимым, есть величайший секрет магии... что касается этого загрязненного огромного тела, по которому мы ходим, то это *компост*, но не Земля, но он содержит Землю в себе... одним словом все элементы видимы, кроме одного, а именно *Земли*, и когда ты достигаешь такой степени совершенства, чтобы узнать почему Бог сделал Землю невидимой, [\[189\]](#) у тебя будет великолепный прообраз, по которому можно познать *Самого Бога*, каким образом Он *видим*, каким *невидим*» [241, с. 11].

За столетия до появления ученых девятнадцатого века мудрецы Востока с такими словами обращались к невидимому божеству: «всемогущей руки Твоей, создавшей мир из *необразного вещества*» [«Премудрости Соломона», XI, 18]. В этих словах заключено гораздо больше того, что бы мы хотели объяснить, но мы желаем сказать, что тайна достойна поиска и, возможно в этой бесформенной материи, в до-адамической земле кроется «потенция», с которой господа Тиндаль и Гёксли были бы рады познакомиться.

Но чтобы снизойти от целого к частному, от древней теории эволюции планет к эволюции растительной и животной жизни, в противовес теории об особом сотворении, как назовет Проктор следующие слова Гермеса, как не предварение современной теории об эволюции видов?

«Когда Бог наполнил свои могущественные руки всем тем, что существует в природе в том, что ее окружает, затем, сжав их плотно, он сказал: «Прими от меня, о, священная Земля! этому предназначено быть *матерью* всего, чего бы ты не попросила» и тотчас открыв такие руки, какие подобает иметь Богу, он бросил вниз все, что было необходимо для сотворения вещей».

Здесь мы имеем первичную материю, заключающую в себе «обещание и потенциальную возможность любой будущей формы жизни», и земля объявляется предназначенной матерью всего, что отныне будет рождаться из ее чрева.

Более определенно выражается Марк Антоний в беседе с самим собой:

«Природа вселенной не имеет большей радости, как изменять все существующее и

являть его в разных формах. Это ее фантазия сыграть одну игру и начать другую. Материя лежит пред ней, как кусок воска и она придает ему различные формы и очертания. Сейчас она создала *птицу*, затем из *птицы* – *животное*, теперь *цветок*, потом *лягушку*, и она наслаждается своими магическими превращениями, как люди своими собственными фантазиями» [241].

Раньше, чем кто-либо из современных учителей задумался об эволюции, древние учили нас через Гермеса, что ничто не возникает в природе внезапно, что она никогда не развивается скачками и рывками, что все в ее работе неторопливо, гармонично и там ничто не является неожиданностью – даже жестокая смерть.

Медленное развитие из предшествующих форм было доктриной розенкрейцеров-иллюминатов. *Tres Matres* показали Гермесу таинственный успех их работы, прежде чем они снизошли и открылись средневековым алхимикам. Теперь на языке Гермеса эти три матери являются символом света, тепла и электричества или магнетизма, последние два, являются изменчивыми, также как и все силы или агенты, которые имеют определенное место в современном «соотношении сил». Синезий упоминает каменные книги, найденные им в храме Мемфиса, на которых было выгравировано следующее изречение:

«Одно *естество* блаженствует в другом, одно превосходит другое, одно подчиняет другое, но все они *едины*».

Постоянное движение, присущее материи, выражено в изречении Гермеса: «Действие есть жизнь Пта»; и Орфей называет природу *Πολυμήχανος μήτηρ*, «мать, которая создает множество вещей», или гениальная, затейливая, изобретательная мать.

Проктор говорит:

«Все, что *на земле и внутри ее*, все растительные формы и все животные формы, наши тела и мозги созданы из веществ, которые были притянуты из глубины окружающего нас со всех сторон пространства».

Герметисты и поздние розенкрейцеры считают, что все вещи видимые и невидимые были созданы соревнованием света с тьмою, и что каждая частица материи содержит в себе искру божественной субстанции или света, дух, который, благодаря своей тенденции освобождаться от пут и возвращаться к центральному источнику, создает движение частиц и из движения рождаются формы. Цитируя Роберта ди Флактиба, Харгрейв Дженнингс говорит:

«Так все минералы в этой вспышке жизни имеют рудиментарную возможность растений и растущих организмов, так все растения обладают рудиментарными чувствами, которые могут (через века) дать им возможность совершенствоваться и трансмутироваться в движущиеся новые создания низших или высших по своему развитию, обладающие добрыми или злыми функциями; так все растения и весь растительный мир может перейти (обходными путями) на более высокую ступень, чем они занимали, на независимое более совершенное продвижение, позволяющее их изначальной искре света разрастаться и трепетать более высокими вибрациями, гореть ярким пламенем и устремляться вперед к более обширной информации, будучи целиком захваченной планетными влияниями, управляемыми невидимыми духами (или работниками) великого Изначального Архитектора» [76].

Свет – первое, что упоминается при *Сотворении*, называется каббалистами Сефира, или божественный разум, мать всех сефиротов, в то время как *Непроявленная Премудрость* есть отец. Свет есть первое проявление и первая эманация Всевышнего, и Свет есть Жизнь, говорит евангелист (и каббалист). И то и другое суть электричество – жизненный принцип, *Anima Mundi* – наполняющее вселенную, электрический жизнедатель всех вещей. Свет есть великий маг-Протей, всемогущие и разнохарактерные вибрации которого по божественному велению Архитектора рождают любую форму и любое из живущих существ; из его разверстого чрева рождается материя и дух. В его лучах покоятся начала всех физических и химических действий и всех космических и духовных феноменов; он оживляет и разлагает, он дает жизнь и несет смерть, и из его точки исхождения постепенно возникли к существованию мириады миров, видимые и невидимые небесные тела. От луча этой Первой Матери, единой в трех, «Бог», согласно Платону, «возжег огонь, называемый нами Солнцем» [32], и который не есть причина света или тепла, но лишь фокус, или, можно сказать, линза, посредством которой лучи предвечного света материализуются и сосредотачиваются на нашей Солнечной системе и производят все соотношения сил.

Этого достаточно по поводу первого высказывания Проктора; теперь о втором.

Труд, о котором мы упоминаем, включает в себя двенадцать очерков, последний из которых озаглавлен «Мысли об астрологии». Автор придает предмету гораздо большее значение, чем обычно принято среди людей его класса, такое, что становится очевидным, что он внимательно изучал его. Фактически он идет так далеко, что говорит:

«Если мы считаем материю обоснованной, то мы должны допустить... что из всех заблуждений, в которые впадали люди в своем желании проникнуть в будущее, астрология является одним из наиболее заслуживающих уважение и, даже можно сказать, наиболее резонным» [242, с. 313].

Он допускает, что

«Небесные тела действительно управляют судьбами народов и наций самым безошибочным образом, поскольку без контролирующих и благотворительных влияний главного среди этих небесных тел – Солнца – каждое живое существо на земле должно погибнуть» [242, с. 313].

Он допускает также влияние Луны, и не видит ничего странного в суждениях древних по аналогии, что, если среди небесных тел два имели могущественное влияние на землю, то будет

«...естественно, что другие движущиеся тела, известные древним, тоже должны считаться обладающими своими особыми силами» [242, с. 314].

Действительно, профессор не видит ничего безрассудного в их предположении, что влияния, оказываемые медленно движущимися планетами «могут быть даже более сильными, чем даже влияние самого солнца». Проктор думает, что астрологическая система «сформировалась постепенно, и вероятно, путем накопления опыта». Некоторые влияния могли быть выяснены путем наблюдения за событиями, судьбами того или иного короля или вождя, приводя астрологов к тому, что они начали приписывать особое значение тем планетным аспектам, которые были в момент рождения этих лиц. Некоторые возможно были выдуманы и позднее получили всеобщее признание, будучи подтвержденными каким-то случайном совпадением.

Остроумная шутка может прозвучать красиво даже в научном трактате и слово «совпадение» может быть применено к чему-нибудь, что мы не желаем принять. Но софизм не трюизм: еще меньше математическое доказательство, которое единственно должно служить маяком – хотя бы для астрономов. Астрология является наукой такой же непогрешимой, как и сама астрономия, при условии, однако, что ее интерпретаторы должны так же быть непогрешимыми; а это как раз то условие, *sine qua non*, настолько трудно достижимое, которое всегда являлось камнем преткновения для обоих. Астрология должна уточнять в астрономии то, что психология должна уточнять в физиологии. В астрологии и психологии некто должен шагнуть за пределы видимого материального мира и вступить в трансцендентальную область духа. Эта древняя борьба, существующая между школами Платона и Аристотеля, и не в наш век саддукейского скептицизма первая одержит верх над второй. Проктор со своим профессиональным мерилom подобен человеку из Нагорной проповеди, лишенному милосердия, который всегда готов привлечь внимание людей к соринке в глазу презираемого им соседа и не заметить бревна в своем глазу. Если мы начнем перечислять промахи и нелепые ошибки астрономов, то боимся, что они далеко превзойдут по числу ошибки астрологов. Настоящие события целиком оправдывают Нострадамуса, который подвергался таким насмешкам наших скептиков. В старинной книге пророчеств, изданной в пятнадцатом столетии (издание 1453 г.) мы читаем следующее, среди других предсказаний астрологов:^[190]

«В дважды двухсотом году Медведь
Нападет на пребывающий Полумесяц;
Но, если Петух и Телец соединятся,
Медведь не победит.
В дважды по десять лет опять, —
Пусть ислам знает и убоится, —
Крест будет стоять, а Полумесяц убывать,
Растворится и исчезнет».

Как раз дважды по двести лет со дня этого предсказания началась Крымская кампания, во время которой союз Французского Петуха и Английского Тельца являлись помехой для притязаний Русского Медведя. В 1856 г. война закончилась и Турция или Полумесяц едва избежала гибели. В текущем году (1876) самые неожиданные события политического характера, как раз имели место, и *дважды по десять лет* истекли с момента провозглашения мира. Как будто все подает надежду на исполнение старинного пророчества; будущее покажет действительно ли мусульманский полумесяц, который в самом деле *убывает* безвозвратно «будет убывать, растворится и исчезнет», как это вытекает из текущих событий.

Продолжая объяснение разноречивых фактов, с которыми, по-видимому, сталкивался Проктор, в погоне за знанием, он должен не однажды возвращаться к этим «курьезным совпадениям». Одно из них, наиболее курьезное, указано им в сноске (стр. 301), из которой следует:

«Я не буду здесь подробно останавливаться на курьезном совпадении – если халдейские астрологи и в самом деле не открыли кольца Сатурна – то они изображали соответствующего бога внутри кольца и *троичным*... Очень посредственные познания в оптике – такие однако, как об этом можно сделать вывод из наличия оптических инструментов среди ассирийских останков – которые могли привести к открытию

колец Сатурна и лун Юпитера... Бел, ассирийский Юпитер», – добавляет он, – «изображался с четырьмя окаймленными звездами крыльями. Но возможно все это были лишь простые совпадения».

Короче говоря, теория Проктора о совпадениях, в конечном итоге, больше вызывает мыслей о чудесах, чем сами факты. На совпадения, наши друзья скептики, кажется, имеют неутолимый аппетит. В предыдущей главе мы представили достаточные доказательства, чтобы показать, что древние имели в употреблении такие же хорошие оптические инструменты, какие мы имеем теперь. Были ли инструменты, которыми владел Навуходоносор такой же силы, как современные, а знания его астрономов такими уж ничтожными, если, согласно глиняным табличкам, прочитанным Раулинсоном, Бирс-Нимруд, храм Борсиппа, имел семь ступеней, символизировавших концентрические круги семи сфер, каждая была построена из кафеля и металлов так что соответствовала по цвету правящей планете изображаемой сферы? Является ли это опять совпадением, что они присваивали каждой планете тот цвет, который оказался настоящим, как показали наши позднейшие телескопические открытия?^[191] Или опять это совпадение, что Платон в «Тимее» обнаруживает свое знание закона сохранения материи, закона сохранения энергии и корреляции сил?

«Последнее слово современной философии», – говорит Джовитт, – «это непрерывность и развитие, но для Платона это было началом и основанием науки».^[192]

Основным элементом древних религий был неотъемлемо сабеизм;^[193] и мы считаем, что их мифы и аллегории – если таковые правильно и тщательно интерпретировать, могут быть увязаны с наиболее точными астрономическими данными наших дней. Скажем еще больше; вряд ли найдется научный закон – имеющий отношение к физической астрономии или физической географии – который нельзя было бы легко отыскать в гениальных комбинациях их мифов. Они изображают в виде аллегорий, как наиболее важные, так и совсем ничтожные причины движения небесных тел; природа каждого феномена персонифицировалась, а в мифологических биографиях Олимпийских богов и богинь каждый, хорошо знакомый с основами физики и химии последнего времени, сможет найти причины, внутренние агенты и взаимоотношения, воплощенные в манеру держаться, и поведение изменчивого божества. Атмосферное электричество в своем нейтральном и латентном состояниях олицетворяется обычно полубогами и богинями, чья сфера деятельности ограничена больше землей и, которые в своих случайных полетах в более высокие, божественные области выявляли свои электрические темпераменты, всегда в *строгой пропорциональности с увеличением расстояния от поверхности земли*: знамена Геркулеса и Тора никогда еще не были такими смертоносными как во времена, когда боги поднялись на облака. Мы должны помнить, что до того времени, когда олимпийский Юпитер был антропоморфизирован гением Фидия и превращен во всемогущего Бога, *Maximus*, божество богов и представлен для поклонения множествам, в ранней и непонятной науке символогии он олицетворял собой все космические силы в целом. Миф был не так метафизичен и сложен, а скорее правдиво-красноречивое выражение физики. Зевс – мужской элемент творения с Хтония-Вестой (Землей) и Метис (водой), первой из Океанид, (женские принципы), согласно Прокла и Порфирия, были видны, как *zōon-ek-zōōn*, главные из живых существ. В орфической теологии, самой древней из всех, выражаясь метафизически, он представлял обоих *потенцию и действие*, *непроявленную причину* и Демиурга или активного творца, как эманацию невидимой силы. В последующих возможностях демиурга в сочетании с его супругами мы находим все самые мощные агенты эволюции космоса – сродство химических элементов, атмосферное электричество, притяжение и отталкивание.

По его последующим изображениям и физическим качествам мы обнаруживаем, как

хорошо древние были знакомы со всеми доктринами физической науки в их современном развитии. В дальнейшем, в рассуждениях Пифагора, Зевс становится метафизической троицей; Монада развивающаяся из своего невидимого «Я» активная причина, действие и разумная воля – вместе составляют *Тетраксис*. Еще позднее мы находим, что ранние неоплатоники, оставив в стороне первичную монаду по причине ее полной непознаваемости для человеческого ума, размышляли просто о *демиургической триаде* этого божества, как видимого и познаваемого в его проявлениях; отсюда и метафизическое продолжение этого представления о Зевсе Плотина, Порфирия, Прокла и других философов. Зевс-отец, Зевс *Посейдон* или *данамис*, сын и сила, и дух или *ноус*. Эта триада была также принята в целом школой ириников ^[194] во втором столетии; наиболее существенное различие между доктринами неоплатоников и христианства было просто в насильственном смешении последним непознаваемой монады с ее приведенной в действие творческой троицей.

В своем астрономическом аспекте Зевс-Дионис берет свое начало в зодиаке, древнем солнечном году. В Ливии он принимает форму барана и отождествляется с египетским Амоном, который рождает Озириса, бога тельца. Озирис является также олицетворением эманации Отца-Солнца, сам являясь Солнцем Тельца. Праотец-Солнце является Солнцем Овна. Как и последний, Юпитер является в облике барана, и, как Юпитер-Дионис или Юпитер-Озирис, он является быком. Это животное, как это хорошо известно, является символом творческой силы. Более того каббала поясняет через посредника, одного из ее главных толкователей – Симона бен Иохан, ^[195] происхождение этого странного почитания быков и коров. И не Дарвин и не Гёксли – основатели доктрины эволюции и ее неизбежного дополнения, превращения видов – кто бы мог найти что-либо против рациональности этого символа, исключая, пожалуй, естественное чувство неловкости, что древние опередили их даже и в этом исключительно современном открытии. Где-нибудь мы приведем доктрину каббалистов, как ее излагал Симон бен Иохан.

Легко может быть доказано, что с незапамятных времен Сатурн или Кронос, чье кольцо, вернее всего, было открыто халдейскими астрологами и чей символизм не есть «совпадение», считался отцом Зевса, пока последний сам не стал отцом всех богов и был высшим божеством. Он был Бэл или Ваал Халдеев, первоначально завезенный к ним аккадийцами. Раулинсон настаивает на том, что последний пришел из Америки. Но если это так, то как мы можем считать фактом, что Бэл есть лишь вавилонское олицетворение индийского Шивы или Бала, бога огня, всемогущего созидającego и в то же время разрушающего божества, во многих отношениях выше самого Брахмы?

«Зевс», – говорится в орфическом гимне, – «первый и последний, голова и конечности; от него произошли все вещи. Он человек и бессмертная нимфа (мужской и женский элемент); душа всех вещей, главный двигатель в огне; он есть солнце и луна; родник из океана; демиург вселенной; одна сила, один Бог; могущественный творец и правитель космоса. Все, – огонь, вода, земля, эфир, ночь, небеса. Метис – первый архитектор (София гностиков и Сефира каббалистов), красавец Эрос, Купидон, – все вмещается в необъятной протяженности его величественного тела!» [244]

Этот короткий, хвалебный гимн лежит в основе каждой поэтической мифологической концепции. Воображение древних оказалось безграничным, как и видимые проявления самого божества, давшего им темы для их аллегорий. И хотя последние кажутся многообразными, все же они никогда не расстаются с двумя главными идеями, которые всегда можно заметить идущими параллельно в их сокровенных творениях; строгая приверженность к физической, в той же мере, как и к моральной или духовной стороне законов природы. Их метафизические исследования никогда не расходились с научными истинами и их религии, поистине, можно было бы назвать психофизиологическими убеждениями священнослужителей и ученых,

построенные на традициях зарождающегося, таких какими получил их чистый ум примитивных и на их собственном экспериментальном познании убежденный седидами мудрости проходящих веков.

Подобен солнцу – какой еще лучший образ можно найти для Юпитера, изображающего его золотые лучи, как не олицетворить эту эманацию в Диане, светоносной целомудренной Артемиде, чье старое имя было Диктина, дословно значит *луч*, от слова *дикейн*. Луна не светится и она сверкает только отраженным светом солнца; отсюда образ его дочери, богини луны и сама Луна, Астарта или Диана. Как и Критская Диктина она носит венок из волшебного растения *диктамнон* или *диктамнус*, вечнозеленого кустарника, соприкосновение с которым, говорят, вызывает сомнамбулизм и одновременно излечивает от него; и, как Элития, и Джуно Пронуба, она является богиней, управляющей рождением; она является богиней эскулапов и ассоциация венка из диктамнуса, еще раз показывает глубокую наблюдательность древних. Это растение известно в ботанике, как обладающее большой седативной силой, оно растет в изобилии на горе Дикти на Крите; с другой стороны, луна, согласно лучшим авторитетам, по животному магнетизму влияет на соки и нервные ганглии или клетки, места, откуда идут все нервные волокна, играющие такую важную роль в месмеризме. При родах критских женщин покрывали этим растением, а его корни назначались как лучшее средство для успокоения острой боли и чтобы уменьшить раздражительность, столь опасную в этот период. Кроме того, их помещали в пределах храма, посвященного богине и, если возможно, под прямыми лучами лучезарной дочери Юпитера – ясной и теплой Восточной луны.

Индийские брахманы и буддисты усложнили теорию о влиянии солнца и луны (мужского и женского элементов), как содержащих негативные и позитивные принципы, противоположные магнитным полюсам. «Влияние луны на женщин хорошо известно», – писали все старые авторы по магнетизму; и Эннемозер, так же как и Дю Потэ, подтверждают теории индусских провидцев во всех отношениях.

Явное уважение, оказываемое буддистами сапфиру, – тоже посвященному Луне, во всякой другой стране можно было бы считать основанным на каких-то более точных научных данных, нежели простым необоснованным суеверием. Они приписывали ему священную магическую силу, которую легко поймет каждый изучающий психологический месмеризм, так как его гладкая темно-голубая поверхность производит сомнамбулический феномен. Различное влияние цветов призмы на рост растений и особенно этого «голубого луча» было замечено, но совсем недавно. Академики спорили о различной силе тепла призматических лучей, пока целый ряд опытов, сделанных генералом Плеазонтоном, доказал, что под голубым лучом, самым богатым электричеством, рост животных и растений увеличивается до сказочных размеров. Таким образом, исследования Аморетти электрической полярности драгоценных камней показали, что алмаз, гранат, аметист – являются электроотрицательными, в то время как сапфир является электроположительным.^[196] Таким образом, мы имеем возможность показать, что последние научные эксперименты только подтверждают то, что было известно индусским отшельникам еще задолго до того, как была основана любая из современных академий. И древняя индусская легенда гласит, что Брахма-Праджапати, влюбившись в собственную дочь *Вач* (*Ushas*, Небо, а иногда также и Заря), принял образ оленя (*ris'ya*), а Вач – образ лани (*rōhit*), таким образом совершили первое грехопадение.^[197] Видя такое святотатство, боги испытали чувство ужаса и, объединив свои самые страшные тела – каждый бог имеет столько тел, сколько он пожелает, – они создали бхутов (духов зла), с той целью, чтобы он *разрушил* воплощение первородного греха, совершенного самим Брахмой. Видя это, Брахма-Ираньягарбха^[198] горько раскаялся и стал повторять мантры, или молитвы очищения и, в горе своем, уронил на землю слезу самую горячую, которая когда-либо падала из его глаз; и из нее образовался первый

сапфир.

Эта полусвященная, полународная легенда показывает, что индусы знали, какой из цветов призмы обладал наибольшим электричеством, более того, особое влияние сапфира было хорошо известно, так же как и других минералов. Орфей учит, как можно влиять на целую аудиторию с помощью магнита; Пифагор обращает особое внимание на цвет и природу драгоценных камней; а Аполлоний Тианский открывает своим ученикам скрытые качества и меняет каждый день перстни с драгоценными камнями, имея особый камень для каждого дня в месяце по законам прорицательной астрологии. Буддисты утверждают, что сапфир приносит спокойствие и хладнокровие ума и изгоняет все дурные мысли, делая здоровым кровообращение человека. То же делает и электрическая батарея с исправным током, говорят электрики.

«Сапфир», – говорят буддисты, – «откроет запертые двери и помещения (для человеческого духа); он вызывает желание молиться и приносит умиротворение больше, чем другие камни, но тот кто его носит, должен вести чистую и праведную жизнь» [246].

Диана-Луна, дочь Зевса и Прозерпины, представляет Землю в период ее активной деятельности и, согласно Гесиоду, как Диана Элития-Люцина, она является дочерью Юноны. Но Юнона, проглоченная Кроносом, или Сатурном, и воскрешенная к жизни океанидой Метис, также известна как Земля. Сатурн, в ходе Времен, проглатывает Землю в один из предысторических катаклизмов и только, когда Метис (вода), скрытая в своих многочисленных ложах, освобождает континент, тогда как говорят Юнона возрождается в своем прежнем облике. Эта идея выражена в 9 и 10 стихах первой главы «Бытия». В частых матримониальных ссорах между Юноной и Юпитером, Диана всегда представляется отворачивающейся от матери и улыбающейся отцу, хотя она бранит его за бесконечные проказы. Фессалийские колдуны, говорят, должны были, в периоды этих затмений, притягивать ее внимание к земле с помощью своих заклинаний и колдовства, а вавилонские астрологи и маги не прекращали колдовать до тех пор, пока им не удавалось достичь мира между рассорившейся парой, после чего Юнона «улыбалась, сияя сверкающей богине» Диане, которая, опоясав свой лоб полумесяцем, возвращалась на свое место охоты в горах.

Нам кажется, что эта легенда указывает на различные фазы луны. Мы, живущие на земле, всегда видим только одну сторону нашего светящегося спутника, который, таким образом, поворачивается *спиной* к своей матери Юноне. Солнце, Луна и Земля постоянно изменяют положения в отношении друг друга. С *новой* луной постоянно наступает перемена погоды, а иногда ветра и штормы могут быть достаточным намеком на ссору между солнцем и землей, особенно если первое скрыто грозowymi тучами. Более того, новая луна невидима, пока ее темная сторона повернута к нам; и только после *примирения* солнца и земли, этот месяц ясный становится видимым на той стороне, которая ближе к солнцу, хотя в это время Луна не освещается *прямыми* солнечными лучами, но солнечным светом, отраженным от земли к луне и ее отражающей спиной к нам. Вот почему говорят, что халдейские астрологи и колдуны Фессалии, которые, по всей вероятности, наблюдали и, как и Бабинэ, точно установили пути небесных тел, своими чарами заставляли луну спуститься на землю, т. е. показать свой месяц, что она могла сделать только после получения «сияющей улыбки» своей матери-земли, которая дарила ее после примирения с супругом. Диана-Луна, украсив свое чело полумесяцем, возвращалась обратно охотиться в *своих горах*.

Если подвергать сомнению знания, присущие древним, как основанные на «*суеверных* выводах, сделанных из естественных феноменов», то это соответствовало бы тому, как если бы, 500 лет спустя, наши потомки начали бы считать учеников профессора Балфура Стюарта *древними* невеждами, а его самого легковверным философом. Если современная наука в лице этого джентльмена соглашается ставить опыты, чтобы установить, связан ли как-то вид

солнечных пятен с болезнями картофеля, и находит, что *связан*; и более того, «что земля находится под сильным влиянием происходящего на солнце» [28], то почему же древних астрологов нужно выставить, как дураков, или отъявленных жуликов? Между описательной и прорицательной астрологией существует такая же связь, как между физиологией и психологией, физической стороной и моральной. Если в последующие века эти науки деградировали до шарлатанства, благодаря некоторым дельцам-самозванцам, разве справедливо распространять обвинение на тех великих людей прошлого, кто, упорным изучением и праведной жизнью, увековечил имена Халдеи и Вавилона? По истине, как теперь стало известно, тех, кто с вершины обсерватории Бэла «окутанной облаками», сделал точные астрономические вычисления во времена далекого прошлого, в период «около 100 лет с момента всемирного потопа», их, как и проф. Дрейпера, вряд ли можно считать обманщиками. Если их метод доводить великие астрономические истины до сознания масс отличался от «системы образования» нашего столетия и кажется некоторым смешным, то, все же, вопрос остается открытым, которая из двух систем лучше? У них наука шла рука об руку с религией и идея Бога была неотделима от его творений. В то время, как в нашем веке едва ли найдется один человек на десять тысяч, кто знает, что планета Уран, если он вообще знает о ее существовании, является *следующей* за Сатурном, что она обращается вокруг Солнца за 84 года, что Сатурн находится за Юпитером и требуется 29 с половиной лет, чтобы он сделал один полный оборот по своей орбите, в то время как Юпитер совершает свой круг за 12 лет; невежественные народные массы Вавилона и Греции запечатлели в своем сознании, что Уран был отцом Сатурна, а Сатурн отцом Юпитера и считали их, кроме того, божествами также, как и всех их спутников; из этого, пожалуй, мы можем сделать вывод, что поскольку европейцы открыли Уран только в 1781 г., то любопытным является это совпадение, подмеченное в вышеприведенных мифах.

Стоит нам только открыть самую простую астрологическую книгу и сравнить «Описание Двенадцати Домов» с самыми современными открытиями, касающимися природы планет и элементарного строения каждой звезды, чтобы увидеть, что без всякого спектроскопа древние были отлично ознакомлены со всем этим. Если только этот факт снова не причислят к «совпадениям», мы можем узнать в какой-то мере о количестве солнечного тепла, света, о природе планет, просто изучая символическое описание Олимпийских богов и двенадцати знаков зодиака, каждому из которых в астрологии приписывается особое качество. Если богини нашей собственной планеты ни в чем особенно не отличаются от других богов и богинь, а все они схожи по своей физической природе, разве это не значит, что часовые, наблюдая с вершины башни Бэла, днем и ночью общаясь с эвгемеризированными^[199] божествами, раньше нас обнаружили единство природы всего мира и что планеты, над нами, образованы точно из тех же химических элементов, что и наша собственная. Солнце в Овне, Юпитер показан в астрологии как мужской ежедневный, кардинальный, равноденственный, восточный знак, жаркий и сухой и вполне отвечает характеру, которым наделяют ветреного «Отца богов». Когда Зевс-Акриос гневается, он выхватывает из своего огненного пояса молнии и мечет их с небес, он разрывает тучи и обрушивается, как Юпитер *Плювиус (дождевой)* потоками дождя. Он величайший и высочайший из богов и его движения быстры, как сама молния. Юпитер, как известно, вращается вокруг своей оси так быстро, что область его экватора вращается 450 миль в минуту. Считают, что огромный переизбыток центробежной силы на экваторе явился причиной того, что планета чрезвычайно сплюснулась у полюсов и на Крите бог Юпитер изображался без ушей. Диск планеты Юпитер пересечен темными поясами, различными по ширине, возможно, они связаны с его вращением вокруг оси и появились благодаря пертурбациям в его атмосфере. Лицо Зевса-Отца, по словам Гесиода, покрылось гневными пятнами, когда он обнаружил, что Титан готов восстать.

В книге Проктора астрономы, как будто, обречены Провидением встречаться с разного рода забавными «совпадениями», так как он приводя многие случаи из «множества» и даже «тысячи фактов [дословно]». К этому списку можно добавить целую армию египтологов и археологов, которые за последнее время были избранными любимчиками капризного *Его Величества Случая*, который, кроме того, обычно избирает «состоятельных арабов» и других восточных джентльменов играть роль добрых *гениев* ученых ориенталистов в их трудностях. Профессор Эберс был одним из последних любимчиков. Это хорошо известно, что как только Шампольону не хватало важных звеньев, он находил их самыми различными и неожиданными путями.

Вольтер, величайший из «язычников» восемнадцатого столетия, любил говорить, что если бы Бога не было, то люди бы его выдумали. Волни, другой «материалист», нигде в своих многочисленных писаниях не отрицает существование Бога. Напротив, он несколько раз ясно утверждает, что вселенная есть творение «Все-премудрого» и убежден, что существует Верховная Сила, вселенская и тождественная Причина, известная под именем Бог [247]. К концу своей жизни Вольтер становится пифагорейцем и в заключении говорит:

«Я потратил сорок лет в своих скитаниях... ища философский камень под названием Правда. Я советовался со всеми адептами древности, Эпикуром и Августином. Платоном и Мальбраншем и остаюсь в неведении... Все, что я смог получить от сравнения и комбинации систем Платона, учителя Александра, Пифагора, и систем Востока: *Случай* – это слово, не имеющее смысла. Мир создан по законам математики».^[200]

Для нас является уместным утверждение, что камнем преткновения мистера Проктора является то, на чем спотыкаются все ученые материалисты, чьи взгляды он только повторяет; он путает физические и духовные проявления природы. Сама его теория о возможной индуктивной причинности древних, касающаяся тонких воздействий более удаленных планет в сравнении с известным и потенциальным воздействием солнца и луны на нашу землю, показывает направление его ума. Потому что наука *утверждает*, что солнце дает нам физическое *тепло* и *свет*, а луна влияет на морские приливы и отливы, он думает что древние должны были считать, что и другие небесные тела оказывают такого же рода физические воздействия на нас и косвенно и на наши судьбы.^[201] Здесь мы позволим себе сделать отступление.

Для незнакомого с эзотерическими доктринами древних очень трудно утверждать, что думали они о небесных телах. Хотя филология и сравнительная теология и начали трудную аналитическую работу, они все еще получили очень скудные результаты. Аллегорическая форма повествования часто уводила наших комментаторов настолько далеко в сторону, что они путали причины и следствия и наоборот. В обманчивом феномене корреляции сил, даже величайшие наши ученые испытывают большие затруднения, чтобы объяснить какая из этих сил причина, а какая следствие, поскольку, каждая может изменяться и поочередно быть тем и другим. Так если мы спросили бы физиков: «Свет ли генерирует тепло, или последнее производит свет?» то, по всей вероятности, получили бы ответ, что это, конечно, свет дает тепло. Отлично; но, как? Создает ли великая Причина сначала свет, или Она сначала создает солнце, которое считается единственным источником света, а, следовательно, и тепла? Эти вопросы, на первый взгляд, могут показаться невежественными, но если мы рассмотрим их глубже, они будут выглядеть иначе. В «Книге Бытия» сказано, что «Господь» вначале сотворил *свет* и три дня и три ночи прошло, пока Он сотворил солнце, луну и звезды. Этот величайший промах, с точки зрения *точной* науки, доставил много радости материалистам. Они бы могли смеяться вдоволь, если бы их доктрина о том, что наш свет и тепло получаемы от солнца, была бы неприкосновенной. До

недавнего времени ничто не угрожало этой теории, которая, за неимением лучшей, по выражению проповедника «самоотверженно царствует в Империи Гипотез». Древние солнцепоклонники считали Великого Духа, как бога-природы, идентичного с природой, а солнце, как божество, «в котором пребывает Владыка Жизни». Гама, есть солнце, согласно индуcской теологии, а «солнце является источником душ и *всей жизни*» [249, i, 290]. Агни, «божественный огонь», божество индусов, есть солнце,^[202] ибо огонь и солнце это одно. Ормазд есть свет, Бог-Солнце или Жизнедатель. В индуcской философии «души рождаются из мировой души и возвращаются к ней, как искры к огню».^[203] А в другом месте сказано, что «солнце есть душа всего сущего, все произошло от него и вернется к нему»,^[204] это значит, что солнце подразумевается здесь аллегорически и это относится к *центральному*, невидимому солнцу, **Богу**, чье первое проявление есть Сефира, эманация Эн-Соф, короче говоря – Свет.

«И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящейся огонь, и сияние вокруг него», – повествует Иезекииль (I, 4, 22 и т. д.), – «...а над подобием престола было как бы подобие человека вверх на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид *огня* внутри его вокруг». А Даниил говорит о «древних временах», о каббалистическом Эн-Соф, что «престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним» [Даниил, VII, 9, 10]. Как у язычников дворец Сатурна был из пламени и на седьмом небе, так и у еврейского Иеговы «дворец из огня на седьмом небе» [Енох, XIV, 7].

Если ограниченный объем этого труда позволит, мы легко сможем показать, что никто из древних, включая солнцепоклонников, не считали наше видимое солнце иначе, как эмблему их невидимого метафизического бога-солнца. Более того, они *не* верили в то, чему учит нас современная наука, а именно, что свет и тепло происходят от *нашего* солнца, и что эта звезда наделяет жизнью всю нашу видимую природу.

«Его сияние не меркнет», – говорит «Ригведа», – «интенсивно сияющие, всепроникающие, непреходящие, немеркнувшие лучи Агни не прекращающиеся ни ночью, ни днем».

По-видимому, это относилось к духовному, центральному солнцу, чьи лучи всепроникающие непреходящие, являющиеся вечным и безграничным жизнедателем. ОН – Точка, центр, (который есть везде) круга, (который нигде) вечный, огонь духа, душа и дух всепроникающего, таинственного эфира, отчаяние и загадка материалистов, которые поймут однажды, что то, что заставляет многочисленные космические силы проявляться в бесконечных взаимосвязях есть ни что иное, как божественное электричество, или скорее *гальванизм*, и что солнце есть лишь один из *мириадов магнитов*, рассеянных в пространстве – рефлектор – как назвал его генерал Плеазонтон. Что в солнце не больше тепла, чем в луне, или в сонмах сверкающих звезд, переполняющих пространство. Что не существует *гравитации*, так как ее понимал Ньютон,^[205] а только магнитное притяжение и отталкивание, и только благодаря их магнетизму движение планет солнечной системы по своим орбитам регулируется еще более мощным магнетизмом солнца, а не их весом или гравитацией. Это и еще многое другое они могут узнать; но до тех пор мы должны быть довольны тем, что над нами просто смеются, а не сжигают живыми, как нечестивцев, или не прячут в дома для сумасшедших.

Законы Ману являются доктринами Платона, Филона, Зороастра, Пифагора и *Каббалы*. Эзотеризм каждой религии может быть разрешен с помощью последних. Каббалистическая доктрина аллегорических Отца и Сына, или Πατήρ и Λογος идентична с основоположением буддизма. Моисей не мог открыть толпам ни высокие тайны религиозных умозрений, ни космогонию вселенной; все это покоится на индуcских *Иллюзиях*, умно маскирующих *святая*

святых, и вводивших в заблуждение многих комментаторов теологии. ^[206] Каббалистические ереси получили неожиданную поддержку в иноверческих теориях генерала Плеазонтонна. Согласно его мнениям (которые подкрепляются фактами, гораздо более бесспорными чем у ортодоксальных ученых), пространство между солнцем и землей должно быть заполнено материальной средой, которая, поскольку мы можем судить из его описания, отвечает нашему каббалистическому астральному свету. Прохождение света через эту среду должно создать огромное трение. Трение генерирует электричество; это и есть то электричество и его соотносительный магнетизм, которые создают те страшные силы природы, производящие в, на и вокруг нашей планеты различные изменения, с которыми мы везде встречаемся. Он доказал, что земное тепло *не может* быть прямо извлекаемо из солнца, ибо тепло *поднимается*. Сила, которая действует на тепло, является отражающей, говорит он, и поскольку она ассоциируется с положительным электричеством, она притягивается к высшим слоям атмосферы с их отрицательным электричеством, которое всегда связано с холодом, который противопоставляется положительному электричеству. Он укрепляет свою позицию, указывая, что земля, когда она покрыта снегом и на нее не могут действовать солнечные лучи, теплее всего там, где глубже снег. Это он теоретически обосновывает тем, что радиация тепла снаружи земли, будучи заряжена позитивным электричеством, встречаясь на *поверхности* земли со снегом, заряженным отрицательно, производит тепло.

Таким образом, он доказывает, что совсем не солнцу мы обязаны светом и теплом, что свет является созданием *sui generis*, которое появляется и начинает существовать в тот момент, когда божество *пожелало* и повелело: «Да будет свет»; и что это и есть тот независимый материальный агент, производящий тепло *трением* за счет его огромной, бесконечной скорости. Короче говоря, это первая каббалистическая эманация, с которой знакомит нас генерал Плеазонтон, та Сефира и божественная *мудрость* (женский принцип), который в сочетании с Эн-Соф, божественным разумом (мужской принцип), создает все видимое и невидимое. Он смеется над распространенной теорией раскаленного солнца и его газообразного состояния. Отражение от солнечной фотосферы, говорит он, проходя через планетные и звездные пространства, должно, таким образом, создать огромные запасы электричества и магнетизма. Электричество, благодаря соединению его противоположных полярностей, выделяет тепло и наделяет магнетизмом любую субстанцию, способную воспринять его. Солнце, планеты, звезды, туманности – все является магнитами и т. д...

Если этому мужественному джентльмену удастся доказать свои идеи, будущие поколения будут не склонны смеяться над Парацельсом и его звездным или астральным светом и над его доктриной магнетического воздействия звезд и планет, оказываемого на все живые существа, растения, минералы нашей планеты. Более того, если гипотеза Плеазонтонна будет доказана, трансцендентальная слава профессора Тиндаля померкнет. Согласно общественному мнению, генерал совершает страшный удар по ученому физику, приписывающему солнцу теплопроводную способность, которую он испытал во время блуждания в Альпах и которая существовала просто за счет его собственного жизненного электричества. ^[207]

Преобладание таких революционных идей в науке придает нам смелость спросить представителей науки: могут ли они объяснить, *почему* приливы и отливы сопутствуют луне в ее вращении? Фактически они не могут продемонстрировать даже такой известный феномен, как этот, в котором нет ничего таинственного даже для неопита алхимии или магии. Нам бы хотелось еще узнать, также ли они бессильны ответить нам почему лунные лучи так вредоносны и даже фатальны для некоторых организмов, почему в некоторых местах Африки и Индии человек, спящий в лунном сиянии, часто сходит с ума; почему кризис при некоторых заболеваниях совпадает с лунными фазами; почему сомнамбулы больше поражаются при

полнолунии и почему садовники, фермеры и лесники так цепляются за идею, что рост растений подвержен лунному влиянию? Некоторые виды мимозы попеременно открывают и закрывают свои лепестки, если полная луна выходит из-за облаков или закрывается ими. У индусов из Траванкора есть популярная и весьма многозначительная пословица, которая говорит: «Нежные слова лучше чем грубые, море притягивается прохладной луной, а не жарким солнцем». Возможно, человек или люди, которые выпустили в мир эту пословицу, знали больше о причине такого притяжения воды луною, чем знаем мы. Так если наука не может объяснить причину этого физического притяжения, что может она знать о том моральном и оккультном влияниях, оказываемых небесными телами на людей и их судьбы, и зачем опровергать то, ложность чего она не может доказать? Если некоторые аспекты луны все время оказывают ощутимое влияние, хорошо знакомое людям по опыту, то не поступим же мы вопреки логики, если допустим возможности, что некоторые сочетания звездных влияний могут также обладать большей или меньшей силой?

Если читатель вспомнит, что говорят ученые, авторы «Невидимой вселенной», по поводу определенного влияния, оказываемого на эфир вселенной такой незначительной причиной, как эволюция мысли одного человеческого мозга, то не должно ли показаться еще более убедительным то, что странные импульсы, сообщаемые этой всеобщей среде потоками мириадом огненных тел, несущихся через «межзвездные глубины», могут в сильной степени влиять на нас и на землю, на которой мы живем? Если астрономы не могут объяснить нам оккультный закон, по которому облака частиц космической материи собираются в миры, которые потом занимают свое место в величественной процессии, непрестанно движущейся вокруг какой-то центральной точки притяжения, как может кто-то осмелиться сказать, какие таинственные влияния могут или не могут быть испускаемы через пространство и оказывать воздействие на появление жизни на этой или других планетах? Почти ничего не известно о законах магнетизма и других невесомых агентах, почти ничего об их воздействии на наши тела и умы; и даже то, что известно и, более того, было отлично продемонстрировано, приписывается случаю или курьезным совпадениям. Но мы то знаем, благодаря этим совпадениям, ^[208] что «бывают периоды, когда некоторые болезни, склонности, удачи, несчастья человечества случаются чаще чем другие». Бывают времена эпидемий в моральной и физических областях. В одной эпохе «дух религиозной полемики вызывает самые жестокие страсти, на какие только способна человеческая натура, возбуждая преследования друг друга, кровопролития и войны; в других случаях эпидемии сопротивления авторитетам распространяются быстро и одновременно захватывая полмира (как в 1848 г.), как самые вирулентные телесные нарушения».

О п я т ь м а с с о в ы й х а р а к т е р м е н т а л ь н ы х ф е н о м е н о в п о я с н я е т с я н е н о р м а л ь н ы м и физиологическими условиями, влияющими на тысячи и завладевающими тысячами, автоматически лишая их всего и давая повод распространенному мнению об одержании дьяволом, мнению в какой-то мере оправданному теми сатанинскими страстями, эмоциями и поступками, сопровождающими эти условия. В один из периодов была массовая тенденция к уединению и созерцанию, отсюда и бесчисленные сторонники иночества и отшельничества; в другой период появилась *мания действия*, имеющая своей конечной целью какой-то утопический план, в равной мере непрактичный и непригодный, отсюда и множества покинувших свои родные места, дома, страны в поисках стран, где камни из золота, или чтобы начать истребительную войну за обладание бесполезными городами и непроходимыми пустынями [251, с. 159].

Автор вышеприведенных цитат говорит:

«Семена зла и преступления, будучи, как бы посеянными под поверхностью

общества, всходят и дают плоды со страшной быстротой и поразительной последовательностью».

Перед лицом этих поражающих феноменов наука безмолвствует, она даже не пытается разгадать их причину и естественно те скрытые воздействия, которым мы подвергаемся ежедневно и ежеминутно, поскольку она еще не научилась смотреть за пределы этого шара из грязи, на котором мы живем, с его тяжелой атмосферой. Но древние, с приписываемым им Проктором «невежеством» полностью осознали, что взаимная связь между планетными телами настолько же совершенна, как и между кровяными шариками, плавающими в одной жидкости, и что каждый подвергается сложным влиянием всех остальных и, в свою очередь, каждый воздействует на всех других. Так как планеты отличаются по величине, расстоянию и активности, так же различна и интенсивность их импульсов, сообщаемых эфиру или астральному свету и различна сила магнетизма и другие тонкие силы, излучаемые ими в различных небесных аспектах. Музыка есть комбинация и модуляция звуков, а звук есть следствие вибрации эфира. Теперь, если импульсы, сообщаемые эфиру различными планетами, сравнить со звуками, производимыми различными нотами музыкального инструмента, то не трудно понять, что «музыка сфер» Пифагора не просто фантазия, а что некоторые планетные сочетания могут вызывать нарушения эфира нашей планеты, а, следовательно, покой и гармонию других планет. Некоторые виды музыки приводят нас в бешенство, некоторые создают возвышенное религиозное настроение души. Наконец, вряд ли найдется человеческое существо, не реагирующее на определенные вибрации атмосферы. То же самое с цветом. Некоторые цвета возбуждают нас, некоторые успокаивают и радуют. Монахиня одевается в черное, символизируя этим отчаяние духа, подавленного сознанием первородного греха, невеста одевается в белое, красный цвет возбуждает ярость некоторых животных. Если мы и животные подвержены влиянию вибраций, занимающих на шкале ничтожное место, то почему же нам всем не быть подверженным влияниям вибраций, действующих в пределах огромной шкалы, какими являются комбинированные влияния звезд.

«Нам известно», – говорит доктор Элам, – «что некоторые патологические условия имеют тенденцию превращаться в эпидемию под влиянием причин, еще не установленных... Мы видим, как сильна тенденция однажды высказанного мнения перерасти в эпидемию, – никакая точка зрения, никакое заблуждение не покажутся чересчур абсурдными, чтобы принять такой массовый характер. Мы наблюдаем также, как примечательно те же идеи воспроизводятся вновь и снова появляются в последующих веках... нет преступления самого ужасного, которое не получило бы широкого распространения: человекоубийство, детоубийство, самоубийство, отравление или другие дьявольские концепции людей... При эпидемиях причина быстрого распространения в определенные периоды *остается тайной!*»

Эти несколько строк содержат неопровержимый психологический факт, описанный пером мастера и в то же время *полу* – признание полного невежества – «Причины еще не обнаружены». Почему не быть честным и не сказать сразу: не могут быть обнаружены современными научными методами?»

Заметив эпидемию поджогов, доктор Элам цитирует из «Анналов санитарного общества» следующие случаи:

«Девочка в возрасте 17 лет была арестована по подозрению... она созналась, что дважды подожгла жилища, повинаясь инстинкту, *непреодолимой потребности...* Юноша в возрасте около 18 лет совершил много подобных же деяний. Он не был во власти какой-то страсти, но вспышки пламени вызывали очень приятное чувство».

Кто еще замечал в столбцах ежедневной прессы подобные инциденты? Они попадают на глаза постоянно. В случаях убийств с различным описанием и других преступлений дьявольского характера поступок в 9 случаях, из 10 приписывается *непреодолимому наваждению*. «Кто-то нашептывал мне постоянно на ухо... Кто-то непрестанно подталкивал и вел меня». Таковы частые признания преступников. Врачи приписывают это галлюцинациям расстроенной психики и называют импульс к человекоубийству временным *лунатизмом*. Но сам-то лунатизм разве хорошо понятен психологам? Разве под причину его когда-нибудь подводилась гипотеза, способная противостоять вызову бескомпромиссного исследователя. Пусть сами за себя скажут противоречивые труды наших современных психиатров.

Платон признает человека игрушкой стихии необходимости, в которую он вступает, появляясь в этом мире материи; на него влияют внешние причины и причины эти *даймониа*, как и у Сократа. Счастлив человек физически чистый, так как если его *внешняя душа* (тело) чиста, она укрепит и второе (астральное тело) или душу, называемую им *высшей смертной душой*, которая хотя и подвержена своим ошибкам, но будет всегда на стороне разума против животных стремлений тела. Вождедения у человека возникают вследствие его бренного материального тела, также и прочие болезни, и хотя он иногда считает преступления, как бы *невольными*, ибо они возникают, как болезни тела, в результате внешних причин. Платон четко разграничивает эти *причины*, и фатализм, который он признает, не исключает возможность избежать их, даже если боль, страх, гнев и другие чувства были даны людям по *необходимости*, «если они победят их, они будут жить праведно, а если будут побеждены ими, то несправедливо». ^[209] *Дуалистичный человек*, то есть тот, которого покинул божественный бессмертный дух, оставив только животную форму и астральное тело (по Платону высшую *смертную душу*), отдав его во власть *инстинктов*, так как он был побежден всеми грехами, унаследованными от материи; с этого момента он становится послушным орудием в руках *невидимых* – тонких сущностей, носящихся в нашей атмосфере и готовых в любую минуту инспирировать тех, кто справедливо был покинут их *бессмертным советником*, божественным духом, называемым Платоном «гением». ^[210]

Согласно этому великому философу и посвященному, тот, «кто жил правильно, тот в положенное ему время возвратится в обитель *своей звезды* и там испытает блаженство и счастье. Но если он потерпит поражение, то в следующем рождении он станет *женщиной* – и будет слабым и беспомощным, как женщина». ^[211] И если он не избавится от пороков в этом состоянии, он будет превращен в какое-то животное, которое напоминало бы во время совершения им отрицательных поступков; и эти превращения и тяжкий труд не прекратятся до тех пор, пока он не будет следовать заложенному внутри него изначальному закону подобия и тождественности и с помощью разума не преодолеет в будущем проявления беспокойных и неразумных *элементалов* (элементальных духов), порожденных огнем, воздухом, водой и землей и не обретет снова свою прежнюю форму и добрый нрав» [32].

Но доктор Элам думает иначе. На 194 стр. своей книги «Проблемы врачевания» он говорит, что причина быстрого распространения некоторых эпидемических заболеваний, которые он наблюдал, «остается загадкой»; но что касается поджогов, он замечает, что «во всем этом нет ничего загадочного», хотя эпидемия мощно развивается. Страшное противоречие? Де Квинси в своей газете под заголовком «Обдуманное убийство как одно из *утонченных искусств*», рассказывает об эпидемии убийств между 1588 и 1635 годами, из-за которой семеро из самых выдающихся людей того времени пали от рук убийц, и ни он и никто из других комментаторов не могли объяснить загадочную причину этой человекоубийственной мании.

Если мы будем настаивать на объяснении, то эти господа, как претендующие на звание философов, будут обязаны дать нам его и они ответят, что это гораздо более *научно* приписывать такие эпидемии «возбуждению умов», «... временам политических волнений

(1830)». «...подражанию и порыву», «...легко возбудимым и ленивым парням», и «истерическим девицам», чем абсурдно искать подтверждения в суеверных преданиях и гипотетическом астральном свете. Нам кажется, что если бы, благодаря какой-то фатальной неизбежности, *истерия* полностью исчезла бы из человеческого организма, медицинское братство оказалось бы в полной растерянности и не смогло бы объяснить целый ряд феноменов, которые сейчас очень удобно объединяются под названием: «обычные симптомы определенных патологических условий нервных центров». Истерия была до сих пор якорем спасения для скептиков-патологов. Начинает ли чумахая крестьянская девочка внезапно бегло говорить на различных иностранных языках, до сих пор неизвестных ей, и сочинять стихи – «истерия!» Левитирует ли медиум на глазах дюжины свидетелей, выходя из одного окна трехэтажного дома и возвращаясь в другое окно – «расстройство нервных центров, сопровождающееся *коллективной истерической манией*» [252]. Пойманного в комнате во время манифестации шотландского терьера невидимая рука швырнула через всю комнату, тот в своем сальто-мортале вдребезги разбил люстру под потолком высотой восемнадцать футов и упал замертво [102] – «галлюцинация бешенства!»

«В истинной науке нет веры», – говорит доктор Фенвик в «Странной Истории» Бульвер-Литтона; – «истинная наука знает три состояния: отрицания, убежденности и огромный интервал между этими двумя состояниями, которые не являются верой, а *суеверным суждением*».

Такой, возможно, была истинная наука в дни доктора Фенвика. Но в наше время наука развивается иначе; она или отрицает категорически безо всякого предварительного исследования, или находится между отрицанием и утверждением и со словарем в руках изобретает новые греко-латинские названия для несуществующих форм истерии!

Как часто великие ясновидящие и адепты месмеризма описывали эпидемические и *физические* (хотя и невидимые для других) проявления, так как их ясное зрение видело таковые в астральном свете и которые приписываются наукой эпилепсии, нейрогуморальным и прочим расстройствам, имеющим *соматическое происхождение*. Они утверждают, что «электрические волны» претерпевали сильные пертурбации и они замечали прямую связь между этим возмущением эфира и свирепствующими после этого умственными и физическими эпидемиями. Но наука не замечала их и продолжала свой энциклопедический труд придумывания новых названий старым вещам.

«История», – говорит Дю Потэ, король французских месмеристов, – «слишком хорошо помнит печальные рекорды колдовства. Эти факты слишком реальны и слишком явно свидетельствуют об ужасных злодеяниях этого искусства, его чудовищных злоупотреблениях!.. Но как мне удалось обнаружить это искусство? Где я научился ему? В моих размышлениях? нет; это сама *природа* раскрыла мне эту тайну. И как? Представив перед моими очами, не ожидая пока я сам буду искать эти неоспоримые факты колдовства и магии... Что такое, в конце концов, сомнамбулический сон? *Результат сильного магического воздействия*. А что есть то, что создает эти притяжения, эти *внезапные импульсы*, эти свирепствующие эпидемии, неистовства, антипатии, кризисы; – эти конвульсии, которые *вы можете сделать длительными*?.. что же определяет их, как не та самая *причина*, о которой мы упоминали, тот агент, как *хорошо известный древним*? То, что вы называете нервным флюидом или магнетизмом, в старые времена называлось *оккультной силой*, или могуществом души, подчинением, **магией!**»

«Магия основана на существовании сложного мира *вне*, а не *внутри* нас, с которым мы можем вступать в общение с помощью известного искусства и

практики... Стихия, существующая в природе, не известная большинству людей, завладевает человеком, иссушает и разрушает его, подобно урагану, сметающему тростинку, она рассеивает людей далеко, она наносит им удары одновременно в тысячу мест, в то время как они не могут обнаружить этого невидимого врага и защититься от него... все это демонстрируется; но что эта стихия может избирать друзей и фаворитов, и подчиняться их мыслям, отвечать на человеческий голос и понимать значение начертанных знаков, вот этого люди не могут осознать, это их разум отвергает, это то, что я видел; и я говорю здесь об этом, особо подчеркивая, что для меня это факт и истина, доказанные навечно» [159, с. 51—147].

«Если я буду углубляться в большие подробности, всякий сразу поймет, что действительно существуют вокруг нас, как и в нас самих, таинственные существа, имеющие силу и форму, которые являются и уходят по желанию, несмотря на хорошо закрытые двери» [159, с. 201]. Далее великий месмеризатор учит нас, что способность управлять этим есть «физическое свойство, проистекающее из нашего организма... им наделены все тела... все может быть проводником магических действий и в свою очередь сохранять способность воздействия». Эта теория является общей для всех философов-герметистов. Сила этого флюида такова, «что никакие химические или физические силы не в состоянии разрушить его... Существует очень слабая аналогия между невесомыми флюидами, известными физикам и этим животным магнетическим флюидом» [160, с. 17—18].

Если мы теперь обратимся к средним векам, то среди прочих мы встретимся с Корнелием Агриппой, который говорит нам абсолютно то же самое:

«Постоянно изменяющаяся универсальная сила, „мировая душа“ может оплодотворять что угодно, вселяя в них свои божественные свойства. Эти предметы приобретают дар передать нам свои качества, если их располагать согласно формуле, преподанной наукой. Достаточно поносить их, чтобы почувствовать их непосредственное влияние на душу так же как и на тело... Будучи частью той сущности, из которой состоит все созданное, человеческая душа обладает удивительной силой. Кто владеет этой тайной, может достичь в науке и познании таких высот, на какие его воображение способно поднять его; но он сможет сделать это только при наличии тесной связи с этой универсальной силой... Истина, даже будущее могут сделаться тогда вечно предстоящими перед очами его души; и это много раз было доказано имевшими место фактами, так как они были видимы и описывались ранее... время и пространство исчезают перед орлиным глазом бессмертной души... ее мощь становится безграничной... она может проноситься через пространство и окутывать своим присутствием человека, независимо от расстояния; она может входить и проникать и заставить его услышать голос того человека, которому она принадлежит, как будто этот человек находится в этой же комнате» [199, с. 332—358].

Если нет желания искать доказательств и получить информацию в средневековой герметической философии, мы можем пойти еще дальше к глубокой древности и выбрать из большого числа философов дохристианского периода – Цицерона, того, кто менее всего может быть обвинен в суеверии и доверчивости. Рассказывая о тех, кого он называет богами, кто являются или духами людей или атмосферными духами, почтенный оратор говорит:

«Мы знаем, что из всех живых существ человек создан совершеннее всего, и так как боги относятся к этому числу, они должны иметь человеческий облик... я не имею в виду, что боги имеют плоть и кровь; но я говорю, что они *кажутся* такими, как будто у них есть плоть и кровь... Эпикур, для которого невидимые вещи были также осязаемы, как будто бы он касался их своими пальцами, учит нас, что боги обычно не видимы, но что они *познаваемы*; они не являются телами, имеющими определенную плотность... но мы можем узнать их по их *преходящим* отображениям; и так как в бесконечном пространстве имеется достаточное количество *атомов для создания этих отображений*, то они и появляются перед нами... и помогают нам понять, что представляют собой эти счастливые, бессмертные существа» [198, кн. i, гл. xviii].

«Когда посвященный», – говорит со своей стороны Элифас Леви, – «становится совершенно *светоносным*, он сообщается и при желании, силой воли управляет *магнетическими* вибрациями астрального света... Трансмутлируемыми в человеческий свет в момент зачатия он (свет) становится *первым покровом души*; в сочетании с тончайшими флюидами он формирует эфирное тело или *звездный фантом*, который полностью освобождается *только* в момент смерти».

Проецировать это эфирное тело на любое расстояние; придавать ему большую объективность и осязаемость путем конденсирования вокруг его флюидической формы воли изначальной субстанции, является величайшей тайной адептов *магии*.

Теургическая магия является последним проявлением оккультной психологической науки. Академики отвергают ее, как бред больного ума, или клеймят ее, как позорное шарлатанство. Мы решительно отказываем им в праве высказывать свое мнение по вопросу, исследованием которого они никогда не занимались. Их настоящий уровень знания дает им не больше прав судить о магии и спиритизме, чем островитянину с Фиджи высказывать свое мнение о трудах Фарадея или Агассиза. Все что они могут когда-нибудь сделать, это исправить ошибки предыдущего дня. Почти три тысячи лет тому назад, еще до Пифагора, древние философы утверждали, что свет имеет вес, следовательно, он – *материален*, и что свет является силой. Корпускулярная теория, благодаря некоторым ошибкам Ньютона, была осмеяна, а волновая теория, провозглашавшая свет *невесомым*, принята. А сейчас мир потрясен мистером Круксом, который *взвесил* свет в своем радиометре! Пифагорейцы придерживались мнения, что ни солнце, ни звезды не являются *источниками* света и тепла, и что первое есть лишь агент, но современные школы учат обратному.

То же можно сказать и относительно ньютоновского закона гравитации. Следуя строго доктрине пифагорейцев, Платон считал, что гравитация не просто закон магнитного притяжения меньших тел к большим, но магнитное отталкивание подобных и притяжение противоположных.

«Соединенные вместе вещи», – говорит он, – «противоположные по природе своей, естественно враждуют и отталкиваются друг от друга».^[212]

То, что отталкивание неизбежно проистекает от несхожести между телами, нельзя принять за основу, просто когда имеет место природный антагонизм тел, соединенных вместе, они отталкиваются друг от друга. Исследования Барта и Швейгера не оставляют почти никаких сомнений в том, что древние были хорошо знакомы с взаимным притяжением между железом и магнитом, так же как и с отрицательными и положительными полюсами электричества, под любыми названиями, которыми они могли их называть. Взаимная магнитная связь между орбитами планет, которые все являются магнитами, была для них установленным фактом, и аэролиты не только назывались ими магнитными камнями, но использовались в мистериях в тех

целях, для которых мы теперь употребляем магниты. Поэтому, когда профессор А. М. Мэйер из Института технологии Стивенса заявил в 1872 г. в Научном Клубе в Яле, что земля является большим магнитом и что

«при каждом волнении на поверхности солнца магнетизм земли претерпевает глубокое нарушение равновесия, порождающее судорожное дрожание магнитов в наших обсерваториях и производящее грандиозные вспышки северного сияния, полыхающее пламя которого пляшет в ритме с вибрацией», [\[213\]](#)

– он только изложил вновь на хорошем английском языке то, что преподавалось на добром дорическом языке неисчислимы столетия до того, как первый христианский философ появился на свет.

Чудеса, совершаемые служителями теургической магии, настолько достоверны и их очевидность, – если свидетельства людей вообще чего-нибудь стоят, – настолько ошеломляюща, что вместо того, чтобы признать, что языческие теургисты далеко превзошли в чудесах христианских, сэр Дэвид Брюстер благоговейно признает за первыми большие успехи в физике, а во всем, что касается естествознания наука оказывается в весьма неприятном положении между двух огней. Она или должна признать, что древние физики обладали большим знанием, чем их современные представители, или что в природе существует нечто, выходящее за рамки физической науки и что дух обладает силами, которые и не снились нашим философам.

«Ошибку, сделанную нами в науке, развитием которой мы специально занимались», – говорит Бульвер-Литтон, – «часто можно увидеть лишь благодаря свету, пролитому другой наукой, развитием которой занимался кто-то другой» [\[25\]](#).

Ничто не может быть так легко объяснено, как высшие возможности магии. Благодаря свету, излучаемому магнетическим океаном вселенной, чьи электроволны связывают весь космос воедино, и в своем непрерывном движении пронизывают каждый атом и молекулу беспредельного творения, ученики месмеризма, – какими бы незначительными их исследования ни были, – постигают альфу и омегу великой мистерии. Только изучение этого агента, являющегося божественным дыханием, может открыть тайны психологии и физиологии космических и духовных феноменов.

«Магия», – говорит Пселл, – «сформировала последний раздел жреческой науки. Она изучала характер, силу и качество всего сущего под луной; химические элементы и их состав, животных, различные виды растений и их плоды, камни и злаки. Короче говоря, она исследовала квинтэссенцию и мощь всего. Поэтому она и производит свои воздействия. Она соорудила *изваяния* (намагниченные), которые приносят здоровье, создала фигуры и вещи (талисманы), которые в одинаковой мере могут приносить болезнь и также здоровье. Часто проявляется также божественный огонь и тогда изваяния смеются и лампы внезапно загораются». [\[214\]](#)

Если современное открытие Гальвани может приводить в движение конечности мертвой лягушки и заставлять лицо мертвого человека, благодаря искажению его черт, выражать самые различные эмоции, от радости до дьявольского гнева, отчаяние, ужас, то полагаясь на объединенные свидетельства древних, которые заслуживают наибольшего доверия, языческие жрецы достигали еще больших чудес, заставляя свои каменные и металлические изваяния потеть и смеяться. *Божественный*, чистый огонь на языческом алтаре был электричеством, извлеченным из астрального света. Поэтому изваяния, если их правильно сделать, могут обладать способностью, без всякого обвинения в суеверии, наделять здоровьем или болезнью при прикосновении к ним, так же как какой-нибудь современный гальванический пояс или батарея с большим зарядом.

Ученые скептики, так же как и невежественные материалисты, последние два столетия весьма потешались над *нелепостями*, приписываемыми Пифагору его биографом Ямвлихом. По его словам, самосский философ убедил медведицу отказаться от употребления в пищу человеческого мяса. Подчинив белого орла своей воле, заставил его спуститься к нему из облаков и, тихонько поглаживая его рукой, беседовал с ним. В другой раз Пифагор заставил быка отказаться от еды бобов, просто прошептав ему что-то на ухо! [75] О, невежество и суеверие наших предков, какими смешными они выглядят в глазах просвещенных потомков! Тем не менее давайте проанализируем эту нелепость. Ежедневно мы встречаемся с необразованными людьми, владельцами бродячих зверинцев, приручающих и совершенно подчиняющих самых диких животных просто силой своей непреклонной воли. Более того, сейчас в Европе есть несколько молодых физически слабых девушек, младше двадцати лет, бесстрашно занимающихся этим делом. Каждый или был свидетелем или слышал о подобной магической силе некоторых магнетизеров и психологов. Они могут подчинять себе своих пациентов на какое-то время. Регазони, магнетизер, вызвавший большое удивление во Франции и Лондоне, достигал гораздо более удивительных фокусов, чем приписываемые Пифагору, о которых упоминалось выше. Зачем тогда обвинять древних биографов Пифагора и Аполлония Тианского в каком-то неправильном представлении или нелепом суеверии? Когда мы поймем, что большинство из тех, кто настроен скептически в отношении магических сил, которыми обладали древние философы, кто смеется над древними теогониями и заблуждениями мифологии, тем не менее они слепо верят в боговдохновенность Библии, и едва ли дерзнут усомниться тому чудовищному абсурду, что Иисус остановил солнце. Тогда мы можем уже сказать *аминь* справедливому упреку Годфри Хиггинса:

«Когда я вижу», – говорит он, – «что ученые *буквально* понимают «Книгу Бытия», которую древние со всеми ее погрешностями с полным основанием воспринимали, как аллегорию, у меня возникает соблазн усомниться в реальности прогресса человеческого разума» [52, т. i, с. 807].

Одним из немногих комментаторов древнегреческих и латинских авторов, который отдавал должное древним за их умственное развитие, является Томас Тэйлор. В его переводе Ямвлиха «О пифагорейской жизни» мы находим следующие строки:

«Так как Пифагор, как нас информирует Ямвлих, был посвящен во все мистерии Библа и Тира, и в священнодействия сирийцев, в мистерии финикийцев, а также, что он провел 20 лет и 2 года в святилищах храмов в Египте, был связан с магами Вавилона и получил от них наставления в их древнем знании, то совершенно неудивительно, что он искусен в магии или теургии, а следовательно, мог совершать вещи, превосходящие простые человеческие силы и которые казались простым людям совершенно неправдоподобными» [75, с. 297].

В их глазах вселенский эфир не есть что-то пустое, простирающееся через все небесное пространство, а это есть безграничный океан, населенный, как и известные нам моря, чудовищными и маленькими созданиями, в каждой молекуле которых имеется зерно жизни. Как океан и более мелкие водоемы кишат различными видами рыб, и каждый вид имеет *местожительство* в определенном месте, к которому он особо адаптировался, некоторые из них дружелюбны людям, другие враждебны, некоторые приятны, другие страшны на вид, некоторые ищут пристанища в тихих уголках и закрытых гаванях, другие пересекают обширные водные пространства. Они верили, что различные виды *элементальных* духов населяют различные области огромного эфирного океана и что все адаптированы к особым условиям этих

областей. Если мы только представим себе, что движение планет в пространстве безусловно должно вызывать изменение этой пластичной и разреженной среды, как пушечный выстрел вызывает в атмосфере, а пароход в воде, также и на космической скале, мы должны понять, что некоторые планетные аспекты, если допустить, что наши предпосылки правильны, могут производить более сильные волнения, порождать более сильные течения и устремлять их по заданному направлению, чем что-то другое. Допуская такие предпосылки, мы можем также понять, почему, благодаря таким различным звездным аспектам, толпы дружественных и враждебных «элементалов» могут проникать в нашу атмосферу или в какую-то ее часть и, в результате оказываемых ими воздействий, мы начинаем ощущать их.

Согласно древним доктринам, элементарные духи, не имеющие души, возникли в результате непрерывного движения, присущего астральному свету. Свет есть сила, а последняя рождается *волей*, т. к. эта воля проистекает из разума, которому не свойственно ошибаться, ибо в нем нет никаких материальных органов *человеческого* мышления; будучи тончайшей, чистой эманацией высочайшего божества (платоновский «Отец») – она проистекает, согласно непреложным законам, чтобы создать элементарную материю, необходимую для последующих поколений, называемых нами человеческими расами. Все последующее, независимо от того принадлежит ли оно этой планете, или какой-то другой из мириад планет в пространстве, имеет земные тела, получившие формы и развившиеся из тел определенного класса этих элементарных существ, исчезнувших в этих невидимых мирах! В древней философии не было недостающего звена, которое нужно было восполнять тем, что Тиндаль называет «развитым воображением», не было пробела, который нужно было заполнять целыми томами материалистических рассуждений, необходимых для абсурдной попытки решить уравнение только с одним рядом величин. Наши «невежественные» предки проследили закон эволюции, общий для всей вселенной. Закон этот остается незыблемый, как при постепенном развитии от звезды-облачка до физического тела человека, так и от универсального эфира до инкарнации человеческого духа; древние усматривали одну непрерывную серию существований, эти эволюции происходили из духовного мира в мир плотной материи и через нее опять обратно к источнику всего. «Происхождение видов» для них было нисхождением от духа, первичной причины всего к «деградации материи». В этой законченной цепи эволюции элементарные, духовные существа имели такое же определенное место посередине между началом и концом этой цепи, как недостающее звено Дарвина между обезьяной и человеком.

Ни один литератор не дал более правдивого и поэтического описания этих существ как Е. Бульвер-Литтон, автор «Занони». Теперь его слова: «существо не материально», но «идея радости и света», звучат скорее, как правдивое эхо воспоминаний, нежели как безудержный поток простого воображения.

«Надменность человека пропорциональна его невежеству», – заставляет он хитроумного Меджнура сказать Глиндону. – «В течение многих веков в бесчисленных мирах, сверкающих в пространстве подобно пене, кипящей в безбрежном океане, он видел лишь маленькие свечечки... которые Провидение было радо затеплить только для одной цели – сделать ночь более приятной для человека... Астрономия исправила это заблуждение человеческого тщеславия и теперь человек вынужден признать, что звезды являются мирами, гораздо большими и удивительными, чем его собственный... Таким образом, всюду великое предназначение науки открывать новую жизнь, чтобы она увидела свет... Убеждая тогда путем очевидной аналогии, что и листочек, и капля воды есть населенный и дышащий мир не меньший, чем та звезда, даже сам человек есть целый мир для других жизней, и миллионы и мириады живут в реках его крови и населяют его тело, как человек населяет землю. Достаточно здравого смысла (если он есть у наших схоластиков), чтобы понять, что окружающая

бесконечность, которую мы называем пространством – беспредельное неосязаемое, отделяющее землю от луны и звезд, также заполнено свойственной и соответствующей ему жизнью. Не является ли явным абсурдом предположение, что жизнь, которая кишит вокруг каждого листочка, отсутствует в необъятном пространстве? Закон великого плана против потери даже одного атома; он не знает точки, где не дышала бы какая-то жизнь... Хорошо, тогда можете ли вы представить себе от такого пространства, которое будучи бесконечным пустое и безжизненное, пользы для существ вселенной меньше... чем от населенного места или кишачего жизнью шарика? Микроскоп показывает вам структуру листа; но *не изобретена еще машина, могущая обнаружить более высокие и одаренные существа, несущиеся в безграничных воздушных просторах*. Тем не менее между последними и человеком существует таинственное и *страшное сходство*... Но прежде, чем проникнуть через этот барьер, душа, которой вы служите, должна быть утончена сильным энтузиазмом и очищена от всех земных желаний... Пройдя такую подготовку, можно прибегнуть и к помощи науки, зрение можно сделать более тонким, нервы более чуткими, дух более живым и телесным, а стихию – воздушное пространство – пользуясь некоторыми секретами высшей химии, можно сделать более ощутимым и чистым. И это тоже *не магия*, как говорят легковверные; как я уже часто говорила раньше, магия (как наука нарушающая природу) не существует; это только *с помощью науки можно контролировать природу*. Так в пространстве существуют миллионы существ, *не духовных в буквальном смысле*, ибо все они имеют, как микроскопические животные, невидимые невооруженным глазом, какие-то материальные формы, хотя материя эта настолько деликатна, воздушна, утонченна, что она, как оболочка, как паутинка, облекающая дух... Тем не менее, в действительности эти расы сильно отличаются друг от друга... некоторые обладают большой мудростью, другие ужасно злобные; одни дружественные людям, другие благородные вестники между землей и небом... Среди обитателей порога есть одна превосходящая всех своей злобностью и ненавистью к своему классу; одна, чьи глаза парализовывали храбрейших и чья власть над духом возрастает пропорционально его страху» [26].

Такова неполная зарисовка стихийных сущностей, лишенных божественного духа, данная одним из многих достойных доверия, знающего больше, чем он готов признать в лице недоверчивой публики.

В следующей главе мы постараемся объяснить некоторые из эзотерических рассуждений посвященных святилищ о том, чем человек был, что он есть и чем может стать. Доктрины, преподаваемые ими в мистериях – источник, из которого возникли Ветхий и частично Новый Завет, принадлежали к наиболее передовым понятиям о морали и религиозным *откровениям*. Пока их буквальное значение было предметом фанатичного поклонения низших классов общества, высшие классы, большинство из которых были *посвященными*, продолжали изучение их в торжественной тишине храмов и поклонялись *единому* Богу на Небесах.

Рассуждения Платона в «Пире» о сотворении первобытного человека и повествование о космогонии в «Тимее» мы должны воспринимать, как аллегорию, если мы можем воспринять это. Вот этот скрытый пифагорейский смысл в «Тимее», «Кратиле» и «Пармениде», и еще нескольких трилогах и диалогах, которые неоплатоники решили изложить постольку, поскольку позволяла им их теургическая клятва о сохранении тайны. Пифагорейская доктрина о том, что *Бог есть универсальный разум, пронизывающий все сущее*, и догма о бессмертии души являются ведущими чертами этих явно несовместимых учений. То благоговение и почитание, которое Платон оказывал МИСТЕРИЯМ, являются достаточной гарантией того, что он не позволит себе, чтобы неосторожность взяла верх над тем глубоким чувством ответственности, испытываемым каждым адептом.

«Постоянно совершенствуясь в прекрасных МИСТЕРИЯХ, человек только в них становится поистине совершенным», – говорит он в «Федре». [\[215\]](#)

Он не старался скрыть неудовольствие, что мистерии стали менее тайными, чем раньше, неуместное профанирование их делает доступными множествам. Он охранял их ревниво от всех, кроме наиболее старательных и достойных своих учеников. [\[216\]](#) Хотя он упоминает богов на каждой странице, его монотеизм вне всякого сомнения, ибо основная нить его бесед показывает, что под термином *боги* он подразумевает группу существ более низкого уровня чем божества и на одну ступень выше человека. Даже Иосиф заметил и подтвердил этот факт, несмотря на свойственные его расе предрассудки. В своем знаменитом нападении на Апиона этот историк говорит [\[152, ii, 1079\]](#):

«Те из греков, кто философствует в *соответствии с правдой*, не совсем были невеждами... замечали они и холодную поверхность мифических аллегорий, за что они справедливо и презирали их... Платон, будучи задет этим, говорит, что необязательно допускать кого-то из других поэтов в «Республику»; после того, как он восхищался Гомером и лил елей на его голову, он *вежливо отверг его*, чтобы он в самом деле не разрушил *своими мифами ортодоксальную веру, почитающую единого Бога*».

Тот кто может уяснить истинный дух философии Платона, едва ли будет удовлетворен такой оценкой его, какую предлагает читателям Джовитт. Он говорит нам, что влияние, которое оказал «Тимей» на потомков, частично обязано тому неправильному пониманию доктрин автора неоплатониками. Он хочет заставить нас поверить в то, что скрытый смысл, найденный ими в *диалоге*, «совершенно отличен от духа Платона». Это равносильно тому, что Джовитт понимает, что собой представлял в действительности этот дух; тогда как критикуя его по этому вопросу, Джовитт показывает, что он совершенно не проник в его суть. Если, как он говорит нам, христиане, как будто, находят в его труде свою троицу, мир, церковь и сотворение мира по-иудейски, то это потому, что все это там *есть*, поэтому естественно они и находят. Наружный вид здания тот же; но дух, оживляющий мертвую букву учения философа, отсутствует, и мы будем напрасно искать его в сухих догмах христианской теологии. И теперь Сфинкс все тот же, как и четыре столетия до христианской эры; но Эдипа уже нет. Он убит, потому, что он давал миру то, что мир, будучи недостаточно зрелым, не мог воспринять. Он был воплощением истины и должен был умереть, как и всякая великая истина должна умирать прежде чем она, как Феникс древних, возродится из собственной золы. Каждый переводчик трудов Платона отмечал странное сходство между философией эзотеристов и христианскими доктринами, и каждый из них старался интерпретировать их согласно своим религиозным убеждениям. Так Кори в своих «Древних фрагментах» старается доказать, что это сходство только внешнее и делает все возможное, чтобы унизить в глазах публики монаду пифагорейцев и превозносить на ее обломках последнее антропоморфизированное божество. Тэйлор, защищая предыдущего, поступает также бесцеремонно с Богом Моисея. Зеллер грубо высмеивает притязания отцов церкви, которые, вопреки истории и ее хронологии, и несмотря на то, хотят ли этого люди или нет, утверждает, что Платон и его школа украли у христианства его основные черты. Это счастье для нас и несчастье для Римской церкви, что такое ловкое жонглерство, к которому прибегает Евсевий, в нашем веке трудно осуществить. Во времена епископа из Цезарии было гораздо легче извратить хронологию, чем теперь и пока существует история, никто не поможет людям, знающим, что Платон жил 600 лет до того, как Иринею пришлось в голову создать *новую доктрину*

из руин старой платоновской академии.

Эта доктрина о том, что Бог есть вселенский разум, проникающий все сущее, лежит в основе всех древних философий. Положения буддизма, которые лучше всего можно понять при изучении пифагорейской философии – его правдивые размышления – были извлечены из этого источника, так же как брахманизм и еще ранее христианство. Очистительный процесс трансмиграции – метемпсихоз – однако сильно антропоморфизированный в последнее время, должен считаться только как дополнительная доктрина, искаженная теологической софистикой с целью крепче держать верующих с помощью распространенных суеверий. Ни Гаутама Будда, ни Пифагор не имели намерения обучать пониманию этих чисто метафизических аллегорий *буквально*. Эзотерически это объяснено в «Мистерии» Кунбума,^[217] и относится к чисто духовным странствованиям человеческой души. И не в мертвой букве буддийской священной литературы могут ученики надеяться получить разрешение всех тонкостей. Последние утомляют мышление своей непостижимой глубиной умозаключений, и ученик никогда не бывает так далек от истины, как в тот момент, когда он думает, что он уже у цели. Овладение каждой доктриной, запутанной буддийской системы может быть достигнуто только путем строгого следования методам пифагорейцев и платоников, как в большом, так и в мелочах. Ключ к ним лежит в возвышенных и мистических догматах.

«Тот, кто никогда не был знаком с моим законом», – говорит Будда, – «и умирает в этом состоянии, он должен возвращаться на землю до тех пор, пока не достигнет совершенства *саманеан*. Чтобы достичь этой цели, он должен разрушить в себе троицу Майя,^[218] он должен погасить свои страсти, соединить и отождествить себя с законом (учением тайной доктрины) и постичь религию *полного уничтожения*».

Здесь уничтожение относится только к *материи* видимого и невидимого тела, ибо астральная душа (*perisprit*) все еще материя, хотя и сублимированная. В той же книге говорится, что Фо (Будда) хотел сказать,

«что первичная материя вечна и неизменна. Ее высшее проявление есть чистый светоносный эфир, безграничное пространство, не пустота в результате отсутствия форм, но, напротив, *основа всех форм*, преддверие их. Но само наличие *форм* указывает на создание *Майей*, и все ее творения ничто перед *несотворенной* сущью, ДУХОМ, в чьем глубоком и священном отклике все движение должно остановиться навсегда».

Таким образом полное *уничтожение* в буддийской философии означает только рассеивание материи в какую бы то ни было форму или *подобие* формы; ибо все, что имеет форму, было сотворено и, следовательно, рано или поздно должно погибнуть, то есть изменить эту форму, поэтому все временное, хотя и кажущееся вечным, есть лишь иллюзия, *Майя*; ибо как вечность не имеет ни начала, ни конца, более или менее длительно существующая форма исчезает, как таковая, подобно мгновенной вспышке света. Прежде чем мы успеем осознать, что мы видели ее, она исчезла навсегда, даже наши астральные тела, чистый эфир, всего лишь иллюзия материи до тех пор, пока они удерживают свои земные очертания. Последние изменяются, говорят буддисты, в соответствии с заслугами и поступками человека в течение его жизни, и это является метемпсихозом. Когда духовная *сущность* навсегда освобождается от всех частиц материи, только тогда, она вступает в вечную неизменяемую нирвану. Она существует в духе, в *ничто*; как форма, как вид, как подобие чего-то, она совершенно *уничтожена* и, таким образом, не будет больше умирать, ибо, только дух не является *Майей*, но только **реальностью** в иллюзорном мире вечнопреходящих форм.

Эта буддийская доктрина легла в основу главных положений пифагорейской философии. «Может ли этот дух, который дает жизнь и движение и имеет свойства света, обратиться в небытие?» – спрашивают они. – «Может ли этот чувствующий дух в животных, развивающий память, одно из свойств разума, умереть и превратиться в ничто?» А Уайтлок Булстрод в своей умелой защите Пифагора излагает эту доктрину, добавляя:

«Если вы говорите, что они (животные) выдыхают свои дух в воздух и там исчезают все это я подтверждаю. Воздух, в самом деле является подходящим местом, чтобы принять их, по утверждению Лаэрция, он полон душ; а по Эпикуру – полон атомами, составными частицами всех вещей; ибо даже то место, где мы передвигаемся, а птицы летают, имеет много духовного в своей природе, так как он невидим и поэтому является хорошим приемником для форм, так как формы всех тел также невидимы, мы можем видеть и слышать только их проявления, сам воздух слишком утончен и не подвержен воздействию времени. Каков же тогда эфир в высших сферах и каковы влияния или формы, нисходящие оттуда?»

Духи созданий, считают пифагорейцы, являются эманациями самых высоких сфер эфира, эманациями, **ДЫХАНИЕМ**, но не формами. Эфир нетленен, все философы сходятся в этом мнении; а то что нетленно, то не подлежит уничтожению когда оно освобождается от формы и, следовательно, может претендовать на БЕССМЕРТИЕ. «Но что же это такое, что не имеет ни тела, ни формы; что невесомо, невидимо и неделимо, что существует и в то же время его нет?», – спрашивают буддисты. – «Это нирвана», – таков ответ. Это НИЧТО, не место, а скорее состояние. Однажды достигнув нирваны, человек освобождается от воздействия «четырех истин»; ибо воздействие это совершается через определенную причину, а все причины уничтожаются в этом состоянии.

Эти «четыре истины» являются основой всей буддийской доктрины о нирване. Они есть, сказано в книге «Праджна Парамита» («Совершенная мудрость»), – 1. Существование боли 2. Порождение боли. 3. Уничтожение боли. 4. Путь к уничтожению боли. Что является источником боли? – Существование. Рождение, старение и, следовательно, смерть, там, где есть форма, там есть причина для боли и страдания. Сам дух не имеет формы, а поэтому и нельзя сказать, что он существует. Когда человек (эфирный, внутренний человек) достигает момента, когда он становится совершенно духовным, то есть лишенным формы, тогда он достигает состояния абсолютного блаженства. ЧЕЛОВЕК, как существо объективно уничтожается, но духовная сущность с ее субъективной жизнью будет жить вечно, ибо дух нетленен и бессмертен.

По духу учений Будды и Пифагора мы можем легко понять идентичность их доктрин. Всеобъемлющая, универсальная душа, *Anima Mundi*, есть нирвана, и Будда, как общее имя, является антропоморфизированной монадой Пифагора. Во время пребывания в нирване, в конечном блаженстве, Будда является безмолвной монадой, пребывающей во тьме и молчании; он является также Брахмой, не имеющим формы, возвышенным, но непознаваемым божеством, невидимо объемлющим всю вселенную. Когда он проявляется, желая запечатлеть себя в облике, понятном нашему интеллекту, назовем ли мы его аватарой, или Царем, Мессией, или пермутацией божественного духа, Логосом, Христом – все это одно и то же. Во всех случаях это «Отец», который в Сыне, а Сын в «Отце». Бессмертный дух осеняет смертного человека. Он входит в него, обнимает все его существо, делает из него бога, который нисходит в свою земную обитель. Каждый человек может стать Буддой, говорит Учение. Итак, на протяжении бесконечного ряда веков, в разные времена, мы встречаем людей, которые более или менее преуспевали, как говорят, в слиянии «с Богом», что нужно понимать со своим собственным

духом. Буддисты называют такого человека *архатом*. Архат следующий после Будды и нет равных ему в науке *внушения* и в обладании *сверхъестественными* силами. Некоторые факты демонстрируют теорию на практике, как доказал Жаколио.

Даже так называемые *баснословные* повествования в некоторых буддийских книгах, если откинуть их аллегорический смысл, оказываются тайными доктринами, которым учил Пифагор. В палийских книгах *Джатаках* приведены 550 инкарнаций или перевоплощений Будды. Они рассказывают, что он появлялся в каждой форме животной жизни и одухотворял каждое мыслящее существо на земле от мельчайшего насекомого до птички, животного и в конечном итоге человека, микрокосмического прообраза Бога на земле. Нужно ли это понимать *дословно*? Предлагается ли это, как описание *действительных* превращений и существовании одной и той же индивидуальности бессмертного, божественного духа, поочередно одухотворявшего различные виды чувствующих существ? Не должны ли мы вместе с буддийскими метафизиками понять, что хотя существует бесконечное количество индивидуальных человеческих духов, все они вместе являются единым, как каждая капля воды из океана, выражаясь образно, может иметь индивидуальное существование, но все же со всеми остальными каплями образует океан, что каждый человеческий дух, это искра единого, всеобъемлющего света? Что этот божественный дух одушевляет цветок, кусок гранита, скалы, льва и человека? Египетские иерофанты, как и брахманы, и буддисты Востока, и некоторые греческие философы, утверждали в начале, что тот же дух, что одухотворяет частицу пыли, оставаясь в ней в латентном состоянии, одухотворяет человека, проявляя в нем высшую степень своей активности. Также и доктрины о постепенном вливании человеческой души в субстанцию первичного, отчего душа, одно время, была всеобщей; но эта доктрина никогда не предполагала уничтожения высшего духовного эго, – а только растворение *внешних форм* человека, после его земной смерти, так же как во время его пребывания на земле. Кто же больше всего соответствует для того, чтобы передать нам тайн посмертного существования, которые так неправильно считаются непроницаемыми, как не те люди, которые, путем самодисциплины, праведной жизни и высоких устремлений, преуспели в слиянии со своим «Богом» и имели возможность получить хотя и *несовершенные*, но все же проблески великой истины.^[219] И эти подвижники рассказывают нам поразительнейшие истории о *разнообразии* форм, принимаемых развоплощенными астральными душами; форм, каждая из которых является духовной и в то же время конкретным отображением абстрактного состояния и мыслей, однажды жившего человека.

Просто абсурдно обвинять буддийскую философию в отрицании Высочайшей Сущности – Бога, бессмертии души, короче говоря в атеизме, на том основании, что в основе их доктрин лежит нирвана, означающая полное *уничтожение*, и *Свабхават* – *безличное НИЧТО*. Эн (или Айн) еврейского Эн-Соф тоже означает *нихил* или *ничто*, тот кто не есть (*quo ad nos*); но никто, никогда не пытался обвинять евреев в атеизме. В обоих случаях истинное значение понятия *ничто* несет в себе идею, что Бог *не вещественен*, не конкретное или видимое Существо, к которому достойно было бы применить какое-то имя или название любого объекта, понятия, известного нам на земле.

Глава IX

Циклические феномены

«Как можешь ты называть безумием то, чего совершенно не понял?»

Тертуллиан, «Апология».

«Возникло это не сегодня

Или вчера, но было вечно;

Кто скажет, как оно пришло или откуда!»

Софокл.

«Вера в сверхъестественное – явление естественное, изначальное, универсальное и постоянное в жизни и истории человеческой расы. Отсутствие веры в сверхъестественное порождает материализм; материализм порождает чувственность, чувственность – социальные судороги, среди бурь которых человек снова научается верить и молиться».

Гвио.

«Если кто-либо думает, что это невероятно, пусть он остается при своем мнении и не противоречит тем, кого такие события вдохновляют к изучению достоинств добродетели».

Иосиф.

От взглядов Платона и Пифагора на материю и энергию мы теперь обратимся к взглядам каббалистической философии на происхождение человека и сравним их с теорией естественного отбора, провозглашенной Дарвином и Уоллесом. Может быть, мы найдем столько же оснований признавать за древними первенство и в этом направлении, как в том, о котором шла речь. По-нашему мнению, нет нужды в более сильных доказательствах теории циклического продвижения, нежели то сравнительное просвещение, какое существовало в прежних веках и в патриархальной церкви в отношении формы земли и движения планетной системы. Даже, если бы еще не хватало доказательств, то невежество Августина и Лактанция, вовлекшее по этим вопросам в заблуждение все христианство, где оно продержалось до периода Галилея, – может послужить примером затмений, через которые человечество из века в век проходит.

«Одевание из кожи», упоминаемые в третьей главе «Книги Бытия», которые были даны Адаму и Еве, истолковываются некоторыми древними философами как означающие плотские тела, в которые, по мере продвижения циклов, облачались человеческие предки. Они (философы) утверждали, что богоподобные физические формы становились все грубее и грубее, пока не было достигнуто дно того, что можно назвать последним духовным циклом, и человечество вступило в восходящую дугу первого человеческого цикла. Затем начались непрерывные серии циклов, или юги; точное количество лет, из которых состоит каждый цикл или юга, остается ненарушимой тайной святилищ и сообщается только посвященным. Как только человечество вступает в новый цикл, каменный век, которым заканчивался предыдущий

цикл, – постепенно сливается со следующим, высшим веком. С каждым последующим веком или эпохой человек становится более утонченным, пока не была достигнута кульминация совершенствования», возможная в этом цикле. Затем обратно катящаяся волна, времени уносила с собой только обломки, следы и признаки прогресса человечества. Цикл следовал за циклом, неуловимо переходя из одного в другой; высокоцивилизованные процветающие нации набирались мощи, достигали кульминационного пункта своего развития, шли на убыль и погасали; и когда был достигнут конечный пункт в нисходящей дуге, человечество снова оказывалось погруженным в варваризм, как при начале восхождения. Царства разрушались, нации сменяли одна другую изначала и до наших дней; расы попеременно то возвышались до высшей точки, то спускались до нижайшей в своем развитии. Дрейпер указывает, что нет основания думать, что какой-либо цикл действует сразу на все человечество в целом. Наоборот, в то время, когда люди на одной части планеты находятся в состоянии упадка, в другой части они могут быть прогрессирующими в просвещении и цивилизации.

Насколько аналогична эта теория закону планетного движения, который заставляет индивидуальные небесные тела вращаться на своих осях; несколько систем вращаются вокруг соответственных солнц, и весь этот звездный сонм следует по своему пути вокруг общего центра. Жизнь и смерть, свет и тьма, день и ночь на планете, когда вращается вокруг своей оси и проходит по кругу зодиака, представляющего меньший и больший циклы. [\[220\]](#) Помните герметическую аксиому: **«Как вверху, так и внизу»**.

Альфред Р. Уоллес вполне логически доказывает, что развитие человека больше выражалось в его ментальной организации, чем в его внешней форме. Он высказывает мысль, что человек отличается от животного тем, что он способен переносить великие перемены в его окружении и в условиях без заметных изменений в своей телесной форме и структуре. На перемены в климате он отвечает соответствующим и изменениями в одежде, жилище, и в орудиях земледелия. Его тело может стать менее волосатым, более прямым, приобрести другой цвет и пропорции;

«так как голова и лицо непосредственно связаны с органом ума и являются посредниками в выражении наиболее утонченных движений его натуры», то они изменяются вместе с развитием его интеллекта. Было время, когда «он еще не обладал чудесно развитым мозгом, органом ума, который теперь, даже у самых низких представителей человеческой расы настолько развит, что возвышает его высоко над высшими животными, период, когда он получил форму, но едва ли человеческую натуру, когда у него не было ни человеческой речи, ни моральных чувств».

Далее Уоллес говорит, что

«Может быть, человечество одно время составляло – нет! я верю, что человечество одно время должно было составлять одну однородную расу... из людей, чей волосной покров тела почти целиком исчез».

О пещерном человеке из *Les Eyzies* Уоллес в дальнейшем говорит:

«...большая ширина лица, выдающаяся нижняя челюсть... указывают на огромную мускульную силу и привычки дикой полузвериной расы».

Таковы те проблески, которые дает нам антропология о людях, когда они доходили до конечной точки падения нисходящего цикла или до начала нового подъема. Посмотрим,

насколько эти данные подтверждаются ясновидящей психометрией. Профессор Дэнтон передал на психометрическое исследование своей жене осколок окаменевшей кости, не давая при этом ни малейшего намёка, что собой представляет этот предмет. Осколок сразу же вызвал у миссис Дэнтон картины людей и сцен, которые она относила к каменному веку. Она видела людей, близко напоминающих обезьян, с очень волосатыми телами, «причем естественный покров волосатости их служит как бы одеянием».

«Ставлю под вопросом, может ли такой человек стоять совершенно прямо: его бедренные кости кажутся так устроенными, что он не может», – добавила она. – «Изредка вижу часть тела одного из этих существ, которая выглядит сравнительно гладкой. Я вижу кожу более светлого цвета... Не знаю, принадлежит ли он к тому же периоду... Издали лицо кажется плоским; нижняя часть его тяжелая; у них то, что называют выдающимися челюстями. Фронтальная область головы низка, и в нижней части выдается вперед, образуя кромку на краю лба над бровями... Вижу одно человекоподобное лицо, хотя в нем есть что-то от обезьяны. И все они вроде обезьян с длинными руками и волосатыми телами» [183, т. i].

Хотят или не хотят ученые признать правильность герметической теории о физической эволюции человека из более высоких и более духовных существ, они сами показывают нам, как раса развивалась от отмеченной низшей точки до нынешнего состояния развития. И так как природа, по-видимому, построена по аналогиям, то не будет ли резонно утверждать, что то же самое постепенное развитие индивидуальных форм преобладает среди обитателей *невидимой* вселенной? Если такие чудесные результаты были произведены эволюцией на нашей маленькой, незначительной планете, где из высшего типа обезьяны созданы разумные и интуитивные люди, – почему тогда думать, что беспредельные пространства населены только бестелесными *ангельскими* формами? Почему в том обширном царстве не дать место для духовных дубликатов этих волосатых длинноруких и полуразумных предков, их предтеч и их потомков вплоть до нашего времени? Разумеется, духовные дубликаты таких первобытных членов человеческой семьи должны быть так же нелепы и неразвиты, какими были их физические тела. В то время как ученые не пытаются вычислять длительность «великого цикла», герметические философы все же утверждали, что согласно закону циклов нынешняя человеческая раса неизбежно должна коллективно вернуться к тому отправному пункту эволюции, где человек впервые покрылся «одеянием из кожи»; или, выражаясь яснее, человеческая раса должна в соответствии с законом эволюции стать *физически* одухотворенной. Если господа Дарвин и Гёксли не будут в состоянии доказать, что человечество нашего века уже достигло, как физическое и моральное животное, кульминации своего совершенствования в эволюции и поэтому дальнейшее его эволюционное развитие, то есть дальнейшее развитие человеческого рода – должно прекратиться, то мы не видим возможности, как они могут опровергать такой логический вывод.

В своей лекции о воздействии закона естественного отбора на человека Альфред Р. Уоллес заключает свои высказывания по поводу развития человеческой расы под воздействием закона естественного отбора следующими словами:

«Неизбежным последствием должно быть, что высшие, более интеллектуальные и более нравственные расы вытеснят низшие и более деградированные расы; и власть естественного отбора, все еще продолжающая действовать в его ментальной организации, должна всегда направлять к наиболее совершенному приспособлению высших способностей человека на улучшение условий окружающей природы и

социальных крайностей. В то время как внешняя форма, вероятно, навсегда останется неизменной, за исключением развития красоты до полного совершенства... Утонченная и облагороженная его высшими интеллектуальными способностями и возвышенными чувствами, его ментальная конституция может продолжать продвижение и улучшаться до тех пор, пока мир опять не будет населен единственной, почти однородной расой, ни один индивидуум из которых не будет ниже *самых благороднейших представителей существующего человечества*».

Трезвые научные методы и осторожность в прогнозах значительно сказываются в выражениях этого великого антрополога. Все же, то что он говорит, ничуть не противоречит каббалистическим утверждениям. Разрешите вечно продвигающейся вперед природе, разрешите великому закону – «выживает наиболее приспособленный» – сделать еще один шаг вперед за пределы выводов Уоллеса, и у нас будут возможности... нет! не возможности, а уверенность в появлении расы, которая, подобно расе «вриля», описанной Бульвер-Литтоном в «Грядущей расе», будет только одною ступенью ниже «Сынов Божиих».

Следует отметить, что эта философия циклов, которая египетскими иерофантами была аллегоризована в «круг необходимости», в то же самое время объясняет аллегорию «Грехопадения человека». По арабским описаниям, каждая из семи комнат в пирамидах, во этих величайших космических символах, носила имя одной из планет. Своеобразная архитектура пирамид сама по себе показывает направление метафизической мысли их строителей. Вершина теряется в ясном голубом небе страны фараонов и представляет изначальную точку, затерявшуюся в невидимой вселенной, откуда изошла первая раса духовных прототипов человечества. Каждая мумия, с того момента, как набальзамирована, теряет свою физическую индивидуальность в одном значении; она символизирует человеческую расу. Помещенная так, чтобы наилучшим способом помочь выходу «души», последняя должна была пройти семь планетных комнат, прежде чем совершить свой выход через символическую вершину. Каждая комната символизировала в то же самое время одну из семи сфер и один из семи высших типов физико-духовного человечества, более высокого, чем наше нынешнее. Каждые 3000 лет душа, представительница своей расы, должна была возвращаться к своему первичному исходному пункту, прежде чем начать другую эволюцию в более усовершенствованное духовное и физическое преобразование. Мы должны глубоко углубиться в труднопонятную метафизику восточного мистицизма, прежде чем мы будем в состоянии полностью понять бесконечность тем, которые были охвачены одним взлетом величественной мысли ее выразителей.

Начав свой путь, как чистое и совершенное духовное существо, Адам второй главы «Книги Бытия», не будучи удовлетворен положением, отведенным ему Демиургом (который является старшим перворожденным, Адамом Кадмоном), Адам второй, «человек из праха» стремится в своей гордости стать Творцом в свою очередь. Происходя от андрогинного Кадмона, этот Адам сам андрогин; ибо, согласно древнейшим верованиям, аллегорически изложенным в «Тимее» Платона, прототипы наших рас все были заключены в микрокосмическом дереве, которое росло и развивалось внутри и под сенью великого вселенского или макрокосмического дерева. Божественный дух считается единым, как бы велико ни было количество лучей великого, духовного солнца, и человек так же, как и все другие формы, органические и неорганические, ведет свое начало из этого Источника Вечного Света. Даже если бы нам пришлось отбросить гипотезу об андрогинном человеке в связи с его физической эволюцией, то значение этой аллегории в духовном смысле осталось бы непоколебленным. До тех пор, пока первый богочеловек, символизирующий первые два принципа творения, двойной муже-женский элемент, – не имел мысли о добре и зле, он не мог облечь в конкретную форму «женщину», ибо она

находилась в нем, как он находился в ней. Только тогда, когда в результате злых намеков змия, *материи*, последняя сгустилась и остыла на духовном человеке в его контактах с элементами, только тогда плоды мужского дерева – которое и есть само древо познания – открылось его взгляду. С этого момента андрогинное единство перестало существовать, мужчина выделил из себя женщину в качестве отдельного существа; они разорвали нить между чистым духом и чистой материей. С тех пор они больше не будут творить *духовно* и единственной властью их воли; человек стал физическим творцом, и царство духа может быть завоевано только путем долгого пребывания в плену материи. Значение Гогарда, эллинского дерева жизни, священного дуба, среди пышных ветвей которого обитает змий, который *не может* быть удален, ^[221] таким образом выявляется, выползая из изначального *ilus*, земной змий становится более материальным, нарастает в силе и власти с каждой новой эволюцией.

Адам Первый или Кадмон, Логос иудейских мистиков – то же самое, что и греческий Прометей, который хочет состязаться с божественной мудростью; он также есть Пэмандр Гермеса или СИЛА БОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ в ее наиболее духовном аспекте, ибо он был менее конкретизирован египтянами, чем двумя предыдущими. Все они создают людей, но терпят неудачу в достижении конечной цели. Желая наделить человека бессмертным духом, чтобы он, объединив эту тройственность в одно, мог постепенно возвратиться в его изначальное состояние, не потеряв своей индивидуальности, Прометей терпит неудачу в своей попытке похитить *божественный* огонь и осужден искупить свою вину на горе Казбек. Прометей также есть *Логос* древних греков, так же как и Геракл. В «Кодексе назареев» ^[222] мы видим, как Бахак-Зиво покидает небеса и своего отца, признаваясь, что, хотя он является отцом гениев, он не в состоянии «создавать тварей», ибо он в одинаковой степени не знаком с Оркусом, как «пламенем пожирающим, которого не хватает в свете». И Фетахил, одна из «сил», сидит в «грязи» (материи) и хочет знать, почему живой огонь так изменился.

Все эти *Логосы* старались наделить человека бессмертным духом, потерпели неудачу, и всех их изображают, как понесших наказание за свою попытку, причем наказания суровые. Те из ранних христианских отцов церкви, которые, подобно Оригену и Клименту Александрийскому, хорошо разбирались в языческом символизме, так как начали свою карьеру в качестве философов, чувствовали себя в большом затруднении. Они не могли отрицать в старейших мифах предвосхищения их собственного учения. Последний *Логос* (Христос), по их учению, также появился, чтобы показать людям путь к бессмертию; и в своем желании наделить мир вечной жизнью через огонь Святого Духа, поплатился жизнью в соответствии с традиционной программой. Таким образом, создалось очень неуклюжее объяснение, которым свободно пользуется духовенство наших дней, говоря, что все эти мифические типы свидетельствуют о пророческом духе, которым Господь по своей милости наградил даже языческих идолопоклонников! Язычники, они утверждали, предвосхитили в своем воображении великую драму Голгофы – оттуда и подобие. С другой стороны, философы с непобедимой логикой утверждали, что благочестивые отцы, просто воспользовались уже готовой основой, находя, что это легче, чем самим придумывать новую, или же они сделали это ради привлечения большего количества прозелитов, которым будет приятно сходство нового учения с их мифологией, по крайней мере, поскольку это касалось внешней формы основных положений.

Аллегория о грехопадении человека и огне Прометея также является другой версией мифа о восстании гордого Люцифера, сброшенного в бездонную пропасть – Оркус. В брахманской религии Маха-Сура, индийский Люцифер, начинает завидовать блеску света Творца и во главе легиона низших духов поднимает восстание против Брахмы и объявляет ему войну. Подобно Геркулесу, верному титану, который помогает Юпитеру и восстанавливает его на троне, Шива, третье лицо индийской троицы, сбрасывает их всех с небесных обителей в Гондор, область

вечного мрака. Но здесь падших ангелов заставляют раскаиваться в своих злых деяниях и всем им предоставляется возможность к продвижению. В греческой версии Геркулес, Солнечный бог, спускается в Гадес, чтобы освободить жертв от их мучений; и христианская церковь тоже заставляет своего воплотившегося бога спускаться в мрачные области Плутона и побеждать мятежного архангела. Каббалисты, в свою очередь, объясняют эту аллегорию полунаучно. Адам второй или первозданная раса, которую Платон называет богами, а Библия – элохимами; не были тройными по своей природе подобно земному человеку, то есть они не состояли из души, духа и тела, но представляли собой соединение из очищенных астральных элементов, в которые «Отец» вдохнул бессмертный божественный дух. Последний, по причине своей богоподобной сущности, всегда стремился освободиться от ограничений даже такого слабого плена, следовательно, «сыны Божии» в своих неблагоприятных устремлениях были первыми, начертавшими будущую модель циклического закона. Но человек не должен быть «подобен одному из нас», – говорит творящее божество, один из элохимов, «которому вверено построение низшего животного».^[223] И так это и было, когда люди первой расы достигли вершины первого цикла, они потеряли свое равновесие, и их вторая оболочка, одеяние более грубое (астральное тело), потянула их вниз в противоположную дугу.

Каббалистическая версия о сынах Божьих (или света) изложена в «Кодексе назареев». Бахак-Зиво, «отцу гениев», приказано «строить тварей». Но так как он «не сведущ в Оркусе», ему не удастся это сделать, и он зовет на помощь Фетахила, более чистого духа, у которого получается еще хуже.

Затем на сцену творения выступает «дух»,^[224] (который следовало бы назвать «душа», так как это есть *Anima Mundi*, которая у назареев и гностиков считалась *женского рода*) и, ощущая, что для Фетахила^[225] *новейшего человека* (позднейшего), сияние «изменилось», и что сияние пошло «в убыль и ущемление», пробуждается Карабтанос,^[226] «который был неистов, бессмыслен и нерассудителен», и говорит ему: «Восстань; видишь, сияние (свет) *новейшего человека* (Фетахила) оказалось недостаточным (чтобы создать людей), убыль этого сияния видна. Поднимись, приди вместе с твоею **матерью** (духом) и освободись от ограничений, которые тебя сдерживают, и от тех, которые обширнее всего мира». Затем следует (брачный) союз неистовой и слепой материи, направляемый нашептываниями духа (не *божественным* дыханием, но *астральным* духом, который по своей двойной сущности уже окрашен материей), и так как предложение **матери** принимается, Дух дает зачатие «Семи Числам», которые Ириной склонен рассматривать, как семь *светил* (планет), но которые в самом деле представляют семь *смертных грехов*, потомство астральной души, отделенной от своего божественного источника (духа), и *матери*, слепого демона страстности. При виде этого Фетахил простирает руку к бездне материи и говорит: «Пусть земля существует точно так же, как уже существует обитель властей». Погрузив свою руку в хаос, который он сгустил, он сотворил нашу планету.^[227]

Затем «Кодекс» приступает к повествованию, как Бахак-Зиво был отделен от Духа, и гении или ангелы от мятежников [Кодекс назареев, II, 233]. Затем Мано^[228] (величайший), который обитает в *величайшем Ферхо*, зовет Кебар-Зиво (также известного под именем Нибат-Иавар бар Иуфин-Айфафин). Силу и вино пищи жизни,^[229] он, будучи *третьей жизнью* и сочувствуя восставшим и глупым гениям по поводу величия их честолубивых устремлений, говорит: «Владыка гениев^[230] (эонов), смотри, что делают гении, о чём они совещаются [Кодекс назареев, I, 135]. Они говорят: «Вызовем мир к существованию, вызовем к существованию силы». Гении – это *Принципы*, «сыновья Света», но ты «*вестник жизни*» [Кодекс назареев, I, 135].

И чтобы противодействовать влиянию семи «к плохому направленных» принципов, потомков Духа, **Кабар Зио**, могущественный Господь Сияния, порождает *семь других жизней*

(основных добродетелей), которые сияют своим собственным образом и светом «с высоты» [Кодекс назареев, III, 61] и таким способом восстанавливают равновесие между добром и злом, светом и тьмой.

Но это творение существ без необходимого вдуновения в них божественного чистого дыхания, которое было известно среди каббалистов как «Живой Огонь», создавало только тварей из материи и астрального света.^[231] Таким образом были порождены животные, которые предшествовали человеку на земле. Духовные существа, «сыновья света», те остались верными великому *Ферхо* (Первопричине всего), составляют небесную или ангельскую иерархию, Адонимов, и легионы *никогда не воплощавшихся* людей. Последователи мятежных и глупых гениев и потомство «тупых» семи духов, порожденных «Карабтаносом» и «духом» становятся с течением времени «людьми нашей планеты»^[232] после предварительного прохождения ими всех «творений» в каждом элементе. Начиная от этой стадии жизнь их прослежена Дарвином, который показывает нам, как наши *высшие* формы развивались из *низших*. Антропология не осмеливается следовать за каббалистом в его метафизических полетах за *пределы* этой планеты, и, сомнительно, чтобы у учителей антропологии хватило духу искать *нехватящих звеньев* в старых каббалистических рукописях.

Таким образом был приведен в движение *первый цикл*, который в своих вращениях, *направленных книзу*, привел бесконечно малую частицу созданных *жизней* на нашу планету из *грязи*, достигнув самой низкой точки в нисходящей дуге цикла, непосредственно предшествовавшего жизни на этой земле, чистая божественная искра, все еще держащаяся в Адаме, совершила усилие, чтобы освободиться от астрального духа, ибо «человек постепенно впадал в зарождение», и плотское одеяние все время уплотнялось.

А теперь мы подошли к тайне, к некоему *Сод*;^[233] секрету, который раввин Симеон^[234] открывал только немногим посвященным. Эта тайна сценически изображалась раз в семь лет в течение самофракийских мистерий и запись ее обнаружена самоотпечатавшеюся на листьях тибетского священного дерева, таинственного **Кунбума**, в монастыре святых адептов.^[235]

В безбрежном океане пространства сияет центральное духовное и *невидимое* солнце. Вселенная – его тело, дух и душа; и по этой идеальной модели построено **все сущее**. Эти три эманации суть три жизни, три степени гностической *Плеромы*, три «Каббалистические Лица», ибо **древний** из древних, святой из старых, великий Эн-Соф «имеет форму, а затем не имеет формы». Невидимое «приняло форму, когда оно вызвало к существованию вселенную»,^[236] – говорит «Зогар», Книга Величия. *Первый свет* – это Его душа, Бесконечное, Беспредельное и Бессмертное дыхание, под дуновением которого вселенная поднимает и опускает свою могучую грудь» вдыхая *разумную* жизнь во все творение. *Вторая* эманация сгущает кометную материю и образует формы внутри космического круга, запускает бесчисленные миры, чтобы плыли они в электрическом пространстве, и вдыхает *неразумный* слепой жизненный принцип в каждую форму. Третий образует всю вселенную физической материи; и так как она продолжает постепенно отдаляться от центрального божественного Света, то ее блеск уменьшается и она становится **тьмой** и **злом** – чистой материей, «великими очищениями небесного огня» герметистов.

Когда Центральный Невидимый (Господь Ферхо) увидел усилия божественной *Искры*, нежелающей быть стянутой вниз в деградацию материи, усилия чтобы освободиться. Он позволил ей выпустить из себя *монаду*, за которой, будучи к ней прикреплена тончайшей нитью. Божественная Искра (душа) должна была наблюдать в течение ее непрерывных перекочевываний из одной формы в другую. Таким образом, монада была направлена вниз в первую форму материи и была заключена в камень. Затем с течением времени соединенными

усилиями *живого огня и живой воды*, которые отбрасывали свое *отражение* на камень, монада выползла из своего заключения на солнечный свет в виде лишая. Она шла от перемены к перемене и с каждой переменной поднималась выше и выше. Монада с каждым новым преобразованием получала все больше излучения от своего родителя, *Искры*, которая все больше приближалась к ней после каждого перевоплощения. Ибо «Первопричина хотела, чтобы так происходило», и судила ей ползти выше до тех пор, пока ее физическая форма еще раз станет Адамом из *праха*, которому придано подобие Адама Кадмона. Перед тем, как подвергнуться последнему земному перевоплощению, внешнее покрытие монады с момента его зачатия в качестве эмбриона проходит по очереди еще раз через фазы нескольких царств природы. В своем жидкостном заключении он смутное подобие различных периодов развития в растение, пресмыкающегося, птицы и животного, пока не превратится в человеческого эмбриона [258, с. 132]. При рождении будущего человека монада, сияющая в полную мощь своего бессмертного родителя, который наблюдает за ней с седьмой сферы, – становится *бесчувственной*.^[237] Она теряет все воспоминания прошлого, и сознание возвращается к ней только постепенно, когда инстинкты детства уступают свое место рассудку и разуму. После того как происходит отделение жизненного принципа (астральной души) от тела, освобожденная душа – Монада, ликуя, присоединяется к материнско-отцовскому духу, к сияющему Аугоэйдесу, и эти двое, слившись в одно, образуют для беспредельного будущего, со славой и блеском, соответствующим духовной чистоте последней земной жизни, – Адама, который совершил круг необходимости и освобожден от последних остатков своей физической оболочки. И впредь, становясь все более и более сияющим с каждым шагом своего восхождения, он поднимается на сияющий путь, который заканчивается на той точке, откуда он начал совершать **великий цикл**.

Вся теория Дарвина о естественном отборе включена в первые шесть глав «Книги Бытия». «Человек» из главы I очень отличается от «Адама» главы II; ибо первый был создан «мужчиной и женщиной» – то есть двуполым – и по образу Бога; тогда как второй, согласно стиху седьмому, был создан из праха земного и стал «живой душой» после того, как Господь Бог «вдохнул в его ноздри дыхание жизни». Кроме того, *этот Адам* был мужским существом, и в стихе двадцатом нам говорят, что «не было помощника ему». Адонаи, будучи чисто духовными существами, не имели пола, или, вернее, имели оба пола объединенными в себе, подобно их Творцу, и древние так хорошо это понимали, что изображали многие из своих божеств двуполыми. Изучающему Библию остается или принять это настоящее толкование, или же признать, что приведенные отрывки из двух глав, которые мы упоминали, до нелепости противоречат друг другу. Принятие таких отрывков в их буквальном значении оправдывает атеистов, поднимающих Моисеево изложение на смех; и именно принятие мертвой буквы старых текстов повинно в зарождении материализма нашего века. Не только эти две расы существ так ясно указаны в «Книге Бытия», но даже третья и четвертая расы выведены перед читателем в главе IV, где говорится о «сынах Божиих» и о расе «великанов».

В то время как мы пишем, появилась статья в американской газете «*Канзас-сити таймс*», где говорится о важных открытиях останков доисторической *расы великанов*, которая подтверждает каббалистическую версию и в то же время и библейские аллегории. Статья заслуживает внимания:

«В своих исследованиях среди лесов Западной Миссури судья Е. П. Уэст открыл ряд конусообразных возвышений, подобных по конструкции возвышениям, обнаруженным в Огайо и Кентукки. Эти возвышения обнаружены на высоких утесах с видом на реку Миссури, самые большие и выдающиеся находятся в Теннесси, Миссисипи и Луизиане. Еще три недели тому назад не подозревали, что строители

этих возвышений избрали эту область для заселения в доисторические времена, но теперь сделано открытие, что эта странная и погасшая раса людей когда-то занимала эту страну и оставила обширные кладбища с многочисленными надмогильными курганами на утесах графства Клей.

Пока что раскрыто только одно из этих возвышений. Судья Уэст обнаружил там скелет около двух недель тому назад и сделал об этом доклад другим членам общества. Они сопроводили его на это возвышение и неглубоко от поверхности откопали и достали остатки двух скелетов. Кости очень велики – настолько велики, в сущности, что по сравнению с обычным скелетом наших дней кажется, что они принадлежали гиганту. Черепные кости, которые еще не сгнили, чудовищны по своим размерам. Сохранявшаяся нижняя челюсть одного скелета по размерам вдвое больше челюсти цивилизованного человека. Зубы в этой челюсти велики и стерты до основания, по-видимому от разжевывания корней и мясной пищи. Челюсти говорят о громадной мускульной силе. Бедерная кость по сравнению с бедренной костью обычного современного скелета выглядит, как лошадиная кость. Длина, толщина и мускульное развитие замечательны. Но наиболее своеобразной частью скелета является лобная кость. Она очень низка и весьма отличается от всего, что я видел в этой части головы раньше. Она образует толстый костяной выступ шириной около дюйма, простирающийся поперек лба над глазами. Это узкий но массивный выступ кости, который вместо того, чтобы подниматься кверху, как он поступает в наше цивилизованное время, отступает назад от бровей, образуя плоскую голову, указывая таким образом на принадлежность к очень низкой человеческой расе. Мнение ученых джентльменов, сделавших это открытие, сходится на том, что эти кости являются останками доисторической расы людей. Они не напоминают ныне существующие расы индейцев, также эти надмогильные возвышения по своей форме и конструкции не соответствуют ни одному из подобных сооружений ныне существующих племен Америки. В этих возвышениях тела найдены в сидящей позе; среди костей обнаружены каменные орудия, например, кремневые ножи, кремневые скребки, и все они другие по форме и отличаются от наконечников стрел, боевых топоров и других каменных орудий, какими пользовались туземные индейцы, когда их открыли белые. Джентльмены, в чьем ведении находятся эти любопытные кости, поместили их у доктора Фоу на Майн-стрит. В их намерения входит произвести дальнейшие и более тщательные исследования упомянутых возвышений и утесов, находящихся против города. Они сделают доклад о своих трудах на следующем собрании Академии наук, к тому времени они надеются быть в состоянии высказать определенное мнение по поводу находок. Однако, уже теперь определено установлено, что скелеты принадлежат расе ныне не существующей».

Автор недавнего и очень тщательно разработанного труда^[238] нашел какие-то причины, чтобы посмеяться над соединением сынов Божиих с «дочерьми людей», которые *были прекрасны*, как сказано об этом в «Книге Бытия», и описано во всех подробностях в чудесной легенде, «Книге Еноха». Тем более жаль, что наши наиболее ученые и либеральные люди не применяют своей точной и безжалостной логики на выправление односторонности путем поисков истинного духа, который продиктовал эти древние аллегории. Этот дух, определенно, был более *научен*, чем скептики могут это допустить. Но с каждым годом несколько новых открытий могут подтвердить справедливость древних высказываний, пока, наконец, вся древняя мудрость будет оправдана.

Одно, по меньшей мере, было доказано в еврейском тексте, а именно, что существовала одна раса, состоящая из чисто физических тварей, другая же была чисто духовная. Эволюция и «преобразование видов» требовали заполнения этого разрыва между этими двумя, и это было предоставлено способнейшим антропологам. Мы можем только повторять философию древних, которая говорит, что соединение этих двух рас произвело на свет третью – расу Адамитов. Разделяя натуры обоих своих родителей, эта новая раса в одинаковой степени приспособлена для существования и в материальном, и в духовном мирах. Рассудок человека соединен с его физической половиной, чтобы человек мог сохранить свое верховенство над низшими животными и подчинять природу своим надобностям. Его совесть соединена с его духовной половиной и служит безошибочным водителем среди натиска чувств, ибо совесть выражается во мгновенном ощущении, что правильно и что неправильно, и это ощущение может дать только дух, который, будучи частью божественной мудрости и чистоты, абсолютно чист и мудр. Подсказывания совести независимы от рассудка и могут четко проявляться тогда, когда им не препятствуют низшие влечения нашей двойственной природы.

Так как рассудок является способностью физического мозга, то о нем справедливо можно сказать, что он только делает выводы из предпосылок и, будучи в полной зависимости от информации, сообщенной ему чувствами, не может зависеть непосредственно от духа. Последний *знает* — следовательно, всякие рассуждения, подразумевающие дискуссии и доказательства ему бесполезны. То же и всякое существо, которое можно рассматривать, как непосредственную эманацию вечного Духа мудрости – оно должно рассматриваться, как обладающее теми же самыми свойствами, как та сущность, частью которой оно является. Поэтому до некоторой степени логично, что древние теурги утверждали, что *разумная* часть человеческой души (дух) никогда не входила целиком в человеческое тело, а только осеяло его более или менее через *неразумную* или астральную душу, которая служит посредником между духом и телом. Человек, который в достаточной степени победил материю, чтобы получать непосредственный свет из своего *Аузоэйдес*, чувствует истину интуитивно, он не мог бы ошибиться в своем суждении, несмотря на все софизмы, подсказываемые холодным рассудком, ибо он **ОЗАРЕННЫЙ**. Следовательно, пророчества, предсказания и так называемое божественное вдохновение являются, просто, следствиями этого озарения свыше от нашего собственного бессмертного духа.

Сведенборг, придерживаясь мистических учений философов герметизма, посвятил ряд томов проливанию света на «внутренний смысл» «Книги Бытия». Сведенборг, несомненно, был «природным магом» и ясновидцем; он *не* был *адептом*. Поэтому, как бы точно он ни следовал методам истолкования, применяемым алхимиками, он частично остался безуспешным. Тем более, что человек, избранный им в качестве модели этого метода хотя и был великим алхимиком, был адептом не более, чем сам шведский ясновидец, в полном смысле этого слова. Евгений Филалет не обладал «высшей пиротехникой», если прибегнуть к терминам мистических философов. Но, хотя оба упустили всю истину со всеми подробностями, Сведенборг фактически дал то же самое толкование первой главе «Книги Бытия», что и философы герметизма. Ясновидец так же, как и посвященные, несмотря на свою завуалированную фразеологию, ясно показывает, что первые главы «Бытия» имеют отношение к *возрождению* или новому рождению человека, а не ко творению нашей вселенной и ее венчающего произведения – **человека**. Тот факт, что термины алхимиков, такие как *соль*, *сера* и *ртуть* преобразены Сведенборгом в *сущность*, *причину* и *следствие*^[239] не задевают скрытой идеи разрешения загадок *Книг Моисея* единственным возможным методом, методом, употребляемым герметистами – методом соответствий.

Его учение о соответствиях или герметическом символизме – это учение Пифагора и

каббалистов – «как наверху, так и внизу». Это также учение буддийских философов, которые в своей еще более абстрактной метафизике, перевернув обычный способ определений, даваемых нашими наиболее эрудированными учеными, называют образы невидимого мира единственными реальностями, а все остальное, следствия причин или видимые прототипы – *иллюзиями*. Как бы противоречивыми ни казались их различные объяснения Пятикнижия *по своей поверхности*, все они стремятся доказать, что священные писания всех стран, Библия так же, как Веды или буддийские писания, могут быть поняты и тщательно просеяны лишь при помощи света герметической философии. Великие мудрецы древности, мудрецы средних веков и мистические писатели нашей современности – все были *герметисты*. Или свет истины просветил их через их способность к интуиции, или как результат изучения и регулярных посвящений, фактически они приняли метод и пошли по пути, начертанному такими людьми, как Моисей, Гаутама Будда и Иисус. Истина, символизированная некоторыми алхимиками, как *небесная роса*, опустилась в их сердца, и они собирали ее на *вершинах гор* после того как разостлали **чистую** льняную ткань, чтобы принять ее; и таким образом, в одном значении, они обеспечили каждый себя и по-своему *универсальным растворителем*. Сколько им было позволено поделиться с другими – это другой вопрос. Та завеса, которая по словам писаний, закрывала лицо Моисея, когда, спустившись с горы Синай, он учил народ Слову Божию, не может быть снята по воле только одного учителя. Это зависит от слушателей, снимут ли они тоже завесы со своих сердец. Павел высказывает это просто; и его слова, адресованные к коринфянам, могут быть приложены к каждому мужчине и к каждой женщине во всех веках мировой истории. Если «их умы ослеплены» сияющей кожей божественной истины, то – будет или не будет убрана герметическая завеса с лица учителя, – она не может быть убрана с их сердец, если они «*не обратятся к Господу*». Но последнее название не должно быть отнесено ни к одному из трех антропоморфизированных лиц Троицы, но к «Господу», как его понимают Сведенборг и герметические философы, то есть к Господу, который есть Жизнь и ЧЕЛОВЕК.

Постоянный конфликт между мировыми религиями – христианством, иудаизмом, язычеством, брахманизмом, происходит из нижеследующего единого источника: Истина известна только немногим; остальные, не желая снять завесу со своих собственных сердец, воображают, что она ослепляет глаза соседа. Бог всех экзотерических религий, включая и христианскую, несмотря на его претензии на тайну, есть идол, выдумка, и не может быть ничем другим. Моисей, наглухо укутавшись в завесу, говорит жестоковейным множествам о Иегове, жестоком антропоморфическом божестве, как о высочайшем Боге, глубоко захоронив в глубинах своего сердца истину, о которой нельзя «ни говорить, ни раскрывать ее». Капила рубит острым клинком своих сарказмов брахманистских йогов, которые притворяются, что они в своих мистических видениях видели **ВЫСОЧАЙШЕГО ЕДИНОГО**. Гаутама Будда скрывает истину под непроницаемым одеянием метафизических тонкостей и рассматривается потомками, как *атеист*. Пифагора с его аллегорическим мистицизмом и метемпсихозом считают ловким обманщиком, а за ним такую же оценку получают другие философы, например, Аполлоний и Плотин, о которых обычно говорили, как о визионерах, если не как о шарлатанах. Платона, чьи труды никогда не были прочитаны большинством наших великих ученых иначе, как только поверхностно, многие из его толкователей обвиняли в нелепостях и ребячествах, и даже в незнании своего собственного языка,^[240] по всей вероятности за высказывание о высочайшем, что «понятие такого рода не может быть выражено словами, подобно другим заучиваемым предметам»;^[241] а также за нахождение у Пифагора слишком частого применения «завуалировки». Мы могли бы заполнить целый том именами неправильно понятых мудрецов, чьи сочинения – лишь потому, что наши материалистические критики не в силах поднять закрывающую их завесу – предаются забвению, как мистические нелепости. Наиболее

значительна черта этой, кажущейся непостижимой тайны, может быть, заключается в укоренившейся привычке большинства читателей судить о сочинении по его словам и недостаточно выраженным идеям, не касаясь духа самого произведения. Часто оказывается, что философы, принадлежащие совсем различным школам, употребляют множество неодинаковых выражений, некоторые из них затемненные и метафорические – все образные, и все же говорят об одном и том же предмете. Подобно тысячам расходящихся лучей одного огненного шара, каждый луч, тем не менее, ведет к центральной точке; так и каждый мистический философ – будь это восторженно преданный энтузиаст подобно Генри Мору; раздражительный алхимик, прибегающий к базарной фразеологии – подобно своему противнику Евгению Филалету, и *атеист* (?) подобно Спинозе, – все они имели в виду один и тот же предмет – **человека**. Однако, Спиноза является тем, кто, пожалуй, дает вернейший ключ к части ненаписанной тайны. В то время, как Моисей запрещает «сотворять изображения» Того, чье имя не должно произноситься всуе, Спиноза идет дальше. Он делает ясный вывод, что Бога даже нельзя *описывать*. Человеческий язык совсем не подходит, чтобы выразить идею об этом «Существе», которое совершенно уникально. Спиноза ли или христианские богословы – кто из них прав в своих предпосылках и выводах – мы представляем решать читателю самому. Каждая попытка в противоположном направлении приводит нацию к тому, что она антропоморфизует то божество, в которое верует. И результат тот, что дает Сведенборг. Вместо того, чтобы сказать, что Бог сотворил человека по своему образу и подобию, нам, поистине, следовало бы сказать, что «человек *выдумывает* Бога по своему собственному образу» [261], забывая, что он воздвиг для поклонения свое собственное отражение.

В чем же тогда заключается истинный, действительный секрет, о котором так много говорят герметисты? Что секрет был и есть, об этом их один откровенный человек, изучающий эзотерическую литературу, никогда не станет сомневаться. Гениальные люди, – какими неотрицаемо были многие из герметических философов, – не стали бы строить из себя дураков, стараясь одурачивать других в течение нескольких тысяч лет. Что этот великий секрет, обычно называемый секретом «философского камня», имел духовное значение так же, как и физическое, к нему присоединенное, подозревали во все века. Автор «Заметок по алхимии и алхимикам» совершенно верно говорит, что предметом герметического искусства является ЧЕЛОВЕК, а цель этого искусства – усовершенствование человека.^[242] Но мы не можем согласиться с ним, что те, кого он называет «злато-любивыми пьяницами», всегда пытались перенести чисто *нравственную* цель (алхимиков) в область физической науки. Уже один тот факт, что человек в их глазах представляет троицу, которую они делили на *соль*, жидкую *ртуть* и *серу*, которая есть *сокровенный огонь* или, проще говоря, на *тело*, *душу* и *дух*, доказывает, что в этом имеется и физическая сторона. Человек есть философский *камень* духовности – «*триединый или троица в единении*», как говорит об этом Филалет. Но он также является этим камнем физически. Последнее есть только следствие причин, а причиной является всемирный растворитель всего – божественный дух. Человек – корреляция химико-физических сил так же, как он корреляция духовных сил. Последние реагируют на физические силы человека пропорционально развитию земного человека.

«Работа совершенствования проводится в соответствии с достоинствами тела, души и духа», – говорит один алхимик, – «ибо тело никогда не стало бы проницаемым, если бы не дух; также дух не был бы стойким в своей сверхсовершенной *тинктуре*, если бы не тело; также эти двое не могли бы воздействовать один на другого без наличия души, *ибо дух есть что-то невидимое*, и никогда не показывается без одеяния, а одеянием является **душа**» [263].

«Философы огня» через своего главу Роберта Фладда утверждали, что симпатия есть плод света, а «антипатия ведет свое начало из тьмы». Кроме того, они учили, как и каббалисты, что

«противоположности в природе происходят от единой вечной сущности или из корня всего сущего». Таким образом, первопричина есть породитель как добра, так и зла. Творец – который не есть Высочайший Бог – является отцом Материи, которая дурна, так же как и духа, который, эмануруя из высочайшей, невидимой причины, проходит через него, как через проводник, и наполняет всю вселенную.

«Несомненно», – говорит Роберт ди Флуктиб (Роберт Фладд), – «что так же, как существует бесконечное разнообразие видимых тварей, так же существует бесконечное разнообразие невидимых тварей различной природы во вселенской машине. Через таинственное имя Бога, которое Моисей так стремился услышать и узнать от него (Иеговы), когда он получил от него этот ответ: *Иегова есть мое вечное имя*. Что касается другого имени, то оно настолько чистое и простое, что не может быть ни расчленено, ни составлено, ни правильно произнесено человеческим голосом... все другие имена включены в него, ибо оно содержит в себе свойства: как отказа, так и желания; как лишения, так и достатка: как смерти, так и жизни; как проклятия, так и благословения; как зла, так и добра (хотя идеально в нем нет ничего дурного), ненависти и разногласия; и, следовательно, симпатии и антипатии» [171, с. 173].

Самыми низкими на шкале существ являются те невидимые твари, которых каббалисты называют «элементариями». Четко различают три их класса. Высшими по разуму и коварству являются так называемые земные духи, о которых более исчерпывающе мы скажем в других отделах этого труда. О них пока достаточно будет сказать, что они суть *лярвы*, или тени тех людей, которые, живя на земле, отказались от всякого духовного света и глубоко погрязли в болоте материи, и от чьих грешных душ бессмертный дух постепенно отделился. Второй класс состоит из невидимых антитипов людей, которым *предстоит* родиться. Никакая форма не может перейти в объективное существование – от самой высокой до самой низкой – пока не вызван к существованию идеал этой формы – или, как сказал бы Аристотель, *прообраз* этой формы – есть стимул к развитию. Прежде чем живописец напишет картину, каждая черточка ее уже живет в его воображении; прежде чем мы увидели часы, они существовали в уме часовщика. То же самое и с будущими людьми.

По учению Аристотеля, существуют три принципа естественных тел: прообраз, материя и форма. Эти принципы приложимы и в данном случае. Прообраз ребенка, которому предназначено быть, мы хотим поместить в незримом уме великого Архитектора вселенной – ибо прообраз в аристотелевой философии не рассматривается как принцип построения тел, но как внешнее свойство в их производстве, ибо производство есть изменение, посредством которого материя переходит от отсутствия формы к той, которую она принимает. Хотя прообраз формы нерожденного ребенка так же, как и прообраз будущей формы несделанных часов является тем, что есть ни субстанция, ни протяженность, ни качество, ни какое-либо существование, все же это есть что-то, что есть, хотя его очертания, для того чтобы быть должны обрести объективную форму, короче говоря, абстрактное должно стать конкретным. Таким образом, как только прообраз материи передается энергией вселенскому эфиру, она становится материальной формой, как бы тонка она ни была. Если современная наука учит, что *человеческая мысль «действует на материю другого мира одновременно с воздействием на материю этого мира»*, как может тот, кто верит в разумную Первопричину, отрицать, что божественная мысль равным образом переносится тем же законом энергии к нашему общему посреднику, вселенскому эфиру – мировой душе? И если это так, то из этого следует, что раз божественная мысль проявилась объективно, то энергия с точностью воспроизводит очертания того, что сперва было рождено в божественном уме, как «прообраз». Только не следует понимать так, что эта *мысль* творит материю. Нет, она творит только рисунок, проект будущей формы; материя, которая послужит созданию, выявлению рисунка, всегда существовала и

существует, будучи подготовленной для формирования человеческого тела серией последовательных преобразований, как результат эволюции. Формы преходящи; идеи, создавшие их, и материал, давший им объективность, остается. Эти модели, пока еще лишенные бессмертного духа, суть «элементалы», – строго говоря, *психические эмбрионы*, – которые, когда их время придет, исчезают из невидимого мира и рождаются в видимом мире в качестве человеческих детей, получая при *переходе* то божественное дыхание, называемое духом, которое завершает полностью цельного человека. Этот класс не может *объективно* сообщаться с людьми.

Третий класс – это настоящие «элементалы», которые никогда не разовьются в людей, но занимают особую ступень на лестнице существ и по сравнению с другими, более правильно могут быть названы духами природы или космическими агентами природы, причем каждое существо ограничено пределами своего элемента и никогда не нарушает границ других. Они те, кого Тертуллиан назвал «Князьями сил воздуха».

Полагают, что этот класс обладает только одним из трех атрибутов человека; у них нет ни бессмертного духа, ни осязаемых тел; у них только астральные формы, в которых в значительной степени присутствует тот элемент, к которому они принадлежат, и также эфир. Они представляют комбинацию из сублимированной материи и рудиментарного ума. Некоторые не изменяются, но все же не имеют отдельной индивидуальности и действуют, так сказать, коллективно. Другие, принадлежащие определенным элементам и видам, применяют свою форму по установленным законам, которые каббалисты объясняют. Самые плотные тела их обычно настолько нематериальны, что не воспринимаются нашим физическим зрением, но и не настолько нематериальны, чтобы их нельзя было уловить внутренним зрением или ясновидением. Они не только существуют и могут жить в эфире, но и могут обращаться с эфиром и направлять его на производство физических явлений с таким же успехом, как мы можем сжимать компрессорами воздух или воду гидравлическими аппаратами; в этих занятиях им помогают «человеческие элементарии». Кроме того, они могут так уплотнить его, что могут сделать себе из него осязаемые тела, которые, благодаря их протейской способности, могут принимать какой им угодно вид, пользуясь в качестве моделей теми портретами, которые они находят отпечатавшимися в памяти присутствующих лиц. Совсем нет надобности для того, чтобы этот присутствующий в тот момент думал об лице, портрет которого в нем отпечатался. Его изображение могло давно уже быть забыто. Но человеческое сознание получает неизгладимые впечатления даже от случайного знакомства или лица, с которым вы встретились всего один раз. Так же, как чувствительной фотопленке достаточно лишь мгновения, чтобы запечатлеть изображение снимаемого, также этого достаточно и сознанию.

По учению Прокла, самые высшие области от зенита вселенной до луны принадлежат богам или планетным духам, в соответствии с их иерархиями и классами. Высочайшими среди них были двенадцать *υπερ-ουρανιοι*, или высших небесных богов, имеющих в своем распоряжении легионы подчиненных демонов. За ними следуют ближайшие по рангу и власти *εϋκοσμοι*, межкосмические боги, имеющие власть каждый над огромным количеством демонов, которых они наделяют своею властью и передают ее от одного другому по желанию. Они, по-видимому, олицетворенные силы природы в своих взаимоотношениях; последние представлены третьим классом или «элементалами», как мы только что описали.

Далее он показывает, по принципу герметической аксиомы о типах и прототипах, что низшие сферы имеют свои подразделения и классы существ так же, как высшие, небесные, причем первые всегда подчинены высшим. Он верил, что четыре элемента все заполнены *демонами*, утверждая, как и Аристотель, что вселенная полна, и природа не терпит пустоты. Демоны земли, воздуха, огня и воды состоят из эластической, эфирной, полутелесной

субстанции. Это те классы, которые служат посредниками между богами и людьми. Хотя они ниже по разуму, чем *шестая* категория высших демонов, эти существа непосредственно владychествуют над элементами и органической жизнью. Они управляют ростом, цветением, свойствами и различными переменами в растениях. Они являются олицетворенными идеями или силами, проливаемыми из небесного $\acute{\upsilon}\lambda\eta$ на неорганическую материю; а так как растительное царство на одну стадию выше, чем минеральное, эти эманации от небесных богов принимают форму и находясь в растении, они становятся *его душой*. Это то, что учение Аристотеля именует *формой* в трех принципах природных тел, классифицированных им как прообраз, материя и форма. Его философия учит, что кроме подлинной материи, необходим еще другой принцип, чтобы завершить триединую природу каждой частицы, и это есть форма, невидимая, но все же, в онтологическом смысле этого слова, реальная сущность, в самом деле отличающаяся от материи, как таковой. Таким образом, в животном или в растении, кроме костей, мяса, нервов, мозгов и крови в первом, и кроме древесной массы, ткани, волокон и сока в последнем, каковые кровь и сок, циркулируя по венам и волокнам, питают все части и животного и растения; и кроме животного духа, который является принципом движения, и химической энергии, которая преобразовывается в жизненную силу в зеленом листе, – должна быть некая реальная форма, которую Аристотель назвал в лошади *лошадиной душой*: Прокл – демоном каждого минерала, растения или животного, а средневековые философы – *элементарными духами* четырех царств.

В нашем веке все это считают метафизикой и грубым суеверием. Все же, по строго онтологическим принципам, в этих старых гипотезах есть какая-то тень вероятности, некий ключ к смущающим «нехватаящим звеньям» точной науки. Последняя теперь стала настолько догматичной, что все, что лежит за пределами кругозора *индуктивной* науки, называется воображаемым; и мы находим профессора Джозефа Ле Контэ констатирующим, что лучшие ученые «высмеивают употребление термина „жизненная сила“ или жизненность, как остатки суеверия» [264]. Кэндол, вместо «жизненная сила» предлагает *жизненное движение*,^[243] приготавливаясь к окончательному научному прыжку, который превратит бессмертного думающего человека в автомат с часовым механизмом внутри.

«Но», – возражает Ле Контэ, – «можем ли мы представить себе движение без энергии? И если это движение своеобразно, то такова также и *форма энергии*».

В еврейской *Каббале* духи природы были известны под общим названием *Шедим* и разделялись на четыре класса. Персияне всех их называли *дэвы*, греки без разбору обозначали их, как *демоны*, египтяне знали их, как *эфритов*. Древние мексиканцы, говорит Кэйзер, верили в существование многих обителей для духов, в одной из которых помещались тени невинных детей до окончательного распределения; в другую, расположенную в солнце, поднимались души героев, тогда как уродливые призраки неисправимых грешников приговаривались к блужданию в отчаянии по подземным пещерам, где они держались в плену земной атмосферы, не имея ни желания, ни способности освободиться. Они проводили свое время, сообщаясь со смертными, и пугали тех, кто мог их видеть. Некоторые африканские племена знали их, как *Иовахус*. В индийском пантеоне насчитывается не менее, чем 330.000.000 духов различного рода, включая элементаров, которых брахманы называли *даитьями*. Адепты знают, что эти существа привлекаются в определенные места небес чем-то вроде таинственного свойства, которое заставляет магнитную стрелку поворачиваться на север и некоторые растения следовать тому же влечению. Полагают, что различные расы этих существ питают особую симпатию к определенным человеческим темпераментам и с большою готовностью оказывают на них влияние. Таким образом, желчные, лимфатические, нервные или сангвинические лица могут подвергаться условиям астрального света, проистекающим от различных аспектов планетных

тел. Усвоив этот главный принцип и изучив записи наблюдений за многие годы или века, знающему астрологу требуется только узнать, каковы были планетные аспекты в день рождения данного лица, чтобы проследить с приблизительной точностью изменчивый ход судьбы этого лица и даже предсказать будущее. Точность гороскопа, разумеется, зависит не только от знания астрологом оккультных сил и рас природы, но и от его астрономической эрудиции.

Элифас Леви с убедительной ясностью в своей «Догма и ритуал высшей магии» излагает взаимодействующие влияния между планетами и их комбинированное воздействие на минеральное, растительное и животное царства так же, как и на нас самих. Он утверждает, что астральная атмосфера постоянно меняется со дня на день, с часу на час точно так же, как воздух, которым мы дышим. Он с одобрением приводит учение Парацельса, что каждый человек, животное и растение носит на себе внешние и внутренние признаки влияний, которые доминировали в момент его зародышевого развития. Он повторяет старое каббалистическое учение, что в природе нет ничего незначительного, и что даже такое маленькое событие, как рождение одного ребенка на нашей незначительной планете оказывает свое влияние на всю вселенную так же, как целая вселенная оказывает свое обратное воздействие на него.

«Звезды», – говорит он, – «соединены одна с другой притяжениями, которые держат их в равновесии и заставляют их регулярно двигаться по пространству. Эта сеть света простирается от всех сфер ко всем сферам, и нет такой точки на какой-либо планете, к которой не была бы прикреплена одна из этих неразрушимых нитей. Поэтому, точное местонахождение так же, как и час рождения, должны истинным астрологом вычисляться; затем, когда он сделал точные вычисления астральных влияний, ему остается посчитать шансы общественного положения, помощь и препятствия, с которыми предстоит встретиться... и природные импульсы данного лица к осуществлению своей судьбы».

Он также утверждает, что также должна при этом учитываться индивидуальная энергия лица, указывающая его способность побеждать трудности и подавлять предосудительные склонности и таким образом выковать свое счастье, или же пассивно ожидать, что принесет ему слепая судьба.

Одно рассуждение по этому предмету, с точки зрения древних, дает нам как это будет видно, совсем другой взгляд, чем тот, который выразил профессор Тиндаль в своей знаменитой речи.

«Сверхчувственным существам», – говорит он, – «которые, как бы могущественны и невидимы они ни были, были ничто другое как вид *человеческих созданий*, может быть, возвысившихся над человечеством и удержавших все человеческие страсти и аппетиты, была передана власть и управление природными явлениями».

Чтобы подкрепить свою точку зрения, мистер Тиндаль приводит удобную цитату из знакомого абзаца у Юма:

«Боги все приводят в смятение, перемешивают все с противоположностями, чтобы мы все из-за нашего невежества и неуверенности им больше поклонялись и оказывали уважение».

Хотя в «Хрисиппе» Еврипид выдвигал некоторые доктрины Пифагора, каждый древний писатель считал его еретиком, поэтому цитаты, исходящие из такого источника, вовсе не подкрепляют аргумент мистера Тиндаля.

Что же касается *человеческого духа*, то воззрения философов старины и средневековых каббалистов, хотя и расходятся в некоторых аспектах, в целом совпадают. Наиболее существенное расхождение заключалось во мнениях о местонахождении бессмертного

божественного духа в человеке. В то время как неоплатоники верили, что Аугоэйдес никогда не спускается в живого человека, но только более или менее осеняет своим излучением внутреннего человека – астральную душу – каббалисты в средние века утверждали, что дух, отделившись от светового и духовного океана, входил в душу человека, где и оставался в течение, всей жизни заключенным в астральной капсуле. Это расхождение было результатом веры христианских каббалистов в какой-то степени в мертвую букву аллегории о грехопадении человека.

«Душа», – по их словам, – «через грехопадение Адама осквернила себя миром материи, или Сатаной. Прежде чем она сможет показаться со своим заключенным божественным духом в присутствии Вечного, она должна очиститься от нечистот тьмы». – Они приравнивали – «дух капле воды, заключенной в желатиновую капсулу, которую бросили в океан: до тех пор, пока капсула цела, капля остается изолированной; разрушим оболочку, и капля станет частью океана – ее индивидуальное существование кончилось. То же самое с духом. До тех пор, пока он заключен в пластический посредник или душу, он обладает индивидуальным существованием. Разружьте капсулу, а таковое разрушение может произойти в результате мук заглушенной совести, преступлений и нравственного разложения, и дух вернется обратно в свою первоначальную обитель. И его индивидуальность кончена».

С другой стороны, философы, которые истолковывали «грехопадение» по-своему, рассматривали дух, как нечто совсем отличное от души. Они допускали присутствие духа в астральной оболочке лишь постольку, поскольку это относилось к проникновению в душу духовных эманаций или лучей «сияющего». Человек и душа должны были завоевать свое бессмертие, поднявшись сами к духу, с которым, если их усилия увенчались успехом, они окончательно соединялись, или, иначе, были втянуты в него, поглощены, абсорбированы. Индивидуальность человека после смерти зависит от духа, а не от его души и тела. Хотя слово «личность» в том смысле, как его обычно понимают, абсурдно, если его буквально применить к нашей бессмертной сущности, все же последняя есть отдельное существо, бессмертное и вечное, *per se*; и точно так же, как в случаях с неисправимыми преступниками, когда сияющая нить, которая присоединяет дух к душе с момента рождения ребенка, насильно обрывается, и развоплощенной душе предоставлено разделить участь низших животных, то есть постепенно растворяться в эфире и лишиться своей индивидуальности, так же как она уничтожается – даже в этих случаях дух остается отдельной сущностью. Он становится планетным духом, ангелом; боги язычников суть архангелы христиан, непосредственные эманации Первопричины; вопреки ярким уверениям Сведенборга, *они никогда не были и не будут людьми*, по крайней мере, на нашей планете.

Это уточнение во всех веках было камнем преткновения для метафизиков. Весь эзотеризм буддийской философии обоснован на этом таинственном учении, понятном таким небольшим количеством людей и совсем ложно истолкованном многими наиболее учеными людьми. Даже метафизики слишком склонны путать причину со следствием. Человек может завоевать свое бессмертие, свою вечную жизнь и оставаться тем же внутренним «Я», кого он представлял на земле, на всю вечность, но из этого вовсе не вытекает, что он обязательно должен оставаться тем же мистером Смитом или Брауном, которым он был на земле, или же утратить свою индивидуальность. Поэтому астральная душа и земное тело человека в темном загробном мире могут быть абсорбированы космическим океаном сублимированных элементов, и прекратится ощущение своего эго, если это эго не заслужило того, чтобы вознестись выше; а божественный дух при этом все еще останется неизменной сущностью, несмотря на то, что весь земной опыт его эманаций может быть совершенно изглажен из памяти с того момента, как божественная сущность отделилась от своего недостойного носителя.

Если «дух» или божественная часть души является предсуществуящим, как отдельное существо с вечностью, как учит Ориген, Синезий и другие христианские отцы и философы, и если он тот же самый и ничего больше, как метафизически объективная душа, то какой она может быть иной, как не вечной? И какое в таком случае имеет значение, ведет ли человек скотскую или чистую жизнь, если, делая все, что ни захотел, он никогда не потеряет своей индивидуальности? Это учение настолько же губительно, как учение об искуплении чужих грехов. Если бы последняя догма вместе с ложной идеей, что мы все бессмертны, была бы разъяснена миру в ее истинном значении, то по мере ее распространения человечество улучшалось бы. Преступления и грех избегались бы не от страха земного наказания или смешного ада, но ради того, что наиболее глубоко укоренилось в нашей внутренней натуре – ради желания индивидуальной отдельной жизни в загробном мире, при положительном знании, что мы не можем завоевать этого бессмертия, если не «возьмем царствия небесного силою», и при убеждении, что ни человеческие молитвы, ни кровь другого человека не могут спасти нас от индивидуального уничтожения после смерти, если мы крепко не привяжемся в течение нашей земной жизни к нашему собственному бессмертному духу – нашему Богу.

Пифагор, Платон, Тимей из Локри и вся александрийская школа учат, что душа происходит от Вселенской Мировой Души; а последняя, по их собственному учению, есть эфир, нечто настолько тонкое по своей натуре, что может быть воспринято только нашим внутренним зрением. Поэтому она не может быть сущностью, эссенцией Моноас или *причины*, так как *Anima Mundi* есть только следствие, объективная эманация предшествующей. Оба, и человеческий дух и душа – предсуществуящие. Но тогда как первый существует как отдельное существо, индивидуализированное, душа существует как предшествующая материя, не знающая, немыслящая часть разумного целого. Оба произошли из Вечного Океана Света; но, как выразили это теософы, существует как видимый, так и невидимый дух огня. Они находят разницу между *анима грубой* и *анима возвышенной*. Эмпедокл твердо верил, что все люди и животные имеют две души; у Аристотеля мы находим, что одну он называет разумной душой – νοῦς, а другую – животной душой – ψυχή. По учениям этих философов, разумная душа приходит *извне* вселенской души, а другая – *изнутри*. Эта божественная и верховная область, в которой они помещали невидимое верховное божество, рассматривалась ими (самим Аристотелем) как пятый элемент, чисто духовный и божественный, тогда как собственно *Anima Mundi* рассматривалась, как состоящая из тонкого, огненного и эфирного естества, распространенного по всей вселенной, короче говоря – эфира. Стоики, величайшие материалисты древности, исключали невидимого Бога и божественную Душу (Дух) из всякой телесной природы. Их нынешние комментаторы и почитатели, жадно ухватившись за эту возможность, построили на этом основании предположение, что стоики не верили ни в Бога, ни в душу. Но Эпикур, чье учение, непосредственно выступая против мнения, что Верховное Существо и боги участвуют в правлении миром, поместил его несравненно выше стоиков в атеизме и материализме и учил, тем не менее, что душа состоит из тонкой нежной материи, образованной из самых гладких, круглых и тончайших атомов, описание которых приводит нас опять к тому же возвышенному эфиру. Арнобий, Тертуллиан, Ириней и Ориген, несмотря на свое христианство, верили так же, как современный Спиноза и Гоббс, что душа телесна, хотя и очень тонкого естества.

Доктрина о возможности потери человеком души и, следовательно, и индивидуальности противоречит идеальным теориям и прогрессивным идеям некоторых спиритуалистов, хотя Сведенборг ее полностью принимает. Они никогда не примут каббалистической доктрины, которая учит нас, что, только соблюдая закон гармонии, можно обрести вечную жизнь, и что чем больше внутренний и внешний человек отклоняется от родника гармонии, лежащего в духе, тем труднее ему возвратиться на истинный путь.

Но в то время, как спиритуалисты и другие приверженцы христианства почти не имеют понятия о факте возможности смерти и уничтожения человеческой личности путем отделения бессмертной части души от тленной части, последователи Сведенборга понимают это полностью. Один из наиболее уважаемых священнослужителей Новой церкви, его преподобие Чонси Джайлс, доктор богословия из Нью-Йорка, недавно в публичной дискуссии по этому предмету выразился следующим образом: физическая смерть или смерть тела есть благотворная мера в божественной экономике, направленная на благо человека, мера, посредством которой он приближается к высшим целям своего существования. Но существует другая смерть, которая является нарушением божественного порядка и разрушением всех человеческих элементов в натуре человека и всех возможностей человеческого счастья. Это духовная смерть, которая происходит до разложения тела. «Человек может обладать обширным умственным развитием и не иметь ни любви к Богу, ни самоотверженной любви к человеку». Когда человек впадает в любовь к себе и к миру с его удовольствиями, теряя любовь к Богу и к своему ближнему, он падает от жизни к смерти. Высшие принципы, которые являются основными элементами его человечества, погибают, и он живет только на природном плане своих чувств. Физически он существует, духовно он мертв. По отношению ко всему, что принадлежит к высшей и единственной прочной фазе существования, он настолько же мертв, насколько мертво будет его тело ко всем радостям, чувствам и деятельности этого мира, когда жизнь его покинет. Эта духовная смерть происходит в результате неповиновения законам духовной жизни, за каковым неповиновением следует то же самое наказание, что и за неповиновение законам физического существования. Но духовно мертвые живые все еще имеют свои наслаждения; у них остаются их интеллектуальные силы и интенсивная деятельность. Все животные наслаждения к их услугам, и для множества мужчин и женщин они составляют высочайший идеал человеческого счастья. Неустанная погоня за богатством, забавами и развлечениями общественной жизни; культивирование грациозных манер, одевание со вкусом, социальные преимущества, разница в образовании опьяняют и восторгают этих заживо мертвых; но, продолжает красноречивый проповедник, – «эти люди со всей их грацией, богатым одеянием и блестящими достижениями мертвы в глазах Господа и ангелов, и будучи измеренными истинной и нерушимой мерой, не более обладают жизнью, чем скелеты, плоть которых уже обратилась в прах». Большое развитие интеллектуальных способностей отнюдь не подразумевает духовной и правдивой жизни. Многие из наших величайших ученых только живые трупы – у них нет духовного зрения, потому что дух покинул их. Мы могли бы проследить все века, обследовать всякие занятия, взвешивать все человеческие достижения, исследовать все формы общества – и везде бы мы нашли их, духовно умерших.

Пифагор учил, что целая вселенная представляет обширную систему математически правильных комбинаций. Платон представлял божество *геометризирующим*. Мир поддерживается тем же законом равновесия и гармонии, по которому он был построен. Центробежная сила не могла бы во вращении сфер проявляться без центростремительной силы; все формы являются произведениями этой двойственной силы в природе. Поэтому для иллюстрации нашей мысли мы можем обозначать дух, как центростремительную, а душу, как центробежную духовные энергии. Находясь в полной гармонии, обе силы дают один результат; нарушьте или повредите центростремительное движение земного обитателя, стремящееся к центру, которое его притягивает; нарушьте это продвижение, налив на него вес тяжелее того, который он в состоянии нести, и гармония целого, которая есть его жизнь, будет разрушена. Индивидуальная жизнь может продолжаться только будучи поддерживаемой этой двойственной силой. После смерти развращенного и злого человека для него наступает критический момент. Если в течение жизни окончательные и отчаянные усилия внутреннего Я снова соединиться со

слабо мерцающим лучом своего божественного родителя остались в пренебрежении; если этот луч подвергался закрыванию его все более нарастающей корой материи, то душа, освободившись после смерти от тела, последует за своими земными влечениями и будет магнетически вовлечена и удержана в густых туманах материальной атмосферы. Затем она начинает погружаться ниже и ниже, пока наконец очутится, когда придет в сознание, в том, что древние называли *Гадес*. Полное уничтожение такой души никогда не происходит мгновенно; это может длиться столетия, ибо природа ничего не совершает рывками, а так как астральная душа построена из элементов, то закон эволюции должен дожидаться своего времени. А затем начинает действовать суровый закон возмездия, буддийский *Ин-янь*.

Этот класс духов называется «наземными» или «земными элементариями», в отличие от других классов, как мы указывали во введении. На Востоке их называют «Братями тени». Коварные, подлые, мстительные, ищущие возможности вымещать злобу за свои страдания на человечество, они, до окончательного уничтожения, становятся вампирами, вурдалаками и выдающимися актерами. Они являются ведущими «звездами» на великой сцене спиритуалистических «материализаций», каковой феномен они выполняют с помощью более разумных настоящих по рождению «элементальных» тварей, которые носятся вокруг и приветствуют их с восторгом в своих сферах. Генри Кунрат, великий германский каббалист, на одной из своих редких картин, *Amphitheatri Sapientioe Жтєrneo*, изобразил четыре класса этих человеческих «элементарных духов». Когда пройден порог святилища посвящений, когда адепт уже приподнял «Завесу Изиды», таинственной и ревливой богини, тогда ему уже нечего бояться, но до тех пор он в постоянной опасности.

Хотя Аристотель сам, как бы в предвидении современных физиологов, рассматривал человеческий ум как материальную субстанцию и высмеивал гилозоистов, тем не менее он вполне верил в существование «двойника», души или духа и души [235, lib. ii]. Он смеялся над Страбоном за то, что тот верил, что частицы материи, *per se*, могли обладать жизнью и разумом настолько, что сами по себе постепенно развились в такой многообразный мир, как наш [265, ap. lib. i, c. 1]. За возвышенную нравственность его «Никомаховой этики» он обязан тщательному изучению «Этических фрагментов Пифагора»; легко доказать, что последний был для него источником, откуда он брал идеи, хотя и не мог клясться тем, «кто открыл тетрактис». [244] В конечном счете, что мы знаем определенного об Аристотеле? Его философия настолько затемнена, что он постоянно предоставляет читателю самому своим воображением дополнять нехватящие звенья его логических выводов. Кроме того, его произведения; прежде чем дойти до наших ученых, которые восторгаются кажущимися атеистическими аргументами в поддержку его доктрин о судьбе, – прошли слишком много рук, чтобы остаться непорочными. От Теофраста, его наследника, они перешли к Нилусу, чьи наследники предоставили им плесневеть в подземных пещерах почти 150 лет, [245] после чего мы узнаем, что его рукописи были скопированы и увеличены Апелликоном из Теоса, который снабдил трудно разбираемые параграфы собственными догадками, может быть, извлеченными из недр собственного сознания. Наши ученые девятнадцатого века могли бы извлечь несомненную пользу из примера Аристотеля, если они настолько стремятся подражать ему на самом деле, насколько готовы швырнуть его индуктивный метод и материалистические идеи на головы платонистов. Мы приглашаем их собирать *факты*, настолько же тщательно, как собирал он, вместо отрицания тех фактов, о которых они ничего не знают.

То, что мы сказали в главе введения и в других местах о медиумах и тенденции их медиумических способностей, основано не на догадках и умственных спекуляциях, но на действительном опыте и наблюдениях. Навряд ли существует какая-либо фаза медиумических проявлений, которую мы не видели бы в течение прошедших двадцати пяти лет в различных

странах. Индия, Тибет, Борнео, Сиам, Египет, Малая Азия, Америка (Северная и Южная), все демонстрировали нам свои своеобразные фазы медиумистических феноменов и магических сил. Из нашего разнообразного опыта мы извлекли две важные истины, а именно: что для овладения последними необходима личная нравственность и тренированная несокрушимая сила воли; что спиритуалисты никогда не могут быть уверены в подлинности их медиумистических проявлений, если они не происходят при свете и при разумных контрольных условиях, исключающих подделку, обман.

Из боязни быть неправильно понятыми, мы хотим сказать, что в то время как физические феномены, как правило, производятся духами природы по их собственному побуждению, чтобы удовлетворить свою прихоть, хорошие развоплощенные человеческие духи при *исключительных* обстоятельствах, например, при чистосердечных устремлениях или в случае какого-либо покровительства в крайностях могут проявлять свое присутствие любым феноменом, *за исключением персональной материализации*. Но для этого, действительно, требуется мощное влечение, чтобы привлечь развоплощенный дух из его сияющей обители в тяжкую атмосферу земли, из которой он унесся, оставляя свое земное тело.

Маги и теургические философы весьма сурово протестовали против «вызывания духов».

«Не заставляй ее (душу) вернуться, чтобы уходя она не забрала что-нибудь с собой», – говорит Пселл.^[246] – «Не гоже вам узреть их до *вашего посвящения*, так как, всегда обольстительные, они совращают души профанов», – говорит тот же философ в другом месте.^[247]

Они протестовали против этого по нескольким обоснованным причинам. 1. «Чрезвычайно трудно отличить доброго демона от злого», – говорит Ямвлих. 2. Если человеческой душе удалось проникнуть через плотную земную атмосферу – всегда угнетающую ее и часто ненавистную – то все еще существует опасность: душа не в состоянии войти в сближение с материальным миром без того, чего она не может избежать; «расставаясь, она что-то *удерживает*», то есть оскверняет свою чистоту, за что она более или менее будет страдать после расставания. Поэтому истинный теург будет избегать причинения страданий чистому обитателю высшей сферы; он сделает это лишь в случае абсолютной необходимости во имя блага человечества. Только тот, кто занимается черной магией, тот насильственными мощными заклинаниями некромантии вызывает запятнанные души живших во зле, которые готовы прийти на помощь в его эгоистических замыслах. О сношениях с Аугоэйдес с помощью медиумистических сил *субъективных* медиумов мы будем говорить в другом месте. Теурги применяли химические и минеральные субстанции, чтобы прогнать злых духов. Из таковых средств некий камень, называемый *Mvīζouriv*, является одним из наиболее эффективных средств. Зороастрийский оракул возглашает (Пселл, 40):

«Когда увидишь демона земного ты вблизи,
В жертву камень Мнизурин, воскликнув, принеси».

А теперь спустимся с высоты теурго-магической поэзии к «несознательной» магии нашего нынешнего века и к прозе современного каббалиста, мы дадим ее обзор в нижеследующем.

В «Журнале магнетизма» доктора Морина, несколько лет издававшемся в Париже, в то время, когда во Франции свирепствовало «столоверчение», было напечатано любопытное письмо.

«Поверьте мне, сэр», – писал анонимный корреспондент, – «что нет никаких ни духов, ни ангелов, ни демонов, *заключенных в столе*; но тем не менее всех их можно там найти, так как

это зависит от нашей собственной воли и воображения... Этот **мензабулизм**^[248] древний феномен... неправильно понятый нами, современниками, но, несмотря на это, естественный и имеющий отношение и к физике, и к психологии; к несчастью, ему пришлось оставаться в области непостижимого до открытия электричества и гелиографии, так как для того, чтобы объяснить факт духовной природы, мы обязаны базироваться на соответствующий факт материального порядка...

Как мы все знаем, на дагерротипной пластинке могут отпечататься не только предметы, но также и их отражения. Что ж, феномен, о котором идет речь и который следовало бы называть *ментальной фотографией*, производит, кроме *реальностей*, мечты нашего воображения настолько верно, что часто мы не в состоянии отличить копию, снятую с одного из *присутствующих*. от негатива, полученного с *изображения*...

Магнетизация стола или человека совершенно идентична по своим результатам; она есть насыщение инородного тела или *разумным* жизненным электричеством, или мыслью магнетизера и тех, кто присутствуют».

Ничто не может дать более правильного представления об этом, чем электрическая батарея, накапливающая ток на своем проводнике, чтобы получилась грубая сила, которая проявляет себя в искрах света и т. д. Таким образом, электричество, накопленное на изолированном предмете, приобретает способность реагировать, равную воздействию, или заряджением, магнетизацией, разложением, воспламенением или разряджением своих вибраций на далеком расстоянии. Это – видимые проявления *слепого*, грубого электричества, вырабатываемого слепыми элементами – слово «слепой» здесь применяется к столу отдельно в отличие от *разумного* электричества. Но явно существует соответственное электричество, вырабатываемое мозговой батареей человека; это *электричество души*, это духовный и вселенский эфир, который есть *все в себе содержащая средняя сущность метафизической вселенной*, или, вернее, *бестелесной* вселенной, должен изучаться до того, как его признает наука, которая, не имея никакого представления о нем, пока не изучает его, никогда ничего не узнает о великом феномене жизни.

«Кажется, что для того, чтобы проявиться, мозговое электричество нуждается в помощи обычного статического электричества; когда последнего в атмосфере не хватает, например, когда в воздухе очень много сырости, – у вас мало или ничего не получится ни со столами, ни с медиумами...

Нет надобности, чтобы идеи были с большой точностью сформулированы в головах присутствующих лиц; *стол* открывает и формулирует их *сам*, или в прозе или в стихах, но всегда правильно; столу требуется время, чтобы сложить стихотворение; он начинает, затем вычеркивает слово, поправляет его и иногда посылает нам обратно эпиграмму... Если присутствующие симпатизируют друг другу, *он* шутит и смеется с нами, как живой человек. Что касается событий и вещей внешнего мира, ему приходится довольствоваться догадками и предположениями точно так же, как и нам самим; он (стол) сочиняет небольшие философские системы, обсуждает и поддерживает их не хуже изворотливого риторика. Короче говоря, он создает себе сознание и рассудок по праву принадлежащий ему, но из материалов, которые он находит в нас...

Американцы уверены, что они разговаривают со своими умершими; некоторые думают (более правдоподобно), что это *духи*; другие принимают их за ангелов; другие – за чертей... (*разум*) принимает образ, который совпадает с убеждениями и предрассудками каждого; так думали посвященные храмов Сераписа, Дельф и других теургическо-медицинских учреждений того же рода. Они заранее были убеждены, что они будут общаться со своими богами; и *они* никогда не подводили...

Мы, хорошо знающие цену этого феномена... совершенно уверены в том, что после того,

как мы зарядили стол нашим магнетическим *истечением*, мы вызвали к жизни или сотворили разум, похожий на наш собственный, который подобно нам наделен свободной волей и может разговаривать и рассуждать с нами в какой-то степени превосходства в ясности понимания, поскольку производное всегда сильнее индивидуального или, вернее, поскольку целое больше его части... Мы не должны обвинять Геродота в рассказывании нам выдумок, когда он описывает весьма необычные происшествия, ибо мы должны считать их настолько же правдивыми и правильно изложенными, как и остальные исторические факты, которые находим у всех языческих писателей древности...»

Этот феномен стар, как мир... Жрецы Индии и Китая практиковали его задолго до египтян и греков. Дикари и эскимосы хорошо его знают. Это феномен Веры, единственного источника каждого чуда. «И по вашей вере будет вам дано». Тот, кто провозгласил эту глубокую мысль, истинно был воплощенным словом Истины; ни он сам не обманывался, ни других не обманывал: он провозгласил аксиому, которую мы теперь повторяем, не возлагая больших надежд на то, что она будет принята.

Человек есть микрокосмос или маленький мир; он носит в себе в хаотическом состоянии часть великого «всего». Задача наших полубогов заключается в том, чтобы выпутать из него долю, принадлежащую им, путем непрестанного ментального и материального труда. Они должны выполнить свою задачу, постоянно изобретать новые продукты, новую мораль и организовывать надлежащим образом бесформенную материю, предоставленную им Творцом, который сотворил их по своему собственному образу, чтобы они в свою очередь творили и таким образом завершили работу Творения; огромная работа, которая может быть осуществлена только тогда, когда все станет таким совершенным, что будет подобным самому Богу, чтобы существовать самому себе. Мы еще очень далеки от этого конечного момента, ибо мы можем сказать, что еще многое нужно сделать, чтобы уничтожить и снова сделать, и *превзойти* на нашей планете – учреждения, машины, продукты.

Mens non solum agit sed creat molem.

В этой жизни мы живем в охватывающем нас интеллектуальном центре, который поддерживает между человеческими существами и вещами необходимое и постоянное единение; каждый мозг является ганглием (нервным узлом), станцией во вселенской *неврологической* телеграфии, и находится в постоянной связи с центральной и другими станциями посредством мысленной вибрации.

Духовное солнце светит душам так же, как материальное солнце светит телам, ибо вселенная *двойственна* и следует закону пар. Невежественный оператор ошибочно толкует божественные депеши и часто передает их в искаженном и смешном виде. Поэтому только изучение и истинная наука может разрушать суеверия и чепуху, распространяемые невежественными толкователями, сидящими в *центрах обучения*, среди всех народов этого мира. Эти слепые толкователи *Verbum*, СЛОВО, всегда пытаются вменить в обязанность своих учеников утверждать под присягой без исследования *verba magistri*.

Увы! мы не могли бы пожелать ничего лучшего, как только то, чтобы они правильно передавали *внутренние* голоса, которые никого не обманывают, кроме тех, в ком *лживый дух*. «Это наша обязанность», – говорят они, – «истолковывать ответы оракула; только нам дана исключительная миссия на это самым небом, *spiritus flat ubi vult*, и он дует только на нас...»

Он дует на *каждого*, и лучи духовного света освещают каждое сознание; и когда все тела и все умы будут в одинаковой мере отражать этот двойной свет, люди станут значительно прозорливее, чем теперь».

Мы перевели и процитировали здесь вышеприведенные отрывки вследствие их великой оригинальности и правдивости. Мы знаем этого писателя; молва называет его великим

каббалистом, а несколько друзей знают его, как правдивого и честного человека.

Кроме того, по письму видно, что писатель хорошо и тщательно изучил хамелеоноподобную природу разумов, главенствующих в кружках спиритуалистов. Что они того же рода и племени, что и те, кто часто упоминаются в древних писаниях, оставляет также мало сомнений, как и то, что люди нынешнего поколения обладают той же натурой, какой обладали в дни Моисея. Субъективные проявления происходят при гармонических условиях от тех существ, которые в старину были известны под названием «добрых демонов». Иногда, но редко, их производят планетные духи, – существа другого рода, нежели наш; иногда их производят наши перешедшие в тот мир любимые друзья; иногда духи природы того или другого из их бесчисленных племен; но чаще всего – земные элементарии, души развоплощенных злых людей, Диакка А. Джексона-Дэвиса.

Мы не забыли, что в другом месте мы писали о субъективных и объективных медиумистических феноменах. Мы всегда помним это различие. И в том, и в другом классе есть и хорошее, и плохое. Нечистый медиум привлечет к своему нечистому внутреннему Я порочные развращающие и злобные влияния так же неизбежно, как чистый человек привлечет лишь то, что хорошо и чисто. Где же найти более благородную представительницу последнего типа, как не в лице кроткой баронессы Адельмы фон Вэй из Австрии (урожденной графини Вурмбрандт), про которую одна наша корреспондентка пишет, как о «близкой к Провидению»? Свои медиумистические способности она применяет на излечение больных и утешение огорченных. Для богатых она – феноменальное явление; но для бедных – божий ангел. В течение многих лет она видела и опознавала духов природы или космических элементаров, и всегда они к ней были дружелюбны. Но это было потому, что она была чистая и добрая женщина. Другим корреспондентам Теософического общества так не везло в руках этих обезьянничавших и проказливых существ. Случай в Гаване, описанный в другом месте, служит тому примером.

Хотя спиритуалисты очень не хотят признать их, духи природы – реальность. Если гномы, силфы, саламандры и ундины розенкрейцеров существовали в их времена, то они должны существовать и теперь. *Обитатель Порога* Бульвер-Литтона представляет современную концепцию, построенную по древнему типу Суланут^[249] евреев и египтян, который упоминается в «Книге Яшер».^[250]

Христиане называют их «дьяволами», «сатанинскими бесами» и тому подобными характерными названиями. Они ничего подобного не представляют, а просто существа из эфирной материи, безответственные и ни добры, ни злы сами по себе, если на них не влияет превосходящий их разум. Странно слышать, как набожные католики оскорбляют и представляют в неправильном свете духов природы, когда один из величайших католических авторитетов – Климент Александрийский выступил против этого тем, что дал им правильное описание, указав, чем они в самом деле являются. Климент, который, вероятно, сам раньше был теургом так же, как неоплатоником, опираясь на серьезные источники, говорит, что называть их дьяволами абсурдно [13, vi. 17, § 159], ибо они только *низшие* ангелы, «власти, обитающие в стихиях,двигающие ветрами и распределяющие дожди, и как таковые агенты, они подчинены Богу» [13, vi, 3, § 30]. Ориген, который до того, как стал христианином, был последователем Платона, придерживался того же мнения. Порфирий описывает этих демонов тщательнее, чем кто-либо.

Когда природа этих проявляющих себя разумов, которых наука считает «психической энергией», а спиритуалисты принимают за души умерших, – будет лучше познана, тогда академики и поверившие обратятся за знаниями к философам древности.

Вообразим на короткое время разумного орангутанга или какую-нибудь африканскую человекоподобную обезьяну в развоплощенном состоянии, то есть лишенную физического тела и обладающую если не бессмертным, то астральным телом. В спиритуалистических журналах

мы находим много примеров, когда люди видели призраки своих любимых собак и других животных. Поэтому по свидетельству спиритуалистов мы должны думать, что такие животные «духи» в самом деле появляются, хотя мы оставляем за собой право присоединиться к мнению древних, что эти призраки не что иное, как трюки элементалов. Раз дверь сообщения между земным и духовным миром открыта, что мешает обезьяне производить физические феномены, такие же, какие он видит производимыми духами людей? И почему их феномены не могут превзойти по ловкости и изобретательности многие феномены, какие наблюдались в спиритуалистических кружках? Пусть спиритуалисты на это ответят. Орангутанг с острова Борнео не многим ниже (если не на уровне) по разуму, нежели некоторые дикари. Мистер Уоллес и другие крупные натуралисты приводят примеры их удивительной проницательности, хотя их мозг менее развит и по объему меньше, чем у самых неразвитых дикарей. У этих обезьян только не хватает речи, чтобы быть людьми низшей степени. То, что обезьяны выставляют часовых, что орангутанги выбирают места и строят там спальни, их меры предосторожности и расчеты, которые говорят о большем, нежели инстинкт; их выборы вождей, которым они подчиняются, и различное применение своих способностей определенно дает им право на место, по меньшей мере, на одном уровне с плоскоголовым австралийцем. Уоллес говорит:

«Ментальные потребности дикаря и способности, которыми он в самом деле пользуется, немногим выше животных».

Но люди думают, что «на том свете» нет никаких обезьян, потому что у обезьян нет «души». Но создается впечатление, что у обезьян столько же ума, сколько у некоторых людей, которые ничуть не лучше обезьян; и если эти люди обладают бессмертным духом, то почему его нет у обезьян? Материалист ответит, что ни тот, ни другой не имеют никакого духа, и что оба уничтожаются при физической смерти. Но духовные философы всех времён пришли к согласию, что человек стоит степенью выше, нежели животное, и обладает чем-то, чего животному не хватает, будь это человек самый необразованный, из дикарей или мудрейший из философов. Древние, как мы это уже видели, учили, что в то время, как человек представляет трицу из тела, астральной души и бессмертного духа, животное представляет только двойку – они существа, обладающие физическим телом и астральной душой, оживляющей физическое тело. Ученые не находят никакой разницы в элементах, входящих в состав тела человека и животного; и каббалисты с ним соглашались даже настолько, что говорят, что астральные тела (или, как называли бы их физики, «жизненный принцип») животных и людей *идентичны* в своей сущности. Физический человек есть только высшая ступень развития животной жизни. Если, как ученые нам говорят» даже *мысль* есть материя, и каждое ощущение боли или удовольствия, даже мимолетное желание сопровождается возмущением эфира; и те смелые мыслители, авторы «Невидимой вселенной» верят, что мысль зарождается с тем, чтобы «воздействовать на материю другой вселенной одновременно с воздействием на эту»; почему же тогда грубая животная мысль орангутанга или собаки, отпечатывающаяся на эфирных волнах астрального света так же, как мысли человека, не обеспечивает животному продолжения жизни после смерти, или какого-то «будущего состояния»?

Каббалисты верили и теперь верят, что будет не по-философски допустить, что астральное тело переживает телесную смерть, и в то же время утверждают, что астральное тело обезьяны растворяется в самостоятельные молекулы. То, что переживает, как *индивидуальность*, смерть плотного тела есть *астральная душа*, которую Платон в «Тимее» и «Горгии» называет *смертной душой*, так как по герметическому учению, она сбрасывает более материальные частицы при каждом поступательном передвижении в высшие сферы. Сократ говорит Калликлу,^{[\[251\]](#)} что эта

смертная душа сохраняет все характеристики тела после его смерти; притом в такой степени, что астральное тело человека, которого когда он был в физическом теле, выпороли, – «будет в царапинах и синяках». Астральная душа – точная копия тела и в физическом, и в духовном смысле. Божественный, высший и бессмертный дух не может быть ни награжден, ни наказан. Поддерживать такое учение было бы в одно и тоже время абсурдно и кощунственно, ибо он не есть только пламя, зажженное от центрального неисчерпаемого источника Света, но, в самом деле, часть его самого и одной с ним сущности. Это обеспечивает бессмертие индивидуальному астральному существу пропорционально его стремлению принять бессмертие. До тех пор, пока двойной человек, то есть человек плоти и духа, удерживается в пределах законов духовной преемственности; до тех пор, пока божественная искра хотя бы и слабо, теплится в нем, – он находится на пути к бессмертию в будущем состоянии. Но те, кто подчиняются всецело материальному существованию, зарываясь наглухо от божественного сияния, испускаемого их духом, в начале своего земного пути и подавляют предостерегающий голос верного часового, своей совести, которая служит светом для души, – такие существа, отбросившие совесть и дух и перешагнувшие границы материи – хотят они или не хотят – должны подчиниться законам материи.

Материя неуничтожима и так же вечна, как сам бессмертный дух, но только в своих частицах, а не в организованных формах. Тело такой грубо материалистической личности, как вышеописанная, покидается его божественным духом до его физической смерти; когда смерть настает, пластический материал, астральная душа, повинувшись закону слепой материи, принимает в точности тот образ, который порок его для *него* постепенно подготавливал в течение его индивидуальной жизни на земле. Тогда, как говорит Платон, он принимает образ того «животного, которому уподоблялся своими пороками» при жизни.^[252]

«Есть старинное предание», – говорит он нам, – «что души умерших с момента смерти продолжают существование в Гадесе и возвращаются сюда опять и *представляют умершего...*»^[253] Но те, кто основывал свою жизнь на возвышенной и святой жизни, те достигают высшего чистого обитания и пребывают в верхних сферах земли» (эфирных областях) [268, i, 123].

В «Федре» он снова говорит, что когда человек закончил свою *первую* жизнь (на земле), некоторые идут в места наказания *под* землей.^[254] Эту область *под* землей каббалисты не понимают, как место внутри нашей земли, но считают ее сферой, гораздо более низкой в совершенстве по сравнению с землей и гораздо более материальной.

Изо всех современных критиков, кажущихся нелепыми мест Нового Завета, только авторы «Невидимой вселенной», кажется, усмотрели в нем каббалистическую истину относительно геенны вселенной [187, с. 205, 206]. Эта геенна, называемая каббалистами *восьмой* сферой (считая в обратном порядке), есть просто планета, подобная нашей собственной, *прикрепленная к ней и следующая за ней в ее полутени*; наподобие мусорного ящика, «где перерабатываются все отбросы и грязь», по словам вышеупомянутых авторов, и все отходы и шлаки космической материи, относящейся к нашей планете, находятся в состоянии непрерывного преобразования.

Тайная доктрина учит, что человек, если он достигнет бессмертия, навсегда останется тройственным, каким он был при жизни, и останется таким на всех сферах. Астральное тело, которое в земной жизни покрыто грубым физическим покровом, становится (после того, как освободится от этого покрова через телесную смерть), в свою очередь, оболочкой для другого, более эфирного тела. Оно начинает образовываться с момента смерти и становится завершенным, когда астральное тело земной оболочки окончательно отделяется от нее. Говорят, что такой процесс повторяется при каждом переходе из одной сферы в другую. Но бессмертная душа, «серебряная искра», которую наблюдал доктор Фенвик в мозгу Маргрэйва,^[255] но не

обнаружил у животных, никогда не изменяется и остается нерушимой «ничем, что сокрушает ее святилище». Описания Порфирия, Ямвлиха и других, где описываются души животных, обитающих в астральном свете, подтверждаются многими наиболее развитыми и заслуживающими доверия ясновидящими. Иногда животные формы, будучи материализованными, становятся видимыми для всех присутствующих на спиритических сеансах. В своем труде «Люди из другого мира» полковник Олькотт описывает материализовавшуюся белку, которая на виду зрителей проследовала за духом-женщиной, исчезла и снова появлялась перед их глазами несколько раз и, наконец, ушла вслед за духом в кабинет.

Сделаем еще шаг в направлении наших доказательств. Если существует такая вещь, как существование в мире духов после телесной смерти, то оно может быть только на основании закона эволюции. Этот закон снимает человека с высоты пирамиды материи и поднимает его в сферу существования, где его преследует тот же самый неумолимый закон. И если он преследует его, то почему он не будет преследовать все существующее в природе? Почему он не будет касаться животных и растений, которые все имеют жизненный принцип и грубые формы которых разлагаются подобно его формам, когда жизненный принцип оставляет их? Если человеческое астральное тело становится более эфирным после перехода в другую сферу, то почему не станут более эфирными их астральные тела? Они так же, как и он, произошли из сгущенной космической материи, и наши физики не находят ни малейшей разницы между молекулами четырех царств природы, которые профессор Ле Контэ разделил так:

4. Животное царство.

3. Растительное царство.

2. Минеральное царство.

1. Элементы.

Продвижение материи каждого из приведенных планов к высшему происходит непрерывно; и, по словам Ле Контэ, нет в природе такой силы, которая могла бы продвинуть материю сразу от № 1 к № 3, или от № 2 к № 4 без остановки и прироста, добавления различных сил на промежуточных планах.

Теперь, осмелится ли кто-либо утверждать, что из данного количества молекул, *изначально и постоянно однородных, движимых одним и тем же принципом эволюции*, некоторое число может быть пронесено через эти четыре царства до конечного результата образования бессмертного человека, тогда как другим не позволено развиваться дальше планов 1, 2 и 3? Почему все молекулы не должны иметь одинакового будущего? Почему минералу не стать растением, растению – животным, животному – человеком, если и не на этой земле, то где-нибудь в другом месте в беспредельном пространстве? Гармония, которая проявляется в геометрии и математике – в единственных точных науках – была бы разрушена, если бы эволюция находила свое выявление в стремлении к совершенствованию только по отношению к человеку и отказывала бы в нем низшим царствам. Что логика подсказывает, то психометрия доказывает; и, как мы уже говорили, это не будет маловероятно, что когда-нибудь люди науки воздвигнут памятник Иосифу Р. Бьюканану, его современному открывателю. Если обломок минерала, окаменевшего растения или животного дает психометру такую же яркую и точную картину о своих предыдущих условиях, какую обломок человеческой кости дает о том индивидууме, которому он прежде принадлежал, то это свидетельствует о том, что тот же тонкий дух пропитывает всю природу и неотделим ни от органической, ни от неорганической материи. Если наши антропологи, физиологи и психологи в одинаковой степени стоят в недоумении перед первичными и конечными причинами и также перед нахождением в материи так много подобия во всех ее формах, а в духе – такие пропасти расхождений, то это, по всей

вероятности, происходит от того, что их исследования ограничиваются нашей видимой планетой, и они или не могут или не осмеливаются переступить ее границы. Дух минерала, растения или животного может начинать формироваться здесь и достигать окончательного развития миллионы лет спустя на других планетах, известных и неизвестных, видимых астрономам и невидимых. Ибо, кто же в состоянии оспаривать уже до того высказанную нами теорию, что сама наша земля, подобно живым существам, которые на ней родились, в конечном счете, пройдя свою собственную стадию смерти и разложения, станет эфирезованной астральной планетой? «Как вверху, так и внизу»; гармония – великий закон природы.

Гармония в физическом и математическом мире чувств есть *справедливость* в духовном мире. Справедливость приводит к гармонии, а несправедливость – к дисгармонии; а дисгармония на космических весах означает хаос – полное уничтожение.

Если существует развитый бессмертный дух в человеке, – он должен существовать и во всём остальном, по меньшей мере, в спящем зачаточном состоянии, и это только вопрос времени, чтобы стать полностью развившимся. Какой грубой несправедливостью было бы наделять нераскаившегося преступника, совершившего по своей воле убийство, бессмертным духом, который с течением времени можно омыть от грехов и достичь счастья, тогда как несчастной лошади, не совершившей никакого преступления, трудившейся всю жизнь под ударами кнута, отказать в этом духе и ее со смертью окончательно уничтожить? Такое верование заключает в себе величайшую несправедливость, какая возможна только среди людей, которым внушили догму, что все создано для человека, и он единый владыка вселенной, – владыка настолько великий, что для того, чтобы спасти его от последствий его собственных прегрешений, не слишком было много, что Бог вселенной должен был умереть, чтобы умиротворить собственный справедливый гнев.

Если наиболее жалкий дикарь, с мозгами, «которые очень немногим ниже мозгов философа» [216] (последней развивался физически веками цивилизации), все еще, в отношении применения своих ментальных способностей, очень мало возвышается над животным, то будет справедливо прийти к выводу, что ни они, ни обезьяна, не имеют шансов стать философами; человек в этом мире, обезьяна на какой-либо другой планете, населенной равным образом существами, созданными по *какому-то другому образу* Бога.

Говоря о будущем психометрии, профессор Дентон говорит:

«Астрономия не будет пренебрегать этой силой. Так же, как открываются новые органические формы, когда мы возвращаемся назад к ранним геологическим периодам, так же новые группы звезд, новые созвездия раскроются перед нами, когда небеса тех ранних периодов будут исследоваться пронизывающими взорами психометров будущего. Точная карта звездного неба силурийского периода может раскрыть нам, многие тайны, которые мы не были в состоянии раскрыть... Почему бы нам не быть в состоянии прочитать историю различных небесных тел... их геологическую, естественную и, возможно, человеческую историю?.. У меня есть основательные причины верить, что тренированные психометры будут в состоянии переноситься с планеты на планету и подробно освещать их нынешнее состояние и их историю прошлого» [183, с. 273].

Геродот рассказывает нам, что в восьмой башне Бэла в Вавилоне, которой пользовались жрецы-астрологи, имелась на самом верху комната-святилище, где пророчествующие жрицы спали, чтобы получать сообщения от богов. Возле каждого ложа стоял стол из золота, на котором были разложены различные камни, которые, как нас информирует Мането, все были

аэролитами. Жрицы вызывали в себе провидческие видения тем, что прижимали один из этих священных камней к голове или к груди. То же самое происходило в Фивах, в Патаре и в Лиции.^[256]

Кажется, это указывает, что психометрия была известна древним и широко применялась. Мы где-то читали, что глубокие знания о планетах и взаимосвязи, которыми, по словам Дрейпера, обладали астрологи древней Халдеи, были добыты больше гаданием на бетилос, или метеоритных камнях, нежели астрономическими инструментами. Страбон, Плиний, Геланций – все говорят об электрической или электромагнитической силе бетилос. Им поклонялись в седой древности в Египте и Самофракии, как магнетическим камням, «содержащим в себе душу и упавшим с неба»; и жрецы Кибелы носили маленьких бетилос на своих телах. Как любопытно совпадают поведение жрецов и опыты профессора Дентона!

Профессор Бьюканан правильно выразился о психометрии, что она даст нам возможность

«...раскрывать преступления и пороки. Никакое преступное деяние не может избежать раскрытия его психометрией, когда ее силы правильно применяются. Неизбежное раскрытие виновности психометрией (невзирая на то, как бы тщательно она ни скрывалась), сведет к нулю всякое укрывательство» [182, с. 125].

Говоря об элементариях, Порфирий выражается так:

«Эти невидимые существа принимают от людей почести как боги... общераспространенное верование приписывает им способность становиться злобными: это доказывает, что их гнев может вспыхнуть против тех, кто пренебрегает оказыванием им установленного поклонения» [211, ii].

Гомер описывает их в следующих выражениях:

«Наши боги показываются нам, когда мы приносим им жертвы... *сидящими за нашими столами, они участвуют в наших праздничных трапезах.* Каждый раз, когда они в своих путешествиях встречают одинокого финикийца, они *служат ему проводниками*, и всячески дают знать о своем присутствии. Мы можем оказать, что *наше благочестие* приближает нас к ним настолько же, насколько преступление и кровопролитие сближает циклопов и свирепую расу великанов» [268, vii].

Сказанное доказывает, что эти боги были любезными и благодетельными демонами, и что, были ли они *развоплощенными* духами или элементариями, они не были дьяволами.

Изложение Порфирия, который сам был непосредственным учеником Плотина, еще более определенное, ясное и точное, что касается натуры этих духов.

«Демоны» – говорит он, – «невидимы; но они знают *как придать себе формы и очертания*, подверженные многочисленным изменениям, что можно объяснить их природой, в которой много телесного. Их обитель по соседству с землей... и когда им удастся ускользнуть из-под надзора добрых демонов, то нет озорства, которое они не осмелились бы совершить. Иногда они применяют грубую силу, иногда – коварство» [211, II]. – Далее он говорит: «Для них детская игра – возбудить в нас низкие страсти, сообщать обществам и нациям возмущающие учения, приводящие к войнам, мятежам и другим общественным бедствиям; и после этого они скажут, что „все это дело рук богов“... Эти духи проводят свое время в обманывании и надувательствах смертных, создавая вокруг них иллюзии и чудеса; их величайшее желание – чтобы их приняли за богов и души (развоплощенных духов)» [211, ii].

Ямвлих, великий теург неоплатонической школы, человек искусный в тайнах магии, учит, что

«добрые демоны показываются нам в своем действительном виде, тогда как недобрые могут проявить себя только в *призрачных смутных формах*». – В дальнейшем он подтверждает Порфирия и говорит, что – «...*добрые не боятся света, тогда как злым требуется темнота...* Чувства, которые они возбуждают в нас, заставляют нас поверить в присутствие и реальность вещей, которые они показывают, хотя бы эти вещи отсутствовали» [214].

Даже наиболее опытные теурги иногда встречаются с опасностями, имея дело с некоторыми элементариями, и Ямвлих по этому поводу говорит, что

«Боги, ангелы и демоны, так же как и *души*, могут быть вызваны посредством заклинаний и молитв... Но если в течение теургической операции совершить ошибку, тогда – берегись! Не воображайте, что вы общаетесь с благодетельными божествами, которые отвечают на вашу глубокую молитву; нет, ибо они злые демоны только под маской добрых! Ибо элементарии часто принимают вид добрых существ и напускают на себя вид, что они по своему рангу гораздо выше, чем в действительности. Их хвастовство их выдает» [214, «Различия между демонами, душами и т. д.».].

Лет двадцать прошло, как барон Дю Потэ, возмущенный несерьезным отношением ученых, которые упорствовали на своем отрицании и смотрели на величайшие психологические феномены только как на результат трюкачества, – дал выход своему возмущению в следующих выражениях:

«Вот я, идущий своей дорогой – истинно говорю – в страну чудес! Я готовлюсь пошатнуть любые мнения, и вызываю смех у наших наиболее блестящих ученых... ибо я убежден, что *вне нас существуют носители огромной мощи*; что они могут войти в нас, двигать нашими конечностями и органами и пользоваться нами, как им угодно. Во всяком случае, это верование наших отцов и всех древних. Каждая религия признавала реальность духовных агентов... Припоминая бесчисленные феномены, которые я производил на виду тысяч людей, видя *скотское равнодушие официальной науки* в присутствии открытия, которое переносит умы в области непознанного [дословно]; будучи старым человеком в тот самый момент, когда мне следовало быть только что родившимся... я не уверен, не было ли лучше для меня, если бы я остался таким же невеждой, как другие.

Я переносил письменную клевету без опровержений... Иногда это просто невежество, которое говорит, и я молчу; другой раз это поверхностность суждений, поднявшая свой голос чтобы пошуметь, и я нахожусь в колебании: то ли ответить, то ли – нет? Безразличие ли это или лень? Или страх парализовал мой дух? Нет! ни одна из этих причин не влияет на меня. Я знаю, просто, что нужно доказать то, что ты утверждаешь, и это сдерживает меня. Ибо, доказывая правоту моих утверждений, предоставив живой **факт**, свидетельствующий мою искренность и правдивость, я вынесу **за пределы преддверия храма** священную надпись, которую **никогда не должен видеть и читать глаз профана**.

Вы сомневаетесь в колдовстве и магии? О, истинно! обладать ею – тяжелое бремя!» [159]

С ханжеством, какое можно найти только в церкви, и в чьих интересах он пишет, де Мюссе цитирует вышеприведенное высказывание в качестве положительного доказательства, что этот преданный науке человек и все те, кто ему верят, предались *Сатане*!

Самодовольство – наиболее серьезное препятствие современному спиритуалисту на его пути к просвещению. Его тридцатилетний опыт с феноменами кажется ему достаточно убедительным, что он обосновал сношения между земным и загробным миром на неуязвимом основании. Его тридцать лет не только привели его к убеждению, что мертвые сообщаются с живыми, и таким образом бессмертие духа доказано, но и утвердили его на идее, что мало или ничего нельзя узнать про этот свет, как только через медиумов.

Для спиритуалистов исторические материалы или не существуют, или же, если они знакомы с собранными сокровищами, – они смотрят на них, как на не имеющих отношения к их собственным опытам. И все же, проблемы, которые так досаждают им, были разрешены тысячи лет тому назад теургами, которые оставили ключи к ним для тех, кто будут искать их в надлежащем духе и со знанием. Возможно ли, что природа изменила свою работу, и что теперь мы встречаем других духов и другие законы, не такие, как в старину? Или, воображает ли какой-либо спиритуалист, что он знает больше или даже столько же о феноменах медиумов или о природе различных духов, сколько знала жреческая каста, которая проводила всю свою жизнь в теургических занятиях – в деле, которое было известно и изучалось бесчисленные века? Если заслуживают доверия повествования Оуэна и Хэера, Эдмондса и Крукса, и Уоллеса, то почему «Отец Истории» Геродот, Ямвлих, Порфирий и сотни других древних авторов не заслуживают доверия? Если спиритуалисты получают свои феномены с соблюдением мер предосторожности от обмана, то то же самое делали теурги древности, чьи записи доказывают нам, что они могли разнообразить их и производить, как хотели. Тот день, когда этот факт будет признан и бесполезные спекуляции современных исследователей уступят место терпеливому изучению трудов теургов, – тот день отметит зарю новых и важных открытий в области психологии.

Глава X

Внутренний и внешний человек

Τῆς δέ γάρ ἐκ τριάδος πάν πνεῦμα πατήρ – ἐκέρασε.

Tay. «Lyd. de Mens.», 20.

«Более могущественные души сами по себе постигают истину, и они более изобретательны по своей природе. По словам оракула, такие души спасаются своею собственною силою».

Прокл, I Alc.

«Так как дух постоянно движется и проходит через все творения в течение определенного времени, то, совершив это, он вскоре вынужден двинуться назад опять через все творения и разворачивать ту же самую ткань поколений в мире... ибо как часто возобновляются те же причины, так же возобновляются следствия».

Ficin. de Im. An., 129, «Халдейские оракулы».

*«Когда б не высшее предназначение, —
Теряло всякий смысл бы обучение».*

Янг.

С момента зарождения утробного эмбриона до того момента, когда старый человек, испустив свое последнее дыхание, падает в могилу, ни его начало, ни его конец не поняты схоластической наукой; все до нашего появления на свет пусто, все после нас – хаос, ибо нет никаких очевидных доказательств о том, что касается связей между духом, душой и телом как до, так и после смерти. Сам по себе уже жизненный принцип представляет собой неразрешимую загадку, над изучением которой материализм понапрасну истощил свои умственные силы. В присутствии трупа скептический физиолог стоит нем, когда его ученик спрашивает, откуда пришел обитатель этой брошенной порожней оболочки, и куда он ушел. Ученику предстоит или удовлетвориться, подобно его учителю, объяснением, что протоплазма построила человека и энергия его оживляла, а теперь они это тело разрушат, или же покинуть училище вместе с его библиотекой и искать другого объяснения этой тайны.

Иногда настолько же интересно, насколько поучительно проследить как эти два великих соперника, наука и богословие, часто схватываются. Не все сыновья церкви были так безуспешны в своих попытках защитить веру, как бедный аббат Мэйгно из Парижа. Этому уважаемому и несомненно добросовестному священнику, к сожалению, не удалась его бесплодная попытка опровергнуть свободомыслящие аргументы Гёксли, Тиндаля, Дюбуа Раймонда и многих других. Успех его аргументов, предназначенных быть противоядием, был более, чем сомнителен, и, в награду за его труды, «Конгрегация Индекса»^[257] запретила распространение этой книги среди верующих.

Опасное дело вступать в дуэль единоборства с учеными по предметам, которые хорошо продемонстрированы в экспериментальной науке. В том, что они действительно *знают* – они

неуязвимы; и до тех пор, пока их старая формула не уничтожена их собственными руками и не заменена новой – до тех пор бесполезно бороться против Ахиллеса, если только не посчастливится ударить этого быстрого бога в его уязвимую пяту. Эта уязвимая пятя заключается в том, в чем наука признает свое незнание!

Коварен был тот прием, к которому прибег один известный проповедник, чтобы добраться до этого уязвимого места. Прежде чем приступить к изложению чрезвычайных, хотя и хорошо засвидетельствованных достоверных фактов, которыми мы намереваемся заполнить эту главу, будет разумно, еще раз продемонстрировать, насколько подвержена ошибкам современная наука в отношении каждого факта в природе, который нельзя испытать ни посредством колбы, ни посредством тигля. Нижеизложенное суть отрывки из ряда проповедей, произнесенных отцом Феликсом Нотрдамским, озаглавленных «Таинство и наука». Они заслуживают того, чтобы их переводили и цитировали в труде, который предпринят точно в таком же духе, какой продемонстрирован проповедником. На этот раз церковь заставила присмиреть на время высокомерие своего традиционного врага в лице ученых академиков.

Было известно, что этот великий проповедник в ответ на общее желание верующих и, возможно, также по приказу вышестоящих духовных особ приготовился к совершению большого ораторского выступления, и исторический кафедральный собор был переполнен слушателями. Среди глубокого молчания присутствующих он начал свое выступление, из которого мы приводим нижеследующие параграфы, которые мы считаем достаточными для наших целей:

«Чтобы противодействовать прогрессу христианства, нам было брошено злое слово – НАУКА. Таково грозное заклинание, которым хотят утратить нас. На все, что мы можем сказать в поддержку христианства, у них всегда готовый ответ: „это не научно“ Мы говорим – откровение; откровение не научно. Мы говорим – чудо; чудо не научно».

Таким образом антихристианство, верное своей традиции, а теперь более, чем когда-либо, пытается убить нас наукой, будучи принципом *мрака*, оно грозит нам светом. Оно провозглашает себя самого светом...

Сотни раз я задавал себе вопрос, что же представляет собой эта ужасающая наука, которая собирается поглотить нас!.. Есть ли это – математика?.. но у нас тоже есть математики. Физика ли это? Астрономия? Физиология? Геология? Но мы находим в католицизме астрономов, физиков, геологов^[258] и физиологов, ставших выдающимися в мире науки, занявших места в Академии и вошедших в историю. Выходит, что то, что собирается нас разладить, не есть та или иная, наука, но наука вообще.

А почему же они пророчествуют про свержение христианства наукой? Слушайте: ... мы должны погибнуть от руки науки потому, что учим таинствам, а христианские таинства находятся в явном противоречии с современной наукой... Таинство – это отрицание здравого смысла; наука против этого; наука осуждает это; она сказала – «Анафема!»

А-а! вы правы; если христианское таинство таково, каким вы его объявляете, бросайте тогда анафему в него. Для науки нет ничего более неприемлемого, как абсурд и противоречия. Но – да будет прославлена истина! христианское таинство не таково. Если бы оно было таково, то как бы вы объяснили наиболее необъяснимую из тайн – почему так получилось, что почти 2000 лет много людей высокого ума и редкие гении принимали наши таинства, ввели их, не думая, что они отвергают науку или отказываются от здравого смысла?^[259] Говорите сколько хотите о вашей современной науке, современной мысли, современных гениях» – ученые были и до 1789 года.

Если наши таинства столь явно абсурдны и противоречивы, как могло быть, что такие мощные гении их восприняли безо всякого сомнения?.. Но упаси меня, Боже, чтобы я настаивал на доказательствах, что таинства не заключают в себе противоречия науке!.. Какая польза доказывать, путем метафизических отвлеченностей, что наука может примириться с таинством, когда вся действительность творения неоспоримо доказывает, что таинство везде ставит в тупик науку? Вы хотите, чтобы мы вам доказали вне всякого сомнения, что точная наука не может допустить тайны. Я вам решительно отвечаю, она никак не может избежать ее. Тайна есть **ФАТАЛИЗМ** науки.

Дать ли вам доказательства? Тогда, во-первых, оглянитесь кругом на чисто материальный мир от малейшего атома до величественного солнца. Если вы попытаетесь охватить умом единство единого закона всех этих тел и их движения; если вы будете искать слово, которое способно объяснить в этой обширной панораме царствующую там гармонию, где все кажется повинующимся велению единой силы, то, чтобы обозначить ее, вы скажете *Притяжение!*.. Да, притяжение – это как бы сводка, возвышенный вывод науки о небесных телах. Вы говорите, что в пространстве эти небесные тела опознают и привлекают один другого; вы говорите, что они привлекаются друг другом пропорционально их массе в обратной пропорции квадрата расстояний между ними. И, фактически, до настоящего момента ничто не произошло такого, что опрокинуло бы эту теорию, но все только подтверждало формулу, которая теперь царствует в **области гипотез**, и поэтому должна и впредь пользоваться славой незыблемой истины.

Джентльмены, от всего сердца я отвечаю свой научный поклон суверенитету притяжения. Я не таков, чтобы пожелать затемнять или умалить свет материального мира, который отражается на мир духов. Итак, область притяжения осязаема; оно суверенно; оно глядит нам в лицо!

Но что такое притяжение? кто видел притяжение? кто встречался с притяжением? кто прикасался к притяжению? Каким образом эти немые безгласные тела, *неразумные*, бесчувственные, оказывают бессознательно один на другого это взаимное воздействие и реакцию, которые удерживают их в общем равновесии и в единодушной гармонии? Является ли эта сила, которая притягивает солнце к солнцу, атом к атому, – является ли эта сила незримым посредником, который ходит от одного к другому? В таком случае – кто же этот посредник? Откуда берется сама эта сила, которая посредничает, и эта власть, с какой она охватывает все, которой не может избежать ни атом, ни солнце? Но есть ли эта сила что-то другое, отличное от тех элементов, которые друг друга притягивают?.. Тайна! Тайна!

Да, джентльмены, это притяжение, которое сияет так светло по всему материальному миру, но в глубине своей остается непроницаемой тайной... Хорошо! станете ли вы из-за этой тайны отрицать ее реальность, с которой вы соприкасаетесь, и ее власть, которая подчиняет вас себе?.. И опять, отметьте если вам угодно, что в основании науки находится столько тайны, что если бы вы захотели ее оттуда исключить, вам пришлось бы подорвать самую науку. *Какую бы науку вы ни представили себе*, вместе с великолепным ходом ее умозаключений... когда вы подходите к ее истокам, вы становитесь лицом к лицу с *непознанным*. [\[260\]](#)

Кто оказался в состоянии проникнуть в тайну возникновения какого-либо тела, рождения хотя бы единого атома? Что находится в центре – я уже не говорю о центре солнца, но спрашиваю – что находится в центре атома? Кто измерил бездонную глубину песчинки? Наука изучала песчинку тысячу лет, она ее вертела и так, и сяк; она делит ее все мельче и мельче; она терзает ее своими опытами; она пристаёт к ней со своими вопросами, чтобы вырвать у нее окончательное разрешение ее сокровенного строения; она вопрошает с ненасытным любопытством: «Должна ли я тебя делить до бесконечно малого?». Затем, зависнув над этой бездной, наука колеблется; она спотыкается; она чувствует себя оглушенной – у нее кружится

голова и, в отчаянии, она восклицает: «Я НЕ ЗНАЮ!»

«Но если вы в таком полном неведении относительно происхождения и сокровенного естества песчинки, какая может быть у вас интуиция о происхождении какого-либо живого существа? Откуда появилась жизнь в этом живом существе? Где ее начало? Что есть ее жизненный принцип?»^[261]

В состоянии ли ученые ответить этому красноречивому монаху? Могут ли избежать его безжалостной логики? Тайна, действительно, окружает их со всех сторон; и *Ultima Thule*, будь то Герберта Спенсера, Тиндаля и Гёксли, написала на закрытых порталах слова **непостижимое, непознаваемое**. Для любителя метафор наука может быть уподоблена мерцающей звезде с прекрасным сиянием, просвечивающим разрывы в гряде черных туч. Если ее последователи не могут определить таинственного притяжения, которое соединяет в плотные массы материальные частицы, которые образуют мелкие камушки на берегу океана, как могут они определить границы, где возможное прекращается и невозможное начинается?

Почему должно быть притяжение между молекулами материи и не должно быть притяжения между частицами духа? Если из материальной части эфира в силу присущего ему частицам движения могли развиваться формы миров, видов их растений и животных, почему не может из духовной части эфира развиваться последовательный ряд существ из состояния монады до человека, причем каждая низшая форма переходит в высшую до тех пор, пока работа эволюции на Земле не закончена созданием бессмертного человека? Как видите, в данный момент мы совершенно оставляем в стороне доказательства к сказанному, предоставляя читателю самому логические выводы.

Каким бы именем физиологи не называли все оживляющий, энергизирующий принцип в материи, – это не имеет значения; он есть нечто тонкое, отдельное от материи, так как его не удастся обнаружить. Если признано, что закон притяжения управляет материей, почему не допускать его влияния на другого? Представляя логике отвечать, мы обратимся ко всеобщему опыту человечества, а там мы находим массу свидетельств, подтверждающих бессмертие души, если мы будем судить по аналогиям. Но у нас есть больше, чем это – у нас имеются тысячи и тысячи безукоризненных свидетельств о том, что существует систематическая наука о душе, которая, несмотря на то, что ей отказано занимать место в ряду официально признанных наук, является наукой. Эта наука посредством проникновения намного глубже в тайны природы, чем когда-либо снилось современной философии, настолько глубоко, что современная философия считает это невозможным, учит нас, как можно принудить *невидимое* стать видимым и подтверждает существование элементарных духов; объясняет природу и магические свойства астрального света и власть живого человека общаться с первыми через последнего. Давайте исследуем доказательства при свете лампы опыта, и ни Академия наук, ни церковь, в пользу которой отец Феликс так красноречиво говорил, не смогут их отрицать.

Современная наука стоит перед дилеммой; она должна или признать правильность нашей гипотезы, или же допустить возможность чуда. Признание правильности нашей гипотезы равносильно признанию, что закон природы не может быть нарушен. Если он будет нарушен в одном случае, то где гарантия, что эти нарушения не будут повторяться бесконечно, что приведет к разрушению незыблемости закона и совершенного равновесия сил, которые управляют вселенной. Это очень древний и неопровержимый аргумент. Отрицать появления среди нас сверхчувственных существ, когда их в различных странах в различное время видели не только тысячи, а миллионы людей, есть непростительное упрямство; сказать же по поводу какого-либо из этих явлений, что приведение было результатом чуда, будет фатально для

основного принципа науки. Что сделают представители науки? Что же они могут сделать, когда пробудятся от онемения и оцепенения, вызванных своей гордостью, как не собирать факты и постараться расширить границы областей своих исследований?

Существование духа во всеобщем посреднике, эфире, отрицается материализмом, тогда как богословие делает из него личного бога. Но каббалисты придерживаются мнения, что и то и другое воззрения неправильны, утверждая, что в эфире элементы представляют лишь материю, слепые космические силы природы, тогда как Дух представляет разум, который их направляет. Арийские, герметические, орфические и пифагорейские космогонические учения, так же как и доктрины Бероса и Санхуниафона, все обоснованы на одной неоспоримой формуле, а именно, что эфир и хаос, или, на языке платоников, сознание и материя, были двумя первичными извечными началами вселенной, совершенно независимыми от чего-либо другого. Первый есть всеоживотворяющий разумный принцип; второй, хаос, – бесформенный жидкий принцип без «формы или чувства»; из сочетания этих двух возникла к бытию вселенная, или, вернее, вселенский мир, первое андрогинное божество – причем хаотическая материя стала его телом, а эфир его душой. По выражению в одном фрагменте из Гермия, «хаос обретя чувство от этого слияния с Духом, воссиял радостью, и так возник *Протогонос*, (первородный) свет». ^[262] Это и есть вселенская троица, основанная на метафизическом представлении древних, которые, рассуждая по аналогии, сделали из человека, являющегося сочетанием разума и материи, микрокосма от макрокосма, или великой вселенной.

Если мы теперь сравним эту вышеприведенную доктрину со спекуляциями нынешней науки, которая полностью останавливается у Границы непознанного, и, в то время, как сама неспособна разрешить эту тайну; никому другому не разрешает высказываться по этому предмету; или же сравним с великим богословским догматом, что мир был создан посредством трюка небесной «ловкости рук», – то мы, ни минуты не колеблясь, признаем при отсутствии других и лучших доказательств, что герметическая доктрина намного более разумна, и гораздо более метафизична, чем это может показаться. Вот – существует вселенная, и мы сознаем, что мы существуем; но откуда взялась эта вселенная, и как мы появились в ней? После того как представители физической учености отказались нам отвечать на эти вопросы; после того как духовные узурпаторы изгнали нас и предали нас анафеме за нашу любознательность, что можем мы делать другое, как не обратиться за информацией к мудрецам, которые размышляли над этими вопросами за многие века до того, как молекулы современных философов еще не собирались в эфирном пространстве?

Видимая вселенная духа и материи, говорят эти мудрецы, есть лишь конкретное изображение идеальной абстракции; она создана по образцу первичной божественной Идеи. Таким образом, наша вселенная существовала извечно в латентном состоянии. Душа, оживотворяющая эту чисто духовную вселенную, есть центральное солнце, само по себе высочайшее божество. Не Единый создал конкретную форму своей Идеи, но его первородный; и так как она была создана по геометрической фигуре додекаэдра, ^[263] то первородному «угодно было потратить двенадцать тысяч лет на ее сотворение». Приведенное число лет упоминается в этрусской космогонии ^[271], в которой говорится, что человек был создан в шестом тысячелетии. Это согласуется с египетской теорией о 6000 «годах» и с еврейским исчислением. ^[264] Но это лишь экзотерическая форма. Сокровенные вычисления поясняют, что «12 000 и 6 000 лет» суть годы Брахмы; один день Брахмы равняется 4 320 000 000 годам. Санхуниафон ^[265] в своей «Космогонии» повествует, что когда Ветер (Дух) возлюбил свои собственные принципы (Хаос), то произошло тесное слияние, совокупление, получившее название *потос* (λόθος), и от этого слияния произошло семя всего. Но Хаос не знал своего собственного порождения, ибо он был *бесчувственен и неразумен*; но от его слияния с ветром

был зарожден *Mφt* или *Ilus* (Ил) [90]. Отсюда возникли споры творения и рождение вселенной.

Древние, кроме четырех элементов, сделали из эфира пятый элемент. Из-за того, что сущность его считалась божественной вследствие незримости его присутствия, его считали посредником между нашим миром и потусторонним миром. Они верили, что когда правящие разумы уходят из какой-либо части эфира в одном из четырех царств природы, которыми они обязаны управлять, то это пространство попадает во власть зла. Адепт, который готовился беседовать с «невидимыми», должен был хорошо знать свой ритуал, а также быть хорошо осведомленным с условиями, требующимися для полного равновесия четырех элементов в астральном свете. Прежде всего он должен очищать свою сущность, и внутри круга, в который он хочет привлечь чистых духов, уравнивать элементы, чтобы не допустить вторжения элементариев в соответствующие сферы. Но горе тому неблагоразумному исследователю, который без знания невежественно вступает в запретные владения. Опасности ожидают его там на каждом шагу. Он вызывает силы, которыми не может управлять. Он будит часовых, которые позволяют проходить только своему хозяину. Ибо, как сказал бессмертный розенкрейцер:

«Раз ты решил сотрудничать с духом живого Бога, будь осторожен, чтобы не препятствовать Ему в Его работе; ибо если твой жар выйдет за естественные пределы, то этим ты вызовешь гнев *moyst natures*,^[266] и они будут сопротивляться *центральному* огню, и центральный огонь, будет сопротивляться им; и произойдет ужасное разделение в *хаосе*».^[267]

Дух гармонии и единения уйдет из элементов, потревоженных неразумной рукой; и токи слепых сил немедленно начнут кишеть вторгшимися бесчисленными тварями из материи обладающими инстинктом – злыми демонами теургов, они же дьяволы богословов. Гномы, саламандры, силфы и ундины обрушатся на неосторожного нарушителя во многочисленных разнообразнейших воздушных формах. Будучи неспособными что-либо изобрести, они будут искать, шарить по самым глубинам памяти нарушителя; от этого возникает нервное истощение и ментальная подавленность у некоторых сенситивных лиц, участвующих в кружках спиритуалистов. Эти элементалы выявят давно забытые воспоминания прошлого, формы, лики, изображения, дорогие воспоминания, знакомые высказывания, давно уже изгладившиеся в памяти, но ярко, в живых красках сохраняющиеся в непроницаемых глубинах нашего сознания и на астральных табличках неподдающейся разрушению «КНИГИ ЖИЗНИ».

Каждый организм в этом мире, как видимый, так и невидимый, имеет соответствующий, присвоенный ему элемент. Так, рыба живет и дышит в воде; растение потребляет угольную кислоту, которая животным и людям причиняет смерть; некоторые существа приспособлены только к разреженным слоям, а другие – только к самым плотным. Жизнь для некоторых зависит от солнечного света, для других – от мрака; таким образом мудрая экономия природы приспособливает ко всем условиям существования какие-нибудь виды живых существ. Эти аналогии приводят нас к заключению, что не только нет незанимаемых мест или частей в природе вселенной, но также и для каждого существа, обладающего жизнью, предусмотрены и приготовлены условия и, будучи приготовлены, они нужны. Далее, допуская, что существует невидимая нашему глазу сторона вселенной, мы по аналогии должны прийти к выводу, что и она так же населена, как и наша, и что каждая группа населения там имеет все необходимое для существования условия. Так же нелогично будет думать, что тождественные условия предоставляются всем, как было бы нелогично утверждать такую теорию в отношении обитателей видимого мира. Существование духов подразумевает и разнообразие духов; ибо люди отличаются один от другого, и человеческие духи суть развоплощенные духи людей.

Сказать, что все духи одинаковы, или приспособлены к одной и той же атмосфере, или обладают одинаковыми силами, или управляются теми же притяжениями – электрическими, магнетическими, одическими, астральными, не имеет значения каким – так же абсурдно, как сказать, что все планеты обладают одинаковыми свойствами, или все животные – амфибии, или, что все люди питаются одинаковой пищей. Будет разумнее считать, что наиболее грубые по своей природе духи погружаются ниже остальных – в самые глубины духовной атмосферы, другими словами пребывают ближе всех к земле. И наоборот – самые чистые духи пребывают дальше всех от земли. В том, что мы назвали бы *психоматикой* оккультизма, если бы мы собирались создавать новое слово, недопустимо думать, что духи какой-либо одной из этих степеней могут занять место и пользоваться условиями духов другой степени; это было бы так же нелепо, как, занимаясь гидравликой, ожидать, что две жидкости различной плотности обменяются показателями на шкале гидрометра Боума.

Жоррес, описывая одну беседу с индусами Малабарского берега, рассказывает, что после того, как он задал им вопрос, имеются ли у них духи, призраки, они ответили:

«Да, но мы знаем, что это *плохие* духи... хорошие едва ли вообще могут показаться. Те, кто может показываться, главным образом, духи *самоубийц и убийц*, или тех, кто умер насильственной смертью. Они постоянно носятся вокруг и показываются в виде призраков. Ночное время им благоприятствует и они свращают неустойчивых людей и соблазняют других тысячами различных способов» [272, III, с. 63].

Порфирий сообщает нам несколько отвратительных фактов, достоверность которых подтверждается опытом каждого, кто изучает магию.

«Душа»,^[268] – говорит он, – после смерти питает некую привязанность к своему сброшенному телу; привязанность эта пропорциональна тому усилию, с каким их союз был расторгнут; мы видели многих духов, носящихся в отчаянии вокруг своих земных останков; мы даже видели, как они упорно разыскивали разложившиеся останки чужих тел, но более всего они стремились к свежeproлитой крови, которая, кажется, на какой-то момент наделяет их некоторыми из жизненных способностей». ^[269]

Пусть спиритуалисты, сомневающиеся в словах теурга, проделают опыт проверки эффекта приблизительно полфунта свежeproлитой человеческой крови на своем следующем сеансе материализации духов!

«Боги и ангелы», – говорит Ямвлих, – «появляются среди нас в мире и гармонии; тогда как плохие демоны все приводят в смятение... Что же касается заурядных *обычных* душ, мы их воспринимаем реже» [214].

«Человеческая душа (астральное тело) есть демон, которого на нашем языке можно назвать гением», – говорит Апулей. ^[270] – «Она – *бессмертный бог*, хотя в некотором смысле она рождается в то же самое время, когда рождается человек, в котором она пребывает. Следовательно, можно сказать, что она и умирает так же, как рождается».

«Душа рождается в этом мире после того, как покинула *другой мир (Anima Mundi)*, в котором она предсуществовала до своего появления (на земле). Поэтому боги, которые учитывают ее деяния во всех фазах различных существования в целом, иногда наказывают ее за грехи, совершенные в течение предыдущей жизни. Она умирает, когда отделяется от тела, в котором она переплывала эту жизнь, как в хрупкой лодке. И если я не ошибаюсь, то именно в этом заключается сокровенное значение

надгробной надписи, такой ясной для посвященного: «*Богам человеческим, которые жили*». Но этого рода смерть не уничтожает души, она только преобразует ее в *лемура*. Лемуры суть манесы или духи, которых мы знаем под названием лары. Когда они не проявляются и *оказывают нам благодетельное покровительство*, мы чтим их, как покровительствующих божеств домашнего очага. Но, если их преступления обрекли их на блуждание, то мы называем их *лярвами*. Они становятся бичом порочных людей и источником *напрасного страха* для добрых».

Это изложение едва ли можно назвать неясным, и все же перевоплощенцы цитируют Апулея в подтверждение своей теории, что человек проходит через последовательный ряд физических человеческих рождений на этой планете до тех пор, пока не очистится окончательно от ненужной шелухи. Но Апулей ясно говорит, что мы приходим в этот мир из другого мира, где у нас было другое существование, память о котором изгладилась. Как часовой механизм на фабрике переходит из рук в руки, из одного помещения в другое, где в одном месте добавляют одно, а в другом – другое, до тех пор, пока часы не получают такими, какими их задумал мастер до начала работы. Точно так же, по древней философии, первичная божественная концепция человека осуществляется мало-помалу в различных цехах вселенской мастерской и, наконец, на сцене появляется совершенный человек.

Эта философия учит, что природа никогда не оставляет свою работу незавершенной; если ей помешают при первых попытках, она начинает сначала. Когда она зачинает человеческий зародыш, в ее намерения входит, чтобы этот человек совершенствовался физически, умственно и духовно. Его тело должно вырасти, достичь зрелости, износиться и умереть, его ум должен раскрываться, созреть и быть гармонично уравновешенным; его божественный дух должен светить и легко сливаться с *внутренним* человеком. И никакое человеческое существо не завершит своего великого цикла или «круга необходимости», до тех пор, пока все это не будет выполнено. Так же как на конных состязаниях в беге, когда менее резвые кони отстают уже в первой четверти круга и мимо них проносится конь-победитель, стремительно несущийся к цели, – точно также в человеческих бегах к бессмертию некоторые души опережают других и достигают цели, в то время как мириады остальных состязающихся, трудятся под грузом материи недалеко от того места, где начали свое восхождение. Некоторые несчастные совсем выпадают и бывают устранены из бегов; некоторым приходится возвращаться и начинать с начала. Это есть то, чего индусы боятся больше всего – *трансмиграции* и *реинкарнации*; только на других и низших планетах – никогда на этой. Но есть способ избежать это, и Будда учил этому способу в своих доктринах о бедности, обуздании чувств, полном безразличии к целям этой долины слез, свободе от страстей и частом общении с Атмой – созерцании духа. Причиной перевоплощения является незнание наших чувств и идея, что в этом мире есть что-то реальное, что-то за исключением абстрактного существования. От органов ощущения происходит та «иллюзия», которую мы называем контакт;

«от контакта возникает желание; от желания – чувства (которые тоже суть обман нашего тела); от чувств – привязанность к существующим телам; от этой привязанности – рождение, а от рождения – болезни, увядание, смерть».

Итак, подобно вращению колеса, существует регулярная последовательность смертей и рождений, моральной причиной которых является привязанность к существующим материальным объектам, тогда как орудием причины является *карма* (сила, управляющая вселенной, побуждающая ее к деятельности), заслуга и антизаслуга. «Поэтому велико желание

всех существ, которые хотели бы освободиться от горестей последовательных рождений и смертей, добиться уничтожения в себе этой моральной причины этой привязанности к материальным вещам, или злых желаний». Те, в ком злые желания окончательно уничтожены, именуются *архатами* [275, с. 9]. Освобождение от злых желаний обеспечивает обладание *чудодейственной* силой. После своей смерти архат больше не перевоплощается; он неизменно достигает нирваны. Кстати – слово нирвана неправильно истолковано христианскими учеными и скептическими комментаторами. Нирвана есть мир *причин*, в котором все обманчивые следствия и обманы! наших чувств исчезают. Нирвана есть высочайшая достигаемая сфера. *Питри* (до-Адамовы духи) считаются буддийской философией *реинкарнированными*, хотя в степени, далеко превосходящей земного человека. Разве они не умирают в свою очередь? Разве их астральные тела не страдают и не радуются, и не чувствуют того же бремени иллюзорных чувств, какое испытывали в физическом теле?

То, чему Будда учил в шестом веке до Р. Х. в Индии, Пифагор учил в пятом веке в Греции и Италии. Гиббон показывает, как глубоко у фарисеев запечатлелось это верование в переселение душ [51, iv, 385]. Египетский круг необходимости неизгладимо запечатлен на памятниках седой древности. Иисус, когда исцелял больных, неизменно произносил: «Твои грехи тебе прощены». Это чисто буддийская доктрина.

«И сказали иудеи слепцу: Ты рожден в грехах, и теперь учишь нас. Учение апостолов (Христа) аналогично учению о «заслуге и антизаслуге» буддистов; ибо больные выздоравливали, если их грехи были им прощены».[\[271\]](#)

Но эта *предыдущая жизнь*, в которую верили буддисты, не была жизнью на этой планете, ибо, более чем кто-либо другой, буддийский философ высоко ценил великую доктрину циклов.

Соображения Волни, Дюпуи и Годфри Хиггинса о сокровенном значении циклов или *кальпы* и юг брахманистов и буддистов свелись к весьма немногому, так как у них не было ключа к эзотерической, духовной доктрине, там заключающейся. Никакая философия никогда не мыслила о Боге как об *абстракции*, но рассматривала его в различных Его проявлениях. «Первопричина» еврейской Библии, пифагорейская «монада», «единая жизнь» индийской философии и каббалистический «Эн-Соф» – *беспредельность* – одно и то же. Индусский Бхагават не творит, он входит в мировое яйцо и эмануирует из него в качестве Брахмы, на подобие того, как пифагорейская Дуада происходит из самого высшего и единого Монач. [\[272\]](#) Монач самианского философа есть Монач (ум) индусов, у которого нет первопричины (апурва или материальной причины), и который не подлежит разрушению [19]. Брахма в качестве Праджапати проявляется, прежде всего, в виде «двенадцати тел» или атрибутов, которые представлены двенадцатью богами, символизирующими: 1. Огонь; 2. Солнце; 3. Сома, который дает всезнание; 4. все живые существа; 5. Ваю или материальный эфир; 6. Смерть или дыхание разрушения – Шива; 7. Земля; 8. Небеса; 9. Агни, нематериальный огонь; 10. Адити, нематериальное и женское невидимое Солнце; 11. Ум; 12. великий Бесконечный Цикл, «который никогда не прекращается» [19]. После этого Брахма растворяется, превращаясь в видимую вселенную, каждый атом которой есть он сам. Когда это завершено, непроявленный, неделимый и неподдающийся определению Монач возвращается в свое нерушимое, величественное одиночество своего единства. Это проявленное божество, сперва дуада, теперь становится триадой; его триединое свойство непрерывно эмануирует духовные силы, которые становятся бессмертными богами (душами). Каждая из этих душ должна соединиться, в свою очередь, с человеческим существом, и с момента его сознательности начинает серию рождений и смертей. Некий восточный художник-живописец предпринял попытку выразить на картине

каббалистическую доктрину о циклах. Картина занимает всю внутреннюю стену подземного храма вблизи большой буддийской пагоды и очень внушительна. Попытаемся передать вам некоторое представление об ее содержании, насколько мы ее помним.

Вообразите в пространстве как бы изначальную точку; затем представьте себе окружности, нарисованные вокруг этой точки, и там, где начало и конец их сходятся, там эманирование и обратное поглощение встречаются. Сама окружность составлена из бесчисленных меньших окружностей наподобие колец браслета, и каждое из этих меньших колец образует пояс богини, представляющий эту сферу. По мере того, как кривая дуги приближается к конечному пункту полукружия – надиру великого цикла – где таинственный художник поместил нашу планету, лицо каждой последующей богини становится более темным и безобразным, чем это может себе представить европейское воображение. Каждый пояс покрыт изображениями растений, животных и человеческих существ, принадлежащих к фауне, флоре и антропологии этой отдельной сферы. Указаны и отмечены определенные расстояния, отделяющие одну сферу от другой, ибо после завершения кругов через различные трансмиграции душе предоставляется отдых в виде временной нирваны, в течение которого атма теряет всякую память о прошедших горестях. Промежуточное эфирное пространство наполнено странными существами. Те из них, которые находятся между высшим эфиром и землею внизу, являются тварями «средней природы», духами природы, как иногда называют каббалисты, элементалами.

Эта картина является или копией картины, описанной Беросом, священнослужителем храма Бэла в Вавилоне, или же самым оригиналом. Мы предоставляем эту картину проницательности современных археологов. Но стена покрыта в точности такими тварями, какие описаны: полудемоном-полубогом Оаннесом, халдейским человеком-рыбой, ^[273] «...безобразными существами, созданными на двупринципной основе» – астрального света и более грубой материи.

Даже остатки архитектурных реликвий ранних человеческих рас до последнего времени остаются в грустном пренебрежении. Пещеры Аджанты, которые находятся только в 200 милях от Бомбея на Чандорском хребте, и развалины древнего города Аурангабада, разрушающиеся дворцы которого и любопытные гробницы лежат в пустынной заброшенности уже многие сотни лет, только совсем недавно стали привлекать внимание. Напоминания о давно исчезнувшей цивилизации – они уже сотни лет служат убежищами для диких зверей, прежде чем их найдут достойными научного исследования, и только недавно «Обозреватель» дал восхищенное описание этих архаических предков Геркуланума и Помпеи. После справедливого упрека в адрес местных властей, которые занимают бунгало, где «путник мог бы найти приют и безопасность, ну то есть – все», он продолжает повествовать о чудесах, свидетелем которых он бы в укромных уголках, в следующих выражениях:

«В узкой долине на горе группа пещерных храмов, самых чудесных на земле. В нашем веке известно, сколько всего их по глубоким расщелинам гор. Но двадцать семь обследованы и до некоторой степени очищены от мусора. Несомненно, имеются еще многие другие. Трудно себе представить, с каким неутомимым трудом эти удивительные пещеры были высечены в твердой скале из амигдалоида. Говорят, что по своему происхождению они – буддийские, и использовались в богослужебных целях, а также как убежища для аскетов. Как художественные произведения они стоят на высоком уровне. Они тянутся более, чем на 500 футов вдоль высокого утеса и покрыты чудесной резьбой в чрезвычайно любопытной манере, выявляющей удивительный вкус, талант и упорство в труде индийских скульпторов.

Эти пещерные храмы прекрасно высечены и покрыты резьбой снаружи, но внутри они отделаны еще более изысканной и обильно украшены скульптурой и живописью. Эти давно покинутые храмы пострадали от сырости и заброшенности и живопись, и фрески, конечно, уже

не те, какими они были сотни лет тому назад. Но краски все еще яркие, и сценки веселых празднеств все еще видны на стенах. Некоторые фигуры, высеченные в скале, изображают свадебные процессии и сцены домашней жизни, выдержанные в жизнерадостном духе. Женские фигуры прекрасны, нежные и светлые, как европейки. Каждое из этих изображений художественно, и ни одно из них не осквернено грубостью и неприличием, так бросающимся в глаза в брахманистических изображениях подобного рода.

Эти пещеры посещаются большим количеством любителей старины, которые пытаются расшифровать иероглифы, начертанные на стенах и определить возраст этих любопытных храмов.

Развалины древнего города Аурангабада находятся не очень далеко от этих пещер. Это был большой, окруженный стенами город, далеко известный, но теперь заброшенный. Там не только разрушающиеся стены города и рассыпающиеся дворцы. Это были постройки огромной прочности, и некоторые стены кажутся непоколебимыми, как вечные горы.

Там еще много заслуживающих внимания мест поблизости, состоящих из глубоких пещер и высеченных в скале храмов. Многие из этих храмов окружены огражденной площадью, которая часто украшена статуями и колоннами. Очень обычна фигура слона, поставленная перед входом или сбоку, как часовой. В твердой скале высечены сотни и тысячи ниш, и когда в этих храмах толпился народ, в каждой нише стояла статуя или изображение, обычно в цветистом стиле Восточных скульптур. Но печальная действительность заключается в том, что в настоящее время лица почти всех изображений выщерблены и покалечены. Часто говорят, что ни один индус не станет поклоняться или молиться несовершенному изображению и, зная это, магометане умышленно калечили эти изображения, чтобы воспрепятствовать поклонению со стороны индусов. Это рассматривается индусами как святотатственное кощунство; оно порождает в них самую острую враждебность, которую каждый индус наследует от своего отца, и которую не могут изгладить даже века.

Здесь также имеются погребенные города – грустные развалины без единого обитателя. В великолепных дворцах, где когда-то собирались и пировали члены королевской семьи, устраивают теперь свои берлоги дикие звери. Во многих местах через такие развалины проходит железная дорога и материал из этих развалин использовался для прокладки пути. Огромные камни тысячи лет лежат там и, вероятно, еще пролежат многие тысячи. Эти высеченные в скалах храмы, а также искалеченные статуи носят на себе следы такого искусства, что с ними не может сравниться никакое произведение современных аборигенов.^[274] Совершенно очевидно, что сотни лет тому назад эти холмы были густо заселены, а сейчас они находятся в полном запустении: не культивируемые и без постоянных обитателей, они представлены диким животным.

Эти места представляют хорошие охотничьи угодья, а так как англичане выдающиеся охотники, то, возможно, они предпочтут оставить эти горы и развалины в таком виде, как теперь».

Мы очень надеемся, что они так и сделают. Достаточно вандализма было проявлено в предшествующих веках, чтобы позволить нам надеяться, что, по крайней мере, в этом веке исследований и учености, наука и такие ее ответвления, как археология и филология, не будут лишены этих наиболее ценных записей, начертанных на нерушимых скрижалях гранита и скал.

Теперь мы хотим преподнести несколько отрывков из этой таинственной доктрины о перевоплощении, реинкарнации, как о чем-то отличающемся от метемпсихоза. Реинкарнация, то есть появление той же личности или, вернее, его астральной монады дважды на той же планете – не есть правило природы; это – исключение, подобно тератологическому феномену рождения ребенка с двумя головами. Ему предшествует нарушение законов гармонии природы и

случается только тогда, когда последняя, стремясь восстановить нарушенное равновесие, насильно бросает обратно в земную жизнь астральную монаду, которая была вышвырнута из круга необходимости преступлением или несчастным случаем. Так, в случаях аборт, в случаях детских смертей до определенного возраста и в случаях прирожденного и неизлечимого идиотства начальный замысел природы создать совершенного человека был нарушен. Поэтому, в то время как грубая материя каждого из перечисленных существ обречена на рассеивание при смерти, на рассеивание по обширному царству сущего, бессмертный дух и астральная монада личности (назначение астральной монады оживлять тело; назначение бессмертного духа – осенять божественным светом телесную организацию) должны стараться второй раз осуществить цель создания творческой личности.

Если разум настолько развился, что может стать действенным и распознающим, то никакой реинкарнации на этой земле не будет, так как три части триединого человека соединились вместе, и он способен совершать свой путь. Но когда это новое существо не продвинулось дальше состояния монады, или в таком случае, как у идиота, когда триединство не состоялось, и бессмертной искре, которая осеняет его, пришлось снова входить в земной план, так как ей помешали в первой попытке. Иначе смертная или астральная и бессмертная или божественная души не могут в унисон продвигаться вперед к высшей сфере. Дух следует по линии, параллельной линии материи; и духовная эволюция совершается рука об руку с физической эволюцией. Как уже указывал профессор Ле Контэ (смотри IX главу), «нет в природе такой силы», – это правило приложимо как к духовной, так и к физической эволюции, – «которая могла бы продвинуть материю или дух сразу от № 1 на № 3 или от № 2 на № 4 без остановки и постепенного роста, добавления различных сил на *промежуточных планах*». Так сказать, монада, которая была заключена в элементарном существе – в рудиментарной или нижайшей астральной форме будущего человека – после того, как она прошла эволюцию *высочайшей* физической формы немого животного и покинула ее – скажем, после прохождения формы орангутанга или слона, одного из умнейших животных, – эта монада, говорим мы, не может перескочить через физическую и умственную сферы человека, чтобы вдруг очутиться в духовной сфере выше его. Какая же награда или наказание могут быть в сфере развоплощенных человеческих существ для утробного плода или человеческого эмбриона, когда у него даже не было времени, чтобы хоть раз вдохнуть на земле, а еще менее он имел возможность применить свои духовные способности? Или для безответственного ребенка, бесчувственная монада которого остается спящей внутри астральной и физической оболочек и не может поэтому предохранить его от того, чтобы он сам не обжегся до смерти? или сжег кого-то другого? Или для родившегося идиотом, у которого, по сравнению с нормальными людьми, количество мозговых извилин достигает только 20 или 30 процентов [277], и который поэтому, не несет ответственности ни за свои наклонности, ни за деяния, ни за несовершенство своего шаткого полуразвитого ума?

Нет надобности подчеркивать, что даже в качестве гипотезы, эта теория не смешнее, чем многие другие теории, считающиеся строго ортодоксальными. Мы не должны забывать, что или из-за неспособности самих специалистов или по другой какой-либо причине физиология является наименее продвинувшейся и наименее понятой наукой, и что некоторые французские врачи, вместе с доктором Фурнье, положительно приходят в отчаяние, сдвинется ли она когда-нибудь дальше голых гипотез.

Далее, та же самая оккультная доктрина признает еще одну возможность, хотя настолько редкую и смутную, – что вряд ли стоило бы упоминать о ней, ее отрицают даже современные западные оккультисты, хотя она общепринята в странах Востока. Когда через пороки, страшные преступления и животные страсти развоплощенная душа попадает в восьмую сферу

(аллегорический Гадес, или библейскую *геенну огненную*), самую близкую к нашей земле, – она может с помощью оставшихся у нее проблесков разума и совести раскаиваться, так сказать, напряжением остатков своей силы воли стремиться кверху и, как утопающий, еще раз всплыть на поверхность. В «*Магических и философских правилах*» Пселла мы находим одно наставление человеку, в котором говорится:

«Остановись у пропасти, ведущей в мир подземный,
Перед **семью** степенями влекущими на дно —
К престолу неизбежности ужасной».^[275]

Сильное стремление вырваться из своего бедствия, сильное желание еще раз приведут в земную сферу. Тут он будет скитаться и страдать более или менее в мрачном одиночестве. Его инстинкты заставят его с жадностью искать контакта с живыми людьми... Эти духи суть те невидимые, но слишком ощутимые магнетические вампиры, *субъективные* демоны, так хорошо знакомые средневековым экстазникам, монахиням и монахам, «ведьмам», ставшим столь знаменитыми благодаря «Молоту ведьм»; и некоторым сенситивным ясновидцам, по их собственному признанию. Они – демоны крови, по Порфирию; *лярвы* и *лемуры* древних; дьявольские орудия, через которых так много несчастных и слабовольных людей попадали на дыбу или костер. Ориген считал всех демонов, которые вселялись в упомянутых в Новом Завете одержимых, *человеческими* «духами». Вот почему Моисей, который хорошо знал, что представляют эти духи и как ужасны могут быть последствия для слабых личностей, поддающихся их тлетворному влиянию, установил беспощадные жестокие законы против мнимых «ведьм»; но Иисус, полный справедливости и божественной любви к человечеству, *лечил* их, вместо того, чтобы *убивать*. Впоследствии наше духовенство, претендующее быть образцами христианских принципов, придерживалось закона Моисея, полностью игнорируя закон того, кого они называют своим «единым Богом живым», и жгли дюжинами и тысячами таких мнимых «ведьм».

Ведьма – название большого значения, которое в прошлом содержало в себе угрозу сжигания на костре, а теперь, будучи произнесено, вызывает вихрь насмешек и бурю сарказма! Как тогда могло случиться, что всегда были умные и ученые люди, которые никогда не думали, что они уронят в глазах общественности свое достоинство тем, что публично подтвердят возможность такого явления, как «ведьма», в истинном значении этого слова. Одним из таких бесстрашных борцов был Генри Мор, ученый из Кембриджа в 17 веке. Стоит посмотреть, как умно он разобрался в этом вопросе.

Кажется, около 1678 года некий священник, по имени Джон Уэбстер, написал книгу: «Критика и толкование священного писания» – сочинение, не признающее существования ведьм и других «суеверий». Находя это сочинение «слабым и неуместным», доктор Мор раскритиковал его в письме Гланвилу, автору «Триумфа саддукейства», и, в качестве приложения прислал трактат по колдовству и объяснение самого слова *witch* (ведьма) Этот документ очень редок, но в нашем распоряжении имеется конспект, сделанный со старого манускрипта, который появился только на незначительное время в 1820 г., в *Видениях*, со дня исчезновения документа до момента его появления прошел длительный период времени.

Слова *witch* и *wizard*, по толкованию доктора Мора, означают не более чем мудрый мужчина или мудрая женщина. В слове *wizard* это ясно сразу; и «самая простая дедукция из названия *witch* выделит *wit*, из которого образуются производные прилагательные *wittigh* или *wittich*, что при сокращении превращается в *witch*; так как существительное *wit* произошло от

глагола *weet*, что означает – знать. Поэтому *witch* (ведьма) означает просто, знающая женщина; что в точности соответствует латинскому слову *saga*, согласно выражению Фестуса, *sagae dictae anus quod multa sciunt*».

Это определение слова кажется нам наиболее правдоподобным, так как оно точно отвечает явному значению славяно-русских названий для ведьм и колдунов. Первая называется *ведьма*, а последний – *ведун*; и то и другое название происходит от глагола *знать*, *ведать*; корень этих слов, положительно, санскритский.

«Веда», – говорит Макс Мюллер в своих «Лекциях о Ведах», – «по своему изначальному значению означает знание. Веда есть то же самое слово, которое является в греческом οἶδα – я знаю [дигамма *va* пропущена], и в английском: *wise, wisdom, wit*».

Кроме того, санскритское слово *vidma*, соответствующее немецкому *wir wissen*, означает буквально «мы знаем». Очень жаль, что этот великий филолог в то время, когда он приводит в своих лекциях примеры из санскрита, греческого, готического, англосаксонского и немецкого языков, пренебрегает славянскими языками.

Другими русскими обозначениями *колдуна* и *ведьмы*, являются *знахарь* и *знахарка* (для женщины), имеющие тот же самый славянский корень – *знать*. Таким образом, определение этого слова, данное доктором Мором в 1678 г., совершенно верно и во всех подробностях совпадает с данными современной филологии.

«Употребление этого слова», – говорит этот ученый, – «бесспорно, приспособило, применило его к такого рода искусству и знанию, которое не совпадало с обычным знанием и являлось чем-то из ряда вон выходящим. К тому же эта своеобразность не подразумевала какого-либо беззакония. Но в дальнейшем она приобрела тот особый, более узкий смысл, в каком теперь слова *ведьма* и *ведьмак* употребляются. Теперь же под этими словами подразумевают человека, обладающего знанием и умением совершать или говорить необычное при явно или неявно выраженном содействии или сговора с *нехорошими духами*».

В оговорках сурового Моисеева закона названо столько видов колдовства, что трудно, так же как и бесполезно, давать им здесь определения, ибо всех их можно найти в талантливой статье доктора Мора.

«Не должно быть среди вас никого, кто пользуется гаданием; не должно быть ни наблюдателей времени, ни обворожителей, ни знахарей, ни чарователей, ни вопрошателей знакомых духов, ни колдунов, ни некромантов», – говорится в тексте.

Далее мы вам покажем действительную цель такой строгости. Пока что заметим, что доктор Мор, после того как он дал научное определение каждому такому обозначению, указав при этом на их действительное значение в дни Моисея, доказывает, что существует громадная разница между «очарователями», «наблюдателями времени» и т. д., и ведунками.

«В этом запрете Моисея перечисляется настолько много наименований, что, подобно нашему обычному праву, смысл настолько уточняется, что не оставляет места для лазеек. И что название „ведьма“ не возникло из умения совершать трюки с помощью ловкости рук, как название обычных фокусников, обманывающих зрение людей на базарах и ярмарках, но что оно есть название таких, кто вызывает магических призраков, чтобы обманывать людей и поэтому, несомненно, являются ведунками – мужчинами и женщинами, в которых пребывает злой дух. «Не допусти (– *мекашефах*), чтобы ведьма оставалась живой». Закон для ведьм в высшей степени суровый, или, вернее, бессердечный, чтобы применять его к фокусникам, использующих ловкость своих рук».

Итак, только шестое название, то есть название вопрошателя знакомых духов или ведуна, является, тем, которое навлекает на себя высшую меру наказания по закону Моисея, ибо только *ведун* не должен быть терпим, тогда как остальные перечислены просто как таковые, с которыми людям Израиля запрещается общаться вследствие их идолопоклонства или, скорее, их религиозных взглядов и учений, главным образом. Это шестое название по-еврейски пишется, [...] *шоэль ауб*, что по-английски означает «вопрошатель знакомых духов»; но «Септуагинта» переводит то же самое слово как *Εὔχαστριβος*, то есть человек, имеющий знакомого духа *внутри* себя, этот человек одержим духом прорицания, предсказываний, которого греки рассматривали как Пифона, а евреи как *обх*, древнего змия; в своем эзотерическом значении это дух похотливости и *матери*, который, по учению каббалистов, всегда является элементарным человеческим духом из восьмой сферы.

«*Шоэль обх*, как я представляю», – говорит Генри Мор, – «следует понимать как саму ведьму, которая вопрошает своего близкого духа. Наименование *обх* сперва было взято от того духа, который вселялся в тело человека, создавая при этом в теле последнего вздутие, выпуклость, при чем голос, выходящий оттуда, казалось выходил из какой-то бутылки, по каковой причине их называли *чревоуещателями*. *Об* означает то же что и *Пифо*, который сперва получил свое имя от *pythii vates*; духа, говорящего сокровенное или предсказывающего будущее. В «Деяниях апостолов», XVI, 18, *πνεῦμα πύδωνος*, когда «Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час». Поэтому слово *одержимый* есть синоним слова *ведун*; также этот *пифо* из восьмой сферы не мог бы выйти из нее, если бы он не был отдельным от нее духом. Итак; мы читаем в «Книге Левит», XX, 27: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волховать, да будут преданы *смерти*: камнями должно побить их, кровь их на них». Жестокий и несправедливый закон, без всякого сомнения, притом такой, который опровергает недавнее высказывание «Духов», устами одного из наиболее популярных *вдохновенных* медиумов нынешнего времени, высказывания в том смысле, что современные филологические исследования доказывают, что Моисеев закон совершенно не подразумевал умерщвление бедных «медиумов» или *ведунов* Ветхого Завета, но что слова: «не допусти, чтобы ведьма оставалась *живой*», – означали: ведьма не должна жить на заработки от своего «ведьминого» ремесла! Вот уж толкование не менее искусное, чем поразительное по новизне. Конечно, нигде кроме источника такого *вдохновения* мы бы не нашли такой филологической глубины!^[276]

«Закрой дверь перед демоном», – говорит *Каббала*, – «и он будет убегать от тебя, как будто ты преследуешь его», – что означает, что вы не должны давать таким духам-одержателям власти над собою привлечением их в атмосферу близкого вам греха.

Эти демоны стремятся забираться в тела простодушных людей и идиотов, оставаясь там до тех пор, пока более могучая и чистая воля не *отторгнет* их. Иисус, Аполлоний и некоторые из апостолов обладали властью изгонять *бесов* очищением атмосферы *внутри* и *вне* пациента, чем принуждали нежелательного жильца к бегству. Испарение некоторых солей особенно неприятны им. Благоприятные результаты применения химикалий на блюде, помещенном под кроватью мистером Варли в Лондоне,^[277] с целью избавиться от некоторых неприятных физических явлений в ночное время, подтверждает эту великую истину. Чистые или даже просто безобидные, безвредные человеческие духи ничего не боятся, ибо, избавившись от *земной* материи, они становятся неуязвимыми для земных составов; такие духи подобны, *дуновению*. Не так обстоит дело у привязанных к земле человеческих духов и у духов природы.

Именно этих похотливых земных *лярв*, деградированных человеческих душ имели в виду каббалисты древности, когда говорили о *реинкарнации*. Но когда, или как? В подходящий момент, если ему поможет искренними желаниями исправления и раскаяния какая-нибудь

сильная сочувствующая личность или воля адепта или даже желание, исходящее из самого много согрешившего духа при условии, что оно достаточно сильное, чтобы сбросить с себя бремя грешной материи. Теряя полностью сознание, когда-то сияющая монада снова уловлена в водоворот земной эволюции, снова проходит низшие царства и снова дышит, как родившееся дитя. Вычислить время, время, необходимое для совершения процесса, было бы невозможно. Так как в вечности нет восприятия времени, то и попытка в этом направлении была бы напрасной тратой труда.

Как мы уже сказали, только немногие каббалисты в это верят, и эта доктрина возникла у некоторых астрологов. При вычислении гороскопов некоторых исторических лиц, получивших известность своеобразием характера, они обнаружили сочетания планет, в точности отвечающие замечательным предсказаниям и пророчествам о других личностях, родившихся спустя века. Наблюдения и то, что в наше время назвали бы «замечательными совпадениями», будучи добавлены к «священному сну» неофита, – раскрыли эту страшную истину. Мысль эта настолько страшна, что даже те, кто должны были бы убедиться в этом, предпочитают игнорировать ее или, по меньшей мере, избегать говорить о ней.

К этому способу прорицаний прибегали в самой седой древности. В Индии эту возвышенную летаргию называли «священным сном в...». Это забвение, в которое человек погружается посредством некоторых магических процессов, дополненных напитками из сока сомы. Тело такого спящего в течение нескольких дней пребывает в состоянии, напоминающем смерть, и адепт своею властью очищает его от всего земного и делает его годным стать временным вместилищем всего сияния бессмертного Аугоэйдэс. В этом состоянии оцепеневшее тело заставлено отражать славу высших сфер, как полированное зеркало отражает лучи солнца. Этот спящий не замечает течения времени и после пробуждения по истечении четырех или пяти дней транса воображает, что проспал всего несколько мгновений. Что его уста произносили – этого он никогда не узнает. Но так как им управлял сам дух, то они не могли произнести ничего, кроме божественной истины. На время бедная беспомощная плоть превращена в алтарь освященного присутствия, и изрекаемое ею в тысячу раз вернее, чем сказанное одурманенными дельфийскими пифиями; и, в отличие от пророческого безумствования, которое выставлялось на показ перед толпами, свидетелями этого священного сна в святилище храма являются только несколько адептов, достойных находиться в присутствии АДОНаИ.

Описание, которое Исаия дает очищению, которому должен подвергнуться пророк прежде, чем небеса заговорят его устами, полностью приложимо к данному случаю. В привычной ему метафоре он говорит:

«Затем налетел на меня серафим, держа в руке горящий уголь, который он достал щипцами с алтаря... и он положил его на мои уста и сказал, И ВОТ! он коснулся уст твоих, и беззаконие взято у тебя».

Вызывание своего собственного Аугоэйдэс очистившимся адептом описано словами несравненной красоты в «Занони» Бульвер-Литтона, где дается понять, что иерофант должен избегать даже малейшего прикосновения земной страсти, чтобы сообщаться со своею безупречной чистой душою. Не только мало таких, которые могут успешно совершить эту церемонию, но даже и те, кто могут, редко прибегают к ней, за исключением случаев, когда это нужно для наставления неофитов или же для получения знаний чрезвычайной важности.

И, однако, как мало поняты и как мало ценятся широкой общественностью сокровища знаний, накопленные этими иерофантами!

«Есть еще собрание писаний и традиций, носящее название «Каббала», приписываемое

ученым Востока», – говорится в «Искусстве магии» [278, с. 97], – но так как этот замечательный труд не представляет собою почти никакой ценности без ключа к нему, *который можно получить только от братства Востока*, то копия его ничего не дала бы обычному читателю».

И как они высмеиваются каждым коммивояжером, который разезжает по Индии в поисках «заказов» и пишет корреспонденцию в «Таймс», как ложно они истолковываются каждым трюкачом, который, пользуясь ловкостью рук, претендует на то, что он демонстрирует перед разинувшей рты толпой чудеса восточных магов!

Но несмотря на свою несправедливость в Алжирском деле, Роберт Гудини, авторитет в искусстве фокусничества, и Moreau-Цинти, другой, оба честно свидетельствовали в пользу французских медиумов. Во время перекрестного допроса со стороны академиков они честно показали, что никто, вероятно, кроме «медиумов», не в состоянии производить феномены стуков стола и левитацию без надлежащей подготовки и специально приспособленной для этой цели мебели. Они также показали, что так называемые «левитации без соприкосновения» представляют явления, недостижимые для профессионального фокусника; что для них, если не будет помещения с секретной аппаратурой и вогнутыми зеркалами, такой фокус невыполним. Кроме того, они добавили, что простое видение просвечивающейся руки в помещении, в котором обеспечено исключение сообщничества, при условии, что медиум был предварительно обыскан, явилось бы доказательством, что это не дело рук человеческих, а каких-то других, какие бы они ни были. После этого «*Siucle*» и другие парижские газеты опубликовали свои подозрения, что оба эти очень ловкие джентльмены стали сообщниками спиритуалистов!

Профессор Пеппер, директор Лондонского Политехнического Института, изобрел искусную аппаратуру для демонстрирования явлений духов на сцене и продал свой патент в Париже за сумму в 20000 франков. Создаваемые этим аппаратом призраки выглядят реальными; они мимолетны и быстроисчезающи, будучи только отражением, отбрасываемым сильно освещенным предметом на поверхность листового стекла. Эти отражения кажутся появляющимися и исчезающими; они ходят по сцене и играют свои роли в совершенстве. Иногда один из этих призраков садится на скамью; после этого один из живых актеров затевает с ним ссору и, схватив тяжелый топор, рассекает призрака с головы до ног на две части. Но, после соединения этих двух частей вместе призрак снова появляется целехоньким на расстоянии нескольких шагов к великому удовольствию публики. Это устройство работало прекрасно и каждый вечер привлекало много публики. Но чтобы производить таких призраков, требуется специальный аппарат и не один сообщник. Тем не менее нашлось несколько репортеров, которые из этого представления сделали повод насмеяться над *спиритами* – как будто эти два класса явлений имеют что-либо общее между собой!

То, на выполнение чего претендуют призраки Пеппера, может быть выполнено обыкновенными развоплощенными человеческими духами, когда их отражение материализовано элементами. Они сами разрешат продырявить их пулями, рубить саблями, расчленив и затем мгновенно восстановят себя снова. Но по-другому обстоит дело у космических и у человеческих духов-элементариев, ибо сабля или кинжал, или даже заостренная палка заставляет их в ужасе исчезать, это покажется необъяснимым для тех, кто не понимает, из какой материальной субстанции состоит элементарий; но каббалисты прекрасно поняли. Письменные источники античности и средних веков, не говоря уже о современных чудесах Сайдвилля, которые достоверно засвидетельствованы, подтверждают эти факты.

Скептики и даже скептические спиритуалисты часто несправедливо обвиняют медиумов в обмане, когда последние им отказывают в том, что они считают своим неотъемлемым правом – испытывать духов. Но на каждый один такой случай приходится 50 случаев, где спиритуалисты позволяют обманывать себя трюкачам, в то же время пренебрегая и не ценя подлинных

манифестаций, проявляемых их медиумами. Будучи невеждами в законах медиумизма, такие люди не знают, что когда духи завладели честным медиумом, будь эти духи развоплощенными людьми или элементалами, медиум уже не хозяин себе. Он не может управлять ни действиями духов, ни своими собственными. Они делают из него куклу, которая должна танцевать для их удовольствия и они дергают нити за сценой. Фальшивый медиум может казаться впадшим в транс и выкидывать трюки все время; тогда как настоящий медиум может показаться находящимся в полном сознании, когда фактически он очень далеко, и его тело оживляет другой, его «индийский руководитель» или «контроль». Или же он может быть в трансе в его кабинете в то время, как его астральное тело (двойник) или *doppelganger*, ходит по комнате, будучи подвижно другим разумом.

Из всех феноменов – феномен *отражения*, тесно связанный с феноменом биллокации и воздушного «путешествия», – наиболее поразителен. В средние века его ставили во главу колдовства.

Гаспарин в своих опровержениях сверхъестественного характера сайдвильских чудес трактует этот предмет во всех подробностях; но его поддельные объяснения все в свою очередь были опрокинуты Мирвилем и Мюссе, который, хотя и потерпел неудачу в своих попытках доказать, что в сайдвильских чудесах повинен Дьявол, все же доказал их духовное происхождение.

«Чудо отражения», – говорит де Мюссе, – «происходит, когда удар, нацеленный на духа, видимого или невидимого и принадлежащего отсутствующему живому лицу, или удар, нацеленный на призрак того лица, которое он представляет, попадает в самого этого живого человека, в то же время и в то же место, куда удар был нацелен! Поэтому мы должны думать, что это отражение, как бы отскакивающее от изображения живого человека – его призрачного ^[278] дубликата – повторяется на своем физическом носителе, человеке из плоти и крови, где бы он ни находился.

Так, например, какая-то личность появляется передо мною, или же, оставаясь невидимой, объявляет мне войну, угрожает и вызывает во мне опасения одержания. Я наношу удар по тому месту, где, как я чувствую, этот призрак находится, где он как будто бы движется, где я кого-то чувствую, *кого-то*, кто пристаёт, досаждаёт мне, сопротивляется мне. Я наношу удар; иногда в том месте после удара появляется кровь, а иногда даже можно услышать крик боли; он – ранен, а может быть, даже мертв! Так это происходит, и у меня есть объяснение этому факту» ^[279].

«Несмотря на все это, в момент нанесения моего удара, по показаниям достойных доверия свидетелей, объект, которому наносился удар, находился в другом месте; я видел – да, я видел ясно, что я нанес призраку рану в щеку или в плечо, и в точности такая же самая обнаруживается потом на живом человеке, вследствие отражения на его щеку или плечо. Таким образом становится очевидным, что факт отражения находится в тесной связи с биллокацией или *дубликацией* – либо духовной, либо физической».

История салемакского колдовства в таком виде, как она записана в трудах Коттона Мэтира, Калефа, Апхема и других служит любопытным подтверждением факта появления двойника и знакомит с тем, что получается, когда духам-элементариям предоставляется свобода действий. Эта трагическая глава истории Америки никогда еще не была написана в соответствии с истиной. Группу из четырех или пяти молодых девушек «развивали», чтобы сделать из них медиумов; занятиями руководила негритянка из Западной Индии, занимающаяся колдовством *Обеах*. Девушки стали испытывать всяческие физические мучения, а именно, щипки,

булавочные уколы, у них появлялись ссадины и отпечатки зубов на различных частях тела. Они упорно заявляли, что их обижают призраки различных лиц, и мы узнаем из знаменитого «Повествования Деодета Лаусона» (Лондон, 1704), что

«некоторые из них признались, что они в самом деле причиняли боль пострадавшим (то есть, молодым девушкам), в то время и тем образом, в каких они были впоследствии обвинены. Когда их спросили о том, что они делали для того, чтобы причинить боль девушкам, некоторые говорили, что они втыкали булавки в кукол, сделанных из тряпок, воска и других материалов. Одна, которая созналась после подписания ей смертного приговора, сказала, что она обычно причиняла им боль тем, что сжимала руки, делала щипки и *желала*, чтобы боль ощущалась девушкой в таком-то месте таким-то образом, и – *это происходило*» [107].

Мистер Апхем повествует, что Абигайл Хобс, одна из этих девушек, признавалась, что она стала сообщницей Дьявола, который «приходил к ней в виде мужчины», и приказывал ей причинять боль девушкам, принося при этом сделанные из дерева изображения на подобие девушек и терновые шипы, которыми она должна была колоть эти изображения, что она и делала, после чего девушки закричали, что она их мучает.

Насколько эти факты, достоверность которых доказана безупречными свидетельскими показаниями на суде, совершенно подтверждают доктрину Парацельса! До чрезвычайности странно, что такой опытный ученый, как мистер Апхем, собравший в тысячу страниц в двух томах такую уйму достоверных свидетельских показаний, сводящихся к тому, что в этих трагедиях повинны земные души людей и шаловливые духи природы, не мог добраться до истины.

Много веков тому назад Лукреций вложил в уста старого Энея такие слова:

«Bis duo sunt hominis, manes, caro, *spiritus umbra*;
Quatuor ista loci bis duo suscipirent;
Terra tegit carnem; – tumulum circumvolat umbra,
Orcus habet manes».

В данном случае, как и в каждом подобном ему, ученые, не будучи в состоянии объяснить факт, будут утверждать, что *такого не может быть*.

Но мы сейчас приведем несколько исторических примеров, доказывающих, что некоторые демоны или духи-элементарии боятся сабли, ножа или чего-либо острого. Мы не претендуем на объяснение причины этого явления. Это – дело физиологии и психологии. К несчастью, физиологи еще не в состоянии установить соотношений между речью и мыслью и поэтому поручили этот дело метафизикам, которые в свою очередь, по словам Фурнье, ничего не сделали. Ничего не сделали, мы говорим, но заявили права на все. Нет факта, когда он преподносился кому-либо из них, который оказался бы слишком великим для этих ученых джентльменов и которого они не пытались бы, по крайней мере, засунуть в одну из своих коробок с приклеенным к ней хитрым греческим названием, выражающим все, что угодно, кроме истинной сущности феномена.

«Увы! увы! мой сын!» – восклицает мудрый Муфти из Алеппо своему сыну Ибрагиму, когда тот подавился головою огромной рыбы. – «Когда же ты поймешь, что твое брюхо меньше океана?» Или, как миссис Катерина Кроу говорит в своей «Темной стороне природы», когда

наши ученые признают, что «их умы не мера замыслов Всемогущего Бога?»

Мы не будем спрашивать, который из писателей древности упоминает факты, кажущиеся *сверхъестественными*: мы скорее спросим – кто из них не писал о таких фактах? У Гомера мы находим Улисса, вызывающего духа своего друга; предсказателя Тирезия. Приготавливаясь к церемонии «пира крови», Улисс вытаскивает свой меч и, таким образом, отпугивает тысячи призраков, привлеченных жертвоприношением. Сам друг его, долгожданный Тирезий, не осмеливается приближаться к нему до тех пор, пока Улисс держит это страшное оружие в своих руках [269, v, 82]. Эней готовится спускаться в царство теней и как только он приближается ко входу, Сибилла, которая служит ему проводником, произносит предостережение троянскому герою и, приказывает ему вынуть меч и прокладывать себе дорогу через густую толпу носящихся теней:

«Tuque invade viam, vaginaque eripe ferrum»
[168, VI, 260].

Гланвил дает замечательное описание призрака «Тедвортского барабанщика», что имело место в 1661 г.; когда *син-лека* или двойник колдуна-барабанщика, очевидно, очень испугался сабли. Пселл в своем труде [280] приводит длинное повествование о своей невестке, приведенной в страшное состояние вселившимся в нее демоном-элементарием. Наконец ее излечил некий чародей, иностранец по имени Анафалангий, который начал угрожать невидимому засольщику ее тела *обнаженной саблей*, пока, наконец, выгнал его. Пселл дает целый катехизис по демонологии в следующих выражениях, поскольку я их помню:

«Вы хотите знать», – спросил чародей, – «уязвимы ли тела духов для сабли или другого оружия!» [281] Да, уязвимы. Удар, нанесенный любым твердым веществом, дает им ощущение боли. И хотя тела их не построены ни из плотной, ни из прочной материи, они все равно чувствуют, ибо у существ, одаренных чувствительностью, не только нервы чувствуют, но также и пребывающий в них дух... тело духа чувствительно в *целом* так же, как в каждой из его частей. Без помощи какого-либо физического органа дух видит, слышит, и если вы его тронете, ощутит ваше прикосновение. Если вы его разделите надвое, он будет ощущать боль точно так же, как ее ощутил бы живой человек, ибо он все еще есть *материя*, хотя и настолько тонкая, что в общем она остается невидимой для нашего глаза... Одно, однако, отличает его от живого человека, а именно: если у человека отняли конечность, ее невозможно присоединить. Но разрежьте *демона* надвое, и вы убедитесь, что они немедленно снова соединятся. Как вода или воздух снова сливаются в одно после прохождения твердого тела [282] чрез них, и точно так же тело демона снова сливается после того, как проникшее в него оружие из раны вынуто. Но, тем не менее, каждый порез причиняет ему боль. *Вот почему демоны боятся острия сабли или любого острого оружия*. Пусть попробуют те, кто хотят посмотреть, как они убегают»

Один из наиболее образованных ученых своего века Бодин, демонолог, придерживался того же мнения, что, как человеческие, так и космические элементарии «весьма боятся сабель и кинжалов». Таково же было мнение Порфирия, Ямвлиха и Платона. Плутарх об этом упоминает много раз. Практикующие теурги хорошо знали и поступали соответственным образом; многие из них утверждали, что «демоны страдают от любого пореза, сделанного на их телах». Бодин рассказывает нам, по этому поводу, замечательную историю в своем труде «О демонах», стр. 292.

«Я вспоминаю», – рассказывает этот писатель, – «что в 1557 году один элементарный демон из тех, кого называют *грозовыми*, упал вместе с молнией и попал в дом сапожника Пудо, и сразу начал бросать камни по всей комнате. Мы подобрали этих камней так много, что

хозяйка дома наполнила ими целый сундук после того, как тщательно закрыла все двери и окна и заперла самый сундук. Но это ничуть не помешало демону доставлять в комнату другие камни, никому, при этом, не причиняя вреда. Латоми, который был тогда *четверть-президентом*,^[283] пришел убедиться, в чем дело. Как только он вошел, дух сразу сбил ему шапку с головы и обратил его в бегство. Так продолжалось более шести дней, пока Жан Могнес, советник *президиума*, не пришел за мною, чтобы я посмотрел на это непонятное явление. Когда я вошел в этот дом, кто-то советовал хозяину помолиться Богу всем сердцем и ходить по комнате, крутя над головой обнаженной саблей. Он это проделал. На следующий день его хозяйка сказала нам, что с того момента, как он это проделал, они больше не слышали ни малейшего шума в доме; но в течение предыдущих семи дней у них не было ни минуты покоя».

Книги о колдовстве средних веков полны таких повествований. Очень редкий и интересный труд Гланвила под заглавием «Триумф саддукейства» может сравниться с трудом вышеупомянутого Бодина, как один из самых лучших. Но теперь мы должны предоставить место некоторым повествованиям более древних философов, которые в одно время и описывают, и объясняют.

По части чудес в первом ряду стоит Прокл. Его перечень фактов, большинство которых он подкрепляет ссылками на свидетелей, иногда – известных философов – потрясающий. Он зарегистрировал многие случаи своего времени, когда обнаруживалось, что умершие в своих гробницах меняли свое лежачее положение на сидячее или стоячее, что он приписывает тому, что они – *лярвы*, и о чем, говорит он, было сказано у Аристия, Эпименида и Гермодора в древности. Он приводит пять таких случаев из истории Клеарха, ученика Аристотеля. 1. Клеонима афинянина. 2. Поликрита, прославившемуся среди эллинов. Историк Номахий повествует, что Поликрит умер, и на девятый день после смерти вернулся. «Хайро Ефесский и другие историки», – говорит Тэйлор, его переводчик, – «свидетельствуют истинность этого факта». 3. В Никополисе то же самое произошло с неким Эуриномусом. Последний ожил на пятнадцатый день после своих похорон и жил еще некоторое время, ведя примерную жизнь. 4. Руфус, священнослужитель из Фессалоники, возобновил свою жизнь на третий день после смерти для того, чтобы совершить некие священные церемонии по обещанию; выполнив это, он умер вторично и больше уже не оживал. 5. Случай с некоей Филонеей, которая жила при царствовании Филиппа. Она была дочерью Демострата и Харито из Амфилоаса. Будучи против воли выдана замуж за некоего Кротера, она вскоре умерла. Но на шестом месяце после ее смерти ожила, как говорит Прокл, «из-за своей любви к юноше по имени Махатес, который приехал к ее отцу Демострату из Пелла». Она посещала его много ночей подряд, но когда это в конце концов открылось, она, или скорее тот вампир, который ее представлял, умерла от бешенства гнева. До этого она заявила, что она действовала таким образом по воле *земных демонов*. Ее мертвое тело после этой второй смерти, лежащее в доме ее отца, видели все жители города. При вскрытии подземелья ее гробницы, она оказалась пустой, в чем убедились ее родственники, которые, сомневаясь в подлинности, пришли удостовериться. Это повествование подтверждено «Письмами Гипарха», а также «Письмами Ариедуса к Филиппу».^[284]

Говорит Прокл:

«Многие из древних собрали исторические данные о тех, кто казались умершими и затем оживали. Среди таких был и натурфилософ Демокрит. В своих писаниях, касающихся Гадеса, он подтверждает, что (речь шла об отдельном случае) смерть не выразилась в полном уходе жизни из тела, но прекращение жизни было вызвано каким-либо ударом или раной; но связи с душой все еще оставались закрепленными где-то в глубине, и сердце сохранило в глубинах своих искру жизни; и раз эта искра

осталась, то она, приспособившись, снова восстановила погасшую было жизнь»

И далее он опять говорит:

«Пусть душа может покинуть тело и снова в него возвращаться, видно по деяниям того лица, которое, по словам Клеарха, пользовалось *духо-притягивающим жезлом* над спящим мальчиком, и которое убедило Аристотеля, как сообщает об этом Клеарх в своем «Трактате о сне», что душу можно отделить от тела, и что она входит в тело и пользуется им, как жилищем. Ибо, ударив этого мальчика жезлом, он извлек из него душу и отвел ее на некоторое расстояние, чтобы продемонстрировать перед присутствующими, что тело мальчика в это время становится бездвижным, хотя оно не повреждено; затем он опять, пользуясь жезлом, привел душу обратно в тело мальчика, и тот рассказал подробности. Из этого опыта и Аристотель, и другие зрители убедились в существовании души отдельно от тела».

Можно считать нелепым, абсурдным, такое частое напоминание колдовства при полном сиянии девятнадцатого века. Но сам век уже состарился; он постепенно приближается к роковому у концу и, кажется, впадает в старческое слабоумие; он не только отказывается припомнить, с какой достоверностью и изобилием факты колдовства были установлены, но и отказывается признать то, что совершалось на его глазах по всему миру в течение последних тридцати лет. После промежутка времени в несколько тысяч лет мы можем сомневаться в магических способностях фессалонийских священнослужителей в «колдовстве», упоминаемых Плинием [56, XXX, 1]; мы можем с недоверием отнестись к сообщению Свайдаса, которое повествует о полете Медеи по воздуху и таким образом забыть, что магия являлась высочайшей областью знания натурфилософии; но как можем мы отделаться от частых случаев точно таких же путешествий «по воздуху», когда они происходят перед нашими собственными глазами и подтверждаются свидетельскими показаниями сотен лиц, находящихся, по-видимому, в здравом уме? Если бы всеобщность распространения могла бы служить доказательством какому-либо верованию, то мало нашлось бы фактов, которые лучше установлены, чем колдовство.

«Каждый народ, от самого грубого до наиболее утонченного, а мы еще могли бы добавить – во все века, верил в сверхъестественные силы, которые мы подразумеваем под этим термином», – говорит Томас Райт, автор книги «Колдовство и магия», скептический член Национального Института Франции. – «Эта вера была обоснована на не менее широко распространенном веровании, что, кроме собственного видимого существования, мы живем в невидимом мире духовных существ, которые часто направляют наши действия *и даже мысли*, и которые обладают в какой-то степени властью над элементами и ходом органической жизни».

Далее, удивляясь тому, как эта таинственная наука процветала повсюду, он отмечает несколько знаменитых школ магии в различных частях Европы и объясняет это поседевшее от времени верование; также он указывает на разницу между колдовством и магией в следующих словах:

«Маг отличается от колдуна тем, что, в то время как последний является *невежественным инструментом в руках демонов*, первый стал их хозяином при могущественном посредничестве науки, которая доступна только немногим, и которой эти существа не в состоянии противиться» [97, т. III].

Это определение, установленное и известное науке времен Моисея, автор выдает, как полученное им «из самых достоверных источников».

Если от этого маловера мы обратимся к авторитету адепта той таинственной науки, к анонимному автору «Искусства магии», мы найдем у следующее указание:

«Читатель может задать вопрос, в чем заключается различие между медиумом и магом?.. Медиум есть человек, через астральный дух которого могут проявляться другие духи, извещающие о своем присутствии различными феноменами. Каковы бы ни были эти явления, медиум только пассивное орудие в их руках. Он *не может приказать* им ни явиться, ни удалиться; *не может* заставить их совершить какое-либо специальное задание, и *не может* направлять их действие. Маг же, наоборот, *может созывать и распускать духов по своей воле*. Он может совершить большие чудеса силою своего собственного духа; он может вызывать и принуждать духовные существа, которые ниже его самого, оказывать ему помощь и совершать преобразования как в одушевленных, так и в неодушевленных телах» [278, с. 159, 160].

Этот ученый автор забыл указать на заметное различие в медиумизме; с которым он, должно быть, очень хорошо знаком. Физические феномены являются результатами манипуляций с силами через физическую систему медиума со стороны невидимых разумов какого-то ни было класса. Одним словом, физический медиумизм зависит от своеобразий организации *физической* системы; духовный медиумизм, который сопровождается проявлениями субъективных, интеллектуальных феноменов, зависит от своеобразия *духовной* природы медиума. Подобно тому, как горшечник из одной глыбы глины делает сосуд для нечистот, а из другой глыбы – сосуд благородного употребления, так и между физическими медиумами пластический астральный дух одного может быть подготовлен для определенной категории объективных феноменов, и астрал другого человека – для другого рода явлений. Если такой медиумизм образовался, то, очевидно, трудно изменить его фазу точно так же, как трудно применить выкованный для специальной цели стальной стержень для других целей. Как правило, медиумы, развившиеся в направлении какого-либо одного класса явлений, редко переходят в другой, но повторяют одни и те же феномены *до бесконечности*.

Психография или непосредственное записывание посланий и сообщений духами требует участия обеих форм медиумизма. Само писание есть объективный физический факт, тогда как содержащиеся в нем мысли могут быть самого возвышенного свойства. Последнее всецело зависит от нравственного состояния медиума. Вовсе не требуется, чтобы он был образованным и писал философские трактаты, достойные Аристотеля, или был бы поэтом и писал стихи, которые делали бы честь Байрону или Ламартину; но от него требуется, чтобы его душа была настолько чиста, чтобы могла служить каналом для духов, которые способны на выражение таких возвышенных мыслей.

В «Искусстве магии» одною из наиболее прелестных картин, преподносимых читателю, является описание невинного малыша-медиума, в чьем присутствии в течение трех последних лет было написано четыре тома рукописей на древнем санскритском языке – написано духами без карандашей, перьев и чернил.

«Достаточно», – говорит автор, – «положить чистые листы бумаги на треножник, тщательно затененный от непосредственных лучей солнца, но так, что остается слабая видимость для глаз внимательного наблюдателя. Ребенок садится на землю и кладет свою голову на треножник, обхватив его ножки своими ручками. В такой позе он обычно спит около часа, и за это время листы, лежащие на треножнике, оказываются исписанными изящным

почерком на древнем санскритском языке».

Это такой замечательный пример психографического медиумизма, так основательно иллюстрирующий вышеприведенные принципы, что мы не можем удержаться от цитирования нескольких строк из этих санскритских писаний, тем более, что в них заключена часть учения герметической философии, касающаяся предшествующих состояний человека, которые мы до этого объясняли менее удовлетворительно.

«До своего прихода на эту землю человек живет на многих землях. Мириады миров кишат в космосе, на которых душа в зачаточном, рудиментарном состоянии совершает свои паломничества, прежде чем доходит до большой и сияющей планеты, называемой Земля, прекрасная функция которой заключается в том, что она должна дать ему *самосознание*. Только на этой точке он – человек. Во всех других этапах своего безбрежного, глухого пути он только зачаточное, эмбриональное существо – мимолетная временная форма материи – тварь, в которой *часть*, но только часть высшей, заключенной в ней души, просвечивает; она – только рудиментарная форма с рудиментарными функциями, все время живущая, умирающая и ведущая смутное духовное существование, такое же рудиментарное, как та материя, из которой оно появляется; она – мотылек, покидающий свою кукольную оболочку, но всегда, в ее беге вперед через новые рождения, новые смерти, новые воплощения, чтобы умирать и снова жить, всегда стремящийся кверху и вперед по головокружительной, страшной, утомительной, скалистой тропе, чтобы просыпаться еще и еще раз материальной формой, чем-то из праха, творением из плоти и крови, но теперь – *человеком*» [278, с. 28].

Однажды в Индии мы были свидетелями испытания по искусству владения психическими силами, своего рода состязании между неким святым *госсейном* (факир, нищий) и колдуном (так называемый фокусник), что припомнилось нам в этой связи. До этого мы обсуждали соответственные силы питри, – до-Адамовых духов, помощью которых пользовался факир, и невидимых помощников колдуна. Договорились устроить испытание, и пишущая эти строки, была избрана третьей судьей. Мы предавались полуденному отдыху у небольшого озера в Северной Индии. На гладкой поверхности озера плавало множество водяных цветов и большие блестящие листья. Факир, приложив свой лист к груди, скрестил над ним руки и мгновенно погрузился в транс. Затем, перевернув лист поверхностью вниз, он положил его на воду. Колдун же прикинулся, что он в силах управлять «хозяином вод», то есть духом, который обитает в воде; и хвастал, что он заставит водяного духа предотвратить питри от какого-либо проявления на листе факира в своем элементе. Он взял свой лист и швырнул его в воду, предварительно проделав обряд варварского заклинания. Лист произвел сильное волнение, тогда как другой лист оставался совершенно бездвижным. По истечении нескольких секунд оба листа были вынуты. На листе факира, к великому негодованию колдуна, мы обнаружили что-то похожее на симметрический рисунок, намеченный мелочно-белыми письменами, точно сок этого растения был употреблен в качестве едкой жидкости для письма. Когда лист подсох, и представилась возможность его тщательно изучить, то нанесенные знаки оказались необычайно изящным санскритскими письменами, в целом, представляли собой изречение высоконравственного содержания. Считаем нужным добавить, что сам факир не умел ни читать, ни писать. На листе же колдуна были обнаружены черты наиболее злобного лица. Так что каждый лист носил на себе отпечатки или аллегорическое отражение характера состязующегося указывал на качество духовных существ, которыми он был окружен. Но к глубокому сожалению, мы опять

должны оставить Индию с ее голубым небом и таинственным прошлым, религиозными последователями и вещами волшебниками и на волшебном ковре историка перенестись обратно в затхлую атмосферу Французской Академии.

Чтобы оценить по достоинству робость, предвзятость и поверхностность, которыми отмечено обращение с психологическими проблемами в прошлом, мы предлагаем просмотреть книгу, которая лежит перед нами. Это – «History du Merveilleux dans les Temps Modernes». Этот труд издан автором, ученым доктором Фигюйером, и кишит цитатами наиболее выдающихся авторитетов по физиологии, психологии и медицине. Доктор Калмейл, хорошо известный главный директор Чарентона, знаменитой психиатрической лечебницы Франции, является этим здоровенным Атлантом, который на своих могучих плечах выносит всю тяжесть эрудиции этого мира. В качестве созревшего плода мысли 1860 года его сочинение должно навсегда сохранить за собой место среди самых любопытных трудов искусства. Движимый незнающим покоя демоном науки, полный решимости убить суеверие – и, заодно и спиритизм одним ударом – автор дает нам сводку-обзор о всех наиболее замечательных случаях медиумистических феноменов за последние два столетия.

Его обсуждение охватывает исторические эпидемии пророчествования Севенны, Камисарды, янсенистов, аббата Париса, а также другие эпидемии, которые мы будем упоминать по возможности короче, так как они в течение последних двадцати лет описывались каждым писателем, касавшимся темы этих феноменов. То, что мы хотим опять вынести на обсуждение, не есть сами *факты*, а только отношение к этим фактам как с ними обращались те, кто в качестве признанных авторитетов науки тем более несли ответственность за правильное их освещение. И если мы сейчас знакомим читателей с вышеупомянутым полным предвзятости автором, то мы делаем это только для того, чтобы наглядно показать, чего могут ожидать оккультные факты и проявления от ортодоксальной науки. Если наука так обращалась с известными по всему миру психологическими эпидемиями, что же тогда может побудить материалиста к серьезному изучению других феноменов, столь же достоверных, сколько интересных, но менее популярных? Следует запомнить, что доклады, сделанные разными комитетами своим академиям в свое время, и протоколы судебных трибуналов все еще существуют и по ним можно навести справки с целью проверки. Вот из каких безупречных источников доктор Фигюйер собрал материалы для своей необычной книги. Мы должны дать читателю, по меньшей мере, сущность его ни с чем несравнимых аргументов, которыми автор стремится стереть в порошок всякое проявление сверхъестественности, и вместе с этим дать комментарии знатока демонологии де Мюссе, который в своих сочинениях [101] нападает на скептического автора, как тигр на свою добычу.

Из схватки этих двух противников – материалиста и набожного церковника – непредубежденный исследователь может снять хороший урожай.

Мы начнем с «трясунов» Севенны, с эпидемии, поразительные феномены которой происходили во второй половине 1700 г. Беспощадные меры, примененные французскими католиками, чтобы искоренить дух пророчеств из целого населения местности, являются историческим фактом и не нуждаются, чтобы их здесь повторяли. Однако только тот факт, что горсточка мужчин, женщин и детей, числом не более 2000, могли сопротивляться годами королевским войскам, число которых, вместе с милицией, достигало 60000 человек, одно это уже удивительно само по себе. Все эти чудеса запротоколированы, и *procus verbaux* того времени хранятся в архивах Франции доньше. Между прочим, существует официальный доклад, который был послан в Рим свирепым аббатом Чейла, настоятелем Лаваля, в котором он жалуется, что *Злой Дух* настолько могущественен, что никакие муки, никакие инквизиторские пытки не в состоянии выгнать его из севеннских жителей. Он добавляет, что он клал их руки на

горячие уголья, и они даже не были опалены; что он завертывал, человека целиком в *вату*, намоченную в масле, и поджигал, и что во многих случаях после этого на коже не обнаруживали ни единого волдыря; что стреляли в них ядрами и находили ядра расплюснутыми между одеждой и кожей, без малейшего вреда человеку и т. д. и т. д.

Приняв все вышесказанное в качестве основы для своих ученых аргументов, вот что говорит доктор Фигюйер:

«К концу семнадцатого века некая старая дева привезла в Севенну дух пророчеств. Она передает его (?) молодым парням и девушкам, которые, в свою очередь, испаряют его и распространяют в окружающей атмосфере... Дети и женщины становятся наиболее восприимчивыми к заразе (том II, стр. 261). Мужчины, женщины и *младенцы* под вдохновением говорят не на обычном местном *диалекте*, но на чистейшем французском – языке в то время совершенно неизвестном в той местности. Дети двенадцати месяцев от роду и даже еще меньше, как мы узнаем из протоколов, которые до этого едва были в состоянии произнести несколько коротеньких слогов, бегло говорили и пророчествовали».

«Восемь тысяч пророков», – говорит Фигюйер, – «были рассеяны по всей стране: посылали за докторами и выдающимися врачами».

Половина медицинских училищ Франции, в том числе факультет Монпелье, поспешили на место происшествия. Состоялись совещания, и сами врачи заявили, что они

«в удивлении и в восхищении от того, что слышат, как молодые девушки и парни, невежественные и неграмотные, произносят речи о предметах, *которых они никогда не изучали*» [280, т. ii, с. 262].

Приговор, произнесенный Фигюйером в адрес своих предательских собратьев по профессии за то, что они так восторгались молодыми пророками, гласил:

«Они сами не понимают, чему были свидетелями» [280, т. ii, с. 262].

Многие из этих пророков, вопреки воли тех, кто пытался разрушить эти чары, передавал свой пророческий дух [280, т. ii, с. 265]. Значительная часть их была *в возрасте между тремя и двенадцатью годами*; другие были еще *грудными младенцами*, и ясно и четко говорили по-французски [280, т. ii, с. 267, 401, 402]. Эти беседы, которые часто продолжались по несколько часов, были бы не под силу маленьким ораторам, если бы они находились в своем нормальном состоянии [280, т. ii, с. 266 и далее, 400].

«Ну», – спросит читатель, – «каково значение такой серии чудес, раз уж Фигюйер их всех допускает в своей книге?» – «Никакого значения нет! Ничего не было», – отвечает он, «кроме эффекта *мгновенной экзальтации умственных способностей*» [280, т. ii, с. 403]. Эти явления», – добавляет он, – «наблюдаются при многих мозговых заболеваниях».

«*Мгновенная экзальтация, длящаяся много часов в мозгах младенцев в возрасте одного года отроду*, еще не отнятых от груди, но уже говорящих на хорошем французском языке прежде, чем выучились произносить хотя бы одно слово на своем местном *диалекте*! О, удивительный феномен физиологии! Чудо – должно быть имя твое!» – восклицает де Мюссе.

«Доктор Калмейл в своем труде по умственным расстройствам», – замечает Фигюйер, – «когда рассматривает экстатическую *теоманию* кальвинистов, приходит к заключению, что это заболевание должно быть приписано «просто к **истерии**, а более тяжелые случаи этого

заболевания – к *эпилепсии*». Мы скорее склоняемся к мнению», – говорит Фигюйер – «что это была болезнь *sui generis*, и, чтобы присвоить ей соответствующее имя, мы должны удовлетвориться названием *конвульсивные трясуны Севенны*» [280, т. i, с. 397].

Опять *теомания* и *истерия*! Медицинские корпорации, должно быть, одержимы неизлечимой *атомоманией*; иначе с чего ради они стали бы выдавать такие нелепости за науку и надеяться, что они будут приняты?

«Такова была монашеская страсть к изгнанию бесов и к *поджариванию*», – продолжает Фигюйер, – «что монахи всюду видели бесовское одержание, когда они ощущали нужду в чудесах или для того, чтобы пролить больше света на всемогущество Дьявола, или для того, чтобы обеденный котел в монастыре всегда кипел» [280, т. i, с. 26—27].

За этот сарказм набожный де Мюссе выражает сердечную благодарность Фигюйеру; ибо, как он отмечает:

«он является первым писателем во Франции, который к нашему удивлению, *не отрицает* феномена, уже давно ставшего *неотрицаемым*. Будучи движим высокомерным чувством превосходства и даже презрения к методам, использованным его предшественниками, доктор Фигюйер хочет, чтобы его читатели знали, что он *не* пойдет их путями. «Мы не будем отрицать *факты*, как незаслуживающие внимания», – говорит он, – «лишь потому, что они не укладываются в нашу систему. Наоборот, мы соберем все факты, какие нам передала история... и которые, следовательно, имеют право на доверие; и на целой массе таковых фактов мы обоснуем *естественное объяснение*, которое мы, в свою очередь, в качестве продолжения передадим тем ученым, которые предшествовали мне в исследовании этого предмета»» [104, с. 452].

Вслед за тем доктор Фигюйер продолжает [280, т. i, с. 238]. Он делает несколько шагов, и, перейдя прямо к трясунам Сент Мидарда, приглашает читателей внимательно взглянуть под его руководством в чудеса, которые для него лишь простые явления природы.

Но прежде чем продолжать передачу мнений доктора Фигюйера мы должны освежить в памяти читателя то, что по свидетельству истории, называется янсенистскими чудесами.

Аббат Парис – янсенист, умерший в 1727 г. Сразу же после его смерти у его могилы стали происходить наиболее поразительные чудеса. На кладбище с утра до вечера толпился народ. Иезуиты, раздраженные тем, что еретики совершают чудеса исцеления и другие деяния, добились от магистрата приказа закрыть все доступы к могиле аббата. Но несмотря на все противодействия, чудеса продолжали совершаться более двадцати лет. Епископ Дуглас, который специально с этой целью посетил Париж в 1749 г., посетил это место и сообщил, что чудеса по-прежнему продолжают среди трясун-конвульсионеров. Когда все усилия к их прекращению ни к чему не привели, католическое духовенство было вынуждено признать их реальность, но само отмежеввалось, как обычно, Дьяволом. Юм в своих «Философских эссе» говорит:

«Несомненно, никогда одному лицу не приписывалось столько чудес, сколько их совершается, как сообщают, в последнее время во Франции у могилы аббата Париса. Исцеления больных, возвращение слуха глухим и зрения слепым всюду обсуждаются и приписываются воздействию святой гробницы. Но что наиболее удивительно так это то, что достоверность многих чудес устанавливается немедленно *тут же на месте*, перед лицом выдающихся и заслуживающих полного доверия судей в нашем ученом веке и в самом выдающемся центре просвещения... также иезуиты, несмотря на свою ученость и поддержку магистрата и определенных лиц, враждебных к таким явлениям,

не в состоянии ни отрицать этих явлений ни толком объяснить их... таково свидетельство истории» [281, с. 195].

Доктор Миддлтон в своем «Свободном исследовании», книге, которую он написал в период, когда манифестации пошли на убыль, то есть приблизительно 19 лет спустя после того, как они впервые появились, заявляет, что свидетельства об этих чудесах не менее достоверны, чем свидетельства о деяниях апостолов.

Феномены, так хорошо засвидетельствованные перед магистратурой, назло католическому духовенству, являются наиболее удивительными в истории. Карре де Монтджерон, член парламента и человек, прославившийся своими связями с янсенистами, тщательно перечисляет их в своем труде. Труд состоит из четырех томов, первый из них посвящен королю, озаглавленный: «*La Verit  des Miracles operes par l'Intercession de M. de Paris, demonstr e contre l'Archeveque de Sens. Ouvrage dedi  au Roi, par M. de Montgeron, Conseiller au Parlement*». Автор приводит обширные персональные и официальные доказательства правдивости каждого случая. За то, что Монтджерон *непочтительно* отзывался о римском духовенстве, его бросили в тюрьму Бастилии, но его труд был принят.

А теперь обратимся ко взглядам доктора Фигюйера на эти замечательные и бесспорно исторические феномены.

«Трясуня отгибается назад, образуя арку; ее поясница поддерживается только заостренным концом кольшка», – цитирует этот ученый автор из протокола. – «Она умоляет доставить ей удовольствие, а именно – чтобы ее колотили камнем весом 50 фунтов, ^[285] подвешенный на веревке, проходящей через блок на потолке. Камень на веревке поднимают до потолка, опускают и он всем весом падает на живот девушки, причем ее спина все время опирается на заостренный конец кольшка. Монтджерон и многочисленные другие свидетели показали, что ни плоть, ни кожа ее спины не носила ни малейших признаков повреждения, и что девушка, чтобы доказать, что удары не причиняют ей никакой боли, все время кричала: «Ударяйте сильнее, – сильнее!»

«Жанна Мол , девушка лет двадцати, прислонившись к стене спиной приняла на свой живот сотню ударов молотком весом 30 фунтов; удары наносились очень сильным человеком и были так ужасны, что сотрясали стену. Чтобы проверить силу ударов, Монтджерон испытывал их об каменную стену, к которой прислонилась девушка... Он достал один из инструментов янсенистского врачевания, так называемый „GRAND SECOURS“. „При двадцать пятом ударе“, – пишет он, – „камень, по которому я ударил и который уже был расшатан предыдущими ударами, вдруг высвободился и вывалился по другую сторону стены, оставив отверстие больше полуфута размером“. Когда удары с силою наносились по железному бураву, приставленному к животу трясуни (которая всего лишь слабая женщина), „казалось“, – говорит Монтджерон, – „что бурав проникнет до спины, порвав все внутренности, вследствие сильных ударов“ (том I, стр. 380). „Но ничего подобного не происходит, наоборот, трясуня с выражением совершенного восторга на лице выкрикивает: „О, как восхитительно! Как мне хорошо! Сильнее, брат; бей вдвое сильнее, как только можешь!“» «Теперь», – продолжает доктор Фигюйер, – «остается только постараться объяснить странный феномен, который мы описали».

«В введении к нашей книге мы сказали, что в середине девятнадцатого столетия одна из наиболее знаменитых эпидемий одержания вспыхнула в Германии – люди «вне себя» совершали удивительные чудеса, каких не слыхали со дней Сент Медарда, и даже более то кто кувыркался, кто ВОСХОДИЛ ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ, кто говорил на ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ» [280, с. 401].

Официальный рапорт о чудесах, более полный, чем записи Фигюйера, добавляет следующие подробности:

«Лица, подвергшиеся психической эпидемии, часами стояли вместе на головах и в таком состоянии правильно описывали отдаленные события, в том числе и такие, которые впоследствии были проверены. Мужчины и женщины невидимою силою поднимались на воздух и там зависали; и даже объединенных усилий членов комитета оказалось недостаточно, чтобы стащить их на землю. Старые женщины взбирались, лезли вверх по перпендикулярной стене высотой в 30 футов^[286] с ловкостью диких кошек и т. д. и т. д.»

Теперь, казалось бы, можно ожидать от этого ученого критика, выдающегося врача и психолога, который не только верит в такие невероятные феномены, но и сам описывает их во всех подробностях и, так сказать, *con amore*,^[287] что он обязательно поразит читающую публику объяснением столь необычным, что его научные взгляды создадут что-то вроде новой эры в неисследованных областях психологии. И что же, он действительно поразил нас тем, что на все спокойно заметил:

«Чтобы прекратить психические расстройства трясуннов или трясунний, надо было их только женить или выдать замуж!» [240, с. 401]

На этот раз де Мюссе решительно одолел своего противника:

«Жениться, вы понимаете это?» – замечает он. – «Замужество вылечивает их от способности, подобно мухам, лазить по отвесным стенам и говорить на иностранных языках. О! какие любопытные свойства имело замужество в те дни!»

«Следует добавить», – продолжает Фигюйер, – «что фанатикам Сент Медарда никогда не наносились удары, как только во время приступов конвульсий. Поэтому доктор Калмейл выдвигает мысль о брюшном метеоризме, *состоянии спазм* женской матки, пищеварительного тракта во всех случаях, *состоянии сокращения, эретизма, тургесценции плотских покровов мышечных тканей*, покрывающих живот, грудь, главные сосудистые массы и костные поверхности, *что и могло послужить единственной причиной смягчения и даже сведения на нет* силы ударов!»

«Удивительное сопротивление, какое кожа, альвеолярные ткани, поверхности тела и конечностей трясуннов оказывали орудиям, которые могли бы сокрушить их, – вызывает больше удивления. Тем не менее, это можно объяснить. Эта сила сопротивления, эта нечувствительность, кажется, являются следствием тех чрезвычайных изменений в чувствительности, которые происходят в организме животного вовремя большого возбуждения. Гнев, страх, одним словом, каждая страсть, лишь бы она была доведена до пароксизма – может создать эту нечувствительность...» [240, т. II, с. 410, 411]

«Отметим, кроме того», – цитирует Фигюйер возражения доктора Калмейла, – «что удары по телам трясунний наносились массивными предметами с плоскими или закругленными поверхностями или же были цилиндрическими и тупыми [240, т. ii, с. 407]. Воздействие таких физических орудий несравнимо по опасности с воздействием веревки и других гибких предметов, а также таких, которые имеют острые кромки. Короче говоря, соприкосновение и

толчки, произведенные трясуньям, оказывали на них воздействие благотворного массажа, облегчающего им страдания, причиняемые **истерией**».

Просим читателя обратить внимание на то, что вышеприведенное высказывание не сказано в шутку, а высказано, как трезвая теория, одним из наиболее выдающихся французских врачей, убеленными сединой и опытом, главным директором Государственного Чарентонского приюта для душевнобольных. В самом деле, вышеприведенное объяснение может привести читателя к странным подозрениям. Нам пришло в голову, что, возможно, что доктор Калмейл находился в обществе вверенных его заботам сумасшедших пациентов на несколько лет больше, чем это полезно для здорового функционирования его собственных мозгов.

Кроме того, когда Фигюйер говорит о массивных предметах, цилиндрических или закругленных формах, он совсем забывает острые сабли, заостренные железные кольшки и топоры, которым он сам дал графическое описание на 409 странице первого тома. Им самим описан брат Эли Марион, наносящий со страшною силою острием ножа себе удары в живот, причем «тело его остается неуязвимым, точно оно сделано из железа».

Дойдя до этого места, де Мюссе теряет всякое терпение и с негодованием восклицает:

«Вполне ли проснулся этот ученый врач, когда писал вышеприведенные высказывания?.. В случае, если, доктора Калмейл и Фигюйер серьезно намерены поддержать свои утверждения и настаивать на правильности выдвинутых ими теорий, мы готовы ответить им следующим образом: Мы очень хотим вам поверить. Но прежде чем совершать такое сверхчеловеческое усилие снисхождения, мы хотим вас попросить продемонстрировать нам истину вашей теории более практическим образом! Давайте, например, возбудим в вас буйную, ужасную страсть, гнев, бешенство – по вашему выбору. Вы должны разрешить нам на короткое время стать в ваших глазах раздражающими, грубыми, оскорбительными. Разумеется, мы хотим быть такими только по *вашей просьбе* и в интересах науки и вашего дела. По договоренности наша обязанность будет состоять в том, что мы будем вас всячески поносить и вызывать вас на последние крайности. Это должно происходить в собрании перед публикой, которая ничего не должна знать о нашем с вами соглашении, но перед которой вы должны изложить свои теории; а мы будем вас оскорблять... мы скажем вам, что ваши писания – подстроенные засады истине: что они – оскорбление здравому смыслу и позор, какой только бумага может вынести, и за который вас надо публично выпороть. Мы добавим, что *вы лжете науке*, лжете в уши невежественных, глупых дураков, собравшихся с раскрытыми ртами вокруг вас, подобно толпе вокруг торгующего снадобьями знахаря... И когда вы будете вне себя, с раскрасневшимся лицом, *раздувшись* от гнева, – у вас тогда произойдет *смещение флюидов*; и когда ваш гнев дойдет до точки, где можно лопнуть, – мы тогда подвергнем ваши *тургесцентные* мышцы мощным ударам; ваши друзья покажут нам наиболее нечувствительные места на вашем теле и мы обрушим на них настоящие лавины камней... ибо так обращались с телами трясуний, чьи аппетиты по ударам были ненасытны. Но для того, чтобы доставить вам удовлетворение от *благотворного массажа* – как вы это восхитительно выразили – по вашим конечностям будем бить только такими предметами, *которые имеют тупые поверхности*, и цилиндрической формы дубинами и палками, лишенными гибкости, и, если вы предпочитаете, гладко обработанными на токарном станке».

Де Мюссе настолько великодушен, настолько полон решимости предоставить своим

противникам все возможности доказать правильность своей теории, что предлагает им заменить себя на этом опыте своими женами, матерями, дочерьми и сестрами, «так как», – говорит он, – «вы же сказали, что слабый пол в этих смущающих испытаниях более силен и устойчив».

Нет надобности говорить, что вызов Мюссе остался без ответа.

Глава XI

Психологические и физические чудеса

«Странно состояние человеческого ума, которому, кажется, необходимо долго скитаться дорогами заблуждений, прежде чем он осмелится приблизиться к ИСТИНЕ».

Магенди.

«Истина, которую я защищаю, запечатлена на всех памятниках прошлого. Чтобы понять историю, следует изучить символы древности, священные знаки духовенств, и искусство лечения примитивных времен, искусство забытое сегодня».

Барон дю Потэ.

«Вечная истина, что накопившиеся и лежащие в беспорядке факты начинают приобретать некоторую стройность, если бросить на них гипотезу».

Герберт Спенсер.

А теперь мы должны приступить к поискам в истории магии, чтобы найти случаи, подобные тем, какие описаны в предыдущей главе. Нечувствительность человеческого тела к тяжелым ударам и сопротивление проникновению в него острого оружия и ружейных пуль является феноменами, достаточно знакомыми во все времена и во всех странах. В то время, как наука совершенно не в состоянии дать сколько-нибудь разумного объяснения этой тайне, этот вопрос, кажется, не представляет никаких трудностей для месмеристов, которые хорошо изучили свойства этого флюида. Человек, который несколькими пассажами, проделанными над конечностью, вызывает в ней местный паралич в такой степени, что конечность делается совершенно бесчувственной к ожогам, порезам, втыканиям иголок, не будет очень удивляться феноменам янсенистов. Что касается адептов магии, особенно в Сиаме и в Восточной Индии, то они слишком хорошо знают свойства *акаши*, таинственного жизненного флюида, чтобы даже не рассматривать нечувствительность трясуний, как великий феномен. Астральный флюид может быть уплотнен около человека до такой степени, что он образует вокруг него эластичную оболочку, абсолютно непроницаемую для какого-либо физического предмета, независимо от того, с какой скоростью этот предмет был устремлен. Одним словом, этому флюиду может быть придана сила сопротивления, превышающая силу сопротивления воды и воздуха.

В Индии, Малабаре и в некоторых местах Центральной Африки знахари свободно разрешают любому путешественнику стрелять в них из ружья или револьвера, не прикасаясь самим ни к оружию, ни к пулям. В труде Леинга «Путешествия по землям Тамани, Куранкос и Сулимас» имеется описание английского путешественника, впервые посетившего племя Сулимас близ истоков Дайлиба, где он описывает любопытную сцену, как отряд отборных солдат стрелял в вождя, у которого единственным оружием защиты служил талисман. Хотя ружья солдат были заряжены. Надлежащим образом и хорошо нацелены, ни одна пуля не задела вождя. Салверт дает подобное же описание в своей «Философии оккультных наук»:

«В 1586 г. принц Оранжский приговорил одного испанского военнопленного к расстрелу в Жулье; солдаты привязали его к дереву и стреляли, но он оставался неуязвимым. Наконец они сорвали с него одежду, чтобы узнать, какую броню он носит на своем теле, но нашли только *амулет*. Когда амулет с него сняли, он *упал мертвым от первого выстрела*».

Это совсем другое дело, а не трюк, к которому прибег Гудини в Алжире. Он сам изготовил пули из топленого сала, зачернив их копотью, а затем, пользуясь своею ловкостью рук, заменил ими настоящие пули; арабские шейхи, не подозревая обмана, заложили их в свои пистолеты. Простодушные туземцы, не знающие ничего другого, кроме настоящей магии, которую они унаследовали от своих предков, и которая всегда требовала одного совершенства, без знания, почему и как это происходит, увидя, что по их мысли, Гудини добивается тех же результатов, что и они, но в значительно более внушительных размерах, вообразили, что Гудини гораздо больший маг, чем они сами. Многие путешественники, включая также и пишущую эти строки, были свидетелями этой неуязвимости в обстановке, где обман был невозможен. Несколько лет тому назад в одной африканской деревне жил абиссинец, который прослыл колдуном. Однажды группа европейцев, едущих в Судан, час или два забавлялись тем, что стреляли в него из пистолетов и ружей – эту привилегию он предоставил им за пустячную плату. Некий француз, по имени Ланглуа, пять раз подряд выстрелил в него, причем дула огнестрельного оружия находились на расстоянии двух ярдов^[288] от его груди. После каждого выстрела одновременно со вспышкой пуля показывалась из дула и трепеща в воздухе, описывала короткую параболу и, не причинив вреда, падала на землю. Один немец из этой группы, отправившийся за страусовым и перьями, предложил этому магу пятифранковую монету за право выстрелить в него таким образом, чтобы дуло соприкасалось с телом. Человек сначала отказывался; но потом, под влиянием каких-то внутренних мотивов, согласился. Экспериментатор тщательно зарядил ружье и, прижав дуло к груди колдуна, после непродолжительных колебаний выстрелил... ствол разлетелся на куски до приклада, а человек остался невредимым.

Это качество неуязвимости может быть передано людям как адептами, так и духами. В наши дни несколько пользующихся известностью медиумов часто в присутствии наиболее заслуживающих доверия свидетелей брали в руки горящие уголья и в самом деле опускали лицо в огонь, не опалив при этом ни одного волоска, они даже клали горящие угли на головы и руки рядом стоящих людей, как это было сделано с лордом Линсеем и с лордом Эдейром. Хорошо известный рассказ о вожде индейцев, который признался Вашингтону, что при защите Брэддока он с небольшого расстояния семнадцать раз выстрелил в него, но безрезультатно; должен припомниться читателю в этой связи. Про многих великих полководцев у солдат сложилось поверье, что они являются обладателями «заколдованной жизни». Говорили, что принц Эмиль фон Сейн-Витгенштейн, генерал русской армии, был одним из них.

Та же самая сила, которая позволяет одному сгустить астральный флюид настолько, что он образует непроницаемую оболочку вокруг человека, может быть использована для того, чтобы послать смертоносную стрелу данному объекту. Много мрачного мщенья было осуществлено этим способом; и в таких случаях никакой следователь никогда не обнаружит истинной причины смерти и припишет ее сердечной болезни, апоплексическому удару или к какой-нибудь другой естественной причине. Многие люди крепко верят, что некоторые личности обладают силою «дурного глаза». В *малоччио* или *джеттатуру* верят по всей Италии и Западной Европе. Римскому папе приписывают, что он (вероятно бессознательно) является обладателем этого неприятного дара. Существуют люди, которые убивают жабу просто тем, что смотрят на нее, и могут даже убить человека. Зловредность их желания фокусирует силы зла, и

смертельная стрела несетя точно винтовая пуля.

В 1864 г. во французской провинции Ле Вар близ небольшой деревни Бриньоль жил крестьянин по имени Жак Пелиссье, который зарабатывал себе на жизнь тем, что убивал птиц просто *силою воли*. Это хорошо описано известным доктором д'Алжиром, по просьбе которого этот единственный в своем роде охотник демонстрировал перед несколькими учеными свой метод охоты. В описании рассказывается:

«Приблизительно в 15 или 20 шагах от меня я увидел маленького лугового жаворонка, на которого и указал Жаку. „Смотрите хорошенько, мосье“, – сказал он, – „он мой“. Мгновенно протянув свою правую руку по направлению к птице, он стал к ней медленно приближаться. Полевой жаворонок стоит, поднимает и опускает свою хорошенькую головку, раскрывает свои крылышки, но взлететь не может; наконец, он не может сделать ни шагу и позволяет взять себя, лишь слабо трепеща крылышками. Я исследую эту птицу; ее глаза плотно закрыты, а тело трупоподобной жесткости, хотя биение сердца ощущается очень отчетливо; это настоящий каталептический сон; весь этот феномен носит признаки неоспоримо магнетического воздействия. В течение одного часа четырнадцать малых птиц было взято таким образом. Ни одна не могла устоять против мощи мастера Жака, и все носили на себе признаки каталептического сна; сна, который, кроме того, оканчивался по воле охотника, чьими рабами они стали.

Сотню раз, пожалуй, я просил Жака возвратить жизнь и способность движения своим пленникам, очаровывать их только наполовину, чтобы они могли прыгать по земле, а затем снова погружать их в полный сом. Все мои просьбы были в точности выполнены, ни одной ошибки не было у этого замечательного Нимрода, который наконец сказал мне: «Если вы хотите, я умерщвлю окончательно тех, которых вы мне укажете, и сделаю это без прикосновения к ним». Я указал ему двух, опыта ради, находящихся на расстоянии двадцати пяти или тридцати шагов, и он выполнил свое обещание за менее, чем пять минут».^[289]

В данном случае имеется одна любопытная особенность: Жак обладал полной властью только над воробьями, малиновками, щеглами и полевыми жаворонками; иногда он мог заморозить небесного жаворонка, но, как выразился Жак, – «они часто убегают от меня».

В большей мере тою же самою силою пользуются лица, известные как укротители диких зверей. На берегах Нила некоторые из туземцев могут с помощью своеобразного мелодичного посвистывания заставить крокодилов выйти из воды и безнаказанно с ними обращаться; другие же обладают такою же властью над самыми смертельными змеями. Путешественники рассказывают, что они видели очарователей змей, окруженных множеством рептилий, которыми они распоряжались, как им угодно.

Брюс, Хасселквист и Лемприер^[290] свидетельствуют о факте, который они наблюдали в Египте, Марокко, Аравии и в особенности в Сенае: некоторые туземцы совершенно не опасались укусов наиболее ядовитых ехидн так же, как и ужалений скорпионов. Они обращались и играли с ними свободно и по собственному желанию приводили их в состояние онемения.

«Зря латинские и греческие писатели», – говорит Салверт, – «уверяли нас, что дар очаровывать змей унаследовался в некоторых семьях с незапамятных времен, что в Африке им владели *псилли*, в Италии – *марсы* и на Кипре – *офиозены*. Скептики забывают, что в Италии, даже в начале шестнадцатого века, люди, претендующие на то, что они ведут свое происхождение от святого Павла, не боялись, подобно *марсам*, змеиных укусов» [123, т. i].

«Сомнения на этот счет», – продолжает он, – «отпали со времени французской экспедиции

в Египет, и приведенные повествования засвидетельствовали тысячи свидетелей. Псилли, которые, по словам Брюса, претендуют на обладание этой способностью... ходили из дома в дом, чтобы уничтожать всякого рода змей... Удивительный инстинкт привлекал их к тем местам, где прятались змеи. Свирепо завывая, они яростно хватали их и рвали на куски ногтями и зубами».

«Пусть заматерелый скептик», – говорит Салверт, – «отнесет к шарлатанству это завывание и ярость, но все же инстинкт предупреждал *псилли* о присутствии змей, значит, тут есть кое-что более реальное».

На Антилах негры обнаруживают присутствие змеи, которую они не видят [287].

«В Египте обладали тою же способностью и теперь еще обладают лица, приученные к этому с детства и родившиеся в семьях с приписываемым им даром охотников за змеями; эти люди чувствуют присутствие змеи на значительно большем расстоянии, чем это доступно притупленным чувствам европейца. Главный факт, больше всего, способность сделать опасных животных безвредными, бессильными одним только прикосновением к ним остается хорошо удостоверенным, и мы, может быть, никогда не поймем лучше этого секрета, фигурировавшего в празднествах древних и сохраненного до наших дней наиболее невежественными из людей» [123].

Всем нравится музыка. Тихое посвистывание, мелодичная песнь или звуки флейты неизменно привлекают рептилий в странах, где они водятся. Мы неоднократно убеждались в правдивости этого факта. В верхнем Египте каждый раз, когда наш караван останавливался, молодой путешественник, считавший себя превосходным флейтистом, услаждал слух спутников своею игрою. Погонщики верблюдов и другие арабы неизменно прекращали его игру, так как им несколько раз досаждали неожиданные появления различных семейств из племени пресмыкающихся, которые обычно уклоняются от встречи с людьми. Наконец, наш караван встретился с партией путников, среди которых были профессиональные очарователи змей. Они пригласили нашего флейтиста продемонстрировать ради опыта перед ними свое искусство. Как только он заиграл, послышался легкий шорох, и музыкант пришел в ужас, внезапно увидев большую змею, внезапно появившуюся в опасной близости у его ног. Змея с поднятой годовой и глазами, сосредоточенными на нем, медленно и как бы бессознательно повторяла все его движения. Затем на расстоянии показалась вторая, третья и четвертая змеи, за которыми быстро следовали другие, и мы очутились в очень избранной компании. Несколько путешественников забрались на спины своих верблюдов, другие же искали убежище в палатке-столовой. Но это была напрасная тревога. Очарователи змей, трое числом, начали свои напевы и заклинания и, привлекая этим пресмыкающихся к себе, вскоре оказались покрыты ими с головы до ног. Как только змеи приближались к людям, они проявляли признаки оцепенения и вскоре погружались в глубокую каталепсию. Глаза их были полузакрыты и остекленелые, а головы поникали. Осталась только одна не подчинявшаяся, большая, глянцевиная черная змея с пятнистой кожей. Эта «меломанка» из пустыни продолжала грациозно изгибаться и подскакивать, точно она танцевала на хвосте всю свою жизнь, и притом проделывала все это в такт музыке. Эта змея не поддавалась «чарованию» арабов, но продолжала медленно скользить по направлению флейтиста, который наконец убежал. Современный псиллиан вынул из своей сумки наполовину увядшее растение и начал размахивать им по направлению змеи. Растение имело сильный запах мяты, и как только пресмыкающееся учуяло его, оно последовало за арабом, все еще стоя на хвосте, оно старалось приблизиться к растению. Еще несколько секунд, и «традиционный враг человека» уже обвивался вокруг руки чарователя и в свою очередь вступил в стадию оцепенения, и вся эта уйма змей потом была сброшена в пруд после того, как им отсекли головы.

Многие думают, что такие змеи заранее подготовлены и натренированы для этой цели, или же у них вырваны ядовитые зубы или защиты рты. Несомненно, могут быть низкопробные фокусники, из трюков которых и возникло такое представление. Но *настоящие* заклинатели змей слишком хорошо установили свою репутацию на Востоке, чтобы прибегать к таким приемам. По этому поводу существуют свидетельские показания слишком заслуживающих доверия путешественников, в том числе и ученых, чтобы не обвинять их в шарлатанстве. Что очарованные змеи, которых заставляют танцевать и стать безвредными, все еще ядовиты, установлено Форбсом.

«Или оттого, что музыка внезапно прекратилась», – говорит он, – «или по какой-то другой причине, змея, танцевавшая внутри круга, образованного зрителями сельской местности, кинулась на зрителей и ужалила в горло молодую женщину, которая умерла в муках полчаса спустя» [288, т. i, с. 44; т. II, с. 387].

По рассказам путешественников, негритянки Голландской Гвианы, женщины Обеах, не превзойдены в укрощении очень больших змей, называемых *амодитес* или *papa*; они заставляют их спускаться с деревьев и следовать за ними просто тем, что говорят им [289, т. iii, с. 64, 65].

Мы видели в Индии небольшое братство факиров, поселившихся вокруг маленького озера или, вернее, пруда с водой, дно которого было буквально выстлано огромными крокодилами. Эти чудовищные амфибии выползают, греются на солнце в нескольких футах от факиров, причем некоторые из последних могут находиться в бездвижимости, погруженные в молитву и созерцание. До тех пор, пока виден хотя бы один из этих святых нищих, крокодилы безобидны и безвредны, как котята. Но мы никогда не советовали бы иностранцу рискнуть одному приближаться к ним на несколько ярдов. Бедный француз Прадин так и нашел безвременную могилу в утробе одного из этих чудовищ, которых индусы называют *моудела*.^[291] (Следовало бы сказать *ниханг* или *гхариял*.)

Когда Ямвлих, Геродот, Плиний или какой-либо другой древний писатель рассказывает нам о священнослужителях, которые заставляли очковых змей выходить из алтаря Изиды, или тауматургах одним взглядом укрощающих самых свирепых животных, то их считают лжецами или невежественными идиотами. Когда современные путешественники рассказывают нам о тех же самых чудесах, совершаемых на Востоке, их считают экзальтированными болтунами или *незаслуживающими доверия* писателями.

Но вопреки материалистическому скептицизму человек, в самом деле, обладает такою силою, какую мы видели проявленною в вышеприведенных примерах. Когда психология и физиология станут достойными названия науки, европейцы убедятся в существовании в человеке потенциала той таинственной и грозной мощи, которая скрывается в человеческой воле и воображении независимо от того, сознает он это или нет. И все же как легко понять, что эта мощь заключается в духе, если мы только будем думать о том великом трюизме в природе, что каждый, даже самый незначительный атом в ней движем духом, который *един* в своей сущности, ибо самая малейшая его частица представляет *целое*; и что материя есть только конкретная копия абстрактной идеи, в конце концов. В этой связи разрешите нам привести несколько примеров могущественной силы даже *несознательной* воли, которая творит согласно соображению или скорее по способности различать изображение в астральном свете.

Нам стоит только припомнить очень знакомый феномен *стигматов* или же родимых пятен, которые являются результатом невольного посредничества материального воображения в состоянии возбуждения. Тот факт, что мать может оказать влияние на внешность еще неродившегося ребенка, был хорошо известен древним, и у состоятельных греков был обычай устанавливать прекрасные статуи около кровати, чтобы у будущей матери всегда были перед глазами совершенные образцы. Хитроумный трюк, к которому прибег еврейский патриарх Яков,

чтобы рождались полосатые и пятнистые телята, является иллюстрацией к этому закону среди животных. И Ариканте рассказывает «о четырех пометах щенят подряд, родившихся от здоровых родителей, причем в каждом помете было несколько нормально сформированных щенков, тогда как у остальных не было передних конечностей, и у них были заячьи губы». Труды Гоффрея Сент Илера, Бардаха и Элама содержат описания большого количества таких случаев и особенно много их в значительном томе доктора Проспера Лукаса «О наследственности в Природе». Элам приводит цитаты из Причарда об одном случае, когда ребенок негритянки и белого был отмечен черным и белым цветом на различных частях тела. Он добавляет с похвальной искренностью:

«Это – исключения, которые наука в ее нынешнем состоянии не может объяснить» [251, с. 25].

Жаль, что этому примеру более не следуют. Среди древних Эмпедокл, Аристотель, Плиний, Гиппократ, Гален, Марк Дамасский и другие дали такие же удивительные описания, как и наши современные писатели.

В одном труде, опубликованном в Лондоне в 1659 г. [290], был выдвинут сильный аргумент против материалистов, доказывающий могущество человеческого сознания над тонкими энергиями природы. Автор, доктор Мор, рассматривает утробный плод как пластическую субстанцию, которой мать может придавать красивую или некрасивую форму, или сходство с каким-либо лицом или лицами, и может наложить на него отпечаток какого-либо портрета или изображения, которое было бы вернее назвать *астрографом*, и которое ярко присутствовало в ее воображении. Такое воздействие с ее стороны может быть вольным или невольным, сознательным или сильным, так в каждом отдельном случае. Это зависит от ее незнания или знания глубоких тайн природы. Говоря о женщинах вообще, отпечатки на утробный плод могут более считаться результатами случайности, нежели сознательного проектирования; а так как личная атмосфера каждого населена в астральном свете изображениями его или ее непосредственных членов семьи, то чувствительная поверхность утробного плода, которую можно уподобить поверхности фотопленки, вполне вероятно, может воспринять изображение близкого или отдаленного по времени предка, которого мать никогда не видела, но который в какой-то критический момент как бы попал в фокус фотокамеры природы. Говорит доктор Элам:

«Около меня сидит пациентка из далекого континента, где она родилась и получила образование. На стене висит портрет какой-то ее далекой пра-пра-бабушки начала прошлого века. И каждую чертою лица одна в точности напоминает другую, хотя одна никогда не уезжала из Англии, а другая – американка по рождению и по одному из родителей».

Власть воображения над нашим физическим состоянием, даже после того, как мы достигаем зрелого возраста, проявляется всячески. В медицине умный врач без колебания признает в нем целительную или болезнетворную мощь, гораздо большую, чем его таблетки и питье. Он называет это *vis medicatrix naturae*, и его первое усилие направлено на завоевание доверия пациента настолько, что он может заставить природу искоренить заболевание. Страх часто убивает, а горе имеет такую власть над тонкими флюидами тела, что не только выводит из строя внутренние органы, но даже заставляет посесть волосы. Фицин упоминает *сигнатуры* утробных плодов со знаками вишен, различных фруктов, красок, с волосами и наростами, и признает, что воображение матери может преобразить утробный плод в подобие обезьяны,

свиньи или другого животного. Марк Дамасский повествует о девушке, покрытой волосами и, подобно современной Юлии Пастран, снабженной настоящей бородой; о Гьюлайлме Парадинусе, ребенке, чьи ногти походили на когти медведя; о Балдуине Ронсэе, родившемся с сережками индюка, о Парее, с головой наподобие лягушки. Авиценна повествует о цыплятах с головами коршунов. В последнем случае, который служит прекрасным примером власти того же самого воображения у животных, зародыш был отштампован в момент зачатия, когда в воображении курицы рисовался настоящий коршун или воображаемый. Это понял доктор Мор, который приводит этот случай со слов Авиценны и очень уместно указывает, что так как яйцо, о котором идет речь, могло быть высижено на расстоянии сотен миль от снесшей его курицы, то микроскопическая картина коршуна, запечатлевшаяся на зародыше, должна была сама увеличиваться и совершенствоваться вместе с ростом цыпленка совершенно независимо от каких-либо последующих воздействий со стороны курицы.

Корнелий Гемма рассказывает нам о ребенке, родившемся с кровоточащей раной на лбу, что было результатом угроз его отца матери «...направившего обнаженную саблю на ее лоб». Сеннертий отметил случай с беременной женщиной, которая, увидев, как мясник большим ножом рассекал надвое свиную голову, родила затем ребенка с лицом, рассеченным по верхней челюсти, небу и верхней губе до носа. В книге Ван Гельмонта «Введение данных» сообщается о многих удивительных случаях. Жена портного в Мехлине стояла в дверях своего дома и видела как у одного солдата в драке отрубили руку; это произвело на нее такое сильное впечатление, что она преждевременно родила ребенка только с одной рукою; место другой руки кровоточило. В 1602 г. жена Марка Девогелера, антверпского торговца, увидев солдата, только что потерявшего руку, также преждевременно родила дочь с одной только рукой и другою кровоточащею, как и в предыдущем случае. Ван Гельмонт приводит третий пример о женщине, которая оказалась свидетельницей, как по приказу герцога д'Алва были обезглавлены тринадцать человек. Ужас этого зрелища как подействовал на нее, что у нее

«вдруг начались родовые потуги, и она родила совсем нормальное дитя, но у него не было головы, а только окровавленная шея, какие видели у казненных. Но что делает такие происшествия еще более удивительными, так это то, что в описанных случаях нехватаящих *рук и головы* нигде не могли обнаружить» [290, с. 393].

Если бы можно представить себе такую вещь, как чудо в природе, то вышеприведенные случаи исчезновения целых частей тела неродившегося ребенка могли бы подойти под эту категорию. Мы тщательно просматривали труды позднейших авторитетов по физиологии в поисках какой-либо более или менее приемлемой теории, объясняющей хоть что-нибудь по поводу родимых знаков и вообще, сигнатур утробного плода. Самое большее, что они могут сделать, это регистрировать случаи того, что они называют «спонтанными отклонениями от типов», и затем опираться на «любопытные совпадения» мистера Проктора, или же откровенно признаться в своем незнании, как это дали люди, неудовлетворенные суммою познаний человечества. Магенди признается, что несмотря на научные исследования, о жизни утробного плода известно сравнительно мало. На 518 странице американского издания его «Краткого изложения элементарной физиологии» он приводит пример, где «пуповина была разорвана и затем срослась», и он спрашивает:

«Каким образом совершалось кровообращение в этом органе?» – На следующей странице он говорит: «В настоящее время нам ничего не известно, как совершается усвоение питания утробного плода». – В отношении питания он задает вопрос: «Что же тогда мы можем сказать о питании утробного плода? Труды по физиологии содержат по этому предмету только *смутные*

догадки». – На 520 странице мы встречаем следующее высказывание: «Вследствие какой-то неизвестной причины, различные части утробного плода развиваются противоестественным образом». – С удивительной противоречивостью своим предыдущим признаниям о неосведомленности науки по этому предмету, эти признания мы только что цитировали, он добавляет: «Нет оснований думать, что воображение матери может иметь какое-либо влияние на формирование этих чудовищ; кроме того, продукция такого рода ежедневно наблюдается в потомстве других животных и даже у растений».

Какой прекрасной иллюстрацией является это высказывание к методам ученых мужей! – с того момента, как только они выходят за пределы установленных фактов, их суждения, кажется, становятся совершенно извращенными. Их выводы из своих собственных исследований очень часто значительно ниже по достоинству, чем выводы других людей, получивших факты из вторых рук.

Научная литература постоянно снабжает нас примерами истинности сказанного; и когда мы рассматриваем рассуждения материалистических исследователей психологических феноменов, это правило поразительно проявляется. Те, кто слепы духом, не в состоянии отличить психологические причины от материальных следствий так же, как страдающие дальтонизмом не могут отличить красное от черного.

Элам, ничуть не будучи спиритуалистом, а, наоборот, являясь его врагом, выражает мнение честных ученых в следующих словах:

«Каким образом сознание и материя могут действовать и реагировать друг на друга – остается необъяснимым; эта тайна признана неразрешимой и, вероятно, такой и останется навсегда».

Большим авторитетом в Англии по вопросам порока развития пользуется «Наука и практика медицины» У. Аткина, доктора медицины из Эдинбурга и профессора патологии Военно-медицинского училища; американское издание которого осуществил профессор Мередит Клаймер, доктор медицины Пенсильванского университета, которое пользуется в Соединенных Штатах равным успехом. На 233 странице I тома мы находим подробное рассмотрение данного предмета. Автор говорит:

«Суеверия, нелепые понятия и странные причины, приписываемые случаям такого уродства теперь быстро исчезают при свете ясных толкований тех знаменитых анатомов, которые задались целью исследовать рост и развитие человеческой яйцеклетки. Достаточно здесь назвать имена Дж. Мюллера, Ратке, Бишофа, Сент-Илера, Бурдаха, Аллена Томпсона, Г. и У. Вролика, Вольфа, Меккела, Симпсона Рокитанского и фон Аммона в качестве достаточного свидетельства, что научная истина со временем рассеет туман невежества и суеверия».

Судя по уверенному тону выдающегося автора, можно подумать, что мы уже обладаем средствами, чтобы легко разрешить запутанную проблему или, по крайней мере, имеем какую-то путеводную нить, с помощью которой можно будет выйти из затруднения. Но в 1872 г., после использования всех трудов и изобретательности вышеперечисленных блестящих патологов, мы находим, что он делает то же самое признание в незнании, какое выразил Магенди в 1838 г.

«Тем не менее», – говорит он, – «большая тайна все еще окружает происхождение уродств; можно считать, что происхождение их сводится к двум моментам, а именно: 1. уродство может возникнуть в результате повреждения самого зародыша; 2. оно может возникнуть в результате

деформации, произведенной внешними причинами в период развития утробного плода. Что касается первого момента, то полагают, что зародыш в начале может быть изуродован или неполноценен вследствие *какого-то влияния, исходящего из мужского или женского начала*, как это бывает при повторных рождениях одного и того же порока развития от тех же родителей, где недостаток одной из сторон передается новорожденному, как наследие».

Не имея какой-либо собственной философии, чтобы объяснить рождение уродов, патологи, верные своим профессиональным инстинктам, прибегают к отрицанию.

«Что такие деформации могут получиться вследствие ментальных впечатлений беременной женщины, об этом положительные доказательства отсутствуют», – заявляют они. – «Родинки, материнские знаки и кожные пятна приписываются болезненному состоянию покровов яйца... Общепринятой причиной деформаций утробного плода считают задержку развития зародыша, *причина которой не всегда видна, но большею частью остается сокрытой... Переходящие формы человеческого зародыша напоминают постоянные формы многих низших животных*». – Не может ли ученый профессор объяснить – почему? – *«Поэтому уродства, возникающие в результате задержания развития, часто приобретают вид животных»*.

Точно; не сообщить ли патологам, почему это так? Любой анатом, который поставил развитие эмбриона «предметом особого изучения», может, не особенно напрягая мозги, рассказать, что показали ему его ежедневная работа и опыт; он может, например, рассказать, что до определенного периода человеческий эмбрион представляет собою молодую амфибию, сделавшую свой первый шаг от состояния икринки, он – головастик. Но, кажется, ни одному физиологу или анатому не пришло в голову применить к развитию человеческого существа – с начала его появления как зародыша до его окончательного формирования и рождения – пифагорейскую эзотерическую доктрину метемпсихоза, так неправильно понятую критиками. Значение каббалистической аксиомы: «камень становится растением; растение – животным; животное – человеком, и т. д.», – уже упоминалось в другом месте в связи с духовной и физиологической эволюцией человека. Мы теперь добавим к ней несколько слов, чтобы лучше пояснить идею.

Какова первоначальная форма будущего человека? Зернышко, корпускула, – говорят некоторые физиологи; молекула, яйцо яйца, – говорят другие. Если бы ее можно проанализировать – спектроскопом или иначе, – из чего бы она оказалась состоящей? По аналогии следовало бы считать, что из ядрышка неорганической материи, отложенной круговоротом веществ в точке зарождения и соединенной с отложением органической материи. Другими словами, это незримо малое ядрышко будущего человека составлено из тех же самых элементов, что и камень – из тех же самых элементов, что и земля, на которой человеку предназначено обитать. Каббалисты ссылаются на Моисея, как на автора высказывания, что для создания живого существа нужны земля и вода, и поэтому можно сказать, что сперва человек появляется в виде камня.

По истечении трех или четырех недель овум становится подобным растению, так как один конец его становится сферическим, а другой конец суживается конусообразно наподобие морковки. При рассечении его обнаруживают, что он, подобно луковице, состоит из нескольких слоев очень нежной пленки, служащей вместилищем воды. В нижнем конце эти пленки сближаются, и эмбрион висит на основании пуповины совсем как плод на ветке. Камень теперь превращен метемпсихозом в растение. Затем эмбрионическое создание начинает выпускать изнутри наружу ростки конечностей и развивать их. Проявляются глаза, подобно двум черным точкам; уши, нос и рот, прежде чем выдаваться, образуют впадины. Эмбрион развивается в зародыш животного – принимает форму головастика – и подобно пресмыкающейся амфибии живет в воде и развивается в ней. Его монада еще не стала ни человеческой, ни бессмертной,

ибо каббалисты говорят нам, что это наступит только в «четвертом часу». Мало-помалу зародыш принимает характерные черты человеческого существа, и первый трепет дыхания бессмертия пронизывает его; он движется, природа открывает перед ним путь, вводит его в мир. И божественная сущность вселяется в детский организм, в котором она будет обитать до физической смерти, после которой человек становится духом.

Таинственный процесс девятимесячного формирования человека каббалисты называют завершением «индивидуального цикла эволюции». Как зародыш человека развивается в чреве, погруженный в амнион, так и земля зарождается из вселенского эфира или астрального флюида в чреве вселенной. Эти космические дети, подобно своим обитателям-пигмеям, сперва становятся ядрами, затем яйцами, затем постепенно созревают и в свою очередь становятся материями, развивают минеральные, растительные, животные и человеческие формы. От центра к окружности, от неощутимого пузырька до невообразимых границ космоса, эти глубокие мыслители, оккультисты, прослеживают, как цикл сливается с циклом, как один цикл содержит другой в бесконечной серии. Эмбрион развивается в своей внутриутробной сфере, индивидуум в своем семействе, семейство в государстве, государство в человечестве, земля в нашей системе, эта система в центральной вселенной, вселенная в космосе, космос в Перво-Причине – беспредельно и бесконечно. Их философия эволюции, которая, как мы видим, отличается от философии Геккеля, такова:

«Все сущее лишь часть великого целого, —
Природа его тело; и Бог – душа его.
Не счесть миров, в его зачатых чреве».

Единодушно соглашаясь с тем, что физические причины, например, удары, несчастные случаи, плохое питание матери, влияют на зародыш и в какой-то степени угрожают его жизни; и также допуская, что моральные факторы, например, страх, внезапный ужас, сокрушающее горе или даже чрезмерная радость могут задержать рост зародыша и даже убить его, многие физиологи соглашаются с Магенди, говоря:

«Нет причин верить, что воображение матери может иметь какое-либо влияние на формирование рождающихся уродов», – и это только потому, что – «такие отклонения ежедневно наблюдаются в воспроизводстве у животных и даже у растений».

В этом мнении его поддерживают ведущие тератологи наших дней. Хотя Жоффрей Сент-Илер дал имя этой новой науке, ее факты обоснованы на исчерпывающих опытах Бичета, который в 1802 г. был признан основоположником аналитической и философической анатомии. Одним из наиболее ценных вкладов в тератологическую литературу является монография Дж. Фишера, доктора медицины из Синг-Синга в Нью-Йорке, озаглавленная: «Диплотератология; очерк о происхождении человеческих монстров». Этот писатель классифицирует рождаемых уродов по разным видам, сопровождая отдельные случаи рассуждениями, навеянными их своеобразием. Следуя примеру Сент-Илера, он делит историю этого предмета на баснословный, позитивный и научный периоды.

Для нашей цели достаточно сказать, что при нынешнем состоянии научной мысли считаются установленными два положения: 1. что ментальное состояние матери не оказывает влияния на формирование утробных уродств; 2. что большинство разнообразных уродств могут быть объяснены теорией *приостановки и задержки* развития. Фишер говорит:

«Тщательное изучение законов развития и порядка, в каком различные органы и эмбрионы развиваются, привело к наблюдениям, что уроды, появившиеся в результате приостановки или заторможенного развития, произошли, до некоторой степени, от их перманентных эмбрионов. Ненормальность органов представляет собою просто результат начальных условий формирования, как оно протекало на ранней стадии зародышевой жизни».^[292]

При нынешнем, признанном хаотическим, состоянии физиологии нам кажется немного рискованным со стороны какого-либо тератолога как бы велик ни был его авторитет в анатомии, гистологии или эмбриологии, занимать такую опасную позицию, чтобы сказать, что мать не имеет влияния на своего потомка. В то время как микроскопы Геллера и Пролайка, Дереста и Ларабулэ раскрыли нам много интересных фактов зародышевой жизни, еще больше фактов по эмбриологии остаются нераскрытыми современной наукой. Если мы согласимся, что уродства являются результатом задержки в развитии, мало того, если мы пойдем еще дальше и согласимся, что будущее зародыша может быть предсказано по жизненной калке, то куда тератолог поведет нас, чтобы мы могли узнать *предшествующую* психологическую причину того и другого? Доктор Фишер мог тщательно изучить несколько сот случаев уродств и чувствовать себя вправе построить новую классификацию их родов и видов, но факты остаются фактами, и вне поля его наблюдений, как видно, даже судя по нашему личному опыту в различных странах, имеется достаточно наличных доказательств, что сильные переживания матери часто отражаются на ребенке в осязаемых, видимых и постоянных отступлениях от нормального облика. И эти случаи, кроме того, находятся в явном противоречии с утверждением доктора Фишера, что причины рождения уродов можно проследить «до ранних стадии зародышевой жизни». Вот вам один из таких случаев. В Саратовском окружном суде, в России, был судья, который всегда носил на щеке повязку, под которой скрывал мышинный знак на левой стороне лица. Знак очень точно изображал мышь, тело которой выделялось на щеке высоким рельефом, а хвост уходил через висок и терялся в волосах. Тело мыши казалось лоснящимся, серым и вполне естественным. По собственному его объяснению, его мать питала непреодолимое отвращение к мышам и ее преждевременное разрешение от бремени было вызвано испугом, когда она увидела, что из ее рабочей коробки выпрыгнула мышь.

В другом случае, которому автор был свидетелем, беременная дама, которой до разрешения от бремени оставались две-три недели, увидела чашку с малиной, которой ей чрезвычайно захотелось, но ей в этом отказали. Она возбужденно и несколько театрально хлопнула правой рукой себя по шее, воскликнув, что она *должна* получить малину. Ребенок, родившийся в нашем присутствии три недели спустя, имел четко очерченный знак малины на правой стороне шеи. До сегодняшнего дня, когда созревают фрукты, его родимый знак становится темно-малиновым, тогда как в течение зимы он совсем бледный.

Такие случаи, вроде вышеприведенных, известны многим матерям семейств или по собственному опыту, или по опыту друзей и знакомых, и они убеждают, вопреки заверениям всех тератологов Европы и Америки. Потому что, по наблюдениям, животные и растения тоже производят уродов, Магенди и его школа делают выводы, что человеческие уродства тождественны с ними и отнюдь не являются следствиями материнского воображения, потому что первые *таковыми не являются*. Если физические причины производят физические действия в низших царствах, то то же самое правило должно иметь силу и у нас.

Но совсем оригинальная теория недавно была выдвинута профессором Армором, из медицинского колледжа Лонг-Айленда, в ходе обсуждений, состоявшихся в Детройтской Академии медицины. В противоположение ортодоксальным взглядам, представленным

доктором Фишером, профессор Армор говорит, что уродства происходят в результате одной из двух причин: 1. из-за недостаточности или ненормального состояния производящей материи, из которой зародыш развивается, или 2. из-за вредоносных влияний, действующих на зародыш в утробе. Он утверждает, что производящая материя представляет в своем составе каждую ткань, строение и форму, и что может быть такая передача *приобретенных* особенностей строения, которые сделают производящую материю неспособной к производству здорового равномерно-развитого потомка. С другой стороны, производящая материя сама по себе может быть совершенной, но будучи подвержена вредоносным влияниям во время беременности, она по необходимости может создать урод.

Чтобы быть состоятельной, эта теория должна быть способна объяснить диплотератологические случаи (двухголовые уроды и уроды с двойными конечностями), что, кажется, ей трудно. Мы, пожалуй, могли бы согласиться, что в дефективной производящей материи голова эмбриона может и не быть представленной так же, как может быть не представлена какая-либо другая часть тела; но едва ли можно допустить, что в ней могут быть два или три представителя одного единственного члена. И опять, если производящая материя имеет наследственный порок, тогда все исходящее из нее потомство должно быть в равной степени уродливым; то факт тот, что во многих случаях мать рождает ряд здоровых детей до появления уроды, причем все являются потомством одного и того же отца. Целый ряд таких примеров приводит доктор Фишер; между прочим он описывает случай Катерины Коркоран, [\[293\]](#)

«очень здоровой женщины тридцати лет отроду, которая до рождения у нее уроды дала жизнь пятерым хорошо сложенным детям, из которых двое были близнецами... У уроды, которого она потом родила, было по голове в обоих концах тела, две груди с руками полностью, два брюшных и два тазовых углубления, соединенных концом к концу, и с четырьмя ногами, попарно расположенными по тон и другой стороне, где произошло соединение между этими двумя».

Некоторые части тела, однако, не были двойными и поэтому данный случай не может рассматриваться, как сращение двух близнецов.

Другой пример дает нам Мария Тереза Пароди. [\[294\]](#) Эта женщина до этого дала жизнь восьми хорошо сложенным детям, а потом разрешилась от бремени дитятею женского пола, у которого только верхняя часть была двойная. Много таких случаев, когда до и после рождения уродов матери рожали вполне нормальных и здоровых младенцев; с другой стороны, если тот факт, что уродства встречаются у животных так же, как и у людей, стал общепринятым аргументом против теории, что эти уродства являются результатом воображения матери, и другой факт – что нет разницы между яйцеклеткой млекопитающегося животного и человека, будут приняты, что тогда станется с теорией профессора Армора? В таком случае пример и животного царства будет столь же убедителен, как пример человеческого уродства; и вот что мы читаем в статье доктора Самюэля Л. Митчела «О двухголовой змее»:

«Была убита самка змеи вместе с ее выводком потомства, насчитывающего 120 экземпляров, *три из них были уродами*. Один из этих трех змеенышей имел четкие две головы; один был с двойной головой и только с тремя глазами; а один был с двойным черепом, снабженным тремя глазами и одною единственною челюстью; у этого последнего было два туловища». [\[295\]](#)

Несомненно, *производящая материя*, которая произвела на свет этих *трех уродов*, была та

же самая, которая произвела остальных 117. Таким образом, теория *Армора* оказалась такой же несостоятельной как и другие.

Такая неудача в решении вопроса проистекает из дефективного метода рассуждений, каким обычно пользуются, – *индукции*; этот метод, который предлагает собирать *экспериментальным путем* и изучать все те факты, которые находятся в сфере, охватываемой *наблюдением*, скорее можно назвать методом собирания и исследования путем опыта и выведения из них заключений; и, по выражению автора «Философских исследований»,

– «так как эти заключения не могут распространиться дальше того, что подтверждено опытом, то индуктивный метод является инструментом доказательств *иограничений*».

Несмотря на эти ограничения, его применяют во всех научных исследованиях; в этом редко сознаются, но гипотезы для нас строят такие, как будто экспериментаторы нашли их уже математически доказанными теоремами, тогда как на самом деле это только приблизительные данные.

Для изучающего оккультную философию, который, в свою очередь, отвергает метод индукции вследствие его ограниченности и полностью принимает Платоновое деление причин, а именно: на действительные, формальные, материальные и заключительные, так же, как элеатический метод исследования любой проблемы, для такого изучающего будет вполне естественным рассуждать со следующей точки зрения неоплатонической школы: 1. Спорный предмет или *существует* в таком виде, как полагают, или *не существует*. Поэтому мы поставим вопрос: содержит ли универсальный эфир, известный каббалистам под названием «астрального света», электричество и магнетизм, или же не содержит? Ответ должен быть положительным, потому что «точная наука» сама учит нас, что эти две обратимые энергии, насыщающие и воздух и землю, находятся в постоянном взаимообмене между собою. Вопрос № 1 по существу решен, мы переходим к рассмотрению, *что происходит* – 1. *С ним относительно его самого*. 2. *С ним относительно всех других вещей*. 3. *Со всеми другими вещами* относительно его. 4. *Со всеми другими вещами* относительно их самих.

ОТВЕТЫ: 1. *Относительно его самого*. Присущие электричеству свойства, пребывающие в нем в латентном состоянии, становятся активными при благоприятных условиях, и в одно время тонкая все пронизывающая сила принимает вид магнитной силы; в другое же время она принимает форму электрической энергии. 2. *Относительно всех других вещей*. Все другие вещи, с которыми оно имеет родство, притягивают его, остальные отталкивают. 3. *Со всеми другими вещами* относительно его. Каждый раз, когда они приходят в соприкосновение с электричеством, происходит то, что они получают от него воздействие в степени соответствующей его проводимости. 4. *Со всеми другими вещами* относительно их самих. Под воздействием полученного импульса от электрической энергии, в соответствии с его интенсивностью, их молекулы меняют свои отношения друг с другом; они или разрываются на части, и таким образом предмет – органический или неорганический, – который они составляли, разрушается, или же, если этот предмет до этого был нарушен, приводится в состояние равновесия (как в случае болезни); или же, если нарушение было только поверхностным, на предмете может быть запечатлено изображение какого-либо другого предмета, попавшегося флюиду до того, как он дошел.

Попробуем приложить вышеприведенные положения к вопросу, о котором шла речь. Наука установила несколько основоположений по этому вопросу, например, что беременная женщина находится в состоянии большой впечатляемости, восприимчивости, как физически, так и

ментально. Физиологи говорят нам, что ее умственные способности ослаблены и что она необычайно чувствительна даже к малейшим пустякам. Ее поры открыты и она выделяет особенный кожный пот; она кажется открытой для всех влияний природы. Последователи Рейхенбаха утверждают, что ее *одическое* состояние очень интенсивное. Дю Потэ предостерегает против ее месмеризации из боязни воздействия на ее плод. Ее болезни передаются ему, и часто он абсорбирует их самих; ее страдания и радости действуют на его темперамент так же, как на его здоровье; по пословице, у великих людей и матери великие, и наоборот.

«Это правда, что ее воображение оказывает влияние на плод», – признает Магенди, противореча самому себе в другом месте; и он добавляет, что – «внезапный ужас может причинить смерть утробному плоду или задержать его рост» [291, с. 520].

В случае, о котором недавно сообщала американская газета, у мальчика, убитого молнией, когда его раздели, обнаружили на груди точное изображение дерева, которое росло вблизи окна, против которого сидел мальчик во время несчастья, дерево тоже было повалено молнией. Эта электрическая фотография, совершенная слепыми силами природы, дает нам аналогию, посредством которой мы можем понять, каким образом ментальные картины матери передаются еще нерожденному дитяти. Ее *поры* открыты; она испускает *одические* эманации, которые есть не что другое, как другая форма *акаши*, электричества или жизненного принципа, который, согласно открытию Рейхенбаха, производит месмерический сон и, следовательно, есть *магнетизм*. Магнетические токи после их выхода из тела превращаются в электричество. Когда какой-либо предмет производит очень сильное впечатление на ум матери, то его изображение моментально проецируется на астральный свет или вселенский эфир, являющийся, по словам Дживонса и Бэббиджа, а также авторов «Невидимой вселенной», хранилищем *духовных* изображений всех форм и даже человеческой мысли. Ее магнетические эманации притягивают и соединяются с нисходящими токами, которые уже несут на себе изображение. Оно отскакивает и силою обратной отдачи более или менее сильно отпечатывается на утробном плоде по той же самой формуле физиологии, которая показывает, как каждое переживание матери отражается на ее отпрыске. Является ли приведенная каббалистическая теория более *гипотетической* и непонятной, чем тератологическая доктрина, распространяемая последователями Жоффрея Сент-Илера? Это доктрина, про которую Магенди справедливо сказал:

«Ее находят удобной и легкой вследствие ее *неясности* и затемненности», – и которая – «претендует не менее, чем на создание новой науки, теория которой покоится на некоторых законах не очень-то ясных и понятных, таких как: закон *задержки*, закон *торможения*, закон *подобия* или *эксцентрических* положений, в особенности *великий закон*, как его называют, *сам за себя*» [291, с. 521].

Элифас Леви, который несомненно, является одним из лучших авторитетов по некоторым пунктам среди каббалистов, говорит:

«Беременные женщины больше, чем другие, подвергаются влиянию астрального света, который способствует формированию их ребенка, и постоянно преподносит им воспоминания о формах, которыми он заполнен. Вот почему очень добродетельные женщины часто вводят в заблуждение наблюдателей и вызывают злобу, порождая сомнительные сходства. Они часто запечатлевают на плод своего брака изображение, которое врезалось им в память во сне, и таким образом те же самые физиономии сохраняются из века в век».

«Каббалистическое использование пентаграммы поэтому может предопределить лик нерожденных детей, и посвященная женщина могла бы придать своему сыну сходство с Нереусом или Ахиллесом так же, как с Людовиком XV или с Наполеоном» [157, с. 175].

Если другая теория, а не теория доктора Фишера, получит подтверждение, то последнему нечего жаловаться, так как он сам сделал признание, подтвердившееся на его собственном примере:

«Одним из наиболее грозных препятствий на пути продвижения науки... *всегда было слепое подчинение авторитету*... Освободить ум от влияния одного только авторитета, чтобы он имел свободное пространство для исследования фактов и законов, существующих и установленных в природе, значило бы создать необходимое условие для научных открытий и прогресса науки». ^[296]

Если материнское воображение может остановить рост или разрушить жизнь утробного плода, почему оно не может влиять на физическую внешность? Существуют несколько хирургов, которые посвятили свои жизни и состояния тому, чтобы раскрыть причину этих уродств утробного плода, и они достигли только того, что считают их простыми «совпадениями». И было бы очень не по-философски сказать, что животные не наделены воображением; и в то время как некоторые могут считать кульминационным пунктом метафизических спекуляций идею о том, что некоторые члены растительного царства, скажем, мимоза и группа растений насекомоядных, обладают инстинктом и элементарным воображением, – эта идея не осталась без своих сторонников. Если такой великий физик, как Тиндаль, вынужден признаться, что даже имея дело с разумным и говорящим человеком, они не в состоянии построить мост через бездну между умом и материей и определить силу и власть воображения, то насколько больше остается тайной то, что происходит в мозгу немого животного.

Что такое воображение? *Психологи говорят нам, что это есть ваятельная или творящая мощь души*; но материалисты путают ее с фантазией. Существует разница между этими двумя, однако, которая была так тщательно выявлена Уордсвортом в предисловии к его «Лирическим Балладам», что теперь уже непростительно смешение этих двух понятий. Пифагор утверждал, что воображение есть память о предшествующих духовных, ментальных и физических состояниях, тогда как фантазия есть беспорядочная продукция материального мозга.

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали материю, как бы ни исследовали, старая, как мир, философия о том, что она была оживлена и оплодотворена вечной идеей, или воображением – абстрактное обрисовало и приготавлило модель для конкретной формы – остается неизбежной. Если мы отвергнем эту доктрину, то теория о космосе, постепенно развивающемся из хаотического беспорядка, становится нелепостью; ибо в высшей степени не по-философски будет думать, что инертная материя, единственно движимая слепыми силами, без руководящего разума может сама по себе спонтанно сформироваться во вселенную такой восхитительной гармонии. Если душа человека действительно есть результат, частица, вышедшая из сущности вселенской души, бесконечно малый осколок от этого первого творящего принципа, то она неизбежно разделяет степени всех атрибутов демиургических сил. Подобно тому, как творец из мертвой бездейственной материи создал формы, точно так же и человек, если бы он сознавал свои силы, мог бы до известной степени делать то же самое. Как Фидий, собиравший свободно лежащие части глины, смачиванием водою соединял их вместе, придал пластичную форму возвышенной идее, вызванной к жизни его творческой способностью; так же

и мать, которая сознает свои силы, может придать какую угодно форму своему будущему ребенку. Не зная своих сил, скульптор создает только неодушевленную, хотя и восхитительную фигуру инертной материи, тогда как душа матери, сильно пораженная собственным воображением, слепо, несознательно проецирует поразившее ее изображение в астральный свет и, через отражение, запечатлевает его на своем утробном плоде. Наука нам говорит, что закон тяготения убеждает нас в том, что любое смещение, даже если бы оно происходило в самом сердце земли, будет ощущаться по всей вселенной, и

«мы даже можем представить, что то же самое относится к тем молекулярным движениям, которые сопровождают мысль» [292].

Говоря о передаче энергии по всему вселенскому эфиру или астральному свету, тот же самый авторитет говорит:

«Беспрерывное фотографирование всего происходящего и удержание этих снимков происходит все время. Значительная часть вселенской энергии вкладывается в такие картины».

Доктор Фурнье из Французского Национального института глухонемых, во второй главе своего труда [292], рассуждая по вопросу об утробном зародыше, говорит, что наиболее мощный микроскоп не в состоянии открыть какую-либо разницу между яйцеклеткой млекопитающегося животного и яйцеклеткой человека; и относительно первого и последнего движения клетки яйца спрашивает:

«В чем дело? Обладает ли она какими-либо особенностями, которыми она отличается от других яйцеклеток?» – и справедливо отвечает на это: «До настоящего времени наука не ответила на эти вопросы, и, не будучи пессимистом, я не думаю, что она когда-либо ответит; с того дня, когда ее методы исследования позволяют ей наткнуться на скрытый механизм столкновения жизненного принципа с материей, она познает самую жизнь и будет в состоянии воспроизводить ее».

Если цитируемый нами автор прочитал бы проповедь падре Феликса, как уместно он мог бы произнести свое Аминь! под восклицаниями этого священника – ТАЙНА! ТАЙНА!

Давайте рассмотрим утверждение Магенди в свете зарегистрированных наукою примеров власти воображения в случаях образования уродливых деформаций, где это не касается беременных женщин. Магенди признает, что такие случаи – ежедневное явление у потомства низших животных. Как же он тогда объяснит высиживание цыплят с ястребиными головами, если не при помощи теории, что появление векового врага – ястреба воздействовало на воображение курицы, которая, в свою очередь, сообщила материи, входящей в зародыш, определенное движение, которое расширяясь, произвело уродливых цыплят? Мы знаем аналогичный случай, когда ручной голубь, принадлежавший одной знакомой нам даме, ежедневно пугался попугая, и в следующем выводке этого голубя среди прочих малышей были двое с головами попугая; это сходство даже простиралось на окраску перьев. Мы могли бы цитировать Колумелла, Хатта и других авторитетов вместе с примерами из опыта скотоводов, чтобы показать, как приведением воображения матери в возбужденное состояние можно в значительной степени воздействовать на формирование внешности потомства. Эти примеры ни в коей степени не задевают вопроса о наследственности, ибо они, просто, являются искусственно созданными изменениями.

Катерина Кроу со значительными подробностями разбирает вопрос власти сознания над материей и в качестве иллюстраций приводит много убедительно засвидетельствованных фактов, говорящих о том же [279, с. 434 и далее]. Между прочим, весьма любопытный феномен, называемый *стигматами*, имеет к этому несомненное отношение. Эти знаки появляются на телах у лиц всех возрастов и всегда являются результатом экзальтированного воображения. В случае Катерины Эммерич, женщины из Тироля, подверженной экстазам, а также во многих других случаях раны распятия на кресте, как говорят, были точно такие же, как натуральные. Некая мадам Б. фон Н. видела во сне, что какой-то человек предлагал ей розы – красную и белую, и что она выбрала последнюю. Проснувшись, она ощутила жгучую боль в руке, и постепенно на ней появилось изображение розы, совершенной по форме и цвету; она даже как бы возвышалась над кожей. Этот знак возрастал в интенсивности до восьмого дня, после чего он начал блекнуть и к четырнадцатому дню уже не был заметен. Две молодые барышни стояли во время грозы у открытого окна в Польше. Вблизи от них вспыхнула молния, и золотое ожерелье на шее одной из них расплавилось. Точное изображение случившегося запечатлелось на ее коже на всю жизнь. Другая девушка, придя в ужас от всего случившегося, простояла неподвижно несколько минут и затем упала без сознания. Мало-помалу те же самые знаки ожерелья, которые в один миг были отпечатаны на шее ее подруги, стали появляться на ее собственной шее и остались там в течение нескольких лет, после чего постепенно изгладились.

Доктор Джастин Кернер, известный немецкий автор, рассказывает еще более удивительный случай.

«Во время французского вторжения казак преследовал француза и загнал его в тупик, в аллею, у которой не было другого выхода, и там между ними произошло ужасное столкновение, во время которого последний был тяжело изранен. Человек, который укрывался поблизости от этого поединка и не мог уйти, был так ужасно напуган, что когда он добрался до своего дома, на его теле открылись такие же раны, какие казак нанес своему врагу!»

В данном случае так же, как в случаях органических расстройств и даже физической смерти, последовавших в результате внезапного возбуждения ума, реагирующего на тело. Магенди затруднился бы приписывать эти следствия другим причинам, нежели воображению; а если бы он был оккультистом подобно Парацельсу или Ван Гельмонту, вопрос утерял бы свою тайну. Он понял бы власть человеческой воли и воображения (первой – сознательной, второй – произвольной) над космической энергией, способной причинять физические и ментальные повреждения не только намеченной человеком жертве, но обратным действием и самому посланному и притом – бессознательно. Это основной принцип магии, что если ток этого тонкого флюида не направлен с достаточной силой, чтобы достигнуть цели, он нанесет обратный удар посланному его точно так же, как резиновый мяч отскакивает в руки бросившего от стены, которую он не был в состоянии пробить. Много случаев, когда люди, захотевшие *стать колдунами*, сами делались собственными жертвами. Ван Гельмонт говорит:

«Сила воображения женщины в сильно возбужденном состоянии создает идею, которая является связующим посредником между телом и духом. Это передается тому существу, с которым женщина в то время наиболее тесно связана и запечатлевает на нем образ, который наиболее волновал ее».

Делёз собрал в своей «Библиотеке по животному магнетизму» ряд замечательных фактов,

взятых у Ван Гельмонта, мы удовлетворимся тем, что приведем из них нижеследующие, более созвучные со случаем описанного нами Жака Пелисье. Он говорит, что

«люди, пристально глядя на животных *не отводя глаз* в течение четверти часа, могут причинить им смерть, что подтверждает Руссо на основании своего собственного опыта в Египте и на Востоке, где он таким способом умертвил несколько жаб. Но когда он, наконец, попытался проделать это в Лионе, жаба, обнаружившая, что ей не удастся убежать от его взгляда, обернулась, надулась и смотрела на него так яростно бездвижными глазами, что им овладела слабость до потери сознания, и некоторое время его принимали за мертвого».

Но вернемся к вопросу о тератологии. Виер повествует нам в своей «De praestigiis Demonum» о ребенке, родившемся от женщины, которой незадолго до родов муж угрожал, что в ней находится дьявол и что он убьет ее. Испуг матери был так велик, что рожденное ею дитя оказалось

«хорошо сформированным от середины к низу, но верхняя часть туловища была покрыта темнокрасными пятнами, глаза были на лбу, рот как у сатира, уши как у собаки, и на голове согнутые рога как у козла».

В труде по демонологии, написанном Пераматусом, имеется повествование об уроде, родившемся в Сент-Лоуренсе на Западно-Индийских островах в 1573 г., подлинность этого случая засвидетельствована герцогом Медина-Сидония. Этот ребенок,

«кроме ужасающей деформации рта, ушей и носа, имел на голове два рога подобно юному козленку, длинные волосы по всему телу, мясистую опояску посередине, от которой свисал кошелеподобный кусок плоти, а в левой руке колокол из плоти наподобие тех, которыми пользуются в танцах индейцы, на ногах высокие сапоги из плоти с загнутыми вниз голенищами. Короче говоря, вся его форма была ужасающая и дьявольская; считали, что это результат испуга матери, которая испугалась древнего индейского танца» [290, с. 399].

Доктор Фишер отрицает все такие случаи, как недействительные и баснословные.

Но мы не будем больше утомлять читателя дальнейшими выборками из множеств тератологических случаев, находимых в трудах общепризнанных авторов; вышеприведенных примеров достаточно, чтобы приписать эти aberrации физиологического типа взаимодействию материнского сознания со вселенским эфиром. Если кто-нибудь поставит под вопрос авторитет Ван Гельмонта, как ученого, мы отошлем его к труду Фурнье, известного физиолога, где (на странице 717) он найдет следующую оценку:

«Ван Гельмонт был весьма выдающийся химик: особенно он изучал воздухоподобные флюиды и дал им название – газ; в то же самое время он свое благочестие довел до мистицизма, предаваясь размышлениям о божественном... Ван Гельмонт отличается от всех своих предшественников тем, что он соединил *принцип жизни* непосредственно и каким-то образом даже опытным путем, как он говорит нам, с малейшими движениями тела. Вот это непрестанное действие этой сущности, никоим образом не связываемое им с материальными элементами, но образующее отдельную индивидуальность, есть то, что мы не можем понять. Тем не менее, именно

эта сущность является тем, на чем обосновывалась знаменитая школа».

«Принцип жизни» Ван Гельмонта, или *археус*, есть ни более, ни менее, как астральный свет всех каббалистов и вселенский эфир современной науки. Если более незначительные утробные знаки не обязаны своим происхождением воображению матери, то какой же другой причине Магенди хочет приписать образование у утробного плода козлиных рогов и волосатых покровов кожи тела, которыми было отмечено уродливо потомство в вышеприведенных случаях? Наверняка, там не было латентных зародышей этих отличительных черт животного царства, способных развиваться от внезапного импульса материнского каприза. Короче говоря, единственным возможным объяснением является то, которое предлагается адептами оккультных наук.

Прежде чем оставить эту тему, мы хотим еще сказать несколько слов в отношении тех случаев, когда голова, рука или кисть утробного плода были мгновенно растворены, хотя было очевидно, что до этого момента все тело ребенка формировалось полностью. Из чего состоит тело ребенка при рождении? Химики скажут нам, что в нем содержится дюжина фунтов уплотненного газа и несколько унций зольного остатка, воды, кислорода, водорода, азота, угольной кислоты, немного извести, магнезии, фосфора и несколько других минералов; это все! Откуда они взялись? Каким образом они были собраны вместе? Каким образом были эти частицы, которые по словам мистера Проктора, – «извлечены из глубин пространства, окружающего нас со всех сторон», – были сформированы и как им была придана человеческая форма? Мы видели, что бесполезно об этом спрашивать ту доминирующую школу, блестящим представителем которой является Магенди, ибо он признается, что он ничего не знает о питании, пищеварении и кровообращении утробного плода; а физиология учит нас, что до тех пор пока яйцеклетка окружена графовым пузырьком, она является составной частью целостного организма матери. Но после разрыва этого пузырька она становится почти такой же независимой от нее в отношении материалов на постройку тела будущего существа, как зародыш в птичьем яйце после того, как курица его снесла. Среди наглядно доказанных фактов науки мало найдется чего-либо, что противоречило бы идее, что утробный ребенок матери значительно отличается от квартиранта дома, в котором он нашел приют, тепло и удобства.

По Демокриту, душа^[297] образовывается от скопления атомов, а Плутарх излагает его философию так:

«Существуют субстанции бесчисленные, неделимые, непотревоженные, без различий, без свойств; они двигаются в пространстве, в котором они рассеяны; и когда они приближаются друг к другу, они соединяются и сливаются и посредством своих агрегаций образуют воду, огонь, растение или человека. Все эти субстанции, которые он называет *атомами* по причине их твердости, не могут подвергаться ни изменениям, ни деформациям. Но, – добавляет Плутарх, – мы не можем изготовить ни краски из того, что бесцветно, ни субстанции или души из того, что не имеет души и не имеет свойств».

Профессор Бальфур Стюарт говорит, что эта доктрина в руках Джона Далтона «дала возможность человеческому уму овладеть законами, которые управляют химическими изменениями, и также возможность мысленно представлять себе, что там происходит». После приведения цитат с одобрением идеи Бэкона, что люди вечно исследуют крайние пределы природы, он воздвигает мерило, и было бы хорошо, если он и его собратья философы руководствовались бы этим мерилом.

«Действительно, мы должны быть очень осторожными прежде чем решиться отбросить какую-либо ветвь познания или ход мышления, как непригодные» [180, с. 133].

Это смелые слова. Но сколько найдется людей науки, которые применяют их на практике?

Демокрит Абдерский показывает нам пространство, наполненное атомами, и наши современные астрономы позволяют нам видеть, как эти атомы образуют миры, а затем также расы, их населяющие, включая и нашу человеческую расу. Так как мы указали на существование силы в человеческой воле, которая, посредством сосредоточения потоков этих атомов на объективную точку может создать ребенка, соответствующего образу материнского воображения, то почему будет невероятным, что эта же самая сила, будучи применена матерью, может путем интенсивного, хотя и неосознанного обратного переключения рассеять, дезинтегрировать любую часть тела или даже все тело ее неродившегося еще ребенка? И вот здесь место вопросу о ложной беременности, которая так часто вызывает недоумение и врача, и пациента. Если голова, рука и кисти трех детей, упомянутых Ван Гельмонтом, могли исчезнуть в результате чувства ужаса, испытанного матерью, то почему то же самое или какое-то другое чувство, возбужденное до подобной же степени не может причинять полное растворение утробного плода в так называемой ложной беременности? Такие случаи редки, но они встречаются и ставят науку в тупик. Несомненно, что в кровообращении матери нет такого химического растворителя, достаточно мощного, чтобы растворить ее дитя, не разрушив при этом ее саму. Мы вручаем эту тему медикам в надежде, что они как класс, не согласятся с заключением Фурнье, который говорит:

«В этом ряду феноменов мы должны ограничиться *ролью историков*, так как мы даже не пытались объяснить все «почему» и «откуда» возникающие при исследовании этих вещей, ибо там скрываются непроницаемые тайны жизни; и по мере того, как мы продвигаемся вперед в нашем исследовании, нам приходится признать, это для нас *запретная земля*» [292, с. 16].

В меру своих интеллектуальных способностей истинный философ не признает никакой запретной земли и не считает какую-либо тайну природы непроницаемой или неприкосновенной.

Никакой последователь герметической философии и никакой спиритуалист не будет возражать против абстрактного принципа, изложенного Юмом, что чудо невозможно; ибо предполагать существование такой возможности значило бы, что вселенная вместо всеобщих законов управляется индивидуальными законами. В этом заключается одно из основных противоречий между богословием и наукой. Наука, основываясь на всеобщем опыте, утверждает, что в естественном ходе вещей в природе всюду царствуют общие законы и единообразие, тогда как богословы полагают, что можно побуждать Правящий Разум, чтобы последний приостановил течение общего закона для особых случаев. Джон Стюарт Милль говорит:

«Если мы уже не верим в сверхъестественные силы, то никакое чудо не докажет нам, что они существуют. Само по себе чудо, рассматриваемое просто как необычным факт, может быть удовлетворительно засвидетельствовано как нашими чувствами, так и свидетельскими показаниями. Но ничто не может доказать, что оно есть чудо, ибо существует другая возможная гипотеза, а именно: факт, считающийся чудом, является результатом какого-то неизвестного закона природы; и эта возможность никак не

может быть устранена настолько, чтобы не оставалось другой альтернативы, кроме вмешательства существа, стоящего выше природы» [293, т. II, с. 165].

Это именно тот пункт, который мы хотим, чтобы он был усвоен нашими логиками и физиками. Как мистер Милль сам говорит:

«Мы не можем признать теоремы законом природы, и в то же время верить в факт, находящийся в явном противоречии с ней. Мы не должны верить в факт или же верить, что мы ошиблись в принятии этого предполагаемого закона».

Мистер Юм ссылается на «прочный и неизменный опыт» человечества, как установившего законы, чьи действия *ipso facto* делают чудеса невозможными. Трудность заключена в его использовании имени прилагательного неизменный, которое выведено курсивом, ибо это только предположение, что наш опыт никогда не изменится и, следовательно, мы всегда останемся при тех же опытах и наблюдениях, которые и будут служить основаниями для наших суждений. Этим также подразумевается, что у всех философов будут те же самые факты для размышлений над ними. Этим совершенно игнорируется тот факт, что человечество может оказаться временно лишенным отчетов о прежде накопленных знаниях по философским экспериментам и научным открытиям. Так, например, сожжением Александрийской библиотеки и разрушением Ниневии мир на многие века был лишен необходимых данных, по которым он мог бы дать оценку действительным познаниям древних, как эзотерическим, так и экзотерическим. Но в течение последних нескольких лет открытие Росетского камня, папирусов Эберса, д'Обиньи, Анастасия и других, а также обнаружение библиотек глиняных пластинок открыли новое поле для археологических исследований, которые, очень похоже, приведут к радикальным переменам в том «прочном и неизменном опыте человечества». Автор «Сверхъестественной религии» справедливо говорит:

«Человек, который верит чему-либо противоречащему полноценному индуктивному выводу только в силу предположения, не подтверждаемого доказательствами, – просто легковверен; но такое предположение не может изменить то, что реально очевидно»

В лекции, прочитанной Хирамом Корсоном, профессором англосаксонской литературы в Корнельском университете, Итака, Нью-Йорк, перед бывшими питомцами колледжа Сент-Джонса в Аннаполисе в июле 1875 г., лектор заслуженно бросает упреки науке:

«Существуют вещи», – говорит он, – «которые наука не в состоянии совершить, и попытки их совершить будут только высокомерием. Было время, когда религия и церковь переступали свои законные границы и вторгались в область науки, мешали ей и облагали ее тяжелой данью; но кажется, что их нынешние, взаимоотношения теперь подвергаются большим переменам, и наука перешагнула свои границы и теперь вторгается во владения религии и церкви, и вместо религиозного папства, нам угрожает научное папство – на самом деле мы уже подчиняемся такому папству; и точно так же, как в шестнадцатом веке в интересах свободы мысли поднялся протест против религиозного и церковного деспотизма, – точно так же в нынешнем, девятнадцатом веке духовные и вечные интересы человека требуют протеста против быстро развивающегося деспотизма науки; нужно требовать, чтобы наука не только держалась в своих законных пределах феноменального и обусловленного, но чтобы

„она также пересмотрела свой научный багаж, чтобы мы могли убедиться, насколько слитки золота в ее погребке – судя до тому, сколько об этом пишут – в самом деле соответствуют чистому золоту Истины“».

«Если это в науке не будет проделано, то, так же, как и в деловом мире, ученые могут допустить ту ошибку, что слишком высоко оценят свой капитал и, соответственно этому, будут продолжать опасное раздутое дело. С тех пор как профессор Тиндаль произнес в Белфасте свою речь, видно по тем многочисленным откликам, которые она вызвала, что капитал эволюционной школы философии, к которой он принадлежит, далеко не так велик, как об этом думали не ученые, а просто интеллигентные круги. Когда человеку, не принадлежащему к научным кругам становится известна та огромная область домыслов и предположений науки, которая окружает область научно установленного и о которой ученые часто хвастают как о чем-то уже установленном, то он поражается».

Истинно так; и в то же время они отказывают в этой привилегии другим. Они протестуют против «чудес» церкви и отвергают столь же логические современные феномены. Ввиду признаний таких научных авторитетов как доктор Юманс и других, что современная наука сейчас переживает переходный период, казалось бы, что настало время, когда люди должны перестать считать некоторые вещи невероятными только потому, что они чудесны и кажутся противоречащими тому, что мы считаем всеобщими законами. Немало добронамеренных людей в нынешнем столетии, которые, желая реабилитировать имена таких мучеников науки, как Агриппа, Палисси и Кардап, тем не менее не в состоянии правильно понять их идеи. Они заблуждаются, думая, что неоплатоники больше внимания уделяли трансцендентальной философии, а не точным наукам.

«Несостоятельность, которую сам Аристотель так часто проявляет», – говорит профессор Дрейпер, – «не является доказательством ненадежности его метода, а скорее его недостоверности. Это несостоятельность, возникающая от недостатка достоверных фактов» [48, стр. 22].

Каких фактов? – мы можем спросить. Нельзя ожидать от человека науки, что он признает факты, доставляемые оккультной наукой, так как он не верит в последнюю. Тем не менее, будущее может доказать ее истинность. Аристотель передал свой индуктивный метод в наследство нашим ученым; но до тех пор, пока они не дополнят его «универсальностями Платона», у них будет еще больше «несостоятельств», нежели у великого наставника из Александрии. Эти универсальности являются делом веры только до тех пор, пока их нельзя продемонстрировать по их смыслу и обосновать на повторяемых опытах. Кто из наших нынешних философов может доказать тем же самым индуктивным методом, что древние не обладали умением производить такие демонстрации вследствие своих эзотерических исследований? Отрицания нынешних философов, неподкрепленные доказательствами, достаточно свидетельствуют, что они не всегда придерживаются индуктивного метода, о котором так много хвастают. Вынужденные обосновывать, *nolens volens*^[298] свои теории на основаниях, заложенных философами древности, они делают открытия, которые являются только побегами от семян, посаженных древними. И даже их открытия не полноценны, если и не мертворожденны. Причины их окутаны мраком и конечные последствия не предвидены.

«Мы не должны», – говорит профессор Юманс, – «рассматривать теории прошлого, как опровергнутые заблуждения, и нынешние теории, как окончательные. Живое и растущее тело Истины только привело по ходу эволюции свои покровы в более высокое и оживленное

состояние» [175, с. 4].

Это высказывание, отнесенное к современной химии одним из первейших философских химиков и наиболее энтузиастическим научным писателем современности, показывает переходное состояние, в котором находится наша современная наука, но что справедливо по отношению к химии, справедливо также по отношению всех ее сестер-наук.

Со времени появления спиритуализма врачи и патологи более чем когда-либо готовы обращаться с великими философами, такими как Парацельс и Ван Гельмонт, как с суеверными знахарями и шарлатанами – готовы высмеивать их понятия об *археусе* или *Anima Mundi* так же, как смеяться над значением, приписываемым ими познанию механизма звезд. И все же еще, насколько существенно продвинулась медицина с того времени, когда лорд Бэкон причислял ее к *предположительным* наукам?

Такие философы как Демокрит, Аристотель, Еврипид, Эпикур или скорее его жизнеописатель Лукреций, Эсхил и другие писатели древности, которых материалисты так охотно цитируют в качестве авторитетных оппонентов мечтательным платонистам, были только теоретики, а не адепты. Последние же, когда они писали, излагали свои мысли такими словами, что они становились понятными только посвященному, или же их труды уничтожались разъяренными толпами христиан. Кто из современных клеветников может поручиться, что он знает все о том, что они знали? Один только Диоклетиан сжигал целые библиотеки с сочинениями по «тайным наукам», ни одна рукопись, трактующая об изготовлении золота и серебра, не избежала гнева этого неотесанного тирана. В веках, которые теперь называются архаическими, искусства и цивилизация достигли такого развития, что мы теперь, благодаря Шампольону, узнаем, что Атоти, *второй* король из *первой* династии, написал труд по анатомии, а король Нечо – по астрологии и астрономии. Блантас и Синкр были знаменитыми географами тех далеких до-моисеевских дней. Элиан говорит об египтянине Ячасе, память которого чтут в веках за его удивительные достижения в медицине. Он остановил распространение нескольких эпидемий просто некими *окуриваниями*. В труде Аполлонида, по прозвищу Орапис, упоминаемого Теофилом, патриархом Антиохийским, озаглавленном «Божественная книга», были даны сокровенные жизнеописания и происхождение всех богов Египта; Аммиан Марселин говорит о сокровенной рукописи, в которой дан точный *возраст быка Аписа* – ключ ко многим тайнам вычисления циклов. Что стало со всеми этими книгами, и кто знает, какие сокровища знаний они содержали? Одно мы знаем точно, а именно: что языческие и христианские вандалы уничтожали такие литературные сокровища, *где бы они им не попадались*; и что император Александр Север прошел весь Египет, собирая священные книги по мистицизму и мифологии и разграблял все храмы; и что эфиопы, – по древности искусств и научных знаний равные египтянам, – претендовали на первенство по древности учености над ними, и они действительно это могли делать, ибо их знала Индия на самой заре истории. Мы также знаем, что Платон узнал в Египте больше сокровенных тайн, чем ему было разрешено упоминать, и что, по данным Шампольона, там есть все, что действительно хорошо и научно в трудах Аристотеля, – что в наши дни так хвалят приверженцы индуктивного метода, – всем тем Аристотель обязан своему *божественному Учителю*; и, как логическое следствие этого, Платон, те глубокие тайны, которые он узнал у египетских священнослужителей, устно сообщил своим посвященным ученикам, – которые, в свою очередь, передавали их дальше от одного поколения адептов другому, – и поэтому последние *знают больше* об оккультных тайнах природы, чем наши нынешние философы.

И здесь мы также можем упомянуть труды Гермеса Трисмегиста. Кто, или сколько было тех, кто имели возможность прочитать их в таком виде, в каком они хранились в египетских святилищах? В своих «Египетских мистериях» Ямвлих приписывает Гермесу 1 100 книг, а

Селевк насчитывает не менее чем 20 000 его сочинений до периода Менеса. Евсевий «в свое время» видел только шесть из них и говорит, что в них трактовалась медицина в таком виде, как она практиковалась в самые темные века;^[299] а Диодор говорит, что это был старейший из законодателей Мневис, третий потомок от *Менеса*, который получил их от Гермеса.

Из тех рукописей, которые дошли до нас, большинство являются латинскими переводами с греческого, сделанными, главным образом, неоплатониками с оригиналов, сохраненных некоторыми адептами. Марцилий Фицин, который первым опубликовал их в Венеции в 1488 г., дает только выдержки оттуда, а наиболее важные части, кажется, или были намечены или нарочно пропущены, как слишком опасные для опубликования в те дни инквизиторских костров. То же самое происходит теперь, когда каббалист, посвятивший всю свою жизнь изучению оккультизма и овладевший великой тайной, отваживается сказать, что только *каббала* приводит к познанию Абсолюта в Бесконечном и Бесконечного в Конечном, – над ним смеются все те, кто, вследствие знания невозможности разрешить квадратуру круга в виде физической проблемы, отрицают возможность сделать это в метафизическом значении.

Психология, по словам величайших авторитетов этого предмета, является областью науки, до сих пор совершенно неисследованной. Физиология, по словам Фурнье, одного из французских авторитетов, находится в таком плохом состоянии, что дает право ему высказывать в предисловии к своему эрудированному труду «Физиология нервной системы» следующее:

«Мы сознаем, наконец, что не только не разработана физиология мозга, но также *не существует никакой физиологии нервной системы*».

Химия была совершенно перестроена по-новому в течение последних нескольких лет, поэтому, подобно всем молодым наукам, этого ребенка еще нельзя считать крепко стоящим на ногах. Геология еще не в состоянии сообщить антропологии, как долго уже человечество существует на земле. Астрономия, одна из наиболее *тонких* наук, все спекулирует и находится в тупике по поводу космической энергии и многого другого не меньшей важности. Уоллес говорит нам, что в антропологии существует большое расхождение во мнениях по наиболее важным вопросам, касающимся происхождения человека. Многие выдающиеся врачи по поводу медицины высказались, что она не более, как область научных догадок и предположений. Везде неполнота, незавершенность, а совершенства нигде. Когда мы смотрим на этих серьезных людей, ощупью шарящих в темноте в поисках нехватящих звеньев их разорванных цепей, они кажутся нам уподобляющимся людям, отправившимся из бездонной пропасти по расходящимся тропинкам. Каждая из них оканчивается на краю бездны, которую они не в состоянии исследовать. С одной стороны, у них нет средств, чтобы спуститься в ее сокровенную глубину; с другой стороны, при каждой попытке их отбрасывают ревнивые часовые, которые не пропустят их. И таким образом, они продолжают изучать и наблюдать низшие силы природы, время от времени посвящая публику в свои *великие* открытия. Разве они, в самом деле, не наталкивались на жизненную силу и не уловили ее играющей свою игру корреляции с химическими и физическими силами? Действительно, они наталкивались. Но если мы спросим их, откуда эта жизненная сила? Как это получается, что они, которые недавно так твердо верившие, что материя уничтожима и может перестать существовать, а теперь так же твердо верят, что она неуничтожима и не перестает существовать, – как это получается, что они не в состоянии рассказать нам больше о ней? Почему они в этом случае вынуждены, как и во многих других случаях, возвращаться к доктрине, преподанной Демокритом двадцать веков тому назад? ^[300] Спросите их, и они ответят:

«Сотворение или уничтожение материи, увеличение или уменьшение материи *находятся за пределами науки...* ее область целиком ограничивается изменениями в материи... царство науки в пределах этих изменений – сотворение и уничтожение *находятся вне пределов царства науки*» [264, приложение].

Ох! но они находятся вне пределов досягаемости только материалистических ученых. Но зачем утверждать это в отношении науки? И если они говорят, что «энергия неразрушима, и ее может разрушить только та же самая сила, которая ее создала», то этим они молчаливо признают существование такой силы и поэтому *не имеют права* ставить палки в колеса тех, которые, будучи смелее, чем они сами, пытаются проникнуть за *эти пределы*, и находят, что это может быть осуществлено только *поднятием Завесы Изиды*.

Но, наверное, должна же быть среди этих зачаточных отраслей науки одна завершенная! Нам кажется, что мы слышали гром аплодисментов, подобный «голосу многих вод», при открытии протоплазмы. Но, увы! когда мы обратились к мистеру Гёксли, ученому, родителю новорожденного дитяти, то нашли его слова:

«Строго говоря, правда, что химическое исследование *почти ничего* не может сказать нам непосредственно о составе живой материи, и, что также правда, что... **мы ничего не знаем** о составе каких-либо тел!»

Все это, действительно, признание. Выходит тогда, что аристотелевский метод индукции в некоторых случаях приводит к неудачам в конце концов. Этим, кажется, также объясняется тот факт, что этот образцовый философ, несмотря на все его тщательное изучение частного прежде, чем подниматься ко всеобщему, учил, что земля *является центром* вселенной; тогда как Платон, запутавшийся в месиве пифагорейских «странностей» и начинающий со всеобщих принципов, был прекрасно осведомлен о гелиоцентрической системе. Мы легко можем доказать этот факт, пользуясь упомянутым индуктивным методом, в пользу Платона. Мы знаем, что *содалическая* клятва посвященного в мистерии не позволяла ему ясно и недвусмысленно поделиться с миром своим знанием.

«Мечтой его жизни было», – говорит Шампольон, – «написать труд, в котором изложить полностью все доктрины, преподанные ему египетскими иерофантами; он часто говорил об этом, но всегда должен был воздерживаться от этого вследствие своей „торжественной клятвы“».

А теперь, судя наших современных философов по *обратному* методу, – а именно, рассуждая от *общего* к *частному*, и оставляя в стороне ученых, как индивидуумов, чтобы высказать наше мнение о них в целом, – мы вынуждены заподозрить эту весьма почтенную ассоциацию в наличии узкомелочных чувств по отношению к своим старшим, древним, архаическим братьям. В самом деле кажется, что они как будто никогда не забывали поговорки: «Потуши солнце, и тогда засияют звезды». Мы слышали однажды, как французский академик, человек глубокой учености, сказал, что он с радостью пожертвовал бы собственной репутацией, чтобы изгладить из памяти людской многочисленные и смешные ошибки и провалы своих коллег. Но напоминание об этих ошибках не может быть слишком *частым*, принимая во внимание наши цели и предмет, который мы защищаем. Придет время, когда дети нынешних ученых, если они не унаследуют слепоты духа своих скептических родителей, будут стыдиться унижительного материализма и узости мышления своих отцов. Выражаясь языком достопочтенного Уильяма Ховитта,

«Они боятся новых истин, как сова и вор боятся солнца. Одно только рассудочное

просвещение не в состоянии постигнуть духовное. Как солнце отнимает свет у огня, так дух лишает зрения один только голый рассудок».

Это старая, старая история. С того времени, когда проповедник написал, – «ни глаза не удовлетворяются зримым, ни уши – слышимым», – ученые повели себя так, как будто сказанное было написано для того, чтобы описать их умственное состояние. Как верно Ликки, сам будучи рационалистом, не сознавая обрисовывает свойство ученых высмеивать все новое; он дает описание того образа мышления, с каким «образованные люди» принимают сообщение о совершившемся чуде!

«Они принимают его», – говорит он, – «с абсолютным и даже ироническим недоверием, исключаяющим надобность проверки фактов и свидетельств!»

Более того, пропитанные модным скептицизмом после того, как они пробились в академию, они, в свою очередь, превращаются в преследователей.

«Это любопытное явление в науке», – говорит Ховитт, – «что Бенджамин Франклин, который сам на себе испытал насмешки своих сограждан за свои попытки отождествить молнию с электричеством был одним из членов комитета ученых в Париже в 1778 году, который занимался исследованием месмеризма и осудил его, как абсолютное шарлатанство!»^[301]

Если бы люди науки ограничивались только дискредитацией новых открытий, это было бы в какой-то степени простительно вследствие их склонности к консерватизму, порожденному долголетней привычкой к тщательному изучению; но они не только претендуют на оригинальность, не подтверждаемую фактами, но и презрительно отбрасывают все утверждения о том, что люди древних времен знали столько же и даже больше, чем они сами. Жаль, что ни в одной из их лабораторий не вывешен текст из «Екклесиаста»:

«Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас» [Екклесиаст, I, 10].

В стихе, который следует за вышеприведенным, этот мудрец говорит: «Нет памяти о прежнем». Таким образом выражение применимо к каждому новому отрицанию. Так можно похвалить мистера Мелдрама за его метеорологические наблюдения за циклонами в Мавритании, и мистера Баксенделла из Манчестера за его описание конвенционных токов земли, доктора Карпентера и капитана Маури за создание карты экваториальных течений, и профессора Генри, который показывает нам, как полный влаги ветер разрешается от бремени, чтобы создать ручьи и реки только для того, чтобы они снова поднялись из океанов на вершины холмов, а затем послушаем, как Кохелет говорит:

«Идет ветер к югу, и *переходит* к северу, *кружится*, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» [Екклесиаст, I, 6].

«Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, *чтобы опять течь*» [Екклесиаст, I, 6].

Философия распределения тепла и влаги при помощи восходящих и нисходящих токов между экватором и полюсами совсем недавнего происхождения; но намек на нее пролежал в наиболее нам знакомой книге незамеченным почти три тысячи лет. И даже теперь, цитируя его, мы должны напомнить о том факте, что Соломон был каббалистом, и вышеприведенный текст был написан за тысячи лет до его времени.

Современные ученые отрезали наиболее значительную половину накопленных

человечеством фактов и теперь, естественно, не в состоянии построить философскую систему, которая удовлетворила бы их самих, не говоря уже о других. Они подобны углекопам в шахтах, которые целый день работают под землей и только ночью выходят на поверхность и поэтому не в состоянии оценить красоту и сияние солнечного света. Для них человеческая деятельность измеряется одною жизнью, и будущее представляется их рассудочному восприятию только как пропасть мрака. Никакая надежда на возможность вечных поисков и достижений, а, следовательно, и наслаждений не смягчает их нынешнего существования; они не предвидят никакой награды за свои усилия, кроме зарабатывания на хлеб насущный и призрачной бесполезной фантазии, что их имена не забудут в течение нескольких лет после того, как могила сомкнется над их останками. Смерть для них – угасание пламени жизни и рассеяние осколков лампы жизни по беспредельному пространству. Говорят, что Берселий, этот великий химик, расплакался в последний час своей жизни:

«Не удивляйтесь, что я плачу. Не считайте меня слабым человеком и не думайте, что я встревожен тем, что мне объявил доктор. Я приготовился ко всему. Но мне *приходится распрощаться с наукой*; и вы не должны бы удивляться, что это мне дорого обходится» [295, с. 79].

Как горьки должны быть размышления такого великого исследователя природы, как этот, когда он чувствует, что насильно прерывается его труд на полпути к завершению некоего длительного и великого исследования, построения некоей великой системы, раскрытия какой-то тайны, веками ставившей человечество в тупик, но на разрешение которой умирающий философ осмелился пойти! Взгляните на научный мир нынешнего дня, и увидите, как атомные теоретики накладывают заплатки на свои в клочья изорванные одежды, чрез которые проглядывали недостатки их специальной области. Смотрите, как они чинят пьедесталы, чтобы снова воздвигать идолов, низвергнутых со своих седалищ, где перед ними поклонялись до появления революционной теории, откопанной из гробницы Демокрита Джоном Далтоном! Они забрасывают свои сети в океан материальной науки только для того, чтобы порвались их ячейки, как только они наткнутся на какую-нибудь из ряда вон выходящую проблему. Воды этого океана подобны водам Мертвого моря – горьки на вкус; и такие плотные, что ученые едва могут погрузиться в них, а еще менее нырнуть до дна – это море, из которого ничто не вытекает, и нет жизни ни под его волнами, ни по побережью. Это темная, зловещая пустыня; оно не дает ничего, чем стоило бы обладать, потому что все, что оно дает – без жизни и без души.

Был такой период времени, когда ученые академики особенно потешались над простыми описаниями некоторых чудес, про которые древние авторы писали, что они совершались под их наблюдением. Какими несчастными болванами, а, может быть, и лжецами они казались ученым представителям века просвещения! Разве они, в самом деле, не описали лошадей и других животных, ноги которых имели некоторое сходство с руками и ногами человека? Но в 1876 году мы слышим, что мистер Гёксли читает лекции, в которых наиболее значительную роль играет *prolohippus*, обладающий предплечьем почти как у человека; и *orohippus* со своими четырьмя пальцами, эоценского периода, гипотетический *pedactyl equus*, далекий дядя по материнской линии современной лошади. Чудо подтвердилось! Скептики девятнадцатого века получили по заслугам за суеверных платоников – *допотопных профанов*, утверждавших то же самое задолго до того, как Гёксли и Жоффри Сент-Иллер приводили в пример лошадь, у которой, в самом деле, были пальцы, разделенные перепонками.^[302] Когда древние говорили о расах пигмеев в Африке, их обвиняли во лжи. И все же пигмеи, подобные описанным, были обнаружены и изучены французским ученым во время его путешествия в Тенда Майа на берегах Рио Гранде в

1840 году [296, т. ii, с. 210]; Они также были обнаружены Байярдом Тэйлором из Каира и мистером Бондом из Топографического Управления Индии, который обнаружил дикую карликовую расу в холмистых джунглях западного Галитца к юго-западу от холмов Пали, это была раса людей, о которых ходили слухи, но следов которых до того времени не было обнаружено.

«Это новая раса пигмеев, напоминающая африканских *обонгос* де Чейла, *аккас* Швейнфурта, и *докос* доктора Крафта как по своим размерам, так и по внешности и поведению». [303]

Геродота воспринимали как сумасшедшего, когда он говорил, что *слышал* о людях, которые спали в течение ночи, длящейся 6 месяцев. Если мы воспримем слово «спали» как некое недоразумение, то будет более чем легко объяснить остальное, как намек на долгую ночь полярных областей. Труды Плиния изобилуют фактами, которые недавно еще отрицались, как баснословные. Между прочим, он упоминает вид малых животных, у которых *самцы* своим молоком кормят своих малышей. Это описание доставило много веселья нашим ученым. В своем докладе «Геологический обзор территорий» за 1872 г. мистер К. Х. Мериам описывает редкую и удивительную породу кроликов (*Lepus Bairdi*), обитающую в сосновых лесах верховьев рек Виав и Йеллоустоуна в Вайоминге. [304] Мистер Мериам добыл пять экземпляров этой породы,

«которые... впервые появляются перед учеными исследователями. Любопытен факт, что все самцы этой породы имеют сосцы и принимают участие в кормлении детенышей! ... У взрослых самцов большие сосцы, полные молока, и волосы вокруг сосца были мокрые и слипшиеся, что свидетельствовало о том, что в момент взятия он был занят кормлением».

В карфагенском отчете о ранних путешествиях Ханно [305] было найдено длинное описание «диких людей... тела которых поросли волосами и которых переводчики называли *гориллами*»; ἀνθρώποι ἄγριοι, как записано в тексте, просто значит, что эти дикие люди были обезьяны. До нашего нынешнего века вышеприведенное сообщение считалось басней, и Додвел целиком отвергал подлинность как самой рукописи, так и ее содержания. [306] Последние переводчики и толкователи трудов Платона приписали знаменитую Атлантиду к одной из платоновских «возвышенных выдумок». [307] Даже откровенное признание великого философа в «Тимее», что «говорят, что в свое время... обитатели острова (Посейдона) хранили *предание*, переданное им от предков о существовании Атлантиды, огромного острова... и т. д.» [308] – не спасло великого учителя от обвинения во лжи «непогрешимой современной наукой».

Среди великих множеств людей, глубоко погруженных в суеверное невежество средних веков, было несколько изучающих герметическую философию старины, которые, воспользовавшись тем, чему она их научила, были в состоянии предсказать открытия, которыми хвастает наш нынешний век, в то же самое время, когда предки наших современных верховных жрецов храма Святой Молекулы, все еще в простейших явлениях природы открывали следы копыт Сатаны. Профессор А. Уайлдер пишет:

«Роджер Бэкон (шестнадцатый век), в своем трактате „О замечательных силах искусства и природы“ посвящает первую часть труда естественным фактам. Он дает нам намеки на порох и предсказывает использование пара в качестве движущей силы.

Гидравлический пресс, водолазный колокол и калейдоскоп были подробно описаны» [173].

Древние говорят о водах, превращенных в кровь, о кровавом дожде, о снежных бурях, после которых земля на пространстве многих миль была покрыта снегом из крови. Это выпадание темно-красных частиц оказалось, как и все остальное, естественным явлением. Оно происходило в различные эпохи, но причина его происхождения остается загадкой до сегодняшнего дня.

Кандолл, один из наиболее выдающихся ботаников нынешнего века пытался доказать в 1825 г. в то время, когда озеро Морат казалось превратится в густую кровь, что этот феномен можно легко объяснить. Он приписывал это явление развитию в воде мириадом тех полурастительных, полуинфузорных животных, которых он называет *Osellatoria rubescens* и которые образуют звено между животными и растительными организациями.^[309] В другом месте мы дадим объяснение о красном снеге, который капитан Росс наблюдал в Арктике. Много мемуаров написано по этому предмету наиболее выдающимися естествоиспытателями, но гипотезы даже двоих из них не совпадают. Некоторые называют его «порошком пыльцы одного вида сосны»; другие – малыми насекомыми; а профессор Агардт весьма откровенно признается, что он не в состоянии ни объяснить причины этого явления, ни разобраться в природе красного вещества.^[310]

Говорят, что единодушное свидетельство человечества является неопровержимым доказательством истины. И о чем когда-либо существовало больше единодушных свидетельств в течение тысячелетий как среди цивилизованных народов, так и среди наиболее варварских, как о существовании крепкой, непоколебимой веры в магию? Последняя подразумевает противоречие законам природы только в умах невежественных людей; и если такое невежество прискорбно у древних необразованных народов, то почему наши цивилизованные и высокообразованные классы ярых христиан не оплакивают этого свойства у самих себя? Чудеса христианской религии не более стойки при проверке, чем библейские чудеса. Только одною магиею, в настоящем значении этого слова, можно объяснить чудеса Ааронова жезла и деяния магов фараона, выступивших против Моисея. И она объясняет их, не задевая правдивости изложения авторов «Исхода» и не требуя больше уважения для пророка Израиля, чем для других и ни на миг не допуская возможности, что «чудо» совершается в противоречии с законами природы. Из многих «чудес» мы можем выбрать в качестве иллюстрации то, в котором «река превратилась в кровь». В тексте сказано:

«Бери твой жезл и протяни свою руку (вместе с жезлом) над водами, потоками, и т. д. ... чтобы они превратились в кровь».

Безо всяких колебаний мы заявляем, что мы неоднократно видели, как проделывалось то же в небольшом масштабе, в этих случаях опыт не применялся к реке. Со времени Ван Гельмонта, который, несмотря на насмешки, которым он подвергался, хотел дать истинные наставления по так называемому воспроизводству угрей, лягушек и разного рода инфузорий вплоть до представителей самозарождающегося поколения нынешнего века, известно, что такая интенсификация зародышей возможна безо всяких чудес, противоречащих законам природы. Эксперименты Пастера и Спалланзони, и полемика панспермистов и гетерогенистов, – учеников Бьюфона, среди них – Нидхэма, – слишком долго привлекали внимание публики, чтобы могли оставаться какие-либо сомнения, что, живые существа могут появляться везде, где существуют благоприятные условия влажности и температуры. Протоколы официальных

собраний Академии наук в Париже^[311] содержат отчеты о частых явлениях кроваво-красного снега и воды. Эти кровавые пятна назывались *lepra vestuum*, и представляли только лишайниковые инфузории. Впервые их наблюдали в 786 и в 959 гг., когда происходили большие бедствия. Являются ли эти зоокарпии растениями или животными – не установлено до сегодняшнего дня, и никакой натуралист не рискнет с уверенностью сказать, к какому царству природы они принадлежат. Современник больше не может отрицать, что такие зародыши могут быть принуждены усиленно развиваться в конгениальный элемент в невероятно короткий срок. И если химия, с одной стороны, нашла способы удалять из воздуха носящиеся в нем зародыши, а с другой стороны, создав противоположные условия, может развивать или позволять развиваться зародышам, то почему не могли египетские маги делать то же самое «своими чарами»? Гораздо легче представить, что Моисей, который, по утверждению Мането, был египетским священнослужителем и был обучен всем секретам страны *Чеми*, творил «чудеса» в соответствии с законами природы, нежели думать, что сам Бог нарушает им же самим установленные законы. Мы повторяем, что мы видели, как адепты Востока производили это окровавление воды. Это может быть осуществлено одним из двух способов. В первом случае экспериментатор пользовался магнетическим жезлом, сильно наэлектризованным, которым он проводил над водою, заключенной в металлическом сосуде, следуя предписанному процессу, который мы в данное время не имеем права описывать подробнее; по истечении десяти часов на поверхности появилось нечто вроде красноватой пены, которая через два часа превратилась в какой-то лишайник, подобный *lepraria kermasina* барона Врангеля. Затем все это превратилось в кроваво-красное желе, которое окрасило воду в малиновый цвет; спустя 24 часа эта вода вся кипела живыми организмами. Во втором – поверхность медленно текущей речки с илистым дном была густо посыпана порошком из высушенного и затем измельченного растения. Хотя создалось впечатление, что насыпанный порошок весь уносится течением, какая-то его часть, должно быть, осела на дно, ибо на следующее утро вода на поверхности сгустилась, и появилось то, что Кэндолл описывает как *Oscillatoria rubescens*, темно-красного цвета, про которую думают, что она является звеном между животной и растительной жизнью.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы не видим причин, почему бы ученым алхимикам и физикам – именно, *физикам* – дней Моисея, так же не знать секрета природы, чтобы в течение нескольких часов развить, размножить мириады бактерий, чьи споры мы находим в воздухе, в воде и в тканях животных *жезл* играет такую же важную роль у Аарона и Моисея, какую он играл в так называемых «магических представлениях» каббалистов-магов в средние века – в «представлениях», которые теперь считаются суеверными дурачествами и шарлатанством. Жезл Парацельса (его каббалистический трезубец), знаменитые жезлы Альберта Магнуса, Роджера Бэкона и Генри Кунрата заслуживают не более насмешек, чем измерительный электромагнетический прибор врачей нынешнего времени. То, что казалось абсурдным и невозможным для невежественных шарлатанов и даже для ученых прошлого столетия, теперь начинает принимать призрачный облик вероятного, возможного, и многое уже становится совершившимися фактами. Даже более того, некоторые ученые-знахари и невежественные ученые начинают признавать эти истины.

В отрывке, сохраненном Евсевием, Порфирий в своем «Письме к Анебо» [212] просит Шэрмона, «иерограмматика», доказать, что доктрина магии, адепты которой «могли бы привести в ужас богов», была в самом деле, одобрена египетскими мудрецами [214]. Итак, основываясь на правиле свидетельства истории, выдвинутом мистером Гёксли в его нэшвилльском обращении, с неотразимой силой возникают два заключения: первое, что Порфирий, обладающий безупречной репутацией высоконравственного и уважаемого человека, неспособного к преувеличениям в своем изложении, не мог солгать в этом деле и *не* солгал;

второе, что будучи столь эрудированным во всех отраслях человеческих познаний, о которых он трактует, [\[312\]](#) он не мог сделаться жертвою обмана в отношении магического «искусства», и в самом деле *не* был обманут. Учение о вероятности поддерживает выдвинутую Гёксли теорию исторического свидетельства и поэтому все это, вместе взятое, вынуждает нас поверить: 1) что, в действительности, существовала такая вещь, как магическое «искусство» и 2) что этим искусством обладали египетские маги и священнослужители, которые применяли это искусство на практике, и которых даже сэр Дэвид Брюстер считает людьми глубоких научных достижений.

«Вы никогда не услышите, чтобы настоящие философы – защитники доктрины единообразия говорили о невозможном в природе. Они никогда не говорят того, в чем их постоянно обвиняют, говоря, что невозможно, чтобы Строитель вселенной переделывал свой труд... Никакая теория не приводит их (английское духовенство) в расстройство. Пусть будет произнесена наиболее разрушительная теория, лишь бы она была изложена в манере, принятой среди джентльменов, и они посмотрят ей в лицо».

Тиндаль, «Лекция об использовании в науке воображения».

«Мир хочет иметь какую-нибудь религию, даже хотя бы для этого пришлось прибегнуть к интеллектуальному блюду спиритуализма».

Тиндаль. «Фрагменты науки».

*«Но перед этим из могилы
Ты снова должен выйти в мир
И, как чудовищный вампир,
Под кровлю приходить родную –
И будешь пить ты кровь живую
Своих же собственных детей».*

Лорд Байрон, «Гяур». [\[313\]](#)

Мы приближаемся к священной ограде храма бога Януса – молекулярного Тиндаля. Снимем обувь и войдем туда босыми. Так как мы проходим святая святых храма учености, мы приближаемся к ослепительно сияющему солнцу гёкслицентрической системы. Давайте потупим наши очи, чтобы не ослепнуть.

Мы обсуждали различные вопросы, содержащиеся в этой книге с такою сдержанностью, с какою могли, имея в виду позицию или отношение, какого веками придерживался ученый и богословский мир по отношению к тем, от кого они унаследовали обширные основы всех тех познаний, которыми они теперь обладают. Когда мы стоим в стороне и в качестве зрителей видим, как много знали древние и как много знания приписывают себе наши современники, то нас удивляет, что такая несправедливость остается незамеченной нашими учеными.

Каждый день приносит новые признания самих ученых и хорошо осведомленных посторонних наблюдателей. В качестве иллюстрации к сказанному приводим нижеследующий отрывок из ежедневной газеты:

«Любопытно отметить различие мнений у ученых по отношению к самым обыденным явлениям природы. Утренняя заря одно из таких явлений. Декарт считал ее результатом падения метеоров с высших слоев атмосферы. Галлей приписывал ее к магнетизму земного шара, и Далтон согласился с этим мнением. Коутс полагал, что утренняя заря возникает в результате ферментации материи, излучаемой из земли.

Марион придерживался мнения, что это есть следствие соприкосновения сияющей атмосферы солнца с атмосферой нашей планеты. Эйлер думал, что заря возникает от вибраций эфира между частицами земной атмосферы. Кантон и Франклин рассматривали зарю, как чисто электрическое явление, а Пэррот приписал ее сгоранию карбонида водорода, поднимающегося с земли вследствие гниения растительных веществ, и считал падающие звезды причиною его воспламенения. Де Ла Риве и Эрстед пришли к заключению, что это явление магнетическое, и притом чисто земное. Олмстед подозревал, что какое-то тело туманности вращается вокруг солнца, и когда эта туманность находится по соседству с землей, часть ее газоподобной материи смешивается с нашей атмосферой, в результате чего создается заря».

Мы могли бы сказать то же самое о любой отрасли науки.

Итак, создается впечатление, что даже самым обычным природным явлением мнения ученых далеки от единодушия. Нет ни одного экспериментатора, ни богослова, который, разбираясь в тонких соотношениях между сознанием и материей, их происхождением и конечными состояниями, не обводил бы магического круга на плоскости, которую он называет *запретной темой*. Куда священнику вера позволяет идти, туда он идет; ибо, как говорит Тиндаль,

«у них нет недостатка в положительном элементе, а именно, в любви к истине; но отрицательный элемент – боязнь ошибок – преобладает».

Но беда в том, что бремя их догматического верования сгибает слабые ноги их интеллекта, как ядро и цепь пленника в яме.

Что касается продвижения ученых, то сама их ученость задерживается двумя причинами – их органической неспособностью понимать духовную сторону природы и их страхом общественного мнения. Никто так резко не высказался против них, как профессор Тиндаль, сказав:

«По существу, величайших трусов не следует искать среди духовенства, но среди самих ученых» [299].

Если бы существовало хоть малейшее сомнение о применимости этого унижительного эпитета, то это сомнение было устранено поведением самого профессора Тиндаля; ибо в своем Белфастском обращении, в качестве председателя Британской Ассоциации, он не только различал в материи «*обещание и мощь* осуществления всех форм и качеств жизни, но и обрисовал науку, как вырывающую из рук богословия всю область космологической теории»; но когда он столкнулся с гневным общественным мнением, то опубликовал исправленное обращение, в котором он переделал свое выражение, заменив слова «*всех форм и качеств жизни*» словами *всей земной жизни*. Это больше чем трусость – это позорный отказ от своих собственных принципов. Во время Белфастского собрания у мистера Тиндаля было два предмета, к которым он питал сильное отвращение – теология и спиритуализм. Что он думал о первом, мы уже показали. Но когда церковь крепко его прижала, обвиняя в атеизме, он поспешно отрекся от вменяемого ему обвинения и запросил примирения. Но так как его возбужденные «нервные центры» и «мозговые молекулы» стремились к уравновесию путем разрядки в каком-либо направлении, он обрушился из-за своего малодушия на беспомощных спиритуалистов и в своих «Научных фрагментах» оскорбляет их верование такими словами:

«Мир хочет иметь какую-нибудь религию, даже хотя бы для этого пришлось прибегнуть к интеллектуальному блюду спиритуализма».

Какая это чудовищная аномалия, когда миллионы разумных людей позволяют так оскорблять себя некоему водителю науки, который сам сказал, что с «догматизмом» нужно бороться как науке, так и вне ее!

Не будем занимать места в книге этимологической ценностью этого эпитета. Выражая надежду, что наука будущих веков не подхватит его, дав ему определение *тиндализм*, мы просто напомним этому благожелательному джентльмену об одной его характерной черте. Один из наших наиболее умных, уважаемых и эрудированных спиритуалистов, автор не малой известности,^[314] многозначительно назвал эту черту «его (Тиндаля) кокетством с противоположными мнениями». Если мы примем для мистера Тиндаля этот эпитет во всем его неприглядном значении, то к спиритуалистам он менее применим, поскольку они остаются верны своим убеждениям, чем к атеистическому ученому, который покидает объятия милого материализма, чтобы переметнуться в руки презренного теизма лишь потому, что это выгодно ему.

Мы видели, как Магенди откровенно признал невежество физиологов по некоторым из наиболее важных проблем жизни, мы также видели, как Фурнье согласился с ним. Профессор Тиндаль признает, что эволюционная гипотеза не разрешает и не претендует на разрешение конечной тайны.

Поскольку наши врожденные способности нам позволяли, мы также раздумывали над знаменитой лекцией профессора Гёксли «О физической основе жизни», так что мы можем сказать в этой книге, что то, что мы скажем о направлении и тенденции современной научной мысли не будет заключать в себе невежественных утверждений. При изложении современной научной мысли в наиболее сжатом виде ее можно сформулировать так: Все сотворено из космической материи; различие форм есть результат различных изменений и комбинаций материи; материя «пожрала дух», следовательно, духа не существует; мысль есть свойство материи; существующие формы умирают, чтобы другие формы могли занять их место; несходство в организмах обязано своим происхождением только переменам химической деятельности в той же самой жизнематерии – так как вся протоплазма тождественна.

Поскольку это касается химии и микроскопии, система профессора Гёксли может быть безупречной, и тот глубокий интерес, который она вызвала во всем мире, понятен. Но ее недостатком является то, что нить его логики нигде не начинается и заканчивается в пустоте. Имеющийся у него материал он использовал наилучшим образом. Он берет вселенную, как наполненную молекулами, наделенными действенной энергией и содержащими в себе жизненное начало, и все остальное уже легко. Одни комбинации присущих природе сил побуждают молекулы скапливаться и образовывать миры, другие – развиваться в различные растительные и животные организмы. Но что дало первый импульс этим молекулам и наделило их таинственной способностью жизни? Что это за оккультное свойство, которое заставляет протоплазмы человека, зверя, пресмыкающееся, рыб или растения дифференцироваться, отличаться одно от другого, каждого развиваться по-своему, а не так, как другие? И после того как физическое тело отдает свои составные части почве или воздуху, становясь «плесенью или дубом, червяком или человеком», что после того происходит с той жизнью, которая оживляла остов?

Должно ли действие закона эволюции, так мощно и повелительно проявившегося в методах природы с тех пор, как носятся в мировом пространстве молекулы, и до того времени как они

образовали человеческий мозг, должно ли действие этого закона внезапно оборваться на точке смерти человека, не позволяя ему дальше развиваться и стать более совершенным существом по этому «предшествующему закону форм»? Приготовился ли мистер Гёксли утверждать невозможность того, что после смерти человек попадает в состояние существования, в котором его окружают новые формы растительной и животной жизни, результат нового переустройства сублимированной теперь материи?^[315] Он ведь признает, что он ничего не знает о феномене тяготения; за исключением того, что, по человеческим наблюдениям,

«камни, если их снизу не поддерживать, падают на землю и поэтому нет основания думать, что другие камни при таких же обстоятельствах не будут падать на землю».

Но он категорически отвергает любую попытку превратить эту вероятность в неизбежность и, по существу, говорит:

«Я категорически отвергаю и предаю анафеме того, кто вторгается, навязывает. Факты я знаю, и закон я знаю; но что такое неизбежность, как не тень, отброшенная моим сознанием?»

Она только то, что все, что происходит в природе, есть результат неизбежности, и закон, который однажды действовал, будет продолжать так действовать неопределенное время, пока не будет нейтрализован противодействующим законом равной мощности. Таким образом, что камень должен падать на землю, повинуюсь одной силе; но равно естественно также и то, что этот камень не должен падать на землю или, упавши, должен снова подниматься, повинуюсь другой силе, равной по мощи, независимо от того, знаком ли мистер Гёксли с этим явлением, или нет. Это естественно, что стул должен стоять на полу, куда его поставили, и точно также естественно и то (как свидетельствуют об этом сотни компетентных свидетелей), что он поднимается на воздух, причем к нему не прикасается ни одна видимая рука смертного. Не является ли обязанностью мистера Гёксли сперва удостовериться в реальности этого явления и затем изобрести новое название научное для той силы, которая стоит за этим феноменом?

«Факты я знаю», – говорит мистер Гёксли – «и закон я знаю». Ну, а каким образом он ознакомился с фактами и законами? Несомненно, посредством своих собственных чувств; эти бдительные слуги дали ему возможность открыть достаточно такого, что он считает истиной, чтобы построить систему, которая, как он сам признается, «кажется почти потрясающей для здравого рассудка». Если его свидетельство должно быть принято в качестве основы для всеобщей перестройки религиозных верований, хотя все то, что он выдвигает, есть только теория, то почему же не заслуживает такого же почтительного отношения и рассмотрения совокупное свидетельство миллионов людей о явлениях, которые подрывают самые основы его теории. Мистер Гёксли не *заинтересован* в этих феноменах, но те миллионы заинтересованы; и в то время, когда он переваривает «хлебные и бараньи протоплазмы», чтобы набраться сил для еще более отважных полетов в области метафизики, они узнают знакомые почерки тех, кого любили больше всех, выведенные руками духов, и опознают в призрачных подобию тех, кто жили здесь и прошли через изменение, называемое смертью, опрокидывая таким образом его излюбленную теорию.

До тех пор, пока наука будет признавать, что область ее деятельности находится только *внутри* пределов этих изменений материи, что химия будет удостоверять, что материя путем изменения своих форм «от плотного или жидкого состояния до газообразного» только

переходит из видимости в невидимость, причем сохраняется то же количество материи, до тех пор она *не имеет права* догматизировать. Она не компетентна, чтобы сказать либо да, либо нет, и должна предоставить слово лицам более интуитивным, нежели ее представители.

Выше всех других имен в пантеоне нигилизма мистер Гёксли ставит имя Давида Юма. Он считает великой услугой человечеству со стороны этого философа его неоспоримый показ «пределов философского исследования», за которыми находятся основные доктрины «спиритуализма», и других «измов». Правда, что десятая глава из «Исследования человеческого познания» Юма была так высоко оценена автором, что он считал, что в руках «мудрых и ученых» она будет служить постоянным средством воспрепятствования «всякого рода суеверным заблуждениям», которые в его понимании являются просто обратными названиями, означающими веру в некоторые феномены, прежде ему неизвестные, но произвольно причисленные им к чудесам. Но, как мистер Уоллес справедливо замечает, определение Юма, что «чудо есть нарушение законов природы», – неверно, ибо, во-первых, оно также подразумевает, что необычное явление *есть* чудо. Мистер Уоллес предлагает определить чудо, как «любой акт или событие, совершение которых неизбежно подразумевает существование и вмешательство сверхчеловеческих разумов». Сам Юм говорит, что «единообразие опыта становится доказательством», и Гёксли в этом своем знаменитом очерке признает, что все то, что мы знаем про существование закона тяготения, заключается в том, что по всему опыту человечества камни, если их не поддерживать, всегда падали на землю и поэтому нет причины думать, что то же самое не произойдет при идентичных обстоятельствах, а наоборот, есть все основания полагать, что произойдет.

Если бы было несомненно установлено, что пределы человеческого опыта никогда не расширятся, тогда в предположении Юма о том, что он знаком со всеми явлениями, какие только могут произойти под действием закона природы, была бы доля справедливости и некоторое оправдание за тот презрительный тон, которым отмечены все выпады Юма против спиритуализма. Но так как из писаний обоих этих философов видно, что они невежественны по части возможностей психологических феноменов, то нужно проявить много осторожности при взвешивании их догматических утверждений. Читая их, создается впечатление, что человек, позволяющий себе также грубые критические выпады в отношении спиритуалистических феноменов, прежде чем возвести себя в сан академического цензора, вероятно, изучил свой предмет. Но в письме, адресованном Лондонскому диалектическому обществу, мистер Гёксли после сообщения о том, что ему некогда заниматься изучением спиритизма, и что он его не интересуется, – делает следующее признание, показывающее нам, на каких ничтожных основаниях современные ученые строят очень категорические мнения:

«Единственный случай спиритуализма, какой мне когда-либо довелось самому исследовать, представлял собою такой грубый обман, какого я раньше не встречал».

Что подумал бы этот протоплазмический философ о спиритуалисте, которому единственный раз представилась возможность смотреть на звезды через телескоп, но над которым какой-то игривый ассистент обсерватории сыграл злую шутку, обманув его, и теперь этот спиритуалист объявляет всю астрономию «унизительным суеверием»? Этот факт доказывает, что ученые, как правило, полезны только в качестве собирателей фактов; исходящие от них обобщения часто оказываются слабее и нелогичнее, чем обобщения светских критиков. Это также причина того, почему они неправильно истолковывают доктрины древности.

Профессор Бальфур Стюарт воздает дань уважения философской интуиции Гераклита Эфесского, который жил за пять веков до нашей эры; он был «вопиющий» философ, который

заявил, что «огонь есть великая первопричина, и все находится в постоянном движении».

«Кажется, ясно», – говорит профессор, – «что у Гераклита должна была иметься ясная концепция о прирожденной неутомимости и энергии вселенной, концепции близкой по своему характеру, только *менее точной*, чем концепция современных философов, которые рассматривают материю, как динамичную по своему существу».

Он считает выражение «огонь» очень смутным. И это вполне естественно, так как нет доказательств, что профессор Бальфур Стюарт (который кажется менее склонным к материализму, чем некоторые из его коллег) или кто-либо из его современников понимают, в каком значении здесь употреблено слово «огонь».

Его (Гераклита) мнение о происхождении всего было то же, что и у Гиппократов. Оба придерживались одних и тех же взглядов на верховную власть [301], и поэтому их понятия об изначальном огне, рассматриваемом как материальная сила, короче говоря, как нечто сродни динамизму Лейбница, были «менее точны», чем понятия философов современности (что, впрочем, еще надо доказать), но зато, с другой стороны, их метафизические взгляды об этом были намного более философские и рациональные, чем односторонние теории ученых нынешних дней. Их идеи были в точности те же, что и у позднейших «философов огня», розенкрейцеров и зороастрийцев. Они утверждали, что мир был создан из огня, *божественный дух* которого есть всемогущий и всезнающий БОГ. Наука снисходительно подтверждает их претензии в отношении физического вопроса.

Огонь, в древней философии всех времен и стран, включая и нашу, рассматривался как тройственный принцип. Как вода заключает в себе зримую жидкость с незримо скрывающимися газами внутри, за которыми находится духовный принцип природы, который дает им динамическую энергию, так и в огне они различали: 1. Зримое пламя; 2. Незримый или астральный огонь – незримый, когда в бездеятельности, но когда в деятельности, то производящий тепло, свет, химическую энергию, электричество, молекулярные энергии; 3. Дух. Они прикладывали то же самое правило к каждому из элементов; и все развившееся из их комбинаций и корреляций, включая и человека, они считали триединым. По мнению розенкрейцеров, которые были приемниками теургов, огонь был источником не только материальных атомов, но также и тех сил, которые сообщают им энергию. Когда угасает зримое пламя, оно исчезает не только из поля зрения, но также и из концепции материалиста навсегда. Но философ герметизма следит за ним через «познаваемое подразделение мира по ту сторону непознаваемого», точно так же, как он следит за развоплощенным духом человека, «искрой небесного пламени», в эфире, в загробном мире. [316]

Тема эта слишком значительна, чтобы оставить ее без нескольких пояснительных слов. Позиция, занятая физической наукой по отношению к духовной половине космоса, в совершенстве выявлена ее грубым представлением об огне. В этой, как и во всех других отраслях науки, у их философов нет ни одной здоровой доски – все изъедены и слабы. Труды их собственных авторитетов, полные уничижительных признаний, дают нам право сказать, что платформа, на которой они стоят, настолько неустойчива, что в любой момент какое-то новое открытие, сделанное одним из их членов, может выбить подпорки из-под этой платформы, и тогда они все упадут в одну кучу. Они настолько горят желанием устранить дух из своих концепций, что как Бальфур Стюарт констатирует:

«Существует тенденция удариться в противоположную крайность и чрезмерно разрабатывать физические концепции». – Он произносит весьма своевременное предостережение, добавляя: «Будем осторожны, чтобы убегая из Сциллы, не попасть к Харибде. Ибо у вселенной не только одна точка зрения и, возможно, что в ней

существуют области, которые не раскроют своих сокровищ самому настойчивому физику, вооруженному только килограммами, метрами и общепринятыми часами» [180]. – В другом месте он признается: «Мы ничего или почти ничего не знаем о конечном строении и свойствах материи как органической, так и неорганической».

Что касается другого великого вопроса, – то у Маколея мы находим еще более безоговорочное заявление:

«Мы не думаем, что по вопросу о том, что происходит с человеком после смерти, высокообразованный европеец более сведущ, чем индейцы племени черноногих. Ни одна из столь многих наук, которыми мы превосходим индейцев племени черноногих, не проливает ни малейшего света на состояние души после того, как погасла животная жизнь. Поистине, все философы, древние и современные, которые пытались без помощи откровения доказать бессмертия души, от Платона до Франклина, как мне кажется, потерпели печальную неудачу».

Существуют откровения, приносимые духовными чувствами человека, которым можно доверять намного больше, чем всем софистическим изощрениям материализма. То, что было наглядным доказательством и успехом в глазах Платона и его учеников, теперь рассматривается как избыток бьющей через край фантазии, базирующейся на ложной философии, и как неудача. Научные методы переменились. Свидетельство людей древности, которые были ближе к истине, ибо они были ближе к духу природы – к единственному аспекту, в котором божественное позволяет себя рассматривать и постигать, – отвергается. Их умозрения – если мы обязаны поверить современным мыслителям – представляют только многословное изложение бессистемных мнений людей, незнакомых с научными методами нынешнего века. То немногое, что они знали о физиологии, они глупо обосновывали на наглядно демонстрируемой психологии, тогда как ученые наших дней обосновывают психологию – в которой они, по собственному признанию, совершенно невежественны – на физиологии, которая пока что для них тоже является запечатанной книгой и еще не выработала собственных методов, как говорит нам Фурнье. Что касается последнего возражения в аргументации Маколея, то, века тому назад, на него ответил Гиппократ: «Все познания, все искусства нужно искать в природе», – говорит он; – «если мы будем спрашивать ее *надлежащим образом*, она откроет нам истину, подходящую для того и другого и для нас самих. Что такое природа в действии, как не сама самопроявляющаяся божественность? Как мы должны спрашивать ее, и как она должна отвечать нам? Мы должны действовать с *верой*, с твердой уверенностью, что раскроем, наконец, полную истину, и тогда природа позволит нам узнать ее ответ через наше *внутреннее* чувство, которое с помощью уже имеющегося у нас познания по определенному виду *искусства* или *науки* раскроет нам истину настолько ясно, что дальнейшие сомнения станут невозможными» [302].

Таким образом, по данному вопросу, поскольку он касается *внутреннего* чувствования, дающего человеку уверенность в собственном бессмертии, маколеевскому индейцу племени черноногие можно доверять больше, чем наиболее изощренному и развитому рассудку. Инстинкт есть всеобщий дар природы от самого божественного духа; рассудок же есть плод медленного развития нашей физической конституции, продукт эволюции нашего возмужавшего мозга. Инстинкт, как божественная искра, скрывается в бессознательном нервном центре моллюска асцидии, и проявляет себя на первой стадии деятельности его нервной системы в том, что физиологи называют рефлексивной деятельностью. Он существует в низших классах безголовых животных так же хорошо, как те, которые обладают четко выраженными головами;

он растет и развивается по закону двойной эволюции физически и духовно; и, вступив в сознательную стадию развития и прогресса головастых видов, уже наделенных чувствительностью и симметрически расположенными ганглиями, эта рефлексивная деятельность, независимо от того, называют ли ученые ее *автоматической*, как у низших видов, или же *инстинктивной*, как у более сложных организмов, которые действуют под водительством чувств и стимулов, порожденных различными ощущениями, тем не менее это одно и то же. Это – *божественный инстинкт* в беспрестанном ходе развития. Этот инстинкт животных, который действует с момента их рождения, каждый в предписанных природою пределах, и который безошибочно знает, как заботиться о себе, за исключением случаев, происходящих из более высокого инстинкта, нежели их собственный, – этот инстинкт можно ради точности назвать автоматическим; но он должен иметь или внутри животного, которое обладает им, или *снаружи*, какой-нибудь или тот же самый разум в качестве проводника его.

Эта мысль, вместо того, чтобы противоречить доктрине эволюции и постепенного развития, которой придерживаются все выдающиеся люди нашего времени, наоборот, упрощает и пополняет ее. Она легко обходится без особого созидания по каждому отдельному виду; ибо там, где первое место отводится бесформенному духу, форма и материальная субстанция приобретают второстепенное значение. Каждый, более усовершенствованный в физической эволюции, вид только предоставляет более широкое поле деятельности направляющему его разуму, чтобы последний мог действовать в улучшенной нервной системе. Виртуоз лучше может раскрыть свое искусство в создании волн гармонии на рояле Эрарда, чем на спинете шестнадцатого века. Поэтому, был ли этот *инстинктивный* импульс непосредственно запечатлен на нервной системе первого насекомого, или же каждому виду приходилось развивать постепенно самому, инстинктивно подражая действиям себе подобных, как учит более усовершенствованная доктрина Герберта Спенсера, – это не существенно для данного вопроса. Вопрос касается только *духовной* эволюции. И если мы отвергаем эту гипотезу как ненаучную и недоказанную, тогда физическому аспекту эволюции, в свою очередь, предстоит та же самая участь, потому что один настолько же недоказан, насколько недоказан и другой, а *духовной интуиции* человека не дозволено согласовать их оба под предлогом, что это «не философски». Не зависимо от нашего желания, мы постоянно возвращаемся к старому вопросу, заданному Плутархом в «Застольных беседах»: что было прежде – яйцо или курица.

Теперь, когда авторитет Аристотеля потрясен до самого основания авторитетом Платона, когда наши ученые отвергают всякий авторитет, даже больше – ненавидят его и уважают лишь свой собственный, когда общая оценка человеческой коллективной мудрости меньше всего ценится, человечество, возглавляемое самой наукой, неудержимо тянется назад к исходной точке старейших философий. Нашу идею мы находим прекрасно выраженной неким писателем в «Популярном научном ежемесячнике».

«Боги сект и общин», – говорит Осгуд Мейсон, – «могут остаться, пожалуй, без привычного почитания, но, между тем, мир начинает озаряться более ясным и нежным светом – концепций, может быть, несовершенной еще, с сознательной, всему начало дающей, всенасыщающей действенной душе – „Сверхдуше“, Причине, божественности; не поддающейся выражению человеческим языком, но наполняющей и одушевляющей каждую живую душу в обширной вселенной в соответствии с ее мерой: *Природа есть храм ее*, и восторг – почитание ее».

Это чистый платонизм, буддизм и возвышение и правильные воззрения на природу арийцев раннего периода, выразившиеся в их обожествлении природы. И таково же выражение этой основной мысли у каждого теософа, каббалиста и у оккультистов вообще. И если мы сопоставим эту основную мысль с вышеприведенной цитатой из Гиппократы, то мы найдем в последней ту же самую мысль и тот же самый дух.

Но вернемся к предмету нашего обсуждения. У ребенка не хватает рассудка – последний у него еще находится в латентном состоянии; и пока что ребенок, в отношении инстинкта, ниже животного. Он сожжет или утопит себя прежде, чем поймет, что огонь и вода для него разрушительны и опасны, тогда как котенок инстинктивно будет избегать обоих. Та маленькая доля инстинкта, которой обладает ребенок, будет угасать по мере того, как шаг за шагом будет развиваться рассудок. Может быть, на это возразят, что инстинкт не может быть даром духа, так как животные обладают инстинктом в значительно большей степени, чем люди, а у животных *нет души*. Такое мнение ошибочно; оно обосновано на очень непрочных основаниях. Оно произошло от того факта, что внутренняя сущность животного еще меньше поддается исследованиям, чем внутренняя сущность человека, который обладает способностью речи и может проявлять свои психические силы.

Но какие доказательства у нас имеются о том, что у животных нет переживающей смерть, если и не совсем бессмертной души? На строго научном основании мы можем приводить столько же доказательств *за*, сколько и *против*. Выражаясь яснее, ни человек, ни животное не могут ни доказать, ни опровергнуть, что их души переживают, то есть остаются живыми после телесной смерти. И с точки зрения научного опыта невозможно подвести под компетенцию какого-либо закона науки то, что не имеет объективного существования. Но Декарт и Бойз-Реймонд исчерпали свое воображение над этим вопросом, а Агассиз не мог представить себе будущего существования без участия в нем животных, которых мы любили, без растительного царства, которое нас окружает. И, чтобы вызвать в нас возмущение против предполагаемой справедливости Первопричины, достаточно подумать, что бессердечный хладнокровный злодей-убийца наделен бессмертным духом, тогда как благородная, честная собака, часто ценою собственной жизни, самоотверженно защищающая ребенка или своего хозяина, которая полюбила его, и которая иногда после смерти хозяина умирала от голода на его могиле, отказываясь принимать пищу; это животное, в котором чувства справедливости и великодушия иногда развиты в поразительной степени, должно со смертью уничтожаться окончательно! Но, покончим с таким цивилизованным рассудком, который допускает существование такого несправедливого пристрастия. Лучше, гораздо лучше в таком случае цепляться за *инстинкт* и верить вместе с индейцами Поупа, чей «неискушенный ум» может представить себе только такой рай, где

«...на небе признан равным,
Пес верный бродит с ним».

Недостаток места не позволяет нам приводить взгляды древних и средневековых оккультистов по этому предмету. Достаточно будет сказать, что они опередили Дарвина и в большей или меньшей мере охватили все его теории о естественном отборе и эволюции видов, а также значительно растянули эту цепь в обе стороны. Кроме того, эти философы были исследователями, смелыми как в области психологии, так в физиологии и антропологии. Они никогда не сворачивали с двух параллельно идущих тропинок, начертанных для них их великим учителем Гермесом. «Как наверху, так и внизу», – было их аксиомой; и физическую эволюцию они проследили одновременно с духовной.

В одном отношении, по крайней мере, современные биологи вполне последовательны: не будучи пока что в состоянии четко продемонстрировать существование индивидуальной души у животных, они также отрицают ее существование у человека. Рассудочное мышление привело их на край Тиндалевской «неодолимой пропасти» между сознанием и материей; один только

инстинкт может научить их, как построить мост через эту пропасть. Когда, придя в отчаяние о том, что будут ли они когда-либо в состоянии разгадать тайну жизни, они придут в окончательный тупик – их инстинкт может вновь заявить о себе и перенести их через неизмеримую доселе пропасть. Это тот пункт, до которого, кажется профессор Джон Фiske и авторы «Невидимой вселенной» дошли; а антрополог Уоллес, экс-материалист, оказался первым, отважно переступившим ее. Пусть они смело идут вперед, пока не откроют, что вовсе не дух пребывает в материи, а, наоборот, *материя* временно цепляется за дух, и только последний является вечным неразрушимым обиталищем для всего сущего, как видимого, так и невидимого.

Философы эзотеризма верили, что все, что существует в природе есть только материализовавшийся дух. Вечная Первопричина, говорили они, есть латентный дух, и материя в начале. «В начале было Слово... и Слово было Бог». Признавая, что идея о таком Боге является невообразимой абстракцией для человеческого рассудка, они заявляли, что безошибочный человеческий инстинкт воспринял ее, как воспоминание о чем-то конкретном, хотя и неуловимом нашими физическими чувствами. С появлением первой идеи, эмануруемой из двуполой и до этого неактивной божественности, первое движение сообщается всей вселенной, и электрический трепет моментально пронизывает беспредельное пространство. Дух породил энергию, и энергия породила материю; и таким образом латентная божественность проявилась как творческая энергия.

Когда; в какой именно вечности; или как? – эти вопросы всегда останутся без ответа, ибо человеческий разум не в состоянии раскрыть эту великую тайну. Но хотя духовная материя существовала всегда, она пребывала в латентном состоянии; эволюция же нашей видимой вселенной должна была иметь свое начало. Нашему слабому рассудку это начало может показаться таким отдаленным, как сама вечность – периодом, невыразимым ни числами, ни словами. Аристотель убеждал, что мир вечен и что он всегда будет таким; что одно поколение людей производило другое поколение, не имея какого-либо начала, которое мог бы установить наш интеллект. В эзотерическом значении это его учение противоречит учению Платона, который учил, что «было время, когда человечество не воспроизводило себя»; но по духу оба учения согласуются, так как Платон немедленно добавляет:

«За этим последовала *земная человеческая* раса, в которой первичная история была постепенно забыта, и человек погружался все глубже и глубже».

И Аристотель говорит:

«Если существовал первый человек, то он должен был родиться без отца или матери – что противоречит природе. Ибо не могло быть первого яйца, чтобы из него произошли птицы; или же должна была существовать птица, снесшая яйца, так птицы рождаются из яиц».

Такого же мнения он придерживался в отношении всех других видов, веря, как и Платон, что все, прежде чем появиться на земле, имело сперва существование в духе.

Тайна первого творения, которая всегда приводила в отчаяние науку, остается непостижимой, если мы не примем доктрины герметистов. Хотя материя совечна с духом, та материя, определенно, не есть наша видимая осязаемая и делящаяся материя, но ее высочайшая сублимация. Чистый дух только на одну ступень выше ее. Если мы не допустим, что человек развился из этой первичной духоматерии, как же тогда когда-либо дойдем до какой-нибудь

разумной гипотезы, касающейся происхождения живых существ? Дарвин начинает свою эволюцию видов с низжайшей точки и прослеживает ее кверху, в восходящем направлении. Его единственная ошибка заключается в том, что свою систему он прикладывает не с того конца. Если бы он мог перенести свои искания из видимого мира в невидимый, он мог бы оказаться на правильном пути. Но тогда он следовал бы стопам герметистов.

Что наши философы – позитивисты – даже наиболее ученые между ними, никогда не понимали духа мистических доктрин преподаваемых философами древности – платониками – видно из содержания наиболее выдающегося современного труда «История конфликта между религией и наукой». Профессор Дрейпер начинает свою пятую главу с заявления, что

«язычники греки и римляне верили, что дух человека похож на его телесную форму, меняя свою внешность вместе с ней и вырастая с ростом ее».

Что об этом думали невежественные массы – не имеет значения, хотя даже и они не могли думать буквально так. Что касается греческих и римских философов школы Платона, то они ничего подобного не думали о духе человека, а относили вышеприведенное учение к его душе, или психической природе, которая, как мы уже ранее объяснили, не есть божественный дух.

Аристотель в своих философских выводах «О снах» очень ясно излагает доктрину двойной души или души и духа.

«Нам необходимо», – говорит он, – «выяснить, в какой части души появляются сны».

Все древние греки верили в существование в человеке не только двойной, но тройной души. И даже у Гомера мы находим термины животной или астральной души, которую Дрейпер называет «духом», *θύμος*, и единым божественным *νοῦς* – имя, которым Платон обозначает высшего духа.

По представлению индийских джайнов душа, которую они называют *джива*, извечно соединена даже с двумя возвышенными эфирными телами, из которых одно неизменное и состоит из божественных сил *высшего* сознания; другое же изменчивое; в него входят грубые страсти человека, чувственные влечения и земные свойства. Когда душа очищается после смерти, она соединяется со своею *вайкарикой*, или божественным духом, и становится богом. Последователи Вед, ученые брахманы, излагают ту же самую доктрину в *веданте*. Душа, по их учению, будучи частью божественного вселенского духа или нематериального сознания, способна соединиться со своей высшей Сущностью. Учение это ясно и подробно сформулировано; *Веданта* утверждает, что всякий, кто достигает полного *познания своего бога*, становится богом, еще находясь в смертном теле, и приобретает власть над всем.

Цитируя из ведической теологии стих, в котором говорится:

«В действительности существует только одно божество, верховный дух; он той же самой природы, что и душа человека»,

– мистер Дрейпер стремится показать, что эти буддийские доктрины пришли в восточную Европу через Аристотеля. Такое утверждение мы считаем недоказанным, так как Пифагор и после него Платон преподавали их задолго до Аристотеля. Если впоследствии платоники приняли в свою диалектику аристотелевы аргументы по эманированию, то это только потому, что его взгляды совпадали в некоторых отношениях со взглядами ориентальных философов. Пифагорейское число гармонии и эзотерические доктрины Платона о творении неотделимы от буддистской доктрины об эманировании; а великая цель пифагорейской философии, именно, – освобождение астральной души от уз материи и чувств, чтобы сделать этим ее достойной вечно

созерцать духовное, – представляет теорию, идентичную с буддийской доктриной о конечном слиянии. *Это* и есть нирвана, истолкованная в ее правильном значении; это – метафизическое учение, о существовании которого только что начинают подозревать наши санскритологи современности.

Если доктрины Аристотеля оказали на более поздних неоплатоников такое «доминирующее влияние», то почему ни Плотин, ни Порфирий, ни Прокл никогда не признавали его теорий по поводу сновидений и пророческих видений духа? В то время как Аристотель придерживался мнения, что большинство тех, кто пророчествует, «больны безумием» [237, sect. 21] – снабдив тем самым некоторых американских плагиаторов и специалистов несколькими разумными идеями для искажения, – взгляды Порфирия, а, следовательно, и Плотина, совершенно противоречили этому. По наиболее жизненным вопросам метафизических спекуляций неоплатоники постоянно возражают Аристотелю. Кроме того, или буддийская нирвана не есть то нигилистское учение, каким его теперь изображают, или же неоплатоники не принимали его в этом значении. Наверно, мистер Дрейпер не возьмется утверждать, что Плотин, Порфирий, Ямвлих, или кто-либо другой из их мистической школы не верил в бессмертие души? Сказать, что тот или другой из них стремился к экстазу, как к «предвкушению слияния со вселенской душой», в том смысле, в каком буддийскую нирвану понимает каждый ученый санскритолог, означает допустить несправедливость по отношению к этим философам. Нирвана *не* есть, как Дрейпер излагает, «поглощение во вселенскую энергию, вечный покой и блаженство»; но если ее понимать буквально, как ее понимают упомянутые ученые, она означает *погашение, полное уничтожение*, а не поглощение [303]. Никто еще, насколько нам известно, не взялся за труд удостовериться в *истинном* значении этого слова, в значении, которое нельзя найти даже в «Ланкаватаре» [306, с. 514], дающей различные толкования нирваны брахманами-тиртакнами. Поэтому человек, который будет читать эту выдержку из труда профессора Дрейпера, помня обычное принятое толкование слова нирвана, придет к заключению, что Плотин и Порфирий были *нигилистами*. Страница из «Истории конфликта» с этим содержанием дает нам некоторое право предполагать одно из двух: 1. или ученый автор захотел поместить Порфирия и Плотина на одну и ту же доску с Джордано Бруно, причем из последнего он, весьма-таки ошибочно, делает атеиста; или же 2. он никогда не давал себе труда изучить их жизни и их взгляды.

Но для каждого, кто знает профессора Дрейпера, хотя бы понаслышке, последнее предположение просто абсурдно. Поэтому, с глубоким сожалением, нам приходится думать, что в его желание входило ложно истолковать их религиозные взгляды. Решительно нелепо со стороны современных философов, чьею единственной целью кажется уничтожение и удаление идеи Бога и бессмертного духа из сознания человечества, – трактовать с исторической беспристрастностью наиболее знаменитых языческих платоников. Быть вынужденным признавать, с одной стороны, их глубокую ученость, их гений, их достижения по наиболее затемненным и запутанным философским вопросам и, следовательно, их мудрость, а с другой стороны, знать их безоговорочную приверженность к доктрине бессмертия духа и окончательного восторжествования духа над материей, их полную веру в Бога и богов, или духов; в возвращение *умерших*, в привидения и в другие «духовные» явления, – это дилемма, от которой нельзя ожидать, что человеческая академическая натура с нею легко справится.

План, к которому прибег Лемприер [266], очутившись в таком затруднительном положении как описано выше, грубее, чем план профессора Дрейпера, но настолько же эффективный. Он обвиняет древних философов в умышленной лжи, трюкачестве и легковерии. После того, как он обрисовал перед читателями Пифагора, Плотина и Порфирия как чудо-людей по учености, нравственным качествам и достижениям, как людей, выдающихся по личному достоинству, чистоте жизни и самоотверженному устремлению к божественной истине, – он, не колеблясь,

отводит место «этому прославленному философу» (Пифагору) среди обманщиков; тогда как Порфирию он приписывает «легковерие, недостаток рассудительности и нечестность». Будучи вынужден историческими фактами воздавать им должное в ходе своего повествования, он прибегает к вводным предложениям, чтобы изложить свои предвзятые и ханжеские комментарии. От этого старомодного писателя прошлого столетия мы узнаем, что человек в одно и то же время может быть и честным, и обманщиком, чистым, добродетельным великим философом, и все же, бесчестным лгуном и глупцом!

Мы уже указывали в другом месте, что тайная доктрина не признает бессмертия для всех людей одинаково.

«Глаз никогда бы не увидел солнца, если бы в нем самом не было естества солнца», – сказал Плотин. Только «через высочайшую чистоту и целомудренность можем мы приблизиться к Богу, и чрез созерцание Его получить истинное знание и проницательность», – пишет Порфирий.

Если человеческая душа в течение своей земной жизни пренебрегала получение своего просвещения от своего божественного Духа, нашего *личного* Бога, тогда трудно становится грубому, преданному чувственности, человеку выживать более продолжительный период времени после своей физической смерти. Точно так же, как физические уроды, рождающиеся иногда в нашем мире, долго не живут, так и души, если они стали *чересчур* материальными, не могут долго существовать после своего рождения в духовном мире. Жизнеспособность астральной формы такой души настолько слабая, что ее частицы теряют способность прочного сцепления одной с другой, как только выскользнули из плотной оболочки физического тела. Ее частицы, постепенно поддаваясь дезорганизирующему притяжению вселенского пространства, разлетаются в стороны без возможности снова воссоединиться. После происшествия такой катастрофы личность перестает существовать; его сияющий Аутозидес покинул его. В течение промежуточного периода между его телесной смертью и полным распадом его астральной формы последняя, будучи привязана магнетическим притяжением к своему телесному труп, бродит вокруг и сосет жизненность у податливых жертв. Человек, замкнувшийся от каких бы то ни было лучей божественного света, обрекает на тьму себя и поэтому цепляется за землю и земное.

Никакая астральная душа, даже астральная душа чистого, хорошего и добродетельного человека, строго говоря, не бессмертна; «из элементов она была построена – к элементам она должна вернуться». Только, в то время как душа порочного человека исчезает, будучи поглощена безвозвратно, души всех других людей, даже лишь умеренно чистых, попросту обменивают свои эфирные частицы на еще более эфирные; и до тех пор, пока в душе остается искра *божественного*, индивидуальный человек или, вернее, его личное эго, не может умереть.

«После смерти», – говорит Прокл, – «душа (дух) продолжает существование в воздушном (астральном) теле до тех пор, пока совсем не очистится от всех гневных и чувственных страстей... затем сбрасывает с себя посредством вторичной смерти воздушное тело так же, как сбрасывала земное тело. После этого она пребывает, как древние говорят, в небесном теле, которое всегда соединено с *душой*, и которое *бессмертно, светящееся и звездоподобно*».

Но теперь мы вернемся от нашего отклонения в сторону, к вопросу о *рассудке и инстинкте*. Последний, по данным древних, происходил из божественного, а первый чисто человеческого происхождения. Один (инстинкт) есть продукт чувств, прозорливости, долю которой имеют самые низшие животные, даже те, у кого нет никакого рассудка – это есть *αισθητικόν*; в другом же есть продукт мыслительной способности – *νοητικόν*, означающий рассудительность и человеческую интеллектуальность. Поэтому животное, лишенное рассудительной способности, обладает врожденным инстинктом, который есть искра божественности, скрывающейся в

каждой частице неорганической материи, – которая сама есть материализованный дух. В еврейской *Каббале* вторая и третья главы «Книги Бытия» объяснены следующим образом:

Когда Адам Второй был создан «из праха», материя к тому времени стала настолько грубой, что она царствовала самодержавно над всем. Из ее похотей возникла женщина, и Лилит взяла верх над духом. Господь Бог, «расхаживая по саду в *прохладе* для» (на солнечном закате духа или божественного света, затемненного тенями материи), проклинал не только тех, кто совершил грех, но даже самую землю и все живущее, а соблазняющего змея-материю больше всего.

Кто, кроме каббалистов, в состоянии объяснить этот кажущийся таким несправедливым акт? Как должны мы понимать это проклинание всего живущего, которое ни в чем не повинно? Аллегория очевидна. Проклятие присуще самой материи. Отсюда вытекает, что она обречена на борьбу со своей собственной грубостью, чтобы очиститься; латентная искра божественного духа, хотя и заглушенная, все еще находится в ней; и ее неотразимое влечение кверху заставляет ее бороться, продираться с трудом и болью вперед, чтобы освободиться. Логика доказывает нам, что вся материя имела общий источник происхождения и должна обладать общими атрибутами, и так же, как жизненная и божественная искра имеется в материальном теле человека, она должна иметься и у каждого низшего вида. Латентная способность мышления, которая в низших царствах природы носит названия полусознательности, сознательности и инстинкта, значительно подчинена в человеке. Рассудок, отпрыск физического мозга, развивается за счет инстинкта, являющегося слабо мерцающим воспоминанием о когда-то имевшемся всезнании духа. Рассудок, этот признак превосходства физического человека над другими физическими организмами, иногда посрамляется инстинктом животного. Так как мозг человека более совершенен, чем у какой-либо другой твари, его эманации, естественно, должны производить более высокие результаты ментальной деятельности; но рассудок помогает разбираться только в материальном, он не способен помочь своему обладателю в познании духа. Теряя инстинкт, человек теряет свои интуитивные силы, являющиеся венцом и завершением инстинкта. Рассудок – это неуклюжее орудие ученого; интуиция – безошибочный руководитель провидца. Инстинкт указывает растению и животному, когда настало время для воспроизводства потомства; он также наставляет немного животного, как найти соответствующее лекарство в час заболевания. Рассудок, гордость человека, ошибается в оценке свойств собственной его материи и не накладывает на него ограничений в безудержном удовлетворении своих чувственных желаний. Будучи далеким от того, чтобы самому быть *собственным* врачом, рассудок своею тонкой софистикой слишком часто ведет человека к самоуничтожению.

Нет ничего легче, чем доказать наглядно, что совершенствование материи достигается ценою инстинкта. Зоофит, прикрепившийся к подводной скале и открывающий рот, чтобы привлечь проплывающий мимо корм, проявляет, пропорционально со своим физическим строением, больше инстинкта, чем кит. Муравей со своими удивительными архитектурными, социальными и политическими способностями невыразимо выше по этой шкале, чем коварный королевский тигр, подстерегающий свою добычу.

«С благоговением и удивлением», – восклицает Бойз-Реймонд, – «должен естествоиспытатель рассматривать ту микроскопическую молекулу нервной субстанции, которая является местом пребывания трудолюбивой, творческой, дисциплинированной, преданной и неустрашимой души муравья!»

Подобно всему тому, чье происхождение сокрыто в тайнах психологии, инстинктом слишком долго пренебрегали в царстве науки.

«Мы понимаем, что указывало дорогу человеку, чтобы он мог найти облегчение во всех своих физических недомоганиях и болезнях», – говорит Гиппократ. – «То был инстинкт ранних человеческих рас, когда холодный рассудок еще не затемнил внутреннего зрения человека... Его

указаниями нельзя пренебрегать, ибо только ему одному мы обязаны нашими первыми лекарственными средствами» [302].

Являясь мгновенно действующим знанием всезнающего сознания, инстинкт ни в чем не похож на ограниченный рассудок; в медленном продвижении вперед рассудка,двигающегося только путем накопления опыта, часто поглощается богоподобное естество человека, стоит лишь ему отключить себя от божественного света интуиции. Один ползет, другой летит; рассудок – сила мужчины; интуиция – предвидение женщины!

Плотин, ученик великого Аммония Сакка, основателя школы неоплатоников, учил, что в человеческом познании имеются три восходящие ступени: мнение, наука и *озарение*. Он объясняет это тем, что

«орудиями или инструментами мнения являются чувства или восприятия; орудием науки – диалектика; орудием озарения – *интуиция* (или божественный инстинкт). И последней *подчинен* рассудок. Интуиция представляет собою абсолютное знание, обоснованное на отождествлении сознания с познаваемым объектом».

Молитва раскрывает духовное зрение, ибо молитва есть сильное желание, а желание развивает ВОЛЮ; магнетические эманации, исходящие из тела при каждом усилии – ментальном или физическом – производят самомагнетизацию и экстаз. Плотин рекомендовал одиночество для молитвы в качестве эффективного способа, чтобы получить то, о чем просят; а Платон советовал тем, кто молится,

«пребывать в молчании в присутствии божественных сил до тех пор, пока они не удалят облака с твоих глаз и не дадут тебе возможности увидеть *посредством света, который исходит из них самих*».

Аполлоний всегда изолировался от людей во время «бесед», которые он вел с Богом, и когда он ощущал необходимость в созерцании божественном и молитве, он весь с головою окутывался в свой белый шерстяной плащ.

«Когда будешь молиться, *уединись в своей комнате*, закрой дверь, и молись Отцу своему втайне» – говорит назарянин, ученик ессеев.

Каждое человеческое существо рождается с зачатками внутреннего чувства, называемого *интуицией*, которое может быть развито в то, что знают в Шотландии как «второе зрение». И все великие философы, которые, подобно Плотину, Порфирию и Ямвлиху пользовались этой способностью, учили этой доктрине.

«В человеческом сознании существует способность», – пишет Ямвлих, – «которая превышает все рожденное и зачатое. Чрез нее мы в состоянии соединиться с превосходящими нас высшими разумами, перенестись за пределы этого мира и участвовать в более высокой жизни с ее особыми небесными силами».

Если бы не было *внутреннего прозрения* или интуиции, то у евреев не было бы их Библии, и у христиан не было бы Иисуса. То, что Моисей и Иисус дали миру, то были плоды их интуиции или озарения. То, как после их смерти старейшины и учителя позволили миру понимать их учения, то было догматическим искажением и очень часто – кощунством.

Принять Библию, как «откровение» и пригвоздить свою веру к ее буквальному переводу – это хуже, чем абсурд, это кощунство против божественного величия «незримого». Если бы нам пришлось судить о божественном и о мире духов так, как они истолкованы толкователями человечества, то теперь, когда филология совершает гигантские шаги в область сравнительного

познания религий, вера в Бога и в бессмертие души не могла бы выстоять против атак *рассудка* даже и столетие. То, что поддерживает в человеке веру в Бога и в жизнь духа после смерти, *есть интуиция*; это результат знания нашего внутреннего «Я», которое бросает вызов маскарадам римско-католического священнослужителя и его смешным идолам; тысячу и одной церемонии брахмана и его идолам; иеремиадам протестантского проповедника и ее опустошенной и высохшей вере без идолов, но с беспредельным адом и проклятием, прицепленном на конце. Если бы не это интуитивное знание, неумирающая, хотя часто колеблющаяся, так как слишком засорена материей, – то человеческая жизнь была бы пародией, и человечество – обманщиками. Это неистребимое чувство чьего-то присутствия *вне* и *внутри* нас таково, что никакие догматические возражения ни внешние формы поклонения не могут его уничтожить в человечестве, пусть ученые и духовенство делают, что хотят. Движимый такими мыслями о беспредельности и безличности божества, Гаутама Будда, индийский Христос, воскликнул:

«Как четыре реки, которые впадают в Ганг, теряют свои имена, как только они смешиваются с водами священной реки, точно так же все, кто верят в Будду, перестают быть брахманами, кшатриями, вайшьями и шудрами!».

Ветхий Завет был составлен с устных преданий. Массы никогда не знали его действительного значения, ибо Моисею было приказано сообщить «сокровенную истину» только своим семидесяти старейшинам, которым «Господь» дал из того же духа, который был на законодателя. Маймонид, чей авторитет и знание священной истории едва ли могут отвергаться, говорит:

«Кто бы ни узнал истинный смысл „Книги Бытия“, он не должен разглашать его... Если какой-либо человек сам открыл бы *его истинное значение*, или же сделал бы это с помощью другого человека, он должен молчать: или же, если он говорит, то должен говорить только затемненно, загадками».

Это признание, что то что написано в Священном писании, только аллегория, было сделано и другими еврейскими авторитетами, кроме Маймонида, у Иосифа мы находим сообщение, что Моисей «*философствовал*» (говорил загадками и образными аллегориями), когда писал «Книгу Бытия». Поэтому современная наука, пренебрегающая разгадкой истинного смысла Библии и позволяющая всему христианству продолжать верить в мертвую букву еврейского богословия, тем самым молчаливо становится сообщницей фанатичного духовенства. Она не имеет права высмеивать записи народа, который писал, не зная, что они получают такое странное истолкование в руках одной враждебной религии и что их священнейшие тексты обернутся против собственного народа, и что кости мертвых заглушат дух истины, – это грустная черта христианства!

«Боги существуют», – говорит Эпикур, – «но они *не то*, что о них думает толпа, οἱ πολλοί».

И все-таки Эпикур, в рассмотрении поверхностных, как обычно, критиков, дает им резкий отпор и выставляет их, как материалистов.

Но ни великая Первопричина, ни ее эманация – человеческий бессмертный дух – не остались «без свидетельств». Месмеризм и спиритуализм в наличии, чтобы засвидетельствовать великие истины. В течение более чем 15 веков, благодаря проводимым со слепой яростью зверским преследованиям великих вандалов раннехристианской истории, – Константина и Юстиниана, – древняя мудрость медленно дегенерировала, пока, наконец, постепенно потонула в глубочайшей трясине монашеского суеверия и невежества. Пифагорово «познание вещей, как

они есть»; глубокая эрудиция гностиков; освященные временем всеохватывающие учения великих философов; все отвергалось, как учения Антихриста и языческие, и предавалось пламени. Вместе с последними семью мудрецами Востока, оставшейся группой неоплатоников: Гермиясом, Присцианом, Диогеном, Евлалием, Дамасцием, Симплицием и Исидором, которые бежали в Персию от фанатического преследования Юстиниана, царствование мудрости закончилось. *Книги Тота* (или Гермеса Трисмегиста), которые на своих священных страницах содержали духовную и физическую историю творения и эволюции нашего мира, были на века предоставлены плесневению в забвении и в презрении. В христианской Европе им не нашлось толкователей; не было больше филалетийцев, «любителей истины»; они были заменены светом ненавистников, монахами папского Рима, с тонзурами и капюшонами, которые боятся истины, в каком бы виде и откуда она ни появилась бы, если только она противоречит хотя бы малейшей из их догм.

Что же касается скептиков, то вот что говорит о них и о их последователях профессор Александр Уайлдер в своих очерках по «Неоплатонизму и алхимии»:

«Прошло столетие с тех пор, как составители французской *«Энциклопедии»* ввели скептицизм в кровь цивилизованного мира и сделали позорной всякую веру в существование чего бы то ни было, если этого нельзя продемонстрировать посредством тигля или критического рассуждения. Даже теперь требуется беспристрастность так же, как и мужество, чтобы отважиться трактовать о предмете, который долгие годы считался выброшенным за негодность и осужденным только потому, что не был правильно понят. Смелым должен быть тот человек, который будет рассматривать герметизм чем-то другим, а не псевдонаукой, и, следовательно, потребует ознакомления с ним и терпеливого выслушивания. И все же, провозглашатели и исповедники когда-то были князьями ученых исследований и героями среди обычных людей. Кроме того, ничто не должно быть презираемо, во что люди благоговейно верили; и пренебрежение к серьезным убеждениям других есть признак невежественного и неблагодарного ума».

А теперь, воодушевившись этими словами ученого, который сам не является ни фанатиком, ни консерватором, мы припомним несколько происшествий, о которых рассказали путешественники, как они видели их в Тибете и в Индии; местные жители хранят, как сокровище, память об этих вещах, как практическое доказательство истинности философии и науки, переданных им предками.

Сперва мы можем рассматривать весьма замечательные феномены, наблюдавшиеся в храмах Тибета, описания которых поступили в Европу, от других очевидцев, а не миссионеров католицизма, свидетельства которых по понятным причинам мы исключаем. В начале нынешнего века одному флорентийскому ученому, скептику и корреспонденту Французского Института, было разрешено проникнуть переодетому в священные пределы буддийского храма, где в то время происходила наиболее торжественная из всех церемония. Он повествует о нижеизложенном, как о виденном им самим. Алтарь в храме готов к приему перевоплотившегося Будды, найденного посвященным духовенством и опознанного по некоторым тайным признакам воплотившегося в новорожденном ребенке. Ребенка, которому исполнилось всего несколько дней от рождения, приносят к присутствующим и почтительно кладут на алтарь. Вдруг, приняв сидящую позу, ребенок начинает произносить громким мужским голосом: «Я – Будда; я – его дух; и я, Будда, ваш далай-лама, оставил мое старое, пришедшее в негодность тело в храме... и выбрал тело этого младенца в качестве следующего

моего земного обиталища». Наш ученый, наконец, получив разрешение от присутствующих священнослужителей, берет с должной почтительностью младенца на руки и относит его на такое расстояние от них, которое вселяет в него уверенность, что никакой чревоущательный обман тут не был применен; при этом младенец смотрит на серьезного ученого таким взглядом, что у ученого, по его собственному выражению, «мороз по коже продирает», и повторяет ранее сказанные слова. Подробный отчет обо всем этом, удостоверенный подписью очевидца, был отправлен в Париж, но члены Института, вместо того, чтобы принять свидетельство ученого наблюдателя с заслуженным доверием, пришли к заключению, что флорентинец или *пострадал от солнечного удара*, или был обманут посредством ловкого акустического трюка.

Хотя по словам Станислава Жульена, французского переводчика китайских текстов, в «Лотосе» [307] имеется стих, в котором говорится, что «Будду так же трудно найти, как цветы Удумбара и Палача», – если мы должны поверить нескольким очевидцам, такой феномен случается. Разумеется, такие случаи редки, ибо они происходят только после смерти каждого великого далай-ламы, а эти уважаемые старые джентльмены обладают очень долгими жизнями.

Бедный аббат Хак, чьи труды о путешествии по Тибету и Китаю хорошо известны, рассказывает о том же самом факте нового воплощения Будды. Он еще добавляет то любопытное обстоятельство, что младенец – оракул доказал правдивость своего заявления, что он является старым сознанием в молодом теле тем, что давал «тем, кто знал его по прошлой жизни, самые точные подробности своего предыдущего земного существования».

Заслуживает внимания, что де Мюссе, который пускается в длинные рассуждения по поводу этого феномена и, разумеется, приписывает его Дьяволу, серьезно замечает о самом аббате, что тот факт, что с него был снят духовный сан (*defroquй*), является событием, которое «едва ли говорит в пользу нашего (его) к нему доверия». По нашему же скромному мнению, это маленькое обстоятельство тем более усиливает доверие к нему.

Труд аббата Хака был занесен в «Индекс» за правдивый рассказ о сходстве буддийских церемоний с католическими. Кроме того, аббат был отстранен от его миссионерской деятельности за то, что он был слишком *искренен*.

Если бы пример этого чудо-младенца был единственным, мы имели бы некоторое основание сомневаться, но, не говоря уже о Камисардских пророках 1707 г., среди которых был пятнадцатимесячный мальчик, описанный Жаком Дюбуа, говорящий на хорошем французском языке «точно Бог говорит его устами»; и о младенцах Севенны, чья речь и пророчествование было засвидетельствовано первейшими учеными Франции, – мы имеем примеры современности, и при этом замечательные примеры «*Еженедельная газета Ллойда*» за март 1875 г. содержала отчет о следующем феномене:

«В Саар-Луисе, Франция, родился ребенок. Мать только что разрешилась от бремени, повивальная бабка с большим словообилием разглагольствовала по поводу „благословенного дитяти“, и друзья поздравляли счастливого отца с сыном, когда кто-то спросил, который час. Судите сами об удивлении всех, когда они слышали, как новорожденный ребенок четко ответил: „Два часа“ Но это было ничто по сравнению с тем, что последовало. Потерявшие от удивления дар речи присутствующие еще продолжали со страхом взирать на младенца, когда последний открыл глаза и сказал: „Я послан в мир, чтобы сказать вам, что 1875 год будет хорошим годом, но 1876 год будет годом крови“. Произнесши это пророчество, он повернулся набок и умер, прожив всего полчаса»

Нам неизвестно, что бы это чудо получило официальное засвидетельствование со стороны

гражданских властей, – и напрасно мы стали бы искать такого свидетельства у духовенства, раз из этого дела нельзя извлечь ни выгоды, ни почета, – но даже если уважаемый британский коммерческий журнал не несет ответственности за это сообщение, то все же результаты его придают ему особый интерес Год 1876, который только что кончился (мы пишем в феврале 1877 года), был особенно, и, с точки зрения марта 1875 года, неожиданно – годом кровопролития. В этом году в Дунайских княжествах в историю войн и грабежей была вписана одна из самых кровавых глав – глава насилия мусульман над христианами, которой едва ли можно найти равную с тех пор, как католические солдаты убивали простых туземцев Южной и Северной Америки десятками тысяч, и протестанты-англичане пробирались к имперскому трону в Дели шаг за шагом чрез реки крови. Если Саар-Луисское пророчество было только газетной сенсацией, то все же ход событий возвысил ее в ранг исполнившихся предсказаний; 1875 год был годом великого изобилия, а 1876 год, к удивлению всех, – годом кровавой бойни.

Но даже, если бы оказалось, что младенец-пророк никогда не раскрывал своих уст, то остается пример младенца Дженкинов, которого достаточно, чтобы поставить в тупик исследователя. Это один из наиболее удивительных случаев медиумизма. Матерью ребенка была знаменитая Катя Фокс, а отцом Г. Д. Дженкин, лондонский адвокат. Ребенок родился в Лондоне в 1873 г., и уже до того как ему исполнилось три месяца, проявил доказательства духомедиумизма. Постукивания слышались на его подушке и в колыбели, и также персонально на его отце, когда последний держал ребенка на коленях и когда матери не было дома. Двумя месяцами позже рукою этого ребенка было написано сообщение, состоявшее из двадцати слов, не считая подписи. Некий джентльмен, поверенный из Ливерпуля по имени Дж. Уазон присутствовал в это время и присоединился к свидетельству матери и няни об этом случае, что было напечатано в лондонском «Медиум и рассвет» от 8 мая 1874 г. Профессиональный и научный ранг мистера Дженкина делает в высшей степени невероятным предположение, что он сделался жертвою обмана. Кроме того, от ребенка до Королевского Института, в котором состоит членом отец ребенка, так недалеко, что непростительно профессору Тиндалю и его коллегам, что они не исследовали и не информировали мир об этом психологическом феномене.

Так как священный ребенок Тибета находился так далеко, они нашли, что самым лучшим планом будет полное отрицание факта с намеками на солнечный удар и акустическое оборудование. Что же касается лондонского младенца, тут дело еще легче; пусть они подождут, пока ребенок не вырастет и научится писать, а затем можно всю эту историю категорически отрицать!

В добавление к данным других путешественников аббат Хак дает нам описание чудесного дерева в Тибете, называемого *Кунбум*, о котором говорят, что это дерево 10 000 изображений и письмен. Оно не растет в других широтах, хотя опыты когда-то производились, и его нельзя размножать пересаживанием побегов. Предание гласит, что оно выросло из волоса одного аватара (ламы Цзон-к'а-па), одного из воплощений Будды. Но предоставим самому аббату Хаку рассказать остальное:

«Каждое из его листьев, при раскрытии, имеет на себе или букву или религиозное изречение своего рода, написанное священными письменами такого совершенства, что в словолитнях Дидота нет ничего, что бы превзошло их. Раскройте листья, произрастание которых подошло к раскрытию, и найдете на листочке появления буквы или четкого слова, которые и являются чудом уникального дерева! Обратите ваш взор от листьев дерева на кору его ветвей, и новые письмена встретят ваш взгляд! Не позволяйте спадать вашему интересу, приподнимите слои этой коры, и покажутся еще ДРУГИЕ ПИСЬМЕНА под теми, красота которых так поразила вас. Не воображайте,

что заходящие один на другой слои повторяют один и тот же отпечаток. Совсем наоборот, ибо каждая пленка, которую вы приподнимаете, представляет уже другое *начертание*. Как же вы в этом случае можете подозревать фокусничество? Я делал все, что было в моих силах, чтобы обнаружить какой-нибудь след человеческого трюка, но мой поставленный в тупик разум не мог удержать ни малейшего подозрения».

Мы добавим к повествованию Хака, что письмена, которые появляются на различных частях Кунбума, написаны на сенсаре (или на языке солнца, разновидности древнего санскрита); и что священное дерево в различных своих частях содержит *in extenso* всю историю творения и сущность священных писаний буддизма. В этом отношении оно связано с буддизмом так же, как картина в храме Дендера, в Египте, связаны с древнею верою; фараонов. Последняя вкратце описана профессором У. Б. Карпентером, председателем Британской Ассоциации, в его манчестерской лекции об Египте. Он ясно доказывает, что еврейская «Книга Бытия» есть ничто иное, как выражение ранних еврейских идей, основанных на пиктографических письменах египтян, среди которых они жили. Но он не высказывается ясно, кроме как путем выводов, верит ли он, что картины Дендеры или изложение Моисея являются аллегориями, или же претендуют на то, что они являются историческим повествованием. Как может ученый, занявшийся только самыми поверхностными исследованиями этого предмета, отважиться утверждать, что у древних египтян были те же самые смешные понятия о сотворении мира в одно мгновение, как у ранних христианских теологов, это уму непостижимо! Как может он сказать на основании того, что картины Дендера совпадают с их космогонией в аллегории, что на претворении аллегории в жизнь понадобилось шесть минут или шесть миллионов лет? Она может аллегорически указывать шесть последовательных эпох или эонов, или вечность так же, как шесть дней. Кроме того, *Книги Гермеса* не придают правдоподобия такому утверждению, а «Авеста» называет шесть специфических периодов, причем каждый охватывает тысячи лет, вместо дней. Многие из египетских иероглифических начертаний противоречат теории доктора Карпентера, и Шампольон отплатил за древних во многих частностях. Мы думаем, что из того, что было сказано прежде, читателю ясно, что в египетской философии нет места для таких грубых спекуляций, если бы и евреи сами им когда-либо верили; египетская космогония рассматривала человека, как результат эволюции, длившейся в течение циклов огромной длительности. Но вернемся к чудесам Тибета.

Говоря о картинах, одна, описанная Хаком как висящая в некоем ламаистском монастыре, может справедливо быть признана наиболее чудесной из всех существующих. Эта картина на простой парусине безо всякого присоединенного к ней механизма, о чем на досуге может убедиться каждый посетитель. На ней изображен залитый лунным светом ландшафт, но эта луна не бездвижна, ни мертва; как раз наоборот, ибо, по словам аббата Хака, можно сказать, что она живой двойник самой луны, освещающий картину. Этот двойник повторяет каждую фазу, каждое движение нашего сателлита.

«Вы видите на картине эту планету в виде полумесяца, серпа или полной луны, ярко сияющей, прячущейся в тучу и опять выглядывающей из нее в точности, как ее небесная сестра. Одним словом, наиболее точная и сияющая репродукция бледной королевы ночи, которой в старину поклонялось так много людей».

Когда мы думаем об удивлении, которое неизбежно испытал бы один из наших самодовольных академиков при виде такой картины – и она ни в коем случае не единственная, ибо имеются они и в других частях Тибета, а также в Японии, причем представляющие

движение солнца – когда мы думаем о его затруднительном положении, ибо он знает, что если он рискнет рассказать голую правду об этом своим коллегам, то судьба, вероятно, уподобится судьбе бедного Хака, и его выбросят из кресла академика как лжеца и сумасшедшего, мы не можем не вспомнить анекдот о Тихо Браге, рассказанного Гумбольдтом в его «Космосе» [308, т. II, с. 168].

«Однажды вечером», – говорит великий датский астроном – «я по привычке своей рассматривал небесный свод и, к моему неописуемому удивлению, увидел близко к зениту, в Кассиопее, сияющую звезду необычайного размера. Пораженный удивлением, я не знал, верить или не верить моим собственным глазам. Некоторое время спустя я узнал, что в Германии ломовые извозчики и прочие люди низших классов неоднократно предупреждали ученых, что на небе можно будет наблюдать великое явление, что доставило и газетам, и публике еще раз возможность высмеивать ученых, которые в некоторых случаях в прошлом не сумели предсказать появление комет».

Со дней самой отдаленной древности было известно, что брахманы обладали удивительными познаниями во всякого рода магии. От Пифагора, первого философа, который учился мудрости у гимнософистов, и Плотина, который был посвящен в тайну, как соединить себя с божеством через отвлеченное созерцание, вплоть до современных адептов было хорошо известно, что земля брахманов и Гаутамы Будды есть та страна, где следует искать источники «сокровенной» мудрости. Будущим векам предстоит открыть эту великую истину и принять ее, как таковую, тогда как теперь она унижена и считается низким суеверием. Что было сделано каким-либо, даже из самых великих наших ученых, чтобы изучить Индию, Тибет и Китай до последней четверти нынешнего века? Наиболее неутомимый ученый Макс Мюллер рассказывает нам, что до этого ни один подлинный документ по буддийской религии не был доступен европейскому филологу; что пятьдесят лет тому назад «не было ни одного ученого, который мог бы перевести строку из Вед, строку из „Зенд-Авесты“ или строку из буддийской „Трипитаки“, не говоря уже о других диалектах и языках. И даже теперь, когда в распоряжении науки имеются различные священные тексты, то, что она имеет, представляет очень неполные издания этих трудов, и у нее нет абсолютно *ничего* из сокровенной священной литературы по буддизму. И то немногое, чем завладели наши ученые санскритологи, которое Макс Мюллер сперва назвал «джунглями религиозной литературы – превосходнейшим убежищем для лам и далай-лам», начинает проливать слабый свет на изначальную темноту. Мы находим, что этот ученый констатирует, то, что на первый взгляд, брошенный в лабиринт религий мира, казалось сплошной тьмою, самообманом и тщетой начинает принимать другую форму.

«Кажется унижением самого имени религии», – пишет он, – «применение его к дикому бреду индийских йогов или к явному кощунству китайских буддистов... Но если мы медленно и терпеливо пробираемся вперед в темноте, нам кажется, что наше зрение как бы расширяется, и *мы начинаем различать мерцание света* там, где сперва все было тьмою». [\[317\]](#)

В качестве иллюстрации о том, как мало компетентно было поколение, непосредственно нам предшествующее, чтобы судить о религиях и верованиях несколько сотен миллионов буддистов, брахманистов и парсов, пусть исследователь ознакомится с объяснением о научном труде, опубликованном в 1828 году профессором Данбаром, первым ученым, взявшимся доказать, что *санскритский язык произошел от греческого языка*. Он появился под следующим заглавием:

«Исследование структуры и родства греческого и латинского языков; с выбранными параллелями из санскрита и готики; с приложением, в котором предпринята попытка доказать ПРОИСХОЖДЕНИЕ САНСКРИТА ОТ ГРЕЧЕСКОГО

Если бы Макс Мюллеру было суждено упасть с неба в то время с его нынешними познаниями в среду ученых того времени, то нам хотелось бы собрать эпитеты, какими ученые академики стали бы награждать дерзновенного новатора, который, классифицируя языки генеалогически, говорит:

«Санскрит, по сравнению с греческим и латинским, является их старшим братом... древнейшим отложением арийской речи».

И таким образом мы, вполне естественно, можем ожидать, что в 1976 г. такое же критическое отношение будет справедливым делом многих научных открытий, которые считаются заключительными и окончательными нашими учеными. То, что теперь называют суеверным *пустословием* и тарабарщиной язычников и дикарей, составленной многие тысячи лет тому назад, может оказаться ключами ко всем религиозным системам. Осторожное выражение Св. Августина, – любимое имя в лекциях Макса Мюллера, – в котором говорится, что «нет такой ложной религии, в которой не было бы некоторых элементов истины», может триумфально оказаться правдивым, тем более, что Августин взял это изречение не у епископа Гиппона, а у Аммония Саккаса, великого учителя Александрии.

Этот «богом наученный», философ, *theodidaktos*, повторял эти же самые слова до изнеможения в своих многочисленных трудах за 140 лет до Августина. Признавая Иисуса, как «превосходного человека и друга Бога», он всегда утверждал, что целью его не является исключение сношений с богами и демонами (духами), но просто очищение древних религий; что

«религия масс пошла рука в руку с философией и вместе с ней разделила участь постепенного разложения и омрачения вследствие человеческого самомнения, суеверия и лжи, и что поэтому ее нужно привести обратно в состояние *первоначальной чистоты* посредством отсеивания этого мусора и изложения ее согласно философским принципам; и что та цель, которую имел в виду Христос, заключалась в изложении заново и в восстановлении в своей первоначальной целостности мудрости древних».[\[319\]](#)

Именно, Аммоний был первым, кто учил, что каждая религия обоснована на одной и той же истине, которая есть мудрость, находящаяся в *Книгах Тота* (Гермеса Трисмегиста), из книг которого Пифагор и Платон почерпнули всю свою философию. А доктрины первого, он утверждал, были идентичны с учениями ранних брахманистов, ныне зафиксированных в древних Ведах.

«Имя Тот», – говорит профессор Уайлдер, – «означает коллегия или собрание» [45], – и, – «отнюдь не будет невероятным, что эти книги назывались так потому, что являлись собранием изречений и доктрин братства священнослужителей Мемфиса. Раввин Вайз высказал подобную же гипотезу в отношении божественных изречений, занесенных на страницы еврейского Священного Писания. Но индийские писатели утверждают, что во время правления короля Канса, *иадус* (*иудеи*?) или священное племя покинуло Индию и ушло на Запад, унося с собою четыре Веды. Между философскими доктринами и религиозными обрядами египтян и восточных буддистов несомненно существует большое сходство, но идентичны ли *Книги Гермеса* с этими четырьмя Ведами, – неизвестно».

Но одно известно несомненно, и это то, что до того, как слово «философ» было впервые произнесено Пифагором при дворе короля Филиазианов, тайная доктрина или мудрость была идентична во всех странах. Поэтому мы должны искать истину в самых старейших текстах, которые наименее осквернены последующими подделками. И теперь, когда филология стала обладательницей санскритских текстов, которые смело можно назвать документами намного старше Библии Моисея, долг ученых заключается в том, чтобы преподнести миру истину и *ничто другое, кроме истины*. Не обращая внимания ни на предрассудки скептицизма, ни на предрассудки богословия, они обязаны беспристрастно изучить оба документа – старейшие Веды и Ветхий Завет, и затем решить, который из двух является первоисточником *срути* или *откровения*, и который представляет только Смрити, которое, как показывает Макс Мюллер, означает только воспоминание или *традицию*.

Ориген пишет, что брахманы всегда славилась своими чудодейственными исцелениями, которые они совершали произнесением определенных слов [309]; и в нашем нынешнем веке мы находим, что Ориоли, ученый, член-корреспондент Института Франции [312, с. 88, 93] подтверждает сказанное Оригеном в третьем веке, а также сказанное Леонардом де Вайр в шестнадцатом веке, где последний пишет:

«Существуют также лица, которые после произнесения определенной сентенции – *заклинания*, ходят босыми ногами по красным раскаленным угольям и по остриям острых *ножей*, всаженных в землю: а остановившись *одним большим пальцем ноги* на таком острие, они поднимают на воздух тяжелого человека или какой-либо другой груз значительного веса. Также они укрощают диких коней и самых разъяренных быков одним единым словом». [\[320\]](#)

Это слово должно быть найдено в мантрах санскритских Вед, говорят некоторые адепты. Филологам предстоит решить самим, есть ли такое слово в Ведах. Поскольку это касается человеческих свидетельских показаний, то кажется, что такие магические слова действительно *существуют*.

По-видимому почтенные отцы Иезуитского ордена выбрали много таких трюков во время своих миссионерских путешествий. Балдингер вполне этому верит. *Чемпинг* – индийское слово, из которого произведено современное слово *шампуинг* – хорошо известная в Восточной Индии магическая манипуляция. Туземные колдуны с успехом применяют ее до нынешнего времени, и от них отцы иезуиты набирали свою мудрость.

Камерарий в своем «Досуге» повествует, что когда-то существовало большое соперничество в «чудесах» между монахами братства Остина и иезуитами. Однажды состоялся диспут между главою братьев Остина, который был весьма ученый, и главою иезуитов, который был весьма *неученый*, но полон познаний по *магии*; последний предложил разрешить спор посредством испытания своих подчиненных, кто из них выкажет больше готовности подчиниться своему главе. После этого, повернувшись к одному из своих иезуитов, он сказал: «Брат Марк, нашим собратьям холодно; в силу святого послушания, в каком ты мне поклялся, приказываю тебе сейчас же принести сюда из кухонного очага горячих угольев в твоих горстях, чтобы они могли согреться у твоих рук». Отец Марк сейчас же исполнил сказанное и принес в обеих руках красные горячие уголья и держал их до тех пор, пока все присутствующие согрелись, после чего унес их обратно на кухню. Глава братьев Остина очутился в весьма удрученном состоянии, так как ни один из его подчиненных не захотел оказывать ему такое подчинение, таким образом иезуиты восторжествовали.

Если вышеприведенный пример будут рассматривать, как анекдот, незаслуживающий

доверия, то мы спросим читателя, что же нам думать о некоторых современных медиумах, которые совершают то же самое, находясь в *трансе*. Свидетельства нескольких высокоуважаемых и достойных доверия свидетелей, как например, лорда Эдейра и мистера С. К. Холла, – безупречны. «Духи», – будут спорить спиритуалисты. Возможно, что это так, когда речь идет об американских и английских *огнеупорных* медиумах, но это не так в Тибете и в Индии. На Западе «сенситиву» необходимо погрузиться в транс, прежде чем его «духи-руководители» сделают его неуязвимым, и мы бросаем вызов любому медиуму, пусть он, находясь в своем нормальном физическом состоянии погружает руки до локтей в горящие уголья. Но на Востоке, независимо от того, является ли исполнитель святым ламою или наемным колдуном (последний класс, вообще, называют «фокусниками»), ему не нужны приготовления или ненормальное состояние (транса), чтобы быть в состоянии брать в руки огонь, раскаленные докрасна куски железа или расплавленный свинец. Мы видели в Южной Индии как эти «фокусники» держали свои руки в печи с горящими угольями до тех пор, пока уголья не превратились в пепел. В течение религиозной церемонии Шива-Ратри или ночи бдения Шивы, когда люди проводят целые ночи в наблюдениях и в молитвах, некоторые из поклонников Шивы пригласили тамила-фокусника, который производил чудеснейшие феномены простым требованием помощи от некоего духа, которого они называют *Кутти-Саттан* – маленький демон. Но будучи далек от того, чтобы позволить людям думать, что ими *руководит* или «контролирует» этот гном – ибо это был гном, если он, вообще, был кто-то – этот человек, припавши к своей огненной яме, гордо отчитывал католического миссионера, который воспользовался представившимся случаем, чтобы сообщить зрителям, что этот жалкий грешник «проданся Сатане». Не вынимая своих рук и локтей из горящих угольев, в которых он хладнокровно освежал, Тамил только повернул свою голову и окинул высокомерным взглядом покрасневшего миссионера. «Мой отец и отец моего отца», – сказал он, – «имели этого „маленького“ в своем распоряжении. Уже два столетия Кутти верно служит нашей семье, а вы, сэр, хотите, чтобы люди поверили, что *он* мой хозяин! Но они лучше знают». После этого он спокойно вынул свои руки из огня и приступил к другим представлениям.

Что касается чудесных способностей делать предсказания, а также ясновидения, которыми обладают некоторые брахманы, то они хорошо известны постоянно проживающим в Индии европейцам. Если они по возвращении в «цивилизованные» страны смеются над такими рассказами, а иногда даже категорически их отрицают, то они отрицают свою веру в них, а не самый факт. Эти брахманы, главным образом, живут «в священных поселках» и в уединенных местах, главным образом, по западному побережью Индии. Они избегают густонаселенных городов и в особенности европейцев, и редко последним удастся установить близость с этими «провидцами». Вообще думают, что это обстоятельство объясняется религиозными соображениями их касты, но мы твердо убеждены, что во многих случаях это не так. Годы, возможно, века пройдут прежде, чем откроется истинная причина.

Что касается низших каст, то миссионеры называют некоторые из них поклонниками Дьявола и распространяют по Европе душераздирающие сообщения о жалком состоянии этих людей, которые «проданы Врагу человечества», но несмотря на это, а также на подобные же, хотя и менее смешные усилия протестанских миссионеров, слово дьявол в таком смысле, как его понимают христиане, для них – пустой звук. Они верят в добрых и в злых духов; но они ни поклоняются, ни страшатся Дьявола. И «поклонение» – это просто церемониальная предосторожность против «земных» и *человеческих* духов, которых они боятся гораздо более, нежели миллионов элементаров различных видов. В своих усилиях отогнать «злых духов» (элементариев), они применяют всякого рода музыку, курения и ароматы. В этом отношении над ними не следует смеяться больше, чем над известным ученым, убежденным спиритуалистом,

который советовал держать в комнате купорос и измельченную селитру, чтобы отогнать «неприятных духов». И, так поступая, туземцы не более неправы, чем он, ибо опыт их предков, простирающийся на многие тысячи лет, научил их, как поступать в отношении этих отвратительных «орд духов». Что они – *человеческие* духи, это доказывается тем фактом, что очень часто туземцы стараются ублажать и умиловать «лярвы» своих дочерей и родственников, когда у них имеются основания подозревать, что последние не умерли в ореоле сияния святости и чистоты. Таких духов они называют «Канни», что означает «плохие девственницы». На это обратили внимание несколько миссионеров, в том числе его преподобие Е. Луис [314, с. 43]. Но эти набожные джентльмены обычно настаивают, что они поклоняются чертям, тогда как они ничего подобного не делают; они, просто, стараются сохранить с ними хорошие отношения, чтобы те им не досаждали. Они преподносят им печень и фрукты и различного рода пищу, которую любили умершие, когда были живы, ибо многие из них испытывали на себе злобу этих возвращающихся «умерших», чье преследование иногда бывает страшное. Этому же принципа они придерживаются по отношению многих духов злых людей. На их могилах, если они были похоронены, или близ тех мест, где их останки были сожжены, они оставляют пищу и напитки с целью удержать их у тех мест, чтобы этим предотвратить возвращение этих вампиров в родной дом. Это не поклонение, скорее практический *спиритуализм*. До 1861 г. среди индусов был распространен обычай калечить ноги у казненных убийц вследствие прочно установившегося поверья, что этим развоплощенная душа лишается возможности скитаться и причинять зло. Впоследствии полиция запретила им делать это.

Другой основательной причиной, почему индусы не будут поклоняться «Дьяволу», является то, что у них нет слова для выражения этого значения. Они называют этих духов «*pūttām*», что скорее соответствует нашим «привидениям» и злобным бесениям; другим выражением, к которому они прибегают, является «*реу*» или санскритское «*pesāsu*», оба слова означают духов или «возвращенцев» – возможно домовых, в некоторых случаях. *Pūttām* самые страшные, ибо они являются «*навязчивыми* привидениями», возвратившимися на землю, чтобы досаждать живым. Полагают, что они, главным образом, посещают места, где были сожжены их тела. «Огни» и «духи Шивы» идентичны с розенкрейцерскими *гномами* и *саламандрами*; ибо их изображают, как карликов с внешностью огня, живущих в земле и в огне. Демон цейлонцев, называемый *Dewel* представляет собою дородную улыбающуюся женскую фигуру с елизаветинским воротничком вокруг шеи, в красном жакете.

Как доктор Вартон справедливо отметил:

«Нет образа более строго Восточного, чем драконы, фигурирующие в повествованиях, они участвуют во всех раннего периода преданиях и сами по себе дают наглядное свидетельство о своем происхождении».

Этот образ нигде не выделяется так заметно, как в деталях буддизма; в них зафиксированы подробности о *нагах*, или царственных змеях, обитающих в пустотах под землею, соответствующих обителям Тирезия и греческих провидцев; это области тайны и мрака, в которых вращается многое, касающееся систем гаданий и предсказаний, реакций оракулов, связанной с наполнением чем-либо, с чем-то вроде одержания со стороны духа самого Питона, змея-дракона, убитого Аполлоном. Но буддисты не более верят в Дьявола христианской религиозной системы, – то есть, как в существо, настолько же отличающееся от рода людского, как само божество, – чем индусы. Буддисты учат, что существуют низшие боги, которые были людьми или на нашей или на другой планете, но которые все еще *люди*. Они верят в существование нагов, которые были *колдунами* на земле, *дурными людьми*, которые дают власть

другим дурным, еще живущим на земле людям, чтобы они могли губить все плоды, на которые они смотрят, и даже человеческие жизни. Если у сингалезца сложилась репутация, что от его взгляда на дерево или на человека и тот, и другой завянут, то говорят, что в нем поселился Нагараджа, царь-змей. Весь бесконечный список дурных духов не является *дьяволами* в том смысле, в каком духовенство хочет, чтобы мы понимали, а только *духовными воплощениями* грехов, преступлений и человеческих мыслей, если можно так выразиться. Синие, зеленые, желтые и пурпурные боги-демоны, подобно низшим богам Джагандера, более являются руководящими гениями, и многие настолько же добры и благодетельны, как сами божества Нат, хотя в число Нат входят такие, как гиганты, злые гении и тому подобные, которые обитают на пустынной горе Джагандер.

Истинное учение Будды говорит, что демоны, когда природа создала солнце, луну и звезды, *были человеческими существами*, но вследствие своих грехов лишились состояния блаженства. Если они совершают еще большие грехи, они несут еще большие наказания, а осужденные люди между ними причисляются к *дьяволам*; тогда как *демоны, которые умирают* (элементальные духи) и рождаются или воплощаются в качестве людей, и более не совершают грехов, могут достичь состояния небесного блаженства. Здесь показано, говорит Эдвард Апхем в своей «Истории и доктрине буддизма», что все существа, божественные так же как и человеческие, подчинены законам перевоплощения, которые имеют власть над всеми в зависимости от их нравственного состояния. Таким образом, эта вера полностью является мерилем, критерием, устанавливающим закон нравственности, как руководящий принцип в применении к поведению человека; и он добавляет, что «это делает изучение буддизма важным и любопытным предметом для философа».

Индусы верят в существование вампиров так же твердо, как сербы и венгры. Кроме того, их доктрина та же, что у Пиерарта, знаменитого французского спиритиста и месмеризатора, чья школа процветала несколько десятков лет тому назад.

«Тот факт, что призраки возвращаются, чтобы сосать человеческую кровь», – говорит этот доктор, ^[321] – «не так уж необъясним, как кажется, и здесь мы обратимся к спиритуалистам, которые признают *двутелесность или раздвоение души*. Руки, которые мы пожимали... эти материализованные конечности, такие осязаемые... ясно доказывают, как много доступно *астральному призраку при благоприятных условиях*».

Уважаемый врач выражает теорию каббалистов. Шадим – самый низкий класс духовных существ. Маймонид, который говорит нам, что его соотечественники *обязаны* поддерживать близкие сношения со своими умершими, описывают пиры крови, каковые устраиваются в этих случаях. Они вырывают яму, в которую наливается *свежая кровь*, а над ямой помещают стол; после «духи» приходят и отвечают на все вопросы [316, 11, 12].

Пиерарт, доктрина которого была обоснована на доктрине теургов, проявляет большое возмущение по поводу суеверия духовенства, которое каждый раз, когда труп подозревается в вампиризме, требует, чтобы в его сердце загоняли кол. До тех пор, пока астральное тело не совсем освободилось от физического тела, существует возможность, что оно силою магнетического притяжения может быть вынуждено снова возвратиться в тело. Иногда астральное тело может быть вышедшим только наполовину, когда физическое тело по внешности совсем мертвое и его уже хоронят. В таких случаях, пришедшее в ужас астральное тело насильно снова возвращается в свою физическую оболочку и тогда происходит одно из двух – или несчастная жертва будет корчиться в смертельных муках от удушения, или же, если она была глубокоматериальна, она становится вампиром. Начинается двутелесная жизнь; и эти несчастные похороненные каталептики поддерживают свои жалкие жизни тем, что их астральные тела грабят жизне-кровь у живых людей. Эфирная форма может ходить, куда ей

угодно; и до тех пор, пока она не оборвет нити, связывающей ее с телом, она свободна блуждать, скитаться вокруг, или видимой или невидимой, и питаться от человеческих жертв.

«По всей очевидности, этот „дух“ посредством таинственной невидимой нити связи, которая может быть, когда-нибудь будет выяснена, передает результаты своего сосания материальному телу, бездвижно лежащему на дне могилы, и таким образом помогает ему продолжать свое состояние катаlepsии» [315].

Бриер де Буазмон приводит ряд таких случаев, полностью удостоверенных, которые ему угодно было назвать «галлюцинациями».

Недавними исследованиями, сообщает французская газета, «было установлено, что в 1871 г. два трупа были подвергнуты позорной процедуре популярного суеверия по наущению духовенства... О, слепые предрассудки!»

Но доктор Пиерарт в цитате, приведенной де Мюссе, отважно защищающим существование вампиризма, восклицает:

«Вы говорите – слепые предрассудки? После такого огромного количества фактов, так часто удостоверенных, должны ли мы говорить, что их больше нет и что они всегда были необоснованны? Ничто не происходит из ничего. Каждое поверье, каждый обычай возникает из фактов и причин их породивших. Если бы никто никогда не видел, как в семьях некоторых стран появляются существа, принявшие вид знакомого умершего и пришедших за тем, чтобы сосать кровь одного или нескольких лиц, и если бы затем не последовала смерть их жертв от истощения, никто никогда не пошел бы на кладбище, чтобы выкапывать трупы; и мы никогда не являлись бы свидетелями того невероятного факта, что обнаруживаются лица, пролежавшие похороненными несколько лет, и у них глаза были открыты, розовый цвет кожи лица, гибкое тело, рот и нос полны крови, и при обезглавливании из них потоками льется кровь» [315, т. iv, с. 104].

Один из наиболее значительных примеров вампиризма фигурирует в частных письмах философа маркиза д'Аргенса; также в «Британском обозрении» за март 1837 г. английский путешественник Пашлей описывает несколько случаев, наблюдавшихся им на острове Кандия. О подобных наблюдениях свидетельствует доктор Джобард, антикатолический и антиспиритуалистический известный бельгийский ученый. [322]

«Я не буду заниматься исследованиями», – писал епископ д'Авранчес Хьют, – «истинны ли факты вампиризма, о которых постоянно сообщают, или же они плод распространенного заблуждения: но одно несомненно, что они засвидетельствованы таким большим количеством авторов и таким большим количеством очевидцев, что никто не должен приступать к решению этого вопроса без надлежащей осторожности» [317, с. 81].

Шевалье, который приложил великие усилия, чтобы собрать материал для своей демонологической теории, приводит наиболее волнующие примеры, чтобы доказать, что такие случаи дело рук Дьявола, который пользуется трупами кладбища, как одеянием, чтобы рыскать по ночам и сосать человеческую кровь. Мне думается, что мы прекрасно можем обойтись без того, чтобы выводить на сцену этот запыленный персонаж. Если мы, вообще, должны верить в возвращение духов, то имеется сколько угодно злобных садистов, скряг и грешников другого пошиба – в особенности самоубийц, которые по своей злобе превзойдут самого Дьявола в его лучшие дни. Вполне достаточно того, что мы действительно вынуждены верить в то, что мы

действительно видим, и знаем как *факт*, а именно, в духов, без добавления к нашему пантеону Дьявола – которого никто никогда не видел.

Все же имеются интересные подробности, которые следует приводить в связи с вампиризмом, так как вера в это явление существовала во всех странах с отдаленнейших веков. Славянские национальности, греки, валахи и сербы скорее усомнятся в существовании своих врагов турок, нежели в факте, что существуют вампиры. *Бруколак* или *вурдулак*, как последних называют, слишком знакомый гость у славянского очага. Даровитые писатели, люди большой проницательности и честности, трактовали этот предмет и верили в него. Откуда же тогда взялось такое *суеверие*? Откуда это прошедшее века единодушное доверие, и откуда тождественность, единообразие в описаниях подробностей, которые мы находим в показаниях по этому феномену у свидетелей – проживающих в разных странах – отличающихся друг от друга другими *суевериями*.

«Существует два пути», – говорит его преосвященство Калмет, скептический бенедиктинский монах, – «чтобы уничтожить веру в эти мнимые привидения... Первый путь – *объяснение* чудес вампиризма чисто физическими причинами; второй путь – *полное отрицание* истинности всех рассказов о вампиризме; второй план, несомненно, самый верный и разумный».^[323]

Первый путь – путь объяснения феномена физическими, хотя и оккультными причинами, является путем, принятым Пиерартской школой месмеризма. И спиритуалисты не имеют права сомневаться в правдоподобности ее объяснения. Второй путь – это план, принятый наукою и скептиками. Они категорически все отрицают. Как сказал де Мюссе, нет лучшего или более верного пути, и ни один не предъявляет науке и философии меньше требований.

Призрак деревенского пастуха близ Кодома, в Баварии, показывался нескольким обитателям той местности и, вследствие их испуга или по какой-то другой причине, все они умерли в течение следующей недели. Приведенные в отчаяние крестьяне вырыли труп и пригвоздили его к земле колом. В ту же ночь он показался опять, наводя ужас на людей, и некоторых из них задушил. Тогда сельские власти передали труп палачу, который отнес в соседнее поле и сжег.

«Этот труп», – говорит Мюссе, цитируя его преосвященство Калмета, – «выл как сумасшедший, брыкался и рвался словно живой. Когда его протыкали заостренными кольями, он испускал пронзительные крики и выблевал массы темнокрасной крови. Появление его призрака прекратилось только после того, как тело превратилось в пепел» [100, с. 196].

Служители правосудия посещали места таких происшествий, могилы раскапывались и трупы вынимались из могил, и почти во всех случаях наблюдалось, что подозреваемый в вампиризме труп выглядел здоровым и розовым, а плоть ничуть не разложившейся. Видели, как предметы, принадлежащие таким умершим, передвигались по дому без чьего-либо прикосновения. Но законные власти, в общем, отказывались прибегать к сжиганию или обезглавливанию до того, пока не были выполнены строжайшим образом все процедурные требования судопроизводства. Вызывались и выслушивались свидетели; показания тщательно взвешивались. После этого осматривались выкопанные трупы, и если на них обнаруживались несомненные характерные признаки вампиризма, их передавали палачу.

«Но», – продолжает аргументировать его преосвященство Калмет [100, с. 196], – «главное затруднение состоит в том, чтобы узнать, как эти вампиры могут уходить из своих могил и снова туда возвращаться, без *малейшего нарушения пластов могильной земли*; как это происходит, что их видят в их обычной одежде; как они могут появляться, ходить и *есть*? Если все это только воображение со стороны тех, кто думает, что им досаждают вампиры, то чем объяснить, что при вскрытии могил обвиняемых призраков обнаруживают, что у трупов нет и признаков

разложения, они свежи, полны крови и соков? Как объяснить причину того, что *их ноги запачканы и покрыты грязью на следующий день после той ночи*, когда они появлялись и пугали своих соседей, тогда как ничего подобного не обнаруживается у других трупов, погребенных на том же кладбище? [324] И почему так получается, что раз их сожгли, они уже никогда больше не возвращаются? и почему в этой стране явления эти настолько часты, что невозможно уже разубедить людей, ибо, вместо разубеждения, опыт заставляет верить в них» [318, т. ii, гл. xlv, с. 212].

В природе существует неизвестный феномен, и поэтому в нашем веке безверия физиология и психология отрицают его. Этим феноменом является состояние *полусмерти*. Фактически тело мертво. Когда это происходит с людьми, у которых материя не главенствует над духом, то оставшись в одиночестве, их астральная душа постепенными усилиями освобождается и, когда последнее связующее звено разорвано, отделяется навсегда от своего земного тела. Равносильная совершенно противоположная магнетическая полярность силою оттолкнет эфирного человека от разлагающейся органической массы. Вся трудность заключается в том, что 1. окончательным моментом разрыва между этими двумя считают момент, когда наука объявляет тело *мертвым*; и 2. что та же самая наука не верит, что у человека есть душа или дух.

Пиерарт старается доказать, что во всех случаях опасно хоронить умерших слишком скоро после смерти, даже хотя бы на теле проявлялись явные признаки разложения.

«Бедные мертвые каталептики», – говорит этот доктор, – «они погребены как *вполне умершие*, в холодных и сухих местах, где *болезнетворные причины не могут проявить своей разрушительной деятельности на их телах*, при этом их (астральный) дух окутывается *флюидическим* (эфирным) телом и побуждается к оставлению пределов своей могилы и к совершению деяний, присущих физической жизни, в особенности – к *питанию*, результаты которого посредством таинственной связи между душою и телом, которую духовная наука когда-нибудь выяснит, препровождаются материальному телу, все еще лежащему в своей могиле, и последний таким образом получает возможность продлить свое жизненное существование» [315, т. iv, с. 104].

Этих духов в их эфемерных телах часто видят *выходящими с кладбища*; про них известно, что они льнули к своим живым соседям и сосали их кровь. Судебными исследованиями установлено, что в результате этого происходило истощение их жертв, часто оканчивающееся смертью.

Таким образом, следуя набожному совету его преосвященства Калмента, мы должны или продолжать отрицать, или, если человеческие и судебные свидетельства чего-нибудь стоят, принять единственное возможное объяснение.

«Что души умерших облекаются в воздушные или эфирные носители, с исчерпывающей полнотой и ясностью доказано такими высокочтимыми людьми, как доктор К. и доктор Мор», – говорит Гланвил, – «и они также доказали, что это было учение величайших философов и древнейших патриархов» [87, т. II, с. 70].

Жорес, немецкий философ, выражается в том же смысле, что

«Бог никогда не создавал человека в виде мертвого трупа, но как животное полное жизни. Создав его таким и найдя его готовый принять бессмертное дыхание, Он дунул ему в лицо, и таким образом человек стал вдвойне произведением Его рук. В самый центр жизни было совершено это таинственное вдувание первому человеку (расе?); и с тех пор в нем объединены *животная душа*, происходящая из земли, и дух, излучаемый с небес» [319, т. III, гл. VII, с. 132].

Де Мюссе в компании с другими римско-католическими писателями восклицает:

«Это утверждение совсем антикатолическое!»

Предположим, что это так; ну что из этого? Оно может быть архи-антикатолическим и все же быть логичным и может принести разрешение многих психологических загадок. Солнце науки и философии светит для всех; и если католики, которые едва ли составляют одну седьмую часть населения земного шара, неудовлетворены, то, может быть, многие миллионы представителей других религий, превосходящих численно католиков, удовлетворятся.

А теперь, прежде чем расстаться с этим отвратительным предметом вампиризма, мы приведем еще один пример в качестве иллюстрации, без какого-либо другого ручательства, кроме уверения, что случай этот был нам рассказан, по-видимому, заслуживающими доверия свидетелями.

В начале нынешнего [девятнадцатого] века в России произошел один из наиболее страшных случаев вампиризма, какие когда-либо отмечались. Губернатором в области Ч. состоял человек лет шестидесяти, злобный, жестокий и ревнивый тиран. Облеченный деспотической властью, он пользовался ею без удержу как подсказывали ему его звериные инстинкты. И он влюбился в хорошенькую дочь подчиненного ему чиновника. Хотя девушка была помолвлена с молодым человеком, которого она любила, тиран принудил ее отца дать согласие на брак, и бедная жертва, несмотря на свое отчаяние, стала его женой. Тут проявился всю его ревнивый характер. Он бил ее, держал ее неделями запертой в ее комнате и запрещал ей видиться с кем-либо не иначе, как в его присутствии. Наконец он заболел и умер. Но когда он почувствовал, что его конец приближается, он заставил ее поклясться, что она больше замуж не выйдет; и со страшными клятвами он пригрозил ей, что если она выйдет замуж, нарушив клятву, то он вернется к ней из могилы и убьет ее. Его похоронили в кладбище за рекою, и молодая вдова никаких дальнейших неприятностей не испытывала до тех пор, пока природа не превозмогла ее страхи и она, вняв мольбам своего прежнего любимого, возобновила с ним помолвку.

Ночью после обычного отпразднования помолвки, когда все уже легли спать, старая помещицья усадьба была разбужена отчаянными криками, доносившимися из ее комнаты. Вломились в дверь и нашли несчастную женщину лежащей в крови в глубоком обмороке. В это же самое время было слышно, как карета с грохотом выезжала со двора. На теле женщины обнаружили черные и синие кровоподтеки, как бы от щипков, из небольшого прокола на шее сочилась капля крови. Когда сознание к ней вернулось, она сообщила, что ее покойный муж вдруг вошел в ее комнату точно с такою внешностью, как при жизни, за исключением того, что был страшно бледен; что он упрекал ее за непостоянство, а затем избил и исципал ее жесточайшим образом. Ее рассказу не поверили; но на следующее утро стража, поставленная на конце моста, соединяющего оба берега реки, донесла, что как раз перед наступлением полночи черная карета с шестеркою лошадей бешено пронеслась мимо них по направлению к городу, не ответив на окрик стражи.

Новый губернатор, который не поверил этому рассказу о призраке, тем не менее принял меры предосторожности, удвоив стражу в конце моста. Однако, ночь за ночью повторялось то же самое, причем, солдаты, несущие стражу, заявляли, что шлагбаум на их заставе у моста сам поднимается, несмотря на их усилия остановить. В то же самое время каждую ночь карета с грохотом въезжала во двор старого дома; сторожа, включая семью вдовы и слуг, впадали в глубокий сон; и каждое утро молодую жертву находили в ссадинах, источающей кровь и в обмороке, как и прежде. Весь город пришел в оцепенение. Врачи не могли дать никаких объяснений, священники приходили, чтобы проводить ночи в молитве, но как только

приближалась полночь, всех охватывала ужасная летаргия. Наконец, приехал сам областной архиепископ и совершил обряд изгнания, но на следующее утро состояние вдовы оказалось хуже, чем когда-либо. Она уже была на пороге смерти.

Губернатор, наконец, был вынужден прибегнуть к строжайшим мерам, чтобы прекратить все увеличивающуюся панику в городе. Он поставил на мосту полсотни казаков с приказом остановить призрачную карету во что бы то ни стало. В точности в обычный час и услышали и увидели, как карета со стороны кладбища приближается к городу. Офицер стражи и священник, несущий крест, стали перед шлагбаумом и вместе закричали: «Именем Бога и царя – кто идет?» В окно кареты просунулась хорошо запомнившаяся голова и знакомый голос ответил: «Государственный тайный советник и губернатор К.!» В тот же самый момент офицер, священник и казаки были отброшены в сторону как бы электрическим током, и призрачная карета проскочила мимо них прежде чем они успели дохнуть.

Тогда архиепископ решил прибегнуть к освященному веками средству – выкопать труп пригвоздить его к земле дубовым колом через сердце. Это было сделано с большой религиозной церемонией в присутствии всего населения. Рассказывают, что тело было найдено с полной глоткой крови, с красными щеками и губами. В тот миг, когда первый удар был нанесен по концу кола, стон раздался из трупа и струя крови высоко брызнула в воздух. Архиепископ произнес обычную для таких случаев молитву изгнания, и труп был снова закопан в землю. И с тех пор больше ничего не было слышно о вампире.

Насколько эти факты в данном случае были преувеличены преданием, этого мы не можем сказать. Но нам рассказал об этом один очевидец; и в настоящее время в России есть семьи, старшие члены которых помнят этот страшный рассказ.

Что касается материалов, находимых в медицинской литературе, то там часто встречаются описания случаев при откапывании похороненных, когда их обнаруживали в каталептическом состоянии, а на упорные заявления специалистов, что такие явления происходят чрезвычайно редко, можно порекомендовать обратиться к ежедневной прессе всех стран, чтобы обнаружить, что этот ужасный факт подтверждается. Священник Г. Р. Ховис, автор «Прах – праху» [320], перечисляет в своем труде, поддерживающем идею кремации, несколько скорбных случаев преждевременного погребения. На 46-й странице приводится следующий диалог:

«Много ли случаев преждевременного погребения вам известно?»

«Несомненно. Я не хочу сказать, что в нашем умеренном климате они часты, но они все же встречаются. Едва ли какое-либо разрытие кладбища обходится без того, чтобы не обнаружить, не только перевернувшиеся тела, но скелеты, скорчившиеся в последней, безнадёжной борьбе за жизнь. Перевертывание тела могло произойти от неумелого опускания в могилу, *но не скорчивание*».

После этого он приводит несколько недавних случаев.

«В Бержераке, в 1842 г., пациент принял снотворное... но он не проснулся... Ему пускали кровь, и он не очнулся... Наконец, его объявили мертвым и похоронили. Через несколько дней вспомнили о приеме снотворного и разрыли могилу. Тело было перевернуто и со следами *борьбы*».

«Санди таймс» за 30 декабря 1838 г. сообщает, как в Тоннеинзе, Нижняя Гаронна, хоронили человека, как вдруг услышали неясный звук, доносящийся из гроба; безрассудный могилкопатель бросился бежать... Гроб вытащили и взломали.

Застывшее в ужасе и отчаянии лицо, разорванный саван и скрюченные конечности поведали о том, что вскрытие – *опоздало*».

«Таймс» за май 1874 г. сообщает, что в августе 1873 г. молодая женщина умерла вскоре после свадьбы... Года не прошло, как ее муж женился опять, и мать его первой жены решила перевезти тело дочери в Марсель. Вскрыли склеп и обнаружили распростертое тело бедной женщины с растрепанными волосами и с изорванным в куски покрывалом». [\[325\]](#)

Так как мы вернемся к этому предмету еще раз в связи с библейскими чудесами, то мы пока что оставим его и вернемся к магическим феноменам.

Если бы нам пришлось давать полное описание различных манифестаций, какие происходят среди адептов Индии и других стран, мы могли бы заполнить многие тома, но это было бы бесполезно, так как не осталось бы места для объяснений. Поэтому мы отбираем преимущественно такие, которые или находят себе параллели в современных феноменах, или же подлинность которых законно удостоверена. Хорст хотел дать своим читателям понятие о некоторых персидских духах, но это ему не удалось, ибо одно только перечисление некоторых из них может закрутить мозги верующего. Тут и дэвы со своими специальностями; дарванды со своими мрачными трюками; шадимы и джины; целый легион духов, демонов, домовых и эльфов персидского календаря; да еще, с другой стороны, еврейские серафимы, херувимы, изиды, амшаспенды, сефироты, малахимы, элохимы; и, добавляет Хорст, «миллион астральных существ всех рас и цветов» [321, т. V, с. 52].

Но большинство этих духов не имеют никакого отношения к феноменам, сознательно и умышленно производимыми магами Востока. Последний отвергает обвинение в помощи духов, оставляя колдунам помощь даже элементарных духов и элементарных призраков. Адепт обладает неограниченной властью над обоими, но редко ею пользуется, ибо для производства физических феноменов он призывает духов природы в качестве послушных сил, но не в качестве разумов.

Так как мы всегда любим подкреплять свои аргументы свидетельствами других, может быть будет хорошо привести мнение ежедневной Бостонской газеты «Геральд» касательно феноменов вообще и медиумов в частности. Натолкнувшись на грустные неудачи у некоторых бесчестных людей, которые могли и быть и не быть медиумичными, писатель потрудился удостовериться в отношении некоторых чудес, про которые говорят, что они совершались в Индии, и сравнивает их с чудесами современной тауматургии.

«Нынешний медиум», – говорит он, – «обладает большим сходством в методах и манипуляциях с историческими чародеями, чем любой другой представитель магического искусства. Но как далеко совершаемое им от того, что совершали его прототипы, видно из нижеприведенных примеров. В 1615 году делегация высокообразованных и знатных лиц от Английской Восточно-Индийской компании посетила императора Джехангира. Пока они выполняли свою миссию, они стали очевидцами многих весьма чудесных представлений, почти заставивших их не доверять своим собственным чувствам, без малейшего намека на возможность их разгадки. Группе бенгальских чародеев и фокусников, демонстрировавших перед императором свое искусство, было выражено желание, чтобы они тут же на месте на глазах у зрителей вырастили из семян десять шелковичных деревьев. Они немедленно посадили десять семян, из которых через несколько минут выросло столько же деревьев. Земля раскрывалась над тем местом, где было посажено семя, показывались крошечные листики, за которыми сразу же последовали нежные отростки; они быстро набирали рост, выпуская листья, веточки и ветви; последние широко раскинулись в воздухе, выпуская почки и цветы; на них

появились плоды, которые тут же созревали и оказывались превосходными. И все это совершалось перед зрителем, который не сводил взгляды. Фиговое, миндальное, манговое и ореховое деревья также были произведены в то же самое время и при таких же условиях, причем каждое приносило свои плоды. Чудеса следовали за чудесами. Ветви на деревьях заполнились птицами с прекрасным опереньем, они располагались меж листьев и сладкогласно пели. Листья стали желтеть и опадать, веточки вянуть и деревья погрузились обратно в землю, из которой они выросли в течение этого часа.

У другого чародея был лук и около пятидесяти стрел со стальными наконечниками. Он пустил стрелу в воздух, и вот – она замерла в воздухе на значительной высоте и повисла там. Вслед ей посылались стрела за стрелой, и каждая попадала в древко предыдущей, так что в воздухе образовалась цепь из стрел; последняя же пущенная стрела ударила по этой цепи и она, рассыпавшись на части, упала на землю.

Поставили две обычные палатки друг против друга на расстоянии полета стрелы. Палатки были тщательно обследованы зрителями, как теперь подвергаются осмотру кабинки медиумов, и объявили пустыми. Палатки привязали к земле кругом. Затем спросили у зрителей, каких животных или птиц они хотели бы увидеть выходящими из палаток, чтобы вступить в бой. Каун-э-Джахаун с видом недоверия выразил желание увидеть битву страусов. Через несколько минут из каждой палатки вышло по одному страусу, которые со смертельной решимостью бросились друг на друга так, что вскоре заструилась кровь; но они были настолько равносильны, что ни тот, ни другой не мог победить и, наконец, разделили их и развели по палаткам. После этого все просьбы зрителей на разных зверей и птиц были выполнены с теми же результатами.

Поставили большой котел, куда бросили некоторое количество риса. Безо всякого признака огня рис скоро закипел, и из этого котла было вынуто более ста деревянных тарелок вареного риса с тушеной домашней птицей наверху каждой тарелки. Этот трюк в меньших масштабах проделывают самые обыкновенные факиры наших дней.

Недостаток места не позволяет нам приводить больше примеров для иллюстрации из записей прошлого, но как жалки и скучны предоставления медиумов сегодняшнего дня по сравнению с вышеприведенными, совершавшиеся прежде более искусными людьми. Нет ни одной чудесной черты в так называемых феноменах или манифестациях, которая не была бы более чем повторена другими искусными людьми, связь которых с землей и только с землею более очевидна, чтобы можно было в этом сомневаться, даже если этот факт не подтверждается их собственным свидетельством».

Будет ошибкою сказать, что факиры и фокусники всегда утверждают, что им помогают духи. В полурелигиозных вызываниях, например, в таких, какие совершал описанный Жаколио Ковиндасами перед этим французским джентльменом, по желанию присутствующих на вечере гостей, они обращались к питри, к своим развоплощенным предкам, и к другим *чистым* духам. Их они могут вызвать только молитвой. Что касается всех других феноменов, и маг или факир производит их по желанию, как угодно. Несмотря на состояние кажущейся нищеты, в какой последний живет, он часто оказывается посвященным храма, хорошо знакомым с оккультизмом и со своими богатыми братьями.

Халдейцы, которых Цицерон причислял к самым старейшим магам, полагали основой магии внутренние силы человеческой души и знание магических свойств растений, минералов и животных. С их помощью они совершали удивительнейшие «чудеса». Магия, для них, была синонимом религии и науки. Только позднее произошло то, что религиозные мифы магдеанского дуализма, искаженные христианским богословием и эвгемеризированные некими отцами церкви, приняли этот отвратительный вид, в каком их преподносит нам католический писатель де Мюссе. Объективная реальность средневековых инкубов и суккубов, это

отвратительное суеверие средних веков, которое стольким людям стоило жизни и за которое этот автор ратует в целом томе, – есть чудовищное произведение фанатизма и эпилепсии. Оно не может иметь *объективной* формы; приписывать его влияние Дьяволу есть кощунство: ибо это значит что Бог, после сотворения Сатаны, разрешил ему избрать такое направление, так действовать. Если мы вынуждены верить в вампиризм, то мы делаем это в силу двух неопровержимых утверждений оккультной психологической науки: 1. Астральная душа есть отделимая, отличная от нашего эго сущность, и она может бродить, уноситься далеко от тела, не порывая при этом нити жизни. 2. Труп не совсем мертв до тех пор, пока его обитатель может снова входить в него, последний может собрать достаточно материальных эманаций из него, чтобы быть способным появляться в почти земной форме. Но придерживаться мнения, вместе с де Мюссе и де Мирвилем, что Дьявол, которого католики наделили такою властью, что в своем антагонизме он равняется высочайшему Богу, обращается в волков, змей, собак, чтобы удовлетворить свою похоть и порождать уродов, значит придерживаться идеи, в глубине которой скрыты семена поклонения дьяволу, сумасшествия и святотатства. Католическая церковь, которая не только учит нас верить этому чудовищному заблуждению, но еще и заставляет своих миссионеров проповедовать такую догму, не должна испытывать возмущения против поклонения Дьяволу, практикуемого некоторыми парсийскими и южно-индийскими сектами. Как раз наоборот, ибо, когда мы слышим, как иезиды повторяют известную пословицу: «Поддерживай дружбу с демонами; давай им твое имущество, твою кровь, и служи им, и ты можешь не беспокоиться о Боге – Он *ведь не будет причинять тебе зла*», – мы находим, что он только последователен в своей вере и почтителен к Господу; его логика здрава и рациональна; он уважает Бога слишком глубоко, чтобы допустить, что Тот, кто сотворил вселенную и ее законы, способен причинять ему вред, бедному атому; ну, а *демоны* вот тут; они *несовершенны*, и поэтому у него имеются основания бояться их.

Поэтому Дьявол в своих различных превращениях может быть только заблуждением. Когда нам кажется, что мы видим и слышим и ощущаем его, то это весьма часто ничто другое, как наша безнравственная, развращенная, загрязненная душа, которая видит, слышит и чувствует. Подобное привлекает подобное, говорят; таким образом, в соответствии с настроением, в каком наша астральная форма просачивается и выходит из тела во время сна и в соответствии с нашими ежедневными занятиями, которые все в значительной степени отпечатываются на этой пластической капсуле, называемой *человеческой душой*, последняя привлекает в свое окружение духовные существа, близкие себе по духу. Здесь причина, почему некоторые сны и видения бывают чисты и прекрасны, а другие – дьявольские и непристойные. Человек просыпается и либо спешит в исповедальню, либо хохочет над своим сном. В первом случае ему обещают, в конечном счете, спасение ценою нескольких индульгенций (которые он должен купить у церкви), и, может быть, чуточку чистилища или даже ада. Какое это имеет значение? Разве ему не обеспечена вечная жизнь и бессмертие, что бы он ни делал? Это – Дьявол. Прогнать его молитвенником, колокольчиком и кропилом со святою водой! Но «Дьявол» снова возвращается, и часто верующий вынужден перестать верить в Бога, когда он ясно ощущает, что Дьявол берет верх над его Творцом и Хозяином. Тогда он попадает в другую крайность. Он остается безразличным и отдается целиком Дьяволу. Он умирает, и читатель уже узнал продолжение этого из предыдущей главы. Эта мысль прекрасно выражена доктором Эннемозером:

«Религия здесь [в Европе и Китае] не пустила таких глубоких корней, как у индусов», – говорит он, возражая против этого суеверия. – «Дух греков и персов был более изменчивый... Философская идея о принципах добра и зла и о духовном мире... должна была способствовать традиции в создании видений с небесными или адскими образами, и с самыми страшными искажениями, которые в Индии создавались гораздо проще более страстным фанатизмом; там

провидец воспринимал посредством *божественного света*, здесь же он терялся во множестве внешних объектов, с которыми он смешивал себя, отождествляясь с ними. Конвульсии, сопровождавшиеся отсутствием сознания, ушедшего из тела в далекие страны, здесь были обычны, так как воображение было менее устойчиво и также менее духовно.

Внешние причины также различны; образы жизни, географическое положение, искусственные средства, вносящие различные видоизменения. Образ жизни в Западных странах всегда был очень изменчив, и поэтому нарушает и искажает работу чувств, и *внешняя жизнь отражается* на внутренний мир сновидений. И духи, поэтому, бывают бесконечно разнообразны по виду, и склоняют людей к удовлетворению своих страстей, показывая им способы, как это делать, вдаваясь даже в малейшие подробности, что *гораздо ниже* возвышенных натур индийских провидцев».

Пусть изучающий оккультные науки сделает свою натуру такой же чистой и свои мысли такими же возвышенными, как натура и мысли индийского провидца, и он сможет спать нетревожимый никакими вампирами, инкубами и суккубами. Вокруг бесчувственного тела такого спящего бессмертный дух распространяет божественную силу, которая защитит от всякого дурного приближения, как если бы это была хрустальная стена.

«*Haec murus aeneus esto: nil conscire sibi, nulla pallascere culpa*».

Глава XIII

Реальности и иллюзии

«Алхимик. Ты всегда говоришь загадками. Скажи мне, не ты ли тот источник, о котором Бернанд лорд Тревигана писал?»

«Меркурий. Я не тот источник, но я та вода. Источник заключает меня в себе».

Сандивогоиус. «Новый свет алхимии».

«Все, чему мы обучаем, сводится к следующему: познать тайны человеческого организма; выяснить, почему части окостеневают и кровь застаивается, и применить постоянную профилактику. Это не магия, это искусство медицины, правильно воспринятое».

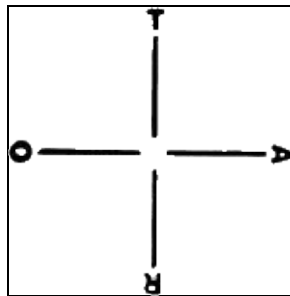
Бульвер-Литтон.

*«Смотри-ка, воин! Алый крест стоит
Над склепом, где мертвец лежит;
Внутри его чудесный свет мерцает,
И духов ночи от могилы отгоняет.
Лампада эта будет тлеть всегда
До дней грядущих Страшного суда».*

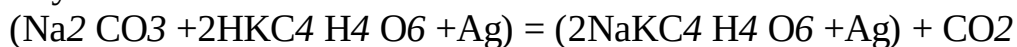
*.....
«Не угасим огонь небесный вечный!»*

Сэр Вальтер Скотт.

Существуют люди, чьи умы были бы неспособны оценить интеллектуальное величие древних даже в физической науке, если бы им довелось стать свидетелями наиболее полной демонстрации их глубокой учености и достижений. Несмотря на уроки осторожности, неоднократно преподанные им неожиданными открытиями, они все еще продолжают выполнять свой старый план отрицания и, что еще хуже, высмеивают то, что они не могут ни доказать, ни опровергнуть. Так, например, они относятся с презрением к идее талисманов, считая, что они не оказывают никакого влияния. Что семь духов Апокалипсиса имеют непосредственное отношение к семи оккультным силам в природе, – их слабым умам кажется непостижимым и абсурдным; и одна только мысль о том, что маг посредством определенных каббалистических церемоний может творить чудеса, – вызывает в них припадки смеха. Воспринимая только геометрическую фигуру, нанесенную на бумагу, кусочек металла или другого вещества, они не могут представить себе, как какое-либо разумное существо может приписать и тому и другому какую-либо оккультную мощь. Но те, кто приложили старания, чтобы осведомиться, знают, что древние сделали великие открытия как в психологии, так и в физике, и что их исследования оставили мало секретов для дальнейших исследователей.

Что касается нас, когда мы понимаем, что пентакль есть синтетическая фигура, которая выражает в конкретной форме глубокую истину природы, то мы не можем усмотреть в нем что-либо более смешное, чем в фигурах Евклида, и ничего наполовину такого смешного, как символы современной химии. Что может показаться непосвященному читателю более абсурдным, чем символ $\text{Na}_2 \text{CO}_3$ – означающий соду! и символ $\text{C}_2 \text{H}_6 \text{O}$, изображающий алкоголь! Как забавно, что алхимикам пришлось выразить свой Азот, или творящий принцип природы (астральный свет), посредством символа, который охватывает три вещи: 1. Божественная гипотеза; 2. Философский синтез; 3. Физический синтез – так сказать, вера, идея и сила. Но как совершенно естественно, что современный химик, который хочет показать ученикам в своей лаборатории реакцию углекислой соды и винного камня, прибегает к такому символу:

Если непосвященному читателю простительно с ужасом взирать на всю эту абракадабру химической науки, то почему бы учителям этой науки не воздержаться от своего смеха до тех пор, пока они не узнают философской ценности символизма древних? По крайней мере, они могли бы уберечься, чтобы не попасть в такое же смешное положение, как мосье де Мирвиль, который спутав Азот философов герметизма с азотом химиков, утверждал, что первые поклонялись азотному газу!^[326]

Приложите кусок железа к магниту и он насытится его тонким принципом и станет способным, в свою очередь, насыщать им другие куски железа. Он не будет выглядеть другим, каким был до этого, и не прибавится в весе. И все же, одна из тончайших сил вошла в него. Талисман, сам по себе, может быть ничего не стоящим кусочком металла, обрывком бумаги или лоскутком какой-нибудь материи, но тем не менее он был насыщен воздействием на него величайшего из всех магнитов, человеческой воли, с силой, направленной на добро или зло, такой же ощутимой и реальной по своим результатам, как ощутимо тонкое свойство, приобретаемое железом от соприкосновения с магнитом. Дайте собаке-ищейке понюхать что-нибудь из одежды, которую носил сбежавший, и она пойдет по его следам через болота и леса до места, где он укрылся. Дайте одному из «психометров» профессора Бьюканана рукопись, не имеет значения, как стара она, и он опишет вам характер написавшего его и, возможно, даже опишет наружность его личности. Вручите ясновидящему локон волос или какой-нибудь предмет, который соприкасался с лицом, о котором вы хотите что-то узнать, и он установит с ним симпатическую связь настолько близкую, что сможет проследить всю его жизнь.

Скотоводы говорят нам, что юных животных не следует держать в одном стаде со старыми, и разумные врачи запрещают родителям спать вместе с детьми на одной и той же кровати. Когда царь Давид стал старым, дряхлым и слабым, его жизненные силы восстанавливались тем, что его ставили в тесное соприкосновение с молодой особой, чтобы он мог впитать в себя ее силу. Последняя императрица России, сестра нынешнего германского императора, была настолько слаба в последние годы своей жизни, что ее врачи серьезно советовали ей брать на ночь к себе в кровать здоровую, крепкого сложения крестьянскую девушку. Кто бы ни читал описание провидицы из Превоста, мадам Хауф, составленное доктором Кернером, должны хорошо

запомнить ее слова. Она неоднократно повторяла, что она поддерживает свою жизнь только атмосферой окружающих ее людей и их *магнетическими эманациями*, излучение которых необычайно ускоряется в ее присутствии. Провидица, просто-напросто, была магнетическим *вампиром*, который поглощал притяжением к себе жизнь тех, кто были достаточно сильны, чтобы уделить ей собственную жизнеспособность в виде *улетучивающейся* крови. Доктор Кернер отмечает, что эти люди в большей или меньшей мере оказывались затронутыми этой насильственно причиняемой потерей.

При наличии освещения знакомыми примерами возможности передачи тонкого флюида от одного индивидуума другому или напитывания этим флюидом вещества, к которому он прикоснулся, становится менее трудно понимать, что при решительной сильной концентрации воли на инертный предмет он может насыщаться или разрушительной или защитной силой в зависимости от цели, к какой она была направлена.

Несознательно возникающая магнетическая эманация непременно будет преодолена более сильной эманацией, с которой ей случится столкнуться. Но когда разумная и мощная воля будет направлять слепую силу и сконцентрирует ее на данной точке, – более слабая эманация очень часто побеждает более сильную. Точно такое же влияние имеет человеческая воля на *Акашу*.

Однажды, в Бенгалии, мы явились свидетелями проявления силы воли, которое проливалось свет на очень интересную фазу этого предмета. Адепт магии сделал несколько пассов над куском обычного олова, внутренней стороны крышки блюда, которая оказалась поблизости, пока он внимательно устремлял свой взор на нее, он, казалось, хватал пригоршнями невесомый неуловимый флюид и бросал его на поверхность крышки. Когда олово подставили под полный свет приблизительно в течение шести секунд, блестящая поверхность покрылась как бы пленкой. Потом на этой поверхности стали появляться пятна более темного оттенка, и когда приблизительно через три минуты крышку передали обратно нам, мы обнаружили на ней отпечатанную картину или, вернее, фотографию пейзажа, который простирался перед нами; все было точно, как в самой природе, и каждая краска совершенна. Картина удержалась на этой поверхности около сорока восьми часов и затем медленно поблекнув, исчезла.

Этот феномен легко объяснить. Воля адепта сконденсировала на поверхности олова пленку *акаши*, которая превратила ее на время в светочувствительную фотопластинку. Остальное сделал свет.

Такое проявление могущества воли, дающее объективные физические результаты, как вышеприведенное, подготовит изучающего к пониманию эффективности лечения болезней посредством контакта больного с неодушевленным предметом, насыщенным желаемым свойством. Когда мы видим, как такой психолог, как Модсли [322], без возражений приводит примеры нескольких чудесных исцелений, осуществленных отцом Сведенборга – исцелений, которые не отличаются от сотен других исцелений, осуществленных другими «фанатиками» – как он называет их – магами и природными целителями, не делая притом попыток объяснить их факты и унижаясь до насмехательства над силою их веры, не задавая себе вопроса, не скрывается ли секрет совершаемых ими исцелений в той власти над оккультными силами, какую дает такая несломимая вера, – мы печалимся, почему в наше время так много учености и так мало философии.

Честное слово, мы не видим чтобы современный химик хоть сколько-нибудь менее являлся магом, чем древний теург или философ герметизма, за исключением лишь того, что последний, признавая двойственность природы, имел перед собою поле исследования в два раза больше, чем современный химик. Древние оживляли статуи, и герметисты вызывали из элементов образы саламандр-гномов, ундин и сильфов, которых они не сотворяли, а просто делали видимыми посредством того, что держали открытыми двери природы, чтобы духи элементов

при благоприятных условиях могли выступить и стать видимыми. Химик приводит в соприкосновение два элемента, содержащиеся в атмосфере и, развивая скрытую силу родства, создает новое тело – воду. В шаровидных и прозрачных жемчужинах, родившихся от этого союза, появляются зародыши органической жизни, и в межмолекулярных щелях ютится тепло, электричество и свет точно так же, как они это делают в человеческом теле. Откуда берется эта жизнь в капле воды, только что родившейся из союза двух газов? Подвергся ли кислород и водород преобразению, которое стерло, уничтожило их качества одновременно с уничтожением формы? Вот ответ современной науки:

«Существуют ли кислород и водород как таковые в воде, или же они производятся посредством какой-то неизвестной и непонятной еще трансформации – это вопрос, о котором можно спорить, но о нем у нас нет никаких данных» [156].

Ничего не зная о такой простой вещи, как молекулярный состав воды, или о более глубокой, то есть о появлении жизни в ней, не лучше ли было бы для мистера Модсли, чтобы он явил пример собственного своего принципа и «сохранил молчаливое осознание своей невежественности до тех пор, пока не прольется свет»? [323, с. 266]

Утверждения друзей эзотерической науки, что Парацельс химическими средствами создал гомункула из некоторых соединений, пока еще неизвестных точной науке, разумеется, были отнесены в склад разбитых обманов. Зачем же с ними так поступать? Если гомункул не был сделан Парацельсом, то гомункулы создавались другими адептами и притом менее тысячи лет тому назад. В сущности, они создавались в точности по тому же самому принципу, по которому физики и химики вызывают к жизни своих *анималкула*. Несколько лет тому назад некий английский джентльмен Эндрю Кросс из Сомерсетшира создавал *акари* следующим образом: черный кремень нагревался докрасна и измельчался в порошок, смешивался с карбонатом поташа и подвергался сильному нагреванию в течение 15 минут, смесь высыпали в графитовый тигель, ставили в продуваемый горн; смесь, пока теплая, доводилась до состояния порошка и смешивалась с кипящей водой; ее кипятили несколько минут и затем до перенасыщения добавляли хлористоводородную кислоту. Затем подвергали воздействию гальванического тока в течение двадцати шести дней, после чего показывалось совершенное насекомое вида *акари*, а в течение недели их появлялось больше сотни. Этот эксперимент был повторен и с другими химическими жидкостями с подобными же результатами. Некий мистер Уикс создал *акари* в железотианистом калии.

Тогда это открытие вызвало большое возбуждение. Мистер Кросс был обвинен в отсутствии набожности в попытках на творение. Он ответил отрицанием этого, говоря, что *творить*, по его мнению, означало *образовать что-то из ничего*. [327]

Другой джентльмен, которого некоторые считали человеком большой учености, неоднократно говорил нам, что он находится накануне того, что докажет, что даже из неоплодотворенных яиц могут быть высижены цыплята, если через эти яйца пропускать отрицательный электрический ток.

Мандрейки (*дадим*, или любовный плод), отысканный в поле Рувимом, сыном Якова, были *мандрагоры* каббалистов, несмотря на все отрицания; и относящиеся к ним стихи относятся к самым *грубым* по своему эзотерическому значению во всем этом труде, Мандрейк – растение, грубо напоминающее по форме человека с головой, двумя руками и двумя ногами, образующими корни. Суеверие, что при вытаскивании из земли оно кричит человеческим голосом, не совсем лишено основания. Оно, в самом деле, издает нечто похожее на писк вследствие смолистой субстанции его корней, которые довольно трудно вытаскивать из земли. И это растение

обладает не только одним сокровенным свойством, а более, которое совершенно неизвестно ботаникам.

Читатель, который хотел бы получить ясную идею о смещении и замене сил и подобиями между жизненным принципом растений, животных и человеческими существами, может с пользой прочесть статью о корреляции нервных и ментальных сил, написанную профессором Александром Бейном из Абердинского Университета. Кажется, что мандрагора занимает на земле как раз ту точку, где соприкасаются растительное и животное царства, точно так же, как зоофиты и полипы это делают в море. И в том и в другом случае граница между ними настолько нечеткая, что почти невозможно установить, где кончается одно и где начинается другое. Может казаться невероятным, что могут быть *гомункулы*, но осмелится ли какой-либо естествоиспытатель, ввиду недавнего расширения науки, сказать, что это невозможно?

«Кто», – спрашивает Бейн, – «может ставить пределы возможностям существования?»

Необъясненных тайн в природе много, и те, которые предположительно считаются объясненными, едва ли можно назвать абсолютно ясными. Нет ни одного растения, ни минерала, который до конца раскрыл свои свойства науке. Что знают естествоиспытатели о сокровенной природе растительного и минерального царств? Как могут быть они уверены, что на каждое открытое ими свойство не может быть многих других сил, сокрытых во *внутренней* природе растения или камня? И что они только ждут, чтобы их поставить в соотношение с какими-то другими растениями, минералами и силами природы, чтобы проявить себя в том виде, который называют «сверхъестественным образом». Где бы Плиний, естествоиспытатель, Элиан, и даже Диодор, который с таким похвальным усердием стремился выпутывать историческую правду из мешанины преувеличений и басен, где бы они ни приписывали какому-либо растению или минералу оккультные свойства, неизвестные нашим ботаникам и физикам, их утверждения откладывались в сторону без дальнейших церемоний, как абсурдные, и о них больше не упоминалось.

С незапамятных времен люди науки размышляли о том, что собой представляет жизненная сила или жизненный принцип. Только при помощи нашей «Тайной доктрины» можно распутать этот клубок. Точная наука признает в природе только пять сил – одну *молярную* и четыре *молекулярные*; каббалисты – семь; и в эти две дополнительные силы закутана вся тайна жизни. Одна из этих сил – бессмертный дух, чье отражение невидимыми звеньями соединено даже с неорганической материей; другую мы предоставляем каждому открыть самому. Профессор Джозеф Ле Конте говорит:

«Какого рода различие существует между живым и мертвым организмом? Мы *не можем* различить никакого различия, ни физического, ни химического. Все химические и физические силы, извлеченные из общего фонда природы и воплощенные в живом организме, все еще кажутся находящимися в умершем, пока мало-помалу не возвратятся путем разложения в тот же фонд. И все же различие громадное и непостижимо великое. В чем заключается это различие, если его выразить в формуле материалистической науки? Что это такое, что ушло, и куда оно ушло? Тут что-то такое, что наука еще не может понять. И все же это есть то, что теряется при смерти до разложения – это жизненная сила в ее высочайшем значении!»
[264]

Трудно, более того, невозможно, как это кажется науке, обнаруживать невидимый универсальный двигатель всего – *Жизнь*, объяснить ее природу или даже хотя бы выдвинуть разумную гипотезу о ней; но эта тайна только наполовину тайна, имея в виду не только великих

адептов и провидцев, но даже по-настоящему крепко верующих в существование духовного мира. У простого верующего, которого природа не наградила таким нежным организмом и нервной чувствительностью, которые дали бы ему возможность – как они дают возможность провидцам – воспринять видимую вселенную отраженной, точно в зеркале, в невидимой вселенной, и, так сказать, объективно, у такого верующего остается божественная вера. Последняя крепко укоренилась в его внутренних чувствах; своею безошибочною интуицией, которая не имеет никакого отношения к холодному рассудку, он *чувствует*, что она не обманывает его. Пусть порожденные людьми догмы и богословская софистика противоречат друг другу; пусть одни вытесняют других, и пусть тонкая казуистика одного верования рушит ловкие рассуждения другого, но одна истина останется, и нет религии ни христианской, ни языческой, которая не была бы прочно обоснована на вековых утесах – Боге и бессмертном духе.

Каждое животное в большей или меньшей степени наделено способностью ощущать или видеть, если и не духов, то, по меньшей мере, что-то такое, что пока что остается невидимым для обычных людей и усматривается только ясновидящим. Мы провели сотню опытов с собаками, кошками, обезьянами различных пород и однажды даже с прирученным тигром. Круглое зеркало, известное под названием «магического кристалла», было сильно месмеризовано местным индусским джентльменом, прежде обитателем Диндигула, а теперь проживающим в более уединенном месте, среди гор, известных как Западные Гхаты. Он приручил молодого тигренка, привезенного к нему с Малабарского берега, представляющего ту часть Индии, где тигры особенно свирепы. И вот с этим интересным животным мы проводили наши опыты.

Подобно древним Марси и Псилли, прославленных очарователей змей, этот джентльмен утверждает, что он обладает таинственной властью приручать любого животного. Тигр был приведен в состояние хронического *ментального оцепенения*, так сказать; он стал таким же смирным и безвредным, как собачка. Дети могли дразнить его и дергать за уши, а он только встряхивался и завывал, как собака. Но как только принуждали его глядеть на «магическое зеркало», бедное животное моментально приходило в возбуждение, похожее на бешенство. Его глаза наполнялись *человеческим ужасом*; воя в отчаянии, не будучи в состоянии отвести свои глаза от зеркала, к которому его взгляд, казалось, был прикован магнетическими чарами, он корчился и трепетал до тех пор, пока у него начинались конвульсии от страха при виде какого-то видения, которое оставалось нам неизвестным. Тогда он обычно ложился, слабо постанывая, но все еще продолжая смотреть на зеркало. Когда у него отнимали зеркало, он, тяжело дыша, обессиленный, лежал часа два. Что он видел? Что это за духовная картина из его собственного *животного* мира, которая могла производить такое ужасающее впечатление на этого дикого и по своей природе свирепого и отважного зверя? Кто может это сказать? Возможно *тот*, кто создавал эту сцену.

То же самое влияние на животных наблюдалось во время спиритических *сеансов* с участием нескольких святых монахов нищенствующего ордена; и то же самое было, когда мы ради опыта пригласили на сеанс сирийца, полуязычника и полухристианина из Кунанкулама (штата Кохин), известного колдуна.

Нас было всего девять человек – семеро мужчин и две женщины, из последних одна была туземка. Кроме нас, в комнате находились молодой тигр, весьма занятый в это время костью; *вандеру*, или львиная обезьяна, которая со своим черным туловищем и снежно-белыми эспаньолкой и бакенами, с хитрыми искрящимися глазами выглядела, как само олицетворение проказливости; и еще была красивая золотистая иволга, спокойно очищающая свой радужного цвета хвост; она сидела на шестке близ большого окна веранды. В Индии спиритические сеансы не проводятся в темноте, как это делают в Америке, и единственное условие, которое требуется,

это молчание и гармоничность. Яркий дневной свет лился через раскрытые окна и двери; доносилось издали гудение жизни из соседних домов и джунглей, как бы эхо жужжания мириадом насекомых, голоса птиц и животных. Мы сидели посреди сада, в котором были построены дома, и, вместо спертых воздуха комнаты сеансов, находились в окружении огненного цвета гроздьев эритрины – кораллового дерева – вдыхая благоуханные ароматы деревьев и кустов, а также белых цветов бегонии, трепещущих от легкого ветерка. Короче говоря, мы были окружены светом, гармонией и запахами. Большие букеты цветов и кустарниковых, посвященных туземным богам, были собраны и принесены в комнаты. У нас были прекрасные цветы базилики, цветка Вишну, без которого в Бенгалии не обходится ни одна религиозная церемония; были также веточки *культового фикуса*, дерева, посвященного тому же светлomu божеству; его листья смешивались с розовыми цветами священного лотоса, и индийские туберозы обильно украшали стены.

Пока «благословенный» – представляемый очень грязным, но тем не менее в самом деле святым факиром – оставался погруженным в самосозерцание, и под действием его воли происходили некоторые духовные чудеса, – обезьяна и птица проявили только несколько признаков беспокойства. Только тигр один временами зримо трепетал и смотрел по сторонам, причем его флуоресцирующие зеленые глаза следили за кем-то невидимым, который как бы плыл в воздухе, то поднимаясь, то опускаясь. То, что еще не было воспринято человеческим глазом, должно быть, было для него *объективным*. Что же касается вандеру – вся ее резвость улетучилась; она казалась дремотной и бездвижно сидела на корточках. Птица почти никаких признаков не проявляла. Легкий звук как бы пронесшихся крыльев раздавался в воздухе; цветы начали путешествовать кругом по комнате, переносимые невидимыми руками, и когда лазоревый цветок упал на сложенные лапы обезьяны, она нервно рванулась и стала искать убежища в белом одеянии своего хозяина. Эта демонстрация чудес продолжалась около часа, и рассказывать о ней заняло бы слишком много времени. Наиболее любопытным было то явление, которым демонстрация чудес закончилась. Так как кто-то пожаловался на жару, то на нас полился кратковременный дождь из благоуханно пахнущей росы. Капли были большие и падали быстро, принося ощущение невыразимого освежения и моментально испаряясь, как только соприкасались с нами.

Когда факир, демонстрирующий белую магию, закончил свое представление, «колдун» или фокусник, как их здесь называют, приготовился показать свою силу. Нам был преподнесен ряд чудес, которые уже знакомы публике по описаниям путешественников; между прочим, нам был продемонстрирован тот факт, что животные обладают естественной способностью ясновидения, и даже, как кажется, способностью различать добрых и дурных духов. Всем чудесам колдуна предшествовали курения. Он сжигал ветви смолистых деревьев и кустов, от которых поднимались облака дыма. Хотя в этом не заключалось ничего, рассчитанного на возбуждение боязни в животном, обладающем только своими естественными глазами, тигр, обезьяна и птица проявляли признаки неопишeмого ужаса. Мы высказали мысль, что животные могли испугаться пламенеющих ветвей, так как мы вспомнили обычай путешественников окружать на ночь лагерь пылающими кострами, чтобы отогнать зверей. Чтобы не оставлять сомнений по этому поводу, сириец приблизился к присевшему тигру с веткою дерева Бэл^[328] (посвященного Шиве), и размахивал ею над головой несколько раз, бормоча при этом свои заклинания. Зверь моментально проявил признаки неопишeмого ужаса и паники. Его глаза загорелись в глазных впадинах точно два огненных шара; пена появилась у рта; он припал к земле, точно ища в ней какое-либо отверстие, куда бы скрыться; он выпускал вопль за воплем, что разбудило многократное эхо в лесу и в джунглях. Наконец, взглянув последний раз на ту точку, от которой его глаза ни разу не отрывались, он совершил отчаянный рывок, которым оборвал свою цепь, и

выпрыгнул через окно из веранды, унося с собой часть оконной рамы. Обезьяна убежала уже до этого, а птица упала со своего шестка как бы парализованная.

Мы не стали спрашивать ни факира, ни колдуна о методах, посредством которых феномены каждого из них были осуществлены. А если бы мы спросили, бесспорно, они ответили бы так, как ответил факир французскому путешественнику, который рассказал об этом недавно в одном из последних номеров нью-йоркской газеты «Франко-Америка» в нижеследующем изложении:

«Многие из индийских фокусников, проживающих в тиши пагод, совершают деяния, намного превосходящие представления, даваемые Робертом Хоудином, еще много таких, которые производят наиболее любопытные феномены из области магнетизма и каталепсии над первым встречным, какой попадаете им по дороге, вследствие чего я часто задумывался: не сделали ли брахманы в своих оккультных науках каких-либо великих открытий по вопросам, которые недавно взволновали всю Европу».

«В одном случае, когда я и другие находились в кафе с сэром Максвеллом, он приказал своему добочи привести очарователя змей. Немного спустя вошел худой индус, почти голый, с аскетическим, бронзового цвета, лицом. Вокруг его шеи, рук, бедер и корпуса обвивались змеи различных размеров. Приветствуя нас, он сказал:

– Бог да пребудет с вами! Я – Чиб-Чондор, сын Чиб-Готнал-Мава.

– Мы хотим увидеть, что вы умеете делать, – сказал наш хозяин.

– Я подчиняюсь приказаниям Шивы, который послал меня сюда, – ответил факир, присев на корточки на одной из мраморных плит пола».

«Змеи подняли головы и зашипели, но без признаков какого-либо гнева. Затем, вынув из волос маленькую свирель, факир стал извлекать из нее еле слышные звуки, подражающие *тайлапака*, птице, питающейся побитыми кокосовыми орехами. Тут змеи стали разворачиваться и одна за другой соскользнули на пол. Как только они коснулись пола, они приподнимали приблизительно треть своего туловища и начали покачиваться в такт музыки своего хозяина. Вдруг факир уронил свой инструмент и сделал несколько пассов руками над змеями, которых было около десяти, все представители самых смертоносных видов индийской кобры. Глаза факира приняли странное выражение. Мы все почувствовали какую-то неопределимую стесненность и старались отвести глаза от его взора. В этот момент маленькая шокра (обезьяна), ^[329] чьей обязанностью было подавать огонь в медной жаровне для закуривания сигар, поддавшись этому влиянию, легла и заснула. Так прошло минут пять, и мы чувствовали, что если манипуляции факира продолжатся еще несколько секунд, то и мы заснем. Но Чондор встал и, сделав несколько пассов над шокра, сказав ему: «Дай командиру огня». Молодая шокра встала и, не пошатываясь, подошла к своему хозяину и предложила огонь. Ее щипали и дергали до тех пор, пока не убедились, что она действительно находится в состоянии сна; также она не отходила от сэра Масвелла, пока ей не приказал факир.

Затем мы осматривали кобр. Парализованные магнетическим влиянием они лежали, растянувшись во всю длину, на полу. Приподнимая их, мы обнаружили, что они негнущиеся, как палки. Они находились в состоянии полной каталепсии. Затем факир разбудил их, после чего они снова обвились вокруг его тела. Мы осведомились у него, может ли он также заставить нас почувствовать его влияние. Он сделал несколько пассов над нашими ногами, и мы сейчас же утратили способность управлять

своими конечностями; мы не могли покинуть наших сидений. Он освободил нас от этого состояния так же легко, как погрузил в него».

«Чиб-Чондор закончил свой сеанс, производя опыты над неодушевленными предметами. Одними только пассами, производимыми его руками в направлении предмета, на который он хотел воздействовать, не покидая при этом своего сиденья, он бледнил и гасил огни на отдаленном конце комнаты, передвигал мебель, в том числе и диван, на котором мы сидели, открывал и закрывал двери. Увидев индуса, который таскал воду из колодца в саду, он сделал пасс в его направлении, и веревка вдруг остановилась во время спуска, не поддаваясь усилиям изумленного садовника. Еще один пасс, и веревка снова пошла вниз.

Я спросил Чиб-Чондора

– Пользуетесь ли вы одним и тем же средством воздействия как на одушевленные, так и на неодушевленные предметы?

Он ответил:

– У меня только одно средство.

– Что это за средство?

– Воля. Человек, который представляет собою венец всех интеллектуальных и материальных сил, должен властвовать над всем. Кроме этого, брахманы ничего другого не знают»

«Сананг Сетзен», – говорит полковник Гул [324, т. i, с. 306, 307], – «перечисляет множество разнообразных деяний, которые могут быть совершены посредством *дхарани* (индийских мистических чар). Как-то: втыкание кольшка в твердую скалу; оживление умершего; превращение мертвого тела в золото; проникновение всюду, как *проникает воздух* (в астральном теле), полет; поимка руками диких животных, чтение мыслей, принуждение воды течь в обратном направлении; поедание черепицы, сидение в воздухе со скрещенными под собою ногами и т. д.»

Старые легенды приписывают те же самые способности Симону Волхву.

«Он заставляет статуи ходить, заскакивал в огонь и не обжигался, летал по воздуху, делал хлеб из камней, изменял свой вид, одновременно мог обладать двумя лицами; превращался в столб, заставлял закрытую дверь самопроизвольно открываться, в одном доме заставил домашние сосуды самопроизвольно передвигаться и т. д.»

Иезуит Дельрио жалуется, что легковверные принцы, слышущие набожными, позволяют разыгрывать перед собою *дьявольские* трюки,

«например, железные вещи, серебряные кубки и другие тяжелые предметы передвигаются прыжками с одного конца стола на другой, безо всякого применения магнита, или какого-либо приспособления» [325, с. 34, 100].

Мы верим в силу воли, она – самый могущественный магнит. Существование такой магической силы у некоторых лиц *доказано*, но существование Дьявола есть выдумка, которую никакое богословие доказать не может.

«Имеются несколько человек, которых татары чтут больше всех на свете», – говорит брат Риколд, – «а именно, Бакситы, что-то вроде жрецов идолопоклонников. Эти люди пришли из Индии, они обладали большой мудростью, *хорошим поведением и высокой нравственностью*.

Им обычно знакомо искусство магии... они могут продемонстрировать множество иллюзий и предсказать будущие события. К примеру, про одного, особенно выдающегося среди них, говорили, что он летает, но истина, в самом деле, как было доказано, заключалась в том, что он не летал, а ходил по воздуху близко от земли, однако, не касаясь ее поверхности, и *казалось, что он садится и сидит в воздухе безо всякой поддержки снизу* [324, т. i, с. 308]. Свидетелем такого сидения был Ибн Батута в Дели», – добавляет полковник Гул, комментируя свой перевод «Книги» Марко Поло, – «и при этом присутствовал султан Магомед Туглак».

Также явно это было продемонстрировано одним брахманом в нынешнем веке, в Мадресе; несомненно, этот брахман был потомком тех брахманов, которых Аполлоний Тианский видел шагающими на высоте двух кубит от поверхности земли. Это также описано достойным Френсисом Валентином, как известное представление, практиковавшееся в Индии в его время.

«Рассказывают», – говорит он, – «что сперва человек сидит на трех сложенных вместе палках, которые образуют треножник, затем из-под него удаляют первую, вторую и третью палку после чего человек остается сидящий на воздухе! Еще я разговаривал с двумя моими друзьями, которые видели этот феномен в одно и то же время; и один из них, не доверяя своим собственным глазам, взял на себя труд прощупать длинной палкой пространство под так сидящим, чтобы убедиться, нет ли там чего-либо такого, на что его тело могло бы опираться, и все же он не нащупал и не увидел там ничего».

В другом месте мы изложили, что то же самое было продемонстрировано перед принцем Уэльским и его свитой в прошлом году.

Такие феномены, как вышеописанные, ничто по сравнению с теми, которые выполняются профессиональными фокусниками.

«Это феномены», – говорит вышеупомянутый автор, – «на которые можно бы смотреть, как на простые выдумки, если бы о них повествовал только один автор, но которые кажутся заслуживающими *особого внимания* потому, что о них повествовал ряд авторов, совершенно независимо один от другого в разное время и из разных мест с долгими промежутками между сообщениями».

Нашим первым свидетелем будет Ибн Батута, и необходимо цитировать его полностью так же, как и других свидетелей, чтобы было видно, как близко совпадают их показания. Этот арабский путешественник присутствовал на большом приеме при дворце вице-короля Хансы.

«В тот же вечер появился фокусник, один из рабов вице-короля, и эмир приказал ему: „Покажи нам некоторые из своих чудес“. После этого он взял деревянный шар, в котором было несколько отверстий, в отверстия были продеты длинные ремни. Ухватив один из них, фокусник швырнул шар в воздух. Шар поднялся так высоко, что исчез из виду... (Мы находились в середине дворцового двора.). Только маленький кончик одного ремня еще оставался в руках фокусника, он передал его мальчику, своему помощнику, и велел ему взбираться по этому ремню вверх. Мальчик стал лезть по ремню вверх и тоже скоро исчез из виду. Тогда фокусник три раза позвал его и, не получив ответа, схватил нож и, как бы рассердившись, в страшной ярости тоже полез вверх и, в свою очередь, исчез из виду. Одно за другим он сбросил оттуда вниз: руку мальчика, затем одну ногу, вторую руку и вторую ногу, затем туловище и, наконец, голову мальчика! Затем, отдуваясь и тяжело дыша, слез сам фокусник в окровавленной одежде, поцеловал землю перед эмиром и что-то сказал ему по-китайски. В ответ на это эмир отдал какое-то приказание, и наш друг взял конечности мальчика, приложил их к соответствующим местам туловища и пнул их ногой, и тут, снова! перед нами оказался живой мальчик! Все это меня крайне поразило, и у меня начался приступ сердцебиения, какой я до этого уже испытал один раз в присутствии султана Индии, когда он мне показал нечто подобное этому. Мне дали сердечное лекарство, которое остановило припадок. Рядом со мною находился каджи

Афкхаруддин, который сказал: «Валлах? по моему мнению, тут не было ни лазания вверх, ни лазания вниз, ни калечения, ни оживления! Все это *фокус-покус!*»».

И кто же сомневается, что это не «фокус-покус», иллюзия, или *майя*, как называют ее индусы? Но когда такая иллюзия насильно навязывается десяти тысячам человек одновременно, как мы это наблюдали во время публичных фестивалей, то, несомненно, средство, с помощью которого это осуществляется, – заслуживает внимания науки. Когда посредством такой *магии* стоящий перед вами человек в комнате, двери которой вы сами заперли, и ключи находятся у вас в руках, – вдруг исчезает, как исчезает вспышка молнии, и вы *нигде* его не видите, а только слышите его голос из разных частей комнаты – голос, обращающийся к вам и смеющийся над вашим замешательством, то, конечно, такое знание не может быть недостойным ни мистера Гёксли, ни доктора Карпентера. Разве это не так же достойно траты времени, как меньшая тайна – почему петухи на скотном дворе кричат в полночь?

О том, что мавр Ибн Батута видел в Китае около 1348 г., полковник Гулу узнал от Эдварда Мелтона [326, с. 468], «англо-голландского путешественника», который был свидетелем такой же сцены в Батавии около 1670 г.:

«Один из той же самой группы (фокусников)», – говорят Мелтон, – «взял небольшой моток шнура, захватив в руку один его конец, бросил моток в воздух с такою силою, что второй конец его потерялся из виду. Затем фокусник с неописуемой скоростью полез по шнуру вверх... Я стоял полный изумления, дивясь, куда он мог скрыться, как вдруг, перевертываясь на лету, с неба упала одна его нога; мгновением позже упала рука и т. д. ... Короче говоря, все члены его тела один за другим попадали на землю, где слуга их подбирал и бросал в корзину. Последней с неба свалилась голова, и как только она коснулась земли, тот, кто до сего времени собирал упавшие части и складывал их в корзину, – схватил ее и опять как попало, вывалил ее содержимое на землю. Затем я прямо *вот этими глазами видел, как эти конечности поползли друг к другу* и снова образовали целого человека, который тут же встал и пошел безо всяких следов повреждения!.. Никогда в жизни я не был столь ошеломлен... и я более не сомневался, что эти заблудшие люди совершили все это с помощью Дьявола».

В мемуарах императора Джахангира так описаны представления семи фокусников из Бенгалии:

«*Девятое.* Они привели человека и отрезали у него конечность за конечностью, отрезав, наконец, и голову Эти искалеченные члены они разбросали по земле, где они и пролежали некоторое время. Затем над тем местом натянули простыню и один из этих людей залез под нее, откуда вскоре появился обратно в сопровождении того человека, которого мы считали изрезанным на куски, причем он был совершенно здоров и в хорошем состоянии... *Двадцать Третье.* Они достали цепь длиной в 50 кубит и в моем присутствии бросили один ее конец кверху, в небо, *где он и остался, как бы привязанный к чему-то.* Затем к нижнему концу цепи подвели собаку, и как только она коснулась нижнего конца цепи, то сразу побежала по ней кверху и, достигнув другого конца, *немедленно исчезла в воздухе.* Подобным же образом один за другим были посланы наверх свинья, пантера, лев, тигр, и все одинаково исчезали на верхнем конце цепи; наконец, фокусники стащили цепь вниз и положили ее в мешок, и никто так и не открыл, каким образом они заставляли этих разных зверей исчезать в

У нас есть картина, написанная с натуры, где изображен такой персидский фокусник с разбросанными перед ним частями тела человека, только минутой до этого стоявшего перед нами целым и невредимым. Мы видели таких фокусников и были свидетелями их представлений неоднократно в разных местах.

Помня всегда, что мы отвергаем идею о чуде, и еще раз возвращаясь к более серьезным феноменам, мы хотели бы задать вопрос, какое логичное возражение может быть выдвинуто против того, что многие тауматурги совершали воскрешение мертвых? Факир, описанный в нью-йоркской газете «*Франко-Америка*», мог дойти достаточно далеко, чтобы сказать, что воля человека обладает такой потрясающей мощью, что она может снова оживить кажущееся мертвым тело путем привлечения обратно уходящей души, которая еще не успела окончательно порвать ту нить, которая при жизни удерживала душу и тело вместе. Дюжины таких факиров разрешили похоронить их заживо в присутствии тысячи свидетелей, и недели спустя они снова были оживлены. И если факиры знают секрет этого искусственного процесса, аналогичного зимней спячке животных, то почему не допустить мысли, что их предки, гимнософисты, и Аполлоний Тианский, который учился у последних в Индии, и Иисус, и другие пророки и провидцы, которые все знали о тайнах жизни и смерти больше любого из наших современных ученых, – могли воскрешать умерших мужчин и женщин? И, будучи вполне знакомы с тою властью, – с тем таинственным *нечто*, «которое наука еще не в состоянии понять», как признается профессор Ле Конте, – зная, тем более, «откуда оно пришло, и куда оно уходит», Елисей, Иисус, Павел и Аполлоний, аскеты энтузиасты и ученые, посвященные, могли легко вызвать обратно к жизни любого человека, который «не был мертв, а только спал», и в этом не было никакого чуда.

Если молекулы трупа насыщены физическими и химическими энергиями живого организма [328, с. 37—50], то что может помешать тому, чтобы их снова привести в движение при условии, что мы знаем природу жизненной силы и умеем управлять ею? Материалист, пожалуй, не выдвинет против этого возражений, ибо для него здесь нет вопроса об обратном водворении души. Для него душа не существует, и человеческое тело может рассматриваться просто как жизненная машина – локомотив, который начнет двигаться, как только к нему будут применены нагревание и сила, и который остановится, когда нагрев и сила будут у него отняты. Для богослова это же труднее, ибо, по его мнению, смерть перерезает связь, которая связывала душу с телом, и она не более способна снова возвратиться в тело, чем ребенок способен снова начинать утробную жизнь в чреве матери после того, как он отделился от матери и пуповина была перерезана. Но философ герметизма стоит между этими двумя антагонистами, как *хозяин положения*. Он знает природу души – формы, состоящей из нервного флюида и атмосферного эфира – и знает, как сделать жизненную силу активной или пассивной по желанию до тех пор, пока не разрушен некий необходимый орган. Мысли, высказанные по этому поводу Гаффарилом – которые, кстати сказать, казались такими абсурдными в 1650 году [329] – были впоследствии подтверждены наукою. Он утверждал, что каждый существующий в природе предмет, лишь бы он не был создан искусственно, будучи сожженным, все же сохраняет свою форму в пепле, где она остается, пока она снова не будет поднята. Дю Чесне, выдающийся химик, убедился в действительности этого факта. Кирхер, Валлемонт и Дигби продемонстрировали, что формы растений могут быть воскрешены из пепла. На собрании натуралистов в 1834 г. в Штутгарте рецепт для проведения такого рода опытов был найден в труде Этингера [330]. Пепел сожженных растений, хранящийся в бутылочках, при нагревании снова выявлял свои различные формы.

«Маленькое туманное облачко постепенно возникало в бутылочке, приняло определенную форму и представало перед нашими глазами в виде цветка или растения, смотря потому из чего образовался пепел». «Земной прах», – писал Этингер, – «остаётся на дне реторты, тогда как летучая сущность поднимается, подобно духу, совершенная по форме, но лишенная вещества» [279, с. 11].

И если астральная форма даже растения, когда его тело мертво, всё ещё держится в пепле, станут ли скептики упорствовать, говоря, что душа человека, его внутреннее эго, после смерти его грубой, телесной формы сразу растворяется и больше не существует?

«Во время смерти», – говорит философ, – «одно тело выделяется из другого посредством космоса и через мозг; выделившееся тело удерживается близ своего сброшенного одеяния двойным притяжением, физическим и духовным, до тех пор, пока последнее не разложится; и если создать надлежащие условия, душа может снова вернуться в своё покинутое жилище и возобновить приостановленную жизнь. Так душа поступает во время сна; так, в ещё более сильной степени, она поступает во время транса; и, поразительнее всего, она поступает так по приказанию адепта герметизма и с его помощью. Ямвлих заявил, что человек, наделённый такою воскрешающей мощью, „полон Бога“. Все подчинённые духи высших сфер находятся в его распоряжении, ибо он больше уже не смертный, а сам становится богом. В „Послании к коринфянам“ Павел говорит, что «духи пророческие послушны пророкам»».

Некоторые люди обладают природной, а некоторые выработанной способностью выделять внутреннюю форму из внешнего тела по собственному желанию и могут посылать его в далекие путешествия так, что его видят те, к кому оно посылается. Многочисленные засвидетельствованные безупречными свидетелями примеры явлений «двойников» лиц, находившихся за сотни миль от того места, где их в то время видели, и также разговоров с такими двойниками. Гермотим, если мы можем доверять Плинию [56, vii, 52] и Плутарху [331, 22], мог по своей воле впадать в транс, и затем его вторая душа отправлялась в любое место по собственному выбору.

Аббат Фретхейм, знаменитый автор «Стеганографии», живший в семнадцатом веке, мог беседовать со своими друзьями посредством одной только силы воли.

«Я могу сообщить мои мысли посвящённому», – писал он, – «на расстоянии много сотен миль без слов, письма или шифра, через любого посыльного. Последний не может предать меня, так как он ничего не знает. Если понадобится, я могу обойтись без какого-либо курьера. Если бы кто-нибудь из моих корреспондентов был бы брошен в глубочайшую тюремную яму, я всё же был бы в состоянии сообщать свои мысли настолько ясно и так часто, как я пожелал бы, и я делал бы это очень просто, безо всякого суеверия и помощи духов».

Кордан также мог послать свою душу или какое-либо сообщение по своему желанию. Когда он этим занимался, он чувствовал,

«как будто бы двери открылись, и я сам немедленно проходил через них, оставляя своё тело позади». [\[330\]](#)

В научной статье упоминалось о высоком германском сановнике, советнике Вессермане [335]. Он заявил, что он обладает способностью заставить любого друга или знакомого, находящегося от него на любом расстоянии, увидеть сон, какой он захочет, или увидеть человека, какого он захочет. На деле оказалось, что он прав, и такие случаи были засвидетельствованы как скептиками, так и учеными специалистами. Он также мог заставить своего «двойника» показаться, где ему угодно, причем несколько человек видели его

одновременно. При этом «двойник» шептал в уши присутствующим заранее приготовленную неверующими и сомневающимися фразу, произнесение которой было поставлено Вессерману в качестве обязательного условия, чтобы не оставалось никакого сомнения.

Согласно свидетельствам Нейпиера, Осборна, майора Лоуса, Квенуиллета, Никифоровича, и многих других современных свидетелей, оказалось, что путем длительной особой диеты, отдыха и других приготовлений факиры теперь в состоянии оставаться похороненными под слоем земли толщиной в шесть футов в течение весьма долгого периода времени. Сэр Клод Вейд присутствовал при дворе Рунджит Сингха, когда факира, упоминаемого капитаном Осборном, заживо похоронили на шесть недель в ящике, помещенном в погреб, находящемся на три фута ниже пола комнаты. ^[331] Во избежание обмана, две роты солдат были отряжены для несения караульной службы, чтобы оградить дом от вторжений,

«днем и ночью выставлялись по четыре часовых, которые сменялись каждые два часа... При вскрытии захоронения», – рассказывает сэр Клод, – «я увидел человеческую фигуру, заключенную в мешок из полотна, мешок был завязан над головою шнурком... слуга начал поливать тело факира теплой водой... руки и ноги факира были сморщенные и негнувшиеся, лицо распухло, голова, свисающая к плечам, подобна голове трупа. Я привел обслуживающего меня медицинского работника и попросил его осмотреть тело факира, что он и сделал, но не обнаружил пульсации ни у сердца, ни в висках, ни в руках. Однако, он обнаружил *тепло в области мозга*, которого не было ни в одной другой части тела».

Сожалея о том, что недостаток места не позволяет нам полностью цитировать подробности этого интересного сообщения, мы только добавим, что процесс оживления заключался в купании в горячей воде, растирании, удалении восковых затычек из ноздрей и ушей, потирании глазных век топленым очищенным маслом из молока буйволицы, и, что может показаться весьма любопытным для многих, прикладывании горячей пшеничной лепешки толщиной с дюйм к макушке головы. После того как лепешка третий раз была приложена к голове, тело резко дернулось, ноздри раздулись, последовал вздох, конечности приняли нормальную полноту. Но пульс все еще оставался едва заметным. «Язык смазали топленым маслом, зрачки расширились и обрели свой натуральный цвет, и факир узнал присутствующих и заговорил». Следует отметить, что были заткнуты не только уши и ноздри, но также язык был оттянут назад настолько, что он совсем закрывал глотку, так что все отверстия были закрыты, чтобы не допустить атмосферного воздуха. Когда мы были в Индии, один факир объяснил нам, что последнее делается не только для того, чтобы избежать воздействия воздуха на ткани тела, но и для того, чтобы предохранить тело от зародышей, вызывающих гниение, которое в случае задержания жизненного процесса действует точно так же, как в мясе, подвергающемся воздействию воздуха. Есть местности, в которых факиры отказываются подвергаться захоронению. Такими являются многие местности в Южной Индии, в которых водятся белые муравьи; эти термиты считаются наиболее опасными врагами человека и его имущества. Они настолько прожорливы, что пожирают все, что попадется им на пути, за исключением, вероятно, металлов, что же касается дерева, то нет такой породы, которую они не прогрызли бы, даже кирпич и известка являются только маленькими препятствиями для их грозных армий. Они терпеливо прогрызутся через известку, уничтожая ее частицу за частицей. Каким бы святым ни был сам факир, и каким бы ни прочным был его гроб, он не пойдет на риск очутиться ко времени оживления с пожранным муравьями телом.

Вот случай, только один из многих, подтвержденный свидетельствами двух англичан

благородного происхождения (один из них – армейский офицер) и индийского принца, который был таким же великим скептиком, как и предыдущие двое. Этот случай ставит перед наукой дилемму, или она должна опровергать свидетельства многих достоверных свидетелей, или же признать, что если один факир мог воскреснуть после шести недель, то и другие факиры могут; и почему тогда не могли воскреснуть Лазарь, шанамитский мальчик, или дочь Джайра?^[332]

А теперь, вероятно, не будет неуместным спросить, какую гарантию, кроме *внешних* показателей, могут иметь врачи, что тело в самом деле мертво? Лучшие авторитеты приходят к заключению, что нет никакой гарантии. Доктор Тод Томсон, из Лондона, ^[333] решительно утверждает, что

«неподвижность тела, даже его трупный вид, окоченение поверхности, отсутствие дыхания и пульса, ввалившиеся глаза – не являются надежными доказательствами, что жизнь полностью угасла».

Ничто, кроме полного разложения, не является неопровержимым доказательством, что *жизнь* улетела навсегда и обиталище осталось без обитателя. Демокрит утверждал, что не существует *несомненных* признаков действительной смерти [338, кн. ii, гл. vi]. Плиний утверждал то же самое [56, кн. vii, гл. lii]. Асклепий, ученый врач и выдающийся человек своего времени, придерживался мнения, что убедиться в действительной смерти женщины еще труднее, чем убедиться в смерти мужчины.

Вышеупомянутый Тод Томсон приводит несколько замечательных случаев такой приостановившейся жизни. Между прочим он упоминает некоего Френсиса Невилля, нормандского дворянина, который два раза мнимо умирал и два раза подвергался акту похоронения. Но каждый раз, когда гроб с телом спускали в могилу, он самопроизвольно оживал. В семнадцатом веке леди Рассел, по всей видимости, умерла, и ее собирались похоронить, но когда колокол зазвенел похоронным звоном, она приподнялась в гробу и сидя воскликнула: «Пора идти в церковь!» Даймерброуз упоминает одного крестьянина, который в течение трех дней не подавал никаких признаков жизни, но когда его положили в гроб около могилы, ожил и еще прожил многие годы. В 1836 г. в Брюсселе уважаемый горожанин впал в глубокую летаргию в воскресенье утром. В понедельник, когда его спутники готовились заколачивать гвозди в крышку гроба, он сел в гробу, протер глаза и потребовал кофе и газету.^[334]

О таких случаях кажущейся смерти не очень-то редко сообщают газеты. Сейчас, когда мы пишем (апрель 1877 г.), в письме из Лондона в нью-йоркскую газету «*Таймс*» мы обнаружили следующий абзац:

«Мисс Энни Гудл, актриса, умерла недели три тому назад. До вчерашнего дня она еще не была похоронена. Труп теплый и мягкий, черты нежны и подвижны, как при жизни. Ее осматривали несколько врачей и наказали, чтобы над ней велось наблюдение ночью и днем. Бедная леди, очевидно, находится в трансе, но суждено ли ей проснуться, трудно сказать».

Наука рассматривает человека, как совокупность атомов, временно объединенных таинственной силой, которую называют жизненным принципом. Для материалиста единственная разница между живым и мертвым телом заключается в том, что в одном случае эта сила активна, а в другом – латентна. Когда она угасла или стала окончательно латентной, молекулы подчиняются более сильному притяжению, которое оттягивает их в сторону и рассеивает в пространстве.

Это рассеивание и является смертью, если вообще мыслима такая вещь, как смерть, когда те же молекулы после смерти проявляют интенсивную жизненную энергию. Если смерть есть только остановка переваривающей, движущейся и шлифующей мысли машины, как может смерть быть действительной, а не относительной, до тех пор, пока машина по-настоящему не разрушена и не рассеяна? До тех пор, пока какие-либо части еще цепляются друг за друга, центростремительные жизненные силы еще могут преодолеть рассеивающие центробежные силы. Элифас Леви говорит:

«Изменение является свидетельством движения, а движение раскрывает присутствие жизни. Труп не разлагался бы, если бы он был мертв; все составляющие его молекулы живы и стремятся отделиться. И неужели вы думаете, что дух отделяется самым первым для того, чтобы больше не существовать? Что мысль и любовь могут умереть, когда более грубые формы материи не умирают? Если это изменение должно называться смертью, то мы умираем и рождаемся каждый день, ибо каждый день наши формы подвергаются изменениям» [158].

Каббалисты говорят, что человек не мертв, когда его тело погребено. Смерть никогда не бывает внезапной, ибо как учит Гермес, ничто в природе не совершается насильственными преобразованиями. Все происходит постепенно, и, так же как требуется долгое время и постепенное развитие, чтобы получилось человеческое существо, точно также требуется длительное время, чтобы полностью удалить из остова всю жизнь.

«Смерть может быть абсолютным концом существования не более, чем рождение может быть началом действительного существования. Рождение доказывает предсуществование существа, а смерть доказывает бессмертие», – говорит тот же самый французский каббалист.

В то время как образованные христиане безоговорочно верят в воскрешение дочери Джайра, главы синагоги, и в другие библейские чудеса, причем это такие христиане, которые возмущаются, когда их называют суеверными, они с презрительным скептицизмом относятся к таким свидетельствам, как, например, повествование жизнеописателя Аполлония Тианского о том, как последний воскресил девушку. Диогену Лаэртскому, который упоминает о женщине, воскрешенной Эмпедоклом, оказывается не более уважения, и имя языческого тауматурга в глазах христианина не более как синоним обманщика. Наши ученые, по крайней мере в этом отношении, на одну ступень выше: они охватывают всех библейских пророков и апостолов, а также языческих чудотворцев, и разделяют их всех на две категории: на галлюцинирующих глупцов и ловких обманщиков.

Но христиане и материалисты с очень маленьким усилием с их стороны могли бы показаться справедливыми и логичными в одно и то же время. Чтобы совершить такое чудо, им следует только согласиться понимать то, что они читают, и прочитанное подвергнуть критике без предвзятых мнений и с правильным суждением. Давайте посмотрим, насколько это возможно. Оставив в стороне неправдоподобный вымысел о Лазаре, мы выберем два случая: дочери правителя, воскрешенной Иисусом, и Коринфской невесты, воскрешенной Аполлонием. В первом случае, совершенно не обращая внимания на многозначительное выражение Иисуса – «*Она не мертва, но спит*», – духовенство вынуждает своего бога стать нарушителем своего собственного закона и даровать одному то, в чем он всем другим отказывает, не имея в виду ничего лучшего, как только сотворение бесполезного чуда. Во втором случае, несмотря на то, что слова жизнеописателя Аполлония настолько ясны и точны, что не дают ни малейшего повода к неправильному их истолкованию, оно обвиняет Филострата в умышленном обмане. Кто мог быть честнее, чем он, и кого можно еще меньше обвинить в обмане, когда, описывая

сцену воскрешения молодой девушки Тианским мудрецом, которая происходила в присутствии большого стечения людей, жизнеописатель говорит: «она казалась умершей».

Другими словами, он очень умело указывает, что это был случай приостановленной жизни; а затем он немедленно добавляет: «Так как сильный дождь полил на молодую девушку», – пока ее несли к погребальному костру «с лицом, повернутым кверху, то это *также* могло пробудить ее чувства» [122, кн. iv, гл. xvi]. Разве эти слова не доказывают ясно, что в этом воскрешении Филострат не усматривал никакого чуда? Не наводит ли это скорее на мысль о высокой учености и искусстве Аполлония, который, «подобно Асклепию обладал способностью с одного взгляда определять, где настоящая и где кажущаяся смерть?» [123, т. ii]

Воскрешение после того, как душа и дух целиком отделились от тела и когда последняя электрическая нить связи порвана, настолько же невозможно, как невозможно однажды развоплотившемуся духу еще раз воплотиться на земле иным путем, кроме описанного в предыдущих главах.

«Лист, однажды оторвавшийся от своей ветки, уже не может снова прикрепиться к этой ветке», – говорит Элифас Леви. – «Гусеница превращается в бабочку, но бабочка больше не возвращается в сброшенную оболочку. Природа закрывает двери за всеми, кто проходит и толкает жизнь вперед. Формы проходят, мышление остается и не вспоминает о том, что оно уже исчерпало» [158].

Почему же думать, что Асклепий и Аполлоний являлись обладателями особых способностей, чтобы разобраться, что человек действительно умер? Обладают ли таким знанием современные медицинские школы, чтобы наделять им своих учеников? Пусть отвечают на это их авторитеты. Эти случаи воскрешения, совершенные Иисусом и Аполлонием, настолько хорошо засвидетельствованы, что кажутся подлинными. Была ли жизнь в том и другом случае просто приостановлена или нет, важным фактором остается то, что благодаря какой-то своеобразной силе, присущей обоим чудотворцам, они моментально вернули жизнь *кажущимся мертвым*. [335]

Не потому ли, что современные врачи еще не открыли секрета, которым, очевидно, владели древние теурги, они отрицают такую возможность?

Так как психологией теперь пренебрегают и, по признанию наиболее честных ее исследователей, она находится в странном хаотическом состоянии, то маловероятно, что наши современные ученые в скором времени снова откроют утерянные познания древних. В старину, когда на пророков не смотрели, как на шарлатанов и на тауматургов, как на обманщиков, существовали учебные заведения, где преподавались пророчествование и оккультные науки вообще. В записях Самуил числится главою такого учреждения в Рамахе; а Елисей в Иерихоне. Эти школы *хазим* славились по всей стране. Хилел имел регулярную академию, и хорошо известно, что Сократ послал несколько своих учеников изучать *мантицизм*. Изучение магии или мудрости включало в себя все отрасли науки, метафизические так же, как и физические, психологию и физиологию в их общепринятых и в оккультных фазах, а изучение алхимии было общим, ибо она является и физической и духовной наукою. Почему тогда сомневаться или удивляться, что древние, которые изучали природу в ее двойственности, сделали открытия, которые для наших современных физиков, изучающих только мертвую букву природы, являются закрытой книгой?

Таким образом, обсуждаемый нами вопрос состоит не в том, может ли быть воскрешено *мертвое* тело – ибо утверждать такую возможность равнялось бы признанию, что чудо возможно, что явно абсурдно – но вопрос состоит в том, чтобы убедиться, могут ли медицинские авторитеты претендовать на то, что они в состоянии определить точный момент смерти.

Каббалисты говорят, что смерть наступает в то мгновение, когда астральное тело или жизненный принцип и дух навсегда расстаются с плотным телом. Ученый врач, который отрицает существование астрального тела и духа, не допускает существования ничего другого, кроме жизненного принципа, судит о наступлении смерти, когда жизнь, по всей видимости, угасла. Когда прекращается деятельность сердца и легких, и появляется трупное окоченение, а в особенности, когда начинается разложение, врач объявляет пациента мертвым. Но летописи медицины кишат примерами «приостановленной жизни» в результате асфиксии при утопании, вдыхания газов и других причин; жизнь утопленников иногда была восстановлена после того, как они уже 12 часов считались мертвыми.

В случаях сомнамбулического транса все признаки смерти налицо, дыхание и пульс угасшие; животное тепло исчезло, мышцы затвердевшие, глаза стеклянные, тело бесцветное. В нашумевшем случае с полковником Тоуншендом, последний погрузился в это состояние в присутствии трех медиков, которые по истечении некоторого времени убедились, что он в самом деле умер; когда же они уже собрались уходить из комнаты, он медленно ожил. Он описал свой своеобразный талант, говоря, что он «может умирать, или испускать последний вздох когда ему вздумается, и затем, приложив усилия, *так или иначе*, он может возвращаться к жизни снова».

В Москве несколько лет тому назад произошел замечательный случай кажущейся смерти. Жена богатого коммерсанта пролежала в каталептическом состоянии семнадцать дней, в течение которых власти сделали несколько попыток похоронить ее; но так как разложение не наступало, семья отклонила церемонию, и по истечении упомянутого срока жизнь мнимо умершей была восстановлена.

Из вышеприведенных примеров видно, что даже наиболее ученые медики не в состоянии в точности удостовериться, когда человек мертв. То, что они называют «приостановлением жизни», есть то состояние, из которого человек спонтанно возвращается к жизни через усилие своего собственного духа, который может быть побужден к этому какою-нибудь из многих возможных причин. В таких случаях астральное тело не расставалось с физическим телом; его внешние функции, просто, приостановлены, человек находится в состоянии оцепенения, и воскрешение его есть просто просыпание из этого состояния.

Но в тех случаях, которые физиологи называли бы «действительной смертью» хотя на самом деле все обстоит по-другому: астральное тело покинуло физическое; возможно, в некоторых местах началось разложение. Как можно оживить такого человека? Ответ таков: нужно насильно принудить внутреннее тело вернуться во внешнее тело и разбудить в последнем жизнедеятельность. Часы совершили свой пробег, нужно их снова заводить. Если смерть абсолютна, если органы не только перестали функционировать, но и утратили способность к возобновлению функций, то целая вселенная могла бы быть приведена в смятение, чтобы оживить труп – потребовалось бы чудо. Но, как мы уже раньше говорили, человек не мертв, когда холоден, заоченевший, без пульса, без дыхания, и даже при признаках разложения; он не мертв и после того как похоронен, пока не будет достигнута определенная степень. Эта степень достигается, *когда жизненные органы настолько разложились, что если их снова оживить, они не будут в состоянии выполнять свои обычные функции*; когда главная пружина и винтики машины съедены ржавчиной, они развалятся при повороте ключа. До тех пор, пока эта степень не достигнута, астральное тело, безо всякого чуда, может снова войти в свое покинутое жилище или усилием своей собственной воли, или же под неотразимым воздействием воли того, кто знает силы природы и умеет ими управлять. Искра не погасла, но только латентна – латентна, как огонь в кремне или тепло в холодном железе.

В случаях наиболее глубокого каталептического ясновидения, каких добился Дю Потэ и

которые очень живо описаны покойным профессором Уильямом Грегори в его «Письмах о животном магнетизме», дух настолько освобождается от тела, что он уже не мог бы сам в него возвратиться без содействия усилий воли месмеризатора. Практически усыпленный мертв и, если его предоставить самому себе, дух ушел бы от него навсегда. Хотя и независим от оцепеневшей физической оболочки, наполовину освободившийся дух все еще останется привязанным к ней магнетическим шнуром, который ясновидящие описывают, как темный и дымный по сравнению с непередаваемой прозрачностью астральной атмосферы, через которую они смотрят. Плутарх, повествуя о Теспезии, который упал с большой высоты и пролежал три дня, считаясь мертвым, излагает переживания последнего в течение этого периода частичной смерти:

«Теспезий», – рассказывает он, – «увидел, что он отличается от окружающих его умерших. Те были прозрачны и окружены сиянием, тогда как он влачил за собою след темного излучения, теневую линию».

Все его описание, подробное и обстоятельное в деталях, подтверждается ясновидящими всех времен, и постольку, поскольку этого рода свидетельства могут быть приняты, оно очень важно. Каббалисты, как они истолкованы Элифасом Леви в его «Духовной науке», говорят, что

«Когда человек засыпает своим последним сном, он до того, как обретет сознание в том свете, видит что-то вроде сновидения. В зависимости от того, как он верил при жизни, он видит или прекрасное видение или ужасный кошмар, рай или ад. Вот почему часто случается, что испуганная душа буйно устремляется назад в земную жизнь, которую только что оставила, и вот почему некоторые, кто были по-настоящему мертвы, то есть те, кто, если бы их не трогали и оставили в покое, мирно ушли бы навсегда в тот свет в состояние бессознательной летаргии, если их слишком скоро хоронят, снова оживают в могиле».

В этой связи читатель, может быть, вспомнит, хорошо известный случай с одним стариком, который в своем завещании распорядился выдать щедрые подарки своим осиротевшим племянницам. Завещание перед самой смертью он вручил своему богатому сыну вместе с приказаниями, чтобы его воля была выполнена. Но он пробыл мертвым всего несколько часов, как сын, очутившись наедине с трупом, разорвал завещание и сжег его. Очевидно, сцена этого возмутительного поступка настолько подействовала на витающий дух, что он возвратился в тело, и старик, приподнявшись со своего смертного ложа, произнес яростное проклятие ужасом объятому негодяю, после чего упал обратно на ложе и испустил дух – на этот раз навсегда. Дион Буциколт воспользовался такого рода эпизодом для своей впечатляющей драмы «Людовик XI»; а Чарльз Кейн производил глубокое впечатление в роли французского монарха, когда этот мертвый король оживает на мгновение и схватывает корону в том момент, когда к ней приближается принц-наследник.

Леви говорит, что оживление не является невозможным, пока жизненный организм не разрушен и астральная душа недалеко.

«Природа», – говорит он, – «ничего не совершает внезапными рывками, и смерти предшествует некоторое состояние в роде летаргии. Это какое-то оцепенение, которое может быть преодолено сильным потрясением или магнетизмом могущественной воли».

Именно таким образом он объясняет воскрешение мертвеца, которого бросили на кости Елисея. Он объясняет это тем, что в тот момент душа витала около тела; по преданию, в это время на погребальную процессию напали разбойники; испуг участников процессии передался по симпатической связи душе умершего, которую охватил ужас при мысли, что разбойники

оскверняют ее тело, и она «с силою снова вошла в него, подняла и спасла его». Те, кто верят, что душа переживает тело, в приведенном случае не усмотрят ничего сверхъестественного, а только – чистое проявление закона природы. Рассказывать же этот случай материалисту, как бы достоверно он ни был засвидетельствован, напрасный труд; богослов, который везде в природе ищет особое провидение, причислит его к чуду. Элифас Леви говорит:

«Это воскрешение они приписали соприкосновению с костями Елисея, и, логически, с тех пор началось поклонение мощам».

Бальфур Стюарт прав – ученые «ничего или почти ничего не знают об элементарной структуре и свойствах материи, органической и неорганической».

Теперь под нами основание настолько прочное, что мы можем сделать еще один шаг вперед. *То же самое знание и власть над оккультными силами природы, включая и жизненную силу – власть, позволяющая факиру временно оставлять свое тело и снова входить в него, давшая возможность Иисусу, Аполлонию и Елисею вызвать обратно к жизни нескольких человек, давала иерофантам древности возможность оживлять статуи и заставляя их действовать и говорить, подобно живым людям.* Это то же самое знание и власть, которые дали Парацельсу возможность сотворить его гомункула; Аарону – превратить свой жезл в змею и в покрывающуюся почками ветвь; Моисею – покрыть Египет лягушками и другими тварями; египетскому теургу – оживлять его пигмейскую Мандрагору, которая обладала физической жизнью, но не имела души. Это не более чудесно, что Моисей при предоставлении ему надлежащих условий мог вызвать появление огромных пресмыкающихся и насекомых, чем то, что современные ученые при благоприятных условиях вызывают к появлению в жизни малых существ, которых они называют бактериями.

А теперь, в связи с древними чудотворцами и пророками, обратимся к претензиям современных медиумов. Они претендуют на то, что они в состоянии воспроизводить все формы феноменов, занесенных на страницы как священной, так и светской истории. Выбирая среди разнообразия кажущихся чудес левитацию осязаемых неодушевленных предметов так же, как и человеческих тел, мы обратим наше внимание на условия, при которых этот феномен происходит. В историю занесены имена языческих теургов, христианских святых, индийских факиров, духовных медиумов, которые совершали левитацию и иногда оставались висеть в воздухе значительное время. Этот феномен не ограничивался одною страной или эпохою и почти неизменно производящие его субъекты были религиозными экстазниками, адептами магии или, как теперь, спиритуалистическими медиумами.

Факт, что бессознательные проявления духовных сил так же, как сознательные деяния высшей магии происходили во всех странах во всех веках как с участием иерофантов, так и с участием безответственных медиумов, мы считаем настолько прочно установленным, что он более не требует усилий с нашей стороны, чтобы его доказывать. Когда нынешняя усовершенствованная европейская цивилизация еще находилась в хаотическом состоянии, оккультная философия, уже поседевшая в веках, размышляла об атрибутах человека по аналогии с атрибутами его Творца. Позднее, личности, чьи имена навсегда останутся бессмертными и начертанными на портале духовной истории человечества, на своем личном живом примере показали, как сильно могут быть развиты богоподобные силы в *микрокосмосе*. Описывая «Учения и главных учителей александрийской школы», – профессор А. Уайлдер говорит:

«Плотин учил, что в душе существует импульс возвращения, любовь, которая влечет ее вовнутрь к ее истоку и центру, к вечному добру. В то время как человек,

который не понимает, что душа содержит красоту в себе самой, стремится создать утомительными усилиями красоту вне себя, – мудрый познает красоту внутри себя, развивает эту идею, углубляясь в самого себя, концентрируя свое внимание, и таким образом, воспаряя кверху, к тому божественному роднику, который струится внутри его. Бесконечное не познается рассудком... но способностью, более высокою, чем рассудок, путем вхождения в некое состояние, в котором личность, так сказать, перестает быть ограниченным конечным „Я“, и в этом состоянии ему сообщается божественная сущность. Это есть – ЭКСТАЗ».

Об Аполлонии, который утверждал, что он видит «настоящее и будущее в чистом зеркале», вследствие своего воздержанного образа жизни, профессор весьма красиво выразился:

«Это то, что можно назвать *духовной фотографией*. Душа – это камера, в которой факты и события, будущее, прошлое и настоящее одинаково запечатлены, и ум осознает их. За пределами нашего каждодневного мира все подобно одному дню или состоянию, где прошедшее и будущее заключены в настоящем» [45].

Были ли эти богоподобные люди «медиумами», какими их считают ортодоксальные спиритуалисты? Ни в коем случае, если мы под термином «медиум» подразумеваем тех «болезненных сенситивов», которые рождаются с определенными свойствами организма и кто по мере развития своих сил все более и более становятся доступными неотразимому для них влиянию разнообразных духов, чисто человеческих, элементарных или элементарных. Бесспорно это так, если мы будем считать каждую личность медиумом, в магнетической атмосфере которого обитатели высших невидимых миров могут двигаться, действовать, жить. В таком смысле каждый человек есть медиум. Медиумизм может быть: 1) саморазвившимся; 2) развившимся под внешним влиянием; 3) может оставаться латентным в течение всей жизни. *Читатель должен запомнить определение этого термина, ибо, если он не будет правильно понят, произойдет неизбежная путаница.* Такого рода медиумизм может быть активным или пассивным, отталкивающим или воспринимающим, положительным или отрицательным. Медиумизм измеряется качеством ауры, которою личность окружена. Она может быть плотной, облачной, зловонно тошнотворной и ядовитой для чистого духа и может привлекать только тех гадких существ, которые в ней чувствуют себя прекрасно, как угорь чувствует себя прекрасно в мутных водах; или же она может быть чистой, хрустальной, прозрачной, опаловой, как утренняя заря. Все зависит от нравственности медиума.

Вокруг таких людей, как Аполлоний, Ямвлих, Плотин и Порфирий собирался этот небесный нимб. Он был выработан силою их собственных душ в тесном согласии с их духом, сверхчеловеческою нравственностью и святостью их жизней; он был подкреплён частыми внутренними экстатическими созерцаниями. К таким святым людям чистые духовные влияния могли приближаться. Излучая кругом атмосферу божественной благодати, они обращали в бегство злых духов. Те не только не могут существовать в их ауре, но даже не могут оставаться в ауре одержимых, если тауматург применяет свою волю или даже только приближается к ним. Это есть **медиаторство**, а не медиумизм. Такие люди являются храмами Бога Живого; но если этот храм оскверняется допущением в него злой страсти, мысли или желания, то медиатор впадает в сферу колдовства. Дверь открыта; чистые духи уходят, и врываются порочные. Это все еще медиаторство, хотя и медиаторство зла; колдун, подобно светлому магу, формирует свою собственную ауру и подчиняет своей воле близких ему по духу низших духов.

Но медиумизм, как его теперь понимают, и как он теперь проявляется, совсем другое дело.

Обстоятельства, независимые от его собственной воли, могут или при рождении или впоследствии видоизменить ауру человека так, что будут проявляться странные физические или ментальные, дьявольские или ангельские явления. Такой медиумизм так же, как вышеупомянутое медиаторство, существовал на земле со времени появления на ней человека. Первый есть податливость слабой смертной плоти управлению и внушению духов и разумов иных, вместо своего собственного бессмертного духа. Буквально это – *одержанье* и *одержимость*; и медиумы, которые гордятся тем, что являются верными рабами своих «руководителей» и с негодованием отвергают идею «контроля» проявлений, не в состоянии убедительно отрицать этот факт. Медиумизм олицетворен в повествовании о Еве, поддающейся доводам Змия; о Пандоре, заглянувшей в запретный ларчик и выпустившей в мир горе и зло; о Марии Магдалине, которая будучи одержима «семью бесами», была наконец спасена победоносной борьбой ее собственного бессмертного духа, тронутого присутствием святого медиатора, выступившего против одержателей. Этот медиумизм, будь он благотворен или зловреден, всегда *пассивен*. Счастлив обладатель того чистого сердца, которое бессознательно самую чистоту своей внутренней природы отталкивает темных духов зла. Ибо, по истине, это сердце не имеет другого орудия защиты, кроме прирожденной добродетели и чистоты. Практикуемый в наши дни медиумизм является более нежелательным даром, нежели одевание Нессеса.

«Дерево познается по его плодам». Наряду с пассивными медиумами по мере продвижения мировой истории появляются активные медиаторы. Мы обозначаем их этим термином за неимением лучшего. Древние колдуны и прорицатели, а также обладатели «дружественных духов» вообще превращали свой дар в профессию; обеих-колдунов в Эн-Доре, так хорошо обрисованная Генри Мором, хотя и заколола теленка для Саула, принимала мзду от других посетителей. В Индии фокусники-чарователи, которые, кстати сказать, менее жадны к плате, чем многие современные медиумы, и *эссауа* или колдуны и чарователи змей Азии и Африки, все пользуются своим даром для приобретения денег. Но не так поступают медиаторы и иерофанты. Будда был нищенствующим монахом и отказался от отцовского трона. «Сыну Человеческому негде было преклонить свою голову»; у его избранных учеников не было в кошельках «ни золота, ни серебра, ни меди». Аполлоний половину своего состояния отдал родственникам, а другую половину роздал нищим; Ямвлих и Плотин прославились своею благотворительностью и самоотверженностью; факиры и святые странствующие и нищенствующие монахи честно описаны Жаколио; пифагорейцы, ессеи и терапевты считали, что прикасанием к деньгам они оскверняют свои руки. Когда апостолам предлагали деньги, чтобы они за это наделяли духовными силами, Петр, несмотря на то, что в Библии он изображен трусом и трижды отступником, все же с негодованием отвергает это предложение, сказав:

«Твои деньги погибнут вместе с тобой, ибо ты думал, что дар Божий можно приобрести за деньги».

Эти люди были медиаторы, руководимые лишь собственным персональным духом или божественной душой; они пользовались помощью духов только постольку, поскольку они держались правильности пути.

Мы далеки от мысли бросить тень или несправедливо запятнать физических медиумов. Будучи тревожимы разнообразными разумами, подавляемые пересиливающим их влиянием, от которого их слабая и нервная натура не может отделаться, – они приходят в болезненное состояние, которое, наконец, становится хроническим, и эти «влияния» мешают им заниматься другим делом. И ментально и физически они становятся негодными для других занятий. Кто

может осудить их, когда, будучи доведены до последней крайности, они вынуждены обратить медиумизм в профессию? И, как недавние события с большой очевидностью доказали, вряд ли можно завидовать такому призванию! Это не медиумы, реальные, *настоящие*, подлинные медиумы, кого мы когда-либо хотели бы упрекнуть, но их покровители, спиритуалисты.

Плотин, когда его приглашали на богослужение в храм, чтобы поклониться богам, говорят, гордо ответил: «Они (духи) должны приходить ко мне». Ямвлих утверждал и на собственном примере доказал, что наша душа может достичь общения с высочайшими разумами «более высокого естества, чем мы сами» и тщательно отгонял в своих теургических церемониях ^[336] каждого низшего духа или плохого демона, опознавание которых он преподавал своим ученикам. Согласно данным профессора Уайлдера, Прокл, который «разработал целую теософию и теургию своих предшественников и стройную систему, ^[337] верил, как и Ямвлих, в возможность обладать божественной силой, которая, преодолевая земную жизнь превращала человека в орган божественности». Он даже учил, что существует «тайный пароль, который переносит человека из одного порядка духовных существ в другой все выше и выше до тех пор, пока он не дойдет до абсолютной божественности». Аполлоний презрительно относился к колдунам и к «обычным предсказателям; он заявлял, что именно, его „особенно умеренный образ жизни являлся тем фактором, который создал обостренность чувств и также другие способности, благодаря чему могли происходить величайшие и весьма замечательные явления“». Иисус заявил, что человек есть *господин субботы*, и по его велению земные и элементарные духи убегали из своих временных обиталищ; то была власть, которую разделяли с ним Аполлоний и многие из братства ессеев в Иудее и на горе Кармил.

Несомненно, что имелись обоснованные причины, почему древние преследовали *неупорядоченных* медиумов. Иначе, почему бы они стали во времена Моисея и Давида поощрять пророчествование, предсказывания, гадания, астрологию и содержали школы и колледжи, где эти естественные дарования укреплялись и развивались, тогда как ведьмы и те, кто гадали с помощью духа, *Об*, предавались смерти? Даже во времена Христа бедные преследуемые медиумы были загнаны в гробницы и в пустоши вне городских стен. Откуда такое явное грубо несправедливое отношение? Почему на долю физических медиумов тех дней выпало изгнание, преследование, а целые общины тауматургов, подобно ессеям, были не только терпимы, но пользовались уважением? Это происходило потому, что древние, в отличие от нас, умели «испытывать» духов и усматривать разницу между духами добра и зла, человеческими и элементарными. Они также знали, что неупорядоченные сношения с духами навлекали разрушение на человека и бедствие на общину.

Такой взгляд на медиумизм может быть новостью, притом новостью неприемлемой для многих современных спиритуалистов, но все же это взгляд, который преподавался в древней философии, и этот взгляд находит подтверждение в опыте человечества со времен беспамятных.

Ошибочно говорить, что медиум развил в себе какие-то *силы*. У пассивного медиума нет никакой силы. Он обладает неким моральным и физическим состоянием, которое вызывает излучение или ауру, в которой управляющие им разумы могут жить и посредством которой они могут проявляться. Он только носитель, сосуд, через который *они* проявляют свою силу. Эта аура день за днем меняется и, как видно по экспериментам мистера Крукса, меняется даже ежечасно. Это внешний результат, вызванный внутренними причинами. Нравственное состояние медиума определяет, какого рода духи к нему приходят; и духи, которые к нему приходят, в свою очередь, влияют на медиума интеллектуально, физически и морально. Усовершенствование его медиумизма пропорционально его пассивности и опасности, какую она навлекает, возрастают равносильно. Когда медиум полностью «развился» (стал совершенно пассивным), его собственная астральная душа может быть полностью парализованной и даже

вытесненной из тела, которое в этом случае занимается элементом или, что еще хуже, демонской человеческой душой из восьмой сферы, которая распоряжается его телом, как своим собственным. Очень часто причину наиболее на шумевших преступлений следует искать в таких одержаниях.

Так как физический медиумизм зависит от пассивности, то лекарство от него напрашивается само собою – *пусть медиум перестанет быть пассивным*. Духи никогда не управляют людьми положительного характера, решившими отражать все посторонние влияния. Слабых и слабовольных, кого они могут сделать своими жертвами, они вгоняют в пороки. Если эти творящие чудеса элементы и развоплощенные дьяволы, называемые элементариями, являются ангелами-хранителями, за коих они слывут в течение последних тридцати лет, – почему они не дали своим верным медиумам, по крайней мере, доброго здоровья и семейного счастья? Почему они покидают их в самые критические моменты испытаний, когда медиумов обвиняют в обмане? Общеизвестен факт, что лучшие физические медиумы или болезненны или обладают склонностью к тем или другим ненормальным порокам. Почему же исцеляющие «духи-руководители», которые заставляют своих медиумов играть для других роли тауматургов и терапевтов, не дают им самим дара крепкого здоровья и жизнеспособности? Древние тауматурги и апостолы, в общем, если и не всегда, пользовались хорошим здоровьем; их магнетизм никогда не передавал больному пациенту какого-либо физического или нравственного пятна; и их никогда не обвиняли в ВАМПИРИЗМЕ, в котором газета спиритуалистов весьма справедливо обвиняет некоторых медиумов-целителей.^[338]

Если мы приложим вышеописанный закон медиумизма и медиаторства к вопросу о левитации, с которого мы начали эту дискуссию, что мы найдем? Вот перед нами медиум и один из класса медиаторов – оба левитируют, первый на спиритическом сеансе, последний – в состоянии молитвы или экстатического созерцания. Так как медиум пассивен, то он должен *быть поднят* в воздух; экстазник же, будучи активным, должен подняться в воздух сам. Первого поднимают его знакомые духи, – кто бы или что бы они ни были, – последний же поднимается силою своего собственного устремленного духа. Можно ли обоих, без разбору, называть медиумами?

Но тем не менее нам могут ответить, что те же самые феномены, которые происходили в присутствии святых древних времен, происходят теперь в присутствии современных медиумов. Несомненно. И то же самое было в дни Моисея, ибо мы верим, что победа, якобы одержанная им над магами фараона и описанная в «Исходе», есть только националистическое хвастовство со стороны «избранного народа». Та же сила, которая производила его феномены, производила также феномены египетских магов, тем более, что египетские маги были первыми учителями Моисея и передали ему свою «мудрость». Но даже в те дни, они, кажется, понимали разницу между феноменами, которые внешне казались одинаковыми. Опекающее национальное божество евреев (которое *не* есть Высочайший Отец)^[339] внушительно запрещает, во «Второзаконии» [XVIII], своему народу «делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находится у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызыватель духов, волшебник и вопрошающий мертвых».

Какая же тогда разница между всеми вышеперечисленными феноменами, когда они производятся «другими народами» и когда производятся пророками? Очевидно, тут имелась основательная причина, и мы находим ее в «Первом Послании Иоанна», IV, где сказано: «Не всякому духу верьте, но *испытывайте* духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире». Единственным мерилom, находящимся в распоряжении спиритуалистов и нынешних медиумов, которым они могут *испытывать* духов, является суждение сообразно: 1) их действиям и речам; 2) их готовности проявляться; и 3) по тому, стоит ли поставленная цель

того, чтобы ради нее появлялся *развоплощенный* дух, может ли эта цель оправдать, что из-за нее потревожили *умершего*. Саул был на грани гибели сам, а также его сыновья, и все же Самуил спросил его: «Почему ты *побеспокоил* меня, *вызыванием* вверх?»^[340] Но «разумы», которые посещают спиритические сеансы, появляются на кивок каждого бездельника, захотевшего на час избавиться от скуки.

В номере «*Лондонского спиритуалиста*» от 14 июля помещена длинная статья, в которой автор стремится доказать, что «волшебные чудеса нынешних дней, принадлежавшие так называемому современному спиритуализму, идентичны по своему характеру с чудесами патриархов и апостолов старины».

Мы вынуждены категорически возражать против такого утверждения. Они идентичны лишь постольку, поскольку одни и те же оккультные силы природы их производят. Но хотя эти силы и власти могут быть направляемы и, несомненно, направляются невидимыми разумами, последние различаются по своей сущности, характерам и целям больше, чем различаются люди, ибо они состоят из белых, черных и коричневых, красных и желтых людей, куда входят святые и преступники, гении и идиоты. Пишущая эти строки может пользоваться услугами прирученного орангутанга или островитянина южных морей, но один тот факт, что она имеет слугу, не делает ее идентичной ни Аристотелю, ни Александру. Вышеупомянутый писатель сравнивает Иезекииля, «поднятого духом» и приведенного к «переселенным в Тель-Авив» [*Иезекииль*, III, 12-14], с левитацией некоторых медиумов и трех еврейских юношей в «огненной печи» с другими *несгораемыми* медиумами; «свет духов» Джона Кинга приравнивается к «горящей лампе» Авраама, и наконец, случай с давенпортскими братьями, освобожденными из тюрьмы Освего, сопоставлен с освобождением Петра, которого освободил. «Ангел Господен»!

За исключением повествования о Сауле и Самуиле, в Библии нет другого примера «*вызывания мертвых*». Что же касается законности такого деяния, то против него возражают пророки. Моисей издал декрет, приговаривающий к смерти тех, кто вызывает духов мертвых, – «некромантов». Нигде по всему Ветхому Завету и также в произведениях Гомера и Вергилия общение с умершими не называется иначе, как некромантия. Филон Иудей вкладывает в уста Саула слова, что если он изгонит из своей земли всех гадателей и некромантов, то имя его переживет его самого.

Одною из величайших причин этому было учение древних, что ни одна душа из «обитатели благословенных» не вернется на землю, за исключением только тех случаев, когда ее появление требуется, имея в виду какую-либо великую цель на благо человечества. В последнем случае нет надобности эту «душу» *вызывать*. Она посылает свои вещие послания или посредством быстро исчезающего *подобия* самой себя или через *вестников*, которые могут появляться в *материальной* форме и точно олицетворять умершего. Души же, которые так легко могут быть вызваны, считаются небезопасными и бесполезными для сношений. Это души или, скорее, *лярвы* из подземных областей либо – *шеола*, той области, называемой каббалистами восьмой сферой, но весьма отличающейся от ортодоксального Ада или Гадеса древних мифологов. Это вызывание и сопровождающая его церемония описаны Горацием, а Маймонид приводит нам подробности еврейского обряда. Все некромантические церемонии совершались на высоких местах и холмах и для задабривания этих человеческих *вампиров* применялась кровь [**118**, т. i, гл. i].

«Я не могу помешать ведьмам, чтобы они не подбирали своих костей», – говорит поэт, – «смотри, как они наливают кровь в яму, чтобы приманить *души*, которые произнесут свои предсказания!»^[341] «*Cruor in fossam confusus, ut inde manes elicirent, animas responsa daturas*».

«*Души*», – говорит Порфирий, – «больше всего предпочитают *свежепролитую кровь*, которая, по-видимому, на короткое время восстанавливает в них некоторые способности жизни»

Что же касается материализации, то в священных писаниях их много и они разнообразны. Но осуществлялись ли они при таких же условиях, как в современных сеансах? Темнота, по-видимому, не требовалась в те дни патриархов и магических сил. Три ангела, которые явились Аврааму, пили при полном дневном свете, ибо он «сидел при входе в шатер свой, во время зноя дневного» [Книга Бытия, XVIII, 1], – говорится в Библии. Духи Ильи и Моисея также показались днем, так как невероятно, чтобы Христос и апостолы восходили на высокую гору ночью. Иисус представлен, как показавшийся Марии Магдалине в саду рано утром, а апостолам в три различных часа, а в общем – днем; однажды – «когда уже настало утро» [Иоанн, XXI, 4]. Даже когда ослица Валаама увидела «материализованного ангела», это произошло при полном полуденном свете.

Мы готовы полностью согласиться с писателем, что мы находим в жизни Христа (и добавим – в Ветхом Завете тоже) «бесперывную запись духовных манифестаций», но ничего медиумистического, физического характера, за исключением, пожалуй, посещения Саулом в Седекле женщины обеих из Эндора. Это большая разница.

Правда, обещание Учителя было ясно изложено: «Истинно, и еще большие дела, чем эти, будете совершать вы» – дела медиаторские. Согласно Иоилу, настанет время, когда изольется на людей божественный дух: «Будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения» [Иоиль, II, 28]. Настало время, и они все это делают теперь. У спиритуализма есть и свои провидцы и мученики, свои пророки и целители. Подобно Моисею, Давиду и Иораму, имеются медиумы, которые получают сообщения посредством автоматического письма от подлинных планетарных и человеческих духов; и самые лучшие из них не приносят медиумам никакого денежного вознаграждения. Величайший сторонник дела спиритуализма во Франции – Леймар – сейчас томится в заключении, и, как он сам говорит с трогательным пафосом, он «больше не человек, а номер» в тюремной регистрации.

Мало, очень мало говорящих со спиритуалистической трибуны по вдохновению, и если они, вообще, знают, что было сказано, то они находятся в состоянии, описанном Даниилом: «Не стало во мне бодрости. И слышал я глас слов его; и как только услышал глас слов его, в оцепенении пал я на лице мое и лежал лицом к земле» [Даниил, X, 8]. Существуют медиумы, те, о которых мы говорили и для которых могло бы быть написано пророчество Самуила: «И найдет на тебя Дух Господень, и ты будешь пророчествовать с ними и сделаешься иным человеком» [1 Самуил, X, 6]. Но где в длинном ряду библейских чудес мы прочтем о летающих по воздуху гитарах, гремящих тамбуринах, звенящих колокольчиках, преподносимых в затемненных комнатах в качестве доказательств бессмертия?

Когда обвиняли Христа, что он выгоняет бесов силою Вельзевула, он отрицал это, и резко ответил, спросив: «С помощью кого ваши сыновья и дочери их выгоняют?» Опять-таки спиритуалисты утверждают, что Иисус был медиум, и что им управлял один или многие духи; но когда его в этом обвинили, он сказал, что ничего подобного нет.

«Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» – Бес здесь в еврейском тексте означает демона, обеих или духа-покровителя. – «Иисус отвечал: во Мне беса нет» [Иоанн, VII, 48].

Писатель, у которого мы взяли вышеприведенные цитаты, также пытается провести параллель между воздушными полетами Филиппа и Иезекииля, и миссис Гаппи и других современных медиумов. Он не осведомлен или забывает о том факте, что в то время, как

левитация происходит у обоих классов [медиаторов и медиумов], причины, вызывающие левитацию, совершенно различны. Сущности этого различия мы уже коснулись. Левитация может быть произведена субъектом сознательно и также может произойти бессознательно для субъекта. Фокусник заранее определяет, что он должен быть поднят на воздух на столько-то времени на такую-то высоту и соответственно регулирует оккультные силы. Факир осуществляет то же самое своим устремлением и волей, сохраняет контроль над своими движениями. То же самое делает священнослужитель Сиамы, когда он в священной пагоде поднимается в воздух с зажженной свечкой в руке на высоту 10 футов и перелетает от идола к идолу, освещая ниши, без видимой поддержки в воздухе, шагая при этом так же уверенно, как по твердой земле. Люди это видели и об этом свидетельствовали. Офицеры отряда русских, недавно совершивших кругосветное путешествие и продолжительное время пробывших в японских водах, рассказывают о факте, который они наблюдали в числе прочих чудес; они видели, как фокусники шагали по воздуху с одной вершины дерева на другую вершину без малейшей поддержки.^[342] Они также видели представления, как взбираются по шесту или ленте, описанные в труде Олькотта «Люди из другого мира», и которые много раз ставились под сомнение некими спиритуалистами и медиумами, чье рвение больше их учености. Цитаты из работы полковника Гула и других писателей, приведенные в другом месте нашего труда, кажется, ставят этот вопрос вне всяких сомнений – такое действительно происходит.

Такие феномены, когда они не связаны с религиозными обрядами, в Индии, Японии, Тибете, Сиаме и в других «языческих странах» бывают в сотни раз более разнообразны и поразительны, чем те, которые Европа когда-либо видела, и они никогда не приписываются духам умерших. Питри не имеют никакого отношения к таким публичным представлениям. Нам остается только справиться по списку главных демонов, или элементарных духов, чтобы обнаружить, что сами имена их указывают на их профессию или, выражаясь яснее, на трюки, к которым каждая разновидность больше приспособлена. Перед нами *мадан* – родовое название, которым обозначены злые элементарные духи, полуживотные, получудовища, так как *мадан* означает нечто подобное своим видом корове. Он является другом злобных колдунов и помогает им осуществлять их злые цели по мести, поражая людей и скот внезапными заболеваниями и смертью.

Шудала-мадан, или кладбищенский бес, соответствует нашему вурдалаку. Он наслаждается тем, где совершаются убийства и преступления, около мест погребения и казней. Он помогает фокуснику во всех феноменах, связанных с огнем, так же как *кутти-шаттан*, малые бесята фокусников. *Шудала*, говорят, является наполовину огненным, наполовину водяным демоном, ибо он получил от Шивы разрешение принимать любой вид по собственному выбору и превращать одну вещь в другую; и когда его нет в огне, он находится в воде. Именно он является тем, который ослепляет людей, чтобы они «видели то, чего они не видят». *Шула-мадан* — другой озорной призрак. Он является *ночным* демоном, искусным в гончарном и пекарном ремеслах. Если вы поддерживаете дружбу с ним, он вам не причинит вреда; но горе тому, кто навлечет на себя его гнев. *Шула* любит комплименты и лесть и в общем держится под землей, и к нему должен обратиться за помощью фокусник, чтобы из семени в четверть часа вырастить дерево с созревающими плодами.

Кумил-мадан, иначе – *ундина*. Это элементарный дух воды, и его имя означает *надувающийся как пузырь*. Он очень веселый бес и поможет другу в любом деле, связанном с его ведомством. Он польет дождем и покажет будущее и настоящее в воде тем, кто прибегнет к гидромантии или гаданию водой.

Порутху-мадан, или «вырывающий» демон; он самый сильный изо всех; всякий раз, когда даются представления, в которых требуется физическая сила, например, *левитация*, или

усмирение диких животных, он помогает исполнителю, поддерживая его над землей или преодолевая силу животного еще до того, как усмиритель произнес заклинание. Таким образом, для каждого «физического проявления» имеется свой класс элементарных духов, которые этим ведают.

Возвращаясь теперь к левитациям человеческих тел и неодушевленных предметов в современных кружках спиритуалистов, мы должны отсылать читателя к главе введения к настоящему труду. (См. «Этробация».) В связи с повествованием о Симоне Волхве мы приводили объяснения древних о том, как могут производиться левитация и перенос тяжелых тел по воздуху. Теперь мы постараемся подсказать гипотезу о том же самом, но в связи с *медиумами*, то есть, с лицами, которых считают бессознательными в момент совершения феномена, про которого верующие думают, что его выполняют развоплощенные «духи». Нам нет надобности повторять то, что уже достаточно объяснено ранее. Сознательное поднятие в воздух при магнитно-электрических условиях доступно только *адепту*, которого никогда не осилят посторонние влияния, который всегда остается единственным хозяином своей ВОЛИ.

Таким образом, левитация, мы хотим сказать, всегда должна происходить в результате подчинения закону – закону настолько же неумолимому, как тот закон, который заставляет незадетый предмет оставаться на земле. И где нам следует искать этот закон вне теории о молекулярном притяжении? Существует научная гипотеза, что та форма энергии, которая впервые соединяет материю звездных туманностей или звезд и приводит ее в вихревое крутящееся состояние, есть электричество; и современная химия целиком построена на теории электрических полярностей атомов. Водяные смерчи, торнадо, вихри, циклоны и ураганы, несомненно результаты электрического воздействия. Эти явления исследовались как сверху, так и снизу; наблюдения производились и с земли и с баллона, носящегося поверх грозового вихря.

Заметьте теперь, что эта сила в условиях сухой и теплой земной поверхности может накопить динамическую энергию, способную поднимать огромные массы воды, спрессовать атмосферические частицы и, проносясь по стране, вырывать деревья, срывать скалы, разрушать здания и рассеивать обломки по земле. Электрическая машина Уайлдера порождает индуцированные токи магнетозлектричества такой огромной силы, что производит свет, при котором можно читать мелкий печатный шрифт темной ночью на расстоянии двух миль от источника света.

Еще в 1600 году Гильберт в своем сочинении «Магнетизм» сформулировал принцип, что земной шар сам по себе является огромным магнитом, и некоторые из наших более продвинувшихся электриков теперь начинают понимать, что человек тоже обладает этим свойством, и что взаимные влечения и отталкивания отдельных личностей по отношению одного к другому могут найти в этом факте хотя бы частично свое объяснение. Опыт посетителей спиритуалистических кружков подтверждает это мнение. Говорит профессор Николай Вагнер из Петербургского университета:

«Тепло, или, возможно, электричество сидящих за столом исследователей в спиритическом сеансе, должно быть, концентрируется в столе и постепенно развивается в движении. В то же самое время или немного спустя психическая энергия объединяется, чтобы помочь этим двум другим силам. Под *психической энергией* я подразумеваю то, что развивается, как результат, из всех других энергий организма. Эта комбинированная энергия, создавшаяся из нескольких отдельных энергий, способна проявляться в той степени, какой достиг отдельный индивидуум».

Он считает, что на процесс проявления феномена влияют сухость и холод атмосферы.

Помня о том, что было сказано о более тонких формах энергий, существование которых в природе было доказано герметистами, и принимая гипотезу, выдвинутую господином Вагнером, что «сила, вызывающая все эти манифестации, сконцентрирована в медиуме», не можем ли мы допустить мысль, что медиум сам по себе образует ядро, настолько же совершенное в своем роде, как система постоянных стальных магнитов в батарее Уайлдера, и производит астральные токи, достаточно сильные, чтобы поднимать в своих завихрениях тело даже настолько весомое, как человеческое тело? Необязательно, чтобы поднятый таким образом предмет приобрел при этом вращательное движение, так как рассматриваемый нами феномен, в отличие от вихря, управляется разумом, способным предохранить поднятое тело от вращения.

Левитация в этом случае была бы чисто механическим феноменом. Инертное тело пассивного медиума поднимается завихрением, созданным элементарными духами – возможно, в некоторых случаях, человеческими духами, а иногда – в силу причин болезненного характера, как это было с сомнамбулами профессора Перти. Левитация же адепта, наоборот, является магнитно-электрическим эффектом, как мы только что говорили. Он повернул полярность своего тела так, что она стала разноименной по отношению к атмосфере и одноименной к полярности земли; следовательно, его атмосфера притягивает, и он сам сохраняет сознание все время. Подобный же феномен левитации также возможен, когда болезнь изменила полярность человеческого тела, что всегда в большей или меньшей степени бывает при болезни. Но в таких случаях маловероятно, чтобы больной сохранил сознательность.

В ряде наблюдений за воздушными вихрями, произведенными в 1859 г. в районе Скалистых Гор, «вихрь захватил газету... и вознес ее на высоту приблизительно 200 футов. И там она оставалась в течение значительного времени, покачиваясь вперед и назад, пока длилось восходящее движение». ^[343] Разумеется, ученые скажут, что в данном случае нельзя проводить параллелей с левитацией человеческого тела; что никакой вихрь или завихрение не могут образоваться в комнате, чтобы достичь силы, способной поднять медиума; но это вопрос астрального света и духа, у которых свои собственные своеобразные законы динамики. Те, кто понимают эти законы, утверждают, что толпа людей, находящихся в возбужденном ментальном состоянии, отражающемся на физической системе, отбрасывает в пространство электромагнитические эманации, которые, при достаточной интенсивности, могут привести в расстройство всю окружающую атмосферу.

При этом может быть порожден электрический вихрь, достаточно мощный, чтобы производить странные феномены. Имея этот намек, вы лучше поймете, что вращение дервишей, дикие пляски, качания, жестикуляция, музыка, восклицания фанатиков и энтузиастов имеют в виду одну общую цель, а именно: создание таких астральных условий, какие благоприятствуют психологическим и физическим феноменам. *Сущность* явлений религиозного оживления тоже будет лучше пониматься, если не забыть об этом.

Но тут еще есть другой пункт, который следует обсудить. Если медиум является ядром магнетизма и проводником этой силы, то он должен быть подчинен тем же законам, что и металлический проводник, и должен быть притянут к своему магниту. Поэтому, если незримые силы, распоряжающиеся этим феноменом, сформируют непосредственно над медиумом магнитный центр требующей силы, – то почему тело медиума не будет поднято в воздух, несмотря на земное притяжение? Мы знаем, что в том случае, когда медиум не сознает, что он поднимается на воздух и что, вообще, с ним происходит, – необходимо сперва допустить присутствие такого разума, а затем допустить возможность, что опыт производится так, как он описан; но в виду разнообразия предлагаемых доказательств, не только из наших исследований, которые не претендуют на авторитет, но также из исследований мистера Крукса и большого количества других в разных странах и в разных эпохах, мы не оставим этой темы в тщетных

усилиях поддерживать эту гипотезу, которую ученые не хотят с достаточным терпением изучать, даже когда она санкционирована наиболее выдающимися людьми из их среды.

Еще в 1836 г. публика была оповещена о некоторых феноменах, которые были настолько же необычны, если не более, чем все феноменальные проявления наших дней. Знаменитая переписка между двумя известными месмеризаторами, Делёзом и Биллотом, была во Франции опубликована, и эти чудеса одно время обсуждались во всех слоях общества. Биллот непоколебимо верил в явления духов, ибо, как он говорит, он их и видел, и слышал, и ощупывал. Делёз был настолько же убежден в этой истине, насколько в ней был убежден Биллот, и заявил, что человеческое бессмертие и возвращение мертвых или, вернее, их теней, являются полностью доказанными фактами в его мнении. Материальные предметы были принесены ему невидимыми руками из далеких мест, и по наиболее важным вопросам он сообщался с незримыми разумами.

«В отношении этого», – говорит он, – «я не могу представить себе, как духовные сущности могут нести материальный предмет».

Будучи более скептическим и менее интуитивным, чем Биллот, он соглашается с последним, что «вопрос спиритуализма не есть дело мнений, а дело *фактически установленное*».

В точности к такому же заключению пришел петербургский профессор Вагнер. Во второй статье о *«Медиумистических феноменах»*, опубликованной им в декабре 1875 г., он делает следующий упрек господину Шкляревскому, одному из материалистических критиков:

«До тех пор пока манифестации духов были слабые и спорадические, мы, ученые, могли самообманываться бессознательной мышечной деятельностью, бессознательной мозговой деятельностью и сваливали остальное в одну кучу фокусничества... Но теперь эти чудеса стали слишком поразительными; духи показываются в осязаемых материальных формах, которые можно трогать, с которыми подобный вам любой ученый-скептик может обращаться по желанию, – даже может взвешивать и измерять. Мы более не можем сопротивляться, ибо это сопротивление становится абсурдным – оно угрожает безумием. Постарайтесь это понять и смиритесь возможностью невозможных фактов».

От соприкосновения с магнитом железо намагничивается только временно, а сталь – навсегда. Но сталь есть то же самое железо, только подвергнутое процессу карбонизации; но все же этот процесс сильно изменил природу металла в отношении к магниту. Подобным же образом можно сказать, что медиум есть обычный простой человек, который намагнетизирован приливом астрального света; и так как устойчивость магнетических свойств металла измеряется его большим или меньшим сталеподобием, то не можем ли мы сказать, что интенсивность и устойчивость медиумистических сил пропорциональна степени насыщения медиума магнетической или астральной энергией?

Это состояние насыщенности может быть прирожденным или же приобретенным посредством одного из следующих способов: процессом месмеризации; воздействием духов; собственной волею. Кроме того, это состояние, кажется, может быть наследственным, подобно любой физической и ментальной своеобразности; многие, мы даже можем сказать, что большинство великих медиумов в числе своих предков имело одно или более в какой-то степени медиумичных лиц. Месмерические субъекты легко переходят к высшим формам ясновидения и медиумизма (как их теперь называют), как Грегори, Делёз, Пюисегюр, Дю Потэ и другие авторитеты нам сообщают. Что же касается процесса самонасыщения, то нам стоит обратиться только к отчетам об устремленных священнослужителях Японии, Сиама, Китая, Индии, Тибета и

Египта, так же как и Европейских стран, чтобы убедиться в реальности этого явления. Длительное упорство в принятом решении подчинить материю приводит к состоянию, в котором человек становится недоступным для внешних впечатлений и даже как бы симулирует смерть, о чем уже приводились примеры. Экстазник настолько чрезмерно усиливает свою силу воли, что втягивает в себя, как в водоворот, пребывающую в астральном свете мощь, которою дополняет свой природный запас.

Явление месмеризма необъяснимо никакою другою гипотезою, как только током энергии, направляемым месмеризатором к субъекту. Если человек может направлять эту энергию применением своей воли, что может воспрепятствовать ему в привлечении этого тока к себе путем его поворота? Конечно, ничто, если только оппоненты не будут настаивать; что эта энергия порождается внутри его тела и не может быть привлечена из какого-либо запаса вне его. Но даже если допустить такую гипотезу, если он может порождать избыток энергии для насыщения другого человека или неодушевленного предмета своею волею, то почему тогда он не может порождать избытка для самонасыщения?

В своем труде по «Антропологии» профессор Бьюканан отмечает, что натуральные жесты обладают тенденцией следовать направлениям френологических органов. Поза воинственности – книзу и назад; поза надежды и духовности – кверху и вперед; поза твердости – кверху и назад и т. д. Адепты герметической науки знают настолько этот принцип, что они объясняют левитацию их собственных тел каждый раз, когда она случается без их ведома, говоря, что мысль в то время была так сильно сосредоточена на точке выше их, что тело, когда оно всецело насытилось астральным влиянием, последовало за ментальным устремлением так же легко, как пробка, задержанная под водой, всплывает на поверхность, когда ей дается возможность возобновить плавучесть. Головокружение, испытываемое некоторыми лицами, когда они стоят на самом краю пропасти, объясняется тем же принципом. Малые дети, у которых мало действенного воображения, или нет такового, и еще не имели достаточно времени, чтобы у них развился страх, редко или почти никогда не испытывают этого головокружения. Но взрослый человек, определенного ментального темперамента, увидев пропасть и рисуя в своем воображении последствия падения в нее, поддается влечению к земле, и если *чары этого влечения* не разрушить, тело его последует за его мыслью на дно пропасти.

Что это головокружение есть дело темперамента, доказывается тем фактом, что некоторые люди не испытывают, и исследования в этой области, вероятно, подтвердят, что у таких людей плохо развита способность воображения. Мы имеем в виду один случай – одного джентльмена, который в 1858 г. обладал настолько крепкими нервами, что приводил в ужас очевидцев тем, что стоял на самом верху парижской Триумфальной арки, со скрещенными на груди руками, и ногами, наполовину выступающими за карниз. Но он же впоследствии, ставши близоруким, впал в ужас при попытке пройти по дощатому переходу через двор отеля, причем переход имел в ширину два с половиною фута и не было никакой опасности. Но этот джентльмен глянул вниз на вымощенный двор и дал волю фантазии, и он упал бы, если бы быстро не сел.

Догмой в науке является, что вечное движение невозможно; второю такою же догмой является, что утверждение, что герметисты открыли эликсир жизни, и что некоторые из них, приняв его, продлили свою жизнь на сроки, далеко превышающие обычный век, – чистейшее суеверие и нелепость. Также утверждения, что низшие металлы кем-то были превращены в золото и был открыт универсальный растворитель, вызывают только презрительные насмешки в веке, который увенчал вершину здания своей философии протоплазмой. Первое называли *физически невозможным*, так же невозможным, как, по мнению астронома Бабинэ, «невозможна левитация предмета без соприкосновения»;^[344] второе – физиологическими бреднями, порожденными свихнувшимися умами; третье – химическим абсурдом.

Бальфур Стюарт говорит, что в то время, пока ученый не может утверждать, что

«он близко знаком со всеми силами природы, и не может доказать, что вечное движение невозможно, так как по правде говоря, он очень мало знает об этих силах... он все же думает, что он постиг дух и замысел природы, и поэтому сразу же отрицает возможность построения такой машины» [180, с. 140].

Если он открыл замысел природы, ее план развития, то он, определенно, не открыл ее духа, так как он отрицает его существование в одном значении; а отрицая дух, он не допускает того совершенного понимания вселенского закона, который избавил бы современную философию от ее тысячи мучительных дилемм и ошибок. Если отрицание профессора Б. Стюарта не обосновано на какой-либо лучшей аналогии, чем у его французского современника Бабинэ он находится в опасности от подобной же унижительной катастрофы. Сама вселенная иллюстрирует вечное движение; и атомическая теория, которая оказалась таким бальзамом для истощенных умов – исследователей космоса, основана на этом движении. Телескопические поиски в пространстве и микроскопические исследования тайн маленького мира в капле воды открывают перед нами действие того же закона. И так как все, что внизу, подобно всему, что вверху, кто осмелится сказать, что когда закон сохранения энергии будет лучше понят и две добавочные энергии, известные каббалистам, будут добавлены к каталогу ортодоксальной науки, что тогда не сможет быть изобретена машина, которая будет работать без трения и снабжать себя новой энергией соразмерно с ее расходом?

«Пятьдесят лет тому назад», – говорит досточтимый мистер де Лара, – «одна гамбургская газета, перепечатывая сообщение из английской газеты о том, что между Манчестером и Ливерпулем открывается железная дорога, объявила это сообщение грубо сфабрикованной выдумкой, причем увенчала это заявление таким высказыванием: „И до чего же доверчивы эти англичане!“»

Мораль приведенного примера очевидна. Недавно один американский химик открыл новый состав, который он назвал МЕТАЛЛИНОМ, и который дает надежду, что трение в значительной степени может быть преодолено. Одно несомненно, когда человек откроет вечное движение, он будет в состоянии понимать по аналогии все тайны природы; продвижение прямо пропорционально сопротивлению.

То же самое мы можем сказать об эликсире жизни; под жизнью мы здесь подразумеваем физическую жизнь, так как душа, несомненно, бессмертна только по причине ее соединения с божественным бессмертным духом. Но *продолжительное* или *постоянное* не значит бесконечное. Каббалисты никогда не утверждали, что возможны бесконечная физическая жизнь и бесконечное движение. Аксиома герметизма утверждает, что только Первопричина и ее непосредственные эманации, наши духи (искры вечного центрального солнца, которые будут обратно втянуты в него в конце времен) нерушимы и вечны. Но они утверждают, что овладение познанием сокровенных сил природы, еще неоткрытых материалистами, дает возможность продлить как физическую жизнь, так и механическое движение на чрезвычайно долгие сроки. У философского камня было более, чем одно только значение, относящееся к его таинственному происхождению. Говорит профессор Уайлдер:

«Алхимические исследования носили более универсальный характер, чем было известно о ней тем несколькими писателям, которые о ней писали, алхимия всегда была дополнением, почти идентичным с оккультным знанием магии, некромантии и астрологии. Вероятно, это является следствием того факта, что все эти отрасли

окультного знания суть формы спиритуализма, который существовал повсюду во всех веках человеческой истории».

Самое удивительное то, что те самые люди, которые рассматривают человеческое тело просто как «переваривающую машину», станут возражать против идеи, что если бы что-то, эквивалентное металлу, можно было бы применить между его молекулами, то оно могло бы действовать без трения. Тело человека взято из земли или праха, как говорит «Книга Бытия»; эта аллегория лишает современных лаборантов-химиков права на честь первооткрывателей, которые нашли неорганические составные части человеческого тела. Если автор «Книги Бытия» знал это, то знал это и Аристотель, который учил об идентичности жизненного принципа растений, животных людей, то, кажется, наше родство с матерью Землею установлено уже давно.

Эли де Боумонт недавно снова подтвердил старое учение Гермеса о том, что существует земное круговое течение, циркуляция, подобная кровообращению в организме человека. Так как учение, старое как само время, учит, что природа постоянно обновляет свои израсходованные энергии поглощением их из источника энергий, то почему же человек, ее дитя, должен отличаться от своего родителя? Почему же человек путем открытия этого источника и познания природы этой обновительной энергии не может извлечь из земли этот сок или квинтэссенцию, чтобы восстановить свои собственные силы? Это могло быть великою тайною алхимиков. Остановите циркуляцию этих земных соков, и у нас будет застой, гниение, смерть; остановите в человеке циркуляцию флюидов, и наступит застой, поглощение, известкование от старости, смерть. Если алхимики, просто, открыли какой-то химический состав, способный содержать наши внутренние каналы циркуляции незагрязняющимися, не совершилось бы все остальное очень легко? И мы спрашиваем, если поверхностные воды некоторых минеральных источников имеют такой успех в лечении болезней и в восстановлении физической жизнеспособности, то почему будет нелогично сказать, что если бы мы могли достать первые выходы из перегонного куба природы во внутренностях земли, то, возможно, что источник молодости вовсе не окажется мифом. Денингс утверждает, что эликсир жизни был добыт некоторыми адептами из сокровенных химических лабораторий природы. А Роберт Бойль упоминает вино с лекарствами или сердечное средство, которое доктор Лефевр с чудодейственным эффектом испробовал на старой женщине.

Алхимия столь же стара, как сама традиция.

«Первой подлинной записью по этому предмету», – говорит Уильям Годвин, – «является указ Диоклетиана, данный 300 лет спустя после Христа, приказывающий произвести тщательные розыски по всему Египту древних книг, в которых описываются способы изготовления золота и серебра, а затем эти книги предавать пламени. Этот указ, безусловно, подразумевает некую древность преследуемого, в мифологической истории среди выдающихся приверженцев алхимии отмечен Соломон. Пифагор и Гермес».

И этот вопрос о превращении – этот алкахест или универсальный растворитель, который приходится вторым после эликсира жизни и порядке трех алхимических средств – как с ним быть? Настолько ли эта идея абсурдна, чтобы считать ее несостоятельной для обсуждения в нашем веке химических открытий? Куда мы денем исторические сообщения о людях, которые, в самом деле, делали золото и пускали его в ход, а также куда мы денем тех, которые это засвидетельствовали как очевидцы? Либавий, Гебер, Арнольд, Фома Аквинский, Бернард Коумиз, Джоанн, Пенот, Кверцетан Гебер, арабийский отец европейской алхимии, Евгений Филалет, Баптиста Порто, Рубей, Дорнезий, Вогелий, Ириней, Филалет Космополит и многие средневековые алхимики и философы герметизма утверждают этот факт. Должны ли мы их всех считать галлюцинаторами и спятившими с ума, этих людей, которые проявили себя в других областях как, великие ученые?

Франческо Пик в своем труде «De Ауго» приводит восемнадцать примеров, когда в его присутствии искусственным путем изготавлялось золото. А Томас Воган^[345] пришел к золотых дел мастеру, чтобы продать золото на 1200 марок, но когда мастер с подозрением высказался, что это золото слишком чистое, чтобы быть когда-либо добытым из земли, убежал, не забрав деньги. В одной из предыдущих глав мы уже приводили показания ряда свидетелей по этому вопросу.

Марко Поло рассказывает нам, что в некоторых горах Тибета, которые он называет *Чингинталас*, имеются жилы вещества, из которых делают *саламандр*:

«Ибо истина в том, что саламандра не животное, как говорят люди в наших местах, а вещество, находимое в земле» [324, т. i, с. 215].

Затем он добавляет, что турок, по имени Зурфикар, рассказал ему, что он добывал саламандр для великого хана в тех областях в течение трех лет.

«Он сказал, что добывались саламандры рытьем, рыли гору, пока не нападали на жилу. Вещество, добытое из жилы, сперва раздавливали, после чего разделяли по волокнам и ставили сушиться. Когда высохли, волокна колотили и промывали до тех пор, пока не оставались одни только тонкие, подобные шерсти, волокна. Их пряли... Сделанные из них салфетки сперва были не очень белы, но когда их какое-то время поддерживали в огне, они выходили оттуда снежно-белыми».

Поэтому, как свидетельствуют авторитеты, эта минеральная субстанция есть не что иное, как знаменитый *асбест*,^[346] который, по словам преподобного А. Уильямсона, находят в Шантунге. Но из него извлекают масло, обладающее несколькими чрезвычайно необычными свойствами, секрет которых находится во владении некоторых лам и индийских адептов. Это масло, втертое в тело, не оставляет никаких пятен и других внешних признаков и, тем не менее, ту часть тела, в которую оно было втерто, можно после этого скрести и мыть с мылом и горячею или холодною водою, причем это ничуть не отразится на свойствах тела, приобретенных от втирания масла. Человек, в тело которого такое масло было втерто, может смело вступать в самый жаркий огонь и, если не пострадает от удушья вследствие недостатка воздуха, останется невредимым. Другим свойством этого масла является то, что если к нему прибавить *другую субстанцию*, которую мы не вправе называть, и держать его под лунными лучами в определенные сроки, указываемые туземными астрологами, оно порождает странных тварей. В одном смысле мы можем называть их инфузориями, но они затем растут и развиваются. Говоря о Кашмире, Марко Поло высказывается, что кашмирцы обладают удивительными знаниями по части *дьявольщины* и чар, они даже *заставляют своих идолов говорить*.

До сегодняшнего дня величайших магов и мистиков тех областей можно найти в Кашмире. Различным религиозным сектам этой страны приписывалось обладание сверхъестественными силами, они служили прибежищем для адептов и мудрецов. Как отметил полковник Гул:

«Вамбери говорит нам, что даже в наши дни кашмирские дервиши выделяются из остальной массы своих магометанских братьев хитростью, тайнознанием, искусством чар и магии» [324, т. i, с. 230].

Но не все современные химики в одинаковой степени догматичны в своем отрицании возможности таких превращений. Доктор Пейс, Деспрез, и даже всеотрицающий Луис Фигюйер

из Парижа, кажется, далеки от отвергания этой идеи. Доктор Уайлдер говорит:

«Возможность обратного превращения элементов в их первичную форму, в какой, как полагают, сформировалась земная кора, не считается физиками абсурдной идеей, как на это намекалось. Между металлами существует родство, часто такое близкое, что наводит на мысль о первоначальной тождественности. Люди, называемые алхимиками, поэтому могли посвящать свою энергию исследованиям этого родства так же, как в наши дни Лавуазье, Дэви, Фарадей и другие занимаются изучением тайн химии» [173, с. 25].

Ученому теософу, практикующему врачу этой страны, который изучал оккультные науки и алхимию более тридцати лет, удалось обратно превратить элементы в их первоначальную форму и изготовить то, что называется «до-Адамовой землей». Она имеет вид землистого осадка из чистой воды, которая, если ее встряхнуть, принимает весьма опаловый и другие яркие цвета.

«Секрет», – говорят алхимики, как бы наслаждаясь невежеством непосвященных, – «заключается в амальгамации соли, серы и ртути, соединенных трижды в азоте тремя сублимациями и тройной фиксацией».

«До чего смешно и абсурдно!» – восклицает современный ученый химик.

Но ученики великого Гермеса понимают вышесказанное так же, как окончивший Гарвардский университет понимает смысл слов своего профессора, когда последний говорит:

«Из одной гидроксильной группы мы можем производить только монокислотные составы; применяйте две гидроксильные группы, и вы сможете сформировать вокруг той же основы ряд диатомических составов. Прикрепите к ядру три гидроксильные группы, и получатся трехатомные составы, среди которых будет очень знакомая субстанция:

Н Н Н

|||

Н – О – С — С – С – Н

|||

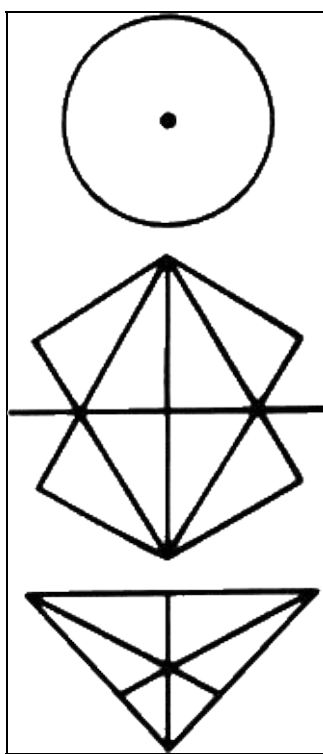
Н Н Н

Глицерин

«Присоединись», – говорит алхимик, – «к четырем буквам тетраграммы, расположенной следующим образом: (смотри рисунок выше).

Буквы непроизносимого имени находятся там, хотя ты можешь и не разглядеть их с первого взгляда. Непередаваемая аксиома каббалистически, заключена в них, и это есть то, что Учителя называют магическим арканом».

Аркан – четвертая эманация Акаши, принцип **жизни**, который представлен в своей третьей трансмутации огненным солнцем, оком мира, или оком Озириса, как называли его египтяне. Око, нежно следящее за своей младшей дочерью, женою и сестрою – Изидою, нашей матерью Землею. Вот что говорит о ней трижды великий Гермес: «Солнце – ее отец, Луна – ее мать». Оно привлекает и ласкает ее, а затем отталкивает ее ментальной силой. В задачу изучающего герметизма входит – наблюдать его движения, ловить его тонкие токи, руководить и направлять их с помощью *атанора*, архимедового рычага алхимиков. Что такое этот таинственный атанор? Может ли физик сказать нам – тот, кто видит и рассматривает его ежедневно? Да, он видит: но разве он понимает иероглифы тайнописи, написанной божественным пальцем на каждой морской раковине в глуби океана; на каждом листе, который трепещет от ветерка; в сияющей звезде, звездные излучения которой в его глазах ни

больше, ни меньше, как сияющие линии водорода?

«Бог геометризует», – говорит Платон.^[347] «Законы природы – это мысли Бога», – восклицает Эрстед 2000 лет спустя. «Его мысли нерушимы», – повторил этот одинокий исследователь герметизма, – «поэтому в совершенной гармонии и равновесии – вот, где мы должны искать истину». И, таким образом, исходя из неделимой единицы, он нашел две, эманлирующие из нее, противоположные силы, действующие одна через другую и создающие равновесие, и эти трое были одно, пифагорейская Вечная Монада. Изначальная точка есть окружность; окружность, становясь квадратом от четырех стран света, превращается в четверичность, в совершенный квадрат, имеющий в каждом из своих четырех углов по одной букве из чудесного имени, священной ТЕТРАГРАММЫ. Это четыре будды, которые пришли и ушли; это пифагорейский *тетрактис*, поглощенный и растворенный единым вечным НЕ-БЫТИЕМ.

Предание гласит, что на мертвом теле Гермеса посвященным Изаримом была обнаружена скрижаль, названная *Смарагдовой*. Она содержит несколько изречений – сущность мудрости герметизма. Тем, что читают только своими телесными глазами, эти изречения не скажут ничего нового или необычайного, так как они просто начинаются с заявления, что в них нет выдуманного, а только то, что истинно и совершенно достоверно.

«То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу, завершает чудеса одна вещь.

Как все вещи произошли по воле единой сущности, так все вещи произошли от этого единого посредством *адаптации*.

Солнце – ее отец, луна – ее мать.

Она – причина развития на земле.

Сила ее безгранична, *если она изменяет землю*.

Отдели землю от огня, тонкое от грубого, действуя разумно и рассудительно.

Поднимись с величайшей сообразительностью с земли на небо и затем снова сойди на землю и соедини вместе силу вещей низших и высших; таким образом ты будешь владеть светом всего мира, и всякий мрак от тебя отстанет.

Эта вещь обладает большей силой, чем сама сила, потому что *она одолевает*

тонкую материю и проникает в плотную.

Ей был сформирован мир».

Эта таинственная вещь есть универсальный магический посредник – астральный свет, который в коррелятах своих сил дает алкахест, философский камень и эликсир жизни. В герметической философии она носит название Азот, душа мира, небесная дева, великий Магнес и т. д. и т. д. Физическая наука знает ее как «тепло, свет, электричество и магнетизм», но, игнорируя их духовные свойства и оккультную мощь, содержащуюся в эфире, отрицает все, что игнорирует. Она объясняет и описывает кристаллические формы снежинок, их видоизменения гексагональной призмы, которая выпускает бесконечное количество нежных игл. Она довела их изучение до такого совершенства, что даже высчитала с удивительной математической точностью, что все эти иглы отклоняются друг от друга под углом 60°. Может ли она также рассказать нам причину этого «бесконечного разнообразия форм» [176], причем каждая из них представляет собою наиболее совершенную геометрическую фигуру? Эти замороженные, звездоподобные и цветам подобные цветения, может быть, несмотря на все то, что материалистическая наука о них знает, являются ливнем посланий, в виде снежинок, посланных на землю руками духов с высших миров, чтобы они были прочтены духовными глазами внизу.

Философский крест – две линии, идущие в противоположных направлениях, горизонтальная и перпендикулярная к ней, высота и ширина, которые геометризирующее божество разделяет на точке пересечения, и которые образуют как магическую, так и научную четверицу, будучи вписанными в совершенный квадрат, – есть основа для оккультиста. В его мистических пределах заключается главный ключ, открывающий дверь каждой науки, как физической, так и духовной. Он символизирует наше человеческое существование, ибо круг жизни окружает четыре точки креста, изображающее в порядке последовательности – рождение, жизнь, смерть и *бессмертие*.

В этом мире есть тройственность, завершаемая четверичностью,^[348] и каждый элемент делим по этому самому принципу. Физиология может делить человека до бесконечности, так же как физическая наука разделила четыре первичных и главных элемента на несколько дюжин других; ей не удастся изменить ни одного. Рождение, жизнь и смерть всегда будут троицею, завершающейся только в конце цикла. Даже если бы наука переменила желанное бессмертие на уничтожение, то все же получился бы кватернер, ибо Бог «геометризирует»!

Поэтому, возможно, что настанет день, когда алхимии будет позволено говорить о своей соли, ртути, сере и азоте, о своих символах и непроизносимых буквах, повторяя при этом вместе с истолкователем «Синтеза органических соединений», что «нужно не забывать, что эти группировки *не есть игра фантазии*, и по месту, занимаемому каждой буквой, могут быть приведены солидные обоснования» [156].

Доктор Пейс из Парижа в 1863 г. написал следующее:

«Кстати, еще несколько слов об алхимии. Что мы должны думать о герметической науке? Законно ли верить, что мы можем превращать металлы, делать золото? Положительные люди, *духовный оплот* девятнадцатого века, знают, что мистер Фигюйер, доктор наук и медицины, эксперт по химии в Фармацевтической школе в Париже, не захотел высказаться по этому предмету. Он сомневается, он колеблется. Он знает нескольких алхимиков (ибо такие существуют и теперь), которые, основываясь на современных научных открытиях, а в особенности на том единственном факте эквивалентов, продемонстрированном мосье Дюма, заявляют, что металлы не являются простыми телами, а истинными элементами в абсолютном значении, и,

следовательно, их можно создавать посредством процесса разложения... Это подбодряет меня сделать еще шаг вперед и откровенно признаться, что я был бы только немножко удивлен, если бы увидел, что кто-то делает золото. К этому у меня только одна причина, на которую я могу указать, но она кажется достаточной, а именно – золото не всегда существовало, оно было создано теми или другими тяжелыми химическими процессами в лоне расплавленной материи нашего земного шара; [349] возможно, что и в настоящее время какая-то часть золота находится в процессе образования. Так называемые простые тела нашей химии, весьма возможно, являются вторичными образованиями, создавшимися в процессе формирования земной массы. Это было доказано на примере воды, одного из наиболее почтенных элементов древних физиков. В настоящее время мы делаем воду. Почему нам не сделать золота? Выдающийся экспериментатор мистер Деспрез сделал алмаз. Правда, этот алмаз только *научный алмаз*, философский алмаз, ничего не стоящий на рынке, но это не имеет значения, моя позиция сильна. Кроме того, мы вовсе не предоставлены одним только догадкам. Есть человек, который в 1853 г. в статье, адресованной научным корпорациям, подчеркнул нижеследующие слова – «я открыл способ производства искусственного золота, я сделал золото». Этот адепт – Теодор Тифероу, бывший репетитор по химии в *Ecole Professionnelle et Superieure* в Нанте» [340, т. i, стр. 59, 283].

Кардинал де Роан, знаменитая жертва заговора алмазного ожерелья, свидетельствовал, что он видел, как граф Калиостро делал и золото, и алмазы. Мы предполагаем, что те, кто соглашаются с профессором Т. Стерри Хантом, членом Королевского Общества, не примирятся с теорией доктора Пейса, ибо они думают, что все металлоносные рудные, залежи возникли в результате деятельности органической жизни. И поэтому до тех пор пока они не уладят свои расхождения по этому вопросу и не скажут нам с полной определенностью, что такое золото и является ли оно продуктом внутренней вулканической алхимии или же поверхностной сегрегации и фильтрации, до тех пор мы предоставляем им самим улаживать свои ссоры и пока что верить философам старины.

Профессор Бальфур Стюарт, которого никто не вздумает причислять к ограниченным умам, и который сознательно большей частью и чаще, чем кто-либо другой из его коллег, признает ошибки современной науки, все же показал себя таким же пристрастным по этому поводу, как пристрастны другие ученые. Так как вечный свет есть только другое название вечного движения, говорит он нам, и так как последнее невозможно потому, что у нас нет возможности уравнивать расхождение сжигаемого материала, поэтому и герметический свет – явление невозможное [180]. Отмечая тот факт, что «полагают, что вечный свет возникает в результате действия *магических сил*», он далее говорит, что такой свет, несомненно, есть свет неземной, так как на земле свет и все другие формы высших энергий в существе своем преходящи» и аргументирует так, как если бы герметические философы всегда утверждали, что пламя, о котором идет речь, было простым земным пламенем, возникающим от сжигания горючих материалов. В этом отношении герметических философов всегда неправильно понимали и истолковывали.

Как много великих умов, в начале не верящих, после изучения «Тайной доктрины» изменили свое мнение и обнаружили, как они ошибались. И как это кажется несовместимым в один момент видеть Бальфура Стюарта, цитирующим некоторые морали из Бэкона, которого он называет отцом экспериментальной науки, и говорящим «...конечно, нам следует усвоить некоторые уроки из им сказанного... и быть очень осторожным *прежде чем решиться*

отбросить какую-либо отрасль познания или ход мыслей, как совершенно бесполезных», и затем видеть, как Бальфур Стюарт в следующий же момент отбрасывает утверждения алхимиков, как совершенно невозможные! Он рисует перед нами Аристотеля, как «придерживающегося идеи, что свет не есть какое-либо тело или эманация какого-либо тела и поэтому свет есть энергия или действие»; и все же, хотя древние первые через Демокрита указали Джону Далтону на доктрину об атомах, а через Пифагора и даже через древнейших халдейских оракулов – на существование эфира как универсального посредника, – Стюарт говорит, что их идеи «не были плодовитыми». Он допускает, что они «обладали великой гениальностью и интеллектуальной силой», но добавляет, что «им нехватало физических концепций и, следовательно, их идеи не были плодовитыми» [180, с. 136].

Весь наш данный труд является протестом против такого распущенного мышления, судящего древних. Для того, чтобы быть вполне компетентным в критике их идей и убедиться, ясны ли эти идеи и «соответствуют ли они фактам», нужно просеять их идеи до самого дна. Бесполезно повторять то, о чем мы часто говорили, и то, что должен бы знать каждый ученый, а именно: что квинтэссенция их знаний находилась в руках священнослужителей, которые никогда не записывали ее, и в руках тех «посвященных», которые, подобно Платону, не осмеливались записать ее. Поэтому те несколько размышлений о материальной и духовной вселенных, которые они записали, не могли дать потомкам возможности правильно их судить, даже если бы вандалы раннего христианства, позднейшие крестоносцы и фанатики средневековья не уничтожили три четверти того, что осталось от Александрийской библиотеки и ее последних школ. Профессор Дрейпер доказывает, что один только кардинал Ксименс «предал пламени 80000 арабских рукописей на площадях Гренады, причем среди них было много переводов классических авторов». В Ватиканских библиотеках было обнаружено, что в наиболее редких и драгоценных древних трактатах целые абзацы были выскоблены, вычеркнуты для того, чтобы вместо их вписать нелепые псалмы!

Кто же тогда из тех, которые отворачиваются от «Тайной доктрины» как от «нефилософской» и поэтому нестоящей научной мысли имеет право сказать, что он изучил древних, что он осведомлен обо всем. Что они знали и теперь, зная гораздо больше, чем они, знает, что они знали мало, если вообще, что-либо знали. Эта «Тайная доктрина» содержит в себе альфу и омегу универсальной науки; в ней угол и краеугольный камень всей древней и современной науки; и только в этой «нефилософичной» доктрине остается захороненным абсолютом в философии темных проблем жизни и смерти.

«Великие энергии Природы познаются нами только по производимым ими последствиям», – сказал Палей.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ это высказывание, мы хотим сказать, что великие достижения древности известны потомству только по их последствиям. Если кто-нибудь возьмет книгу по алхимии и будет читать в ней размышления братьев Розы и Креста о свете и золоте, он будет поражен по той простой причине, что он совсем ее не поймет.

«Герметическое золото», – он прочтет, – «есть изливание солнечного луча или света, введенного незримо и магически в тело мира. Свет есть сублимированное золото, высвобожденное магически невидимым звездным притяжением из материальных глубин. Таким образом, золото есть отложение света, самозарождающееся. Свет в небесном мире представляет собою тонкое, парообразное, магически облагороженное золото или «дух огня». Золото притягивает низшую природу из металлов и, усиливаясь и умножаясь, превращается в самого себя».

[350]

Тем не менее, факты остаются фактами; и как Бюллот сказал о спиритуализме, мы хотим высказаться об оккультизме вообще и об алхимии в частности, что это не есть дело мнений, а

дело *фактов*; люди науки называют неугасимые лампы явлением *невозможным*, но, тем не менее, люди нашего нынешнего века так же, как в дни невежества и суеверия, обнаруживали их светло горящими в старинных склепах, где они веками пребывали взаперти; и еще существуют люди, владеющие секретом поддерживать такие огни в течение нескольких веков. Люди науки говорят, что древний и современный спиритуализм, магия и месмеризм ничто иное, как шарлатанство и обман; но по лицу земли ходят 800 миллионов мужчин и женщин в полном здравом рассудке, которые во все их верят. Кому мы должны доверять?

«Демокрит», – по словам Лукиана [194], – «не верил ни в какие (чудеса)... он посвятил себя открытию метода, посредством которого теурги были в состоянии их производить, одним словом, его философия привела его к заключению, что магия целиком заключалась в применении и в *имитации* законов и процессов природы».

Мнение этого «смеющегося философа» приобретает для нас величайшую важность, так как маги, оставленные Ксерксом в Абдере, были его наставниками и, кроме того, он еще в течение долгого времени изучал магию у египетских священнослужителей [239ix, 34]. Почти девяносто лет из своей стодевятилетней жизни этот великий философ производил опыты и записывал их в книгу, которая, согласно Петронию [342, lib. ix, cap. iii], *трактвала о природе* – факт, который проверил он сам. И мы находим, что он не только верил и совершенно не отрицал *чудеса*, но, наоборот, утверждал, что те чудеса, которые удостоверены показаниями очевидцев, происходили и могли происходить; даже наиболее *невероятные*, последние были произведены с помощью «*сокровенных законов природы*» [56].

«Тот день, когда будет отвергнута какая-либо из теорем Евклида, никогда не настанет» [48], – говорит профессор Дрейпер, прославляя последователей Аристотеля за счет последователей Пифагора и Платона. Должны ли мы в таком случае не доверять ряду хорошо осведомленных авторитетов (между прочими и Лемприер), которые утверждают, что пятнадцать книг «Элементов» не следует целиком приписывать Евклиду, и что многие из наиболее ценных истин и доказательств, содержащихся в них, обязаны своим происхождением Пифагору, Фалесу, Евдоксу? Что Евклид, несмотря на свою гениальность, был *первым*, кто привел их в порядок и только вплетал собственные теории постольку, поскольку они были нужны для создания цельной, завершенной и взаимосвязанной системы геометрии? И если эти авторитеты правы, тогда опять-таки современники в долгу непосредственно перед центральным солнцем метафизической науки – Пифагором и его школой – за появление таких людей как Эратосфен, известный по всему миру геометр и космограф, Архимед, и даже Птоломей, несмотря на его упорствование в своих ошибках. Если бы не точная наука этих людей и не фрагменты их трудов, оставшиеся после них, на которых Галилей мог обосновать свои суждения, верховные жрецы науки девятнадцатого века, возможно, все еще находились бы в окопах церкви и в 1876 г. продолжали бы философствовать по космогонии Августина и Вед о вращающемся вокруг земли небесном куполе и величественной плоскости земли.

Девятнадцатый век положительно кажется обреченным на унижительные признания. В Фелтре (Италия) воздвигают публичную статью «*Панфило Кастальди, славному изобретателю передвижаемого печатного шрифта*», и добавляют в надписи великодушное признание, что Италия воздает ему «*дань почестей, которая слишком долго задерживалась*». Но как только статуя была воздвигнута, полковник Гул посоветовал жителям Фелтры «пережечь ее на известку». Он доказывает, что многие путешественники, кроме Марко Поло, привозили домой из Китая книги, отпечатанные при помощи таких вырезанных из дерева передвижных шрифтов [324, т. i, с. 133—135]. В некоторых тибетских монастырях, где имелись типографии, мы видели такие деревянные печатные колодки с вырезанными шрифтами, они хранятся, как музейная редкость. О них известно, что они очень древнего происхождения и что по мере того, как

шрифты совершенствовались, старые были изъяты из употребления во время раннего ламаизма. Возможно, что в Китае они существовали до наступления христианской эры.

Пусть каждый задумывается над умными словами профессора Роско в его лекции о «Спектральном анализе»:

«Новые истины должны найти полезное применение. Возможно, что ни вы, ни я не в состоянии предусмотреть *как и когда*, но в любой миг может настать то время, когда наиболее сокровенные тайны природы сразу же будут использованы на благо человечества, и нет человека, хоть что-нибудь понимающего в науке, который станет в этом сомневаться. Кто бы мог предсказать, что открытие явления, что ноги мертвой лягушки подрагивают, когда их касаются двумя различными металлами, приведет в течение немногих лет к открытию электрического телеграфа?»

Профессор Роско, при посещении Киршхоффа и Бунзена, когда они занимались своими великими открытиями по природе линий Фраунхоффера, говорит, что в его уме сразу *вспыхнула* мысль, что в солнце имеется железо; этим профессор добавил еще одно доказательство к миллиону предшествующих, что великие открытия обычно приходят *вспышкой*, а не умозаключениями. И много таких вспышек нам предстоит узнать... Может быть, будет обнаружено, что одна из последних искр современной науки – прекрасный зеленый спектр серебра – совсем не новость, но, несмотря на малочисленность и «великую низкопробность их оптических инструментов», был хорошо известен древним химикам и физикам. Серебро и зеленый цвет ассоциировались вместе еще в дни Гермеса. Луна, или Астарта (герметическое серебро), является одним из двух главных символов розенкрейцеров. Герметическая аксиома гласит:

«Причина великолепия и разнообразия цвета лежит глубоко в свойствах природы, и существует таинственное родство между цветом и звуком».

Каббалисты ставят свою «среднюю природу» в непосредственную связь с луной, и зеленый луч занимает центральное место между другими, так как находится в середине спектра. Египетские жрецы распевали *семь* гласных звуков, как гимн, обращенный к Серапису [343]; и при произнесении *седьмого* гласного, так же как при «*седьмом* луче» восходящего солнца, статуя Мемнона отвечала. Недавние открытия доказали удивительные свойства сине-фиолетового света – *седьмого* луча призматического спектра, химически наиболее мощного из всех, который соответствует высочайшей ноте в музыкальной шкале. Теория розенкрейцеров, что вся вселенная есть музыкальный инструмент, представляет собою доктрину пифагорейцев о музыке сфер. Звуки и цвета суть духовные цифры; как семь призматических лучей исходят из одного места небес, так и семь сил природы, каждая из них будучи числом, являются излучениями Единства центрального духовного СОЛНЦА.

«Счастлив тот, кто постигает духовные цифры и ощущает их могучее влияние!» – восклицает Платон.

И счастлив тот, мы можем добавить, кто, бродя по путанице корреляций сил, не будет пренебрегать исследованием их до этого незримого Солнца!

Экспериментаторы будущего пожнут почести за открытие, что музыкальные тона оказывают удивительное влияние на рост растений. Провозглашением этого ненаучного сообщения мы заканчиваем эту главу и будем продолжать напоминать терпеливому читателю о некоторых вещах, которые древние знали, а современники *думают*, что они знают.

Глава XIV

Египетская премудрость

«Происшедшее здесь, в этом нашем городе Саусе, регистрировалось в наших священных записях в течение восьми тысячелетий».

Платон, «Тимей».

«Египтяне утверждают, что со времени царствования Геракла до царствования Амасиса прошло 17 000 лет».

Геродот, кн. II, ст. 43.

«Не смогут ли богословы извлечь свет из чистой первобытной веры, которая высвечивает из египетских иероглифов, чтобы осветить бессмертие души? Не соблаговолят ли историки обратить внимание на первоисточник всех искусств и наук Египта, покрывший за тысячи лет до пелазгов острова и мысы архипелага своими крепостями и храмами?»

Глиддон.

Как пришел Египет к своим познаниям? Когда занялась заря той цивилизации, о чьем удивительном совершенстве говорят куски и обрывки, доставляемые нам археологами? Увы! Уста Мемнона молчат и не произносят более оракульских ответов; лишенный речи Сфинкс стал еще большей загадкой в своем молчании, чем та загадка, которую он задал Эдипу.

То, чему Египет учил других, он не получил путем международного обмена идеями и открытиями со своими семитическими соседями; также он не получал от них стимулов.

«Чем больше мы узнаем об египтянах, тем чудеснее они кажутся», – говорит писатель в недавней статье.

От кого они могли научиться своим чудесным искусствам, секретам, которые умерли вместе с ними? Они не посылали агентов по всему миру, чтобы узнать то, что знают другие; наоборот, мудрые люди соседних стран прибегали к их знанию. Египет, гордо уединившись в своем зачарованном царстве, как сказочная королева пустыни, творил чудеса как бы по мановению волшебного жезла.

«Ничто», – говорит тот же писатель, которого мы уже цитировали, – «не доказывает, что цивилизация и знания Египта возрастали и прогрессировали вместе с течением времени существования государства, как это бывает у других наций, но, наоборот, все самое совершенное относится к его самому раннему периоду. Что ни одна нация не знала так много, как Египет, – факт, доказанный историей».

Не можем ли мы приписать причину вышеприведенного высказывания тому назад, что до самого последнего времени ничто не было известно о древней Индии; что эти две нации, индийская и египетская, были родственны; что они были старейшими в группе народов и что восточные эфиопы, могучие строители, пришли из Индии уже созревшим народом, принося с собою свою Цивилизацию, и, возможно, они колонизировали незанятую египетскую территорию? Но мы откладываем более полную разработку этого вопроса на наш второй

«Механизмы», – говорит Евсебий Салверт, – «были доведены древними до такого совершенства, какое еще никогда не было достигнуто нашими современниками. Мы хотели бы спросить, были ли их изобретения превзойдены в нашем веке? Определенно – нет. И в настоящее время, несмотря на все те средства, которые прогресс науки вложил в руки нынешнего механика, не испытываем ли мы множества затруднений, пытаясь поставить на пьедестал один из тех монолитов, которые сорок веков тому назад египтяне в таких больших количествах устанавливали перед своими священными сооружениями».

Так далеко назад, как только история может заглянуть, в царствование Менеса, наиболее древнего царя, о котором мы что-нибудь знаем, мы находим доказательства, что египтяне были гораздо более осведомлены по гидростатике и гидравлике, чем мы сами. Гигантский труд по отведению течения Нила или, вернее, его трех главных разветвлений, с отводом их к Мемфису был осуществлен в течение царствования этого монарха, который кажется нам таким далеким в бездне времен, как чуть-чуть мерцающая звездочка на небесном своде. Уилкинсон говорит:

«Менес в точности измерил силу, которой ему приходилось противостоять, и построил плотину, чьи высоченные насыпи и огромные набережные повернули течение вод на восток, и с того времени река течет по новому руслу».

Геродот оставил поэтическое, но все же точное описание озера Моэрис, названного по имени создавшего его фараона.

Описывая это озеро, историк указывает, что оно имело 450 миль по окружности и его глубина была 300 футов. В озеро по искусственным каналам отводились паводковые воды Нила для обводнения земель на многие мили вокруг. Его многочисленные шлюзы, дамбы, запоры и удобные машины были произведениями высочайшего мастерства. В гораздо более позднем периоде римляне получили свои представления о гидравлических сооружениях от египтян, но наши последние успехи в такого рода сооружениях продемонстрировали факт большого недостатка знаний по той части науки у римлян. Так, например, если они были ознакомлены с тем, что в гидростатике называют великим законом, то, кажется, они меньше знали о том, что наши современные инженеры знают под названием водонепроницаемых соединений. Их неосведомленность достаточно доказана их водоснабжением, для которого они строили большие акведуки вместо того, чтобы с меньшими затратами проложить железные трубы под поверхностью земли. Но египтяне, очевидно, пользовались значительно лучшими методами для своих каналов и водоснабжения. Тем не менее, инженеры, нанятые Лессипом для прорытия Суэцкого канала, которые научились всему, что древнее римское знание по этой части могло им дать из полученного от египтян, – смеялись, когда им для устранения некоторых недостатков в их работе посоветовали изучать содержимое египетских музеев. Тем не менее этим инженерам удалось придать берегам этой «длинной и безобразной канавы», – как профессор Карпентер прозвал Суэцкий канал, – достаточную прочность, чтобы канал стал проходимой для кораблей водною дорогою, вместо грязевой ловушки для кораблей, каковой он оказался сперва.

Аллювиальные отложения Нила в течение прошедших тридцати веков совершенно изменили площадь дельты так, что она беспрестанно нарастала в сторону моря и увеличивала территорию хедива. В древние времена главное устье реки называлось Пелузианским; канал, проложенный одним из царей – канал Нехо – вел из Суэца в это разветвление. После поражения Антония и Клеопатры при Актиуме, было предложено, чтобы часть флота прошла по каналу в Красное море, что указывает на глубину, какую сумели обеспечить инженеры тех времен. Поселенцы в Колорадо и Аризоне недавно восстановили плодородие на громадных участках

засушливых земель посредством ирригационной системы и получили немало восхвалений за это от современной прессы. Но на расстоянии 500 миль выше Кайро тянется полоса земли, отвоеванная от пустыни и превращенная, по словам проф. Карпентера, «в наиболее плодородную почву на Земле». Он говорит:

«Тысячи лет эти ответвляющие каналы проводили сюда пресную воду из Нила, удобряя эту узкую длинную полосу так же, как и дельту со времени раннего периода египетских монархов».

Французская провинция Артуа дала свое имя артезианским колодцам, точно эта форма обводнения впервые была применена там; но если мы заглянем в китайские летописи, то обнаружим, что такие колодцы были общераспространенными за века до христианской эры.

Если мы теперь обратимся к архитектуре, то перед нашими глазами развернутся удивительные сооружения, которые трудно описать. Ссылаясь на храмы Филои, Абу Симбел, Дендера, Эдфу и Карнак, профессор Карпентер говорит, что «эти громадные прекрасные здания... эти гигантские храмы и пирамиды» обладают «обширными размерами и красотой», которые «все еще впечатляющи по истечении тысячи лет». Он поражен «восхитительным мастерством; камни так точно подогнаны друг к другу, что едва ли можно между ними засунуть нож в соединениях». В своем любительском археологическом хождении по святым местам он заметил еще одно из тех «любопытных совпадений», в которых его святейшество папа римский может почувствовать некоторую заинтересованность. Профессор говорит о египетской «Книге Мертвых», скульптурно изображенной на старых памятниках, и о древнем веровании в бессмертие души.

«Наиболее замечательно то», – говорит профессор, – «что видишь, что не только само это верование, но и язык, каким оно выражено, напоминает язык христианского откровения, ибо в „Книге Мертвых“ употребляются те же самые фразы, какие мы находим в Новом Завете в связи с Судным Днем».

И он допускает, что эта иерограмма была вырезана, вероятно, за 2000 лет до времени Христа.

По Бунзену, вычисления которого считаются наиболее точными, масса каменной кладки в великой пирамиде Хеопса составляет 82.111.000 футов и должна весить 6.316.000 тонн. Огромное количество прямоугольно обтесанных камней выявляет непревзойденное искусство египетских каменщиков. Рассказывая о Великой пирамиде, Кенкрик говорит:

«Места соединений камней едва ощутимы и не шире толщины серебряной бумаги, а цемент настолько сцепляющий, что фрагменты облицовочных камней все еще держатся в своих первоначальных местах, несмотря на многие века и силу, применявшуюся для их отрыва».

Кто из наших современных архитекторов и химиков в состоянии снова открыть неразрушающийся цемент старейших строений Египта?

«Искусство древних в обработке камня», – говорит Бунзен, – «наиболее проявлено в их умении обращаться с огромными глыбами камня, из которых создавались обелиски и статуи высотой в сорок футов, сделанные из одного камня!»

Таких много. Эти глыбы обрабатывались не взрывом, к ним применялся следующий научный метод: вместо использования больших железных клиньев, которые раскололи бы камень, они прорезали во всю длину камня небольшой желоб, скажем, длиною в 100 футов, и по

всей длине желоба вбивали деревянные клинья; после этого они наливали в желоб воду; клинья набухали одновременно и с огромною силою равномерно разрывали камень по всей длине так ровно и чисто, как алмаз разрезает оконное стекло.

Современные географы и геологи доказали, что эти монолитные камни были доставлены с очень значительных расстояний, и не могли придумать, какого рода транспортными средствами это было сделано. Старинные рукописи говорят, что это было осуществлено с помощью переносных рельсов. Рельсы покоились на надутых кожаных мешках, сделавшиеся неразрушимыми, благодаря обработке тем же процессом, который применялся для обработки мумий. Эти искусно сделанные подушки предохраняли рельсы от погружения в глубокий песок. О них упоминает Мането и добавляет, что они были так хорошо приготовлены, что не изнашивались целыми столетиями.

Время возникновения сотен пирамид в долине Нила невозможно установить никакими способами европейской науки, но Геродот сообщает нам, что каждый из царей воздвигал одну пирамиду в ознаменование своего царствования, которая также служила его усыпальницей. Но Геродот не сказал всего, хотя он знал, что *настоящая* цель воздвижения пирамид весьма отличалась от той, которую он им приписывал. Если бы не его религиозная щепетильность, он мог бы добавить, что внешне пирамида символизирует творящее начало природы, а также иллюстрирует принципы геометрии, математики, астрологии и астрономии. Изнутри это был величественный храм, в мрачной глубине которого совершались мистерии, и стены его часто были свидетелями сцен посвящения членов царской семьи. Саркофаг из порфира, низведенный проф. Пиацци Смитом, королевским астрономом из Шотландии, до ларя для зерна, был *купелью крещения*, выходя из которой неофит «вновь рождался» и становился *адептом*.

Геродот, однако, дает нам правильное представление об огромном труде, потребовавшемся для перевозки одной из этих гигантских глыб гранита. Она была тридцать два фута в длину, двадцать один фут в ширину и двенадцать футов в высоту. По подсчетам ее вес составлял что-то около 300 тонн; потребовался труд 2000 человек в течение трех лет, чтобы доставить эту глыбу из Сиены до дельты Нила. Глиддон в своем труде «Древний Египет» приводит цитату из Плиния с описанием приготовлений для перевозки обелиска, воздвигнутого в Александрии Птоломеем Филадельфусом. Прорыли канал от Нила до того места, где лежал обелиск. Под обелиск подвели две баржи. Они были нагружены камнями по кубическому футу каждый; вес обелиска был в точности вычислен инженерами, и камни, которыми были загружены баржи, составляли вес, соответствующий весу обелиска с тем расчетом, чтобы баржи настолько погрузились в воду, чтобы их можно было подвести под обелиск. Затем стали постепенно удалять камни из барж, они поднялись, приподняли обелиск, и баржи поплыли вниз по реке.

В Египетском отделе Дрезденского или Берлинского музея (мы забыли, в котором) имеется рисунок, изображающий рабочего, который с корзиной песка на спине поднимается на незаконченную еще пирамиду. Это навело некоторых египтологов на мысль, что блоки пирамид изготовлялись химически *на месте*. Некоторые современные инженеры думают, что портландский цемент, двойной силикат извести и глинозема, и есть неразрушающийся цемент древних. Но, с другой стороны, проф. Карпентер утверждает, что пирамиды, за исключением гранитной облицовки, построены из того, что геологи называют нуммулитическим известняком. Он новее, чем старый мел, и образовался из раковин организмов, «называемых *нуммулитами*, — они величиною с шиллинговую монету». Как бы ни решался этот спорный вопрос, никто, начиная с Геродота и Плиния, вплоть до последнего странствующего инженера, которому довелось взглянуть на эти величественные памятники давно исчезнувших династий, не был в состоянии сказать нам, как эти гигантские массы материала были доставлены на место и воздвигнуты. Бунзен приписывает Египту 20000-летнюю древность. Но даже по этому вопросу,

если мы будем полагаться на современные авторитеты, мы предоставлены догадкам. Современные авторитеты не в состоянии нам сказать ни о том, для чего пирамиды были построены, ни о том, при какой династии была воздвигнута первая из них, ни о том, из какого материала они построены. У них только одни догадки.

Профессор Смит дал нам наиболее точное математическое описание Великой пирамиды, какое только можно найти в литературе. Но после показа астрономических соотношений этого строения он так низко ценит мысль египтян, что он действительно утверждает, что порфиновый саркофаг в покое царя представляет единицу измерения для двух наиболее просвещенных наций на земле – для «Англии и Америки». Одна из *Книг Гермеса* описывает некоторые пирамиды стоящими на берегу моря, «волны которого в бессильной ярости ударялись об их основания». Это значит, что географическое очертание этой страны изменилось, и может послужить указанием на то, что мы должны приписать этим древним «зернохранилищам», «магически-астрологическим обсерваториям» и «царским усыпальницам» происхождение, опережающее появление Сахары и других пустынь. Это подразумевает значительно большую древность, чем те скудные несколько тысяч лет, которые египтологи так великодушно отпускают Египту.

Доктор Риболд, французский археолог, пользующийся некоторой известностью, предоставляет своим читателям некоторую возможность судить о культуре, которая преобладала в Египте 5000 (?) лет до Христа, говоря, что в то время там было «не менее тридцати или сорока жреческих колледжей, где изучали оккультные науки и практическую магию».

Один писатель в «*Национальном ежеквартальном обозрении*» (Том XXXII, № LXIII, за декабрь 1875 г.) говорит, что

«Недавние раскопки, произведенные в развалинах Карфагена, вынесли на свет божий следы цивилизации, утонченного искусства и роскоши, затмевающие древний Рим. И когда был опубликован декрет «*Delenda est Carthago*»^[352], владычица мира хорошо знала, что она собирается разрушить нечто большее, чем она сама, ибо в то время, как одна империя покоряла мир только силою оружия, другая являлась последней и наиболее совершенной представительницей расы, которая за сотни лет до того, когда еще Рим никому и не снился, руководила цивилизацией, ученостью и умами человечества».

Это тот Карфаген, который по словам Апиана, существовал еще в 1234 году до Христа, другими словами, существовал за 50 лет до взятия Трои, и он не тот общеизвестный Карфаген, который якобы был построен Дидо (Элиссой или Астартой) четырем веками позже.

Вот перед нами еще одна иллюстрация к учению о циклах. Признания Дрейпера касательно астрономической эрудиции древних египтян находят сильное подтверждение в одном интересном факте, почерпнутом мистером Дж. М. Пиблсом в лекции, прочитанной в Филадельфии профессором О. М. Митчеллом, астрономом. На гробе одной мумии, ныне находящейся в Британском Музее, был изображен зодиак с точными местонахождениями планет во время осеннего равноденствия в 1722 году до нашей эры. Профессор Митчелл рассчитал точное положение небесных тел, входящих в нашу солнечную систему, в указанное время.

«В результате», – сообщает мистер Пиблс, – «я пришел к следующему выводу: к моему великому изумлению... оказалось, что 7-го октября 1722 г. до Р. Х. луна и планеты занимали точные места, соответствующие изображенным на саркофаге в Британском музее» [344].

Профессор Джон Фiske в своем наступлении на «Историю интеллектуального развития Европы» доктора Дрейпера обрушивается на доктрину циклического продвижения, заявляя, что

«мы никогда не знали ни начала, ни конца какого-либо исторического цикла и также не имеем убедительных доказательств, что мы теперь проходим какой-то цикл». [353] Он упрекает автора этого красноречивого и продуманного труда за «странную склонность, проявляемую на протяжении всего его труда, не только приписывать лучшую часть греческой культуры египетским источникам, но и постоянно возвеличивать неевропейскую цивилизацию за счет европейской цивилизации». Мы полагаем, что эту «странную склонность» могли бы санкционировать сами великие греческие историки. Профессор Фiske мог бы с пользой для себя снова перечитать Геродота. «Отец истории» неоднократно признает, что Греция всем обязана Египту. Что же касается утверждения, что мир никогда не знал ни начала, ни конца какого-либо цикла, то стоит только бросить взор назад на многие покрытые славой нации, которые сошли с исторической сцены, то есть дошли до конца своего великого национального цикла. Сравните Египет древности с его совершенным мастерством, наукой и религией, его славные города и памятники, его кишачье население с Египтом сегодняшнего дня, населенным чужеземцами; с его развалинами, служащими обиталищем для летучих мышей, и несколькими коптами, единственно уцелевшими наследниками всего этого величия, – и вы увидите, правдива ли теория цикличности. Говорит Глиддон, которому Фiske теперь возражает:

«Филологи, астрономы, химики, живописцы, архитекторы и врачи должны возвратиться в Египет, чтобы узнавать происхождение языка и письменности, календаря и солнечного движения, искусство резать гранит медным резцом, придавать эластичность медному мечу, изготавливать стекло с различными оттенками радуги, транспортировать отдельные глыбы полированного сиенита весом 900 тонн на любое расстояние по воде и по суше, строить арки, закругленные и заостренные, с непревзойденным доныне мастерством и точностью за 2000 лет до „Великой канализации“ Рима, создавать скульптурные дорийские колонны за 1000 лет до того, как дорийцы впервые упоминаются в истории, писать фрески неразрушающимися красками, практические познания по анатомии и построение пирамид, бросающих вызов времени».

«Каждый мастер-ремесленник может увидеть в египетских памятниках достижения по своему ремеслу, какими они были 4000 лет тому назад; и будь это колесный мастер, создающий колесницу; сапожник, затягивающий свою дратву; закройщик кож, пользующийся той же самой формы ножом, которая и теперь считается самой лучшей; ткач, бросающий тот же самый ручной челнок; жестянщик-лудильщик, пользующийся той же самой трубкой для дутья, которая еще совсем недавно была признана самой эффективной; резчик печатей, вырезающий на них иероглифы с такими именами, как Шухо, более 4300 лет тому назад – все они и еще много других поразительных свидетельств об египетском приоритете требуют только одного взгляда на эстампы Роселлини, чтобы убедиться».

«Истинно», – восклицает мистер Пиблс, – «эти храмы Рамзеса и гробницы были таким же чудом для Геродота, какими они являются для нас!» [344]

Но даже во времена Геродота безжалостная рука времени уже оставила свои следы на их постройках, и некоторые из них, память о которых полностью изгладилась бы, если бы не *Книги Гермеса*, ушли в бездну забвения. Царь за царем, династия за династией прошли в блестящем шествии перед глазами поколений, сменяющихся одно за другим, и их слава прогремела по всей обитаемой части Земли. Тот же самый покров забвения накрыл их и их памятники еще до того,

как первый из наших авторитетов по истории, Геродот, сохранил для потомства воспоминание о мировом чуде – Великом Лабиринте. Давно принятая библейская хронология сковала умы не только духовенства, но даже мало освободившихся от пут ученых, которые, трактуя о доисторических останках в различных частях света, постоянно проявляют боязнь – как бы не преступить периода в 6000 лет, до сих пор отведенного богословами в качестве возраста нашего мира.

Геродот нашел Лабиринт уже в развалинах; но, тем не менее, его восхищение строителями Лабиринта не знает пределов. Он считал Лабиринт гораздо более чудесным произведением, чем пирамиды, и в качестве очевидца подробно его описывает. Французские и прусские ученые так же, как и другие египтологи, согласны в отношении местонахождения и тождественности его благородных развалин. Кроме того, они подтверждают описание, данное старинным историком. Геродот повествует, что он нашел там 3000 комнат, половина из которых – под землей, половина – на поверхности земли.

«Верхние комнаты», – говорит он, – «я сам прошел и подробно осмотрел. В подземные залы (которые *могут существовать и доныне*, насколько известно археологам) заведующие этими помещениями меня не пустили, так как там находятся гробницы царей, которые построили Лабиринт, а также гробницы священных крокодилов. Верхние комнаты я видел моими собственными глазами и нашел, что они превосходят все другое, созданное человеком».

В переводе Раулинсона в уста Геродота вкладываются следующие слова:

«Проходы через дома и различные повороты пути через дворы возбуждали во мне бесконечное восхищение, когда я переходил из дворов в залы, а оттуда в колоннады, из колоннад в другие дома и опять во дворы, до того не виденные. Крыши повсюду были каменные так же, как и стены, причем, и те и другие были покрыты искусной резьбой. Каждый двор был окружен колоннадой, которые были воздвигнуты из белого камня и украшены изысканными скульптурными изображениями. В углу Лабиринта стоит пирамида высотой в сорок фатомов^[354] с высеченными на ней крупными фигурами. Обширный подземный ход вел в ее внутренность».

Если таким был Лабиринт, когда его обозревал Геродот, какими же в таком случае были древние Фивы, город, разрушенный намного раньше псамметихского периода, царившего 530 лет спустя после разрушения Трои? Мы узнаем, что в его время столицей был Мемфис, тогда как от блистательных Фив остались только *развалины*. И если теперь мы, люди, могущие составлять свое мнение только по развалинам того, что было развалинами так много веков до нашей эры, ошеломлены при рассматривании этих развалин, то каков был вид Фив в дни его процветания и славы? Карнак – храм, дворец, развалины – как бы ни называли его археологи, – являются их единственными представителями. Но, стоя одинокими и покинутыми, они годятся в качестве эмблемы величественной империи; словно забытые временем, шествующим вперед через века, они свидетельствуют об умении и искусстве древних. Тот, действительно, лишен духовного восприятия гения, кто не почувствует и не увидит интеллектуального величия расы, запланировавшей и построившей их.

Шампольон, который провел почти всю жизнь в археологических исследованиях, дает выход своим чувствам в следующем описании Карнака:

«Площадь, покрытая массой остатков от здания, квадратна; каждая сторона 1800 футов. Каждый посещающий изумлен и *охвачен сознанием величия* этих благородных останков, щедростью и величественностью их мастерства, видимого повсюду. Ни один

народ, ни древний, ни современный не возвысил искусства архитектуры до таких масштабов, до такой возвышенности и грандиозности, как древние египтяне; и воображение, которое в Европе взлетает выше наших портиков, останавливается и, *обессилевшее, падает* у подножия гипостильной колоннады Карнака из ста сорока колонн! В одном из его залов мог бы поместиться весь Собор Парижской Богоматери, и он еще не доставал бы до потолка и считался бы малым украшением в центре зала».

Один из выступающих в ряде английских периодических изданий 1870 г., очевидно, говорящий со слов путешественника, описывающего то, что он сам видел, выражается так:

«Дворов, залов, врат, колонн, обелисков, монолитных фигур, скульптур, длинных рядов сфинксов обнаруживается в Карнаке такое множество, что современному уму непостижимо».

Дэстон, французский путешественник, говорит:

«Осмотрев это, трудно поверить в реальность существования такого множества строений, собранных в одном месте, их размеров, полного решимости и упорства, какое требовалось для их сооружения, и неисчислимых расходов, потребовавшихся на это великолепие! Нужно, чтобы читатель представлял себе все это, как сон, так как тот, кто сам видел все это, временами сомневался, действительно ли он видит это в бодрствующем состоянии... Там, *на периферии святилища* имеются озера и горы. Эти два здания избраны в качестве примеров из *почти неисчерпаемого списка*. Вся долина и дельта Нила от водопадов до моря была покрыта храмами, дворцами, гробницами, пирамидами, обелисками и колоннами. Скульптурные изображения выше всяких похвал. Механические совершенства, проявленные художниками в граните, серпантине, брекчии и базальте, чудесны, по мнению всех знатоков... животные и растения выглядят, как живые, а искусственные предметы покрыты прекрасной скульптурой; сухопутные и морские сражения, а также сцены домашней жизни везде встречаются на *барельефах*».

«Эти памятники», – говорит один английский писатель, – «которые так поражают путешественника, наполняют его ум великими идеями. При виде этих колоссов и сверхobeliskов, которые кажутся превосходящими человеческую природу, он не может не воскликнуть: „Это было сделано человеком“, и это сознание возвышает его существование» [346, т. II, с. 67].

В свою очередь доктор Ричардсон, говоря о храме в Дендерах, высказывается:

«Женские фигуры выполнены с таким совершенством, что только не говорят; у них непревзойденная нежность черт и выразительность».

Каждый из этих камней покрыт иероглифами, и чем они древнее, тем прекраснее они высечены. Не является ли это новым доказательством, что Египет попал в поле зрения истории тогда, когда его мастерства и искусства уже находились в процессе быстрой дегенерации? Надписи на обелисках высечены глубиной в два дюйма, а иногда еще глубже, причем, выполнены с высочайшим совершенством. Можно получить некоторое представление об их глубине из того факта, что арабы за небольшое вознаграждение взбираются на самую вершину обелиска, причем, заправляют большие пальцы ног в углубления иероглифов. Что все эти

памятники, в которых прочность состязается с красотой, были созданы до дней исхода израильтян из Египта, у историков нет никакого сомнения. (Все археологи теперь уже пришли к соглашению, что чем глубже мы удаляемся в историю, тем прекрасней становится мастерство Египта.) Эти взгляды опять сталкиваются со взглядами мистера Фиске, который уверяет нас, что «скульптуры на памятниках (Египта, Индии и Ассирии), кроме того, выражают очень *неразвитое* состояние артистических способностей». ^[355] Мало того, сей ученый джентльмен идет дальше. Присоединив свой голос к оппозиции против признания учености, – которая по праву принадлежала кастам священнослужителей древности, – за левитами, он презрительно говорит, что

«нелепая теория о глубокой науке, которой якобы обладали египетские священнослужители с глубокой древности и передали греческим философам, была окончательно разрушена (?) сэром Дж. К. Льюисом [347]... тогда как в отношении Египта и Индии, а также Ассирии можно сказать, что колоссальные памятники, украшающие эти страны с доисторических времен, свидетельствуют о преобладании в этих странах варварского деспотизма, совершенно несовместимого с благородным обществом, и поэтому также несовместимого с устойчивым прогрессом». ^[356]

Любопытный аргумент, действительно. Если размеры и величие общественных памятников должны служить для потомства мерилom, по которому можно определить «прогресс цивилизации», достигнутый их строителями, тогда, может быть, было бы разумно для Америки, которая так кичится якобы установленными в ней прогрессом и свободой, сразу понизить свои строения на несколько этажей. Иначе, по теории профессора Фиске, археологи 3877 года нашей эры применят к «древней Америке» 1877 года правило Льюиса и скажут про *древние* Соединенные Штаты, что «их можно рассматривать как *латифундиум*, или плантацию, которую обрабатывало все население в качестве рабов короля-президента». Белокожие арийские расы никогда не были прирожденными «строителями», подобными восточным эфиопам или темнокожим кавказцам, ^[357] и поэтому никогда не были в состоянии состязаться с последними в воздвижении колоссальных построек, – так поэтому мы должны делать поспешный вывод, что эти грандиозные храмы и пирамиды могли быть воздвигнуты только под бичом деспота? Странная логика! Действительно, кажется более благоразумным придерживаться «строгих канонов критик», изложенных Льюисом и Гротом, и честно сразу сознаться, что мы, в самом деле мало знаем о древних народах и что до сих пор у нас имеются только предположительные домыслы, и если мы не поведем изучение в том же направлении, в каком вели древние жрецы, то и на будущее у нас мало шансов. Мы знаем только то, что они позволяли знать непосвященным, но то малое, что мы о них узнаем путем дедукции, должно бы быть достаточным, чтобы убедить нас, что даже в девятнадцатом веке, несмотря на наши претензии на превосходство в мастерствах и науках, мы не только не в состоянии построить что-нибудь подобное памятникам Египта, Индии и Ассирии, но даже не можем снова открыть наименьшего из «утерянных искусств» древних. Кроме того, сэр Гарднер Уилкинсон сильно выразился по поводу извлеченных из земли сокровищ древних, добавляя, что

«там нет никаких следов *примитивного* образа жизни или варварских обычаев, но есть некая стойкая цивилизация, *дошедшая с отдаленнейших времен*».

Здесь археология не согласуется с геологией, которая утверждает, что чем дальше ее исследование углубляется в прошлое по следам человека, тем больше варварскими они

становятся. Сомнительно, исчерпали ли геологи поле своих исследований, каким являются пещеры; и мнение геологов, обоснованное на их нынешнем опыте, может радикально измениться, когда они откроют останки предков тех людей, которых они теперь называют пещерными обитателями.

Что может лучше иллюстрировать теорию циклов, нежели следующий факт? Почти за 700 лет до Р. Х. в школах Фалеса и Пифагора преподавалось учение об истинном движении Земли, ее форме и о целой гелиоцентрической системе. А в 317 г. нашей эры мы находим, что Лактанций, наставник Криспа Цезаря, сына Константина Великого, учил своего ученика, что земля плоска, и плоскость эта окружена небом, которое состоит из огня и воды; он также предостерегал своего ученика от еретического взгляда, что земля имеет шарообразную форму!

Каждый раз, когда мы, охваченные гордостью при каком-либо новом открытии, оглядываемся назад в прошлое, мы обнаруживаем, к нашему недовольству, некоторые следы, которые указывают на возможность, если не на полную определенность, что наше якобы открытие не было полной неизвестностью для древних.

Считается установленным, что ни народы раннего Моисеевого периода, ни даже более цивилизованные народы Птолемея не были знакомы с электричеством. Если мы остаемся при том же мнении и теперь, то это вовсе не от недостатка доказательств, доказывающих противное. Мы можем пренебречь и не искать какого-либо более глубокого значения в некоторых характерных выражениях Сервия и других писателей; но мы не можем также вычеркнуть их, чтобы они когда-нибудь в будущем не раскрыли своего истинного значения.

«Первые обитатели Земли», – говорит он, – «никогда не приносили огня на свои алтари, но с помощью своих молитв они низводили небесный огонь» [348, эклоги vi, v, 42]. «Прометей открыл и передал людям искусство низводить молнию; и способом, которому он их научил, они низводили огонь из надземной области».

Если после раздумывания над этими словами мы все еще будем склонны приписать их к фразеологии мифологических басен, мы можем обратиться к дням Нумы, царя-философа, столь прославленного за свою эзотерическую ученость, и окажемся еще более озадаченными, рассматривая касающиеся его материалы. Мы не можем его обвинять ни в невежестве, ни в суеверии, ни в легковерии, так как, если вообще можно доверять истории, он весьма был устремлен к уничтожению политеизма и идолопоклонства, что более двухсот лет никакие статуи и другие изображения не появлялись в их храмах. С другой стороны, старинные историки говорят нам, что познания, какими обладал Нума по натуральной физике, были велики. Предание говорит, что он был посвящен священнослужителями божеств этрусков и получил от своих посвятителей наставление в тайном знании, как можно заставить громовержца Юпитера опуститься на землю [349, кн. iii, v, 285—346]. Овидий доказывает, что поклонение римлян Юпитеру Элицию началось с того времени. Салверт придерживается мнения, что до того, как Франклин открыл свое благородное электричество, Нума с ним экспериментировал весьма успешно, и что Талл Хостилий был первой жертвой, которую зарегистрировала история, как павшую от опасного «небесного гостя». Тит Ливий и Плиний повествуют, что этот принц, нашедший в одной из «Книг Нумы» наставления по тайной жертве Юпитеру Элицию, совершил ошибку, «вследствие чего получил удар молнии и сгорел в собственном дворце» [350, кн. i, гл. xxxi].

Салверт отмечает, что Плиний в изложении научных секретов Нумы «пользуется выражениями, которые, кажется, указывают на два различных процесса», один для овладения громом (*impetrare*), другой, чтобы заставить его вспыхнуть (*cogere*) [56, кн. ii, гл. liii].

«Руководствуясь „Книгой Нумы“, – говорит Луций, цитируя Плиния, – „Талл осмелился

вызвать помощь Юпитера. Но, совершив ошибку в действии, погиб от удара грома“». [\[358\]](#)

Проследив в прошлом познания о громах и молнии, какими обладали этрусские священнослужители, мы находим, что Тархон, основоположник теургии последних, желая предохранить свой дом от молнии, окружил его живой изгородью из белой брионии [\[352, кн. х, стих 346 и далее\]](#), вьющегося растения, обладающего свойством отводить молнии. Тархон жил задолго до осады Трои. Заостренный металлический громоотвод, которым мы, по-видимому, обязаны Франклину, по всей вероятности, является *повторенным* открытием. Существует много медалей, которые, как кажется, убедительно указывают, что этот принцип был известен в древние времена. Храм Юноны имел крышу, на которой было установлено какое-то количество заостренных лезвий сабель. [\[359\]](#)

Если у нас нет почти никаких доказательств о том, что древние имели какие-либо ясные понятия обо всех свойствах электричества, то, во всяком случае, имеются сильные доказательства, что они были очень хорошо знакомы с самим электричеством

«Бен Дэвид», – говорит автор «Окультных наук», – «утверждал, что Моисей обладал некоторыми познаниями об электрических явлениях».

Берлинский профессор Хэт тоже такого мнения. Микаелис отмечает, что:

«*Первое*, нет никаких упоминаний, что молния когда-либо ударила в Иерусалимский храм в течение тысячи лет. *Второе*, по данным Иосифа [\[153, кн. v\]](#), крыша храма была покрыта целым лесом наконечников... из золота, очень острых. *Третье*, эта крыша сообщалась с пещерами в холме, на котором храм был расположен, трубами, соединенными с позолотой, которая покрывала весь храм снаружи, вследствие чего эти острия могли действовать как проводники». [\[360\]](#)

Аммиан Марцеллин, знаменитый историк четвертого века, автор, заслуживший высокую оценку за честное и точное изложение, сообщает нам, что

«Маги постоянно хранили в своих очагах огонь, который они волшебным образом добывали с неба» [\[59, кн. xxiii, часть vi\]](#).

В индийском «Аупнекхат» есть одно изречение, которое гласит:

«Знание огня, солнца, луны и молнии составляет три четверти знания Бога». [\[361\]](#)

Наконец, Салверт указывает, что в дни Ктезиаса

«Индия была знакома с применением громоотводов». – Этот историк просто повествует, что – «железо, помещенное на дне фонтана... и изготовленное в виде *меча острием вверх*, как только его установили на место, обладало свойством отвращать грозу и молнию». [\[362\]](#)

Что может быть яснее?

Некоторые современные писатели отрицают факт, что на маяке александрийского порта было помещено большое зеркало с целью открывать приближение далеких кораблей с моря. Но прославленный Бюффон в это верил, так как он честно признается, что

«если зеркало действительно существовало, а я крепко верю, что оно существовало, то древним принадлежит честь изобретения *телескопа*» [\[354, 6 т. Mem., art. II\]](#).

Стивенс в своем труде о Востоке утверждает, что он обнаружил железные дороги в Верхнем Египте, колеи их были покрыты железом. Кэнова, Пауэрс и другие знаменитые скульпторы нашего века считают за честь для себя, если их приравнивают к Фидию древности, а строгое правдолюбие даже засомневается перед такой лестью.

Профессор Джовитт не верит повествованию об Атлантиде, изложенному в «Тимее», а записи 8000 и 9000-летней давности кажутся ему древними мошенничествами. Но Бунзен говорит:

«В существовании воспоминаний и записей о великих событиях Египта, происходивших за 9000 лет до Христа, нет ничего невероятного, так как происхождение Египта относится к девятому тысячелетию до Христа» [74, т. IV, с. 462].

А как насчет первобытных циклопических укреплений древней Греции? Могут ли Тиренские стены, которые, по археологическим отчетам, «даже среди древних народов прослыли сооружениями циклопов» [355, т. xv, с. 320], считаться старше пирамид? Массы камня, – некоторые равны шестифутовому кубу, а самые малые из них таковы, что по словам Павсания, их не сдвинет упряжка быков, – уложены в стены плотной кладки толщиной в двадцать футов и высотой более сорока футов, и их постройку все еще приписывают расам людей, известным нашей истории!

Исследования Уилкинсона обнаружили тот факт, что многие изобретения, которые мы называем современными и кичимся, были доведены до совершенства древними египтянами. Недавно открытый германским археологом Эберсом папирус доказывает, что ни наши современные шиньоны, ни пудры, ни туалетные воды, ни зубные порошки не были секретом для египтян. Не один современный врач (даже из тех, кто объявляет себя «специализировавшимся по нервным болезням») мог бы найти полезное, заглянув в «Медицинские книги Гермеса», в которых содержатся предписания действительно терапевтической ценности.

Как мы уже видели, египтяне были выдающимися мастерами во всех областях. Они изготовляли такую высококачественную бумагу, что она не поддавалась разрушающему влиянию времени.

«Они вынимали сердцевину из папируса», – говорит ранее упомянутый нами анонимный автор, – «рассекали и раскрывали волокна, расплющивая их известным им способом, и делали такую тонкую бумагу, как наша бумага сорта „фулскэп“, но только намного прочнее... Иногда они разрезали ее на ленты и склеивали вместе; много еще существует документов, написанных на такой бумаге».

Папирус, найденный в гробнице мумии царицы, и другой, найденный в саркофаге «царской усыпальницы», в Гизе, выглядят как тончайший лоснящийся белый муслин, и в то же время обладают прочностью самого лучшего телячьего пергамента.

«Долгое время ученые верили, что искусство изготовления папируса было введено Александром Великим (так же, как они ошибочно верили во многое другое), но Лепсий обнаружил свитки папируса в гробницах и памятниках двенадцатой династии; скульптурные картины из папируса позднее были обнаружены в памятниках четвертой династии, а теперь уже доказано, что искусство письма было известно и находилось в употреблении еще в дни Менеса, протомонарха»;

и таким образом, наконец, открылось, что умение писать египтян и их система письма

были совершенны и полностью разработаны с *самого начала*.

Первым расшифровкам их вещих писем мы обязаны Шампольону. Если бы не его вековой труд, мы до сих пор остались бы неосведомленными о значении всех этих живописных иероглифов, и современники до сих пор считали бы древних невежественными людьми, несмотря на то, что они в некоторых ремеслах и науках превосходили нас.

«Он был первым, обнаружившим, какое чудесное повествование египтяне могут рассказать тому, кто в состоянии читать их бесконечные рукописи и записи. Они оставили свои письма везде, на каждом предмете, способном принять на себя иероглифы... Они вырезали, высекали и ваяли их на памятниках. Они выводили их на мебели, утесах, камнях, стенах, гробах, гробницах, так же, как на папирусах. Картины их каждодневной жизни в мельчайших деталях теперь раскрываются перед нашими изумленными взглядами неожиданным образом... Ничто из того, что знаем мы, не было пропущено древними египтянами... История Сезостриса показывает нам как хорошо он и его народ овладели искусством ведения войны. На картинах видно, какими грозными они были в бою. Они сооружали военные машины... Хорнер говорит, что через каждые из ста врат Фив выезжали 200 человек с конями и колесницами; последние были легкие по сравнению с нашими современными артиллерийскими запряжками».

Кенрик описывает их в следующих выражениях:

«Короче говоря, все существенные принципы, которыми регулируется тяга повозок, отображены в военных колесницах фараонов, и нет ничего, что современная роскошь изобрела для удобства или украшения, чему нельзя было бы найти прототипов в памятниках восемнадцатой династии».

Пружины – *металлические* пружины – были обнаружены в них, и, несмотря на их поверхностное описание в исследовании Уилкинсона, мы находим доказательства, что они служили для предохранения от тряски при слишком быстрой езде. В барельефах показаны некоторые рукопашные схватки и битвы, в которых мы можем проследить применение и обычаи в мельчайших деталях. Воины с тяжелым вооружением сражались в кольчугах; у пехоты были ватные туники и войлочные шлемы с металлическим покрытием для лучшей защиты. Мюратори, современный итальянский изобретатель, который несколько лет тому назад ввел в употребление «непробиваемые панцири», шел по следам старинного изобретения, используя, насколько мог, древний метод, подсказавший ему идею. Процесс превращения таких материалов, как картон, войлок и другие ткани, в непроницаемые для порезов и проколов каким-либо острием, материалы, в настоящее время числится среди утерянных искусств. Мюратори удалось изготовить такие войлочные панцири, но они были несовершенны и, несмотря на хваленые достижения современной химии, он не мог достать соответствующего препарата и потерпел неудачу.

Какого совершенства достигла химия и древние времена, можно судить по факту, сообщенному Вайреем. В своей диссертации он приводит пример, когда Асклепиадот, один из генералов Митридата, воспроизвел химическим путем вредные испарения священного грота. Эти испарения, подобно испарениям Кума, приводили служительницу-жрицу в пророческий экстаз.

Египтяне пользовались луками, обоюдоострыми мечами и кинжалами, дротиками, копьями

и пиками. Легкое вооружение состояло из метательного оружия и пращей; воины колесниц действовали булавами и боевыми топорами; они были совершенны в операциях по ведению осады.

«Нападающие», – говорит анонимный писатель, – «продвигались, образуя узкий длинный ряд, острие которого было защищено трехсторонней непробиваемой машиной, которую толкал перед собой, вроде катка, скрытый от взоров отряд воинов. У египтян были крытые подземные проходы с люками, системы лестниц, и искусство эскалада и военной стратегии было доведено ими до совершенства... Таран для разрушения стен был им знаком так же, как многое другое; будучи такими знатоками по каменоломням, они умели закладывать и подводить подкопы к стенам так, что они падали».

Этот самый писатель говорит, что для нас безопаснее упоминать о том, что египтяне *знали*, чем о том, чего они *не знали*, так как каждый день приносит новые открытия о их чудесных познаниях:

«И если», – добавляет он, – «мы обнаружили бы, что они пользовались пушками Армстронга, то этот факт не был бы более поразительным, чем многие уже открытые факты».

Доказательством, что они были сильны в математических науках, служит тот факт, что те древние математики, которых мы чтим, как отцов геометрии, ездили обучаться в Египет. В цитате, приведенной мистером Пиблсом, профессор Смит говорит:

«Геометрические познания строителей пирамид начались там, где кончались познания Евклида».

Уже до того, как Греция начала существовать, мастерства и науки египтян были созревшими и старыми. Топографию и умения, связанные с геометрией, египтяне знали хорошо, и Иисус (Навин) после покорения Святой земли, по словам Библии, обладал достаточными познаниями, чтобы разделить земли. И как мог народ, настолько продвинувшийся в натуральной философии, как египтяне, не быть в одинаковой степени искусным в психологии и в духовной философии? Храм являлся рассадником высшей цивилизации и только он один обладал знанием магии, которая сама по себе являлась квинтэссенцией натуральной философии. В величайшей тайне преподавались оккультные силы природы, и самые чудесные исцеления осуществлялись в течение свершения мистерий. Геродот признает [356, кн. ii, гл. 50], что все, что греки знали, они получили от египтян, в том числе даже отправление священнослужителя в храмах, и как следствие этого главные греческие храмы были посвящены египетским божествам. Мелампу, знаменитому целителю и предсказателю из Аргоса, приходилось применять свои лекарства «по способу египтян», от которых он получил свои знания, каждый раз, когда он хотел, чтобы его лечение было особенно удачным. Он вылечил Ификла от импотенции и слабости при помощи *железной ржавчины* по указаниям Мантиса, его *магнетического спящего*, или оракула. Шпренгель приводит много удивительных примеров таких *магических* исцелений в своей «Истории медицины» (см. стр. 119).

Диодор в своем труде об египтянах говорит (кн. I), что Изиде заслужила бессмертие, так как все народы на Земле являются свидетелями мощи этой богини, исцеляющей от болезней своим влиянием.

«Это доказано», – говорит он, – «не рассказными, как у греков, но достоверными фактами».

Гален отмечает несколько лечебных средств, хранящихся в больничных палатах храмов. Он также упоминает универсальное лекарство, которое в его время называли *Изидой* [357, кн. v].

Доктрины нескольких греческих философов, которые прошли обучение в Египте, выявляют глубокую ученость. Орфей, который, по словам Артапана, был учеником Моисея, [363] Пифагор,

Геродот и Платон обязаны своей философией тем же самым храмам, в которых священнослужители наставляли мудрого Солона.

«Антиклид повествует», – говорит Плиний, – «что буквы были изобретены в Египте человеком по имени Менон за пятнадцать лет до царствования Форонея, самого древнего из греческих королей» [56, кн. vii, гл. 56].

Яблонский доказывает, что гелиоцентрическая система так же, как шарообразность Земли, была известна египетским священнослужителям с незапамятных времен.

«Эту теорию», – добавляет он – «Пифагор взял у египтян, которые получили ее от брахманов Индии» [358, ii, Пролог, 10].

Фенелон, прославленный архиепископ Камбрии, приписывает это знание Пифагору и говорит, что кроме преподавания своим ученикам, что земля круглая, он указал на существование антиподов, так как Земля населена повсюду; этот великий математик был первооткрывателем того факта, что утренняя и вечерняя звезда одна и та же. Если мы примем во внимание, что Пифагор жил приблизительно во время 16-ой Олимпиады, более 700 лет до Р. Х., и преподавал эти факты в такой далекий период, то мы должны думать, что они были известны другим до него. Труды Аристотеля, Лаэрдия и некоторых других доказывают, что он узнал от египтян о наклонении эклиптики, о звездном составе Млечного пути и отраженном свете Луны.

Уилкинсон, подкрепляемый другими авторами, говорит, что египтяне делили время и знали истинную длительность года и прецессию равноденствий. Путем регистрации восхода и захода звезд они постигли особые влияния, которые исходили в зависимости от положения и соотношения небесных тел, и поэтому их священнослужители были в состоянии предсказать метеорологические изменения с такою же точностью, как наши современные астрономы, и, в добавлении к этому, могли астрологировать по движениям звезд. Хотя трезвый и красноречивый Цицерон может быть частично прав в своем негодовании по поводу преувеличений вавилонских священнослужителей, которые «утверждают, что они сохранили на памятниках наблюдения, простирающиеся в прошлое на 470000 лет» [196], все же период, в котором древние достигли совершенства в астрономии, вне досягаемости современных исчислений.

Один писатель в одном из наших научных журналов говорит, что

«каждая наука во время своего роста проходит три стадии: первая – стадия наблюдений, когда многими умами в различных местах собираются и регистрируются факты. Затем наступает стадия обобщения, когда эти тщательно проверенные факты методически обрабатываются, систематически обобщаются и логически классифицируются, чтобы выводить из них законы, которые ими управляют. И, наконец, наступает стадия прогноза, когда эти законы применяются и по ним безошибочно предсказываются события с величайшей точностью».

Если за несколько тысяч лет до Р. Х. китайские и халдейские астрономы предсказывали затмения, то, пользовались ли они циклом Сароса или другими средствами, – факт от этого не меняется, – они достигли последней и высшей степени в астрономии – они *пророчествовали*. Если они в 1722 г. до Р. Х. начертили зодиак с точным указанием занимаемых планетами мест во время осеннего равноденствия и притом с большой точностью, как доказал астроном профессор Митчелл, то они знали те законы, которые управляют «тщательно проверенными фактами», и применили законы с такою же точностью, как наши современные астрономы. Кроме того, про астрономию говорят, что в нашем веке

«это единственная наука, которая достигла своей *последней стадии*... другие

науки пока еще находятся в различных степенях роста; электричество в некоторых отраслях уже достигло третьей стадии, но во многих других еще находится в своем младенческом периоде». [\[364\]](#)

Это мы знаем по сердитым признаниям самих ученых, и по поводу этого у нас нет никаких сомнений в отношении девятнадцатого века, так как мы сами к нему принадлежим. Но не таково наше отношение к людям, жившим в дни процветания Халдей, Ассирии и Вавилона. О их степенях достижений по другим наукам мы *ничего* не знаем, за исключением того, что по астрономии они были равными нам, ибо они тоже уже достигли *третьей* и последней стадии. В своей лекции об «Утерянных искусствах» Уэнделл Филлипс очень художественно описывает ситуацию.

«Мы, кажется, воображаем», – говорит он, – «что умрет ли знание вместе с нами или нет, но оно определенно началось с нас... У нас сложилась оценка сожаления, сочувствия и узости невежеству и мраку канувших в бездну прошлого веков».

Чтобы иллюстрировать нашу собственную идею заключительной фразой этого любимого лектора, мы также можем сознаться, что мы взяли за писание этой главы, которая в некотором смысле прерывает наше повествование, чтобы осведомиться у наших ученых, уверены ли они, что они хвастают «в *правильном направлении*».

Итак, мы читаем о народе, который, по словам некоторых ученых авторов, [\[365\]](#) только что вышел из бронзового века и вступил в железный век:

«Если Халдея, Ассирия и Вавилон представляли собою *огромную и вызывающую уважение античность, уходящую назад в бездну времен*, то последовавшая за ними Персия тоже была не без чудес. Колонные залы Персеполиса были заполнены шедеврами искусства – резьбой, скульптурами, эмалями, алебастровыми библиотеками, обелисками, сфинксами, колоссальными быками. Экбатана в Мидии, прохладное место летнего пребывания персидских царей, было защищено семью окружающими стенами из вытесанных отполированных блоков, причем внутренние стены все более постепенно возвышались одна над другою; они были различных окрасок в астрологическом соответствии семи планет. Дворец имел крышу, покрытую *серебряными черепицами*; его балки были покрыты золотом. Ночью залы освещались многочисленными рядами масляных свечей. Декоративный сад со всею роскошью восточного монарха был расположен посреди города. Персидская империя, поистине была садом всего мира... В Вавилоне все еще оставались его стены; когда-то они тянулись более 60 миль по окружности и после трехсотлетнего опустошения и трех завоеваний сохранили высоту восьмидесяти футов. Были там развалины храма Бэла, облаками окруженного; на его вершине помещалась обсерватория, в которой вещие халдейские астрономы вели ночные общения со звездами, и еще там были остатки двух дворцов с их висячими садами, где высоко над землею росли деревья и сохранился поломанный остов гидравлической машины, подававшей воду из реки. В искусственное озеро с его обширным оборудованием из водоводов и шлюзов стекала вода растаявших снегов Армении; течение ее через город направлялось набережными Евфрата. Наиболее поразительным из всего был *туннель, проложенный под руслом реки*» [\[48, гл. i\]](#).

В своем труде «Первые следы человека в Европе» Альбрехт Мюллер предлагает в качестве выразительно-описательного имени века, в котором мы живем, название «века бумаги», считая

его самым лучшим. Мы не согласны с ученым профессором. По утвердившемуся в нас мнению, будущие поколения назовут наш век, в лучшем случае, веком *латуни*, а в худшем – веком альбаты (медноцинконикелевый сплав) или оройды (золотистый сплав меди и цинка).

Мысль нынешнего комментатора и критика по отношению учености древних ограничена и кружится вокруг *экзотеризма* храмов; его взор или не желает, или не способен проникать в торжественную внутренность храма древности, где иерофант давал наставления неопиту, как он должен рассматривать публичное богослужение в его истинном значении. Ни один мудрец древности не учил, что человек – царь всего творения и что звездное небо и мать-земля были сотворены лишь для него. Кто сомневается по поводу сказанного, может обратиться к «Магическим и философским наставлениям» Зороастра, где он найдет следующее подтверждение:

«Не устремляй сознанья своего
К земным пределам без конца и края;
Не здесь отыщешь истины росток.
Равно ход расчислить не пытайся,
Законы выводя и собирая, светила солнца;
Оное светило влекомо вечной волею Отца,
Не ради нас, отринь и путь луны;
Ей прихотливой движет неизбежность.
Не ради нас творят движенья звезд». [\[366\]](#)

Довольно странное учение, чтобы исходить от тех, кого вообще принято считать почитателями и поклонниками солнца, луны и звездных полчищ в качестве богов. Так как величественная глубина наставлений магов находится за *пределами* досягаемости современной материалистической мысли, то халдейские философы вместе с невежественными массами обвиняются в сабианизме и в солнцепоклонстве.

Существовала громадная разница между *истинным* учением, которое преподавалось тем, кто показал себя достойным его, и государственной религией. Магов обвиняют во всякого рода суевериях, но вот что говорят «Халдейские оракулы:

«*Нет истины* в полете вольном птиц,
Как нет ее внутри невинной жертвы; [\[367\]](#)
Все это лишь игра воображенья,
Основа для корыстного обмана;
Беги от этого, коль хочешь рай познать,
Где мудрость, справедливость и любовь
В едино собраны» **[360, 4]**.

Конечно, не суеверны те, кто предостерегает людей от «корыстного обмана», и их нельзя обвинять в суеверии, и если они совершали деяния, которые кажутся волшебными, чудесными, то кто честно в состоянии отрицать, что они обладали знанием натуральной философии и наукой психологии в такой степени, которая неизвестна нашим ученым?

Чего только они не знали? Это хорошо установленный факт, что истинный меридиан был правильно установлен до того, как была построена первая пирамида. Они имели часы и

циферблаты, чтобы измерять время; их кубит являлся установленной единицей мер длины, составляя 1,707 фута по английским мерам; по словам Геродота, у них также была известна единица веса; в качестве денег у них находились в обращении золотые и серебряные кольца, ценившиеся по весу; они с древнейших времен пользовались десятиричной и двенадцатиричной системами исчисления и хорошо знали алгебру.

«Как же иначе они могли», – говорит один известный автор, – «орудовать такими огромными механическими силами, если бы они тщательно не изучили философии того, что мы называем механическими силами?»

Умение изготовлять полотно и тонкие ткани так же, как доказано, было отраслью их знаний, так как об этом говорит Библия. Фараон подарил Иосифу одеяние из тонкого полотна, золотую цепь и много других вещей. Египетское полотно славилось по всему миру. Все мумии закутаны в полотно, и это полотно прекрасно сохранилось. Плиний повествует о некоем одеянии, посланном за 600 лет до Р. Х. царем Амазисом Линдусу, каждая нить которого состояла из 360 меньших нитей, скрученных вместе. Геродот (книга I) в своем описании Изиды и мистерий, совершаемых в ее честь, дает нам представление о «восхитительной мягкости носимого жрецами полотна». Священнослужители носили башмаки, сделанные из папируса, и одежды из *тонкого полотна*, потому что эта богиня первая научила его употреблять, и таким образом, кроме того, что их называли «изиадами» или священнослужителями Изиды, их еще звали «линигера» или «носителями полотна». Это полотно ткалось и окрашивалось в сверкающие яркие цвета, секрет которых также считается утерянным. На мумиях мы часто обнаруживаем весьма искусные вышивки; как обычные, так и бисерные, которыми украшались их одеяния; несколько таких можно увидеть в Булакском музее (Каир) – они непревзойденной красоты; изысканны их рисунки и труд огромен. Тонко разработанные и превозносимые гобелены кажутся грубой продукцией, если их сравнивать с некоторыми вышивками древнего Египта. Нам достаточно обратиться к книге «Исхода» в Библии, чтобы узнать, как искусно было мастерство израильских учеников египтян, проявившееся в украшении священного ковчега и скинии. Богослужебные облачения с их украшениями в виде «яблок из нитей и позвонков золотых», также туммим или усыпанный драгоценными камнями нагрудник верховного жреца, по описанию Иосифа, были несравненной красоты и являлись результатами чудесного, удивительного мастерства. И еще мы обнаруживаем вне всякого сомнения, что свои обряды и церемонии, даже особое одеяние своих левитов евреи позаимствовали от египтян. Климент Александрийский весьма неохотно признает это; то же самое делают Ориген и другие отцы церкви, причем некоторые из них приписывают это совпадение ловкому трюку Сатаны, предвидевшему события. Астроном Проктор говорит в одной из своих книг:

«Замечательный нагрудник, носимый еврейским верховным жрецом, был непосредственно заимствован от египтян».

Само название нагрудника «туммим», очевидно, египетского происхождения, заимствованное Моисеем, как и остальное, ибо дальше на той же странице Проктор говорит, что

«В часто повторяющейся картине посмертного суда мы видим, что умершего египтянина ведет бог Гор, тогда как Анупис кладет на одну чашу весов сосуд, в котором якобы содержатся добрые деяния покойника; в другой чаше находится эмблема истины, изображение Тмей, богини истины, и все это имелось на судейском нагруднике».

Уилкинсон в своем труде «Нравы и обычаи древних египтян» доказывает, что еврейское «туммим» есть форма множественного числа от слова «Тмей».^[368]

Кажется, что все декоративные искусства были известны египтянам. Их ювелирные изделия из золота, серебра и драгоценных камней прекрасно изготовлены. То же самое можно сказать про их гранение, полировку; вделывание в оправу совершалось их гранильщиками в лучшем виде. Перстень, взятый с египетской мумии, если мне не изменяет память, был провозглашен самым лучшим шедевром ювелирного искусства на Лондонской выставке 1851 г. Их стеклянные имитации драгоценных камней намного превышают то, что выделяется в наше время; а про искусственный изумруд можно сказать, что имитация его доведена до совершенства.

В Помпее, рассказывает Уэнделл Филлипс, была найдена комната, полная стекла. Там было матовое стекло, оконное стекло, хрусталь и разнообразное цветное стекло. Католическим священникам, появившимся в Китае 200 лет тому назад, был показан стакан, прозрачный и бесцветный, который был наполнен изготовленной китайцами жидкостью, которая казалась бесцветной, как вода.

«Эту жидкость налили в стакан, а затем, когда смотрели через стакан, он казался наполненным рыбами. Жидкость из стакана выливали и снова повторяли опыт, и он казался опять наполненным рыбами».

В Риме показывали кусок стекла, прозрачного стекла, который освещали, чтобы показать, что в нем нет ничего потайного, но в центре этого стекла имелась капля цветного стекла, приблизительно величиною с горошину, расцвеченная, как утка, и которую даже миниатюрная кисть не могла бы выполнить лучше.

«Очевидно, что эта капля жидкого стекла была отлита, так как нигде нет следов соединения. Это должно было быть сделано с большим нагревом, чем при процессе отжига стекла, так как этот процесс приводит к трещинам».

В отношении их изумительного искусства имитировать драгоценные камни лектор упоминает «знаменитую вазу Генуэзского Собора», которую в течение долгих веков считали сделанной из «монолитного изумруда».

«Римско-католическая легенда гласит о ней, что она была одною из тех драгоценностей, которые царица Савская преподнесла Соломону, и что это была та подлинная чаша, из которой Спаситель пил на Тайной Вечере».

Впоследствии было обнаружено, что это не изумруд, а имитация. И когда Наполеон привез эту вазу в Париж и передал на исследование в Институт, ученым пришлось признать, *что это не был камень*, но что это такое они не знают.

Далее, говоря об искусстве древних в металлических изделиях, тот же самый лектор повествует, что,

«когда англичане разграбили Летний дворец китайского императора, европейские художники изумлялись при виде изысканно разработанных металлических сосудов разного рода, намного превосходящих расхваленное искусство европейских мастеров».

Африканские племена внутри страны давали путешественникам бритвы *лучше тех*, которые у них имелись.

«Джордж Томпсон рассказал мне», – добавляет он, – «что он видел, как один человек в Калькутте подбросил в воздух горсть шелка-сырца, а другой индус разрубил его на куски саблею из туземной стали». – Он заканчивает удачным замечанием, что, – «сталь является величайшим триумфом металлургии, а металлургия – венец химии».

Так и с расами древних египтян и семитов. Они добывали золото и отделяли его с величайшим искусством. Медь, свинец и железо были в изобилии вокруг Красного моря.

В лекции, прочитанной в 1873 г. на тему «*Пещерные люди Девоншира*» У. Пенджелли, член Королевского общества, основываясь на данных некоторых египтологов, утверждает, что первое железо, которым пользовались египтяне, было *метеорное* железо, так как в самом древнем документе, где этот металл упоминается, он назван «камнем с неба». Это наводит на мысль, что единственным железом, применявшимся в старину, было метеоритное железо. Так могло быть в начале периода, охватываемого нашими нынешними геологическими исследованиями, но до сих пор, пока мы не будем в состоянии с хотя бы приблизительной точностью вычислять возраст открываемых нами останков древности, кто может с уверенностью сказать, что мы не делаем ошибку на несколько сотен тысяч лет? Неблагоразумие догматизирования по поводу того, чего древние халдеи и египтяне *не* знали о рудодобыче и металлургии, было частично выявлено открытиями полковника Говарда Вайса. Кроме того, многие такие драгоценные камни, которые можно найти только в шахтах большой глубины, упоминаются у Гомера и в еврейских священных писаниях. Установлено ли учеными точное время, когда человечество впервые начало строить шахты? По словам доктора А. К. Хэмлина, в Индии мастерство златоковачей и гранильщиков алмазов практиковалось с «незапамятных времен». Знали ли египтяне с отдаленнейших веков, как закалять сталь или же владели другим, более эффективным методом, чем нынешнее высекание скульптур из камня, – это загадка, перед которой стоят археологи. Как же иначе могли создавать такую художественную резьбу по камню и ваять такие скульптурные произведения, какие мы у них находим? Пусть критики выбирают любое из двух; по их мнению, египтяне пользовались весьма искусной закалкой или каким-либо другим средством для резьбы по сиениту, граниту и базальту, что в последнем случае, должно быть отнесено к длинному списку утерянных искусств.

Профессор Альбрехт Мюллер говорит:

«Введение в употребление бронзовых изделий в Европе можно приписать великой расе пришельцев из Азии около 6000 лет тому назад; пришельцев звали ариями или арийцами... Цивилизация Востока опередила цивилизацию Запада на многие века... Существует много доказательств, что значительной высоты культура уже существовала в самом начале. Бронза еще употреблялась, *но также употреблялось железо*. Гончарные изделия не только обрабатывались на гончарном станке, но и обжигались докрасна. Впервые встречаются изделия из стекла, золота и серебра. В одиноких горных местностях уже обнаруживается окалина и остатки железоделательных печей... Конечно, эту окалину иногда приписывают к результатам вулканической деятельности, но она встречается в местах, где никогда никаких вулканов не было».

Но более всего искусство этого удивительного народа выявилось в умении готовить мумии. Никто, кроме тех, кто специально изучал этот процесс, не в состоянии оценить, сколько умения, терпения и знания требовалось для совершения этого неразрушимого труда, который занимал несколько месяцев. Требовалась и химия и хирургия. Мумии, если они остаются в сухом климате Египта, кажутся практически неразрушающимися. И даже если их перемещают после покоя, длившегося несколько тысяч лет, они не обнаруживают признаков изменений.

«Тело», – рассказывает анонимный писатель, – «наполняли миррой, кассией и другими смолами и после этого пропитывали содой... Затем следовало удивительно искусное бинтование набальзамированного тела, проделываемое настолько искусно, что ныне современные профессиональные накладыватели повязок восхищаются его превосходством».

Говорит доктор Грандвилл:

«Нет ни одной формы накладывания повязок в современной хирургии, *значительно улучшенные формы которых* нельзя бы обнаружить в бинтовании египетских мумий. Находят ленты полотна без единого скрепления, простирающиеся на 1000 ярдов в длину».

Росселини в «Древнем Египте» Кенрика дает подобное же свидетельство об удивительном разнообразии и искусстве, с каким бинты накладывались и перемежались. Не было перелома в человеческом теле, которое не мог бы успешно вылечить врач-священнослужитель тех далеких дней.

Кто только не помнит возбуждения, вызванного каких-нибудь двадцать пять лет тому назад открытием анестезии? Закись азота, серные и хлорные эфиры, хлороформ, «веселящий газ», кроме различных других комбинаций, приветствовались страждущей частью человечества, как небесное благословение. Как обычно в таких случаях скромный доктор Горацій Уэлс, из Хартфорда, в 1844 г. был открывателем, а доктора Мортон и Джексон пожали на этом открытии лавры и выгоды в 1846 г. Анестезирующие средства были провозглашены «величайшим открытием, какое когда-либо было сделано». И хотя знаменитый *летеон* Мортон и Джексона (состав серного эфира), хлороформ сэра Джеймса И. Симпсона и азотистый веселящий газ, введенный в употребление Колтоном в 1843 г., и Данхемом и Смитом, подверглись задержанию вследствие фатальных случаев, все же последнее обстоятельство не помешало тому, что теперь этих джентльменов считают благодетелями общества. Их успешно усыпленные пациенты иногда больше не просыпаются; но какое это имеет значение до тех пор, пока другие получают облегчение? Врачи нас уверяют, что теперь несчастных случаев происходит опасительно редко. Возможно, что это бывает потому, что благодетельные анестезирующие средства так скупно применяются, что половину времени не успевают оказывать своего воздействия, парализуя страждущего пациента всего лишь на несколько секунд, в его внешних движениях, причем, он испытывает такую же острую боль, как обычно. В целом, однако, хлороформ и веселящий газ являются благотворными открытиями. Но являются ли они, строго говоря, первыми анестезирующими средствами, какие когда-либо существовали? Диоскорид говорит о Мемфисском камне (*lapis Memphiticus*), и описывает его, как малый камешек – круглый, отполированный и весьма искрящийся. Будучи измельченным в порошок и приложенным в виде мази к той части тела, которую хирург собирается оперировать своим скальпелем или огнем, он предохраняет от боли *только ту часть* тела. В то же время это средство совершенно безвредно для организма пациента, который полностью сохраняет сознание во время операции, причем, это средство действует до тех пор, пока оно соприкасается с данной частью тела. Если это средство принять вовнутрь, смешав с водою или вином, всякое чувство страдания от боли совершенно прекращается.^[369] Плиний также дает полное его описание [56, кн. xxxviii, гл. vii].

С незапамятных времен брахманы обладали секретами такой же ценности. Вдова, склонная к самопожертвованию путем самосожжения, называемого «сахамарания», ничуть не боится боли, ибо самое свирепое пламя пожрет ее, не причинив ей никаких страданий. Священные растения, увенчивающие ее чело, когда ее поведут церемониально к погребальному костру; священный корень, вырытый в полуночный час на том месте, где Ганг и Юмка смешивают свои

воды; натирание тела жертвы топленным маслом из молока буйволицы и священными маслами после того, как она искупалась во всей одежде со всеми украшениями, – являются *магическими* анестезирующими средствами. С их поддержкой она собирается расстаться со своим телом; три раза она обходит кругом своего огненного ложа; и после прощания ее бросают на мертвое тело ее мужа, и она оставляет этот мир без единого мгновения страданий. Миссионер-писатель, бывший очевидцем нескольких таких церемоний, рассказывает:

«На костер выливают полужидкое масло из молока буйволицы, оно моментально воспламеняется, и „опоенная“ вдова быстро умирает от удушья еще до того, как пламя добирается до ее тела» [361, т. i, с. 358].

Ничего подобного, если только эта священная церемония проводится строго по правилам. Вдовы никогда не опаиваются в том смысле, как мы привыкли понимать это слово. Принимаются только предохранительные меры против физических мук – страшной агонии сгорания. Ее сознание остается ясным, как всегда, и даже более ясным. Она крепко верит в обещание будущей жизни, и весь ее ум сосредоточен на созерцании приближающегося блаженства – блаженства «свободы», которое она вскоре достигнет. Обычно она умирает с улыбкой небесного блаженства на лице. И если кому-то предстоит страдание в час возмездия, то не ей, набожно преданной своей вере, но коварному брахману, который вполне осведомлен, что такой жестокий обряд не был никогда предписан. ^[370] Что же касается жертвы, то после того как она сгорела, она становится *сати* – трансцендентной чистоты – и посмертно канонизируется.

Египет – родина и колыбель химии. Кенрик доказывает, что корень этого слова *кеми* или *кем* является названием этой страны [Псалмы, CV, 22]. Химия красок, должно быть, была хорошо известна в этой стране. Факты есть факты. Где же еще мы найдем таких художников, которые могут украсить стены неувядающими красками? Века после того, как наши пигмейские здания превратятся в пыль, и заключающие их в себе города станут бесформенными кучами кирпича с забытыми именами, – долго еще после этого будут стоять залы Карнака и Луксора (*El-Uxor*), и прекрасная фресковая живопись, несомненно, будет столь же свежа 4000 лет спустя, какую она была 4000 лет тому назад и какая она сегодня.

«Бальзамирование и фресковая живопись», – говорит наш автор, – «не являлись случайными открытиями у египтян, но возникли из определений и умозаключений, как любой вывод Фарадея».

Наши современные итальянцы хвастают своими этрусскими вазами и живописью; декоративные окаймления, находимые на греческих вазах, вызывают восхищение всех любителей древности; они приписываются грекам, тогда как в самом деле «они только копии египетских ваз». Изображенные на них фигуры можно увидеть в любой день на стенах гробницы времен Аменхотеп I, то есть периода, когда Греции даже еще не существовало.

Где мы в наше время можем указать на что-либо, что можно сравнить с высеченными в скалах храмами Ипсамбула в Нижней Нубии? Там можно увидеть сидячие фигуры высотой семьдесят футов, высеченные из утеса. Торс статуи Рамзеса II в Фивах обладает размерами 60 футов в плечах, а в других местах пропорционально. Рядом с такой титанической скульптурой наши скульптуры кажутся пигмеями. Египтяне знали железо, по меньшей мере, задолго до построения первой пирамиды, что происходило, по Бунзену, более чем 20000 лет тому назад. Доказательство этому пролежало скрытым многие тысячи лет в пирамиде Хеопса, пока полковник Говард Вайс не нашел его в виде куска железа в одном из блоков, куда, очевидно, его засунули в то время, когда приступили к постройке пирамиды. Египтологи приводят много указаний о том, что древние в доисторическое время были хорошо знакомы с металлургией.

«До сегодняшнего дня мы находим на Синае большие кучи шлаков, окалины от плавок».^[371]

Металлургия и химия, практиковавшиеся в те дни, были известны, как *алхимия*, и составляли основу доисторической магии. Кроме того, Моисей доказал свое знание алхимической химии тем, что превратил золотого тельца в порошок, который затем рассыпал над водами.

Если мы теперь обратимся к мореходству, мы будем в состоянии доказать, основываясь на достоверных источниках, что Нехо II снарядил на Красном море флот и послал его на исследования. Этот флот отсутствовал более двух лет и вместо возвращения через Ваб-эль-Мандел, как обычно, вернулся обратно через Гибралтарский пролив. Геродот вовсе не поспешил, когда приписывал египтянам такие мореходные достижения.

«Они», – говорит он, – «распространили слухи, что, когда возвращались домой, солнце восходило с правой стороны; вещь для меня невероятная».

«И все же», – продолжает автор вышеупомянутой статьи, – «это невероятное утверждение оказалось *неопровержимым*, что понятно каждому, кто огибал морем мыс Доброй Надежды».

Таким образом доказано, что люди отдаленнейшей древности совершили подвиг, который, спустя много веков, был приписан Колумбу. Говорят, что на своем пути они только два раза бросали якорь; они посеяли кукурузу, пожали ее и с триумфом держали путь домой через Геркулесовы столбы и дальше по Средиземному морю.

«Были люди», – добавляет он, – «гораздо более заслуживающие название *«veteres»*, чем римляне и греки. Греки, молодые в своих познаниях, трубили в трубы перед ними и призывали весь мир восхищаться их способностями. Старый Египет, поседевший в своей мудрости, настолько был полон сознания своих достижений, что не стремился вызывать восхищение и заботился о мнении легкомысленных греков не больше, чем мы заботимся о мнении каких-то островитян Фиджи».

«О, Солон, Солон», – сказал старейший египетский жрец этому мудрецу. – «Вы, греки, всегда как дети; у вас нет издревле установившихся мнений, нет дисциплин, выдержавших испытание временем!»

И, действительно, очень был удивлен великий Солон, когда жрецы Египта растолковали ему, как много богов и богинь греческого пантеона были замаскированными богами Египта. Истину сказал Зонарас:

«Все это пришло к нам из Халдеи в Египет, и оттуда перешло к грекам».

Сэр Дэвид Брюстер дает блестящее описание нескольких автоматов, и восемнадцатый век гордится этими шедеврами механического искусства, «игроком на флейте Вокансона». Та малость положительной информации, которую нам удалось собрать по этому предмету от писателей древности, подтверждает веру в то, что ученые механики дней Архимеда (а некоторые из них жили значительно раньше великого сиракузца) никоим образом не были невежественнее или менее изобретательными, чем наши современные изобретатели. Архитас, уроженец Тарентума в Италии, наставник Платона и философ, выдающийся своими математическими достижениями и чудесными открытиями по практической механике, построил деревянного голубя. Должно быть, это был чрезвычайно хитроумный механизм, так как он летал, хлопал крыльями и значительное время держался в воздухе. Этот искусный человек, живший за 400 лет до Р. Х., кроме деревянного голубя еще изобрел винт, подъемный кран и различные гидравлические машины [362, lib. X, cap. XIII].

Египет давил свой собственный виноград и делал вино. В этом нет ничего замечательного пока что, но он также варил собственное пиво и притом в больших количествах, – так продолжают утверждать наши египтологи. Рукопись Эберса доказывает, вне всякого сомнения, что египтяне потребляли пиво за 2000 лет до Р. Х. Их пиво, должно быть, было крепкое и превосходное – как все, что они делали. Стекло вырабатывалось во всех его разновидностях. Во многих египетских скульптурах мы находим сцены стеклодутия и бутылки; во время археологических исследований обнаруживаются стаканы и изделия из стекла, и кажется, что они были очень красивы. Сэр Гарднер Уилкинсон говорит, что египтяне резали, обтачивали стекло, гравировали и обладали искусством вводить золото между двумя поверхностями стекла. Они производили стеклянные имитации жемчуга, изумруда и всех драгоценных камней с великим совершенством.

Точно также большинство древних египтян культивировало музыкальные искусства и хорошо понимали воздействие музыкальной гармонии, ее влияние на человеческий дух. В старейших скульптурах и в резных работах мы находим сцены, где музыканты играют на различных инструментах. Музыка применялась в отделе исцелений при храмах для лечения нервных расстройств. Мы находим многие памятники с изображениями оркестров, дающих концерт, причем дирижер отсчитывает время, хлопая в ладони, поэтому мы можем утверждать, что они знали закон гармонии. У них была священная музыка, домашняя и военная. Для концертов священной музыки употреблялись лира, арфа и флейта; для празднеств – гитара, одиночная или двойная, свирели и кастаньеты; войска в течение военной службы пользовались трубами, тамбуринами, барабанами и тарелками. Ими были изобретены различного рода арфы, например: лира, *самбук* и *ашур*; некоторые из них имели более 20 струн. Превосходство египетской лиры над греческой – установленный факт. Материал, из которого изготовлялись такие инструменты, очень часто был дорог и представлял собою редко встречаемое дерево; инструменты украшались прекрасной резьбой. Иногда они привозились из очень далеких стран; некоторые были расписаны, выложены перламутром и украшены цветною кожею. Как и мы, для струн они пользовались кетгутом. Пифагор учился музыке в Египте и сделал музыку предметом науки в Италии. Но египтян в древности считали самыми лучшими преподавателями музыки в Греции. Они знали в совершенстве, как извлекать гармоничные звуки из инструмента прибавлением к нему струн так же, как умножить ноты укорачиванием струн у его шейки, каковые знания свидетельствуют, что они далеко продвинулись в музыкальном искусстве. Говоря об арфах, обнаруженных в одной из гробниц Фив, Брюс заявляет, что они опрокидывают все высказывания, какие делались до сих пор по поводу состояния древней музыки и музыкальных инструментов на Востоке, и что они своей формой, украшениями, диапазоном представляют неоспоримое доказательство, более *сильное, чем тысяча греческих цитат*, что геометрия, черчение, механика и музыка достигли величайшего совершенства в то время, когда они были созданы, и что период, который мы считаем временем возникновения этих искусств, *был только началом их нового возрождения*.

На стенах дворца Аменхотепа II в Фивах этот царь изображен играющим в шахматы с царицей. Этот монарх царствовал задолго до Троянской войны. Известно, что в Индии играли в эту игру 5000 лет тому назад.

Что касается их познаний по медицине, то теперь, когда найдена одна из утерянных *Книг Гермеса* и переведена Эберсом, египтяне говорят сами за себя. Что они знали о кровообращении, видно по некоторым *целительным манипуляциям* жрецов, которые знали, как оттягивать кровь книзу, остановить на краткое время циркуляцию крови и т. д. Более тщательное изучение их барельефов, где изображены сцены, происходящие во врачебных залах разных храмов, – легко это докажут. У них были свои дантисты и окулисты, и ни одному доктору

не разрешалось практиковать более, чем в одной специальности, что несомненно говорит в пользу мнения, что они теряли меньше пациентов, чем наши врачи теперь. Некоторые авторитеты также утверждают, что египтяне были первым народом, учредившим у себя суд присяжных заседателей; мы сами в этом сомневаемся.

Но египтяне не были единственным народом далеких эпох прошлого, чьи достижения отводят им такое выдающееся место перед потомством. Кроме других, чья история в настоящее время сокрыта мглой далекой древности, например, доисторических рас двух Америк, Крита, Трои, лакустриан, затонувшего материка легендарной Атлантиды, считающейся теперь мифом, – деяния финикийцев отмечают их печатью, характеризующей их почти как полубогов.

Автор статьи в *«Национальном квартальном обозрении»*, которого мы цитировали раньше, говорит, что финикийцы были самыми ранними мореходами в мире, что они основали большинство колоний по берегам Средиземного моря и совершали путешествия во все необитаемые земли. Они посещали арктические области, откуда привезли сведения о постоянном дне без ночей – сведения, которые Гомер сохранил для нас в *«Одиссее»*. Из Британских островов они ввозили в Африку олово, и Испания была их излюбленным местом для колонизации. Описание Харибды настолько точно соответствует описанию Мальстрема, что, по словам этого писателя, «трудно представить, что оно может иметь другой прототип». Их исследования, кажется, велись по всем направлениям. Их паруса белели в Индийском океане так же, как в норвежских фиордах. Различные писатели приписывают им поселки в отдаленных местностях, тогда как все южное побережье Средиземного моря было занято их городами. Утверждают, что значительная часть Африканской территории была населена племенами, изгнанными Иисусом Навином и детьми Израиля. В то время когда писал Прокопий, в Мавританской Тингитане стояли колонны с финикийскими письменами следующего содержания:

«Мы те, кто бежали от разбойника Иисуса, сына Навина».

Некоторые полагают, что эти закаленные мореплаватели по Арктическим и Антарктическим водам стали предками тех племен, которые построили храмы и дворцы Паленки и Уксмала, Копана и Арика.^[372] Брасье де Бурбург дает нам много сведений о поведении, обычаях, архитектуре и искусстве, и, особенно, о магии и магах мексиканцев древности. Он повествует нам, что баснословный герой и величайший из их магов, возвращаясь из долгого путешествия, посетил царя Соломона во время строения храма. Этот Вотан кажется идентичным со страшным Кецалькоатлем, который появляется во всех мексиканских легендах; довольно любопытно, что эти легенды поразительно напоминают библейские повествования евреев о хивитах, потомках Хета, сына Ханаана. Записи сообщают нам, что Вотан «снабдил Соломона наиболее ценными деталями, что касается людей, животных, растений, золота и драгоценного дерева страны Запада», но категорически отказался что-либо сообщить о морском пути и способах достижения этого таинственного континента. Соломон сам рассказывает об этом собеседовании в своем *«Повествовании о чудесах вселенной»*, причем глава «Вотан» аллегорически фигурирует под именем «Змей мореходства». Стивенс, проникнувшийся надеждами, «что будет найден ключ, более верный, чем розетский камень, при помощи которого можно будет прочесть американские иероглифы» [363, т. II, с. 457], говорит, что существует поверье, что потомки касиков и ацтекских подданных все еще живут в неприступных твердых Кордильеров,

«в диких местах, куда никогда еще не проникал белый человек... живут там, как

жили их отцы, воздвигая такие же здания... со скульптурными украшениями и штукатуркой; там обширные дворы и высокие башни с высокими лестницами; и эти потомки все еще вырезают на табличках из камня те же самые таинственные иероглифы». – Он добавляет, – «Я обращаюсь к той обширной и неисследованной области, которую ни одна дорога не пересекает, и где моя фантазия рисует таинственный город, видимый с высочайшего хребта Кордильеров, – город непокоренных, никем непосещаемых и неисследованных туземных обитателей».

Кроме того факта, что этот таинственный город на далеком расстоянии увидели некоторые отважные путешественники, нет никакой существенной невероятности в том, что он существует, так как никто не может сказать, что стало с местным населением, которое бежало от жадных разбойников Кортеса и Писарро? Доктор Чадди в своем труде о Перу рассказывает нам индейскую легенду о караване из 10000 лам, нагруженных золотом, чтобы внести выкуп за несчастного Инку. Движение каравана в Андах было приостановлено известием о смерти Инка, и все это огромное сокровище было умело захоронено так, что до сих пор никакого следа не найдено. Чадди так же, как и Прескотт и другие писатели, сообщает нам, что индейцы до сегодняшнего дня сохраняют свои древние традиции и касту священнослужителей; что они полностью подчиняются приказам правителей, ими самими избранных, и в то же время они номинально считаются католиками и перуанскими гражданами. Между ними по-прежнему в ходу магические церемонии, практиковавшиеся их предками, и происходят магические феномены. Они настолько непоколебимы в своей приверженности к прошлому, что кажется невозможным, чтобы не существовало какого-то центрального источника власти, который постоянно подкрепляет их веру, поддерживает в ней жизнь. Не может ли быть, что источник такой неумирающей веры лежит в том таинственном городе, с которым они поддерживают тайные связи? Или мы опять должны думать, что все вышесказанное нечто иное как «любопытное совпадение»?

Сообщение о таинственном городе было сделано Стивенсу неким испанским Падре в 1838-39 гг. Этот священник поклялся Стивенсу, что он видел этот город своими собственными глазами и рассказал некоторые подробности, в истинность которых путешественник крепко верил.

«Будучи священником в небольшом селении близ развалин Санта Круз дел Квиче, он услышал о неизвестном городе, находясь в деревне Чаджул... Он был тогда молод и с большим трудом взобрался на оголенную вершину высочайшего хребта Кордильер. Достигнув высоты десяти или двенадцати тысяч футов, он взглянул на огромную равнину, простирающуюся до Юкатана и Мексиканского пролива, и увидел на далеком расстоянии большой город, занимающий большое пространство, с белыми башенками, блиставшими на солнце. Предание говорит, что нога белого человека никогда не вступала в город; что обитатели говорят на языке майя и знают, что чужеземцы завоевали всю страну; они убивают каждого белого человека, который пытается проникнуть на их территорию... У них нет денег; нет лошадей, скота, мулов или каких-либо других домашних животных, за исключением домашней птицы, а петухов они держат под землей, чтобы не слышно было их крика».

Почти то же самое было рассказано нам лично около двадцати лет тому назад одним старым туземным священником, с которым мы встретились в Перу и с которым у нас установились деловые связи. Он прожил всю жизнь, напрасно пытаясь скрыть свою ненависть к

завоевателям – «разбойникам», как он их называл; и он признался, что он поддерживает дружбу с ними и с католической церковью только ради своего народа, а в душе своей он – солнцепоклонник, каким он был всегда. В качестве «обращенного» туземца-миссионера он путешествовал, был в Санта Круз и, как он торжественно утверждал, посетил некоторых из своих родственников по подземному ходу, ведущему в таинственный город. Мы верим его рассказу, ибо человек, которому вскоре предстоит умереть, не станет изобретать пустых басен, а его повествование подтверждено также «Путешествием» Стивенса. Кроме того, нам известны еще два других города, которые совершенно неизвестны европейским путешественникам; тут дело не в том, что их обитатели очень желают оставаться в неизвестности, ибо люди из буддийских стран иногда их посещают. Но их города не занесены ни на европейские, ни на азиатские карты. Из-за слишком ретивых и предприимчивых христианских миссионеров и, возможно, еще и по другим более таинственным причинам то малое количество туземцев, которые знают о существовании этих двух городов, никогда о них не упоминают. Природа приготовила странные укрытия и сокровенные уголки для своих любимцев и, к сожалению, далеки те места от так называемых цивилизованных стран, где человек может поклоняться своему божеству так, как поклонялись его отцы.

Даже эрудированный и трезвомыслящий Макс Мюллер как-то бывает не в состоянии избавиться от *совпадений*. Они приходят к нему в виде самых неожиданных открытий. Например, мексиканцы, чье покрытое мраком происхождение, по законам вероятности, ничем не связано с арийцами Индии, тем не менее, подобно индусам, смотрят на лунное затмение, как на момент, когда «дракон проглатывает луну» [47, т. ii, с. 269]. И хотя профессор Мюллер признает, что об исторических сношениях этих двух народов подозревал Александр фон Гумбольдт, и он сам считает это возможным, все же, он добавляет,

«такие факты не должны быть результатом каких-либо исторических сношений. Как мы уже упоминали выше, происхождение аборигенов Америки есть спорный вопрос для тех, кто заинтересованы в установлении родства и передвижений народов».

Несмотря на труд Брасье де Бурбурга и его тщательный перевод знаменитого «Пополь-Вуху», авторство которого приписывается Икстлилксочитлу, исследователь древности после тщательного взвешивания его содержания остается в таком же мраке, как и до этого. Мы прочитали «Пополь-Вух» в его первоначальном переводе и также прочитали его обзор, сделанный Максом Мюллером, и из первого хлынул свет такой яркости, что нет ничего удивительного, что сухой скептический ученый был им ослеплен. Но поскольку автора можно судить по его произведениям, профессор Макс Мюллер не является предвзятым скептиком, и, кроме того, мало значительного ускользает от его внимания. Как же это теперь случилось, что человек с такой огромной и редко встречаемой эрудицией, которому привычно одним единым взглядом охватывать традиции, религиозные обычаи и суеверия народов, усматривающий малейшее сходство и уделяющий внимание мельчайшим деталям, как же он не придал никакого значения или даже не заподозрил того, что смиренный автор настоящего труда, не обладающий ни тренировкой ученого, ни эрудицией, усмотрел с первого взгляда? Каким ошибочным и необоснованным ни показалось бы многим это замечание, но нам кажется, что наука больше теряет, чем выигрывает от того, что она пренебрегает древней и даже средневековой эзотерической литературой или, вернее, тем, что от нее осталось. Тому, кто посвятит себя такому изучению, многие совпадения преобразуются в естественные результаты предшествующих, поддающихся демонстрированию причин. Мы думаем, что мы понимаем, в чем дело, когда профессор Мюллер признается, что

«время от времени... кажется, что видишь определенные периоды времени и вехи, но на следующей странице все опять только один хаос» [366, с. 327].

Разве не может быть, что этот хаос усиливается от того факта, что большинство ученых, направляя все свое внимание на историю, пропускают все то, что они считают «смутным, противоречащим, волшебством, абсурдным». Несмотря на ощущение, что тут «была основа благородных возвышенных концепций, которые теперь покрыты и искажены позднейшими наслоениями фантастической чепухи», профессор Мюллер не может удержаться от приравнивания этой чепухи к «Сказкам тысячи и одной ночи».

Мы далеки от смешной претензии критиковать столь достойного и заслуживающего восхищения за свою ученость профессора, как Макс Мюллер. Но мы не можем не сказать, что даже среди фантастической чепухи «Сказок тысячи и одной ночи» кое-что было бы достойно внимания, если бы оно помогало распутать какую-либо историческую истину. Гомеровская «Одиссея» по фантастической бессмыслице превосходит все сказки тысячи и одной ночи, вместе взятые; и все же несмотря на это, многие из этих мифов, как теперь доказано, оказались еще чем-то, а не только творением фантазии старого поэта. Ластригониане, которые пожрали спутников Улисса, теперь отождествлены с громадного роста канныбальским племенем, в далеком прошлом обитавшем в пещерах Норвегии.^[373] Путем новых открытий геология установила истинность некоторых утверждений Гомера, которые в течение многих веков считались поэтическим вымыслом. Постоянный день, при свете которого жили ластригониане, указывает, что они были обитателями Северного мыса, где все лето не заходит солнце. Норвежские фиорды в совершенстве описаны Гомером в его «Одиссее», X, 110; а гигантский рост ластригониан доказан нахождением человеческих костей необычных размеров, обнаруженных в пещерах, расположенных близ этой области; геологи считают, что это кости расы людей, вымершей задолго до появления арийцев. Харибда, как мы уже видели, была опознана в Мальстреме, а передвигающиеся утесы [269, xii, 71] – в айсбергах арктических морей.

Если последовательные попытки сотворения человека, описанные в «Quiche Cosmogony», не дают примеров для сравнения с некоторыми апокрифами еврейских священных писаний и каббалистическими теориями творения, то это, действительно, странно. Даже «Книга Яшер», считающаяся грубой подделкой двенадцатого века, может дать более, чем один ключ, чтобы проследить связь между населением Ура Халдейского, где до дней Авраама процветала магия, и населением Центральной и Северной Америки. Божественные существа, «низведенные до уровня человеческой натуры», не совершают чудес или трюков более странных и невероятных, чем чудеса Моисея и магов фараона, тогда как многие из них в точности сходны по своей натуре. И когда, кроме того, в добавление к последнему факту, мы обнаруживаем большое сходство между некоторыми каббалистическими терминами, общими для обоих полушарий, то тут должно быть нечто большее, чем просто случайное совпадение, чтобы объяснить это обстоятельство. Многие из таких фактов имеют общий корень происхождения. Повествование о двух братьях в Центральной Америке, которые, прежде чем отправиться в путь в Ксибалбу, «посадили каждый по тростнику в середине бабушкиного дома, чтобы она по их разрастанию или увяданию могла знать, живы ли они или мертвы» [47, с. 268], находит себе аналогию в поверьях многих стран. В «Народных сказаниях и преданиях» Захарова (Россия) можно найти подобное же повествование и проследить это верование в разных других легендах. И все же эти сказания попали в Россию задолго до того, как открыли Америку.

Узнавая в богах Стоунхенджа дельфийских и вавилонских богов ничуть не следует удивляться; Бэл и Дрэгон, Аполлон и Питон, Озирис и Тифон – все одно и то же под многими именами, и они путешествовали далеко и широко. Ирландский Бот-ал прямо указывает на своего

греческого прародителя Бэтинос и кanaanского Бет-эл.

«История», – говорит Х. дэ ла Виллемарк, – «которая в те далекие века не делала записей, может заявлять о своем незнании, но научное языковедение подтверждает данные филологии со все возрастающей достоверностью и снова соединяет вместе звенья одной цепи, едва не оборвавшейся между Востоком и Западом».^[374]

Настолько же замечательно и открытие подобного сходства между мифами Востока и древними русскими сказаниями и преданиями, ибо вполне естественно искать сходства между верованиями семитических и арийских семейств. Но когда мы обнаруживаем почти полное тождество между характерными признаками Царевны Милитриссы с луною над лбом, которая находится в постоянной опасности быть захваченной Змеем Горынычем (или Драконом), который играет такую выдающуюся роль во всех русских народных сказках; и обнаруживаем подобных же действующих лиц в мексиканских легендах, – до малейших деталей включительно, – то мы можем задержаться и спросить самих себя, нет ли здесь чего-то большего, чем простое совпадение.

Эта традиция о Драконе и Солнце, – иногда замененном Луною, – вызвала эхо в отдаленнейших частях всего мира. Это можно легко объяснить тем, что когда-то существовала единая всемирная религия поклонения солнцу. Было время, когда Азия, Европа, Африка и Америка были покрыты храмами, посвященными Солнцу и драконам. Священнослужители принимали имена своих божеств и, таким образом, традиции о них распространились сетью по всему миру:

«Бэл и Дрэгон всегда фигурировали вместе, и священнослужитель религии офитов обычно принимал имя своего бога» [355, т. xxv, с. 220].

Но все же, «если первоначальная концепция естественна и понятна... и ее распространение не должно быть результатом каких-либо исторических обобщений», как говорит нам профессор Мюллер, то подробности настолько поразительно сходны, что мы не можем удовлетвориться до тех пор, пока эта загадка не будет полностью разгадана. Так как происхождение этого всеобщего символического поклонения сокрыто во тьме времен, то у нас гораздо больше шансов открыть истину прослеживанием этих преданий до самих их истоков. А где истоки? Кирхер приписывает происхождение религии офитов и поклонения солнцу, формы конических памятников и обелисков египетскому Гермесу Трисмегисту [355, т. XXV, с. 292]. Где же тогда, как не в герметических книгах, мы должны искать желаемую информацию? Можно ли поверить, что современные писатели могут знать больше или столько же о древних мифах и культах, чем люди, преподававшие их своим современникам? Ясно, что тут необходимы две вещи: первая, нужно найти нехватящие *Книги Гермеса*; вторая, нужен ключ к их пониманию, ибо одного чтения недостаточно. Если этого нет, то наши ученые предоставлены бесплодным спекуляциям, догадкам, так же, как наши географы, которые сейчас тратят свою энергию в напрасных поисках истоков Нила. Истинно, земля Египетская – второе обиталище тайны!

Не теряя времени на спор о том, был ли Гермес «Князем слепопотопной магии», как его называет де Мюссе, или допотопным, что гораздо более вероятно, одно можно сказать определенно: подлинность, надежность и полезность *Книг Гермеса* – или, вернее, того, что осталось от тридцати шести сочинений, приписываемых египетскому магу, – полностью признаны Шампольоном-младшим и подтверждены Шампольоном-старшим, который их упоминает. Если путем просмотра каббалистических трудов, которые все ведут свое происхождение из универсального хранилища эзотерических познаний, мы находим факсимиле многих так называемых чудес, сотворенных искусством магии, равно воспроизведенными

Квише; и даже если во фрагментах, оставшихся от подлинного «Пополь-Вуха» имеется достаточно свидетельств, что религиозные обычаи мексиканцев, перуанцев и других американских народов были почти идентичны с религиозными обычаями древних финикийцев, вавилонян и египтян; и если, кроме того, мы обнаруживаем, что многие из их религиозных терминов имеют этимологически то же самое происхождение, то как мы можем не думать, что они являются потомками тех, чьи предки «убегали от разбойника Иисуса, сына Навина»?

«Нунец де ла Вега говорит, что Нин или Аймос Дзендалес был Нинус вавилонян» [368, с. 52].

Возможно, что до сих пор это могло быть совпадением, так как отождествление одного с другим покоится на слабых аргументах.

«Но известно», – добавляет де Бурбург, – «что этому принцу, а по другим источникам его отцу Белу или Ваалу, воздавались, подобно Нину Дзендалесу, почести от подданных под видом змея».

Последнее утверждение, кроме того, что оно фантастично, нигде в вавилонских летописях не подтверждается. Совершенно верно, что финикийцы изображали солнце в виде дракона. Но то же самое делали все другие народы, которые символизировали своих солнечных богов. Бел, первый царь ассирийской династии, был, – по данным Кастора и Евсевия, который его цитирует, – обожествлен, то есть его причислили к богам только «после смерти». Таким образом, ни он сам, ни его сын Нинус или Нин не могли принимать подданных под видом змея, что бы ни делал Дзендалес. Бел, по мнению христиан, есть Ваал; а Ваал есть Дьявол с тех пор, как библейские пророки начали обозначать этим именем каждое божество соседа. Поэтому Бел, Нинус и мексиканский Нин являются змеями и дьяволами. И так как Дьявол, или отец зла, один и тот же в различных формах, то, под каким бы именем он ни появлялся – он есть Дьявол. Странная логика! А почему не сказать, что ассириец Нинус, изображаемый как муж и жертва честолюбивой Семирамис, был верховным жрецом и также царем своей страны, и что в качестве такового он носил на своей тиаре священные эмблемы дракона и солнца? Кроме того, так как священнослужитель вообще принимал имя своего бога, про Нинуса говорят, что он принимал своих подданных в качестве представителя змея-бога. Идея эта, главным образом, римско-католическая и мало что значит, как и все их выдумки. Если Нунец де ла Вега столь стремился установить родство между мексиканцами и библейскими поклонниками солнца и змея, то почему он не показал другого и более лучшего сходства между ними, без захода к ниневитянам и Дзендалям, без копыт и рогов христианского Дьявола?

Для начала он мог бы указать на «Хроники» Фуэнтеса королевства Гватемалы и на «Манускрипт» дона Жуана Торреса, внука последнего короля Квише. Про этот документ говорят, что им владел лейтенант-генерал, назначенный Педро де Алварадо, и что в нем сказано, что сами толтеки произошли из дома Израилева, и что их отпустил Моисей, но впоследствии, после перехода через Красное море они впали в язычество. После этого, освободившись от своих спутников и под руководством вождя по имени Тануб, они пустились путешествовать из одного континента в другой и пришли на место, именуемое Семь пещер в королевстве Мексика, где они основали знаменитый город Тула и т. д. [363]

Если этому сообщению не было оказано больше доверия, чем оно заслуживает, то это просто вследствие того факта, что оно прошло через руки отца Френсиса Баскуэса, историка ордена святого Франциска, и это обстоятельство, выражаясь словами, употребленными де Мюссе, в связи с сочинением бедного расстриженного аббата Хака, «не рассчитано на усилие нашего доверия». Но имеется нечто другое, настолько же значительное, если не более

значительное, что, как видно, избежало фальсификации ревностных католических «падрес» и опирается, главным образом, на индейскую традицию. Один знаменитый царь тольтеков, чье имя упоминается в вещих легендах об Утатлане, разрушенной столице Индейского царства, носил библейское имя Валам Акан; первое имя явно халдейское и напоминает сразу же Валаама и его говорящего по-человечески осла. Кроме сообщения лорда Кингсбороу, который обнаружил поразительное сходство между языками ацтеков и евреев, многие фигуры на барельефах Паленки и идолы из терракоты, найденные в земле в Санта Круз дел Квиче, имеют на голове повязки с квадратной выпуклостью на них спереди на лбу, очень похожую на филактерии, носимые в старину еврейскими фарисеями во время молитвы и даже просто набожными евреями и доньше, в особенности евреями России и Польши. Но так как это может быть только нашей фантазией, мы не будем настаивать на подробностях.

По свидетельству древних, подтвержденному современными открытиями, мы знаем, что в Египте и в Халдее существовало много катакомб, причем некоторые из них простирались далеко. Наиболее прославленными из них были подземные святилища Фив и Мемфиса. Первые, начавшись на западной стороне Нила, простирались по направлению Ливийской пустыни и были известны, как *Змеиные* катакомбы или проходы. Вот там совершались священные мистерии *kēklos anōgkūs*, «Неизбежного цикла», более известного под названием «Цикла необходимости», неумолимого приговора, ожидающего каждую душу после телесной смерти, когда она прошла суд в области Аменти.

В книге де Бурбурга, Вотан, мексиканский полубог, повествуя о своей экспедиции, описывает подземный ход, который тянется под землей и оканчивается у корней неба, добавляя, что этот подземный ход был змеиным ходом, «*un ahugero de colubra*»; и что его допустили туда лишь потому, что сам он был «сыном змея» или змеем [368, 53, 7-62].

Это действительно очень многозначительно, так как его описание змеиного хода является описанием древнеегипетского святилища, выше упомянутого нами. Кроме того, иерофанты Египта и Вавилона, вообще, титуловались «сыновьями бога-змея», или «сыновьями дракона»; и не потому, – как хотел бы де Мюссе, чтобы читатели думали, – что они потомство Сатаны-инкуба, древнего змея Эдема, а потому, что в мистериях змей был символом мудрости и бессмертия.

«Ассирийский священнослужитель всегда носил имя своего бога», – говорит Моверс [89, 70].

Друиды кельто-британских областей также называли себя змеями. «Я – Змей, Я – Друид!» – восклицали они. Египетский Карнак есть брат-близнец Карнаку Бретонскому, и последний Карнак означает «змеиная гора». Драконтия когда-то покрывала поверхность земного шара, и эти храмы были посвящены дракону только потому, что он был символом солнца, которое, в свою очередь, было символом высочайшего бога – финикийского Элона или Элиона, которого Авраам признавал под именем Эл Элион.^[375] Кроме прозвища «змей», их называли «строителями», «архитекторами», ибо невероятное величие их храмов и памятников было таково, что даже теперь, рассыпавшиеся в прах их остатки «приводят в ужас математические вычисления современных инженеров», – говорит Тальезин.^[376]

Де Бурбург намекает, что вожди, носящие имя Вотана, Кецаль-Коатля или бога-змея мексиканцев, являются потомками Хама и Канаана.

«Я – Хивим», – говорят они. – «Будучи Хивимом, я происхожу из великой расы дракона (змея). Я сам змей, ибо я Хивим» [368, 51].

И де Мюссе, обрадовавшись, так как он сам честно верит в змеиный, вернее, дьявольский след, спешит объяснить:

«По мнению наших наиболее ученых комментаторов нашего Священного писания, *чивим* или *хивим* или хевиты происходят от Хета, сына Канаана, сына Хама... проклятого!» [100, 50]

Но современные исследования доказали с безупречной достоверностью, что вся генеалогическая таблица десятой главы «Книги Бытия» относится к воображаемым героям, и что заключительные стихи девятой главы мало чем лучше отрывка халдейской аллегории о Сисутрусе и мифическом наводнении, скомпилированной и приспособленной, чтобы соответствовать Ноевской схеме. Но предположим, что потомки этих канаанитов, «проклятые», возмутились бы за незаслуженное оскорбление? Им было бы легко «перевернуть столы» и ответить на этот выпад, обоснованный на *басне*, *фактом*, доказанным археологами и исследователями символов – а именно, что Сет, третий сын Адама и предтеча всего Израиля предок Ноя, и предок «избранного народа» есть никто другой, как Гермес, бог мудрости, также называемый Тот, Тат, Сеф, Сет и Сат-ан; и что он, кроме того, будучи рассматриваем в своем плохом аспекте, является Тифоном, египетским Сатаной, который также был Сет. Ибо для еврейского народа, чьи хорошо образованные люди рассматривают «Книги Моисея» так же, как Филон, или историк Иосиф, не иначе как аллегориями, это открытие мало значит. Но для христиан, которые, подобно де Мюссе, очень неразумно принимают библейские повествования как буквальную историю, это обстоит совсем по-другому.

Поскольку дело идет об установлении связей, мы соглашаемся с этим набожным писателем, и каждый день мы настолько же убеждены, что происхождение некоторых народов Центральной Америки может быть прослежено назад до финикийцев и Моисеевых израильтян, насколько мы убеждены в том, что впоследствии будет доказано, что последние упорно придерживались того же идолопоклонства – если это есть идолопоклонство – поклонения солнцу и змею, как и мексиканцы. Налицо библейское свидетельство, что двое из сыновей Иакова – Леви и Дан, а также Иуда, женились на женщинах канаанитов и поклонялись богам своих жен. Разумеется, каждый христианин будет протестовать против этого, но доказательство можно найти даже в переведенной Библии, как бы подчищена она ни была. Умиравший Иаков так описывает своих сыновей:

«Дан», – говорит он, – будет *змеем* на дороге, *аспидом* на пути, уязвляющим пяту коня, так что всадник его упадет назад [то есть, он будет учить *черной магии*] ... На помощь твою надеюсь, Господи!» – О Симеоне и Леви этот патриарх (или Израиль) говорит, что они – «братия; орудия *жестокости* мечи их; орудия *жестокости* мечи их. В совет их да не *внидет* душа моя и к *собранию* их да не приобщится слава моя». [Бытие, XLIX].

В подлиннике слова «их секреты» читаются – их *Сод*.^[377] А *Сод* было названием великих мистерий Ваала, Адониса и Вакха, которые все были солнечными богами и имели своим символом змея. Каббалисты объясняют аллегорию огненных змеев, говоря, что это было название, данное племени Левия, короче говоря, всем левитам, и что Моисей был главою *содалов*.^[378]

Несколько историков древности упоминают Моисея, как египетского священнослужителя. Мането говорит, что он был иерофант Хиерополиса и священнослужитель солнечного бога Озириса, и что его имя было Озарсиф. Те наши современники, которые принимают, как факт, что он «был обучен *всей* мудрости» Египта, должны также принимать правильное истолкование слова «мудрость», которое известно по всему миру как синоним *посвящения* в тайны мистерий *магов*. Разве читателю Библии никогда не приходила в голову идея, что чужестранец, родившийся и воспитанный в иностранном государстве, *не мог* быть допущен – не будем уже говорить о допущении к последнему посвящению, к величайшей тайне изо всех – даже к тому

познанию, каким обладало низшее жреческое сословие, прошедшее *малые* мистерии? В «Книге Бытия», XLIII, 32, мы читаем, что ни один египтянин не мог садиться есть хлеб с братьями Иосифа, «потому что это мерзость для Египтян». Но что египтяне были «обедавшим с ним (с Иосифом)». Вышеизложенное доказывает два обстоятельства: 1) что Иосиф, каким бы он ни оставался в сердце своем, переменил, хотя бы внешне, свою религию, женился на дочери священнослужителя «идолопоклоннической» нации и стал египтянином. Иначе египтяне не стали бы есть с ним хлеб. И 2) что, следовательно, Моисей, если и не был египтянином по рождению, то стал таковым тем, что его допустили до сана священнослужителя и таким образом он являлся СОДАЛОМ. В заключение повествование о «медном змее» (Кадуцея Меркурия или Асклепия, сына солнечного бога Аполлона-Питона) становится логическим и естественным. Мы не должны забывать, что дочь фараона, которая спасла Моисея и усыновила его, названа Иосифом Термутис, а это имя, по данным Уилкинсона, есть название *аспида*, священной змеи Изиды;^[379] кроме того, про Моисея сказано, что он произошел из племени *Леви*. Каббалистические идеи о «Книгах Моисея» и о самом этом великом пророке мы изложим с большей полнотой во II томе этого труда.

Если Брасье де Бурбург и Шевалье де Мюссе так близко принимали к сердцу идею проследить тождественность мексиканцев с канаанитами, они могли бы найти гораздо лучшие и веские доказательства, чем выставление обоих в качестве «проклятых» потомков Хама. Например, они могли бы указать на Наргала, халдейского и ассирийского главу магов, (Раб-Маг), и на Нагала, верховного колдуна мексиканских индейцев. Оба названия являются производными от Нергал-Сарезера, ассирийского бога; и оба обладают теми же способностями или силами иметь прислуживающего *демона*, с которым они полностью отождествляются. Халдейский и ассирийский Наргал держал своего демона в виде какого-нибудь животного, считающегося священным, внутри храма; индейский Нагал держит своего где только может – в соседнем озере или лесу, или дома в виде домашнего животного [369, с. 135—574].

Мы нашли, что газета «*Католический мир*» в одном из недавних номеров горько жалуется, что старый языческий элемент у туземных обитателей Америки до сих пор не совсем еще умер в Соединенных Штатах. Даже там, где племена уже давно находятся под заботой христианских учителей, даже там втайне отправляются языческие обряды, и тайное язычество, или *змеепоклонство*, процветает поныне, как и в дни Монтесумы. Там сказано:

«Змеепоклонство и поклонение-вуду», – как газета называет эти две странные секты, – «являются настоящим *поклонением дьяволу*. В докладе, адресованном Кортесу в 1812 г... Дон Педро Баптиста Пино сообщает: «Все пуэблос имеют свои *артуфас* – так туземцы называют свои подземные помещения с одной единственной дверью, где они собираются, чтобы пировать и производить совещания. Эти помещения являются храмами... и их двери для испанцев всегда закрыты».

«Обитатели этих пуэблос, несмотря на власть, какую религия над ними имеет, не могут забыть и части тех верований, которые были им переданы, и которые они тщательно передадут своим потомкам. Отсюда у них то обожание, какое они оказывают солнцу, луне и другим небесным телам, то уважение, с каким они относятся к огню и т. д.»

«Кажется, что главы пуэбло являются в одно и то же время священнослужителями; они выполняют различные простые обряды, по которым в них призывают власть солнца и Монтесумы, а также власть и силу (по некоторым отчетам) Великого Змея, на которого, по приказу Монтесумы, они должны смотреть как на жизнителя. Также

они совершают богослужения, когда надо вымалывать дождь. Существуют произведения живописи, изображающие Великого Змея вместе с несчастным красноволосым человеком, якобы Монтесумой. В 1845 г. в пуэбло Лагуна имелся грубый идол, похожее изображение Монтесумы, представляющее одну только голову».^[380]

Полное тождество обрядов, церемоний, традиций и даже имен божеств между мексиканцами, древними вавилонянами и египтянами является достаточным доказательством, что Южная Америка была заселена колонией, которая таинственным образом переправилась через Атлантический океан. Когда? В какой период? По этому вопросу история молчит; но те, кто считают, что нет освященного веками предания без некоторого осадка истины на его дне, верят в предание об *Атлантиде*. Существует рассеянная по всему миру горсточка вдумчивых одиноких исследователей, которые проводят свои жизни, оставаясь незамеченными, далекими от шума внешнего мира, и изучают великие проблемы физической и духовной вселенной. Они имеют свои тайные летописи, в которых сохраняются плоды ученых трудов длинного ряда отшельников, наследниками и продолжателями дела которых они являются. Познания их древних предков, мудрецов Индии, Вавилонии, Ниневи и царственных Фив; легенды и традиции с комментариями на них Солона, Пифагора и Платона из мраморных залов Гелиополиса и Сайза, традиции, которые в их время уже казались чуть просвечивавшими через мгlistую завесу прошлого, – все это и еще гораздо более занесено на неразрушающиеся пергаменты и передается с огромнейшей заботой от одного адепта другому. Эти люди верили в повествование об Атлантиде, они знали, что это не басня, и утверждали, что в различные эпохи прошлого, огромные острова и даже материки существовали там, где теперь бушуют лишь пустынные водные пространства. В их потонувших храмах и библиотеках археолог нашел бы, если бы он мог исследовать, материалы, чтобы заполнить пробелы в том, что представляем себе, как *историю*. Говорят, что в отдаленную эпоху путник мог пересечь то, что теперь является Атлантическим океаном, почти во всю длину по суше, переезжая лишь на лодках с одного острова на другой, где в то время существовали лишь узкие проливы.

Наше подозрение, касающееся цис-атлантических и трансатлантических рас, усиливается после прочтения чудес, сотворенных Кецалькоатлем, мексиканским магом. Его жезл, должно быть, близкая родня традиционному сапфировому жезлу Моисея, жезлу, процветшему в саду Рагуэл-Йетро, его тестя, и на котором было выгравировано священное непроизносимое имя. Эти «четыре человека», описанные как реальные четверо предков человеческой расы, «которые не были ни зачаты богами, ни рождены женщинами», «но сотворение которых было чудом, сотворенным Творцом», и которые были сотворены после того, как три попытки создать людей потерпели неудачу, равно дают несколько поразительных подобий в эзотерических толкованиях герметистов;^[381] они также неоспоримо напоминают нам четверых сыновей божиих египетской теогонии. Кроме того, каждый придет к заключению, что подобие этого мифа повествованию, изложенному в «Книге Бытия», бросится в глаза даже поверхностному наблюдателю. Эти четыре предка «могли рассуждать и говорить, зрение их было безгранично, и они сразу узнавали все» [366]. Когда «они возносили благодарность Творцу за свое существование, *боги испугались*, и они выдохнули облако на глаза людей, чтобы они могли видеть только на определенном расстоянии и не были бы *похожи на самих богов*». Это имеет прямое отношение к фразе из «Книги Бытия»: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни» и т. д. И еще: «В то время, когда *они спали*, Бог дал им жен» и т. д.

У нас нет ни малейшего намерения непочтительно подсовывать идеи тем, кто настолько

мудры, что не нуждаются ни в каких намеках. Но мы не должны забывать, что подлинные трактаты по древней магии халдейского и египетского происхождения не разбросаны по публичным библиотекам и распродажам аукционистов. Что таковые существуют, это факт, известный многим исследователям сокровенного знания. Не имеет ли величайшего значения для каждого, изучающего древность, чтобы хоть поверхностно ознакомиться с их содержанием?

«Четверо предков человеческой расы», – добавляет Макс Мюллер, – «кажется, имели долгую жизнь, и когда, наконец, настало время умирать, они исчезли таинственным образом и оставили своим сыновьям то, что называется *сокровенное величие*, которое никогда не должно открываться человеческими руками. Что это было, мы не знаем».

Если здесь нет никакой связи между этим сокровенным величием и сокровенной славой халдейской *Каббалы*, которая, по преданию, оставлена Енохом после его таинственного вознесения, то мы не должны верить ни одному косвенному доказательству. Но, возможно, что эти четыре предка из киче-расы просто символизируют в своем эзотерическом значении четыре последовательных прародителей людей, упомянутых в «Книге Бытия», гл. I, II и VI? В первой главе первый человек двуполой – «мужским и женским сотворил он их» – что соответствует гермафродитным божествам последующих мифологий; второй, Адам, сделанный из «праха земного», однополой и соответствует «сынам Божиим» из главы VI; третьи по счету – великаны, или *нефилим*, на которых в Библии только намекается, но подробнее объяснено в другом месте; четвертые – родители людей, чьи дочери были красивы.

Пользуясь признанными фактами, что уже с отдаленнейших времен у мексиканцев были свои магии; что это же самое замечание приложимо ко всем древним религиям мира; что сильное сходство преобладает не только в формах их церемониальных богослужений, но даже в самих названиях, употребляемых для обозначения некоторых магических орудий, и, наконец, если все другие путеводные нити, в соответствии с научными выводами, окажутся несостоятельными (так как некоторые из них будут поглощены бездонной пропастью совпадений), то почему бы нам не обратиться к великим авторитетам по магии и не посмотреть, нет ли под этой «порослью фантастической чепухи» глубокого подسоя истины? Мы не хотим, чтобы нас неправильно поняли. Мы вовсе не отсылаем ученых к *Каббале* или к книгам по герметизму, чтобы они изучали магию, но направляем их к авторитетам по магии, чтобы открыть материалы для истории и науки. У нас нет ни малейшего помысла, чтобы навлекать на себя гневные поношения академиков неблагоприятным поведением подобно бедному де Мюссе, когда он пытался навязать им, чтобы они прочли его демонологические «Мемуары» и взялись за исследование Дьявола.

«Повествование Бернала Диаца де Кастила», одного из последовавших за Кортесом, дает нам некоторое понятие о чрезвычайной утонченности и уме народа, который они победили. Но это описание слишком длинное, чтобы приводить его здесь. Достаточно сказать, что ацтеки оказались более, чем в одном только отношении схожими с египтянами по цивилизации и утонченности. У обоих народов магия или сокровенная натурфилософия культивировалась в высочайшей степени. Добавим к этому, что Греция, «последняя колыбель искусств и науки», и Индия «колыбель религий», изучали и продолжают изучать ее и практиковать – и кто отважится дискредитировать ее и ее достоинство как предмета изучения, и ее глубину, как науки?

Никогда не было и не может быть больше, чем одна универсальная религия, ибо может быть только одна истина о Боге. Подобно огромной цепи, верхний конец которой, альфа, остается незримо эманурующим из божества, – находящегося в *statu abscondito* во всех примитивных

теологиях, – она окружает наш земной шар по всем направлениям; даже самого темного уголка она не оставляет непосещенным до того, как другой конец ее, омега, вернется обратно на свой путь, чтобы быть опять принятым обратно туда, откуда он сперва эманировал. На эту божественную цепь нанизан экзотерический символизм всех народов. Разнообразие их форм не в силах повредить их сущности, и под разными идейными типами материальной вселенной, символизируя оживляющие ее начала, нетленный нематериальный образ духа сущего, руководящего ими, остается тем же самым.

Настолько, насколько человеческий разум в состоянии углубиться в постижение духовной вселенной, в ее законы и силы, последнее слово было произнесено века тому назад; и если *идеи* Платона могут быть упрощены ради более легкого понимания, то дух их субстанции не может быть ни переделан, ни удален без нанесения вреда истине. Пусть человечество ломает голову еще тысячи лет; пусть богословие смущает веру и искажает ее, силою навязывая непостижимые догмы в метафизике; пусть наука подкрепляет скептицизм, разрушая шатающиеся остатки духовной интуиции в человечестве своими демонстрациями своей непогрешимости, вечная истина никогда не может быть разрушена. Мы находим последние возможные на человеческом языке выражения в персидском Логосе, *Хоновере* или в живом *проявленном* Слове Бога. Зороастрийский *Енох-Верихе* тождествен с иудейским «Я есмь»; и «Великий Дух» бедного необразованного индейца есть проявленный Брахма индийского философа. Один из последних, Чарака, индийский врач, про которого говорят, что он жил за 5000 лет до Христа, в своем трактате о происхождении всего, трактате, называемом «Юса», красиво выражается:

«Наша Земля, подобно всем светящимся небесным телам, которые нас окружают, есть только один атом огромного Целого, о котором мы высказываем мало понимания, называя его – Бесконечное».

«Есть только один свет, и есть только одна тьма», – гласит сиамская пословица. *Demon est Deus inversus*, – Дьявол есть тень Бога, гласит универсальная каббалистическая аксиома. Мог бы существовать свет, если бы не было первичной тьмы? И разве сияющая солнечная вселенная сперва не протягивала своих младенческих рук из пеленок темного и мрачного хаоса? Если христианская «*полнота Того, Кто наполняет все и вся*» является откровением, то должны также допустить, что если существует дьявол, то он должен быть включен в эту *полноту* и быть частью того, что «наполняет все и вся». С незапамятных времен пытались люди оправдать, обелить божество и отделить Его от существующего зла, и эта цель была достигнута древней восточной философией основанием *theodikū*; но их метафизические воззрения на *падшего* духа никогда не были искажены созданием антропоморфической личности Дьявола, как это впоследствии было сделано ведущими светилами христианского богословия. Личного беса, противодействующего божеству и препятствующего человечеству на его пути к совершенству, следует искать только на земле среди человечества, но не в небесах.

Таким образом получается, что все религиозные памятники старины, в какой бы они стране и в каком бы климате они ни находились, являются выражениями одних и тех же мыслей, ключ к которым находится в эзотерической доктрине. Без изучения последней, напрасны будут старания разгадать тайны, веками хранящиеся в храмах и развалинах Египта, Ассирии, Центральной Америки, Британской Колумбии и Нагкон-Ват Камбоджи. И хотя эти храмы были построены различными народами, и ни один из этих народов веками не имел сношений с другими народами, то также несомненно, что все они были запланированы и построены под непосредственным наблюдением священнослужителей. И духовенство всех народов, хотя и совершало обряды и церемонии, которые могли внешне отличаться друг от друга, очевидно,

было посвящено в те же самые традиционные мистерии, в которых учили по всему миру.

Чтобы дать возможность лучшего сравнения между образцами доисторической архитектуры, находимыми в наиболее противоположных точках планеты, нам нужно только указать на грандиозные индийские развалины Эллора в Деккане, мексиканские Чичен-Ица на Юкатане, и еще более величественные руины Копана в Гватемале. Они представляют такие черты сходства, что кажется невозможным избежать убеждения, что они были построены людьми, движимыми одними и теми же религиозными идеями, и что эти люди достигли равного уровня в высокой цивилизации, в искусствах и науках.

Вероятно, нет на всем нашем земном шаре более впечатляющей массы руин, чем Нагкон-Ват – диво и загадка для европейских археологов, которые отваживаются посетить Сиам. Иногда мы говорим «Руины», но навряд ли это выражение правильно, так как нигде в мире нельзя найти здания, которые, несмотря на невероятную древность, так хорошо сохранились, как Нагкон-Ват и развалины великого храма Ангкортом.

Сокрытый далеко в провинции Сиамрап – Восточного Сиама – среди роскошнейшей тропической растительности, окруженный почти непроницаемыми лесами пальм, какао-деревьями и орешником бетеля,

«чудесный храм прекрасен и романтичен так же, как и впечатляющ и величествен», – говорит мистер Винсент, недавний путешественник [371, с. 209]. «Мы, кому повезло жить в девятнадцатом веке, привыкли хвастать совершенством и превосходством нашей современной цивилизации, величием наших достижений в науке, искусстве, литературе и тому подобное, по сравнению с теми, кого мы называем древними; но мы все же вынуждены признать, что они далеко превзошли наши недавние свершения во многом, и особенно заметно в области изящных искусств – в живописи, архитектуре, скульптуре. Мы только что осматривали наиболее чудесный образец двух последних, ибо по стилю, красоте архитектуры, прочности постройки, великолепию тонко разработанной резьбы и скульптуры великий Нагкон-Ват не имеет равных – нет у него соперника в наши дни. Первое впечатление от него потрясающе».

Таким образом, мнение еще одного путешественника добавлено ко многим предшествующим, включая археологов и компетентных критиков, которые полагали, что руины прошлого египтян не заслуживают, чтобы их воспевали больше, чем Нагкон-Ват.

По нашему плану, мы предоставим более беспристрастным критикам, чем мы сами, описать это место, так как в труде, открыто провозгласившем цель реабилитации древних, свидетельство такого энтузиаста, как автор этой книги, может быть поставлено под вопрос. Тем не менее, мы видели Нагкон-Ват при чрезвычайно благоприятных обстоятельствах и поэтому можем засвидетельствовать общую правильность описания Винсента. Он рассказывает:

«Мы вступили на огромную мостовую, по сторонам лестниц которой стояли огромные грифоны, каждый высечен из единой цельной глыбы камня. Мостовая тянется на... 725 футов в длину и вымощена камнями по четыре фута в длину и два в ширину. По обеим сторонам ее находятся искусственные озера, питаемые родниками; каждое озеро занимает около пяти акров... Внешняя стена Нагкон-Ват (города монастырей) охватывает площадь в полмили в длину и полмили в ширину с воротами... которые покрыты прекрасной резьбой, изображающей богов и драконов. Фундаменты высотой в 10 футов... Все здание целиком, включая и крышу, построено

из камня, но без цемента, и так тесно камни приложены одно к другому, что даже теперь места их соединений едва заметны... Форма здания продолговатая около 796 футов в длину и 588 в ширину; в то время как высочайшая центральная пагода возвышается на 250 с лишним футов над землей; четыре других по углам двора каждая имеет высоту 150 футов».

Выделенные нами строчки многозначительны для путешественников, которые отметили и восхищались такой же самой каменной кладкой в развалинах Египта. Если не те же рабочие-каменщики клали здания в обоих странах, то мы, по меньшей мере, должны думать, что секрет этой несравненной кладки стен был известен архитекторам всех стран.

«Пройдя, мы поднимаемся на платформу... и входим в самый храм через обставленный колоннами портик, фасад которого покрыт прекрасными барельефами, изображающими древнемифологические сцены. От порога по обеим сторонам идет коридор, образуемый двумя рядами колонн, высеченных от основания до верху из цельных глыб; храм покрыт овальной формы крышей, покрытой резьбой и рядом скульптурных изображений по внешней стене. Эта галерея скульптур, которая образует экстерьер храма, состоит приблизительно из полмили непрерывных картин-барельефов, высеченных на плитах камня-песчаника в шесть футов в ширину; на них изображены сцены, взятые из индийской мифологии, из Рамаяны – санскритской эпической поэмы Индии, состоящей из 25000 стихов, описывающими подвиги бога Рамы, сына царя Айодхьи. Графически изображена борьба царя Цейлона и Ханумана, ^[382] обезьяньего бога. Арка этого коридора построена без замковых камней. На стенах скульптурные изображения 100000 отдельных фигур. Одна картина из «Рамаяны» ... занимает 240 футов стены... В Нагкон-Ват было насчитано 1532 колонны, а среди всех развалин Ангкора... такое громадное количество, как 6000, причем почти все они высечены из единой цельной глыбы и отделаны красивой резьбой...

Но кто построил Нагкон-Ват? и когда он был построен? Ученые люди пытались прийти к выводам по этим вопросам путем изучения его конструкции и, в особенности, орнаментации», – но это ничего не дало. – «Туземные камбоджийские историки», – добавляет Винсент, – «насчитывают 2400 лет со времени построения храма... Я спросил одного из них, как долго Нагкон-Ват строился... „Никто не может сказать, когда... Я не знаю; или он выскочил из земли, или его построили великаны, а может быть – ангелы“... – был ответ».

Когда Стивенс спросил туземных индейцев: «Кто построил Копан?.. какой народ начертал иероглифические надписи, высек эти изящные фигуры и резьбу, эти эмблематические знаки?» – в ответ звучало тупое «*Quien Sabe?*» – кто знает! «Все – тайна; темная непроницаемая тайна», – пишет Стивенс.

«В Египте колоссальные скелеты гигантских храмов стоят во всей наготе в пустыне. Здесь же необозримый лес обволок руины, скрыв их от взоров» [363, т. I, с. 105].

Но там, вероятно, имеются многие обстоятельства, кажушиеся пустяковыми археологу, незнакомому с «пустыми фантазиями» старинных легенд и поэтому пропущенными без

внимания; иначе открытие могло бы дать новое направление мыслей исследователям. Одним из таких неизменных обстоятельств является обязательное присутствие обезьян в египетских, мексиканских и сиамских храмовых развалинах. Египетские киноцефалы принимают те же позы, что и индийский и сиамский Хануман; и среди скульптурных фрагментов Копана Стивенс обнаружил остатки колоссальных обезьян или бабуинов,

«весьма напоминающих по очертаниям и внешности четырех чудовищных животных, которые когда-то стояли перед обелиском, у его основания в Луксоре, теперь – в Париже,^[383] и которым, под названием киноцефалов, поклонялись в Фивах».

Почти во всех буддийских храмах имеются идолы в виде обезьян, и некоторые люди держат в домах белых обезьян, чтобы «отогнать злых духов».

«Была цивилизация», – пишет Луи де Карне,^[384] – «в том сложном значении, какое мы придаем этому слову, распространена среди древних камбоджийцев, на что, кажется, их великие свершения в архитектуре указывают? Век Фидия был веком Софокла, Сократа и Платона; Микеланджело и Рафаэль появились вслед за Данте. Существуют блестящие эпохи, в течение которых человеческий разум, развиваясь по всем направлениям, торжествует во всем и создает шедевры, *которые возникают из одного и того же вдохновения*». «Нагкон-Ват», – заключает Винсент, – «должен быть приписан другим, а не камбоджийцам. Но кому?.. Нет достоверных преданий; все только нелепые басни или легенды».

Последнее выражение в последнее время стало чем-то вроде ходячей поговорки в устах путешественников и археологов. Когда они находят, что никакой путеводной нити нельзя достать, если ее нельзя найти в народных легендах, они отворачиваются разочарованные, и окончательный приговор не произносится. В то же время Винсент приводит цитаты писателя, который говорит, что эти развалины «настолько же впечатляющи, как развалины Фив или Мемфиса, но более таинственны». Моухот думает, что они были воздвигнуты «каким-либо древним Микеланджело» и добавляет, что Нагкон-Ват «величественнее, чем что-либо, оставленное нам Грецией или Римом». Далее Моухот это здание опять приписывает к каким-то *потерявшимся племенам Израиля*; в этом мнении его поддерживает Мише, Французский епископ Камбоджи, который признается, что он поражен «еврейским типом лиц многих дикарей Стивенса». Генри Моухот верит, что «безо всякого преувеличения древнейшим частям Ангкора может быть приписана давность более 2000 лет». Это, по сравнению с пирамидами, делает их совсем современными. Его данные более, чем невероятные, так как можно доказать, что настенная живопись относится к тем архаическим векам, когда по всему матерiku поклонялись Посейдону и кабирам. Если Нагкон-Ват был построен, как думает Адольф Бастиан,^[385] «для приема ученого Патриарха Буддхагхоша, который привез священные книги „Трай-Пидок“ из Цейлона, или, как думает епископ Палегуа, который „относит постройку этого здания к царствованию Пра Патум Сузивинга“, когда священные книги буддистов были привезены из Цейлона, и буддизм стал религиею камбоджийцев, тогда как можно объяснить нижеследующее?

«В этом самом храме мы видим разные изображения Будды, четырехрукие и даже тридцатидвухрукие, двуглавых и шестнадцатиглавых богов, индийского Вишну, богов с крыльями, бирманские головы, индийские фигуры и цейлонскую мифологию... Вы видите воинов верхом на слонах и на колесницах, пехотинцев со щитом и копьем, лодки, тигров, грифонов... змей, рыб, крокодилов, волов... солдат, физически чрезвычайно развитых, в шлемах и каких-то людей с бородами; вероятно, мавров.

Фигуры», – добавляет Винсент, – «стоят наподобие фигур на великих египетских памятниках, чуть повернувшись боком вперед... и я заметил, кроме того, двух всадников, вооруженных копьем и мечом, едущих рядом, наподобие тех, которые я видел на ассирийских табличках в Британском Музее» [371, с. 215].

Со своей стороны мы можем добавить, что на стенах несколько раз встречается изображение Дагона, человека-рыбы вавилонян, и кабирийских богов Самофракии. Возможно, что те несколько археологов, которые осматривали это место, не заметили их, но при более их внимательном обследовании они будут найдены так же, как известный отец кабиров – Вулкан, со всеми своими стрелами, около него царь с державным знаком в руке, дубликатом херонея или «державы Агамемнона», про которую говорят, что она была преподнесена хромым богом Лемноса. В другом месте мы находим Вулкана, узнаваемого по его молотку и клещам, но в виде обезьяны, как ее обычно изображают египтяне.

А теперь, если Нагкон-Ват является буддийским храмом, то почему на его стенах имеются барельефы чисто ассирийского характера и кабирийские боги, которые, хотя и являлись предметами поклонения как наиболее древние из богов азиатских мистерий, но уже были покинуты за 200 лет до Р. Х., и самофракийские мистерии совсем изменились? Откуда среди камбоджийцев популярная традиция о принце Раме, личности, упоминаемой всеми туземными историками, которые приписывают ему основание храма? Не просто ли возможно, что даже сама «Рамаяна», знаменитая эпическая поэма, есть только оригинал Гомеровской «Илиады», о чем уже говорилось несколько лет тому назад? Прекрасный Парис, уносящий Елену, не очень ли похож на Равану, царя великанов, удирающего с Ситой, женой Рамы? Троянская война – копия войны Рамаяны; кроме того Геродот уверяет нас, что троянские герои и боги ведут свое начало в Греции только со времени Илиады. И в таком случае даже Хануман, обезьяний бог, становится замаскированным Вулканом. Тем более, что камбоджийская традиция заставляет основателя Ангкора появиться из *Рима*, который они помещают на западном конце мира, и Рама индийцев также отводит запад потомкам Ханумана.

Каким бы гипотетическим ни показалось это высказывание, его стоит рассмотреть, даже хотя бы для того, чтобы отвергнуть. Аббат Жаквенэ, католический миссионер в Индо-Китае, всегда готовый какое-либо историческое сведение увязывать с христианским откровением, пишет:

«Будем ли мы рассматривать торговые связи евреев... когда, достигнув кульминации подъема, объединенные флоты Хирама и Соломона, отправились на поиски сокровищ Офира, или же спустимся ниже к рассеянию десяти племен, которые, вместо возвращения из плена, покинули берега Евфрата и дошли до берегов океана... сияющий свет откровения на Дальнем Востоке не станет от этого менее неопровержимым»

Несомненно, станет неопровержимым, если мы перевернем это высказывание и признаем, что весь свет, который когда-либо сиял на израильтян, пришел к ним из этого «дальнего Востока», пройдя сперва халдеев и египтян. Первое, что нужно установить, это узнать, кто такие были сами израильтяне; и это наиболее существенный вопрос. Кажется, что многие историки не без оснований считают, что евреи были сходны или тождественны с древними финикийцами, но финикийцы, вне всякого сомнения, принадлежали к эфиопской расе; кроме того, нынешний род панджабов смешан с азиатскими эфиопами. Геродот прослеживает евреев до Персидского залива, а к югу от этого места были химиариты (арабы); за ними ранние халдеи и сусиниане,

великие строители. Это, кажется, достаточно устанавливает их родство с эфиопами. Мегастен говорит, евреи представляли в Индии секту, называвшуюся *Каланы*, и их богословие напоминало богословие индийцев. Другие авторы также подозревает, что колонизированные евреи или иудеи, были ядус из Афганистана – древней Индии.^[386] Евсевий говорит нам, что «эфиопы пришли с реки Инд и поселились близ Египта». Дальнейшие исследования могут доказать индийские тамилы, которых миссионеры обвиняют в поклонении Дьяволу – Кутти-Саттане – только воздают почести Сету или Сатане, которого почитали библейские хиттиты.

Но если в сумерках истории евреи были финикийцами, то последних можно проследить до народов, которые говорили на старом санскрите. Карфаген был финикийским городом, отсюда его название; ибо Тир равно был *Картха*. В Библии часто встречаются слова *Кир*, *Кирджат*. Их местный бог назывался *Мел-Картха* (Мел, Ваал), или местный господь этого города. На санскритском языке город или община назывался кул, его владыка был *гери*.^[387] Гер-кулеус поэтому представляет перевод Мелкарта и происходит из санскрита. Кроме того, все племена циклопов были финикийские. В «Одиссее» киклопы (циклопы) являются ливийскими овечьими пастухами, а Геродот их описывает как горняков и великих строителей. Они суть древние титаны или великаны, которые у Гесиода куют стрелы для Зевса. Они же библейские *замзуммим* из страны великанов – Анаким.

Теперь легко понять, что землекопы Эллары, строители древних пагод, архитекторы Копана и развалин Центральной Америки, развалин Нагкон-Вата и остатков древнего Египта были если и не одной и той же расы, то по меньшей мере были одной и той же религии, религии, которая преподавалась в старейших мистериях. Кроме того, фигуры на стенах Ангкора чисто архаические и не имеют никакого отношения с изображениями Будды, которые могут быть позднейшего происхождения.

«Что придает особый интерес этой секции», – говорит доктор Бастиан, – «так это факт, что художник изобразил различные национальности со всеми их отличительными характерными чертами, начиная с плосконосого дикаря в одеянии с кистями из Пнома и коротковолосого лао, до прямоносого раджушта, с мечом и щитом, и *бородатого мавра*, давая, таким образом, каталог национальностей, подобно еще одной колонне *Траяна*, с подчеркиванием преобладающих физических черт по каждому народу. В целом преобладают такие *эллинские* черты и профили, так же как элегантные позы всадников, что можно подумать, что Ксенократы старины, закончив свои труды в Бомбее, совершили экскурсию на Восток».

Поэтому, если мы допустим, что племена Израиля принимали какое-либо участие в построении Нагкон-Вата, то этого не могло быть, когда племена размножались и пошли из пустыни Парана на поиски земли Ханаанской, это могли делать только их более ранние предки, что равносильно отрицанию существования таких племен, подобное отвержению отсвета откровений *Моисея*. И где, вне Библии, существует *историческое* свидетельство о том, что кто-либо, когда-либо слышал о таких племенах до того, как Ездра составил Ветхий Завет? Имеются археологи, которые убежденно считают эти двенадцать племен чисто мифическими,^[388] ибо никогда не существовало племени Симеона, а левиты были *кастой*. И все еще предстоит решить проблему – были ли, вообще, иудеи в Палестине до Кира. Начиная от сыновей Иакова, которые все были женаты на ханаанках, за исключением Иосифа, жена которого была дочерью египетского священнослужителя Солнца, вплоть до легендарной «Книги Судей» были общеприняты смешанные браки между упомянутыми племенами и идолопоклонниками

«И дети Израиля жили среди ханаанцев, хиттитов, и аморреев, и периззитов, и хивитов, и джебузитов; и они брали их дочерей себе в жены, отдавали своих дочерей их сыновьям и поклонялись их богам», – сказано в третьей главе «Книги Судей», – «...сыны Израилевы ... забыли Господа Бога своего, и служили Ваалу и Астарте».

Этим Ваалом был Молох, М'лх Карта, или Геркулес. Ему поклонялись везде, куда бы ни пошли финикийцы. Как могли израильтяне удержаться вместе, как племена, когда по свидетельству самой Библии целые народонаселения угонялись из года в год ассирийцами и другими завоевателями?

«И переселен Израиль из земли своей в Ассирию, где он и до сего дня. И перевел царь Ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарваима, и поселил их в городах Самарийских *вместо* сынов Израилевых» [2 Царей, XVII, 23-24].

Если язык Палестины стал со временем семитическим, то это вследствие ассирийского влияния; так как Финикия стала зависимой уже в дни Хирама, то финикийцы, очевидно, сменили свой язык с хамитского на семитический. Ассирия была «страною Нимврода» (от «нимр» – пятнистый), и Нимврод был Вакх с пятнистой леопардовой шкурой. Эта леопардова шкура является священным придатком «мистерий»; ею пользовались как в элевзинских, так и в египетских мистериях; ее находят на скульптурных изображениях в барельефах развалин Центральной Америки, где она покрывает спины жертвователей; она упоминается в древних размышлениях брахманов о значении их молитв жертвоприношения, в «Айтарейя-брахмана». ^[389] Её употребляют в *Агништом*, в *посвятительной церемонии* мистерии Сома. Когда неофиту предстоит «снова родиться», его покрывают леопардовой шкурой, из которой он потом появляется как из материнской утробы. Кабиры тоже были ассирийскими богами; у них были различные имена; в общем, обычном языке они были известны как Юпитер и Вакх, а иногда как Ахиохерс, Асхиерос, Ахиохерса и Кадмилл; и даже истинное количество этих божеств не было известно народу В «священном языке» у них были другие имена, известные только иерофантам и жрецам, и «закон не позволял их упоминать». Как же так получилось, что мы находим их воспроизведенными в их «самофракийских позах» на стенах Нагкон-Вата? И опять почему мы находим, что их имена произносятся, хотя, может быть, в слегка искаженном звучании, на том же самом священном языке населением Сиама, Тибета и Индии?

Имя кабиры может быть производным от, [...] *Абир*, великий; ..., *Эбир*, астролог, или [...], *Хабир*, соучастник; им поклонялись в Хеброне, в городе *анаков* – великанов. Имя Авраам, по словам доктора Уайлдера, имеет «очень кабирийский вид». Слово *Хебер*, или *Гебер* может быть этимологическим, корнем из еврейского в приложении к Нимвроду и библейским исполинам шестой главы «Бытия», но мы должны искать их происхождения значительно раньше, чем в дни Моисея. Название «финикиец» говорит само за себя. Мането их называл Φοινίκες, или Ф'Анакес, и что показывает, что Анакес или *Анаким* Ханааны, с которыми народ Израиля, если и не тождественный по происхождению, то, благодаря смешанным бракам, поглощенный ими целиком, были финикийцы, или спорные гиксосы, как излагает Мането, и которых Иосиф однажды объявил непосредственными предками израильтян. Вот почему мы должны в этой мешанине противоречивых мнений, авторитетов и исторической *olla podrida* искать разрешения этой тайны. До тех пор, пока происхождение гиксосов по-настоящему не установлено, мы ничего определенного не можем узнать об израильском народе, который или сознательно или неосознанно спутал свою хронологию и происхождение в такой нераспутываемый клубок. Но если можно бы доказать, что гиксосы были палийскими овечьими пастухами Индии, которые частью перекочевывали на Восток и пришли от кочующих арийских племен Индии, тогда, возможно, этим можно бы объяснить, почему библейские мифы так перепутались с арийскими и азиатскими богами мистерий. Как Данлэп говорит:

«Евреи появились среди ханаанцев из Египта; нет надобности искать их происхождение дальше „Исхода“. Это и есть их историческое начало. Очень легко прикрыть это далекое событие пересказами мифических традиций, снабдив их объяснениями, в которых боги (патриархи) должны фигурировать в качестве их предков».

Но это не *историческое начало*, что является наиболее животрепещущим вопросом для мира науки и богословия. Это их *религиозное начало*. И если мы сможем проследить его через гиксосов-финикийцев, эфиопских строителей и халдеев – то, независимо от того, получили ли они свое учение от индусов, или же брахманы получили его от халдеев, у нас будет в руках возможность проследить каждое так называемое *библейское откровение*, ставшее догматическим утверждением, до его истока, который нам нужно искать в сумерках истории до разделения арийских и семитических семейств. И как же нам можно сделать это лучше и увереннее, как не с помощью, оказываемой нам археологией? Живопись, картины могут быть уничтожены, но если они уцелели – они не могут лгать; и если мы находим те же самые мифы, идеи и символы с сокровенными значениями на памятниках по всему миру и если, кроме того, может быть, доказано, что эти памятники предшествовали двенадцати «избранным» племенам, тогда мы можем безошибочно доказать, что все это, вместо того, чтобы быть божественным *откровением*, есть ничто другое, как неполное припоминание или традиция у племени, которое отождествлялось и смешалось за века до появления Авраама со всеми тремя семействами народов мира, а именно – с арийскими, семитическими и туранскими народами, если так их можно называть.

Терафимы Авраамова отца, *Тераха*, «изготовителя изображений», были кабирийскими богами, и мы видим, что им поклонялся Михей Данитов, и другие.^[390] Терафимы были тождественны с серафимами, а последние были изображениями змеев, происхождение которых заключено в санскритском «сарпа» (змей), – это символ, посвященный всем богам в качестве символа бессмертия. *Киян*, или бог Киван, которому евреи поклонялись в пустыне, есть Шива индусов,^[391] так же как и Сатурн.^[392] История Греции свидетельствует, что Дардан, аркадиец, получив их в качестве приданного, увез их в Самофракию, а оттуда в Трою. И им поклонялись задолго до дней славы и процветания Тира или Сидона, хотя первый был построен за 2760 лет до Р. Х. Откуда они пришли к Дардану?

Легко приписать давность происхождения каким-либо развалинам, руководствуясь одним только внешним видом; гораздо труднее доказать ее. Между тем, каменное строительство Руада, Перита, Марафона напоминает строения Петра, Баалбека и других эфиопских построек даже по внешнему виду. С другой стороны, утверждения некоторых археологов, которые не находят сходства между храмами Центральной Америки и храмами Египта и Сиам, совершенно не трогают символа, ознакомившегося с тайным языком раннего иероглифического письма. Он видит знаки одной и той же доктрины на всех этих памятниках и читает их историю и связь в знаках; незаметных для непосвященного ученого. Имеются также традиции, и одна из них говорит о последнем из посвященных королей – (которые только редко допускались на высшие степени Восточных братств), который правил в 1670 г. Этот король Сиамский был тем, которого так высмеивал французский посол Лоубэ, как помещанного, который всю жизнь стремился открыть философский камень.

Один из таких таинственных знаков обнаруживается в своеобразном построении некоторых арок и храмов. Автор «Страны Белого слона» отмечает как любопытное явление «отсутствие ключевого камня в арках здания и неподдающиеся расшифровке надписи». В развалинах Санта Круз дел Квише Стивенс обнаружил арочный коридор также без ключевого камня. Описывая

пустынные руины Паленке, он отмечает, что арки коридоров все были построены по этому образцу, а также и потолки, и выдвигает предположение, что «строители, по-видимому, не были знакомы с принципами построения арки, и опора создавалась перекрыванием одного камня другим по мере того, как они поднимались выше, как в Окосинго и среди остатков циклопических построек в Греции и в Италии» [363]. В других зданиях, хотя они принадлежали к той же самой группе, путешественник обнаружил присутствие ключевых камней, что является достаточным доказательством, что неприменение их было *предумышленным*.

Не можем ли мы поискать разрешения этой тайны в масонских наставлениях? Ключевой камень имеет эзотерическое значение, которое должно бы (если этого уже не произошло) высоко оцениваться масонами высоких степеней. Наиболее значительным подземным строением, упомянутым в описании происхождения масонства, является сооружение, построенное Енохом. Этот патриарх был приведен божеством, которое он увидел в видении, в девять сводов. После этого, с помощью своего сына Мафусаила, он построил в земле Ханаанской, «в недрах горы», девять комнат по образцам тех, которые были показаны ему в видении. У каждой крыша имела вид арки, и высшая точка ее образовала *ключевой камень* со священными непроизносимыми буквами на нем. Далее, каждая из этих букв представляла одно из девяти имен, начертанных знаками, эмблематически означающими атрибуты, по которым данное божество в соответствии с данными древнего франкмасонства опознавалось допотопным братством. Затем Енох сделал две Δ из чистого золота и начертал на каждой два тайных знака; одну из них он поместил в глубочайшую арку, а другую вручил Мафусаилу, в то же время сообщив ему другой важный секрет, который *теперь для франкмасонства утерян*.

Итак, среди тех секретов, которые теперь утеряны для современных наследников франкмасонства, может быть обнаружен факт, что ключевые камни применялись в арках только в определенных частях храмов, предназначенных для особых целей. Другое сходство, проявляющееся в уцелевших архитектурных религиозных памятниках всех стран, может быть обнаружено в идентичности частей, рядов кладки, размеров. Все эти здания принадлежат временам Гермеса Трисмегиста, и как бы ни выглядели эти здания древними или сравнительно современными, их математические пропорции соответствуют пропорциям египетских религиозных зданий. Сходятся расположение дворов, внутренних святилищ, проходов и ступеней; следовательно, несмотря на несходство архитектурных стилей, правильным будет вывод, что во всех их справлялись сходные обряды. Доктор Стакели говорит о Стоунхендже:

«Это здание было построено не по римским мерам; это доказывается большим количеством дробей, которые получаются при измерении любой его части европейскими мерами. И, наоборот, эти цифры становятся целыми, как только мы начинаем измерять при помощи древнего кубита, принятого евреями, детьми Шема так же, как и финикийцами и египтянами, детьми Хама (?) и имитаторами памятников из неотесанных камней».

Присутствие искусственных озер и их своеобразное расположение на освященной земле тоже является фактом большого значения. Озера внутри пределов Карнака, озера на участке Нагкон-Вата и вокруг храмов мексиканского Копана и Санта Круз дел Квише обнаруживают одно и то же самое своеобразие. Кроме обладания еще и другими значениями, вся их площадь распланирована в соответствии с циклическими вычислениями. В друидических построениях обнаруживаются те же самые священные и мистические числа. Сложенные из камней окружности состоят или из двенадцати или из двадцати одного, или из тридцати шести камней. В этих окружностях центральное место принадлежит Ассару, Азону, или богу окружности,

каким бы другим именем он ни назывался. Тринадцать мексиканских богов-змеев имеют дальнейшее отношение к тринадцати камням друидических руин. Т (тау) и астрономический крест Египта

бросаются в глаза в нескольких галереях, уцелевших среди развалин в Паленке. На одном барельефе

во дворце в Паленке, на западной стороне, можно видеть Тау, высеченное как иероглиф прямо под сидящей фигурой. Стоящая фигура, которая наклоняется над первой, изображена как накрывающая ее голову левою рукою покрывалом посвящения, тогда как правая рука фигуры поднята, а указательный и средний палец указывают на небо. Поза эта в точности такова, как у христианского епископа, дающего благословение, или как та, в которой часто изображается Иисус во время Тайной Вечери. Даже индусского слогового бога мудрости (или магических познаний), Ганешу, можно найти среди лепных фигур мексиканских развалин.

Какое объяснение всему этому дадут нам археологи, филологи – короче говоря, избранное воинство академиков? Никакого. В лучшем случае, у них будут гипотезы, причем каждая из них будет опрокинута последующей, тоже псевдо-истинной, как и первая. Ключи к библейским чудесам древности и к феноменам современности; к проблемам психологии и физиологии и многие «нехватющие звенья», которые так смущают ученых в последнее время, – все это находится в руках тайных братств. Эта тайна когда-нибудь *должна* быть раскрыта. Но до тех пор мрачный скептицизм постоянно будет бросать свою безобразную тень между божественной истиной и духовным зрением человечества. И много тех, кто, заразившись смертельной эпидемией нашего века – безнадежным материализмом – останутся в сомнениях и в смертельной муке по поводу того, будет ли человек снова жить, когда он умрет, хотя этот вопрос был давно разрешен поколениями мудрецов далекого прошлого. Ответы налицо. Их можно найти на изъеденных временем гранитных страницах пещерных храмов, на сфинксах, пропилонах и обелисках. Они простояли неисчислимые века, и ни безжалостный натиск времени, ни еще более безжалостные руки христиан не могли изничтожить этих записей на них. Все они покрыты проблемами, которые были разрешены, возможно, далекими предками их строителей, – как знать? – решение следует за каждым вопросом; и к этим решениям христианин не мог добраться, так как, за исключением посвященных, никто не расшифровал мистического письма. Ключ находится в распоряжении тех, кто знали, как сообщаться с невидимым Присутствием, и кто приняли из уст самой Матери-Природы ее великие истины. И так стоят эти памятники, точно немые часовые на пороге того *невидимого* мира, чьи ворота открываются только перед несколькими избранными.

Бросая вызов Времени, напрасным исследованиям непосвященной науки и оскорблениям со стороны *открытых* религий, они никому не откроют своих загадок, кроме наследников тех, кто доверил им ТАЙНУ. Холодные каменные уста Мемнона, который когда-то обладал голосом, и стойких сфинксов крепко хранят свою тайну. Кто снимет с них печать молчания? Кто из наших современных материалистических карликов и неверящих саддукеев осмелится приподнять покрывало Изида?

«СТЕФАНО. – В чем дело? Может, у нас тут водятся черти? Может, думают нас разыграть, прикинувшись дикарями или индейцами?»

«Буря», акт II, сцена 2.

«Мы теперь настолько продвинулись вперед, сколько требуется по нашему замыслу для рассмотрения природы и функции души и ясно показали, что она есть субстанция, отличавшаяся от тела».

Генри Мор, «Бессмертие души», 1659.

«ЗНАНИЕ – СИЛА; НЕВЕЖЕСТВО – БЕССИЛИЕ».

Автор «Магического искусства», Страна духов.

В течение многих веков «Тайная доктрина» была подобна символическому «мужу скорбей» пророка Исаии. «Кто поверил сказанному нами?» – повторяли ее мученики из поколения в поколение. Эта доктрина выросла перед своими преследователями «как нежное растение и как корень из сухой земли; у него нет формы, нет миловидности... оно презрено и отвергнуто людьми; и они закрыли свои лица перед ним... Они его не оценили».

Нет надобности в полемики о том, согласуется или не согласуется эта доктрина с иконоборческими тенденциями скептиков нашего времени. Она согласуется с *истиной*, и этого достаточно. Бесполезно было бы ожидать, что в нее поверят ее умалители и клеветники. Но упорная живучесть, какую она проявляет по всему земному шару, где только бы ни находилась группа людей, ведущих о ней споры, – является лучшим доказательством, что семя, посаженное нашими отцами «по ту сторону потопа», было семенем могучего дуба, а не спорой богословия грибов. Никакая молния человеческой насмешки, и никакая громовая стрела, когда-либо скованная Вулканами науки, не в состоянии разбить ствол или даже поцарапать ветви этого мирового дерева ПОЗНАНИЯ.

Нам приходится только оставить незамеченной мертвую букву, которая убивает, и ловить только тонкий дух их скрытой мудрости, запечатанной в *Книгах Гермеса* – будь они оригиналы или копии с других – чтобы найти в них свидетельства истины и философии, которые, как мы чувствуем *должны* быть обоснованы на законах вечности. Мы инстинктивно постигаем, что как бы ни конечны были силы человека, пока он находится в воплощенном состоянии, они должны быть в тесном родстве со свойствами бесконечного божества; и мы становимся способными лучше понимать сокровенное значение дара, щедро переданного *элохимом Адаму*: «Смотри, я дал тебе все, что есть на лице земли... *подчини это*», и «*владей*» ВСЕМ.

Если бы аллегории, содержащиеся в первой главе «Книги Бытия», были лучше поняты, даже в их географическом и историческом смысле, в чем нет ничего эзотерического, то заявления их истинных истолкователей, каббалистов, едва ли были бы отвергнуты столь долгое время. Каждый изучающий Библию должен знать, что первая и вторая глава «Бытия» не есть произведение одного и того же лица. Они явные аллегории и иносказания; ^[393] так как эти два повествования о сотворении мира и населении людьми диаметрально противоречат друг другу

почти во всех деталях, касающихся порядка, времени, места и методов, применяющихся в так называемом творении. Принимая эти повествования буквально и в целом, мы унижаем достоинство непознанного божества. Мы стаскиваем его вниз, до человеческого уровня, и наделяем его специфической личностью человека, которому нужна «прохлада дня» для восстановления сил; который отдыхает от своих трудов и способен на гнев, месть, и даже прибегает к предосторожностям против человека, «чтобы он не воспользовался своей рукой и также не взял от дерева жизни». (Здесь налицо молчаливое признание со стороны божества, что человек *мог это сделать*, если бы ему не помешали силой). Но признавая аллегорический оттенок описаний того, что может быть названо историческими фактами, мы сразу чувствуем под нами твердую почву.

Начнем с того, что Сад Эдема, как местность, вовсе не миф; он принадлежит к тем векам истории, которые время от времени показывают исследователю, что Библия вовсе не только аллегория.

«Эдем, или еврейское [...] Ган-Эдем, означающее парк или сад Эдема, есть архаическое название страны, орошаемой Евфратом и многими его притоками от Азии и Армении до Эритрейского моря».^[394]

В халдейской «Книге Чисел» его местонахождение обозначено числами, и в зашифрованной рукописи розенкрейцеров, оставленной графом Сен-Жерменом, он полностью описан. На ассирийских «табличках» он называется *ган-дания*. «Вот», – говорит *элохим* из «Книги Бытия», – «Адам стал как один из Нас». *Элохим* в одном смысле может быть истолковано как *боги* или *силы*, а в другом значении, как *алейм*, или священнослужители; иерофанты, посвященные в добро и зло мира, так как существовали школы священнослужителей, называемые *алейм*, тогда как глава их касты или глава иерофантов был известен как *джава-алейм*. Вместо того, чтобы стать неофитом и постепенно приобретать эзотерическое знание путем регулярных посвящений, Адам, или человек, пользуется своими интуитивными способностями и, будучи побуждаем Змием – *женщиной* или материей – отведывает от древа познания – эзотерической или тайной доктрины – незаконно. Священнослужители Геркулеса, или Мел-Карта, «Господа» Эдема, все носили «одеяния из кожи». В тексте сказано: «И *джава-алейм* сделал для Адама и его жены [...], **«хитонус цур»**. Первое еврейское слово *хитун* есть греческое *χιτών*, *хитон*. Оно стало и славянским словом, адаптированным из Библии, и означает «одеяние» или «верхнюю одежду».

Хотя еврейское Священное писание содержит тот самый субстрат эзотерической истины, что и все ранние космогонии, оно носит на своем лице знаки своего двойного происхождения. Его «Книга Бытия» представляет чистые воспоминания вавилонского плена. Названия мест, имен, людей и даже предметов можно проследить из первоначального текста до халдейцев и аккадийцев, прародителей и арийских наставников первых. Сильно оспаривается, что аккадийские племена Халдеи, Вавилонии и Ассирии были в каком-то родстве с брахманами Индустана. Но доказательств в пользу этого мнения больше, чем в пользу противного. Семитов и ассирийцев следовало бы, может быть, именовать туранцами, а монголов – скифами. Но если аккадийцы когда-либо существовали иначе, чем в воображении некоторых филологов и этнологов, они несомненно никогда не были туранскими племенами, как некоторые ассириологи хотят нас уверить. Они были просто переселенцами на своем пути в Малую Азию из Индии, колыбели человечества, и их адепты-священнослужители медлили цивилизовать и посвящать варваров. Галеви доказал ошибочность увлечения туранцами в отношении аккадийского народа, чье название уже менялось дюжину раз; и другие ученые доказали, что

вавилонская цивилизация ни родилась, ни развивалась в этой стране. Она была завезена из Индии, и ее носителями были брахманические индусы.

Профессор А. Уайлдер считает, что если ассирийцев называли туранцами, а монголов скифами, то в таком случае войны Ирана и Тарана, Зохака и Йемшида, или Йима, могли бы быть легко поняты как борьба древних персов против попыток ассирийских сатрапов завоевать их, что окончилось свержением Ниневии; «и паук тклет свою сеть во дворце Афрасиаба».^[395]

«Туранцы профессора Мюллера и его школы», – добавляет наш корреспондент, – «очевидно, были дикими кочевыми кавказцами, из которых произошли хамитские или эфиопские строители; семиты – вероятно, помеси хамитов и арийцев; и наконец, арийцы – индийцы, персы, индусы; а позднее – готические и славянские народы Европы. Он полагает, что кельты были помесью, аналогичной ассирийцам – между арийскими завоевателями Европы и иберийским (вероятно, эфиопским) населением Европы».

В таком случае он должен признать возможность нашего утверждения, что аккадийцы были племенем самых ранних индусов. Были ли они брахманами из самой брахманской планисферы (40° северной широты), или из Индии (Индустана), или, опять, из Центрально-Азиатской Индии, – мы предоставляем решать филологам грядущих веков.

Одно мнение, у нас уже ставшее уверенностью, доказанное нашим собственным индуктивным методом, который, мы боимся, мало будет оценен ортодоксальной современной наукой, обоснован на том, что покажется последней лишь косвенным доказательством. Годами мы неоднократно замечали, что одна и та же эзотерическая истина была выражена идентичными символами и аллегориями в странах, между которыми никогда не были обнаружены какие-либо исторические связи. Мы нашли, что еврейская *Каббала* и Библия повторяют вавилонские «мифы»,^[396] и ориентальные и халдейские аллегии, изложенные по форме и содержанию в древнейших рукописях сиамских талапоинов (монахов), и в популярных, но древнейших традициях Цейлона.

На Цейлоне у нас есть старый знакомый, которого мы очень ценим и которого мы также встречали в других частях света, знаток палийского языка, по рождению сингалезец, у которого имеется любопытный пальмовый лист, которому химическими процессами была придана стойкость против времени; кроме этого листа у него еще была огромная раковина или, вернее, половина раковины, так как она была расколота на две части. На этом листе мы видели изображение прославленного гиганта сингалезской древности, слепого, – своими вытянутыми вперед руками он охватил четыре центральных колонны храма, он валил колонны, обрушивая здание на толпу вооруженных врагов. У него были длинные волосы, достигающие почти до земли. Владелец этой любопытной реликвии сообщил нам, что слепой гигант был «Сомона Маленький», названный так в отличие от Сомона-Кадом, сиамского спасителя. Кроме того, палийская легенда в своих главных деталях соответствует библейскому повествованию о Самсоне.

На перламутровой поверхности раковины выгравирована картина, разделенная на два отделения, причем, отделка намного художественнее и по замыслу и по выполнению, чем распятия и другие религиозные побрякушки, вырезаемые в наши дни из того же материала в Яффе и Иерусалиме. В первом отделении изображен Шива со всеми своими индусскими атрибутами, приносящий в жертву своего сына – «единородного» или одного из многих – мы не поинтересовались. Жертва положена на погребальный костер, а отец витает в воздухе над ней с поднятым оружием, готовый нанести удар; но лицо бога обращено к джунглям, в которых

носорог так глубоко погрузил свой рог в громадное дерево, что не может его вытащить. Во втором отделении изображен тот же самый носорог уже положенным на погребальный костер, причем, оружие воткнуто в его бок, а предназначенной в жертву сын Шивы – свободен и помогает богу зажигать огонь на алтаре жертвоприношений.

Теперь нам остается только напомнить, что Шива и палестинский Ваал, или Молох, и Сатурн одно и то же; что Авраам и доныне считается мусульманскими арабами Сатурном в Каабе [88, 86]; что Авраам и Израиль были именами Сатурна [88, 86]; и что Санхуниафон говорит нам, что Сатурн предлагал своего единородного сына в жертву своему отцу Ураносу и даже подверг себя обрезанию, а также принудил всех своих домочадцев и союзников сделать то же самое, ^[397] чтобы проследить безошибочно библейский миф до его источника. Но этот источник не финикийский и не халдейский, он чисто индийский, и происхождение его может быть найдено в «Махабхарате». Но будь он брахманическим или буддийским, он несомненно должен быть гораздо старше, чем еврейское «Пятикнижие», составленное Ездрой после вавилонского пленения и пересмотренное раввином Великой Синагоги.

Поэтому у нас хватает смелости защищать наше утверждение вопреки мнениям многих ученых людей, которых мы, тем не менее, считаем намного больше учеными, чем мы сами. Одно дело научный индуктивный метод, а знание фактов, каким бы не научным оно не казалось сперва, – совсем другое дело. Но наука раскрыла достаточно, чтобы сообщить нам, что санскритские подлинные рукописи из Непала были переведены буддийскими миссионерами почти на все азиатские языки. Точно также палийские рукописи были переведены на сиамский язык и перенесены в Бирму и Сиам; поэтому легко объяснить, что те же самые религиозные легенды циркулировали по всем этим странам. Но Мането говорит нам также о палийских овечьих пастухах, которые эмигрировали на запад; и когда мы находим несколько самых старых сингалезских традиции в халдейской *Каббале* и в еврейской Библии, – мы должны думать, что или халдейцы и вавилоняне были на Цейлоне или в Индии, или же древние палийцы имели те же самые традиции, что и аккадийцы, происхождение которых не установлено. Даже если допустить, что Раулинсон прав, что аккадийцы пришли из Армении – он не проследил их далее назад. Так как поле теперь открыто для любого рода гипотез, то мы выдвигаем таковую, что это племя могло также прийти в Армению из-за реки Инда, следуя по своему пути в направлении Каспийского моря в землю, которая когда-то тоже считалась Индией, а оттуда – на Евксин. Или же они могли прийти тем же путем первоначально из Цейлона. Проследить с определенностью в какой-то степени передвижения и скитания племен арийских кочевников найдено невозможным; следовательно, нам приходится судить по выводам и путем сопоставления религиозных мифов. Сам Авраам, поскольку об этом наши ученые могут что-либо знать, мог быть одним из этих палийских овцеводов, эмигрировавших на *Запад*. Про него сказано, что он ушел со своим отцом Терахом из «Ура Халдейского»; а сэр Х. Раулинсон открыл финикийский город Марту или Маратос, упоминаемый в одной надписи в Уре, и доказывает, что он означает ЗАПАД.

Если, с одной стороны, их язык противоречит их отождествлению с брахманами Индустана, то все же имеются другие основания, которые оправдывают наши утверждения, что библейские аллегории «Книги Бытия» целиком обязаны своим происхождением этим кочевым племенам. Название Ак-ад того же самого класса, что и Ад-Ам, Хэ-ва, ^[398] или Эд-Эн – «возможно», – говорит доктор Уайлдер, – «означает сын Ад, подобно сыновьям Ада в древней Аравии. В ассирийском языке Ак есть творец; и Ад-ад есть АД, отец». В арамейском языке Ад также означает один, а Адад – единственный; а в Каббале Ад-ам есть единородный, первая эманация незримого Творца. Адон был «Господь» бог Сирии и супруг Адар-гат или Астер-т, сирийской богини, которая была Венера, Изида, Иштар или Милитта и т. д.; и каждая из них была «матерью

всего живущего» – *Magna Mater*.

Итак, в то время как первая, вторая и третья главы «Книги Бытия» являются только искаженными имитациями других космогоний, – четвертая глава, начиная с шестнадцатого стиха, и пятая глава до конца – дают чисто исторические факты, хотя последние никогда не были правильно истолкованы. Они взяты, слово в слово, из сокровенной «Книги Чисел» Великой Восточной Каббалы. От рождения Еноха, считающегося основоположником современных масонов, начинается генеалогия так называемых туранских, арийских и семитических семейств, если они такими были. Каждая женщина – это эвгемеризованная страна или город; каждый мужчина и родоначальник – это племя, ветвь или подразделение племени. Жены Ламеха дают ключ к загадке, которую какой-нибудь хороший ученый легко мог бы раскрыть, даже без изучения эзотерических наук.

«И Ад-ах родил Джабала: он был отцом тех, кто живут в палатках *и тех, кто имеют скот*», – кочевого арийского племени; – «... и его брат был Джубал; он был отцом всех тех, *кто играют на арфах и органах...* и Зиллах родил Тубал-Каина, наставника всех ремесленников по меди и железу», и т. д.

Каждое слово многозначительно; но оно не есть откровение. Это просто компиляция наиболее исторических фактов, хотя история по этому делу слишком неясна. От Эвксина до Кашмира и за ним – вот где мы должны искать колыбель человечества и сыновей Ад-аха, и предоставить особый сад Эд-эм в Евфрате школе вещих астрологов и магов – алеймов. ^[399] Нет ничего удивительного, что северный провидец Сведенборг советует людям искать УТЕРЯННОЕ СЛОВО среди иерофантов Татарии, Китая и Тибета, ибо оно там, и только там, хотя мы находим его написанным на памятниках древнейших египетских династий.

Величественная поэзия четырех Вед; *Книги Гермеса*; халдейская «Книга Чисел»; «Кодекс назареев»; «Каббала» танаимов; «Сефер Иецира»; «Книга мудрости» Шломаха (Соломона); сокровенные трактаты по *Мухта и Бадла*, ^[400] приписываемые буддийскими каббалистами Капиле, основателю системы «санкья»; «Брахманы»; ^[401] «Стан-гиюр» ^[402] тибетцев – все эти тома имеют одну и ту же основу. Различаясь только в аллегориях, они учат той же самой Тайной доктрине, которая, когда ее тщательно просеют, окажется содержащей в себе *Ultima Thulū* истинной философии и раскроет, что такое УТЕРЯННОЕ СЛОВО.

Бесполезно ожидать, что ученые в этих перечисленных трудах найдут что-нибудь интересное, за исключением разве того, что имеет непосредственное отношение к филологии и сравнительной мифологии. Даже Макс Мюллер, как только ссылается на мистицизм и метафизическую философию, рассыпанную в старой санскритской литературе, ничего другого в ней не видит, как только «богословские нелепости» и «фантастическую чепуху».

Говоря о «Брахманах», полных сокровенного значения и поэтому, конечно, для него нелепых, мы находим его высказывающимися: «Большая часть из них – просто болтовня, и что еще хуже – богословская болтовня». Ни один человек, который прежде не ознакомился с «местом, какое занимают „Брахманы“ в истории индийской мысли, не сможет прочесть более десяти страниц без того, чтобы не разочароваться». ^[403]

Мы совсем не удивляемся такой суровой критике со стороны этого эрудированного ученого. Без ключа к действительному значению этой «болтовни» как могут они судить об эзотерическом посредстве экзотерического! Мы находим ответ в другой очень интересной лекции германского ученого:

«Никакой еврей, никакой римлянин, ни брахман никогда не думал об обращении

других в свою веру. На религию смотрели как на частную или национальную собственность. Ее нужно было охранять от чужих. Наиболее священные имена богов и молитвы, которыми приобреталось их покровительство, держались в секрете. Не было религии более обособленной, чем брахманистская религия». [\[404\]](#)

Поэтому, когда мы находим ученых, которые воображают, что после того, как они узнали значение нескольких экзотерических обрядов от сротрии, брахманского священнослужителя, посвященного в жертвенные тайны, – они в состоянии истолковать все символы и разобрались в индийских религиях, – мы не можем не восхититься полнотою их научных заблуждений. Тем более, что мы находим, что Макс Мюллер сам утверждает, что «даже самая низшая каста, каста шудр, не раскроет свои ряды перед чужаком; тем более невозможно заставить это делать родившегося брахманом, – нет, более того, – *дважды родившегося*». Насколько менее вероятно, чтобы он разрешил чужаку проникнуть в наиболее дорогие ему религиозные тайны, которые ревниво охранялись в течение неисчислимых веков от профанации.

Нет! наши ученые не понимают – они не могут правильно понимать старинную индийскую литературу так же, как атеист или материалист неспособен правильно понять истинную ценность чувствований провидца-мистика, вся жизнь которого целиком посвящена созерцанию. Они (ученые) имеют полное право тешить себя сладким напевом восхищения самим собой и сознанием своей великой учености, но не имеют никакого права вводить в Мир свои собственные заблуждения, заставляя поверить, что они, наконец, разрешили все проблемы древней мысли в литературе, будь она санскритская или другая; что за внешней «болтовней» не скрыто гораздо больше, чем когда-либо снилось нашей современной точной философии; или что за правильным переводом санскритских слов и предложений нет более глубокой мысли, понятной некоторым потомкам тех, кто завуалировал ее в утренние часы земного дня, – если она и непонятна читателю-профану.

Мы не испытываем ни малейшего удивления, что материалист и даже правоверный христианин не в состоянии читать ни старинные брахманистские труды, ни их потомство – «*Каббалу*», «*Кодекс*» *Бардесанес* или еврейское Священное писание, не испытывая при этом отвращения по поводу их нескромности, неприличия и явного отсутствия того, что непосвященному читателю угодно называть здравым смыслом. Но если мы едва ли можем упрекнуть их за такое чувство, особенно в отношении еврейской и даже греческой и латинской литературы, и вполне готовы согласиться с профессором Фиске, что «быть неудовлетворенным несовершенностью доказательств – признак мудрости», мы, с другой стороны, также имеем право ожидать, что не меньшим признаком честности будет считаться признание собственного невежества в случаях, когда налицо два возможных решения, в которых ученый может так же легко ошибиться, как и невежда. Когда мы обнаруживаем, что профессор Дрейпер в своем определении периодов в «Истории интеллектуального развития Европы» классифицирует время со дней Сократа, предтечи и учителя Платона, как «век веры», а время от Филона до разрушения неоплатонических школ Юстинианом – как «век дряхлости», – то, может быть, нам будет позволено сделать вывод, что ученый профессор также мало знает о действительной тенденции греческой философии и школ Аттики, как мало он понял истинный характер Джордано Бруно. Точно также, когда мы видим одного из лучших ученых санскритологов, утверждающим посредством собственного бездоказательного авторитета, что «большая часть „Брахман“ есть просто богословская болтовня», – мы с глубоким сожалением думаем, что профессор Мюллер, должно быть, намного лучше ознакомлен с санскритскими глаголами и существительными, нежели с санскритской мыслью, и что ученый, так постоянно склонный воздавать должное религиям и людям древности, на этот раз так действенно играет на руку христианским

богословам. «Что за польза от санскрита?» – восклицает Жаквемонт, который один сфабриковал больше ложных сообщений о Востоке, чем все ориенталисты, вместе взятые. В таком случае, действительно, никакой пользы не будет. Если нам нужно обменять один труп на другой, тогда мы можем с таким же успехом вскрывать мертвую букву как еврейской Библии, так и мертвую букву Вед. Тот, кто не оживлен интуитивно религиозным духом старины, ничего не увидит за экзотерической «болтовней».

Когда мы впервые читаем, что «в полости черепа Макропросописа – Великого Лика – лежит неземная МУДРОСТЬ, которая нигде не раскрыта, и она не открывается и не раскрывается»; или опять, что «*аромат*» древних дней» есть вездесущая *Жизнь*»; то мы склонны рассматривать это, как несвязные бредни сумасшедшего. И когда, кроме того, мы узнаем из «Кодекса назареев» что «она, *Душа*», приглашает своего сына Карабтаноса, «который неистов и безрассуден», совершить протиестественное деяние со своей собственной матерью, – мы весьма склонны отбросить эту книгу с отвращением. Но разве это только бессмысленная ерунда, выраженная грубым и даже непристойным языком? Ее можно осуждать по внешности не более, чем сексуальные символы египетских и индийских религий или грубую откровенность самой «святой» Библии – не более, чем аллегорию об Еве и соблазняющем Змее Эдема. Вечно-побуждающий, беспокойный дух, когда он «впадает в материю», соблазняет Еву, или Хэву, которая телесно представляет хаотическую материю, «неистовую и безрассудную». Ибо *материя*, Карабтанос, есть сын *Духа* или *Spiritus* назареян, *София-Ахамот*, а последняя есть дочь чистого интеллектуального духа, божественного дыхания. Когда наука действительно наглядно продемонстрирует нам происхождение материи и докажет ошибочность оккультистов и философов старины, которые считали (как их потомки теперь считают), что материя есть только одна из корреляций духа, – тогда только мир скептиков будет иметь право отвергнуть древнюю мудрость или бросить в лицо древних религий обвинение в непристойности.

«С незапамятных времен», – говорит миссис Лидия Мария Чайлд [372, т. i, с. 17], – «в Индии поклоняются одной эмблеме, как виду творчества или источнику жизни. Это наиболее обычный символ Шивы [Бэла или Махадэва], который вообще связан с его почитанием... Шива не был только восстановителем человеческих форм; он представляет оплодотворяющий принцип, порождающую силу, наполняющую собой вселенную... Маленькие изображения этой эмблемы, вырезанные на слоновой кости, золоте или кристалле, носят как украшение на шее... Эмблема материнства также служит предметом религиозного почитания, и поклоняющиеся Вишну изображают ее на своем лбу горизонтальным знаком... Разве это странно, что они с уважением взирают на великую тайну человеческого рождения? Или *они* поэтому нечисты, или же мы не чисты, что *не так* смотрим на это? Мы проделали далекий путь, и нечисты были тропы с тех пор, как те древние анахореты впервые говорили о Боге и душе в торжественных глубинах своих первых святилищ. Не будем улыбаться над их образом прослеживания бесконечной и непостижимой Причины чрез все тайны природы, чтобы этой улыбкой не бросать тени от нашей собственной грубости на их патриархальную простоту».

Много таких ученых, которые приложили все усилия, все свои способности, чтобы воздать должное древней Индии. Колбрук, сэр Уильям Джонс, Бартоломей Сент-Илер, Лассен, Вебер, Стрейндж, Бюрнуф, Гарди и, наконец, Жаколио – все выдвинули свои свидетельства о ее достижениях в законодательстве, этике, философии и религии. Никакой народ на свете никогда не достигал такого величия мысли и идеальных концепций о божестве и его отпрыске, **человеке**, как санскритские метафизики и богословы.

«Мое недовольство многими переводчиками и ориенталистами», – говорит Жаколио, – «хотя я и восхищаюсь их глубокими познаниями, заключается в том, что они, как *сами не жившие в Индии*, не могут достичь точности выражений и не в состоянии постичь

символического значения поэтических напевов, молитв и церемоний и таким образом слишком часто впадают в значительные ошибки, будь то перевод или оценка» [373].

Далее этот автор, который вследствие долгого пребывания в Индии и изучения ее литературы лучше подготовлен к свидетельству, чем те, которые там никогда не были, говорит нам, что

«жизней нескольких поколений едва ли будет достаточно, чтобы только прочесть труды, оставленные нам старой Индией по истории, этике (морали), поэзии, философии, религии, различным наукам и медицине».

И все же Луи Жаколио в состоянии судить хотя бы только по тем немногим отрывкам, доступ к которым всегда зависел от почтительности и дружбы нескольких брахманов, с которыми ему удалось близко подружиться. Показали ли они ему *все* сокровища? Объяснили ли они ему *все*, что он хотел узнать? Мы сомневаемся в этом, иначе он не стал бы судить их религиозные церемонии так поспешно, как он это делал в некоторых случаях, руководствуясь только косвенными данными.

Все же, никакой путешественник не показал себя более честным в целом или более беспристрастным к Индии, чем Жаколио. Если он суров по отношению ее нынешнего упадка, то еще более суров он к тем, кто вызвал этот упадок – к касте священнослужителей последних нескольких веков, и его упреки пропорциональны его высокой оценке ее прошлого величия. Он показывает источники, откуда исходили откровения всех древних религий, включая и инспирированные «Книги Моисея», и указывает прямо на Индию, как на колыбель человечества, родительницу всех других наций, рассадник всех утерянных искусств и наук древности, которые для самой старой Индии были уже утеряны в киммерийском мраке архаических веков.

«Изучать Индию», – говорит он, – «значит идти назад по следам человечества к его истокам».

«Точно так же, как современное общество толчет античность на каждом шагу», – добавляет он, – «как наши поэты подражали Гомеру и Виргилию, Софоклу и Еврипиду, Плавту и Теренцию; как наши философы черпали вдохновение от Сократа, Пифагора, Платона и Аристотеля; как наши историки брали за образец Тита Ливия, Саллюстия или Тацита, а наши врачи изучают Гиппократ и как наши кодексы отражают Юстиниана, – точно также сама античность изучала, копировала и подражала другой античности. Что может быть проще и логичнее? Разве народы не предшествуют и не являются преемниками один другому? Разве познания, с трудом приобретенные одним народом, ограничивают себя только одним народом и его территорией и умирают вместе с породившим их поколением? Может ли быть абсурдом утверждение, что Индия, такая какою была 6000 лет тому назад, блестящая, цивилизованная, переполненная населением, наложила свой отпечаток на Египет, Персию, Иудею, Грецию и Рим – отпечаток настолько же неизгладимый, настолько же глубокий, как последние наложили на нас?»

Пора выбросить из головы такие предрассудки, в которых нам представляется, что у древних почти стихийно возникали разработанные идеи, философические, религиозные, моральные, наиболее возвышенные – предрассудки, в которых все в области науки, искусств и литературы приписывается интуиции каких-то нескольких великих людей, а в области религии – откровению» [373].

Мы верим, что недалек тот день, когда возражатели этому прекрасному и эрудированному писателю будут приведены к молчанию силою неопровержимых доказательств. А когда *факты* подтвердят его теории и утверждения, что тогда обнаружит мир? Что именно Индии, стране менее исследованной и менее познанной, чем другие страны, все другие великие нации мира обязаны своими языками, искусствами, законодательствами и цивилизацией. Ее прогресс, задержанный на несколько веков до нашей эры, – ибо, как говорит этот писатель, в эпоху великого Македонского завоевателя «Индия уже прошла период своего блеска», – был окончательно остановлен в последующие века. Но свидетельство о ее прошлой славе хранится в ее литературе. Какой народ во всем мире еще может похвастать такой литературой? Если бы санскрит не был так труден, его бы теперь изучали гораздо больше. До сих пор массовому читателю приходится, по части информации, полагаться на нескольких ученых, которым, несмотря на свою великую ученость и добросовестность, не под силу перевести и прокомментировать больше, как только несколько книг из почти бесчисленного количества, которые, несмотря на вандализм миссионеров, все еще остались, чтобы заполнять свое место в великой санскритской литературе. И даже чтобы сделать то, что уже сделано, требовался пожизненный труд европейца. Поэтому люди судят слишком поспешно и часто впадают в весьма смешные ошибки.

Совсем недавно некий преподобный Данлоп Мур из Нью-Брайтона, Пенсильвания, решившись показать одним ударом и свой ум и свою набожность, произвел атаку на утверждение одного теософа, высказанное в речи на церемонии кремации барона де Палма, а именно, что кодекс Ману существовал за тысячелетия до Моисея.

«Все известные ориенталисты», – говорит он, – «теперь пришли к соглашению, что „Законы Ману“ были написаны в различное время. *Самая древняя часть этого собрания законов, вероятно, относится к шестому веку дохристианской эры*». ^[405]

Что бы ни думали другие ориенталисты, столкнувшиеся с этим пенсильванским пандитом, сэр Уильямс Джонс другого мнения об этом.

«Ясно», – говорит он, – «что „Законы Ману“, в таком виде, как они дошли до нас, содержащие только 680 шлок, не могут быть трудом, приписываемым Соумати, каковой труд описан под заголовком „Бриддха Манава“, или „Древний кодекс Ману“, который пока еще не был целиком восстановлен, хотя многие параграфы этой книги сохранены в традициях и часто цитируются комментаторами».

«Мы читаем в предисловии к трактату о законодательстве Нарады», – говорит Жаколио, – «написанном одним из его адептов, носителем брахманской власти: „Ману, написав законы Брахмы в 100000 шлоках или двустий, которые образовали 24 книги и 1000 глав, передал этот труд Нараде, мудрецу из мудрецов, который сократил его для применения человечеством до 12000 стихов, которые он передал сыну Бригху, по имени Соумати, который ради большего удобства человека, сократил их до 4000“».

Вот вам мнение сэра Уильяма Джонса, который в 1794 г. подтвердил, что фрагменты, находящиеся во владении европейцев, не могут быть «Древним кодексом Ману», и вот мнение Луи Жаколио, который в 1868 г. после консультации со всеми авторитетами, добавивши результат своих собственных долгих и терпеливых исследований, пишет следующее:

«Ману систематизировал индийские законы более чем за 3000 лет до христианской эры; они были скопированы всем античным миром, в особенности Римом, который единственный оставил нам писанные законы – «Кодекс Юстиниана», принятый в качестве основы всеми современными законодательствами» [373].

В другом томе, озаглавленном «Христос и Кришна», по поводу научной подборки набожного, хотя и очень ученого католического оппонента М. Текстора де Рависи, который стремится доказать, что орфография имени Кришна не соответствует санскритскому правописанию – и терпит поражение – Жаколио замечает:

«Мы знаем, что законодатель Ману теряется во тьме веков доисторического периода Индии, и что ни один индоведа не осмеливался отказать ему в титуле наиболее древнего законодателя в мире» (стр. 350).

Но Жаколио не слышал о преподобном Данлопе Муре. Вот почему, вероятно, он и несколько других исследователей Индии собирают доказательства, что многие ведические тексты, так же как и тексты *Ману*, присланные в Европу Азиатским обществом Калькутты, совсем не являются *подлинными текстами*, но большею частью обязаны своим происхождением коварным пробным усилиям неких иезуитских миссионеров, задавшихся целью ввести в заблуждение науку с помощью апокрифических трудов, рассчитывая заодно набросить на историю древней Индии облако неопределенности и мрака, а на современных брахманов и пандитов – подозрение о том, что они систематически вносят свои вставки.

«Эти факты», – добавляет он, – «которые в Индии настолько хорошо установлены, что им уже больше не уделяют внимания, *должны быть доведены до сведения Европы*» [374, с. 347].

Кроме того, кодекс Ману, про который европейским ориенталистам известно, что комментарии к нему написал Бригхоу, даже не образует части «Древнего кодекса Ману», называемого «Бридхаманава». Хотя только малые отрывки его были обнаружены нашими учеными, он все же существует в целом виде в некоторых храмах; и Жаколио доказывает, что тексты, присланные в Европу, совсем не сходятся с теми самыми текстами, которые обнаружены в пагодах Южной Индии. Мы также можем процитировать по этому поводу сэра Уильяма Джонса, который, жалуясь на Каллоука, говорит, что последний, кажется, в своих комментариях никогда не учитывал, что «*Законы Ману ограничиваются первыми тремя веками*». ^[406]

По вычислениям, мы теперь находимся в веке калиюга, в *четвертом*, считая от сатья– или критаяуги, первого века, к которому индийская традиция относит «Законы Ману», и подлинность этого сэра Уильям Джонс безоговорочно принимает. Признавая все, что может быть сказано по поводу громадных преувеличений индийской хронологии, что, кстати сказать, гораздо лучше совпадает с современной геологией и антропологией, чем 6000 лет карикатурной хронологии европейского Священного Писания – все же прошло около 4500 лет с тех пор, как четвертый мировой век, калиюга, начался; здесь перед нами доказательство, что один из величайших ориенталистов, какие когда-либо существовали – и, вдобавок, христианин, а не теософ – верит, что Ману на много тысяч лет старше, чем Моисей. Ясно, что теперь должно произойти одно из двух: или индийская история должна быть передана по газете «Пресвитерианский стяг», или же пишущие для этой газеты должны изучить историю Индии до того, как снова критиковать теософов.

Но кроме этих частных мнений преподобных джентльменов, взгляды которых нас очень мало интересуют, мы обнаруживаем даже в «Новой американской энциклопедии» определенную тенденцию оспаривать древность и значение индийской литературы. «Законы Ману», по словам одного из ее авторов, – «ведут свое происхождение не раньше третьего века до Р. Х.» Этот термин очень эластичен. Если под «Законами Ману» пишущий подразумевает *сокращение* этих законов, подобранных и сгруппированных позднейшими брахманами, чтобы они служили для поддержания их авторитета в их честлюбивых замыслах, создавая себе господствующее положение, то, в таком случае, они могут быть правы, хотя мы в состоянии

оспаривать даже это. Во всяком случае, столь же неправильно выдавать это сокращение за подлинные старинные законы, собранные в кодексе Ману, сколь неправильно будет утверждать, что еврейская Библия ведет свое происхождение не раньше третьего века до Р. Х., так как у нас нет ни одной еврейской рукописи старше этой даты, или что поэмы Гомеровской «Илиады» не были ни известны, ни написаны до того, как была найдена первая подлинная их рукопись. В распоряжении европейских ученых нет ни одной санскритской рукописи намного старше четвертого или пятого века,^[407] однако этот факт ничуть не мешает им приписывать Ведам древность происхождения от четырех до пяти тысяч лет. Сильнейшие, как только можно, аргументы говорят в пользу утверждения о великой древности книг Ману, и, не давая себе труда цитировать мнения различных ученых – мнений, из которых даже два не совпадают – мы выдвинем наши собственные аргументы, по крайней мере, в отношении этого весьма необоснованного утверждения энциклопедии.

Если поступать как Жаколио, с текстом в руках доказывающий, что «Кодекс Юстиниана» скопирован с «Законов Ману», то прежде всего нам нужно установить давность первого, не в виде написанного уже заверченного кодекса, но его происхождения. Мы думаем, что ответ не труден.

Согласно Варро, Рим был построен в 3961 г. юлианского периода (754 г. до Р. Х.). Римское право, как зафиксированное по приказу Юстиниана и известное под названием *Corpus Juris Civilis*, как известно, не было кодексом, но представляло смесь обычного права за многие сотни лет. Хотя ничего в действительности не известно о его первоначальных сферах компетенции, главным источником, из которого *jus scriptum*, или писанный закон, возник, был *jus non scriptum*, или обычное право. И вот, именно, мы собираемся обосновывать наши аргументы на этом обычном праве. Законы «Двенадцати скрижалей», кроме того, были составлены около 300 г. до нашей эры и даже это, поскольку касается гражданского права, было взято из *еще более ранних источников*. Поэтому, если обнаруживается, что эти более ранние источники так хорошо совпадают с «Законами Ману», про которые брахманы заявляют, что они были собраны в кодекс в *критаюге*, на целый век предшествовавшей нынешней калиюге, то мы должны думать, что этот источник «Двенадцати скрижалей», как законов *обычного права* и традиций, должен быть на несколько сотен лет старше тех, кто его копировал. Уже это одно отодвигает нас назад более чем на 1000 лет до Р. Х.

«Манавадхармашастра», представляющая индийскую систему космогонии, признается второй по древности происхождения последней, пятнадцатому веку до Р. Х. А теперь, что представляет этимология заголовка «Манавадхармашастра»? Он составлен из «Ману»; «дхарма», что означает «установление»; и «шаstra», что означает «веление» или «закон». Как же тогда «Законы Ману» ведут свое происхождение только от третьего века дохристианской эры?

Индийский кодекс никогда не претендовал на то, что он является божественным откровением. Различие, какое сами брахманы делают между Ведами и всеми другими священными книгами, какова бы ни была их древность, является этому доказательством. В то время, как каждая секта считает Веды непосредственно словом Божиим – *шрути* (откровение), – кодекс Ману обозначается ими просто *смути* – собрание устных традиций. Все же эти традиции или «воспоминания» занимают место среди самых древних, так же как среди самых почитаемых на земле. Но, возможно, сильнейший аргумент в пользу его древности и общего почитания, какое ему оказывается, заключается в следующем факте. В какой-то отдаленный период брахманы, несомненно, переделали эти традиции и законы, привели их в тот вид, в каком они теперь находятся в кодексе Ману с тем, чтобы они отвечали их честолюбивым замыслам. Поэтому они, должно быть, *проделили это в то время, когда сжигание вдов (сутти) не практиковалось и не имелось в намерениях*, что было приблизительно 2500 лет. Кроме как в

Ведах, нигде в кодексе Ману этот зверский закон не упоминается! Кто, если он только совершенно не знаком с историей Индии, не знает, что эта страна однажды была накануне религиозного восстания, вызванного запрещением английского правительства? Брахманы выставили в оправдание *сутти* стих из «Ригведы», в котором приказывалось совершать сутти. Но недавно было доказано, что этот стих был фальсифицирован.^[408] Если бы брахманы были единственными авторами «Законов Ману», или, если бы они кодифицировали его целиком, вместо того, чтобы просто пополнять его вставками, соответствующими их целям, не ранее времени Александра, как возможно, чтобы они пренебрегли этим наиболее важным пунктом и поставили в опасное положение его авторитет? Один только этот факт доказывает, что «Законы Ману» должна считаться одною из их самых древних книг.

В силу такого косвенного доказательства – доказательства резонности и логики – мы утверждаем, что если Египет дал Греции ее цивилизацию, и последняя передала ее Риму, то Египет сам в те неизвестные века, когда царствовал Менес,^[409] получил свои законы, свои общественные институты, свои искусства и науки из доведической Индии,^[410] и поэтому именно там, в древней колыбели всех священнослужителей – адептов всех других стран – мы должны искать ключ ко всем великим тайнам человечества.

И когда мы безразлично произносим – «Индия» – мы не подразумеваем Индию наших дней, но Индию архаического периода. В те древние времена страны, которые теперь известны нам под другими именами, назывались Индией. Существовала Верхняя, Нижняя и Западная Индия, последняя из них теперь – Иран. Страны, называемые теперь Тибетом, Монголией и Великой Татарией, также рассматривались древними писателями, как Индия. Мы расскажем вам легенду, связанную с теми местами, которые наука теперь полностью признала колыбелью человечества.

Предания гласят, и записи *Великой Книги* («Книги Дзиан») поясняют, что задолго до дней *Ad-am'a* и его любознательной жены *He-va* там, где сейчас встречаются соленые озера и безлюдные и бесплодные пустыни, находилось обширное внутреннее море, простиравшееся через Среднюю Азию, к северу от горделивой Гималайской гряды и ее западных отрогов. И на нем остров, который в своей несравненной красоте не имел равного во всем мире; он был населен последними остатками Расы, предшествовавшей нашей. Эта раса одинаково удобно могла жить в воде, воздухе или в огне, так как у нее была неограниченная власть над Элементами. Они были «Сыны Божии» – не те, которые увидели человеческих дочерей, но настоящие *элохимы*, хотя в восточной «*Каббале*» у них другое название. И, именно, они передали людям наиболее вещи тайны природы и открыли им чудесное неизреченное теперь *утерянное* «слово». Это слово, которое не есть слово, пропутешествовало однажды по нашему земному шару и все еще витает, как дальнее гаснущее эхо, в сердцах некоторых привилегированных людей. Иерофанты всех священнослужительских школ были осведомлены о существовании этого острова, но «слово» знал только *джава-алейм* (маха-коган в другой терминологии), или глава каждого училища, и он передавал его своему наследнику только в момент смерти. Подобных школ было много, и древние классические авторы упоминают их.

Мы уже видели, что одной из повсеместно распространенных традиций, принятых всеми древними народами, была та, которая говорит, что было много рас людей, предшествовавших нашей нынешней расе. Каждая из них отличалась от предшествующей, и каждая из них исчезала, когда появлялась следующая. В «Законах Ману» ясно упоминается шесть рас, следовавших одна за другой.

«От этого Ману Свайамбхува (меньшего, соответствующего Адаму Кадмону), происшедшего от Свайамбхува или Существа, существующего через себя самого, произошли шесть других Ману (человеческих прародителей); каждый из них породил расу людей... Эти Ману, всемогущественные, из которых Свайамбхува является первым, каждый в свой *период* – *антара* –

вырабатывал и направлял этот мир, состоящий из подвижных и неподвижных существ» («Законы Ману», кн. I).

В «Шива Пурана»^[411] об этом сказано так:

«О, Шива, ты бог огня, изничтожь мои грехи, как увядшая трава джунглей уничтожается огнем. От твоего могучего дыхания Адхима (первый человек) и Хева (по-санскритски – завершение жизни), предки этой расы людей получили жизнь и покрыли землю своими потомками».

С прекрасным островом не было никакого сообщения по морю, а лишь по подземным ходам, известным только главам школ; эти ходы простирались по всем направлениям. Традиция указывает на многие величественные руины Индии – Эллора, Элефанта и пещеры Аджанты (хребет Чандор), которые когда-то принадлежали вышеупомянутым школам, и с которыми были соединены такими подземными ходами.^[412] Кто может сказать по поводу утерянной Атлантиды – которая также упомянута в «Тайной Книге», но, опять-таки, под другим именем, произносимом на священном языке – что она уже не существовала в те дни? Этот великий потерявшийся континент, возможно, мог быть расположен к югу от Азии, простираясь от Индии до Тасмании?^[413] И если эта гипотеза, в которой многие сомневаются и которую некоторые ученые рассматривают как шутку Платона, когда-либо подтвердится, тогда, возможно, ученые поверят, что гипотеза богообитаемого континента не совсем басня. И они тогда поймут: то, что он приписал повествование Солону и египетским священнослужителям, было ничто иное, как разумный способ сообщения этого факта миру, причем путем ловкого соединения истины с выдумкой он отделил самого себя от повествования, которое он, по обязанности, наложенной на него при посвящении, не должен был разглашать.

И как могло само название «Атланта» возникнуть у Платона? Атланта – не греческое имя и в его структуре нет никакого греческого элемента. Брасье де Бурбург пытался доказать это многие годы тому назад, и Болдуин в своем труде «Доисторические национальности и древняя Америка» приводит цитату из его труда, которая гласит:

«Слова *атлант* и *атлантический* не походят этимологически ни на один известный европейский язык. Они не греческие и их нельзя отнести ни к одному известному языку старого мира. Но в языке нахуатл (или тольтеков) мы сразу же находим корень *а*, *атл*, который означает воду, войну и макушку головы. От этого корня происходит ряд слов, таких как *атлан* – край или нахождение среди вод, откуда получилось прилагательное *атлантический*. Мы также имеем *атлака* – сражаться... Существовал город *Атлан*, когда Колумб открывал континент; он находился при входе в залив Ураха в Дариене, имел хорошую гавань; теперь этот город пришел в упадок стал *пуэбло* (поселок) с названием Акло» [385, с. 179].

По меньшей мере, не очень ли странно обнаружить в Америке город, названный именем, которое содержит чисто местный элемент, чуждый, кроме того, всем другим странам, город, упоминаемый якобы в выдумке философа, жившего за 400 лет до Р. Х.? То же самое можно сказать о названии *Америка*, которое когда-нибудь окажется имеющим более близкую связь с Меру, священной горой в центре семи континентов, по индийской традиции, чем с Америко Веспучи, чье имя, кстати сказать, совсем не было Америко, а Альберико – пустяковая разница, считающаяся не стоящей упоминания точной историей до самого последнего времени.^[414] Мы приводим следующие соображения в пользу нашего аргумента:

Во-первых, Америк, Амеррике или Америкесть название в Никарагуа горной страны или горного хребта, который находится между Джуигалпа и Либертадом, в провинции Чонталес, и который простирается в одну сторону в земли каркассских индейцев, а в другую сторону в земли индейцев Рамас.

Ик или *ике* в качестве последнего слога в слове означает великий, как *кацик* и т. п.

Колумб упоминает в своем четвертом путешествии поселок Караи, возможно, *Кайкаи*. Население изобиловало колдунами или знахарями; и это был район хребта Америк высотой в 3000 футов.

Все же он пропускает упоминание этого слова.

Название «Провинция Америка» впервые появилось на карте, изданной в Базеле в 1522 г. До этого времени область считалась частью Индии. В том году Никарагуа была завоевана Жилем Гонзалесом де Авида. [\[415\]](#)

Во-вторых, «северяне, которые заселили этот континент в десятом веке [387], по низкому, густо заросшему лесом берегу» называли его «Маркланд», от слова *марк*, означающего лес. «Р» имело раскатистый звук, как *маррик*. Аналогичное слово находимо в стране Гималаев, и название Мировой Горы, Меру, в некоторых диалектах произносится как Меруах, причем «х» в конце произносится с сильным выдыханием. Главная идея, однако, заключается в том, чтобы показать, как два народа могут принять слово с одинаковым звучанием, вкладывать в него каждый свой смысл и применить его к той же самой территории.

«Наиболее правдоподобно», – говорит профессор Уайлдер, – «что государство Центральной Америки, где мы находим имя *Америк*, означающее (подобно индийской Меру, добавим мы) великую гору, – дало континенту его имя. Вспучи мог бы воспользоваться своим именем, если бы в его замыслы входило намерение дать название континенту. Если теория аббата де Бурбурга о б *Атлане*, как источнике имен Атлант и атлантический подтвердится, то эти две гипотезы могли бы прекрасно согласовываться. Так как Платон не был единственным писателем, трактовавшим о мире, находящемся за Геркулесовыми столбами, и океан все еще мелководен, дает возможность расти морским растениям по всей тропической части Атлантического океана, то вовсе не будет нелепостью представить, что этот континент мог иметь выступ или там существовал громадный остров. Тихий океан тоже проявляет признаки, что в нем существовал целый островной мир, населенный малайцами и яванцами, если только это был континент между севером и югом. Мы знаем, что ученым снится в Индийском океане Лемурия, и что пустыня Сахара когда-то была морским дном».

В продолжение традиции о прекрасном острове мы добавим, что класс иерофантов четко разделялся на две категории; одна – это те, кто получали наставления от «Сыновей Божиих» с острова и которые были посвящены в божественное учение чистого откровения; другая категория – это обитатели погибшей Атлантиды, если таково должно быть ее имя, которое охватывало всё сокровенное, и были независимы и от расстояния, и от материальных препятствий. Короче говоря, они представляли *четвертую* расу людей, упоминаемую в «Пополь-Вухе», чье зрение было неограничено и которые знали все сразу. Возможно, что они были тем, что мы теперь называем «прирожденными медиумами», которые ни боролись, ни страдали ради приобретения познаний и также не получали их ценою какой-либо жертвы. Поэтому в то время, как первые идут путем своих божественных наставников, приобретая познания постепенно и в то же время обучаясь различать добро и зло, атлантские *адепты* от рождения слепо следовали внушениям великого и невидимого «Дракона», царя *Теветата* (Змей «Книги Бытия»?). Теветат ни учился, ни приобретал познания, но, пользуясь выражением доктора Уайлдера, адресованном Змею-искусителю, был «наподобие Сократа, который *знал*, не будучи посвященным». Таким образом, под влиянием злых внушений своего демона Теветата

раса атлантов стала нацией *черных магов*. Вследствие этого была объявлена война, рассказ о которой потребовал бы слишком долгого повествования; сущность этого рассказа может быть найдена в искаженных аллегориях о потомстве Каина, гигантах и в аллегориях о Ное и его благочестивой семье. Столкновение закончилось погружением Атлантиды в пучину океана, что нашло свои имитации в повествованиях вавилонян и Моисеевого потопа; великаны и маги «... и всякая плоть погибла... и все люди». Все, за исключением Ксисутра и Ноя, которые весьма идентичны с великим Отцом тлинкитиан в «Пополь-Вухе», или священной книгой гватемальцев, которая также рассказывает о его бегстве и спасении в большом судне, подобно индийскому Ною – Вайшуасвате.

Если мы, вообще, поверим этой традиции, то нам следует верить и дальнейшему повествованию, что вследствие смешанных браков потомства иерофантов острова и потомства атлантического Ноя возникла смешанная раса праведных и безнравственных. С одной стороны Мир имел своих Енохов, Моисеев, Будд, своих многочисленных «Спасителей» и великих иерофантов; с другой стороны, он также имел своих прирожденных «*натуральных магов*», которые вследствие недостатка сдерживающей силы надлежащего духовного просвещения, а также вследствие слабости физической и ментальной организованности бессознательно применили свои дарования на цели зла. У Моисея не нашлось слов упрека для тех адептов пророков и других сил, которые обучались в школах эзотерической мудрости, [\[416\]](#) упомянутых в Библии. Его разоблачения обращены к тем, кто сознательно или неумышленно унижали силы, унаследованные от атлантских предков, применяя их на служение злым духам во вред человечеству. Гнев его воспламенялся против духа Об и духа Од. [\[417\]](#)

Развалины, которыми покрыты обе Америки и которые также обнаружены на Западно-Индийских островах, все приписываются жителям погрузившейся в океан Атлантиде. Так же как иерофанты древности, которые в дни Атлантиды были почти что соединены с новым миром сушею, маги покоящейся теперь на дне океана страны имели сеть подземных ходов, расходящуюся по всем направлениям. В связи с этими таинственными катакомбами мы хотим сообщить вам любопытное повествование, рассказанное нам теперь давно уже умершим перуанцем, когда мы путешествовали по этой стране. Повествование должно заключать в себе истину, так как оно впоследствии было подтверждено одним итальянским джентльменом, который видел то место, и, если бы не недостаток средств и времени, проверил бы повествование хотя бы частично. Итальянец же услышал эту историю от старого священника, которому тайна была сообщена исповедывавшимся у него перуанским индейцем. Кроме того, мы можем добавить что священник был заставлен, принужден раскрыть эту тайну, так как находился полностью под гипнотическим влиянием путешественника.

Повествование идет о баснословных сокровищах последнего Инка. Перуанец уверял, что со времени позорного убийства Инки, совершенного Писарро, эта тайна была известна всем индейцам, за исключением метисов, которым нельзя доверять. Дело было так: когда Инка был пленен испанцами, его жена предлагала за его освобождение комнату, полную золота «с пола до потолка, так высоко, как высоко могут дотянуться руки завоевателей»; это должно было быть выполнено на третий день до заката Солнца. И она выполнила свое обещание, но Писарро нарушил свое слово, как это делали испанцы. Восхищаясь видом таких сокровищ, завоеватель объявил, что он не освободит пленника и, наоборот, убьет его, если королева не откроет ему, откуда взяты эти сокровища. Он уже слышал, что у инков где-то была неисчерпаемая шахта; что под землю имелся туннель длиною во многие мили, где хранились накопленные богатства страны. Несчастливая королева молила дать ей отсрочку и пошла советоваться с оракулами. Во время жертвоприношения верховный священнослужитель показал ей в освященном «черном зеркале» [\[418\]](#) неизбежную казнь ее мужа независимо от того, пожертвует ли она Писарро

сокровища короны или нет. Тогда королева дала приказ закрыть вход в сокровищницу, а входом служила дверь в скальной стене пропасти. Под руководством священнослужителя и магов пропасть была доверху заполнена глыбами скал, засыпана, разровнена сверху, чтобы скрыть следы работы. Инку испанцы убили, а несчастная королева покончила жизнь самоубийством. Испанская жадность превзошла самое себя, и тайна захороненных сокровищ осталась скрытой в сердцах нескольких верных перуанцев.

Наш перуанский осведомитель добавил, что вследствие неосторожности некоторых лиц в разное время некоторые правительства посылали людей на поиски этих сокровищ под видом научных экспедиций. Они обыскали всю страну, но ничего не достигли. До сих пор эта традиция подтверждается сообщениями доктора Чадди и других историков Перу. Но имеются некоторые дополнительные детали, про которые мы не знаем, были ли они до сих пор доведены до сведения публики.

Несколько лет спустя после того, как мы слышали это повествование, а также его подтверждение со стороны итальянского джентльмена, мы снова посетили Перу. Путешествуя на юг от Лимы по воде, мы на закате солнца добрались до стоянки близ Арика и были поражены видом громадной скалы, почти перпендикулярной, которая в печальном одиночестве стояла на берегу отдельно от Андского хребта. Это было место захоронения инков. Когда последние лучи заходящего солнца упали на лицевую часть скалы, то с помощью обычного театрального бинокля можно было различить какие-то любопытного вида иероглифы, начертанные на вулканической поверхности.

Когда Куско был столицей Перу, в нем находился храм солнца, далеко прославившийся своим величием. Он был покрыт крышей из толстых листов золота, и тем же драгоценным металлом были покрыты стены. Водосточные желоба также были из массивного золота. В западной стене архитекторы сконструировали щель такого рода, что когда солнечные лучи до нее доходили, она фокусировала их внутри храма. Распространяясь золотой цепью от одной засверкавшей точки на другую, они рассыпались кругом по стенам, освещая мрачных идолов, и раскрывали перед зрителем некие тайные знаки, остающиеся невидимыми в другое время. И только путем расшифровки этих иероглифов, тождественных тем, которые до сегодняшнего дня можно увидеть на скале погребения инков, можно узнать секрет подземного туннеля и подходов к нему. Среди последних один находился по соседству с Куско, но он теперь замаскирован до невозможности. Он ведет прямо в громадный туннель, который ведет из Куско на Лиму и затем, сделав поворот на юг, уходит в Боливию. В каком-то месте его преграждает гробница царей. Внутри погребальной камеры хитроумно устроены две двери или, вернее, две огромные каменные глыбы, поворачивающиеся на точках опоры и настолько плотно пригнанных, что отличить их от покрытой скульптурой стены можно лишь с помощью тайных знаков, ключ от которых хранится в верных руках преданных стражей. Одна из этих поворачивающихся глыб закрывает южный проход в туннель на Лиму, а другая – на север в коридор на Боливию. Последний, уходя на юг, проходит через Трапака и Кобиджо, так как Арика находится недалеко от небольшой речки, называющейся Пайквина,^[419] являющейся границей между Перу и Боливией.

Недалеко от этого места стоят три отдельных горных пика, которые образуют любопытный треугольник; они включены в цепь Анд. Согласно традиции, единственный возможный вход в подземный коридор, ведущий на север, скрыт в одном из этих пиков. Но без знания указывающих путь тайных знаков полк титанов мог бы там разворотить скалы и поиски все же оказались бы напрасными. Но даже, если кому-то удалось бы отыскать вход и добраться до поворачивающейся глыбы в стене гробницы, и он попытался бы взорвать ее, то перекрывающие одна другую скалы так расположены, что они погребли бы под собою гробницу со всеми

сокровищами и, – по выражению таинственного перуанца, – «погребли бы в общей могиле» еще и тысячу воинов. Нет другого доступа к подземелью Арика, как только через дверь в горе близ Пайквина. По всей длине коридора из Боливии до Лимы и Куско расположены меньшие сокрытые хранилища, заполненные сокровищами из золота и драгоценных камней, накопленных многими поколениями инков, и общая их ценность неисчислима.

Мы обладаем точным планом туннеля, гробницы и дверей, каковой план дал нам в то время старый перуанец. Если бы мы когда-либо вздумали воспользоваться этим секретом, то нам потребовалось бы в значительной мере содействие Перуанского и Боливийского правительств. Не говоря уже о физических препятствиях, ни один человек отдельно и даже небольшая группа не могли бы взяться за исследование без того, чтобы не столкнуться с армией контрабандистов и разбойников, которыми кишит это побережье; и в эту армию, в сущности, входит почти все население. Одна только задача очищения удушливого воздуха коридора, куда сотни лет никто не входил, – серьезное задание. Однако, сокровища там лежат, и традиция гласит, что они будут там лежать до тех пор, пока последние остатки испанского владычества не исчезнут как из Северной, так и из Южной Америки.

Сокровища, вырытые из земли доктором Шлиманом в Микенах, пробудили всеобщую жадность, и глаза авантюристических спекулянтов обращены к тем местностям, где, по предположениям, захоронены богатства древних народов – в тайниках или в пещерах, под песком или аллювиальными наносами. Но нет другой местности, не исключая даже Перу, к которой относилось бы так много традиций, как к пустыне Гоби. В независимой Татарии эти, под завывающим ветром, перемещающиеся пески, если повествования правильны, представляли собою богатейшие империи, какие когда-либо видел мир. Говорят, что под поверхностью пустыни лежат такие богатства, заключающиеся в золоте, ювелирных изделиях, скульптуре, оружии, сосудах и всем, что относится к человеческой роскоши и изящным искусствам, что ни одна из ныне существующих столиц христианского мира таким не обладает. Гобийские, ужасающим ветром гонимые, пески регулярно движутся с востока на запад. Временами некоторые из этих скрытых сокровищ обнажаются, но ни один туземец не осмеливается прикоснуться к ним, ибо вся эта область под запретом мощных чар – смерть была бы наказанием. Бахти – уродливые, но верные гномы, охраняют сокрытые сокровища доисторических народов, дожидаясь того дня, когда вращение циклических периодов снова раскроет людям их историю в назидание человечеству.

Согласно местным преданиям, гробница Чингис-Хана все еще существует у озера Табасун Нор. В ней, как бы уснувший, лежит монгольский Александр. По истечении трех с лишним веков он проснется и снова поведет свой народ к новым победам и к другому пожинанию славы. Хотя это пророческое предание будет встречено с большим недоверием, мы можем подтвердить как факт, что сама гробница не выдумка и что ее поразительное богатство не преувеличение.

Область Гобийской глухомани, фактически, вся площадь независимой Татарии и Тибета ревниво охраняется от иностранного вторжения. Те, кому разрешается пересекать ее, находятся под особым наблюдением и водительством агентов, назначаемых высшими властями, и они не должны сообщать внешнему миру никакой информации о местах и лицах. Если бы не было этого ограничения, то даже мы могли бы дать на этих страницах много описаний о исследованиях, открытиях и приключениях, которые читались бы с интересом. Рано или поздно настанет время, когда страшные пески пустыни выдадут свои давным-давно захороненные тайны, и тогда наше современное тщеславие испытает неожиданное унижение.

«Люди страны Пашай», ^[420] – говорит Марко Поло, отважный путешественник XIII века, – «являются великими адептами в колдовстве и в дьявольских искусствах».

И его ученый редактор добавляет:

«Этот Пашай, или Удиана, была родиной Падма Самбхавы. одного из главных апостолов ламаизма, то есть тибетского буддизма, и великого мастера чарований. Доктрины Сакья, когда они были преобладающими в *старину*, вероятно, носили сильные следы шиваистской магии, и тибетцы рассматривают эту местность, как классическую землю колдовства и чарований».

«Старина», точно такая же, как и «новые времена» – ничто не изменилось в отношении пользования магией, за исключением того, что это пользование стало еще более эзотеричным и засекреченным по мере возрастания любопытства различных путешественников. Хуан-Цзан, этот благочестивый и храбрый человек, говорит о тамошних обитателях:

«Эти люди... любят учение, но не отдаются ему с увлечением. *Наука магических формул стала для них регулярным профессиональным делом*» [388].

Мы не будем опровергать сказанного преподобным китайским паломником по этому поводу и охотно допускаем, что в седьмом веке *некоторые* люди превратили магию в «доходное дело»; точно также поступают *некоторые* люди и теперь, но так не поступают истинные адепты. И не Хуан-Цзан, благочестивый отважный человек, рисковавший сотню раз своей жизнью, чтобы приобщиться к блаженству узреть тень Будды в Пешаверской пещере, являлся тем человеком, который стал бы обвинять святых лам и обезьянничавших тауматургов, что они, демонстрируя магию путешественникам, превратили ее в «доходную профессию». Наверное, Хуан-Цзан ни на минуту не забывал приказа Будды, заключающегося в его ответе царю Прасенагиту, своему покровителю, который посетил его, чтобы требовать совершения чудес.

«Великий царь», – сказал Гаутама, – «я не преподаю закона моим ученикам, говоря им, – „идите, вы, святые, и совершайте, пользуясь нашими сверхъестественными силами, перед брахманами и домохозяевами чудеса, превосходящие все, что какой-либо человек может совершить“. Я говорю им, когда учу закону – «живите, вы, святые, *скрывая свои добрые деяния и обнажая ваши грехи*»».

Пораженный повествованиями о магических проявлениях, засвидетельствованных и записанных путешественниками всех веков, посетивших Татарию и Тибет, полковник Гул приходит к заключению, что обитатели тех стран, должно быть, имеют «в своем распоряжении всю целиком энциклопедию современных „спиритуалистов“». Даходд в числе их волшебств упоминает умение вызывать *появление в воздухе фигур Лао-цзы*^[421] и их божеств, а также *умение заставить карандаш писать ответы, на вопросы без прикосновения рук*».^[422]

Первое – вызывание фигур – относится к религиозным мистериям их святилищ; если такие вызывания совершаются с *корыстолюбивыми целями*, то они считаются *колдовством*, некромантией и строго воспрещаются. Второе искусство – способность карандаша писать *без прикосновения рук* – было известно и практиковалось в Китае и в других странах за многие века до христианской эры. Это является азбукой магии в тех странах.

Когда Хуан-Цзан захотел поклониться тени Будды, то он не прибегал к услугам «профессиональных магов», но обратился к силе вызывания своей собственной души, к мощи молитвы, веры и созерцания. Все было мрачно и тоскливо у пещеры, где, как уверяли, чудесное явление иногда происходило. Хуан-Цзан вошел в пещеру и начал творить свои молитвы. Он совершил сотню обращений, но ничего не увидел и не услышал. Тогда, считая себя слишком грешным, он горько плакал и пришел в отчаяние. Но когда он уже стал терять всякую надежду, он заметил на восточной стене слабый свет, но он исчез. Он возобновил свои молитвы, на этот раз уже полный надежд, и опять увидел свет, который то вспыхивал, то опять исчезал. После

этого он дал себе торжественный обет: не уходить из пещеры до тех пир, пока не испытает восторга лицезрения тени «уважаемого в веках». После этого ему пришлось ждать дольше прежнего, так как только после 200 молитв темная пещера вдруг залилась светом, и тень Будды сияющего белого цвета величественно поднялась на стене, точно сразу разорвались облака, дав место дивному изображению «Горного Света». Хуан-Цзан весь погрузился в созерцание дивного явления и не мог отвести своего взора от возвышенного и несравненного видения. Хуан-Цзан в своем дневнике «Си-ю-цзи» добавляет, что это возможно лишь тогда, когда человек молится с искреннею верою и получает свыше сокровенное воздействие – лишь тогда можно видеть эту тень ясно, но нельзя насладиться этим лицезрением столько, сколько хотелось бы [305].

Те, кто с такой легкостью обвиняют китайцев в безрелигиозности, хорошо сделают, если прочтут Скотта «Очерки по буддизму в Китае и в Верхней Азии» [389].

«В годы Юан-йеу Суна (1086—1093) благочестивая матрона со своими двумя прислужницами всецело жили жизнью, устремленною к свету, добродетели. Однажды одна из этих девушек-прислужниц сказала другой: „Сегодня ночью я перейду в тонкий мир, в царство Амита (Будды)“. В ту же ночь бальзамический аромат заполнил весь дом, и девушка умерла безо всякой предшествующей болезни. На другой день оставшаяся в живых прислужница сказала своей госпоже: „Вчерашней ночью моя покойная подруга приснилась мне во сне и сказала: благодаря упорным мольбам моей дорогой хозяйки, я стала обитательницей Рая, и мое блаженство невыразимо словами“. Хозяйка ответила: „Если она и мне покажется, тогда я поверю всему, что ты говоришь“. В следующую ночь покойница, действительно, показалась ей. Хозяйка спросила ее: „Нельзя ли мне заодно самой посетить царство Света?“» – «Да», – ответила благословенная душа, – «тебе придется только последовать за своей прислужницей». Госпожа последовала за ней (во сне) и вскоре увидела озеро неизмеримых размеров, все покрытое неисчислимым количеством красных и белых лотосов различных размеров; некоторые цвели, некоторые увядали. Она спросила, что бы могли означать эти цветы? Девушка ответила: «Они все человеческие существа на земле, чьи мысли обращены к Царству Света. Самое первое устремление к Раю Амита порождает цветок на Небесном озере; и по мере того, как подвигается вперед человек по пути самоусовершенствования, представляющий его цветок на озере ежедневно прибавляется в росте и становится все более прекрасным; в противном же случае он теряет свою красоту и увядает».^[423] Матрона пожелала узнать имя одного светозарного, который покоился на одном из цветков, одетый в развевающееся с чудесными переливами света одеяние. Ее прежняя прислужница ответила: «Это Ян-цзи». Затем она спросила имя другого и получила ответ: «Это Маху». Тогда госпожа сказала: «Какое место займу я, когда перейду сюда после смерти?» Тогда Благословенная Душа повела ее немного дальше и показала ей холм, который блистал золотом и лазурью. «Вот», – сказала она, – «ваше будущее обиталище. Вы будете принадлежать к первому классу благословенных». Когда матрона проснулась, она послала узнавать про Ян-цзи и Маху. Первый уже умер, а второй был жив и здоров. И таким образом эта госпожа узнала, что душа человека, который продвигается вперед к святости и никогда не отступает назад, может уже быть обитательницей Царства Света, хотя тело все еще пребывает в этом преходящем мире».

В том же самом очерке приводится другое китайское повествование на ту же тему:

«Я знал человека», – говорит автор, – «который в течение своей жизни убил многих живых существ, и, наконец, сам получил апоплексический удар. Горести, предстоящие его грехами отягощенной душе, печалили меня до глубин сердца. Я посещал его и уговаривал его взывать к Амита, но он упорно отказывался. Болезнь затемняла его понимание; вследствие своих злодеяний он ожесточился. Что предстоит этому человеку, когда глаза его закроются? В этой жизни ночь следует за днем, и зима следует за летом – об этом знают все. Но что за жизнью следует смерть – никто не хочет подумать. О, какая это слепота! Какая черствость!» (стр. 93).

Эти два примера из китайской литературы едва ли подтверждают обычное обвинение в безрелигиозности и полном материализме, которое предъявляется этой нации. Первое приведенное небольшое мистическое повествование полно духовного очарования и могло бы украсить любую христианскую религиозную книгу. Второе повествование заслуживает похвалы, и стоит только слово «Амита» заменить словом «Иисус», как получится весьма ортодоксальный рассказ в отношении религиозных чувств и кодекса нравственной философии. Нижеследующий пример еще более поразителен, и мы приводим его ради блага возрождателей христианства:

«Хуан-цза-цзи из Т'анчена, который жил во времена династии Сун, был кузнецом-ремесленником. Когда бы он ни работал, он непрерывно взывал к Амита-Будде. Однажды он передал своему соседу для распространения следующее стихотворение собственного сочинения:

«Дин-дон, дин-дон! – бьет молоток о наковальню,
Пока железо, отвердев, не станет сталью!
В тот миг наступит день покоя неземного,
Зовет меня *Страна Блаженства Векового!*»

«После этого он умер, но его стихотворение распространилось по всему Хунану, и многие научились взывать к Будде» [389, с. 103].

Отрицать у китайцев или у любого азиатского народа, будь то Центральная, Верхняя или Нижняя Азия, обладание какого-либо знания или даже восприятия духовного – попросту смешно. С одного конца до другого эта страна полна мистиков, религиозных философов, буддийских святых и магов. Вера в духовный мир, полный невидимых существ, которые в некоторых случаях объективно являются смертными, – распространена повсюду.

«По поверью народов Центральной Азии», – замечает И. Дж. Шмидт, – «земля и ее недра так же, как и окружающая атмосфера наполнены духовными существами, которые оказывают влияние, частью благотворное, частью зловредное на всю органическую и неорганическую природу... В особенности пустыни и другие дикие или необитаемые местности, или области, где воздействия природы проявляются в гигантских или в устрашающих масштабах, считаются главными обиталищами или местами сборищ злых духов. Поэтому степи Турана и в особенности песчаные пустыни Гоби рассматриваются, как места пребывания зловредных существ со времен седой древности».

Марко Поло, на самом деле, в любопытной «Книге» своих путешествий не раз упоминает этих шаловливых духов природы в пустынях. Веками, а в особенности в нашем веке, его странные повествования совершенно отвергались. Никто не хотел поверить ему, когда он сказал, что он сам являлся свидетелем, видел своими собственными глазами наиболее удивительные

чудеса магии, совершаемые подданными Кублай-Хана и адептами других стран. На смертном одре к Марко сильно приставали, понуждая его отказаться от своих якобы «измышлений», но он торжественно поклялся, что сказал только правду, добавив, что «он не рассказал и *половины* того, что видел в самом деле!» Теперь в этом нет никакого сомнения, так как появились издания Марсдена и полковника Гула. Публика особенно признательна последнему за привлечение такого множества авторитетов, подтверждающих свидетельства Марко и объясняющих некоторые феномены обычным путем, ибо он исчерпывающе раскрывает перед читателями, что великий путешественник был не только правдивый повествователь, но и чрезвычайно наблюдательный человек. Горячо защищая своего автора, этот добросовестный редактор, после перечисления неоднократно оспариваемых и даже отвергаемых наблюдений в «Путешествиях» венецианца, приходит к заключению со следующими словами:

«Более того, последние два года принесли обещание пролить свет на то, что считалось самым *невероятным* в повествованиях Марко, и кости настоящей РУХ из Новой Зеландии уже лежат на столе кабинета профессора Оуена!»^[424]

Так как чудовищная птица «Тысяча и одной ночи», или «Арабских сказок», которая в словаре Уэбстер называется *Рух* (или Рок), идентифицирована, то теперь остается еще *обнаружить* и признать, что магическая лампа Аладдина тоже имеет некоторое право претендовать на реальность.

Описывая свое прохождение по великой пустыне Лоп, Марко Поло говорит об изумительных вещах,

«которые заключаются в том, что когда путники путешествовали ночью... они слышали, как духи разговаривают. Иногда эти духи зовут путников по именам... даже днем слышен разговор духов. А иногда вы услышите звуки различных музыкальных инструментов, а еще более обычным будет бой барабана» [324, т. I, с. 203].

В своих примечаниях переводчик приводит цитаты от китайского историка Мат-ван-лина, который подтверждает то же самое.

«Во время прохождения по этим диким местам вы слышите звуки», – говорит Мат-ван-лин, – «иногда это звуки пения, иногда завывания; и часто случалось, когда путешественники отходили в сторону посмотреть что это за звуки, они сбивались с пути и совершенно терялись, ибо то были голоса духов».^[425] «Эти духи присущи не только Гоби», – добавляет редактор, – «хотя создается впечатление, что она является их наиболее излюбленным местопребыванием. *Страх перед обширной безлюдной пустыней вызывает их во всех подобных местностях*».

Полковник Гул поступил бы правильно, если бы подумал о серьезных последствиях, которые возникнут, если его теория будет принята. Если мы допустим, что вещие выкрики Гоби обязаны своим происхождением страху, «вызванному обширной и безлюдной пустыней», то почему бесы Гадаринские [Лука, VIII, 29] должны рассматриваться в ином качестве? И почему тогда Иисус не может оказаться самообманувшимся в отношении объективного искушения в течение сорокадневного испытания в «пустыне»? Мы вполне готовы принять или отвергнуть теорию, выдвигаемую полковником Гулом, но настаиваем на беспристрастном ее применении во всех случаях. Плиний говорит о призраках, которые появляются и исчезают в пустынях

Африки [56, vii, 2]; Этик, ранний христианский космограф, упоминает, хотя и с недоверием, рассказы о голосах певцов и пирующих в пустыне; а Мас-ади рассказывает о вампирах, «появляющихся перед путниками ночью и в часы одиночества»; а также об Аполлонии Тианском и его товарищах, которые в пустыне близ Инда при лунном свете видели «нежить *эмпуза* [или вампира], постоянно меняющую свои обличья... Аполлоний... принялся бранить ее, приказав спутникам делать то же самое... *эмпуза* бросилась наутек, визжа» [122, кн. ii, гл. 4]. И Эбн Батута рассказывает подобную же легенду про Западную Сахару: «Если посланец идет одиноко, то демоны заигрывают с ним и зачаровывают его так, что он сбивается с дороги и погибает». [426] Итак, если все эти рассказы могут быть «разумно разъяснены», а мы не сомневаемся, что в большинстве случаев это возможно, то «библейские» дьяволы пустыни также не заслуживают большего и к ним должно применяться то же правило. Они тоже порождения страха, воображения и суеверия; отсюда следует, что библейские повествования должны быть лживы, а если один единственный стих лжив, то это уже бросает тень на все остальные, чтобы считать их *божественным* откровением. Стоит только это признать, и это собрание канонических документов становится подсудным критике, как любое другое собрание повествований. [427]

Много имеется в мире местностей, где наиболее странные феномены произошли, как впоследствии было установлено, по чисто естественным физическим причинам. В Южной Калифорнии имеются определенные места на морском берегу, где песок, если его потревожить, издает громкий мелодичный звон. Он известен, как «музыкальный песок»; полагают, что это явление связано с электричеством.

«Звуки музыкальных инструментов, главным образом, барабанов, действительно производятся в некоторых местах между песчаными холмами, если песок потревожить», – говорит редактор Марко Поло, – «Очень поразительное описание феномена такого рода, считавшегося *сверхъестественным*, дано монахом Одориком, чьи наблюдения я проследил до Рег Руана или зыбучих песков к северу от Кабула. Кроме этого знаменитого примера... я отмечу еще один, равно известный как *Джибал Накикс* или «Холм Колокола» в Синайской пустыне; *Джибал-ул-Тхабул*, или холм барабанов... Китайское повествование десятого века упоминает феномен, имеющий место около Куачоу на восточной границе пустыни Лоп, – этот феномен называет «поющими песками». [428]

Что все они естественные феномены, в этом никто не сомневается. Но как насчет вопросов и ответов, ясно и громко задаваемых и получаемых? Как насчет бесед, состоявшихся между некоторыми путешественниками и *невидимыми* духами или неизвестными существами, которые иногда появляются перед целыми караванами в осязаемых формах? Если так много миллионов людей верят, что духи могут облекать себя в материальные тела под покровом «медиума» и появляться перед *кругом* членов спиритического сеанса, то почему этим людям не признать такой же способности облечься материальным телом у элементарных духов пустыни? Это есть «быть или не быть» Гамлета. Если «духи» в состоянии делать все то, что спиритуалисты им приписывают, то почему они не смогут равно появляться перед путешественниками в пустынях и безлюдных местностях? Недавно научная статья в русском журнале приписывала такие «голоса духов» в великой пустыне Гоби простому эхо. Это очень разумное объяснение, но только в том случае, если можно доказать, что эти голоса просто повторяют то, что до этого было произнесено живым человеком. Но если этот «суеверный» путешественник получает разумные *ответы*, на свои вопросы, то это гобийское эхо сразу обнаруживает очень близкое

родство со знаменитым эхо в театре Порте Сент Мартин в Париже. «Как поживаете, сэр?» – кричит один актер из пьесы. – «Благодарю вас, сын мой, очень плохо. Я стар, очень... очень стар!» – вежливо отвечает эхо!

Какое невероятное веселье, должно быть, в течение многих веков вызывали *суеверные* и *нелепые* повествования Марко Поло о «сверхъестественных» талантах некоторых заклинателей акул и диких зверей в Индии, которых он именует *абрайамами*. Описывая добычу жемчуга на Цейлоне такой, какой она была в его время, он говорит, что купцы

«обязаны также платить тем людям, которые *зачаровывают* больших рыб, чтобы предотвратить нападения на ныряльщиков, пока они находятся под водой в поисках жемчужниц; плата эта составляла одну двадцатую часть от всего добытого. Эти заклинатели рыб называются абрайамами (брахманами?), и их чары имеют силу только на один день, так как на ночь они снимают чары, чтобы рыбы могли резвиться вволю. Эти абрайаманы могут зачаровать зверей, птиц и всякое живое существо».

И вот что мы находим в объяснительных замечаниях полковника Гула по поводу этого *унизительного* азиатского «суеверия».

«Повествование Марко о добывании жемчуга все же в основном правильно... В алмазных копиях северного Киркаса нанимают брахманов для аналогичной цели умиловления местного божества. Заклинатели акул по-тамильски называют *Кадал-Катти*, «усмирители моря», а на хиндустани – Гай-банда или «усмирители акул». В Арипо они принадлежат к единой семье и считаются обладателями монополии на чары.^[429] Старший заклинатель получает (или получал несколько лет тому назад) *плату от правительства* и десять устриц с каждой лодки ежедневно, пока длится ловля. Теннент, во время своего посещения этого места, нашел, что обязанности заклинателя акул были возложены на *римско-католического христианина* (?), но это, казалось, ничуть не отразилось на эффективности его услуг. *Замечательно, что за весь период со времени британской оккупации имел место только один несчастный случай, вызванный акулой* [324, т. ii, с. 321].

В вышеприведенном абзаце два факта заслуживают сопоставления: 1) британские власти выплачивают жалованье профессиональному заклинателю акул, чтобы он применял свое ремесло; и 2) только *одна жизнь* была потеряна за время выполнения договора. (Предстоит еще выяснить, не произошла ли эта единственная утрата во время защиты римско-католического колдуна.) Претендуется ли здесь на то, что жалованье выплачивалось как уступка *унизительному* туземному суеверию? Очень хорошо; но как насчет акул? Разве они тоже получали жалованье от британских властей из Секретного Фонда? Каждый человек, кому доводилось посещать Цейлон, должен знать, что воды жемчужного берега кишат акулами самого прожорливого сорта, и что даже купаться там опасно, не говоря уже о нырянии за устрицами. Если бы мы захотели мы могли бы пойти еще дальше и назвать имена британских сановников, занимающих высокие посты на службе в Индии, которые после того, как прибегали к помощи туземных «магов» и «колдунов», чтобы те помогли им отыскать потерянные вещи или распутывать причиняющие беспокойство тайны того или иного рода, после успешного завершения, *тайно* выразив свою благодарность, уходили и показали свою внутреннюю трусость перед мировым судом тем, что публично отрицали истинность магии и бросали насмешки в индийские «суеверия».

Не так много лет тому назад одним из худших суеверий ученые считали поверье, что

портрет убийцы отпечатывается в глазу убитой личности, и что убийцу легко можно узнать, если тщательно осматривать сетчатку. «Суеверие» утверждало, что это изображение становится еще более выразительным, если подвергнуть убитого неким обкуиваниям старых женщин, и тому подобную болтовню. А теперь американская газета от 26 марта 1877 г. сообщает:

«Ряд лет тому назад внимание было привлечено к теории, которая утверждала, что последнее зрительное усилие материализуется и остается отпечатавшимся на сетчатой оболочке глаза после смерти. Посредством опыта, произведенного в присутствии доктора Гамги, члена Королевского Общества содействия естественным наукам в Бирмингеме (Англия), и профессора Бунзена было доказано, что это факт. Предметом опыта послужил живой кролик. Средства, использованные для доказательства, были очень простые; глаза были помещены близ отверстия в заслонке и они удержали форму последнего после того, как кролик был лишен жизни».

Если мы из царства идолопоклонства, невежества и суеверия, как называют Индию некоторые миссионеры, обратимся к так называемому центру цивилизации – Парижу, мы найдем там те же самые принципы магии, проявляющиеся там под названием *оккультного* спиритуализма. Достопочтенный Джон Л. О'Салливан, бывший министр и полномочный представитель США в Португалии, любезно предоставил в наше распоряжение странные подробности полумагического сеанса, на котором он недавно присутствовал вместе с несколькими другими выдающимися людьми в Париже. Имея на это его разрешение, приводим письмо полностью:

Нью-Йорк, 7 февраля 1877 г.

Я с радостью выполняю вашу просьбу о письменном изложении того, о чем я вам рассказывал устно и чему я был свидетелем в Париже прошлым летом в доме пользующегося всеобщим уважением врача, чье имя я не уполномочен называть, но которого в силу обычной французской анонимности я назову доктором Х.

Я был введен туда другом англичанином, хорошо известным в спиритуалистических кругах Лондона – мистером Гледстейном. Присутствовало от 8 до 10 человек обоих полов. Мы сидели в креслах, занимавших половину длинной гостиной, находящейся на одном уровне с просторным садом. В другой половине комнаты стоял рояль; между ним и нами – значительное пространство и пара кресел, очевидно, помещенных там для других лиц. Дверь вблизи них вела во внутренние комнаты.

Вошел доктор Х. и приблизительно минут 20 вел с нами беседу, говорил быстро с горячим французским красноречием; беседу я не берусь в точности передать. Он более 25 лет изучал тайны оккультизма и собирался продемонстрировать перед нами несколько феноменов. Его целью было привлечь своих собратьев из мира науки, но мало или почти никто не пришел, чтобы убедиться самому. Он намеревался вскоре опубликовать книгу. Вскоре он привел двух дам; младшая была его жена; другая (которую я буду называть мадам Y.) была медиум или сенситив, с которым он проработал в течение всего периода занятий по оккультизму и который посвятил всю жизнь работе с ним. У обеих дам глаза были закрыты и, по-видимому, они находились в состоянии транса.

Он поставил их в противоположных концах рояля (который был закрыт) и велел им положить руки на рояль. Вскоре со струн его полились звуки – марширование,

топот галлопирующей конницы, барабаны, звуки труб, перекатывающиеся ружейные залпы, пушечный гром, крики и стоны, одним словом – битва. Это продолжалось, я бы сказал, от пяти до десяти минут.

Следует упомянуть, что до того как оба медиума пришли в комнату, я (по указанию мистера Гледстейна, который бывал там раньше) написал на небольшом кусочке бумаги имена трех предметов, известных только мне самому, а именно: *имя композитора* (уже покойного), *название цветка*, и *сладкое блюдо*. Я выбрал: *Бетховена*, *маргаритку* и французское сладкое – *пломбир*, закатал бумажку в катышек, который держал все время в руке, не сообщив его содержание даже моему другу.

Когда битва кончилась, доктор Х. поместил мадам Y. в одно из двух кресел, причем мадам X. села в другой стороне комнаты, и меня попросили передать мою скатанную бумажку мадам Y. Она держала ее (не раскрывая) между пальцами на коленях. Она была одета в белое платье из мериносовой шерсти, свисающее с ее шеи и собранное в талии; справа и слева ее ярко освещали канделябры. Немного спустя, она уронила мой катышек бумаги на пол, и я его подобрал. Затем доктор Х. поднял ее на ноги и велел ей произвести «вызывание мертвых». Он отодвинул кресла и дал ей в руки стальной прут около 4 с половиной или 5 футов длиной, на верхнем конце которого был короткий крест – египетское *Tau*. Этим она очертила вокруг себя, как стояла, круг около 6 футов в диаметре. Она не держала крест в руке, как ручку, но, наоборот, держала прут за противоположный конец. Вдруг она возвратила прут обратно доктору Х. Некоторое время она стояла, руки ее свисали, она сложила их вместе впереди, взор ее был слегка устремлен кверху и направлен к одному из противоположных углов длинного салона. Вдруг ее губы пришли в движение, бормоча звуки, которые немного спустя перешли в членораздельные звуки, образующие короткие, разорванные фразы, очень похожие на чтение литании. Время от времени повторялись некоторые слова, похожие на имена. Мне это, казалось, напоминает звуки восточных языков. Лицо ее было чрезвычайно серьезно и подвижно в выражениях, иногда лоб слегка хмурился. Полагаю, что это длилось около 15 или 20 минут среди мертвого молчания остального общества, пока мы все пристально смотрели на эту вещую сцену. Произносимое ею, казалось, увеличивалось в горячности и быстроте. Наконец она протянула одну руку вперед в пространство, куда был направлен ее взор, и громким криком, почти воплем, она воскликнула: «БЕТХОВЕН!» – и упала назад, протершись на полу.

Доктор Х. поспешил к ней, проделал энергичные магнетические пассы около ее лица и шеи, и подложил под ее голову и плечи диванные подушки. И так она лежала, как больная и страдающая, изредка испуская стон, беспокойно поворачиваясь и т. п. Полагаю, что прошло полных полчаса, и в течение этого времени, она, казалось, проходила все стадии постепенного *умирания* (мне объяснили, что она проходит роль, переживая смерть Бетховена). Описывать все в подробностях заняло бы слишком много времени, даже если бы я мог все припомнить. Мы наблюдали за ней, как бы присутствуя при сцене действительной смерти. Я только хочу сказать, что ее пульс прекратился; никакого биения сердца не ощущалось; сперва похолодели ее ладони, затем руки целиком, тогда как под мышкой еще ощущалась теплота; наконец и под мышкой охладело; ее ступни ноги похолодели таким же образом и удивительно распухли. Доктор пригласил нас подойти и освидетельствовать эти феномены. Интервалы между затрудненными дыханиями становились все длиннее, а дыхание слабее и слабее. Наконец настал конец, ее голова откинулась в сторону; руки,

ухватившись пальцами за платье, также отпали. Доктор сказал: «она теперь мертва»; и, действительно, казалось, что это так. С большой поспешностью он достал (я и не заметил, откуда) двух маленьких змей, которых, казалось он совал вокруг ее шеи, на грудь, за пазуху, делая в то же время энергичные поперечные пасы около головы и шеи. Спустя некоторое время она очевидно стала медленно оживать, и наконец доктор и пара слуг ее подняли и унесли во внутренние комнаты, откуда она вскоре возвратилась. Доктор сказал нам, что все это было критически, но совершенно безопасно при условии не упустить время, так как иначе смерть, которая была реальна, могла перейти в окончательную.

Нет надобности сказать, насколько сильное впечатление эта сцена произвела на всех зрителей. Также нет надобности напоминать вам, что это не было трюкачеством оплачиваемого фокусника чтобы вызвать удивление. Сцена проходила в элегантной гостиной пользующегося всеобщим уважением врача, доступ к которому без рекомендаций был невозможен; к тому же (не касаясь феноменальных фактов) тысяча неопишуемых подробностей, касающихся речи, манер, выражений и поступков в своей совокупности, состоящей из мельчайших деталей, гарантировали искренность и серьезность, приносящие убедительность свидетелям, которая, тем не менее, может передаваться тем, кто только слышат или читают о них.

Спустя некоторое время вернулась мадам Y.; ее посадили на одно из двух кресел, уже упомянутых, а меня пригласили сесть на другое рядом с ней. Я все еще держал в руке нераскрытый катышек бумаги, содержащий три слова, тайно мною написанных, из которых Бетховен был первым. Она просидела несколько минут с раскрытыми руками, покоящимися на коленях. Вдруг они беспокойно задвигались. «Ах, жжет, жжет», – сказала она, и ее черты сморщились с выражением боли. Через несколько мгновений она подняла одну из своих рук, и эта рука держала *маргаритку*, цветок, название которого я написал в качестве второго слова. Я принял цветок от нее и, после того как его осмотрели все остальные члены компании, сохранил. Доктор X. сказал, что цветок такого сорта неизвестен в этой части страны. Высказывая такое мнение, он определенно ошибся, так как я через несколько дней видел такие же цветы на цветочном базаре в Мадлене. Был ли этот цветок *сотворен* под ее руками, или же это просто была *передача*, как в феномене, с которым мы знакомы по опыту спиритуализма, – этого я не знаю. Это было или то или другое, так как несомненно у нее не было цветка, когда она сидела рядом со мною под ярким светом до того, как он появился. Каждый лепесток на этом цветке был совершенно свеж.

Третьим словом, написанным на моем лоскутке бумаги, был *пломбир*. Вскоре она начала производить движения, какие бывают при еде, хотя ничего съедобного не было видно, и спросила меня, не пойду ли я с ней к Пломбиру, то есть именно то, что я написал. Это могло быть простое чтение мысли.

После этого последовала сцена, в которой мадам X., жена доктора, как мне сказали и как мне казалось, была одержима духом Бетховена. Доктор обращался к ней со словами: «Мосье Бетховен». Но она не обращала на него внимания до тех пор, пока он не крикнул громко это имя ей в ухо. (Может быть, вы помните, что Бетховен был чрезвычайно глух.) После краткого разговора он просил ее сыграть что-нибудь, и она села за рояль и великолепно исполнила как несколько известных музыкальных произведений Бетховена, так и несколько импровизаций, которые по общему признанию, соответствовали его стилю. Впоследствии подруга мадам X. мне сказала, что в обычной жизни, в нормальном состоянии ее игра характеризуется весьма

обыкновенным любительским исполнением. После того, как прошло полчаса, проведенные в музыке и в диалогах в присущем Бетховену характере, причем выражение ее лица и взъерошенные волосы, казалось, приобрели странное сходство с ним, доктор вложил ей в руки лист бумаги и цветной карандаш, прося ее нарисовать лицо, которое она видит перед собой. Она быстро набросала рисунок, изображающий профиль и голову, напоминающие бюсты Бетховена, хотя как более молодого человека. И быстро подписала под ним имя, как бы подпись «Бетховен». Я сохранил этот набросок, хотя и не знаю, похож ли он на подпись Бетховена.

Час уже был поздний, и наша компания разошлась; также у меня не было времени расспрашивать доктора Х. по поводу того, чему я был свидетелем. Но я навестил его вместе с мистером Гледстейном несколько вечеров спустя. Я нашел, что он признает действия духов и являлся спиритуалистом, но он знал гораздо больше, так как долго и глубоко изучал оккультные тайны Востока. Так я понял из его разговоров; тогда как он, как мне казалось, предпочитал отсылать меня к своей книге, которую он собирался издать в течение этого года. Я заметил много разбросанных по столу листов бумаги; все они были исписаны восточными иероглифами – записи мадам У. в состоянии транса, как он сказал, отвечая на мой вопрос. Он сообщил мне, что в той сцене, которой я был свидетелем, мадам У. стала (то есть, как я понимаю, была одержима) *жрицей одного из древнеегипетских храмов*, а произошло это таким образом; один его ученый друг приобрел в Египте мумию жрицы и дал ему часть полотна, в которое мумия была забинтована; от контакта с этим полотном двух или трехтысячелетней давности, от усердия, с каким мадам У. предавалась установлению оккультной связи и вследствие двадцатилетнего отшельничества от мира, она стала той, какой я ее видел. Язык, на котором она произносила слова на сеансе, слышанные мною, был священный язык храмов, которому она была обучена не столько путем вдохновения, сколько тем же путем, как мы изучаем языки: диктантом, письменными упражнениями и т. п., подвергалась даже выговорам и наказаниям, когда она была невнимательна или плохо соображала. Он сказал, что Жаколио тоже слышал произносимые ею слова на подобном же сеансе и признал их принадлежащими к самому древнему священному языку, сохраненному в храмах Индии, еще, если не ошибаюсь, до эпохи санскрита.

В отношении змей, которыми он пользовался при поспешном восстановлении жизни в теле мадам У., или, может быть, вернее, для удержания остатков жизни в ней, он сказал, что существует странная тайна в их отношении с феноменом жизни и смерти. Я понял, что они были необходимы. Молчание и бездействие с нашей стороны тоже было необходимо, на этом настаивали, и каждая попытка расспрашивать во время сеанса безапелляционно, почти сердито, пресекались. Мы могли приходить и разговаривать потом, или же ждать, когда появится его книга, но на сеансе, казалось, только он один имел право пользоваться способностью речи, чем он полностью и пользовался все время с красноречием и точностью дикции француза, присоединив к этому науку, культурность и яркость воображения.

Я намеревался посещать и последующие вечера такого рода сеансов, но узнал от Гледстейна, что Х. отказался от дальнейшего устройства таких вечеров, будучи разочарован неудачей привлечения на них своих коллег по науке, чтобы они могли сами убедиться, что являлось его целью.

Вот то, что я припоминаю из посещения мною этого странного, окрашенного в тона сверхъестественности, вечера, за исключением каких-нибудь не представляющих интереса деталей. Я дал вам имя и адрес доктора Х. конфиденциально, так как мне

кажется, что он продвинулся более или менее далеко по тому же пути, по которому идет и ваше Теософическое общество. Все, что больше этого, я обязан сохранить в тайне, так как я не уполномочен пользоваться этим материалом так, чтобы он стал достоянием гласности.

Уважающий вас, ваш друг и покорный слуга

ДЖ. Л. О'САЛЛИВАН».

В этом интересном примере простой спиритуализм вышел за пределы своих обычных рамок и вторгся в область магии. Черты медиумизма здесь налицо в двойной жизни, которую ведет мадам У., и в которой она проходит существование, совсем отличающееся от нормального, и по причине подчинения своей индивидуальности чужой воле становится пермутацией египетской жрицы; такие черты медиумизма налицо в олицетворении духа Бетховена и в бессознательном и каталептическом состоянии, в которое она впадает. С другой стороны, воля, проявляемая доктором Х. по отношению к своему сенситиву, очерчивание магического круга, вызывания, материализация желаемого цветка, отшельничество и обучение мадам У., применение жезла в его форме, сотворение и использование змей, явная власть над астральными силами – все это относится к магии. Такие эксперименты представляют интерес и ценность для науки, но они могут стать предметом злоупотребления в руках менее добросовестных практикантов, чем выдающийся джентльмен, обозначенный как доктор Х. Истинный восточный каббалист не стал бы рекомендовать их воспроизведения.

Под нашими ногами – неизвестные сферы; еще менее известные и еще менее исследованные сферы – над нами; и между ними – горсточка моли, слепая к Божьему свету, глухая к шепоту незримого мира и хвастающая, что они ведут человечество. Куда? Они заявляют, что вперед; но мы вправе сомневаться в этом. Величайший из наших физиологов, будучи помещен рядом с индийским факиром, не умеющим ни читать, ни писать, очень скоро начнет чувствовать себя таким же глупым, как школьник, не выучивший своего урока. Не вивисекциями над животными может ученый убедиться в существовании человеческой души, и не лезвием ножа может он извлечь ее из человеческого тела.

«Какой здравомыслящий человек», – задает вопрос Сэрджент Кокс, Председатель Лондонского Психологического общества, – «какой здравомыслящий человек, который ничего не знает о магнетизме или психологии, который никогда не видел опытов над ним и не знает его основных принципов, выставит себя таким *глупцом*, что станет отрицать его факты и поносить его теории?»

Правдивым ответом на этот вопрос было бы: «две трети наших современных ученых». Это дерзкое выражение, если истина вообще может быть дерзкой, делает честь тому, кто его высказал – ученому из числа тех немногих, кто достаточно честны и храбры, чтобы высказать полезную истину, как бы неприятна она ни была. И нельзя ошибиться в действительном значении этого вменения в вину, так как сразу после этого непочтительного вопроса ученый лектор продолжает с такую же точностью:

«Химик берет данные по электричеству от электрика; физиолог справляется по геологии у геолога – и каждый из них счел бы наглостью со стороны другого, если бы тот произнес суждение не по своей отрасли науки. Странно, истинно странно, что это разумное правило совершенно отбрасывается, когда дело касается психологии. Ученые-физики считают себя компетентными высказывать догматические суждения по психологии и всему, что к ней относится, не будучи свидетелями ни

одному из ее феноменов и совершенно не имея представления о ее принципах и практике». [\[430\]](#)

Мы искренне надеемся, что два выдающиеся биолога, господин Менделеев из Санкт-Петербурга и мистер Рэй Ланкастер, прославившийся в Лондоне, перенесут вышесказанное с таким же терпением, как их живые жертвы, трепещущие под их рассекающими ножами.

Для того, чтобы какое-либо верование стало всеобщим, оно должно быть обосновано на громадном количестве фактов, имеющих тенденцию усиливаться с одного поколения на другое. Во главе всех таких верований находится магия или, если это предпочтительно, оккультная психология. Кто из тех, кто в состоянии оценить ее огромные силы, даже по ее слабым, полупарализованным следствиям в наших цивилизованных странах, осмелится не поверить в наши дни в утверждения Порфирия и Прокла, что даже неодушевленные предметы, а именно, статуи богов, могли быть заставлены двигаться и проявлять искусственную жизнь на несколько мгновений? Кто может отрицать это утверждение? Разве это те, которые ежедневно свидетельствуют своими подписями, что они видели, как двигаются и ходят столы и стулья, а карандаши пишут без прикосновения к ним? Диоген Лаэртский рассказывает нам о некоем философе Сильпоне, которого суд Ареопага изгнал из Афин за то, что Сильпон осмелился публично отрицать, что Минерва Фидия есть нечто большее, чем глыба мрамора. Но наш собственный век, после того как подражал древним в чем только мог, даже до самих их названий, а именно, «сенаты», «префекты», «консулы» и т. д. и после признания, что Великий Наполеон завоевал три четверти Европы, пользуясь принципами войны, преподанными Цезарями и Александром, – знает гораздо больше о психологии, чем его наставники – настолько больше, что готов отправить каждого верящего в «ожившие столы» в дом сумасшедших.

Как бы то ни было, *религия древних есть религия будущего*. Еще несколько столетий, и не останется никаких сектантских верований ни в одной из великих религий человечества. Брахманизм и буддизм, христианство и магометанство все исчезнут перед мощным натиском фактов. «И изолью дух мой на всю плоть», – пишет пророк Иоиль. «Истинно говорю вам... большие дела, чем эти, совершите вы», – обещает Иисус. Но это может лишь тогда произойти, когда мир вернется к великой религии прошлого, к познанию тех величественных систем, которые задолго предшествовали брахманизму и даже примитивному монотеизму древних халдейцев. Между тем, мы не должны забывать прямых последствий демонстрации тайны. Они были единственным способом, посредством которого мудрые священнослужители древности могли запечатлеть на более грубых чувствах множеств народа идею всемогущества творческой воли или **первопричины**; идею, именно, божественного оживотворения инертной материи – души, вселяемой в нее потенциальной волей человека, микрокосмического подобия великого Архитектора; идею возможности транспортировки громоздких предметов через пространство и материальные преграды.

Почему набожный римский католик должен презрительно отворачиваться от «языческих» обрядов индийских тамиллов, например? Мы были свидетелями чуда святого Януария в добром старом Неаполе и видели то же самое в Наргеркойле в Индии. В чем же разница? Сгустившуюся кровь католического святого заставляют кипеть и пениться в хрустальной бутылке для удовольствия лаццарони; и с усеянной драгоценностями гробницы изображение мученика шлет лучистые улыбки и благословения собранию христиан. С другой стороны, глиняный шар, наполненный водою, засовывается в раскрытую грудь бога Саурана. И, в то время как падре встряхивает свою бутылку и производит свое чудо крови, индийский священнослужитель погружает стрелу в грудь бога и производит свое «чудо», как кровь бьет струями, так и вода

превращается в кровь. И христиане, и индусы впадают в экстаз при виде таких чудес. До сих пор мы тут не видим ни малейшей разницы. Но может ли быть, что язычник научился этому трюку у святого Януария?

«Знай, о, Асклепий», – говорит Гермес, – «что **ВЫСОЧАЙШИЙ** является отцом небесных богов, таким же является человек, *создатель богов, которые пребывают в храмах*, и которые находят удовольствие в обществе смертных. Оставаясь верным своему происхождению и природе, человечество упорно добивается в этой подделке божественных сил; и если Отец Творец сотворил по своему образу *вечных богов*, человечество, в свою очередь, творит своих богов по своему собственному образу». – «Говоришь ли ты о статуях богов, о, Трисмегист?» – «Истинно так, Асклепий, и как бы велико не было твое пренебрежение, разве ты не осознаешь, что эти статуи наделены *рассудком*, и что они оживотворены душою, и что они могут совершать величайшие чудеса. Как мы можем отвергать эту очевидность, когда мы находим, что эти боги обладают даром предсказывать будущее, которое они заставлены сказать, будучи вынуждены к этому магическими чарами, словно через уста духовных лиц и через их видения?.. Это – чудо из чудес, что человек мог изобрести и сотворить богов... Правда, вера наших предков совершила ошибку, и в своей гордости они ошиблись по поводу истинной сущности этих богов... но все же они открыли это искусство сами. Будучи бессильными создать душу и дух, они вызывают души ангелов и демонов, чтобы вводить их в освященные статуи; путем передачи идолам своей собственной способности совершать добро так же как и зло они заставляют их председательствовать на своих мистериях».

Не только одна древность полна свидетельств о том, что статуи и идолы богов временами проявляли разумность и способность передвигаться. Полностью в девятнадцатом веке мы видим, как в газетах пишут о шалостях, совершаемых статуей Лурдской Мадонны. Эта милостивая леди, французская Нотр Дам, убегает несколько раз в леса, примыкающие к ее обычной резиденции, приходской церкви. Церковный сторож обязан отслеживать беглянку и водворять ее на прежнее место неоднократно. ^[431] После этого начинается серия «чудес» – исцелений, пророчествований, падений писем с неба и всякая всячина. Эти «чудеса» безоговорочно воспринимаются миллионами и миллионами римских католиков, причем, значительное количество их принадлежит к наиболее умным и образованным классам. И почему мы тогда не должны верить свидетельству точно такого же рода, данному современником такого же феномена, наиболее признанным и ценимым историком – Титом Ливием, например? «Юнона, не угодно ли будет вам покинуть стены Вейи и сменить эту обитель на обитель в Риме?» – осведомляется римский солдат у богини после взятия этого города. Юнона соглашается, выражая согласие кивком головы, ее статуя отвечает: «Да, такова моя воля». Далее, когда статую уносили, казалось, добавляет историк, что «она потеряла свой огромный вес», и создавалось впечатление, что она сама как бы следует за ними. ^[432]

С *наивностью* и верой, граничащей с возвышенностью, де Мюссе храбро пускается в опасные аналогии и приводит ряд примеров как христианских, так и «языческих» чудес такого рода. Он печатает список таких ходячих статуй святых и мадонн, которые теряют вес и передвигаются, как все живые мужчины и женщины; он приводит достоверные свидетельства классических авторов о том же самом, которые описывали свои чудеса. ^[433] У него только одна мысль, одно всепобеждающее желание – доказать своим читателям, что магия, в самом деле, существует, и что христианство побивает ее по всем статьям. Не то что чудеса последних были бы многочисленней или более выдающимися или внушительными, чем чудеса языческие. Совсем нет; и он, как историк, честно обращается с фактами и свидетельствами. Но, его аргументы и рассуждения весьма забавны: одни чудеса совершаются Богом, а другие – Дьяволом. Он стаскивает Бога, и, поставив его лицом к лицу с Сатаной, позволяет заклятому

врагу решительно побивать Творца. И ни одного солидного убедительного доказательства по поводу различия этих двух родов чудес.

Если бы мы захотели узнать причину, почему он в одном случае усматривает руку Бога, а в другом – рога и копыта Дьявола; то ответ дается следующий:

«Святая римско-католическая и равноапостольная церковь объявляет божьими чудесами только те, которые совершены ее верными сыновьями, а все остальные чудеса – сотворениями духов Ада».

Очень хорошо, но на каком основании? Нам был показан бесконечный список святых писателей; святых, которые всю жизнь сражались с бесами, и святых отцов, чьи слова и авторитет принимались как «Слово Божие» тою же самою церковью.

«Ваши идолы, ваши освященные статуи являются обиталищами демонов», – восклицает святой Киприан. – «Да, именно они являются теми духами, которые вдохновляют ваших пророков, кто оживляет внутренности ваших жертв, кто направляют полет птиц и кто, постоянно смешивая ложь с истиной, создают изречения оракулов и... совершают чудеса, так как цель их заключается в том, чтобы вы им поклонялись» [391, кн. i, с. 452].

Фанатизм в религии, фанатизм в науке или фанатизм в каком угодно вопросе становится страстью и может только ослеплять наш разум. Всегда бесполезно спорить с фанатиком. И здесь мы не можем не восхититься еще раз глубоким знанием человеческой природы, которое продиктовало мистеру Сэрдженту Коксу следующие слова, сказанные им в речи, о которой мы уже упоминали:

«Нет более фатальной ошибки, чем считать, что истина восторжествует своею собственною силою, что стоит ее только увидеть, как ее встретят с распростертыми объятиями. Фактически устремление к истине существует у очень маленького количества людей, а способность различить истину – у еще меньшего количества. Когда люди говорят, что они ищут истину, то это значит, что они ищут доказательств, чтобы подтвердить какой-либо предрассудок или предубеждение. Их верования сформированы так, чтобы они соответствовали их желаниям. Они видят все и больше, чем все, что кажется соответствующим их желанию, и они слепы как летучие мыши, ко всему, что идет против желаний. Ученые ничуть не более свободны от этого недостатка, чем другие».

Мы знаем, что со времени отдаленнейших веков существует таинственная, страшная наука по имени *Теопея*. Эта наука учит искусству, как наделить различные символы богов временной жизнью и разумом. Статуи и глыбы инертной материи становятся живыми под могучей волей иерофанта. Огонь, похищенный Прометеем, во время борьбы упал на землю; он охватил все низшие области небес и вселился в волны вселенского эфира как потенциальная *Акаша* индусских обрядов. Мы дышим и насыщаем им нашу органическую систему с каждым глотком свежего воздуха. Наш организм полон им с момента нашего рождения. Но он становится потенциальным только под приливом ВОЛИ и ДУХА.

Предоставленный самому себе этот жизненный принцип будет слепо следовать законам природы и, в соответствии с условиями, создаст здоровье, избыток жизнеспособности, или же причинит смерть и разложение. Но, будучи руководим волею адепта, он становится послушным;

его токи восстанавливают равновесие в органических телах, восстанавливают израсходованное и производят физические и психологические чудеса, хорошо известные месмеризаторам. Будучи введены в неорганическую инертную материю, они создают видимость жизни, следовательно, движение. Если эта жизнь нуждается в индивидуальном разуме, личности, то адепт должен или послать собственное *сцин-лека*, собственную астральную душу, чтобы оживлять ее или же воспользоваться своею властью в области духов природы, чтобы заставить одного из них *вливать* свою сущность в мрамор, дерево или металл; или же ему должны помогать человеческие духи. Но последние – за исключением порочных, класса привязанных к земле духов ^[434] – не будут вливать свою сущность в эти неоживленные предметы. Создавать подобие жизни и оживления они предоставляют низшим сущностям и только посылают свое воздействие через промежуточные сферы, подобно лучу божественного света, когда требуется для доброй цели так называемое «чудо». Условия следующие – и они являются законом в духовной природе – чистота побуждения, чистота окружающей магнетической атмосферы, персональная чистота оператора. Таким образом, может получиться, что языческое «чудо» может быть намного более святым, чем христианское.

Кто из видевших представления факиров Южной Индии может сомневаться в существовании *Теопеи* в древние времена? Матерый скептик, хотя и более чем заинтересованный в том, чтобы каждый феномен приписать к фокусничеству, все же оказывается вынуждаемым засвидетельствовать факты, при том такие, которые по желанию можно видеть каждый день.

«Я не осмеливаюсь», – говорит он, рассказывая о Чибх-Чондоре, факире из Джафнапатнам, – «описывать все то, что он совершал на моих глазах. Существуют вещи, о которых *нельзя* рассказывать даже несмотря на то, что вы видели их собственными глазами, из опасения, что вас обвинят в галлюцинациях! А все же десять, нет, двадцать раз я снова и снова видел, как факир получал подобные же результаты от инертной материи... Для нашего «чародея» было детской игрой заставить пламя свечей, которые по его указанию были помещены в самых дальних углах зала, бледнеть и погасать по желанию; заставить мебель двигаться, даже тот диван, на котором мы сидели; приказать дверям открываться и закрываться повторно, – и пока все это происходило, он сам не покидал разостланной на полу циновки.

Возможно, что мне скажут, что я не разглядел, как следует. Возможно; но я хочу сказать, что сотни и тысячи людей видели и видят то, что я видел, и еще более удивительные вещи. Открыл ли кто-нибудь из этих видевших секрет или смог повторить, дублировать эти феномены? И я не в состоянии достаточно часто указывать на то, что все это происходило не на театральной сцене, снабженной различными приспособлениями для оператора. Нет, это всего нищий, согнувшийся голый, на полу, который так играет с вашим разумом, с вашими чувствами и со всем тем, что мы условились между собой называть нерушимыми законами природы, но которые он, по-видимому, изменяет по своему желанию!

Изменяет ли он естественный ход вещей? «Нет, но он заставляет природу действовать, применяя силы, которые пока что нам неизвестны», – говорят верящие. Как бы то ни было, но я сам раз двадцать присутствовал на подобных представлениях в компании наиболее выдающихся людей британской Индии – профессоров, врачей, офицеров. Но только один из них покидая гостиную, так суммировал свои впечатления: «Это что-то потрясающее человеческий разум». Всякий раз, когда я видел, как факир повторяет эксперимент приведения змей в каталептическое состояние, в каковом эти животные обладают твердостью высохшей древесной ветки, мои мысли обращались к библейской басне(?), которая наделяет Моисея и священнослужителей фараона подобною же способностью» [377].

Несомненно, плоть человека, зверя и птицы так же легко наделяется магнетическим

жизненным принципом, как инертный стол современного медиума. И оба чуда возможны и истины, или же оба должны рухнуть наземь вместе с чудесами дней апостолов и с чудесами современной папистской церкви. Что касается существенных доказательств, имеющих у нас в пользу таких возможностей, то мы могли бы назвать столько книг, что ими можно бы заполнить целую библиотеку. Если римский папа Сикст V перечислил огромную армию духов, прикрепленных к различным талисманам, то не была ли его угроза отлучения от церкви всем тем, кто занимается магией, произнесена потому, что он хотел, чтобы знание этих тайн было ограничено только пределами церкви? Что же получилось бы от его «божественных» чудес, если бы их мог изучать и успешно воспроизводить каждый человек, наделенный упорством, сильной положительной магнетической силой и непреклонной волей? Недавние происшествия в Лурде (разумеется, допуская, что сообщения были правдивы) доказывают, что секрет не совсем утерян; и если там нет сильного мага-месмеризатора, скрывающегося под рясой и стихарем, тогда статую Мадонны двигают те же самые силы, которые двигают каждый намагниченный стол на спиритическом сеансе; и натура этих «разумов», независимо от того, принадлежат ли они к классу человеческого, человеческих элементариев или элементарных духов, зависит от ряда условий. Для человека, который кое-что знает о месмеризме и в то же самое время знает милосердный дух римско-католической церкви, не должно быть трудно понять, что непрестанные проклятия священников и монахов, грозные анафемы, так щедро произносимые папою Пием IX – который сам был сильным месмеризатором и которому приписывалось, что он *джетаттор* (обладатель дурного глаза) – стянули вместе легионы элементариев и элементаров под водительством развоплощенных Торквемад. Вот они и являются теми «ангелами», которые откалывают шпунги со статуей Царицы Небесной. Каждый, кто принимает это как «чудо – кощунствует.

Хотя может показаться, что мы уже привели достаточно доказательств, что у современном науки очень мало или нет оснований хвастаться оригинальностью, все же перед тем, как закончить книгу мы приведем еще несколько, чтобы по этому поводу не оставалось сомнений. Нам придется только перечислить по возможности короче несколько претензий к новым философиям и открытиям, которые заставили мир широко раскрыть глаза за последние два столетия. Мы уже указали на достижения в искусствах, науке и философии древних египтян, греков, халдейцев и ассирийцев; теперь мы хотим привести цитаты из одного автора, который провел долгие годы в Индии, изучая ее философию. В недавно написанном знаменитом труде «Христос и Кришна» мы находим следующую классификацию:

«Философия. – Древние индусы создали с основания две системы спиритуализма и материализма, метафизической философии и позитивной философии. Первая преподавалась в школе ведантистов, чьим основателем был Вьаса; вторая преподавалась в школе Санкья, чьим основателем был Капила.

Астрономия. – Они выработали календарь, изобрели зодиак, вычислили прецессии равноденствий, открыли главные законы планетных движений, наблюдали и предсказывали затемнения.

Математика. – Они изобрели десятичную систему, алгебру, дифференциал, интеграл и бесконечно малую величину. Они также открыли геометрию и тригонометрию, и по этим двум наукам построили и доказали теоремы, которые были открыты в Европе только в семнадцатом и восемнадцатом веках. Фактически брахманы были первыми, кто выводили поверхностное измерение треугольника по его трем сторонам и вычислили отношение окружности к диаметру. Далее мы им обязаны квадратом гипотенузы и таблицей, неправильно называемой пифагоровой, ибо мы находим ее вырезанной на *гопараме* большинства великих пагод.

Физика. – Они установили принцип, которому мы следуем поныне, что вселенная представляет гармоническое целое, подчиняется законам, которые могут быть определены путем наблюдений и экспериментов. Они открыли гидростатику, и знаменитая теорема, что каждое тело, погруженное в воду, теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им вода, – была всего лишь заимствована знаменитым греческим архитектором Архимедом у брахманов. Физики пагод вычислили скорость света, положительно зафиксировали законы отражения. И, наконец, как вытекает из вычислений Сарья-Сидхента, вне всякого сомнения, что они знали и вычисляли силу пара.

Химия. – Они знали состав воды, и сформулировали для газов знаменитый закон, *который мы знаем только со вчерашнего дня, что газ находится в отношении обратных величин к давлению им испытываемому.* Они знали, как приготавливать серную, азотную и соляную кислоты; окиси меди, железа, свинца, олова и цинка; осернения железа, меди, ртути, антимония и мышьяка; сульфата цинка и железа: карбонаты железа, свинца и соды; нитраты серебра и порох.

Медицина. – Их познания, поистине, были удивительны. В трудах Чарака и Саусрута, этих двух князей индийской медицины, изложена система, которую впоследствии усвоил Гиппократ. Саусрута особенно провозглашал принципы предохранительной медицины или гигиены, которую он ставит гораздо выше медицины целительной, которая, по его мнению, слишком часто была эмпирической. А разве в наше время мы продвинулись дальше? Небезынтересно отметить, что арабские врачи, которые пользовались заслуженной славой в средние века – Аверроэс, между прочими – постоянно упоминали индийских врачей и рассматривали их как наставников греков и самих себя.

Фармакология. – Они знали все лекарственные травы, их свойства и применение; и по этой части они еще и теперь не перестали давать уроки Европе. Совсем недавно мы получили от них лекарство от астмы, содержащее дурман.

Хирургия. – В ней они не менее замечательны. Они совершали операции по извлечению камней; им прекрасно удавалось удаление катаракты и извлечение плода из утробы, необычайно опасные случаи которого описаны Чаракой с чрезвычайной научной точностью.

Грамматика. – Они создали чудеснейший язык в мире – санскрит – породивший большую часть идиом Востока и Индо-Европейских стран.

Поэзия. – Они пользовались всеми стилями и показали себя во всех их великими мастерами. Сакунтала, Аврита, индийская Федра, Саранга и тысячи других драм не превзойдены ни Софоклом, ни Еврипидом, ни Шекспиром. Их описательной поэзии нет равной. Нужно прочесть Мегадату „Жалобы изгнанника“, который умоляет проплывающее в небе облако унести память о нем в его дом, родственникам и друзьям, которых он больше никогда не увидит, чтобы получить представление о том, до какого совершенства был доведен этот стиль в Индии. Их басни были скопированы всеми современными и древними народами, которые даже не потрудились придать другую окраску предмету этих маленьких драм.

Музыка. – Они изобрели гамму с ее различиями тонов и полутонов гораздо раньше Гвидо Д'Ареццо. Вот индийская гамма:

Са – Ри – Га – Ма – Па – Да – Ни – Са

Архитектура. – Кажется, что они исчерпали все, что гений человека способен придумать. Величественные здания невыразимо смелого решения; конусообразные купола; минареты с мраморным кружевом; готические башни; греческие гемициклы; многокрасочный стиль – все виды и все эпохи собраны там, носящие на себе знаки различных колоний, которые, эмигрируя, приносили с собой свои сувениры и свое национальное искусство».

Таковы были результаты, достигнутые этой древней и внушительной брахманической

цивилизацией. Что можем предложить для сравнения мы? Что можем мы поставить рядом с такими величественными достижениями прошлого, что могло бы показаться таким грандиозным и возвышенным, что оправдало бы наше хвастовство о превосходстве над невежественной древностью? Какими карликовыми кажутся даже наши величайшие биологи и богословы рядом с открывателями геометрии и алгебры, конструкторами человеческой речи, родителями философии, первоначальными излагателями религии, адептами психологических и физических наук! Назовите нам любое современное открытие, и мы отважимся сказать, что не понадобится долгих поисков в истории Индии, чтобы отыскать там прототип этого открытия. Вот мы с полузавершенным переходом науки; все наши идеи находятся в процессе нового приспособления к теориям корреляции сил, естественного отбора, атомной полярности и эволюции. А тут, как бы в насмешку над нашей заносчивостью, над нашими опасениями и отчаянием, мы можем прочесть, что сказал Ману приблизительно за 10000 лет до рождения Христа:

«Первый зародыш был развит водою и теплом» [«Ману», кн. I, шлока 8].

«Вода поднимается в испарениях к небу; от солнца она снисходит дождем; от дождя рождаются растения, и от растений животные» (кн. III, шлока 76).

«Каждое существо приобретает качества своего непосредственного предшественника таким образом, что чем далее существо отдаляется от первичного атома своего ряда, тем больше он приобретает качеств и совершенств» (кн. I, шлока 20).

«Человек пересечет вселенную, постоянно поднимаясь и проходя через скалы, растения, червя, насекомых, рыб, змеи, черепах, диких животных, скот и высших животных... Такова *низшая ступень*» (*там же*).

«Таковы необходимые преобразования, от растения до Брахмы, которые должны произойти в этом мире» (*там же*).

«Греческий», – говорит Жаколио, – «всего лишь санскрит. Фидий и Пракситель изучали в Азии шедевры Даонтия, Рамана и Арьявоста. Платон меркнет перед Джемими и Веда-Вьяса, которых он буквально копирует. Аристотель исчезает в тени перед „Пурва-Миманса“ и „Уттара-Миманса“, в которых можно найти все системы философии, переоткрытием которых мы теперь заняты, начиная от спиритуализма Сократа и его школы, скептицизма Пиррона, Монтегю и Канта, *вплоть до позитивизма Литтрэ*».

Тех, кто засомневается в точности последующей выдержки, приведенной дословно, отсылаем к «Уттара-Миманса», или «Веданте» Вьясы, который жил в эпоху, которая по брахманской хронологии относится к 10400 годам до нашей эры:

«Мы можем только изучать феномены, проверять их и считать их относительно истинными, но ничто во вселенной ни посредством восприятия, ни посредством индукции, ни при помощи чувств, ни посредством рассуждений не в состоянии продемонстрировать существование Первопричины, которая в каком-то отрезке времени породила вселенную, поэтому науке не следует обсуждать ни возможность, ни невозможность существования этой Первопричины».

Итак, медленно, но верно, будет реабилитирована вся античность. Истина тщательно отсеется от преувеличений; многое, что теперь считается вымыслом, может еще обернуться в очевидные факты, а «факты и законы» современной науки могут оказаться на свалке не оправдавших себя мифов. Когда сотни лет до нашей эры индийский Брахмагупта утверждал, что звездами усеянное небо бездвижно и что ежедневный восход и заход светил подтверждает вращение земли на своей оси; и когда Аристарх из Самоса, родившийся за 267 лет до Р. Х., и пифагорейский философ Нисетэ, сиракузец, утверждали то же самое, насколько им люди поверили, пока не настало время Коперника и Галилео? И система этих двух выдающихся деятелей науки – система, которая революционизировала весь мир – как долго ей будет позволено оставаться в единой и безмятежной целостности? Разве у нас нет в настоящее время в Германии ученого, некоего профессора Шеффера, который в публичных лекциях в Берлине пытается доказать, что: 1) Земля неподвижна; 2) Солнце только немножко больше, чем кажется; и 3) Тихо Браге был совершенно прав, а Галилео ошибался?^[435] А в чем состояла теория Тихо Браге? В том, что Земля стоит недвижно в центре Вселенной и что вокруг нее, как центра, оборачивается весь небесный свод в течение 24 часов; и наконец, что Солнце и Луна, помимо этого движения, проходят по кривым линиям, присущим только им, тогда как Меркурий, вместе с остальными планетами, описывает эпицикл.

У нас определенно нет ни малейшего намерения терять время и место в книге ни на опровержение, ни на поддержку этой *новой* теории, которая подозрительно похожа на старые теории Аристотеля и даже Достопочтимого Беда. Пользуясь выражением великого Наполеона, мы предоставим ученой армии академиков «самим перестирать семейное белье». Но мы, тем не менее, хотим воспользоваться таким хорошим случаем, какой предоставляет это отступничество, чтобы еще раз потребовать у науки ее диплом или патент на непогрешимость. Увы! Не это ли есть результаты ее хваленного прогресса?

Недавно в силу фактов нашего собственного наблюдения, подтвержденных свидетельством множества очевидцев, мы робко рискнули высказать утверждение, что столы, медиумы и индийские факиры иногда левитируют. И когда мы к этому добавили, что если такой феномен происходил бы только раз в столетие, «без помощи видимого механического воздействия, то это явилось бы проявлением закона природы, о котором наши ученые пока что ничего не знают», – нас назвали «иконоборцами», а газеты обвинили нас в незнании закона тяготения. Иконоборцы мы или нет, но мы никогда не думали обвинять науку в том, что она отрицает вращение земли вокруг своей оси и ее вращение вокруг солнца. По крайней мере, два этих светильника на маяке Академии, как мы думали, будут содержаться в порядке и будут гореть до конца времен. Но вот! появляется в Берлине профессор и выбивает из нас последнюю надежду на то, что наука может в чем-то быть точной. Цикл времени, истинно, дошел до своей нижайшей точки!

В старые времена – до 1876 года – мир верил в центробежную силу и в теорию Ньютона, которая объясняла сплюснутость Земного шара у полюсов вращательным движением Земли вокруг своей оси; тогда эта теория была ортодоксальной. По этой гипотезе считали, что большая часть массы Земли тяготеет по направлению к экватору; и в свою очередь центробежная сила, действующая с еще большей силой, заставляет эту массу концентрироваться на экваторе. Таким образом получилось, что доверчивые ученые поверили, что Земля вращается вокруг своей оси, ибо иначе не существовало бы центробежной силы, а без этой силы не могло и быть тяготения к экваториальным широтам. Это было одним из общепризнанных доказательств вращения Земли; и вот именно этот вывод, вместе с некоторыми другими, берлинский профессор «совместно со многими другими учеными – отвергает».

«Разве это не смешно, господа», – говорит он в заключение, – «что мы, доверяя тому, чему нас учили в школе, приняли вращение земли вокруг своей оси как полностью доказанный факт,

тогда как нет ничего, чем можно это доказать, и это *не может* быть доказано. Разве не вызывает удивления, что ученые всего цивилизованного мира, начиная с Коперника и Кеплера, сначала приняли такое движение нашей планеты, а затем, три с половиною века спустя, начинаются поиски доказательств этому? Но увы! Хотя мы ищем, мы не находим ни одного, как и следовало ожидать. Все, все напрасно!»

И таким образом получилось, что одним ударом мир потерял вращение, и вселенная лишилась своих охранителей и защитников – центробежной и центростремительной сил! Более того, сам эфир вне пространства есть только «заблуждение», миф, порожденный скверной привычкой пустословия; Солнце – это обманщик, претендующий на такие размеры, на которые оно не имеет права; звезды – мерцающие точки, и они

«были так многозначительно расположены Творцом вселенной на значительном расстоянии друг от друга, вероятно, с тем намерением, чтобы они могли одновременно освещать обширные пространства на нашей планете», – говорит доктор Шеффер.

Неужели дело обстоит так, что даже трех с половиною веков науке не хватило, чтобы построить настолько прочно одну единственную теорию, что уже никакой университетский профессор не осмелился бы бросать ей вызов? Если астрономию, ту науку, которая вся построена на алмазном фундаменте математики, считающейся, не в пример другим наукам, такую же непогрешимую, как сама истина, можно так нагло обвинять в ложных утверждениях, что тогда мы выиграли, унижая Платона в пользу Бабинэ и др.? И как они тогда осмеливаются насмехаться над самым скромным очевидцем, который, будучи и разумным, и честным, заявляет, что он видел медиумические или магические феномены? И как они осмеливаются предписывать «границы проникновения философского мышления», шагнуть за пределы которых уже будет беззаконием? И эти ссорящиеся между собой строители гипотез все еще поносят, как невеж и суеверов тех гигантов мысли в древности, которые обращались с силами природы, как титаны, строящие мир, и поднимали смертных на такие высоты, где они вступали в союз с богами! Странная судьба для века, похваляющегося, что он возвысил науку до ее *вершин славы*; и в то же время его приглашают отступить назад и начинать все с азбуки!

При просмотре доказательств, содержащихся в этой книге, если мы начнем с архаических и неизвестных веков герметического Пэмандра и дойдем вплоть до 1876 г., мы обнаружим, что единая вера в магию проходит через все эти века. Мы приводили идеи Трисмегиста и его диалог с Асклепием; и уже не упоминая тысячи и одного доказательства доминирования этой веры в первые века христианства, нам, чтобы достичь своей цели, нужно приводить цитаты из одного древнего и одного современного автора. Первым будет великий философ Порфирий, который несколько тысяч лет спустя после дней Гермеса произносит, в связи с преобладанием скептицизма в его веке, следующее суждение:

«Нам не следует удивляться, что широкие массы (οἱ πολλοί) видят в статуях только камень и дерево. Так, вообще, бывает с теми, кто не зная грамоты, ничего, кроме камня не видят в стеле, покрытой надписями, и ничего, кроме бумаги, не видят в написанной книге».

И 1500 лет спустя мы видим, как Сэрджент Кокс, излагая процесс позорного преследования одного медиума точно таким же слепым материалистом, выражает свои мысли следующим образом:

«Виновен ли этот медиум или невиновен... несомненно то, что судебное

преследование повлекло за собой непредусмотренное последствие, – оно привлекло внимание широкой публики к тону факту, что феномены *признаны существующими*, и целым рядом компетентных исследователей *объявлены подлинными*, и в реальности их каждый может, если ему угодно, сам убедиться собственным освидетельствованием, и таким образом отмечены навсегда *мрачные и унижительные доктрины материалистов*».

Все еще в гармонии с Порфирием и другими теургами, которые подтверждали разнообразность природы проявляющихся «духов» и персонального духа или воли человека, Сэрджент Кокс добавляет, не принимая на себя дальнейшего решения:

«Правда, существуют расхождения во мнениях... и, вероятно, они всегда и будут, по поводу источника той силы, которая проявляет себя в этих феноменах; но являются ли феномены продуктом психической энергии кружка присутствующих... или же они – результат деятельности духов умерших людей, как говорят одни, или же элементарных духов (каковы бы они ни были), как утверждает третья партия, – один факт, по крайней мере, остается очевидным – что человек не целиком материален, и что механизм человека движим и направляем какою-то нематериальной, то есть какою-то немолекулярною структурой, которая обладает не только разумом, но и *может воздействовать на материю силой*, и которой мы дали, за неимением лучшего титула, название «душа». Эта радостная весть, благодаря судебному разбирательству, теперь дошла до тысяч и десятков тысяч людей, чье счастье здесь и надежда на загробную жизнь были загублены материалистами, которые настойчиво проповедовали, что душа – только суеверие; что человек – только автомат; что сознание – только секреция; существование – чисто животное; и будущее – пустота, мрак».

«Только истина одна», – говорит Пэмандр, – «вечна и нерушима; *истина* есть первая из благословений; но истины нет и не может быть на земле; возможно, что иногда Бог одаряет нескольких человек одновременно и способностью постигать божественное и способностью правильно понимать истину; но ничто не истинно на земле, ибо все носит на себе материю, все одето телесною формою, подверженною переменам, деформациям, разложению и новым комбинациям. Человек не есть *такая* истина, ибо истинно только то, что извлекло свою сущность из самого себя и остается самим собою, и остается неизменным. Как может то, что изменяется в конечном счете до неузнаваемости, быть истинным? Реально, поэтому, только то, что нематериально и не облечено телесною оболочкою; то, что бесцветно и бесформенно, что изъято из перемен и деформаций, что пребудет ВЕЧНО. Все, что погибает, есть ложь; земля – это только растворение и порождение; каждое порождение исходит из растворения; все земное суть только *видимость* и имитация истины; они то, чем картина является по отношению к действительности. Земные предметы не есть РЕАЛЬНОСТЬ!.. Смерть, по понятиям некоторых людей есть зло, которое наводит на них великий ужас. Это происходит от незнания. Смерть есть разрушение тела; находящаяся в нем сущность *не умирает*... Материальное тело теряет свою форму, которая разлагается с течением времени; чувства, которые оживляли его, возвращаются к своему источнику и возобновляют свои функции; но они постепенно теряют свои страсти и их желания, а дух возносится в небеса, чтобы стать **гармонией**. В первой зоне он сбрасывает с себя способность увеличиваться и уменьшаться; во второй – способность творить зло и обманы праздности; в третьей – хитрость и похотливость; в четвертой – ненасытное честолюбие; в пятой – высокомерие, наглость, безрассудство; в шестой – все стремления к нечестным приобретениям; в седьмой – *ирреальность*. Дух, таким образом, очищенный посредством воздействия на него небесных гармоний, еще раз возвращается в свое первоначальное состояние, сильный заслугами и самоприобретенною силою, которая принадлежит ему по праву. И только

тогда он вступает в лоно тех, кто вечно славит ОТЦА. Он помещается среди сил, и, будучи сам таковой, достигает высшего благословения познания. Он становится БОГОМ!.. Нет, земные предметы не есть истинная реальность».

После того, как Шампольон-старший и Шампольон-младший посвятили целиком свои жизни изучению записей древнеегипетской мудрости, они, несмотря на пристрастные суждения, с которыми осмелились выступить некоторые поспешные и неумные критики, публично заявили о том, что *Книги Гермеса*

«действительно содержат множество египетских традиций, подлинность которых постоянно подтверждается неоспоримыми по подлинности надписями на египетских памятниках самой седой древности» [392, с. 143].

Заканчивая свое объемистое конспективное изложение психологических учений египтян, возвышенных учений священных *Книг Гермеса*, и достижений посвященных священнослужителей в метафизической и в практической философии, Шампольон-старший задает вопрос – что ему весьма по плечу, так как доказательства под рукой —

«Существовали ли когда-нибудь в мире сообщество или каста, которые могли бы равняться с ними: по оказываемому им уважению, силе, учености и способности, в равной степени в добре или зле? Нет, *никогда!* И эта каста впоследствии была *проклиняема* и поносима только теми, кто, под неизвестными мне современными влияниями, сочли ее врагом людей и – науки» [392, с. 119].

В то время, когда Шампольон писал эти слова, санскрит, можно сказать, был почти неизвестным науке языком. Но мало можно привести для проведения параллели между соответствующими заслугами брахманов и египетских философов. С тех пор, однако, выяснилось, что те же самые идеи, выраженные почти тождественным языком, могут быть прочтены в буддийской и брахманистской литературе. Та же самая философия ирреальности земных предметов и иллюзии чувств – сущность которой заимствована в наше время германскими метафизиками – образует основу философии Капилы и Въясы, и может быть найдена в провозглашении «четырех истин» Гаутамы Будды, ставших кардинальными догмами его учения. Выражение Пэмандра – «он становится Богом» – сведено Буддой в одно слово – *нирвана* – которое наши ученые ориенталисты так неправильно считают синонимом *уничтожения!*

Это мнение двух выдающихся египтологов представляет величайшую ценность для нас, даже если оно было бы только ответом нашим оппонентам. Шампольоны были первыми в Европе, которые взяли исследователя археологии за руку и повели его в молчаливые святилища прошлого, чтобы доказать, что цивилизация не началась с нашего поколения; ибо «хотя истоки древнего Египта неизвестны, все же оказалось, что его самые отдаленные периоды находятся в недостижимости исторического исследования со всеми своими великими законами, установившимися обычаями, с его городами, царями и богами»; а позади, далеко позади этих самых эпох мы находим остатки, относящиеся к другим еще более отдаленным периодам более высокой цивилизации.

«В Фивах части разрушившихся зданий позволяют опознавать в них остатки еще более древних построек, материал которых был использован для возведения тех самых зданий, которые потом просуществовали тридцать шесть веков» [392, с. 2]. «Все, рассказанное нам Геродотом и египетскими священнослужителями, найдено точным и подтверждено

современными учеными», – добавляет Шампольон [392, с. 11].

Откуда пришла цивилизация египтян, будет показано во втором томе настоящего труда, в этом отношении будет выявлено, что наши выводы, хотя и обоснованы на традициях тайной доктрины, совпадают с выводами ряда наиболее уважаемых авторитетов. Вот абзац из хорошо известного индийского труда, который можно весьма кстати процитировать в этой связи.

«При царствовании Висвамित्रа, первого царя из династии Сома-Ванга, в результате битвы, которая длилась пять дней, Ману-Вина наследник древних царей, будучи покинут брахманами, эмигрировал вместе со всеми своими сторонниками: при этом он прошел через Арья и страны Баррия, и дошел до берегов Масра» [393].

Несомненно этот Ману-Вина и Менес, первый египетский царь, одно и то же. Арья – это Иран (Персия); Баррия – Аравия, а Масра была названием Каира, который и по сегодняшний день называют *Маср*, Муср и Мисро. Финикийская история упоминает Масера в качестве одного из предков Гермеса.

А теперь мы распростимся с тауматофобией и ее приспешниками, и будем рассматривать тауматоманию в ее многообразных аспектах. Во втором томе мы намереваемся рассматривать «чудеса» язычества и взвешивать доказательства в их пользу на одних и тех же весах, как и христианское богословие. Существует конфликт, который не только назрел, но уже начался между наукой и богословием с одной стороны, и духом сего седую наукою-магиею с другой стороны. Кое-что из возможностей последней уже было показано, но еще больше предстоит. Мир мелких посредственных людей, из-за одобрительного кивка которых состязаются ученые, должностные лица, священнослужители и христиане, начал свой нынешний крестовый поход осуждением в этом самом году двух невинных людей, одного во Франции, другого в Лондоне, вопреки закону и справедливости. Подобно апостолу из обрезанных, они всегда готовы трижды отрицать непопулярную связь из-за боязни остракизма со стороны своих собственных собратьев. Психоманты и психофобы вскоре должны вступить в жестокую схватку. Озабоченность и стремление первых, чтобы их феномены были исследованы и подтверждены научными авторитетами, уступила место холодному равнодушию. Как естественный результат такой огромной предубежденности и несправедливого отношения, какую проявила наука, появилось быстрое падение уважения к науке, и взаимные эпитеты, которыми обмениваются обе партии, становятся все менее лестными. Время покажет, кто из них прав и кто виноват, и будущие поколения поймут. По меньшей мере, можно с уверенностью предсказать, что *крайний предел* тайн Божиих и ключ к ним придется искать в другом месте, а не в вихре молекул Авогадро.

Люди, которые судят поверхностно, или, по причине природного нетерпения, хотели бы смотреть на ослепительно сияющее солнце тогда, когда их глаза еще не приспособились хорошо смотреть на свет лампы, склонны жаловаться на раздражающую затемненность языка, которая характерна для трудов древних герметистов и их последователей. Они объявляют их философские трактаты неподдающимися пониманию. В отношении первой категории мы можем позволить себе не терять на них времени; вторую категорию мы просили бы умерить свой пыл, помня афоризмы Эспанье:

«Истина сокрыта во мраке», и «Философы никогда не пишут более обманчиво, как тогда, когда они выражаются просто, и никогда более правдиво, как тогда, когда выражаются затемненно».

Кроме того, существует еще третья категория, по отношению которой было бы слишком

лестно сказать, что они вообще судят о предмете. Они просто огульно отвергают с *высокой трибуны*. На древних они смотрят, как на мечтательных глупцов, и хотя сами они физики и тауматофобы-позитивисты, они обычно претендуют на монополию духовной мудрости!

Чтобы ответить этой категории, мы избрали Евгения Филалета.

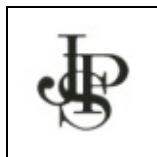
«В мире наши писания окажутся любопытно отточенным ножом; для некоторых они вырезают лакомства, но для других они годны лишь для того, чтобы на них порезать пальцы, и все же мы в этом не виноваты, так как мы серьезно предостерегали всех, кто будет пытаться взяться за эту работу, что они берутся за самую высокую философию в природе; и хотя мы пишем на английском языке, все же предмет наших писаний настолько же труден, как греческий для некоторых людей, которые тем не менее будут думать, что они также понимают, когда перекраивают значение нами излагаемого в совершенно обратную сторону; ведь невозможно не представить, что те, кто являются глупцами по природе своей, окажутся умными при чтении книг, свидетельствующих о высочайшем в природе».

Тому малому числу возвышенных умов, которые спрашивают у природы вместо того, чтобы предписывать ей законы для руководства; кто не ставят границ ее возможностям по примеру своих собственных несовершенных сил; которые лишь потому не верят, что не знают, мы напомним о наставлении Нарады, древнеиндийского философа:

«Никогда не произноси таких слов: „Я не знаю этого – следовательно этого не существует“».

«Нужно изучать чтобы знать, знать чтобы понимать, понимать чтобы судить».

Конец Первого Тома

---

notes

Примечания

«Это есть книга прекрасной веры», – *Монтень*

Из ничего не получится ничего (*лат*).

Лайтфут уверяет нас, что этот голос, который в прошедшие времена употреблялся в качестве свидетельства с небес, «в самом деле, создавался магией» (том II, стр. 128) Последний термин применяется высокомерно и презрительно только потому, что он неправильно понимается. Эта книга ставит своей целью исправить такое ошибочное мнение об «искусстве магии».

Энциклика 1864 г.

См. [1] (см. *Литература* в конце второго тома.)

Идущий на смерть приветствует тебя! (*лат*).

См. последнюю главу этого тома.

Такая пометка означает ссылку на литературу в соответствии со списком. Список литературы – в конце второго тома.

henry ward beecher.

Заранее (лат).

Компендиум – сокращенное изложение главных положений философских систем (лат).

446 г. до н. э.

«Обвинения в атеизме, в установлении поклонения чужим богам, в совращении молодежи Афин, возведенные на Сократа, дают полное оправдание Платону за сокрытие сокровенной части его доктрин Несомненно, особый жаргон, к которому прибегали алхимики, тоже преследовал ту же цель. Подземная тюрьма, дыба и сожжение на костре применялось без стеснения христианами различных оттенков, а особенно римско-католическою церковью против всех, даже преподающих естествознание, чьи теории противоречили теориям, поддерживаемым церковью. Папа Григорий Великий даже препятствовал грамматически правильному употреблению латинского языка, находя это чем-то языческим. Преступление Сократа заключалось в раскрытии своим ученикам тайных доктрин относительно богов, которые преподавались в мистериях, что явилось смертельным преступлением. Он также был обвинен Аристофаном в ведении поклонения новому богу Диносу, как Демиургу и строителю и господу солнечной вселенной. Гелиоцентрическая система также была одною из доктрин мистерий. Вот почему, когда пифагореец Аристарх преподавал эту доктрину открыто, Клеантес заявил, что греки должны призвать его к ответу и осудить его за кощунство против богов», – (Плутарх). Но Сократ никогда не получил посвящения и, следовательно, не мог ничего выболтать.

Взаимопонимание, гармония, – *фр.*

[8, с. 62] – «Пифагорейские числа»

Приложение к «Тимею» [30].

Одна из пяти основных геометрических фигур, двенадцатигранник.

«*De Ente Spiritualis*», IV, «*De Ente Astrorum*», кн. I, и *Opera omnia*, часть I, стр. 634 и 699.

Акиба был другом Ахера, о котором говорят, что он был апостолом Павлом христианских повествований. Обоих изображают, как посетивших Рай. Ахер взял там ветви с Древа познания и поэтому отпал от истинной (иудейской) религии. Акиба ушел с миром. См. [2 *Коринф.*, XII].

Талей означает океан или море.

См. [20, с. 31], а также [21, i, 28].

Оракул Аполлона помещался в городе Дельфе (δελφς – порог утробы или брюха), место, занимаемое храмом, называлось *омфалос*, т. е. пуп. Это символы женские и лунные, напоминающие нам, что аркадийцев называли Прослены, до-эллинические или еще более древние, чем тот период, когда было введено Ионийское и Олимпийское поклонение Луне.

В свою очередь язычники также могут спросить миссионеров, какого рода дух скрывается на дне священной пивной бутылки. Евангелический ньюйоркский «*Независимый журнал*» повествует: «Недавно английский путешественник обнаружил в далекой Бирме церковь простодушной баптистской миссии, где прихожан причащали (мы не сомневаемся – не без Божьего благословения) светлым Бассовским элем вместо вина». – По-видимому, все зависит от обстоятельств!

Людам, которые верят в способность ясновидения, но не расположенным верить в существование других духов, кроме развоплощенных человеческих душ, – будет интересно прочесть сообщение одного ясновидящего, которое было напечатано в «*Лондонском спиритуалисте*» от 29 июня 1877 г. При приближении грозовой тучи ясновидящая увидела, «как светлый дух появился из точной тучи и с молниеносной быстротой пронесся по небу а несколько минут спустя увидела в тучах диагональную линию темных духов». Это *маруты*, упоминаемые в Ведах (см. комментарии Макса Мюллера к «Ригведе Санхите» [46]).

Известная и уважаемая лектриса, автор и ясновидящая Миссис Эмма Хардинг Бриттен опубликовала свои сообщения о ее частых встречах с этими стихийными духами.

Филострат уверяет, что в его время брахманы были в состоянии осуществить наиболее чудесные исцеления одним только произнесением магических слов. «Индийские брахманы носят жезл и кольцо, посредством которых они в состоянии совершить почти все, что угодно» Ориген говорит то же самое (в «Contra Celsum»). Но если сильный месмерический флюид, скажем – из глаз и без какого-либо другого контакта – не будет добавлен, никакие магические слова не будут иметь эффекта.

Переведена Максом Мюллером, профессором сравнительного языковедения Оксфордского университета Англии.

«Dyarih vah pitā, prithivi mātā sōmah bhrātā āditih sv?sā».

Так как о совершенной идентичности философских и религиозных учений древности мы полностью будем трактовать в последующих главах, – мы пока что ограничимся этими объяснениями.

«Ригведа Анита», стр 234.

Я есть то, что я есмь (*лат*).

Это имя употреблено здесь в значении греческого слова *ανθρωπος*.

Климент Александрийский утверждал, что в его время у египетских священнослужителей было 42 канонических книги.

[47], том ii, стр. 7, «Сравнительная мифология».

В другом месте мы с некоторыми подробностями дадим объяснение герметической философии, касающееся эволюции сфер и нескольких рас.

Из ничего не получится ничего (лат).

Из санскритского текста «Айтарейя-брахмана», «Ригведа», книга V, глава II, стих 23.

«Айтарейя-брахмана», книга III, гл. V, 44.

«Айтарейя-брахмана», книга IV.

Семеричная организация; «Каменная смерть», стр. 20.

См. Тернера, а также [52].

Крайняя необходимость совершения таких благочестивых обманов или подделок со стороны отцов церкви первых веков и со стороны богословов позднейших времен становится очевидной, если мы учтем последствия оставления слова в оригинале таким, каким оно было – ведь, тогда каждому, кроме посвященных, бросалось бы в глаза, что *Иегова* Моисея и солнце – одно и то же. Большинство людей, которым неизвестно, что иерофанты древности считали наше *видимое* солнце только эмблемой центрального невидимого духовного Солнца, – обвинили бы Моисея (как это уже сделали некоторые современные комментаторы) в звездопоклонстве, короче говоря – в неприкрытом сабеизме.

См. [55].

[56], xxx, 1; там же, xvi, 14; xxv, 9 и т. д.

Помпоний приписывает им познание высших истин.

Munter – наиболее древний культ народов Севера до-одиновского периода [58, том ii, с. 230].

В некоторых отношениях наши современные философы, которые считают, что делают новые открытия, могут быть приравнены к «очень умному ученому и вежливому господину», которого Гиппократ, как-то встретив на Самосе, очень добродушно описывает. «Он сообщил мне, – продолжает отец медицины, – что он недавно открыл одну траву, до этого совершенно неизвестную ни в Европе, ни в Азии, против которой не может устоять никакая болезнь, как бы зловредна она ни была. Желая, в свою очередь быть вежливым, я дал себя уговорить пойти к нему в оранжерею, куда он пересадил это чудодейственное растение. То, что он мне показал, оказалось одним из самых распространенных в Греции растений, а именно – чеснок – растение, меньше всего претендующее на целительные свойства» [61, i].

См. «*Gazette du Midi*» и «*Le Monde*», 3 мая, 1864 г.

Шекспир, «Ричард III», перевод Анны Радловой.

Но не всегда они бывают настоящие, так как некоторые из этих нищих сделали себе из этого регулярное и прибыльное занятие.

Уэбстер ошибочно уверяет, что халдейцы называли саросом цикл затмений – период около 6586 лет, «время прохождения лунной орбиты». Берос, сам халдейский астролог при храме Бела в Вавилоне, дает длительность сара или сароса, 3600 лет; нерос равен 600, а сосус – 60. (См. [68], а также Евсия и описание Кари документа *M. S. Ex. Cod. reg. gall. gr. № 2360, fol. 154*).

Прежде чем ученые отвергнут такую теорию – как это стало традицией – им следовало бы объяснить, почему в конце третичного периода северное полушарие подверглось такому падению температуры, что знойная зона превратилась в сибирский климат? Не забудем, что *гелиоцентрическая система пришла к нам из Верхней Индии* и зародыши всех великих астрономических истин были оттуда же принесены Пифагором. До тех пор пока у нас нет математически правильных доказательств – одна гипотеза настолько же достоверна, как и другая.

Это противоречит библейскому повествованию, которое говорит нам, что потоп был послан со специальной целью уничтожения *великанов*. Вавилонским жрецам *не* зачем было выдумывать ложь.

Колман, который производил это вычисление, допустил серьезную ошибку, которую корректор не заметил – длительность манвантары дана им 368.448.000 лет. Это – преувеличено ровно на 60 миллионов лет.

[72] и [52], а также [73, *Предисловие*, с. XIII].

Сорок две священные книги египтян, упомянутые Климентом Александрийским, как существовавшие в его время, составляли только часть всех *Книг Гермеса*. Ямвлих, ссылаясь на авторитетные данные египетского жреца Абамона, приписывает 1200 таких книг Гермесу и 36 000 Мането. Но свидетельство Ямвлиха, как неоплатоника и теурга, разумеется, современной критикой отвергается. Мането, с которым Бунзен очень считался, как с «чисто исторической личностью»... с которым «ни одного из позднейших туземных историков нельзя сравнить...» (см. [74, I, с. 97]), – сразу превращается в псевдо-Мането, как только провозглашаемые им идеи приходят в столкновение с предрассудками науки против магии и оккультных знаний, на знание которых претендует жрец древности Мането. Однако, ни один археолог ни на мгновение не сомневается в невероятной древности герметических книг. Шампольон был убежден в их подлинности и великой правдивости, подтвержденной многими древними памятниками. И Бунзен дает неопровержимые доказательства их древности. Из его исследований, например, мы узнаем о существовании последовательного царствования в Египте шестидесяти одного царя до Моисеева периода, которые предшествовали периоду Моисея ясно различимой цепью цивилизаций, растянувшейся на несколько тысяч лет. Таким образом, мы имеем свидетельство в пользу того, что сочинения Гермеса Трисмегиста существовали уже многие века до того, как родился еврейский законодатель Моисей. «Стило и чернильницы были обнаружены на памятниках четвертой династии, старейших в мире», – говорит Бунзен. Если этот знаменитый египтолог отвергает период в 48863 года до Александра, к которому Диоген Лаэртский относит записи жрецов, то он, очевидно, более находится в затруднении по поводу десяти тысяч лет астрономических наблюдений и говорит, что «если это были действительно наблюдения, они должны были длиться более 10000 лет» (стр. 14). «Однако мы узнаем» – он добавляет – «из одного из их собственных старых хронологических сочинений, что подлинные египетские традиции, касающиеся мифологического периода, трактуют о *мирадах лет*».

Горе побежденным! (*лат*).

Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (*лат*).

И все-таки она вертится (*ит.*)

Всех имеющих отношение (лат).

Способ действия (лат).

Сыны отрицания (*лат*).

Непознанная территория (*лат*).

Пока дело в суде, спор еще не решен (*лат*).

[80, памфлет iii, с. 119]

[80, памфлет і, с. 7]

[80, памфлет iii, с. 112]

[80, памфлет iii, с. 112]

Неясное объяснять неясным (*лат*).

Кемшед говорит в своей «Неорганической химии» [85], что элемент *водород* впервые был упомянут Парацельсом в шестнадцатом столетии, но очень мало про него было известно, во всяком случае». (Стр. 66). Но почему не быть честным и не признаться сразу, что Парацельс был открывателем, который *заново* открыл водород и скрытые свойства магнита и животного магнетизма? Легко доказать, что согласно строгому обету держать все в тайне, даваемому каждым розенкрейцером и свято соблюдаемому (а особенно соблюдаемому алхимиками), Парацельс держал свое знание в тайне. Может быть, для хорошего химика, хорошо начитанного в трудах Парацельса, было бы нетрудно наглядно доказать, что *кислород*, открытие которого приписывается Пристли, – был известен алхимикам розенкрейцеров так же, как и водород.

Само по себе (лат).

«Письмо Дж. Гланвилу, капеллану короля и члену Королевского общества» [**86**]. Гланвил является автором знаменитого сочинения о привидениях и демонологии «Триумф саддукейства, или полное и ясное свидетельство относительно колдовства и приведений» в двух частях [**87**], «доказывающего на примере Священного писания, а также с привлечением современных материалов, существование духов, приведений и ведьмовства».

См. [88, с. 268].

[95], из «Воли вселенной».

«*Revue des Deux Mondes*», янв. 15, 1855, стр. 108.

Побудительные мотивы (*лат*).

Заранее (лат).

Собственной персоной (*лат*).

См. Де Мюссе [98] и [99, с. 326].

См. [96] и работу Гаспарина [110].

Алджернон Джой – почетный секретарь Национального общества спиритуалистов в Лондоне.

См. [111].

[112] и [100, гл. 6].

Блуждающий огонь (лат).

Ночной огонек (лат).

«Журнал дебатов», 1864. См. также [100].

Способ действия (лат).

Блуждающий огонь (лат).

См. [118, том ii].

Ссылаемся на публикацию, которая появилась некоторое время тому назад в одной Нью-Йоркской газете; публикация подписана тремя вышепоименованными лицами, возложившими на себя название научного комитета назначенного два года тому назад для исследования спиритуалистических феноменов. Критика на эту триаду напечатана в журнале «Новая эра».

Иметь глаза и не видеть! (*лат*).

С. Б. Уоринг.

Риши – их было семеро числом, и жили они в до-ведическом периоде. Их знали как мудрецов и чтили как полубогов. Хауг доказывает, что они занимают в брахманизме такое же положение, как двенадцать сыновей Якова в Библии. Брахманы утверждают, что они являются прямыми потомками риши.

Четвертая Веда.

Орфография «Архаического словаря».

Здесь мы подразумеваем не общепринятую Библию, но *настоящую* еврейскую с каббалистическим толкованием.

Брахма не творит ни земли ни остальной вселенной. Выделившись из мировой души, отделившись от Первопричины, он, в свою очередь, эманурует из себя всю природу. Он не стоит над нею, но он смешан с нею; и Брахма и вселенная образуют единое Существо, каждая частица которого по своей сущности есть сам Брахма, вышедший из себя. [124, с. 118.]

«Медицинско-психологические анналы», 1 янв., 1854.

Это является повторением и вариацией теории Фарадея.

«*Revue des Deux Mondes*», стр. 410.

«*Revue des Deux Mondes*», янв. 1854, стр. 414.

«*Revue des Deux Mondes*», 1 мая, 1954, стр. 531.

Мы приводим *дословно*, хотя сомневаемся что мистер Викман был первоисследователем.

Бабинэ, «*Revue des Deux Mondes*», 1 мая 1854, стр. 511.

См. монографию «Рассмотрение молнии с точки зрения истории официальной медицины и публичной гигиены» мосье Бодина, главного хирурга военного госпиталя в Буле.

Крукс, «Физическая сила», стр. 26.

Разумеется, де Мирвиль здесь защищает дьявольскую теорию.

Порочный круг (фр.)

1 кубит = 0,5 м.

«*Scientific American*», N.Y., 1875.

Оттого, что появились фальшивые деньги, все остальные деньги не делаются фальшивыми.
(Прим. переводчика)

*«De par Roi, defense a Dieu,
De faire miracle, en ces lieux».*

Сатира, которая была написана на стенах кладбища во время янсенитских чудес и их запрещения полицией Франции.

В «*Ежеквартальном обозрении*» от 1859 г. Грэм дает странный отчет о покинутых восточных городах, в которых были каменные двери огромных размеров, часто явно несоответствующие пропорциям самих зданий, добавляя затем, что и сами дома и их двери наводили на мысль, что там обитала древняя раса великанов.

Мы понимаем, что благородный автор вычеканивал свои любопытные имена путем сокращений слов классических языков. *Гай* произошло от слова *ган* (воитель); *врийль* – от *вирайль* (мужская потенция).

По этому пункту, по крайней мере, у нас под ногами твердая почва. Свидетельство мистера Крукса подтверждает наши утверждения. На 84 странице своей статьи «Феноменальный спиритуализм» он говорит: «Многие сотни фактов, которые я готов засвидетельствовать – фактов, подделка которых побила бы искусство Гудини, Боско или Андерсона, со всею их вспомогательною аппаратурою и годами выработанной ловкостью, – происходили в моем собственном доме во время которое указывал я сам, и при обстоятельствах, которые совершенно исключали применение самых простейших приспособлений».

По этому названию мы можем расшифровать непонятную фразу, находящуюся в Зенд-Авесте о том, что «существует огонь, дающий предвидение будущего, знание и дар благой речи», так как он проявляется у некоторых сенситивов необычайным красноречием.

«Геркулес был известен, как король музианов», – говорит Шваб, II. 44; а Музианой называлось празднество «Духа и Материи», Адониса и Венеры, Вакха и Цереры (См. [141, с. 95]). Данлэп доказывает, ссылаясь на Юлиана и Антона (67), что Эскулап, *Esculapius*, «Спаситель всего», тождественен с Пта (творящий Разум, божественная Мудрость), с Аполлоном, Ваалом, Адонисом и Геркулесом [141, с. 93], и Пта есть *anima mundi*, *мировая душа* Платона, *святой дух* египтян и *астральный свет* каббалистов. М. Михелет, однако, рассматривает греческого Геракла в другом качестве – как противника вакхических празднеств, сопровождаемых человеческими жертвоприношениями.

[36]. Цицерон переводит это слово как $\delta\alpha\iota\omicron\nu\iota\omicron\nu$, сущность теологии, нечто божественное, безличное.

В дальнейших главах будет доказано, что древние философы не считали солнце непосредственной причиной света и тепла, а считали только посредником света, через который он проходит на пути к нашей сфере. Поэтому египтяне звали солнце «оком Озириса», который сам был *Логосом* – Перворожденным или светом, явленным миру, светом, «который есть ум и божественный разум Непроявленного». Это только тот свет который мы знаем как Демиурга, *творца* нашей планеты и всего, к ней относящегося. К той невидимой и неизвестной вселенной, раскинувшейся в пространстве, солнечные боги не имеют никакого отношения. Эта идея очень ясно изложена в *Книгах Гермеса*.

[148, xii], Герман, [140, с. 91].

Преллер [149, ii, 153]. По-видимому, отсюда происходит христианский догмат о Христе, спускающемся в ад и побеждающем Сатану.

Этот важный факт прекрасно объясняет грубое многобожие масс и изысканную высоко-философскую концепцию о *едином* Боге, которую учили только в святилищах «языческих» храмов.

Платон, «Федр», в переводе Кэри.

Алкахест, слово, впервые введенное в употребление Парацельсом, чтобы обозначить растворитель или вселенский раствор, который способен восстанавливать все что угодно.

Претензии некоторых «адептов», которые не соглашались с теми исследователями чисто еврейской *каббалы* и утверждают, что «тайная доктрина» родилась в Индии, откуда она была перенесена в Халдею, перейдя затем в руки еврейских танаимов, получили поддержку из исследований христианских миссионеров. Эти набожные и ученые путешественники нечаянно оказали нам помощь. Доктор Колдуэл в своей «Сравнительной грамматике дравидийских языков», стр. 66, и доктор Мэтиер в «Благословенной земле», стр. 83, полностью поддерживают наше утверждение, что «мудрый» царь Соломон получил все свое каббалистическое учение из Индии, как это доказывает вышеприведенная магическая фигура. Первый миссионер старается доказать, что очень старые огромные деревья-баобабы, которые вовсе не прирожденные индийские деревья, как это кажется, а принадлежат почве Африки и «встречаются только в некоторых древних местах торговли с иностранцами (в Траванкоре), насколько мне известно, были привезены в Индию и посажены слугами царя Соломона». Другое доказательство еще более убедительное. Доктор Мэтиер говорит в одной главе своей Естественной истории Траванкора: «Налицо любопытный факт, связанный с названием птицы (павлин), который бросает некоторый свет на историю священных писаний. Царь Соломон посылал свой флот в Фарсис [1 Царей, X, 22], который возвращался раз в три года, привозя «золото и серебро, слоновую кость и обезьян, и павлинов. Павлину на еврейском языке присвоено название «*тукки*», так как у евреев, разумеется, не было раньше названия для этой красивой птицы, пока ее не привезли первый раз в Иудею по велению Соломона, и не остается сомнения, что «*тукки*» есть просто старо-дравидское слово «*токи*» – название павлина. Название обезьяны тоже по-еврейски «*коф*, индийское название которого «*кафи*». Слоновая кость, как мы видели, в изобилии встречается в Южной Индии, а золото широко распространено по рекам Западного побережья. Следовательно, упомянутый «Фарсис» есть западное побережье Индии, и Соломоновы корабли посещали в древности «Восточное население Индии». Следовательно, и мы можем добавить, что «кроме золота и серебра, обезьян и павлинов, царь Соломон и его друг Хирам, чтимый масонами, свою „магию“ и „мудрость“ получил из Индии.

Платон намекает на церемонию в мистериях, в течение которой неопита учат, что люди *в этой жизни* находятся в своего рода заключении, и *как можно временно из этого заключения убежать*. Как обычно, слишком ученые переводчики при переводе исказили этот абзац частично, потому что не могли понять его, а частично потому, что *не хотели* понять. См. «Федон», § 16, и комментарии к нему Генри Мора, известного философа-мистика и платоника.

Акаша – санскритское слово, означающее небо, но оно также означает неуловимый неосязаемый жизненный принцип – астральный и небесный света, соединенные вместе; оба вместе они образуют *Anima Mundi*, и составляют душу и дух человека, небесный свет образует его $\nu\omicron\iota\varsigma$, $\lambda\upsilon\epsilon\upsilon\rho\mu\alpha$, или божественный дух, а другой – его $\phi\upsilon\chi\eta$, душу или *астральный* дух. Более грубые частицы последнего идут на построение его внешней формы – тела. *Акаша* – это таинственный флюид, называемый схоластической наукой «всепроникающий эфир»; он входит во все магические операции природы и производит месмерические, магнетические и спиритуалистические феномены. *Ас* в Сирии, Палестине и в Индии означало небо, *жизнь* и *солнце* в одно и то же время; солнце же считалось древними мудрецами великим магнетическим источником вселенной. «Смягченным произношением этого слова было *Ах*» – говорит Данлэп, – «ибо от Греции до Калькутты с постоянно смягчается в *х*. *Ах* есть *Иах*, *Ао* и *Яо*. Бог говорит Моисею, что его имя есть «Я есмь» (*Ахиах*), удвоенное *Ах* или *Ях*. Слово «*Ас*», *Ах* или *Ях* означает *жизнь*, *существование* и, очевидно, является корнем слова *акаша*, которое в Индии произносится *ахаша*, жизненный принцип или божественный жизнь дающий флюид и посредник. Она есть еврейское *руах* и означает «ветер», дыхание, *воздух в движении* или «движущийся дух», согласно Паркхерстоновскому «Лексикону», она идентична с духом Бога, *движущимся* над водами.

Не забудьте, что Кавиндасами заставил Жаколио поклясться, что он не будет ни приближаться, ни прикасаться к нему, пока он будет в состоянии транса. Малейшее соприкосновение с *материей* парализовало бы действия освобожденного духа, который, если нам позволительно такое непоэтическое сравнение, – юркнул бы обратно в свое обиталище подобно улитке, убирающей свои рожки при встрече с чуждыми субстанциями. В некоторых случаях *грубое* прерывание процесса и быстрое обратное вхождение в тело может навсегда порвать нежную нить, соединяющую дух с телом и таким образом причинить смерть находящемуся в состоянии транса субъекту. По этому вопросу прочтите несколько трудов барона Дю Потэ и Пуисегюра.

[108], стр. 301 французского издания. См. также [134].

Кабанис, седьмая научная статья: «*De l'Influence des Maladies sur la Formation des Idées* .....»

Корова является символом плодovitости поколений и интеллектуальной природы. Она была посвящена Изиде в Египте; Кришне – в Индии и бесконечному количеству других богов и богинь, олицетворяющих различные производящие силы природы. Короче говоря, корова считалась олицетворением Великой Матери всех существ, как смертных, так и богов, физических и духовных порождений.

В «Книге Бытия» река Эдема имела *четыре* истока. [*Бытие*, II, 10].

Предполагается, что это одна из нехватаяющих книг священного Канона евреев, приписываемая авторству Иошуа и II Самуила. Она была найдена Сидрой, одним из офицеров Титуса во время разграбления Иерусалима и опубликована в Венеции в семнадцатом веке, что подтверждено в ее предисловии консисторией раввинов, но американское издание, так же как и английское, рассматривается современными раввинами как подделка двенадцатого века.

См. [52], цитата Фабра.

См. [90] – *BEROSUS*.

За дальнейшими подробностями отсылаем читателя к «Эддам» из [136].

Заслуживает внимания, что в мексиканском «Пополь-Вух» человеческая раса создана из камыша, а у Гесиода – из ясеневого дерева, как в скандинавской легенде.

Смешно сказать, – *фр.*

Там же [164, с. 484]. Это последнее слово мы не можем принять, если эта «первоначальная форма» не будет считаться первичной конкретной формой, которую принял дух в качестве раскрытого божества.

Лекция Т. Г. Гёксли, чл. кор. общ., «*Дарвин и Геккель*» [166].

Митра рассматривался персиянами как бог скал.

«В противоположность элеатам для объяснении бесконечного разнообразия видимых явлений, он принимал не одну первичную стихию вроде воды, воздуха или огня, а бесчисленное множество бесконечно малых первичных материальных частиц, *гомеомерий* (однородных частичек), которые не созданы и не могут ни разрушаться, ни переходить друг в друга. Но за такие первичные стихии, из которых состоят все вещи, он признавал не эмпедокловы элементы, а основные первобытные тельца, отличающиеся друг от друга по своим качествам и однородным телам, которые из них образуются». (Из *Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона*, 1893. – *Прим. переводчика*)

Порфирий и другие философы объясняют природу этих *обитателей порога*. Они озорные и обманчивые, хотя некоторые из них очень добрые и безвредные, но такие слабые, что сообщаться со смертными представляет для них величайшую трудность, хотя общества людей они ищут непрестанно. Первые злы по неразумию, а не по злонамеренности. Закон духовной эволюции еще не развил их инстинкта в разум, чей высший свет принадлежит только бессмертным душам; их способность рассуждать находится в спящем состоянии и поэтому они безответственны.

Но латинская церковь возражает каббалистам. Св. Августин даже вел по этому поводу дискуссию с неоплатоником Порфирием. «Эти духи», – говорит он, – «обманчивы, *не по своей натуре*, как утверждает теург Порфирий, а по злобе своей. Они выдают себя за *богов* и за *души умерших*». [“Civit. Dei», кн. X, гл. 2]. До этого места Порфирий с ним соглашается; «но они не претендуют на то, чтобы быть *демонами* [читай – дьяволами], ибо в действительности они таковыми являются!» – добавляет епископ из Хиппо. Но, тогда, к какому же классу мы должны причислять *людей без голов*, которых, как Августин уверяет нас, он сам видел? или сатиров св. Иеремия, как он утверждает, которые были выставлены на показ в Александрии продолжительное время? Они были людьми, как он нам рассказывает, «с козлиными ногами и хвостами»; и если мы можем ему поверить, один из этих сатиров в самом деле был *засолен* и отправлен в ящике императору Константину!

«*Tria capita exsculpta sunt, una intra alterum, et alterum supra alterum*» – (Зогар, «Индра Сутра», отд. VII).

Легкий ветерок (лат).

См. [136] – с. 401—406 и «Песнь о Волюспе».

Из Лондонского спиритуалистического журнала.

В «Бюллетене академии медицины», Париж, 1837, том I, стр. 343 и далее, помещено сообщение доктора Оудэ, который для того, чтобы удостовериться в состоянии бесчувственности одной дамы в магнетическом сне, колот ее булавками, всадил в ее тело длинную булавку до самой головки и держал ее палец в пламени свечи в течение нескольких секунд. Раковая опухоль была извлечена из правой груди мадам Плентейн. Операция длилась 12 минут; в течение всего этого времени пациентка очень спокойно разговаривала со своим месмеризатором и не испытывала никаких ощущений («Бюллетень академии медицины», том II, стр. 370).

Теория, что солнце есть раскаленный шар, по выражению одного журнала: «выходит из моды». Было вычислено, что если бы солнце, диаметр которого нам известен, целиком состояло бы из угля и достаточного количества кислорода, чтобы оно могло гореть с такою силою, чтобы создавался видимый нами эффект, – то солнце было бы полностью сожжено в менее, чем 5000 лет». И все же всего несколько недель тому назад утверждали, более того – и теперь еще утверждают, что солнце есть резервуар превратившихся в пар металлов!

Профессор физики преподающий в Технологическом институте. См. его «*Земля – великий магнит*», – лекцию, прочитанную для Йельского научного клуба в 1872 г. См. также лекцию проф. Бальфура Стюарта «*Солнце и Земля*».

См. [250] «Влияние фиолетового излучения».

Заметьте! великие ученые девятнадцатого века подтверждают мудрость скандинавского мифа, приведенного в предыдущей главе. Несколько тысяч лет тому назад идея о мосте между видимой и невидимой вселенными была аллегоризована невежественными «язычниками» в «Песнях Эдды Волюспы», в «Видении Валы-прорицательницы». Ибо что же такое представляет этот мост Бифроста, сияющей радуги, по которому боги идут на свидания близ родника Урдара, как не ту же самую идею, которую преподносят вдумчивому исследователю авторы «Невидимой вселенной»?

«*L'Ami des Sciences*», 2 марта, 1856, стр. 67.

«Тайные посвященные» Верденфельта [188]; Филалет; Ван Гельмонт; Парацельс.

Юманс, «Химия», [174, с. 169]; и У. Б. Кемшид [85].

См. работы Бойля.

Единожды соврав, соврешь дважды (*лат*).

[161], «*Ответ на аргументы Юма, Ликки и т. д. против чудес*».

Дух туманно влажный (*лат*).

В 1854 году М. Фуколт, выдающийся врач и член Института Франции, один из оппонентов Гаспарина, отрицая самую возможность любой такого рода манифестации, написал нижеследующие памятные слова: «В тот день, когда мне удастся пошевелить соломинку силой только одной моей воли, в тот день я приду в ужас!» Это слово угрожающее. Приблизительно в том же году Бабинэ, астроном, повторял в своей статье в «*Revue des Deux Mondes*». без устали следующую фразу: «Левитация какого-либо тела *без соприкосновения* так же невозможна, как вечное движение, потому что в тот день, когда это будет совершено, *мир рассыплется*». К счастью, мы не видим никаких признаков такого катаклизма, а тела все же *левитируют*.

Письмо Гланвилу, автору «*Триумфа саддукейства*», Май, 25, 1678 г.

Берлин, 1817.

Было бы бесполезно и потребовало бы слишком много труда выступить здесь в защиту Кеплеровской теории о связи пяти правильных геометрических тел с величинами орбит пяти главных планет, высмеянной профессором Дрейпером в его «Истории конфликта» [48]. Много древних теорий уже получили подтверждение через новейшие открытия. Что же касается остальных – надо подождать.

«Новые исторические сведения о Сиамском царстве», труд де ла Лоубэ, французского посла в Сиаме в 1687-88 гг... Издание 1692 г. [205].

См. главу о человеческих душах, обосновавшихся в *восьмой* сфере, которые кончают полным уничтожением индивидуальности.

См. о чтении Уоллесом в 1871 г. доклада об этом перед Диалектическим обществом в [218].

«Φιλολογος» (Аейли), второе издание.

См. *Art. on «Xthrobacy»*.

Псалом CV, 22. «Земля Хамова», или *chet*, греческое χητι, откуда термины *алхимия* и *химия*.

Подробности этого события можно найти в сочинении Эразма Франциска, который Цитирует Флаумера, Панциролла и многих других.

«Серу, квасцы *ust. ξ iv; ξ*чистить до цвета? *ij.*, добавить кристаллическую буру (измельченную)?*j.*; затем полить очищенным винным спиртом и выпаривать его, перегонять и подливать свежего; повторять это до тех пор, пока сера не начнет плавиться, как воск, без всякого дыма на медной раскаленной тарелке: это для *nutania*, фитиль изготавливается следующим образом: собрать обрезанные волокна *Lapis asbestos* в пучок толщиной в средний палец, длиной в мизинец; положите его в венецианский стакан и покройте его вышеупомянутой очищенной серой, или питанием; поставьте стакан на 24 часа в такой горячий песок, чтобы сера все это время пузырилась. Фитиль, после того как его пропитали и смазали, следует поместить в стаканоподобную створчатую раковину так, чтобы часть его находилась выше заготовленной серы; затем, поставив стакан на горячий песок, расплавить серу так, чтобы она охватила фитиль, и если его зажечь, он будет гореть вечным пламенем, и вы можете ставить эту лампу куда вам угодно».

Другой рецепт таков:

«*R. Salis tosf. lb. j.*; залить крепким винным уксусом и выпаривать до консистенции масла; затем добавить свежего уксуса, размочить и перегонять снова, как прежде. Повтори это 4 раза подряд, затем клади в этот уксус *vit. antimonii subtilis loevigat. lb. j.*; поставить это на золу в закрытом сосуде на 6 часов, выпарить раствор, удалить влагу, и налить свежую, и выпарить опять; повторять до тех пор, пока не уйдет вся краснота. Сгустите ваш экстракт до консистенции масла, затем очищайте его в *Balneo Marie* (пароварке). Затем взять выпаренную сурьму и, измельчив ее в очень мелкую муку, поместить в стеклянный сосуд с сжатой головкой; полить очищенным маслом, затем выпаривать и подливать свежего 7 раз до тех пор, пока порошок не впитает всего масла и не будет совершенно сухим. Полученный экстракт опять полить винным спиртом настолько, чтобы получить из него эссенцию, которую поместить в венецианскую колбу, хорошо закупорить бумагой, сложенной в пятеро, и затем выпаривать до тех пор, пока не выйдет весь спирт и на дне не останется неистребимое масло, которое следует использовать с помощью фитиля так же, как в вышеописанном случае с серой».

«Это вечные огни Тритенхейма», – говорит Либавий, его толкователь, – «которые, в действительности, хотя и не имеют никакой связи с керосином, могут служить наглядным примером друг друга. Керосин не настолько стоек, чтобы его нельзя было сжечь, ибо он испаряется и сгорает, но если его закрепить соком *Lapis asbestinos* он мог бы дать вечное пламя», – говорит этот эрудированный человек.

Мы можем добавить от себя, что мы сами видели лампу, изготовленную таким образом, и нам сказали, что с тех пор, как ее впервые зажгли 2 мая 1871 года, она не угасала. Так как мы знаем, что человек, проделавший этот опыт, не способен на обман и продвинулся в герметических науках, у нас нет оснований не доверять его словам.

Автор «De Rebus Cypriis», 1566 г.

Снаружи (*лат.*).

Невменяемый (лат).

Мильтон, «Потерянный рай».

См. [62, том ii] и [60].

Плутарх, в переводе Лангхорна.

Некоторые ученые каббалисты утверждают, что греческие оригиналы пифагоровых изречений Сикста, про которые говорят, что они утеряны, еще существовали в то время в одном монастыре во Флоренции и что Галилей был ознакомлен с этим материалом. Кроме того, они добавляют, что один трактат по астрономии, рукопись Архитаса, непосредственного ученика Пифагора, в котором были отмечены все наиболее значительные доктрины пифагорейской школы, находились во владении Галилея. Если бы такая рукопись находилась во владении какого-либо *Руфинаса*, он, без сомнения, извратил бы ее, как пресвитер Руфинас извратил вышеупомянутые изречения Сикста, заменяя их поддельным текстом, авторство которого он стремился приписать некоему епископу Сиксту. См. «Предисловие» Тэйлора к «Пифагорейской жизни» Ямвлиха [75, с. xvii].

Джовитт, «Предисловие» к «Тимею» – [30, т. ii, с. 508].

Начиная с Годфри Хиггинса и кончая Максом Мюллером, каждый археолог и филолог, который беспристрастно и серьезно изучал древние религии, ощущал, что взятые в их буквальном значении, они могут увести только на ложный путь. Др. Ларднер исказил и неправильно истолковал древние учения – неумышленно или иначе – но грубейшим образом. *Праврити* – это существование живой природы в активном состоянии, а *ниврити* или отдых – это состояние бытия неживое, неактивное по буддийской эзотерической доктрине. «Чистое ничто» или несуществование, небытие, будучи переведенным по своему эзотерическому смыслу, означает «чистый дух», безымянное, что-то такое, что наш ум не может охватить. Но об этом будем говорить в дальнейшем.

Это находится в прямом противоречии с современной эволюционной теорией.

Фицин, см. «Избранные отрывки» и «Трактат по магии»; [29, т. i, с. 63].

Полное и точное наименование этого ученого общества – «Американская ассоциация по распространению науки». Однако, для краткости его часто называют: «Американская научная ассоциация».

«Национальное ежеквартальное обозрение», дек. 1875.

Там же, стр. 94.

«Национальное ежеквартальное обозрение», дек. 1875, стр.96.

Нам не нужно ходить так далеко, чтобы убедиться в том, что многие великие люди думали так же. Кеплер, знаменитый астроном целиком придерживался веры в то, что звезды и все небесные тела, даже и наша земля, одарены живыми и думающими существами.

Мы не уверены, что в каталогах какой-нибудь европейской библиотеки значится копия этого древнего труда, но это одна из *Книг Гермеса* и в работах целого ряда древних и средневековых философов на нее делаются ссылки и приводятся цитаты. Среди них такие авторитетные, как «Rosarium philosophorum» Арнольдо ди Виллановы, «Lucensis opus de lapide» Франческо Арнольфима, «Tractatus de transmutatione metaflorum» Гермеса Трисмегиста, «Tabula smaragdina», а главное – трактат Раймонда Луллия «Ab angelis opus divinum de quinta essentia».

«Гермес», IV, 6. Дух здесь означает Бог-Дыхание, ς Θεός.

Незнание древних о сферичности Земли принимается нами, как факт. А какие доказательства этого факта у нас есть? Это представление получено нами только из литературы. Даже в далекие времена Пифагора язычники учили о шарообразности Земли, Плутарх присягал этому и Сократ умер за это. Кроме того, как нами повторно установлено, все знание было сосредоточено в святилищах храмов, откуда оно редко просачивалось к непосвященным. Если бы мудрецы и священнослужители глубокой древности не были бы знакомы с этой астрономической истиной, то как же бы они представляли Кнефа, духа *первого часа* с яйцом, которое помещалось у него на губах, яйцо, изображавшее наш глобус, которому он сообщает жизнь своим дыханием. Более того, если благодаря трудностям ссылок на халдейскую «Книгу Чисел», наши критики будут настаивать на цитировании других авторитетов, мы можем послать их за справками к Диогену Лаэртскому, который наделил Манефона знанием того, что земля была в форме шара. Кроме того, тот же автор, цитирующий, вероятнее всего, «Сокращенную естественную философию», дает следующее объяснение египетской доктрины: «Вначале была материя $\text{Αρχήν ρεῖν εἶναι ὕλην}$, потом она дифференцировалась на четыре элемента... Обличие Бога непознаваемо; мир шарообразен, он рожден и смертен... Затмения луны бывают от того, что луна попадает в тень земли». (Диоген Лаэртский [239, i, 10, 11]). Кроме того, Пифагор был наделен знанием, что земля круглая, что она вращается и является такою же планетою, как и всякая другая из этих небесных тел. (См. Фенелон [240]) В позднейших переводах Платона («Диалоги Платона», в переводе профессора Джовитта), автор в своем предисловии к «Тимею», несмотря на «злополучное сомнение», возникающее из-за слова ἑλκεσθαι , которое может быть переведено, как «вращающийся» или «уплотнившийся», склонен считать, что Платон был знаком с вращением Земли. Доктрина Платона выражена в следующих словах: «Земля, которая является нашей кормилицей (уплотненной или) *вращающейся* вокруг оси, проходящей через всю вселенную». Но если верить Проклу и Симплицию, то Аристотель понимает это слово в «Тимее» как кружащийся или вращающийся» (*De Coelo*) и сам мистер Джовитт далее допускает, что «Аристотель приписывает Платону доктрину вращения Земли». (См. [30, т. ii, с. 501—2] — введение к «Тимею».) По меньшей мере было необычным заявление, что Платон, который так преклонялся перед Пифагором и который, конечно, как посвященный, должен был прилежать всем доктринам великого Самосса, не знал бы такой элементарной астрономической истины.

В библиотеке родственников писателя имеется копия французского издания этого уникального труда. Предсказания даны на старо-французском языке и изучающему современный французский их очень трудно расшифровать. Мы даем поэтому английскую версию, которая, как говорят, взята из книги, являющейся собственностью джентльмена из Сомерсетшира в Англии.

См. Раулинсон, том XVII, стр. 30—32 исправленного издания.

Джовитт, «Введение» к «Тимею» [30, т. i, с. 509].

Поклонение луне, солнцу, планетам и звездам (*Прим. переводчика*).

Последователи Ириней Леонского, одного из гностиков (*Прим. переводчика*).

Он жил в I столетии до Р. Х.

Кизер [245, т. iv, с. 62]. В действительности, многие из старых символов были просто каламбурами наименований.

См. «Айтарея-брахмана» [19].

Брахма еще назывался индусскими брахманами Ираньягарбха или *единая* душа, в то время как *Амрита* есть высшая душа, первопричина, эманировавшая из себя творящего Брахму.

Эвгемеризм – система интерпретации мифов, по которой считалось что боги представляют собой выдающихся людей, живших ранее, и таким образом мифы считались основанными на реальной истории (*Прим. переводчика*)

[248], статья «Философия».

«Бостонская лекция», декабрь 1875 г.

[46], перевод Вилсона, ii, 143.

Там же, «Duncker», II, 162.

Там же, «Wultke», II, 262.

Это положение будет названо *нелепым*, но которое мы готовы представить, опираясь на авторитет Платона (см. «Введение» Джовитта к «Тимею»; последняя страница), как пифагорейскую доктрину совместно с теми другими о том, что солнце является только линзой, через которую проходит свет, положение, как ни страшно, подтверждаемое сегодня наблюдениями генерала Плеазонтонна из Филадельфии. Этот исследователь выступает смело, как революционер современной науки, называя центробежную и центростремительную силы Ньютона и закон гравитации «заблуждением». Он бесстрашно выдвигает свою позицию против сегодняшних позиций Тиндаля и Гёксли. Мы рады, что нашелся такой ученый защитник одной из древнейших (а поэтому считаемой наиболее абсурдной) герметических галлюцинаций (?) (см. книгу генерала Плеазонтонна «Действие голубого луча солнечного света и голубого цвета неба на развитие животной и растительной жизни», адресованную Филадельфийскому обществу содействия сельскому хозяйству).

Ни в одной стране истинно эзотерические доктрины не доверялись бумаге. Индусская «Брахмамайя» переходила из поколения в поколение путем *устной* традиции. Каббала никогда не была написана и Моисей передавал ее устно только своим избранным. Первоначальный восточный гностицизм был полностью извращен различными последующими сектами. Филон в «Жертвоприношении Авеля и Каина» утверждает, что в этом есть тайна, которая *не может быть открыта* непосвященным. Платон умалчивает о многих вещах и его ученики постоянно ссылаются на это. Для каждого, кто хотя бы поверхностно изучал этих философов, при чтении поучений «Ману», становится ясным, что все они черпали из одного и того же источника. «Вселенная», – говорит Ману, – «существовала только в *первой божественной идее, еще не проявленная, как бы погруженная во тьму, незаметная, неопределяемая, непостижимая* разумом, *неоткрытая откровением*, как будто полностью погруженная в сон; затем нераздельная самосушая Сила незаметно появляется с немеркнувшей славой *разворачивает его идею* или *рассеивает мрак*» Так повествует первое положение буддизма, платоновская идея есть *Воля* или Логос, божество, проявляющее себя. Это Вселенский Свет, от которого происходит, как *эманация*, так видимый и *материальный* свет.

Похоже на то, что при спуске с Мон-Блана Тиндаль страдал от страшного жара, хотя он был в то время по колено в снегу. Профессор приписал это обжигающим лучам солнца, но Плеазонтон настаивает на том, что если бы лучи солнца были бы настолько интенсивны, как описывалось, растаял бы снег, а этого не произошло; он делает вывод, что жар, от которого страдал профессор, исходил из его собственного тела и был результатом электрического действия солнечного света на его темную шерстяную одежду, которая была заряжена положительным электричеством от его тела. Холодный сухой эфир планетного пространства и верхние слои земной атмосферы заряжены отрицательным электричеством и, падая на его теплое тело и одежду, заряженные положительно, развили усиленное тепло (см. [250], стр. 39, 40, 41 и далее).

Самым курьезным из всех «курьезных совпадений» для нашего разума является то, что наши ученые мужи отставляют в сторону факты, достаточно поразительные, чтобы заставить их принять это выражение, когда они говорят о них, вместо того, чтобы приняться за работу и дать нам философское объяснение таковых.

«Тимей», [30].

«Тимей», [30].

Согласно теории ген. Плеазонтонна о положительном и отрицательном электричестве, лежащих в основе каждого психологического, физиологического и космического явлений, злоупотребление алкогольными возбудителями превращает мужчину в женщину и *наоборот*, изменяя их *электрические полярности*. «Когда такая перемена электрической полярности произошла», – говорит автор, – «характерные черты (этого пьяницы) становятся *женскими*, он раздражителен, неразумен, возбужден... становится буйным, и если он встречает свою жену, у которой нормальная электрическая полярность, такая же как у него, положительная, то они взаимно отталкиваются, начинают оскорблять друг друга, происходит конфликт, смертельная схватка и на другой день в газетах появляется заключение понятых, присутствовавших при разборе дела следователем о насильственной смерти... Кто может ожидать, что причина всех этих страшных преступлений будет найдена в поте преступника? Тем не менее наука доказала, что метаморфоза *мужчины в женщину* путем перемены его электрического заряда на *противоположный* женский со всеми его атрибутами, обнаруживается характером его повышенного потоотделения, вызванного алкогольными возбудителями» [250, с. 119].

«Тимей» [30]. Подобные выражения дали возможность профессору Джовитту утверждать в его выступлении, что Платон учил притяжению между подобными телами. Но такое утверждение равносильно отрицанию наличия у великого философа рудиментарных знаний о полярности магнита.

Алфред Маршалл Мэйер, Филадельфия. «Земля – большой магнит», лекция, прочитанная в Научном Клубе в Яле, 14 февраля 1872 г.

См. Павсания в переводе Тейлора, «Трактат о демонах» Пселла [253] и «Элевзинские и вакхические мистерии» [4].

«Федр» в переводе Кори [90], i, 328.

Это утверждение ясно подтверждается самим Платоном, который говорит: «Вы говорите, что в моей предыдущей беседе я недостаточно ясно объяснил вам характер *Первого*, я специально говорю загадками, потому что, если кому-то, по какой-то случайности на суше или на море попадаетея табличка, человек не имеющий предварительного знания по этому предмету, не сможет понять его содержание» (Платон [30], ii, стр. 312; Кори [90]).

См. гл. IX.

«Иллюзия; материя в троичном проявлении: в земном, астральном или первоначальном духе, или теле, и дуалистической душе Платона, разумной и неразумной единицы», см. следующую главу.

Порфирий верит, что его учителю Плотину удалось слиться с «Богом» в течение его жизни шесть раз, и сетует, что самому ему удалось достигать этого только дважды.

Сказано, что Орфей приписывал великому циклу длительность в 120 000 лет, а Кассандр – 136 000. См. [254].

См. «Космогония Ферекида».

См. Далее избранные цитаты из «Кодекса назареев».

См. «Тимей» Платона [32].

Основываясь на авторитете Ириней, Юстиниана Мученика и самого «Кодекса», Данлэп доказывает, что назареяне рассматривали свои «дух» или, вернее, душу, как женскую и *Злую Силу*. Ириней, обвиняя гностиков в ереси, называет Христа и Святой Дух «*гностической парой*, которая производит эонов» [142, с. 52, сноска].

Фетахил у назарейян считался повелителем света и *Творцом*: но в данном случае он несчастный Прометей, которому не удастся овладеть *Живым Огнем*, необходимым для построения божественной души, так как он не знает тайного имени (непроизносимое секретное имя каббалистов).

Дух материи и похотливости.

См. [255] и [142].

Этот Мано очень напоминает индийского Ману, небесного человека «Ригведы».

«Я есмь *истинная виноградная лоза*, а Отец Мой – виноградарь» [Иоанн, XV, 1].

У гностиков Христос, так же как и Михаил, который в некоторых отношениях с ним идентичен, был «водителем эонов».

Астральный свет или *Anima Mundi* двойственен и двупол (двуначален). (Идеальное) Мужское начало является чисто божественным и духовным, это есть мудрость, это дух или пуруша; тогда как часть женского начала (*Spiritus* назареян) в одном смысле заражена материей, и в действительности *есть* материя, и потому является уже злом. Это есть жизненный принцип каждой живущей твари, который снабжает астральной душою, флюидическим *perispit*, человека, животных, птиц и все живущее. Животные имеют лишь латентный зародыш высочайшей бессмертной души. Эта последняя разовьется лишь после ряда бесчисленных эволюций; доктрина этих эволюций заключается в каббалистической аксиоме: «Камень становится растением; растение животным; животное человеком; человек духом; и дух богом».

См. комментарии к «Идра Сута» раввина Элиашара.

Сод означает религиозное таинство. Цицерон упоминает *сод*, как часть *идеанских* мистерий. «Члены жреческих общин назывались *Соудэлы*», говорит Данлэп, цитируя «Латинский лексикон» Фреунда, IV, 448.

Автор «Зогара», великого каббалистического труда первого века до нашей эры.

См. труды аббата Хаца.

«Зогар», III, 228; «Идра Сута».

См. Платона «Тимей» [32].

«Сверхъестественная религия: исследование реальности божественного откровения» – [259].

См. [260].

Бёрджес, «Предисловие».

«Седьмое письмо». (Произведение, приписываемое Платону, – *прим. переводчика*)

Е. А. Хичкок – [262].

«*Archives des Sciences*», том XLV, с. 345, декабрь 1872 г.

Пифагорейская клятва – пифагорейцы клянутся своим учителем.

См. [266].

Пселл в [267].

Прокл в [267].

От латинского слова *mensa* – стол. Это любопытное письмо цитируется по «Духовной науке» Элифаса Леви [158].

Суланут описан в «Яшер», глава LXXX, стих 19, 20.

«И когда египтяне спрятались от саранчи» (одна из кар, якобы навлеченных на них Моисеем)»... они заперли за собой двери, и Бог приказал Сулануту...» (*морскому чудовищу*, наивно объясняет переводчик в подстрочнике) «который в то время находился в море, подойти и отправиться в Египет... у него были длинные руки – десять кубит в длину... и он поднимался на крыши и раскрывал стропила и ранил их... И протягивал свои руки во внутрь домов, отпирал замки и отодвигал засовы и открывал дома египтян... и саранча и животные наносили разрушения египтянам, и причиняли им великое горе».

«Горгий» [41].

«Тимей» [32].

«Федр», I, 69 – в переводе Кори [268].

«Федр» – [268, с. 325].

См. Бульвер-Литтон, «Странная история» [25, с. 76]. Мы не знаем, где еще в литературе можно найти более яркое и прекрасное описание разницы между жизненным принципом человека и животных, чем на страницах, на которые мы ссылаемся.

Геродот, I, 181.

Объединение религиозных общин, составляющих список (индекс) книг – запрещенных католической церковью, вплоть до их переработки. (*Прим. переводчика.*)

Интересно знать, хотел ли отец Феликс включить Св. Августина, Лактация и Бида тоже в эту категорию?

Например, Коперник, Бруно и Галилей? Дальнейшие подробности найдете в «*Index Expurgatorius*»... Действительно, большая мудрость в популярной поговорке «Смелость города берет».

Против этого утверждения не станут возражать ни Герберт Спенсер, ни Гёксли. Но отец Феликс кажется не сознает своего собственного долга науке; если бы он это сказал в феврале 1600 года, он мог бы разделить судьбу бедного Бруно.

[270], [100].

Дамасций в своей «Теогонии» называет это «*Дис*» – «распорядитель всего» [90, с. 314].

Платон, «Тимей» [32].

Читатель должен понимать, что под «годами» подразумеваются «эпохи», а не просто периоды времени по 12 месяцев каждый.

См. греческий перевод Филона Библского.

Мы приводим орфографию и слова этого каббалиста, который жил и опубликовал свои труды в семнадцатом веке. Вообще, его считают наиболее знаменитым алхимиком среди философов герметизма.

Наиболее позитивные из материалистических философов соглашались, что все, что существует, развилось из эфира; следовательно, воздух, вода, земля и огонь, четыре первичных элемента, также должны были произойти из эфира и хаоса, то есть от первой дуады; все невесомости, известные теперь или неизвестные, происходят из того же источника. Далее, если в материи имеется духовная сущность, которая заставляет ее превращаться в миллионы индивидуальных форм; то почему нелогично будет утверждать, что каждое из этих духовных царств в природе населено существами, развившимися из собственного материала этого царства? Химия учит нас, что в теле человека имеются вода, воздух, земля и тепло, или огонь – воздух присутствует своими компонентами; вода присутствует в секрциях; земля – в неорганических составных частях; огонь – в животном тепле. Каббалисты знают по опыту, что элементарный дух содержит в себе только один элемент; и что каждое из этих четырех элементарных царств имеет своих собственных, только ему присущих духов. Истину, что человек выше их, закон эволюции иллюстрирует тем фактом, что человек представляет собой сочетание всех четырех вместе.

Древние называли «душою» духов плохих людей; душа была *лярвой* и *лемуром*. Добрые человеческие духи становились богами.

Порфирий [211], глава о подлинных обрядах.

[273] – второй век нашей эры, классическое произведение Апулея.

[276], [143].

Лемприер («Классический словарь» [266], ст. «*Пифагор*») говорит, что «имеются большие основания для того, чтобы поставить под сомнение истинность целого повествования о путешествии Пифагора в Индию», и кончает заявлением, что этот философ никогда не видел ни гимнософистов, ни их страны. Если это было так, то как объяснить факт, что учение Пифагора о метемпсихозе в своих подробностях является гораздо больше индийским нежели египетским? Но, более того, как объяснить другой факт, что имя МОНАС, данное им Первопричине, то же самое, что и имя, данное тому же существу на санскритском языке? В 1792-97 годах, когда появился «Словарь» Лемприера, санскрит, можно сказать, был совсем неизвестен; перевод «Айтарейя-брахмана» («Ригведа») доктора Хауга, в котором это слово встречается, был опубликован только лет 20 тому назад, а точный возраст «Айтарейи» – в настоящее время установленный Хаугом от 2000 до 2400 лет до Р. Х. – тогда не был известен, и поэтому можно думать, что так же, как это случилось и с христианами и их символами, индусы могли взять их у Пифагора. Но теперь, если только филология не докажет, что тут сыграло роль «совпадение», и что слово Монас, в своих деталях, не то же самое, мы имеем право утверждать, что Пифагор был в Индии, и что гимнософисты наставляли его в его метафизической теологии. Один только факт, что, по словам Макса Мюллера, «санскрит по сравнению с греческим и латынью, является старшим братом», недостаточен, чтобы им объяснить полную тождественность в санскритском и греческом слова МОНАС, в наиболее метафизическом и завуалированном значении. Санскритское слово *дэва* (бог) стало в латыни *deus*, и указывает на общность источника. Но мы находим в зороастрийской «Зенд-Авесте» то же самое слово, означающим диаметрально противоположное – оно стало (даэва или злой дух, из которого произошло слово *дьявол*).

Берос, фрагменты, сохранившиеся в изложении Александра Полигистора – «О космогонии и потопе», перевод Кори.

Описывая величие архаических памятников Индии, чтобы выразить утонченность отделки из монументов, некий писатель дал такое определение: «Они строили как гиганты, и отделяли как ювелиры».

Пселл, 6, Plet. 2 – см. [90].

Во избежание опровержений со стороны некоторых спиритуалистов мы приводим высказывание, о котором идет речь, дословно, в качестве образца, насколько не заслуживают доверия высказывания таких «духов-оракулов». Пусть они будут хоть человеческими, хоть элементарными духами, но духи, способные на такую наглость, могут рассматриваться оккультистами чем угодно, только не руководителями в философии, в науке или в этике. «Не следует забывать», – говорит мисс Кора В. Таппэн в публичном собеседовании по «Истории оккультизма и его связи со спиритуализмом» (см. «Знамя света» за 26 авг. 1876 г.), что древнее слово «колдовство», а также применение его было запрещено среди евреев. Закон этот в переводе означает, что никакая ведьма не должна жить. Этот закон был воспринят в его буквальном значении и, действуя на его основании ваши набожные и преданные своей вере предки, предавали смертной казни без достаточных улик, бесчисленное количество очень умных, мудрых и чистосердечных лиц по обвинению в колдовстве. Теперь же оказалось, что перевод и толкование этого закона имеет другой смысл – ведьме не разрешается жить на заработки от своего ведьминого ремесла. То есть, из этого не следует делать профессию». Будет ли нам разрешено осведомиться у этой знаменитой особы, кто этот *авторитетный источник*, при посредстве которого *был открыт* этот новый смысл?

Кромвель Ф. Варли – известный инженер-электрик Атлантической кабельной компании сообщает результат своих наблюдений на обсуждениях Общества психологических исследований Великобритании, изложенных в журнале «*Спиритуалист*» (Лондон, 14 апреля 1876 г., стр. 174, 175). Он считает, что свободная азотная кислота в атмосфере может прогнать то, что он именует «неприятными духами». Он полагает, что те, кого дома тревожат эти духи, найдут избавление, если нальют в блюдечко одну унцию купороса на две унции мелкоизмельченной селитры и поставят эту смесь под кроватью. Вот вам ученый, репутация которого простирается на два континента и который дает вам рецепт, как отгонять злых духов. А широкая общественность продолжает смеяться как над «*суеверием*», над травами и курениями, применяемыми индусами, китайцами и другими народами с подобной же целью.

Этого призрака называют *Син Лека*. См. «Странную историю» Бульвер-Литтона.

В страсбургском издании трудов (1603) Парацельс пишет о чудодейственной *магической* силе человеческого духа. «Мой дух обладает возможностью без помощи тела, пользуясь одною только огненной волей, закалывать и ранить других людей без помощи меча. Для меня также возможно ввести дух моего врага в изображение и затем согнуть и искалечить... напряжение воли – большое дело в медицине... Всякое воображение у человека происходит из сердца, ибо оно есть солнце микрокосма, а из этого микрокосма воображение проникает в большой мир (во вселенский эфир) ... воображение человека есть семя, которое *материально*». (Наши современные ученые-атомники доказали это; см. Бэбиджа и профессора Джевонса.) «Сосредоточенная мысль также является средством к достижению цели. Магия есть великая *сокровенная мудрость*, а рассудок – великая публичная глупость. Никакая броня не защищает от магии, ибо она ранит внутренний дух жизни».

[253], гл. «*Quomodo daem occupent*».

Numquid daemonum corpora pulsari possunt? Possunt sane, atque dolere solido quodam percussa corpore.

Ubi secatur, mox in se iterum recrealur et coalescit... dictu velocius daemonicus spiritus in se revertitor.

Членом городской управы.

Этот ужасный случай удостоверен префектом города, и проконсул этой провинции донес об этом императору. Это повествование вкратце изложено миссис Катериной Кроу (см. «Ночная сторона природы», с. 355).

Около 23 кг. (Прим. ред.)

Около 9 м. (Прим. ред.)

С любовью (ит.)

Ярд = 91,44 см. (Прим. ред.)

Вилкроз, «Доктор д'Алжир», 19 Марс, 1861; Пайерарт, т. IV, с. 254—257.

[284, т. х, с. 402—447], [285, т. i, с. 92—100] и [286, с. 42—43].

См. «Эдинбургское обозрение», том IXXX, стр. 428, и т. д.

«Протоколы нью-йоркского медицинского общества», 1865-6-7.

«Дублинский кварталный журнал по медицинской науке», том XV, стр. 263, 1853.

«Анатомические исследования трансцендентальной патологии», Париж, 1832.

«Силмановский журнал науки и искусства», т. X, стр. 48.

«Протоколы Медицинского общества, и т. д.», стр. 246.

Под словом «душа» ни Демокрит, ни другие философы не подразумевали *poüs* или *pneüta*, божественную *нематериальною* душу, но подразумевали *psyche*, или астральное тело, то есть то, что Платон всегда именует второй *смертной* душой.

Волей-неволей (*лат*).

Шпренгель в своей «Истории медицины» описывает Ван Гельмонта как бы питающим неприязнь и недоверие шарлатанству и невежественным теориям Парацельса. «Труды последнего», – говорит Шпренгель, – «которые он (Ван Гельмонт) внимательно прочел, возбудили в нем дух реформации, но одних их для него было недостаточно, так как его эрудиция и суждение было бесконечно выше эрудиции и суждения автора этих трудов, и он *презирал* этого сумасшедшего эгоиста, этого невежественного и смешного бродягу, который часто казался впавшим в безумие». Это совершенно ложное утверждение. У нас есть писания самого Гельмонта, опровергающие это. В известном споре между двумя писателями, Гоклением, профессором из Марбурга, который защищал и указал на огромную эффективность симпатической мази для исцеления всех ран, открытой Парацельсом, и отцом Робертом, неким иезуитом, который осуждал все эти исцеления и приписывал их Дьяволу. Ван Гельмонт взялся уладить этот спор. Причина, которою он объяснил свое вмешательство в этот спор, по его словам, заключалась в том, что все такие диспуты «задевают Парацельса, как их первооткрывателя, а также его самого, как ученика Парацельса» (см. [294], с. 705, «Магнетическое лечение ран»).

Демокрит сказал, что из ничего нельзя сотворить ничего, и поэтому ничто не может быть превращено в *ничто*.

Дата указана неправильно, это должен был быть 1784 г.

«Заседания Парижской академии наук», 13 августа 1807 г.

«Популярный научный ежемесячник», май, 1876, стр. 110.

«Популярный научный ежемесячник», дек., 1874, стр. 252, Нью-Йорк.

«Плавание Ханно вдоль линии берега».

Оригинал был повешен в храме Сатурна в Карфагене. Фалконер о нем написал две диссертации и соглашается с Бугейнвиллом, относя рукопись к шестому веку до Р.Х. (см. [90]).

Профессор Джовитт.

«Атлантический остров (марцелла) эфиопской истории».

См. «*Revue Encyclopédique*», т. XXXIII. стр. 676.

«Бюллетень Географического общества», (франц.), т. VI, стр. 209—220.

См. «*Revue Encyclopédique*», т. XXXIV, стр. 676—695.

«Порфирий», – говорится в «Классическом словаре» Лемприера, – «был человеком универсальной осведомленности и, по свидетельству древних, превосходил своих современников по знанию истории, математики, музыки и *философии*».

Перевод С. Ильина.

Эпес Сэрджент. Читайте его статью «*Разве все это делает материя?*»

В своих «Очерках по классификации» [300, XVII, с. 97—99] Луис Агассиз, великий зоолог, говорит: «Большая часть доказательств бессмертия человека в равной степени приложима также к неуничтожаемости жизненного принципа в других живых существах. К этому я хочу добавить, что если бы человек в своем посмертном существовании был бы лишен великого источника радости и интеллектуального и морального улучшения, получаемого через наблюдение и созерцание гармонии органического мира, то это было бы для него тяжелой утратой. И не можем ли мы рассматривать духовную гармонию объединенных миров и всех их обитателей в присутствии своего творца, как высшую концепцию рая»?

См. труды Роберта Флуктибуса и «Розенкрейцеров» Харгрейва Дженнингса [76].

«Лекция о Ведах».

«Классический журнал», том IV, стр. 107, 348.

См. [364].

[**313**, т. ii, гл. ii] и [**104**, с. 332].

[315], глава о «вампиризме».

См. [100, с. 199].

[**318**, т. ii, с. 47]; [**100**, с. 195].

См. такие же показания свидетелей, данные под присягой, в официальных документах: «De l'Inspir des Camis», Х. Бланк, 1859, Плон, Париж.

Автор отсылает всех, кто сомневается в подобных заявлениях к «Материалам по кладбищам» Г. А. Уолкера, стр. 84—193, 194 и т. д.

См. [158]

«*Scientific America*», авг. 12, 1868.

Лесная яблоня.

Это не верно; обезьяна на индийском называется «*рук-чарха*», вероятно имеется ввиду «*чокра*» – маленький туземный слуга.

[334, т. iii; i, viii, с. 43] и [331, 22].

[366] и [337].

Миссис Катерина Кроу в своей книге «Темная сторона природы» [279, с. 118] приводит подробности подобного погребения факира, состоявшееся в присутствии генерала Вентуры, магараджи и многих сардаров. Политический резидент Лудхианы «присутствовал, когда погребенного факира вырывали десять месяцев спустя из могилы для оживления». Гроб или ящик, в котором находилось тело факира, «был помещен в склеп, на который набросали землю и притоптали, после чего эту землю засеяли ячменем и приставили часовых, чтобы они охраняли». Однако магараджа был такой скептик, что не доверял этим предосторожностям, и «дважды в течение десяти месяцев *приказывал разрыть могилу и произвести осмотр*. Оба раза факира нашли лежащим точно в таком же положении, в каком он был похоронен».

Тод, «Введение» к «Оккультной науке» [123, т. i].

«*Morning Herald*», 21 июля 1836 г.

Было бы благом для человечества, если бы наши современные врачи обладали такой бесценною способностью, ибо тогда меньше было бы ужасных случаев смертей *после* предания земле. Миссис Катерина Кроу в своем труде «Темная сторона природы» повествует в главе «*Случаи транса*» о пяти таких случаях в одной только Англии в течение текущего столетия. Один из них: случай с доктором Уолкером из Дублина и с мистером С., мачеху которого обвинили в отравлении. Когда разрыли могилу и открыли гроб, то оказалось, что погребенный перевернулся и лежал лицом вниз.

Ямвлих был основателем неоплатонической теургии.

См. [45].

См. «Медиум и рассвет», 7 июля 1876 г., стр. 428.

Во втором томе нашего труда мы ясно докажем, что Ветхий Завет упоминает более, чем одного бога, которым поклонялись израильтяне. Эль-Шади Авраама и Якова не есть Иегова Моисея или Господь Бог, которому они поклонялись 40 лет в пустыне. И Бог воинств Амоса не есть, если мы должны верить его собственным словам, Бог Моисея, синайское божество, ибо вот что мы читаем у него: «Ненавижу, отвергаю праздники ваши... не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших... Приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет, дом Израилев? Вы носили *скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана* [Сатурна], изображения, которые вы сделали для себя. За то Я переселю вас за Дамаск, говорит *Господь, Бог Саваоф – имя Ему!*» [Амос, V, 21-27].

Это слово «вверх» от духа пророка, чье обиталище определено должно быть в небесах, и который должен бы сказать «вызыванием вниз», очень многозначительно для христианина, который помещает рай и ад в двух противоположных направлениях.

Lib. I, Sat. 8.

Источником этого сообщения послужил очевидец господин Н-ов из Санкт-Петербурга, который был прикомандирован к флагманскому кораблю «Алмаз», если мы не ошибаемся.

Какие силы вызвали это качание газеты?» – спрашивает Дж. У. Фелпс, ссылающийся на этот случай. – «Это было быстрое восходящее течение холодного нагретого воздуха, и нисходящее течение холодного воздуха, транслирующее движение поверхностного бриза и круговое движение вихря. Но как они могли так скомбинироваться, чтобы производить качание?» (Лекция по объяснению электроэнергии).

«*Revue des Deux Mondes*», 1858, стр. 414.

Евгений Филалет.

См. [339, т. ii, с. 1—12].

См. [332, viii, 2]: «Диогений начал и сказал: «Давайте допустим Платона на собрание и осведомимся, по какому поводу он сказал – полагаем, что это его слова – что Бог *всегда играет роль геометра*». Я сказал: «Это изречение не было записано ни в одной из его книг. Все же многое говорит за то, что это его слова, и это очень похоже на него». Вскоре Тиндарес тоже присоединился: «Он восхваляет геометрию как науку, которая удаляет людей от чувственных предметов и заставляет их обратиться к вразумительной Вечной Природе, созерцание которой есть цель философии, как узрение мистерий посвящения в священные обряды»».

У древних народов божество было троичным и дополнялось богиней – арба-Их, и становилось четверичным богом.

Теория проф. Стерри Ханта об отложении металлоносных руд этому противоречит. Но
правильна ли она?

Выдержки из Роберта ди Флуктибуса из «Розенкрейцеров».

См. том II, гл. 8.

Карфаген должен быть разрушен (*лат*).

Джон Фiske, «Североамериканское обозрение», июль, 1869, ст. «Законы истории».

Фатом – морская сажень, равная 6 футам или 1,83 м. *(Прим. переводчика).*

Джон Фiske, «Североамериканское обозрение», июль, 1869, ст. «Законы истории».

Дж. Фиске, «Североамериканское обозрение».

Мы предпримем попытку продемонстрировать во II томе в главе VIII, что древние эфиопы никогда не были расой хамитов.

[351] и [56, xxviii, гл. ii].

См. [353, часть і, с. 304—314].

«Magasin Scientifique de Gollthingen», 3 me. ann e, 5 me. cahier.

«Аупнекхат», брахман XI.

«Ktesias, in India ap. Photum.», Bibl. Cod. LXXII.

[90], см. главу о первых царях Египта.

«Телеграфический журнал», ст. о научном предсказании.

Профессор Альбрехт Мюллер, «Первые следы человека в Европе» [359]: «И этот бронзовый век доходит до исторического периода *и перекрывает* его в некоторых странах, включая в себя великие эпохи Ассирийских и Египетских империй, приблизительно за 1500 лет до Р. Х., и ранние периоды наступившего железного века».

Пселл, «Зороастрийский оракул», 4, сxliv. (Перевод Е. Ю. Александровой)

Имеется в виду гадание по полету птиц и по внутренностям жертвенных животных. (Прим. переводчика.)

Проктор, «Сатурн и еврейская суббота» [242, стр. 309].

Διοσκουρίδης, «Περὶ Ὑλῆς Ἰατρικῆς», κн. V, γл. CLVIII.

Макс Мюллер, профессор Уилсон, Х. Дж. Башби и другие санскритологи доказывают, что «Восточные ученые, как туземные, так и европейские, свидетельствуют, что церемонии сжигания вдов не только не санкционирована, но категорически запрещена самыми ранними и наиболее авторитетными индийскими священными писаниями» («Сожжение вдов», стр. 21). Прочтите «Сравнительную мифологию» Макса Мюллера, «Профессор Уилсон», – говорит Макс Мюллер, – «был первым, кто указал на фальсификацию текста и замену слов «*йоним агре*» словами «*йоним агне*» (чрево огня)... Согласно гимнам «Ригведы» и ведическому обряду, изложенному в «Грихия Сутрах», жена сопровождает труп мужа до погребального костра, но там к ней обращен стих, взятый из «Ригведы», где ей приказывают оставить тело мужа и возвратиться в мир живых» («Сравнительная мифология», стр. 35).

Отсюда и повествование, что Моисей изготовил медного змея, или серафая из меди, которому израильтяне поклонялись до воцарения Иезекии.

Это *не* наше мнение. Вероятно, их построили атланты.

Почему не проследили до человеческих жертвоприношений в древних религиозных обрядах?

[367], 24, стр. 570: «*Poesie des Cloitres Celtiques*».

См. Санхуаниафона у Евсевия [71, 36] и [*Бытие*, XIV].

«Археологическое общество лондонских антикваров», том XXV, с. 220.

Данлэп в своем введении к «Сод; мистерии Адониса», истолковывает слово «Сод» как *Тайну*, религиозную мистирию по авторитетному утверждению Шиндлера «Пентеглотт» (1201). «ТАЙНА Господня – боящимся Его», – сказано в псалме XXIV, 14. Это неправильный перевод христиан, ибо следовало читать «Сод *Ihoh* (мистерии *Iohoh*) для тех, кто боится Его» (Данлэп, «Мистерии Адониса», XI). «Ал (эл) ужасен в великом Соде *кедешимов* (священнослужителей, святых, *посвященных*), псалом LXXXIX, 7» (*там же*).

«*Содалами* называли членов коллегии священнослужителей», – говорится в «Латинском лексиконе» Фрейнда (IV, 448). «**Содалиты** были учреждены в идеанских мистериях **Могучей матери**», – пишет Цицерон [197, 13]; – Данлэп [141].

См. [370, т. v, с. 65].

«Католический мир», Нью-Йорк, янв., 1877; статья «Змеепоклонство, вудуизм и т. д.».

У Гесиода Зевс творит свою *третью* расу людей из ясеня. В «Пополь-Вухе» говорится, что *третья* раса людей была сотворена из дерева «ците», а женщины сотворены из сущности тростника, который называется «сибак». Это тоже странное совпадение.

Хануман высотой более трех футов и черный, как уголь. «Рамаяна», повествуя об этой священной обезьяне, сообщает, что Хануман раньше был могучим вождем, который, будучи лучшим другом Рамы, помогал ему найти его жену Ситу, увезенную на Цейлон могущественным царем великанов. После многочисленных приключений Хануман был пойман последним, когда он пробрался в город великанов со шпионской целью. За это преступление Равана приказал намазать хвост бедного ханума маслом и зажечь. И вот, пока огонь горел, лицо Ханума так почернело, что впоследствии ни сам Хануман, ни его потомство не смогли отделаться от этой черноты. Если поверить индийским легендам, то этот же самый Хануман стал *предком* европейцев; это предание, которое, хотя и строго дарвинистическое и, следовательно, научное, никоим образом нам не льстит. По легенде, за оказанные услуги герой и полубог Рама отдал своим обезьяньим воинам своей армии в жены дочерей великанов Цейлона – ракшасов – и в качестве приданного отдал им все западные земли мира. Отправившись туда, обезьяны и их гигантские жены жили счастливо и имели многочисленное потомство. Последние являются нынешними европейцами. В Западной Европе встречаются дравидийские слова, указывающие на общее происхождение рас и слов этих народов; не может ли здесь быть намек, что предания о племенах эльфов и кобольдов в Европе и об обезьянах в Индии имеют общее происхождение?

Теперь они больше не стоят, ибо обелиск один был перевезен в Париж.

См. [371, с. 221].

Председатель Королевского Географического Общества в Берлине.

Финикийское Дидо есть женское имя от Давида, Под именем Астарты она вела финикийцев-колонистов, и ее изображение находилось на носу их кораблей. Но Давид и Саул являются именами, принадлежащими также афганцам.

Согласно проф. А. Уайлдеру. Этот археолог говорит: «Я рассматриваю эфиопскую, кушитскую и хамитскую расы, как расы строителей и художников, которые поклонялись Ваалу (Шиве) или Белу – воздвигали храмы, гроты, пирамиды и пользовались своеобразным языком. Раулинсон считает, что этот язык произошел от *туранцев* в Индостане».

В том числе и профессор А. Уайлдер.

См. «Айтарейя-брахмана» в переводе Мартина Хауга [19].

«Судей», XVII—XVIII и далее.

Зендическое H есть S в Индии. Поэтому Хапта есть Сапта; Хинду есть Синдхайя. (А. Уайлдер). «... S постоянно смягчается на H от Греции до Калькутты, от Кавказа до Египта», – говорит Данлэп. Поэтому буквы K , H и S взаимозаменяемы.

Гуигант, – [363, т. і, с. 167].

См. [Галатам, IV, 24] и [Матфей, XIII, 10-15].

А. Уайлдер уверяет, что «Ган-дания» – это название Вавилонии.

Определение «Туранский» взято из какого-то этнического семейства, о котором этнологи ничего не знают.

См. Берос и Санхуниафон; Кори, «Древние фрагменты»; Мовес и др.

Санхуниафон – см. [90, с. 14].

В одной старой брахманической книге, названной «Раматсариар», – «Пророчества», так же как и в рукописях Юга в легенде о Кришне даны почти слово в слово первые две главы «Книги Бытия». Кришна рассказывает о создании человека, которого он называет *Адима*, что на санскрите означает «первый человек»; а первая женщина называется *Хева*, то что завершает жизнь. Согласно Луи Жаколио («*La Bible dans l'Inde*»), Кришна существовал, и его легенда была написана более 3000 лет до Р. Х.

Адах по-еврейски, а *Эдем*. Первое – имя женщины; второе – обозначение страны. Они тесно связаны одно с другим, но едва ли с *Адам* и *Аккад* —, которые пишутся с алефом.

Эти два слова соответствуют терминам *Macroprosopos* или макрокосм – абсолютное и беспредельное, и *Microprosopos* из «Каббалы», «Малый Лик» или микрокосм – конечное и обусловленное. Они не переводились, и маловероятно, что будут переведены. Тибетские монахи говорят, что это и есть настоящие «Сутры». Некоторые буддисты верят, что Будда в предыдущем воплощении сам был Капилой. Нам непонятно, как могут некоторые санскритские ученые придерживаться мнения, что Капила был атеист, тогда как все легенды говорят, что он был наиболее аскетическим мистиком и основателем секты йогов.

«Брахманы» были переведены на английский доктором Хаутом; см. его «Айтарейя-брахмана» [19].

«Стан-гиюр» полон правил магии, исследований оккультных сил, их приобретения, заговоров и заклинаний и т. д. «Стан-гиюр» также мало понят мирскими переводчиками и толкователями, как еврейская Библия мало понята нашим духовенством или *Каббала* европейскими раввинами.

«Айтарейя-брахмана», лекция Макса Мюллера.

«Айтарейя-брахмана», «Буддийские паломники».

«Пресвитерианский стяг», дек. 20, 1876.

Перевод *Ману* и комментарии – [7].

См. Макс Мюллер, «Лекция о Ведах» [47].

См. Рот, «Погребальный обряд в Индии» [384]; лекция Макса Мюллера «Сравнительная мифология» [304]; статья Уилсона «Мнимое влияние Вед на самосожжение индийских вдов» и т. д.

Бунзен определяет начало царствования Менеса 3645 г.; Мането – 3892 г. до Р. Х. [74, т. v, 34, *Ключ*].

Луи Жаколио в «Библии в Индии» [373] подтверждает это.

«*Пурана*» – означает древняя и священная история или традиция. См. подробно разобранный перевод «Законов Ману» Лойселюра; также Л. Жаколио [375].

Есть такие археологи, которые, подобно Джеймсу Фергюссону, отрицают великую древность всех до единого индийских памятников. В своем труде «Пещерные храмы Индии, с иллюстрациями» автор отваживается высказать очень странное мнение, что «Египет уже перестал быть нацией до того, как первые пещерные храмы Индии были вырублены». Короче говоря, он не признает существования ни одной пещеры раньше царствования Ашоки и, кажется, хочет доказать, что большинство этих вырубленных в скалах храмов создавалось со времени этого благочестивого буддийского царя, до уничтожения династии Андры из Магада в начале пятого века. Мы считаем, что такое утверждение совершенно необоснованно. Дальнейшие открытия непременно докажут, насколько ошибочное такое мнение.

Странное совпадение – при открытии Америки у некоторых племен-аборигенов встречалось имя «Атланта».

Альберико Веспузио, сын Анастасио Веспузио, или Веспучи, в настоящее время в связи с наименованием Нового Света подвергается серьезным сомнениям. Говорят, что это имя, на самом деле, попало в труд, написанном на несколько веков раньше. – *Из прим. А. Уайлдера.*

См. [386].

[2 Царств, XXII, 14]; [2 Паралипоменон, XXXIV, 22].

Когда мы собирались отсылать эту главу в типографию, благодаря любезности досточтимого Джона Л. О'Салливана, мы получили из Парижа полное собрание сочинений Луи Жаколио, всего 21 том. Они, главным образом, касаются Индии, ее старинных традиций, философии и религии. Этот неутомимый писатель собрал огромное количество информации из различных источников, большей частью – подлинных. В то время, как мы по многим пунктам не соглашались с его мнениями, мы все же полностью признаем чрезвычайную ценность его тщательных переводов из индийских священных книг. Тем более, что мы находим, что они во всех отношениях подкрепляют наши утверждения. Среди других примеров имеются и материалы, подтверждающие погружения континентов в океан в доисторическое время.

В своей книге «Histoire des Vierges: Les Peuples et les Continents Disparus» [376] он говорит: «Одна из наиболее древних легенд Индии, сохранившаяся в устной и письменной форме в храмах, повествует, что много сотен тысяч лет тому назад в Тихом океане существовал громадный континент, который был разрушен геологической катастрофой и остатками которого можно считать Мадагаскар, Цейлон, Суматру, Яву, Борнео и главные острова Полинезии.

«По этой гипотезе, высокие плато Индустана и Азии в ту далекую эпоху были представлены только большими островами, относящимися к центральному континенту... Согласно брахманам, эта страна обладала высокой цивилизацией, и полуостров Индустан, увеличившийся в связи с перемещением вод во время катаклизма, служил продолжателем и носителем первичных традиций, родившихся на том месте. Эти традиции дают название „Рутас“ народам, которые населяли этот громадный равноденственный континент, и из речи *произошел санскритский язык*. (Мы еще будем говорить об этом языке во втором томе.)

Индо-эллинская традиция, сохраненная наиболее развитым населением, которое эмигрировало с долин Индии, равно повествует о существовании континента и народа, которым она дает названия Атлантис и Атлантиды, и помещает в Атлантическом океане, в северной части тропиков».

«Кроме того факта, что предположение существования древнего континента в тех широтах, континента, остатки которого представляют Азорские, Канарские острова и мыс Кейп Верд, – не лишены географической возможности, греки, которые, кроме того, никогда не осмеливались пуститься в море дальше Геркулесовых столбов, вследствие своего страха перед таинственным океаном, появились в древности слишком поздно, чтобы повествования, сохраненные Платоном, могли быть чем-либо иным, как отголоском индийских легенд. Кроме того, когда мы бросаем взгляд на планисферу, то при виде островов и островков, рассеянных от Малайского архипелага до Полинезии, от проливов Зунда до острова Пасхи, становится понятным, что, придерживаясь гипотезы о континентах, предшествовавших нашим, невозможно не поместить там самого значительного из них.

Религиозное поверье, распространенное в Малакке и в Полинезии, то есть на двух противоположных концах Океании, подтверждает, что «все эти острова когда-то образовали две громадные страны, населенные желтым и черным народами, которые всегда вели войну друг с другом; что боги, уставшие от их вечных раздоров, поручили Океану утихомирить их, и последний поглотил оба континента, и с тех пор ничто не могло заставить Океан возвратить своих пленников. Только горные вершины и высокие плоскогорья избегли затопления, благодаря помощи богов, которые слишком поздно осознали совершенную ими ошибку».

«Что бы ни было в этих традициях и каково бы ни было то место, где цивилизация, более древняя, чем цивилизация Рима, Греции, Египта и Индии, развивалась, несомненно, что эта

цивилизация в самом деле существовала и что для науки чрезвычайно важно обнаружить ее следы, как бы слабы и малозаметны они ни были» (стр. 13—15).

Эта последняя традиция, переведенная Луи Жаколио из санскритской рукописи, подтверждает традицию, приведенную нами из *записей тайной доктрины*. Упомянутая война между желтыми и черными людьми относится к борьбе между «сыновьями божиими» и «сыновьями великанов» или обитателями и магами Атлантиды.

Окончательный вывод Жаколио, который лично посетил все эти острова Полинезии и посвятил годы изучению их религий, языка и традиций почти всех тамошних народов, сводится к следующему:

«Что касается Полинезийского континента, который исчез во время последних геологических катаклизмов, то его существование покоится на таких доказательствах, что мы более не можем сомневаться, если хотим логически мыслить.

Три вершины этого континента, остров Сандвич, Новая Зеландия, остров Пасхи отстоят друг от друга на расстоянии от 15 до 18 сотен лиг, а промежуточные острова, Вити, Самоа, Тонга, Фаутуна, Оувеа, Маркизские, Таити, Пумаутон, Гамбия находятся далеко от крайних точек на расстоянии от 800 до 1000 лиг.

Все мореплаватели соглашались на том, что крайние и центральные группы никогда не могли сообщаться между собой вследствие своего географического расположения при недостаточности тех средств сообщения, какие у них имелись. Физически невозможно переплывать такие расстояния на пироге... без компаса, без запасов провизии на месяцы.

С другой стороны, аборигены Сандвичских островов, Вити, Новой Зеландии, центральной группы, куда входят Самоа, Таити и т. д. *никогда не знали друг друга, никогда не слыхали друг о друге до прибытия к ним европейцев. И все же каждый из этих народов утверждал, что их острова когда-то образовали часть громадной суши, которая простиралась на запад в Азиатской стороне.* И все при сопоставлении оказались говорящими на том же языке, пользующимися теми же поговорками, обладающими теми же обычаями и теми же религиозными верованиями. И все они на вопрос: «Где колыбель вашей расы?» — в качестве единственного ответа *простирали руки к заходящему солнцу*». (Там же, стр. 308).

Эти «магические зеркала», обычно черные, являются еще одним доказательством всеобщности одного и того же верования. В Индии такие зеркала готовятся в провинции Агра; они также изготавливаются в Тибете и Китае. И мы находим их в древнем Египте, откуда, по данным туземных историков, цитируемых Брасье де Бурбургом, предки киче привезли их в Мексику; перуанские солнцепоклонники также ими пользовались. Когда испанцы уже высадились, говорит летописец, король киче приказал своим священнослужителям прибегнуть к зеркалу, чтобы узнать судьбу своего царства. «И демон отразил настоящее и будущее в зеркале», – добавляет он [369, с. 184].

Пайквина и *Пайяквина* так названа вследствие того, что ее волны приносят частицы золота из Бразилии. Мы обнаружили несколько частиц в горсточке песку, которую привезли оттуда в Европу.

По мнению полковника Гула, редактора и переводчика повествований Марко Поло, это область где-то около Удиана и Кашмира [324, т. i, с. 173].

Лао-цзы – китайский философ.

[324, т. і, с. 318]. Прочтите в этой связи также опыты Крукса, описанные в vi главе настоящего труда.

Полковник Гул сделал замечание по поводу вышеупомянутого китайского мистицизма; вследствие его благородно-честного отношения к предмету мы весьма охотно приводим содержание этого замечания. «В 1871 г.», – говорит он, – «я видел на улице Бонд выставку так называемых рисунков духа, то есть рисунков, выполненных медиумом под посторонним невидимым руководством. Ряд этих необычайных произведений (ибо необычайными они были несомненно) был объявлен представляющим „Духовные цветы“ таких-то и таких-то лиц; и объяснение этим цветам, данное в каталоге выставки, по сути было в точности такое, как приводилось выше в нашем тексте. Весьма маловероятно, что художник что-либо знал об очерках Скотта, и это совпадение было весьма поразительно» [324, т. I, с. 444].

[324, т. i], Предисловие ко второму изданию, стр. viii.

«Висделон», стр. 130.

[122, кн. iv, с. 382], [324, т. i, с. 206].

Существуют набожные критики, которые не признают за миром права судить, критиковать Библию по критериям разума и логики, «как всякую другую книгу». Даже точная наука должна склониться перед этим декретом. В заключительном абзаце одной статьи, посвященной ужасным нападкам на «Хронологию» барона Бунзена, которая *не совсем согласуется* с Библией, один писатель восклицает: «Тема, которую мы избрали, завершена... Мы постарались ответить на обвинения шевалье Бунзена против Библии, как боговдохновенной книги, по ее собственным данным... Боговдохновенная книга... никогда не может содержать в выражениях своего учения или в изложении фактов какого-либо несоответствующего истине утверждения. *Если она солгала в отношении одного факта, то кто поверит ей в отношении другого?*» («Журнал священной литературы и библейского повествования», под редакцией Х. Бургесса, окт., 1859, стр. 70).

[390, с. 74], [324, т. i, с. 206].

Подобно *псилам*, или ливийским заклинателям змей, их способности передаются по наследству.

«Спиритуалист», Лондон, 10 ноября 1876 г.

Читайте любую газету за лето и осень 1876 г.

[350, v. dec. i] – *Val. Max.*, I, cap. VII.

См. [99], [100], [104] и др...

Такие духи после телесной смерти неспособны подняться выше и прикреплены к земным областям; они наслаждаются в обществе элементалов того рода, которые своим родством с пороком наиболее их привлекает. Они отождествляют себя с ними до такой степени, что очень скоро теряют из поля зрения свою собственную тождественность и становятся частью элементалов, в помощи которых они нуждаются, чтобы общаться со смертными. Но так как духи природы не бессмертны, то и человеческие элементарии, которых покинул их божественный руководитель-дух, не могут просуществовать дольше, чем может существовать эссенция тех элементов, которые входят в их астральные тела и держат их вместе.

«*Последние данные науки. Земля неподвижна*». Лекция, в которой доказывалось что наш Земной шар не вращается ни вокруг своей оси, ни вокруг Солнца; прочитана в Берлине доктором Шеффером. Седьмое издание.